Елена Бычкова,
Наталья Турчанинова

Рубин Карашэхра

Трилогия в одном томе

- Рубин Карашэхра
- Заложники света
- Лучезарный

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Рубин Карашэхра

Трилогия в одном томе

- Рубин Карашэхра
- Заложники света
- Лучезарный

КАРТА СРЕДИН
МОРЕ ЕВГРАОН
ШТОРМОВОЕ МОРЕ
Монтэгю
Чёрный замок
р. Рир
о. Эарон
ПЛАТО ПРАВИТЕЛЯ
Барс
Арес
р. Нит
МОРЕ ЭЛЬ-РИЯР
Данкар
горы Мергарэлл
ПЛАТО ЮЖНОЕ
Тес-Хэл
РАПТЫ
КАЙМАНЫ
о. Ра
ОГНЕННОЕ МОРЕ
W
E
S

ЮГО МИРА
о.Рохт
ТУМАННЫЙ ПРОЛИВ
ПЛАТО СЕВЕРНОЕ
Рудные горы
р. Великая
горы Элк
р. Северная
ЕЛЫЙ ГОРОД
БЛАГОДАТНЫЙ КРАЙ
оз. Алфин
р. Эа
ОРИЯ
ОРТ
Руайан
ЗЕМЛЯ БЕЗВОДЬЯ
КРАЙНИЙ ЗАЛИВ

Трилогия
в одном
томе

Елена Бычкова,
Наталья Турчанинова

Рубин Карашэхра

Москва, 2012

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Трилогия в одном томе

- Рубин Карашэхра •
- Заложники света •
- Лучезарный •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б95

Серия основана в 2005 году
Выпуск 93

Художник
В. Бондарь

Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.
Б95 Рубин Карашэхра: Рубин Карашэхра; Заложники света; Лучезарный/ Послесл. Т. Петрова. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.—990 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0124-6

Такие, как я, рождаются раз в тысячелетие. Поэтому неудивительно, что Хозяин сделал меня первым доверенным лицом, секретарем и нянькой в придачу. Знал бы я, чем это кончится, — сидел бы в самой глухой дыре Хаоса не высовываясь. Но, к несчастью, видеть будущее — не в числе моих достоинств. Так что все удары судьбы пришлось ощутить на собственной шкуре...

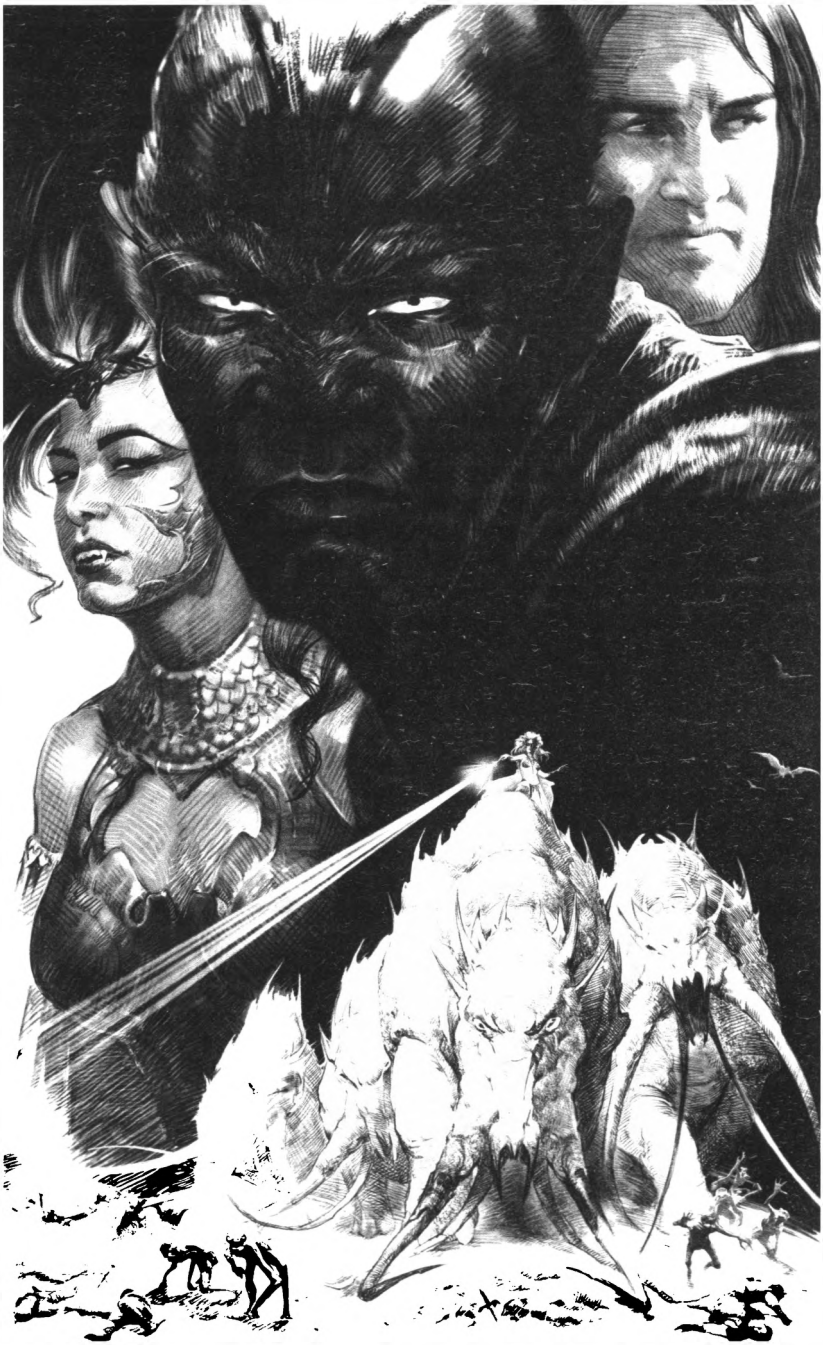
Роман «Рубин Карашэхра» получил четыре литературные премии и стал одним из фантастических открытий 2004 года.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0124-6

© Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В., 2007
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007

• Рубин
Карашэхра •



Часть I
СЕКРЕТАРЬ ДЕМОНА

Глава 1,
в которой к нам является неожиданный гость и я теряю работу

Арка у двери была добротная. Крепко сработанная. Из железного камня, обтесанного в подземных кузницах, укрепленная дополнительным магическим заклинанием затвора. Впрочем, пожалуй, заклинание-то это было и ни к чему. Хотелось бы мне посмотреть на безумца, который без разрешения сунется в спальню Высшего демона первой категории — тот разорвет на части, только шерсть клочьями разлетится. Поэтому ни один Хозяин магические свойства арки не использовал. К чему силы тратить, пусть даже и на пустяк. Нынешний правитель не был исключением.

Деликатно постучав, я приоткрыл дверь и проскользнул в зал. Буллфер оказался один, не считая мелкого беса из обслуги, и был он в своем любимом обличье. Короткая рыжая шерсть покрывала мощное тело с широченными плечами, на ногах копыта, лицо человеческое, тоже покрытое шерстью. Он сидел в кресле и смотрел, как бес бинтует его локти,— значит, собирается надеть парадные доспехи. К чему бы это?

— Привет, Булф. Не помешал?

Хозяин поманил меня рукой, указал на низкий табурет напротив.

— Садись, Гэл. Какие новости?

Я порылся в карманах и достал свой блокнот.

— Ничего особенно важного. Сэр Генри выступает против сэра Ричарда. Делят территорию.

— Пусть делят,— равнодушно отозвался Буллфер.

— Леди Виктория шлет вам признание в вечной преданности и передает...— я снова порылся в кармане,— вот, золотой перстень с эмблемой своего рода.

— Нужен мне ее перстень,— проворчал демон, но я видел, что ему приятно.— Что еще?

— А еще говорят, видели на твоей территории этого... как его... ангелочка.

— Что?! — Булф коленом отпихнул мелкого беса, и тот, испуганно пискнув, забился под высокое кресло. В гневе Хозяин был страшен.

— Ангел?! Один?! Без свиты, фанфар и без моего разрешения?! Какого дьявола ты молчал раньше?!

— Я подумал, один ангелок, из молоденьких, пусть летит. Тем более это ваш старый знакомый.

— Идиот! — рявкнул Буллфер и принялся срывать с себя подкольчужник.— Секретарь хренов!

Мелкий бес забился еще глубже под кресло, и даже мне стало не по себе.

— Куда он летит?

— На восток.

Правитель прикрыл глаза, видимо пытаясь засечь золотистый след ангельского полета на территории наших земель. Я мельком взглянул на его сосредоточенное лицо и тоже зажмурился, вспоминая карту...

Наши обширные владения начинались равниной, тянувшейся от северного Штормового моря, мимо горной цепи в центре материка. Она огибала Плато Правителя с востока и уходила в сторону Крайнего залива, который ангелы и люди называли Радостным. Что касается лично меня, никакой особой радости я там не видел — залив был постоянным напоминанием о том, как предки наши, благородные демоны, довоевались до того, что пришлось делить территорию с ангелами на паритетных началах...

Более достойными соседями были: Хозяин Южных земель, к счастью в незапамятные времена почти по всей границе отделенный от нас морем Эль-Рияр, и Хозяин Северных земель, начинавшихся за Рудными горами. Говорят, раньше все три Хозяина воевали, пытаясь оттяпать друг у друга как можно больше территории, но государственная версия гласит, что это чистое вранье. Надо быть полными идиотами, чтобы сражаться, в то время как ангелы постоянно следят за нами и только и ждут, когда можно будет напасть на того, кто послабее. В общем, сейчас никто не вспоминает о древних войнах и, конечно, ни Буллферу, ни соседним Хозяевам не придет в голову нападать друг на друга.

Только восточная граница требует нашего постоянного внимания.

Во-первых, там мы соседствуем с ангелами. То есть не с самими ангелами, а с территорией, принадлежащей им. На самом деле ни мы, ни они не живем на внешних землях, предоставляя это сомнительное удовольствие людям. Их светлости обитают в мире тонких материй, который они называют Небесной Твердыней. Мы, демоны, предпочитая тишину и темноту пещер, живем под землей.

Во-вторых, на той же восточной границе находятся смежные территории, где Буллфер потихоньку внедряет порядок разумного демонического террора. Что выражается на практике в одном несложном правиле: хочешь жить — плати налоги в казну Хозяина. Ангелы, конечно же, в ужасе — как это так?! Несчастные люди вынуждены платить дань и все время живут под страхом смерти! Тоже мне дань! Ну, заплатят немного или там пару коров отдадут. Жертвоприношения кровавые Буллфер отменил, демонам на землю без надобности шляться запретил, живи да радуйся. Что же касается смерти, так люди, они все равно

смертные, и что-то ангелы по этому поводу не возмущаются. А раньше или позже умрут — какая разница?..

До внешних земель, куда сейчас собирался Хозяин, можно было добраться двумя путями: первый — на своих двоих топать до телепорта на нижнем уровне, через все подземелье. Но это еще не значило, что им воспользуешься. Предусмотрительный Буллфер, строго следивший за тем, чтобы демоны не шатались, где попало, закрыл ворота заклинанием, и пропускали сквозь них только с его разрешения. Вторым путем могли пользоваться исключительно Высшие демоны, допущенные к транспортной магии. Для этих счастливчиков не существовало никаких проблем ни с внутренними, ни с внешними землями. Открывай свой собственный телепорт и, пожалуйста, перемещайся куда хочешь.

— Ладно, перехвачу его у границы,— сказал Хозяин, и мы одновременно открыли глаза.

Очертания его тела вдруг поплыли, заклинание телепортации повисло в воздухе.

— Сэр! Милорд! — Я бросился к нему, пока он еще не растворился до конца.— Не делайте этого! Не связывайтесь с ангелами!

— Пошел вон,— коротко ответил Буллфер.

И исчез.

Вот так всегда: «Пошел вон!» И это благодарность за верную службу. Я осторожно опустился в хозяйское кресло, на мгновение представив себе:

— Гэлинджер, что прикажешь еще? Вина? Фруктов? Принести кнут или хочешь пострелять? Кого поставить к мишени?

Мелкий бес, собирающий обрывки бинтов, противно захихикал, поглядывая на меня. Я попытался пнуть его, как это иногда делал Хозяин, но наглая зверушка ловко увернулась и показала мне язык.

Да, надо признаться, Правитель из меня пока еще не очень. Никакого авторитета.

Буллфер вернулся через несколько часов. И не один. У меня челюсть отвисла, когда я увидел его спутника. Невысокий, он едва доставал золотистой макушкой демону до плеча (хотя мой хозяин был почти в человеческом образе), светленький, даже светящийся, с волнистыми волосами, огромными голубыми глазами и белыми крыльями. А еще на нем была дурацкая белоснежная туника со складками по последней ангельской моде и золотистые сандалии на тонких ремешках. И не поймешь, мальчик это или девочка, лицо вроде бы мальчишеское, любопытное, чуть курносое, а глаза огромные, девичьи, с длинными загнутыми ресницами, да и фигура слабо напоминает добротно-грубую мужскую. Одно слово — ангелок!

Он с любопытством оглядывался по сторонам и абсолютно не возражал против того, что Булф крепко держит его за запястье. Милая парочка! Я снова почувствовал легкое раздражение, когда увидел Бул-

лфера в человеческом обличье. Не нравилось оно мне. И не только мне одному. Не по чину Хозяину разгуливать простым смертным у всех на глазах. Но, как бы он ни выглядел, я обязан ему повиноваться.

— Гэл, бочку теплой воды, чистые простыни, подогретое вино, фрукты и зажгите светильники.

Совсем с ума сошел! Притащить ангела в собственные покои!! Ну посадил бы в подземелье и беседовал в свое удовольствие, домой-то зачем приводить?! Такого презрения к вековым традициям, пожалуй, не оправдывает даже пункт третий Основного Устава! (П.3.1. Любые проявления эгоизма, своеволия и безнравственности правящего демона (Хозяина) не считаются преступлением против свободных демонов.) Однако какую репутацию он себе создает. А уж мне-то! Чего захотел! Чтоб я прислуживал ангелочку!! Я расправил было плечи, собираясь отказаться выполнять дурацкие приказы и напомнить Буллферу о пункте первом Устава (п.1.1. Демон свободен). Но вовремя вспомнил пункт второй (п.2.1. Свобода демона принадлежит Хозяину.) и бросился выполнять приказание.

Уже через несколько секунд одни бесы тащили бочку с водой, другие ворох шелковых простыней, третьи сервировали стол — парадный вариант номер четыре, на две персоны. В изящных каменных цветках светильников взметнулись язычки огня, распространяя тепло. Приятный аромат горящих фиалковых лепестков поплыл по залу.

— Будут еще приказания, хозяин? — спросил я, несколько запыхавшись, когда апартаменты Буллфера превратились в подобие ангельского гнездышка.

— Нет, это все.

А ангелочек вблизи выглядит совсем не таким сияющим: лицо утомленное, туника в грязи, ремешок на одной из сандалий порвался...

— Услуги массажиста не требуются? — Все-таки я не смог сдержать приступа естественного хамства в присутствии ангела.— А может быть, спинку потереть?

Ангелок зарделся, а Булф усмехнулся и сказал добродушно:

— Иди отсюда.

Я поклонился, свистнул бесов и удалился. Недалеко, до ближайшего зеркала, хитро вмонтированного в стену. За это можно было схлопотать от Хозяина, но любопытство оказалось сильнее меня. Я заглянул в стекло, которое тут же стало прозрачным.

Ангелок по-прежнему с улыбкой оглядывался по сторонам, Булф стоял перед ним.

— У тебя здесь... уютно,— сказал ангел.

— Нравится моя берлога? — спросил Правитель каким-то не своим голосом, слишком вежливым.

— Да.

— Ты можешь привести себя в порядок. Умыться и... все такое.

— Спасибо.

— Располагайся. Я скоро приду. И не волнуйся. Тебя никто не побеспокоит.

Ангел улыбался, глядя на него немного устало. Булф еще мгновение постоял рядом, потом протянул руку, потрогал белоснежное ангельское крыло и, стремительно развернувшись, вышел из комнаты. Я отскочил от зеркала и принял вид независимый и равнодушный. Буллфер плотно закрыл дверь и, заметив меня, подозвал кивком.

— Гэл, сегодня не сметь меня беспокоить. Если кто полезет — голову оторву.

Я закивал преданно.

— И не болтай о том, что видел. Узнаю, что распустил язык...— Он сгреб меня за шиворот, и его человеческие глаза сверкнули нечеловеческим огнем.

— Понял, шеф! — прохрипел я, полузадушенный.— Никому не слова.

— Вот и молодец.— Буллфер выпустил меня и равнодушно отвернулся, собираясь уходить, но я рискнул задержать его.

— Хозяин, один момент... вы бы это... образ поприличнее выбрали, а то уж слишком... боюсь, наши будут неадекватно реагировать.

— Ладно-ладно,— проворчал Буллфер,— сам знаю... Нервные все какие стали!

Он повернулся ко мне спиной и удалился, на ходу приобретая знакомые благородно-демонические черты.

Фу! Сразу легче стало! Хозяин, он в любом облике Хозяин, но проклятые инстинкты начинают играть, когда видишь рядом беззащитную человеческую плоть, пусть даже прикрывающую демоническую сущность.

Я постоял рядом с зеркалом, изнывая от желания заглянуть в него. Но рисковать не стоило. Булф мог быть неподалеку и устроить любую пакость в отместку за совершенно неуместное подглядывание.

Мимо пробежал бес, держа в лапах маленькую резную коробочку. Он прошмыгнул мимо, осторожно поскребся возле запертой для меня двери, спустя мгновение приоткрыл ее и шмыгнул в образовавшуюся щель. Я успел заметить ангелочка, сидящего на кушетке. Тот медленно расчесывал влажные волосы, сияющие крылья были широко распахнуты, и на них блестели капельки воды. Я разглядел даже гребешок в его руках, слишком нежных, с тонкими пальцами. Впрочем, с чего бы это им огрубеть, наверняка ничего не делает, порхает себе без забот весь день. Дверь захлопнулась, и я вовремя отошел в сторону — снова появился Буллфер, молча прошел рядом и исчез в комнате. Через некоторое время выбежал бес, уже без коробочки, и я успел поймать его за шкирку.

— Что это ты ему принес?

Бес коротко пискнул и заморгал круглыми глазами. Ладно, с этим все ясно. Будет строить из себя идиота и ничего не скажет. Я отшвырнул зверюшку в сторону и снова прильнул к зеркалу. Эти двое сидели за столом и тихо говорили о чем-то. Я не мог разобрать слова, только легкую певучесть голоса ангела и бархатный перелив Буллфера. Хм,

мягко стелет! Зачем ему все-таки этот ангелок? Тайная операция? Прихоть? Или он сам не знает, что делает?

— Та-ак,— услышал я за спиной вкрадчивое низкое контральто и обмер.— Чем это мы здесь занимаемся? Подглядываем за Хозяином?

Я стремительно повернулся, закрывая собой зеркало. Передо мной стояла Хул, во всем своем великолепии, цветом одежд и темпераментом напоминая алый рубин. Вот уж кому совсем не обязательно знать, что Хозяин возится с ангелом.

— Ну-ка, дай посмотреть! — Она попыталась оттеснить меня от зеркала, но я отчаянно замотал головой и вжался спиной в стену.

— Пусти, тебе говорят!

— Принцесса! Королева! Не могу! Хоть убейте!

— Ты что?! Ошалел?!

Она снова пихнула меня, но я изо всех сил уцепился за выступ стены.

— Дорогая! Честное слово! Шеф с меня шкуру спустит!

— Я сама с тебя шкуру спущу, если ты немедленно не прекратишь строить из себя недоумка! С кем он там? Кому говорят, убери свою задницу от зеркала!

В конце концов Хул оттеснила меня и прильнула к стеклу. На секунду. А потом отпрянула и повернулась ко мне с побледневшим, изумленным лицом.

— Ты это видел?! — произнесла демоница каким-то придушенным голосом.— Ты видел?!

— Видел,— ответил я довольно кисло.

— Ну, Буллфер, жеребец чертов! Такого я даже от тебя не ожидала!

Ее чарующе-прекрасное лицо стало меняться, принимая злобно-отвратительные черты.

— Этого я тебе не прощу, мерзавец! Притащить в дом ангела!

— Ну, может быть, у него есть какой-нибудь план касательно этого ангелочка? — предположил я осторожно, стараясь держаться подальше от выпущенных когтей.

— Скотина! — произнесла Хул выразительно (и я не понял, кому конкретно адресован комплимент — мне или Хозяину).— На райских птичек его потянуло! — (Все-таки Хозяину.) — А ты что уставился?!— напустилась она на меня.— Тебе здесь чего надо?!

Отвечать на упреки было бессмысленно. Самое лучшее, что я мог сделать, это стоять подальше с тупым выражением лица и ждать, пока она кончит беситься. В конце концов мое терпение победило. Демоница прошипела что-то очень оскорбительное про кретинов-слуг, хамов-хозяев и умчалась прочь с бешеной скоростью. Как на помеле. Я смог расслабиться, только когда дробный стук ее острых каблуков стих в конце коридора.

Пора требовать прибавку к зарплате. В отпуск никто меня, конечно, не отпустит, так пусть хоть платит больше или сам разбирается со всеми своими истеричными дамочками.

Уже без особого любопытства (Хул умела отбить всякое желание развлекаться) я посмотрел в зеркало. Ничего особенного там не происходило. Буллфер с ангелочком по-прежнему болтали как лучшие друзья. Хозяин сдвинул в сторону всю посуду и, макая палец в вино, чертил что-то на столе, ангелочек заглядывал ему через плечо. Интересно, что они замышляют? Будь Хул поумнее, не стала бы закатывать истерику, а подслушала, о чем там говорят, у нее-то слух как у летучей мыши, не то что у меня.

Разочарованный, я отошел, привалился спиной к стене, изображая что-то вроде почетного караула, и от нечего делать принялся грызть свою зубочистку.

Коридор на нижнем уровне, возле апартаментов Правителя, обычно пустовал. Здесь не шлялась веселая нечисть, не реяли под потолком духи огня, не громыхали алебардами ребята из гвардии, разве что пробежит иногда деловой бес или прокрадется у самой стеночки какой-нибудь проситель или жалобщик, потея от страха и благоговения. Скука.

С давних времен повелось, что Хозяин жил на самом нижнем (и самом безопасном) уровне. В отличие от верхних галерей стены коридоров здесь были выточены из гранита благородного черного цвета, ярко горели светильники, заправленные не маслом, а заклинанием вечной негасимости.

Не знаю, сколько прошло времени, я, кажется, задремал, но тут же очнулся, как только дверь скрипнула.

— Гэл! Да ты спишь, что ли?! — прогремел надо мной голос Хозяина.

— Никак нет! — ответил я, протирая глаза.— Так, задремал малость.

— Иди сюда!

Демон втащил меня в комнату, и я предстал перед ясными голубыми глазами его ангельской светлости. Буллфер подпихнул меня ближе к столу и снова сел в свое кресло.

— Энджи,— обратился он к ангелочку,— это Гэлинджер, один из самых верных моих слуг. Мастер перевоплощения. Может принять облик практически любого существа.

Я смущенно молчал, нечасто услышишь такое от строгого хозяина.

— Гэл, продемонстрируй что-нибудь поэффектнее.

Это пожалуйста. Что может быть приятнее — поддержать авторитет Хозяина и утереть нос заезжему ангелочку. Вы, конечно, высшие существа, но и мы тоже кое-что умеем. Я сосредоточился и под одобрительным взглядом Буллфера провел перед изумленным гостем одну из самых сложных своих комбинаций. Образы тасовались один за другим, как колода карт. Ребенок — почтенный длиннобородый старец — угрожающе выставивший клешни скорпион — девушка с распущенными волосами — бес — ехидна и, наконец, завершающим аккордом — ангел с белоснежными крыльями, чем-то напоминающий гостя. Энджи вскрикнул от изумления, а Булф рассмеялся довольно. Признаюсь, последний образ был шероховат, над ним стоило еще поработать, но зрители и так были в восторге.

— Гэл! Вы просто волшебник! Невероятно! Как вы это делаете?!

— Молодец, Гэл! Впечатляет!

Я слегка поклонился восторженному ангелочку: «Всегда пожалуйста!», поклон глубже и почтительнее Хозяину: «Счастлив, что угодил!» Когда ангелок успокоился и перестал жечь меня своими ясными глазками, Буллфер сказал:

— Гэл, у меня есть для тебя одно поручение. Ты проводишь Энджи до восточной границы в Срединных землях в образе... ну, выберешь что-нибудь поприличнее. Прекрасной девы, или там... почтенного старца. Будешь выполнять все его приказы. Я не могу сейчас отлучаться из дома, но ты... Что такое?! — Он, наконец, заметил выражение моего лица.— В чем дело?!

— Простите, Хозяин, но я не могу.

— Что?! — Буллфер поднялся и навалился кулаками на стол, нависая надо мной.— Что ты сказал?!

Я проглотил комок страха, застрявший в горле, и повторил:

— Я не могу ехать с ним.

Глаза Буллфера сузились и полыхнули красным огнем, бугры мышц прокатились под рыжей шкурой. Сейчас он балансировал на грани перевоплощения в одно из самых страшных и опасных своих обличий. Я уже чувствовал, как острые когти, скребущие по дубовой крышке стола, впиваются в меня.

— Хозяин! Я не могу! Я не могу разъезжать по стране в компании ангела!

— Ах, ты... Да я тебя!..

Белая тонкая рука опустилась на когтистую лапу, готовую сжаться в кулак и садануть меня по голове.

— Не надо, Буллфер. Не сердись. Я... я понимаю. Наверное, для вас это считается унизительным.

Я почти с благодарностью посмотрел на неожиданного защитника. Еще бы! Если кто узнает, что я бегал на посылках у ангела!.. Да лучше всю жизнь в кладовке у бесов полы мыть.

Буллфер погасил красный огонь в глазах и тяжело опустился в свое кресло.

— Ладно. Пошел вон! И чтобы я тебя больше не видел.

— Хозяин! Все что угодно сделаю, только...

Наверное, нужно было бухнуться перед ним, а еще лучше перед ангелом, на колени, но проклятая гордость не позволила. Буллфер снова вскочил, грохнул кулаком по столу и проревел:

— Вон отсюда!

Опомнился я только на верхнем этаже, с дрожащими коленями и звенящей головой, в которой кружилась одна-единственная мысль: «Вот я и в отпуске!»

Глава 2,
в которой Хул проводит предвыборную кампанию, а Буллфер доказывает, кто в доме Хозяин

Конечно, я еще легко отделался. Ну, отстранили меня от служения его могуществу, зато все части тела остались на месте и заработать кое-что удалось. А все равно обидно. Жаль бросать уютное, доходное местечко, к Хозяину привык, даже уважал его, опять-таки должность почетная, работы не много, с ребятами отношения хорошие, а что бесы хамили, так на то они и бесы, мелкая нечисть.

Я сложил свой сундучок, сел на кровать и загрустил. Но грусть моя продолжалась недолго. Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась лукавая морда Айра, видимо, только что сменившегося с дежурства.

— Привет, Гэл,— сказал он и показал мне колоду уже распечатанных карт.— Пошли?

— Спасибо, Айр. Не хочется.

Демон захлопал на меня удивленными глазами и протиснулся в дверь целиком. Бедняга не обладал способностью к перевоплощению, поэтому выглядел довольно средненько: серая шерстка, близко посаженные глазки, мощные когти на лапах и вечно довольная ухмылка. Да что с него взять — невысокий разряд.

— Ты чего? — спросил он почему-то шепотом.

— Да ничего. Просто не хочется сегодня играть.

— Тогда пойдем поедим.

Я в раздражении поморщился. О чем еще может думать демон низшего ранга: азартные игры и еда. Все.

— Не хочу я есть.

Он поморгал и выдал еще один плод умственных усилий:

— Ты что, Хозяину не угодил?

Низший состав никогда не называл Буллфера по имени из чувства глубокой почтительности, только «Сам», в крайнем случае «Хозяин».

— Я больше здесь не работаю. Теперь вольный стрелок.

На морде Айра появилось выражение глубокой задумчивости, он пытался сообразить, что значит «больше не работаю», и, похоже, это ему не удавалось.

— То есть как?

— А вот так. Собрал вещи,— я пнул ногой сундучок, стоящий на полу,— и теперь пойду, куда глаза глядят. На свете полно веселых местечек, пристроюсь где-нибудь.

Кажется, я говорил это больше для себя самого, чем для собеседника. Уж лучше сидеть где-нибудь переводчиком, чем терпеть придирки Булфа и закидоны его истеричной подружки.

— Так ты, значит, теперь не с нами? — осведомился Айр, тупо глядя в пол.

— Теперь я сам по себе.

— Ну, ладно,— он задом попятился к двери.— Пойду я, пожалуй.

— Иди,— ответил я, глядя на приятеля с неожиданной злобой. Струсил! Испугался, что Хозяин может наказать его за разговоры с «политическим преступником». Да кому ты нужен! Плевать он на тебя хотел.

Айр не успел выйти, как вдруг дверь распахнулась и на пороге оказался возбужденный демон.

— Эй, вы! Идите послушайте, Хул речь толкает! Обалдеть можно!

Я вскочил, и мы с Айром одновременно выбежали из комнаты. Он спешил из любопытства, я — по привычке присутствовать на всех несанкционированных мероприятиях.

«Предвыборная кампания» была проведена по всем правилам. Хул из шкуры лезла, чтобы доказать демонам, какой негодяй и подонок их Хозяин, как он любит разгуливать в человеческом облике, слишком часто мотается на землю, где ему совершенно нечего делать, и за последние триста лет не провел ни одной успешной военной кампании. То есть он вообще не воевал, ни с кем. Хотя давно пора припугнуть обнаглевших соседей и напомнить им о своем могуществе.

Аудитория слушала довольно прохладно. Недостатки и достоинства Хозяина были всем давно известны, о них сложили определенное количество анекдотов, и последний, который я слышал, был с очень длинной бородой. Не скажу, что Буллфера любили «в народе», у нас отсутствует это чувство, его уважали, побаивались, к нему привыкли. Демоны вообще достаточно консервативны, перемен не любят и терпеть не могут, когда их заставляют сомневаться в своем Правителе. Поэтому некоторые из присутствующих демонстративно отвернулись от Хул, пылающей алым цветом праведного гнева, и стали обсуждать с соседями мирные домашние проблемы; кое-кто, расположившись прямо на полу, принялся играть в кости, а кто-то решил подзакусить.

Молодежь слушала внимательнее, но скоро страстные речи демоницы надоели и им, послышались легкомысленные смешки, а потом чей-то нахальный голос произнес: «Как дамочку разбирает! Небось Хозяин выставил ее из своей постели, вот она и бесится!» Хул побагровела.

— Безмозглые идиоты! — завопила она. — Вы вообще не видите, что происходит у вас под носом! Стадо баранов! «Хозяин! Дорогой Хозяин!» Да ваш Хозяин сидит сейчас у себя в комнате в обнимку с ангелом!

Это был правильный ход. Собрание замолчало. Кости и бутерброды с лососиной были забыты. Сотня горящих глаз смотрела на Хул, требуя объяснений и доказательств. А она торжествовала.

— Думаете, я вру?! Спросите у него! Спросите у Гэла, кого он видел сегодня в апартаментах Правителя?

Все повернулись ко мне, и я невольно сделал шаг назад, отступая.

— Скажи им, Гэл! Расскажи, как твой дорогой Хозяин лебезил перед этим мотыльком с белыми крылышками. Как долго они разговаривали.

О чем шептались. Что, у ангелов пошла мода на плащи из шкур демонов, или для нас нашли чудную работу дворецких в приемной их светлостей?

Ну и стерва! Буллфер явно недооценил ее. Я почувствовал, что взмок под гневными пронзительными взглядами соплеменников.

— Что же ты молчишь,— продолжала подначивать неуемная Хул.— Разве не правда то, что он приказывал тебе сопровождать своего дорогого гостя до самой границы, ты отказался, и тогда он уволил тебя. Выбросил, как старую тряпку! Вы слышите, он выгнал своего верного слугу за то, что тот отказался выполнять приказ, унижающий его достоинство!

— Это правда, Гэл? — спросил меня стоящий рядом демон (благородный вороной отлив крыльев, бордовый плащ, подбитый алым мехом, широкий рубиновый пояс. Элита. Высшая знать!).— Это правда?

Что я мог ответить? Они смотрели на меня и хотели знать...

Говорил же ему, не связывайся с ангелом.

— Да... правда.

Волна дикой ярости закипела в зале. Гордая, торжествующая Хул стояла в центре с видом королевы и наслаждалась тем, что натворила. Больше ей даже ничего не нужно было делать. Наши аристократы орали один громче другого, вспоминая своих доблестных предков и незапятнанные репутации. Они не потерпят такого унижения... не позволят... что он там себе думает... стать марионеткой в руках ангела... неслыханно... Думаю, на этом все бы и закончилось. Аристократы сорвали бы голоса, стараясь переорать друг друга, выражая свое возмущение, потом незаметно переключились бы на собственные грехи и увязли в дебрях древних межродовых склок. Простое население послушало бы, похлопало глазами и, как всегда, решило, что все это их не касается, пусть начальники сами разбираются, оскорбляет их тайное присутствие ангела в спальне Хозяина или нет. И все осталось бы по-старому. Но коварная Хул тоже прекрасно понимала, чем может закончиться затеянная ею склока, поэтому, как только страсти в зале достигли пика, сказала коротко и звонко:

— Сместить его.

В другое время ее бы просто не услышали, не поняли, но теперь, когда все были на взводе, это предложение показалось единственно верным.

— Точно!.. Долой!.. Хватит, покомандовал!.. Выбираем нового Правителя!.. Хул! Хул!! Выбираем Хул!!!

— Вы что, спятили?! — послышался изумленный голос какого-то благоразумного.— Вы что, серьезно?!

Но благоразумного затерли в задние ряды и не дали больше сказать ни слова. Хул подхватили на руки и торжественно понесли по коридору на нижний уровень — занимать трон, который вообще-то еще никто не собирался освобождать. Я попытался отвязаться от безумной толпы, но меня тоже схватили и потащили за собой, то ли в качестве главного свидетеля, то ли предателя.

Чем ниже мы спускались, тем заметнее остывал боевой пыл заговорщиков. Стали вспоминаться истории о силе и ярости Буллфера, о его сверхдемонических способностях. У многих появилось неосознанное желание переместиться из первых рядов в последние, но отступать было поздно.

Под ударом десятка рук с мощными когтями дубовая дверь слетела с петель и грохнулась на пол. Ее падение слегка приглушил мягкий ковер, но все равно звук был такой, что особо нервные подпрыгнули. Буллфер, сидящий за столом, поднял голову. Великолепно невозмутимый взгляд скользнул по нашему паноптикуму. Возбужденные морды, горящие глаза, шерсть дыбом, растрепанная, раскрасневшаяся Хул, восседающая на шее плечистого бойца, уже мысленно примеряющая королевский венец, моя вытянутая физиономия и перекошенная фигура... Толпа идиотов.

На рыжем лице Буллфера появилось выражение презрительного высокомерия и легкой брезгливости.

— Вы что, не видите, я занят?! Пошли вон отсюда!

Врожденное послушание и благоговейный трепет перед Правителем заставили бунтовщиков сделать шаг назад. Но Хул снова завопила:

— Куда, трусы?! Он же один! Что он вам сделает?!

— Так! — Буллфер поднялся и вышел из-за стола.— Это становится интересным. Насколько я понимаю, у вас, господа, возникли какие-то проблемы?

— Ты — наша проблема! — крикнула Хул с высоты своего насеста.— Единственная!

Не обращая на нее внимания, Буллфер выбрал из толпы бунтовщиков демона познатней и обратился к нему:

— Ну, долго мне еще ждать?!

«Дворянин» приосанился.

— Хозяин, мы решили, что ты больше не можешь занимать свою должность.

— Хм... Интересно.— Буллфер задумчиво потер щетинистую щеку.— И кто же так решил? Ты?! — когтистая лапа указала на одного из реформаторов, и тот попятился.— Или ты?! Ну, кто?!

— Я! — взвизгнула Хул.— Слышишь, я!

— Вы решили, что я «больше не могу занимать свою должность»,— продолжал издеваться Хозяин.— Очень мило. Значит, вы созвали собрание и большинством голосов утвердили новую кандидатуру? Так?

Его обманчиво сладкий голос заставил демонов кивнуть, но они тут же затряслись с ног до головы от оглушительного рыка.

— Идиоты! Безмозглые кретины!! Самый последний мой бес соображает лучше, чем все вы, вместе взятые! Хотите власти, так попробуйте достать ее.

Ударом копыта он подрубил колени амбала, держащего на плечах Хул, и наша красотка грохнулась на пол. Буллфер схватил ее и зашипел прямо в растерянное, испуганное лицо.

— Что, девочка, хочешь занять мое место?! Похвально, я всегда поощрял карьерный рост. Тебе пойдет корона, вот только придется ее заработать. Забыла, что для этого надо сделать?.. Гэл, как у нас осуществляется передача власти?

— Поединок,— ответил я с готовностью.— Любой претендент на престол может вызвать Правителя на поединок. Его исход решит, кто останется у власти. Прежний Хозяин или новый.

— Слышала? Поединок. Я готов принять твой вызов. Прямо сейчас!

Он отшвырнул от себя Хул, потерявшую весь боевой задор, и обвел присутствующих тяжелым горящим взглядом.

— Это относится ко всем. Ну, кто готов сразиться со своим Хозяином?!

По его телу пробежала короткая дрожь, рыжая мягкая шерсть превратилась в жесткие, непробиваемые хитиновые пластины, когти на руках стали огромными кинжалами, довольно-таки симпатичное лицо вытянулось в жуткую морду с огненными красными глазами, за спиной взметнулись черные крылья. Знакомьтесь, господа: самый редко используемый и мерзкий образ, неуязвимая тварь, боевая машина, сожрет и кости не выплюнет.

— Кто?! — проревел он, обводя взглядом посеревших демонов.

Ответом был оглушительный топот, бунтовщиков как ветром сдуло. Одна помертвевшая Хул стояла, прижимаясь спиной к стене. Крылатый монстр повернулся к ней.

— Так что, все еще хочешь власти?

Демоница отрицательно помотала головой и закусила губы.

— Буллфер, прости меня... Я была такой дурой.

— Вот именно.

Броня, крылья и кинжалы когтей исчезли, Булф снова стал прежним, с легкостью поменяв один «костюм» на другой. Хул бросилась к нему, схватила руку Хозяина, прижалась к ней щекой.

— Прости меня, прости! Я просто... просто приревновала тебя к этому ангелочку. Знаю, это глупо, но я чуть с ума не сошла, когда узнала, что ты и он...

Буллфер усмехнулся, потрепал ее по склоненной голове, и черт меня побери, если я не увидел в его глазах довольного блеска.

— Ладно-ладно, я понял. В следующий раз, когда вздумаешь приревновать меня еще к кому-нибудь, не морочь голову моим демонам и не подбивай их на восстание.

— Никогда! — воскликнула она пылко.— Клянусь!

— Вот и славно. А теперь иди, не мешай.

Хул вскочила, прижалась губами к его руке, вздохнула томно и вышла, покачивая крутыми бедрами. Буллфер рассмеялся, не заметив убийственного ненавидящего взгляда, который та бросила на него, уже закрывая дверь.

— Ну и что ты скажешь на это?

Я промолчал, внимательно рассматривая свои ногти.

— Какова дамочка! Ни на секунду нельзя оставлять ее одну.

Я опять ничего не ответил, и Хозяин заметил, наконец, мое неестественное молчание.

— Ты что, язык проглотил?

— А я теперь гражданин свободный, хочу — говорю, хочу — нет.

— Ах да! — Буллфер недовольно поморщился, вспоминая утреннюю сцену.— Ладно, забыли. Рассердил ты меня, конечно... из-за ангела.

— А он улетел?

— Куда он улетит? Я не могу сейчас оставить этот курятник, ты отказался его сопровождать, а кроме нас двоих я никому больше не доверяю.

— Так, значит, он здесь?! И все это время был здесь?! Да если бы они его увидели... Булф, ты представляешь...

Здесь следует уточнить, что с некоторых пор (а если быть точным, с последней войны между нами и людьми, в которой не последнее участие приняли вечно лезущие не в свое дело ангелы) Высшие демоны могли впасть в неистовство, обнаружив одного из этих хитрых проныр на своей, личной, земле! И тогда за жизнь Энджи я бы не поручился. Территории срединного мира мы поделили, к ним, в Небесную Твердыню, не лезли, вот пусть и они к нам не шастают!

— Хватит причитать,— усмехнулся Буллфер.— Не увидели же.

— Ты не можешь оставить его здесь!

— Не могу! — Хозяин стукнул кулаком по столу.— Но куда я его дену?! Теперь мерзавка Хул из кожи вылезет, чтобы заполучить его...

— Значит, ты тоже заметил, как она на тебя посмотрела, когда уходила.

— Почувствовал...

— И что ты собираешься делать?

— Ничего.— Буллфер сел за стол и запустил пальцы в жесткую шерсть на своей голове.— Мне некогда возиться с этой нимфоманкой.

— А что, какие-то проблемы?

— Проблемы... Помнишь ту длительную тяжбу по поводу смежных территорий на востоке?

— Не очень хорошо.

— Так вот...— Буллфер кивнул на кресло, и я опустился на самый его краешек.— Давным-давно жил в Срединных землях некто по имени Вильгельм Завоеватель. Человек, или полудемон. Нрава он был крутого, характера подлого и несговорчивого. Обитал в своем родовом имении, которое в один прекрасный день показалось ему недостаточно большим. Тогда он собрал армию таких же «обиженных» и двинул с нею по всему побережью, отхватил громадный кусок территории, поделил его между своими соратниками. Но не успел попользоваться завоеванным, потому что скоропостижно умер.

Пока ангелы приходили в себя от такого выброса человеческой жестокости, демоны забрали большую часть владений, включая интересующие нас. Когда же ангелы опомнились, то увидели, что территория

заново переделена, и явно не в их пользу. Это, конечно, им не понравилось, и они предъявили нам свои претензии на основании того, что какой-то дальний предок Вильгельма был демонического происхождения, следовательно, его военную кампанию можно рассматривать не как исторически оправданный всплеск человеческого насилия, а как целенаправленное выступление демонов против человеческого и ангельского сообщества. Нормально, да?! — Буллфер саркастически рассмеялся и продолжил: — Короче, часть земли нам пришлось вернуть. Но только часть, потому что в конце концов Правитель, тянувший на себе всю эту разборку, взбесился, объявил спорные территории своим неприкосновенным владением и пообещал, что будет вышвыривать оттуда всех, кто сунется. Ангелы тоже поставили какие-то свои условия, но не стали связываться с осатаневшим Хозяином, поскольку в новой войне опять могли погибнуть люди. В общем, территории эти стали считать спорными, теоретически принадлежащими ангелам, а практически — демонам. И вот теперь меня опять достают этим несчастным куском земли,— Буллфер помахал в воздухе белым листочком с золотым вензелем.— Требуют вернуть их законным владельцам — людям, в скобках читай — ангелам.

— Понятно,— сказал я.— И что ты собираешься делать?

— Ничего.— Он пожал рыжими плечами и бросил листок к остальным бумагам.— Никаких земель они, естественно, не получат. Пусть будут довольны тем, что мы никого не трогаем.

— Булф, а этот ангелочек не шпион?

— Нет,— демон с усмешкой покачал головой.— Этот ангелочек... как бы помягче выразиться, маленькая заблудшая овечка в большом белоснежном ангельском стаде.

— Это как?

— Вот так. Сомневается, задает вопросы, спорит со старшими, лезет туда, куда ему по молодости лет лезть не положено, общается с демонами, со мной то есть.

— А что он делал на наших внешних землях?

— Он заблудился,— улыбаясь, ответил Булф.— Хотел найти какие-то документы в имперской библиотеке Данкара, полетел туда, но на обратной дороге заплутал...

— И ты ему веришь?

Буллферу не понравилось глубокое сомнение, прозвучавшее в моем голосе, он хмуро посмотрел на меня и сказал:

— Ангелы не умеют лгать.

«И это тебе в нем нравится больше всего»,— подумал я про себя, а вслух спросил:

— Скажи, он действительно тебе так нужен? Ты возишься с ним, словно с дорогим гостем, так рискуешь из-за него... Зачем?

— Зачем?..— Булф помолчал, как будто впервые сам задумался над этим вопросом, и продолжил, глядя куда-то мимо меня: — Он неопытный, наивный, очень любопытный, ему безумно интересно все непохожее на

их ангельский мир. Ему нравится общаться со мной, потому что я рассказываю ему то, чего он никогда не услышит от своих наставников. Ему хочется приключений, романтики, а что может быть романтичнее общения с демонами. Ему так легко заморочить голову. Совсем неплохо быть другом ангела... Неплохо, когда ангел считает тебя своим другом. И по дружбе может выболтать что-нибудь очень важное.

— Значит, ты хочешь, чтобы он шпионил для тебя?!

— Ну, это сильно сказано. Я просто знаю, что когда-нибудь он мне очень пригодится... Кстати, сходи посмотри, как он там. Если нашему гостю что-нибудь понадобится, принеси и, будь добр, воздержись от своего ехидства, он не понимает наших шуточек.

— Так что, я снова работаю на вас?

— Да,— произнес Буллфер рассеянно, думая о чем-то своем.— Работаешь.

— Понял... Хозяин.

Первое, что я сделал, — велел бесам замуровать зеркало в коридоре, чтобы больше никому неповадно было подглядывать. И, полный чувства собственной значимости и нужности, вошел в комнату.

Ангелок спал. Свернулся клубочком на кушетке, положив под голову одно мягкое крылышко, закрывшись другим. Я стянул с кровати теплую шкуру и осторожно укрыл ребенка. Он зашевелился, просыпаясь, потянулся, открыл сонные голубые глазки.

— Гэл?! А где Буллфер? Я... кажется, уснул...

Очаровательная нелогичность.

— Добрый день, ваша светлость. Хозяин сейчас занят и просил меня узнать, не нужно ли вам чего.

— Нет, ничего не нужно, спасибо. Вот только, если можно, воды.

— Одну секунду. — Я щелкнул пальцами, в комнату вбежал бес, выслушал мои распоряжения и убежал, чтобы вернуться через несколько секунд с подносом, на котором стоял хрустальный кувшин и бокал.

— Спасибо,— серьезно сказал ангел бесу. Тот поморгал черными глазками и оскалил острую мордочку, что должно было, видимо, означать улыбку.— Гэл,— ангелочек приподнялся, чтобы быть ближе к моему уху, и зашептал: — Я давно хотел спросить, кто это?

— В смысле кто? Этот? — я кивнул на беса.

— Да.

— А! Это один из личных слуг Хозяина. Исполнительный, послушный, верный, абсолютно неподкупный, сообразительный и выполняет практически любую работу.

— Симпатичный,— сказал ангелок.— А можно его... погладить?

— Не советовал бы... кусается. И очень больно.

Бес довольно почесался и распушил короткую шерстку.

— А много их у вас?

— Понятию не имею. Не считал. Но, если хотите, могу позвать всех.

— Нет-нет! Не надо. Я просто так спросил.

— Они вам что, понравились? Хотите, подарю одного?

Ангелок с сожалением покачал головой, рассматривая раздувающегося от гордости беса.

— Нет, ему у нас, наверное, будет плохо.

— Ничего, привыкнет, только наверняка передерется с вашими слугами.

— У нас нет слуг,— ответил ангелок и почему-то покраснел.

— Совсем нет?

— Совсем.

— Что же вы, сами все делаете?

— Да. В основном с помощью магии.

Я отпустил беса и присел рядом с ангелом на кушетку.

— Зачем же тратить энергию на всякую ерунду?

Ангелок пожал плечами и плотнее завернулся в шкуру.

— Мы привыкли.

— По-моему, это глупо. Видимо, у вас там дармовые источники силы. Черпай — не хочу!

— Нет. Просто мы считаем, что унизительно заставлять другое существо работать на себя.

Я усмехнулся:

— Буллфер сказал бы по этому поводу: «Вот так! Станешь умирать, и воды подать будет некому».

Ангелок тоже заулыбался, и глаза его вдруг зажглись ярким любопытством.

— Гэл, а Буллфер, он кто?

— Хозяин. Правитель этой земли. Полный титул у меня где-то записан, никак не могу запомнить его целиком... У вас ведь тоже есть какой-нибудь начальник?

— Нет, у нас Совет старейшин, самых мудрых, опытных...

— Стало быть, олигархия.

Ангелок рассмеялся и притянул колени к груди.

— Да нет, нам никто не приказывает, мы вместе находим правильное решение, от которого не пострадает никто.

— Вот морока!

Я расхохотался, представив, как бесы собираются кружком и обсуждают, верный приказ им дали или нет, а у демонов вообще голова кругом пойдет от этой самодеятельности. Хорошо, что я не ангел.

— Ну, а образы вы хоть менять умеете?

Наверное, в моем голосе прозвучало слишком много презрения ко всему ангельскому, потому что ангелок рассмеялся, и на щеках его снова расцвел румянец.

— Умеем.

— И в кого ты превращаешься?

— В человека.

Глава 3,
в которой я узнаю кое-что новое, Буллфера вызывают на поединок, а наш гость проявляет свои ангельские способности

Лучше бы и не спрашивал! В человека он превращается! Пусть меня теперь хоть кто-нибудь попробует убедить, что ангелы — прекрасные, могущественные существа! И правильно тот самый Хозяин, о котором рассказывал шеф, оттяпал у них кусок земли. С такой дурацкой системой управления и порядками они не заслуживают даже того, что у них есть. Впрочем, пусть об этом голова болит у Буллфера.

В последние дни он совершенно закопался у себя в кабинете и выходил оттуда только для того, чтобы поесть или поболтать с ангелочком. Хул пропала, я не видел ее уже несколько недель, и это меня несколько настораживало. Зато ангелок совершенно у нас прижился. Не знаю, что там ему наболтал Булф, но Энджи как будто совсем не рвался домой. В мои обязанности теперь входило снабжать его водой для умывания (по полной бочке каждый вечер!), фруктами и сладким вином.

Ангелочек часами валялся на кушетке и одну за другой читал книги, которые я таскал ему из библиотеки. Кроме того, он извел уже целый мешок сахара, подкармливая бесов, и эти наглые твари едва ли не дрались друг с другом за право прислуживать ему, а потом и вообще установили очередь, расписав «дежурство» возле покоев Буллфера на много дней вперед. Когда я пожаловался Хозяину на этот произвол, тот только махнул рукой: «Пусть делает, что хочет, лишь бы не скучал!»

Конечно! Ему-то что! Не у него же под ногами целый день крутятся мелкие нахалы, набив полные защечные мешки сахару и строя ангелу несчастно-просительные рожи. А он, естественно, умиляется и постоянно подкармливает этих «милых пушистых зверьков». За такую щедрость бесы позволяли себя гладить, тормошить и даже трепать за уши. В общем, ангелок был в восторге, бесы обжирались хозяйским сахаром, играли на него в кости и обменивали на всякую всячину. Хозяин радовался, что его драгоценный гость не скучает. И только у меня сердце кровью обливалось от дурацкой ангельской расточительности.

Терпение мое лопнуло, когда в ответ на довольно резкое замечание один из этих охамевших маленьких паразитов бросил в меня огрызком сахара. Я взбесился, оттаскал негодяя за уши и помчался в апартаменты Буллфера.

Ангелок устроился в кресле, поджав под себя босые ноги, и читал. На полу перед ним сидели два беса. Один завладел сандалиями Энджи и протирал их мягкой тряпочкой, другой пыхтел от зависти и строил злые рожи своему более удачливому сопернику. Трое других сидели под столом, о чем-то подозрительно перешептываясь. Судя по доносившемуся из-под скатерти хихиканью — травили байки. Шестой бес не придумал ничего лучшего, как забраться на подлокотник кресла и

держать светильник над страницами книги, которую читал ангелок. Дивная картина. Прямо семейная идиллия.

Бес наконец довел обувь гостя до немыслимого блеска и неосторожно выпустил их из лап. Его конкурент, не будь дурак, мгновенно бросился на оставленную без присмотра добычу, схватил одну из сандалий и с радостным визгом бросился удирать. Обкраденный бедолага-труженик завопил от обиды и помчался за наглым вором. Тут же из-под стола вылетела компания, соображавшая на троих, и поскакала за ними следом. Вся эта визжащая братия принялась носиться по комнате с обладателем ворованной сандалии во главе. Бес, светивший ангелочку, взобрался на спинку кресла и, прыгая там от радостного возбуждения, подбадривал собратьев звонкими воплями. Энджи, смеясь, смотрел на это безобразие и пытался утихомирить взбесившихся шалопаев.

— Тише. Тише, пожалуйста.

Как же, тише! Послушают они тебя.

— А ну заткнулись все!! — заорал я так, что у самого зазвенело в ушах.

Бесы замерли, хлопая вытаращенными глазами, ангелок вздрогнул и уронил книгу на пол. Я помолчал для усиления эффекта и сказал спокойно:

— А теперь пошли вон.

Бесы испарились, беззвучно закрыв дверь. Ангел, посмеиваясь, поднял растерзанные сандалии.

— Вы строгий начальник, Гэл. У меня бы так не получилось.

— Стараюсь,— ответил я не без удовольствия.— Теперь понимаю, почему у вас нет слуг. Они бы сели вам на голову.

Энджи мило улыбнулся и произнес с сожалением:

— Они такие забавные.

Хотел я сказать ему, какие они забавные, как вдруг услышал короткий резкий свист. Энджи встрепенулся и вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

— Извините, ваша светлость, служба. Хозяин вызывает.

Он улыбнулся, снова забираясь в кресло, а я помчался к Буллферу. Интересно, что ему опять понадобилось? После того как он притащил в дом ангела, от Хозяина можно ожидать чего угодно — от приказа штурмовать Небесную Твердыню до повеления устроить нашему сиятельному гостю экскурсию по всем секретным убежищам нашего обиталища. И совсем не обязательно было свистеть, мог бы и сам прийти.

Я заглянул в кабинет и тихонько покашлял, обращая на себя хозяйское внимание. Буллфер поднял голову.

— Ну, наконец-то. Где тебя носит?! Опять в казарме в карты резался?

— Никак нет, Хозяин.

Я вошел, плотно закрыл за собой дверь, приблизился к столу и только после этого сказал тихо:

— Разговаривал с гостем.

Буллфер фыркнул на мою конспирацию и проворчал:

— Раньше надо было осторожничать. А не распускать язык перед демонами.

Я засопел, вспоминая свои прегрешения, и ждал очередного внушения, но Булф, похоже, уже внес черным карандашом в мое личное дело все нужные отметки и забыл об этом. Он собрал книги, лежащие на столе (здоровая получилась стопка), и вручил их мне.

— Отнеси в библиотеку. И, будь добр, не суй как попало. Если опять увижу, что книги перепутаны, заставлю одного все стеллажи перебирать.

— Понял,— пропыхтел я из-под неподъемной груды и потащился в библиотечный зал.

Мог бы и сам отнести. Прогулялся бы заодно, проветрился, а то скоро совсем ошалеет от чрезмерных занятий. Или у них с ангелочком соревнование, кто больше прочитать успеет? А мне носись туда-обратно, хорошо хоть, Хозяин перенес свой кабинет поближе к библиотеке, первое время приходилось таскаться через два этажа по подвесному мосту. Та еще была прогулочка!

Я наконец добрался до библиотеки и свалил книги на первый попавшийся стол. Вообще, это место всегда действовало на меня несколько угнетающе. В огромном зале, потолок которого терялся где-то высоко, в темноте над головой, все время клубились неясные тени, что-то вспыхивало и переливалось (то ли из-за побочных выбросов магической энергии, которой были переполнены здешние книги, то ли из-за неполадок в освещении). Тысячи и тысячи фолиантов в кожаных переплетах, с золотыми или серебряными застежками, стояли бесконечными рядами на каменных полках. В отполированном до блеска гранитном полу отражалось пламя светильников.

Здесь был какой-то особенно сухой воздух, и ровно через полчаса пребывания среди всей этой премудрости у меня начинало першить в горле и разбирал жуткий кашель.

Обычно между стеллажами с книгами бродили угрюмые адепты черной магии в поисках новых разрушительных заклинаний или забытых знаний, недоступных простым демонам. Я тоже первое время (потрясенный мощью Буллфера) решил заняться чем-нибудь подобным, чтобы увеличить свой магический потенциал, но после недели занятий у меня началась нервная чесотка от обилия материала и зубрежки, и проявилась аллергия на книжную пыль. Короче, колдовство пришлось забросить, да еще целый месяц проводить интенсивную оздоровительную терапию на верхних этажах, играя в карты с ребятами из гвардии. И, должен сказать, азартные игры полностью меня излечили, аллергии как не бывало. А потом, когда я окончательно убедился в том, что умение мгновенно перемещаться, читать мысли и летать дается только Высшим демонам, нервы мои тоже пришли в норму.

Ну ладно, что у нас здесь? Я принялся разбирать стопку книг, читая вслух незнакомые названия. «Герметическая философия». Это направо,

ангелочек тоже все из этого шкафа читает. «Христианские апокрифы» — туда же. «Тарот» — про карты, что ли? А нет, внизу еще приписано: «Бог письмен Тот. Священная Книга». Значит, на «Т». Так, где у нас этот самый «Тот» стоит? Вроде налево. А это что за тарабарщина, какие-то завитушки, закорючки. Нет, такого я не понимаю, это пусть Хозяин сам... отложим в сторону. Еще один бред с закорючками, туда же. Э! Да тут все остальное такое же. Ну и прекрасно! Значит, всего мы имеем две философии и одного «Того», а с остальными пусть он сам разбирается. Я быстренько рассовал книги по полкам и присел в кресло отдохнуть.

А интересно все-таки, что Буллфер задумал? Ангелочка притащил, книги странные читает, думать стал о чем-то. Как бы разузнать, что у него на уме?

Очень легко оправдать собственное любопытство государственной необходимостью и беспокойством о сохранении общественного порядка. Конечно, никто не подозревает Буллфера в замыслах против нашего государства, но кто знает, что творится у него в голове, начитался философии, вот крыша и поехала. Много ли ему надо!

Так я размышлял и успокаивал себя, подбирая код к личному пространству Хозяина — «шкатулке с секретом», в которой тот хранил всевозможные заклинания, краткие характеристики наиболее редких образов, планы, особо ценные контракты и свой дневник. Место нематериальное, в реальности не существующее, замкнутое само на себе и всегда находящееся на расстоянии вытянутой руки. Привилегия любого Правителя и демона Высшей категории.

Аккуратно, один за другим, я снимал покровы реальности, проникая в запретную для меня плоскость пространства. Если Буллфер узнает, что я лазил в его «сейф», он меня точно убьет. Это уже не подсматривание в замочную скважину и даже не отказ выполнять приказания. Кое-что пострашнее... Ну, вот и все. Последнее прикосновение — и перед моими закрытыми глазами развернулись слабо отсвечивающие красным широкие лепестки. Это было даже красиво. Взметнулись алые языки пламени, затанцевали, вытянулись и сплелись в легкую, высокую арку, висящую в полной темноте. Есть все-таки воображение у Хозяина.

Я «шагнул» под арку и оказался в... нет, не могу описать, никаких узнаваемых, материальных предметов здесь не было. Пожалуй, больше всего это место напоминало заполненный туманом или легким газом огромный зал с высоченными сводчатыми потолками, хотя и в этом я был не уверен. Понятия не имею, как Буллфер «вытаскивал» отсюда необходимые заклинания, но где хранился его дневник и как он выглядел, я знал точно. Удалось подсмотреть однажды. Туман передо мной уплотнился, на нем стали медленно проступать огненные, отрывочные записи. И я прочитал:

«...Сегодня снова наткнулся на упоминание о Бесценной Награде. Та же самая книга, но другой перевод. Практические указания. Демон в магическом круге и т.д...

...Пересмотрел две сотни книг. Ничего нового. Определения по-прежнему нет...

...Нет...

...Не нашел...

Вот оно!! «Путь приведет тебя к СОВЕРШЕНСТВУ... Бесценная Награда ждет».

Конечно же! Как я мог сомневаться. Сила, могущество! Абсолютное могущество... Какие еще могут быть определения у Совершенства?! — Абсолютная власть, сверхъестественные способности...

...Глупо было приводить Энджи сюда, но у меня нет другого выхода. Заклинание заработает только в присутствии ангела. Слишком тонкие материи затрагиваются, я не могу даже прикоснуться к этим тончайшим нитям — искажаются, рвутся, путаются... Он сам должен «провести» меня...

...Сегодня Хул устроила бунт. Успешно подавил. Какими глупостями приходится заниматься! Энджи рассчитал... пик силы приходится на пятнадцатое. Время еще есть.

Он искренне хочет мне помочь. Видит, что я злюсь, и даже пытается успокаивать меня. Зачем он это делает? Почему не рвется домой? Неужели не чувствует опасности? Или это и есть то самое ангельское доверие? Безрассудное, беспомощное, бессмысленное чувство!

...Теперь понимаю, зачем нужно было завоевать его полное доверие, только наивный ангелок мог бы участвовать в этом ритуале. Надо быть дураком, чтобы не понимать, чего я добиваюсь. Сила, могущество, бесконечная власть — та самая Бесценная Награда, к которой я рвусь.

Почему это чертово заклинание не работает?! Почему ничего не происходит! Может быть, я что-то упустил? Ошибка в расчетах? Но он сам составлял для меня пентаграмму! Мы все сделали как надо, я уверен. Значит, надо ждать? Опять ждать?!»

Я «захлопнул» дневник, выбрался из замкнутого пространства и в некотором обалдении уставился в пол. Вот, значит, как — мирового господства он хочет?! Превращения в какое-то невероятное существо— всесильное и непобедимое. И ангелок был для него проводником в мир

тонких материй. А мне-то сочинил, что Энджи, «может быть», «когда-нибудь» сможет ему в «чем-нибудь» помочь. Вранье! Подумаешь, мировое господство! Видали мы таких охотников чужими руками жар загребать. И этот бред он держит от меня в тайне? Сказал бы честно — так и так, Гэл, собираюсь получить неслыханную силу в обмен на расположение ангелочка, так что будь с ним поласковее. А мне что, всегда пожалуйста! Я бы тому устроил тысячу и одно развлечение... Только, по-моему, все это выдумки с бесценной наградой. Что-то я не слышал, чтобы кто-то приобрел хоть сколько-нибудь стоящие способности с помощью ангела. Одни неприятности. Доверие — это, конечно, хорошо. А дружба, может быть, и еще лучше, но меня лично не удивляет, что никаких перемен с Буллфером не наблюдается. Когда там у него намечен всплеск силы? Пятнадцатого? Ну-ну, посмотрим.

А пока буду помалкивать. Хотя есть у Хозяина отвратительная способность — читать чужие мысли. Нет, он, конечно, не занимается этим постоянно. Довольно скучное занятие — изучать мысли демонов. Да и о чем те могут думать, кроме еды, сна и развлечений. Иногда, конечно, к ним приходят неплохие идеи, ну, там, украсть что-нибудь или на землю втихаря смотаться. Только те, кто похитрее, эти негосударственные мысли умеют скрывать. Вот так, как я. Начнешь, к примеру, представлять, как хозяйский архив разбираешь, или приблизительный процент с налогов высчитывать, у Буллфера сразу же на физиономии появляется выражение глубочайшей скуки, и он «отключается». Нет, Хозяин мне вообще-то доверяет. Знает, что лучше меня никто о нашем благосостоянии не позаботится... Ладно, пойду, что ли, действительно чем-нибудь полезным займусь, не все же с ангелочком болтать.

Я вернулся к Буллферу, доложил, что приказ выполнен, не получил никаких новых указаний и пошел в свой рабочий кабинет, который находился рядом с хозяйским. Конечно, здесь у меня было не так роскошно, как у Булфа. Никаких золотых подсвечников и малахитовых чернильных приборов. Стол с двумя рядами ящиков, кресло, шкаф, в котором я хранил документацию. Ничто не отвлекает и не мешает работать. Единственное, чем я оживил свой кабинет, было чучело маленькой саламандры на серебряной подставочке под стеклянным колпаком. Разумеется, никакая это была не саламандра — обычная игуана, раскрашенная золотистой краской, с несколькими крохотными рубинами на кожистом капюшоне, но меня не волновало, что это подделка. Зверушка мне нравилась.

Первым делом я тряпочкой смахнул пыль с колпака, вытащил из ящика точилку, заточил карандаш и стал разбирать почту. В моем кабинете стояла крошечная односторонняя кабинка-телепорт, через которую поступала корреспонденция от курьеров с земли и со всех концов нашего подземелья. Сегодня почтовый ящик был забит до самого верха. Я вытряхнул его содержимое на стол и принялся сортировать документы. В этом деле у меня была выработана четкая система. Бумаги, касающиеся земных дел, я подшивал в коричневую папку. Обычно их было немного

— в основном отчеты о сборе налогов и краткие доклады демонов, отвечающих за порядок на отдельных Срединных территориях. В «земном» отделе служили самые опытные, адаптированные к неожиданным встречам с людьми кадры. Они не будут нападать на беззащитного человека только потому, что тот неожиданно попался им под ноги, и охотиться на домашний скот им в голову тоже не придет. Да и документы всегда заполняют правильно, смотреть приятно.

Я отложил в сторону коричневую папочку и со вздохом взялся за корреспонденцию внутреннюю. Для нее полагались четыре папки разных цветов: дела, требующие срочного разбирательства Хозяина,— белая; не требующие срочного разбирательства — серая; дела, которые можно отложить на неопределенное время, складывались в зеленую; всякая ерунда, не требующая вообще никакого внимания, отправлялась под стол в мусорную корзину; а хорошие новости и всякие приятные известия я подшивал в черную папку с огненно-красными завязками. Буллфер недовольно ворчал, когда я выкладывал перед ним разноцветные плоды своих трудов, считая мою тонко продуманную систему ведения документации лишней тратой времени, но, по-моему, только для вида, на самом деле ему нравился мой творческий подход к работе и аккуратность.

Ничего особо интересного среди докладов обычно не было. Рутина, но иногда попадались важные новости. Вот, например: на третьем уровне рухнул-таки старый мост, и теперь в каменоломни приходится ходить в обход. Да, это серьезно. Этим надо срочно заняться. Или вот: демоны с четвертого уровня почтительно доводят до сведения Хозяина, что некий Зигфрид, смотритель этого самого уровня, ведет себя вызывающе, за порядком не следит и премиальных, обещанных Правителем к празднику Великого объединения, не выдает. В ответ на справедливые вопросы, куда делись денежки, хамит, а сам завел новый красный плащ и позолотил себе когти. Так что достопочтенного Хозяина просят разобраться и приструнить негодяя. Только другого смотрителя присылать не надо. Пусть этот останется, к нему давно привыкли, а новый придет, и неизвестно, чего от него ждать...

Я усмехнулся и вложил прошение в белую папку. Знаю я этого Зигфрида. Он мне в прошлом месяце свою золотую цепь проиграл. Дурак коротколапый, не умеешь играть, не лезь в серьезную компанию. Понятно, что Хозяин всыплет ему по первое число за казнокрадство, рога-то золотые пообломает. Или что там себе этот несчастный позолотил?

Следующей в стопке была целая поэма на пяти листах, состоящая из нескольких частей: вводной — краткий экскурс в историю Срединных земель; затем — плавный переход к временам настоящим; и, наконец, основная часть, представляющая детальный план усовершенствования системы подземных коммуникаций с подробными схемами и чертежами. Так, все понятно. Это мы Буллферу в отдельную папочку положим, пусть перед сном читает. Развелось изобретателей, каждый что-нибудь по-своему переделать норовит.

А что пишут наши ученые? Ага... подъем уровня грунтовых вод, вероятность затопления западной части подземелий десять целых шестьдесят пять сотых процента. Ну, это они и в прошлом году писали. Ничего, переживем как-нибудь, авось не утонем. Вулканическая активность в северных горах. Там всегда активность, на то и курорт. Надо будет туда с проверкой съездить, может, удастся хоть денек отдохнуть...

Ну вот, вроде все. На сегодня больше никакой документации не предвидится. А то есть у нас еще один вид почты. Ангельской. Ее доставляют непосредственно в руки Хозяина. И лучше не встречаться с тем, кто доставляет. Его называют Посланником. До сих пор понятия не имею, что это за существо. Вроде демон, но тогда как он летает в ангельский мир, чтобы забрать оттуда корреспонденцию? Может, какой-то особый вид ангелов?.. Хотя вряд ли.

Говорили, что он и не телепортируется, как все нормальные существа, а на собственных крыльях пролетает все огромное расстояние между светлым и темным мирами, причем очень быстро.

Сначала я думал, ребята, склонные сочинять всякие байки, врут. Но когда столкнулся с ним, понял — да, летит через несколько миров. Помнится, в тот день из телепорта вывалилась куча документов. Я торопился разобрать их быстрее. Так что наблюдалась некоторая запарка, в тот момент, когда дверь приемной с грохотом распахнулась, сквозняк подхватил несколько бумажек и закружил по комнате. Входить столь дерзко мог только сам Хозяин, в крайнем случае кто-то претендующий на эту роль. Я вскинул голову и едва не уронил уже разобранные доклады обратно в бумажную кучу. На пороге стояло неизвестное существо, взгляд его узких красных глаз методично обшаривал приемную. Высокий, выше обычного демона (но пониже Хозяина). Кожа плотная, сероватая. На руках и ногах когти. Крылья длинные (их концы царапнули пол при шаге вперед), но устроены не по-демонски, слишком сильно заведены за спину. И они были горячими, от кожистой поверхности валил пар, будто этот неизвестный только что выкупался в лаве.

Но, самое главное, пахло от него не демоном и не ангелом: от крылатой фигуры тянуло чем-то странным... каким-то безумием. Как будто не было никаких законов, которым он подчиняется, или они были, но в другом мире. И никто не мог остановить его, кроме разве что Буллфера...

— Хозяин у себя? — спросил незнакомец хрипловатым низким голосом, изволив наконец заметить меня.

Я кивнул, пронаблюдав, как с его крыла скатилась прозрачная капля и прожгла в бумагах, лежащих на полу, аккуратную дырочку.

— Он занят. Просил не беспокоить.

— Ко мне это не относится,— произнес визитер с высокомерным равнодушием, и только сейчас я заметил в его руке белый свиток, перевязанный золотым шнурком. Гость проследил за моим взглядом, усмехнулся и вошел в кабинет Буллфера, без стука открыв дверь.

Некоторое время я приходил в себя, чувствуя что-то вроде головокружения. Ощущение, как будто мне надавали по физиономии, было

явным. Причем сделали это с ангельским презрением и демонической силой одновременно. Очнувшись, я бросился в хозяйский кабинет, но, распахнув дверь, увидел самую мирную картину. Буллфер, сидя в кресле, читал письмо, а незнакомец, у его ног, смотрел на огонь в камине.

— В чем дело, Гэл? — недовольно осведомился Булф, не отрываясь от послания.

А действительно, в чем? Что я ожидал увидеть? Бездыханного Хозяина, распростертого на ковре, а над ним усмехающегося крылатого монстра с окровавленным кинжалом, выхваченным из белого свитка, убийцу, нанятого ангелами, чтобы уничтожить главу демонов? Видимо, Буллфер прочитал все эти нелепые картины, пронесшиеся у меня в голове, потому что хмыкнул насмешливо и отложил письмо.

— Это Посланник,— он положил рыжую руку на голову крылатого монстра, должность которого надлежало произносить с большой буквы.— Раз в один временной цикл он будет приносить мне корреспонденцию от ангелов и доставлять им нашу.

Крылатый парень лениво обернулся, и я увидел, что лицо у него хоть и похоже на демонское, но все же есть в нем сейчас что-то... человеческое.

— Да, Хозяин,— пробормотал я, чувствуя себя круглым дураком, вышел из кабинета и плотно закрыл дверь.

Посланник удалился довольно быстро, обратив на меня еще меньше внимания, чем при первой встрече. И снова демонстративно треснул дверью об косяк. Хотел бы я знать, где он научился чванству такого высокого уровня. Уж точно не у ангелов.

С тех пор надменный парень являлся к нам регулярно, но я так ни разу и не спросил у Буллфера, кто он такой и откуда взялся. Как-то не хотелось связываться. Да и уверенности, что Хозяин ответит, не было...

Я закончил разбирать корреспонденцию и едва поднялся из-за стола, как пол под моими ногами затрясся от долгого гулкого воя. «Что?! — мелькнуло у меня в голове.— Начинается??! Уже превращаемся?!!» Вторая вибрирующая волна сотрясла стены, и я наконец сообразил, что это такое.

— Ну вот! Доигрался! Черт! Вот черт! Только этого нам не хватало!!

Парой этажей ниже бледный ангелок выскочил мне навстречу.

— Гэл, что это? Что случилось?

— Пошли со мной! Быстро!

Я схватил ничего не понимающего Энджи за руку и потащил следом за собой. В конце комнаты, за широким балдахином кровати, под гобеленом была маленькая дверца. Я толкнул ее, и перед нами открылся узкий тоннель. Один из потайных ходов, которых в убежище было великое множество. Ангелок опомнился и попытался рыпнуться.

— Куда вы меня тащите?!

— К Буллферу. Давай быстрее!

Он перестал вырываться.

— К Буллферу?! С ним что-то случилось?

— Пока нет, но случится, если ты не поторопишься.

Коридор петлял, стены его периодически сужались, а потолок нависал над самой головой. Мы перемазались, пока добрались до места, и насажали синяков на все выступающие части тела.

— Что это было? — снова спросил ангелок, когда мы остановились возле низкой дверцы в стене.

— Вызов,— ответил я, переводя дыхание.— Буллфера вызывают на поединок.

— И... и что?

— Он должен его принять и сразиться.

— Он победит?

— Не знаю.

— Но ведь он очень сильный, вы же сами говорили. Он победил прежнего Хозяина и...

— Вот именно. Почему бы теперь другому претенденту не победить его.

— А что будет, если он проиграет?

— Тогда нам с вами крышка.

Ангел порывисто вздохнул, а я потихоньку отодвинул заслонку, открыл дверь и потянул Энджи за собой. Мы оказались в крошечной пыльной комнатке, заваленной старыми картами, сломанной мебелью и прочим хламом. В стене было выбито окошечко с довольно неплохо сохранившимся зеркалом, к которому мы с ангелом и прильнули.

Мы успели. Все уже были в сборе. Взъерошенный, злой Буллфер стоял перед толпой демонов, возглавляемых Хул. Все той же самой неугомонной Хул. Но выглядела демоница совсем не так легкомысленно, как прежде. Ее лицо казалось бледным и осунувшимся. Губы вытянулись в тонкую линию. Глаза горели мрачным безумным огнем, а вместо обычного огненно-алого шелка на ней была одежда из грубой запыленной мешковины — серый плащ свисал с плеч до самого пола, как длинные, устало сложенные крылья. Сам не знаю почему, но мне стало не по себе. Слишком мало эта новая Хул была похожа на прежнюю истеричную капризную дамочку.

— Опять?! — прогремел Буллфер.— Опять ты?! Слушай, детка, ты меня достала!

— Я вызываю тебя, Хозяин,— сказала она спокойным, лишенным всякого выражения голосом.

— Хул, ты больна! У тебя мания величия.

— Ты принимаешь мой вызов?

— Какой вызов?! Это же смешно! Мне некогда заниматься глупостями.

— Ты будешь сражаться со мной или сдашься без боя?

Я тихонько подтолкнул ангелочка в бок:

— Слушай, ты умеешь колдовать?

Он удивленно уставился на меня:

— Да.

— Сможешь сделать заклинание телепортации?

— Смогу. Но зачем?

— Что-то мне все это не нравится. Лучше подстраховаться.

— Ты думаешь, эта девушка...

— Я ничего не думаю. Давай, делай.

Ангелочек закрыл глаза, сосредотачиваясь, а я снова заглянул в зеркало. Кажется, Буллфер потерял терпение.

— Ладно,— сказал он,— пора заканчивать все это.— Я принимаю твой вызов, Хул. Выбирай место и время.

— Здесь. Сейчас.

Ангелок потянул меня за рукав:

— На сколько объектов растягивать заклинание?

— На... три.

— Удаление?

— Чем дальше, тем лучше.

— Время применения?

— Держи пока при себе. Когда я скажу: «Давай!» — давай.

— Понял.

— Покажи, что получилось?

Перед моими закрытыми глазами затанцевала тонкая золотистая паутинка, готовая растянуться и захватить все, до чего сможет дотронуться. Ловко сплел! У меня бы так никогда не получилось. Ладно, сейчас не время завидовать. Я снова повернулся к зеркалу.

Буллфер даже не стал перевоплощаться. А зря! Не напрасно Хул столько времени крутилась рядом с ним. Успела кое-чего нахвататься. Конечно, Хозяин был сильнее, опытнее, но ему все же досталась пара довольно ощутимых ударов когтями. Демоны-зрители приплясывали на месте и подвывали от возбуждения. Даже я поймал себя на том, что сжимаю кулаки и шепчу: «Покажи ей, Буллфер! Ну! Дай как следует!! Ну, еще!»

Мощным ударом когтистой лапы Хозяин отшвырнул бывшую подружку к стене, замахнулся еще раз, но Хул вдруг сунула руку в свою мешковину, выхватила оттуда что-то продолговатое, светящееся красным, и, зажмурив глаза, направила на Буллфера. Сверкнула огненная вспышка, и одновременно с ней раздался жуткий рев, полный боли. Все присутствующие ослепли на мгновение, а когда проморгались, увидели Хозяина, лежащего на полу. Шерсть на нем дымилась, грудь и живот пересекали глубокие рваные полосы. Он был еще жив, скрюченные от боли когтистые пальцы скребли пол, тело вздрагивало от частого затрудненного дыхания. Хул молча смотрела на него, в ее опущенной руке остывал короткий рубиновый жезл. Всего лишь на мгновение все замерли. Демоны застыли в шоке при виде поверженного

Правителя, Хул смотрела на умирающего врага и оттягивала последний удар. Признаюсь, я тоже слегка обалдел. В такое трудно поверить — Хозяин, прежде казавшийся всемогущим, умирает... Ангелок рядом со мной дернулся и бросился вперед.

— Стой! — крикнул я, пытаясь удержать его.— Куда?!

Гладкое крыло выскользнуло из моих рук, Энджи ударился о дверь, та распахнулась, и он вылетел в зал. Демоны остолбенели, увидев перед собой живого ангела, и только Хул сразу же поняла, кто это и откуда он взялся. С яростным воплем она замахнулась жезлом, снова наливающимся алым светом, но за мгновение до новой смертельной вспышки ангел вскинул руки, и из его пальцев хлынуло золотистое сияние телепортации.

— Давай, Энджи! — запоздало закричал я, выскакивая из своего убежища, и мимоходом пнул кого-то из демонов, подвернувшегося под ноги.— Давай!!

Заклинание огнем вспыхнуло в моей голове, тонко свернутая паутинка развернулась, и я почувствовал, как меня втягивает куда-то, словно коктейль через соломину. Пространство вокруг завертелось головокружительно, по телу побежали искры, а потом я понял, что лечу вверх тормашками, словно мной выстрелили из пушки, а следом несутся вопли демонов, проклятия Хул и отсветы красного пламени.

Чтобы я еще хоть раз доверил телепортировать себя ангелу!..

Глава 4,
в которой мы пожинаем плоды и составляем планы

Очнулся я в очень неудобной позе, на острых камнях, под чистым дневным небом. Болела голова, видимо, крепко приложился затылком к какому-то булыжнику, рук и ног не чувствую, в животе все перевернулось и поменялось местами. Я попытался пошевелиться и понял, что не могу сообразить, где заканчиваюсь я, а где начинается земля. Ну ангелок! С перепугу, кажется, столько силы вложил в заклинание, что нас едва не размазало при перемещении... Кстати, а где сам маг? Очень удивлюсь, если он вообще пережил это путешествие.

Засунув руку за пазуху, я нашарил на груди свой охранный амулет и вытащил его. Он был цел и ровно светился — значит, продолжает работать, ангельский телепорт его не испортил. Это радует! Без защитного талисмана служить у вспыльчивого Буллфера было бы невозможно. Сколько раз в мою голову летели книги, стаканы, подсвечники и другие тяжелые предметы. Целился Хозяин всегда очень метко, и, думаю, именно амулет помогал мне уберечься от увечий. Кое-как подобрав разъезжающиеся конечности, я встал на четвереньки, потом сел и тут же услышал знакомый голос:

— Гэл. Гэл, где вы?

Какова наглость! Зрение мое, наконец, обрело прежнюю четкость. Я сидел на поляне, заваленной камнями и мелким щебнем (синяки на моей шкуре своими очертаниями напоминали местный рельеф). Вокруг стояли высокие деревья, порхали птички, изумительно хорошо пахло и светило солнышко. Прямо как в раю. Может, от усердия ангелок телепортировал нас прямо туда?!

— Гэл!

— Ну иду! Иду.

Я кое-как поднялся и поплелся на его голос. За невысокими кустами виднелось темное пятно — вход в пещеру или заброшенную шахту. Вот, значит, откуда все эти камни. Я протиснулся внутрь. Там было светло, солнечные лучи пробивались сквозь щель в каменном потолке, и немного светились белые крылышки ангелочка.

Буллфер лежал на земле, глаза закрыты, дыхание едва заметное. Ангелок стоял перед ним на коленях и медленно водил ладонью над рыжей грудью Хозяина. Тонкие лучики золотого света стекали с его пальцев и касались открытых ран. Я оторопел от этого кощунства, тут же бросился к Энджи и схватил его за руку.

— Ты что делаешь?! С ума сошел?! Совсем уморить его хочешь своим ангельским шаманством?!

— Природа силы одна,— с полузакрытыми глазами тихо произнес ангелок. Похоже, он находился в легком трансе, но свет, продолжая литься с его пальцев, безошибочно находил раны на теле Буллфера и впитывался в них.— Природа силы одна,— снова прошептал он.

И я вдруг увидел, что жуткие раны начинают медленно затягиваться. Невероятно! Буллферу явно становилось лучше — выровнялось дыхание, снова заблестела тусклая шерсть, он даже попытался повернуться набок, но легкая рука Энджи удержала его. Кажется, хваленая лечебная магия ангелов действительно потрясающая штука. Попробовать, что ли? Я уже хотел попросить ангелочка заняться моими синяками и ссадинами, но заметил, что сам целитель выглядит как-то не очень... Лицо осунулось и побледнело, под глазами обозначились темные круги, крылья утратили золотистое сияние. Вот и все лечение! Значит, он просто перекачивает свои силы в раненого Буллфера. Действенно, быстро, но очень опасно. Так можно и самому свалиться.

Ангелок наконец опустил руки, погасив лечебный золотистый огонек, и прошептал едва слышно:

— Гэл, пожалуйста, посмотрите за ним, я немного посплю.

Он упал на голые камни рядом с демоном, свернулся клубком и мгновенно уснул. Здорово! Теперь на моей шее вместо одного больного— два, а сам я остался при своих шишках. Доигрались с тонкими материями! Ну и где ваше хваленое могущество?! Если бы не я, никто бы уже и не вспомнил, что был когда-то такой Буллфер. Хотя, может, так и должно быть. Так сказать, последствия магического воздействия...

Ладно, секретари затем и нужны — думать, пока хозяева спят. Я порылся в карманах, нашел свой незаменимый блокнот, карандаш и

стал составлять план. Занятие успокаивающее и стимулирующее одновременно. Вот так примерно выглядела страничка блокнота после получасовых размышлений:

Часть 1 (практическая)

Пункт первый:

поставить охранное заклинание у входа. (Ниже приведен чертеж заклинания. Довольно коряво, но правильно.)

Пункт второй:

искать еду для нас с Буллфером и для ангела (фрукты).

Пункт третий:

запастись дровами на случай дождя.

Пункт четвертый:

лечить Буллфера.

Часть 2 (теоретическая)

Пункт первый:

узнать, чья это земля (кто из людей правит и т. п.)

Пункт второй:

сообщить Буллферу, что в поединке он проиграл (при этом постараться остаться в живых).

Пункт третий:

выяснить его дальнейшие планы. Постараться отговорить: от немедленного штурма подземелий и Хул; удаления в пустыню для вечной скорби; мести всему человечеству; моего избиения.

Пункт четвертый:

выяснить планы ангела. Узнать, нет ли у него подходящего убежища для нас на первое время.

По-моему, неплохо. Я еще раз перечитал план, спрятал карандаш и вылез из пещеры. Не думаю, что во время моего отсутствия с этими двумя что-то случится, но на всякий случай небольшой заслон поставить не мешает. Сверяясь с чертежом, я выстроил заклинание, натянул его перед входом, поставил галочку перед пунктом первым в плане и, довольный своей работой, отправился на разведку.

С моей врожденной способностью к оборотничеству можно не бояться находиться на любой территории и в обществе любого существа. Никто меня не тронет и даже не посмотрит косо. Ходи, где хочешь, и делай, что взбредет в голову, в разумных пределах, конечно. И никакого сверхдемонического могущества не надо. Вот, например, сейчас... Иду по лесу, поглядываю по сторонам, не беспокоюсь ни о диких зверях, ни о разбойниках, нужно поохотиться — пожалуйста, превращусь в хищника, ягоды, грибы найти — стану белкой или барундуком. Нужно королевство какое-нибудь захватить без пролития крови и лишних потрясений, пожалуйста, преображусь в прекрасную деву, охмурю короля — и королевство у нас в кармане.

Я перебрался через поваленное дерево и на самом взлете своего «все умею, все могу» почувствовал вдруг странно-знакомый резкий запах. Не раздумывая, я повернул в ту сторону и вскоре оказался на краю поляны, в центре которой разлилась огромная лужа — она-то и пахла так приятно-отвратительно. Вот оно! Именно то, что мне нужно! Ни одно ангельское лечение не сравнится с ведром качественной серной грязи.

Я стянул с себя всю одежду и, поскуливая от наслаждения, по самые уши вымазался вонючей жижей. Сразу же стало легче, перестали ныть все ссадины, порезы и ушибы. Я не смог отказать себе в удовольствии поваляться в серной ванне, однако разлеживаться было некогда. Никакой подходящей посуды у меня не было, поэтому я нагреб полную куртку глины и потащил ее к пещере. Конечно, ангелок будет воротить свой хорошенький носик от такого лекарства, но его мнения никто не спрашивает.

Когда я вернулся, Энджи уже проснулся. Он оглянулся на звук шагов и вздрогнул, увидев мою черную физиономию.

— Ох, это вы, Гэл?! А я сначала подумал...— он не договорил, что там думал, потому что я свалил куртку с грязью на землю и расстегнул молнию.

— Что это? — прошептал ангелок почти с ужасом.

— Грязь,— ответил я гордо.— Отличная жирная грязь. Смотрите — красота! Хоть на хлеб мажь.

Ангелок поморщился едва заметно, но спросил со своим обычным доброжелательным вниманием:

— Что вы собираетесь с ней делать?

— А вот что.

Я набрал полную пригоршню и стал аккуратно нашлепывать на раны спящего Буллфера. Ангелок присел рядом, наблюдая за моими действиями.

— Думаете, это поможет?

— Конечно! Старый бесовский способ. Через день все заживет, даже шрамов не останется.

Я пришлепнул последний комок на широкую хозяйскую грудь и остался доволен. Ангелок же вдруг как-то нерешительно посмотрел на меня, спросил:

— А мне можно? — он показал свои ладони. Кожа на них была как будто обожженной: покрасневшей и потрескавшейся. Видимо, слишком много силы влил в заклинание телепортации, а потом еще Буллфера лечил.— Мне поможет?

— Почему бы и нет. Какая разница!

Я выгреб остатки грязи из куртки и вымазал ладони ангелочка. На его лице появилось выражение удивления, потом облегчения и, наконец, удовольствия.

— Хорошо. Теперь уже совсем не больно.

— Еще бы.

Я бросил грязную куртку к порогу и снова поднялся.

— Ладно. Пойду принесу чего-нибудь поесть. Булф должен скоро проснуться, да и вы проголодались.

Ангелок улыбнулся, протянул грязную ладошку и слегка прикоснулся к моей руке.

— Спасибо вам, Гэл, вы так заботитесь о нас...

— Работа у меня такая,— грубовато ответил я, чувствуя, однако, явное удовольствие. Ценят. Приятно.

За следующий час я успел притащить в пещеру вязанку хвороста, воду и еду для нас троих. Пока я бегал туда-сюда, Энджи сидел рядом с Буллфером, боясь оставить его одного, и помогал мне деликатными советами.

Из того, что я принес на обед для нас с Буллфером, кроме отличного рагу, получилась еще и плотная шкура, которую я повесил перед входом в пещеру. Внутри сразу стало теплее. Имея густую шерсть, Хозяину было удобно лежать даже на камнях, а Энджи уже, кажется, сбил все свои изнеженные колени и локти, поэтому я притащил охапку травы и кое-как прикрыл ею пол. Потом нарезал смолистых факелов и настрогал лучины для растопки. Так, в хозяйственных делах, прошел весь день. Когда окончательно стемнело, я забрался в пещеру, плотно завесил вход шкурой и развел маленький костерок, дым от которого благополучно уходил в трещину на потолке.

— Ну вот,— сказал я, наконец-то усаживаясь и вытягивая гудящие от усталости ноги.— Теперь можно начинать рассказывать страшные истории. Самое время.

Ангелок вздрогнул и плотнее запахнул крылья, которыми укрылся наподобие плаща.

— Давайте не будем... их рассказывать. И так как-то не по себе.

— Ладно,— покладисто согласился я.— Не будем. Отложим до завтра.

— Лучше расскажите, что произошло,— попросил он.— Я уже понял, поединок Буллфер проиграл, но что это было за оружие?

Я сделал таинственное лицо, многозначительно помолчал и честно признался:

— Не знаю. Никогда не видел ничего подобного. А вы?

— Я тоже,— сказал ангелок печально.— И что теперь будет?

— С Буллфером?.. Хотел бы я знать... Он не должен был выжить после поединка. Если бы погиб достойно, как все прежние Хозяева, у которых отнимали власть, не было бы никаких проблем.

Энджи укоризненно покачал головой:

— Вы совсем не так циничны, как хотите показать, Гэл. Вы спасли его тогда, спасаете сейчас. Вы его друг...

— Слуга!

— Нет, друг.

Я бы покраснел от удовольствия, если бы не слой грязи, покрывающий мое лицо. Нет, все-таки есть в этом ангелочке что-то достойное, несмотря на всякие романтические бредни, и общаться с ним приятно.

Его светлость мог бы еще долго рассуждать о дружбе и преданности, как вдруг Булф застонал. Энджи мгновенно забыл обо мне и перепорхнул к нему. Хозяин пошевелился, его рука скользнула по груди, когти царапнули по панцирю подсохшей грязи.

— Что со мной? — хрипло прошептал он.— Где я?

— Ты ранен,— ответил ангелок своим спокойным мягким голосом.— Гэл лечит тебя какой-то целебной глиной.

— Я выиграл?.. Победил? Где Хул?

— Ее здесь нет.— Энджи положил ладошку на его лоб, и Булф перестал метаться.

— Значит, победил...— Он шумно вздохнул и снова задремал.

Ангелок посидел рядом с ним еще немного, потом снова перебрался к костру и тут же натолкнулся на мой вопросительный взгляд.

— Значит, врем, ваша светлость? «Ее здесь нет!» Не стыдно?

— Я не врал! — воскликнул он, краснея до ушей.— Я просто... ничего ему не сказал!

— Не сказал правды.

— Да,— согласился Энджи, опуская лицо с горящими щеками.— Но он болен, ему нельзя волноваться. Пусть думает, что все хорошо, если не помнит реальности.

— Милосердие,— презрительно буркнул я.— Посмотрим, что он скажет нам, когда придет в себя.

В себя Буллфер пришел через два дня. Все это время я лечил его грязью, а ангелок — своим золотым светом. На третьи сутки бывший Хозяин открыл глаза, обвел осмысленным взглядом нашу убогую пещеру, чумазого ангелочка с соломинками в спутанных волосах и поцарапанными коленками, меня в драной, заляпанной куртке, со следами недавно заживших ссадин на морде, и все понял.

— Я проиграл,— сказал он спокойно, но за этим спокойствием уже звучало пока еще отдаленное бешенство.

— Ты только не волнуйся,— заворковал ангелок уверенно. Он привык к Буллферу галантному и не представлял Буллфера бешеного.

— Не волноваться?! — взревел мой хозяин, саданул кулаком по камням и поморщился от боли в груди.— Эта мерзавка! Дрянь! Ничтожество...

Он задохнулся от ярости, полоснул выпущенными когтями по засохшей корке грязи на груди, вскочил на ноги, но тут же пошатнулся от слабости. Мы с ангелом бросились к нему, поддержали, помогли опуститься на ворох травы.

— Рубин...— прошептал он, сжимая плечо Энджи так, что тот побледнел от боли, но не сбросил с себя его руку.— Эта стерва достала Рубин... Как она его достала?!

Мы с ангелочком переглянулись украдкой.

— Я ее убью,— сказал Буллфер, и рычание снова заклокотало в его горле.— Я ее пополам разорву... я...

— Хозяин,— осторожно попросил я, заметив, что ангел начинает стремительно бледнеть.— Не надо подробностей. Мы тебя поняли.

Булф меня не слышал. Глаза его загорелись яростной ненавистью.

— На куски разорву! Она будет у меня в ногах валяться! Ублюдки, блюдолизы, продались! Безмозглой твари испугались!

Он снова вскочил, на этот раз осторожнее, и заметался по пещере, задевая плечами о выступы стен.

— Сколько раз я спасал их всех! Всю эту кучу жалких, тупых скотов! Я кормил их, одевал, не давал протухнуть от безделья! Но стоило какой-то дуре помахать у них перед носом рубиновой безделушкой, как вся свора на брюхе поползла лизать ноги новой Хозяйке. Хозяйка! Вы только подумайте: она — Хозяйка! Разбазарит все мои земли! Потеряет все, что я собирал столько лет! Курица безмозглая! В ногах у меня ползала! Руки целовала! «Господин!» «Повелитель!» «Хозяин!» Мерзавка! Тварь продажная! Из грязи ее вытащил...

Буллфер в очередной раз налетел на стену и неожиданно увидел меня. Его налитые кровью глаза вспыхнули. Я опомниться не успел, как уже висел в воздухе, ноги мои не доставали до пола, а горло сжимали железные пальцы.

— Это ты, недоумок, во всем виноват! Давно надо было вырвать твой длинный, болтливый язык! Но еще не поздно это исправить!

И вдруг тихий, ласковый, деликатный Энджи смело бросился на мою защиту.

— Буллфер! — его отчаянный крик зазвенел у меня в ушах.— Отпусти его! Как ты можешь! Гэл спас тебя! Если бы не он, Хул убила бы тебя! И меня тоже! Все время, пока ты был без сознания, он заботился о тебе, лечил тебя, кормил! Он единственный твой друг, а ты...

Ангелок всхлипнул и закрыл лицо руками.

У Булфа был такой вид, словно его ужалил какой-нибудь мотылек. Он разжал пальцы, и я, полузадушенный, плюхнулся на землю.

— Энджи...— пробормотал демон растерянно.— Энджи, я...

— Как ты можешь! Он столько сделал для тебя...

Буллфер перешагнул через меня и опустился рядом с ним.

— Энджи, не надо. Не расстраивайся. Все будет хорошо.

Я поднялся и вышел на улицу. Стянул с себя куртку и стал выбивать ее о ствол первой попавшейся сосны. Из пещеры доносились всхлипы Энджи и бархатный баритон Буллфера. Успокаивает! Он успокоит...

Через некоторое время рыдания стихли, и я увидел хозяина, направляющегося ко мне. Он был мрачен, задумчив и все еще злился. Подошел. Остановился рядом. Шумно засопел.

— Гэл, я... я погорячился... извини.— Каждое слово давалось ему с трудом. Я чувствовал, как гордый, бешеный Хозяин ломает себя, извиняясь передо мной, своим слугой.— Извини... и... спасибо тебе.

В носу у меня вдруг защипало, запершило в горле, и я смог только кивнуть в ответ.

— Ну что, мир?

— Мир, Хозяин.

Он махнул рукой и горько рассмеялся:

— Какой я теперь Хозяин! Сижу в грязной, вонючей пещере, а эта дрянь...

— Зато ты жив.

— Да. Жив.

Буллфер посмотрел на свою грудь, покрытую растрескавшейся коркой грязи, и на лице его появилось выражение угрюмой задумчивости... Наверное, сейчас самое время прояснить некоторые темные моменты этой истории.

— Скажи, Булф,— начал я осторожно,— а что это за камень? Ну, тот, которым тебя...?

Буллфер не рассердился на меня за неуместное любопытство, наверное, слишком устал.

— Рубин Карашэхра,— пробурчал он, рассматривая свои выпущенные когти.— Сильнейшее антидемоническое оружие. Никто не знает, что это такое на самом деле. Одни считают, что Рубин — обычный драгоценный камень, которому с помощью черного колдовства придали магические свойства, другие, что он — застывшее пламя подземных недр, а кое-кто уверен, что это живое существо. Он хранится... хранился в Храме Огня в Южных землях. И украсть его было невозможно.

Он пнул сухой пень, и дерево развалилось под его копытом.

— Что ты теперь собираешься делать?

— Мстить,— ответил Буллфер.

И меня снова передернуло от холодной ярости, прозвучавшей в его голосе.

Весь день и всю ночь мы просидели над планами, которые чертил в моем блокноте Булф. Он подробно изобразил план Убежища со всеми тайными ходами, перекрытиями и ловушками. Отметил все возможные способы проникновения, все возможные слабые места обороны. Временами, когда ему начинало казаться, что он нашел наконец верное решение, Буллфер воодушевлялся, глаза его загорались, и карандашный грифель все громче скрипел по бумаге, разрисовывая стройные линии подземелья корявыми подписями.

— Мне хватит всего нескольких секунд! После первого удара Рубину нужно несколько секунд для подзарядки... Я должен успеть! Этот тоннель выходит прямо в спальню, Рубин она всегда будет носить при себе... Нет, бесполезно. Что я могу сделать один...

Он снова мрачнел, рвал на мелкие клочки листок с чертежом и принимался ходить по пещере. Потом бросался к блокноту, начинал чертить следующий план, загораясь злым весельем, чтобы через короткое

время новые обрывки летели на пол, а Буллфер снова шептал: «Ну что я могу сделать один?!»

Ангелок, сидевший рядом со мной, смотрел на него тревожно блестящими глазами, изо всех сил хотел помочь, но не знал как. Я периодически пытался давать Хозяину советы, и тот даже выслушивал их, но каждый раз отрицательно качал головой.

— Нет, Гэл, ты не сможешь проникнуть в замок незамеченным. Они почувствуют тебя за всеми твоими образами. Хул знает, что я остался жив, и будет ждать от нас какой-нибудь глупости. И не забывай, в поединке-то я проиграл. Проиграл, черт возьми!

— Но она воспользовалась запретным оружием. Это было против правил,— подал голос Энджи и тут же покраснел, заметив мой насмешливый взгляд.— Или нет?

— Нет,— мягко ответил ему Буллфер.— В борьбе за власть нет никаких правил.

Ангелок печально посмотрел на него и сказал то, что, видимо, уже давно его мучило:

— Наверное, это я виноват. Если бы они не узнали, что я у тебя в гостях...

— Ладно! — Булф отшвырнул скомканный листок, выдранный из блокнота.— Никто ни в чем не виноват! И вообще, хватит. Я устал. Голова болит. Давайте спать.

Он вернул мне блокнот с карандашом, отошел в самый дальний угол пещеры и лег на камни, опустив голову на согнутую руку. Ангелочек растерянно посмотрел на меня. Я пожал плечами. Спать, так спать. Энджи вздохнул, подгреб сухую траву ближе к костру и свернулся на ней, укрывшись крылом, как одеялом. Я устроился с другой стороны костра.

И не надо мне ничего объяснять, поединок он действительно проиграл. Какой бы дурой Булф не считал Хул, но — оружие против него она смогла достать, не растерялась. И пользоваться им научилась. Что ж, молодец! Демоны могут гордиться такой хитроумной Хозяйкой! И попробуй теперь к ней сунься! На поединок ее вызывать не имеет смысла, она любого уделает своим Рубином, если только Булф не найдет еще более мощное оружие. Если оно есть. Действительно, почему нет— потратишь парочку жизней, чтобы достать артефакт, и, пожалуйста, вызывай Хул на поединок... Ведь все бы было нормально, если б он умер! Похоронили бы с почестями и жили спокойно дальше. И служил бы я сейчас новой Хозяйке. Ангелочка она, правда, убила бы...

Мне стало тошно от этих мыслей, и я заворочался на сене. Энджи тут же поднял голову и прошептал едва слышно:

— Гэл, вы не спите?

— Нет,— ответил я так же тихо.

— Я хотел спросить у вас. Эта Хул... Буллфер любил... любит ее?

Я фыркнул от смеха и глубже зарылся в сено.

— Нет, конечно. Он вообще не умеет любить. Он же демон. Видимо, нравилась она ему, ну, в постели устраивала и все такое...

— Понятно,— сказал ангелок очень тихо и очень грустно.

Не знаю, что там его расстроило, не было никакого желания выяснять. Я почувствовал, что смертельно устал за эти дни, и только наконец расслабился, закрыл глаза и начал подремывать, как вдруг пробудился к активности Буллфер. Он вскочил, бросился к костру, разворошил затухающее пламя и вытряс меня из сна.

— Гэл, быстро, примерный план местности! Энджи, мы больше не останемся в этой дыре. Я знаю, что делать!

Ангелок, тоже, видимо, успевший задремать, хлопал сонными глазами, не понимая, чем вызвана суета, а я никак не мог унять приступ нервной зевоты. Но Буллфер рыкнул на нас, и пришлось соображать быстрее.

— Хозяин, я не знаю, где мы находимся. Нас телепортировал ангел.

— Буллфер, скажи, что ты придумал.

Демон схватил охапку хвороста и бросил ее в костер. Взметнувшееся пламя осветило наши сонные лица и возбужденную физиономию хозяина.

— Виктория,— сказал он.— Гэл, она клялась мне в верности?

— Ну... да.

— Перстень свой прислала?

— Да, но...

— Энджи, дай мне приблизительные координаты этой пещеры. Сегодня же мы будем спать в нормальном теплом доме на чистых простынях.

— Булф, я...— Ангелок, уже познакомившийся с буйным темпераментом Хозяина, заволновался.— Я не знаю точных координат. Я заложил наибольшее удаление и...

— Ладно, не важно. Значит, спать будем завтра...— на удивление спокойно отреагировал Буллфер и продолжил весело: — Ну и вид у вас, господа, должен вам сказать! Как будто неделю ночевали на помойке. Немедленно приведите себя в порядок и выберите образы поприличнее. Мы отправляемся с визитом к даме!

Глава 5,
в которой мы собираемся в гости

Образ ему мой не нравится, как же! Сам провалялся неделю в чистоте, при полном уходе, носится теперь — шерсть блестит, хвост трубой. Он-то пережил ангельский телепорт в бессознательном состоянии! Его никто физиономией по камням не возил!

Так, ворча про себя, я сидел по шею в ледяной воде и отчаянно скребся, смывая с себя остатки лечебной грязи. За кустами плескался ангелок, и я с завистью слушал его восторженные звонкие вопли. Ко-

нечно, им, ангелам, дай волю — с утра до ночи мыться будут, а мы, демоны, народ консервативный, спокойный, здравомыслящий, ну, раз в неделю морду тряпочкой протер, щеткой шерсть на холке продрал, и порядок. Вечно Буллфер со своими дурацкими нововведениями привяжется. Ясное дело, не у него же после этого бессмысленного мытья от сырости блохи заведутся, будешь потом чесаться, как придурок. И вообще, интересно, куда это он с самого утра запропастился? Загнал нас с ангелочком в реку, а сам смылся куда-то.

— Гэл?! Ну как вы там?

Вот тоже наказание! Чистый, сияющий Энджи выпорхнул из-за кустов и завис в воздухе над моей головой, часто взмахивая белоснежными крыльями. Я впервые видел, как он летает, должен признаться, выглядело это красиво.

— Может быть, вам помочь?

Еще чего не хватало! Я вспомнил свою издевку, с которой предлагал ему услуги банщика в первый день нашего знакомства. Конечно, теперь он может с полным правом посмеяться надо мной. Но ангелочек и не думал смеяться. С дружеским вниманием он смотрел на меня сверху и совершенно искренне предлагал свою помощь.

— Давайте я помогу вам.— В его глазах заблестели лукавые искорки.— Или вы меня стесняетесь?

— Вот еще! Глупости какие!

— Тогда вылезайте сюда.

Я слова не успел сказать, как он уже вцепился в меня, принялся тереть, скоблить и делать такие комментарии, что у меня глаза на лоб полезли.

— Забавно, а я и не знал, что у вас шерсть на спине, я думал, вы совсем гладкий... повернитесь. А она у вас не такая, как у Буллфера, у него похожа на кротовью шкурку, очень короткая и мягкая... Наклоните голову... Ух, жесткая какая! Вам летом не жарко?

— Мне зимой не холодно,— пропыхтел я.— Осторожно! Больно же!

— Извините. У вас здесь репей пристал... А хотите, я вас глиной потру? Она очень хорошо грязь смывает.

— Я тебя сам сейчас глиной потру, если ты не прекратишь с меня шкуру сдирать! Больно!

— Терпите! Я не виноват, что вы за собой не следите! Стыдно! Состоите на службе у Хозяина, и так себя запустили!

Я открыл было рот, чтобы наконец сказать нахальному ангелочку все, что я про него думаю, как вдруг он ловко схватил меня за волосы и макнул в воду с головой. Чуть не утопил! Отплевываясь и отфыркиваясь, я вырвался из его рук и пулей выскочил из реки. Все! Хватит с меня!

— Гэл! Гэл! — смеясь, кричал Энджи мне вслед.— Куртку забыли!

Но я не остановился, пока не добежал до пещеры. Там я повалялся по траве, чтобы высушить шерсть, и, закрыв глаза от удовольствия,

растянулся на солнышке. Хорошо. Все-таки ангелы понимают толк в мытье.

— Гэл! — Голос Буллфера прогремел, как всегда, неожиданно, я даже подпрыгнул, принимая вертикальное положение.— Ты что здесь делаешь? Где Энджи? Я тебе что сказал?! Ни на шаг от него не отходить! Не оставлять его одного! Если с ним что-нибудь случилось, я с тебя шкуру спущу!

Ну вот, погрелся на солнышке, называется, отдохнул! Что с его ангелом сделается?! Кому он нужен?! Тоже мне сокровище! Вон, пожалуйста, летит, покоя от него нет!

— Гэл, вы оставили.— Он передал мне брошенную одежду.

Естественно, про меня тут же забыли. Буллфер кинул на траву мешок, который притащил с собой, развязал его, ангелок заглянул туда и вытащил легкую зеленую курточку.

— Что это?

— Это тебе. И вот еще.— Демон достал брюки такого же травянисто-зеленого цвета, мягкие кожаные сапожки, берет с фазаньим пером.— Прими человеческий облик и переоденься.

Глаза ангелочка вспыхнули почти детским восторгом, он схватил свой новый наряд и умчался в пещеру одеваться. Как ребенок, честное слово! А Булф снова запустил руку в мешок и вытащил одеяние побольше размером, поскромнее расцветкой, но с дополнением в виде тонкой кольчуги и широкого серебряного пояса с внушительными ножнами, из которых торчала рукоятка кинжала, украшенная молочно-белым опалом.

— Это тебе, Гэл. Выбери какой-нибудь образ посолиднее, постарше... Ну, сам сообразишь.

Я бережно принял из его рук одежду, ладонью погладил дорогой плотный материал благородного стального цвета, полюбовался кинжалом и сказал растроганно:

— Спасибо, хозяин. А для себя вы что принесли?

Булф усмехнулся как-то странно, в третий раз полез в свой мешок с подарками и вытащил... великолепное глубокое седло, окованное серебром.

— Это что?

— Седло, не видишь, что ли.

— А... понятно,— сказал я, повторяя интонации ангелочка.

— Ничего тебе не понятно,— ответил Буллфер, извлекая вслед за седлом такую же богато отделанную уздечку.— Давай, иди переодевайся.

Озадаченный, я направился к пещере, и тут же мне навстречу выскочил счастливый, преображенный Энджи. Как я и думал, в своем новом образе он сохранил все ангельские черты, только крылья пропали да лицо стало совсем как у обычного четырнадцатилетнего мальчишки, курносого, без всякого потустороннего сверхъестественного сияния в

глазах. Ангелок надел свой зеленый костюмчик и нацепил беретку с пером.

— Гэл, смотрите! Ну как?!

— Обалдеть! — сказал я честно.— Ни за что бы не догадался, кто ты на самом деле.

Он покраснел от удовольствия и побежал хвастаться перед Буллфером.

Я тоже немного поколдовал над своим внешним видом, приняв облик мужчины средних лет, благородной суровой наружности, с сединой в волосах и шрамом на щеке. Надел кольчугу. Поверх нее серую куртку, штаны, сапоги, туго затянул пояс, навесив на него кинжал. Немного походил, привыкая к новому образу, и степенной, неспешной походкой вышел из пещеры. Увидев меня, ангелок удивленно распахнул глаза, а Буллфер довольно кивнул.

— Отлично! Именно то, что я хотел. Мужественный воин и его молодой благородный господин. Энджи,— обратился он к светлому,— ты умеешь общаться мысленно?

— Да,— ответил тот.— Только сейчас не знаю, насколько хорошо.

— Главное, чтобы ты мог понять хотя бы в общих чертах, чего я хочу.

— Я пойму, но зачем это тебе?

— Сейчас увидишь. Настройся на меня.

Ангелок послушно закрыл глаза, чуть поморщился от боли, когда Буллфер «прикоснулся» к нему сознанием, потом потер висок и сказал вслух.

— Да, слышу... Не так громко... Нет, хорошо.— И уже открывая глаза, спросил: — И все же, Буллфер, не понимаю, зачем?

Но Буллфера не было. Рядом с нами, переступая с ноги на ногу, потряхивая роскошной длинной гривой, стоял великолепный огненно-рыжий жеребец.

Как и всякий мальчишка такого возраста, Энджи сначала в немом удивлении уставился на коня, потом подпрыгнул от восторга и схватил Буллфера за шею.

— Вот это да! Какой хороший! Какой красивый! Умница! — лопоча всякую чушь, он гладил жеребца по шее, трепал его гриву и чуть не целовал в морду.— Красавец! Рыжий!

— Энджи. Прекрати,— сказал я строго, чтобы унять щенячий мальчишеский восторг ангела.— Какой он тебе Рыжий?!

— Да знаю я! Знаю! — воскликнул мальчишка нетерпеливо.— Конечно, я помню, что это по-прежнему Буллфер, но... нет, ты не поймешь! Теперь это мой конь!

Похоже, в новом облике у ангелочка крыша съехала окончательно.

— Хватит валять дурака! Ехать пора.

Я поднял седло и нерешительно подошел к жеребцу, тот покосился на меня горящим черным глазом, и на морде его появилось довольно-таки насмешливое выражение. Забросив седло на гладкую лошадиную спину,

я затянул подпругу, надел уздечку, стараясь не встречаться с Буллфером взглядом.

— Значит, так, милорд, вы младший сын моего старого боевого друга, который поручил мне заботиться о вас, воспитывать и обучать воинской премудрости. Я везу вас домой к папочке. Вы с непривычки устали в дороге, и благородная леди Виктория не может не пустить нас отдохнуть после дальней дороги, чтобы узнать, что происходит в соседних землях, и посплетничать. Понятно?

— Понятно,— ответил мальчишка и вытащил из мешка огромное красное яблоко, которое Буллфер припас, надо думать, для него.— А далеко нам ехать?

— Несколько дней, наверное. А если бы вы запомнили координаты, то меньше часа.

— Не ворчи,— сказал он, с хрустом вгрызаясь в яблоко.— А то я скажу папе, что ты плохо меня воспитывал.

Жеребец громко фыркнул и тряхнул гривой.

— Ну-ка, полезайте в седло, ваша милость,— сказал я хмуро, предчувствуя, каким веселеньким будет для меня это путешествие.

— Я сам! — Энджи оттолкнул мои заботливые руки и самостоятельно вскарабкался на спину коня. Я хотел последовать за ним, но Буллфер так на меня посмотрел, что пришлось поспешно отдернуть руку и осторожно взяться за конец повода. Глупо было рассчитывать, будто мне перепадет удовольствие прокатиться на спине Хозяина.

Ладно, мы не гордые и пешком прогуляемся.

Так мы шли некоторое время. Потом Энджи запустил огрызком яблока в кусты и сказал:

— А знаете что, люди так не ездят.

Я оглянулся на него:

— Как «так»?

— Ну, я сижу в седле, а ты, почтенный старый воин, идешь пешком. Это глупо. Во-первых, так мы проедем втрое дольше, во-вторых, просто выглядит подозрительно.

Я пропустил мимо ушей «старого воина», в своем человеческом облике кроме мальчишеской нахальности ангелок приобрел еще и сообразительность. Одно другого стоит.

— Да, ты прав, но...

Жеребец остановился, посмотрел на меня огненными глазами, стукнул копытом по земле и отвернулся. Видимо, это следовало считать приглашением. Не без робости я забрался в седло, за спину Энджи и подобрал повод.

— Теперь правильно,— довольно сказал ангелок.— Можно ехать.

Никогда раньше я бы даже представить не мог, что мне придется путешествовать на хозяйской спине. Надеюсь, Булф не посчитает это унизительным и не припомнит мне потом эту поездку.

Жеребец громко фыркнул, дернул головой, вырывая из моих рук слишком сильно натянутый повод, и побежал вперед быстрой разма-

шистой рысью, так что земля полетела из-под копыт. С такой скоростью можно было бы за несколько суток добраться до форта Виктории, но, конечно, этого Буллферу было мало. Через некоторое время я почувствовал, как пространство вокруг начинает скручиваться и туманиться.

Глава 6,
в которой Энджи совершает чудеса героизма, а Хозяин ведет себя очень грубо

Мы двигались вперед огромными скачками, погружаясь на короткое время в туман телепорта и выныривая обратно. Каждый такой «прыжок» покрывал расстояние в несколько десятков миль. Удобный способ передвижения. Так Буллфер перелетел пустынную часть пути, а когда начались заселенные земли, пришлось умерить прыть и дальше ехать «по-человечески»...

Дорога стала шире, по обочинам появились фруктовые деревья, из-за которых выглядывали белые деревенские домики. Периодически мы обгоняли повозки местных жителей. Лошади шарахались при виде Буллфера, а крестьяне долго смотрели нам вслед.

Помнится, самое первое посещение Срединного мира откровенно разочаровало меня. Здесь было чересчур просторно и светло, я чувствовал себя слишком неуютно без надежной защиты каменных стен и потолка над головой. К тому же погода менялась постоянно, становилось то холодно, то жарко, с неба или лился противный дождь, или, что еще хуже, сыпался снег. Но я все-таки оборотень, обладающий повышенной способностью приспосабливаться к любым условиям. К неудобствам я быстро привык и в следующий раз ощущал себя на земле вполне комфортно.

Конечно, у меня было не слишком много свободного времени для путешествий, поэтому в Срединном мире я не появлялся уже давно и теперь с любопытством оглядывался по сторонам.

Деревеньки, которые мы проезжали, были похожи одна на другую. Маленькие беленькие домики цеплялись огородами один за другой и прятались от жаркого солнца под высокими раскидистыми деревьями. Телеги, трясшиеся по дороге, поднимали тучи пыли, которая не спешила оседать и еще долго висела в воздухе. В лопухах на обочине копошилась домашняя живность, чирикали птицы, и весь этот человеческий мир пах как-то особенно: уютом, беззаботной доверчивостью, едой... Демоны очень хорошо умеют чувствовать такой аромат, впрочем, ангелы, кажется, тоже, но у них он вызывает только умиление, а у нас желание немедленно напасть, схватить и съесть...

Изредка я замечал вдали каменные руины. Построенные в незапамятные времена высокие замки были похожи на крепости с узкими щелями-окнами и крутыми скатами крыш. Демоническая архитектура — монолитная кладка, острые зубцы, хищные морды горгулий, украшавшие

карнизы. Дух захватывает, когда видишь эти величественные сооружения, пусть даже наполовину лежащие в развалинах. Сколько веков прошло с тех пор, как в них никто не живет, и они стоят разоренные, покинутые, мертвые.

Не останавливаясь, мы ехали до самого вечера. Наверное, Буллфер мог проскакать так еще долго, но Энджи, сидящий впереди, начал дремать, и мне пришлось придерживать его, чтобы он не свалился на землю, да и мое человеческое тело начинало уставать.

Хозяин пару раз оглянулся на нас и в следующей деревне решительно направился к таверне. Значит, тоже устал и мечтает о тихом, теплом стойле... в смысле комнате. Ангелок тут же проснулся.

— Буллфер, может быть, не надо?! — он повернулся ко мне.— Он хочет, чтобы мы переночевали здесь. Считает, что мы утомились, но я не устал. Правда.

— Он прав,— сказал я.— Нам всем нужно отдохнуть и поесть...

Я широко распахнул дверь и, не обращая внимания на заинтересованные физиономии посетителей, направился прямо к стойке. Энджи скромно держался за моей спиной.

— Хозяин! — гаркнул я, бросая на столешницу золотой.— Вина, жареного мяса, молока, хлеба, в общем, тащи все, что есть, овса для моей лошади и лучшую комнату!

Трактирщик подхватил монету, угодливо кланяясь, проводил меня с мальчиком в самую спокойную часть зала и даже протер полотенцем стол, что должно было означать его особое к нам расположение. Как только мы сели, перед нами появилась гора провизии, которой можно было накормить не менее пяти голодных человек и одного слегка проголодавшегося демона.

Посетители с молчаливым уважением наблюдали за тем, как я управляюсь с бараньей лопаткой. Трактирщик смотрел на меня, словно на родного, подсчитывая чаевые, которые с нас можно содрать, а хорошенькая служаночка перелетала от нашего стола на кухню с пустыми тарелками, возвращалась обратно с полными, одновременно успевая строить мне глазки. Хорошо, что хозяина нет с нами, хоть расслабиться можно, не выслушивая едких комментариев по поводу моего обжорства и отвратительных манер. Посмотрел бы на своего Энджи. В человеческом облике он вел себя совсем молодцом. Аппетит у мальчишки был как у голодного щенка, хотя, конечно, он умел управляться с ножом и вилкой одновременно и не ел ничего мясного.

Все-таки человеческий образ многое упрощает, снимает ограничения, помогает расслабиться. Никакой ответственности, никаких условностей. Можно сидеть за одним столом с человеком и ни разу не вспомнить, что тебя вообще-то бесит их слабость и беспомощность. Сам такой же!

Люди вокруг, все еще поглядывая на нас время от времени с любопытством, продолжили прерванный разговор. Я прислушался. Обсуждали будущий урожай и пришли к выводу, что просо в этом году

ничего себе, а пшеница не уродилась, и если Хозяин не снизит налог на зерно, то, чего доброго, можно зимой и без хлеба остаться.

— А если ИМ вместо пшеницы овсом отдать...— говорил маленький курчавый человек, по виду зажиточный, потому как, несмотря на жару, вырядился в хромовые сапоги.— Демонам-то все равно. Главное — насыпано в мешках чего-то, и ладно. Они только в мясе разбираются, положено к Хозяйскому столу столько-то говядины в месяц, так говядиной и расплатись. У НИХ за этим строго следят.

Эх, услышал бы я его во времена правления Буллфера, показал бы ему овес...

— Так ведь у нас теперь вроде не Хозяин, а Хозяйка,— отозвался рыжий шебутной мужичок, который успевал не только принимать участие в разговоре, но и заговорщически перемигиваться с трактирщиком.— Господин Маркус вчера на ярмарке был, так там объявляли, что прежний Хозяин низложен и подвергнут анафеме, а теперь следует поклоняться Высочайшей Хозяйке.

— Нам-то все равно, кому поклоняться,— сказал первый.— Главное, что теперь наверняка налоги вдвое поднимут или войну какую затеют...

Крестьяне покосились в мою сторону, и тот, что предлагал заменить пшеницу овсом, покашлял и почтительно осведомился, не знает ли благородный господин, то есть я, будет война или нет, потому как видно, что господин едет издалека и наверняка слышал что-нибудь по дороге о грядущих переменах.

Я поморщился и пробормотал с набитым ртом, что войны никакой не намечается, а вот налоги повысят. Собрание успокоилось и радостно зашумело о том, что если налоги повысят, то это ничего, пусть повышают, на то они и демоны, чтобы с людей деньги собирать, главное, чтобы войны не было. А там уж все как-нибудь приспособятся.

Мне почему-то стало тошно. Наверное, оттого, что Хул уже везде раструбила о своем счастливом воцарении. Хорошо, что Булф не слышит этих разговоров...

Через некоторое время, когда я, заглушив первый голод, приступил к осознанной дегустации и стал замечать, какие аппетитные формы у крутящейся рядом служаночки, а Энджи начал дремать, дверь в очередной раз распахнулась, и в таверну влетел еще один смертный. Выглядел он так, словно на улице с ним встретился Буллфер во время своей боевой трансформации. А может, и правда, встретился. С него станется... Человек подбежал к стойке, навалился на нее грудью и что-то невнятно прошептал. Трактирщик почтительно покосился в нашу сторону и вполголоса забормотал в ответ. Я услышал: «Жеребец это ихний... того господина... и мальчик с ним...»

Так, что дальше?! Энджи мгновенно проснулся, тоже услышав странный разговор, и тревожно посмотрел на меня. Я же на всякий случай незаметно проверил, легко ли достается клинок из ножен. Любитель лошадей, наконец, отклеился от стойки и решительно направился к

нам. Без приглашения уселся за стол, уставился на меня безумными глазами и спросил:

— Твой конь?

— Мой,— ответил я спокойно, почти равнодушно.

— Продай!

Энджи едва не подавился пирожком, а я сумел сохранить высокомерно-невозмутимое выражение лица, хотя внутренне обомлел от этого предложения.

— Не продается.

— Хочешь пятьсот?!.. Нет, тысячу?

— Милейший, я же сказал, жеребец не продается.

— Полторы! Полторы тысячи!

А забавно было бы согласиться. Нет, Буллфер убьет меня, если узнает, что я хотел продать его всего за полторы тысячи. Он хоть и бывший Хозяин, но стоит дороже.

— Я сказал — нет.

Любитель лошадей побагровел и заорал, выкатив глаза:

— Да за эти деньги ты сможешь купить себе десяток коней!

— А мне нравится этот.

— Зачем он тебе?! Ты же его за год заездишь! Тебе что деревенская кляча, что скаковой жеребец! Хоть бы подковал его, олух! Или денег на новые подковы нет?!

Я представил себе, как этот несчастный ведет Буллфера в кузницу и вылетает оттуда с новенькими подковами на заду.

— Ну что, согласен? Берешь деньги? — заметив на моем лице улыбку, с надеждой спросил покупатель.

— Нет, жеребец не продается. Ни за полторы тысячи, ни за десять.

Лошадник презрительно плюнул, обозвал меня длинным, замысловатым ругательством и выскочил из таверны.

Энджи улыбнулся:

— А я уже подумал, что ты не удержишься и продашь ему Буллфера.

— Была у меня такая мысль.

Ангелок рассмеялся, а потом зевнул и потер глаза.

— Гэл, я что-то устал...

— Понятно, ваша светлость. Сейчас провожу вас отдыхать.

Комната наша оказалась просторной, теплой, чистой, с двумя кроватями, окном, закрытым ставнями, и большим камином. Энджи добрался до своей постели, забился под одеяло, блаженно вздохнул, сладко зевнул и пробормотал сонным голосом:

— Гэл, ты, пожалуйста, сходи к Буллферу. Может быть, ему холодно или он голодный...

— Ладно,— пообещал я, поворачивая фитиль в лампе.— Схожу.

В комнате стало темно, и отсветы камина разрисовали стены багровыми полосами. Почти как у нас... Я вдруг затосковал по дому, по всем нашим длинным переходам, высоким залам, по своей уютной комнатке... даже по бесам. Как они там? Подневольный ведь народ, какой

Хозяин будет, такому и служат. Эх! Не снимая сапог, я завалился на кровать и потянулся. Хорошо! В темноте чуть слышно потрескивало пламя и тихонько посапывал ангельский мальчишка. Меня тоже потянуло в сон, хотя планы на этот вечер были грандиозные, служаночка-то весьма многообещающе на меня поглядывала. Не рассчитал я с едой и слегка объелся...

Разбудили меня странные звуки. Во дворе кто-то вопил, испуганно ржали лошади, истошно лаяли собаки. Режут, что ли, кого? Потом я услышал лязг, грохот и хруст, словно десяток топоров одновременно врубаются в деревянную стену.

— Гэл, что это? — раздался встревоженный голос Энджи.

Я вскочил и распахнул ставни.

По двору в свете факелов метались полуодетые люди, ловя взбесившихся лошадей. Двери конюшни были распахнуты, а стены ее дрожали.

— Буллфер! — воскликнули мы с Энджи одновременно.

Я первым выскочил во двор. Следом за мной, на ходу натягивая курточку, скатился с лестницы ангелок. На меня тут же налетел трактирщик, схватил за рукав и заголосил:

— Сделайте что-нибудь! Ваш чертов жеребец взбесился! Он нас всех поубивает!

Я отпихнул его и помчался к конюшне. Энджи, цепляясь за мой ремень, спешил следом. Растолкав любопытствующих, мы пробились к воротам. На земле, около бочки с водой сидел человек с окровавленным лицом. Он стонал и время от времени прикладывался к кувшину с вином. Возле него хлопотала все та же служаночка, и глаза у нее от ужаса и любопытства косили, как у зайца.

Я прошел мимо раненого и осторожно заглянул в конюшню...

Буллфер методично разносил стойло в мелкие щепки. Под ударами его копыт деревянные перегородки разлетались на куски, столбы, поддерживающие крышу, ломались, как спички, тонкие стены сотрясались. На стропилах, под потолком, уцепившись руками и ногами за брус, висел человек и вопил, не переставая. Похоже, Буллфер подбирался именно к нему.

— Что случилось? — спросил Энджи, стараясь перекричать грохот и треск.

А ничего особенного не случилось. Любитель лошадей, обозленный отказом, решил увести у меня «жеребца». Не придумав ничего лучшего, он нанял двоих не особо отягощенных совестью граждан. Темной ночью те пробрались в конюшню и вместо тихой послушной лошадки столкнулись с разъяренным демоном. И началась потеха. Одному из конокрадов удалось сбежать, другой каким-то образом забрался под потолок, спасаясь от гнева Хозяина.

— Уберите его! — орал несчастный.— Это дьявол, а не конь! Снимите меня отсюда!

Вторым пострадавшим был конюх, который сдуру полез усмирять Буллфера, но «эта злобная скотина» одним пинком вышибла его из конюшни.

В толпе за моей спиной шло бодрое обсуждение происходящего. Те из приезжих, кто успел поймать своих лошадей, сбежавших из разоренной конюшни, давали умные советы, кто не успел — ругались последними словами. Трактирщик стонал, хватался за сердце и трагическим голосом вопрошал: «Кто же теперь, господа, возместит мне убытки?!» Мальчишки визжали от восторга. Ценители и знатоки лошадей, причмокивая от наслаждения, обсуждали резвость и стать Буллфера. Цена за «жеребца» возросла до пяти тысяч.

— Какой красавец! Смотрите, мэтр Никола, какие ноги!

— Злобная скотина! Его надо водой окатить.

— С ума сошел! Он еще больше разъярится! Ему надо мешок на голову накинуть!

— А кто будет накидывать? Ты, что ли?

— Еще чего! Трактирщик пусть...

— Да застрелить его надо. Не видите, он взбесился!

— Смотрите-смотрите, господин Освальд, он припадает на левую заднюю ногу. Вот, вот опять!

— Снимите оттуда этого болвана!

— Да застрелите вы его, чтобы неповадно было коней воровать.

— Покалечится лошадь! Такой товар пропадет!

— Нет, вы скажите, уважаемые сэры, кто заплатит мне за погром?! В прошлом месяце новые стойла поставил, крышу перекрыл...

— Сделайте что-нибудь, он же убьется!

— Кто, конокрад?

— Черт с ним, с конокрадом, лошадь жалко!

— Гляди-гляди, а у хозяина евойного аж лицо перекосило.

И вдруг несчастный конокрад не удержался на своей деревяшке и с громким воплем полетел вниз, чуть ли не на голову беснующемуся Буллферу. Толпа ахнула. «Жеребец» взвился на дыбы, и в тот же самый миг из-за моей спины выскочил Энджи. Раскинув руки, он бросился вперед, прямо под копыта, закрывая собой человека, и повис у Буллфера на шее. Толпа ахнула вторично. «Ну вот и все,— подумалось мне.— Сейчас он его растопчет. Один удар, и конец глупому ангелочку». Но удивительное дело, Буллфер не отшвырнул мальчишку, не убил и не покалечил его. Все еще стоя на задних ногах и сохраняя каким-то невероятным образом равновесие, «жеребец» сделал несколько шагов назад и опустился на все четыре копыта. Мордой попытался оттолкнуть от себя ангелочка, но тот, зажмурив глаза, изо всех сил цеплялся за рыжую лошадиную шею. Конокрад воспользовался затишьем и быстро-быстро, на четвереньках, выбрался из конюшни. Буллфер только глянул в его сторону, но даже не пошевелился... Толпа облегченно вздохнула.

— Никогда в жизни меня так не оскорбляли! — бушевал Хозяин час спустя, уже в своем обычном облике.— Никогда!

Он расхаживал перед костром, пиная все, что попадалось ему под ноги, и огонь освещал его разъяренное лицо.

Мы сидели в чистом поле, решив, что на сегодня с нас хватит человеческого общества.

— Какая наглость! Какое хамство! А ты вообще когда-нибудь соображаешь, что делаешь?!

Энджи сидел, завернувшись в мой плащ, и его трясло от холода и пережитого нервного потрясения. Я подкладывал дрова в костер, стараясь не смотреть на ангела. Наконец-то ругают кого-то кроме меня.

— Куда ты полез?! — орал на него Буллфер.— Зачем ты полез?! Не видел, что я не в себе?!

— Там был человек,— прошептал Энджи, стуча зубами.

— Бросаться под копыта взбесившейся лошади из-за всякой человеческой швали?! Очень по-ангельски! Я мог убить тебя!

— Но там был человек!

— Вор, убожество, жалкая тварь!

— Человек!!— закричал Энджи.— А ты... ты жестокий, бесчувственный!

Мальчишка вскочил, сжав кулаки, и мне показалось, что сейчас он бросится на Буллфера и надает ему по физиономии, но ангелок неожиданно развернулся и пошел прочь от костра в темноту. Хозяин в немом бессилье закрыл глаза, задержал на мгновение дыхание, пытаясь сдержать бешеный гнев, и сказал уже спокойно:

— Гэл, пойди догони его. Еще не хватало, чтобы с ним что-нибудь случилось.

Я кивнул и поплелся следом за расстроенным ангелочком.

Тот сидел на поваленном дереве на опушке леса, уткнувшись лбом в колени.

— Энджи, ты... не расстраивайся. Хозяин, он... конечно, бывает... но он беспокоится о тебе...

Ангелок поднял голову. В темноте мои человеческие глаза видели совсем плохо, но я все же разглядел, что он не плачет. Вот и хорошо. Не терплю ангельских слез, так жалобно рыдают, что провалиться куда-нибудь хочется с тоски.

— Я же все понимаю, Гэл,— сказал Энджи грустно.— Он демон. Убийство, разрушение — его стихия. Но так тяжело постоянно чувствовать эту ненависть, злобу. Мне больно. Понимаешь, физически больно от его ярости... Ты этого не поймешь.

— Нет, почему же, понимаю.

— Но не чувствуешь. Конечно, люди — они... слабые, беспомощные, они многое делают неправильно, но их надо жалеть, а не презирать. Они же не виноваты! Им нужно помочь... А! — он махнул рукой и все-таки всхлипнул.— Кому я это объясняю! Ты просто не можешь этого понять! Не должен понимать по своей природе. Если людей можно чему-то научить, то демоны... Это ужасно! Я... я не знаю, что делать.

И он снова ткнулся лбом в колени.

— Энджи, послушай... Хозяин, конечно, бешеный, но ему сейчас тоже нелегко. Власть потерял, дома лишился, один остался...

— Не один,— пробормотал Энджи невнятно.

— Я, правда, не могу понять этого... про людей. Не могу я их жалеть, не знаю такого чувства. А разрушение... надо же кому-то разрушать, чтобы вы, ангелы, потом строить могли.

Энджи вскинул голову и неожиданно улыбнулся.

— А ты философ, Гэл. Это ты хорошо сказал про разрушение. Я запомню.

— Да ладно,— произнес я довольно.— Скажешь тоже, «философ». Пойдем лучше назад, здесь холодно.

Энджи отрицательно помотал головой и снова нахохлился:

— Нет, Гэл. Я побуду здесь, а ты иди. Не бойся, со мной ничего не случится. Я... я не хочу его видеть сейчас.

Пришлось возвращаться одному. Буллфер сидел у самого огня и прикладывал теплую золу к копыту на левой ноге. Оно действительно было разбито. Наверное, повредил, буйствуя в конюшне.

— Ну что? — спросил он, не поднимая глаз, когда я присел рядом.

— Ничего. Обиделся.

Буллфер шумно вздохнул и поморщился от боли.

— Хозяин, вам бы подлечиться.

— Не могу. Эта стерва так меня приложила, что до сих пор чувствую себя разбитым корытом.

— Хотите, Энджи позову, он здорово умеет лечить.

— Не надо! — прорычал Буллфер сквозь зубы и так посмотрел на меня, что у меня пропало всякое желание настаивать на ангельском лечении.

— У тебя не осталось целебной грязи? — спросил он минуту спустя поспокойнее.

— Нет,— ответил я с сожалением.— Не догадался взять с собой.

— Ну конечно,— проворчал Булф.— Как же, догадаешься ты!

Он поднялся, сделал несколько шагов, заметно хромая, и с гримасой боли опустился на прежнее место.

— Ладно. Терпимо... Иди к нему.

— Хозяин, может, все-таки...

— Я сказал, иди.

Гордые все какие! Один с демоном общаться не может! Другой помощь от ангела принимать не желает! Надоели оба!

Так я всю ночь и бродил от одного края поля к другому. Как придурок!

Утро было отвратительным. Во-первых, никто не выспался. У Буллфера всю ночь болела нога, ангелок страдал из-за несовершенного устройства мира, я молча злился. Потом пошел дождь. Промокший, замерзший Энджи выглядел довольно жалко. Буллфер был мрачен и хромал все сильнее. Смена образов далась ему с трудом, и теперь «же-

ребец» шел, опустив голову с намокшей гривой, болезненно поджимая больную ногу, и даже шерсть его не отливала прежней яркой медью. Теперь на нем никто не ехал. Мы с ангелом плелись рядом, увязая в грязи. Кусая губы от жалости, Энджи посматривал на Буллфера, потом переводил взгляд на меня и тяжело вздыхал. Я молчал. А что тут скажешь?! Мирить их у меня не было ни желания, ни сил.

Так мы прошли еще с полмили, и в конце концов ангелок не выдержал.

— Стойте! — крикнул он.

Опустился прямо в грязь у ног Буллфера и осторожно прикоснулся к разбитому копыту, теплый свет полился из его ладоней. «Жеребец» оглянулся на него, Энджи тоже поднял голову, несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом ангелок улыбнулся, а хозяин глубоко вздохнул. Что, помирились?! Буллфер поставил ногу на землю и слегка топнул, потом тряхнул головой и издал звук, очень похожий на лошадиное ржание. Энджи рассмеялся.

— Поехали, Гэл,— сказал он весело.— Буллфер говорит, что в полдень мы будем у Виктории.

Глава 7,
в которой мы приезжаем, но...

Он не ошибся. Каменные стены форта появились из-за серой пелены дождя около полудня.

Буллфер шел, весело потряхивая мокрой гривой, разбрызгивал дорожную грязь и с удовольствием подставлял бока потокам воды, льющимся с неба. Конечно, хорошо ему, копыто вылечили, и вообще лошади купаться любят. А каково нам, «смертным»? Ни тебе тепла, ни комфорта. Ангелочек уже несколько часов не подавал признаков жизни, забившись под мой плащ, и руки его были совсем холодными.

Жеребец остановился возле высоких ворот, окованных железом. Я слез с него, с трудом разгибая негнущиеся конечности, и постучал тяжелым стальным кольцом, подвешенным вместо дверного колокольчика. Маленькое окошечко в двери приоткрылось, и в нем появилась заспанная недовольная физиономия охранника.

— Чего надо? — спросил он равнодушно.

— К леди Виктории,— ответил я внушительно.

— Не принимает,— безучастный солдат зевнул прямо мне в лицо.— Завтра приходи.

Он хотел захлопнуть окошечко, но неожиданно оказалось, что не может этого сделать, потому что его шею сжимает моя рука, а прямо перед носом блестит кончик обнаженного клинка.

— Ты у меня сейчас отправишься работать привратником прямо в рай! Давай открывай!

Мирного демона тоже можно завести, если мотать сутки по дождю, воровать его лошадь и доставать глупыми разговорами. Охранник вытаращил глаза.

— Вы меня лучше отпустите, благородный господин! А то ведь я могу и охрану позвать.

— Я тебе позову!

Продолжая держать его, я полез в карман, достал перстень Виктории и сунул под нос стражнику.

— Открывай!

Он узнал герб хозяйки и облегченно загремел ключами.

— Что же вы сразу не сказали, господин! Проезжайте, конечно, только леди нет дома. Они с визитом еще утром уехали. А вы сами кто будете?

— Родственник я ей,— сказал я хмуро.— Дальний.

— А мальчик?

— А мальчик поручен моим заботам... Ну, долго мы еще будем здесь торчать?!

— Проезжайте! Проезжайте, господа!

Ворота приоткрылись, и мы ступили на мощенный каменными плитами широкий двор.

— Мальчик-то у вас совсем замерз,— заметил охранник, рассматривая бледного, дрожащего Энджи, которого я стащил со спины Буллфера.

— Мы долго ехали.— Я бросил поводья «жеребца» подбежавшему мальчишке-слуге и повел ангела в замок.

Леди Виктория жила совсем неплохо. Я уже однажды был в этом замке. Тепло, уютно, просторно, по человеческим меркам, конечно. Неплохо было бы задержаться здесь на месяц-другой. Отдохнуть, подлечить Буллфера и... А собственно, что? Неужели я тоже начинаю верить в это его грядущее неведомое совершенство?! Великие перемены все еще ждут нас? Интересно, ангелок о чем-нибудь догадывается?

Нас проводили на хозяйскую половину, каждого в свою комнату. Энджи переодели, уложили в постель с грелками и напоили горячим молоком. Он с трудом пробормотал что-то благодарное и мгновенно уснул. Кажется, ангелок обладал способностью засыпать где угодно и когда угодно, свалив заботы о своей безопасности на кого-нибудь другого. Полезное качество.

Устроив мальчишку, я занялся собой. Прежде всего, содрал мокрую одежду, осточертевшую кольчугу и забрался в бочку с горячей водой. В человеческом теле мыться было гораздо удобнее, и я даже получил некоторое удовольствие от этого процесса. Потом переоделся, поужинал и завалился спать. А золотой перстень для сохранности надел на палец...

Разбудил меня приглушенный голос.

— Гэл. Проснись.

Я приоткрыл веки и увидел прямо перед собой узкие, светящиеся в темноте глаза. Сердце, громко стукнув, улетело в пятки, я едва не завопил от ужаса, но чья-то ладонь мгновенно зажала мне рот.

— Тихо! Это я.

Мне едва не стало дурно от облегчения.

— Хозяин! — зашептал я, когда он отпустил меня.— Разве ж можно так пугать!

— Вставай,— демон швырнул мне одежду.— Она едет. Нужно достойно встретить нашу леди.

— Энджи будить? — спросил я, одеваясь.

— Нет. Пусть спит.

Довольный оказанным мне доверием (хоть раз в жизни обойдемся без ангелочка), я приладил к поясу ножны и сказал:

— Я готов.

— Тогда пошли.

Комната Виктории была в противоположном конце коридора. Не обращая внимания на стражу, прогуливающуюся неподалеку, мы прошли прямо в покои хозяйки, а бравые ребята в начищенных кирасах не заметили нас. Буллфер был мастер на такие штуки. Видимо, этот же фокус он проделал, когда пробирался в мою спальню.

Мы вошли в слабо освещенную комнату. Хозяин сел в кресло, я подошел к окну и отодвинул гардину. Через несколько минут в темноте замелькали огни факелов, послышались звуки рога, во дворе залаяли собаки, заржали лошади и загомонили люди. В замке поднялась суета. Госпожа возвращалась после увеселительной поездки. Скоро в коридорах раздались веселые голоса, обрывки песен, деликатный женский смех и смягченная мужская брань. Потом у самой двери кто-то остановился, прозвучало негромко: «Веселитесь, господа, я сейчас...», и в комнату вошла наша долгожданная леди. Тихонько напевая, она швырнула хлыст в угол, подошла к зеркалу, посмотрела в него и вдруг стремительно обернулась, роняя на пол коробку с пудрой.

— Кто здесь?! — пролепетала она. Ее рука потянулась к колокольчику, стоящему на столе.

— Не нужно никого звать, моя дорогая леди,— сказал Буллфер вполголоса.

Виктория вскрикнула, дернула за шнур, и светильник под потолком ярко вспыхнул, осветив комнату, кресло, в котором сидел Хозяин, меня, почтительно и безмолвно стоящего рядом с ним.

— Святые небеса! — прошептала она.— Вы?!

Красивая девушка. Высокая, стройная блондинка. Немного эксцентричная и взбалмошная, но в целом очень даже... На ней была алая «амазонка», расшитая золотыми цветами, и длинный белый шарф. Волосы убраны в сетку, блестящую драгоценными камнями. Красивая девушка, и испуг ей идет. Приятно было смотреть на ее лицо, теряющее надменность и высокомерие.

— Буллфер, вы?! А я слышала, что...— она прикусила губу, сообразив, что сказала лишнее.

Хозяин подался вперед.

— Слышали, что я мертв?

— Да,— выговорила она с трудом.

— Нет, моя дорогая, я жив. И вижу, ты очень рада этому.

Виктория покраснела, залепетала что-то невнятное, но быстро взяла себя в руки и лучезарно улыбнулась.

— Конечно! Простите, Хозяин. Я... я счастлива, что вы посетили мой скромный замок. Не хотите ли вина?

— Хочу,— сказал Буллфер, рассматривая ее в упор.

Виктория снова потянулась к колокольчику, но стремительно отдернула руку:

— Нет. Я сама принесу.

Она почти выбежала из комнаты. Булф тихо зарычал и стукнул кулаком по подлокотнику.

— Боится. Ждет не дождется, когда я уберусь отсюда. Уже смоталась к Хул и заверила ее в полной своей преданности. Дай мне перстень.

Я поспешно стянул украшение с пальца. Буллфер надел его, полюбовался золотым блеском и довольно усмехнулся. Спустя минуту прибежала Виктория с подносом:

— Красное вино. Как вы любите.

Буллфер лениво потянулся за бокалом, и Виктория вздрогнула, увидев на его руке свой перстень. Ее щеки снова побелели. Я отлично понимал девушку. В прежние времена, когда Булф был в зените славы, она, конечно, хотела добиться его расположения. И добилась в конце концов. Вот он, пожалуйста, сидит в ее спальне с дареным кольцом на пальце. Правда, поздновато. Власть успела поменяться. Виктория снова защебетала какой-то вздор, но встретилась с мрачным взглядом Буллфера и растерянно замолчала.

— Ты знаешь, что я проиграл в поединке? — спросил он после короткого молчания.

— Да,— прошептала она, опустив глаза.

— Ты клялась мне в верности, Виктория.

На лице леди отразилось глубочайшее смятение, но губы заученно улыбались.

— Я... вы всегда можете рассчитывать на мою преданность, Хозяин, но...

— Что?!

— Но поймите! — Она всплеснула руками, и к ней неожиданно вернулись смелость и красноречие.— У меня маленький форт! Наши силы ничтожны! Чем я могу помочь вам?! У меня нет ни армии, ни денег! Десяток-другой солдат!

— Ну, это не так уж и мало,— сказал Буллфер, явно издеваясь, но она не заметила насмешки в его голосе.

— Не мало?! Это ничтожно! Из-за дождей уже третий год гибнет урожай. Замок ветшает! Мне нужно содержать свиту и кучу бедных родственников! А еще налоги!

— Поэтому на тебе новые драгоценности, а лошадей кормят овсом и яровой пшеницей? — спросил Буллфер.

Виктория стала пунцовой. Некоторое время Хозяин рассматривал ее с усмешкой, а потом сказал:

— Не бойся, дорогая, я не собираюсь просить у тебя армию и требовать денег. Мне нужно убежище. На несколько недель. Потом я уйду и больше уже не побеспокою тебя.

— На несколько недель? — недоверчиво переспросила она.

— Да. На две, может быть, на три.

Леди вздохнула, опустилась на ковер у ног демона, подняла голову, посмотрела в его лицо и сказала тихо:

— Я слабая женщина, Буллфер. Обо мне некому позаботиться, кроме меня самой, и защитить меня тоже некому.

— Некому? — хозяин недоверчиво прищурился.— А как же твой драгоценный брат?

Она улыбнулась грустно:

— Он не сможет оградить меня от гнева демонов... Я выживаю, как могу, Буллфер. Вы боретесь за власть: сегодня один Повелитель, завтра другой. Сегодня ты, завтра Хул, послезавтра, может быть, снова ты. А нам приходится подстраиваться под каждого... Две-три недели... Прости, Хозяин, но я не верю тебе. Ты пришел ко мне, потому что тебе больше некуда идти. Ты надеешься на что-то. На чудо?

Булф положил ладонь ей на голову и заглянул в обращенные к нему печальные глаза.

— На чудо,— сказал он хрипло.

Леди медленно покачала головой:

— Не бывает таких чудес. Конечно, ты можешь остаться здесь, ты можешь забрать все, что у меня есть. Но тебе не победить Хул.

— Мне нужно время! Только время! — Его пальцы сжали белокурую волну прически Виктории, разрывая когтями алмазную сетку.— Еще два десятка дней, и я получу силу, какую ты себе даже представить не можешь.

— Может быть, я не знаю твоих планов.

— Обещай мне, что Хул не узнает, где я. Ты не скажешь ей, что дала мне убежище.

Виктория опустила взгляд:

— Она догадывается, что ты остался жив, и она ищет тебя... а когда найдет... Один раз ты уже проиграл.

— Второй раз не проиграю.

— Если Хул узнает, что я прятала тебя, она разрушит мой замок, убьет меня и моих людей.

— Я сам могу убить тебя,— спокойно сказал Буллфер.

Виктория печально улыбнулась:

— Как дешево вы цените человеческую жизнь. Что ж, убей, если это доставит тебе удовольствие.

Булф взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Помоги мне, и я сделаю тебя королевой.

На ресницах Виктории заблестели слезы, она прерывисто вздохнула и прошептала:

— Простите, Хозяин.

Буллфер шумно задышал, пальцы его сжались в кулак, я невольно втянул голову в плечи, чувствуя, что еще немного и он сорвется. Леди закрыла глаза, губы ее задрожали, но она не склонила головы, даже не пытаясь заслониться от ожидаемого удара. И демон опустил кулак не на белокурую головку «предательницы», он треснул по хрупкой вазе, стоящей на столике рядом. Мелкие осколки со звоном посыпались на пол. Виктория не пошевелилась. Зато дверь в спальню распахнулась, и в нее стремительно вошел парень лет двадцати, светловолосый, светлоглазый, в темно-зеленой охотничьей куртке и высоких сапогах. Конечно, за пределами комнаты ничего не было слышно, поэтому он продолжал весело насвистывать, помахивая левой рукой, ладонь которой была забинтована. Этот легкомысленный свист оборвался, едва парень увидел Хозяина.

— Буллфер! — сказал он, как будто не удивившись, и опустил взгляд на Викторию.

— Ричард! — воскликнула та, вскочила и бросилась к брату, словно могла найти в его объятиях защиту от гнева демона.

— Хозяин просит у нас убежища на две недели,— прошептала она.

Машинально проводя забинтованной ладонью по золотым кудрям сестры, Ричард вежливо улыбнулся Буллферу, хотя глаза его стали тревожными и настороженными.

— Мы будем рады, если вы станете нашим гостем,— сказал он все с той же неизменной вежливостью.

Виктория встрепенулась и отстранилась от него.

— Нет! Ричард, мы не можем этого сделать!

— Сестра, это наш долг.

— Подумай, что будет с нами! Если мы оставим их здесь... Я уже отказала ему.

— Виктория!

— Ричард, прошу тебя! — Она схватила брата за руку, и из широко распахнутых глаз хлынули слезы.— Подумай о нас! Подумай обо мне.

На лице парня появилось выражение мучительной тоски, но он повторил:

— Мое приглашение остается в силе.

Тогда Виктория бросилась к Булфу:

— Мой брат не может отказать тебе, Буллфер. Он слишком благороден и честен. Наверное, я тоже могла бы смириться... если бы погибла только я. Но этот выбор может обернуться смертью для всех людей в наших владениях. Поэтому я прошу тебя — уходи. Не губи нас. В этом нет смысла...

Хозяин оттолкнул ее, откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза ладонью. Несколько мгновений он сидел так, молча, не шевелясь, потом поднялся и пошел к выходу. Я поспешил следом. У самой двери он остановился, снял перстень с пальца и, не глядя, швырнул его на пол. Золотая безделушка покатилась по ковру под ноги поникшей Виктории.

Глава 8,
в которой Энджи требует справедливости, но это не вызывает одобрения у присутствующих

Высокие башни замка давно скрылись из вида, а Буллфер все шагал и шагал, не обращая внимания на дождь, ветер и тревожные вопросы Энджи. Он забыл сменить образ, забыл, что может перенестись на нужное расстояние одним усилием воли, и просто шел, сам не зная куда. Мрачный, задумчивый... одинокий.

На краю поля он остановился, посмотрел назад, туда, откуда бежал, и сказал тихо, каким-то чужим голосом:

— Да, было бы проще, если бы я умер.

— Нет! — крикнул Энджи своим тонким мальчишеским голосом.— Нет! Слышишь, нет! Это несправедливо! Подло!

Он топнул ногой и бросился бежать, разбрызгивая грязь. Мы с Буллфером догнали его уже на вершине холма. Ползая по земле на коленях, острым обломком ветки ангелок рисовал пентаграмму. Я едва не спросил, не повредился ли он в уме от огорчения, но Буллфер, взглянув на меня, отрицательно покачал головой.

Энджи дорисовал последнюю линию, отбросил ветку, поднялся и шагнул в круг. Ветер тут же набросился на него и принялся трепать волосы, воротник куртки, бросать в лицо ледяные капли дождя. Но ангелок не замечал этого. Он шептал что-то едва слышно, а потом крикнул пронзительно и тоскливо, протягивая руки к кому-то неведомому.

И его услышали.

Пентаграмма, окружающая Энджи, засветилась ослепительным светом, пространство вокруг замерцало и разорвалось. В лицо ударил горячий ветер и нарастающий гул, похожий на удар гигантского гонга. Мне захотелось упасть, закрыть глаза, вжаться в землю. Буллфер рядом со мной тоже попятился, прикрывая глаза от белого света, бьющего из трещины, пересекающей небо. В этом невыносимом сиянии фигурка Энджи была хрупкой, тонкой, казалось, еще немного — и его сметет.

И вдруг из сияющей пустоты навстречу нашему мальчишке вышел... Впервые в жизни я видел боевого ангела. Во всем его великолепии.

Он был высок. Широкую грудь закрывали зеркальные доспехи, набранные из плотно прилегающих друг к другу пластин, на руке висел длинный отполированный щит, из ножен за спиной виднелась рукоятка меча. Размах белых крыльев казался огромным. Лицо было прекрасно и спокойно. Он равнодушно скользнул взглядом по нам с Буллфером... И не счел нужным увидеть нас. А мне вдруг подумалось, что это существо одним только взглядом смогло бы, наверное, отшвырнуть меня прочь. Что оно почти всесильно и почти непобедимо. Ему просто нет никакого дела до нас, мы для него мелкие уродливые твари, которые по какой-то причине живут под землей. Что-то типа крыс или летучих мышей. Пользы от них никакой, но зачем-то нужны. Так пусть сидят себе там и не высовываются. Я услышал, как рядом тихо зарычал Буллфер. Видимо, эти мысли пришли в голову не мне одному.

— Эрнолтинаор! — сказал наш ангелок.

— Ты звал меня? — Боевой ангел с легкой улыбкой смотрел на него.

— Да! Тебя... кого-нибудь!

— Тебе нужна моя помощь?

— Мне... нам,— он оглянулся на нас.— Нам всем.

Светлый чуть нахмурился, теперь «заметив» меня и Буллфера.

— Чего ты хочешь, Энджи?

Ангелок заволновался, крепко стиснул руки, заговорил сбиваясь:

— Понимаешь! Буллфер, он... его лишили власти, обманом. И теперь никто, совсем никто не хочет ему помочь! Его вызвали на поединок...

На лице ангела появилось высокомерно-равнодушное выражение.

— Эти подробности меня не интересуют, Энджи. Мы не вмешиваемся в жизнь демонов. Извини, но я ничем не могу тебе помочь.

— Эрнол! А как же справедливость?! Какая разница: демон, человек или ангел?!

— Нет, Энджи, ты сам не понимаешь, о чем просишь.— Он говорил с нашим ангелочком, словно с неразумным ребенком.— Я не буду наводить порядок в логове демонов только потому, что тебе кажется несправедливым, если одного из них вышвырнули из стаи.

Боевой ангел повернулся, собираясь уходить, и Энджи отчаянно закричал ему вслед:

— Подожди! Подожди же! Позови Архэл! Пусть придет Архэл!

Белое свечение снова заклубилось, и у меня отвисла челюсть, когда я увидел... еще одного. Одну... На зов Энджи откликнулась девушка. Боевой ангел женского пола. Те же доспехи, щит, меч, крылатый шлем. То же ощущение непобедимой силы...

— Боже мой, Энджи! — воскликнула она, рассматривая нас с Буллфером.— Что это?! Что за демонский сброд?! На какой помойке ты их подобрал?!

Я крепко уцепился за локоть Булфа, чувствуя, что его начинает мелко трясти от бешенства.

— Архэл...— пробормотал смущенный Энджи,— это не сброд, это...

Но боевая девица не слушала его:

— Ты с ума сошел! Таскаешься бог знает где в компании этих... этого... Немедленно отправляйся домой!

— Архэл, нет! Я никуда не пойду! — Энджи упрямо тряхнул головой и, кажется, всхлипнул.— Я хотел просить тебя о помощи...

— Помогать им? Демонам?!

— Пожалуйста, хотя бы выслушай меня!

— Нет.

— Но послушай!

— И слушать ничего не хочу! Идем домой.

— Нет! Не пойду! Это мои друзья! Я их не брошу.

— Друзья?! — Архэл удивленно вскинула идеальные дуги бровей.— Э т о твои друзья? Кто же в таком случае м ы? Я, Эрнол...?!

— Послушай,— сказал Энджи, чуть не плача,— это же тебе ничего не стоит. Помоги Буллферу вернуть власть, снова стать Хозяином.

— Буллферу?..— выговорила она имя Хозяина.— Вот этому рыжему?.. Я вижу, в своих странствиях ты окончательно лишился рассудка.

— Архэл!

— Энджи, я больше не хочу слушать эту ересь о дружбе с демонами. Ты немедленно отправляешься домой.

— Нет! — сказал он твердо, но дрожащим голосом.— Я останусь с ними и буду им помогать.

— Упрямец! — воскликнула Архэл, начиная сердиться.— Твою свободу никто не может ограничить, но предупреждаю, мы снимаем с себя всякую ответственность за тебя. Последний раз спрашиваю, ты идешь?

Энджи демонстративно отвернулся, девица пожала плечами:

— Как хочешь. Но я предупреждаю. Все это может очень плохо для тебя закончиться.

Ангелок промолчал. Боевой ангел еще некоторое время смотрела на него, но так и не дождалась ответа... Контуры ее тела замерцали, трещина стала затягиваться, и, как только белый свет померк, окрестные леса огласил рев взбешенного Буллфера.

— На помойке, значит, подобрал?! Демонский сброд?! Рыжий?! Святоши чертовы! Боевые ангелы?! Высокомерные нахалы!!!

Он мог еще долго распространяться в том же духе, но я снова сжал его локоть и указал взглядом на Энджи. Тот стоял на коленях в центре пентаграммы, уткнувшись лицом в ладони, и плечи его вздрагивали. Буллфер замолчал, подошел к нему, разбивая магический круг, и сел рядом.

— Не надо, Энджи, не расстраивайся.

Я опустился на землю с другой стороны и поддержал хозяина:

— Да, Энджи! Ерунда это все. Мы сами справимся, без этих...

— Я... я просил их о помощи, о справедливости,— всхлипывал он.— А они...

— Да плюнь ты на них.— Я достал из кармана носовой платок и сунул ему.— Подумаешь, боевые ангелы! Видали мы таких!

— Ты не понимаешь! — воскликнул Энджи.— Они же... непобедимы. У них новые доспехи. Эта броня несокрушима! И зеркальные щиты! Они отражают любой удар, любую магическую атаку. И мечи...— Его плечи снова задрожали.

Я посмотрел на Буллфера поверх склоненной головы Энджи.

— Все правда, Гэл,— сказал он задумчиво.— И мечи, и щиты, и броня. Рядом с ними мы всего лишь безобидный крикливый сброд. Наше счастье, что они не хотят жить в нашем мире и боятся развязывать войну, чтобы не навредить людям. Иначе несколько десятков каких-нибудь Архэл или этих ангелов с длинным непроизносимым именем за сутки очистили бы наши подземелья от их обитателей.

— Буллфер, но ведь ты все равно сильнее их? — задал я тот же самый наивный вопрос, который совсем недавно задавал мне Энджи.

— Боюсь, что нет.

— Но ты же Высший демон! У тебя боевой облик...

— Клыки и когти против мечей, передающих энергию взрыва на расстоянии, и отражающих щитов?! Когда-то подобным оружием была сокрушена даже треть бессмертного ангельского воинства.

Энджи распахнул глаза, хватая его за руку:

— Как?!

Я тоже не нашел ничего лучшего, кроме как тупо моргнуть:

— Хозяин, я ничего не знаю об этом.

Тот хмуро усмехнулся:

— Есть древняя легенда о восставших ангелах, которые стали демонами, потому что их низвергли с Небес. Попав в грубую материю, они преображались до тех пор, пока различия между ними и нынешними ангелами не стали очевидны.— Буллфер долгим взглядом окинул Энджи, потом опустил глаза на свою когтистую лапу и с ироничной улыбкой обернулся ко мне.— Мы с тобой, Гэл, можем считаться их прямыми потомками. Вместо белоснежных крыльев — черная кожа, вместо золотистых кудрей — жесткая щетина. И чувства: ярость, боль, жестокость, тоска — когда-то подобные нам тоже не знали этого. Но на дне Вселенной, куда упали, почти сгорев, восставшие, они потеряли и прежнее величие, и надежду, и самих себя, бывших когда-то.

— Как это ужасно,— прошептал Энджи, плача беззвучно.

— Поэтому ты добиваешься сверхмогущества, Бесценной Награды?!— догадался я, и тут же сообразил, что ляпнул лишнее.

Но Буллфер только усмехнулся горько, потер усталые глаза.

— Залез все-таки в мой дневник! Любопытство когда-нибудь погубит тебя, Гэл... Да, и поэтому тоже.

— Ну?! — спросил я жадно, уже не боясь заслуженной кары.— Что-нибудь изменилось?!

— Как видишь! Изменилось! Я сижу в чистом поле под дождем. Бездомный, грязный и никому не нужный!

— Ты нужен нам,— пробормотал Энджи, поднимая заплаканные голубые глазки.

Буллфер взглянул на него, вдруг откинулся на мокрую траву и захохотал. Слезы на глазах у ангелочка мгновенно высохли, мы переглянулись с одинаковой мыслью: а не сошел ли Булф в конце концов с ума от общего разочарования.

— Совершенство! — сумел наконец выговорить демон.— Высшее совершенство!.. Власть!.. Могущество!.. Вы только посмотрите на нас!

Он хохотал так заразительно, что мы с ничего не понимающим Энджи тоже начали смеяться. Громко, безудержно...

Дождь прекратился, порывистый ветер гнал по небу низкие косматые тучи и пытался расшевелить тяжелую мокрую траву.

Буллфер в задумчивости смотрел на узкую полоску неба, очистившегося от облаков на горизонте. Я грыз травинку и ковырял мокрую землю палкой. Энджи, пригорюнясь, зябко кутался в мою куртку. Кажется, он разочаровался в своих совершенных собратьях и явно потерял всякую надежду. Я решил его подбодрить.

— Ну что, Энджи? — спросил я, поворачиваясь к нему.— Выгнали тебя твои?

— Почему ты так решил? — удивился он, подняв на меня взгляд небесных глаз.

— Ну как же!..— Я кивнул в сторону полустертой пентаграммы.— Она же тебе сказала, что снимает всякую ответственность и все такое...

— Я не отвергнут,— возразил Энджи.— Я могу вернуться в любой момент, и меня примут. Но я не брошу Буллфера, раз виноват в том, что с ним произошло.

Подумайте, какая забота! Вот нашелся радетель о благе демонов!.. А если честно, что-то в его словах меня насторожило.

— Ну-ка, если можно поподробнее.

Энджи устроился удобнее под моей курткой, и глаза его заблестели в подозрительном вдохновении.

— Меня не могут изгнать, потому что любят. А любить для нас — это дать свободу. Каждый имеет право развиваться сам, как хочет, потому что однажды все равно придет к истинному пониманию мира, то есть сольется в своих чувствах с Высшей Справедливостью. Это неизбежно для всех существ. Хотя, конечно,— печально добавил он,— пока не все понимаешь, иногда совершаешь ошибки. Но за них нельзя осуждать, Гэл. — Ангел взволнованно всматривался в мое лицо, надеясь, что мне близки его переживания. — ...То есть никто из ангелов не осудит...

Пока я понял только одно — похоже, Энджи начинает оправдываться. Вот только перед кем?.. Я взглянул на Буллфера, но тот продолжал

отрешенно разглядывать небосвод и совсем не обращал на нас внимания. Тогда я решил сам придраться к странной ангельской логике.

— Значит, пока этой вашей справедливости высшей не поймешь и не знаешь точно, что делать, твори что хочешь? Как мы, что ли, демоны? Круши, грабь, убивай!.. И никто не осудит. Я так понимаю?

— Нет, Гэл,— в голосе Энджи послышались мягкие наставительные нотки.— Нет. Поступки не должны причинять никому зла. Если любишь, не станешь причинять боль. А наше представление о любви и есть понимание справедливости.

Любовь, справедливость, боль, свобода — в голове у меня все перемешалось, и как-то даже она стала побаливать.

— А ты попроще не можешь объяснить?

— Тот, кто любит, не должен принуждать, заставлять или требовать. Ангелы имеют право только предлагать сделать выбор.

— Чего?! — возмутился я.— А как же власть, закон? Неужели ваши ангелы такие размазни? У нас вот порядок, потому что есть жесткая рука. Во всем должна быть ясность! Хозяин — правит, бесы — работают, демоны — воюют, а люди платят налоги.

— Требование подчиняться — это проявление эгоизма. А эгоизм противоположен нашей любви,— заявил Энджи.

— Почему? — не понял я.

— Заставлять других делать что-то так, как удобно тебе,— неправильно. Истинно любящий только радуется, когда любимое существо идет своим путем. Поэтому мы не требуем ни поклонения, ни жертвоприношений от людей. Нам ничего не нужно. Мы хотим одного — чтобы они были счастливы.

— Это ты сейчас мне еще будешь рассказывать, что людям не надо платить налоги в казну Хозяина? — Очень меня всегда волновал этот вопрос, я аж дернулся от возмущения.

— Гэл, я понимаю. Вы, демоны, всегда хотите для себя какой-то пользы...

— А чего ж, объясни ты мне, бесполезных нахлебников вокруг себя плодить?!

Я не выдержал и закричал на ангелочка. Да и кто бы не закричал, выслушивая подобные глупости. Но он не обиделся, наоборот, посмотрел на меня едва ли не с жалостью и, вытащив руку из-под куртки, ласково прикоснулся к моему плечу.

— Да. Это сложно. Но... мне вот, чтобы я понял больше, позволили отправиться в путешествие, посмотреть разные миры и страны.

Ага. Спихнули, выходит, на других свою головную боль. Отправили это чудо от греха подальше. И надо же было Буллферу подобрать его. Я начал мрачно обдумывать это открытие и ничего не ответил. Мое молчание Энджи понял по-своему.

— Гэл, не стоит огорчаться. Мне кажется, мы не понимаем друг друга потому, что говорим о разном. Все, что я сказал, ты применял к

миру демонов, с точки зрения социальной. А наши представления предполагают идеальное отношение.

— Ладно. Ты-то сам соответствуешь этим вашим идеалам? — хмуро поинтересовался я.

— Я стараюсь, Гэл,— скромно ответил ангелок.

Ну, ясно! Дурацкая ангельская философия. Ничего, кроме головной боли, от нее получить невозможно.

— Я знаю,— сказал Буллфер неожиданно.— Знаю, к кому еще мы можем обратиться.

Ангелок посмотрел на него вспыхнувшими от нетерпеливого ожидания глазами. Я тоже заинтересовался.

— «Белые щиты», — коротко ответил Буллфер на наш общий вопрос.

— «Белые щиты»? — переспросил Энджи удивленно.

— Ты точно сошел с ума.— Я снова убедился в психической неуравновешенности потерявшего власть Хозяина.— Они четвертуют тебя... да и меня тоже, как только увидят. Это безумие.

— Это последнее, что у нас осталось,— сказал он сурово, и я понял, что Булф действительно собирается сунуть голову в капкан.

— Объясните мне, что это за «Белые щиты»! — воскликнул Энджи.

— Священные воины,— усмехнулся хозяин.— Боевой орден, посвятивший жизнь истреблению демонов. Странно, что ты об этом не слышал. Они сражаются с нами на протяжении многих веков, дабы упрочить вашу славу на земле, ангел.

Энджи покраснел и виновато посмотрел на Булфа:

— Я, правда, ничего не знал об этом.

— Спроси у Архэл,— посоветовал я.— Она расскажет тебе много интересного, если захочет.

Он вздохнул, вспомнив о своем «авторитете» среди старших ангелов, и спросил осторожно:

— Но если они вас так ненавидят, как же мы пойдем к ним?

— У меня есть кое-что, чем они заинтересуются,— усмехнулся Буллфер.

— Разве есть? — с детской непосредственностью спросил ангелок.

— Не совсем у меня,— добродушно кивнул демон.— Это будет... долгосрочный кредит.

— Ты бы объяснил, что собираешься делать? — попросил я.— Чтобы мы с Энджи не выглядели идиотами, когда нам начнут задавать вопросы.

— Объясню. А пока готовьте телепорт. До захода солнца нам нужно быть в их резиденции.

Глава 9
«БЕЛЫЕ ЩИТЫ»

Резиденция «Белых щитов» оказалась неприступной крепостью. Стены, сложенные из массивных плит грубо обтесанного песчаника, уходили прямо в синее небо. Высокие башни с узкими бойницами окон украшены сияющими шарами — сложной конструкцией из зеркал и хрусталя. Говорят, ночью они светились изнутри светом, поглощенным за день. Сейчас, в лучах солнца, на них было больно смотреть. Казалось, на город накинули ожерелье из крупных алмазов, и камни зацепились за самые высокие башни. Белый Город стоял среди степей.

В ворота крепости мы с Буллфером вошли в человеческих образах. Хозяин предпочел превратиться в молодого мужчину, ничем не напоминающего Булфа-демона, и только в волосах его сохранился отсвет прежней рыжины. Мне уже давно хотелось избавиться от надоевшей человеческой шкуры, но удовольствие сбросить ее и предстать перед «Белыми щитами» в демоническом обличье было бы очень коротким. Нас и так встретили копьями. Здесь не любили чужаков, и, только увидев сияющие крылья Энджи, люди опустили оружие.

Он стоял в центре толпы, обводя потрясенный народ отрешенным спокойным взглядом.

— Я хочу видеть генерала,— произнес он негромко.

И тут же в толпе образовался коридор, ведущий к башне на центральной площади. Ангел чуть наклонил голову, благодаря за помощь, и пошел к распахнутым воротам, я и Буллфер следовали на полшага позади. Провожаемые почтительными взглядами охраны, мы поднялись в башню.

Генерал «Белых щитов» вышел навстречу — здоровенный мужчина в тяжелых доспехах, отливающих молочной белизной. Несколько мгновений он смотрел на Энджи, а потом медленно опустился перед ним на одно колено и склонил голову.

— Ваша светлость... это неслыханная честь для нас...

— Встаньте,— сказал светлый спокойно, и я вдруг понял, что наш ангелок, мальчишка Энджи, изменился. Будучи человеком, он мог сколько угодно рыдать, бросаться под копыта взбесившихся коней и задавать наивные вопросы, но в своем подлинном облике он стал как будто старше, мудрее и печальнее.

— Встаньте, генерал,— повторил он.

Человек поднялся, глядя на него исподлобья, и в его глазах горел фанатичный огонь. Вот оно — то самое высшее существо, во имя которого он воевал все эти годы. Пришел, чтобы наградить за верную службу или повести в последний бой.

— Ваша светлость, я счастлив, что могу принимать вас в этой крепости... Вы проделали долгий путь, не хотите ли...

Движением руки Энджи остановил его:

— Не беспокойтесь. Мне ничего не нужно. Давайте перейдем сразу к делу.

Генерал помолчал, собираясь с мыслями, а потом указал на кресла:

— Прошу вас.

Мы сели, и в широко распахнутых крыльях ангела радугой вспыхнуло солнечное отражение. Генерал на мгновение прикрыл глаза и произнес:

— И все же это невероятно. Вы! Здесь!

Энджи невозмутимо переждал приступ его восторженной слабости.

— Мне нужна ваша помощь.

— Все что угодно! — последовал мгновенный ответ.

— Тогда позвольте представить. Буллфер. Гэлинджер.

Мы поднялись из кресел, одновременно меняя облик. Густая шерсть, клыки, мощные когти и прочая демоническая экзотика. Немного театрально, но очень действенно.

Генерал вцепился в подлокотники, багровея на глазах:

— Это заговор! Провокация!

— Успокойтесь! — В певучем голосе Энджи неизвестно откуда появилась вдруг повелительная интонация.— Не провокация и не заговор. Они пришли, чтобы просить вашей помощи. На очень выгодных условиях. А я согласился быть посредником в этих переговорах.

Ах, Энджи, Энджи, как складно у тебя все получается. Значит, ангелы страдают, когда предают их друзей? Сначала плачут и просят о помощи, а потом становятся вот такими — холодными, спокойными, отрешенными...

Серебряная башня, плывущая в мареве душного полдня, возвышалась над городом. Из ее окон были видны крыши домов, буйные заросли парков и тонкие блестящие ниточки оросительных каналов, бегущих вдоль улиц.

Ангел стоял возле одного из окон и смотрел вниз. Буллфер расхаживал по залу, и мрамор пола звенел под его копытами. Генерал «Белых щитов» сидел в кресле, гневно сжимая подлокотники. Я устроился на краю стола и, задумчиво болтая ногами, рассматривал эту милую компанию: человек — ангел — демон. Безумие надеяться на то, что они договорятся.

— Мы воюем с темными не одну сотню лет,— сказал, наконец, генерал после продолжительного молчания.— В этой войне смысл существования нашего Ордена. И она будет продолжаться до тех пор, пока не останется ни одной их этих тварей или пока мы все не погибнем. Мы делаем святое дело, освобождая землю от нечисти... ваше дело,— он мрачно посмотрел на ангела, но тот даже не обернулся.— Но ни разу, ваша светлость, мы не получили от вас помощи, даже знака, что вы смотрите на нас, следите за нами, радуетесь нашим победам и оплакиваете погибших. Где было ваше святое воинство, когда эти твари,— он махнул железной перчаткой в сторону невозмутимого Буллфера,— напали на нас в горах Велисэйма, или когда они заманили в болота нашу

конницу? Вы не пришли на помощь, чтобы спасти наших лучших воинов в битве... И тогда мы поняли, что вам нет до нас никакого дела, вы не желаете правосудия, вы заняты собой. Мы не знаем ваших планов, может быть, вас устраивает, что демоны существуют и творят зло, может быть, еще рано уничтожать их, но я знаю главное — ни один из нас не может спать спокойно, пока эти противные природе существа затаились где-то неподалеку. Кто знает, что они замышляют... Почему бы вам не позвать ваше ангельское войско. Они не отвечали на наши призывы, но вас-то смогут защитить. К вам они придут.

— Не придут,— тихо ответил ангел, и его плотно сложенные крылья дрогнули.— Я не могу их позвать.

Генерал покачал головой.

— Вот значит как, ваша светлость, ваши воины не хотят прийти, и вы решили просить помощи у нас, простых смертных?

Ангел опустил голову, а Буллфер остановился и посмотрел на генерала вспыхнувшими глазами.

— Вот вам реальная возможность покрыть себя славой с ног до головы и написать на своих щитах «Победители демонов».

— Мы не заключаем сделок с демонами,— сказал генерал, глядя на Булфа с откровенной ненавистью.— Вам нельзя верить.

— Он верит мне,— сказал мой бывший Хозяин, кивая на ангела, стоящего у окна.— Его слова тебе недостаточно?

— Да, он просил меня доверять тебе, но откуда я знаю, можно ли доверять ему самому? Я не уверен, что он знает до конца твои планы, что не обманут тобой. Кто может сказать, зачем ты пришел сюда?

Буллфер подошел ближе, наклонился над ним, и генерал сразу же стал казаться меньше ростом, и внушительности у него поубавилось.

— Ты хочешь знать, зачем мне твоя армия?! Я скажу. Я хочу отомстить. Одна тварь лишила меня власти. Теперь она сидит на моем троне, командует моими слугами и смеется надо мной. Я никогда не прощу этой дряни того, что она сделала со мной, и не успокоюсь, пока в клочья не разнесу ее гнездо.

— Откуда я знаю, что у тебя на уме?

Буллфер не рассвирепел и не вышвырнул генерала вместе с его креслом из окна. Кажется, Хозяин научился сдерживать свои бурные эмоции, выступая в роли просителя, только верхняя губа его дрогнула в неосознанном желании оскалить клыки и зарычать на дерзкого смертного.

— Смежные территории,— сказал он, глядя в упор на генерала.— Если ты поможешь мне вернуть власть — земли от устья реки Великой... до гор Велисэйма на севере будут освобождены. Я выведу своих слуг с этой территории.— Не глядя, он спихнул меня с карт и обвел когтем бледно-зеленый вытянутый овал спорных земель.— Все это будет принадлежать вам. Или ангелам. Мне все равно. Кажется, вы неплохо уживаетесь вместе.

Генерал аккуратно придвинул к себе карту и стал рассматривать ее так, словно впервые видел этот давно всем осточертевший кусок земли. Потом взглянул на Буллфера, нетерпеливо постукивающего когтями по столу.

— Выгодное предложение. Если это правда.

— Правда.

— Никогда не доверяй демонам,— снова пробормотал генерал, начиная колебаться.

Еще бы! Буллфер, считай, дарил ему прекрасную землю: леса, пастбища, плюс несколько серебряных шахт. Отличные земли, которые «Белым щитам» никогда не отвоевать своими силами.

— Ты можешь поклясться, что, если мы выполним свою часть договора, ты выполнишь свою?

Буллфер посмотрел на меня, и я почувствовал даже некоторую гордость оттого, что в один из самых ответственных моментов жизни он обращается за поддержкой не к своему обожаемому ангелу, а ко мне. Впрочем, ничего удивительного, сейчас я понимаю его лучше, чем все ангельское воинство. Я-то прекрасно знаю, что у него на уме.

Ангел повернулся к нам и посмотрел на Буллфера долгим тревожным взглядом. Демон улыбнулся ему, чуть наклонил голову и положил руку на карту, припечатывая ладонью спорные территории.

— Клянусь. Клянусь, что в случае нашей победы передам вам эти земли. Если тебе недостаточно одного моего слова, мой секретарь подготовит все документы. Контракт кровью в трех экземплярах.

Генерал махнул рукой:

— Вот и хорошо. Теперь можно заняться делом.

— Подожди! — Властным движением генерал остановил его.— Есть еще кое-что.

Буллфер поморщился, но повернулся к нему с преувеличенным вниманием на лице.

— Ты должен участвовать в битве вместе с нами.

— Разумеется,— любезно ответил Булф.— Я просто мечтаю об этом. Но согласятся ли твои воины видеть в своих рядах демона?

— Согласятся. Ты будешь главной ударной силой. А вы, ваша светлость...— Он не успел договорить.

— Нет! — сказал хозяин, выпрямляясь во весь свой высоченный рост.— Он не будет принимать участия в битве. Он не может убивать, в отличие от нас с вами, дорогой генерал. Заштопать шкуру кому-нибудь из ваших бойцов в его силах, но только не убивать.

Энджи снова посмотрел на Буллфера, в его глазах мелькнула улыбка и что-то очень похожее на благодарность. Генерал задумчиво потер подбородок:

— Ладно. Даже простое присутствие наблюдателя от ангелов поднимет боевой дух парням.

— Не знаю, что оно им там поднимет,— проворчал Буллфер в своей обычной, слегка пренебрежительной манере.— Но меня вам будет вполне достаточно.

— Ну, хорошо,— кивнул генерал после короткого размышления.— Я согласен. Вы получите мою армию.

Глаза демона сверкнули. Жестом он предложил человеку подойти ближе, опустился в кресло, скрипнувшее под его тяжестью. Я слез со стола и расстелил перед ними новую карту.

— Вот мой план,— сказал Буллфер.

Они обсуждали детали и спорили до хрипоты. Я только успевал менять планы и рисовать стрелочки новых ударов на схемах.

Во время короткой передышки, когда генерал удалился по каким-то там своим человеческим потребностям, а Буллфер с головой ушел в сканирование местности, я тихонько подошел к ангелу, все так же стоящему у окна.

— Ваша светлость, принести вам чего-нибудь? Воды, вина, фруктов?

Он помотал головой.

— Тогда, может быть, отдохнете?

— Спасибо, Гэл. Я ничего не делал для того, чтобы устать.

— Ну... это все... разговоры о войне, убийствах. Вам, наверное, это тяжело.

Ангел грустно улыбнулся и посмотрел на меня своими огромными светлыми глазами.

— Гэл, ты видел, среди нас есть умелые воины, мужественные и неустрашимые, сильные, но я... я не из их числа.

— Я понял.

— Что я могу?! Дать радость, покой, утешение, избавить от боли...

— Ну, это уже немало. Да не переживайте вы так! Они сами все сделают. Буллфер просто сметет половину демонов, даже не заметив этого! Вы же не видели его во время боевой трансформации. Это что-то невероятное!

Энджи снова улыбнулся, слегка прикоснулся к моей ладони, и у меня мурашки побежали по всему телу от этого прикосновения.

— Вы меня успокаиваете, как ребенка, Гэл. Все совсем не так хорошо, как вы пытаетесь мне внушить. Неужели не чувствуете, какая тоска, безысходность, боль...

Я невольно поежился, увидев в его глазах отражение этой боли.

— Нет, не чувствую. Я верю в Буллфера, да и генерал знает свое дело.

— Хороший вы секретарь, Гэл,— сказал ангел с непонятным выражением лица.— Спасибо за заботу, но мне ничего не нужно.

Он снова отвернулся к окну, а я, озадаченный, отошел к Буллферу. Странное ощущение, как будто меня только что обозвали круглым идиотом, но так мягко, деликатно, нежно. Вроде бы оскорбили, а приятно.

— Гэл! Не стой столбом! — привело меня в чувство добродушное ворчание Булфа.— Принеси мне чего-нибудь поесть. В присутствии этих смертных всегда зверский аппетит.

Вот это другое дело, наконец-то голос настоящего хозяина. Все просто, ясно, без этих выкрутасов. Трудно все-таки с ангелами. Хотя и приятно.

Вот только одна мысль не давала мне покоя. Подленькая такая мыслишка.

— Что?! — недовольно спросил Булф, отрываясь от графина с вином.

— Хозяин... поговорить надо.

— Говори.

— Не здесь.

Я указал взглядом на Энджи, и Буллфер понял. Он, не жуя, проглотил кусок конины и поднялся из-за стола. Мы отошли к дальнему окну.

— Ну?! — спросил он грозно.

— Ты что, всерьез решил драться с войском Хул этими...? Ты просто свихнулся! Она же испепелит их!

— Знаю.— Демон выпустил и снова убрал когти.— Сам знаю. «Белые щиты» отвлекут ее внимание. Задержат ее. И пока она будет отмахиваться от воробьев, я отберу у нее любимую игрушку.

— Ты в самом деле надеешься на пятнадцатое число?! Неужели не понял, что вся эта твоя «бесценная награда» фуфло?!

— Гэл! — сказал Буллфер спокойно. Мне ли не знать это его наигранное спокойствие! — Ты забываешься!

— Погоди! — Я отмахнулся, может быть, чересчур дерзко.— Предположим, что все получится. Что тогда?

— Мы победим.

— А если вы напутали с заклинанием?

— Проиграем.

— Хорошенькая перспектива! Что-то не хочется всю оставшуюся жизнь работать чучелом в приемной Хул.

— Тогда, мой дорогой Гэл, тебе придется выбрать, с кем ты, в конце концов, со мной или...

— Конечно, с тобой! Какие могут быть вопросы?! Но ты понимаешь, что все «Белые щиты» погибнут?

— Может быть, не все,— равнодушно сказал Буллфер.

— А если Энджи об этом узнает?!!

— Ну ты же ему не расскажешь? — улыбаясь, спросил он, и тут же улыбка на его лице сменилась злобным оскалом, когтистая лапа схватила меня и подтащила ближе к ухмыляющимся клыкам.— А если расскажешь, убью.

— Не скажу.— Я вырвался и поправил смятый воротник.— Но не из-за тебя. Из-за него... Он мне нравится.

— Вот и отлично. А теперь пойдем, присоединимся к нашим дорогим союзникам.

Мы вернулись к столу.

Энджи сидел в своем кресле и рассеянно слушал генерала, который воодушевленно объяснял ему схему предстоящего боя.

Мы торчали у «Белых щитов» уже вторую неделю.

Странным казался этот город. Во-первых, здесь не было женщин (вообще) и мальчиков моложе восьми лет. Во-вторых, все граждане казались фанатиками. Здесь жили войной, работали для нее и думали только о ней. Даже дети. Прогуливаясь по городу, мы увидели, как мальчишки, вооруженные игрушечными луками и деревянными мечами, гонялись по улице за своими сверстниками с воплями: «Смерть демонам!» Буллфер остановился, привлеченный одной такой потасовкой, и некоторое время наблюдал за тем, как один из юных «Белых щитов» кричит другому:

— Я был демоном в прошлый раз. Теперь твоя очередь!

— Не хочу,— ныл тот,— не буду я шкуру надевать! В ней жарко! И вообще, у тебя вон лук и палица, а у меня никакого оружия нет. Это нечестно!

— Честно,— со знанием дела возразил соперник.— У демонов не может быть никакого оружия. У них только когти и зубы. Вот. И вообще, не хочешь играть, не играй.

И он, подхватив под мышку свой деревянный меч, отправился к приятелям, бурно обсуждавшим что-то на другом краю площади. Мальчишка остался один, уныло опустив руки, в которых держал облезлую шкуру какого-то неизвестного зверя. Буллфер, внимательно прислушивавшийся к разговору, вдруг громко засопел, подошел к нему и заговорил негромким, вкрадчивым голосом.

— Значит, не хочешь быть демоном?

Ребенок помотал головой и шмыгнул носом.

— Не хочу.

— Почему?

— Да ну их! — воскликнул тот с обидой в голосе.— Они все дурацкие! И оружия никакого, и вообще их всегда побеждают.

— Так уж и всегда? — улыбнулся Буллфер.

Мальчик поднял голову, увидел высокого рыжеватого мужчину, участливо глядящего на него, и сказал убежденно:

— Всегда. А я все время демон! Эрик вон — ангел! — Он с завистью показал на рослого светловолосого отрока с белыми «крыльями», вырезанными из длинной простыни.— А мне говорят, не умеешь из лука стрелять, будешь демоном, они все неуклюжие.

И маленький неудачник всхлипнул, пиная ногой облезлую шкуру, которую должен был носить во время игры. Буллфер как-то странно покосился на меня, потом присел на корточки напротив мальчишки и развернул его к себе.

— Не все они неуклюжие. Ты слышал о Высших демонах?

Тот помотал головой, еще раз шмыгнул носом и посмотрел на Буллфера покрасневшими глазами.

— Нет, не слышал.

— Так слушай. Это сильные, смелые, отважные, мужественные существа, которые могут принимать любой облик, прекрасный или страшный, некоторые из них умеют летать.

Глаза мальчика загорелись любопытством.

— Летать?! Как ангелы?

— Ну да,— подтвердил Буллфер.— Только крылья у них не белые, а черные.

— А оружие?! — спросил мальчишка взволнованно.— У них есть оружие?

— Есть, но они им почти не пользуются, потому что умеют колдовать. И оружие у них колдовское. Вот, смотри.— Буллфер полез в карман и вытащил кусочек черного гранита. Безобидный камешек, который он неизвестно зачем таскал с собой.— Это самый настоящий демонический амулет.

— Ух ты! — Мальчишка протянул руку и робко потрогал камень.— Откуда он у вас?

— Отобрал у одного демона,— сказал Буллфер после секундной заминки.— Возьми его себе. На память.

— Правда?! Насовсем?! — Тот схватил обломок и уставился на него горящими от восторга глазами, потом с сомнением посмотрел на Булфа.— А он никому не причинит вреда?

Хозяин усмехнулся:

— Нет. Он сломан.

— Но, наверное, все равно нехорошо носить с собой демоническую вещь. Вдруг на ней проклятие.

— Это просто камень,— успокоил ребенка Буллфер, поднимаясь.

Несколько мгновений мальчишка рассматривал подарок, потом его нахмуренный лоб разгладился, и он восхищенно посмотрел на Булфа.

— Ни у кого из наших не будет такого.

Он засунул амулет в карман и сказал с достоинством:

— Спасибо. Я запомню про демонов. Но ведь мы все равно их победим?

— Конечно,— хозяин потрепал его по выгоревшим волосам.— Победим.

Мальчишка улыбнулся ему и побежал к своим товарищам. Мы увидели, как он говорит им что-то, возбужденно размахивая руками, показывает в нашу сторону и вытаскивает подарок. Ребята бережно касаются камня и с завистью смотрят на счастливого обладателя демонического амулета.

— Дети,— сказал Буллфер негромко.— Всего лишь дети.

— Зачем ты это сделал? — спросил я.

— Что именно?

— К чему вся эта демонская романтика?

— Сентиментальным я становлюсь,— ответил Булф угрюмо.— Излишне сентиментальным... Ладно, пошли отсюда.

Ангелок наш вот уже неделю был печален, задумчив и бледен. Он бродил по огромной крепости и напряженно думал о чем-то. Но мне даже поговорить с ним было некогда, потому что приходилось сопровождать Буллфера, который носился по всему городу в человеческом образе и нечеловеческом возбуждении.

Он лично проверил вооружение солдат, осмотрел все дальнобойные метательные орудия и остался недоволен. Хозяин собрал всех оружейников и прочитал им лекцию о новых сплавах и применении криогенных манипуляторов в ангельском вооружении. Те сначала ворчали: «Что мы тебе, сумасшедшие, из зеркал броню клеить?!», но Булф, обладая демонической способностью убеждать, заставил сомневающихся принести ему самую крепкую кольчугу и одним ударом меча разрубил ее.

— Это только меч,— сказал он изумленным оружейникам.— Когти демонов гораздо крепче, ваши доспехи они порвут в клочья.

В толпе немного поворчали, рассматривая обрывки кольчуги:

— Умник нашелся! Будет нас учить, как с демонами бороться!

— В этой кольчуге сам мастер Константин воевал!

— Этак любой дурак может мечом махать!...

— Кольчужка-то, может, того... и не слишком крепкая, но заговоренная. Ангельским благословением отмеченная.

— Барахло это, а не ангельское благословение! — рявкнул Буллфер, с некоторых пор испытывающий заметную неприязнь ко всему ангельскому.— Не действует даже на рядовых бесов! А из вашего хваленого мастера Константина демоны уже давным-давно похлебку сварили!

Оружейники пошумели еще немного о том, что не стоит неизвестному самозванцу судить о крепости ангельского благословения, а если будет поносить их славного мастера, с честью погибшего за святое дело, то дать ему вот этим ржавым топориком по голове, потому как удара боевой секиры из-за хамства он не заслуживает.

Я уже почти слышал рычание, клокочущее в горле разъяренного Хозяина, и представлял драку, которой закончится мирный разговор, как вдруг из толпы выдвинулся мрачного вида оружейник, здоровый, весь заросший черными курчавыми волосами, с ручищами, свешивающимися почти до колен, и необъятными плечами. Колоритная фигура. Очень он мне напомнил одного демона по имени Мандригал. Вот уж мерзкий был, зверюга, никому покоя от него не было. Все время нарывался на драку. Бесов обижал... Мне, помнится, проходу не давал, постоянно лез с членовредительскими намерениями. В конце концов бесам надоело терпеть издевательства, они собрались вместе, отмутузили наглеца как следует. И стал он с тех пор на удивление тихим и скромным.

В общем, вышел этот «Мандригал», мрачно обвел толпу тяжелым взглядом, сплюнул Буллферу под ноги и сказал:

— Чужак прав. Дрянь наши доспехи, и благословение ангельское тоже дрянь.

Оружейники обалдели от такого предательства. Но кузнец плевать на них хотел.

— Пойдем в мою кузню. Покажешь, что ты там придумал.

В кузнице он закрыл от любопытных дверь, задвинул тяжелый засов и хмуро повернулся к нам.

— Ну? Давай. Говори, что делать. Только инструменты свои я тебе не дам.

Буллфер огляделся, схватил кольчугу, лежащую на верстаке, и развернул ее.

— Смотри, здесь надо нарастить, на грудь — дополнительную пластину, и закрыть шею. А вообще, конечно, и это не спасет.

— Ничего,— сказал оружейник, раздувая меха.— Уж мы как-нибудь справимся... Куда, говоришь, заплатки ставить?

— Здесь и здесь... погоди, слишком слабый жар, надо больше.

Буллфер оттеснил мастера от горна и приблизил ладони к пламени. По-моему, зря он это делал, ни к чему смертному видеть, что он умеет повелевать огнем. Буллфер поморщился, жар красных огненных языков причинял боль его человеческому телу.

— Давай-давай, парень, колдуй,— одобрительно сказал кузнец.— Руки-то не боишься сжечь? Или новые отрастут?

— Кожа новая нарастет,— сквозь зубы ответил Булф, вдыхающий в огонь демоническую силу.

— А то, может, у тебя заклинание какое есть, так ты примени, не стесняйся. Я не из болтливых.

Хозяин посмотрел на кузнеца через плечо, и глаза его вспыхнули красным. Он выпрямился во весь рост, и человеческий образ распался, сменяясь демонскими чертами. И это зря. Не стал бы я доверять людям.

— Демон, значит...— Оружейник мрачно оглядел Буллфера.— Так я и думал... Ну и образина у тебя, приятель. Да еще рыжая.

К моему удивлению, Булф не рассвирепел и даже не обиделся. Он покосился на человека и сказал насмешливо:

— Ты тоже... не ангел.

От неожиданности кузнец разинул рот, а потом захохотал, тряся головой и хлопая себя по коленям.

— Ну, ты молодец!.. Умыл! «Не ангел!»... Это точно!.. Зовут-то тебя как?

— Буллфер,— проворчал хозяин.

— Вот оно, значит, как,— ответил кузнец, что-то соображая.

— А это Гэл. Мой помощник,— добавил Булф мрачно.

— Тоже из ваших? — спросил любопытный мастер.

— Из наших.

Кузнец задумчиво почесал за ухом и усмехнулся.

— Ладно, его мы тоже к делу приспособим... Ну, давайте, что ли, начнем.

Пламя, послушное Высшему демону, взметнулось и хлынуло из горна бешеным жаром. Слепящие жгучие змеи вылетали из огня, танцующего под руками Хозяина, и с шипением бились под молотом, когда белое раскаленное железо превращалось в тонкую звенящую пластину, а потом гасло в ледяной воде, кипящей от прикосновений горячей стали... Но Буллфер уже швырял на наковальню новую пригоршню пламени, и она разлеталась огненными брызгами.

Наконец Булф поднял кольчугу. Она была черного цвета, и по вороненой стали пробегала радуга искристых отсветов.

— Да,— сказал кузнец, задумчиво разглядывая произведение нашего совместного искусства.— Хороша кольчужка. Ничего не скажешь. Смотреть приятно.

— Не боишься демонического колдовства? — ехидно спросил Буллфер, вытирая руки.

— А мне что ангелы, что демоны, все едино, — спокойно ответил тот.

— Тогда примерь.

Еще некоторое время наш союзник разглядывал кольчугу, держа ее на вытянутых руках, а потом хитро прищурился:

— Нет, парень, давай-ка лучше сначала ты.

Булф презрительно усмехнулся, небрежным движением сгреб доспехи и протянул мне.

— Надень, Гэл. На меня эта штука не налезет.

Кольчуга действительно получилась первоклассная. Нигде не жало и не давило, металл как будто даже согревал и прилегал к телу, как вторая кожа. Никогда бы эти «Белые щиты» не получили такого вооружения, если бы не колдовство Буллфера, закалившего сталь нашим подземным огнем. Надеюсь, хозяин знает, что делает, давая смертным мощные «антидемонические» доспехи.

— Неплохо,— сказал кузнец, когда я облачился в кольчугу.

Буллфер хмыкнул, молча размахнулся и ударил выпущенными когтями по моей груди, металл панциря противно заскрипел, но выдержал, я же с трудом устоял на ногах, второй удар отбросил меня к верстаку, и только на третий раз броня дала трещину. А на моей многострадальной груди не осталось даже синяков.

— Неплохо,— повторил оружейник и уважительно посмотрел на Хозяина.— Еще бы нам и мечи такие.

— Будут и мечи,— коротко ответил тот.

И подготовка к войне началась.

В кузницах ковались новые мечи, доспехи и наконечники для копий. Щиты укрепляли дополнительными полосами заговоренного металла, отливали снаряды для метательных орудий, в которые Буллфер закладывал взрывающиеся огненные заряды. У меня не осталось никаких сомнений в том, что хозяин окончательно свихнулся. Ну ладно, вооружил

человеческую армию, но зачем выбалтывать особенности демонской атаки и расположение самых уязвимых мест на теле демона?!

— Хозяин, я что-то не понимаю, в чем фокус?

Буллфер поднял взгляд от страниц моего блокнота, на которых записывал какие-то свои соображения.

— Мечи, кольчуги... они, что... испортятся потом? Ты дал людям мощнейшее оружие. Когда мы победим... если мы победим, оно останется у них?

— Да.

— И не сломается?

— Гэл, оно не сломается, не заржавеет и не растает.

— Тогда как же...?

Буллфер усмехнулся и снова уткнулся в блокнот.

— Занимайся своими делами. Дальнейшая судьба оружия тебя не касается.

Как же, не касается! Тоже мне стратег! Послушал бы меня раньше, не связывался с ангелом, не пришлось бы сегодня сидеть в обнимку с «Белыми щитами»! Мирового могущества ему захотелось!

Мне надоело мотаться по городу вслед за Булфом, и я, незаметно отстав от него, притормозил возле широко распахнутых дверей маленького кабачка. Несмотря на жаркий полдень, в полутемном, прохладном зале не было ни души. Ну, если «Белым щитам» больше по душе жариться на солнце и размахивать оружием, обучаясь новым боевым приемам, тем лучше для меня. Никто не пристанет с душеспасительной беседой и не будет хвастаться, сколько демонов зарубил в прошлой военной кампании.

Я взгромоздился на табурет у стойки и заявил, обращаясь к трактирщику:

— Холодного пива. Большую кружку. Да побыстрее, я тороплюсь.

Трактирщик даже не посмотрел на меня, продолжая сосредоточенно скрести стол кухонным ножом. Это был здоровый, хмурый детина в черном фартуке, надетом поверх белой рубахи, на которой виднелись выцветшие священные символы «Белых щитов» — все те же самые перекрещенные копья и цветы чертополоха.

— Эй, ты что, оглох?! Я просил пива!

Он мельком взглянул на меня, продолжая свою однообразную работу. Широкое лезвие уныло скрипело по доскам стола, под белой рубахой угрюмого смертного вздувались и опадали мускулы. Хмурое лицо перекосило напряженно-недовольное выражение. Все ясно. Пива я здесь не дождусь. Что за дурацкий город!

— Тебе, братец, не трактирщиком работать, а палачом,— сказал я с досадой и слез со стула.

— А он им и работал,— прозвучал у меня за спиной веселый молодой голос. Я оглянулся и увидел мужчину лет двадцати пяти, в легких

белых доспехах, с длинным мечом на боку. Он доброжелательно кивнул трактирщику, и тот, мгновенно прекратив скрипеть ножом по столу, изобразил на своем лице что-то вроде приветливого внимания.

— Давно тебя не было видно, Антоний.

— Я только сегодня вернулся,— ответил человек, стаскивая пыльные перчатки, и сел на стул рядом со мной.— Отец сообщил, что здесь у нас грядут перемены.

— Грядут,— неодобрительно пробормотал бывший палач и многозначительно покосился в мою сторону.

Антоний обернулся ко мне, и в его светлых глазах появилось выражение настороженного внимания, к которому я уже успел привыкнуть за последнее время.

— Тебя зовут Гэл,— произнес парень с какой-то странной интонацией, и рука его потянулась к мечу, видимо, непроизвольно.— Ты... тот самый спутник ангела. Один из двух.

— Хм,— ответил я неопределенно, рассматривая его не менее пристально.— Что-то не припомню, чтобы я называл тебе свое имя.

— Он-он,— подтвердил трактирщик, многозначительно поигрывая кухонным тесаком.— Появились тут недавно. По городу носятся, народ мутят. Райское блаженство на земле обещают. Особенно другой... рыжий. Везде лезет. Все-то ему надо. А этот у него на подхвате. Если бы не ангел, их бы давно уже прирезали. Уж больно подозрительные типы.

Антоний заметно помрачнел и пробормотал что-то типа: «Значит, все-таки ангел...», поднялся со стула и кивнул мне:

— Пошли со мной.

— Я, между прочим, еще не дождался своего пива,— возразил я с достоинством, но он так посмотрел на меня из-под черных, сведенных у переносицы бровей, что пришлось подчиниться. Как-то не хотелось нарываться на неприятности.

Едва мы вышли из кабачка, Антоний, не глядя на меня, сказал глухо, все с той же полной уверенностью в своих словах:

— Ты демон.

— Об этом не обязательно орать на всю улицу. Хотя скоро каждый сопливый мальчишка будет в курсе моего происхождения.

Антоний дернул плечом и поморщился.

— Какой позор. Мы докатились до того, что стали сотрудничать с презренными демонами.

— Слушай, умник, кажется, «презренные демоны» уделали вас, гордых рыцарей, в прошлой битве у восточных гор. Радовался бы, что самые достойные из них предложили вам свою помощь.

Он смотрел на меня сверкающими от бешенства глазами, сжимая рукоять меча и, видимо, мечтал зарезать, но благородство происхождения не позволяло затевать уличную драку с безоружным демоном, пребы-

вающим в человеческом облике. Несколько мгновений я наслаждался его бессильной яростью, а потом сказал примирительно:

— Ладно. Не злись. Мне тоже не по душе человеческое общество. Но мы ведем честную игру. Генерал решил сотрудничать с нами, и можешь не ломать свою голову, хорошо это или плохо, начальство уже все решило за тебя... Кстати, может быть, нам стоит пойти куда-нибудь в тенек, где подают холодное пиво, и продолжить там нашу милую беседу, а то я чувствую, что скоро изжарюсь на солнце.

Парень вскинул голову, глядя на меня с плохо скрытой насмешкой, и сказал:

— Не изжаришься. Там у вас есть места и погорячее.

— А ты что, бывал у нас? — спросил я ехидно.

Он снова нахмурился, видимо, ему было не очень приятно обсуждать возможность собственного путешествия в наши земли, и предложил, не глядя на меня:

— Пойдем в «Цветущий чертополох». Там можно посидеть спокойно.

Я скривился про себя. Опять чертополох! Куда ни плюнь, везде чертополох, да еще и цветущий! Но вслух сказал с любезной улыбкой:

— Ладно. Показывай дорогу.

Антоний шел так быстро, что я едва поспевал за ним. Узкие, раскаленные солнцем улочки были пусты. То ли «Белые щиты» сидели по домам, то ли изучали новые приемы боя под руководством Буллфера, то ли получали новое вооружение.

В «Чертополохе» (неплохая, кстати, несмотря на название, оказалась таверна) мы сели за самый дальний столик. Я доброжелательно проводил взглядом трактирщика, притащившего поднос с большим запотевшим кувшином (судя по запаху, в нем было что-то покрепче пива), тарелками с разнообразной снедью и двумя стаканами. А потом весело сказал своему спутнику:

— Ну что, выпьем за нашу общую победу, дорогой союзник.

Не отвечая, Антоний налил себе вина и выпил залпом, всем своим видом показывая, что лично он мне не союзник, тем более не «дорогой».

— Слушай,— продолжил я, словно не заметив, как его перекосило от моей фамильярности,— а почему у вас здесь не видно женщин? Я, например, не встретил ни одной.

— Потому что их здесь нет,— сказал он, укладывая на огромный ломоть хлеба куски копченого мяса.

— Совсем нет?

— Совсем. Наша жизнь посвящена борьбе с демонами, и устав Ордена запрещает женщин.

— Это худо,— сказал я задумчиво.— Священная война, великое служение... это все понятно, но человеческая-то природа берет свое, как же вы обходитесь...

Антоний покраснел... от возмущения, наверное, и воскликнул:

— А ну заткни свою грязную пасть и не смей...

— Ты меня не понял,— перебил я его невозмутимо.— Я хотел спросить, как же вы продолжаете свой благородный род? Откуда взялись дети? Я видел много детей на улицах. И все они мальчики. Почему?

Он покраснел еще больше и ответил, глядя в свой стакан:

— Мы принимаем всех, кто желает уйти из мира и принять участие в священной войне, а дети... Благородные матери отдают своих сыновей для того, чтобы мы вырастили из них бесстрашных воинов.

— Понятно.

Значит, из десятков соседних деревень стекаются в Белый Город мальчики, юноши и мужчины для того, чтобы продолжить славное дело предков, поучаствовать в какой-нибудь войне против демонов и покрыть себя неувядающей славой и ангельской благодатью. Мечей и цветов чертополоха хватит на всех. Бедный Энджи, ему станет дурно, когда он узнает, что такая куча народа мечтает погибнуть ради него по одному его слову.

Антоний, внимательно наблюдающий за мной, неожиданно отодвинул блюдо с мясом и поднялся.

— Идем со мной.

Глаза его заблестели, на щеках выступили красные пятна. Похоже, его охватил приступ фанатического вдохновения, что случается иногда с людьми. Ну ладно, пойду посмотрю, что он там мне хочет показать. Надо быть, так сказать, в курсе умонастроений народных масс. Я тоже встал, сунул кусок ветчины в карман и пошел вслед за собеседником.

На улице стало немного прохладнее, набежавшие на небо тучки скрыли солнце, и белый камень стен уже не так слепил глаза. Откуда-то прилетел ветерок и покрыл воду в каналах мелкой рябью. За горизонтом как будто погромыхивало. Наверное, будет гроза...

Антоний уверенно шел вперед. Без него я бы давно заблудился в путанице улочек, тупичков и переходов. Периодически город начинал представляться мне громадным муравейником — в этой его части постоянно шныряли, попадаясь нам навстречу, деловитые сосредоточенные люди. Одни из них тащили связки копий, другие были нагружены щитами. На особенно узкой улочке нам пришлось пропускать целый отряд, тянувший часть огромной метательной машины.

Видимо, Антоний пользовался в городе популярностью, с ним здоровались и периодически останавливали, чтобы узнать новости из большого мира, но мой неожиданный спутник не особо распространялся по этому поводу и спешил быстрее отделаться от любопытных. На меня горожане реагировали одинаково, с явным неудовольствием. Но я уже привык чувствовать на себе враждебные взгляды, и человеческое общество давно перестало меня нервировать.

Узкие кривоватые улочки остались за спиной, и мы вышли на широкую круглую площадь. Белая пирамида храма, видимая изо всех точек

города, оказалась прямо перед нами. Вот, значит, куда он меня вел. Интересно только — зачем?

Антоний первым прошел между широко распахнутых створок каменных дверей, его белый плащ тускло засветился в полутемном коридоре, и бледные листья чертополоха неожиданно вспыхнули ярким пурпуром. Значит, эти их священные символы еще и в темноте светятся. Очень впечатляет. Надо будет такой плащик себе, что ли, попросить, в качестве сувенира.

— Входи, не бойся,— сказал Антоний, увидев, что я в нерешительности затормозил на пороге.

Ладно, чем я рискую...

Внутри было прохладно, почти холодно, шаги гулко отражались от каменных плит пола и улетали вверх, под потолок. Бледный свет, льющийся из невидимых окон, освещал грубо обтесанные стены коридора. Откуда-то доносилась тихая ненавязчивая музыка и тянуло резким неприятным запахом, сушащим горло. Я уже хотел выразить свое неудовольствие по этому поводу, как вдруг пред нами открылся небольшой круглый зал. Его стены были покрыты фресками, изображающими картины Великой Древней Войны. Чувствуя странное волнение, я подошел ближе, рассматривая зеленые луга, морские побережья, леса, демонов, людей и ангелов, нарисованных с человеческой тщательностью, любовью к мелким деталям и подробностям.

Сзади тихо подошел Антоний, и я услышал его негромкий, временами приглушенный до шепота голос.

— Эта война началась давно. В те времена, когда власть Верховных демонов простиралась на все земли. И не было в Срединном мире места, где можно было укрыться от слуг, которые усердно выполняли волю своих хозяев: убивали, грабили, жгли...

Я смотрел на маленькие фигурки людей, мечущиеся в красном пламени, на черные косматые тени, выползающие из узких расщелин в земле, на темные клубы дыма, в которых горели узкие свирепые глаза демонов, и слушал прерывающийся от волнения голос Антония.

— Страдания людей были столь велики, что их мольбы и крики о помощи достигли Небес. И тогда три ангела спустились на землю. Они хотели освободить людей от власти ненавистных демонов...

С картины на меня смотрели три одинаково прекрасных лица, озаренные сиянием солнечных лучей.

— Целитель душ, архитектор и священный воин,— произнес Антоний тихо, а потом в его голосе снова зазвучали резкие интонации.— Они освободили от власти демонов долину между двух горных хребтов Элк на востоке и погибли в битве у Великой реки...

Он подошел к фреске, на которой была изображена битва. Всадник в белом шлеме с золотым орнаментом, сидя на огромном коне, всаживает копье в черного косматого демона. А вокруг летят стрелы, копья, трупы

людей и демонов лежат под копытами лошадей, и на холме вьется над сражением золотое знамя.

— Они погибли,— повторил Антоний.— И не узнали, что на земле у кого-то из них остался ребенок...

Он замолчал, задумался о чем-то, потом тряхнул головой и продолжил:

— Через несколько сотен лет священную войну продолжили потомки ангелов. Их было уже около десяти тысяч. Они боролись с демонами и сдерживали вспышки человеческого насилия. Именно тогда был основан Белый Город. Он стоял на границе между землями Хозяев и ангельской территорией, удерживая их от войн. А потом ангельская кровь стала растворяться в человеческой. Бывшие полуангелы поняли, что скоро исчезнут. Тогда многие из них стали стремиться заключать браки между собой. И с каждым ушедшим веком ангельских потомков становилось все меньше. Сейчас среди «Белых щитов» их от силы несколько десятков...

«Да,— подумал я.— Теперь в Белом Городе верховодят люди, пытающиеся продолжить дело ангелов. И они очень по-людски его понимают...» Но я не сказал этого Антонию, который с непонятной тоской рассматривал нарисованный на стене величественный город с белоснежными стенами.

— Зачем ты привел меня сюда? Я знаю историю Великой Войны.

Антоний посмотрел на меня, и глаза его снова нехорошо заблестели.

— Значит, демоны знают о существовании ангельских потомков...— Он замолчал на мгновение и спросил уже совсем другим тоном:— А знают ли об этом ангелы?

— Если хочешь, спроси об этом у Энджи.

Антоний опустил голову.

— Я не решаюсь тревожить его. А сам он не заговаривает ни с кем из нас.

Значит, не заговаривает. Ну что же, наверное, ему нечего сказать людям.

Антоний отошел к фреске, на которой были изображены три прекрасных существа, и произнес:

— Люди хотят быть похожими на ангелов. Они устали от постоянных войн. И если бы демоны оставили нас в покое, мы могли бы стать счастливыми, мы бы строили свой мир сами.

Я усмехнулся:

— Демоны, ангелы... вас постоянно должен кто-то вести. Люди слишком беспомощны, они не могут ничего делать сами. Вы умеете только рисовать бессмысленные красивые картинки и поклоняться им.

Антоний повернулся ко мне и воскликнул почти с отчаянием:

— Я не понимаю, почему тебе абсолютно все равно то, что ты здесь видишь!! Тебя не трогает их красота! Безразлично их великое мужество и огромная воля. Неужели вас, демонов, ничто не волнует?! Я думал, ты способен почувствовать хоть что-то, если увидишь их своими глазами.

Но тебе все равно... Ты считаешь нас чем-то вроде сумасшедших и без жалости уничтожил бы всех «Белых щитов»! Мы же просто благодарны и честны. Мы живем памятью о величии прошлого, о доблести и милосердии существ, нас спасших, и мечтой о будущем — надеждой на встречу с теми, кто добр, прекрасен и мудр.

— Тогда радуйся. Энджи полностью соответствует твоим запросам,— заметил я сухо и отправился прочь из храма.

Бесчувственные мы, значит, ничего не понимаем. Кому они нужны— уничтожать их... Слишком много эти люди о себе воображают. Фанатик... Подумаешь, подвиг.

Хмурый и недовольный, чувствуя некоторые угрызения совести из-за того, что проболтался без дела целый день, я возвращался к Хозяину. Но, не доходя до апартаментов Буллфера, услышал его разъяренный рык:

— Мне осточертела ваша ненормальная семейка! Убирайся отсюда! Проваливай! И чтобы я тебя больше не видел!

Интересно, кого это он так? Я осторожно подошел к двери и приложился к ней ухом. Буллфер орал еще несколько минут, потом замолчал, и я услышал смутно знакомый, на удивление спокойный голос:

— Я хочу принять участие в битве, Хозяин.

Булф снова заревел:

— Я — не Хозяин, а ты не будешь участвовать в битве!

С кем это он там? Я потихоньку приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Булф сидел в кресле, размеренно постукивая кулаком по подлокотнику, его рыжую физиономию перекосило от ярости, ноздри широкого носа раздувались, а глаза горели красным огнем. Ну, все понятно, уже взбешен, но еще сдерживается. А вот его собеседник пока спокоен. В свете настольного фонаря я увидел высокого молодого мужчину. Его дорожная одежда посерела от пыли, сапоги заляпаны уже подсохшей грязью, значит, ехал издалека. Темный плащ радовал глаз после тоскливо-светлых одежд «Белых щитов», а оттенок длинных волос чем-то напоминал золотые кудри Энджи. И его человеческое упрямство можно было сравнить с безмерным терпением нашего ангела.

— Я останусь здесь,— повторил незнакомец.

Буллфер еще раз саданул кулаком по подлокотнику, потом откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В наступившей тишине стало слышно стрекотание цикад за окном и шумное сопение хозяина. Я потихоньку вошел в комнату, прикрыл за собой дверь и сел на пуфик, ожидая продолжения. Парень терпеливо стоял перед Буллфером и упрямо смотрел на него исподлобья. Где-то я уже видел эти глаза...

— Ричард,— снова заговорил демон,— ты должен уехать.

— Точно! Ричард! — воскликнул я вслух, мгновенно узнавая и эти глаза, и округлый подбородок с ямочкой, и общее упрямое выражение

смуглого, по-человечески привлекательного лица. Младший брат леди Виктории был очень похож на свою прекрасную сестру.

Буллфер и Ричард взглянули на меня с одинаковым удивлением и тут же равнодушно отвернулись. Я поспешил заткнуться и сделал вид, что меня вообще нет в комнате.

— Ты должен уехать,— повторил Булф.

— Ты не можешь меня прогнать,— сказал Ричард.— «Белые щиты» принимают всех, кто хочет воевать с демонами.

— Дурак! — прошипел хозяин сквозь зубы.— С демонами ему воевать захотелось! Ну и шел бы проситься к генералу или к этому... советнику Теренцию. Чего ты ко мне приперся?!

Ричард опустил глаза, заметно бледнея под темным загаром, и стал еще больше похож на свою сестру.

— Ты мне очень помог... тогда, помнишь? А я не забываю платить свои долги. Теперь тебе нужна помощь, и я...

— Все,— сказал нетерпеливо Буллфер.— Ты заплатил все свои долги. Теперь можешь убираться.

— Нет.

Да, пожалуй, лорд Ричард может вывести из себя не только вспыльчивого демона. Но интересно, чем же это Булф ему помог, что-то я не слышал, чтобы он когда-нибудь помогал людям.

Хозяин сделал короткую передышку. Поднялся, подошел к столу и налил себе вина, даже не подумав предложить гостю. Я заметил, с какой жадностью парень посмотрел на запотевший кувшин. Видимо, скакал несколько суток и теперь едва держится на ногах от усталости. Боялся не успеть к началу битвы, спешил изо всех сил, а в итоге нарвался на откровенное хамство и пренебрежение к своей персоне.

— Виктория знает, что ты здесь? — спросил Буллфер, снова прикладываясь к кувшину.

— Нет,— ответил Ричард с усилием.— Не знает.

— Ты подумал, что будет с ней, если тебя убьют? Она же любит тебя.

— Меня не убьют. Я прекрасно стреляю из лука, я...

— Знаю-знаю,— Буллфер нетерпеливо отмахнулся от него.— Великолепный лучник, непревзойденный наездник... мальчик, это их война. «Белые щиты» помешались на ней. Они воображают себя потомками ангелов, идиоты, и считают, что имеют право вершить правосудие!

— Во мне тоже течет ангельская кровь,— негромко сказал Ричард.

Хозяин грохнул пустым кувшином об стол и заорал в бешенстве:

— Он мне еще о происхождении своем будет напоминать! Пошел вон, я сказал! Катись отсюда, ангельский выродок!

Сильно сказано! Я бы на месте Хозяина поостерегся с такими выражениями. Ричард покраснел, потом побледнел, рука его нервно сжала рукоять меча. Я на всякий случай приподнялся с пуфика, надеясь, что смогу предотвратить кровопролитие. Еще скандала с «Белыми щитами» нам не хватало. Но, к моему огромному облегчению, спасать мальчишку

от разъяренного Буллфера не пришлось. Несколько мгновений Ричард пристально смотрел на того, кого по-прежнему называл Хозяином, потом развернулся и стремительно вышел из комнаты, зацепив меня длинным пыльным плащом. Борьба между долгом и гордостью была короткой...

Буллфер схватил со стола уже почти пустой кувшин и швырнул его в угол. Остатки вина потекли по мраморной стене и закапали на пол. Мой хозяин равнодушно взглянул на испачканный ковер и отвернулся. Я же на цыпочках подошел к окну, высунулся наружу и через несколько мгновений увидел Ричарда, выбегающего из башни. Оттолкнув кого-то из «Белых щитов», попавшегося ему на дороге, он подбежал к коновязи, вскочил в седло своей лошади и погнал ее к северным воротам, только пыль взвилась из-под копыт...

— Уехал? — негромко спросил Буллфер, и я вздрогнул от неожиданности, услышав его спокойный голос за спиной.

— Уехал,— ответил я, слезая с подоконника.

— Хорошо,— пробормотал хозяин и вернулся к столу.

Лично я ничего хорошего здесь не видел. Ангелы и их потомки, какие-то неоплаченные долги... Я посмотрел на Булфа, ожидая объяснений, но тот сосредоточенно крутил в руке кубок, постукивая когтями по его серебряным бокам, и выглядел очень задумчивым.

— Значит, в Ричарде есть ангельская кровь? — спросил я осторожно, чувствуя, что разговор на эту тему может быть неприятен хозяину, но не сумев сдержать любопытства.

— Ангельская кровь...— повторил он раздраженно и хмуро посмотрел на меня.— Да.

— Выходит, Ричард — потомок ангелов? — продолжил я осторожный расспрос.

— И Виктория тоже,— неохотно ответил Булф.

— Забавно. То-то я смотрю, он как будто бы похож на Энджи... И как ты помог ему?

Демон засопел, потом усмехнулся и тяжело опустился в кресло.

— Ангельская кровь...— снова пробормотал он.— Объяснений это не требует. Лорд Ричард нежно любит свою сестру. Она, без сомнения, отвечает ему взаимностью. Для ангелов это естественно — глубокая искренняя привязанность, родство душ, полное взаимопонимание, чувства, непостижимые для демонов.— Буллфер насмешливо фыркнул и добавил ехидно: — Впрочем, как и для людей. Ангельская сила чувств, эта их великая любовь, отрицающая все условности... но они не ангелы и живут не на Небесах и, более того, близкие родственники. Какая трагедия... Помнится, я очень смеялся, когда Ричард обратился ко мне за помощью. Я был его последней надеждой.

— И чего он просил? — спросил я осторожно.

— Ничего особенного. Разрешения на брак.

Он отошел к окну, навалился кулаками на подоконник и стал смотреть в небо, залитое ночной чернотой. И мне стало как-то не по себе.

Слишком одиноким он выглядел сейчас, слишком усталым. Хозяин, пусть даже бывший, не должен быть таким.

Одно из качеств хорошего секретаря — угадывать настроение шефа, поэтому я не стал доставать его утешениями и вопросами. Наверное, сейчас Буллферу нужно побыть одному. Я поднял брошенный им серебряный кувшин, без стука поставил его на стол и хотел потихоньку удалиться, но Булф глубоко вздохнул и сказал, не поворачиваясь:

— Гэл, позови Энджи.

— Он тебе очень нужен?

— Что за дурацкие вопросы, если зову, значит, нужен!

— Он в последнее время как-то сник. По-моему, догадывается, что ты задумал.

Буллфер с треском захлопнул ставни:

— А ты думай поменьше о том, что я задумал. И поменьше болтай.

— Ладно, как скажешь.

Я поплелся в апартаменты Энджи. Дверь оказалась открытой, в комнате было темно, но на фоне открытого окна я увидел крылатый силуэт, подошел и встал рядом. Воздух остыл, на меня повеяло приятной прохладой....

— Сегодня со мной разговаривал один мальчик,— сказал вдруг Энджи тихим задумчивым голосом.— Он видит очень странные вещи... то, чего не видят другие люди. И он просил меня объяснить последнее свое видение: «...Белые всадники скачут по небу. И пыль из-под копыт их коней оседает на небе Млечным Путем...» Это напомнило мне о том, как погибших в Великой Битве ангелов небесные кони возвращали обратно домой, в Твердыню. Что это? Предупреждение нам? Или знак того, что мы победим...

Я отвел взгляд в сторону... Значит, Энджи все же разговаривает с людьми.

— Буллфер просил, чтобы вы спустились к нему.

Ангел повел крыльями, как будто ему стало холодно, и грустно посмотрел на меня.

— Гэл, почему так официально? Мы же друзья и были на «ты».

Я пожал плечами и отвел глаза в сторону

— Не знаю. Как-то все изменилось.

— Да. Ты прав. Все изменилось.

Энджи слез с подоконника и подошел ко мне.

— Хорошо, пойдем узнаем, чего он хочет...

Буллфер ждал нас, по своему обыкновению нетерпеливо расхаживая по залу.

— Энджи, нужна твоя помощь,— воскликнул он, увидев ангела.— Ты сможешь открыть окно?

— Об этом мог бы и меня попросить,— пробормотал я сердито, но, увидев полный презрительного высокомерия взгляд Хозяина, понял, что речь идет об «окне» магическом. Тогда конечно! Я-то в магии не

силен, а Буллфер, видимо, решил вспомнить свои прежние королевские привычки, и теперь у нас ангел — придворный колдун!

— Куда навести? — спросил Энджи.

Булф протянул ему листок:

— Вот по этим координатам.

Я заглянул через крыло ангела в бумажку и не удержался от удивленного свиста. Хозяин хотел заглянуть прямо в свой бывший кабинет. Обалдеть можно!

— Это рискованно,— Энджи перевел в слова мои бурные эмоции.

— Знаю,— буркнул демон. Он сел в кресло и начертил в пространстве перед собой воображаемые линии будущего экрана.— Здесь. И поторопись, пожалуйста.

Энджи молча встал напротив, закрыл глаза, вытянул руки. С кончиков его пальцев потекли тонкие золотые ниточки, сплетающиеся в светящийся прямоугольник, пока еще неясный, но уже готовый отразить картину другого мира. Буллфер крепко сжал подлокотники кресла, отдавая Энджи какой-то мысленный приказ, и в то же мгновение «окно» распахнулось. В раме из белого пламени я увидел кусок знакомого до последней полки кабинета. Массивный стол на ножках, выточенных в форме когтистых лап, тяжелая лампа из черного камня, ониксовое пресспапье с трещиной на ручке, появившейся, когда разгневанный Буллфер шарахнул им по столешнице, книги... и Хул, за этим самым столом сидящая. Когда перед ней распахнулся «экран», она уронила перо и воскликнула удивленно:

— Буллфер?! Ты?!

Хозяин откинулся на спинку кресла и сказал, улыбаясь:

— Да, моя дорогая. Узнала?

— Ты не изменился,— ответила она.

Не знаю, что Хул чувствовала на самом деле, но внешне она была совершенно спокойна. Кажется, наша дамочка научилась следить за своими манерами.

— Я знала, что ты жив.

— И ничего не предприняла? Какая оплошность!

— Почему же, мой дорогой. Я сделала очень много, ты себе даже представить не можешь сколько. Отменила некоторые законы, ввела новые льготы, освободилась от некоторых навязчивых слуг, уладила конфликт с соседним Хозяином.— Она мило улыбнулась, облокотилась о стол и опустила мордочку на переплетенные пальцы рук.— И знаешь что? Все довольны. Твоим обожаемым демонам нравится мое правление. А мне понравилось править.

Когти Буллфера проскрипели по обивке кресла, оставляя глубокие царапины.

— Дрянь!

Хул обиженно надула губки:

— Как грубо! Разве можно так говорить с дамой?! Впрочем, тебе всегда не хватало воспитания, мой дорогой. Очень жаль. А я все ждала,

когда ты объявишься, чтобы предложить тебе место секретаря, оно как раз пока свободно. Но снова убедилась, что ты всего лишь дерзкий, высокомерный нахал. Нужно быть немного...— она с наигранным затруднением щелкнула пальцами с острыми ноготками, вспоминая нужное слово,— ...мягче. Немного мягче, вежливее, демоны любят, когда с ними вежливы. Попроси ангела, он тебя научит...

Я с опаской покосился на Буллфера. С ним было что-то не то: глаза горят, непроизвольно выпускаются и втягиваются когти, в одном из сжатых кулаков начинает пульсировать багровое пламя, еще немного— и он превратится во что-нибудь страшное и опасное... смертельно. Каждое изощренное издевательство Хул попадало в цель, точно в его, и без того израненное, самолюбие. Если бы он мог влезть в «окно», чтобы придушить негодяйку, он бы сделал это.

— Что такое? — спросила Хул, невинно хлопая накрашенными ресницами.— Тебе неприятно слышать правду?!

— Я убью тебя,— хрипло сказал Буллфер.

— Хватит! — сказала она резко, превращаясь в гордую Хозяйку. Поднялась, отбросив за спину длинный пурпурный плащ, и подошла вплотную к экрану. — Ничего ты мне не сделаешь! Никто из вас ничего не может мне сделать! Надоели эти пустые разговоры! И если мне нужно победить тебя снова, чтобы доказать, что ты ничтожество, я сделаю это! В прошлый раз я пожалела тебя вместе с твоим слугой-недоумком и бедняжкой-ангелочком, больше не пощажу никого.

Она еще ближе подошла к экрану, заслоняя собой картину кабинета, ее сверкающие глаза стали огромными.

— Я знаю, где ты,— прошептала она.— Узнаю это место. «Белые щиты»? Конечно, только безумцы могли дать тебе убежище!

Хул отпрянула от «окна», ее плащ снова распахнулся, и я увидел короткую рукоятку рубинового жезла, висящего у нее на поясе.

— Я приду к тебе, Буллфер! — сказала она спокойно, почти бесстрастно.— Мы все к тебе придем. Даю тебе фору. Два дня. Цени мое благородство.

Изображение помутнело, а потом в воздухе сверкнула красная вспышка, и экран развалился на куски прямо в руках Энджи. Все-таки Буллфер не сдержался и швырнул в соперницу сгустком пламени. Безобидная выходка, жест отчаяния, физический контакт через «окно» невозможен, все мы знаем об этом. Ангел подул на обожженные ладони и посмотрел на демона, устало ссутулившегося в кресле.

— Это объявление войны?

— Да... Она постаралась бы напасть неожиданно, но чтобы провести сюда армию, ей придется открыть «ворота» и удерживать их. На это нужна энергия. А чтобы собрать ее, нужно время.

— Почему ты думаешь, что она поведет армию? Гораздо проще проникнуть сюда одной и...

Буллфер встал, поднял листок с координатами своего бывшего кабинета и порвал его на мелкие клочки.

— Она тщеславна. Как и все мы. Ей нужна полная победа. Мое полное уничтожение, много трупов, много крови. Извини за подробности. Демоны любят войну. Это развлечет их и еще больше поднимет ее авторитет.

Энджи сел в кресло, его крылья поникли.

— Скорее бы все закончилось,— прошептал он едва слышно.

— Закончится,— пообещал Буллфер.— Осталось два дня. А теперь идем, Гэл, нас ждет военный совет. Тебя, Энджи, я не приглашаю.

Ангел кивнул и отвернулся.

Буллфер направился было к двери, а потом вдруг повернулся ко мне и подозрительно повел носом.

— Чем это пахнет?

Я уж было хотел заявить, что не имею ни малейшего отношения к странным запахам, которые беспокоят хозяина, как вдруг вспомнил... Ругая себя за забывчивость, я полез в карман и вытащил кусок злосчастной ветчины, на которую жара подействовала не лучшим образом. Буллфер поморщился и вышел из комнаты, я поспешил следом за ним, запихивая мясо в рот. Не пропадать же продукту!

Кроме генерала за столом было еще двое. Белобрысый тип с залысинами на висках, вероятно от долгого ношения шлема, и вытянутой от постоянной брезгливости физиономией. Советник Теренций не любил демонов и в очередной раз, увидев Буллфера во всем его рыжем великолепии, передернулся. Вторым был парень, в котором я с удивлением узнал Антония, одетого в новые черные доспехи, сияющие переливами демонического пламени, и в белом плаще с намалеванными на нем красными руническими символами. «Мой сын Антоний»,— сказал генерал с гордостью, опуская руку парню на плечо. Вот так да! А он, оказывается, генеральский сынок. Можно сказать, второй по значимости человек в Белом Городе.

Буллфер молча прошел мимо них и опустился на свое место. Я сел рядом. Когда все присутствующие вволю налюбовались друг на друга и с приветствиями было покончено, Хозяин поднялся, положил рыжие ладони на стол и заговорил своим звучным, хорошо поставленным голосом, не обращая внимания на гримасы Теренция.

— Сражение произойдет утром, пятнадцатого. У нас есть еще два дня.

Присутствующие недовольно загомонили, но Буллфер сжал ладонь в кулак, и скрип когтей по столу заглушил голоса.

— Я рассмотрел обычный порядок построения ваших войск и убедился, что он нуждается в корректировке.

Буллфер взял кусок угля, подошел к стене и принялся чертить на белом мраморе схематические квадраты манипул армии «Белых щитов», одновременно комментируя свои рисунки:

— Ваш боевой порядок занимает около двух миль. Войска выстраиваются в три линии по двенадцать шеренг, всего тридцать шесть шеренг в глубину. Отряды стоят с сокращенными интервалами между собой, по флангам конница. И вы получаете огромную фалангу, лишенную возможности маневрировать на поле боя. С ней можно сделать все, что угодно. Взять в клещи, например вот так,— и драться смогут только внешние части шеренг, внутри будет давка. Эта ваша нерасчлененная фаланга стесняет действия отдельных бойцов и уничтожает все ваши преимущества.

— Значит, у нас все-таки есть преимущества?! Странно,— поморщившись, сказал Теренций.

— Есть,— ответил Буллфер.— Первоклассная пехота. С новым вооружением она может стать основной ударной силой.

— А мы думали, что основной нашей ударной силой будете вы.

— Я не всесилен.

— Странно,— повторил советник.

Мне он сразу не понравился. Зануда, лицемер и трус. Не знаю, зачем он примазался к святой войне «Белых щитов», но явно не по идеологическим соображениям. Наверняка за годы верного служения сколотил себе приличный капиталец и собирался удалиться в загородную виллу на покой, а тут мы со своей войной. Вот и бесится.

Теренций многозначительно покосился на генерала. Тот исподлобья смотрел на Буллфера и молчал.

— А что предлагаешь ты? — спросил Антоний, с любопытством глядя на Хозяина. Кажется, он уже забыл о нашем недавнем разговоре, во всяком случае, в его взгляде, устремленном на Буллфера, не было ненависти. Или он решил для себя отделить «хороших» демонов от «плохих», записав нас в первую категорию. Или разум возобладал над гордостью.

— Нужно отказаться от конницы.— Булф локтем стер заштрихованные квадраты, нарисованные на флангах войска.— Я понимаю, что это мощная ударная сила, но только не в войне с демонами. Животные будут пугаться, шарахаться, сбрасывать седоков.

Антоний улыбнулся и покачал головой.

— Наши лошади натренированы. Они не боятся демонов.

— И все же я бы не стал рисковать. Кроме того, я предлагаю уменьшить глубину шеренг с шести до трех и разбить легион на тридцать мелких отрядов-манипул. Первая шеренга будет состоять из копийщиков, вторая из бойцов, вооруженных длинными мечами, а в третью можете поставить вашу «Священную дружину», лучших воинов. Прикрывать нас будут метательные машины.

У Антония неожиданно заблестели глаза. Он взял еще один кусок угля и подошел к разрисованной стене.

— А здесь с правого и с левого фланга мы поставим конницу! Отец, это хороший план.

— Никогда не доверяй демонам,— пробормотал Теренций.

— Вы можете предложить что-то лучшее? — очень вежливо осведомился Буллфер.

— Нет,— нехотя признался советник.— План хорош. Именно поэтому он вызывает подозрение.

— Ладно,— генерал поднялся.— Где, ты думаешь, появятся демоны?

Буллфер показал на большое светлое пятно на карте:

— Здесь. Это единственное место. Они откроют «ворота» в этой долине.

— Так близко от города?! — воскликнул Антоний.

— Да,— сказал Буллфер.— Если нам придется отступать, его стены защитят нас. А теперь, прошу прощения, у нас много дел.

Он повернулся спиной к союзникам и гордо удалился, я поспешил следом. Значит, все-таки пятнадцатое! Это проклятое пятнадцатое! Булф специально появился перед Хул за два дня до срока. Конечно, наша Хозяйка не успокоится до тех пор, пока не уничтожит его. А то двусмысленность получается: в поединке выиграла, а проигравший жив. Странно. Наводит на размышления... Все рассчитал! Знал, сколько времени потребуется для забора энергии. Так и задумал! Что ему демоны, Рубин, а потом и сами «Белые щиты» с их новым вооружением, когда он станет всемогущим?! Зачем ему тогда мы с Энджи...

Глава 10
Битва

Я проснулся задолго до рассвета, всем телом ощутив странную вибрацию. Меня как будто положили между двумя листами железа и били по ним огромными кувалдами. Тут же дверь распахнулась, и в комнату вошел Буллфер, злой и нервный.

— Они идут. Чувствуешь?

— Уже?!

— Что, испугался? — спросил он язвительно, но я видел, ему тоже не по себе.— Скоро будут здесь.

Я вскочил и бросился к окну. В темноте за стенами города горели огни, десятки, сотни огней. Армия «Белых щитов» была готова к наступлению. Мне казалось, что я вижу колыхание их знамен и блеск обнаженных мечей.

— Они ждут меня,— сказал Буллфер.

— Подожди, я с тобой,— я схватил свою кольчугу, но он удержал меня.

— Гэл,— произнес хозяин как-то странно.— Я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Да, конечно.

Он подошел ко мне, глядя сверху вниз с высоты своего роста. Трансформация еще не началась, но в нем уже угадывалось нечто страшное.

— Останься с Энджи. Позаботься о нем. Обещай мне, что не оставишь его.

— Хозяин, я... не понимаю.

Его лицо исказилось, но он тут же справился с собой:

— Гэл, я теряю силы.

— Что?!!

Он прошелся по комнате, нервно сжимая и разжимая кулаки.

— Сначала я думал, что это последствия поединка, она ведь крепко приложила меня. Потом, что просто устал. Но теперь чувствую точно — мощь уходит.

— Но это невозможно!! Почему?!

— Не знаю. Будем надеяться, что это естественный отлив перед скачком на новую ступень.

— Какой отлив?! Ты что говоришь?! Нас могло спасти только твое перевоплощение!.. Не знаю, что там думают смертные, но мы с тобой надеялись, что ты превратишься в непобедимое существо, а что будет теперь?!.. Ты просил Энджи проводить все эти магические действия— открыть «окно», провести телепортацию... Ты не можешь сделать даже это?!

— Могу. Просто не хотел тратить остаток сил.

— Невозможно! Просто не-воз-мож-но! А как же «Белые щиты»?! Ты поведешь их на бойню!

— Она уже здесь.

— Плевать мне на нее. Я пойду к Энджи и все ему расскажу!

Красноглазая, хищная, крылатая тварь, бывшая раньше Булфом, схватила меня за горло и встряхнула.

— Ты никому ничего не расскажешь. Но будешь рядом с ним. Каждую минуту. Понял?!

— Да. Да, Хозяин, я все сделаю.

— Вот и молодец.

Он отшвырнул меня к стене, расправил крылья и вылетел в окно, только осыпались витражи. И мне стало страшно по-настоящему.

Энджи быстро встал, увидев меня. Он тоже чувствовал приближение враждебной энергии.

— Гэл, ты слышишь?!

— Да. Они пришли.

— Где Буллфер?

— Там,— я махнул в сторону окна.

— А ты не с ним?!

— Он просил меня остаться с вами.

Энджи закусил губу, но тут же решительно тряхнул головой и даже попытался улыбнуться.

— Пойдем наверх. Я хочу посмотреть.

Совсем не нужно ему смотреть на битву, но я решил, что, как только все начнется, уведу его. Мы поднялись на башню. Солнце еще не встало, но небо быстро светлело, и тонкие полоски облаков на горизонте уже начали отсвечивать розовым.

Энджи закрыл глаза, прошептал несколько непонятных слов, и перед нами, вырезав кусок пространства, открылся огромный экран. Теперь мы могли видеть и слышать все, что происходило в долине, находившейся не меньше чем в пяти милях отсюда.

«Белые щиты» стояли, тесно сомкнув ряды: фаланга в центре, конница на крыльях. Правое крыло вел генерал, левое — Антоний. Буллфера я увидел неожиданно — огромная тварь пронеслась над шеренгами, бросая на землю черную крылатую тень. Воины инстинктивно пригибались и заслонялись щитами, хотя были предупреждены и уже видели нового союзника. Энджи тихо ахнул и схватил меня за руку.

— Что это?! Это он?!

— Да. Боевая трансформация.

Ангел мужественно не впал в истерику и только кивнул.

За несколько секунд Буллфер облетел весь строй и опустился рядом с генералом, гарцующим на своем вороном жеребце.

— Они идут. Двое «ворот» открыты, третьи держат в запасе.

Генерал хмуро кивнул и опустил забрало шлема. Буллфер снова взлетел.

Энджи, внимательно наблюдающий за происходящим, подался вперед, и темный край долины стал стремительно приближаться. Понятно, хочет увидеть позиции другой стороны. Из открытого телепорта медленно выходили мои прежние товарищи, и, если бы Энджи так не дергал экран, я мог бы разглядеть своих бывших партнеров по покеру. Боевая гвардия ее величества Хул. Бравые ребята, вооруженные алебардами, когтями и клыками. Быстро, тихо, без обычной болтовни и ругани, непривычно собранные и сосредоточенные, они выстраивались в шеренги, готовые рвануть вперед по первому приказу. Хорошая у них дисциплина, знают, что не на пикник прибыли. Молодцы. Серые оскаленные морды, красные злые глазки, когти заточены... Кто-то из начальства пронесся перед ними, блеснув краем алого плаща, и хрипло проорал что-то. Гвардейцы сомкнули ряды и двинули вперед. Хул пока нигде не было видно.

Энджи увел экран в сторону и остановил его в центре долины, развернув до предела. Сейчас начнется. Я нервно запустил когти в обивку кресла, ангел замер, не двигаясь и едва дыша...

Армия «Белых щитов» клином врезалась в серую массу демонов. Черные доспехи выдерживали три удара когтей, а потом разлетались на куски. Первый ряд копийщиков был разорван и сметен, люди падали, а их место занимали все новые и новые безумцы.

Красная человеческая и черная демонская кровь лилась на землю и смешивалась. Прямо перед экраном воин-гастат поднял на копье ревущую от боли тварь и тут же был разорван другим демоном. А на того сверху спикировал монстр с горящими глазами, вонзил все двадцать когтей, поднял в воздух безжизненно обмякший труп, швырнул его в атакующую серую толпу и бросился на следующего. Грохот, звон, вопли, рев, визг, рычание, свист крыльев.

— Нет!! Нет!!! Я не могу!

Я очнулся и обернулся к Энджи. Ангел зажал уши руками, зажмурился:

— Я не могу это видеть! Я не могу это слышать!!

Ругая себя последними словами за тупость и бесчувственность, я схватил Энджи за руку, выдернул из кресла и потащил за собой, бормоча какие-то утешительные глупости:

— Пойдем отсюда! Как же я раньше не понял! Ты не должен смотреть на это! Побудь у себя.

— Гэл! Они умирают! Я чувствую их боль! Я должен помочь!

— Нет! Не смей! Даже не думай! Ты останешься здесь!

— Там умирают люди!!

Он рвался из моих рук, все труднее было его удерживать, и тогда я сделал ужасную вещь — ударил ангела. Не сильно, только чтобы успокоить. Он вскрикнул, отшатнулся и посмотрел на меня огромными удивленными, беспомощными глазами. Еще никто никогда так не оскорблял его.

— Энджи, прости! Но если мне нужно ударить тебя для того, чтобы удержать, я сделаю это еще раз.

Он медленно попятился от меня, а потом вдруг метнулся к окну, распахнул его и, прежде, чем я успел сообразить, что делать, вылетел на улицу, только белые крылья мелькнули. Проклятье! Проклятье!! Мне что, теперь следом за ним сигать?! Хороши оба! Чуть что — сразу в окно! Ну, не умею я летать! Не умею! И у всех моих образов крылья только для большей достоверности! А, ладно! Я бросился следом за ангелом, не к подоконнику, конечно. Открыл свой собственный слабенький телепорт и очутился едва не под копытами у жеребца Антония. Конь с испуганным ржанием шарахнулся в сторону, меня отовсюду осыпали первосортной человеческой бранью, а потом схватили за плечо и встряхнули как следует. Я увидел перед собой белое с красными пятнами на щеках лицо генеральского сынка, услышал его голос и сам заорал в ответ:

— Где ангел?!

— Почему не на передовой?!

— А вы почему не наступаете?!

— Дайте ему коня!

— К черту лошадь, я ищу ангела!

Тут над нашими головами просвистело, недалеко грохнул взрыв, а нас обдало искрами и ошметками чьей-то горящей плоти.

— Метательные орудия,— воскликнул Антоний и завопил так, что у меня заложило уши: — Давайте, ребята! Поддайте им!.. Они отступают! Слышишь, ты, отступают! Наши их теснят!

Теперь орудия били без передышки. Не знаю, почему вначале произошла заминка, но сейчас разрывные снаряды ложились плотно, один за другим, и пробивали в рядах демонов основательные дыры. «Священная дружина», вооруженная длинными мечами, и остатки второй шеренги бросились вперед.

— Они отходят! — заорал Антоний, размахивая своим мечом.— Слышишь?! Трубы!! Это отец. Сейчас они зададут им жару!

Я, наконец, вырвался из его крепких пальцев, спихнул седока с первого попавшегося коня, вскочил в седло и, не обращая внимания на возмущенные крики, галопом помчался в сторону гулких взрывов. Отступают там демоны или нет, меня не касается, нужно найти Энджи.

Волна сражающихся прокатилась по долине, оставив после себя изуродованные, обожженные тела, сломанные мечи и копья, разбитые доспехи и кровь, везде кровь. Колеса орудий пропахали глубокие полосы, земля в них была красной.

А потом я увидел ангела. Он медленно шел, время от времени наклонялся зачем-то, потом снова выпрямлялся и снова шел. Я остановил коня, спрыгнул и подбежал к нему.

— Энджи, что..?

Он стоял на коленях рядом с умирающим солдатом, и тонкие лучики света текли с его пальцев. Раненый улыбался и смотрел на ангела широко распахнутыми, доверчивыми, восхищенными глазами. Ему не было больно.

— Ваша светлость, как там? — прошептал он.

— Мы побеждаем,— спокойно, уверенно ответил ангел.— Они отступают.

— Я убил четверых,— сказал солдат.— Их, оказывается, нетрудно убивать. Нужно только приноровиться...

Он хотел сказать что-то еще, но вдруг дернулся, судорожно вздохнул и затих. Энджи выпустил его руку:

— Умер. Этот тоже умер.

— Послушай, пойдем.

Он поднял голову и посмотрел на меня пустыми, уставшими глазами.

— Нет, Гэл, никуда я не пойду. Мое место здесь. И если ты этого не понимаешь...

— Понимаю.

Я поднял меч, выпавший из рук умершего воина, вскочил в седло и еще раз посмотрел на ангела.

— Будь осторожнее, ладно? А то Буллфер мне голову оторвет, если с тобой что-нибудь случится.

Энджи улыбнулся и махнул рукой. Я пришпорил коня и помчался следом за кавалерией генерала.

...Бились мы уже несколько часов. Войско «Белых щитов» распалось на отдельные отряды, только «Священная дружина» — самые опытные бойцы, ветераны — сохраняли монолитность строя и медленно теснили демонов, отрезая им дорогу к ближайшим «воротам».

На правом фланге бесчинствовала конница генерала. Лошадки «Белых щитов» действительно не боялись нечеловеческого противника. Я лично в этом убедился, когда с гиканьем вломился во вражеский строй, размахивая подобранным по дороге мечом. Нужно только хорошенько разозлиться. Вспомнить все обиды, унижения, всю нашу долгую дорогу... Свобода! Наконец-то! Можно рвать, крушить, срубать головы, наделать ожерелий из клыков и браслетов из когтей! Жеребец танцевал подо мной, сбивая всех, кто попадался ему под копыта. Какой-то умный человек догадался подковать его «демоническим» железом, и враги падали с пробитыми черепами и поломанными ребрами.

Рядом со мной так же отчаянно рубились «Белые щиты». Я видел блеск их мечей, слышал громкие отрывистые крики, которыми они понукали лошадей. Совсем рядом мелькал шлем генерала с высоким серебряным гребнем и алели рунические символы на белом плаще.

— Берегись! Сзади! — услышал я вдруг его громкий крик и понял, кому тот предназначен, только после того, как мой жеребец, хрипя, взвился на дыбы, а в меня впились острые когти.

— Предатель! — заорал над ухом торжествующий, смутно знакомый голос.

От боли потемнело в глазах, но я сумел повернуться и наугад ударил мечом. Демон завопил, скатился с крупа, и кто-то из «Белых щитов» добил его. На мгновение мне показалось, что шум боя как будто стих, отдалился, я привалился головой к шее жеребца, пережидая короткую вспышку жгучей регенерации. И, едва только боль начала уходить, заставил себя выпрямиться в седле.

— Жив? — крикнул генерал, не глядя в мою сторону и с неправдоподобной легкостью отбиваясь сразу от троих демонов.

— Жив,— хрипло отозвался я, бросаясь ему на помощь.

Мой черный клинок дымился, и каждый раз, когда я вонзал его в серые лохматые туши врагов, демоническая кровь кипела на нем. Хорошее оружие выковал Буллфер.

— Как тебе... драться... против своих? — между двумя взмахами меча спросил генерал. Ну да, самое время сейчас выяснять степень моего нравственного падения.

— Нормально.

Откуда же их столько?! Все лезут и лезут! Серая озверевшая толпа! И каждый лично мечтает расправиться с предателем Гэлом. Да, не

работать мне больше секретарем. Ребята не простят мне отрубленных конечностей и снесенных голов.

Реакция у меня была получше, чем у благородных «белых воинов», поэтому я пригнулся, когда над моей головой пролетел странный серый орущий и воющий снаряд. Мой человек-сосед не успел увернуться и был снесен с лошади, подмят этим самым «снарядом», а сверху на него навалилась куча рычащих демонов. Еще не до конца сообразив, в чем дело, я развернул жеребца, одним прыжком оказался рядом и принялся кромсать мечом лохматые спины, пробиваясь к упавшему.

Он был еще жив, когда я оторвал от него последнего демона, заговоренные доспехи выдержали больше, чем три удара когтями, но на черном металле остались глубокие полосы. Человек попытался что-то сказать, однако не смог, рука в черной перчатке разжалась, выпуская меч, я почувствовал, как она слабо, но настойчиво отталкивает меня в сторону, и увидел в его глазах боль, ненависть и отчаяние. Воин не хотел, чтобы я наклонялся над ним, заслоняя прекрасное яркое небо своей демонской физиономией. И думать в последние минуты ему хотелось о сияющем белокуром ангеле, ради которого он умирает и который спустится к нему сейчас с этого неба... Он не знал, что ангелов на всех не хватает.

Я вскочил в седло, снова повернул измученного жеребца и бросился навстречу новой серой зубастой толпе. Когда над головой пролетел еще один демон-снаряд, брошенный мощными лапами моих выдумщиков-товарищей, я машинально вскинул меч, черная сталь вонзилась прямо в беззащитное брюхо летящего, и он шлепнулся на землю, не причинив никому вреда. Судя по бодрым восторженным воплям, «Белым щитам» понравилась моя тактика. «Обезвреженные снаряды» стали падать под копыта коней.

Мы дрались яростно, отчаянно, долго, я забыл об ангеле, которого мне поручили охранять, о Буллфере, которому могла понадобиться моя помощь, и совсем не думал о том, что убиваю бывших друзей, демонов, таких же, как я. Серые оскаленные морды и лапы, хватающие меня, стали раздражать, и я бил по ним, не останавливаясь, с удовольствием слыша вопли боли и ярости.

А потом вдруг горячий воздух ударил в спину, меня подхватило и вышвырнуло из седла. Очнулся я сидящим на земле, вокруг валялись дохлые демоны, в руке у меня оказался обломок меча, а совсем рядом чернела огромная воронка. Кто-то очень хорошо или, наоборот, не очень хорошо прицелился. В голове шумело, перед глазами плыли разноцветные пятна. Вот тебе и боевое ранение. Контузия. От своих же и попало... Так, сколько жизней у тебя осталось, Гэл-оборотень?!.. Я сунул руку за пазуху и вытащил свой охранный медальончик. Он пока еще был цел и даже слабенько светился, а это значит, что у меня есть шанс дожить до конца сражения, если, конечно, никто не придумает выстрелить мной из пушки.

Я попытался встать, но тут же сел на прежнее место. Прямо с неба на меня свалился Буллфер. И при виде его мне стало очень плохо. Он был в крови с ног до головы, глаза горели безумным огнем, выпущенные когти сверкали, хорошо хоть трофейных черепов на пояс не нацепил.

— Ты что здесь делаешь?! — заревел он.— Где ангел?!

— Не знаю. Там...

— Ты его бросил?!!

— Нет!! Нет!!! Он сам! Он лечит!

— К нему, быстро!

— Стой! — Я чуть ли не повис на шее у безумной твари, пытаясь удержать ее.— С ума сошел! Да он умрет, увидев тебя таким!

Демон остановился, посмотрел на меня глазами, в которых мелькнуло что-то разумное, и полетел назад. Я бросился за ним, пешком, коня моего нигде не было видно. Но не успел сделать и нескольких шагов, как земля подо мной затряслась и послышался оглушающий, чудовищный рев. Открыли третьи «ворота»! Открыли все-таки!! Возле меня приостановился кто-то на лошади и протянул руку, помогая взобраться ему за спину.

— Слышал?! Что это?! — крикнул человек.

— Вторая атака,— прокричал я в ответ.— Сейчас начнется опять.

Когда туман телепорта рассеялся, навстречу нам из серого дыма медленно выступили чудовища. Четвероногие монстры, ростом с дом, с два дома... их круглые уродливые головы с загнутыми вперед рогами были опущены, из мощных челюстей выпирали длинные клыки, укрепленные металлическими кольцами и зазубренными острыми наконечниками. Кожа покрыта броневыми наростами, лапы окованы шипастыми пластинами. А на спине у каждой твари сидели несколько демонов, вооруженных арбалетами.

— Святые небеса! — прошептал мой попутчик.— Кто это?!

— Рапты,— сказал я, как ни странно, спокойно.— Она приручила раптов. Теперь нам конец.

Замешательство в рядах «Белых щитов» было на удивление недолгим. Кавалерия генерала бросилась в атаку. Через несколько минут примчался Антоний со своим отрядом. Но что они могли сделать?! Лошади шарахались от чудовищ. Рапты с ревом вломились в ряды атакующих, топтали воинов, вонзали в них клыки, сбрасывали с лошадей. Не обращая внимания на безобидные удары мечей, они перли вперед, втаптывая в землю все, что попадалось им на пути, а лучники на их спинах расстреливали оставшихся в живых.

«Белые щиты» начали отступать. Вот она, та самая решающая секунда перед паническим бегством, когда еще что-то можно сделать... может быть, кто-нибудь сделает хоть что-то?! Над нами с шумом пролетела крылатая тварь, и ее вой был слышен на много миль вокруг:

— Стреляйте по погонщикам! Убивайте погонщиков! Они потеряют управление!

Буллфер заложил крутой вираж в воздухе и бросился на первого рапта. Демоны на его спине завопили, когда бывший Хозяин обрушился им на головы и всадил когти в самое уязвимое место на теле зверя, туда, где уродливая голова соединялась с шеей. Тварь заорала, завыла, топчась на месте и ничего не соображая от боли, потом повернулась и налетела на своих же, устроив неразбериху в стройном ряду атакующих. «Белые щиты» сообразили, что делать, и, стараясь не попадать под ноги разъяренных чудовищ, осыпали стрелами их седоков. Хозяин был прав: потеряв управление, рапты зверели и бросались на все, что движется.

У меня больше не было времени следить за ходом сражения. Моего соседа по лошади убили, и я один помчался вперед, чудом проскакивая между ног орущих и фыркающих гигантов. Буллфер бросил доставать осатаневших от ужаса демонов, точным ударом когтей сломал шейные позвонки рапту и полетел куда-то. Даже не оглянулся посмотреть, как зверюга с тоскливым воем медленно заваливается набок. Кажется, он начал выполнять вторую часть плана «В». И, наверное, мне сейчас нужно быть рядом с ним. На всякий случай.

Впереди показались очертания третьих «ворот». Неподалеку от них на холме спокойно стояло несколько шатров. Один из них, самый высокий, с башенкой, украшенный алыми коврами, конечно, принадлежал начальству. Я уже почти видел Хул, восседающую в высоком кресле и рассматривающую поле сражения в небольшое «окно», висящее перед ней в пространстве, как вдруг сверху на меня упала шелестящая крыльями махина, в плечи впились когти, меня выдернули из седла, подняли в воздух и понесли обратно.

— Не ори! — негромко сказали сверху.

— Ты что делаешь?!

— Не бойся, не уроню. Видел, где Хул?

— Да.

— Нужно забрать у нее Рубин.

Не очень-то приятно висеть в воздухе и вести милую беседу, но я все-таки спросил:

— И как ты собираешься это сделать?

— Найди Антония и веди его отряд туда. Пока она будет ликвидировать прорыв, Рубин разрядится. Я успею его схватить.

— Но она же сожжет их всех!

— Это не важно.

— Черт тебя дери, Булф, ты...— И тут он выпустил меня. Я стремительно полетел вниз и чуть было не украсил собой острые рога на голове одного из раптов, когда крылатая тварь снова поймала меня.

— Найди Антония.

— Л-ладно. Х-хорошо... А как сражение?

— Почти проиграно,— сказал он после секундного молчания.— Как я и думал. Они очень смелые. Но люди против демонов — это безнадежно...

— А где генерал?

— Убит.

Он спустился чуть ниже, высмотрел отряд Антония, и швырнул меня прямо на круп его коня. От неожиданности я вцепился в генеральского сына так, что мы оба едва не свалились на землю.

— Опять ты?! — закричал Антоний.— Откуда ты все время появляешься?! Как там наши?!

— Не знаю. Сражение по всей долине. Мы рассеяны. Они тоже.

— Все ясно. Гоняемся друг за другом.

— Есть шанс убить их предводителя. Предводительницу. Пока она ничего не подозревает.

— Показывай дорогу.— Антоний привстал на стременах, обернулся к своим и крикнул: — За мной!

«Хороший голос у мальчишки,— подумал я, прочищая уши,— командирский. Жаль только, что... А, ладно! Меня, может быть, тоже...»

Наши войска были разбиты. Жалкие кучки сражающихся «Белых щитов» уже ничего не могли сделать. Буллфер сказал правду... Трупы людей, демонов, лошадей, обломки орудий, у которых давным-давно закончились снаряды, словно горы возвышались поверженные рапты. Если бы мы знали, что она приручит зверюг, если бы мы знали, что их вообще возможно приручить... Если бы Буллфер не был так уверен в этом проклятом пятнадцатом числе... Если бы на всех людей хватило новой брони, если бы у нас было больше времени...

— Вон там, впереди!

— Вперед!.. Готовься!.. Смерть демонам!

Под высоким шатром загорелось алое пламя. Рубин наливался светом, готовый испепелить нас всех, как и положено. Широкая красная плеть хлестнула, разбивая отряд на две ровные половины, и я вдруг понял, что бьют нас не оттуда, не из разукрашенного «генеральского» шатра. Рубиновые молнии били из другой, очень неприметной башенки.

— Булф, нет!!! Она не там! Не туда!!!

Потом все вокруг залило красным светом, я почувствовал, что падаю. И в этот раз по-настоящему.

— Гэл... Гэл! — тихо звал знакомый голос, чьи-то руки настойчиво трясли меня и не давали умереть спокойно.

— Отстань. Я не хочу...

— Гэл, очнись же!

Пришлось открыть глаза. Надо мной склонился Энджи. Кто же еще. Его лицо было в копоти и слезах, руки поцарапаны, на крыльях кровь, своя или чужая... впрочем, я даже не знаю, какого цвета кровь у ангелов.

— Гэл...

— Не плачь. Я жив.

Он опустил голову, и я понял, что он расстроен не из-за моей предполагаемой гибели. Не только из-за нее.

— Что?!

— Мы проиграли.

— А Буллфер?!

Энджи вытер слезы рукой и сказал спокойно:

— Сейчас его приведут.

— Значит, все-таки... Дурак! Идиот!! Кретин!! Говорил я ему! Я же говорил, что это безумие! Никогда! Никогда меня не слушал!

— Гэл,— легкая ладонь легла на мое плечо, и я замолчал.— Гэл, я очень устал. Я посплю немного. Разбуди меня, когда... разбуди, ладно?

— Хорошо, разбужу.

Он лег рядом со мной и уснул мгновенно. Я укрыл его своей курткой, которая валялась рядом, и, наконец, огляделся. Город был разрушен. После того, как по нему прошлись рапты, Хул завершила начатое несколькими ударами Рубина.

Пыль клубилась над развалинами. Узкие каналы были завалены каменными глыбами и щебнем. Кое-где мутная вода обтекала преграды и медленно лилась вниз по улицам, заполняя выбоины и ямы на дороге. С башен были сняты круглые светящиеся кристаллы — главное украшение города, а сами они горами битого камня валялись на земле. По улицам шныряли демоны, не обращая на нас с Энджи никакого внимания. Они выглядели сытыми, довольными и только время от времени лениво, беззлобно переругивались. Добычи хватило на всех, ссориться было ни к чему.

Вот и все. Так бесславно закончился поход бывшего Хозяина Буллфера против Великой Хозяйки Хул... Наверное, она убила всех жителей, может быть, осталось всего несколько человек, кому удалось бежать... Эх, Буллфер, Буллфер, как же ты ошибся со своей «Бесценной Наградой»!

Нас даже не охраняли. Неподалеку топтался хмурый демон с алебардой, но он больше внимания уделял своему мешку с провизией, чем нашим пленным персонам. А впрочем, чего ему беспокоиться! Вон, над головой, светится бледный купол «щита». Выбраться из-под него невозможно, он надежно блокирует любую физическую атаку и все магические действия. Да... попали.

Я поднялся, кряхтя от боли, и шагнул к ближайшей луже. Слегка умылся, без особого интереса осмотрел свои боевые раны. Энджи успел подлечить меня, но было еще видно, в каких местах и как долго я горел. Наверное, Хул ударила не в полную силу, или Антоний успел спихнуть меня с лошади, и я закатился в какую-нибудь яму, или... а!.. это уже не важно. Представляю, как ангел метался по всей долине, разыскивая меня. Странно, что демоны его не тронули. Хотя, что они могут ему сделать! Наверное, даже помогали искать второго предателя и заговорщика, помощника Буллфера. И все же интересно, как он меня нашел?

— Почувствовал твою боль,— услышал я тихий голос.— Теперь я все время чувствую боль. Особенно ее много там. В долине. Огромная черная туча...

Ангел сидел рядом. Его крылья опустились прямо в пыль, руки сложены на коленях, и не было в нем ни прежней яркой, немного наивной радости, ни детского любопытства. Только безысходность и печаль.

— Энджи...

— Раньше я чувствовал только хорошее. Старался помочь всем, кого встречал. Даже демонам... И вот что получилось... С моей помощью разрушен город, убито столько людей.

— Энджи, ты не виноват!

— Нет, Гэл, виноват. Но ты не бойся, я не буду рыдать и... ничего не буду. Я слишком устал. И постоянно чувствую боль... Я должен был уговорить его не воевать с Хул. Убедить как-то.

— Никто никогда не уговорит демона отказаться от власти. Ты виноват совсем в другом.

Ангел поднял голову и молча посмотрел на меня прекрасными грустными глазами. Сказать ему, что из-за его колдовства Буллфер потерял власть, силу и армию?..

— Лучше бы ты уговорил его отказаться от мыслей о мировом могуществе и удовлетвориться тем, что у него уже есть. Ладно. Не важно. Тебе нужно позвать своих. «Щит», конечно, крепкий, но ты пробьешься. Попроси прощения, скажи, что раскаиваешься и никогда больше не ослушаешься их. Они заберут тебя.

— Нет, Гэл.— Энджи отбросил с лица пыльные золотые кудри и покачал головой.— Я никого не буду звать. Я останусь с вами.

— Энджи, Хозяина, наверное, убьют.

Огонек упрямства, загоревшийся было в нем, снова угас. Ангел прерывисто вздохнул и отвернулся, а я продолжил спокойно:

— Меня, может быть, тоже... хотя, не знаю.

— Я останусь с вами,— повторил он.— И не уговаривай меня, пожалуйста!

Вот оно, ангельское доверие... Как там Буллфер писал: «беспомощное, бессмысленное...» Хм, может, и бессмысленное, но, оказывается, надежное. Надежнее, чем все наши ценности...

Мы сидели рядом на земле и молчали. Я надеялся, что он, в конце концов, не выдержит и позовет своих, или заплачет, или сделает хоть что-нибудь, что делал прежний ангелок Энджи, но он продолжал сидеть все так же тихо и смотрел, как медленно плещется вода у его ног. А потом демон, охраняющий нас, подхватил алебарду, отпихнул в сторону свой мешок и принял позу почтительного ожидания.

Каменные плиты, на которых мы сидели, стали подрагивать, как будто по ним шагал кто-то очень тяжелый. Туманная дымка «щита» развеялась, и мы увидели огромного рапта. Его бока были покрыты черным подземным металлом, подковы на ногах дробили камень мостовой, красные глазки, прикрытые роговыми щитками, часто моргали от яркого света. Он встряхивал бугристой головой и шумно принюхивался. Возле ног зверя толпился с десяток демонов, на спине восседала Хул, а перед ней вели Буллфера. Его длинные перебитые крылья волочились по земле, сверкающие глаза потухли, черный бронированный панцирь был пробит. И на ногах он едва держался. Я почувствовал, как Энджи рядом со мной начинает дрожать, и крепко взял его за руку.

Некоторое время Хул молча рассматривала нас с высоты, потом несколько демонов приволокли легкую лесенку, приставили ее к боку зверя и помогли демонице спуститься. Не обращая внимания на меня, Хул вплотную подошла к ангелу и уставилась на него своими черными холодными глазами.

— Вот и ты,— произнесла она негромко.— Я давно мечтаю познакомиться с тобой, ангел.

Энджи взглянул на демоницу.

— Значит, ты все это время помогал Буллферу? Редкая преданность.

Она сделала шаг назад, и тут же услужливые демоны подтащили кресло. Хул откинула полу плаща, продемонстрировав нам рубиновый жезл, висящий на поясе, и грациозно села.

— Что он обещал тебе за помощь? Как я понимаю, к золоту ты равнодушен, власть тебя тоже не интересует. Чем же он мог так заинтересовать тебя?

Энджи молчал и теперь смотрел мимо нее на измученного Буллфера.

— Ты не хочешь разговаривать со мной! — с усмешкой «догадалась» Хул.— Как обидно! А я думала, что мы с тобой мило поболтаем. Может быть, даже подружимся. Тебе же нравится дружить с демонами... Или ты предпочитаешь неудачников, как этот?! — она небрежно указала на Буллфера.— Как там его зовут?!

— Хватит! — Я устал слушать ее болтовню и решил вмешаться.— Отвяжись от него.

— Что?! — крикнула Хул, мгновенно свирепея.— Кто это здесь открывает рот без моего разрешения!

— Ну я. Не надоело еще выпендриваться?! — отозвался я менее уверенно, заметив, что Рубин нацеливается прямо на меня.

— Ах, это наш дорогой, незаменимый Гэл! — заулыбалась Хул, помахивая жезлом.— Что же ты замолчал?! Всегда так приятно услышать от тебя что-нибудь умное.

Она поднялась из кресла, легкой танцующей походкой подошла ко мне, протянула руку и подцепила длинным ногтем цепочку, на которой висел мой амулет.

— Красивая штучка, только очень хрупкая.

Медальончик полетел на землю, и она растоптала его своими острыми каблуками.

— Ну, ты по-прежнему очень смелый?

Я благоразумно помалкивал, разглядывая осколки под ногами. А наглая девица еще немного полюбовалась моей расстроенной физиономией (жалко все-таки амулет, столько раз он меня выручал) и снова повернулась к ангелу.

— Вот так, дорогой Энджи, приходится обращаться со своими бывшими друзьями и, можно сказать, родственниками. А что делать с тобой, даже не знаю...

— Отпусти его,— услышал я глухой низкий голос Буллфера.— Ты победила. Теперь у тебя есть прекрасная возможность мне отомстить... отпусти ангела.

— Я тебя предупреждала,— ответила Хул очень спокойно,— не нарывайся. Но ты никогда не слушал умных советов. А расплачиваться за твою глупость придется ему.

Она указала концом жезла на Энджи, и ее злобное лицо снова стало обворожительным.

— Я придумала очень забавную месть. Она должна понравиться тебе, Буллфер. Ты же любишь играть в благородство... Ведите этих двоих в храм,— приказала она демонам.

«Этих двоих!» А про меня что, забыли?!

Опередив охранников, Энджи быстро подошел к Буллферу, украдкой прикоснулся к его когтистой лапе, и я увидел тоненькие светлые лучики, льющиеся с ангельских пальцев. Еще и лечить пытается. Булф хотел отстраниться, но ангел настойчиво сжал его руку, переливая свою силу... Ну ладно, а как же я?!

— Эй, Хул, ты кое-кого забыла!

Она презрительно оглядела меня с ног до головы и повела плечом.

— А, ты... иди отсюда. Крысиный корм меня не интересует. Пошел вон, пока я не передумала!

Ей снова подали лесенку, чуть ли не на руках водрузили на спину рапта, и торжественная процессия двинулась к выходу из города. На меня просто не обращали внимания, словно я лично не убил несколько десятков собственных родственников и не был вторым по значимости предателем после Буллфера, словно я ничтожество, не заслуживающее мести! Я мог бы спокойно уйти. Просто развернуться и податься, куда глаза глядят, в любую сторону, никто бы не стал меня останавливать.

Я поднял с земли куртку и пошел следом за своими... друзьями. Наверное, ангельская преданность заразна.

Их привели в уже знакомый мне белый храм. Я тоже вошел внутрь, игнорируя не замечающих меня демонов. Вокруг вовсю шныряли бесы, послушные новой Хозяйке, и вели какие-то странные приготовления. Мраморные плиты в центре храма были сдвинуты, из черной дыры в полу тянуло холодом. Рядом стоял каменный саркофаг, на его крышке грудой черного металла лежали цепи. Хул подняла их, с грохотом бросила на пол, демонстративно отряхнула руки и уселась на освободившееся место.

— Так вот,— сказала она холодно и равнодушно, уже без обычных своих улыбочек и ужимок.— Одного из вас я замурую в подземелье. Похороню заживо в этом храме. Другой, как пленник и вечный раб, пойдет со мной. И в том и в другом положении есть масса достоинств, но и недостатки тоже есть.

Да, ангел не выживет под землей... он погибнет от темноты и одиночества, а Буллфер сойдет с ума от беспомощности и мыслей о мести.

— Что же,— улыбнулась Хул, все еще поигрывая стэком, на конце которого горел Рубин.— Выбирай, Буллфер. Либо это для тебя,— она указала носком сапожка на цепи,— а это для него,— кивок в сторону черного провала подземелья.— Но вы можете поменяться, я не возражаю.

Сначала я посмотрел на Хозяина. Он был страшен. Огненные глаза его снова пылали, кожистые крылья складывались и опять раскрывались, острые когти были выпущены на всю длину. Потом глянул на дыру в полу. Оттуда веяло холодом. И в самый последний момент я посмотрел на ангела. Он стоял рядом с Буллфером и почти касался плечом, прикрытым тонким шелком, щетинистого плеча демона.

— Ну,— поторопила Хул.— Решай.

Я заметил взгляд Булфа. Он смотрел в глубокий подвал. Он бы хотел выбрать для себя все — и цепи, и заточение под землей, но мерзавка Хул и в этом не могла не поиздеваться над ним.

Не знаю, что выбрал бы я. Не знаю, что лучше для ангела — сидеть в цепях в нашем подземелье или лежать в этой черной холодной могиле. Буллфер шагнул к провалу, видимо, решив наконец, но Энджи опередил его и загородил собой дорогу в пропасть. Несколько мгновений они смотрели друг на друга и говорили о чем-то безмолвно, а потом Булф молча поднял цепи. Он стоял, не шевелясь, пока бесы прилаживали кандалы к его рукам, и ни на секунду не отпускал взгляда ангела.

«Я вернусь за тобой. Совсем скоро».

«Я буду ждать».

«Я отомщу».

«Не надо мстить. Просто приходи, Буллфер...»

Я понял, о чем он просит, только после того, как Хозяин стал меняться. Крылатая тварь с огненными глазами исчезла, Булф снова стал ярко-рыжим. Энджи улыбнулся, а демон вдруг вскинул руку, сиреневое

облачко сорвалось с его пальцев и ударило ангела в грудь. Тот слабо вскрикнул, пошатнулся и упал, распластав по камню белые слабые крылья. Сообразив, что случилось, Хул завизжала от злобы и разочарования:

— Мерзавец! Дрянь! Ты... Да как ты посмел!

Огненный камень хлестнул Буллфера, который, потратив оставшиеся силы на последнее заклинание, не мог даже уклониться.

— Давай! Пошел! — крикнула Хул, слегка утомившись размахивать жезлом.

«Гэл, останься с ним».

«А ты?!»

«Останься!»

И я остался. Я видел, как уводили Буллфера, как задвигали крышку саркофага над спящим ангелом, а потом каменный гроб медленно опускали в подземелье. Как замуровали дыру в полу... А потом все ушли, и я смотрел, как песок заметает развалины Белого Города, как ржавеет и рассыпается в пыль оружие, оставленное воинами, видел, как наступает и снова отходит пустыня. Видел звезды, холодные и близкие, каждую ночь плывущие надо мной. Каждую ночь... Много, много ночей...

Часть II
ПОСЛАННИК

Глава 1
ВКУС ПОБЕДЫ

Широкая спина рапта слегка покачивалась в такт его размеренным, неторопливым шагам. Солнце, стоящее в зените, сверкало на полированной броне роговых пластин. Алый балдахин чуть колыхался над головой, заслоняя наездницу от палящих лучей. Оставались позади дымящиеся развалины Белого Города...

Она возвращалась домой.

Хул Великая.
Хул Победительница.
Хул Хозяйка Срединных земель.

Ангел лежит в могиле, Буллфер — главный мятежник — в цепях, бежать ему некуда и, главное, не с кем.

Она победила, но почему-то нет давно запланированного, долгожданного торжества. Ожидание, предвкушение победы было ярче, чем сама победа. «Я просто устала,— думала Хул, проводя ладонью по пыльному лбу.— Устала... поэтому меня ничто не радует...»

Буллфера увели раньше. Демоница надеялась, что он будет взбешен, унижен, в крайнем случае разочарован, но бывший Хозяин казался лишь утомленным. И равнодушным. Безо всякого выражения на рыжем лице он смотрел, как бесы прилаживают цепи к его рукам, иногда поднимал голову, щурился на яркое солнце. Один раз оглянулся на храм, в подземелье которого лежал ангел. И ни одного, ни единого взгляда в ее сторону. Если бы он хоть раз посмотрел на нее, если бы Хул увидела в его глазах отчаяние, она... да, ей было бы легче пересилить собственное равнодушие и усталость.

Хул сунула руку в складки одежды, вытаскивая Кристалл Памяти— одну из магических игрушек, облегчающих властвование, да и жизнь Верховного Правителя. Большой прозрачный камень стал матовым на солнце, и Хозяйка, хмуря брови, напряженно всматривалась в белую мутную глубину. Хул подозревала, что кроме последних событий, мыслей и ощущений своего владельца, Кристалл содержит информацию обо всех, кто общался с хранителем Камня. Она не могла вызвать эти воспоминания, лежащие в глубинах памяти артефакта. Для столь серьезного магического действия нужна была сила Высшего демона. Но

события, происходящие или произошедшие недавно, он ей показывал. Буллфер никогда не пользовался ничем подобным, рассчитывая только на собственные сверхдемонические способности. Хул не была столь щепетильна и не считала ниже своего достоинства лишний раз заглянуть в Камень Памяти, чтобы проверить, все ли она сделала, и оценить себя со стороны.

«Зря Буллфер был так самонадеян,— еще раз подумала Хозяйка и недовольно скривила губы, увидев на матовой поверхности смутные очертания своего врага.— При желании он мог бы заглянуть в прошлое любого или узнать все его тайные планы. Хотя он, кажется, умеет читать мысли». Хул презрительно усмехнулась, провела пальцем по грани камня, который тут же стал прозрачным, и увидела в его глубине лицо ангела. Печальное, утомленное... прекрасное. Этот тоже не захотел с ней говорить.

Но почему они так верны тебе?! Ангел, никчемный секретарь, даже люди сражались на твоей стороне.

Хул изо всех сил встряхнула Кристалл, словно надеясь увидеть в нем ответы на свои вопросы, а потом снова сунула бесполезную игрушку в складки плаща.

— Госпожа! — окликнул ее запыхавшийся голос.

Демоница слегка стукнула рапта по костяному гребню на голове и приказала: «Стой!» Послушный зверь тут же замер на месте, неуклюже перебирая толстыми ногами.

— Госпожа!

К Хул подбежал запыхавшийся демон из личной охраны, запрокинул голову, чтобы лучше видеть всадницу, восседающую в высоком седле, и почтительно спросил:

— Что делать с пленными людьми?

Хозяйка равнодушно взглянула на пленников в помятых черных доспехах и изорванных плащах. Все они были ранены, еле держались на ногах, но в их глазах не было ужаса, только обреченность. Все они были воинами, взрослыми мужчинами... хотя нет, в жалкой горстке выделялся один, совсем молодой, почти мальчик, высокий, светловолосый, половина лица его была обожжена, а на одежде, как и у остальных, кровь и грязь.

— Убить,— коротко приказала Хул. Взгляд демоницы остановился было с интересом на молодом «Белом щите», но она добавила непреклонно: — Всех.

Хватит с нее людей.

Рапт послушно затопал дальше, шумно принюхиваясь к запаху крови. Иногда до Хул долетали оборванные, скомканные фразы — отражения его неповоротливых, ленивых мыслей. «Спать... скоро спать... и есть. Жарко».

— Хороший. Хороший рапт,— Хозяйка похлопала зверя по голове.— Сейчас мы будем дома.

Услышав одобрение в голосе повелительницы, гигант довольно забормотал и пошел быстрее.

У самых «ворот» Хул приказала ему остановиться, и тут же к ней подбежал Велиагр, один из Высших, усиленно добивающийся должности первого фаворита. Помог спуститься, почтительно поцеловал руку. Хул равнодушно улыбнулась ему и пошла к телепорту. Одна. Не заметив предупредительно протянутой ладони демона.

Это было первое правило, которое она выучила — никого не приближай к себе. Нет, второе. Первым было — не доверяй демонам, особенно Высшим.

Рапт вперевалку брел следом за Хул и обиженно заворчал, когда его Хозяйка скрылась в дымке «ворот». Но скоро успокоился и, подгоняемый погонщиками, угрюмо побрел к сородичам, ждущим своей очереди.

Едва Хул переступила через обод телепорта, ей навстречу устремились демоны. Правительница обвела равнодушным взглядом холеные, лоснящиеся морды знати, выслушала поздравления и с трудом сдержалась, чтобы не уйти, молча повернувшись к ним спиной. «Я становлюсь похожей на Буллфера»,— подумала она с досадой и, пересилив раздражение, заулыбалась господам Высшим демонам. Благодарила, отвечала на восхищенные комплименты и снова улыбалась. «Они могут быть очень опасны,— думала демоница, поглаживая кончиками пальцев Рубин, висящий на поясе.— Да, опасны, если не знать, как у них растет шерсть и как их по этой шерсти гладить». Фраза показалась забавной, Хул рассмеялась совершенно непринужденно, милостивым кивком позволила придворным разойтись и направилась к спуску в подземелье.

Широкая лестница из серого гранита была ярко освещена, но перед Хул прыгал услужливый бес с двумя факелами в лапах. Она совсем не волновалась, ей было просто любопытно увидеть Буллфера там, внизу, посмотреть, как он переживает свое унижение, понял ли наконец, что проиграл.

В подземелье было темно, и переход от света к красноватой тьме впечатлял. Кое-где горели светильники, но казалось, они дают больше теней, чем света, и факелы беса пригодились.

Хул медленно шла от одной пустой камеры к другой (прежний Хозяин не очень-то заботился о пополнении тюрьмы).

Как же, его интересовали только политические отношения высшего уровня!

«Нет, я не права,— благодушно подумала демоница.— Все-таки он успешно правил несколько тысячелетий. И сделал немало». Чувствовать себя объективной было приятно, и к следующей решетке Хул подошла очень довольная собой.

Сначала из темноты ей навстречу зажглись узкие красные глаза. Звякнула цепь. Факел осветил Буллфера. Демон полулежал на охапке соломы, прислонившись спиной к каменной стене.

Хул подошла к решетке, разглядывая своего бывшего Хозяина, закованного в цепи. Он тоже, оторвавшись от созерцания гранитного потолка, перевел на нее холодный, равнодушный взгляд. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, а потом демоница сказала:

— Здравствуй, Буллфер.

Он криво усмехнулся:

— Ну что, теперь ты довольна? Сбылась, наконец, твоя мечта.

Значит, у него еще оставались силы, чтобы насмехаться. Но это ненадолго.

— Знаешь, в чем причина твоего падения, Буллфер? Ты всегда окружал себя не теми компаньонами. Ангел, секретарь-оборотень, люди. И ты не давал себе труда узнать их получше, понять, чего они хотят на самом деле.

— Хочешь, я открою тебе один секрет? — перебил ее Буллфер. Он, кажется, вообще не слушал, что говорит Хул, думая о своем.— Теперь ты никогда не почувствуешь себя счастливой. Теперь ты будешь одинока... Одиночество. Не очень приятное, но неизбежное дополнение к власти.

— Счастье? — повторила Хул.— Ты набрался слишком много человеческих слов... и чувств.

Буллфер равнодушно пожал плечами. Он не хотел разговаривать. С ней никто не хотел разговаривать! Хозяйка схватилась за холодные прутья решетки и прижалась к ней всем телом, чтобы быть ближе к пленнику.

— А хочешь, я открою тебе один секрет? Расскажу, кто помог мне добыть Рубин?

Красный взгляд сверкнул из-под тяжелых век. Да, ему было интересно.

Хул молча сунула руку за пояс и вытащила медальон — тонкое золотое украшение, блеснувшее в свете факела. Демон подался вперед, ноздри его раздулись, и, кажется, поднялась шерсть на затылке.

— Узнал? — спросила Хозяйка и швырнула золотую безделушку в камеру. Буллфер поймал украшение на лету, пристально всмотрелся в него, а потом... потом его лицо вдруг исказило выражение самой настоящей боли. Но продолжалось это всего лишь мгновение, если бы Хул не следила за ним так пристально, то могла бы и не заметить этого приступа слабости.

— Так вот,— продолжила она, с удовольствием повторяя свои прежние слова.— Ты всегда окружал себя не теми компаньонами. Ты был слишком занят собственными желаниями, чтобы понять, чего они хотят на самом деле...

Она мечтала, чтобы Буллфер рассердился, бросился на нее, взвыл от боли и ненависти, но он не шевелился. Глаза его снова стали пустыми, огонь в них погас.

— Думаешь, когда и в чем ты ошибся? — участливо поинтересовалась Хул.— Я помогу тебе.

Ее рука снова скользнула в кармашек на поясе и вытащила прозрачный Кристалл.

— Это очень полезная вещь. Я нашла ее в твоем... то есть в моем кабинете. Знаешь, там очень много всяких полезных магических предметов. А ты даже не удосужился разобраться в них... Так вот, твоей силы хватит на то, чтобы активизировать его и узнать правду.

Хул улыбнулась и бросила Кристалл в камеру. Тот покатился по полу, сверкая острыми гранями, и остановился возле руки бывшего Хозяина. Но тот даже не пошевелился, чтобы взять его.

Больше говорить было не о чем. Демоница еще немного полюбовалась на побежденного, теперь уже окончательно, врага и удалилась.

Буллфер снова остался в темноте. Но это не мешало. Ему не нужен был свет, он и так видел достаточно.

Высший демон чувствовал, что битва вымотала его окончательно. Если раньше сила уходила медленно, по капле, то теперь она текла тонким, но непрерывным ручейком. Скоро совсем ничего не останется... Демон попытался представить, что он будет чувствовать, когда это произойдет, и хмуро усмехнулся своим мыслям — теперь у него много свободного времени, можно заниматься самоанализом до полного отупения.

Пытаясь найти на полу положение, в котором не так сильно болела бы спина, пленник пошевелился, и рука его случайно опустилась на холодный Кристалл. Демон стиснул его машинально. И вдруг понял, что действительно больше не может заставлять себя не думать обо всем происшедшем. Такое чувство, как раскаяние, было ему неизвестно, но что-то неприятное, тягостное шевельнулось в груди.

Некоторое время он лежал, сжимая в одном кулаке магический камень, в другом — золотую безделушку, и чувствовал, как медленно поднимаются в душе злоба, отчаяние и тоска. «Что я сделал не так?.. В чем ошибся?..»

Нет, Хул врет! Он никогда не ошибался ни в демонах, ни в людях, ни в ангелах. Особенно в ангелах. Хозяин невесело усмехнулся. Ранимый, доверчивый, слабый и такой сильный Энджи. «Я не должен был приручать его,— впервые подумал он.— Я вообще не должен был ловить эту райскую птичку. Я... виноват перед ним и... И перед Гэлинджером тоже». Ему захотелось вскочить, выдрать из стены цепи, но вместо этого демон размахнулся и изо всех сил швырнул в стену золотое украшение, хранившее робким теплом его ладонь. Оно жалобно звякнуло о камень и осталось лежать на полу. «Меня предал тот, от кого я меньше всего ожидал предательства. Вообще не ожидал! Единственный, кого я считал достойным доверия... Нет, не верю, в это невозможно поверить!»

Буллфер приподнялся, чтобы вернуть затейливый золотой завиток, который раньше носил на шее Посланник. Светлый металл поблескивал на грязных плитах, и демон уже протянул к нему руку, когда понял, что цепь слишком коротка. Он дернулся, потом еще раз. Бесполезно. Глухая ярость снова шевельнулась в груди. Посрамленный Хозяин вновь и вновь пытался достать медальон, но, так и не дотянувшись, упал на солому.

Бывший правитель и сам не ожидал, что ему так невыносимо захочется снова почувствовать в руке тепло маленького завитка. От ощущения собственной беспомощности потемнело в глазах. Но пришлось смириться и с этим унижением. Золотой медальон лежал в нескольких шагах от него, лукаво поблескивая в темноте, такой же недосягаемый, как и его бывший владелец, и Буллфер сам не знал, что сделал бы с предателем, если бы тот попал ему в руки. Сломал шею? Взял за шкирку и потребовал объяснений, оправданий... правды?

«Правда... Зачем она мне теперь? Что я с ней буду делать? — Буллфер поднес к лицу руку, в которой все еще сжимал Кристалл.— Я действительно где-то ошибся. Но где?!» Он крепче стиснул камень и увидел, как в его глубине начинает сгущаться туман. Замелькали странно знакомые фигуры, послышались голоса. Артефакт потеплел, засветился. Буллферу показалось, что его воспоминания, смутные, нечеткие, наполовину забытые, всплывают из глубины камня, мелькают, кружатся, догоняя друг друга...

Да, его силы еще хватало на то, чтобы оживить память магического минерала и узнать все о тех, кого он захочет видеть. Высший демон мог бы пронаблюдать все события жизни Энджи, которые предшествовали их знакомству. Или, раз за разом, тщательно проверить, все ли правильно делал дотошный Гэл и куда он еще успел залезть. Да, наверное, приятно было бы, обреченному на вечное одиночество, видеть здесь их родные лица.

Но Хозяин, продолжавший жить в груди демона и периодически безжалостно рвущий когтями его и без того неспокойное сердце, требовал выработки новой стратегии. Для этого была необходима полная информация о врагах. А сам Буллфер с удивлением осознал, что хочет просто понять, почему его предали.

Найти, где и в чем он оказался неправ...

Демон чувствовал странное состояние погружения в прошлое.

Не в свое прошлое.

Впервые — не в свое.

Он понял, что прошедшие события встают в его памяти, но увиденные не его глазами...

И первой Кристалл показал Хул. Прежнюю Хул, какой Буллфер помнил ее до поражения в Поединке.

Глава 2
ПОДЗЕМНАЯ КОШКА

Хул быстро шла по коридорам убежища, старясь выбирать самые темные и глухие переходы, чтобы никто ее не видел. После того как Буллфер так оскорбил ее, вынудил сражаться с собой у всех на глазах, победил и снисходительно «помиловал», она чувствовала себя полным ничтожеством и готова была забиться в любую щель, лишь бы не попадаться никому на глаза. «Еще не хватало,— думала она,— чтобы эти идиоты (так она всегда называла про себя простых демонов) говорили, глядя ей в спину: «Вот идет Хул, эта презренная дура, неудачница, бывшая любовница Буллфера! Слыхали, говорят, он предпочел ей ангела!»

Никогда она не чувствовала себя такой униженной. Хотелось провалиться сквозь землю, но она и так была тут. Дальше падать некуда. «Подлец Буллфер! Мерзавец! Предатель! — твердила она про себя.— Такое издевательство не прощают! За это надо мстить!» Какая жалость, что она не может прийти и бросить в его наглую холеную рыжую морду: «Я вызываю тебя на Поединок, Буллфер!» Смешно, нелепо! Он просто разорвет ее на части или, что еще хуже, похлопает по спине и скажет рассеянно: «Иди-иди, не мешай. Не видишь, я занят». От жгучей ненависти у Хул на мгновение потемнело в глазах и свело скулы, а когда красное мерцание рассеялось, она поняла, что стоит у перил моста и смотрит, как медленно ползет лава по каменному дну ущелья.

Красные пузыри вскипали и лопались, разбрызгивая капли жидкого огня, тонкая корочка пепла мгновенно застывала на поверхности огненной реки и тут же взламывалась горящими трещинами... Красиво. Подземная кошка часами могла стоять здесь и смотреть вниз. Иногда мост под ногами начинал мелко подрагивать и становился слышен подземный гул, далеким эхом проносящийся по всем коридорам нижних уровней... А в конце моста была маленькая лестница, выдолбленная в стене.

Хул спустилась вниз на пол-уровня, прошла по узкому карнизу прямо над клокочущей лавой и оказалась напротив глухой стены, в которой угадывались неровные очертания двери. В ответ на прикосновение ладони плита дрогнула и повернулась на невидимых петлях, открывая вход в маленькое убежище. Хул вошла, и камень встал на прежнее место. Она знала, что теперь ее никто не найдет. Можно забраться в самый темный угол и тихонько оплакивать свое позорное поражение до тех пор, пока Хозяину не наскучит общество ангела и он не вспомнит о ней. Если вспомнит...

Вспыхнувшие светильники осветили просторную комнату. Кровать, стол, шкафчик, забитый всякой ерундой, на стенах алые ковры, огромное зеркало в золотой раме, а в самом дальнем углу, в глубокой нише, на шелковой подушечке стоит фигурка кошки, вырезанная из черного гра-

нита. Острые уши, хвост обвивающий лапы, длинная шея, глаза, сделанные из двух огромных хризолитов, равнодушно смотрят в одну точку— она тотем и талисман, приносящий удачу.

Хул поставила здесь гранитную фигурку неспроста. Искусно обработанный камень изображал кошку демонического происхождения. Еще в те времена, когда на этой земле жили древние химеры, ее называли подземной. Демоница знала, что ее прародители поклонялись Великой Подземной Кошке и даже считали себя ее прямыми потомками. Правда, по легендам, Кошка была коварна и мудра — чем (особенно последним) ее прапраправнучка никогда не отличалась. Однако иногда химера милостиво оказывала не слишком способной родственнице свое покровительство.

Когда ситуация представлялась совсем безвыходной, Хул призывала дух могущественного предка. И Подземная Кошка оживала. Продолжая оставаться неподвижной, она прищуривала глаза и мурлыкающим голосом давала демонице советы.

На золотом треножнике, стоящем у ниши, в знак памяти и преклонения всегда тлели угли, и над ними вился тонкий дымок. Машинально Хул подошла ближе, сунула руку в мешочек, висящий на поясе, вытащила щепотку порошка и бросила его на угли. Дым повалил гуще, и сквозь его сизую пелену стало казаться, что гранитная статуэтка лукаво щурится и шевелит усами.

«Мне нужно что-то сделать...— бормотала любовница Хозяина, мучительно размышляя о последних событиях, и ее брови в непомерном мысленном усилии сходились у переносицы.— Что мне сделать?! Я же чувствую, мое время проходит. Еще немного — и он прогонит меня. Что тогда?.. Снова возвращаться в это убогое жилище и опять ждать нового покровителя? Уйти в Южные или Северные земли, там искать свою удачу?..» До рези в глазах Хул всматривалась в густой дым, но Кошка сидела на своей подушке неподвижной зеленоглазой статуей и не хотела говорить. Никто не хочет говорить с проигравшим. Ну что же...

Демоница равнодушно отвернулась от каменного идола и, не раздеваясь, упала на кровать. Перед ее закрытыми глазами мелькали красные пятна, гнусные, ухмыляющиеся рожи демонов... тоска! Уткнуться бы сейчас в подушку, разрыдаться от обиды, злобы и унижения, а потом уснуть и проснуться веселой, забыв обо всем. Как жаль, что демоны не умеют плакать. Она зажмурилась крепче, и вдруг среди круговерти отвратительных физиономий появилось спокойное, отрешенное лицо... Эмил... Хул поняла: Эмил, вот кто ей нужен сейчас! Вот кого она хочет видеть!!

Демоница вскочила, бросилась к зеркалу. Гладкая холодная поверхность отразила ее целиком с ног до головы: порванное платье, растрепанные волосы, бледное, растерянное, утомленное лицо, глаза точно как у голодной и бездомной помойной кошки. Жалкое убожество! К нему нельзя идти такой. Он не должен видеть ее беспомощной и уни-

женной. Раньше Хул приходила в гости от скуки. Великолепная королева в поисках запретных развлечений...

Она села на пуфик и попыталась расслабиться. Косметическая магия— высокое искусство, и работа с ней требует неспешных действий. Усилием воли демоница заставила себя отрешиться от всех проблем и достала коробочку с краской. Эмил любит нежные, светлые тона, поэтому пусть глаза будут зелеными, черные волосы можно обесцветить до золотистых кудрей. Побольше румян и пудры... ну вот, стало как будто лучше. Почти ангел... Теперь, глядя на это очаровательное, спокойное лицо, не скажешь, что полчаса назад оно было перекошено от злости и разочарования. Закрыв коробку с косметикой, Хул поднялась, накинула плащ, с отвращением оглядела комнату и вышла, пожелав себе больше никогда не возвращаться сюда.

Длинный, ярко освещенный тоннель, выложенный красным гранитом, вывел ее к пропасти. Узкий мостик висел над бездной, тонкой лентой соединяя коридор с огромной горой, поднимающейся из черной пустоты. Вершина скалы была срезана, и на круглой площадке, освещенной неровным, бледным светом, между двух серых столбов висела мутная, лениво колышущаяся пелена. Временами она начинала мелко подрагивать, как будто сквозь нее бежали мелкие волны, а потом вдруг становилась плотной, монолитной стеной. Дыхание «ворот» завораживало, ими можно было любоваться часами.

Хул прошла по опасно раскачивающемуся мосту, стараясь не смотреть в черноту первозданного хаоса, клубящегося в пропасти под ногами, и ступила на площадку. Светильники, укрепленные на столбах, едва заметно качнулись, отбрасывая неровные отсветы на гладкий пол. Из темноты над телепортом выступила гигантская треугольная морда с узкими прорезями красных глаз. Она нацелилась было для удара по нарушителю, но сторож узнал подружку Хозяина, допущенную к пользованию телепортом, и снова ушел в тень. Значит, пока еще ее привилегии остались при ней.

Воронка завибрировала, становясь почти прозрачной, Хул перешагнула через светящийся порог, одновременно представляя черный замок, уходящий острыми шпилями башен в небо, и почувствовала, как начинает растворяться в тумане перемещения...

Здесь всегда было холодно и ветрено, когда она приходила. Подземная кошка стояла на вершине холма и смотрела на тучи, плотной серой толпой несущиеся по низкому небу. Они сталкивались косматыми боками, наползали одна на другую и, натыкаясь на острые башни замка, рвались на клочки. Мелкий дождь сыпал не переставая, и его холодные капли оседали на мордах каменных горгулий, сидящих на водосточных трубах. Высокие стены, сложенные из огромных гранитных блоков, были отполированы дождем и временем.

Черный замок стоял на краю пустоши, и казалось, что его фундамент медленно погружается в землю под тяжестью стен и тянет за собой луг, поросший низкими кустами, и рощу тонких кипарисов, гнущихся под холодным ветром. Глухой древностью и первобытным страхом веяло от этого странного сооружения. Хул плотнее запахнула мокрый плащ и стала спускаться вниз по едва заметной тропинке, стараясь не поскользнуться на размокшей глине.

Эмил был в библиотеке. Он сидел возле горящего камина, читая книгу. Несколько мгновений Хул молча смотрела на него. Странный, красивый по человеческим меркам, черные волосы закручиваются крупными кольцами, смуглая кожа, темные глаза. Дальний потомок Вильгельма Завоевателя. Человек, в котором есть несколько капель демонской крови.

Он почувствовал ее присутствие, поднял голову, увидел, улыбнулся:

— А, это ты...

И все, как будто они расстались только что. Ни приветствия, ни удивления, ни радости по поводу ее внезапного появления.

— Закрой дверь, дует.

Хул захлопнула дверцу потайного хода, через который вошла, швырнула на пол мокрый плащ, приблизилась к камину и протянула руки к огню.

— Ты плохо выглядишь,— произнес Эмил, кинув на нее взгляд. Вот и не помогли ухищрения с косметикой.— Что-то случилось?

— Случилось.

— Расскажи,— предложил он как будто равнодушно, но в глазах его засветилось вдруг что-то такое, что сделало его совсем не похожим на человека, и Хул поняла — он поймет ее, может быть, даже придумает, как утешить.

И она рассказала. Про Буллфера, про ангела, про свою самонадеянность и свое унижение. Эмил слушал, а на его красивом смуглом лице все яснее проступало насмешливое выражение и... жалость. Он жалел ее, и, что самое ужасное, ей это было приятно.

— Ну и что ты собираешься делать? — спросил он, когда Хул закончила.

— Больше всего мне хочется добраться до этого ангелочка и расцарапать его хорошенькое нежное личико.

Хозяин замка рассмеялся, закрыл книгу, бережно положил ее на столик и протянул руку.

— Иди сюда.

Привычно заглушив чувство легкого отвращения к человеческому телу, подземная кошка села на колени Эмилу, прижалась щекой к груди, слушая, как в ней стучит сердце. Физически он был слабее нее. Он был слабее любого демона. Иногда кошке стоило огромных трудов сдержаться и не запустить в него когти, чтобы посмотреть, как чело-

век-полудемон будет мучиться. А иногда она робела под взглядом глубоких черных глаз и чувствовала, что сама начинает терять силы. Эмил раздражал ее своей человеческой слабостью, а когда начинал обращаться с ней, как с обычной смертной (так Хул казалось), она просто тихо зверела. Хотя иногда, вот сейчас, например, это было даже приятно...

— Забудь,— сказал Эмил, поглаживая ее по волосам.

— Забыть?! Верховный демон, Хозяин, сидит в обнимку с ангелом!..— Подземная кошка вскочила.

— Ну и что? Ты тоже сидишь со мной в обнимку. А я смертный.— Он снова заставил ее сесть к себе на колени и спросил словно между прочим: — Кстати, Буллфер по-прежнему ничего не знает обо мне?

— Не знает.

— А если узнает?

— Может сделать все, что угодно. Взбеситься и убить тебя, вышвырнуть меня вон, окатив презрением, или просто не обратить внимания на твое существование. Ты для него не соперник.

— Да,— согласился собеседник, и его голос странно дрогнул.— Не соперник.

Оскорбился, решила Хул. Знает, что это правда, но не может сдержать человеческие эмоции. Она подняла голову и посмотрела на собеседника, как никогда жалея, что он не демон.

— Эмил, он высмеял меня, выставил полной дурой. Он никогда не воспринимал меня всерьез. Я нужна ему только для развлечения.

— Чего ты хочешь, Хул? — В голосе человека ей послышалась усталость.

— А чего хотим мы все?! Поклонения, роскоши, власти. Мне надоело быть игрушкой Буллфера.

— Оставь его.

— Не могу! С ним я получаю хотя бы видимость власти! Но все закончится, как только я наскучу Хозяину. Меня это бесит!

Эмил резко вздохнул от боли, и кошка поспешно отпустила его плечо, за которое ухватилась слишком крепко.

— Чего ты хочешь от меня?

— Не знаю. А чего я хочу от тебя? Объясни, ты же так хорошо умеешь все объяснять по-человечески.

— Хочешь, чтобы я тебя успокоил? Уговорил забыть ангела и насмешки Буллфера, убедил в том, что ты счастлива? — Он усмехнулся и заставил ее посмотреть себе в глаза.— Или хочешь, чтобы я отомстил за тебя?

— О Эмил! Если бы ты был демоном! Настоящим демоном, понимаешь?!

Он смотрел на нее, улыбаясь довольно-таки ехидно, и поглаживал по спине.

— И что было бы тогда?

А что было бы? Хул вдруг представилось... Властный, мужественный Эмил в новом обличье.

Если бы он мог получить силу и способности Высшего демона!..

— Ты бы мог занять место Буллфера. А я... я была бы с тобой.

— Но я не демон.— Ответ прозвучал жестко. Ему не нравилась эта тема, но демоница уже не могла остановиться.

— Но ты бы хотел им стать? Ты бы хотел стать Правителем, Хозяином?

— Нет. Не хотел бы,— ответил Эмил, отводя взгляд.— У меня нет ни малейшего желания управлять огромной подземной империей. Это утомительно.

— А тебе не нужно было бы этим заниматься. Ты мог бы читать свои книги, изучать новые заклинания... Представь, тысячи демонов, повинующихся тебе, огромная библиотека, в которой собрана вся мудрость подземного мира, тайны тысячелетней давности. Любые сокровища. Все, что ты пожелаешь. А я помогала бы тебе. Освободила от скуки правления.

Эмил взял ее лицо в свои ладони и прислонился лбом к ее лбу. Кошка замирала, когда он так делал.

— Но я человек.

— Как я ненавижу это твое человеческое тело! Слабое, жалкое! Беспомощное!

Мужчина выпустил Хул из объятий и с улыбкой наблюдал, как она бесится.

— Пройдет еще несколько десятков лет, и ты начнешь стареть. А потом умрешь! Это... отвратительно!

Полудемон рассмеялся, и от звука его смеха ей вдруг стало грустно.

— Если бы я могла, я бы сделала тебя истинным темным.

— Спасибо, Хул. Но я не хочу быть демоном. Вы многого лишены.

— Ну да! Жалости! Глупых чувств! Этой дурацкой любви... Все! Все!! Хватит! Надоело! Я пришла к тебе, чтобы забыть обо всем! Снова почувствовать себя неотразимой, сильной, нужной! А не разводить пустую философию!

Огонь в камине давно погас. Эмил спал, дыша почти беззвучно. Светлая кожа гладких плеч тускло отсвечивала в темноте, волосы черным пятном растеклись по подушке. Хул наклонилась над полудемоном, вдыхая странный, слабый человеческий запах, осторожно прикоснулась к теплой груди... «Буллфер убил бы меня,— подумала вдруг она,— если бы узнал, что пару ночей в месяц я провожу в постели смертного». Она сама не понимала, зачем ей это нужно. Зачем, рискуя всем на свете, тайком бегает к Эмилу. Запретное удовольствие? Хул точно знала, что с Буллфером получает больше удовольствий. Он изощреннее на выдумки, сильнее, выносливее, с ним бы ей сейчас не пришлось валяться в постели и от скуки разглядывать полог над кроватью, прислушиваясь к сонному дыханию выдохшегося любовника. Развлечение? Если честно, то с Буллфером веселее. Понятнее, проще. Он не ведет занудных научных

разговоров... говоря откровенно, он вообще никогда не говорил с подземной кошкой серьезно, и Хул даже не была уверена, в курсе ли он, что она умеет читать. «Да, вот и вывод. С Буллфером приятно, весело... И он считает меня круглой дурой,— Хул усмехнулась.— Но он ошибается! Еще как ошибается. А когда поймет это, будет уже поздно!»

Эмил пошевелился, глубоко вздохнул, и кошка замерла, чтобы не разбудить его, а потом тихо отложила в сторону подушку, которую хотела исполосовать когтями от злости. «Ничего я не могу сделать Буллферу,— подумала она с грустью.— Разве что помечтаю немного о том, как страшно отомщу... когда-нибудь потом. А завтра придется возвращаться домой и делать вид, что не замечаю насмешливого, издевательского хихиканья за спиной... Эмил! Ну почему ты не демон?! Насколько все стало бы проще...» Хул снова представила полудемона-получеловека высоким, с огненными глазами, тяжелыми кожистыми крыльями за спиной, сильного и непобедимого...

Всю жизнь она получала только сотую часть того, что хотела, — жалкие капли хитрости вместо безграничной кошачьей мудрости, снисходительное терпение Буллфера вместо безграничного доверия и обожания, и вот жалкий получеловек вместо Высшего демона.

Хул уткнулась лицом в подушку, натянула на голову одеяло и заставила себя уснуть. А что еще оставалось делать одинокой подземной кошке в человеческой постели?

Разбудил ее назойливый солнечный свет, бьющий прямо в лицо. Хул провела рукой по кровати, но место Эмила было пустым. Тогда кошка подняла голову и увидела, что он стоит у стола, быстро листая какую-то книгу. По смуглому телу пробегают утренние блики света, на спине видны свежие царапины, оставленные ее когтями.

— Эмил, что ты там делаешь?

Он стремительно обернулся. Его обычно спокойное лицо горело от странного возбуждения. Хул показалось, что даже черные глаза стали сверкать почти по-демонически.

— Кажется, я нашел то, что тебе нужно.— Он схватил книгу и, вернувшись в постель, снова улегся рядом с любовницей.— Смотри.

На желтой от времени странице Хул увидела рисунок длинного заостренного жезла с камнем на конце.

— Что это?

— Рубин Карашэхра. Мощнейшее антидемоническое оружие.

Колдун и демоница оглядели друг друга, и Хул вдруг стало жутко.

— Его сила сравнима с силой ангельских мечей,— продолжил Эмил,— а может быть, и превосходит их.

— Ты хочешь сказать...

— Он хранится в храме Огня в Южных землях,— полудемон пристально смотрел на Хул.— Если ты достанешь Рубин, то станешь непобедимой.

Кошка представила на мгновение. Месть, могущество, свобода...

— Если бы это было возможно...

Не отвечая, он выбрался из постели и стал одеваться. Натянул брюки, чуть поморщился от прикосновения шелка рубашки к царапинам, босиком подошел к столу и позвонил в колокольчик.

— Сейчас будем завтракать.

— Я не хочу есть.

— А я проголодался.

Хул не знала, демоническое это достоинство или человеческий недостаток, но поесть Эмил любил. У него были потрясающие винные погреба, несколько великолепных поваров, один из которых готовил первые блюда, другой специализировался исключительно на десертах, третий виртуозно запекал птицу. Для каждого приема пищи стол сервировался серебром, хрусталем и украшался живыми цветами. Вот и сейчас, неслышно ступая по коврам, в комнате принялись сновать слуги, разворачивая накрахмаленную скатерть и расставляя столовые приборы. Ну, это надолго. Хул встала, накинула высохший плащ на голое тело и села в кресло у камина.

Яркое ровное пламя гудело и билось за чугунной решеткой, красные головни рассыпались раскаленными углями, похожими на рубины. Приятное тепло поднималось по ногам кошки, нежно касалось лица и слегка шевелило волосы. Хул смотрела на огонь и в каждом угольке видела оружие Карашэхра.

— Прошу вас, моя дорогая.

Она обернулась на веселый голос Эмила.

Стол был великолепен. Дневной свет лился сквозь хрустальные бокалы и радужными разводами ложился на скатерть. Из глубокого блюда свешивались грозди черного винограда, придавленные тяжелыми золотистыми персиками. Три графина с белым, красным и розовым вином. Букет орхидей в центре. Фарфор, хрусталь, золотые вилки и ножи...

Хул с легким сожалением поднялась из кресла (есть она принципиально не хотела) и села за стол напротив улыбающегося Эмила. Вокруг нее тут же засуетились слуги, один наливал вино в бокал, другой накладывал на маленькую золотую тарелочку крошечные хлебцы, намазанные паштетом, третий почтительно замер над плечом, держа на весу блюдо с дымящимся мясным рагу. При этом они старались не смотреть на нее и мечтали как можно скорее отойти подальше от опасной гостьи. Видимо, демоническая сущность проступала даже сквозь старательно наведенное, ангельски прекрасное лицо.

— Что тебе предложить? — любезно осведомился колдун с другого конца стола.

— Мясо... с кровью,— мрачно отозвалась Хул.

Он рассмеялся, заметив, как дрогнуло блюдо в руках слуги, стоящего рядом.

— Не сегодня. У меня пропадает аппетит, когда я наблюдаю за тем, как ты его ешь.

Эмил поднял пустой бокал, и к столу, осторожно неся полный графин с вином, подошел мальчишка лет двенадцати. Круглая лукавая мордочка с румяными щеками, старательно расчесанные пушистые каштановые локоны, любопытный взгляд, постоянно шныряющий по сторонам, бархатный костюмчик.

— Кто это? — спросила демоница, указав пальцем на милого ребенка, который искоса взглянул в ее сторону и тут же, покраснев, отвернулся.

— Мой помощник,— нехотя ответил Эмил.

— Вот как, помощник... Забавно.

Хул отодвинула от себя тарелку и стала развлекаться, наблюдая за колдуном, который завел с мальчишкой дурацкую беседу об охоте на перепелов и одновременно хмуро поглядывал в ее сторону. «Он что, решил, будто я хочу съесть его драгоценного помощника?! Хотя ребенок действительно выглядит вполне аппетитным». Хул усмехнулась про себя и принялась со скуки обрывать виноградины с веточки, рассеянно поглядывая на полудемона.

Иногда подземной кошке казалось, что он понимает ее, думает так же, как она, желает того же, чего хочет она, а иногда он превращался в тупого, упрямого смертного, которого впору убить за непомерную заносчивость и недальновидность. Ему нравится сидеть в древнем убогом замке и читать рассыпающиеся от старости книги. Он не хочет власти. Его все устраивает.

— Попробуй это вино.— Эмил поднял хрустальный бокал.— Посмотри, какой цвет.

«Зануда! Смертный зануда! Почему я терплю его?!» — подумала Хул, и на лице ее, видимо, отразилось мучительное недоумение, потому что Эмил рассмеялся.

— Я нужен тебе.— Он поднялся и жестом велел слугам убирать со стола.

На полу у камина полудемон развернул длинный свиток.

— Я уже говорил, что Рубин Карашэхра хранится в Южных землях, в храме Огня. Я прочитал, что дверь храма закрыта, и попасть туда можно только через ворота, впускающие действительно страждущего, и только в определенное время, потому что...— Эмил с сомнением взглянул на кошку, но продолжил: — ...Видишь ли, во Вселенной есть такие места, которые существуют вне времени и пространства. Но в проявленном мире, откуда ты должна будешь проникнуть в храм, вход в них

существует не всегда. Потому что и сами они проявляются здесь, в Срединном мире, лишь на короткое время.

— Ничего не понимаю,— призналась Хул честно.— К этим воротам... арке есть какой-нибудь ключ или пароль?

Эмил загадочно улыбнулся:

— Есть. Твое пламенное сердце.

— О! — воскликнула кошка, выпуская и снова убирая когти.— В моем сердце достаточно пламени. Его хватит, чтобы открыть дюжину ворот.

Полудемон покачал головой и сказал медленно:

— Это не тот огонь. В тебе горит ненависть.

— Ерунда! — Хул отмахнулась от него.— Я существо подземного мира, кому, как не мне, повелевать этим твоим огнем.

— Ты понимаешь все слишком буквально.— Эмил сунул в камин кочергу и разворошил угли.— Да, ты — демон, ты можешь опустить руку в кипящую лаву и не обжечься, но Огонь Неосквернённый тебе недоступен. А Рубин заключает в себе высшую концентрацию силы именно такого Огня.

— Значит, я не смогу взять его?

— Сможешь. С моей помощью... Но ты уверена, что хочешь этого?

Хул начала нервничать. Она не была уверена. Теперь ей казалось, что Эмил специально морочит ей голову, умея выражаться столь аллегорически. Неосквернённый Огонь... Пламенное сердце... Если бы кошка точно знала, куда конкретно нужно идти, где взять ключ и как открыть дверь, за которой лежит Рубин с подробной инструкцией, как им пользоваться. Но она была твердо убеждена, что отправлять ее в место, которое не существует или существует, но не всегда, как-то глупо. И опасно...

— Знаешь,— демоница взяла его руку и провела кончиком когтя по открытой ладони,— мне нужно подумать. Буллфер, конечно, мерзавец, но, может быть, я смогу отомстить ему как-то попроще, без дальних путешествий в неисследованные миры.

Эмил, внимательно следящий за движениями ее когтя по своей ладони, на мгновение поднял глаза и тут же опустил их.

— Подумай.— В его голосе звучало столько скучающего равнодушия, что кошка начала оправдываться.

— Нет, я правда хочу доказать ему, что он напрасно считает меня бесполезной дурой, но...

Колдун вдруг рассмеялся:

— Хочешь остаться хорошей девочкой. Мечтаешь, что он похвалит тебя и погладит по головке, а еще лучше наденет на нее корону — точную копию своей.

— Что ты болтаешь?!

— Ты трусливая лентяйка. Хочешь, чтобы я сбегал и достал для тебя Рубин, прикончил Буллфера и осыпал тебя золотом?! Не гнушаешься принять помощь от смертного?

Сейчас нужно было бы вскочить и дать ему по морде выпущенными когтями, или сунуть головой в камин, или схватить за шиворот и вышвырнуть из окна. Но, конечно же, Хул ничего не сделала. «Мне нужен этот человеческий мерзавец»,— подумала она, стиснув зубы. Кошка поднялась, плотнее запахнула плащ и посмотрела на Эмила, взглядом обещая ему долгую, мучительную смерть, если он произнесет хотя бы слово. Но полудемон молчал, глядя на нее снизу вверх откровенно насмешливо, чуть прищурившись.

— Подумай,— повторил он.

Глава 3
ХОРОВОД ЗВЕЗД

Эмил медленно поднимался в башню, машинально, про себя, считая ступени. Всего их было двести семьдесят четыре. Черные, гладкие, отполированные. Каждая ступень возвышалась на тринадцать делений выше другой, и это было верным показателем того, что строили башню во времена демонского правления, для хозяина-демона. Впрочем, как и весь замок...

На уровне чуть выше среднего человеческого роста из грубой кладки стен высовывались когтистые каменные лапы, цепко держащие факелы (на неподготовленного эти зловещие светильники производили сильное впечатление). Эмил усмехнулся и, остановившись возле одной из лап, вынул из когтей погасший факел, зажег от соседнего и поставил на прежнее место. Это была работа Мёдвика — следить, чтобы всегда горел свет, но он иногда забывал о черной винтовой лестнице, ведущей на самый верх башни, а может быть, просто не любил ходить сюда.

Вот и еще один факел еле тлеет...

Эмил толкнул дверь и вошел в большую круглую комнату с одним-единственным окном, заваленную всяким магическим хламом: старинными картами, хрупкими алхимическими колбами и ретортами, свитками с никому не нужными сведениями о том, как вывести саламандру, зажечь незатухающий огонь, слышать мысли летучих мышей, и прочим вздором. К запаху пыли и тления здесь примешивался еще один, едкий и острый, очень знакомый запах.

Носком сапога колдун отбросил глиняный обломок какого-то древнего идола, попавшийся под ноги, и подошел к камину. Кресло, стоящее у самой решетки, уже было занято. Казалось, в нем сидит гигантская летучая мышь, укрытая мятыми кожистыми крыльями.

— Привет, Хорхеус,— поздоровался Эмил, с некоторым отвращением рассматривая гостя.

Крылья зашевелились, из-под них послышалось хриплое покашливание, и в слабом свете стала видна маленькая голова с безгубым ртом, напоминающим клюв. Кер — порождение древнего темного мира. Существо, запутавшееся во времени.

— Приветствую,— проскрипел Хорхеус, повернул голову и уставился на Эмила немигающими глазами, которые из-за полного отсутствия зрачков казались черными дырами на старчески сморщенном лице.

Колдуну стало не по себе. Хотя он видел много странных тварей за свою полудемоническую жизнь, никто из них не вызывал у него такого отвращения, смешанного с легким опасением. Эмил с сожалением взглянул на широко распахнутое окно — опять забыл закрыть, вот... это и влетело сюда.

— Как дела в большом мире? — спросил он насколько можно безразличнее, соображая, как бы поскорее выпихнуть тварь из своего кресла.

Кер поежился, и острый едкий дух, исходящий от него, стал еще сильнее.

— Еды мало, — прошипел он. — Стало совсем мало. Не знаешь почему?

— Я тебе уже говорил,— сухо ответил Эмил.— Времена изменились. Все стало по-другому.

Кер снова заерзал в кресле, сердито скрипя когтями. «Порвет обивку»,— раздраженно подумал колдун.

— Ничего не изменилось! — прокаркал он.— Еще вчера жертвенник был теплым, а сегодня все как будто вымерло. Деревни нет, ничего нет, пустые камни. И ручей, не было никогда там ручья...

Эмил понятия не имел, кто мог возводить жертвенник для этого зануды, а от мысли, что керам приносили жертвы, его всегда передергивало. И уж менее всего его интересовало, чем питается Хорхеус.

— Твоей деревни нет уже несколько веков. Нет жертвенников, нет черных алтарей. Ничего нет.

— Еще вчера,— не слыша его, продолжал бубнить Хорхеус, терзая когтями многострадальное кресло,— я прилетал сюда, и хозяин замка сам угощал меня. Он считал, что я приношу ему удачу. Он был настоящим демоном, Высшей категории. Не то, что ты. Он знал — если меня попросить хорошенько, я могу предсказать будущее. И я предсказывал... И даже говорил правду... иногда.

Существо противно захихикало и горделиво покосилось на задумавшегося Эмила. Кер не лгал. Его странные пустые глаза видели будущее и прошлое. Видели настолько хорошо, что он мог без труда скользить в тонкой временной материи, не чувствуя разницы между вчера и сегодня.

Подобный союзник мог быть очень полезен. В его маленькой сморщенной голове хранились знания тысячелетней давности, ответы на сотни вопросов, мучивших Эмила. Но омерзительная внешность и дряхлый возраст делали общение с ним невыносимым.

Когда Эмил впервые увидел уродливое создание, с кряхтением протискивающего облезлое тело сквозь приоткрытое окно, то подумал, что сходит с ума.

Человеческая часть застыла от ужаса и отвращения, демоническая взвыла от желания вытолкнуть этот облезлый костлявый мешок с крыльями обратно в окно.

В итоге хозяин замка остался стоять, наблюдая, как существо плюхнулось на пол и, скребя по полу, сосредоточенно протопало к разожженному камину. Кер угнездился в кресле и принялся скрипучим голосом жаловаться на то, как несовершенен мир.

Его регулярные появления сперва шокировали Эмила. Несколько раз он захлопывал окно прямо перед носом у темного духа, но получалось еще хуже. Назойливая тварь начинала летать вокруг башни, громко стеная, хлопая крыльями, словно вестник смерти, и пугала до нервного столбняка слуг и Мёдвика. Поэтому пришлось запускать его внутрь. В конце концов Эмил привык к Хорхеусу, как привык ко многим странностям замка. А в человеческой половине его души периодически вспыхивала жалость к бесполезному, выжившему из ума от старости существу.

Эмил читал, что раньше, до катастрофы, керов — духов смерти — было много, за свои способности видеть будущее они очень ценились демонами. А потом, после победы людей и ангелов, все они куда-то пропали. «Ушли в прошлое,— думал Эмил.— В те времена, когда их боялись и почитали. Остался только этот...»

— Где твой отец? — услышал он вдруг скрипучий голос Хорхеуса и вздрогнул.

— Умер. Давно,— нехотя ответил колдун.

— Нет! — Кер закрутил головой, вытягивая тонкую шею.— Я говорю о твоем настоящем отце. Ведь он был демоном?

— Нет,— возразил Эмил, начиная раздражаться от неуместных вопросов.— Он был полукровкой, таким же, как я.

— А я знаю, где он,— Хорхеус приподнялся, стараясь вытянуть шею поближе к уху колдуна.— Я его видел.

— Ничего ты не видел.— Эмил снова почувствовал странное стеснение в груди, как было всегда, когда он слышал что-либо о своем отце.

— Видел-видел! — Тварь возбужденно зашевелилась в кресле.— И, если ты отдашь мне своего мальчишку, я расскажу тебе...

— Выживший из ума врун,— лениво сказал колдун.— Ничего ты не получишь. И вообще, убирайся, ты мне надоел!

— Ты жадный, никуда не годный демон,— заныл Хорхеус.— У тебя здесь столько еды, а ты ни разу не угостил меня. У тебя даже жалкой дохлой крысы не допросишься. Прежний хозяин не был таким жадным. Он никогда...

— Убирайся,— чувствуя, что нудный разговор начинается сначала, Эмил тряхнул спинку кресла.— Давай, выметайся.

Хорхеус уцепился когтями за подлокотники и заголосил:

— Нет, не выгоняй меня! Там так холодно! Знаешь, кто я такой?!!

— Старый болтун,— подняв кресло, Эмил нес его к окну с твердым намерением вышвырнуть из башни надоевшего гостя.

— Нет! Подожди! Я тебе скажу! Я — проводник. Все мы были проводниками. Демона трудно убить, но если он умирал на поверхности, мы относили его тяжелую черную душу вниз. Мы прилетали и за людьми, если при жизни они были подобны демонам.

— Хватит врать,— полудемон почти не слушал бреда, что нес Хорхеус, пытаясь пристроить ножки кресла на подоконник так, чтобы, вытряхивая незваного гостя, не потерять при этом ценную мебель.

— Это правда, правда! — орал кер, размахивая крыльями.— Я видел твоего отца! Видел! Он там, внизу! И ты полетишь прямиком под землю вместе с остальными жадными, никуда не годными демонами. И будешь мучиться та-а-а-а-ам...

Эмил удовлетворенно улыбнулся, выдергивая пустое кресло из оконного проема, потом выглянул наружу. Как там этот? Не разбился? Темный силуэт, напоминающий очертаниями перезрелую грушу с крыльями, тяжело пролетел невдалеке, грозя кулаком и невнятно ругаясь.

— Неприятно тебя разочаровывать,— сказал Эмил, с улыбкой глядя ему вслед.— Но мой отец жив. Мой настоящий отец!

Колдун оттолкнул кресло и стал спускаться с башни. Он прошел уже половину пути, когда вспомнил, зачем поднимался наверх, но возвращаться обратно было лень, и полудемон продолжил свой путь. «Надо будет предупредить Мёдвика, чтобы не ходил один в башню,— подумал Эмил, стряхнув паутину с рубашки и продолжая свой путь.— Мало ли что... Кстати, где он, этот мальчишка?»

В жилой части замка было гораздо светлее, теплее и оживленнее. Здесь не водилось кошмарных темных тварей, никто не клянчил угощения и не пугал муками подземного мира.

По дороге Эмилу несколько раз попался деловитый слуга, старательно чистящий серебряные украшения и таскающий выколоченные ковры. Пару дней назад колдуну показалось, что в замке недостаточно чисто, и он устроил прислуге выговор, после которого все стали гораздо проворнее. Не отвечая на почтительный поклон, молодой хозяин замка прошел в свой рабочий кабинет и здесь увидел Мёдвика. Мальчик спал, сидя за столом, уронив кудрявую голову на руки, в окружении небольших коробочек, свертков и бумажных пакетиков.

Колдун улыбнулся, рассматривая своего юного помощника, вдруг задремавшего среди какой-то очень важной работы, и эта улыбка на его смуглом строгом лице оказалась удивительно мягкой. Бесшумно ступая по ковру, Эмил подошел к мальчику и погладил его по спутанным кудрям. Мёдвик вздрогнул, вскинул голову и захлопал глазами:

— Эмил... я уснул.

— Это я вижу,— сказал полудемон все с той же странной улыбкой.— Ты уже закончил? — Он указал на разложенные по столу сверточки, и Мёдвик сразу принял деловитый, сосредоточенный вид.

— Нет еще. Я решил... тут надо все разобрать.

— Ну-ну,— неопределенно отозвался Эмил, который никогда не вникал в хозяйственные дела своего помощника и даже не интересовался, какие таинственные травы хранятся в его коробочках.

Колдун еще раз потрепал мальчишку по мягким кудрям и, не снимая сапог, завалился на кровать. На глаза снова попался старый полог с бледной вышивкой на синем фоне. Месяц с хороводом звезд. В детстве этот рисунок казался прекрасным. Эмил прикрыл глаза, стараясь вызвать волшебное детское воспоминание, и из памяти сразу выплыло — тонкая рука, бережно касающаяся его лба под жесткими непослушными кудрями, тревожные глаза на бледном, чуть утомленном лице, голос певучий, нежный, грустный, умоляющий, уговаривающий его: «Эмил, малыш, сынок, нельзя быть таким, нельзя злиться. Ты же хороший мальчик...» Он зажмурился еще сильнее, вспоминая нежный укор в голосе матери, и человеческая часть души застонала от печали и никогда не проходящей тоски по единственному человеку, который любил его таким, какой он есть...

Волосы она убирала в сетку, и две скрученные серебряные нити с кисточками, пропущенные сквозь ячейки плетеной паутинки над ушами, отбрасывали задорные блики в ее бледно-зеленые глаза... «Эмил, малыш, нельзя быть таким!»...

«Демонское отродье! Злобная тварь! Выродок!» — зазвучал в его голове разъяренный мужской голос, заглушая тихую мольбу первого, и из темноты выступило другое лицо. Благородное, с высокомерно оттопыренной нижней губой. Барон Генрик де Кодье, человек, приемный отец Эмила. Так было всегда. Он никогда не давал спокойно побыть вместе с матерью, даже в мыслях. Обязательно нужно вмешаться!

Колдун снова открыл глаза и равнодушно отвел взгляд: полог— всего лишь бледная вылинявшая тряпка.

Было тихо, только за столом деловито копошился Мёдвик. «Интересно,— лениво подумал Эмил,— почему он Мёдвик? На медвежонка совсем не похож. Может быть, из-за кудрей. Они медовые. Как гречишный мед. Нет, пожалуй, как каштановый...» Из дальнего конца комнаты доносилось приятное шуршание пакетиков, постукивание коробочек и негромкое бормотание. «Это надо переложить сюда,— тихонько убеждал себя Мёдвик,— ...так... а сколько осталось наперстянки? ...мало осталось... корень совсем высох». А иногда слышалось тихое почмокивание — значит, среди своих запасов мальчишка находил какой-то съедобный кусочек и, чтобы тот не испортился, недолго думая, отправлял его в рот.

Неожиданно для себя Эмил развеселился. Он приподнялся на постели и взглянул на Мёдвика. Почувствовав взгляд колдуна, мальчик посмотрел на него исподлобья, и его серьезная мордаха снова стала по-детски наивной и любопытной.

— Эмил,— начал он осторожно,— я хотел спросить.

— Спрашивай,— милостиво разрешил колдун.

— А я тебя не отвлекаю?

— Нет.

— Правда, ты ничем не занят?

— Мёдвик, я не сплю, не ем и не медитирую. Что ты хотел?

Мальчик порозовел, засопел и сказал:

— Ты только не сердись, я просто хотел узнать. Вот я живу здесь и помню только замок, только тебя. Скажи, ты меня привел откуда-то или сам создал?

Эмил вспомнил деловитое шуршание мальчишки, сдержал улыбку и ответил серьезно:

— Я тебя создал из мыши. Видишь, какой ты запасливый.

Мальчишка широко распахнул испуганно-удивленные глаза и переспросил тревожным, дрожащим голоском:

— Из мыши?!..

Довольный, Эмил расхохотался:

— Это шутка, мальчик. Я пошутил.

Мёдвик неуверенно улыбнулся, но тревога не исчезла с его лица.

— Нет, правда? Не из мыши?

— Нет. Не бойся.

Похоже, маленький помощник не очень-то поверил этим заверениям. Забавно, но, кажется, он действительно считал, что Эмил способен совершить такое сложное перевоплощение.

Колдун усмехнулся еще раз и снова откинулся на спину, заложив руки за голову... Скучно. Ему снова стало скучно. Хорошо, что скоро можно будет уснуть.

«Нельзя отрываться от реальности,— говорил он сам себе сквозь легкую полудрему.— Тебе слишком быстро начинает надоедать этот мир. Невозможно жить постоянным ожиданием сновидений».

Он уже совсем было уснул, когда теплая детская ладошка прикоснулась к его плечу, и Эмил вскинул голову, очнувшись. Мёдвик держал в руках высокий хрустальный кубок, наполненный прозрачной жидкостью.

— Эмил, ты забыл выпить эликсир. Без него тебе будет сложно возвращаться.

Колдун без слов принял из его ладоней кубок, залпом выпил и опустился на подушки, теперь уже надолго.

Его сон становился все крепче и глубже. Мёдвик внимательно наблюдал, как перестают вздрагивать ресницы колдуна, дыхание становится все более ровным, застывает лицо и сам полудемон будто каменеет. Наркотик вводил Эмила в странное оцепенение, в котором тот мог пролежать день, два, три, ничего не слыша и не чувствуя.

Мёдвик подождал еще несколько минут, прикоснулся к холодному запястью учителя, дождался слабого далекого удара, вздохнул и укрыл бесчувственное тело меховым пледом. Пусть спит.

Тихонько напевая себе под нос, мальчик стал собирать холщовые мешочки, в которых берег травы и корешки. Сохранить их так, чтобы

они не потеряли целебных свойств, было очень трудно. Некоторые растения оказывались слишком капризными, чтобы послушно лежать в тесной коробке, и портились. Поэтому их приходилось постоянно проветривать и перебирать. Это скучное занятие становилось очень увлекательным, когда Мёдвик пытался услышать каждую травку. Они все как будто спали, но, если прислушаться, как следует, можно понять, что шепчут сухие цветы.

Мёдвик очень хорошо умел слышать. Наверное, за это Эмил так ценил его.

Мальчишка не помнил, кто он и откуда. Ему казалось, что так было всегда — черный, пустой, огромный замок, коробочки с травами, колдун Эмил... Мёдвик не боялся пустых каменных залов и подземелий, он привык к странным существам, которые находили дорогу в реальный мир из снов учителя, он любил большой старый парк, давным-давно заросший колючими розами и терном. Ему нравилось сидеть по вечерам у большого камина, смотреть на огонь и слушать далекие печальные голоса кипарисов, переговаривающихся у стен замка. И так было всегда.

Наверное, у него были родители, но Мёдвик не удивился бы, если бы колдун признался, что сам создал его, пусть даже из мыши. Мальчишка улыбнулся, уложил последний мешочек в ящик и пошел еще раз взглянуть на колдуна.

Тот спал, все глубже и глубже погружаясь в темный мир, недоступный простым людям. Мёдвик никогда не спрашивал, что он делает там, что видит. Эмил же не интересовался, откуда мальчишка знает, какая трава нужна для приготовления зелья. У каждого из них была своя магия.

Мальчик захлопнул крышку ящика, сделав вид, что не слышит настойчивых требований фиалки переложить ее в другой мешок, подальше от нахальной горькой полыни, и пошел в свою комнату. Там он вымыл руки, взял холщовую сумку и отправился в сад собирать наперстянку.

Глава 4
ПОСЛАННИК

Ангел! Значит, ангел!..

Эмил видел над собой горящие золотые звезды. Они подмигивали друг другу, медленно кружились, удалялись и снова приближались...

Полудемон никогда не спал. Давно, еще в юности, его освободили от этой обременительной человеческой потребности. Теперь, ложась в постель, он только закрывал глаза на несколько мгновений, и ждал. Переход происходил за короткое время — «просыпался» колдун уже не в земном мире, не в своем замке и даже не в человеческом теле...

Эмил еще раз взглянул на качающееся небо и «проснулся» окончательно, одновременно садясь на постели. За окном текла черная густая

темнота. Темно-синий полог над головой горел золотыми руническими символами. Нужно было всего несколько секунд, чтобы понять с удовольствием и облегчением: «Я снова здесь. Снова свободен».

— Ты разговариваешь во сне,— прозвучал рядом знакомый язвительный голос.— И выбалтываешь очень интересные вещи.

Колдун поднялся, не обращая внимания на насмешника, подошел к окну. Черное стекло отразило его измененную фигуру. Почти человеческую, с огромными длинными кожистыми крыльями за плечами.

— Любуешься? — услышал он все тот же голос за спиной и нехотя обернулся. За столом, в красном круге света от фонаря, сидел Квезал, подкидывая на ладони игральные кости. Перед ним стоял кувшин. Пустой, судя по недовольной физиономии гостя.

— Слишком долго спишь,— продолжил наставительно бог разума и расчета (когда он был трезв!), бросая кости на стол и с удовлетворением убеждаясь, что все они легли шестерками вверх.

— Какие новости? — спросил Эмил, доставая из-под подушки широкий пояс, на котором висел короткий меч в блестящих обсидиановых ножнах.

— За то время, пока ты спал, никаких.— Квезал с неодобрением рассматривал полудемона.— Куда собрался?

— Дела,— коротко ответил колдун, проверяя, легко ли достается меч из ножен, и с сожалением отложил пояс в сторону.

Это потом. Если понадобится. Эмил надеялся, брать с собой оружие не придется.

— Когда вернешься? — с деланным равнодушием осведомился Квезал.

— Не знаю.

— Тогда прикажи подать еще вина,— высокомерно велел гость, поправляя складки короткого радужного плаща.

— Извини,— насмешливо отозвался Эмил.— Некому приказывать. Мы здесь одни.

— Ах да,— бог разума рассеянно провел ладонью по гладким темным волосам,— все время забываю, что здесь у тебя тоска смертная.

— Не нравится — отправляйся к себе,— довольно-таки грубо заявил колдун, но Квезал не обиделся.

— Там тоже скука,— рассеянно сказал он, махнув рукой, а потом вдруг предложил, снова подбрасывая кубики.— Слушай, а давай сыграем на...

Он скептически оглядел Эмила, не отягощенного одеждой, и радостно встрепенулся, заметив меч, все еще лежащий на постели.

— Вот, на твой меч.

— Нет уж, спасибо,— благоразумно отказался тот и добавил ехидно:— Играй со своей змеей.

Гость недовольно скривился и снова загрустил:

— Из всех развлечений она предпочитает кровавые жертвоприношения. Тоска.

Эмил равнодушно пожал плечами. Отношения Квезала с его приятельницей совершенно не интересовали полудемона.

— Ладно,— сказал он.— Ты остаешься здесь?

— Остаюсь,— меланхолично отозвался тот.

— Тогда до встречи...

Посланник открыл окно и вылетел в темноту.

Понадобилось несколько мгновений для того, чтобы глаза после ярко освещенной комнаты привыкли к этой сумеречной мгле. Полудемон поймал крыльями теплый воздушный поток, поднялся чуть выше и оглянулся.

Черная громада замка висела в пустоте у него за спиной. Больше здесь ничего не было. Ни земли, ни неба. Только бесконечные холодные сумерки. В некоторых местах они как будто сгущались и плыли тяжелыми бесформенными клубами мрака, образуя странные черные глыбы, похожие на скалы или острова. Далеко впереди бледно светилась узкая полоса, и сумерки вокруг нее казались стертыми, выцветшими — светлые слои тонкого мира просвечивали сквозь черноту «низа», давая колдуну единственный ориентир в сумеречном пространстве. К этому светящемуся горизонту он и полетел.

С бешеной скоростью Эмил проносился в холодной пустоте, с восторгом чувствуя, как ледяной воздух со свистом омывает его тело. Сейчас он был свободен. Долгие часы нудного прозябания в земном замке, пустые воспоминания, человеческая жизнь забылись, стерлись, превратились в один из давних, унылых снов. Здесь ему тоже снятся сны — к сожалению, слишком долгие, — во время которых он должен превращаться в человека.

Полудемон прикрыл глаза и сложил крылья, плотно прижав их к телу. В упоительном скольжении по воздуху, вдруг ставшем почти материальным, чуть-чуть закружилась голова и сжалось сердце. Как в детстве, когда он летел на санках с крутой горы, снежная пыль забивалась за воротник и перехватывало дыхание. Там, в человеческой жизни, гора обязательно заканчивалась, здесь он мог скользить бесконечно. Эмил рассмеялся и круто взмыл вверх.

Никто из тех, у кого есть крылья, не летал здесь. Ангелы не выносили темного мрачного мира, тянущегося внизу под их светлыми небесами. Высшие демоны предпочитали телепортироваться, мгновенно перемещаясь из одной точки пространства в другую. И только крылатый полудемон несся среди бесформенных глыб мрака, один за другим пронзая слои пространства.

Светлая полоса разгоралась все ярче, сумрачный мир отступал перед ней. Эмил приближался к границе.

Впереди появились смутные очертания «моста» — бесформенного нагромождения серых глыб, висящих в воздухе безо всякой опоры. Между камней, нашвырянных как попало, чернели глубокие дыры. Пролетая мимо, Посланник настороженно оглядывался по сторонам, ожидая какой-нибудь неприятности. И, как всегда, дождался.

Из круглой дыры, часто взмахивая чешуйчатыми крыльями, разинув узкую зубастую пасть, вылетел голодный пандолин и, подвывая, бросился на Эмила. Хищная тварь периодически устраивала засады на него, каждый раз получала достойный отпор, после которого долго залечивала раны в своей глубокой норе, но так и не могла сообразить, что эта добыча ей не по зубам.

Эмил воспользовался старой уловкой, подпустил ящера поближе, потом внезапно рванулся вперед, не глядя швырнул в него клубком пламени и, судя по гневным воплям, тут же раздавшимся сзади, попал...

Мост остался далеко позади, серый полумрак рассеялся. Если смотреть отсюда, то темнота этого пласта тонкого мира кажется всего лишь миражом, обманом зрения, ее затмевает радостное сияние ангельского мира...

В золотистом свете, льющемся со всех сторон, прямо к горизонту уходила сияющая долина. Из-за неровного свечения колдун никогда не мог рассмотреть ее в подробностях. Ему мерещились кудрявые рощи, сверкающие пятна озер, белые колонны высоких зданий, но он не был уверен, что видит именно то, что там есть на самом деле. Высокочастотные вибрации верхних слоев тонкого мира искажали его демоническое зрение, но это было единственным неудобством пребывания в приграничной светлой полосе. Низшие демоны вообще не могли находиться здесь, а Высшие испытывали парализующую тяжесть и боль во всем теле. Ну а «наверх», туда, где дрожала золотистая дымка, вообще никто не мог попасть, даже Эмил.

Он пролетел еще немного вперед и увидел белоснежную беседку, увитую плющом. Место встречи.

Референт со стороны ангелов уже ждал. Золотистое мерцание лилось с его полураскрытых крыльев, белоснежные одежды трепал легкий ветерок. Щит-тетраморф на согнутой руке отражал свет, а длинный меч в резных ножнах удобно устроился между крыльями.

Увидев ангела, Эмил снова испытал смешанные, противоречивые чувства. Человеческая половина замерла от благоговения и восхищения, демоническая часть задрожала от желания заполучить сияющий тетраморф, меч и еще что-нибудь полезное из ангельского вооружения. Но Посланник привычно отключился от обоих невыполнимых желаний и стремительно спикировал вниз.

Ангел неторопливо прохаживался по беседке и даже не вздрогнул, когда Эмил, громко хлопнув крыльями, опустился рядом.

— Здравствуй, Авдиил,— сказал он, переводя дыхание.— Есть что-нибудь для меня?

— Ты опоздал,— произнес ангел, рассматривая полудемона, и в голосе его не было раздраженного нетерпения, он просто констатировал факт.— Что-то случилось?

— Слишком много недружелюбных тварей развелось на границе.— Посланник встряхнул мокрыми крыльями.

Ангел деликатно скользнул взглядом по его фигуре и заметил:

— Ты не вооружен.

— Оружие замедляет полет,— отозвался Эмил довольно сухо. Болтать с ангелом у него не было ни времени, ни желания.

Авдиил понял это. Молча развязал сафьяновый мешочек, висящий на поясе, вынул из него свиток, запечатанный золотыми печатями и обвязанный тонким блестящим шнурком.

— Ответ нужен? — осведомился полудемон, принимая послание.

— Да,— сказал ангел.— Я буду ждать тебя здесь.

Колдун едва сдержался, чтобы вслух не выразить свое раздражение. Придется проделать долгий путь до самого «дна» и обратно, а это значит успеть обменяться с Хозяином всего парой фраз и не получить ответов на вопросы, которые мучают его уже целый месяц.

— Посланник,— ангел снова запустил руку в свой мешочек и вытащил оттуда какую-то блестящую финтифлюшку,— Элина просила передать тебе.

Элина... еще одна головная боль. Прелестное создание из верхних слоев тонкого мира... В ладонь Эмила упала замысловатая золотая завитушка на тонкой цепочке.

— Что это? — спросил он удивленно.

— Мантра,— ответил ангел с непривычной холодностью в голосе.— Этот амулет оберегает от низменных поступков и желаний.

Колдун с усмешкой подбросил на ладони сверкающий кулончик, подумал и надел его на шею.

Авдиил еще раз пристально всмотрелся в полудемона, и брови его чуть нахмурились.

— Посланник, мне кажется, ты не понимаешь всю ответственность за выпавшее тебе счастье. Элина — апсара — светлое существо, дарующее чистую любовь. В этом смысл ее существования. Мы, как и другие создания света, можем черпать вдохновение и радость в любви апсар, не принося им разочарования и боли. Однако эти созданья, дарующие блаженство, были созданы не для демонов. Я не ведаю, почему взгляд Элины упал на тебя, я не могу приказать ей не делать того, в чем она видит свое предназначение, но если ты обидишь ее...

— Передай мою благодарность Элине,— произнес Эмил, не дослушав оскорбительное предостережение, потом повернулся спиной к прекрасному ангелу и, взлетая, услышал, как тот воскликнул что-то ему вслед. Похоже, выражал свое ангельское неудовольствие.

До ангельского неудовольствия Эмилу не было никакого дела. Он спешил.

«Мост» полудемон пересек довольно легко. Настойчивая тварь с той стороны снова караулила его, но колдун увернулся от нее и продолжил путь. Родное мглистое приграничное пространство он преодолел без труда. Как всегда, захотелось взять немного правее от намеченного пути, чтобы полюбоваться своим замком, но он не решился останавливаться. Оставался самый сложный отрезок пути. Впереди лежала полоса мутного, глухо рокочущего Хаоса.

Еще одна невидимая граница. Не место и не время... Эмил глубоко вздохнул и бросился вниз, зажмурившись, затаив дыхание. Он не знал, что происходит с его измененным полудемоническим телом в моменты перехода из одного пласта пространства в другой и почему он не чувствует ни боли, ни ужаса, которые должны были уже скрутить его.

Хаос представлялся Эмилу глубокой воронкой, в которую были свалены и перемешаны куски разных пространств. Полосы света чередовались с фрагментами мрака, здесь же плавали бесформенные куски мглистых субстанций, и все это вздыхало, пульсировало и кружилось в бесконечном движении. Хаос не имел ни верха, ни низа, а также представлений о времени, и потерять себя в нем, чтобы блуждать бесконечно, было очень легко. Каждый раз, попадая сюда, Посланник с трудом находил дорогу. Он подозревал, что эта странная субстанция может чувствовать его страх, усталость, боль. И может затянуть его в себя, если он хотя бы немного отвлечется.

И вот, наконец, самое «дно». Еще одно затяжное падение. Эмил почувствовал, как тяжелеют его крылья и мутится перед глазами. Черный мир стал багровым, рассеялась серая муть Хаоса, и Посланник увидел величественную устрашающую гармонию Дна.

Волны тяжелой грубой энергии поднимались снизу и застывали монолитными столбами, светящимися изнутри алым пламенем. Можно было подлететь к одному из этих неиссякающих источников и погрузиться в его бурлящую сердцевину, прогнать сквозь тело поток кипящей силы, на мгновение почувствовать себя почти всемогущим. Но это потом, если будет время. Внизу, у подножия «столбов», пульсирует и загорается черным пламенем рваная сеть — последняя граница, которую нужно пересечь. Неровные ячейки сжимаются и снова распахиваются, выпуская мерцающие огненные шары, — те висят несколько мгновений неподвижно, а потом осыпаются вниз красными искрами...

Дно дышало медленно и тяжело. Эмил ощутил, как начинает дрожать от нервного восторга и возбуждения. Демонический огонь, горящий в нем, был порождением огня, пылающего сейчас под ногами. Как хотелось слиться с ним, остаться здесь навечно. Всегда хотелось. Посланник сложил крылья, раскинул руки и бросился вниз, чувствуя, как струи пламени омывают его тело...

Глубокое подземелье, где он вынырнул, было наполнено теплым красноватым светом. Черные гранитные стены терялись во мраке где-то высоко над головой, а внизу, под ногами, кипело озеро лавы. Медленно паря над огненным источником, Эмил наслаждался теплом, струящимся снизу. Он никогда не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться вскипающими струями этого «приручённого» огня, так не похожего на жгучие вспышки Хаоса и на доводящее до безумия неосквернённое пламя запретного Огненного мира, куда собралась Хул. Колдун ехидно рассмеялся, переворачиваясь в воздухе на спину. Бедняжка Хул, если бы она знала, если бы она только могла представить, кто он такой на самом деле! Но ей с ее скудным воображением это не грозит.

Полудемон снова перевернулся и полетел вперед, ко входу в тоннель. Низшие демоны, бесы и прочая мелкая нечисть испуганно шарахались в стороны, когда на них падала черная крылатая тень. Высшие — уважительно отступали, дабы случайно не помешать Посланнику, пролетевшему через три мира, чтобы доставить их Повелителю важное сообщение от ангелов или от другого Хозяина. Сей долгий путь был почти невыносим даже для самого могучего демона — это знали все. Поэтому он прилетал всего раз в один временной отрезок, и горе тому несчастному, кто посмеет задержать его...

Равнодушно глядя на почтительно расступающихся темных, Эмил шел по коридору, направляясь к апартаментам Хозяина. Все они боялись Посланника. Чувствуя исходящее от него дыхание Хаоса, видя высокомерное равнодушие в глазах, и никто из них даже не подозревал, что этот высокий демон с черными крыльями наполовину человек.

Как всегда, Хозяин оказался занят и, как всегда, Эмилу попытался помешать надоедливый секретарь из породы оборотней. Но конечно же он не смог остановить Посланника. Без стука Эмил распахнул тяжелую дверь и ступил на алый ковер.

Верховный демон сидел в кресле, читая древнюю книгу. Его рыжая шкура лоснилась в свете настольной лампы, острые когти нетерпеливо постукивали по переплету. Правитель нервничал и был чем-то недоволен...

— Буллфер,— негромко произнес полудемон, слыша, как дрожит его голос.

Хозяин поднял голову.

— Привет, Эмил,— негромко сказал Высший, и по его хмурому, сосредоточенному лицу пробежала едва заметная улыбка.

Полудемон почувствовал, что снова начинает дрожать, словно перед прыжком на Дно. Целый месяц ожидания! И вот теперь всего несколько минут для того, чтобы побыть рядом... Посланник медленно подошел к столу и протянул Верховному Правителю белый пакет, перевязанный золотым шнурком.

— Им нужен ответ,— произнес Эмил, едва узнавая свой хриплый голос.

Буллфер не прикоснулся к письму, продолжая смотреть на полудемона, едва заметно улыбаясь.

— Устал? Такой долгий путь...

Посланник резко вздохнул, уронил письмо на пол и сделал, наконец, то, о чем мечтал целый месяц. Опустился на колени и прижался щекой к рыжей когтистой руке.

— Буллфер,— прошептал он и добавил едва слышно: — Отец...

Тяжелая ладонь потрепала его по склоненной голове.

— Ну-ну, что это с тобой сегодня?

Эмил зажмурился и прерывисто вздохнул:

— Я не хочу лететь назад. Я хочу остаться здесь.

Острые когти прикоснулись к его подбородку, заставляя поднять голову. Буллфер наклонился ближе, с жадным любопытством вглядываясь в его лицо. И Эмил понял, что сейчас на нем отражаются человеческие чувства: боль, отчаяние, тоска, немое обожание — все то, к чему Хозяин всегда испытывал странное, необъяснимое влечение.

— Я хочу остаться с тобой. Здесь,— шепнул Посланник, как завороженный глядя в огненные глаза демона.

— Что у тебя случилось? — с неожиданной мягкостью спросил Буллфер.

— Ничего,— солгал Эмил.— Я не хочу возвращаться. Мне хорошо в этом мире. Демону, который живет во мне, хорошо здесь. Там, дома, я чувствую постоянную тоску, мне тесно, тошно...

— Двойственным созданиям всегда тяжело,— произнес Буллфер задумчиво.

— А еще,— снова заговорил Эмил срывающимся голосом,— я скучаю... по тебе, отец.

— Не называй меня так,— сказал демон спокойно, почти без всякого выражения, но глаза его ярко вспыхнули.

— Но ведь это правда! Ты создал меня!

— Не создал... Немного усовершенствовал.

Правитель встал, отстранив настойчивые руки полудемона, наклонился, поднимая белый конверт, когтем перерезал шнурок, развернул пергамент и стал читать.

— Хозяин,— не выдержал Эмил,— это правда, что ты... что здесь у тебя сейчас живет ангел? И ты... уделяешь ему много внимания? А кое-кто утверждает, что ты очень к нему неравнодушен.

Не отвечая, Буллфер дочитал послание, сел за стол, достал кусок чистого пергамента, написал на нем несколько слов, аккуратно сложил и запечатал своей печатью, потом поднялся и бросил письмо Эмилу.

— Отнесешь им.

Тот почувствовал, как в горле закипают дурацкие человеческие слезы гнева и разочарования.

— Значит, правда.

Буллфер в раздражении повел рыжими плечами:

— Все? Вопросов больше нет?

— Зачем тебе понадобился ангел?

Хозяин свирепо засопел, выпрямляясь во весь свой гигантский рост, и Эмил снова почувствовал себя беспомощным, трясущимся от страха семнадцатилетним мальчишкой.

— Зачем он тебе нужен?!

— Он приведет меня к Совершенству,— сказал Буллфер, успокаиваясь так же быстро, как и рассвирепел. Он снова с удовольствием смотрел на растерянного колдуна.

— Он?! К Совершенству?!

Эмил вскочил. Хотя он был демоном лишь наполовину, нечеловеческий темперамент периодически проявлял себя.

— Почему для этого тебе понадобился ангел?! Я бываю в таких местах, которые он даже представить не может. Я могу... отец, я могу сделать для тебя гораздо больше, чем этот ангелок! Сколько лет ты давал мне силу, но теперь я сам умею...

Эмил не успел договорить, на что именно он способен. Буллфер засмеялся... нет, захохотал.

— Ты?! Умеешь?! Малыш...— Хозяин потрепал смущенного, раздосадованного полудемона по щеке.— Ты не создан ни для войны, ни для героических подвигов. Я создавал тебя для другого.

— Ты смеешься надо мной?! — глухо сказал Эмил, и глаза его, к немалому удивлению Буллфера, вдруг полыхнули красным отражением его собственных глаз.— Напрасно.

Посланник взял письмо, запечатанное черным сургучом, и его смуглое человеческое лицо стало совершенно непроницаемым, словно не было недавних, едва не пролитых слез обиды и разочарования, и почтительного обожания тоже не было.

«Мальчишка растет,— с удовлетворением подумал Хозяин, наблюдая, как гневно раздуваются ноздри оскорбленного Эмила.— Надо было соврать что-нибудь про ангела».

— Я мог бы привести тебя к Совершенству,— проговорил Посланник тихим, ничего не выражающим голосом.— Но ты, похоже, не доверяешь мне. Или по-прежнему считаешь глупым, бесполезным существом. А это не так. И ты в этом убедишься... Вместе со своим ангелом.

Он круто развернулся, черные крылья хлопнули, раскрываясь, и обдали Буллфера потоком воздуха. Эмил толкнул дверь и вышел, не прощаясь.

Хозяин рассмеялся негромко, глядя ему вслед. Мальчишка совсем не изменился. Тот же темперамент, та же человеческая боязнь одиночества...

Правитель снова сел за стол и невидящим взглядом уставился в золотистые буквы ангельского пергамента. Почему ему так нравится этот полудемон, почему хочется, чтобы он сидел у его ног, склонив кудрявую голову, и повторял это странное слово... отец. Буллфер не создавал, лишь слегка усовершенствовал его, вложил в хрупкое человеческое тело способность к быстрому, почти мгновенному переме-

щению, умение защищаться от высокочастотных энергий верхнего мира и грубой энергетики Дна. Он дал ему крылья...

Однажды давно Буллфер услышал далекий, страстный и отчаянный призыв. Заклинание вызова пробивалось сквозь пространство и умоляло, требовало, чтобы на него откликнулся демон, непременно Высший. Зов был явно человеческий. «Люди совсем обнаглели,— подумал Хозяин.— Простого демона им недостаточно. Понадобился самый высокий ранг!» Подобное нахальство заслуживало немедленной казни, и Повелитель решил незадачливого вызыват еля растерзать. Чтобы неповадно было.

Попутно он успел подумать, что интересно будет взглянуть, кем окажется столь нахальный невежда. Аристократом вряд ли, они воспитаны, как положено, из поколения в поколение, и порядок обращения к демонам давно усвоили. Значит, это или маг, по обыкновению не там ищущий философский камень, или купец, задумавший улучшить свою торговлю. Впрочем, не удивила бы Хозяина и встреча с тупым солдафоном, проигравшимся в карты и решившим подзанять деньжонок у высших сил. Конечно, подробности социального положения горезаклинателей Буллфера не слишком интересовали и мотивация столь решительного поступка тоже — его месть была бы одинакова для всех.

«Ну!! Кто там лезет на рожон, не получив права на высшую магию?»

К своему удивлению, Правитель увидел семнадцатилетнего мальчишку, молодого полудемона, неумелого, неопытного и наивного. Даже не догадавшегося войти в пентаграмму, хотя и она не защитила бы его, потому что была нарисована неправильно. Только происхождение спасло Эмила. Буллфер чуть не расхохотался и план изменил, решив хорошенько попугать глупого полудемонического подростка.

— Кто посмел беспокоить Верховного демона?! — проревел Хозяин, наслаждаясь раскатами своего голоса и ужасом мальчишки.

— Я... я хотел...— пролепетал юный адепт черной магии, но потом голос его окреп и он закончил довольно внятно.— Я приказываю тебе повиноваться, дух зла!

Буллфер саркастически рассмеялся. Уж очень забавно было слышать про повиновение от этого ребенка. Юный полудемон занервничал.

— Ты должен повиноваться мне! Я приказываю тебе...

— Да? — осведомился Буллфер, которого все больше забавляла эта ситуация.— А у тебя хватит сил, чтобы удержать магическую связь? У тебя хватит сил, чтобы удержать меня?!

Мальчик вскрикнул, когда темный гость перешагнул через кольцо пентаграммы и, оставляя на полу огненные следы копыт, приблизился.

— Ну?! — взревел Хозяин.— Чем ты будешь платить за вызов Верховного демона?

Подросток отшатнулся, но Буллфер уже бросился на него, сгреб в охапку, прижал к груди тонкое, дрожащее тело и растаял. Жертва не билась, не вырывалась и не кричала. Молоденький полудемон будто знал, что стоит только дернуться, как ему тут же сломают шею. Поэтому он только дышал часто и прерывисто, ткнувшись носом в шерсть на шее у Хозяина.

«Дурачок»,— подумал Буллфер, возникая в полутемном зале своего замка.

Черную крепость на границе двух миров он построил еще во времена бурной молодости. Но до сих пор частенько приходил сюда. Замок висел в пространстве, покачиваясь на волнах тонкого мира, и был готов принять самых неожиданных гостей.

Мальчишка отскочил в сторону, когда Буллфер выпустил его, запнулся о ковер и упал на колени.

— Ну,— повторил демон, любуясь жалкой, испуганной жертвой.— Поговорим о плате.

— Я заплачу,— прошептал мальчик, глядя на демона снизу вверх плывущим от ужаса взглядом.— У меня есть золото.

— Золото! — Буллфер презрительно скривился.— Его у меня хватает. Душа мне твоя тоже не нужна. Этого добра у меня там, внизу, навалом. Кровь... Сомневаюсь, что твоя кровь годится на что-нибудь путное, а тем более беспутное. У тебя ничего нет, мальчик.

— Простите,— прошептал юный полудемон едва слышно.— Я не думал, что...

— А надо было подумать,— продолжал издеваться Хозяин, пребывая в полном восторге от наивной доверчивости и неопытности мальчишки.— Надо было подумать, прежде чем вызывать Высшего демона. Только ангелы работают бесплатно... Кстати, зачем тебе понадобился этот вызов?

Собеседник опустил голову, уши у него пылали.

— Я хотел... я хотел отомстить своему отчиму. Он ударил меня и обозвал... демонским отродьем.— Подросток поднял тревожный взгляд, с самых первых мгновений встречи польстивший Буллферу, и сказал доверчиво: — Я его ненавижу.

Правитель позволил себе улыбнуться, наслаждаясь своей ролью грозного, беспощадного властелина человеческих душ.

— Похвально, юноша. Ты далеко пойдешь. Ненавидеть собственного отца...

— Отчима! — воскликнул мальчишка.

— Хорошо, отчима,— добродушно согласился Хозяин, ногой придвинул к себе кресло и тяжело опустился в него. Тут же в камине вспыхнул огонь, а из пустоты на столике рядом с локтем Буллфера возник графин с вином.

Широко распахнутыми от благоговейного восторга глазами юный полудемон смотрел на эти потрясающие изменения.

— Кто же твой настоящий отец? — спросил Высший, неторопливо наливая себе вина.

— Я его никогда не видел,— признался мальчишка.— Я даже не знаю, как его зовут.

— Хм... А как зовут тебя?

— Эмил.

— Эмил,— повторил демон, наблюдая за тем, как из глаз его пленника начинает медленно уходить страх, сменяясь жгучим любопытством.— Меня можешь называть Буллфером.

Он увидел, как беззвучно шевельнулись губы мальчишки, повторяя странное имя, и поставил пустой кубок на стол.

— Ну а теперь вернемся к оплате...

Сладко потянувшись и сощурив глаза, Хозяин вернулся из приятных воспоминаний и снова взялся читать отчет, составленный обстоятельно и подробно, как и все документы, которые представлял ему дотошный Гэл.

Глава 5
ОНИ СЧИТАЛИ СЕБЯ БОГАМИ...

Эмила трясло от ярости, обиды и унижения. Хаос, как будто чувствуя его слабость, тянул к Посланнику хищные щупальца, пытаясь высосать последние силы.

«Я отомщу!» — думал Эмил, но тут же обрывал себя, вспоминая, что те же самые слова говорила Хул. «Отомщу, но это не будет местью! Я помогу тебе, отец! Я сделаю то, чего не сможет сделать ни твой ангелок, ни эта дурочка Хул! Ни ты сам. Никто!»

Не приземляясь, он швырнул к ногам удивленного Авдиила пакет с ответом Хозяина и помчался обратно. Домой.

В гостиную колдун влетел с треском и грохотом, зацепив крылом за створку окна.

— А, Эмил! Наш любезный друг и хозяин!

Квезал, восседающий во главе стола, поправил сбившийся на сторону плащ и возвестил зычным голосом:

— А теперь, друзья мои, позвольте поприветствовать нашего дорогого Посланника...

Эмил поморщился, вытряхивая из крыльев осколки разбитого стекла. Судя по красной физиономии бога, тот уже порядочно набрался. Но это оказалось не самым худшим. Кроме него за столом восседал угрюмый Ахы-н. В грубой холщовой одежде, с кнутом, засунутым за голенище высокого сапога. Перед ним на столе был разложен скромный ужин: краюха хлеба, половина головки сыра и несколько луковиц. Гость меланхолично жевал, глядя прямо перед собой... От Квезала несло благовониями и вином, от Ахы-на навозом.

Но и это было еще не все. У камина, прямо на ковре, свернув бесконечные кольца серо-зеленого тела, спал и явственно похрапывал огромный пернатый змей, неразлучный спутник Квезала.

— Нет, ты скажи! — требовал бог расчета, постукивая по столу кубком и расплескивая вино на скатерть.— По какому праву они отменили жертвоприношения?! Ах, видите ли, кровь! Ах, одежды пачкает! Ах, неприятно! Кто мор устранил? Я! Пожар ликвидировал? Опять-таки я! И поэтому требую немедленного ритуала с закланием!

— Угм,— невнятно пробормотал Ахы-н, отрезая себе еще сыра.

— Нет, я требую! — продолжал разглагольствовать Квезал.— Я хочу знать, что будет со смертными, если я отверну от них свой милостивый лик?! Кому они будут поклоняться?! Этому невеже Анптатму, не обладающему ни магической силой, ни антуражем?!

— Хм...— снова пробормотал Ахы-н, стряхивая со стола крошки на широкую мозолистую ладонь.

— А я еще раз говорю,— заявил Квезал, высокомерно глядя на молчаливого собеседника.— Анптатму — невежа. Хотя бы из учтивости научился приветствовать меня, как подобает. Так нет — глаза вылупит и несется напролом, как носорог! Смотреть противно!

Квезал выразительно плюнул на пол и утерся кружевным платком, на котором зоркий Эмил успел разглядеть свои инициалы. Этого хватило для того, чтобы рассвирепеть.

— Эй, вы, двое! — заорал он в бешенстве.— Хватит лакать мое вино! И вообще, сколько раз повторять, чтобы не таскали сюда своих тварей!

Посланник с размаху пнул змея, храпящего у камина, но тот только хрюкнул в ответ. Похоже, Квезал на радостях угостил его дармовым вином и счастливая рептилия погрузилась в состояние блаженного транса.

Ахы-н не обратил на гнев хозяина замка никакого внимания. Он аккуратно вытер о скатерть свой нож, убрал его за голенище, завернул в полотенце остатки хлеба с сыром, отправил их вслед за ножом («Где это все помещается?» — мельком подумал Эмил) и сказал внушительно:

— Нехорошо делаешь. Зачем животное обижаешь? Оно тебе мешает?

— Мешает! — с вызовом заявил Эмил.

— Так подвинь ее тихонечко. Зачем ногами бить?

Полудемон тяжело вздохнул, понимая, что спокойно обдумать план «мести» Буллферу не удастся, и спросил как можно любезнее:

— Господа, вы домой собираетесь?

— А зачем домой? — осведомился непробиваемый Ахы-н, извлекая из другого сапога зеленую бутыль, в которой что-то призывно булькало.— Тебя дома ждут? — спросил он у погрустневшего Квезала, которого, впрочем, нисколько не обидело неуважение Эмила к его змею.

— Не ждут,— отозвался тот печально, подпирая щеку кулаком.— У меня дома ничего и никого. Сплошные интриги. И этот... носорог.

— Тогда пей.— Ахы-н налил полные кубки вина из своей бутыли.— Эмил, друг, садись. Выпей с нами, а то ты вечно летишь, спешишь. Куда спешишь? Совсем друзей забыл.

«Жаль, что Буллфер совсем перестал приходить сюда, он бы живо разогнал эту веселую компанию»,— устало подумал полудемон.

...Они называли себя богами.

Экстравагантный Квезал, периодически предающийся глубокой меланхолии, добродушный, дружелюбный Ахы-н и все остальные, кто являлся сюда. Они пришли из прежних времен «...и были сии еще до прихода ангелов...» — туманно говорилось в древних книгах.

Эмил не мог представить, что когда-то не существовало ни ангелов, ни демонов, а землю населяли эти загадочные, странные и опасные существа. «Они — другие. Не такие, как мы,— думал он, не замечая, что отождествляет себя со светлыми и темными одновременно.— Да, они умеют колдовать и мгновенно перемещаться в пространстве, бывают беспричинно жестоки, как мои прямые родственники, и так же прекрасны и благородны, словно создания света. Но они другие... Боги. Древние боги из забытых легенд».

Но сейчас Квезал вовсе не был похож на легенду. Он казался вполне реальным, сидел в любимом кресле Эмила, пил его вино и рассуждал о вечном. Так же реален казался Ахы-н, смотрящий на колдуна темными, чуть раскосыми глазами, в которых туманились печаль и мудрость.

«Они приходят сюда, потому что я верю в них,— думал Эмил.— Они все еще хотят повелевать миром и пытаются услышать в молитвах людей свои имена. Но те уже давно забыли их, давно просят помощи у других существ. А потом пройдет еще пара сотен тысячелетий, забудутся и ангелы и демоны, появится кто-то новый... Лишь я один буду все так же носиться между светом и тьмой». Он представил себя летящим среди обломков прекрасных ангельских храмов и разрушенных демонических подземелий. Один... всегда один.

Эмилу стало жутко, и он схватил кубок, предложенный Ахы-ном. Не то чтобы ему хотелось напиться, просто было слишком гадко и тошно и не хотелось думать ни о чем на трезвую голову...

Как действует выпивка на демонов, колдун уже знал. Однажды, во время веселой вечеринки там, дома, на земле, он очнулся в постели с едва знакомой Хул, которая радостно сообщила ему, что он чуть не зарубил владельца особняка, у которого они в гостях, оскорбил господина посла и выкинул из окна пару слуг. И что лично ей Эмил очень понравился. Она никогда не видела такого темпераментного и сильного человека.

— Я не человек,— пробормотал полудемон, снова утыкаясь головой в подушку.

— Кто же ты? — игриво поинтересовалась рыжеволосая красотка, думая, что он пытается произвести на нее еще большее впечатление.

— Демон,— ответил Эмил, не поворачиваясь.— Наполовину.

— Я так и думала,— услышал он ее спокойный довольный голос. Усмехнулся и тут же вздрогнул, когда увидел на подушке, прямо у своего лица ее руку. Нежная девичья ладошка с тонкими ухоженными пальчиками у него на глазах превращалась в звериную лапу с длинными изогнутыми когтями.

— Подобное притягивает подобное,— сказала Хул с улыбкой, когда он сел на постели, глядя на нее со смесью недоверия и отвращения.— Ну, что ты испугался? Я бы уже давно порвала тебя на кусочки, если бы хотела. А я не хочу.

Она откинулась на постель. Ее белое тело среди вороха подушек и шелка было действительно прекрасным. Идеальным. Кудри цвета заходящего солнца, надменное лицо со страстными пухлыми губами, зеленые глаза без тени мысли, маленький округлый подбородок с родинкой, высокий лоб без единой морщинки. Эмил содрогнулся, когда понял, что это всего лишь маска, под которой прячется плотоядное, злобное и опасное существо. Настоящим в прекрасной рыжеволосой светской даме была только хищная лапа, которая в любое мгновение могла выпустить когти.

— Почему вас, демонов, так тянет к людям? — спросил он, рассматривая ее словно редкостного зверя.

Красавица потянулась, взяла со столика вазу с фруктами, поставила ее себе на колени и начала грызть спелые яблоки, демонстрируя великолепные белые зубы.

— Так почему?

— Вы такие слабые,— ответила она, откусывая очередной кусок и брызгая соком на шелковые простыни,— беспомощные, ранимые, доверчивые. Вас нравится...

— Мучить?

— Подчинять себе. Милые, теплые, ласковые... игрушки.

Она протянула человеческую руку и погладила Эмила по щеке.

— Ты мне нравишься. Нам будет хорошо вместе.

— Слишком много чести! — резко возразил Эмил, сбрасывая ее ладонь.

Демоница удивленно подняла идеально выщипанные брови:

— Для тебя?

— Нет, для тебя.

Он поднялся и принялся одеваться, собирая разбросанные по комнате вещи. Девица тоже вскочила, тряхнула рыжей гривой, уперлась кулаками в гладкие бедра:

— Слушай, ты, смертный! Мне еще никто никогда не отказывал!

— Значит, я буду первым,— галантно улыбнулся ей Эмил, застегивая кружевную рубашку.

— Да как ты смеешь?! — взвизгнула она.— Ты соображаешь, с кем разговариваешь?!

Полудемон презрительно хмыкнул, натягивая сапоги.

— Я с тобой говорю!

— Дорогая,— сказал колдун скучающим тоном.— Ты мне надоела.

И тогда девушка стала меняться. Эмил содрогнулся внутренне, когда прекрасное тело с нежной бело-розовой кожей стало чернеть и плавиться. Очаровательное лицо превратилось в полузвериную морду с оскаленными клыками и узкими горящими глазами. Царапая ковер когтями всех четырех лап, на Эмила смотрела тварь, похожая на рысь, гиену и летучую мышь одновременно. С хищным рычанием она припала к полу, готовая броситься.

— Очень впечатляюще,— похвалил Эмил, заводя руку за спину.

Хул кинулась на него. Полудемон вскинул ладонь, отводя удар, и невидимый щит отбросил подземную кошку в сторону. Она упала на пол, сшибла столик, который с грохотом повалился набок, вскочила и снова прыгнула. И снова ее отшвырнуло.

— Хватит! Успокойся!

Но демоница не унималась, и во время очередного прыжка ей удалось зацепить Эмила. Они вместе покатились по полу. Острые клыки щелкнули у самого горла полудемона, и он уже было совсем решился применить заклинание понадежнее «щита», как вдруг в дверь громко забарабанили.

— Откройте немедленно! Что там происходит?!

Тварь отскочила от колдуна, на ходу принимая человеческие черты, и прыгнула в постель. Слегка оглушенный полудемон поднялся и пошел открывать.

— В чем дело, господа? — свирепо рявкнул он, увидев солдат замковой стражи.

— Мы услышали шум,— начал капитан, одновременно пытаясь заглянуть через плечо Эмила в комнату.

— Вам показалось,— ледяным тоном сказал тот.

— Но...

— Я сказал, вам показалось.

— В любом случае нам нужно проверить... приказ начальства.

Капитан попытался отстранить Эмила от двери, и тот не стал сопротивляться.

— Отлично! Замечательно! — заявил он, усаживаясь в кресло.— Проверяйте! Кого вы здесь хотите найти? Демона под кроватью?!

Глаза человека расширились от удивления, когда он увидел раскуроченный столик и порванный ковер.

— А... это?..

Полудемон пожал плечами с видом великосветского идиота:

— А, это! Кажется, в темноте я наткнулся на этот ваш дурацкий стол и опрокинул его.

— А ковер? — капитан ткнул пальцем в дыры.

— Слушайте, чего вы от меня хотите?! — очень натурально возмутился Эмил.

— Дорогой, что случилось?! — сонным голоском отозвалась с кровати Хул.— Кто эти люди?

Она приподнялась, старательно прижимая к высокой груди шелковую простыню, искусно обнажая при этом гладкий нежный бочок.

Капитан поклонился, звякнув шпорами, солдаты застыли с окаменевшими физиономиями.

— Сударыня, прошу прощения за оказанное беспокойство. Но нам послышался странный шум из этой комнаты, а барон приказал строго следить за безопасностью гостей...

— Теперь вы видите, капитан, нашей безопасности ничего не угрожает,— заявил Эмил.— И потом, это даже как-то оскорбительно, неужели господин барон считает, что я не в состоянии сам защитить свою даму?

— Ни в коем случае! — заверил его военный, похоже уже жалея, что ввязался в этот разговор.— Господин барон так не думает. Но дело в том, что времена сейчас неспокойные... всякое бывает... и демоны...

— Демоны?! — взвизгнула Хул, глубже забиваясь под одеяло.— Какой ужас! Капитан, вы должны немедленно здесь все обыскать. Я ни за что не усну, если буду думать, что здесь поблизости бродит демон.

Эмил закашлялся, пытаясь замаскировать невольно вырвавшийся смех. Лицемерка! Актриса! Врунья! Если бы капитан знал, кто эта дамочка на самом деле...

Наконец бравый отряд удалился, полудемон закрыл за замковой стражей дверь, обернулся к Хул и рассмеялся.

— Неплохо... Почему ты их не поубивала?

— А зачем? Так гораздо интереснее, правда?

Она заулыбалась и протянула Эмилу руку...

Когда колдун узнал, что его новая подружка, эта очаровательная, легкомысленная дамочка, является официальной любовницей Хозяина, ему стало немного не по себе. Он не боялся гнева Буллфера. Было даже как-то странно представить Высшего демона разгневанным на своего верного ученика за легкомысленную связь с не менее легкомысленной Хул, но все же... С человеческой точки зрения было в этом что-то неприятное, какой-то гнусный обман, да и демоническая мораль не поощряла претензий на собственность Правителя. Впрочем, Эмил и не претендовал. Просто так получилось.

Да, с ней было забавно, интересно, иногда опасно. То, что нужно для скучающего, одинокого полудемона...

Посланник отставил пустой бокал и понял — на сегодня хватит. Ему не стало ни веселее, ни спокойнее. Кроме того, полудемон почувствовал, что засыпает. Действие сонного напитка в земном мире заканчивалось. Целый час он потратил на болтовню с незваными гостями и на пустые воспоминания. Хотя мог быть рядом с Буллфером. Сидеть у его трона, смотреть, как он работает или говорить с ним.

Злясь на самого себя, Эмил рухнул в кресло, чувствуя, что глаза закрываются. Последним, увиденным им, стал Квезал, грубыми пинками расталкивающий свою змею. И плащ на нем снова сбился на сторону. Полудемон рассмеялся и уснул...

Глава 6
НЕЛЬГА

— Эмил! Эмил, выпей это. Пожалуйста.

Теплая детская ладошка гладила колдуна по гудящей голове.

Как всегда после сильного наркотика болели виски, мутило, и ныли все суставы. Добровольная пытка раз в месяц. Для того чтобы опуститься на самое Дно, здесь, на земле, приходилось погружаться в глубокий транс. «Интересно,— думал колдун, слушая настойчивый голос Мёдвика, уговаривающий выпить отвар,— когда я умру, то попаду в то крылатое тело? Или оно тоже погибнет?.. Когда я сплю здесь, я не сплю там, и наоборот. Когда я умру здесь, то оживу... где?» Логика этого рассуждения показалась полудемону странной, и он понял, что еще не до конца пришел в себя.

— Эмил, выпей.

— Медушка, отстань, я не хочу.

— Тебе нужно!

— Малыш, подожди... разреши, я сама.

Спокойный глубокий голос прозвучал над Эмилом, и он едва сдержал улыбку. Да, это то, что нужно. Лучшее лекарство. Прохладная влажная ткань легла на горячий лоб, теплые пальцы принялись нежно поглаживать ноющие виски.

— Так лучше?

— Лучше. Зачем ты пришла?

— Ты позвал.

— Я звал? Не помню.

Он открыл глаза. Всегда было дико видеть ее здесь, среди черного камня, золота и парчи в простом светлом платье, без единого украшения. Длинные, волнистые волосы, прозрачные синие глаза. Не красавица, куда ей до великолепной Хул. Но, в отличие от Хул, Нельга была настоящей.

В спокойной прелести ясного лица Эмил видел мягкую гармонию и с наслаждением любовался им. Спокойная, плавная, добрая... земная. И имя — Нельга — как плеск волны по камням.

— Что ты так смотришь? — спросила она, отжимая полотенце и снова укладывая его на лоб колдуна.

— Почему ты не носишь серьги, которые я тебе подарил?

— Это ни к чему. Куда мне их надевать? — Девушка взяла из рук подозрительно смущенного и молчаливого Мёдвика стакан, подала полудемону.— Выпей.

Эмил приподнялся, одной рукой придерживая полотенце на лбу, другой взял стакан и выпил залпом. Поморщился от вяжущей горечи, шумно выдохнул:

— Вышла бы за меня замуж, носила бы их каждый день. Кстати, сколько раз я предлагал тебе выйти за меня замуж?

— Два,— невозмутимо ответила Нельга, без улыбки глядя на него.

— Да ну?! — искренне удивился Эмил.

— Один раз в поле, второй у тебя, в замке.— Она посмотрела на Мёдвика, и тот покраснел.

— И оба раза ты мне отказывала?

— Да.

— В третий тоже откажешь?

— Да.

— Не хочешь быть хозяйкой замка, носить шелковые платья и золотые украшения?

— Не хочу,— сказала она, глядя на полудемона ясными лучистыми глазами.— Не хочу быть женой черного колдуна. Не хочу всего бояться. Не хочу бояться тебя.

— Но приходить сюда ты не боишься? — спросил Эмил с некоторой досадой, уже сам не зная, шутка этот разговор или нет.

— Боюсь,— призналась она.— Тяжело здесь. Стены как будто давят.

— Зачем же приходишь?

Нельга провела кончиками пальцев по его нахмуренным бровям, по лбу, чтобы стереть сердитые морщины:

— Прихожу, чтобы ты не сошел здесь с ума один.

— Я не один. Со мной Мёдвик.

— Ему тоже одиноко.

— Мне не одиноко, — возразил мальчишка, краснея еще сильнее под ласковым взглядом Нельги. — Мне здесь хорошо. У меня дела... разные.

Девушка рассмеялась:

— И тебе не скучно?

— Нет. Я травы собираю...

Эмил кашлянул, чтобы снова привлечь к себе внимание, и спросил:

— А ты не боишься, что в деревне узнают, куда ты ходишь?

Нельга чуть нахмурилась, прозрачные глаза потемнели... Очаровательная девушка. Милая, разумная. Хозяйственная. Вот только странная, холодная, неприступная. Ей бы королевой родиться, светской дамой, а не в поле коров пасти.

— Не боишься? — переспросил колдун, рассматривая ее строгое лицо.

— Нет. Этого не боюсь.

Полудемон снял со своего лба ее руку и легонько пожал.

— Ты жалеешь меня,— сказал он.— Жалеешь с того, первого раза...

День, когда Эмил впервые встретил Нельгу, колдун помнил так: он выехал на опушку леса, вороной жеребец громко фыркал и потряхивал длинной гривой, солнце недавно поднялось, на траве еще лежала роса. Настроение у мага было радужное и, увидев впереди высокую девицу с корзиной — по всем признакам из ближайшей деревни,— он пришпорил коня, решив немного позабавиться.

Девушка наверняка слышала конский топот, но продолжала неторопливо идти вперед, не оглядываясь. Две толстые длинные косы спускались из-под пестрой повязки ей за спину, и Эмил уже представлял, как сейчас намотает одну из них на кулак.

Но крестьянка вдруг обернулась и не вскрикнула испуганно, не бросилась бежать, хотя на своем огромном вороном жеребце Эмил должен был выглядеть грозно. Она даже не вздрогнула, просто посмотрела на колдуна спокойным ясным взглядом. И Эмил натянул поводья, резко осаживая коня. Было в этом светлом, милом лице что-то знакомое... Такие же светлые волосы и прямые плечи были у его матери, такой же изгиб губ. Вот только смотрели они по-разному. Взгляд леди Дианы де Кодье был кротким, тревожным, чуть печальным. Деревенская девушка рассматривала его со спокойным достоинством.

— Подвезти, красавица? — спросил колдун, слыша, как хрипло, грубо звучит его голос.

— Спасибо,— ответила она, перекладывая ручку корзины из одной руки в другую.— Сама дойду.

Всадник хмыкнул, заставляя жеребца подойти еще ближе к незнакомке:

— Что, боишься меня?

— Не боюсь... А только ни к чему это.

Брови у нее были золотистые, красиво изогнутые над светлыми, прозрачными глазами.

— А в корзине у тебя что?

— Ягоды. Малина.— Девушка продолжала смотреть на него снизу вверх, и Эмил чувствовал, что в ней совсем нет испуга.

— Разве? А ну посмотри хорошенько.

Незнакомка опустила взгляд в корзину, ахнула от удивления и выронила ее. Лукошко опрокинулось, рассыпались по траве крупные, ярко-алые, сверкающие на солнце рубины. Эмил рассмеялся.

— Что, узнала меня?

— Сразу узнала,— ответила она.— Вы колдун из замка.— Девушка указала на черные башни, заслоняющие полнеба.

— Верно.— Он сильнее натянул повод, удерживая заплясавшего на месте жеребца, и рассмеялся своим мыслям.— А что, красавица, пойдешь за меня замуж? Каждый день по такой корзине приносить станешь.

Она посмотрела на рдеющие в траве рубины, потом подняла взгляд на полудемона, и столько было в ее глазах спокойной выдержки и достоинства, что Эмилу... человеческой части его души стало на какое-то мгновение неловко. Примерно так же смотрели ангелы. Уверенно, невозмутимо, даже мысли не допуская, что кто-то может причинить им боль. Или эту девушку никто никогда не обижал, или она пережила такое, что даже колдун из черного замка не мог ее напугать.

Незнакомка наклонилась, подняла корзинку, вытряхнула из нее оставшиеся рубины и пошла прочь.

Эмил хлестнул жеребца и помчался вперед, злясь на себя за то, что не может проучить неучтивую девицу, отмеченную печатью ангельского спокойствия. Не может, и все.

И тут произошла странная, необъяснимая вещь. Жеребец вдруг споткнулся на ровном месте и рухнул на землю, подмяв под себя седока. Полудемон взвыл от боли в бедре, придавленный тяжеленным лошадиным боком, и едва успел выдернуть ногу из стремени, как конь вскочил и понесся по полю так, словно за ним гналась стая демонов. Ругаясь последними словами, Эмил попытался приподняться. Нужно было собраться с силами, отключиться от боли и заставить вернуться свихнувшегося жеребца, но колдун вдруг услышал быстро приближающиеся человеческие шаги. А потом чьи-то руки обхватили его за плечи, на грудь упали уже знакомые тяжелые косы, а в лицо заглянули тревожные ясные глаза.

— Как вы, сударь?! — спросила подбежавшая девушка, часто дыша от быстрого бега. Грудь ее вздымалась под тугим корсажем, пушистые завитки выбились из-под повязки.

— Терпимо,— ответил он, кривясь от боли.— Не знаю, что нашло на эту скотину. Споткнулся на ровном месте... Это не ты его заколдовала?

Крестьянка нахмурилась, помогая ему подняться. У нее были сильные, привычные к тяжелой работе руки и крепкие плечи.

— Обопритесь. Стоять можете?

Эмилу на какое-то мгновение захотелось по-демонски поиграть — потерять сознание, грохнуться в обморок, чтобы неприступная красавица, разбрасывающаяся дареными рубинами, похлопотала над его неподвижным телом. Положила голову к себе на колени, обтерла платочком лоб, или что там еще делают красотки со свалившимися с лошади поклонниками...

— Ничего,— пробормотал Эмил, стискивая зубы.— Я живучий.

— Я помогу,— сказала она, все еще поддерживая его.— Одному вам до замка не добраться.

— Что, жалеешь меня? — надменно спросил колдун.

Девушка только улыбнулась в ответ...

— Хорошее у тебя имя,— промолвила Нельга, аккуратно складывая полотенце.— Эмил... милый. Совсем тебе не подходит.

— Полное мое имя — Эмил Александер Рэми де Кодье,— ответил колдун, любуясь ее задумчивым лицом.

— Да. Известное.— Она помолчала.

— Не мое,— резче, чем хотел, возразил Эмил.— Моего отчима. Я не знаю своего настоящего имени.

— Скажи, ты всегда жил здесь,— спросила девушка, снова присаживаясь рядом,— в этом замке?

Эмил предпочитал не говорить на эту тему, но Нельга была не любопытна и редко интересовалась его полудемонической жизнью. Он любил, когда она о чем-нибудь спрашивала, поэтому ответил:

— Сначала я жил в доме отчима.

— А потом?

— Потом он умер, и я купил этот замок. Купил! Взял почти даром. Прежний владелец был счастлив, что может избавиться от него. Человек не в состоянии понять красоту этого места, его величественную архитектуру. Им везде мерещатся демоны.

— А что стало с твоей матерью?

Эмил взглянул на Мёдвика, тихонько сидящего на стуле, и сказал негромко:

— Она умерла. Здесь. В замке. Через год после того, как я привез ее сюда. Тихо угасла... Она ведь тоже была человеком... А я этого тогда не понимал.

Он тогда многого не понимал.

Не мог понять, почему его красивая добрая мама всегда такая грустная, почему смотрит на него с непонятной тревогой, почему ее пугает каждая его детская выходка. «Ты должен быть хорошим мальчиком. Нельзя стрелять в птиц...» — «Но, почему, мама?! Почему другие стреляют?!» — «Тебе нельзя! Ты... потом поймешь».

Она хотела уберечь сына от него самого, от демона, что жил в его душе. Никаких историй о насилии, никакого оружия, добрые сказки, спокойные игры. «Ты должен быть хорошим мальчиком...»

Светлая комната с огромным окном, книги, бумага для рисования, на стене картина с белокрылым ангелом, красивая одежда с кружевными воротничками, но все это бесполезно. Из зеркала по-прежнему смотрит угрюмый мальчишка с жесткими кудрями и раскосыми недоверчивыми глазами.

— Дорогая моя, вы напрасно стараетесь приручить его. Сколько волка ни корми... а он и есть волчонок.

— Генрик, что вы говорите?! Это мой сын!

— Не ваш. А того чудовища... простите, что я вспоминаю о нем. В мальчике нет ничего от вас.

— Он добрый, хороший мальчик. Просто немного...

— Немного дикий, злобный. Диана, мне больно смотреть, как вы страдаете из-за него. Давайте отправим его к моему кузену в Анжевьен. Там хорошо... Вы станете навещать его и не будете видеть постоянно этот кошмар...

— ...Мама, за что он так ненавидит меня?!

— Что ты?! Барон беспокоится о тебе. Он тебя... любит.

— Давай уйдем отсюда.

— Куда же мы пойдем? Нам некуда идти.

— К моему отцу. К моему настоящему отцу.

И тогда она начинала плакать. Тихо-тихо. По бледным щекам медленно катились слезы...

Эмил вскочил с постели, швырнул на пол полотенце, подошел к окну:

— Нельга, уйди. Мёдвик, проводи ее. Я... я хочу остаться один!

Негромко скрипнула дверь за стеной, и стало совсем тихо...

Глава 7
КОЛДУН ИЗ ЧЕРНОГО ЗАМКА

Когда Нельга была маленькой, по вечерам бабушка рассказывала им с сестрой страшные истории про черного колдуна, живущего в огромном замке на краю пустоши.

— Каждый раз,— неторопливо говорила старушка, помешивая ложкой кипящий суп,— в полночь, выходит он из своего замка, превращается в черного волка, рыщет по лесу и убивает всех, кто случайно встретится ему. А маленьких детей хватает своими страшными, огромными зубами и тащит в Черный замок.

— Зачем, бабушка? — удивлялась Вельяла, сестренка Нельги.

— Варит из них всякие колдовские зелья.

— А какие?

— Не знаю, деточка. Разные.

— А кто с ним еще живет в замке? — спрашивала Нельга.

— Один он там живет,— охотно отвечала бабушка.— Говорят, раньше у него было много слуг, но он их всех извел своими злыми чарами.

Сестренка испуганно ойкала, закрывая рот ладошкой, а Нельга, продолжая смотреть, как танцует над поленьями красное пламя, говорила задумчиво:

— Наверное, ему одному там скучно.

— А чего ему скучать?! — Старушка энергично ворошила кочергой в печке, заставляя дрова вспыхнуть еще жарче.— Каждую ночь к нему в замок слетаются демоны и прочая нечисть. И начинается там у них веселье. Поют, пляшут, в карты играют...

— Бабушка,— снова дергала ее за передник любопытная Вельяла,— а правда, что у него в замке золота полным-полно?

— Правда. Полные сундуки. И золото, и камни драгоценные. Все, что хочешь.

— Ух ты,— завистливо вздыхала девочка и тихонько толкала сестру ногой.— Вот бы нам немножко. Мы бы дождались, пока он уедет куда-нибудь, забрались к нему и набрали золота, камней, нарядов всяких.

Нельга насмешливо косилась на сестру:

— Как же! У него, наверное, замок чудовища охраняют, а на золото заклятие наложено. Только тронешь — и сразу в жабу превратишься.

— А вот и нет! — Вельяла сердито ерзала на стуле.— Вот и не превращусь!

— Превратишься-превратишься! — обещала Нельга.— Или прилипнешь к сундуку. Колдун вернется, увидит тебя и съест.

— А вот и не съест! — хихикала сестра.— Он меня увидит и сразу влюбится. Как в сказке! И скажет: «Прекрасная принцесса, вы сняли страшное заклятие, лежащее на мне и на замке. И теперь я прошу вас стать моей женой!»

Нельга хохотала, слыша эти глупости.

— Прин-цес-са! — тянула она, насмешливо фыркая.— Уши мыть не умеет, а туда же, замуж собралась.

— Неправда! — взвизгивала оскорбленная сестрица.— Умею я уши мыть! Это ты не умеешь! Бабушка, ну скажи ей!

— Тише, девочки. Нельга, перестань дразнить сестру,— отзывалась всегда старушка.

— А пусть она глупости не болтает,— сердито говорила Нельга.

— Это ты глупости болтаешь,— обычно хныкала Вельяла.

— Я сказала — тихо! — сердилась бабушка и снимала с огня кастрюльку с подоспевшим за время разговора супом.— Накрывайте на стол. Сейчас будем ужинать.

Девочки обменивались выразительными взглядами, Вельяла показывала Нельге язык, Нельга в ответ презрительно морщила нос.

Расставляя по столу тарелки, они молчали. Но однажды Нельга вдруг сказала задумчиво:

— А знаете, мне его жалко.

— Кого? — не поняла Вельяла.

— Колдуна. Ему, наверное, очень одиноко.

Лежа ночью в кровати, Нельга представляла, как колдун бродит по своему замку среди золота совсем один и ему даже не с кем поговорить.

Наверное, он и в волка превращается от скуки. «Ужасно,— думала она, прислушиваясь к сонному дыханию сестры.— Ужасно, когда ты один...»

Впервые черного колдуна девушка увидела лет шесть спустя, когда им с Вельялой исполнилось по шестнадцать. Бабушка недавно умерла, и некому стало заставлять болтливую сестру прекратить дурацкие фантазии.

Черный замок притягивал Вельялу неудержимо.

«Вот бы попасть туда! — мечтательно тянула она, стоя над грядкой с капустой и глядя на каменную громаду, возвышающуюся над лесом.— Я бы придумала, что делать со всем его золотом».

— Хватит болтать,— устало отвечала Нельга, разгибая спину.— За сегодня нужно выполоть половину этого поля.

— Надоела мне твоя капуста,— раздражалась сестра, продолжая разглядывать заветный замок, заслонясь ладонью от солнца.— Увидеть бы его хоть разок. Может быть, он вовсе не такой страшный, как о нем говорят.

Нельга снова наклонялась к сорнякам. Она уже давно перестала воспринимать серьезно фантазии сестры...

— Дался тебе этот колдун. Если хочешь замуж, посмотри на Никола, хороший парень, и давно на тебя заглядывается.

— Идиот, — высокомерно заявила сестра, задирая хорошенький носик.

— А Данил?

— Зануда.

— Ну а Патре...

— Урод.

— Ну знаешь! — вскипела спокойная Нельга, швыряя в корзину горсть сорняков.— На тебя не угодишь!

— Да, я разборчива.— Вельяла перекинула за спину тяжелую русую косу.— Если хочешь, выходи сама за этого своего Никола. И сиди с ним сама всю жизнь в навозе, а я знаю, чего хочу.

— Дурочка ты, — сказала Нельга устало и снова занялась прополкой.

Вельяла пробормотала сквозь зубы что-то чрезвычайно оскорбительное в адрес сестры, а потом вдруг испуганно вскрикнула.

— Ну что опять?! — воскликнула Нельга, снова выпрямляясь.

— Смотри.— Запачканный в земле палец Вельялы показывал на темную фигуру на черном коне, быстро приближающуюся к ним.— Кто это?

— Не знаю,— ответила Нельга, чувствуя, как что-то больно кольнуло в сердце.

— Это он,— прошептала сестра.— ...Точно он.

— Глупости,— неуверенно ответила Нельга.— Что ему делать в деревне?

Вельяла перешагнула через грядку и встала рядом с ней.

Теперь всадника можно было хорошо рассмотреть. Вороной жеребец с длинными тонкими ногами и широкой грудью, совсем не похожий на тяжелых широколобых деревенских лошадей, неторопливой размашистой рысью приближался к деревне. На его спине сидел темноволосый мужчина в черной одежде.

Нельга вздрогнула, будто от холода, когда он поравнялся с ними.

Увидев двух хорошеньких девушек, удивительно похожих, колдун попридержал жеребца, с интересом рассматривая сестер. Нельге показалось, что время остановилось. Медленно, как в долгом тягучем сне, поднимая взгляд, она увидела белую пряжку на сапоге, тонкий серебряный шнур, окаймляющий край камзола, витую рукоятку кнута за поясом, руку, затянутую в кожаную перчатку, повод, широкую цепь с красными камнями на груди колдуна и, наконец, лицо. Смуглое, надменное, с черными сверкающими глазами. Их взгляд неторопливо изучал ее лицо, и Нельге казалось, в черной глубине этих глаз вспыхивают красные искры. Ей стало жутко.

И вдруг черные пылающие глаза отпустили ее взгляд. Осмелев, сестрица Вельяла шагнула вперед, сияя обворожительной улыбкой, и присела перед всадником в глубоком реверансе. Колдун усмехнулся и учтиво склонил голову перед легкомысленной кокеткой, опаляя ее нечеловеческим жадным взглядом. А потом пришпорил жеребца, и тот, выгнув шею дугой, понесся вперед, оставив после себя облако пыли.

Вельяла стремительно выпрямилась, глаза ее сверкали не хуже огненных очей колдуна.

— Ты видела?! Ты его видела?! — заговорила она тонким срывающимся голосом.— Какой красавец! И совсем молодой! А как одет! Черный бархат! Шелк! Атлас! Рубины!

— У него такие странные глаза...— пробормотала Нельга, потирая ноющие виски.

— Изумительные! — пропела Вельяла, приплясывая на грядке с капустой.— Огненные. Смотрит, и в жар бросает! Даже мурашки по коже.

Нельга очнулась и почти с неприязнью посмотрела на раскрасневшуюся, счастливую сестру.

— Ты бы корсаж повыше подтянула! В жар ее бросает! Совсем ума лишилась!

В ответ сестрица лишь повела покатыми белыми плечами, с которых во время реверанса как-то уж очень удачно спустилась косынка, и заявила:

— Ты просто завидуешь! Видела, как он на меня смотрел?!

— Как кот на мышь!

— Он мне улыбнулся! А на тебя даже не глянул.

— Было бы чему завидовать.— Нельга постаралась вернуть себе обычное спокойствие.— Ему все равно кто: ты, я, любая другая... У него глаза демона. Он не человек, Вельяла!

— Он выбрал меня! — крикнула в ответ сестра, гневно кривя губы.— А тебе... а ты... ты лицемерка, тоже хочешь заполучить его!

— Перестань! Ты что, не соображаешь, что он колдун?! Демон!

— Прежде всего он мужчина! — Вельяла высокомерно вскинула красивую головку.

— Ну и что?

— А я женщина. И я знаю, как обращаться с такими, как он.

— Ничего ты не знаешь. И вообще, хватит! Надоело!

Нельга подняла корзинку, полную сорняков, и вернулась к недополотой грядке, а Вельяла так и осталась стоять, глядя вслед давно уехавшему колдуну.

С этого дня покоя в доме не стало. Сестра словно помешалась. Говорить и думать она могла только о владельце Черного замка. Нельга в который раз пожалела, что не может взять хворостину и как следует выпороть ее. А после той встречи ранним утром в поле она стала откровенно бояться за рассудок Вельялы.

Вернувшись с пустой корзиной, Нельга медленно поднялась на крыльцо и тут же столкнулась с сестрицей, которая накинулась на нее:

— Ты где была?! Что так долго?! Почему без ягод? Да что с тобой?

Нельга села на табурет у окна и сказала тихо:

— Я видела его.

— Кого?

— Колдуна.

Сестра побелела и схватилась за горло.

— Что?! Ты его видела? Где?! Что он тебе сказал?! Ну, отвечай же!

Нельга рассеянно провела рукой по лбу, поправляя ленту, и улыбнулась, вспомнив.

— Спросил, не хочу ли я выйти за него замуж?

Вельяла едва не села мимо скамейки:

— Он спросил об этом тебя?! За него замуж?!

Нельга взглянула на бледную сестру, сообразив, что зря рассказала ей о неожиданной встрече, но было уже поздно.

— Он шутил, Велья,— сказала она строго.— Это была всего лишь шутка.

— Нет! — Та вскочила и забегала по кухне, задевая подолом платья за ножки стола и стульев.— Ты ничего не поняла! Он... что было потом?!

— Потом он поехал дальше, но его жеребец споткнулся и упал.

Нельга снова почувствовала, что погружается в какой-то теплый дурман, когда начинает вспоминать молодого колдуна. Его странные глаза, задумчивую печаль, сменившую высокомерие в его взгляде. Она тряхнула головой и закончила:

— А потом я помогла ему добраться до замка.

Она не сказала ни слова про рубины, внезапно появившиеся в корзинке.

С Вельялой случилась истерика. Стуча кулаком по столу, сквозь рыдания она кричала о том, что Нельга бесчувственная, завистливая и глупая.

— Ты что, не поняла? — задыхаясь, вопила она.— Он принял тебя за меня! Он думал, что говорит со мной! Он помнит меня! А ты, ты вечно суешься, куда тебя не просят! Вечно лезешь! Все время отбираешь у меня самое лучшее!

Нельга вскочила, схватила сестру за плечи и как следует встряхнула.

— Опомнись!! Что я у тебя отобрала?! Сколько можно повторять, что он черный колдун! Он общается с демонами! Он сам демон! Ты сойдешь с ума, если будешь думать о нем постоянно! Ты уже свихнулась!!

Вельяла вырвалась из ее рук, вытерла ладонью залитое слезами лицо и вдруг усмехнулась злорадно:

— А вот мы посмотрим!

И выбежала из дома, хлопнув дверью.

Нельга тяжело вздохнула и устало прислонилась к косяку. Сил бежать за дурочкой и уговаривать ее успокоиться не было. В голове по-прежнему плыл туман, из рук все валилось и хотелось спать. Нельга добралась до кровати, легла, не раздеваясь, и тут же уснула. Проснулась она вечером. В окно заглядывала круглая луна. На полу лежали полосы серебристого света, похожие на длинные небеленые холсты. В лесу кричала надрывно ночная птица. От ее крика становилось жутко. Нельга лежала, не шевелясь, смотрела в темноту широко раскрытыми глазами и чувствовала, как часто, тревожно бьется ее сердце.

Птица замолчала, и девушка поняла, наконец, что тревожит ее. Не было слышно дыхания сестры, которая всегда спала на соседней кровати. Нельга приподнялась — постель Вельялы оказалась пуста. Значит, она так и не вернулась... Куда она пошла? Куда могла пойти взбалмошная девчонка, возомнившая себя героиней волшебной сказки, которой под силу очаровать черного колдуна? Нельга вскочила, предчувствие беды стало еще сильнее. Бесцельно пометавшись по дому, девушка выбежала на улицу.

В сумерках громада замка как будто приблизилась, четко выделяясь на фоне темного неба тяжелым черным силуэтом. И почему-то Нельга была уверена, что ее глупая самоуверенная сестра сейчас там. В этой страшной крепости, где не светилось ни одно окно. «Только бы он не убил ее... Если он убьет ее, я... Но что я могу?! Он же колдун, демон... Пойти к нему, попросить, чтобы отпустил сестру. Объяснить, что она глупая, наивная, очень хочет разбогатеть, нравиться всем мужчинам... и что, кроме нее, у меня никого нет».

Нельга шла вперед по знакомой тропинке, освещенной светом луны, и хотя замок по-прежнему был хорошо виден, подойти к нему ближе, чем на две тысячи шагов, не получалось. Он как будто бы оставался

на одном месте и в то же время, дурача Нельгу, медленно отступал перед ней. Она ходила вокруг, выходила то с одной стороны, то с другой, но не могла подойти к замку. Проплутав несколько часов, Нельга совершенно отчаялась и теперь была почти уверена, что никогда не увидит сестру...

Вельяла вернулась под утро. Но в каком виде. Платье на плече разорвано, волосы растрепаны, губы опухли, на руке повыше локтя синяки — четкие отпечатки чьих-то пальцев. Нетвердо ступая по мокрой от росы траве, она подошла к Нельге, выбежавшей навстречу. Потом уткнулась лбом ей в плечо, разрыдалась громко, во весь голос, всхлипывая и шмыгая носом. Кусая губы от жалости, Нельга обняла ее, гладя по распущенным косам.

— Все хорошо... Велья, все хорошо,— шептала она.— Главное, ты жива. Я так боялась за тебя! Ну, не надо, не плачь...

Сестра еще раз громко всхлипнула, неожиданно оттолкнула ее руки, глянула исподлобья тяжелым, злым взглядом:

— Это ты во всем виновата. Ты! Ненавижу тебя! — И убежала в дом.

Нельга осталась стоять на крыльце.

Теперь можно было надеяться, что все изменится. Нельга молча наблюдала за сестрой, бесцельно бродящей по дому, и честно пыталась вызвать в своей душе жалость к ней. Иногда это получалось, но Вельяле не нужны были утешение и забота, она грубо огрызалась в ответ, смотрела угрюмо, или выбегала из комнаты, хлопая дверью, или громко рыдала от злости. Тогда Нельга начинала злиться сама. Сколько можно терпеть глупые выходки. Она же получила то, чего добивалась. Пусть будет счастлива, что выбралась из замка живой. Но Вельяла не хотела удовлетвориться этим. Она становилась все грубее, казалось, что ожесточение и ненависть сестры затопили весь дом до самой крыши. В конце концов терпение Нельги закончилось. Она поняла, что сама не справится с несносной девчонкой и никто в деревне ей не поможет...

Нельга шла, не поднимая головы, чтобы не видеть Черного замка, постепенно закрывающего небо.

В детстве, вместе с другими деревенскими детьми, они с сестрой тайком бегали сюда. Играли в густых зарослях, подступающих к одной из стен. Часами лежали в высокой траве и ждали, не появится ли колдун. Сочиняли про него истории, одна страшнее другой, и с визгом бросались бежать от любого шороха, раздающегося со стороны замка. Среди мальчишек особой доблестью считалось подбежать к черной каменной стене, хлопнуть по ней ладонью, а потом во весь дух мчаться обратно к остальным, притаившимся на безопасном расстоянии за стволами высоких деревьев...

Маленькие зверьки, выросшие в темной тени Черного замка.

Светлые ангелы были далеко, и они не отвечали на призывы. Никто никогда не видел их. А колдун жил рядом. Он был настоящим, земным. Он умел все: превращать грязь в золото, оборачиваться волком, видеть сквозь землю и становиться невидимым. Он представлялся более реальной защитой от человеческих бед, чем далекие прекрасные ангелы. Шепотом в деревне передавался слух о том, что лет десять назад у одной из женщин — тетки хромой Бет — заболела дочь, ни есть ни пить не могла, лежала шесть дней и совсем было собралась умирать, но тетка пошла к колдуну, упала ему в ноги и стала просить вылечить дочку. Так он дал ей какую-то травку, девочка ее выпила и на следующий день выздоровела. Правда, кажется, потом она все равно умерла — в реке утонула. Но это произошло еще лет через восемь и было уже не важно.

Дети с восхищением слушали рассказы о могущественном колдуне, мечтали увидеть его, бегали к запретному замку. Если бы взрослые узнали об их забавах, смельчаков выпороли бы без всякой жалости, а потом провели несколько ритуалов очищения, чтобы смыть порчу, потому как лес вокруг замка кишел злыми чарами, а камни стен, возведенных демонами, просто были проклятыми. Об этом знали все...

Нельга огляделась, узнавая знакомые места. Вот до этого камня она довела колдуна после того, как он упал с лошади. Он шел, хромая, старался не слишком сильно опираться на ее плечо, и все-таки временами девушке казалось, что рука его будто пригибает к земле.

— Все. Хватит,— сказал он внезапно и остановился.— Дальше я сам.

— Но до замка еще далеко.— Нельга помогла колдуну сесть на камень и с облегчением потерла ноющее плечо.— Вам не дойти.

— Ничего, дойду,— он усмехнулся, пристально рассматривая ее.

Девушке показалось вдруг, что у нее не в порядке одежда: что-то оборвалось или расстегнулось. Машинально она поправила повязку на голове, одернула передник, украдкой взглянула на шнуровку корсажа, не распустилась ли, но все было в порядке. У колдуна не было повода смотреть на нее с высокомерно жадным любопытством.

— Я помогу вам дойти до замка,— повторила она решительно.

— Иди домой,— ответил он.— И постарайся никому не рассказывать о нашей случайной встрече. Иначе вся деревня подвергнет тебя анафеме... Ну, иди.

И она послушно пошла, а он остался сидеть на камне и смотрел ей вслед до тех пор, пока девушка не скрылась за поворотом. Черная фигура на черном валуне...

Нельга наступила на сухую ветку, и та сломалась с громким треском. Девушка вздрогнула, еще раз огляделась по сторонам. Западный склон

холма, на котором стоял замок, порос лесом. Тропинка петляла между корявых изогнутых стволов, упиралась в огромные, неровно обтесанные камни. Говорят, они лежали здесь со времен возведения замка, демоны бросили их за ненадобностью. Периодически Нельге приходилось пробираться сквозь заросли крапивы. Почему-то здесь росла гигантская, невероятно жгучая крапива. Она зловеще шелестела на ветру, топорща темно-зеленые резные листья, и норовила хлестнуть побольнее.

Потом тропинка круто повернула, огибая крепостную стену, и Нельга вышла к воротам замка. Они были открыты. Девушка прошла по двору, мощенному каменными плитами, подошла к огромной двери. Взялась за бронзовое кольцо и потянула.

Внутри был сумрачный гигантский холл. Наверное, его должны были освещать факелы, но сейчас они не горели. Из узких окошек, прорезанных под самым потолком, просачивался тусклый свет. Нельга разглядывала темные фигуры статуй у стен и широкую лестницу, ведущую на просторную площадку галереи.

— Явилась? — услышала она сверху негромкий насмешливый голос и вздрогнула.

Колдун стоял, опираясь ладонями о перила, и смотрел вниз, на нее. На нем был длинный домашний халат алого цвета, расшитый золотом, распахнутый на груди. На пальцах, сжимающих перила, тяжелые перстни. Лицо показалось Нельге еще смуглее от обилия красного цвета, и еще больше было в нем холодного высокомерия.

— Что ты сделал с моей сестрой?! — крикнула девушка.

— Так это была твоя сестра? — Он рассмеялся, и его смех густой, обволакивающей волной поплыл по залу.— Надо же, а я-то думал, что это ты.

— Прекрати! — Нельга сжала кулаки, чтобы унять нервную дрожь в руках.— Ты прекрасно можешь нас различать. Мы не настолько похожи.

Хозяин замка прищурился, и его глаза стали совсем демонскими.

— Твоя сестра — лицемерная, жадная, эгоистичная дура.

— Неправда! — воскликнула оскорбленная Нельга.— Не смей так говорить!

— Слушай,— сказал колдун, начиная медленно спускаться по лестнице,— мне плевать на твою сестру. Она получила то, что хотела.

— Неправда,— повторила девушка.— Она хотела не этого. Она...

— Она прельстилась моим богатством и именем.— Полудемон остановился несколькими ступеньками выше Нельги, глядя на нее с откровенной издевкой.— И теперь мне интересно, что надо тебе.

— Я хочу, чтобы ты расколдовал ее.

На самом деле Нельге очень хотелось опустить глаза, чтобы не видеть его сверкающего взгляда, но она продолжала смело смотреть в пульсирующие красным светом зрачки.

— Расколдовать? — Кажется, он удивился.— Я ее не заколдовывал.

— Она должна забыть тебя. Сделай так, чтобы она тебя забыла.

— Ты думаешь, мне больше нечем заниматься, кроме как отваживать истеричных девиц? — спросил он высокомерно, увидел, что ее лицо приняло выражение отчаянной решимости, и понял: да, она думает именно так.— Ладно. Чем будешь платить?

Нельга сняла с пояса маленький мешочек, вытряхнула содержимое на ладонь и протянула колдуну. Он презрительно взглянул на серебряные монеты, потом смерил просительницу взглядом с ног до головы и сказал:

— Насколько я понимаю, это все, что у тебя есть?

— Да.

— И ты пришла просить помощи у черного колдуна с жалкой горсткой серебряных монет?.. У меня нет времени на благотворительность. Только ангелы работают бесплатно, моя дорогая.

Нельга почувствовала, как у нее подкашиваются ноги.

— Значит...

— Это значит, что тебе пора,— ответил мужчина равнодушно, и его глаза стали пустыми, холодными.— Уходи.

Все еще сжимая в ладони серебро, девушка вышла из зала. С гордо поднятой головой и туманящимся от слез взглядом. Около одного из кипарисов она остановилась, зажмурилась, чтобы не разрыдаться, и вдруг почувствовала, как кто-то теребит ее за рукав.

— Сударыня... сударыня, не плачьте.

Нельга открыла глаза и увидела рядом румяного мальчика лет двенадцати, в нарядном костюмчике, с кудрявыми каштановыми локонами до плеч.

— Вот, возьмите,— он протянул ей холщовый мешочек, туго завязанный веревочкой.— Это травы для вашей сестры. Заварите и дайте ей выпить. Ей сразу станет лучше.

— Кто ты? — спросила девушка, не спеша взять мешочек.— Откуда?

— Меня зовут Мёдвик,— ответил мальчик.— Я живу в замке с Эмилом.

— С кем?

— С Эмилом. Я его помощник.

— Его зовут Эмил? — Нельга повернулась и снова посмотрела на замок, потом перевела взгляд на смущенно переминающегося Мёдвика.— У меня нет денег, чтобы заплатить за твои травы. Только вот...

— Не надо денег! Возьмите просто так.

Он сунул в руки Нельге мешочек и убежал.

Юный помощник колдуна оказался прав.

Несколько дней Вельяла пила настои трав, и ей стало лучше. Она как будто очнулась. Безумная ненависть исчезла из ее взгляда, сестра успокоилась и больше не вспоминала колдуна.

А еще через неделю она объявила, что выходит замуж. Нельга не успела обрадоваться, даже не успела ее поздравить. Глядя в пол, Вельяла попросила сестру не приходить на свадьбу, не разговаривать с ее женихом и вообще никогда... никогда не приходить в ее дом.

Прошло совсем короткое время, за Вельялой приехал жених, и она отбыла, забрав свою часть приданого, собранного бабушкой.

Нельга осталась одна.

Глава 8
ЗОВ КРОВИ

...Эмилу было семнадцать лет, когда отчим впервые ударил его. Влепил пощечину в ответ на какую-то мелкую дерзость и велел убираться в свою комнату.

— И чтобы я тебя не видел, демонское отродье!

Дрожа от ярости и унижения, Эмил без стука влетел в комнату матери и потребовал объяснений.

— Эмил, сядь,— сказала она спокойно, устав смотреть, как он мечется по комнате, исчерпав запас оскорблений в адрес отчима.— Успокойся.

— Успокоиться?! Он ударил меня! При слугах! И назвал демонским отродьем! Мама... что это значит? Что он хотел этим сказать?!

Леди Диана поднялась, взяла со стола книгу в кожаном переплете, открыла ее и передала недоумевающему сыну.

— Смотри. Это Вильгельм Завоеватель. Дальний предок твоего отца и... твой.

Юноша взглянул на страницу, с удивлением рассматривая портрет смуглого мужчины в алом камзоле. У него были такие же, как у Эмила, густые вьющиеся волосы и узкий разрез глаз, из-за чего они казались всегда прищуренными.

— Но, мама, здесь написано, что он был демоном?!

— Да.

— Значит, мой отец... и я тоже...

— Да, ты тоже.— Баронесса снова села в кресло и склонила голову.— Ты тоже, мой мальчик.

Эмил смотрел на смуглое жестокое лицо своего предка. Ужас, отчаяние и восторг сменялись в душе. «Я не такой, как все! Значит, я не такой, как все? Я демон... почти».

— Почему ты не говорила об этом раньше?

— Ты был слишком маленький и не понимал. А теперь... Рано или поздно ты все равно бы узнал... Но, Эмил! Я прошу тебя!..

— Что?! Быть хорошим мальчиком? — он рассмеялся. Резко и зло.— А если я не хочу быть хорошим?! Демон не может быть добрым!

Он уронил книгу на пол и выбежал из комнаты.

В самом дальнем углу библиотеки стоял запертый шкаф. Одно время в высшем обществе была в моде черная магия, и господин Генрик не избежал этого увлечения. Но после нескольких несчастных случаев опасная мода быстро прошла, и запретные книги бесцельно пылились в шкафу.

Поздно ночью, когда все в замке спали, Эмил пробрался в библиотеку. Можно было подобрать ключ к запертому шкафу, но он не стал утруждаться. Теперь ему было все равно. Просунув плоский конец стамески под язычок замка, Эмил нажал, послышался жалобный треск, и створки шкафа распахнулись. «Интересно, что теперь подумает «папочка»?! — злорадно думал взломщик, вытаскивая с полки тяжелые тома в переплетах из черной лоснящейся кожи.— Вот, кажется, то, что нужно... «Черные ритуалы».

Бережно прижимая к груди тяжеленную книгу, Эмил бросился к себе в комнату и заперся там.

Если бы он не был так оскорблен, если бы не давняя злость на отчима, если бы не сегодняшняя обида на мать («Как она могла так долго скрывать от меня правду?!») — он бы поостерегся искать утешения в магии, в которой ничего не понимал.

Пентаграмму нужно было чертить кровью. Эмил это предусмотрел. Любимый фазан отчима (еще одна маленькая месть) обреченно забился в его руках и тут же поник, уронив изящную головку. Несколько зеленоватых перьев упало на пол. На мгновение Эмилу стало жаль красивую птицу, но он заглушил в себе неуместное чувство.

В книге было много заклинаний, однако достойным внимания юноше показалось лишь одно единственное — «вызов Высшего демона». Нет, он не собирался связываться со всякой мелкой нечистью, ему нужен был стопроцентный результат. Только тогда его месть можно будет считать достойной. Сдерживая нервную внутреннюю дрожь, Эмил перешагнул пентаграмму, начертанную фазаньей кровью, и произнес первую строчку заклинания...

Сначала ничего не происходило. То ли его не слышали, то ли все Высшие оказались заняты своими делами и не спешили оставить их ради обиженного зеленого мальчишки, возомнившего себя адептом черной магии. Эмил топнул ногой от досады и еще раз произнес призыв, вложив в него все свое отчаяние, тоску и обиду. Он уже не надеялся, что его услышат, как вдруг комната «поплыла». Кусок пространства задрожал, словно с другой стороны его мяла и выгибала огромная сила, а потом взвился красным огнем. Эмил вскрикнул от ужаса, увидев существо, шагнувшее ему навстречу из алого пламени.

Демон был огромен. Он почти касался люстры, свисавшей с трехметрового потолка. Его тело очертаниями напоминало человеческое, но было покрыто рыжей короткой шерстью, пальцы на руках заканчивались длинными изогнутыми когтями, вместо ступней — круглые ко-

пыта. Его лицо, тоже заросшее рыжей шерстью, было искажено яростью, глаза горели.

— Кто посмел беспокоить Верховного демона?! — проревел он.

Эмил едва не упал, чувствуя, что ноги перестают держать его. Он не знал, не думал, что существо, которое вызывает, будет таким свирепым и огромным.

— Я... я приказываю тебе... повиноваться.

Он должен был повиноваться. В книге написано, что злой дух, вызванный по всем правилам, обязан повиноваться. Но рыжий демон явственно фыркнул, из его ноздрей вырвались две струи дыма.

— Я приказываю тебе повиноваться! — настойчивее повторил юный адепт.

Кажется, этот демон не читал «Черные ритуалы». Или... неужели Эмил сделал что-то неправильно?..

Юноша вскрикнул от ужаса, когда чудовище без малейшего напряжения и вреда для собственного здоровья перешагнуло через магическую линию, очутившись в шаге от него. Эмил шарахнулся в сторону, но было уже поздно, демон схватил его, прижал к широченной груди, и юный колдун почувствовал, что начинает таять. В глазах потемнело, голова закружилась и он потерял сознание...

Утром служанка постучала в дверь запертой комнаты молодого хозяина.

— Господин Эмил. Господин барон просит вас спуститься к завтраку... Господин Эмил, вы уже проснулись?

За дверью было тихо. Служанка приложилась ухом к замочной скважине, но опять ничего не услышала. Тогда она вытащила из кармана ключ, который был ей дан как раз для таких случаев, когда молодой господин, показывая строптивость характера, демонстративно не являлся к столу. Открыла дверь и с любопытством заглянула в комнату.

— Господин Эмил...

То, что она увидела внутри, сначала на секунду лишило ее голоса. Потом, завизжав от ужаса, служанка бросилась бежать, скатилась вниз по лестнице и помчалась в столовую.

— Беда! Господин барон, беда! — закричала она, подлетая к столу, за которым завтракали хозяин с женой.— Молодого господина демоны утащили!

Господин Генрик уронил кубок с вином. Побелевшая леди прижала ладонь к груди:

— Что?!

— Что ты несешь?! Какие демоны?! — заорал барон.— С ума сошла?!

Служанка испуганно вытаращила глаза и забормотала:

— Не знаю, сударь. Я вошла в комнату, как вы велели, а там все в крови, на полу рисунок какой-то, и молодого господина нигде нет...

Она всхлипнула и потерла глаза уголком передника.

Леди Диана вскочила и бросилась в комнату сына. Задыхаясь от страшного предчувствия, она замерла на пороге, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу. На полу комнаты была начерчена пентаграмма. В центре ужасного рисунка растекалась лужа крови, по полу разбросаны обрывки одежды, а на ковре — четкий обугленный след огромного копыта.

Леди наклонилась, подняла разодранную рубашку своего сына и, теряя сознание, без звука опустилась на руки подоспевшего мужа.

Собственно, все произошедшее не слишком расстроило господина барона. Он уже давно ожидал чего-либо подобного. Сдав бесчувственную жену на руки служанкам, господин Генрик лично осмотрел комнату пасынка.

Аккуратно перешагнув через лужу крови, достал из кресла книгу по черной магии. «Добрался-таки до запретного шкафа, паршивец!» Обнаружил под столом задушенного фазана. «Вот дрянь! Ах ты, бедная моя птичка». Понятно теперь, чьей кровью намалевана пентаграмма. Внимательно осмотрел след копыта на ковре. И приказал слугам, боязливо толпящимся у двери, кровь смыть, ковер и обрывки одежды убрать, птицу закопать подальше от замка и не болтать об увиденном. А не то... Выразительный взгляд хозяина был понят правильно, слуги быстро смекнули, что будет, если они станут болтать.

«А! Все равно разнесут новость по всей округе,— с досадой думал Генрик, поправляя перед зеркалом воротник.— Приемный сын господина барона занимался черной магией. Ах, какая неприятность!.. И как не вовремя. Теперь хоть не показывайся в обществе, замучат глупыми вопросами. Станут коситься! Пойдут слухи, один нелепее другого. И почему никому не пришло в голову придушить щенка еще в колыбели?!»

Генрик де Кодье не любил пасынка. Терпеть не мог. Едва выносил его присутствие. «А, собственно, почему я должен обожать его? Любой нормальный человек содрогается при виде змеи или тарантула. Они вызывают естественное омерзение. Это демоническое отродье тоже что-то вроде ядовитого паука. Злобное и опасное».

Барон терпел мальчишку только из-за жены. Она слишком любила его. Она была святой. Ради ее кротких глаз он соглашался держать в доме этого выродка. Но теперь, после смерти пасынка («надеюсь, мучительной»), можно будет жить спокойно.

Правда, оказалось, что до спокойствия еще далеко.

Остаток дня господин барон провел очень неприятно. Очнувшись, леди Диана принялась рыдать как безумная, прижимая к груди разорванную рубашку сына, и обвинила в случившемся мужа.

— Мой бедный, несчастный мальчик! Это вы виноваты в его смерти!! Как вы могли!..

Барон, никогда прежде не видевший жену в таком состоянии, сначала растерялся.

— Но, дорогая моя, он сам залез в шкаф и нашел книгу по черной магии! При чем здесь я?!

— Нет, это вы! — кричала ослепленная горем баронесса.— Вы постоянно унижали его! Вы его ненавидели! Из-за вас он потерял голову!.. Он всегда был такой милый, послушный...

— Ну, знаете ли! — Барон в раздражении пожал плечами, не зная, как реагировать на совершенно несправедливые, с его точки зрения, обвинения.— Это просто смешно!

— Смешно? Вам смешно?! — Леди Диана швырнула мужу в лицо располосованную рубашку.— Вот это смешно?!

— Но послушайте! Он сам виноват!

— Вы ударили его! Оскорбили!

— Моя дорогая, слышали бы вы все те дерзости, которые он мне наговорил!

— Вы знали, кто он такой! Знали, как с ним нужно говорить!

— Ну, знаете ли! Терпеть его хамство! Наглые выходки! — возмутился барон, швыряя на пол рубашку Эмила, которую до этого нервно сжимал в руках.— И вот что я вам скажу! Я рад! Да, рад, что все так закончилось! Туда ему и дорога! Пусть катится к своему папочке, его зарезали, если я не ошибаюсь?

— Что? — прошептала потрясенная баронесса.— Как вы смеете...

— Смею, моя дорогая! Где бы вы были сейчас, если бы не я! Вы не были нужны даже родным. Презренная женщина, спутавшаяся с демоном и родившая от него ребенка! Позор для всей семьи. Я пожалел вас! Закрыл глаза на ваше прошлое. Согласился принять в дом этого маленького выродка.

— И попрекали меня куском хлеба при каждом удобном случае,— устало сказала баронесса.

— Да вы должны были молиться на меня! Руки мне целовать!.. А вы еще смеете обвинять меня в смерти этого щенка?! Вам радоваться нужно, что вы наконец избавились от этого позора!

— Замолчите! — Диана закрыла лицо руками.— Замолчите!

— Нет! Я достаточно молчал, оберегая ваши нервы и вашу честь... то, что от нее осталось! Ваша семья была счастлива, что нашелся человек, который может прикрыть браком ваш позор. Я пожалел вас, вы были так молоды, так напуганы.

— И так богата! — с горечью воскликнула леди.— Сколько моя семья заплатила вам, чтобы избавиться от меня?!

— Да,— с достоинством отозвался барон.— Я согласился принять небольшое вознаграждение.

— Небольшое! Достаточное для того, чтобы выстроить этот замок! А ведь я была так благодарна вам! Я думала, что у моего мальчика

будет отец! Я не замечала, не хотела видеть, как вы ненавидите его! Все эти мелкие придирки, оскорбления...

— Хватит! — закричал барон.— Довольно! Мне надоело слушать одно и то же! Вы говорили, что боялись этого демона, что он околдовал, запугал вас. Но теперь мне понятно — вы любили его, раз так дорожите его сыном.

— Во всяком случае, он не был таким чванливым убожеством, как вы! — звенящим голосом воскликнула леди.

Такого оскорбления барон снести не мог. Побледнев от злости, он размахнулся и первый раз за шестнадцать лет брака ударил жену. Леди Диана упала на постель и прошептала: «Ничтожество».

— Любовница демона,— парировал барон и гордо удалился, задержавшись лишь для того, чтобы убедиться перед зеркалом, что шелковый воротник его рубашки не сбился.

К вечеру барон был уже не прочь помириться с женой, но произошла очередная неприятность. Из комнаты Эмила снова прибежала вопящая от ужаса служанка и залопотала всякий вздор:

— Молодой хозяин вернулся!

И снова все помчались наверх.

Эмил лежал на кровати. Бледный, с черными кругами вокруг глаз, искусанными запекшимися губами и глубокими рваными царапинами на теле. Но он был жив.

Плача от радости, баронесса бросилась к нему, обняла, целуя измученное похудевшее лицо, прижала к груди. Он зашевелился под ее руками, застонал...

Всю ночь леди Диана просидела рядом с сыном. Он метался по постели, сбивал повязку на груди, вскрикивал от боли и говорил страшные вещи:

— Я видел его! Мама, я видел его! Он приходил ко мне!

— Кто приходил, милый? — с трудом сдерживая слезы, спрашивала баронесса.

— Он! Хозяин! Я вызвал его. И он пришел!

Глаза Эмила горели безумным огнем, он смотрел куда-то в пустоту, не видя ничего вокруг.

— Я должен был заплатить! Но у меня ничего не было!.. Мама!..— горячие пальцы стиснули ее ладонь.— Он ужасен! Просто ужасен!

— Эмил! Не надо. Пожалуйста. Молчи!

— Он забрал меня к себе. В свой замок. Там так темно, так холодно... он хотел убить меня, но не убил. И не убьет. Он обещал.

Баронесса с ужасом смотрела в лицо сына, на котором появилось какое-то новое, дикое, безумное выражение. Прежний гордый, ранимый, чуткий мальчик исчезал, таял, уходил от нее. «Это не мой сын... уже не мой...— думала баронесса, бережно вытирая мокрый лоб своего мальчика, поправляя подушки, держа горячую руку.— И я никогда не

смогу его вернуть». Она больше не плакала. Она сама не знала, почему в ее душе так пусто.

Эмил уснул только под утро и выпустил наконец ее ладонь, которую сжимал до боли всю ночь. Днем приехал врач, осмотрел, поставил диагноз «нервное истощение», прописал укрепляющее питье и постельный режим. Больной проводил его мрачным взглядом, в котором зажглись новые, недобрые огоньки, пробормотал: «Бестолковый осел!» — и отвернулся к стене. А леди Диана почувствовала, как ее больное измученное сердце снова сжалось. Баронесса знала, что с ее сыном, лучше любого врача — он стремительно превращался в демона. Произошло то, что она оттягивала семнадцать лет.

Эмил не вставал целых два месяца. Большую часть времени он лежал и смотрел в потолок, на солнечные блики, отбрасываемые люстрой. Покорно принимал лекарства. И напряженно думал о чем-то. Спустившись впервые после долгой болезни в гостиную, он был непривычно тих, задумчив и послушен. Барон даже позволил себе улыбнуться ему и шепнул жене:

— Кажется, болезнь пошла ему на пользу.

Леди Диана промолчала, с грустью глядя на бледного сына...

Теперь он часто сидел за столом в библиотеке. Стал много читать. Нет, не книги по черной магии, они стояли нетронутыми в незапертом шкафу. Леди Диана замечала в руках у Эмила тяжелые тома по алхимии, истории, сочинения по медицине и астрологии. Но даже это невинное чтение настораживало ее. Баронессе казалось, что юноша задумал что-то страшное.

Вот и сейчас, войдя в просторный зал, она увидела за высокой стопкой книг черноволосую кудрявую голову, склоненную над пыльными страницами ветхого фолианта.

— Эмил, извини, если помешала...

Он взглянул на нее исподлобья, пустым взглядом, как будто не замечая, весь там, в своих мыслях. Далекий, равнодушный, холодный.

— Ты мне не мешаешь.

Баронесса пробежала взглядом по странице, но увидела лишь странные значки да непонятные формулы и спросила машинально:

— Что ты читаешь?

— Алхимия,— ответил он все с тем же высокомерно равнодушным выражением лица.

— Ты читаешь книгу по алхимии?! — Раньше ее порадовало бы, что сын заинтересовался наукой, теперь пугал любой пустяк.— Зачем тебе это? Ты же никогда не интересовался...

— А теперь интересуюсь,— сказал он резко, но, заметив, что мать вздрогнула, добавил мягче: — Это очень интересно. Помогает сосредоточиться.

«Сосредоточиться для чего?! — хотелось крикнуть ей.— Что ты задумал?! Что ты собираешься сделать?!»

— Отец хочет поговорить с тобой. Он ждет тебя внизу,— произнесла она вместо этого.

— Он мне не отец! — мгновенно ощетинился Эмил, сжимая тяжелую книгу.— И мне не о чем с ним разговаривать!

— Эмил...— Леди Диана не нашлась, что возразить и только беспомощно смотрела на своего взрослого, чужого сына, свирепо сверкающего черными глазами из-под спутанных кудрей.— Послушай, ты не можешь всю жизнь ненавидеть его. Да, он был не прав, когда... ударил тебя. Но ты тоже не всегда ведешь себя правильно. Он погорячился, но ты же понимаешь, любой человек может...

— Вот именно, человек! — подросток брезгливо передернул плечами.— Ничтожество, тупое, жалкое, самовлюбленное...

— Но тем не менее ты живешь в его доме. Он одевает тебя, кормит!

— Да. Ты права,— неожиданно согласился Эмил, а потом сказал с мрачной задумчивостью: — Но это ненадолго.

— Что ты хочешь этим сказать? — чувствуя, как усиливается тревога, спросила Диана, но он уже улыбался беззаботно.

— Ничего, мама. Так, мысли вслух. Я поговорю с ним, только уберу здесь.

«Он лжет,— думала леди, наблюдая за тем, как Эмил аккуратной стопкой складывает книги на столе. — Он постоянно лицемерит. Ненавидит всех. Может быть, даже меня!» Она снова вздрогнула, когда заметила, что сын смотрит на нее этим новым пристальным, холодным, таким знакомым взглядом. Словно может читать мысли...

— Мама...— Он вдруг притушил холодное яростное пламя в сузившихся глазах и стремительно подошел к ней, взял за обе руки, заставил сесть рядом с собой на диван.— Не бойся, все будет хорошо. У нас с тобой все будет хорошо. Я сделаю так, чтобы мы были счастливы. Нам никто не будет мешать. Я знаю, тебе это трудно понять, потому что ты человек. Но ведь ты любила его, моего настоящего отца, правда? И я помогу тебе освободиться.

Она смотрела на Эмила и никак не могла понять, о чем он говорит. Горячие руки сына жгли ее ладони и сжимали с такой силой, что кольца врезались в пальцы.

— Эмил...

— Я тоже боялся сначала и ничего не понимал, но это оттого, что во мне слишком много человеческого. Но теперь я чувствую, он дал мне силу. И я смогу сделать все и без его помощи.

«Он? Кто он?!» — думала баронесса, с ужасом глядя на взволнованного сына. Она надеялась, что все, произошедшее той ночью, всего лишь кошмарное сновидение, которое Эмил сам попытается забыть. А он, оказывается, не забывал, постоянно думал об этом чудовище, оставляющем огненные следы на полу.

— Эмил, что ты хочешь сделать?!

Юноша нежно погладил ее руку, и леди Диану передернуло.

— Ничего особенного, просто хочу освободить тебя от него,— Эмил презрительно кивнул в сторону двери.— От твоего мужа.

— Что?! Что ты говоришь?! Освободить?!

Услышав недоумение, ужас и отчаяние в голосе баронессы, сын заволновался:

— Но, мама, я же слышал, что он говорил тебе про меня, про моего отца. Я знаю, как он унижал тебя. Тебе будет только лучше, если его не станет! Мы будем жить вдвоем.

— Эмил! Замолчи! — Теперь она сжала его руки, потом отбросила их, стиснула ладонями его растерянное, еще совсем детское лицо, на котором демоническим огнем сверкали чужие черные глаза.— Ты никогда не причинишь вреда этому человеку. Никогда, слышишь?!

— Но, мама! — Он попытался вырваться, однако она держала крепко.

— Ты глупый мальчишка! Тебе всего семнадцать, что ты понимаешь в отношениях взрослых людей. Откуда ты знаешь, что я хочу, чтобы ты «освобождал» меня?!

— Но он говорил...

— Не имеет значения, что он говорит. Он любит меня и заботится о тебе. Этого довольно.

Смущенный ее неожиданным гневом, Эмил молчал, потом его губы снова упрямо сжались, и он сделал еще одну попытку убедить мать.

— Но мой отец...

— Твой отец не любил никого. Никогда. Демоны не умеют любить. Он был жесток, ему доставляло удовольствие причинять боль.

— Но не тебе?!

— Не мне. Со мной он был очень любезен, но я никогда не знала, что вызовет его гнев. Кто помешает ему и как он накажет провинившегося.

Леди Диана отпустила сына и уронила руки на колени.

— Я не хочу, чтобы ты стал таким, как он.

— У меня и не получится,— пробормотал Эмил. Он спустился с дивана на ковер и, как в детстве, опустил голову ей на колени.— Мама, ты прости меня. Я, наверное, кажусь тебе сумасшедшим, но я не могу по-другому. Я всегда мечтал об отце. О настоящем отце. Который всегда был бы рядом.

— Ах, Эмил...— Леди Диана погладила сына по жестким кудрям.— Барон неплохой человек. Он мог бы...

— Нет! Только не он.— Эмил вскинул голову, и глаза его снова полыхнули.— И прошу тебя, не говори мне ничего о нем. Я вообще ничего не хочу о нем слышать!

Леди Диана поднялась к себе в комнату и, глядя в окно, как садовник подрезает кусты живой изгороди, слушала возмущенные крики, доносящиеся из гостиной. Ее сын разговаривал с ее мужем.

Эмил кричал так, что дрожали стекла в окнах. О том, что никогда, никуда, ни за что не уедет отсюда. И, если барону так хочется, пусть отправляется сам, а он, Эмил, останется здесь. Один.

Это была ее идея — на несколько месяцев увезти сына из этого дома, переехать в летний особняк, где, как ей казалось, он успокоится, отдохнет, окрепнет после болезни, забудет... А он не желал ехать.

Баронесса опустилась в кресло, крепко сжала резные подлокотники. Нужно было спуститься вниз, успокоить сына, попытаться уговорить, но на это не осталось сил. Еще один мучительный разговор, новая вспышка ненависти. Она слишком устала за последние дни...

Громкий голос Эмила оборвался на самой резкой ноте, и спустя некоторое время в конце коридора хлопнула дверь. Значит, снова заперся у себя в комнате. Придумывает очередной план мести или просто злится.

За окном быстро темнело. Эмил сидел на полу возле кровати и рассматривал бледную полосу заката, тающую в густой ночной синеве неба. Он снова чувствовал себя маленьким, слабым, беспомощным... в общем, человеком.

На полу в центре комнаты белело неровное пятно. Слуги усердно смывали нарисованную им пентаграмму, но кровь впиталась в дерево, и ее пришлось отскабливать ножом, так что теперь прекрасные дубовые доски были испорчены.

Эмил отвернулся с досадой, чтобы не видеть позорного пятна. Даже по книге не смог правильно начертить магический символ! Естественно, дух тьмы не стал церемониться с ним. Кто захотел бы возиться с маленьким, глупым, бездарным мальчишкой.

Юный полудемон подтянул колени к груди, уткнулся в них лбом.

Да, нужно честно признаться, он испугался, когда прямо из языков пламени выступил огромный демон. Перетрусил так, что едва мог говорить... и как больно было перемещаться в другой мир! Его глупое человеческое тело дрожало, когда вспоминало об этом. «Значит, я человек, больше человек, чем демон! — с отчаянием думал Эмил.— Ну почему моим отцом был какой-то неудачник, а не настоящий Высший?! Даже если я буду с утра до ночи изучать магию, я все равно не стану таким! Никогда!» Эмил совсем не мужественно шмыгнул носом, и вдруг раздался тот самый далекий металлический звук, который он уже слышал. Как будто где-то ударили в огромный гонг. Комната поплыла и замерцала перед глазами. Эмил сжался от ужаса, уже зная, что произойдет сейчас. Он не шевелился и почти не дышал, когда из воздуха медленно возник знакомый силуэт огромного рыжего демона.

Буллфер огляделся по сторонам и заметил у своих копыт согнувшуюся человеческую фигуру.

— Я вас не вызывал,— прошептал Эмил.

— Правильно,— отозвался Хозяин, глядя на него сверху вниз.— Я сам пришел.

Демон наклонился, рыжая когтистая ладонь сгребла мальчишку за воротник и рывком поставила на ноги. Эмил вскрикнул, зажмурился, ему показалось, что сейчас эти когти ударят его наотмашь, но Буллфер только рассмеялся.

— Не бойся. Я не убью тебя. Я же обещал...

Он снова прижал полудемона к себе, комната закружилась, тело стало невесомым, на секунду вокруг потемнело, а потом Эмил опять почувствовал под ногами пол.

— В этот раз ты перенес переход гораздо лучше,— довольно сказал Буллфер и отпустил его.

Они вновь были в большом зале с огромным камином. В центре стоял громоздкий стол, вокруг него — десяток стульев с высокими спинками, на каменных стенах висели ковры. Зал освещали светильники, горящие ровным красным пламенем. Эмил дрожал, стоя перед Буллфером, который улегся в огромное кресло у камина, скрипнувшее под его тяжестью. Некоторое время демон молча разглядывал мальчишку, а тот изо всех сил пытался унять дрожь, но не мог, зубы его продолжали стучать.

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил Хозяин.

— С-семнадцать,— ответил Эмил.

— Хорошо,— Буллфер как будто размышлял о чем-то, внимательно его разглядывая. У него были горящие узкие глаза, взгляд которых Эмил переносил с трудом. «Ну же! Прекрати трястись! — приказывал себе полудемон, кусая губы.— Ты хотел его видеть! Хотел доказать, что не трус, не тупица... не человек! Ну, спроси его о чем-нибудь, заговори с ним, пока он не загрыз тебя от скуки!»

Эмил огляделся по сторонам, мучительно соображая, о чем можно говорить с Высшим демоном, но не придумал ничего лучшего, как спросить:

— ...Вы здесь живете?

— Нет.— Буллфер глянул в сторону камина, и в том мгновенно вспыхнуло жаркое пламя.— Я здесь не живу,— продолжил он.— Это всего лишь старый замок, который я создал... давно... Что ты морщишься? Голова болит?

Эмил кивнул, хотя обещал себе не жаловаться и лишний раз не обращать внимание Хозяина на свои человеческие слабости.

— Иди сюда,— одной рукой Буллфер взял его за подбородок, другую положил на лоб.

Юноша зажмурился, почувствовав, как острые когти впиваются в его виски. По щеке потекла теплая тонкая струйка. «Сейчас он оторвет

мне голову,— мелькнула паническая мысль,— чтобы она больше никогда не болела».

— Не бойся. Твоя голова тебе еще пригодится,— сказал демон, усмехаясь, и выпустил его.— Так лучше.

Боль ушла, немного пощипывало пораненную кожу, но это были уже пустяки. Рукавом Эмил стер кровь со щек и вдруг понял, что Правитель, кроме прочих своих демонических достоинств, недоступных смертным, обладает еще и способностью читать мысли. «А я думаю черт знает о чем!» — с ужасом понял полудемон.

— Успокойся,— Буллфер снисходительно глянул на него сверху вниз.— Можешь думать. Меня... не раздражают твои видения. И спрашивай, о чем хочешь. Я отвечу.

Эмил стряхнул наконец позорный страх и огляделся свободнее.

— Я хотел узнать, что это за место?

— Можешь посмотреть,— отозвался демон.

Почтительно обойдя Хозяина, юноша подошел к окну и выглянул наружу. А потом произошло то, чего Буллфер, видимо, ожидал. Эмил ахнул и уцепился за подоконник.

Там, снаружи, не было ничего. Только серые сумерки. Замок висел в пустоте.

— Что это?! Где мы?! Этого не может быть!!

Буллфер поднялся, и Эмил увидел его отражение в стекле рядом со своим.

— Это тонкий мир, мальчик,— сказал он.— Мы находимся в приграничной полосе между двух миров.

Эмил вскинул голову и заметил, что Хозяин улыбается едва заметно.

— Я не понимаю... Какой мир?

Буллфер громко вздохнул, подошел к столу и указал Эмилу на стул.

— Сядь.

Тот поспешно выполнил приказ Правителя, положил руки перед собой на столешницу и почтительно поднял глаза на своего необычного учителя.

— Теперь смотри и запоминай.

Прямо на досках стола, царапая дерево когтем, Буллфер начертил три круга, один под другим. В самом верхнем он написал «Ангелы», во втором «Люди», а в нижнем «Демоны».

— Это самая примитивная схема устройства мира,— сказал он.— Ты живешь в Срединном человеческом мире, который находится между Ангельским и Демоническим. Но это не значит, что демоны бродят у тебя под ногами, под землей, а ангелы летают в небесах.

Эмил заерзал на стуле. До сих пор он думал именно так.

Мельком взглянув на него, Хозяин продолжил:

— Мы живем в другом мире. Он, как река, обтекает вашу реальность, тесно соприкасается с ней, но остается невидимым для нее. Часть его лежит в плане тонких материй, доступных только ангелам,— это их мир. Другая часть создана из тяжелой, грубой материи, подвластной и

демонам. Сейчас мы с тобой находимся на границе между этими двумя половинами.

Сжав ладонями поцарапанные виски, Эмил смотрел на начертанные три круга. Значит, тот волшебный мир, о котором он читал в детстве, существует на самом деле. Все эти тридевятые царства, чудесные острова и подземные королевства всего лишь названия одного и того же места, куда запрещен вход простым людям. Только герои и волшебники могут проникать туда...

— Ну? — нетерпеливо осведомился Буллфер.— Все понятно?

— Да.

— Прямо-таки все? — Казалось, что демон не очень доволен такой сообразительностью своего «ученика».— И нет никаких вопросов?

— Есть! Что нужно сделать, чтобы я тоже смог приходить сюда? В этот мир? Я не хочу быть обычным человеком! Мне не хватает...

— Силы, знаний, опыта, власти...— негромко, задумчиво продолжил Буллфер.— Демонам всегда не хватает этого.

Эмил чуть не задохнулся от удовольствия, когда понял, как его назвали. Значит, Хозяин признает его право считаться демоном?

— Буллфер,— прошептал он, впервые называя своего господина по имени,— а можно я?.. Можно мне?

Он сам не знал, о чем просит, но Высший демон понял его:

— Хочешь моей силы? Хочешь свободы?

— Да,— беззвучно ответил Эмил.

Буллфер наклонился к нему так, что их лица оказались на одном уровне, и спросил:

— Не боишься захлебнуться в ней?

— Нет,— прошептал полудемон, как завороженный глядя в огненные щели демонических зрачков.— Я буду хорошим учеником...

Глава 9
УЧЕНИК ВЫСШЕГО

Эмил хорошо помнил то время и свои чувства.

Еще неделю назад он был обычным, жалким, беспомощным мальчишкой, его могли оставить без ужина, запретить выходить из своей комнаты, отобрать не понравившиеся взрослым книги.

Но отныне у него есть могущественный покровитель, Верховный демон.

Он стал приходить часто.

Плохо было то, что теперь, каждый день, Эмил чувствовал постоянную боль. Болело все тело, мучительно, нудно, часами. Иногда горела кожа, как будто его отхлестали крапивой, или в голове вдруг начинал пульсировать огненный клубок, или сердце ныло так сильно, что он не мог вдохнуть. «Я меняюсь,— думал Эмил, разглядывая в зеркало свое утомленное лицо,— наверное, я так меняюсь. Буллфер говорил,

что демоническая сила... его сила, слишком тяжелая для меня... для моего человеческого тела...»

Он видел тревожный, откровенно испуганный взгляд, которым смотрела на него мать. Иногда ему хотелось рассказать ей обо всем, пусть гордится своим сыном, которого избрал Высший демон. И тут же он останавливал себя. Она не поймет. Будет плакать, умолять остановиться, не запираться в своей комнате, не читать книг в черном переплете... в общем, не быть демоном.

Иногда это сердило его, иногда утомляло. Но Эмил терпел и молчал.

Зато отчим был доволен. Он не замечал, что его приемного сына начинают бояться слуги, не видел, с какой злобой и ненавистью вспыхивают глаза пасынка, когда тот смотрит на него, не чувствовал странной гнетущей атмосферы в доме. «Ты умрешь,— думал Эмил, почтительно опуская глаза и делая вид, что внимательно слушает разглагольствования барона о предстоящей охоте.— Ты бесполезное, высокомерное ничтожество. Ты умрешь, и от этого всем станет только лучше». Ему стало смешно при мысли, как изменилась бы физиономия у барона в момент появления, к примеру, Буллфера... и тут же полудемон сжал зубы от новой волны боли.

«Ничего,— утешал себя Эмил, поднимаясь вверх по лестнице.— Боль пройдет. Или я научусь ее терпеть. В «Ритуалах» написано, что приобщение к высшей демонической магии мучительно для людей. Я буду терпеть».

Однако быть терпеливым не удавалось. Однажды он не выдержал. Буллфер говорил о чем-то, наверное, очень важном, но его юный ученик не слышал ни слова. Красный туман искажал зрение, и, казалось, в тумане этом колыхались каменные стены зала, пламя в камине; рыжее лицо демона то приближалось, то удалялось. Эмил застонал, уткнулся головой в колени и почувствовал, как по щекам потекли слезы. Тяжелая горячая рука опустилась на его голову.

— Больно?

— Очень больно,— прошептал Эмил.— Все время.

Буллфер задумчиво потрепал его по затылку.

— Придется привыкать. Ты же хотел стать демоном. Скажи спасибо, что я не режу тебя по-настоящему, чтобы изменить твое тело.

— Спасибо,— едва слышно выговорил полудемон.

Правитель рассмеялся и заставил его выпрямиться.

— Это скоро пройдет. Еще пара недель, и ты почувствуешь себя лучше.

Эмил поспешно вытер слезы, с благодарностью глядя на демона. Тот усмехнулся, похлопал ученика по мокрой щеке и неожиданно стал серьезным.

— А теперь слушай меня. В тебе сейчас слишком много ненависти и злобы. Они ослепляют тебя.

— Нет-нет, я...

— Не перебивай. Ты должен быть спокоен. Всегда.

— Но я думал, что...

— Настоящая демоническая ярость тебе недоступна. Чувства, которые ты испытываешь, — всего лишь человеческое бессилие, жалкое трепыхание твоего уязвленного самолюбия, они выдают в тебе смертного. Если хочешь быть похожим на демона, перестань злиться, как человек.

— Я ничего не могу с собой поделать,— пробормотал Эмил.— На меня словно находит что-то.

Буллфер подумал с минуту, постукивая когтями по подлокотнику кресла, потом вдруг снял с пальца перстень и протянул ученику, сидящему на ковре у его ног.

— Возьми. Этот изумруд даст тебе спокойствие и разовьет дальновидность.

Мальчишка робко протянул руку, взял тяжелый перстень и прошептал, совсем как ребенок, получивший дорогую игрушку:

— Это мне?

— Будешь носить его до тех пор, пока не научишься контролировать свои эмоции.

— Спасибо,— прошептал юный колдун, с восхищением рассматривая подарок, но не решаясь примерить его.

Потом, уже дома, он положил перед собой перстень и долго рассматривал яркий изумруд. В голову лезли глупые мысли о том, что скажет отчим, если увидит у него на руке украшение с вызывающе большим камнем, наверняка прикажет снять. Эмил усмехнулся и с удовольствием надел перстень. Широкий ободок тут же сузился, плотно обхватив палец нового владельца.

Естественно, барон, с его неуемным любопытством, докучал Эмилу какое-то время. Но тот смотрел на отчима как на пустое место и не реагировал на вопросы, «откуда взял» и «сколько может стоить». Молодой полудемон переходил в новый этап своего посвящения — учился молча, презрительно не замечать суетливых людей.

И однажды он понял, что готов. Пора. Черные книги уже ничему не могли научить его. Страх перед болью прошел, злость не замутняла разум.

Эмил встал посреди комнаты, полоснул себя заранее приготовленным кинжалом по запястью и кровью начертил пентаграмму на полу (сразу же вспомнился несчастный, безвинно задушенный фазан). Встал в центр круга, чувствуя под босыми ногами холодные липкие пятна, и начал медленно произносить заклинания. Огоньки черных тонких свечей качнулись, и в бледном свете над головой молодого колдуна возникла размытая тень, пока еще бесформенная, слепая...

— Слушай меня, дух тьмы,— прошептал Эмил, чувствуя, как часто забилось от восторженного возбуждения его сердце.— Слушай меня.

Безглазая морда повернулась и стала медленно меняться, повинуясь мысленному приказу колдуна. Было странно и немного жутко видеть, как эта тварь из потустороннего мира приобретает его собственные черты. Но это неизбежно. Жертва должна была видеть лицо охотника. От этого месть становилась еще слаще.

Выслушав приказ, тень сверкнула глубоко посаженными узкими глазами и выскользнула из комнаты, не касаясь пола. Эмил сел, ноги почему-то отказались держать его, но отдыхать было еще рано.

Зрение колдуна будто раздвоилось. Одновременно он видел неровные темные линии пентаграммы рядом с собой и большую комнату с широкой кроватью под пышным пологом, спящего человека. Казалось, даже слышал тихое дыхание.

Вот дверь тихо отворилась, и внутрь вошло существо.

Юноша смотрел на себя самого со стороны. «Он» подошел к отчиму, наклонился... Спящий дернулся, застонал и открыл глаза...

Эмил зажал уши ладонями, зажмурился — недостойная слабость для ученика Верховного демона в момент торжества, но он ничего не смог с собой сделать. Человеческое начало было еще очень сильным. Он не слышал воплей ужаса, которые должны были разбудить весь замок, не видел, как перепуганная баронесса вбежала в комнату мужа и что она там нашла.

Он стоял на коленях в центре пентаграммы и слушал шелестящий голос тени.

— Дело сделано, господин. Могу я получить плату?

— Там, на столе,— ответил Эмил не поднимая глаз.— Ешь и уходи.

Послышались долгие хлюпающие звуки, потом по полу со звоном покатилась пустая чаша, и все стихло.

Эмил поднялся. Его шатало от потери крови и нервного напряжения. Он посмотрел на оплывшие свечи, на свои испачканные руки и рассмеялся. В пустой темной комнате этот смех прозвучал жалко, совсем не радостно, победители так не смеются. «Я убил в себе человека»,— подумал колдун, упал на кровать и уснул.

Спал он долго, крепко, спокойно. Без сновидений и кошмаров. Иногда сквозь сон прорывались какие-то посторонние звуки — плач, шелест голосов, стук (кажется, стучали к нему). Но Эмил не отвечал и соизволил проснуться, только когда солнце стало бить в глаза.

Вставать не хотелось. Он повалялся еще немного в теплой постели, рассматривая солнечные лучи, играющие на вышивке полога, вспоминая, что же произошло вчера. Такое приятное, долгожданное... И наконец сообразил — ах да! Он стал свободен.

Эмил лениво огляделся по сторонам, увидел круг пентаграммы, огарки свечей, пустую чашу, ритуальный кинжал с пятнами крови на лезвии. Поморщился — что за бардак! И вонь отвратительная, как на ското-

бойне. Создания тьмы всем хороши, вот только к их запаху нужно привыкнуть.

Колдун поднялся, ногой отшвырнул под кровать чашу из-под жертвенной крови, закрыл ковром пентаграмму, распахнул окно, снял засов с двери и снова завалился на постель. Решительно дернул за шнурок звонка. Подождал. Убедился, что на его призыв не спешат откликаться, и дернул еще раз...

Наконец дверь приоткрылась, и в комнату заглянула заплаканная мордочка горничной с распухшим от слез носом и губами.

— Господин Эмил,— пробормотала она всхлипывая.

— Где тебя носит?! — заговорил колдун, старательно подражая гневным интонациям Буллфера.— Сколько можно ждать!

— Но господин...— залепетала она.

— Принеси завтрак. Я буду есть у себя.

— Но...

— Живо!

Девица исчезла, а Эмил снова прилег, блаженно жмурясь на солнце. Ничего, скоро они все поймут, кто здесь настоящий хозяин.

Дверь распахнулась во второй раз, но вместо служанки с подносом в комнату вошла баронесса. Бледная, в черном шелковом платье. За ее спиной маячила испуганная мордочка горничной.

Молодой колдун приподнялся, предчувствуя неприятный разговор.

— Эмил,— заговорила баронесса сухим голосом,— твой отец умер сегодня ночью.

— Да ну?! — отозвался ее сын равнодушно.— С чего бы это?

— Эмил! — воскликнула леди Диана, и ее белое лицо слегка порозовело.

— Мама, давай не будем ломать комедию, ладно? Ты знала, что я терпеть его не мог и не стану сокрушаться по поводу его неожиданной, но весьма удачной кончины.

Несколько мгновений леди Диана смотрела на своего сына, который повзрослел за одну ночь и стал еще более чужим.

— Как ты можешь?..

— Могу,— полудемон зевнул, прикрывая рот рукой, на которой сверкнул изумруд, похожий на зеленый зловещий глаз.— Я так устал притворяться милым, послушным мальчиком! Ну, чего ты от меня хочешь? Что нужно сказать? Да, мне жаль, что ты расстраиваешься из-за его смерти. Но он был дрянным человеком, мама, я рад, что он умер. Туда ему и дорога.

— Эмил,— как-то странно сказала баронесса, и молодому колдуну не понравился ее пристальный взгляд,— скажи мне, ты знаешь что-нибудь о том, что произошло сегодня ночью?

— Только то, что ты мне сказала,— легко соврал он. Времена, когда он краснел под взглядом матери, говоря неправду, давно прошли.

— И ты ничего не слышал?

— Нет. Я спал. Очень крепко,— юноша широко улыбнулся, и в лице матери как будто что-то дрогнуло, смягчаясь. Но только на мгновение. Ее взгляд, скользнувший по полу, вдруг замер, баронесса быстро наклонилась и подняла какой-то предмет, держа его двумя пальцами.

— Что это?

Эмил выругался про себя, увидев ритуальный кинжал с рукояткой из черного дерева, руническими символами и пятнами засохшей крови на клинке.

— Ничего,— ответил он, выхватил кинжал из рук матери и сунул его под подушку.— Ничего особенного. Я просто...

— Эмил! Хватит! Ты лжешь! Постоянно лжешь. Я не верю ни одному твоему слову! Ты занимаешься черной магией?! Отвечай!

— Мама, не кричи на меня,— сказал он грубее, чем хотел, и тут же добавил мягче, спокойнее: — С некоторых пор я ненавижу, когда на меня повышают голос.

Баронесса холодно смотрела на сына, и не чувствовалось в ней ни печали, ни прежней нежности. «Неужели она собирается спорить со мной? — удивился про себя Эмил.— Нет, это пройдет. Наверное, она все же привыкла к этому чванливому идиоту. Но она поймет, что со мной ей будет лучше...»

— Мама, все будет хорошо,— сказал он как можно ласковее.— Не волнуйся.

— Нет, не будет,— ответила она жестко и вышла из комнаты. За ней, опасливо оглядываясь через плечо, побежала служанка.

Ну ясно, завтрака он не дождется. Эмил вскочил, пнул ковер, неровными складками лежащий на узоре пентаграммы, и лично отправился на кухню.

Приятно было видеть, как слуги шарахаются от него, провожают долгими испуганными взглядами. Неужели подозревают своего молодого господина в смерти барона? Да, от Эмила все еще тянет кровью и смертью, запахом, который долго не выветривается после общения с потусторонними силами. А люди это чувствуют, и теперь всегда будут сторониться его...

Похороны барона прошли тихо.

В светлой часовне было совсем мало народа. Только слуги, баронесса, Эмил и какой-то дальний родственник Генрика — господин в дорогом камзоле, сшитом по последней моде, в неимоверно узких штанах и остроносых туфлях. Он со скукой оглядывался по сторонам, рассматривал картины на стенах и с трудом сдерживал зевоту. Несколько раз Эмил ловил на себе его взгляд, загорающийся любопытством, но делал вид, что не замечает этого.

Колдун стоял в стороне, у колонны, прислонившись плечом к теплому мрамору. Он смотрел на знакомые с детства лица слуг, выражающие почтительную печаль, на фрески, изображающие прекрасных белокрылых ангелов. Поднимал взгляд к потолку, откуда сквозь прозрачные витражи лился яркий солнечный свет...

Часовня строилась так, чтобы там было светло всегда. Днем — много солнца, ночью — огни светильников. Считалось, что так ангелам будет легче забирать душу умершего.

«Если будет что забирать»,— ехидно подумал Эмил.

Откуда-то доносилось негромкое мелодичное пение, без слов — только голос, то взлетающий под самый купол, то струящийся и словно тающий вдали. Голубоватый дымок ароматических курений вился между колонн, от него немного кружилась голова.

Баронесса стояла у гроба, опустив лицо, прикрытое черной вуалью, и беззвучно шептала что-то. Наверное, молилась.

У Эмила сжималось сердце, когда он смотрел на мать. Она была похожа на печального ангела. Ему хотелось подойти к ней, встать рядом, попытаться разделить ее скорбь. Но для этого надо было подниматься по ступеням, проходить мимо гроба. И он не решился...

После похорон, когда колдун один пешком возвращался в замок, его догнал господин дальний родственник:

— Эмил, постой!.. Тебя ведь Эмил зовут?

Полудемон обернулся. Вблизи гость выглядел старше, чем показался в часовне. И разглядывал его с еще большим любопытством.

— Я хочу поговорить с тобой. Ты не против?

— Говорите.

— Ты ведь наполовину демон, не так ли?

— Да. Моим предком был Вильгельм Завоеватель.

— Очень хорошо,— гость даже потер руки от удовольствия.— Меня зовут Шарль Антег, я... скажем так, организатор празднеств при дворе герцога де Монтрэя.

— Очень хорошо,— повторил Эмил, разглядывая господина Шарля с головы до ног.— И что вы хотите от меня?

— Хочу, чтобы ты поехал со мной. Герцог любит всякие редкости, диковинных зверей, забавных уродцев, астрологов и предсказателей. В мои обязанности входит поставлять ему всевозможных удивительных тварей. Ты мог бы иметь успех при дворе.

— Я не предсказатель,— сказал полудемон, чувствуя, как его глаза начинают злобно сужаться.— Не уродец.

— Да-да! Ты полудемон. Это еще лучше.

— Лучше для кого?

— Для тебя, мальчик,— сказал задушевным голосом Шарль и взял Эмила под руку.— Ты мог бы узнать неслыханную милость герцога и его щедрость. Достичь положения в обществе. Что ты видишь в этой дыре? Да, признаю, здесь очень мило, но ты заслуживаешь большего.

Наверняка ты умеешь делать всякие демонические штуки? И в черной магии кое-что смыслишь?..

Он лукаво улыбнулся и слегка подтолкнул Эмила в бок.

— А при дворе в Монтэгю полно красивых скучающих дамочек. Тебя ждет потрясающий успех. Ну, что скажешь? По глазам вижу, что согласен.

— Мне нужно подумать,— произнес колдун, освобождая локоть из цепких пальцев устроителя развлечений.— Вечером я сообщу вам свое решение...

— Власть, свобода, развлечения,— пробормотал Буллфер, выслушав рассказ Эмила, который, оказавшись в своей комнате и задвинув засов, сразу же бросился спрашивать совета у учителя.

— Конечно, это ерунда. Мне и здесь есть чем заняться,— с деланным равнодушием заявил новоиспеченный маг.

— Не ври,— добродушно сказал демон.— Тебе до смерти хочется поехать, нарядиться в дорогую одежду, навешать на себя золотых побрякушек и с гордым видом расхаживать перед светскими красотками. А они будут сыпаться к твоим ногам, как спелые сливы, сраженные твоими огненными демоническими глазами. По меньшей мере три чувства не дают тебе покоя — тщеславие, сладострастие и...

— И жажда власти,— со вздохом закончил Эмил.— Ты прав, отец.

— Что? — переспросил Хозяин, едва не пролив на себя вино.— Что ты сказал?!

— Ты прав, жажда власти...— с удивлением повторил полудемон.

— Нет, как ты меня назвал?

— Я... извини,— Эмил мучительно покраснел.— Вырвалось случайно. Я иногда называю тебя так про себя.

Демон фыркнул:

— Какой бред у тебя в голове!

Юный колдун вздохнул и спросил нерешительно:

— Так ты считаешь, мне можно поехать?

Буллфер пожал рыжими плечами:

— Поезжай...

И колдун поехал...

Глава 10
СВЕТСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В МОНТЭГЮ

Годы, проведенные у герцога, Эмил вспоминал с внутренней дрожью и легким сожалением. Это было время восхитительной вседозволенности... безумное время. Никогда больше он не чувствовал себя настолько

свободным. То, что ему приходилось скрывать, чего он стыдился дома, здесь было принято с восхищением. Колдун пользовался полной безнаказанностью, делал все, что хотел, не подчинялся никому, потакал любой своей прихоти и понял наконец, как приятно быть демоном среди людей.

Его боялись, искали его дружбы, внимания, помощи.

Если бы Эмил был старше, он не стал бы тратить свое время и силы на развлечение светской публики бездарными, хотя и очень впечатляющими фокусами. И удовольствие расхаживать по замку под восхищенно-испуганными взглядами впечатлительных дам тоже казалось бы ему сомнительным. Но тогда полудемон был еще слишком молод. Играть в опасного черного колдуна ему нравилось.

Дорога до Монтэгю — города и замка герцога де Монтрэя — тянулась бесконечно. Большую часть времени Эмил смотрел в окно, позволяя господину Антегу болтать о всяких пустяках, жаловаться на тяготы долгого путешествия и бранить слуг. У колдуна были собственные заботы. Он вдруг поймал себя на недостойном человеческом чувстве: было тяжело вспоминать прощание с матерью. То есть прощания никакого не было вовсе. Леди Диана даже не повернула голову, чтобы взглянуть на сына, уже одетого в дорожный костюм и неловко переминающегося у двери в ожидании ее благословения, пожелания счастливого пути или хотя бы улыбки. Казалось, он вообще перестал существовать для нее. Злой, обиженный, Эмил вышел во двор и, забираясь в карету, приказал себе забыть человеческие обиды. Они больше не имели значения...

Замок герцога понравился колдуну сразу, он производил впечатление места, где «можно развернуться». Эмил еще не до конца понимал, что именно хочет получить от жизни при дворе, но, несомненно, хотел он многого... Все!

Все, что может предложить человеческий мир.

Трясясь по неровной дороге (по обеим ее сторонам зеленели хорошенькие лужайки, окруженные кудрявыми рощицами, в которых щебетали птицы) в карете дворцового увеселителя, колдун смотрел на приближающееся светлое строение. Оно было украшено множеством нарядных башенок и резных балкончиков, каменные фигуры ангелов и диковинных зверей расположились по карнизам. Замок стоял на берегу озера, отражаясь в прозрачной воде, и казался похожим на игрушку, на кукольный домик, который однажды в детстве подарили Эмилу. В тот же день, играя в осаду, он разбил подарок в мелкие щепки. «Надеюсь, этот простоит дольше»,— с усмешкой подумал колдун.

— Хорошо, как на Небесах,— словно в ответ на его размышления произнес Шарль, внимательно наблюдавший за спутником.— Или тебе

не по душе такое сравнение? Предпочитаешь что-нибудь более инфернальное?

Эмил промолчал. Он вообще мало говорил и за всю дорогу едва ли произнес пару фраз. Болтающий без умолку придворный безуспешно пытался выведать у колдуна подробности его демонической жизни. Эмил только высокомерно усмехался в ответ, обжигая любопытного своим нечеловеческим взглядом.

К концу путешествия господин Антег почувствовал смутную тревогу. Там, у себя дома, мальчишка казался безобидным — немного угрюмым, но хорошо приручённым. Теперь устроителю торжеств казалось, что он тащит в замок своего господина весьма опасную игрушку. Черта в коробочке, которым можно очень забавно напугать гостей во время карнавала, однако не известно, удастся ли заставить его залезть обратно...

В другой ситуации Эмилу пришлось бы пережить немало неприятных минут из-за своей молодости, небезупречных манер и необычной внешности. Придворные, разодетые в яркие вычурные костюмы, громко переговаривались, с ног до головы разглядывая смуглого высокого юношу с высокомерным взглядом, в скромной темной одежде. Но каждый, с кем он встречался глазами, невольно отворачивался, испытывая отчего-то легкое беспокойство и неприятное покалывание в висках. Что, впрочем, было неудивительно, потому что Эмил злился. Его никогда не рассматривали как зверушку. «Новую находку Шарля Антега, который и в этот раз привез что-то забавное». Вот только что?

Сам церемониймейстер шел впереди Эмила, раскланивался направо и налево, успевая отвечать на вопросы особо любопытных. «Да-да, господа, конечно... через мгновение вы увидите все сами. Совершенно необычный, уникальный случай... Специально для вас. Увы, маркиза, обезьянка будет в следующий раз, но уверяю вас, это не менее интересно...»

«Уж поверьте мне,— думал раздосадованный Эмил, сверкая глазами на избалованную публику.— Вы не разочаруетесь». Нет, он совсем не рассчитывал, что его встретят с почестями, как Высшего демона, но отводить потомку Вильгельма Завоевателя место рядом с живой обезьянкой было по меньшей мере оскорбительно. «Спокойнее,— напоминал себе Эмил,— это всего лишь люди. Что они понимают?!» Он презрительно рассматривал сложные высокие прически дам и куртки-пурпуэны придворных кавалеров. Но желанное спокойствие не приходило. Герцог, окруженный почтительной свитой, еще сильнее раздул злость колдуна. Де Монтрэй выглядел именно так, как представлял себе Эмил. Жизнерадостный здоровяк с добродушной хитрой физиономией, большими руками и ногами, скорее подходящими крестьянину, чем аристократу. «Самовлюбленный болван,— подумал колдун.— Любит поесть, выпить и повеселиться. Единственное, что причиняет ему беспокойство,— чересчур узкие штаны и слишком молодая жена».

— Шарль, дорогой! — воскликнул герцог, хлопая по плечу почтительно склоненного перед ним устроителя.— Мы тебя заждались! Ну, как прошли похороны твоего... кем он там тебе приходился? Кого ты привез на этот раз?

— Ваша светлость, смею предположить, что вы помните наш недавний разговор о демонах. Вы изволили выразить сожаление о том, что эти злобные создания невозможно держать при дворе, потому как...

— Ближе к делу,— перебил его герцог.

Антег покраснел, отступил в сторону, давая герцогу рассмотреть Эмила, и сказал:

— Вы хотели, чтобы я доставил вам демона. Вот, пожалуйста, демон.

Удивленно перешептываясь, придворные придвинулись ближе, чтобы лучше видеть диковину. Герцог недоверчиво приподнял брови.

— Демон? Этот мальчишка?

Когда Эмил посмотрел в лицо герцога, он понял, что поторопился с выводами. Де Монтрэй не был болваном. В его маленьких, светлых почти до бесцветности глазках было даже больше ума, чем полагалось иметь аристократу.

— Ты правда демон? — спросил он отрывисто.

Эмил утвердительно наклонил голову.

— Если сможешь доказать это, останешься у меня, если нет, выгоню взашей обоих. Слышишь, Шарль, с меня хватило того «единорога», которого ты притащил в прошлый раз. Я не собираюсь кормить шарлатанов и выставлять себя на посмешище перед соседями.

Несколько придворных тихонько захихикали, видимо вспоминая казусную историю. Антег побагровел. А Эмил насторожился, на мгновение потеряв интерес к обоим,— он увидел, как к ним, окруженная дамами, идет девушка в тяжелом парчовом платье с длинным шлейфом. Молодая жена де Монтрэя — герцогиня. Она была тонкая, хрупкая, бледная, и тяжелые одежды, расшитые золотом, еще больше подчеркивали ее болезненность. Сложная прическа, сплетенная из собственных волос и фальшивых локонов, делала лицо каким-то кукольным и оттягивала голову назад, придавая этой девочке горделивый, прямо-таки неприступный вид. В руках она держала маленькую книгу в золотом переплете.

— А, Матильда! — воскликнул де Монтрэй, подзывая ее к себе.— Посмотри, кого привез Шарль. Говорит, это демон.

Молоденькая герцогиня, едва ли старше Эмила, посмотрела на мужа, широко распахнув наивные голубые глаза, а потом перевела взгляд, полный ужаса и отвращения, на гостя. Колдун дал себя рассмотреть, затем поклонился, учтиво, но сдержанно. Усмехнулся про себя, увидев, что оказался прав в своем предположении о юной жене.

— Ладно.— Герцог взмахнул неизящной кистью руки, обращая это движение к Эмилу.— Покажи нам что-нибудь забавное. Я слышал, что демоны мастера на всякие мистические штуки.

— Вы хотите, чтобы он колдовал сейчас? Здесь?! Но это...— воскликнула герцогиня тонким, почти детским голоском.

— Знаю-знаю! — с досадой произнес де Монтрэй.— Опасно и греховно. Оставь на минуту свой молитвенник. Я сказал, что он будет колдовать, и он будет колдовать!

Матильда презрительно поджала красивые губы и грациозно опустилась в кресло, придвинутое слугой. Рассерженный герцог кивнул Эмилу:

— Давай. Начинай! Эй, вы, разойдитесь, дайте ему место!

Придворные послушно расступились. Антег отошел вместе со всеми к стене, послав Эмилу умоляющий взгляд. Колдун улыбнулся чопорной девочке-герцогине, и в то же самое мгновение пол вокруг него вспыхнул. Полудемон стоял в бездымном алом кольце пламени, и глаза его горели таким же красным огнем. Двор дружно ахнул, кто-то вскрикнул, одна очень нервная дама упала в обморок.

Матильда сидела в своем кресле, сжавшись в комочек, испуганно хлопая ресницами. У де Монтрэя, несмотря на его заносчивый вид, отвисла челюсть. Эмил рассмеялся, великолепно зная, как эффектно, зловеще звучит его смех сквозь пламя. Поднял руку, и огонь полностью скрыл его, вытягиваясь к потолку непрерывно движущимся столбом, который спустя мгновение застыл и брызнул во все стороны, прямо под ноги придворным, блестящими золотыми монетами. Все, как один, словно завороженные, качнулись вперед, глядя на колдовское золото.

— Жадность,— сказал Эмил, пристально глядя на герцога, который уже немного пришел в себя.— Человеческая жадность... Герцогиня,— колдун перевел взгляд на леди Матильду, и она, словно зачарованная, подняла на него огромные затуманенные глаза.— Вы ведь все знаете о грехах? Чревоугодие, лень, гордыня, зависть, гнев... сладострастие... Я могу показать их все. Один за другим.

— Как ты это сделал?! — пробормотал герцог, оттягивая пальцами воротник, словно он душил его.

— Это не важно.— Эмил щелкнул пальцами, и золото исчезло.

Придворные, очнувшись, удивленно озирались, избегая смотреть на колдуна, все так же стоящего в центре зала.

Некоторое время герцог молчал, угрюмо глядя на Эмила, потом вдруг рассмеялся и несколько раз хлопнул в ладоши.

— Замечательно! Просто великолепно! Шарль, на этот раз ты превзошел сам себя! Не знаю, как там насчет демона, но он действительно настоящий колдун. Можешь остаться у меня... И что ты говорил о сладострастии?

Больше никто не смел презрительно коситься. Перед Эмилом почтительно расступались, провожали боязливыми взглядами и не решались обсуждать его персону даже шепотом...

Вечером полудемон еще раз обошел свои апартаменты в северном крыле замка и остался доволен. Просторные комнаты выходили окнами в сад, в самую глухую его часть. Здесь стояла дорогая мебель, на полу лежали ковры. Но, главное, за одним из гигантских гобеленов скрывалась дверь в небольшую комнату без окон, как будто специально предназначенную для занятий черной магией. На ее стенах висели медальоны с изображением знаков Зодиака, на полу — неумело и криво намалеванная пентаграмма, в подсвечнике на столе — черные свечи. В маленьком шкафчике стояли резные кубки, видимо, для жертвенной крови, ножи и хрустальные шары. Эмил скептически хмыкнул, оглядевшись по сторонам и не обнаружив в комнате скелет последнего черного мага. При таком дилетантском антураже темные силы должны были давным-давно притащить его сюда. В назидание, чтобы другим неповадно было браться за столь серьезные дела, будучи полными профанами...

Восемнадцатилетний колдун зажег светильники, сел в кресло и закрыл глаза...

Хозяин уже ждал его:

— Буллфер, это так просто! Повелевать людьми! Они хотят, чтобы ими повелевали. Им это нравится, представляешь?!

— Ты это мне объясняешь? — с усмешкой спросил Хозяин, наблюдая за возбужденным, счастливым Эмилом.

— Ну да... ты же знаешь.— Мальчишка (так по-прежнему считал Буллфер) опустился на пол напротив демона и задал вопрос, который давно мучил его: — Скажи, я могу делать все, что хочу? Ты разрешаешь мне?

Правитель неопределенно повел рыжей рукой:

— Ты можешь делать все, что хочешь. Пока я ничего тебе не запрещал. Хотя ты начал пользоваться моей силой очень резво. Жестоко обошелся с отцом, настроил против себя мать...

Эмил покраснел, что, как ему казалось, уже давно разучился делать.

— Тогда для чего мне нужна сила, если я никак не смогу ее использовать?! Да, я буду убивать всех, кто станет мешать мне быть демоном. По-моему, это достойное применение твоих знаний.

— А по-моему, тебе просто нечем заняться,— ответил Буллфер спокойно, но в его голосе слышался отдаленный угрожающий рык.— Ты можешь, если тебе это нравится, служить шутом у герцога, но...

— Я не шут! — крикнул Эмил.— И никогда им не буду! Если кто-то так думает обо мне, то он глубоко ошибается. Я докажу.

— Вот что, мальчик.— Демон выпрямился во весь свой гигантский рост.— Я вижу, ты собираешься всю жизнь кому-то что-то доказывать. У тебя это написано на лбу огненными буквами — «докажу-что-я-лучше-всех». Предупреждаю, успокойся, иначе когда-нибудь тебе придется

очень пожалеть о своих непомерных запросах. Да, в тебе есть немного демонического, но часть тебя — большая часть — человеческая. Не забывай об этом...

В реальный мир Эмил вернулся утром. Злой, усталый, разочарованный. «Почему он все время напоминает мне о том, что я человек?! Не хочет, чтобы я был демоном? Нравится, что я беспомощный, глупый, слабый? Приятно осознавать свое могущество рядом со мной? Но я все равно буду делать то, что считаю нужным, и жить так, как хочу!»

И Эмил стал жить, как хотел. Буйная фантазия в сочетании с демоническим коварством очень скоро сделали его главным в замке. Колдуна боялись придворные и обожали их жены (впрочем, иногда случалось наоборот). Почти все они побывали в его «магической комнате», одни просили денег, другие удачи в азартных играх, третьи умоляли избавиться от надоевших родственников. У Эмила «покупали» должности при дворе, тяжелые продолжительные болезни родных, порчи, наведенные на соперниц, расположение герцога или самого колдуна...

Он не отказывал почти никому. Не ради денег, теперь он мог «наколдовать» себе любое количество золота — ему доставлял удовольствие сам процесс черной работы. Нравилось выходить к дрожащему, взволнованному просителю, заставлять его произносить вслух тайное желание и требовать за работу плату. В этом было особое удовольствие — получить от просителя заветный мешочек с деньгами, семейными драгоценностями или отправить домой очередную девицу, удостоившуюся чести заплатить колдуну... Нравилось видеть в их глазах ужас, отвращение или восторг.

Полудемон истребил всех своих тайных и явных недоброжелателей. Его ни в чем нельзя было упрекнуть. Эмил всегда был спокоен, галантен, предупредителен, но все знали, что маркиз упал с лошади и стукнулся затылком о камень только потому, что вслух усомнился в демоническом происхождении «чернокнижника». Граф заболел очень неприятной болезнью, позволив себе в дружеской компании зло и остроумно пошутить по поводу некоторых его поступков. А бедняжка леди Матильда забросила свой молитвенник и сделалась вдруг самой ярой поклонницей колдуна. Она ходила за ним по пятам, не сводя обожающих, фанатично сверкающих глаз, стала вдруг нервной, злой, капризной, требовательной...

Все это могло продолжаться довольно долго, но вдруг однажды, на самом пике своей популярности, Эмилу стало скучно. Он почувствовал острую, мучительную потребность в одиночестве. Люди внезапно стали раздражать, утомлять его, их голоса, желания, мысли показались колдуну отвратительными...

Наверное, это произошло во время одного из привычно роскошных приемов. Эмил стоял, слушая взволнованный рассказ виконта, как его семья была удалена от двора, обеднела и забыта милостями герцога из-за ошибки, кажется, дяди молодого человека. Виконт был готов пойти

на все, чтобы вернуть расположение правящей особы... Неожиданно Эмил, не обращая внимания на удивленные взгляды присутствующих, повернулся, вышел из зала... и не останавливался до тех пор, пока герцогский замок не скрылся за высокими деревьями.

«Во мне пробуждается демон,— подумал он, оглянувшись на шпили башен-игрушек.— Теперь мне нужен свой дом...»

Этот дом колдуну пришлось искать долго...

Он видел немало прекрасных замков, безусловно заслуживающих внимания богатого аристократа, но совсем неподходящих для демона. Эмилу хотелось чего-то более величественного, основательного... мрачного. Он представлял себе монументальное сооружение, стоящее на вершине холма в окружении вековых деревьев, пихт или елей... «Ладно,— думал он, с безнадежным отчаяньем разглядывая однообразные, не впечатляющие строения и пейзажи из окна кареты.— В конце концов, замок может быть не слишком мрачным, мое присутствие добавит ему недостающей инфернальности, а деревья я посажу сам...»

И, наконец, увидел...

Черная каменная громада медленно выплыла из-за поворота.

— Стой! — крикнул Эмил кучеру, еще не до конца понимая, что именно видит.

Гладкая неприступная скала, которой придали форму замка. Но тот, кто возводил его, имел очень своеобразное представление о человеческой архитектуре. Вряд ли кто-нибудь из людей посчитал бы это красивым, полудемон же замер от восторженного предчувствия, узнавая именно то, что искал так долго.

— Жди меня здесь,— приказал он кучеру, вышел из кареты и устремился к объекту своего вожделения.

Замок был великолепен, несмотря на то, что его прекрасные залы оказались завалены мусором. В огромном холле жила колония летучих мышей. Они висели под потолком, сбившись в кучу, поблескивали крошечными глазками, открывали красные пасти с острыми зубами и шевелили кожаными крыльями. Через открытую дверь и окна внутрь нанесло всякой дряни — сухих листьев, веток, песка. Лестница местами провалилась, деревянные панели попорчены, гобелены похожи на заплесневевшие тряпки. Наверху оказалось не лучше — та же грязь, пыль, паутина, запах гнили и запустения. По комнатам шныряли пауки и ползали мокрицы, мебель доедали жуки-древоточцы, на карнизе орали галки... Прямо из-под ног Эмила выскочила какая-то безумная мышь, заметалась по комнате, оставляя на пыльном полу крошечные следы, и юркнула в дыру, прогрызенную в стенке шкафа. Колдун швырнул зверушке вслед обломком камня и выругался про себя.

Да, замок прекрасен. Но жить в нем невозможно.

Сначала придется вывести всю живность, очистить комнаты от хлама, содрать со стен гобелены, плотно заселенные молью. А еще лучше поджечь все. Пустить по замку парочку огненных заклинаний и подождать, пока пламя очистит каменные стены от грязи, а залы от мусора. Это будет очень легко, а кроме того, символично — новый хозяин-демон в огненном обряде очищения даст замку новую жизнь. Возродит его к славе и могуществу.

Эмил улыбнулся, довольный неожиданной мыслью, закатал рукава, готовясь начать «уборку», но неожиданно услышал торопливые шаркающие шаги, стариковское покашливание и бормотание.

Колдун нахмурился.

Дверь, ведущая в один из коридоров, противно заскрипела, поворачиваясь на ржавых петлях, и в комнату проковылял какой-то сморчок, старикашка, одетый в грязные лохмотья, но с толстой золотой цепью на шее. Он приближался к Эмилу мелкими шажками, вытягивая вперед руки, и бормотал, не переставая кланяться:

— Добро пожаловать. Добро пожаловать, господин! А мы-то уж заждались.

— Ты кто? — Эмил медленно отступал перед стариком, чувствуя опасливое отвращение.

— Хранитель, господин. Сторож.

Ему все-таки удалось уцепиться за край плаща колдуна, и теперь «хранитель» заглядывал в лицо Эмила выцветшими подслеповатыми глазами.

— Какой ты сторож?! Кругом грязь, плесень, мокрицы бегают.

Колдун потянул плащ из цепких рук старикашки, но тот держал крепко.

— А мы вот сейчас их всех повыловим,— довольно щурясь, заявил сторож.— Замок-то старенький. Сколько лет стоит без хозяина. Вот и развелись... Вы, господин, в подвал-то ходили? Нет? А и не ходите. Там от прежнего владельца кое-какие вещички остались. Так мы их не трогали. Ни-ни, как можно. Вы заселяться-то когда думаете?

«Купил домик. Ничего не скажешь,— подумал Эмил, с тоской оглядываясь по сторонам.— Сколько же всякой дряни налипает ко всему, что утрачивает былое могущество. Не важно, к чему — человеку, идее или вещи...»

— Вот что, старик,— сказал полудемон, выдергивая плащ.— Замок теперь мой, и сторож мне не нужен. Убирайся.

Он ожидал плаксивых просьб, причитаний и мольбы не выгонять из дома старого больного человека. Но сторож только сдержанно поклонился и сказал:

— А это как вам будет угодно, господин.

Он глянул исподлобья на нового хозяина, и глаза его блеснули совсем не по-стариковски холодно, зло, насмешливо.

Эмилу стало не по себе.

— Давай, шевелись, если не хочешь, чтобы я сжег тебя вместе со всем этим хламом.

— Я, господин, уйду. Только вы нам вот что скажите, вы здесь жить будете или просто так, для престижу, купили?

— А тебе какое дело? — Колдун высокомерно задрал подбородок, понимая между тем, что старичок совсем не так прост, как кажется. Да и старичок ли...

— А ежели вы здесь жить собираетесь, надобно нам церемонию провести.

— Какую еще церемонию?

— Так вы же, господин, не простой домик купили. Этот замок строили для демона. Старый хозяин ушел — пришел новый. Надо дому к вам привыкнуть, так сказать, сродниться с вами. А то, сами говорите, хлам и запустение. Старенькие мы стали. А вы молодой, сильный... поделиться силой-то своей надобно.

Старичок снова заулыбался угодливой льстивой улыбкой и протянул дрожащую, трясущуюся руку словно за подаянием. Эмилу стало жутко. Он сделал шаг назад и уперся спиной в холодную стену.

— Кто ты? — спросил он снова.

— Сторож,— повторил старик.

Полудемон понял, что большего он не добьется.

— Как ты собираешься проводить ритуал?

— Да вы не бойтесь. Вам-то чего бояться,— сказал старик ласково, и Эмил мысленно согласился с ним. Бояться ему действительно нечего.

— Ладно. Что мне делать?

— А ничего не надо,— засуетился старичок.— Вы, господин, встаньте сюда, вот к этой стеночке, где почище. Это у вас кинжал? Вы им по камню проведите. Царапните, чтобы отметинка осталась. Сделали? А теперь себе руку уколите. Нет, не сильно, крови-то нужно всего капельку. Ну вот, и осталось вам руку пораненную к поцарапанному камню приложить. Связь между ими и появится.

Эмил коснулся поцарапанной ладонью черного камня, закрыл глаза и почувствовал вдруг, что стена под его рукой начинает мелко подрагивать. Да и весь замок как будто дрожит, шатается... Закружилась голова, заныл порез на коже... колдуну показалось, что Черный замок торопливо, жадно пьет его силы.

— Мы много не возьмем,— послышался за спиной торопливый шепот.— Нам бы только немного восстановиться.

Пол под ногами резко качнулся, и Эмил рывком отнял руку от стены, сжал ладонь в кулак, стараясь дышать ровно, глубоко и ожидая, когда пройдет тошнотворное головокружение. Вытер мокрый лоб. Оглянулся. Старика не было. Ушел? Исчез?

Эмил сам не знал, с кем говорил только что, кому отдавал свои силы. Полубезумному древнему сторожу? Духу замка, стареющему вместе со своим домом? Или самому замку... Молодой колдун глубоко вздохнул и вытер окровавленную руку о куртку.

В комнате как будто ничего не изменилось: тот же мусор на полу, тот же рассохшийся шкаф в углу, и в то же время вместо ощущения заплесневевшей ветхости пришло какое-то иное. Замок менялся под своего хозяина, становясь более молодым и сильным, как он...

Полудемон довольно улыбнулся и послал в коридор большой комок огня, который помчался вперед, сжигая весь мусор,— мебель, обрывки гардин, ковры, сухие листья...

Крестьяне из соседней деревни увидели, как из окон и дверей древней заброшенной крепости с ревом вылетели языки красного пламени, и к небу потянулись клубы черного дыма.

У замка появился новый хозяин.

Глава 11
МЁДВИК

Эмил был в восторге от своего приобретения. Первое время он с удовольствием обставлял замок, по-своему оформляя все, что должно было соответствовать его внутренней сути. Ничего безобразного и отвратительного. Но никаких воздушных и утонченных конструкций. Владелец Черного замка и его окрестностей — тот, кого следует уважать, почитать и побаиваться.

Полудемон быстро и успешно справился с задачей совместить в интерьере роскошь со строгостью и зажил той жизнью, о которой мечтал с юности. Он больше никогда не видел странного старика-сторожа. Значило ли это, что тот ушел из замка, или стал невидимым, или растворился в каменных стенах? Эмил не знал...

Колдун чувствовал — дом принял его.

Иногда по ночам, лежа в постели в северном крыле замка, новый хозяин начинал мысленно блуждать по своему жилищу, «переходя» из зала в зал, поднимаясь по лестницам, спускаясь в подземелье, и каждый раз с удовольствием думал о том, что все это великолепие принадлежит только ему. Лишь он один в состоянии понять его. Замок позволял колдуну осознавать собственное величие, стоял за спиной надежной каменной опорой и как будто даже увеличивал магическую силу. Наверное, он был построен на месте мощного выхода темной энергии, а может быть, его строители заложили в стены особую магию, дающую владельцу постоянный приток могущества и спокойствия. Очень скоро Эмил понял, что ему нет смысла покидать свой Черный замок ради поисков новых источников магии, приключений или развлечений. Все это он мог получить, не выходя из дома.

И колдун стал жить замкнуто и уединенно, развлекаясь проведением черных ритуалов и ведя беседы с потусторонними существами. Все, что имело отношение к миру человеческому, стало для него пустым и ненужным. И только слугам-людям позволял он бессловесными тенями шнырять по замку, выполняя работы по созданию комфорта для своего

хозяина. Теперь Эмил чувствовал себя настоящим демоном. Именно так, по его представлениям, жили великие предки демонического происхождения, держа в страхе соседей, но не утруждая себя мыслями о том, что происходит в человеческом обществе.

Пару раз к нему наведывались гости. Кое-кто из любопытства, а кто-то из корысти, надеясь получить от знакомства с новым владельцем замка что-нибудь полезное. И каждый раз полудемон получал огромное удовольствие, пугая их.

Однажды он вышел навстречу соседу в сопровождении телохранителя — тени из демонического мира, жутковатой твари, похожей на летучую мышь. Увидев этого монстра, визитер позеленел, покрылся испариной и вылетел из замка, издавая нечленораздельные вопли. В другой раз полудемон напустил на гостя волну почти материального ужаса, и тот не смог даже переступить порог гостиной. Бедняге все казалось, что кто-то притаился в темном зале, готовясь растерзать его.

И колдуна оставили в покое...

Так прошло еще несколько лет. Но вот незадача. Однажды наступил день, когда Эмилу опять стало скучно... Тоскливо. Временами тоска становилась невыносимой, и тогда черного мага не спасали даже безмерная гордость и осознание собственной значимости, недосягаемости и непохожести на окружающих — на всех тех, кого Эмил презрительно классифицировал как обычных смертных, человеческих ничтожеств, пользуясь, впрочем, ими.

Колдун почувствовал одиночество очень остро и совсем неожиданно. Он ощутил его как сильный, невероятно болезненный удар в области груди, и боль от этого удара не проходила...

Эмил — неизбежно — возроптал. Несколько месяцев он проводил расчеты, занимался самоанализом, вызывал духов и до одурения курил кальян, погружаясь в воспоминания. И вывод, который ожидал полудемона, был похож на издевательский приговор — ему нужен кто-то, непохожий на него самого. Юный. Жизнерадостный... Человек.

Но такой человек, который не боялся бы его, не презирал, не ненавидел, не кривил бы губы от брезгливости или отвращения, но не путался постоянно под ногами от обожания и почти извращенного желания служить. Тот, кого не убил бы Черный замок...

Человеческой половине души Эмила нужна была семья.

Без малого полтора года колдун путешествовал по всей стране, разыскивая среди людей этого юного, жизнерадостного, не похожего... Терпеливо перебираясь из города в город, он присматривался ко всем встречным, но не находил, не видел, не чувствовал... Пока наконец наудачу не выбрал одну из дорог...

Эмил ехал всю ночь, день и еще вечер под холодным осенним дождем. Черный жеребец колдуна без устали месил копытами глину, шагая по

узкой размокшей тропинке. Мокрые темные ели цепляли полудемона колючими ветками и срывали с плеч тяжелый плащ. Скоро должна была появиться деревня. Еще вчера, до дождя, Эмил изучил карту и нашел на ней крошечную точку, едва заметную среди широкой зеленой полосы леса. Человеческое поселение. Забираясь в эту глушь, люди думали, что их никто никогда не найдет. Никто не захочет плутать в дремучем лесу, перебираться через быстрые глубокие речки с омутами, а потом тащиться по непролазной грязи через болото, увязая на каждом повороте, ради нескольких убогих домишек. Никто, кроме упрямого, упорного полудемона, одержимого бредовой идеей найти себе помощника.

Жеребец Эмила вдруг забеспокоился, зафыркал, громко втягивая ноздрями влажный воздух, и прибавил шагу. Значит, почуял жилье. Колдун привстал в стременах и тоже принюхался. Запахло дымом, теплым овином, хлебом. Потом из-за шума дождя послышался лай собак. Громкий, злобный, надрывный, но в свирепом ворчании деревенских дворняжек звучал испуганный скулеж. Почувствовали демона...

Впереди за деревьями замелькали тусклые огоньки. Дома, освещенные лишь лучинами, подслеповато щурились.

Эмил пришпорил коня, и тот, разбрызгивая жидкую грязь, въехал в деревню. Здесь стояло всего несколько домиков, крытых дранкой. Ни одного приличного демона не заинтересует эта крошечная деревенька. Что с нее взять? Тощую корову да мелкое зерно, вырождающееся в серой лесной земле, ну, несколько медных монет... Но переночевать здесь было можно.

Колдун выбрал дом и направил к нему коня.

Первым их встретил косматый черный пес, похожий на маленького медведя. Грозно рыча, он выскочил из-под крыльца и помчался навстречу позднему гостю. Обычный смертный был бы немедленно сбит с ног, а может быть, и покусан, но Эмилу хватило одного взгляда, чтобы пес прижался брюхом к земле, громко заскулил и уполз обратно.

Колдун поднялся по высоким ступеням и потянул тяжелую, размокшую от дождя дверь. Внутри, в сенях, было темно и пахло молоком, овчиной, старым деревом. Где-то поблизости сыто хрюкала свинья, квохтали куры, а совсем рядом, за стеной, плакал ребенок. Эмил повернулся в сторону этого нового звука, толкнул вторую дверь и вошел в дом. Для этого ему пришлось наклонить голову, чтобы не стукнуться о низкую притолоку...

Полудемон уже давно заметил в себе неуемный интерес ко всему человеческому и теперь, стоя на пороге горницы, с жадным любопытством осматривался. Здесь было... уютно. Большую часть комнаты занимала печь, от которой тянуло приятным теплом, на светлом полу лежали разноцветные лоскутные половики, в углу на маленьком столике, застеленном белой скатертью, стояла маленькая фигурка ангела с позолоченными крылышками.

За широким столом у окна собралась вся семья. Хозяин дома, рядом с ним румяный парень, видимо, старший сын, локоть в локоть — дочь, девушка в светлом льняном платье, напротив — жена, хозяйка, красивая полная женщина с маленьким ребенком на руках (тот таращил на Эмила круглые глаза, сжимая в кулачке деревянную ложку). Четверо детей разного возраста рядком сидели на широкой скамейке, двое играли с поросенком на полу у печки. Еще один паренек, года на три младше первого, натягивал сапоги, сидя на лавке в углу. Видимо, собирался пойти посмотреть, на кого лаял пес.

Все они обернулись на стук открываемой двери и теперь в полной тишине настороженно смотрели на позднего гостя. Мальчишки, играющие у печки, вскочили, паренек в углу застыл с сапогом в руках. Женщина крепко прижала к себе ребенка.

Почувствовали. Поняли...

На пороге их светлого, благополучного дома стоял мрачный незнакомец — в черной одежде, с тяжелым, давящим взглядом. Не демон, но кто-то очень на него похожий, враждебный, опасный, принесший с собой злобу и жестокость чуждого мира.

Человеку-Эмилу захотелось немедленно развернуться и уйти из этого дома, чтобы не пачкать его своей черной сущностью. Демоническая половина замерла, предвкушая легкую человеческую добычу.

Колдун шагнул вперед, выходя на свет, позволяя рассмотреть себя целиком, и сказал:

— Приятного вечера хозяину.

— И ты здравствуй, добрый человек,— не спеша, спокойно отозвался отец семейства, не старый еще широкоплечий мужчина.

Полудемон усмехнулся в ответ на это необычное обращение, расстегнул пряжку плаща, и они увидели его пояс — вызывающе алый, набранный из широких золотых пластин, в каждую из которых был вставлен крупный рубин. Хозяин взглянул на детей, и те, словно испуганные цыплята, шмыгнули в соседнюю комнату. Следом поднялись женщины.

Эмил положил плащ на лавку, поверх него бросил перчатки. Неторопливо подошел к столу, сел.

— Как там дождь? — спросил хозяин.— Перестал?

— Нет,— ответил колдун.— Еще идет.

Мужчина поднялся, плотнее закрыл дверь в соседнюю комнату и вернулся на прежнее место, старший сын сел за стол рядом с отцом, исподлобья поглядывая на необычного гостя.

— Ну? — хмуро спросил мужчина.— Что надо?

Колдун не ответил. Он смотрел на парня, стремительно бледнеющего под его взглядом, но упорно не отводящего глаз. Пытается подражать отцу. Забавный мальчишка, широкоплечий, широколобый, крепкий, по-

хож на теленка. И глаза, как у теленка — бархатные, доверчивые, упрямые. «А у меня не будет сына,— подумал вдруг Эмил с неожиданной злостью.— Я никогда не смогу позволить себе завести ребенка, потому что он будет таким же чудовищем, как и я...»

— Сколько тебе лет? — спросил он тихо.

Парень судорожно вздохнул, быстро взглянул на отца и негромко ответил:

— Семнадцать.

— Хороший возраст,— задумчиво протянул Эмил.

— Что тебе надо? — повторил крестьянин, глядя на полудемона с ненавистью и тревогой.

— Хочу здесь переночевать,— ответил колдун, с удовольствием наблюдая за тем, как все больше мрачнеет лицо мужчины.— Ты же не выгонишь на улицу под дождь усталого путника.

Хозяин молчал. От него исходила враждебность — тяжелая темная волна, в которой вспыхивали красные искорки бессильной злобы. И кто-то еще говорит, что только демоны могут душить своей ненавистью...

— Ладно,— сказал мужчина неожиданно.— Ты останешься, если поклянешься, что не причинишь вреда моей семье и моему дому.

Эмилу стало смешно. Надо полагать, от него ждали полновесной, серьезной клятвы. Неужели этот человек думает, что есть что-то, чем полудемон может дорожить. Настоящие демоны испытывают некоторое почтение перед верховной властью, у ангелов имеются какие-то свои ограничители, людям есть чего бояться. Но в своей жизни полудемон не дорожил ничем.

— Хорошо... обещаю,— произнес он недовольно.

— Нет.— Крестьянин положил на стол широкую мозолистую ладонь и наклонился к колдуну.— Клянись. Вот этим.

Он повернулся, взял статуэтку ангела и со стуком поставил ее перед Эмилом. Маленький идол был вырезан из дерева, грубовато, но очень правдоподобно, старательно. С любовью... Ангелочка хотелось взять в руки, почувствовать его тепло, его защиту...

«А ведь я могу раскатать по бревнышку этот дом,— лениво подумал колдун.— Одним простым заклинанием спалить деревню, уничтожить всех жителей, но я сижу и принимаю условия этого деревенского увальня».

— Хорошо,— повторил он вслух, слегка прикасаясь к позолоченным крылышкам ангела.— Я обещаю, что не причиню вам вреда. Так тебе спокойнее?

Хмурый хозяин забрал семейную реликвию из рук полудемона, подумал мгновение и утвердительно наклонил голову.

— Можешь остаться. Места в доме немного, но...

— Мне хватит,— гость повелительно кивнул парню,— там у крыльца стоит мой конь, его нужно расседлать и накормить. Еда в сумке.

Хозяйский сын вскочил, бросился к двери, но, поймав строгий взгляд отца, заставил себя двигаться с большим достоинством.

Эмил повернулся к столу, оценивающе оглядел блюда, стоящие на нем. Овощи, моченая брусника, хлеб, молоко, творог, пироги. Не густо.

— Сегодня праздник,— сказал крестьянин, заметив его пренебрежительный взгляд.

— Ясно.

Очередной день памяти ангелов или какого-нибудь из их деяний.

— Тогда зови жену, детей...

— Они уже поели,— заявил человек не терпящим возражений тоном.

Эмил прищурился, рассматривая его угрюмое лицо.

— Боишься, что соблазню и увезу хорошенькую дочку?

Руки мужчины, лежащие на столе, сжались в кулаки. «Сейчас он ударит меня,— с удовольствием подумал Эмил.— А я отвечу и...» Но хозяин сдержал ярость, спрятал руки под стол, отвел глаза, чтобы не видеть ненавистное лицо с демонским разрезом глаз и человеческими, нагло усмехающимися губами. Каким бы могущественным магом ни был этот проходимец, от чистой стали его не спасет ни один заговор. И сейчас человек жалел, что у него нет под рукой арбалета, а нож лежит слишком далеко.

Эмил придвинул к себе блюдо с пирогами, налил в кружку молока. «Интересно, почему этот человек так ненавидит меня? — думал он, посматривая на мужчину.— Демонов в этой местности не было лет пятьсот, ему лично я ничего плохого не сделал. Наверное, это врожденное. Древняя память...»

Входная дверь распахнулась, и в комнату вошел мокрый, замерзший сын хозяина. Его волосы прилипли ко лбу, с одежды капало, но он, не раздеваясь, неуклюже топтался у порога, оставляя на полу грязные следы.

— Ну? — грозно спросил Эмил.

— Ваш конь,— забормотал парень.— Он не ест. Я посмотрел в мешке, как вы сказали, но там только мясо...— юноша нервно сглотнул и растерянно взглянул на отца,— ...сырое. Тогда я дал ему овса, но он...

— Правильно,— с язвительной вежливостью сказал полудемон.— Он и ест мясо. Сырое. Иди и... а, ладно. Я сам.

Колдун поднялся, сделал несколько шагов к выходу и вдруг почувствовал... Запах трав, солнечное тепло, июньский ветер, земляника... Он замер, впитывая это новое странное ощущение. Не человеческое, не ангельское, совсем близкое... Медленно-медленно Эмил повернулся к печке, подошел ближе, поднялся на приступок, откинул край тулупа и увидел того, кто... позвал его?

На теплой овчине спал мальчик лет семи. Кудрявый, румяный, раскинув слабые во сне руки, тихонько посапывая маленьким носом, на котором золотилось несколько веснушек, похожих на бледные зернышки проса.

— Кто это? — отрывисто спросил Эмил, жадно разглядывая чумазое сокровище, спящее на печке.

— Мой сын,— ответил хозяин, и голос его дрогнул.

— Врешь,— сказал колдун, отводя спутанные волосы с лица мальчика.— Твои дети светлые, а этот каштановый, кудрявый, и глаза у него, уверен, тоже темные.

— Это мой сын,— повторил мужчина.

Эмил поднес руку к солнечному сплетению мальчика и почувствовал легкий укол в ладонь. Как будто между ним и ребенком пробежала искорка. Впрочем, это было лишнее, колдун и так понял.

— У него есть дар,— медленно произнес темный гость.— Какой?

— У него нет дара,— сказал крестьянин, поднимаясь из-за стола.— Он болен... Он...

Это был тот, кого Эмил искал.

— Я передумал,— колдун снова укрыл мальчика, спустился на пол.— Я уезжаю. С ним.

Парень, все так же стоящий у дверей, испуганно охнул.

— Ты хочешь забрать моего сына? — с трудом выговаривая слова, спросил потрясенный отец.

— Да. Ему нечего делать в этой дыре.

Эмил вынул кошелек и бросил его на стол, тот тяжело упал среди тарелок и мисок.

Хозяин медленно обошел стол, под тяжестью его шагов половицы чуть поскрипывали, взял кошелек и с размаху швырнул его под ноги Эмилу. Золотые монеты со звоном запрыгали по полу.

— Убирайся,— глухо сказал человек.— Убирайся вон! Ты можешь наложить на меня проклятие, убить меня... Но я не отдам тебе сына.

Эмил выпрямился, его взгляд, вспыхнувший красным, встретился со взглядом мужчины. Несколько минут они смотрели в глаза друг другу.

— Все верно. Я могу убить твою жену, твоих детей, спалить этот дом, а ты не сможешь ни остановить, ни даже задержать меня...

— Будь ты проклят,— тихо сказал человек.

Эмил улыбнулся:

— Не трудись. Я проклят. Уже давно.

Колдун надел плащ, натянул перчатки, поднялся по трем узким ступенькам, бережно взял на руки спящего мальчика. Вгляделся в его спокойное лицо и на мгновение прикоснулся губами к горячему лбу под спутанными кудрями. Не просыпаясь, мальчишка зашевелился, потом снова затих, ткнувшись головой в плечо Эмилу.

— Деньги подбери.— Колдун кивнул на разбросанные по полу монеты и повернулся к выходу.

И тут дверь в соседнюю комнату распахнулась, на кухню выбежала хозяйка. Ее лицо было залито слезами, нос распух, на щеках проступили красные пятна.

— Не отдам! — закричала она срывающимся тонким голосом. Бросилась было к Эмилу, но не решилась прикоснуться к полудемону и замерла в шаге от него, протягивая руки к своему ребенку.— Мёдушка! Не отдам!! Муж, ну что ты стоишь?! Он же заберет его!

На какое-то короткое мгновение Эмилу стало жаль эту женщину, которая не понимала, что он хочет сделать для ее сына.

— Ему будет хорошо,— сказал он.— Он будет счастлив. Вы же этого хотите для своих детей? Счастья?

Женщина зарыдала беззвучно, прижав руки к красивой полной груди.

— Господин, не забирайте моего мальчика,— прошептала она.— Он больной, он совсем слабенький. У него всякие видения... иногда он сам не понимает, что говорит. Зачем вам такой?!

— Марта...— тихо сказал мужчина, и в его голосе прозвучали боль и стыд за свое бессилие.— Не надо.

— Он заболеет! Он опять заболеет... а вы не захотите, не сможете ухаживать за ним... и выгоните! — слышал Эмил невнятные причитания матери сквозь глухие рыдания.— Не забирайте!

Хозяин подошел к жене и крепко взял ее за плечо, развернул к себе, она уткнулась заплаканным лицом в грудь мужа.

— Уходи,— произнес мужчина, глядя на Эмила пустыми глазами.— Уходи!

— Ему будет хорошо,— повторил колдун, прошел мимо парня, вытирающего рукавом мокрые глаза, и вышел из дома, бережно придерживая ребенка.

Он снова ехал всю ночь. Мальчик дремал, завернутый в кожаный плащ, сидя впереди колдуна. Эмил крепко держал его, поправляя тяжелый край, все время соскальзывающий с плеча Мёдвика.

«Тебе будет хорошо. Ты будешь счастлив,— повторял полудемон про себя.— Они не понимают, с кем тебе лучше. Они никогда ничего не поймут! Люди! Ты так не похож на них!.. Если бы меня вовремя забрали у моей матери, я не страдал бы так сейчас, не совершил бы столько глупостей. И она была бы счастлива... Нет, не счастлива, просто жива...»

Утром, как только запели птицы и первые, еще прохладные солнечные лучи упали на лицо Мёдвика, он проснулся. Захлопал ресницами, заерзал, зевнул и открыл глаза. Они были именно такими, как представлял Эмил: янтарно-карими, бархатными, доверчивыми и нежными. Мальчик огляделся по сторонам, поднял взгляд на Эмила, улыбнулся и спросил:

— А куда мы едем?

— Домой,— ответил Эмил, чувствуя болезненное стеснение где-то в области сердца.— Домой, малыш.

Ребенок серьезно кивнул, удобнее устраиваясь в седле, потом снова вскинул голову:

— А где мы были...— Он замялся, как будто вспоминая что-то.

— Эмил...— тихо подсказал колдун.

— Где мы были, Эмил?

— Далеко. Очень далеко, и теперь едем домой.

Он крепче прижал к себе мальчика, зарылся носом в его волосы и повторил больше для себя:

— Мы едем домой, Мёдвик...

Мальчик ничего не помнил. Так хотел Эмил.

Да ему и нечего было помнить. Грязная деревенька в лесной глуши, печка, родители, которые считали его больным...

Эмил погладил Мёдвика по неровно подстриженным кудрям. Мальчик запрокинул голову, доверчиво рассматривая лицо полудемона, и улыбнулся. А колдун вдруг понял, что больше не чувствует ноющей боли в груди. Она ушла...

Очень скоро Эмил разгадал, какой дар скрывается в хрупком теле семилетнего ребенка,— ясные бархатные глаза мальчика не видели реального мира. То, что родители Мёдвика назвали болезнью, было умением уходить в другие пространства, видеть и слышать то, что недоступно человеческому зрению и слуху. Мальчик прекрасно общался с растениями и был способен, говоря с ними, получать ответы. Умел расспросить любую травку обо всем, что та знает и умеет, но при этом так же, как деревья или травы, он вдруг терял понятие времени и не осознавал, где находится. Он действительно описывал странные видения. Длинные солнечные лучи, медленные потоки, поднимающиеся из земли, текущие вверх к небу, а потом разбивающиеся на тысячи ручейков, смешивающихся со столбами света,— много-много таких потоков, тянущихся друг к другу. «Это деревья,— шепотом рассказывал Мёдвик.— Я вижу их так. И они чувствуют друг друга такими, их сила движется внутри стволов, перетекает от одного дерева к другому. Они думают, разговаривают. Они зовут меня иногда, и я иду, иду, сам не ведая куда, и не вижу ничего, кроме них». А потом мальчик вдруг «выныривал» из своих видений, становился совершенно обычным ребенком, веселым, смешливым... добрым.

Теперь колдун был уверен в том, что не ошибся,— Мёдвик идеально подходил на роль его помощника. Главное заключалось в том, чтобы быть рядом с мальчишкой, не дать ему уйти так далеко в видения, откуда он не сможет вернуться.

...Тринадцать лет Мёдвику не исполнилось. Эмил боялся, что, взрослея, тот изменится, как изменился он сам,— перестанет быть наивным

и доверчивым, начнет задавать взрослые вопросы, желая узнать всю правду о себе, и требовать ответов. Будет вспоминать, задумываться, дерзить и тосковать. Возненавидит замок и его хозяина, захочет вернуться домой и никогда не поверит в то, что там он был чужим, так же как Эмил в своей человеческой семье...

Прошло восемнадцать лет, но Мёдвик так и остался ребенком.

Глава 12
ОТВОРОТ ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ

Хул брела по темным коридорам убежища и думала, думала... Никогда в жизни ей не приходилось думать так много. Раньше нужно было выбирать только между двумя красивыми образами или поразмыслить минуту, что предпочесть — нового любовника или новое платье. О, Великая Кошка, почему ты не дала мне побольше мозгов?! Нет, я не дура! И совсем не так глупа, как хочется Буллферу. Просто теперь выбор слишком сложный. Надо успокоиться, заново осмыслить ситуацию. То, что предложил Эмил, опасно. Очень. Какой-то Рубин. Неизвестно, где он лежит, можно ли его достать и вообще как он действует. Все эти загадки — «неосквернённый огонь», «пламенное сердце». Все это переводится как смертельная опасность. Ей ли не знать! Конечно, она допускала, что Камень Карашэхра может оказаться очень мощным, но сила Хозяина, конечно, больше. Так рисковать... Может быть, все еще можно утрясти, уговорить Буллфера. Подумаешь, вспышка ревности, бунт. Не так это и страшно. Наоборот, должно льстить ему. Ерунда, решила демоница, все можно исправить.

Буллфер был в оружейной. Хул тихонько вошла и остановилась у стены, наблюдая за ним. По ее мнению, он был не похож на всех остальных демонов. Нет, высокий рост, широченные плечи, бугры мускулов, острые когти, буйный темперамент, все как надо. Но на самом деле лучше бы он не был рыжим. Хул всегда казался странным... неестественным оттенок его шкуры. Но Буллфер был Верховным Правителем, и это отметало все «недостатки» его внешности.

Хозяин осматривал оружие. Находило на него иногда желание забыть о своих способностях и, уподобившись простому демону, поиграть двуручной секирой.

Хул глядела, как он берет тяжелое лезвие, отливающее черной сталью, медленно поднимает руку, целясь в деревянный щит, висящий на противоположной стене, и бросает. Крутясь в воздухе, остро заточенная короткая секира со свистом пронеслась мимо нее и с треском расколола деревяшку. Сейчас же из-за горы старых щитов, наваленных в углу, выскочил бес, сдернул со стены разбитую мишень, ухватился обеими

лапами за рукоять оружия и, пыхтя от натуги, поволок ее к остальному хламу. Буллфер довольно усмехнулся. Да, надо признать — он был великолепен.

Наконец Хозяин заметил ее, и на его лице отразились раздражение и досада, но он тут же справился с собой и теперь излучал терпеливое внимание.

— Чего тебе?

— Буллфер, я хотела поговорить.

— Кажется, мы с тобой уже обо всем договорились. Я просил тебя не путаться у меня под ногами.— Он вытащил из кучи оружия еще одну секиру и принялся рассматривать ее.

— Я не путаюсь у тебя под ногами! Я просто...

— Ты просто не знаешь, чем тебе заняться,— подытожил он, взвешивая оружие в руке.— Пойди прогуляйся, поднимись еще раз на поверхность, свежий воздух всегда шел тебе на пользу.

— Что ты хочешь этим сказать? — пробормотала Хул.

Буллфер взглянул на нее искоса, и глаза его полыхнули красным.

— Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать. Думаешь, я слепой идиот, которого можно обманывать?!

Хул почувствовала, как у нее под ногами качнулся пол.

— Ты... знаешь?!

— Естественно,— он небрежно махнул секирой, и сияющее лезвие описало сверкающий полукруг перед лицом демоницы.— От тебя за милю несет человечиной. Раньше ты была более аккуратна.

Буллфер с отвращением оглядел ее с ног до головы и сказал:

— По крайней мере, ты не забывала у него свое платье.

Хул сообразила, что одета только в тонкий шелковый плащ, и поспешно запахнула его на груди.

— И давно ты знаешь?

— Какая тебе разница?

Буллфер прицелился и метнул еще одно лезвие.

— И что ты сделаешь теперь?

— Ничего.— Он пожал рыжими плечами, наблюдая, как бес тащит очередной разбитый щит в угол.— Мне все равно.

— Как все равно?!!

— А так.— Он стремительно повернулся и рявкнул: — Ты надоела мне, Хул! Надоели твои дешевые претензии, твоя глупость и дурацкая ложь. Я не буду мстить ни тебе, ни твоему человеческому любовнику. Тебе, видимо, хочется, чтобы я расколол ему голову этой секирой, обезумев от ревности, и разнес по камешку его жалкий замок?! Так вот, и не надейся. Мне плевать на вас обоих! Мне осточертели твои интриги и ты сама. Убирайся вон.

Злость и обида вспыхнули в груди демоницы с прежней силой.

— Что, нашел мне замену? Наивного ангелочка?! Он-то устраивает тебя во всех отношениях?!

Буллфер лениво потянулся за очередным лезвием, Хул поняла, что сейчас Хозяин запустит его в ее голову, и вдруг неожиданно успокоилась.

— Я хотела убедиться в том, что ты действительно презираешь меня.

— Убедилась?

— Убедилась. Я ненавижу тебя, и я тебе отомщу.

Кошка замолчала, повернулась и вышла из оружейной. А в дверь, закрывшуюся за ее спиной, со свистом врезалось стальное лезвие.

Была глубокая ночь, когда Хул появилась у Эмила в спальне. Он вздрогнул спросонья, увидев над собой горящие демонские глаза, и поморщился от боли, чувствуя, как когти сжимают его плечо.

— Эмил, я согласна. Я подумала, и я согласна на все. Я хочу убить его... Нет, сначала я хочу, чтобы он мучился долго, а потом...

Прохладная человеческая рука прикоснулась к ее горячему лбу, и она замолчала. А потом уткнулась лицом в его гладкую безволосую грудь и жарко зашептала, задыхаясь от злости:

— Он выгнал меня! Обозвал дешевкой. Он знает про тебя! Про нас с тобой.— Хул показалось, Эмил испуганно напрягся, услышав последнее, и она почувствовала легкое злорадство оттого, что ее человеческий любовник боится.— Да, знает! Но можешь не дрожать от страха. Хозяин велел передать — ему плевать на нас с тобой. На обоих. Теперь у него есть ангел.

Хул оскорбленно замолчала и вдруг поняла, что Эмил смотрит на нее с легким сожалением, страха нет даже близко.

— Бедная девочка! — услышала она тихий насмешливый голос любовника.— Опять ты осталась ни с чем.

— Я не девочка,— зашипела Хул, одновременно испытывая разочарование оттого, что колдун опять не опустился до проявления низменных человеческих чувств, и вспоминая недавно пережитое унижение.— И не трусиха!

— Ты знаешь что-нибудь об Огненном мире?

Она отрицательно покачала головой. Тогда полудемон указал на стену. И Хул увидела. В противоположной стороне комнаты над камином была растянута старинная карта. В центре этой карты (кожаной, темной и потрепанной по краям), появившейся за время ее отсутствия, пульсировало светящееся пятно.

— Здесь находится храм Огня.

Хул вгляделась в вытянутую, отмеченную пунктиром территорию, и ей стало как-то не по себе, словно размышления об опасности начали приобретать реальную форму.

— Расскажи мне о Рубине.

Эмил посмотрел на пламя в камине и произнес медленно, будто цитируя:

— Он — порождение Огненного мира. Он заключает в себе высшую концентрацию силы Огня...— Потом взглянул на Хул и добавил: — Если

хочешь достать его, тебе придется потрудиться. Самой. Я не смогу идти с тобой.

— Говори, как туда попасть.

Эмил глубоко вздохнул, сел на постели.

— Зажги свечи,— попросил он и потянулся к шнуру, висящему на стене у кровати.

Звонка Хул не услышала, но через несколько минут в комнату торопливо вошел мальчишка-помощник. Его каштановые локоны непричесанными вихрами торчали в разные стороны, на румяной от сна щеке отпечатался шов подушки. Ребенок сонно жмурился, но преданно смотрел на Эмила и ждал приказаний.

— Принеси черную шкатулку,— велел полудемон и добавил, заметив, что мальчишка медлит: — Ну, быстрее.

— Может быть, дать ему хорошего пинка для скорости? — кровожадно поинтересовалась Хул и погасила лучинку, которой зажигала свечи в большом канделябре.— На наших бесов это действует безотказно.

Эмил не обратил на нее внимания и с улыбкой кивнул оробевшему мальчику:

— Неси, малыш, я жду.

Маленький помощник искоса взглянул на подземную кошку, тихонько вздохнул и послушно вышел из комнаты.

— И чего ты так возишься с этим смертным? — неодобрительно поинтересовалась Хул, наблюдая, как Эмил подтаскивает тяжелый железный треножник ближе к кровати.— Можно подумать, что он тебе родной. Этот сопляк еще будет обдумывать, выполнять ему твои приказы или нет. Я бы на твоем месте выдрала его как следует, чтобы...

— Хул! — Эмил круто развернулся и с убийственной вежливостью посмотрел на нее.— Будь добра, придержи язык. Если я еще раз услышу, что тебе не нравятся порядки в моем доме, ты отправишься в Храм без моей помощи.

Хул недовольно поморщилась, некоторые интонации в голосе Эмила напомнили ей оскорбительный гневный рык Буллфера, и она пробормотала:

— Ладно, ладно, господин колдун. Не нервничай. Мне твой мальчишка и даром не нужен.

Эмил еще несколько мгновений смотрел на подземную кошку, а потом снова занялся треножником. В глубокой каменной чаше вспыхнули раскаленные угли. Эмил бросил на них щепотку белого порошка, и тут же над треножником взметнулось облако пахучего дыма. Хул уселась на стол, благоразумно решив помалкивать и держаться подальше от магических предметов «господина колдуна». Новая порция порошка окрасила дым в желтый цвет, который медленно наливался ядовитой краснотой. Незаметно для себя Хул залюбовалась этой игрой оттенков и Эмилом, суровое, сосредоточенное лицо которого, освещенное багровым светом, стало совсем демонским. А потом она вдруг почувствовала отвратительный едкий запах, от него закружилась голова, тело покры-

лось липким потом, а сердце заколотилось с бешеной скоростью. Пережидая первый приступ дурноты, Хул схватилась за стол, поняла, что сейчас грохнется в обморок, и завопила на всю комнату:

— Эмил! Что это за вонь?!

Сквозь шум в ушах до нее долетел тихий смешок и довольно-таки язвительный голос:

— Ах, прости, моя дорогая. Я совсем забыл, что тебе это может быть неприятно. Твоя ангельская внешность заставляет забывать о твоей демонической сути... Это сандал.

— Убери его,— пробормотала Хул, задыхаясь.

— Но это один из компонентов курения...

— Убери его немедленно! — завизжала она, и, если бы Эмил бросил в огонь еще хоть одну щепотку отвратительной смеси, она бы вышвырнула в окно треножник вместе с горе-колдуном.

— Ты фыркаешь, как кошка,— сказал Эмил чуть позже, когда мерзкий запах немного рассеялся.

— Я и есть кошка,— ответила она, отдуваясь и вытирая слезы уголком плаща.— Ты специально сделал это? Маленькая месть, да? Ты прекрасно знал, как на меня подействует эта гадость, но не удержался и провел небольшой эксперимент?! Подлый мерзавец!

— Мы с тобой очень похожи, моя дорогая,— широко улыбнулся Эмил.— Признайся, тебе тоже частенько хочется запустить в меня когти, чтобы проверить, как мне это понравится.

Хул последний раз шмыгнула носом, смахнула слезы с ресниц и посмотрела на него. Колдун стоял, перебирая что-то в черной шкатулке, рядом с ним переминался с ноги на ногу мальчик-помощник, поглядывая на кошку огромными тревожными глазами. Интересно, этот сопляк видел, как она тут чихала, кашляла, визжала и обливалась слезами, или это удовольствие перепало только Эмилу. «Ничего, ты только достань Рубин. Терпения изображать беспомощную идиотку мне хватит. И ты очень удивишься, господин черный колдун, когда увидишь, как быстро я изменюсь, вот тогда ты пожалеешь обо всех своих хамских шуточках».

— Кстати, Эмил, ты ведь тоже почти демон, почему этот... сандал не действует на тебя?

Он поднял голову и рассеянно взглянул на нее.

— Наверное, во мне слишком мало демонического.

Хул снова почувствовала себя оскорбленной. Легкость, с которой он отрекался от своего благородного происхождения и великих предков, всегда бесила ее. Как можно цепляться за жалкую человеческую сущность, беречь ее и лелеять, в то время как кровь великого Вильгельма требует свободы и власти.

— Ты — демон, Эмил. Даже если ты боишься себе в этом признаться.

— Хул...— сказал он устало и отрицательно покачал головой — это должно было означать «отстань».

Хул надулась и отстала. Некоторое время в комнате было тихо, только мальчишка, старательно перемешивающий состав в глиняной плошке, тихонько постукивал ложкой. Эмил мимоходом погладил его по голове, получив в ответ взгляд, полный благоговейного обожания, потом подошел к кровати, убрал с нее все подушки, разделся и лег.

— Что это ты делаешь? — поинтересовалась Хул.

Он промолчал и кивнул ребенку. Тот перестал возить ложкой, понюхал получившуюся смесь, остался доволен и осторожно понес миску к кровати. Хул соскочила со стола, догнала его и бесцеремонно забрала посудинку.

— Дай сюда. И можешь быть свободен. Дальше я сама знаю, что делать.

Помощник растерянно посмотрел на господина, тот — скептически на Хул, но ее уже не интересовало их переглядывание. Она сбросила надоевший плащ, забралась на постель, уселась верхом на Эмила и, щедро зачерпнув прозрачной вязкой жидкости, принялась размазывать ее по гладкой человеческой коже.

— Осторожно,— решился подать голос мальчик.— Много не мажьте. А то ему будет плохо. Там ведь наркотик...

— Без тебя знаю,— огрызнулась демоница, сжала коленями бедра Эмила и шепнула тихонько: — Ну как, нравится тебе?

— Хул, перестань,— сказал он, усмехаясь, но по тому, как заблестели его глаза, она поняла: да, нравится.

Тихонько скрипнула дверь — ушел мальчишка. Хул еще крепче прильнула к волнующему человеческому телу, стараясь, чтобы ладони ее оставались гладкими и нежными, а прикосновения мягкими, как он любит. Эмил резко вздохнул, попытался остановить руку, ласкающую его, но не смог.

— Хул, не надо... Сейчас не время...

Душистая прозрачная жидкость текла между пальцами, приятно холодила кожу. Хул наклонилась к Эмилу и шепнула, касаясь губами его уха:

— Тебя нужно натирать... всего?

Он кивнул едва заметно.

Глава 13
«ВОРОТА»

Эмил спал. Несколько часов Хул просидела рядом, терпеливо дожидаясь, когда он откроет глаза, но колдун не просыпался. Сердце его билось медленно, а слабое дыхание было едва слышно. Подземная кошка понятия не имела, что Эмил собирался увидеть в своем наркотическом сне и как это могло помочь отомстить мерзавцу Буллферу, но она бы не удивилась, если бы тот, проснувшись, протянул ей Рубин в красивом бархатном футлярчике, полностью готовый к употреблению. Она всегда

верила в магические способности полудемона. Подземная кошка сладко потянулась, представив, что все эти пугающие рассказы о походе, Огне вполне могут быть шуткой Эмила. Конечно, ему далеко до могущества Буллфера, но все же... «Как наполовину человек, ты очень неплох, мой дорогой»,— пробормотала Хул, рассеянно поглаживая Эмила по руке. Она улыбнулась, сообразив, как бы он рассердился, услышав эту снисходительную похвалу, решительно выбралась из постели и отправилась бесцельно расхаживать по комнате. «Надо чем-то заняться»,— мурлыкала Хул, сосредоточенно роясь в ящике письменного стола Эмила. Среди листов бумаги, чернильницы и прочей ерунды нашлось очень миленькое зеркальце в бронзовой оправе, которое подземная кошка тут же засунула в карман своего плаща. Больше ничего интересного в комнате не нашлось, и Хул отправилась бродить по замку.

Здесь было на что посмотреть. Огромные холодные залы с высокими сводчатыми потолками казались отражением подземных галерей. Тот, кто строил Черный замок, знал толк в демонической архитектуре. Тяжелые люстры, подвешенные на цепях к потолку, массивные канделябры, отражающиеся в гладком, отполированном полу, узкие окна, забранные решетками, черные и красные портьеры. Хул не торопясь шла по коридорам, заглядывая в открытые двери, и с непонятным для себя самой огорчением отмечала, что в великолепный замок медленно вползает запустение. ...Золотые треножники и люстры заросли паутиной, а черный гранит пола покрывает толстый слой пыли, на которой кое-где видны дорожки, некоторые окна разбиты, и осколки поблескивают среди мятых пыльных драпировок, сорванных со стен. «Согнать бы сюда команду бесов,— думалось Хул,— все вымыть и вычистить, выбросить старье, зажечь светильники, постелить ковры, и тогда здесь снова можно будет жить. Как раньше». Ей стало грустно, когда она вспомнила о десятке таких же замков, ветшающих по всей стране. Когда-нибудь от них вообще ничего не останется. Хул решительно тряхнула золотыми кудрями, вытащила зеркальце, чтобы проверить, не повредили ли умственные усилия ее красоте, полюбовалась собой, потом решила сменить цвет глаз с голубого на зеленый и отправилась дальше...

Хул медленно шла по узкому коридору подземелья, по очереди пытаясь открыть каждую из дверей, попадающуюся ей на глаза. Но все они были заперты. Ржавые кольца замков скрипели, когда она тянула их, и не собирались открываться. Демоницу это не огорчало, она продолжала бесцельное путешествие до тех пор, пока очередная дверь, противно заскрежетав на несмазанных петлях, медленно не приоткрылась. Из узкой щели потянуло холодом и сыростью. «Забавно»,— пробормотала Хул, принюхиваясь. Обоняние у подземной кошки было отменным, поэтому кроме запаха мокрого камня и гниющего дерева она почувствовала еще что-то, едва уловимое и очень знакомое. Привлеченная этим запахом, Хул протиснулась в щель, подобрав подол длинного платья. Внутри было темно, глаза подземной кошки блеснули желтым светом, перестраиваясь на ночное зрение, и она разглядела,

что стоит на пороге небольшой комнаты с каменным полом и полукруглым сводчатым потолком, а прямо напротив нее, зажатое между двумя чуть покосившимися столбами, медленно вращается круглое колесо телепорта.

— Ух ты! — прошептала Хул, осторожно подходя ближе.— Ничего себе...

Телепорт был старым. Кое-где в его синеватом свечении были заметны черные трещины, тянущиеся из центра почти до самых краев. Да и крутился он не равномерно, а какими-то рывками, с натужным подвыванием. Видно, что «ворота» на последнем издыхании, их бы нужно подправить, «заштопать» тонкую «пленку», готовую разорваться на куски, подпитать магической мощью, и можно было бы пользоваться колесом еще несколько сотен лет. Наверное, этот поставили здесь давным-давно, во времена могущества демонов, когда владельцу замка нужна была прямая связь с Правителем. Теперь же за магическим предметом никто не следил... С легким сожалением Хул провела ладонью по столбу, покрытому древней резьбой, и вздохнула. Если бы этот замок принадлежал ей, она бы не позволила пустовать величественным залам, заваливать хламом подземелье, а телепорт — гноить в чулане.

— Идиоты,— пробормотала подземная кошка, стряхивая со столба нитку паутины.— Никогда не могут навести порядок в собственном доме. Держать в подвале личный телепорт и не пользоваться им.

Этой мыслью завершился ее короткий хозяйственный порыв. Хул стало интересно, куда могут отправить заброшенные «ворота». Неужели в самый низ? Рисковать было глупо, но огромное любопытство, которым отличаются все кошки, требовало от Хул решительных действий. «Ты просто быстренько нырнешь туда и посмотришь. А если там что-то опасное, то тут же прыгнешь назад. Всего-то шаг туда и обратно». Демоническое благоразумие приказывало не дурить и не подходить к опасному предмету, но Хул уже решилась. «Только взгляну, что там такое»,— сказала она себе. Осторожно приблизилась к телепорту, и он, словно угадывая ее желание, медленно выгнул светящуюся поверхность. Хул не представляла, куда именно может попасть, вступая на путь «ворот». Медленно шагнув вперед, под прогибающуюся арку, она почувствовала, как ее тело начинает таять. Перемещение было быстрым. Как только темнота перед глазами рассеялась, Хул увидела, что стоит на маленькой площадке, окруженной со всех сторон высокими валунами. В щелях между камнями рос чахлый кустарник. Небо над головой казалось ослепительно синим, как будто нарисованным. «Где это я?»— пробормотала Хул, шагнула вперед и вдруг поняла, что все, окружающее ее, ненастоящее. Песок, трава, небо, словно прилипшее к вершинам валунов. Она попала в крошечный мирок, замкнутый сам на себе. Отсюда невозможно никуда выйти. Так и будешь ходить по кругу, возвращаясь в одно и то же место, или вообще упрешься в невидимую стену. Пространство, замкнутое в кольцо. Очень сложный фокус, требует много времени и магических сил. Обычно в таких «куполах» содержали особо

ценных пленников или редких животных или делали в нем кладовую, да мало ли еще что. Интересно, для чего устроен магический чулан в подземелье старого замка? Может быть, Эмил хранит в нем свое золото? Нет, вряд ли, тогда он бы лучше следил за телепортом. Кстати, где телепорт?! Как выбираться обратно?! Похолодев внутренне, Хул обернулась, и в ту же самую секунду из-за груды камней на нее бросилось что-то огромное, темное, с желтыми горящими глазами, стуча хитиновыми пластинами панциря и утробно рыча. Забыв о своих демонических способностях, Хул с визгом шарахнулась в сторону, упала, больно подвернув ногу, закричала еще громче и тут же почувствовала, что ее хватают за руку и тащат за собой, выдергивая прямо из клыков жуткой твари. Пространство снова затуманилось, потом разорвалось с тихим хлопком, и Хул увидела себя сидящей на полу в темном зале недалеко от старого телепорта. А рядом стоял тот самый мальчишка с каштановыми кудрями, помощник Эмила.

— Сударыня,— произнес он значительно,— вам туда нельзя. Эмил рассердится, если узнает.

— Отстань,— злобно прошипела Хул. Не хватало еще выслушивать нотации от этого сопляка. — Понаставили телепортов, идиоты! Что это была за тварь? И зачем Эмил ее здесь держит? Эй ты, я тебя спрашиваю!

Мальчишка независимо покрутил конопатым носом и ответил:

— Меня зовут Мёдвик.

— Мёдвик,— с отвращением повторила Хул,— дурацкое имя. Зачем здесь этот телепорт?

— Я не знаю,— ответил мальчишка, но было понятно, что знает, только ни за что не расскажет без разрешения своего драгоценного Эмила.

Хул сердито засопела и с некоторым трудом поднялась на ноги. Голова еще немного кружилась, а колени дрожали.

— Идиотизм какой-то. Эта тварь могла запросто меня убить. Твой хозяин ненормальный! А если эта зверюга выберется оттуда? Сожрет вас обоих.

— Не выберется,— с отсутствующим видом произнес Мёдвик.— Пойдемте, вам здесь нельзя находиться.

Он подошел к столбам, провел по одному из них ладошкой, и синее свечение телепорта погасло.

— Пойдемте, а то ваше присутствие активирует его.

— Что делает? — переспросила удивленная познаниями мальчишки в устройстве телепортов Хул.

— Ну... включает,— устало пояснил мальчик.— Вы — демон. А он реагирует на демонов и включается.

— Интересно,— пробормотала подземная кошка, выходя вслед за ученым помощником колдуна из комнаты.— Откуда это ты знаешь, что я демон?

— Чувствую.

— И ты меня не боишься? — Ее вопрос прозвучал почти кокетливо, но Мёдвик этого не заметил.

— Не боюсь. Эмил говорит, мне нельзя бояться.

Занятный детеныш.

— Ну ладно, тогда покажи мне замок, если ты такой смелый.

Мальчишка посопел, взглянул на нее исподлобья и сказал почти сердито:

— Не могу. Мне за Эмилом присматривать надо, пока он спит, и еще травы сушить...

А потом повернулся к ней спиной и убежал. Вот оно, эмиловское воспитание! Очень вежливо оставлять даму одну в подземелье после пережитого страха. Интересно, он, что, следил за ней?

Все еще сердясь на Эмила вместе с его малолетним шпионом, Хул выбралась из подземелья и продолжила прогулку по замку. Набрела на занятную комнатку с кучей женских нарядов и провела остаток дня, примеряя платья.

Глава 14
ПАТАЛА

Эмил проснулся от холода. Здесь, в замке, по другую сторону реальности, никогда не было холодно. Что это — предупреждение, сигнал об опасности или он просто устал, слишком часто опускаясь в глубины мира? Посланник поднялся, распрямляя крылья, слез с кровати и, ступая босыми ногами по ледяному полу, подошел к камину. Пламя погасло. Из разбитого окна тянуло зимней стужей. Казалось, что сам тонкий мир просачивается сквозь дыру и ложится на камни стен белым инеем. И только золотой завиток мантры на шее грел вестника робким теплом.

Полудемон наклонился к камину, но не успел зажечь его, пламя вспыхнуло само, едва не опалив Посланнику лицо. За спиной прозвучал тихий смех. Эмил резко оглянулся. У стола стоял высокий темнокожий юноша в красной одежде. Из-за его широкого пояса свисал конец длинного ремня с петлей на одном конце, за плечом торчал конец короткого копья. У ног юноши лежал огромный пес и тяжело дышал, высунув острый красный язык.

— Извини,— сказал гость напевным глубоким голосом.— Не хотел тебя пугать.

— Это из-за тебя здесь так холодно? — угрюмо спросил Эмил, придвигая кресло ближе к камину.

Юноша с улыбкой повел плечами и опустился прямо на холодный пол, рядом со своим псом.

— Хорошо, что ты пришел, Ямэл,— сказал Посланник, глядя на него сверху вниз.— Мне нужна помощь.

— Моя? — В темных миндалевидных глазах гостя отразился вежливый интерес.

— Мне нужно попасть в храм Огня.

Ямэл положил руку на голову пса и задумчиво опустил веки.

— Это не по моей части. Я не повелеваю огнем. Ты же демон, ты должен разбираться в этом лучше меня.

— Да, демон...— Эмил в раздражении потянул цепочку, на которой висела мантра.— И Неосквернённый Огонь мне недоступен. А, кроме того, я разорван на две половинки. Одна из них заперта здесь и полностью зависит от другой, совершенно никчемной, человеческой.

— Что ж, в этом я мог бы тебе помочь. Освободить от человеческой части.— Ямэл качнул своей удавкой и рассмеялся, заметив, что Эмила передернуло.— Боишься смерти?

— Нет. Не боюсь.

— И напрасно.— Гость снова потрепал пса по загривку.

— Зачем ты пришел? — спросил Эмил, чувствуя, как его начинает колотить от холода.— Зачем вы вообще приходите ко мне?

Ямэл, бог Смерти, поднялся, слегка поклонился.

— Засвидетельствовать свое почтение. Ты же Посланник... Идем, Дитх,— сказал он псу и прошел мимо Эмила, растворяясь в воздухе на ходу. Собака побежала следом за ним, оглянулась на хозяина замка, блеснув белыми клыками в красной пасти, и тоже исчезла.

— Я не боюсь Смерти,— прошептал Эмил, глядя им вслед.— Я боюсь смерти.

Огонь в камине снова погас, угли зашипели, словно на них плеснули водой. Посланник рассеянно взглянул на умирающее пламя, провел ладонью по лбу. Смерти он не боится, но сталкиваться с ней... с ним, Ямэлом, вот так, в собственном замке, жутковато.

«Я не умру,— думал Эмил, вылетая через открытое окно.— Уж здесь-то точно. Стал бы Ямэл приходить ко мне, если бы знал, что в любое мгновение может выдернуть из меня душу своей удавкой. Нет, он тоже чувствует, что я один из них... Высших». Немного успокоенный этой мыслью, Эмил отлетел подальше от замка и огляделся.

В полумраке черная бесформенная глыба плыла медленно, как будто покачиваясь на невидимых волнах и неспешно меняла свои очертания. «То, что нужно».— Посланник поежился, машинально сжал теплый завиток мантры и, подлетев к темному куску материи, завис прямо над ним. В тонком мире свои «ворота» и свои порталы. Если знать, где их искать и как ими пользоваться, то можно попасть в очень полезные места. Эмил глубоко вздохнул, сложил крылья и стал падать в центр черного комка.

В первые секунды падения ему всегда казалось, что он разобьется о матовую поверхность. Поэтому Эмил зажмурился и снова пропустил

мгновение перехода из одной реальности в другую. Открыв глаза, Посланник увидел, что летит сквозь туман и его мерно взмахивающие крылья рассекают сизую муть, широкими полосами висящую в воздухе. Здесь было светло, как в сумрачный день на земле. Эмил огляделся, заметил внизу, под ногами, широкий просвет, нырнул в него, и перед его глазами открылась бесконечная равнина, изрытая норами. Десятки, сотни больших и маленьких отверстий протыкали коричневую землю, на которой не росла даже трава.

Патала — один из нижних миров — медленно разворачивался перед Эмилом. Нет, это не мрачное и величественное Дно, просто еще один из бесчисленных пластов тонкого мира. Невидимые друг для друга, они тесно переплетены, и в каждый можно найти дорогу, если знать, как искать.

Эмил знал. Еще в юности, только получив крылья, он метался по миру, закрытому для него прежде, в поисках новых прекрасных, страшных или опасных мест. И мечтал, чтобы его человеческий сон никогда не прекращался.

Он подозревал, что эта жажда путешествий и открытий перешла к нему от отца. Буллфер сам любил бродить по таинственным пластам тонкого мира, ценил неожиданные знакомства и собирал всяческие полезные редкости... Но это было раньше, до того, как он стал Хозяином. Теперь у него было слишком мало свободного времени. Он даже перестал приходить в свой замок, где теперь жил Эмил. А жаль...

Посланник еще раз внимательно присмотрелся к черным дырам, выбрал самую большую и полетел вниз, в глубокий колодец. Гладкие стенки вертикального тоннеля были отполированы, и слабый свет с поверхности отражался на их гладких плитах. Потом вдруг стало темно, и сколько Эмил ни смотрел вверх, он не мог разглядеть белого кружка выхода. Зато снизу стало подниматься бледное холодноватое свечение. На какое-то время Эмилу показалось, что он перепутал направление, незаметно для себя развернулся где-то и теперь летит назад, а потом в голову пришла дикая мысль о том, что будет, если он неожиданно проснется в человеческом мире. Неужели его крылатое тело так и будет медленно падать вниз, в светящиеся ледяным светом глубины? Эмилу стало жутко, он изо всех сил рванулся вперед и вдруг увидел вокруг себя длинные светящиеся искорки. Они возникали из воздуха и танцевали вокруг. Легкие, быстрые, тонкие змейки. Наги. Хозяева подземного мира Паталы.

Монолитная шахта тоннеля оборвалась. Теперь полудемон пролетал сквозь каменные пещеры, залитые все тем же холодным светом. Он видел высокие, полупрозрачные колонны, подпирающие своды, какие-то тонкие конструкции, свисающие с потолка, серебристые арки. И среди этих залов... дворцов... мелькали все те же разноцветные блестящие

змейки. Одни были совсем маленькими и проносились мимо, рассыпая во все стороны ослепительные искры. Другие проплывали медленней, и Посланник мог разглядеть их плавно изгибающиеся тела с пестрым узором шелковистой кожи. Третьи, огромные, текли тускло светящимися реками, отражая своими гладкими спинами кружевные своды пещер.

Уже давно Эмил чувствовал, что его сознание начинает странно мерцать. Голова кружилась, когда он смотрел на переливы змеиных тел, временами его клонило в сон, и он встряхивал головой, чтобы очнуться, но сонная одурь липла к нему все сильней. А потом из пустоты прямо в лицо Посланнику взглянули два огромных змеиных глаза, сверкающие разноцветными огнями, как бриллианты, отражающие свет всеми своими гранями.

— Наг,— произнес Эмил громко и... очнулся.

Он стоял на холодном каменном полу посреди полутемной пещеры. Здесь не было хрустальных арок и колонн, украшавших другие залы. Только голый гладкий камень и ни одного выхода. А впереди горели все те же холодные глаза, и в темноте угадывались движения гигантского змеиного тела.

— Приветствую тебя, Наг,— сказал Эмил и с удивлением не услышал в своем голосе дрожи.

Глаза в ответ потухли на секунду, закрываясь, и снова зажглись ледяным пламенем.

— Приветствую тебя, Посланник,— услышал Эмил в ответ и все-таки вздрогнул. Наги общаются мысленно, и шелестящий голос повелителя Паталы звучал прямо в голове у гостя.— Что тебе нужно?

— Мне... мне нужен твой совет, повелитель,— уклончиво ответил Эмил.

Наг издал звук, очень похожий на змеиное шипение.

— Я просил тебя не беспокоить меня по пустякам.

— Да, я помню,— поспешил заверить его Посланник.— Но только ты можешь помочь мне... если захочешь, конечно.

Огромное туловище медленно шевельнулось, темнота в пещере как будто сгустилась еще больше.

— Говори,— приказал Наг.

— Мне нужно попасть в Храм Огня,— быстро сказал Эмил.

Несколько мгновений Наг молчал, потом темнота вдруг зашевелилась, и полудемон почувствовал, как сжалось его сердце. Из мрака ему навстречу выдвигалось... лицо повелителя. На треугольной змеиной морде сверкали близко посаженные холодные глаза, плоский нос с широкими ноздрями шумно втягивал воздух, безгубый рот очень похож на пасть дракона. И грива. Красные язычки пламени вокруг головы.

Эмилу очень хотелось отвернуться. Он вдруг подумал, что, может быть, совершает большую ошибку, прося помощи у этого существа.

— Демон не может пройти в храм,— медленно выговорил Наг, потряхивая своей огненной гривой.

Посланник позволил себе незаметно вздохнуть с облегчением. По крайней мере его не сожрут за святотатство сразу.

— Я знаю. Поэтому и прошу помощи у тебя. Ты очень мудр.

Наг никак не отреагировал на грубую лесть, продолжая изучать гостя бриллиантовыми глазами.

— Тебе нужен Ключ,— произнес он наконец.

— Ключ,— повторил Эмил, глядя на гипнотический танец пламени на голове Нага.— Извини, повелитель, но ты не мог бы...

Змей понял, треугольная морда мгновенно убралась в темноту, и через минуту Посланник увидел существо одного с собой роста. О его похожести на человека или демона было трудно судить, Наг был одет в длинный черный плащ с капюшоном, под которым невозможно было разглядеть его лицо.

— Так лучше? — спросил он с легкой насмешкой, и Эмил с облегчением кивнул. Не то чтобы он не любил змей, но все же...

— Тебе нужен Ключ,— повторил Наг, и в его голосе появилось больше живых интонаций.— Ключ, чтобы открыть «ворота» и чтобы взять Рубин Карашэхра. Ты ведь за ним идешь?

— Да,— нехотя признался Посланник.— Но где его взять?

— В твоем сердце.— Змей вытянул чешуйчатую когтистую лапу, указывая на грудь Эмила.

— Да? — скептически отозвался тот.— И что это за Ключ?

— Любовь,— отозвался тот.— Неосквернённое чувство, которого лишены демоны. Не усмехайся так. Я говорю о любви как о силе...

— Но я демон. Я не умею любить.

— Неужели? — усмехнулся Наг.

И Эмил вдруг понял, что тот прав. Действительно, человеческая часть души, которую он презирал и пытался вытравить из себя, умела любить.

— Ты чувствуешь? — прошептал над ухом Наг.

— Да!

— Забудь, что ты демон. Испытай это чувство как можно глубже. Думай о нем.

Эмил напрягся, потому что его крылатому демоническому телу стало больно от острых человеческих чувств.

Мама. Мёдвик. Нельга... отец... И вдруг стало больно по-настоящему. Что-то острое, холодное полоснуло по груди, чуть ниже сердца, и Эмил почувствовал, как по коже потекла кровь.

— Думай. Думай о них! — шипел Наг, и Эмил снова и снова возвращался к мучительному чувству, которое заполнило все его сердце и вытекало сейчас вместе с его кровью. Мама... Мёдвик... Нельга... «А я и не знал, что это любовь»... Мёдвик... Нельга...

Когда боль прошла, полудемон посмотрел на свою грудь и увидел кровь. Она была красной. Человеческой. Эмил удивился.

— Какая алая,— пробормотал он и глянул на змея.

Тот все так же стоял перед ним, держа в когтистых руках камень, пульсирующий неровным красным огнем. Эта пульсация совпадала со стуком сердца Эмила.

— Что это? — спросил Посланник.

— Ключ,— ответил Наг, и в его шипящем голосе снова послышалась насмешка.— Им ты... или тот, кто пойдет в Храм вместо тебя, откроет ворота.

Эмил тупо смотрел на продолговатый корунд и никак не мог сообразить, откуда тот взялся, затем перевел взгляд на свою грудь, залитую кровью, и только тогда понял.

— Ключ из моей крови,— прошептал полудемон и взял алый камень. Он был теплым.— Спасибо, повелитель. Что ты хочешь за помощь мне?

Наг медленно покачал головой, скрытой под капюшоном.

— Мне ничего не нужно.

— Почему?

Тот отступил в тень, возвращаясь в прежний образ, и сказал:

— У меня нет никаких желаний.

Эмил снова увидел перед собой горящие огромные глаза и почувствовал, как нечто подхватывает его, вынося из пещеры. В голове помутилось, потяжелели крылья, сильнее заныл порез на коже. Он крепче сжал Ключ, позволяя Нагу перемещать себя на поверхность.

Теперь полудемон мог бы сам добыть Рубин Карашэхра. И сам отнес бы его отцу, если бы Храм не находился так далеко. «Я просто не долечу туда,— в отчаянии шептал колдун.— Нет, туда-то, может быть, и доберусь. Но не успею вернуться обратно — человеческое тело умрет».

В свой замок он мчался задыхаясь от усталости. На создание Ключа ушло слишком много крови... и любви.

Посланник невесело усмехнулся и, тяжело взмахивая крыльями, влетел в окно. Но приятные мечты об отдыхе тут же пришлось забыть.

Зал был ярко освещен, стол сдвинут к стене. Место у камина занял Квезал в полном парадном облачении, с венцом из разноцветных перьев на голове и множеством блестящих браслетов на руках и ногах. Его змея свернулась кольцами, образуя нечто вроде трона, на котором великолепный бог разума и восседал гордо. Она что-то нашептывала хозяину на ухо, поглядывая по сторонам мерцающими глазками. Тот благосклонно кивал, не забывая прикладываться к большому резному кубку, который держал в руке. На кровати, поджав под себя ноги, опять сидел Ахы-н и, склонив голову к плечу, меланхолично наигрывал что-то на моринхуре. Но это было еще не все — по комнате с воплями и хохотом носились неразлучные братцы-читипати. А к ним у Эмила было особое отношение. Выглядели родственники весьма специфически, и не чуждый эстетству Посланник с большим трудом выносил их присутствие. Причем один из них был немым (что совсем не удивляло при взгляде на их абсолютно не отягощенные плотью тела), а другой, как предполагал Эмил, глухим, хотя второй братец тщательно скрывал этот свой недостаток. Но самое главное — оба отличались буйным темпераментом и

любили подраться, что обычно заканчивалось довольно плачевно. Помнится, в прошлый раз Эмил вытряхнул из замка два мешка костей, надеясь, что драчуны никогда больше не соберутся обратно. Но нет, как видно, собрались.

Сегодня господа развлекались игрой в кегли: шары и биты они захватили с собой. Благо у них там этого добра навалом.

Эмил мрачно проследил за тем, как мимо него прокатился, подскакивая, человеческий череп и врезался в груду костей. Стоило, наверное, устроить скандал, наорать на незваных гостей и вытолкать их из замка. Он уже совсем было собрался сделать это, как вдруг понял, что устал невыносимо. Кружилась голова, и еще, как ни странно, огорчало то, что кровь у него обычная, красная, человеческая... Увлеченные игрой читипати наконец заметили его.

— Эмил!.. А, Эмил! Давненько не виделись! — завопил глухой братец.— Сыграй с нами. У меня тут есть специально для тебя чудесно обкатанный шарик!

Его немой родственник замычал и захихикал, тыкая брата пальцем в ребра. Квезал продолжал кивать, бессмысленно глядя в одну точку и проливая вино себе на колени. Ахы-н поднял голову и, не переставая перебирать струны, сказал:

— На тебе кровь. Ранен?

Эмил с непонятно откуда взявшейся ненавистью оглядел их, прорычал сквозь зубы:

— Да идите вы все!..

Хорошо, что в замке был не один зал. Посланник вышел, хлопнув дверью, и заперся в другой комнате, поменьше, но тоже с камином. Сел у огня, положил на колени Ключ, созданный из собственной крови. Он по-прежнему пульсировал, сохраняя ритм биения сердца. Ну вот, самое главное сделано. Остается узнать дорогу. «Но это я уже сам. Ах, отец, если бы ты сделал меня сильнее. Если бы я мог навсегда остаться в этом мире... Но я понимаю, ты не всесилен».

Эмил растянулся на полу у камина, крепко прижал к груди свой рубин и закрыл глаза, готовясь проснуться в другом замке, в другом теле...

Глава 15
БЕРЕГИ КЛЮЧ!

Полудемон проснулся поздно вечером.

Хул вся извертелась в кресле, дожидаясь, когда он наконец изволит прийти в себя.

Мёдвик тоже сидел тут, расставляя на столике у кровати какие-то баночки, стаканчики и тарелочки. Видно, что мальчишка знает свое дело. С невольным уважением Хул взглянула на маленького помощника, сосредоточенно растирающего корешки в ступе.

— Ох, ну скоро он проснется?! — воскликнула она в очередной раз.

— Скоро,— кивнул невозмутимый Мёдвик.

— А ты откуда знаешь?

Тот ничего не ответил, только сердито насупился и неодобрительно посмотрел на нее.

— Эмилу не понравится, что вы надели это платье,— заявил он вдруг.

Хул фыркнула и повела обнаженными плечами, краем глаза взглянула в зеркало:

— Много ты понимаешь!

Тонкий белый шелк элегантными глубокими складками драпировал ее великолепную фигуру, полупрозрачная легкая вуаль спускалась с высокого атура, из-под которого на шею выбивались два золотистых завитка. Наряд немного старомодный да и в сундуке пролежал долго, на рукаве ткань немного вытерлась, но это почти незаметно. Зато как эффектно он подчеркивает ее великолепную талию и облегает бедра.

— Это платье его матери,— сказал Мёдвик тихонько.

Хул презрительно скривилась, а потом рассмеялась:

— А разве у него была мать?

Мальчишка нахмурился еще больше. Похоже, хотел сказать что-то резкое, но в это время с кровати послышался приглушенный стон, и Мёдвик бросился к своему господину. Хул тоже подошла, взглянула. Эмил медленно выходил из оцепенения, в котором пролежал целые сутки. Его глаза подрагивали под закрытыми веками, по горлу тоже пробегала быстрая дрожь, как будто он хотел вздохнуть и не мог. Мёдвик быстренько подсунул ему под нос маленький флакончик, зашептал что-то. Эмил наконец-то вздохнул, дернулся всем телом и открыл глаза. Черные, пустые... Хул поежилась, когда заглянула в них. А он вдруг опустил веки, прижал ладонь ко лбу, застонал глухо.

— Что? — спросила Хул.

— Голова болит,— пробормотал он.

— Хочешь, я полечу?

— Нет.

Эмил приподнялся с помощью мальчишки, взял из его рук стакан с каким-то отваром, выпил и снова упал на подушки. Когда он второй раз открыл глаза, взгляд его был прежним. Насмешливым, внимательным и, что самое главное, осмысленным.

— Зачем ты так мучаешь себя? — спросила Хул.— Тебе ведь это вредно?

— Я не демон,— ответил он раздраженно.— Мне приходится вводить себя в такое состояние, чтобы мой разум почувствовал себя свободным от человеческого тела. А некоторые, получив силу от рождения, даже не почешутся, чтобы использовать ее.

Хул сердито поджала губы. «Некоторые» — это, надо полагать, она?

— Ладно, ты что-нибудь узнал?

— Узнал.

Эмил улыбнулся Мёдвику, погладил его по румяной щеке:

— Спасибо, малыш. Мне уже лучше. Ты можешь пойти погулять.

Мальчишка послушно кивнул, собрал свои коробочки с пузырьками и вышел. Эмил снова откинулся на спину и сказал:

— Хул, одна просьба. Сними это платье и положи туда, откуда взяла.

— А что, оно мне не идет? — Кошка повела соблазнительными обнаженными плечами, но Эмил зло сощурился и повторил:

— Я сказал, сними его.

Хул еще раз обворожительно улыбнулась и решила проигнорировать слова колдуна, который явно продолжал оставаться не в себе.

— Сними это платье,— медленно, по слогам произнес Эмил.

Пришлось снимать. Этот негодяй снова улегся в постель и закрыл глаза, всем своим видом демонстрируя, что не скажет ни слова до тех пор, пока она не выполнит его приказ.

Хул мстительно фыркнула, содрала с себя белый наряд, не заботясь о сохранности тонких кружев, запихала его в сундук и пожелала, чтобы моль поскорее сожрала это барахло. Потом натянула собственное платье, алое, из тонко выделанной кожи, на золотой шнуровке, покрасовалась перед зеркалом, немного подтемнила волосы и вернулась к Эмилу.

Он сидел на постели и пил вино прямо из кувшина, не очень-то заботясь о том, что жидкость льется через край, тонкой струйкой стекая на его безволосую грудь. Увидев Хул, он опустил кувшин, перевел дыхание и заявил:

— Хорошо. Так, по крайней мере, ты похожа на себя.

Хул недовольно скривилась от этого сомнительного комплимента и села в кресло, вежливо дожидаясь, пока он напьется. «Если он сейчас соберется еще и ужинать, я взвою!» — подумала Хул. Но Эмил больше не стал мучить любопытную кошку. Поставил пустой кувшин на столик, утерся полотенцем, довольно вздохнул и сказал:

— В Храм Огня ты пойдешь одна.

Хорошенькие новости! Одна! Нет, конечно, колдун уже говорил об этом раньше, но Хул надеялась, что все как-нибудь решится, и ей не придется пробираться через все Южные земли в одиночку. Она капризно надула губки:

— И как же это я пойду туда совсем одна?

— Хватит валять дурака! — сердито сказал Эмил.— Ты демон, а не хрупкая великосветская барышня... Я буду поддерживать с тобой мысленную связь. И помогу тебе, если понадобится моя помощь.

— Ладно.— Хул тоже стала серьезной.— Как попасть в Храм?

— Я дам тебе Ключ от ворот.

— Ты достал Ключ?!

— Да,— ответил он нехотя.— Достал.

Хул растерянно посмотрела на своего человеческого любовника, потеребила золотой шнурок на платье и спросила:

— Значит, можно уже идти?

И сама же ответила на свой вопрос: «А что меня удерживает? Я свободна. Уж лучше прогуляться по Южным землям, чем сидеть в убогой норе над рекой лавы и жалеть себя. Я — кошка, а кошки живучи, хитры и коварны».

— Я пойду,— сказала она, поднимаясь из кресла.— Только мне нужно взять с собой кое-что в дорогу.

— Подожди,— Эмил протянул руку, подзывая ее к себе.— Иди сюда.

Она подошла, послушно опустилась на колени у кровати, удивляясь— неужели он хочет поцеловать ее на прощанье? Это было бы совсем по-человечески. Романтично. Но, как оказалось, полудемон не хотел целоваться. Он положил ладонь ей на затылок и заставил смотреть себе в глаза. «Хочет установить мысленную связь»,— догадалась Хул. Сначала не было никаких новых ощущений, потом висок как будто укололи острой булавкой. Тонкая раскаленная спица пронзила насквозь ее лоб. Хул громко засопела от боли и увидела, что Эмил тоже болезненно морщится. Потом стало легче, и она услышала знакомый, чуть хрипловатый голос прямо у себя в голове:

— Хул... слышишь?

— Да,— ответила она вслух и тут же повторила мысленно: «Слышу».

Эмил довольно улыбнулся и снова завалился на постель.

— Теперь иди.

Кажется, целовать ее он действительно не собирался.

— Ты не дашь мне карту Южных земель?

— А ты умеешь читать карты? — ехидно осведомился Эмил.

Разгневанная, Хул вскочила, одергивая платье, и зашипела от злости:

— Хватит считать меня безмозглой дурой! Я не глупее тебя, господин колдун! Давай сюда Ключ!

Посмеиваясь, полудемон запустил руку под подушку и вытащил сверкающий продолговатый корунд насыщенного алого цвета.

— Ух ты! — прошептала потрясенная Хул, любуясь драгоценным камнем. Она всегда была неравнодушна к драгоценностям, и Буллфер в прежние, благополучные времена задаривал свою красивую фаворитку прекрасными безделушками. («Ладно, подожди, мерзавец, я тебе тоже преподнесу подарочек!»)

— Хул,— строго сказал Эмил, наблюдая за быстрой сменой выражений ее лица.— Это не рубин. Не простой рубин. Его нельзя продать или носить на себе как брошку.

— Эмил, не будь идиотом! — с достоинством заявила Хул.— Я понимаю значение магических предметов.

Колдун с сомнением повел бровью, ничего не сказал, но все же помедлил секунду, прежде чем протянул ей камень. Хул осторожно взяла Ключ и залюбовалась переливами алого пламени в его глубине. Он был теплым, приятно грел ладони, и его совсем не хотелось выпускать из рук, но кошка аккуратно завернула камень в платок и убрала в мешочек, висящий на поясе.

— Не потеряй,— строго велел Эмил, ревниво следящий за ней.

— Не потеряю.

Она потуже затянула шнурки на мешочке, подняла голову и пристально посмотрела на колдуна.

— Ну... я пошла.

— Иди,— ответил он, не делая даже попытки приподняться.

Вот и все прощание. Хул постояла еще минутку, надеясь, что он скажет что-нибудь ободряющее, по-человечески милое, но колдун молчал и смотрел на нее странным, ничего не выражающим взглядом.

Хул резко отвернулась, взмахнув подолом красного платья, содрала со стены карту Южных земель, небрежно свернула ее, сунула в мешочек и вышла из комнаты, даже не взглянув на сообщника.

Спускаясь по узким стертым ступеням боковой лестницы, она чувствовала, как Ключ греет ее, и старалась не думать о своем последнем странном ощущении. Хул показалось, что Эмил просто... использует ее. Что ей на самом деле совсем не хочется идти в Южные земли добывать загадочный Рубин, все это нужно самому колдуну. Машинально поглаживая теплый корунд через ткань мешочка, демоница открыла дверь, надежно скрытую кустами от посторонних, и выбралась из замка.

Бледная тень телепорта, невидимая для людей, висела над тропинкой и ждала, когда кошка решит вернуться домой. Этой хитрости Буллфер научил свою подружку давно. Для перемещения туда-обратно совсем не нужны два телепорта. Достаточно перенести вместе с собой в голове четкий образ «ворот» и заставить его «вынырнуть» из памяти в момент появления в нужном месте, откуда решишь отправляться назад. Фокус этот срабатывал не всегда, не везде, и «ворота», с которых снимали мысленный слепок, должны были быть очень мощными, чтобы их магического заряда хватило на перенос по памяти.

Хул подняла голову, чтобы посмотреть на черные шпили башен, и пообещала себе, что вернется в этот замок с Рубином Карашэхра или... или сюда вообще не имело смысла возвращаться.

Она вошла в бледную тень телепорта и вынырнула уже в Подземелье.

Быстренько добежала до своей каморки и заперлась в ней. Что-то подсказывало: надо спешить — время, которого у нее раньше было больше, чем нужно, стремительно заканчивалось. Демоница носилась по комнате, хватала одну вещь и тут же бросала ее, бралась за другую и снова откладывала в сторону. Рассыпала коробку с пудрой, налетела на треножник, чуть не опрокинула его и только тогда немного пришла в себя.

— Эмил!! Эмил, ты меня слышишь?!

— Да,— прозвучало в голове так отчетливо, словно колдун находился рядом с ней, в одной комнате. Хул растерянно огляделась, конечно же никого не увидела и немного успокоилась.

— Ты правда меня слышишь? На таком расстоянии?!

— Слышу. Тебе не обязательно говорить вслух, просто думай.

— И ты будешь слышать все мои мысли? Все?!

— Не все, только обращенные ко мне.

— А ты видишь, где я? Что я делаю?

— Сейчас нет. Но буду видеть, когда наша связь станет... крепче.

Послышалось ей или он действительно усмехнулся, произнося последнее слово.

— Ну хорошо,— произнесла Хул неуверенно, еще не зная, действительно ли хорошо то, что он может смотреть на мир ее глазами.— Тогда я буду собираться.

— Собирайся,— разрешил он снисходительно, а потом добавил немного ворчливо: — И вот еще что: будь добра, не дергай меня по пустякам. У меня нет времени, чтобы болтать с тобой через каждые полчаса.

— А когда тебя можно будет позвать? — осторожно поинтересовалась демоница.

— Когда доберешься до южной границы,— заявил сообщник и «отключился».

— Эмил,— тихонько позвала кошка на всякий случай, ответа не дождалась, но не расстроилась. Ей тоже не очень-то хотелось, чтобы он все время сидел у нее в голове.

Ободренная мысленным разговором, Хул вытащила вместительный кожаный мешок, подходящий, по ее мнению, для долгого путешествия, и стала складывать в него всяческие полезные вещи. Баночку с благовониями, кое-что из одежды, коробочку засахаренных каштанов (очень уж она любила это человеческое лакомство), немного косметики и, конечно же, Кошку-идола, бережно завернутую в мягкую ткань.

Потом Хул приподняла мешок и недовольно поморщилась — тяжело. Жаль, она не Высший демон — убрала бы весь походный скарб в личное пространство, и никаких забот. А так придется тащить все на себе.

Демоница взглянула в зеркало, с досадой обнаружила, что ее тщательно прорисованная маска пепельноволосой красавицы с тонкими бровями начинает безнадежно «съезжать» и сквозь нее проглядывает ее собственное, раздраженное, утомленное, злобное лицо. А его Хул не очень-то любила открывать.

В порыве злорадства подземная кошка позволила этой физиономии целиком проступить сквозь холеный, миловидный образ и подумала

мстительно, каково этому эстету Буллферу было бы узнать, с кем он развлекался так долго. Какая она на самом деле! Скривил бы свою рыжую морду и велел убираться подальше. Ладно, Хозяин, полюбуйся пока на своего ангелочка.

Рывком развязав мешок, Хул безо всякого сожаления вытряхнула из него большую часть барахла, оставила только статуэтку (все-таки Кошка помогала ей иногда), карту и еще кое-какие мелочи. Ключ повесила на шею. Надвинула на злобно-безобразное лицо капюшон и, не меняя образа, вышла из комнаты.

Демоница никогда всерьез не задумывалась об устройстве мира. Эмил пытался как-то рассказать ей о каких-то тонких полях, пересекающихся субстанциях и сумеречных полосах, но она благополучно пропускала эти объяснения мимо ушей, дожидаясь, когда он наконец перестанет болтать и займется с ней чем-нибудь более приятным. И вот теперь оказывается, она напрасно не слушала его, узнала бы много полезного.

Мир Хул делился на три части до крайности легко: мир демонов — дом; мир людей, где иногда можно неплохо поразвлечься; мир ангелов — далекий, непонятный, враждебный. А по словам Эмила, существуют еще другие миры, и их очень много...

Глава 16
НЕВИННЫЕ ШУТКИ

День был солнечный, ясный. Как раз такого Мёдвик дожидался, чтобы собирать травы. Мальчик-ведун взял свой холщовый мешочек и стал спускаться вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он прошел по крытой галерее, спустился по боковой лестнице на узкий балкончик, вышел через маленькую дверку и оказался в лесу.

Когда-то здесь был парк, начинающийся прямо у северной стены замка, кое-где в высокой траве еще виднелись очертания клумб, линии прямых дорожек, редкие растения. Но со временем сад одичал, многие деревья и цветы погибли, клумбы заросли сорняками, а давно не стриженная живая изгородь буйно зацвела.

Мёдвику нравилось ходить в заброшенный сад. Он бродил по старым тропинкам, отыскивал местечки, где росли полезные травы, слушал голоса цветов, узнавал знакомые и пытался понять, что нашептывают ему новые.

Корзинка постепенно наполнялась. Мёдвик аккуратно собирал сорванные стебли один к одному, перекладывая их палочками, чтобы капризные растения не задохнулись без воздуха. Он был занят сбором трав уже довольно далеко от замка, когда услышал приближающийся стук копыт и грохот колес по камням.

Мальчик выглянул из-за кустов и увидел замечательную картину. По дороге катилась великолепная карета, запряженная четверкой белых лошадей. Ими управлял кучер в зеленом камзоле, расшитом золотыми вензелями. Из окна кареты выглядывало бледное, напряженное лицо какого-то важного господина. Солнце весело блестело на позолоченном гербе, украшавшем дверцу, сверкало на пластинках дорогой лошадиной упряжи и бросало в глаза господина разноцветные блики. Тот морщился, неприязненно поджимал губы и все время вытирал лицо маленьким кружевным платочком... Мёдвик уже понял, зачем сюда едет этот важный человек и что будет дальше. Не выпуская из рук корзины, он нырнул в густые заросли и побежал домой, заранее радуясь предстоящему развлечению.

Карета остановилась на повороте к замку. Они все здесь останавливались. Собирались с духом перед визитом к черному колдуну, думали, не повернуть ли назад, пока не поздно. И никто не поворачивал. Перехватив удобнее ручку корзинки, Мёдвик вышел из-за живой изгороди, и его тут же заметили.

— Мальчик! Эй, мальчик!

Из окна кареты высунулась рука в кружевном манжете, с разноцветными перстнями на пальцах и поманила его:

— Подойди сюда. Не бойся.

Мёдвик как раз и не боялся, а вот у господина из кареты голос чуть-чуть подрагивал сквозь высокомерные интонации. Мальчик подошел ближе, с любопытством разглядывая великолепных лошадей, золотые украшения и бахрому занавески на окошке. Кучер подозрительно покосился на кудрявого подростка в бархатном костюмчике, с корзинкой в руке и отвернулся, всем своим видом выказывая презрительное равнодушие. Его хозяин, наоборот, пытался изобразить ласковую улыбку.

— Ну же, мальчик, не бойся. Иди сюда. Как тебя зовут? Ты знаешь, как проехать к замку?

Мёдвик недоверчиво, исподлобья взглянул на вежливого господина, задающего странные вопросы.

— Зовут меня Мёдвик. А замок вон за теми деревьями. Его же видно отсюда, чего вы спрашиваете?

Кучер недовольно заерзал на козлах, услышав дерзкий ответ мальчишки. А господин покраснел под слоем пудры, покрывающим его лицо. Мёдвик увидел, что весь он какой-то ненастоящий, манерный, дерганый, с волосами, закрученными крупными локонами, в кружевах и бархате, весь такой ласковый и улыбчивый, а глаза злые. Во взгляде напудренного незнакомца снова мелькнуло раздраженное неудовольствие. Видно же, ему противно стоять на пыльной дороге и объясняться с сопливым мальчишкой, но господин снова справился с собой и заулыбался еще обворожительнее:

— Мальчик, ты ведь слуга господина колдуна?

— Я его помощник,— хмуро сказал Мёдвик.— А вы кто?

— Да-да, помощник... Мне нужно видеть господина колдуна по очень важному делу. Очень важному!

Мёдвик пожал плечами. К Эмилу все ездили по очень важным делам. Никто не появлялся просто так. Никогда бы не решился.

— Так поезжайте. Он сегодня дома.

— Ты покажешь дорогу?

Кружевной господин Мёдвику не нравился, поэтому он снова пожал плечами:

— А чего тут показывать?! Езжайте прямо.

Визитер снова нервно дернулся. «Трусит,— понял Мёдвик.— Сейчас начнет просить, чтобы я поехал с ним».

— Вот что, мальчик! — Господин решительно распахнул дверцу кареты.— Ты поедешь со мной. Думаю, тебе еще не приходилось кататься в такой великолепной карете.

Мёдвик насмешливо сморщил нос: если бы этот задавака знал, где и на чем помощнику колдуна приходилось кататься, у него от зависти кудри бы развились. И все же мальчишка залез в карету. Было интересно, как там внутри все устроено. Оказалось — очень роскошно. Кругом атлас, бледно-зеленый в цветочек, на сиденьях подушечки, под ногами мягкий ковер, на окошках покачиваются занавесочки с длинными кистями. На маленьком столике, привинченном к стенке, лежит открытая коробка конфет, а в нише над головой господина — маленькая фигурка ангела с позолоченными крылышками; пахнет духами, фиалковой водой и пудрой.

— Значит, мальчик, ты не знаешь, кто я?

Мёдвик только равнодушно повел плечом.

— Так вот, ты едешь в карете господина маркиза де Ла Феррайет.

Мёдвик не успел никак отреагировать на это заявление, подушки на сиденье зашевелились, и на колени к помощнику колдуна забралась крошечная собачка с огромными круглыми глазами, тощим тельцем и коротенькой светлой шерсткой. Маркиз тут же подхватил ее и нежно прижал к груди.

— Цезарь, дорогой, ты тоже нервничаешь, бедняжка. Потерпи еще немного. Скоро мы приедем.— Он поцеловал собачку в морду и запихнул ей в пасть конфету. Мёдвик отвернулся к окну.— Так что, этот ваш колдун действительно такой сильный? — Господин маркиз как будто ободрился.

— Еще какой,— многообещающе заявил мальчик.

— А он... дорого берет за свои услуги?

— Это смотря какие услуги.

Маркиз рассеянно пригладил локоны на висках и вздохнул, крепче прижимая к груди круглоглазую собачку. Карета остановилась.

— Что, уже приехали?

— Приехали.

Мёдвик открыл дверцу и выпрыгнул наружу, бережно придерживая свою корзинку.

— Вы ждите здесь. А я скажу о вас господину колдуну.

Маркиз кивнул, заметно бледнея.

Эмила Мёдвик нашел в библиотеке. Колдун сидел на полу у камина. Перед ним лежала доска, расчерченная черными и белыми квадратами. В квадратах стояли деревянные фигурки. Мёдвик знал эту игру. Эмил время от времени играл в нее, то ли сам с собой, то ли с невидимым противником. Во всяком случае, одни фигурки он переставлял, а другие ездили по доске самостоятельно. Вот и сейчас одна маленькая белая штучка, которая, кажется, называется пешкой, прыгнула вперед, и колдун тут же сбил ее другой, черной фигурой.

— Эмил,— тихонько позвал Мёдвик, жалея, что не сможет досмотреть интересную игру до конца.— Извини, что отвлекаю, но к тебе приехал господин маркиз. Говорит, по делу. Очень важному.

— Да, знаю,— сказал Эмил, поворачивая доску так, чтобы перед ним оказались черные фигурки.

— Ты примешь его?

Колдун поднял голову и рассеянно посмотрел на Мёдвика. Видимо, думал о чем-то своем, важном, и визит гостя был очень не вовремя.

— Сказать, что ты занят?

Эмил подумал еще немного, потом вдруг улыбнулся и перемешал все фигуры на доске.

— Ладно. Проводи его в кабинет для гостей. Я сейчас приду.

Мальчик весело кивнул и вприпрыжку побежал во двор, где томился в карете маркиз.

Оказавшись в замке, де Ла Феррайет побледнел еще сильнее, старался, чтобы его каблуки не стучали по каменному полу, и все время оглядывался. И вообще, по мнению Мёдвика, он выглядел ужасно глупо. Весь в кружевах, лентах и бантах, на поясе висит шелковый кошелек, тонкий кинжал в резных ножнах и маленькая коробочка на цепочке, а на руках сидит все та же собачка с большим красным бантом, пристегнутым к ошейнику.

В кабинете, среди знакомых вещей, маркиз немного успокоился. Рассеянно пробежал взглядом по корешкам книг, стоящим в шкафу, посмотрел в окно, опустился в кресло, поглаживая собачку по голове, но потом снова вскочил. Мёдвик тихонько сидел на скамеечке и наблюдал за беспокойным господином. Те, что приезжали раньше, тоже нервно бегали по комнате и тоже боялись. Эмил говорил, что из всех человеческих страстей самая сильная и разрушительная — страх. Он парализует волю, сознание, мысли... Поэтому, повторял Эмил, Мёдвик не должен бояться. Никогда. Никого.

Колдун появился неожиданно, даже дверь не скрипнула. Маркиз вздрогнул и захлопал глазами, когда увидел приближающуюся к нему темную фигуру. Хозяин замка был в черном, только на поясе светилась багровыми камнями толстая золотая цепь с рубинами — любимое украшение Высших демонов.

Господин де Ла Феррайет явно не знал, что делать и какую роль начинать играть — робкого просителя или великосветского вельможи, чей визит должен был осчастливить деревенского знахаря. Осчастливленным Эмил не выглядел. Взгляд черных узких глаз методично обшарил фигуру маркиза. Тот и сам умел одним высокомерным виртуозным движением бровей сбить спесь с любого хама, будь это великосветский невежа или пьяный воин-наемник, но сейчас он вдруг отвел глаза в сторону, чтобы не видеть красных огоньков, вспыхивающих в зрачках колдуна. «Такое чувство, что попал под прицел заряженного арбалета. И мальчишка сидит как истукан,— мучительно соображал маркиз,— хоть бы представил, паршивец». Но, самое страшное, маркиз начинал припоминать и эти черные узковатые глаза, и давящий взгляд, и небольшой нос с хищно вырезанными ноздрями, и в особенности рубиновый пояс. А колдун-то, оказывается, демонического происхождения. Вот тебе и «деревенский знахарь»!

Это обнадеживало и пугало одновременно. Значит, действительно что-то может. Не наврал господин Сен Жюст, отправляя за помощью к отшельнику. А с другой стороны, противный страх начал покалывать кожу на затылке — кто знает, что взбредет в голову этим демонам.

Незваный гость осторожно покосился на мальчишку, пытаясь разглядеть и в его лице нечеловеческие признаки, но ничего особенного не заметил. Глаза как глаза, обычные, янтарно-карие, бархатные, на носу несколько веснушек... Бывают ли конопатые демоны, маркиз не знал, но думал, что скорее всего нет. Значит, мальчик — человек. Маркиз немного приободрился и решил, что самым достойным будет признать колдуна равным себе. Он заулыбался, широко, искренне (самое главное в игре на публику — искренность), и сделал несколько шагов навстречу колдуну.

— Господин колдун, я столько слышал о вас и бесконечно рад, что могу наконец лицезреть лично.

Учтивая фраза не произвела никакого впечатления. Эмил продолжал стоять, поблескивая алыми камнями на поясе, и смотрел на маркиза как на идиота, а мальчишка в углу тихонько хихикнул. Де Ла Феррайет снова задергался. Попытался произнести еще что-нибудь, но сбился под пристальным демоническим взглядом и замолчал.

— Ладно,— сказал колдун неожиданно звучным, низким голосом.— Приступим к делу. Что вам нужно?

— Да-да,— пробормотал маркиз, машинально вытаскивая платок из-за отворота рукава.— Конечно.

Колдун опустился в кресло, закинув ногу на ногу.

Маркиз тоже сел и, стараясь не встречаться взглядом с похожими на тлеющие угли глазами демона, начал приготовленную заранее речь. Получалось неплохо — обстоятельно, но без лишних подробностей, деликатно, с тонкими намеками и недомолвками. В общем, сказано было достаточно, чтобы колдун понял, что от него хотят, не требуя произносить вслух само тайное желание. Бесспорно, получилось совсем неплохо, маркиз запнулся всего несколько раз, да еще сбивал мальчишка, который поглядывал своими бархатными, как у жеребенка, глазами и смешливо морщил веснушчатый нос.

— Так вы хотите, чтобы я убил вашего соседа, графа де Мастильяни?— прямо спросил колдун, терпеливо дослушав до конца длинный монолог маркиза.

— Нет-нет, что вы! — воскликнул тот, вытирая лоб сложенным вчетверо платочком.— То есть не то чтобы... но в общем...

Черные брови колдуна выразительно приподнялись, и маркиз почувствовал, как краснеет.

— Ну, наведите на него какую-нибудь порчу. Посильнее.

Демон помолчал, видимо обдумывая смелое предложение гостя, и маркизу показалось, что на его лице мелькнуло выражение, очень похожее на отвращение, но тут же оно стало прежним — неподвижным, равнодушным, высокомерным.

— Это будет недешево стоить,— сказал он наконец, и в его голосе не было ничего, кроме откровенной скуки.

— Да-да, конечно.— Маркиз поспешно вытащил круглый кожаный мешочек и растерянно огляделся по сторонам, не зная, что с ним делать. Совать деньги прямо в руки колдуна неприлично, положить рядом с собой на диван глупо, держать в руках еще глупее, и вообще, может быть, он спешит с оплатой. Надо было подождать, пока дело не будет сделано. Красный от смущения и раздражения на себя самого, маркиз наконец положил мешочек на низенький столик, попавшийся на глаза, и опять схватился за платок.

— Хорошо,— снова заговорил колдун, совершенно не интересуясь содержимым кошелька, как будто был уверен, что проситель не посмеет подсунуть ему медные монеты вместо золота.— Можете ехать домой.

Маркиз встрепенулся:

— Значит, вы гарантируете, что?.. — Дальше продолжать он не решился, но колдун и так все понял.

Он поднялся, сверкнув рубиновым поясом, и, глядя на Ла Феррайета сверху вниз, сказал коротко:

— Ждите.

Потом повернулся к своему маленькому помощнику и приказал:

— Мёдвик, проводи.

Мальчик быстро вывел гостя из замка, убедился, что бледный, молчаливый маркиз, с мучительным выражением лица массирующий виски, благополучно уселся в карету, и снова побежал к Эмилу.

Колдун все еще был в кабинете для гостей. С задумчивым видом он подбрасывал на ладони тяжелый кошелек и смотрел в окно на отъезжающую карету, которая подпрыгивала на каменистой дороге.

— Эмил! — воскликнул запыхавшийся мальчик, и колдун поймал взгляд, полный неодобрения и явного испуга.— Ты правда убьешь его соседа?! Но за что?

Мёдвик так разволновался, что веснушки на его побледневшем носу выступили ярче.

— Убью?.. Над этим стоит подумать...

Задумчивое строгое лицо Эмила смягчилось, как будто просветлело внутренне. Мёдвик знал — когда у его господина во взгляде появляется человеческое, насмешливое, значит, он задумал какую-то каверзу. Колдун швырнул мешочек на стол и велел:

— Доставай бумагу, садись. Пиши...

Приплясывая на месте от любопытства, Мёдвик выложил на стол тонкие листы бумаги с бледным вензелем и рисунком волка в левом верхнем углу, открыл чернильницу, обмакнул перо и устремил на Эмила преданный ожидающий взгляд.

— Значит, так... Пиши: «Графу де Мастильяни...— Колдун негромко рассмеялся своим мыслям и стал диктовать: — Многоуважаемый господин граф, сообщаю вам, что сегодня (такого-то числа и месяца) по просьбе господина, пожелавшего сохранить свое имя в тайне, на вас наложено проклятие...— Эмил задумался на секунду и продолжил: — ...внезапной смерти, оцененное в двести золотых монет. Освобождение от данного проклятия будет стоить четыреста... Если вам будет угодно его снять... С почтением... ...ну и так далее». Написал? Дай, я прочту.

Глядя на Эмила круглыми от удивления глазами, Мёдвик помахал в воздухе листком, чтобы чернила окончательно высохли, и спросил:

— Неужели правда?

Колдун фыркнул, запечатал письмо, вдавив свой перстень в мягкий кружок сургуча, и отдал его помощнику.

— Нет, конечно. Я не собираюсь тратить силы на такие пустяки!

Все еще не понимая, Мёдвик нахмурился, рассматривая оскаленную морду волка на печати.

— А как же письмо? Ты написал, что он должен заплатить, чтобы снять проклятие.

— Вот именно! — Эмил легонько щелкнул несообразительного мальчишку по веснушчатому носу.— Пусть платит. А проклятье я насылать не буду. Стоит ли колебать пространство ради глупой свары между двумя богатыми бездельниками?

Мёдвик с восхищением посмотрел на учителя, начиная понимать всю глубину задуманной им авантюры.

— Значит, ты...

— Испугавшись порчи, господин Мастильяни заплатит любые деньги, чтобы ее снять. Маркиз, не дождавшись результата, примчится ко мне выяснять, почему не сработало колдовство. Узнает, что его недруг откупился, и заплатит еще. Тот снова попытается перебить его ставку... И так до тех пор, пока у них не закончатся деньги или терпение, или пока они не поймут, что я дурачу обоих, а это вряд ли. Понял? — Эмил снова добродушно усмехнулся, но потом его глаза вдруг хищно сузились.— Ерундой занимаюсь,— пробормотал он зло и сказал, не глядя на Мёдвика: — Ладно, малыш, иди погуляй. У меня дела.

— Пойду травы сушить,— нисколько не удивившись такой быстрой смене настроения, отозвался мальчик. Выбрался из-за стола и побежал за своей корзинкой, оставшейся на улице.

Эмил положил перед собой черно-белую доску, вытряхнул из коробки фигуры и стал медленно расставлять их на клетчатом поле. К игре, которую он затеял, нужно относиться всего лишь как к очередной шахматной партии. Самое главное — правильно определить значение фигур.

Кто такая Хул? Нет, не пешка. Далеко не пешка, скорее конь, маленькая темная лошадка, которая может неожиданно выпрыгнуть из-за соседних фигур и обрушиться на голову другой фигуре. Буллфер... Извини, отец, но в этой игре ты всего лишь король, можешь красиво и бесполезно простоять на одном месте до самого конца, если я все сделаю правильно. А вот и я сам — тот самый крылатый Эмил из тонкого мира — тяжелая фигура, стоящая на черной клетке и не имеющая права перейти на белую. Офицер. Да, пожалуй, офицер... А это — ангелок.

Эмил взял белую пешку и с ненавистью уставился на нее. Маленькая фигурка, которая может проскакать через всю доску и выбиться в ферзи, занять почетное место рядом с королем...

Нет! Ему, черному колдуну, наполовину демону, наполовину человеку, нет смысла искать свой образ среди фигур. Он будет игроком. И сам станет управлять ими, сидя в своем неприступном замке. Никто не догадается, кто руководит игрой.

Глава 17
БОЛЬШЕ ЧЕМ ФЕРЗЬ

Первый «ход» колдун сделал давно, в ранней молодости, когда купил Черный замок.

— Буллфер, ну? Что ты скажешь? — нетерпеливо спрашивал Эмил, подозревая, что Хозяин недостаточно высоко оценил его приобретение.— Тебе нравится?

— Неплохой дом,— со сдержанной улыбкой ответил демон.

— Как бы я хотел, чтобы ты увидел его!

— Да видел я эти замки. Они стоят по всей стране. И разваливаются.

— Мой не развалится,— пообещал Эмил.— А ты все-таки приходи. Я бы показал тебе все.

Буллфер усмехнулся:

— Я напугаю твою мать, если буду расхаживать по замку.

— Не напугаешь.

— Но ты же перевез ее туда?

— Да.

— Тогда что...

— Она умерла.— Это он произнес так, словно обвинял Буллфера в смерти матери. Не хотел, но так получилось. Отвернулся, посмотрел на огонь в камине.

— Хм... Жаль,— сказал Хозяин.

— Мне тоже,— тихо отозвался Эмил, глядя на угли сухими глазами.

...Она не хотела ехать, но не могла ему возражать. Она ему вообще больше не возражала. Боялась? Тихо ненавидела? Не могла простить смерть мужа? Или все-таки любила даже после того, как он стал демоном... почти демоном.

Каждый день Эмил приходил в ее комнату, самую светлую в замке, садился рядом, брал за руку:

— Скажи мне, что не так? Почему ты грустишь? Скажи мне, и я все сделаю.

Но она не говорила. Улыбалась, гладила его по щеке и повторяла: «Мне ничего не нужно, не беспокойся». Леди Диана отказалась от служанки и горничной («Глаза у них какие-то пустые. Смотрят и словно не видят».), не хотела выходить в сад. Она вообще больше ничего не хотела, ни о чем не спрашивала, ничего не просила. Стала тихой, бледной, молчаливой. И умерла так же тихо, во сне. Эмил пришел утром в ее комнату, увидел мать спящей, но так и не смог разбудить ее...

Буллфер за спиной шумно вздохнул. Утешать он не любил, но, как ни странно, умел. Эмил знал, что демону скучны его человеческие переживания, но ничего другого предложить Хозяину пока не мог.

— Ладно,— сказал Правитель.— Боль физическая должна заглушить боль душевную. У меня есть для тебя маленький подарок. Думаю, ты уже готов его принять.

Эмил нехотя повернулся, ожидая увидеть этот самый подарок, но Хозяин по-прежнему сидел в своем кресле, и в руках у него ничего не появилось.

— Не сейчас. Ты можешь там, у себя дома, уснуть на...— Буллфер прищурился, проводя в уме какой-то сложный расчет, и добавил: — ...дня на три..?

— Да. Наверное, могу.

— Тогда возвращайся и ложись спать.

— Хорошо, как скажешь... Но что это за подарок?

Хозяин довольно улыбнулся:

— Это то, о чем ты мечтал всю свою жизнь.

Мечтал Эмил о многом. Но что именно, по представлению Буллфера, могло заинтересовать его... к чему он уже готов? Колдун перебирал в уме вереницу даров, начиная от пряжки для плаща и заканчивая мировым господством.

Человеческое тело колдуна было неспособно на беспрерывный трехдневный сон, поэтому пришлось оглушить себя большой порцией дурмана. Он накурился до боли в горле и, чувствуя холодное покалывание в кончиках пальцев, свалился на кровать. Голова была ясной, но пустой, сердце билось медленно и ровно, горло пересохло. Эмил приподнялся, взял со столика, стоящего у кровати, бокал, однако не донес его до рта. Пальцы разжались, вино выплеснулось на ковер, бокал покатился по полу. Полудемон упал на кровать и отключился.

Временами Эмилу казалось, что он просыпается и видит над собой Буллфера, напряженно, внимательно рассматривающего его лицо. Пытался пошевелиться, но тело не слушалось, и он снова засыпал, так и не поняв, где находится: у себя дома или в призрачном, приграничном замке Хозяина.

Замок двигался. Буллфер все время чувствовал движение тонкого мира, плавное, неторопливое, непрерывное. Здесь не было стабильности, не то что внизу, в пещерах. Там все веками стояло на своем месте, здесь даже тяжелые камни неудержимо влекло невидимым течением, чтобы бросить в глубину Хаоса или распылить на атомы в ангельском мире.

Хозяин стоял у окна и смотрел в темноту, лениво колыхающуюся за оконной нишей. Ее можно было зачерпнуть, перемешать, как следует размять и вылепить из нее парочку неплохих миров.

Правитель посмотрел на свои рыжие руки, выпустил и снова убрал когти, сжал ладони в кулаки: «Почему у меня все время возникает чувство, что я мог это делать? Лепить из бесформенной материи идеальные пространства. Откуда этот бред и почему Хозяину, Высшему демону, достигшему верховного правления, постоянно не хватает власти, силы, могущества?!»

Буллфер повернулся к кровати. На ней сломанной куклой лежал Эмил. Лицом вниз, голова неестественно повернута в сторону, руки вцепились в покрывало, черные волосы слиплись, на светлой коже спины дорожки из пота и крови. Сколько же в человеческом теле крови...

Демон равнодушно смотрел на него. Вот она — единственная материя, которой он в силах повелевать.

Эмил дернулся, когда острые когти вонзились в его спину, но Буллфер успокоил полудемона прикосновением ладони к затылку и стал медленно, по капле, вливать в человеческое тело свою силу.

Колдун очнулся не через три дня. Ему показалось, что прошло по меньшей мере две недели, прежде чем он попытался открыть глаза. Он

лежал, уткнувшись лицом в подушку, и не мог понять, что у него болит. Болело все — даже те части тела, о которых он никогда не знал.

— Просыпайся,— его потрясли за плечо, рывком посадили на кровати.— Как себя чувствуешь?

— Физическая боль заглушила душевную,— пробормотал Эмил, поворачиваясь на голос Буллфера и с трудом разомкнув слипшиеся ресницы.

Высший стоял у окна и смотрел на него, загадочно улыбаясь, как будто предвкушая нечто очень приятное... или забавное.

— Ну? — угрюмо спросил Эмил, подозревая, что демона веселит он сам.

— Иди сюда,— приказал Хозяин.

Колдун поднялся и только сейчас увидел — его тело было покрыто засохшей кровью и глубокими царапинами.

— Это что? Обещанный подарок?

Буллфер фыркнул:

— Это плата за него... Подойди сюда.

Эмил встал, чувствуя под ногами каменный пол. Его плиты почему-то стали теплыми и шершавыми. И пламя в камине шелестело как-то особенно громко. И что-то случилось с освещением замка, факелы горели не ярче, не слабее... по-другому. Буллфер снова поманил его и указал на оконное стекло, в нем, словно в зеркале, Эмил увидел себя...

Как тогда, в юности, полудемон ахнул, схватился за подоконник, вглядываясь в свою измененную фигуру.

Улыбаясь, Правитель смотрел, как его ученик восторженно рассматривает тяжелые демонические крылья, ощупывает плечи, руки, лицо. Его кожа тоже изменилась — стала плотнее, грубее, утратила бледно-розовый цвет, потемнев.

Буллфер почти не менял человеческую внешность Эмила, только слегка подправил разрез глаз, сделал пошире тонкие человеческие ноздри, чтобы улучшить обоняние, приблизил форму ушей к демонической. Жаль, пришлось переделывать руки. У Эмила были красивые тонкие пальцы, они тоже огрубели, и слабые ногти стали больше походить на когти демонов. Все прочие части тела остались без изменений.

— Буллфер! — воскликнул Эмил дрожащим голосом. Его сильные, но еще неуклюжие крылья распахнулись и опрокинули стул, стоящий у камина.— Отец... спасибо.

Демону показалось, что Эмил сейчас бросится ему на шею в порыве восторженной благодарности или расплачется, но он, к счастью, снова повернулся к окну и положил руку на свое темное отражение.

— Я стал демоном, да? Поэтому я так странно чувствую все, вижу по-новому, и эти крылья...

— Нет, Эмил...— попытался возразить Буллфер, но полудемон не слышал его.

— Ты сделал меня таким, как я мечтал, воображал. Это твой подарок? Теперь я смогу остаться здесь с тобой навсегда?

Он порывисто повернулся, и Хозяин увидел в его демонских глазах человеческое счастье и надежду.

— Эмил, послушай меня. Да, я изменил твое тело, но душу твою я переделать не могу. Ты по-прежнему будешь человеком...

— Но я...

— Не перебивай. Ты останешься здесь, в этом замке. Я дарю его тебе.

Полудемон оторвался, наконец, от восторженного созерцания собственной крылатой внешности.

— Эмил, больше я не буду сюда приходить. Теперь ты станешь прилетать ко мне...

— Но как?

— У тебя есть крылья... Нет, это еще не все. Теперь я хочу показать, для чего усовершенствовал тебя. Сейчас ты полетишь вместе со мной туда,— Буллфер показал в темноту за окном.— Я покажу тебе дорогу от мира ангелов до мира демонов. Ты запомнишь ее, потому что в следующий раз полетишь один.

— Зачем? — шепотом спросил потрясенный Эмил.

— Ты будешь посредником между нами и ангелами.

— Посредником...— повторил Эмил.— А как же ты полетишь? Ты же...

Он замолчал, потому что демон стал меняться, превращаясь в огромное, черное, крылатое существо с красными сверкающими глазами. Изображения кого-то похожего колдун видел на барельефах своего замка, но считал их не очень удачной выдумкой скульптора, чем-то вроде каменных горгулий, для устрашения посаженных у центральных ворот. Но нет, оказывается, они существовали... существуют в реальности.

— Буллфер...

Демон распахнул кожистые крылья, скрипнул когтями по полу, открыл зубастую пасть:

— Это не самый мой любимый облик.— Его голос рычащим эхом прокатился по залу.

«Кажется, чудовище похоже на прежнего Буллфера только тем, что стоит на двух ногах»,— подумал шокированный Эмил. Несколько минут назад колдун наслаждался собственной мощью, теперь он чувствовал себя ласточкой рядом с драконом.

Демон с трудом протиснулся сквозь оконный проем и расправил огромные крылья.

— Да-да, я сейчас,— прошептал Эмил.

Он не боялся. Он был уверен в том, что сможет полететь...

Полет этот полудемон запомнил навсегда... И в тот же день он впервые увидел ангелов...

На «мосту» их с Буллфером догнали еще несколько десятков демонов. Черные крылатые фигуры одна за другой появлялись из пустоты и

приземлялись на хрупкое сооружение, которое, казалось, готово развалиться под их тяжестью.

Эмил, стараясь не выдать своего любопытства, рассматривал существ, похожих на Буллфера, таких же Высших демонов, как он. «Нет, не таких,— думал колдун, чувствуя на себе настороженные взгляды подземной знати.— Они как будто меньше него... Нет, не меньше, мельче! И любой из них сожрал бы меня сразу, если бы знал, кто я на самом деле».

Демоны были явно недовольны и сердито ворчали:

— Хозяин, что за спешка?! Господам со светлой стороны срочно потребовалась аудиенция?

— Второй вызов за половину временного круга! Пусть сами летят к нам.

— Я ненавижу эти приграничные земли. Отвратное место.

Буллфер дождался, пока господа Высшие демоны успокоятся, и рявкнул:

— Высказались?!.. Отлично. Тогда сделайте одолжение, взгляните сюда.

Он положил тяжелую щетинистую лапу на плечо Эмила и вытолкнул его вперед.

— Это Посланник. Теперь он будет связным между ангелами и нами.

Любопытно-недоверчивые взгляды демонов ощупали полудемона с ног до головы.

— Это что, какой-то гибрид с ангелом? Хозяин, где ты его нашел?

— Он выдержит напряжение верхних слоев?

— А ему вообще можно доверять?

— Можете доверять ему так же, как и мне,— сказал Буллфер с неприятной усмешкой и махнул щетинистой лапой. Демоны снова распахнули крылья и полетели вперед, к светлой границе тонкого мира.

Глава 18
ПЕСНЬ АПСАРЫ

Настоящих живых созданий Тьмы Элина видела впервые. Она, конечно, много раз слышала о них и с детства твердо знала, что нельзя подлетать слишком близко к черте, отделяющей ее светлый мир от темного, мрачного мира демонов. Но вот сейчас они стояли совсем рядом — черные крылатые нежити с пылающими глазами, заставляя ее сердце биться так часто. Апсара уже пожалела, что упросила Авдиила взять ее с собой, демоны оказались страшнее, чем она думала.

Элина потихоньку оглянулась по сторонам. Испытывают ли ангелы такой же панический ужас, что не отпускает ее ни на минуту? Но все они были абсолютно спокойны.

«А вдруг эти демоны бросятся на нас всех, прожгут своими ужасными глазами, вопьются в тела кривыми когтями, острыми, как бритва?» —

От ужаса Элина зажмурилась на секунду, ожидая, что это произойдет именно сейчас, но бросаться на нее никто не собирался, более того — даже не обращали внимания. Противоположная сторона была занята своими проблемами. Постепенно апсара пришла в себя и даже с некоторым любопытством стала прислушиваться к разговорам и разглядывать темных существ.

— Мы не выносим Свет, а вы, соответственно, Тьму и все, что с ней связано,— говорил, как поняла Элина, Верховный демон.— Поэтому мы предлагаем оптимальный вариант решения всех проблем. Мы представляем вам Посланника, курьера — существо, которое в состоянии перенести быстрый, почти мгновенный переход от Тьмы к Свету и обратно. Как ни велико наше уважение к Вам (Элине показалось, что в этом месте он препротивно ухмыльнулся), мы не можем отрываться от дел и нестись сюда лишь для того, чтобы обменяться формальностями. Это утомительно и отнимает много времени.

Демон указал на существо, стоящее справа от него:

— Прошу обратить ваше внимание.

И тут... Сердце молодой апсары сжалось, а кровь хлынула к щекам.

Он не был ангелом, но это был и не демон. Посланник стоял на границе между Светом и Тьмой.

Сердце Элины билось мучительными толчками, ей казалось, что она дрожит с головы до ног. Как он был красив... и очень похож на ангела: волосы мягкими кудрями лежали на лбу, крупные тяжелые завитки спускались на шею и плечи, огромные черные глаза казались еще темнее в тени густых ресниц. Плотно сжатые губы, суровые, почти каменные черты лица. Он и был похож на статую из камня, одну из тех, что украшали дворцы Эрнолтинаора, только не из белого, а из черного мрамора, и вместо гибкой грации ангелов у него была тяжелая мощь. Замерев от восхищения, Элина с интересом изучала особенности его фигуры, и ей казалось, что она никогда не видела таких красивых широких плеч и сильных мускулистых рук. Но при этом кисти Посланника были удивительно изящны, талия была тонкой, бедра узкими, ноги длинными... А как прекрасны были его крылья! Огромные, темные, спускающиеся до ступней. Они не выглядели грубыми, как у остальных демонов. И апсара мгновенно вообразила себе, какой мягкой и теплой должна быть их поверхность.

Элина стояла, прижав руки к груди, и не могла оторвать взгляда от темной, прекрасной, одинокой фигуры. Как красива его гордо посаженная голова на высокой шее... Как смел и спокоен его взгляд...

«Ах, если бы он заметил меня. Если бы он только посмотрел на меня...» — мечтала Элина. Она уже догадывалась, что восхитительное чувство, от которого она замирает и дрожит, называется любовью. И

вот сейчас она полюбила этого темного ангела, сама не заметив как. «Посмотри же на меня!» — хотелось крикнуть ей.

Но Посланник не слышал апсары, не чувствовал ее тихого отчаяния. Он смотрел на Эрнолтинаора. Жестом тот пригласил его подойти ближе, и Посланник без всякого видимого напряжения переступил через невидимую границу. Сколько искреннего почтения и чувства собственного достоинства было в его позе, когда он склонил голову перед ангелом.

Элина тихо вздохнула — ее темный ангел снова выпрямился, шагая обратно в тень. Он не заметил маленькую апсару... Ей стало невыносимо обидно, больно, слезы навернулись на глаза. Вновь взглянув на него, она крикнула молча: «Посмотри на меня!!» И чудо! Элина не знала, может быть, она воспользовалась своим волшебством, совсем чуть-чуть... Его взгляд, скользнувший по ряду ангелов, остановился на ней. Апсара вздрогнула, встретившись со взглядом Посланника, ей показалось, что прямо в ее сердце вонзаются две ослепительные молнии, так безжалостно, так больно и так нежно. Ей почудилось, что в его глазах сверкнули отсветы пламени, выжигающие все на своем пути... даже ее маленькое испуганное сердце.

Вся дрожа, апсара не могла оторвать взгляда от этих гипнотических сияющих черных звезд, они подчинили ее себе, и она была готова идти куда угодно, если бы он позвал ее — даже в тот темный мир за его спиной. Элина подалась вперед, к нему, но в этот момент вся стая демонов пришла в движение, он отвел глаза, раскинул широкие крылья и исчез в темноте вместе с остальными...

Элина сидела на берегу ручейка и задумчиво перебирала цветы, лежащие на ее коленях. С тех пор как она увидела темного ангела, прошло уже достаточно времени. Но оно ничего не изменило — разве только потускнел мир вокруг, цветы утратили свой аромат, и во сне ее тревожили темные глаза. Сколько раз апсара шептала, прижимая руки к груди: «Почему, почему ты не ангел?! Ах, почему ты не ангел?!»

Сколько раз ей хотелось броситься к Эрнолтинаору или Архэл и рассказать им все. Но Элина знала, что они велят ей забыть Посланника и не вспоминать никогда, даже во сне. Но как это сделать?! Ей остается только твердить: «Ах, почему ты не ангел?» И никто не сможет ответить на ее вопрос, никто...

— Доброго дня,— услышала она вдруг за спиной низкий глубокий голос.

Элина обернулась и, вскрикнув, уронила цветы. Рядом с ней стоял Посланник. Темные волосы разметались, дыхание слегка неровное. Он! Здесь?! И так близко!

— Простите, я испугал вас.

Жестокий огонь исчез из глаз, они светились тепло и немного лукаво.

— Простите, я не думал, что вы так испугаетесь.— Он наклонился, поднял цветы, лежащие у ног Элины, и протянул ей.

Она наконец пришла в себя и осторожно взяла букет. Она вовсе не хотела прикасаться к его рукам, это вышло случайно. Его пальцы оказались горячими и не вызвали у нее неприятного ощущения, наоборот. Элина слегка покраснела и сказала:

— Спасибо. Я вовсе не испугалась, просто вы появились очень неожиданно.

Он улыбнулся:

— Вынужденная посадка. Я немного заблудился. Будьте так любезны, подскажите мне дорогу, и весь темный мир будет вам очень признателен.

— Конечно! Я провожу вас!

Элина расправила свои перламутровые крылышки стрекозы и взлетела. Темный ангел легко поднялся вслед за ней в воздух. Как он был красив! Апсара искоса поглядывала на его точеный профиль, чувствуя, как замирает сердце. «Пусть он тоже полюбит меня хоть немного,— думала она, любуясь плавными взмахами его сильных крыльев.— Он обязательно должен полюбить меня».

Но апсара ошибалась...

Полудемон не мог полюбить ее.

...Эмил сидел в южной комнате замка в кресле перед огромным пылающим камином. Он задумчиво смотрел на огонь, уронив раскрытую книгу на пол, но так и не наклонился, чтобы поднять ее. На темных каменных стенах играли багровые отсветы пламени, в углу черной громадой возвышалась огромная кровать с расшитым пологом. Узкие окна-бойницы были закрыты щитами.

Мрачное место очень подходило его настроению.

Полудемон наклонился за кочергой, чтобы разбить головешки, как вдруг почувствовал легкое движение за спиной. Резко оборачиваясь, он был готов увидеть что угодно... только не это.

Посреди комнаты, закутанная в светлый плащ, стояла апсара. Настоящая голубоглазая золотоволосая апсара с нежными чертами лица. Выглядела она до смерти перепуганной.

Эмил вскочил с кресла и бросился к ней.

— Вы с ума сошли, что вы здесь делаете?!

Теперь он узнал ее, эту молоденькую барышню ангельского происхождения звали Элина, она помогла ему найти дорогу, когда слишком яркий свет высших слоев тонкого мира почти ослепил полудемона.

— Как вы здесь оказались?!

— Ах, это вы! — со вздохом облегчения вырвалось у нее.— Это вы...

У нее подкосились ноги, и она упала Эмилу на грудь. Подхватив на руки почти невесомое тело, Посланник уложил Элину в кресло. Надо быть действительно сумасшедшей, чтобы прилететь сюда в таком легком, полупрозрачном платьице, едва достающем до середины бедер! Надо быть сумасшедшей, просто чтобы додуматься лететь сюда. Как она не погибла, не замерзла по дороге?! Эмил нашел в своем баре бутылку самого легкого вина, налил в бокал, разбавил теплой водой и

заставил ее выпить. Щеки апсары немного порозовели и заблестели глаза. Тогда полудемон поплотнее укутал ее плащом и начал суровый допрос:

— Как вы сюда попали? Вы в своем уме? Вы хоть понимаете, где находитесь?

Элина молчала, с укоризной взглянув на Посланника, и ее лицо на мгновение стало совершенно растерянным.

— Надеюсь, не Авдиил вас сюда отправил.

— Нет, я прилетела сама.— Она нежно улыбнулась, и на розовых щеках заиграли ямочки.

— Но зачем?

Апсара потупилась и прошептала:

— А вы не понимаете?

— Хоть убейте, нет!

Тогда она распахнула ясные голубые глаза и сказала:

— Я люблю вас.

— Что?! — выдохнул Эмил сразу охрипшим голосом, подозревая, что слух подводит его.

— Я люблю вас,— повторила она своим хрустальным нежным голоском.

— Вы понимаете, что говорите? Вы — светлое существо — любите демона?

— Вы не демон. Вы не похожи на демона. Они ужасные, отвратительные.— Элина вздрогнула, потом поежилась и снова с прежним восторгом посмотрела на Эмила.— А вы... вы похожи на ангела. На темного ангела.

Больше не в состоянии выслушивать эту чушь, полудемон вскочил и, схватив ее за плечи, рывком поставил на ноги:

— Слушайте, вы! Апсара! Вы в своем уме?! Не важно, на кого я похож, моя внутренняя сущность демоническая. Неужели вы этого не чувствуете?!

Мило улыбаясь, она отрицательно покачала головкой.

«Прав был Буллфер! — с яростью подумал Эмил.— Значит, во мне очень мало демонического, если даже эта... кукла его не чувствует!»

— Я — демон,— повторил он вслух упрямо.— Я не умею любить, мне незнакомо чувство, которое можете испытывать вы, и я никогда не научусь любить по-вашему.

— Это не важно,— прошептала она.

— Но как! Как вы могли влюбиться в меня?! Почему? Что вы нашли во мне?! Я же не похож на ваших ангелов! Я темное, порочное существо!

— Не говорите так,— взмолилась она.

— Нет, слушайте! Опомнитесь, прекрасная дурочка, я же убью вас своей любовью! Вы хоть можете представить, как любит демон?

— Я научу вас светлой любви,— пролепетала она, глядя на полудемона испуганными умоляющими глазами.

— Выбросьте из головы эти романтические бредни. Вам никогда не приручить меня! Вам никогда не сделать из меня ангела! Слышите, никогда! Я существо Тьмы! И если тогда на полянке я улыбнулся вам, это не значит, что ваши невинные глазки сделали из меня смирного барашка. Найдите себе дружка среди ваших ангелов, собирайте с ним цветочки и не лезьте в мою жизнь, дьявол вас...

Эмил запнулся, увидев, что голубые глаза его прекрасной собеседницы наполнились слезами и задрожали розовые губки. «Черт! — остановил он себя.— Кажется, я немного переусердствовал».

— Ну не надо, не надо, не плачьте. Не плачьте.

Элина всхлипнула и, уткнувшись лбом в его грудь, горько разрыдалась. Посланник прижал к себе ее кудрявую головку и стал ласково поглаживать вздрагивающие плечи.

— Что вы в самом деле. Не надо плакать.

— Зачем вы говорите такие ужасные вещи? — разобрал он между ее судорожными рыданиями.

— Ну, простите меня. Забудьте все, что я говорил.

Эмил прижимал к себе хрупкое тело, вдыхая исходящий от него тонкий нежный аромат цветов, осторожно гладил прозрачные крылышки. Она была такой маленькой, кудрявая головка едва доставала до плеча полудемона. Маленькая беззащитная девочка.

Она подняла глаза небесного цвета и улыбнулась.

— Почему же вы полюбили меня? — спросил полудемон.

— Не знаю...

Эмил тяжело вздохнул и снова усадил ее в кресло, а сам опустился на пол.

— Ну хорошо.— Посланник устало опустил голову.— Вы хоть представляете, что я могу с вами сделать? Вы, ничего не зная обо мне, не зная даже моего имени, летели сюда, доверились мне. Вы понимаете, что сейчас находитесь в моей полной власти и вам никто не поможет?

— Что вы можете мне сделать? — с милой уверенностью спросила она.

— Ох, наивная невинность. Посмотрите туда, что вы там видите?

Апсара повернулась, следуя взглядом за вытянутым указательным пальцем полудемона:

— Очень большую кровать.

— Вы думаете, я пользуюсь ею только для сна?

Она снова улыбнулась:

— Я не понимаю вас.

Она действительно не понимала.

— У вас никогда не было отношений с...— Эмил задумался, впервые сообразив, что ничего не знает о личной жизни ангелов, да и апсар тоже,— ... с мужчиной?

Она немного покраснела и опустила глаза.

— Апсары любят только один раз.

Полудемон вздохнул со стоном, выражающим всю его беспомощность перед судьбой и бесконечное раздражение.

— Вы хотите от меня физической любви? — догадалась она.

Эмил снова вспылил:

— Да пропадите вы пропадом вместе с вашей физической любовью! Ничего мне от вас не нужно!

Элина промолчала, теребя тонкими пальчиками край шитого золотом хитона. А Эмил представил, как веселился бы сейчас Буллфер, наблюдая забавнейшую любовную сцену с этим ангельским созданием. Однажды, еще в юности, полудемон спросил, почему женщины так льнут к нему. На что Хозяин ответил с замечательной усмешкой: «В тебе соединены демонический магнетизм и человеческая... привлекательность. Люди очень любят это. Я не знаю почему, но зачастую и женщины и мужчины предпочитают эти два признака даже ангельской гармонии».

Эмил снова потянулся за кочергой и услышал голос апсары:

— Что это?

— Где? — Он обернулся.

Элина держала в руках сухой цветок, выпавший из книги.

— Мой цветок? Вы сохранили его?

— Да, сохранил,— нехотя ответил полудемон.

— Почему? — воскликнула апсара, с надеждой заглядывая в его лицо.

— Не знаю,— честно ответил Эмил.

— Вы думали обо мне? Правда?

Она соскользнула с кресла и встала рядом с колдуном на колени.

— Думал,— честно признался он.

Нежное лицо расцвело сияющей лучистой улыбкой. Маленькая теплая ручка легла поверх его руки.

— Правда?

Эмил не смог не улыбнуться, глядя в ее счастливое милое личико:

— Правда.

Апсара засмеялась, потянувшись к нему, и полудемон не мог не обнять ее. Золотоволосая головка опустилась на его плечо, а розовые губы оказались в опасной близости от губ полудемона. Он вдруг почувствовал, что ему мучительно хочется поцеловать волшебное создание, и с трудом сдержал учащающееся дыхание. Ласковая гладкая ладошка легла на грудь колдуна, а голубые глаза взглянули в его глаза.

— Я люблю вас,— шепнула апсара.

— Вы сумасшедшая,— ответил полудемон.

— Вы разве не поцелуете меня? — спросила она.

«Стоп! Опасность!» — подсказала Эмилу его интуиция.

— Нет, спасибо! Что-то не хочется.— Он снял со своей шеи тонкие руки и отодвинул апсару на безопасное расстояние.

— Вы грубиян и обманщик,— ласково сказала Элина.— Вы хотели меня поцеловать, я чувствовала.

Полудемон недоверчиво хмыкнул.

— Да, я чувствовала, что очень хотели.

— Слушайте, Элина, знаете, чем вы сейчас занимаетесь?

— Чем? — распахнув ясные глазки, спросила она.

— Пытаетесь меня соблазнить.

Она покраснела, розовые щеки вспыхнули алым огнем.

— Простите,— едва слышно прошептала она.

Полудемон не выдержал и рассмеялся:

— Не стоит извиняться, мне это очень нравится, вы делаете это так искренне, мило и совершенно по-детски.

Элина прижала ладони к пылающим щекам, на длинных ресницах задрожали слезы. Эмилу стало невыносимо жаль ее, но он продолжил:

— Никогда не думал, что маленькие ангельские девочки так похожи на наших ведьмочек. Вы хотите, чтобы я вас поцеловал? Что же вы молчите? — Полудемон схватил ее за руку и притянул к себе.— Так куда вас поцеловать?

Она подняла на него ясные, полные муки глаза и прошептала:

— Вы можете продолжать унижать меня, но я все равно люблю вас.

— Черт! Дьявол!

— Не надо,— она прижала мягкие пальчики к его губам.— Не говорите так.

Эмил мотнул головой, сбрасывая ее руку:

— Буду! Мне остается только ругаться, Хозяин убьет меня!

— Убьет вас? Но почему? — Она положила руки на его плечи и заглянула в опущенные глаза.— Ах, какая я глупая!

Она обняла полудемона, прижимая его голову к своей груди:

— Простите меня.

Тонкие пальчики нежно перебирали жесткие черные волосы.

— Простите, я не думала, что подвергаю вас такой опасности.

Ее тихий голос был очень приятен, как и теплая нежная кожа под щекой Эмила. Он с удивлением почувствовал, что ему хорошо. Протянул руку, обнимая апсару за тонкую талию, осторожно отодвинул золотые кудри и, почти не понимая, что делает, прижался губами к нежной шее.

Элина вздрогнула:

— Что вы делаете?

Но полудемон уже не мог остановиться, освобождая ее плечо от легкого материала платья и целуя гладкую душистую кожу. Апсара задрожала, все ее тело напряглось.

— Не надо. Пожалуйста, не надо.

Ладони уперлись в смуглую демонскую грудь, голубые глаза расширились от ужаса. Тяжело вздохнув, Посланник разжал руки. Элина отпрянула от него, натягивая платье на плечо.

— Вы испугались? — Слегка прищурившись, полудемон взглянул на нее.

Апсара кивнула:

— Простите. Я обидела вас?

— Нет, не обидели. Вы еще любите меня?

Она прижала ладони к вискам, зажмурилась:

— Не знаю, не знаю... Да. Но вы такой...

— Я демон,— сказал Эмил жестко,— даже такое прекрасное чувство, как любовь, я могу превратить в нечто порочное и отвратительное. Не так ли?

Она яростно затрясла головой:

— Нет, нет. Послушайте, я знаю, зачем вы все это делаете. Вы хотите, чтобы я разлюбила вас, но это невозможно. Поймите...

Он молча взял ее руку и коснулся губами тонких пальцев.

— Я замучил вас, Элина.

Она светло улыбнулась и отвела волосы с лица колдуна.

— Вы такой красивый, но очень жестокий.

— И что мы с вами будем делать? — спросил Эмил скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Не знаю...

— Но вы же апсара. Авдиил говорил о какой-то возвышенной любви, которую вы умеете дарить... Это правда? Или всего лишь ангельская выдумка?

— Правда,— ласково улыбаясь, ответила она.— Я покажу вам.

Элина приблизилась к Эмилу, взяла его за плечи, заставляя сесть в кресло, и, когда полудемон подчинился, сделала несколько шагов назад, взлетела... Ее легкие полупрозрачные крылья распахнулись, развернулись во всю длину, окружив прелестное создание светящимся бирюзовым облаком, в котором вспыхивали и гасли радужные огоньки. В их свете лицо апсары стало чарующе, пленительно прекрасным. Волна теплого воздуха, пахнущего цветами, пронеслась по залу, погасив красное пламя светильников, колыхнув полог над кроватью и распушив волосы Элины. Теперь замок освещал переменчивый золотистый свет с нежными весенними бликами, скачущими по грубым камням стен и пола, по каминной решетке, по лицу Эмила...

Он сидел, не шевелясь, и смотрел на нее. Ему хотелось... впрочем, он сам не знал, чего хочет. Демоническая половина души замерла в растерянности, не понимая, как реагировать на это волшебное существо, парящее перед ним, человеческая часть с восторгом ожидала чего-то невероятного. И дождалась. Апсара запела...

В ее песне не было слов. Дрожащий, вибрирующий звук рождался, казалось, из частых взмахов ее крыльев, из их переливчатого сияния. Тонкий, робкий, звенящий вначале, он становился увереннее, сильнее, полился мощной рекой, в которой искрилось, сверкало счастье, нежность, любовь... И каждая из этих волн, катящаяся навстречу Эмилу, вызывала в нем наслаждение, не демоническое, но и не человеческое. Это был бесконечный, абсолютный восторг, умиротворение, теплая, нежная, нематериальная ласка, удовольствие от созерцания совершенства...

Эмилу казалось, что он задыхается от наслаждения, вот-вот задохнется, ему хотелось броситься на это изумительное существо, поющее столь упоительно, и заставить его замолчать, и в то же время он мысленно умолял ее не обрывать песню.

— Сирена...— прошептал Эмил, облизывая пересохшие губы.

Апсара нежно улыбнулась и обрушила на очарованного полудемона последнюю трель своей песни. Ему почудилось, что в его солнечном сплетении взорвалась шаровая молния, брызнув по всему телу страстным жгучим огнем. Минуты две он не мог даже пошевелиться, пережидая блаженство, в котором невероятным образом смешивались удовольствие и боль. Когда сладкая муть в голове рассеялась, он понял, что зал снова освещен красными факелами, в камине потрескивает огонь, а Элина сидит на полу возле его ног и смотрит в лицо обожающим взглядом.

«Было бы неплохо оставить ее здесь,— рассеянно подумал Эмил, рассматривая милое, ясное личико.— Просыпаться и видеть ее рядом, такую ласковую, прелестную. Она пойдет за мной куда угодно, если я прикажу... Прыгнет даже в демонический мир... И всегда будет любить меня...»

— Вы созданы для того, чтобы любить?

— Да. Мы дарим счастье, покой, утешение.

— И физическое удовольствие.— Полудемон рассеянно протянул руку и погладил золотистый локон, выбившийся из прически апсары.

— Ты был счастлив? — Она обеими руками взяла его руку, прижалась к ней щекой.

— Да.

— Значит, я счастлива тоже.

«Нет, я не могу оставить ее здесь. Эта бабочка умрет в моем замке без любви и света. Я не смогу каждый день, каждый час выносить ее обожание?»

— Меня убьет не Хозяин.— Эмил сгреб в кулак кудри Элины, наслаждаясь их мягкостью.— Меня убьет Авдиил или этот ваш Эрнолтинаор. Зарубит своим пылающим мечом за святотатство.

Она зажмурилась, закусила розовые губы, а потом вдруг крепко обняла колени полудемона, раскрыла крылья, словно хотела укрыть его, защитить от ангельского гнева. Эмил погладил ее по голове, приподнял за подбородок лицо, на котором отражались чувства, недопустимые для апсар: тоска и отчаяние.

— Я провожу тебя домой.

...Свернувшись клубочком на мягком мху под раскидистой ивой, Элина громко плакала.

«Разве она виновата в том, что создана апсарой? Разве по своей воле она выбирает, кого любить? Разве можно отвергать любовь, которая дает покой и силу? И в которой вся ее жизнь?!» Элина заплакала еще жалобнее, но вдруг почувствовала на своей голове прикосновение теплой ладони.

— Когда ты плачешь, у меня идет дождь, — тихо произнес знакомый голос.

— Он не любит меня, Авдиил. Я ему не нужна.

— Он никого не любит. Ему никто не нужен.

— Ты передал мою мантру?

Ангел промолчал, Элина подняла голову и увидела, что лицо его сумрачно, брови нахмурены. Он вздохнул и ответил нехотя:

— Передал.

— И что он?

— Просил поблагодарить тебя за внимание...

Апсара вытерла слезы краем туники, поправила волосы.

— Мне нужно забыть его? Да?

— Да.— Авдиил хотел добавить что-то еще, но промолчал.

— Он правда демон?

— Правда.

— И ты не позволил бы мне остаться с ним?

— Нет.

— Что же мне делать, Авдиил? Я не умею забывать, я умею только любить.

Она вспомнила огромную комнату. Кресло из черного дуба перед камином, сильную смуглую руку, небрежно опущенную на подлокотник, темный излом крыла и красные блики вокруг...

— Я не умею забывать,— повторила она твердо.— Наверное, я сумею смириться с тем, что не нужна ему, но забыть не смогу.

Глава 19
ЧЕРЕЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ ПАДШИХ

Хул подняла голову, словно пытаясь рассмотреть сквозь потолок, куда же ей двигаться дальше. Храм Огня находился там, наверху, где-то в горах. И попасть в него, по словам Эмила, можно только через Срединные земли.

Кошка села на камень, подобрала под себя ноги и развернула на коленях карту. Теперь нужно решить, как лучше добираться до Храма.

По миру людей? Хул нахмурилась, разглядывая море Эль-Рияр, разделяющее два материка. Чтобы попасть в Южные земли, надо переправиться через него, а Хул, как все звери ее породы, терпеть не могла воду. Ее передергивало от отвращения, когда она видела водоем чуть больше лужи, а путешествие на корабле через гигантское водное пространство представлялось полным безумием. «Да я скончаюсь прямо на палубе через десять минут после того, как берег скроется из вида!» — решила она.

Значит, нужно идти через подземелья. Эмил говорил о том, что мир демонов тесно связан со Срединным миром людей и буквально повторяет очертания земных материков. Так что территориальных проблем с ориентированием на местности не возникнет. Конечно, было бы гораздо проще телепортироваться прямо к Храму Огня. Но телепорт не работает на такие большие расстояния. Кажется, Буллфер вообще заблокировал ориентир на Южные земли. Считает, что его демонам нечего делать на юге.

Хул вздохнула, запихнула карту обратно в мешок и отправилась дальше.

Каменные коридоры были одинаково однообразными, запущенными, темными. Кое-где в каменной кладке стен виднелись двери, потемневшие от времени, покрытые плесенью и полосами ржавчины. Видимо, когда-то эти коридоры были жилыми, но потом подземелье отступило дальше к северу, и после него остались пустые этажи. Интересно, почему демоны ушли отсюда?

Подавляя приступы естественного любопытства, Хул шла мимо заброшенных жилищ. Она рассматривала полустертые символы на стенах, пустые крючки из-под факелов, разбитые «окна» в каменной кладке и невольно поеживалась от неприятного ощущения запустения. Почти то же самое она испытывала в замке Эмила, но здесь было гораздо хуже.

Хул старалась ступать потише и держаться в тени. Кошачье чутье подсказывало, что коридоры совершенно пусты, но периодически ей начинало казаться, что за углом притаилось какое-то очень опасное существо. Кошке захотелось «прижать уши» и зашипеть на несуще-

ствующую опасность, но она сдержалась. Демоница завернула за угол и поняла, что дальше идти некуда. Дорогу преграждал внушительный завал. Огромные камни, наваленные один на другой, заполняли весь коридор почти до самого потолка. Кошка с тоской огляделась по сторонам, но не нашла ни одного бокового прохода, по которому можно было бы обойти преграду. «Значит, придется лезть».

Удобнее устроив мешок на плече, она подвернула подол платья и стала карабкаться наверх, цепляясь за выступы гранитных глыб, по дороге думая о том, откуда здесь взялись эти камни. Землетрясение? Ремонтные работы? Или демоны специально завалили коридор, чтобы с той стороны к ним не пробрался кто-нибудь чужой?..

Граница.

Несколько раз из-под ног у демоницы выскальзывали камни, и она не падала вниз только потому, что цепко держалась когтями за неровности гранитных блоков. «Если только выберусь отсюда,— обещала себе кошка,— оторву оба каблука». Наконец она добралась до узкой дыры, через которую можно было попытаться пролезть на ту сторону. Стараясь не шуметь, Хул протиснулась между камнями и попробовала рассмотреть, что находится за этим завалом. Но ничего не увидела. Даже ее кошачьи глаза не видели ни зги в абсолютной темноте. И пахло оттуда холодом, сыростью...

Хул поежилась. Ощущение того, что впереди нет ничего — вообще ничего, кроме темноты,— становилось все сильнее. «Наверное, спасаясь от этой пустоты, демоны завалили коридор камнями,— подумалось Хул,— и ушли отсюда они тоже потому, что она подползла слишком близко... Ну его, этот Рубин Карашэхра, она не собирается сдохнуть здесь...»

Лезть вперед расхотелось совершенно, кошка дернулась было обратно, но в ту же секунду почувствовала, что камни начинают дрожать, разъезжаться и катятся куда-то вниз, увлекая ее вместе с собой в темноту и пустоту. Хул вцепилась в свой мешок и зажмурилась, ожидая, что какой-нибудь булыжник поувесистее ударит ее по голове. А потом кошка почувствовала, что скольжение по острым камням закончилось и она падает уже по-настоящему. Ее тело само перевернулось в воздухе, чтобы приземлиться сразу «на все четыре лапы». Но древние рефлексы не помогли. Она не смогла сориентироваться в полной темноте, больно ударилась боком обо что-то очень твердое и потеряла сознание...

Ныл ушибленный бок, кружилась голова, хотелось свернуться клубком, забиться в какую-нибудь теплую нору и уснуть, позабыв и о Рубине, и о Буллфере. Но Хул нашарила на груди Ключ, убедилась, что он не разбился, и заставила себя открыть глаза.

Сначала ее сердце замерло, а потом заколотилось частыми неровными толчками. Из пустоты прямо на нее смотрел огромный немигающий глаз. Хул застыла, не смея пошевелиться, даже поднять руку, чтобы

вытереть пот, проступивший на лбу. Она сама не знала, сколько просидела так, загипнотизированная черным круглым зрачком, пока не поняла, что глаз, пристально и гневно смотрящий на нее из пустоты,— холодный, мертвый. Сразу стало легче дышать, вернулась боль в разбитом теле, и Хул смогла наконец разжать пальцы, нервно вцепившиеся в Ключ...

Кошка поднялась и, с трудом перебирая негнущимися ногами, сделала несколько шагов вперед. Теперь ей казалось, что глаз, висящий на высоте нескольких демонических ростов, испускает яркое сияние. И чем дальше она шла вперед, тем светлее становилось вокруг. Кошка поняла, что находится в огромном зале, вымощенном ровными плитами. Каждая из них была покрыта сложным узором, переплетением тонких линий, фигурок зверей, демонов, людей, ангелов и знаков странного алфавита. Высокие колонны, похожие на стебли каких-то неведомых растений, поднимались к потолку, теряясь в темноте свода.

Пол под ногами начал поблескивать, и Хул увидела, что глаза у фигурок, вырезанных в каменных плитах, сделаны из крошечных драгоценных камней. Она шла по рубинам, изумрудам, бриллиантам... драгоценные камни были вставлены в серединки цветов, обвивающих колонны. И с каждым шагом все это великолепие сверкало все сильнее. Хул остановилась, зажмурилась, помотала головой, а когда открыла глаза, то тихо ахнула и тут же, испуганная громким эхом, зажала себе рот обеими руками.

Она увидела огромный барельеф, почти наполовину выступающий из стены. Именно на нем светились в темноте глаза.

Это был ангел.

Его широко распахнутые крылья отражали свет тысяч драгоценных камешков, щедро разбросанных по залу, голова чуть наклонена вперед, брови сурово сведены, и в глазах ни тени обычного ангельского спокойствия. Взгляд гневный, губы упрямо сжаты, в руке обнаженный меч. Ангелы не бывают такими. Хул с удивлением рассматривала барельеф, замечая все больше необычного. Концы крыльев ангела были темными, и эта темнота как будто все выше поднималась по их гладкой белоснежной поверхности, у его ног плясали красные языки пламени, подсвечивая тревожным багровым светом одежду, похожую на сверкающую боевую броню.

Затаив дыхание, Хул рассматривала барельеф, и чем дольше смотрела на него, тем сильнее чувствовала странную тоску, беспокойство, тревогу. Пора было идти дальше, но она не могла заставить себя повернуться к этому ангелу спиной.

— Кто это? — прошептала она, и мгновенно услышала ответ.

— Один из Падших.

Хул подпрыгнула от неожиданности, круто обернулась и тут же поняла, что слышит голос Эмила.

— Ты... ты видишь?

— Да. Твоими глазами.

— Эмил, зачем он здесь?

— Ты знаешь легенду о происхождении демонов?

— Ну да... В общих чертах.

— Тогда смотри внимательнее. Это один из твоих далеких предков.

Кошка поежилась. Странно было даже думать о родстве с таким...

— Эмил, ты думаешь, это храм?

— Похоже на то.

— А где он сам... Падший?

— Хул, я не знаю.— В голосе колдуна послышалось раздражение, и кошка решила не донимать его своим любопытством. Наверное, он хотел спокойно рассмотреть барельеф.

Конечно, Хул слышала легенду об ангелах, которых за что-то прогнали с небес. То ли они власть не поделили со своими собратьями, то ли хотели ввести на земле какой-то новый порядок... в общем, в итоге оказались внизу. И остались здесь навсегда. Может быть, сначала Падшие жили в этих подземельях, построили храм... А потом ушли отсюда, когда изменились настолько, что не смогли больше видеть свои прежние прекрасные облики, вырезанные на стенах.

— Хул,— услышала она вдруг тихий голос Эмила,— уходи отсюда.

— Что? — удивилась она.

— Уходи отсюда,— повторил он громче.— Здесь тебе не место... Да и никому из нас... Нечего их жалким потомкам топтать плиты великого храма.

Хул хотела обидеться на «жалкого потомка», но потом поняла, что он говорит не столько о ней, сколько о себе. Кошка вздохнула и огляделась. Чуть левее, между барельефом и колонной, виднелся проход, через который можно было выйти из зала. Она подняла свой мешок и пошла туда, стараясь не смотреть на грозного Падшего ангела.

— Почему ты не поднялась на поверхность? — спросил Эмил.

— Боюсь плыть на корабле,— угрюмо отозвалась Хул.

Колдун хмыкнул в ответ что-то неразборчивое и замолчал, похоже, надолго.

Теперь она продвигалась по узкой галерее, пол которой был выложен прозрачными плитами. Под ними горело ровное красное пламя, и кошке казалось, что она ступает прямо по огню. А в гладких, отполированных до блеска стенах, как в зеркале, отражалась ее фигура.

Огненная галерея вывела в зал, с потолка которого свисали длинные, похожие на гигантские сосульки, сталактиты. Снизу им навстречу поднимались сталагмиты, и в очертаниях этих странных известковых наростов смутно угадывались фигуры. Ангел со сложенными крыльями, башня, смешной зверек, напоминающий сурка... Хул шла мимо и не могла понять, сделаны они кем-то или сами по себе приняли такие причудливые формы. Пол здесь круто спускался вниз, и кошка старалась как можно аккуратнее ставить каблуки на гладкую поверхность, чтобы не поскользнуться.

Зал оборвался внезапно. Она оказалась стоящей на берегу огромного черного озера, берега которого уходили в темноту. Хул прошла вперед, к самой воде, и оглянулась на круглую арку зала, из которого только что вышла. Казалось, что белые известковые фигуры замерли на месте, не решаясь подойти ближе к озеру. А справа, с гранитного утеса, выступающего из скалы, низвергался черный водопад. Он совершенно бесшумно вливался в воду и казался одной из колонн, украшавших подземелье, блестящей, монолитной, гранитной колонной, у основания которой колышется белая пена...

Кошка сунула палец в воду и тут же отдернула руку. Озеро было ледяным.

Значит, переправиться на ту сторону невозможно. Ей пришлось возвращаться обратно, долго плутать среди фигур, чтобы найти другой коридор. И снова потянулись пустые залы, великолепие которых начинало угнетать.

Хул поняла, что устала, посреди пещеры, в зеленые стены которой были вставлены тонкие золотые полоски, изящно выводящие один и тот же узор — многократно повторяющийся изломанный завиток. Кошка оглянулась по сторонам, с досадой думая о том, сколько сил и времени было потрачено на то, чтобы украсить эти гигантские гроты, принести в них горы драгоценных камней, устроить бесшумный водопад, а потом бросить все... Хотя, может быть, древние демоны, измененные ангелы, строили одним усилием воли или у них были особые инструменты...

Демоница нашла удобный темный уголок между двух камней, забилась поглубже в эту щель и свернулась клубком, натянув плащ на лицо. Теперь нужно было расслабиться и уснуть, но вместо этого она начала думать о Буллфере. Вспомнила, как ей безумно хотелось понравиться ему. Она бегала по своей комнате, примеряя то одно платье, то другое, перекрашивала волосы, меняла цвет глаз. Потом выбрала черный наряд, расшитый золотом, зачернила волосы, накрасила лицо, предполагая, что Хозяину, так же как и всем остальным демонам, нравятся яркие цвета. Полюбовалась на себя в зеркало, осталась довольна, но на всякий случай, чтобы не ошибиться и покорить Хозяина наверняка, спросила совета у Великой Кошки. Каменный идол взглянул на нее холодными зелеными глазами сквозь пелену ароматного дыма и промурлыкал:

— Ты обычная. Такая, как все. Он тебя не заметит.

Расстроенная, Хул села на низкий пуфик, взяла зеркало и заново принялась изучать свое лицо.

— Что же мне делать? Какой мне быть?

— Поменяй цвет,— коротко ответила Кошка.

И она научила Хул надевать маску прекрасного белокурого существа, почти ангела, в глазах которого светились далеко не ангельские желания... И пока не появился настоящий ангелок, Буллфер был всем доволен.

Хул тяжело вздохнула, крепче прижала к себе мешок, в котором лежала статуэтка, и заставила себя уснуть. Ей снилось, что она все еще идет по пустынным залам, блуждает среди колонн, бредет по колено в ледяной воде и никак не может остановиться...

Проснулась она от собственного громкого поскуливания, резко села, огляделась по сторонам. В зеленом зале ничего не изменилось. Внутреннее чутье подсказывало, что спала она недолго. Хул зевнула, потянулась, потом выбралась из щели между камнями и побрела дальше.

Великолепные пещеры больше не казались ей пугающими. Она уже поняла, что не встретит здесь никого, расслабилась внутренне и позволила себе даже получать удовольствие от этой познавательной экскурсии по жилищу древних демонов. Время от времени она ловила себя на приятных мыслях о том, как устроит в своих подземельях, когда станет Хозяйкой, такие же переходы, установит колонны и статуи. И такую же симпатичную лестницу с полупрозрачными перилами, ведущую вниз, под землю.

Хул подобрала подол платья и начала спускаться по ступеням, тихонько звенящим под ее ногами. На нижнем ярусе было темно. Но кошке все же удалось разглядеть, что она стоит в центре пустого зала с низким куполообразным сводом, а в центре его висит бледная тонкая пелена, похожая на паутину. Она слегка колыхалась и светилась, но от ее света вокруг становилось только темнее.

Демоница остановилась на безопасном расстоянии от «паутины», внимательно ее рассматривая.

— Эмил, что это?

— Предполагаю, что телепорт,— отозвался он тут же.

— Не может быть?! А где же столбы, воронка?.. Наши выглядят совсем не так.

— Это древний телепорт,— сказал колдун с тихим непонятным смешком.

— Откуда ты знаешь?

— Видел его рисунок в одной книге,— ответил Эмил нехотя.— Подойди поближе.

Хул опасливо сделала несколько шагов вперед и остановилась. Колдун помолчал какое-то время, видимо, рассматривал «конструкцию», и сказал:

— Похоже, он действует до сих пор.

— А как?

— Так же, как наши «ворота». Представляешь место, куда хочешь попасть, или задаешь нужное направление.

— Значит, через него я могу попасть в Южные земли?

— Я бы не советовал. Неизвестно, куда он забросит тебя. Если его устанавливали Падшие, то частично он должен быть настроен на ангелов.

— А я все-таки попробую,— решилась Хул.— Мне до смерти надоели эти залы.

— Глупая ты кошка,— с досадой сказал Эмил, и она не поняла, что его рассердило — ее пренебрежение к древней архитектуре или решение воспользоваться телепортом.— Хул, я тебя предупредил...

— Да-да.

Она больше не слушала. В тумане древнего телепорта появилось яркое мерцание, мелкие волны побежали по его поверхности, и Хул шагнула вперед, прямо в зыбкую глубину чужого мира.

Демонице казалось, что она летит вперед с огромной скоростью и в то же время остается неподвижной. Как будто окружающее пространство само несется ей навстречу и его куски нанизываются один на другой.

Кружилась голова, перехватывало дыхание, ощущение полета было настолько реальным, что кошка, зажмуриваясь от ужаса, втягивала голову в плечи и крепче прижимала свой мешок к груди в твердой уверенности, что он в любую минуту вырвется из рук и упадет в необозримые глубины, проносящиеся у нее под ногами. А потом и она сама полетит вниз, беспомощно кувыркаясь в воздухе. «Кошки не любят летать»,— первое, что подумала Хул, когда перемещение закончилось. Все еще нетвердо стоя на ногах, она принялась настороженно оглядываться.

Если это действительно были Южные земли, то выглядели они очень странно. Все вокруг казалось красным. Земля, горы битого кирпича, наваленные по обеим сторонам тропинки, на которой стояла Хул. Даже небо. Здесь было что-то вроде неба. Высоко над головой клубились багровые облака, и сквозь них просвечивало алым.

Кроме того, было очень жарко, красный гранит под ногами явственно подрагивал и слышался отдаленный гул. «Вулканы,— подумала Хул.— Наверное, здесь постоянная вулканическая активность». Она ожидала, что Эмил похвалит ее за сообразительность, но колдун молчал. «Наверное, тоже внимательно осматривается по сторонам»,— решила демоница.

Она ни минуты не сомневалась в том, что Эмил постоянно следит за ее продвижением и по первому же призыву бросится на помощь. Ей и в голову не пришло задуматься о том, что у него могут возникнуть свои дела, ради которых он осмелится бросить ее одну. Поэтому Хул смело пошла вперед, уверенная в себе самой и в сообщнике.

Красный свет становился все ярче, насыщенней и гуще. Вокруг возвышались руины бывших дворцов или храмов. Их странные, непривычные для Хул очертания еще угадывались под густым слоем красного

мха, густо разросшегося на крошащемся от времени камне. Кошка с любопытством оглядывалась.

Она еще никогда не видела, чтобы в подземельях демонов что-то росло. И не понимала, зачем строить дома уже в готовом доме. «У нас никто не стал бы тратить время на то, чтобы забивать отличные просторные пещеры какими-то дурацкими постройками,— думала Хул, перебираясь через очередной каменный завал.— Хотя, может быть, у них с неба что-нибудь падает... сейсмическая активность, например». Она опасливо взглянула наверх, ожидая, что сейчас из багровых туч прямо ей на голову посыплются раскаленные камни. Но никаких немедленных катастроф ровно освещенное небо не предвещало, и Хул немного успокоилась.

Однако ненадолго. Теперь ей стало казаться, что за ней наблюдают. В зарослях мха кто-то шуршал, сверкал из-за груд кирпича любопытными блестящими глазками, возился наверху приземистых колонн. «Наверное, саламандры»,— успокаивала себя Хул. Ее раздражало то, что ей никак не удается как следует осмотреться. Обзор постоянно загораживало то разрушенное здание, то угрюмый идол, изображающий древнего демона или, может, химеру, наполовину вросшую в землю.

Хул вытерла мокрое от пота лицо краем платья, закинула за спину мешок и съехала вниз по крутому склону, подняв целую тучу красной пыли. Очень удачно приземлилась на четвереньки, подняла голову, но тут же отнюдь не грациозно плюхнулась в пыль, сжимаясь внутренне от страха и неожиданности. Прямо ей в лицо смотрел острый блестящий наконечник копья, на острие которого блестел красный огонек. Хул не знала, что это за оружие, но что-то подсказывало ей, что удар им будет очень болезненным. Медленно-медленно ее взгляд скользнул по длинному древку и уперся в руку, держащую оружие.

«Эмил...» — тихонько позвала Хул голосом, дрожащим даже мысленно, потому что эта лапа с огромными когтями и зеленоватыми чешуйками вместо шерсти не могла предвещать ничего хорошего. Красный огонек наконечника качнулся перед ее лицом, Хул вскинула голову и увидела существо целиком. Оно было похоже на демона, но тело его вместо шерсти покрывала чешуйчатая броня, словно у ящера, а физиономия показалась кошке отвратительной. Маленькие красные глазки поблескивали под тяжелыми, выступающими вперед надбровными пластинами, узкая морда вытянута, словно у каймана, а из пасти торчат мелкие острые зубы. Машинально Хул подумала, что такой пастью очень удобно ловить рыбу. Вместо волос на голове длинные хитиновые наросты, аккуратно стянутые широкой красной повязкой, с пояса свисают тушки каких-то мелких зверьков, связанных за хвосты попарно. В другое время и в другом месте это чучело, размахивающее копьем, показалось бы Хул очень забавным, но сейчас ей было не до веселья. «Эмил!» — взвыла кошка погромче, но проклятый колдун не отзывался. А гнусная рептилия продолжала рассматривать демоницу, пощелкивая

своей зубастой пастью. «Знать бы, что это значит,— лихорадочно соображала Хул,— хочет он меня съесть, или я ему понравилась, или...»

Наконечник копья снова качнулся и уперся кошке прямо в грудь. Хул похолодела, сообразив, что ящер, или как там его, увидел рубиновый Ключ, висящий поверх ее платья.

Существо протянуло руку и произнесло скрежещущим низким голосом:

— Дай сюда...

— Нет! — воскликнула Хул и для убедительности помотала головой, вцепившись в рубин обеими руками.— Это мое!

Ящер ухмыльнулся, демонстрируя все свои зубы:

— Ты тоже моя. Давай.

«Эмил!» — завизжала Хул так, что у самой заложило уши.

— Извини, дорогая,— послышался издалека голос коварного помощника.— Боюсь, тебе придется выпутываться самой. Я занят.

— Что?! — воскликнула Хул, отползая от угрожающе нацеленного на нее копья.— Чем ты можешь быть сейчас занят?! Он хочет, чтобы я отдала ему Ключ!

— Если потеряешь Ключ, назад можешь не возвращаться,— ледяным голосом отозвался Эмил и отключился. Совсем. Даже не пожелал посмотреть, как его демоническую подружку будут нанизывать на копье.

Глава 20
ДЕМОНЫ В ДЕРЕВНЕ

Этим вечером Нельга была в лесу. Пришлось искать корову, опять отбившуюся от стада. Девушка шла по просеке, вспоминая, что ответил пастух на ее упреки: «Паси сама. Пока я буду бегать за твоей, всех остальных растеряю». Найдя беглянку, Нельга сунула ей под нос кусок хлеба (хотя на самом деле хотела как следует выдрать упрямую животину хворостиной) и, пока та жевала, накинула веревку на шею, уводя домой.

Когда девушка вышла к деревне, совсем стемнело. И в этой темноте происходило что-то страшное. Уже издалека ей послышались крики, грохот, шелест и треск. А потом к черному небу взметнулся столб огня, осветив стволы деревьев ярким дрожащим светом. Корова помотала головой, замычала тревожно. Нельга вздрогнула, выпустила из рук веревку. Буренка тут же повернула обратно в темноту леса, но девушка не пошла за ней. За деревьями гулко ударил колокол и тут же смолк.

Нельга выбралась на поляну, раздвинула ветви орешника и увидела горящие дома. В дыму и огне метались черные, нечеловеческие тени... Нельга зажала рот обеими руками, чтобы не закричать, и зажмурилась. «Демоны»,— пронзила ужасная, парализующая мысль. Бежать! Скорее! Пока не заметили! Ожидая, что сейчас ее схватят острые когти, едва дыша, она упала на колени, отползла глубже в тень куста, подождала,

пока ноги перестанут дрожать от страха, и помчалась через лес, обдирая руки о колючие ветви. Она не думала о том, куда бежит, всхлипывая от ужаса, и мечтала только оказаться как можно дальше от разоренной деревни и жутких тварей.

Стены замка внезапно появились из темноты черной монолитной скалой. Задыхаясь, Нельга пробежала по широкому двору и с размаху ударилась о неплотно закрытую дверь. Крик, который беззвучно дрожал в ее груди во время сумасшедшего бега, наконец-то вырвался наружу:

— Эмил!! Эмил!

Звонкое эхо прокатилось по всему замку. Из-под потолка сорвались несколько летучих мышей и с писком вылетели в окно, где-то хлопнула дверь.

— Эмил!

В огромном холле было полутемно, в бледном свете, льющемся откуда-то сбоку, клубились бесформенные тени, они наплывали со всех сторон, просачивались сквозь щели окон и тянулись к ней. Нельга шарахнулась в сторону, и тут же сами собой вспыхнули светильники на стенах, и она, ослепнув на секунду от яркого света, услышала знакомый низкий голос:

— Опять ты?! Что на этот раз?

Эмил медленно спускался по лестнице, недовольный, хмурый, устало щуря глаза. Нельга бросилась к нему, вцепилась в рукав, закричала, с трудом сдерживая рыдания:

— Демоны! В деревне демоны! Они жгут дома! Убивают!

Насмешливая улыбка скатилась с его лица. Черные глаза засверкали злым огнем.

— Демоны?! В моей деревне?!

Он крепко взял ее за плечи и слегка встряхнул.

— Сколько их?

— Н-не знаю. Я видела только, что дома горят. Я уб-бежала.

Ее трясло, побелевшие губы дрожали, в огромных глазах отражался безумный, животный страх. Платье порвано, косы растрепаны, одна из них расплелась. Трудно было узнать в этой перепуганной жалкой девчонке прежнюю гордую красавицу. Эмил нахмурился, рассматривая ее. Как все-таки уродует человека страх. Впрочем, она не виновата, демоны вызывают у людей неконтролируемые приступы панического ужаса... Но каковы все же мерзавцы! Забрались в его земли, грабят его деревню.

— Грязные твари! Я с них шкуру живьем спущу!

(Невнятный вопль Хул, опять ввязавшейся в какую-то дурацкую историю в Южных землях демонского мира, стих, заглушенный яростью Эмила в мире реальном.)

— Эмил, нет! — Нельга снова повисла на нем, лепеча что-то невразумительное.— Не ходи! Они тебя убьют!

— Что за чушь! Никто меня не убьет! Я сам демон!

— Нет-нет! Пожалуйста, не ходи!

Эмил пытался отцепить от себя ее настойчивые руки, но Нельга только крепче льнула к нему, заглядывая в лицо умоляющими заплаканными глазами:

— Не надо! Не ходи!

— Что же мне, сидеть здесь и ждать, пока эти мерзавцы сожгут всю деревню?

— Эмил!..

— Все! Хватит! Хватит, я сказал!

Нельга отшатнулась, прижала к груди сжатые руки и посмотрела на него расширенными глазами, в которых появилось наконец что-то разумное.

— Успокойся,— сказал колдун мягче. — Оставайся здесь. С Мёдвиком. Помнишь Мёдвика?

Он кивнул на серьезного мальчика, тихо появившегося откуда-то во время ее короткой истерики. Нельга мельком взглянула на него и тут же снова посмотрела на Эмила.

— Я скоро вернусь. И не бойся. Этот замок выдержит осаду сотни демонов. Мёдвик знает, что нужно делать, если... В общем, он знает, что надо делать.

— Эмил, осторожнее,— шепнул мальчишка одними губами.

Колдун улыбнулся ему, потом пристально взглянул на окаменевшую Нельгу, подошел к ней, взял за плечи, наклонился и поцеловал. Так крепко, что у нее закружилась голова и подогнулись колени. Нельга зажмурилась, почувствовала, как горячая ладонь нежно погладила ее по щеке, услышала тихий, насмешливый голос:

— Что, так лучше?

Она покраснела, но все же кивнула и улыбнулась в ответ на его улыбку.

— Я скоро вернусь,— повторил колдун, потрепал Мёдвика по светло-каштановым кудрям и стремительно вышел.

Дверь сама тяжело закрылась за ним, а спустя несколько минут по каменному двору загрохотали лошадиные подковы. И снова стало тихо.

Нельга стояла, напряженно вслушиваясь в эту тишину, быстро заплетала распустившуюся косу. Она вздрогнула, когда Мёдвик дотронулся до ее локтя и спросил:

— Сударыня, хотите чаю?

Эмил гнал коня по узкой тропинке, уклоняясь от веток, норовивших хлестнуть по лицу, и чувствовал бешеную, мстительную ярость, представляя, что он сейчас сделает с мародерами.

Демонов было всего пятеро. (После бессвязного рассказа Нельги колдун ожидал увидеть не меньше десятка.) Но они оказались не простыми серыми уродами из низшего разряда. Эмил разглядел бордовые длинные плащи, рубиновые пояса. Двое из них были в человеческих образах. Значит, высшая знать решила повеселиться.

— Кто там еще? — лениво поинтересовался Велиагр — один из Высших демонов, возглавляющий увеселение с сожжением деревни, швыряя пригоршню огня на соломенную крышу дома.

— А это, господа, пожаловал хозяин деревни.

— Что, один?

— Один.

— Какая самоуверенность,— демон замахнулся снова, но вдруг услышал негромкий спокойный голос:

— Я бы не стал этого делать на вашем месте.

Из темноты, окрашенной багровыми отсветами пламени, выступил черный силуэт всадника на огромном коне. Демон?

Его глаза сверкали красным огнем, от напряженной фигуры явственно тянуло холодной яростью, бешенством оттого, что кто-то вторгся на его территорию. Знакомое чувство, понятное. Велиагру совсем не улыбалось встретить в этой глухой деревеньке кого-нибудь из своих подземных родственников. Не хватало еще, чтобы Буллфер узнал об этой милой несанкционированной прогулке.

В последнее время Хозяин был слегка не в себе и требовал неукоснительного выполнения своих приказов. Запрет на посещение Срединных земель был строжайший. Недавний договор с ангелами о прекращении роста по вине демонов числа жертв среди человеческого населения нужно было соблюдать хотя бы первое время. Но попробуй объяснить это подчиненным, которые периодически начинали сатанеть от безделья. Излишки энергии нужно выплескивать. И попытайся доказать Буллферу, что пусть лучше ребята сожгут пару деревенек, чем начнут бросаться друг на друга...

Незнакомец на лошади (а может, и не лошади, потому что, кажется, эти земные твари боятся демонов) выехал на свет, и Велиагр почувствовал тонкий аромат человеческой плоти и дрожание робкой, человеческой же души, пробивающейся сквозь благородную темноту облика.

— Человек! — с приятным удивлением в голосе воскликнул кто-то.

— Полукровка,— пояснил Велиагр, рассматривая всадника.— Человек наполовину.

— На какую половину? — поинтересовался Бесп, вытягивая когти.— Верхнюю или нижнюю? Сейчас проверим.

Он потянулся к человеку, но тот вдруг резко взмахнул рукой, в воздухе взвилась сверкающая белая плеть и со свистом обрушилась на черного демона-убийцу, захлестнув его горло. Бесп взвыл, закрутился на месте, пытаясь сбросить узкую полоску кожи, потом захрипел и грохнулся под копыта коня.

— Прошу прощения, господа,— сказал полудемон.— Но это моя земля.

— Вся эта земля принадлежит Хозяину,— ответил Велиагр, с интересом рассматривая Беспа, корчившегося от боли и все еще рвущего когтями блестящую удавку на своей шее.— И эта деревня, и ты тоже, и этот демон. Так что отпусти Зверя, не порть хозяйское имущество.

Блестящая плеть снова сверкнула в воздухе, и освобожденный Бесп, громко ворча, принялся тереть помятую шею. Предчувствуя новое развлечение, остальные демоны стали подтягиваться ближе.

Эмил знал, что его могут растерзать в любую секунду. Даже самая искусная магия не повредит Высшему демону серьезно. Остальные не в счет. Этот черный, злобно рычащий у ног жеребца, силен, но глуп, а вот остальные... особенно высокий элегантный господин в алом плаще с любезной улыбкой на тонких губах. Любят Высшие демоны принимать человеческий облик. Их забавляет, находясь среди людей, наслаждаться своей безграничной силой.

— Господа,— сказал Эмил как можно учтивее, незаметным движением сматывая плеть.— Я предлагаю завершить этот вечер у меня. Мой замок к вашим услугам.

Прошло очень много времени, а Эмил все не возвращался. Нельга металась по комнате, прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся с улицы.

— Что-то случилось! Я чувствую, что-то случилось.

Мёдвик терпеливо наблюдал за ней, держа в руках чашку с чаем, которую пытался деликатно вручить девушке, когда она пробегала мимо него. Но Нельга не замечала его заботы.

— Он уже должен был вернуться,— переживала она, выглядывая из окна в темноту.— Почему его нет так долго?!

— Он вернется,— убежденно сказал Мёдвик.— Не волнуйтесь. Эмил ведь колдун.

Нельга чуть улыбнулась, взглянув на серьезную мордашку мальчика, и он покраснел. Он всегда краснел от ее улыбки. Смешной мальчишка! Милый... Но где же Эмил? Что с ним? Что они могут с ним сделать?

— Я... я пойду за ним.

— Нет! Сударыня, что вы! Нельзя. Нужно ждать здесь.

Но сколько можно ждать! И чего? Нельга села за стол, оперлась локтями о мраморную столешницу, сжала ноющие виски. Она здесь уже второй раз, и вот опять болит голова. Стены давят, и душно. Девушка подняла голову, оглянулась. Небольшая комната, обставленная легкой, изящной мебелью на гнутых ножках, на стенах картины в золотых рамах, огромное зеркало, голубой потолок, изображающий небо, разрисован белыми пухлыми облаками, в центре висит хрустальная люстра с тонкими подвесочками, в глубине комнаты арфа, прикрытая от пыли тканью. Красиво, только и здесь душно. Не вздохнуть.

— Это дневная комната,— тихонько сказал Мёдвик.— Есть еще утренняя, вечерняя и ночная. В ночной — небо звездное и люстра круглая,

как луна, и еще соловьи поют иногда. В вечерней солнце красиво заходит... Это Эмил придумал. Он, когда вернется, покажет.

Нельга кивнула, а Мёдвик, довольный тем, что она больше не бегает нервно по комнате, поставил на столик чашку с остывшим чаем.

— Вот, выпейте. Вам сразу станет лучше.

Нельга послушно выпила, но лучше ей не стало. Внизу, в холле, грохнула входная дверь, и тут же оглушительные крики, хохот, вой и рычание сотрясли замок до самой крыши. Мёдвик побледнел, Нельга разбила чашку, уронив ее на мраморный стол:

— Что это?

Мёдвик не успел ответить. Дверь в комнату распахнулась, и девушка увидела Эмила. Злого, нервного, с безумными глазами, перекошенным ртом и разорванным воротником рубашки.

— Мёдвик, быстро отведи Нельгу в свою комнату. Запри дверь. И чтобы ни звука... Сегодня у меня гости.

Он усмехнулся и вышел из комнаты, зацепив плечом за косяк.

Веселье началось в той самой нежилой половине замка, где было холодно, полутемно, куда никогда не попадал солнечный свет. Сейчас в огромном зале горели все светильники, полыхал камин, по черным барельефам на стенах прыгали красные отсветы пламени, и Эмилу казалось, что замок горит. Длинный стол в центре прогибался под тяжестью еды. Мясо жареное, непрожаренное и сырое, горы птицы, колонны сыров, косяки рыб, внушительным холмом возвышался кабан, зажаренный целиком, бочки, кувшины и бутылки с вином. Эмил сидел во главе стола и смотрел, как его гости пожирают угощение. Острые когти разрывали дымящееся мясо, сок и кровь брызгали в разные стороны, крепкие зубы с хрустом разгрызали кости, а бекасов и перепелов они заглатывали целиком, не жуя. «Так же они сожрут все, что попадется им на глаза,— думал Эмил,— разорвут на куски и проглотят. И тебя, и твой замок». «Смотри хорошенько,— говорил он своей демонической половине.— Ты хотел быть таким, как они. Что, нравится?» — «Нет. Я ненавижу их, презираю. Жалкий, вечно голодный сброд. Я другой. Я такой же, как Буллфер. Выше их всех. Я Посланник... А они... они когда-нибудь подавятся, потому что захотят проглотить слишком большой кусок!»

— Неплохой замок,— сказал Велиагр, элегантно раздирая когтями кусок сырого мяса.— Я знал его архитектора.

Эмил залпом выпил бокал вина, перевел дыхание. Напиваться было нельзя. Он не мог позволить себе расслабиться. Сладковатый дурман уже начинал заползать в голову, но Эмил усилием воли отогнал его и спросил, глядя в красные, внимательные глаза Высшего демона:

— И кто был его архитектором?

— Демон, естественно.— Велиагр с хрустом разгрыз кость, вытер руки о скатерть и посмотрел на Эмила с тем выражением, которому колдун учился довольно долго и которое означало только одно — демоническое снисходительное высокомерие. «Хотя я и сижу с тобой за одним столом,— говорили глаза Велиагра,— ты все равно остаешься никчемным полукровкой, и мы оба знаем об этом».

Любезно улыбаясь Высшему демону, Эмил крепко сжал тонкую ножку кубка и подумал о том, что терпение — одно из лучших человеческих качеств. Терпение и лицемерие.

— Да-а,— задумчиво протянул Велиагр, обводя взглядом огромный зал.— Все мельчает. Раньше у Черных замков были более достойные хозяева.

— К сожалению, я не застал то время,— ответил Эмил, с трудом сохраняя на лице приятную улыбку.

— К счастью! — многозначительно поправил его собеседник.— Полудемонам было трудно выжить в те времена.

— Почему?

— Их убивали,— сосед Эмила справа ухмыльнулся и швырнул под стол обглоданную кость.

Велиагр с притворной грустью покачал головой:

— Да. Причем свои же. Демонам не нравятся их слабые подобия. Мы и друг друга-то с трудом выносим. Правда, Бесп?

Демон-убийца проворчал в ответ что-то одобрительное и оглянулся на остальных демонов, не участвующих в разговоре, но с явным любопытством прислушивающихся.

— Кстати, люди их тоже не жаловали.— Велиагр налил себе еще вина.— А убивать полукровок гораздо легче, чем демонов. Вот и развлекались человеки, вместо нас мстили нашим жалким отпрыскам.

Демоны переглянулись, рассмеялись, видимо, мысленно обсудили что-то забавное. Неполноценность Эмила, например.

Колдун снова загнал свое гневно ворчащее самолюбие подальше от наглых взглядов и сохранил на лице непроницаемо-вежливое выражение.

— В таком случае не могу не согласиться, что мне посчастливилось родиться именно в свое время. Люди ищут покровительства у подобных мне, да и демоны ни разу не наносили обиды.

— Нынешний Хозяин... слишком либерален...— многозначительно хмыкнул Велиагр.

Присутствующие за столом демоны поддержали его кивками, но тем и ограничились. Тема была закрыта.

И Эмил мысленно в очередной раз возблагодарил единственное существо, которое оказалось воистину достойно его поклонения. Вот как, выходит, именно Буллфер — Хозяин и Верховный демон — вновь и вновь, на протяжении всей жизни колдуна, и раньше, и тем более сегодня, даровал ему жизнь.

— Эй, смотрите, что я нашел,— прозвучало над самым ухом колдуна, и ответом на это заявление стал громкий восторженный рев.

Холодея внутренне, Эмил медленно обернулся, уже догадываясь, что увидит. Черный демон-убийца, тот самый Бесп, которому нужно было до конца оторвать его дурную башку, шел к столу, таща за собой бледную, до смерти перепуганную Нельгу. Эмил застонал про себя, глядя на ее растрепанные косы, на пустое от ужаса лицо, на белые гладкие плечи...

— Вот чего нам не хватало, господа! — воскликнул Велиагр, колыхнув великолепным алым плащом.— Женщины.

И тут же Эмил услышал свой собственный голос, прозвучавший как будто издалека:

— Это моя женщина.

Высший демон неторопливо повернулся к колдуну, поблескивая сытыми довольными глазами:

— Какая красотка!

Он поднялся, движением руки велел Беспу отойти от девушки и медленно обошел Нельгу, рассматривая ее, как лошадь, выставленную на продажу. Эмил сжал кулаки под столом, восстанавливая в памяти заклинание, которым можно ударить демона, если тот попробует прикоснуться к Нельге. Ты только не вздумай хлопнуться в обморок, девочка. Их нельзя бояться. Их можно только ненавидеть.

— Красотка,— повторил Велиагр, довольный осмотром.— Только что же это она у тебя в таком виде? — Он презрительно указал на порванное платье девушки, на спутанные волосы.— Да и бледная какая-то. Нехорошо, друг мой. Будь добр, приведи ее в порядок. И я надеюсь, сударыня, что вы украсите собой наше общество.

Эмил поднялся, быстро подошел к замороженной Нельге, крепко взял ее за руку и потащил за собой. На лестнице она начала спотыкаться и всхлипывать. Значит, скоро начнется истерика.

— Эмил... Эмил... Я боюсь...

«Я тоже, детка. Знала бы ты, каково быть в шкуре полудемона и плавно переходить от страха к ненависти и обратно». Эмил втолкнул Нельгу в комнату и приказал коротко:

— Раздевайся.

— Ч-что?

— Раздевайся, я сказал! Быстро!

Она смотрела на него круглыми блестящими глазами, в которых было столько же мысли, сколько в оловянных пуговицах, и нервно стягивала на груди косынку. Эмил коротко выругался и распахнул дверцы широкого гардероба. Там висел ряд платьев. Одно лучше другого.

Если бы Нельга была способна соображать, она бы удивилась тому, откуда здесь все эти прекрасные наряды и даже, может быть, с удовольствием рассмотрела их. Но теперь она просто стояла и тупо смотрела, как Эмил, ругаясь вполголоса, вытаскивает их одно за другим, швыряет

в сторону, и они падают на пол шелестящими грудами разноцветного шелка.

— Вот это,— сказал вдруг колдун, рассматривая желтое блестящее платье с высоким воротником-стойкой.— Надевай это.

— Что?

Он сверкнул злыми глазами и сказал негромко, но таким тоном, что у нее снова затряслись колени:

— Раздевайся и надевай это платье. Живо!

Трясущимися руками Нельга попыталась расстегнуть лиф, но пальцы ее только беспомощно теребили шнуровку. Эмилу надоело ждать, одним рывком он вытряхнул ее из старого платья — вырванные крючки и застежки посыпались с него и запрыгали по полу в разные стороны. Нельга почувствовала, как у нее перехватывает горло от страха и унижения, но, похоже, Эмила вообще не волновало то, что она стоит перед ним голой. Больно царапая кожу жесткой вышивкой на платье, он натянул на нее новый наряд, повернул к себе спиной и дернул шелковые шнурки корсажа. Нельга вскрикнула:

— Эмил, больно!

— Терпи! — ответил он, сгребая в кулак ее тяжелые непослушные волосы, продирая их гребнем, безжалостно дергая. Потом свернул узлом, вонзил в прическу несколько шпилек и натянул на них тугую блестящую сетку. Повесил на шею тяжелое ледяное ожерелье. Повернул к себе и приказал.— Теперь идем.

И только тогда она, наконец, поняла:

— Нет! Эмил, нет! Я не пойду туда!

Он схватил ее за обнаженные плечи и прорычал, приблизив к ее лицу свое перекошенное от бешенства лицо:

— Пойдешь! Если не хочешь, чтобы я придушил тебя прямо здесь!

— Но они демоны!

— А кто я, по-твоему?! Идем!

Он встряхнул ее, на мгновение прижал к себе, и Нельга услышала, как часто бьется его сердце.

— И не смей бояться этих тварей! Они чувствуют твой ужас! Ну же! Ну! Где твоя гордость? Если умрешь, то хотя бы красивой!— Колдун повернул ее к зеркалу, в котором отразилось золото вышивки, бриллиантовое колье и белое, жалкое лицо, обрамленное яркими огоньками камней, переливающихся в прическе.— Идем! — приказал Эмил, и она пошла.

Нельга почти не помнила, как прошла эта безумная страшная ночь. Она сидела за столом, разодетая, как кукла, и такая же пустая. В голове ни одной мысли, на губах бессмысленно-любезная улыбка — у нее даже получалось вежливо кивать учтивому господину, сидящему справа. Их было четверо, одетых в дорогие одежды, с перстнями на пальцах и широкими рубиновыми поясами, одинаковыми у всех. У всех четверых горели глаза, а сквозь благородные человеческие лица просвечивала их подлинная черная сущность. И они были страшнее, чем черный косматый

зверь, глядящий на нее с голодной жадностью с другой стороны стола. Тот набросится, растерзает и удовлетворится этим быстрым бессмысленным убийством, а элегантные «господа» будут мучить долго и с наслаждением, оттягивая смерть жертвы как можно дольше.

Эмил сидел на противоположном конце стола. Пил, смеялся, непринужденно говорил о чем-то с демонами. Тогда в комнате, когда он прижал ее к себе, ей показалось, что он ненавидит их и боится так же, как она, но теперь Нельга поняла — в нем нет ничего человеческого. Он такой же. Один из них.

— Ладно, господа,— сказал вдруг демон в красном, поднимаясь из-за стола.— Пора. Спасибо за чудесный вечер.

С элегантным полупоклоном он взял руку Нельги и слегка прикоснулся к ней губами.

— Был счастлив познакомиться с вами, сударыня.

Она не успела ни испугаться, ни удивиться. Стены зала словно поплыли, красный свет стал гуще, ярче вспыхнули светильники, голова зазвенела от боли, перехватило дыхание. Нельга сжала ладонями виски, пережидая мучительный приступ дурноты. Он длился несколько долгих секунд, во время которых демоны один за другим растворялись в воздухе. Когда исчез последний, ей стало легче.

В зале остались только они с Эмилом. Нельга огляделась по сторонам, точно просыпаясь и снова чувствуя себя живой. Пламя в камине погасло, стол был завален обглоданными костями и залит вином, липкие красные лужи растекались по полу вокруг разбитых кувшинов. В воздухе стоял отвратительный едкий запах. Но, самое главное, ушло непереносимое ощущение удушья и тупого страха, которое владело ею весь вечер. Нельга посмотрела на Эмила. Что чувствует он? Несколько мгновений он сидел не шевелясь, с выражением пустого равнодушия на смуглом лице, потом поставил локти на стол, прямо в лужу вина, прикрыл глаза рукой и хрипло рассмеялся. Нельга вздрогнула и подумала, что лучше бы он выругался, слишком странно звучал этот смех в пустом зале.

Колдун поднялся, с размаху пнул табурет, на котором стояла бутылка вина и, чуть покачиваясь, пошел к выходу, даже не взглянув на Нельгу. Она так и осталась сидеть одна — в мрачном пустом зале, за огромным столом в роскошном золотом платье... Она повторила жест Эмила, закрыв лицо руками, изо всех сил желая себе проснуться наконец по-настоящему, у себя дома, в маленькой уютной комнате рядом с теплой печью. «Если бы я стала его женой, мне бы пришлось каждую ночь сидеть в золотом платье среди демонов и улыбаться им, и трястись от ужаса, а потом презирать себя и его за эту чудовищную лицемерную игру». «Это моя женщина!» — вспомнилось ей вдруг. Нет, не женщина, всего лишь кукла. Он и разглядывал ее как куклу, и причесывал... и раздевал. Равнодушно, быстро, умело...

— Сударыня...— кто-то осторожно потянул ее за рукав. Нельга подняла голову и оглянулась. Рядом стоял смущенный, переминающийся с ноги на ногу Мёдвик.— Я принес ваши вещи.

— Спасибо.

Она расстегнула замочек тяжелого ожерелья, вынула из ушей длинные подвески, кое-как освободила волосы от сетки, стянула с плеч жесткое от вышивки платье. (Мёдвик поспешно отвернулся, покраснев еще больше.) Милый мальчик. Как ему удается оставаться таким в этом страшном замке?..

— Я провожу вас?

— Не надо.— Нельга одернула свое старенькое платье и в последний раз оглядела огромный зал.— Я дойду сама.

Он все же проводил ее до двери:

— А может быть, все-таки...

— Нет, малыш.— Она горько усмехнулась.— Демоны ушли, а больше я никого не боюсь.

— Вы очень смелая! — воскликнул Мёдвик, и в его глазах заблестело что-то очень похожее на восхищение.— Правда, очень!

Нельга покачала головой, улыбнулась и вышла за ворота замка, чувствуя, что мальчик смотрит ей вслед.

Глава 21
БЫТЬ НАСТОЯЩИМ...

Девушка медленно брела по тропинке, возвращаясь домой. Длинные стебли травы хлестали ее по ногам, и подол платья промок от росы.

Нельга вдруг вспомнила сказку о девочке, которая пробыла в гостях у колдуньи всего час, а за это время в реальном мире прошло семь лет... Но она не побежала быстрее, чтобы увидеть свой дом. Она как будто одеревенела внутренне.

— Нельга? Нельга, это ты?

Девушка подняла голову и увидела перед собой соседского сына, Филипа. Его широкое, добродушное лицо сейчас было искажено страхом (неужели за нее?) и нетерпением.

— Ты где была?! Я искал тебя всю ночь.

Казалось, ему хочется схватить ее, ощупать с ног до головы, чтобы убедиться, что она цела, но он не решается прикоснуться.

— Я была в лесу,— сказала Нельга.

— Они... ничего тебе не сделали?

— Нет. Я убежала,— терпеливо, словно маленькому ребенку, объяснила она.— Они меня не видели.

Филип еще раз оглядел ее со всех сторон, и на его лице отразилось, какое огромное облегчение он испытал.

— Я боялся за тебя,— переминаясь с ноги на ногу, сказал он.— Я думал, они...

— Филип, я устала, замерзла и хочу спать.

Он послушно кивнул, глядя на нее преданными, как у собаки, глазами. Прикажи она ему остаться у порога ее дома, и он останется, будет сидеть, охраняя ее неизвестно от чего. И будет счастлив...

— Нельга, я так рад, что ты жива,— сказал он вдруг, делая робкую попытку взять девушку за руку, но она мягко отстранилась, поднялась по ступеням крыльца и закрыла за собой дверь, даже не взглянув на парня.

«А ведь я хотела выйти за него замуж,— воспоминание об этом пришло медленно, неповоротливо, словно во сне.— Добрый, заботливый, надежный... Хороший парень. Хороший, и больше ничего... Волновался, искал, а она сидела на демонском пиру, наряженная куклой, и улыбалась...»

Нельга мельком взглянула в зеркало, проходя мимо него, и удивилась, что лицо ее выглядит по-прежнему молодым. Ей казалось, что за эту ночь она постарела лет на тридцать. Не раздеваясь, девушка легла на кровать, обняла подушку, закрыла глаза, чувствуя глубокую пустоту в душе. «Наверное, я сошла с ума,— подумала она с некоторым облегчением.— Говорят, что люди, которые видели демонов совсем близко, иногда сходили с ума...»

Ей было неудобно лежать на краю кровати, мерзли босые ноги, но она все никак не могла собраться с силами, чтобы лечь поудобнее и подвинуться к печке. Так и уснула, свернувшись клубком...

Легче после короткого сна не стало. Машинально делая какую-то домашнюю работу, Нельга по-прежнему чувствовала, что двигается будто в тумане. Подоила корову, та вернулась, набродившись по лесу, и понуро стояла у ворот. Потом чистила закопченные кастрюли, напекла зачем-то пирогов.

Несколько раз приходил Филип, топтался у порога, мял в руках шапку, пытался сказать что-то, но, так и не сказав, уходил. А потом она села на лавку у стола, опустив руки на колени, и так просидела до вечера. Когда во дворе стало совсем темно, в окно постучали. Негромко, осторожно. Она не ответила.

— Сударыня,— прозвучало вдруг за ее спиной.— Здравствуйте.

Нельга оглянулась. Рядом с ней стоял кудрявый хорошенький мальчик, румяный и от смущения теребящий свои кружевные манжеты.

— Здравствуй, Мёдвик.

— Добрый вечер,— пробормотал он и улыбнулся.

— Как я рада, что ты пришел,— сказала она и поняла — действительно рада. В холодной, пустой груди шевельнулось что-то нежное.— У меня пироги еще теплые. Будешь?

Он посопел и быстро кивнул.

Нельга поднялась, ощутив только теперь, что снова может что-то делать. Она поставила на стол большое блюдо с пирогами, кувшин

молока, кружку. Увидев угощение, Мёдвик повел веснушчатым носом и сразу перестал смущаться.

— А пироги с чем? — деловито осведомился он, забираясь за стол и придвигая к себе кувшин.

— С рыбой, грибами, яблоками, а еще с луком и яйцом. Ты с чем хочешь?

— С грибами,— подумав, ответил мальчишка.— И с рыбой.

Он выбрал два самых больших пирога и по очереди откусил от обоих. На его мордахе появилось довольное выражение.

— Вкусно? — спросила Нельга.

Он закивал, снова потянулся к блюду. Девушка тоже села за стол и стала смотреть, как он ест — сначала с рыбой, потом с грибами и снова с рыбой, потом с яблоками. Было видно, что у мальчика хороший аппетит.

— Ешь-ешь,— подбодрила она, когда Мёдвик как-то нерешительно взглянул на нее.— Я тебе и с собой дам.

И опять стало тоскливо. Тяжелый образ Черного замка навис над ней, заглушая тихую радость, принесенную Мёдвиком.

Мальчишка отложил недоеденный пирог, с тревогой глядя на нее:

— Сударыня, вам плохо?

— Нет. Мне... никак.

Он тоже сник, засопел громче:

— Вы обиделись на Эмила, да? Из-за того, что он так с вами... Да? Он не хотел... вас обидеть.

— Ему все равно. Ему все равно, что чувствуют люди,— сказала Нельга равнодушно. Смысла расстраиваться по этому поводу не было. Не может же она плакать из-за грубости демона, которому неожиданно поверила.

Мёдвик отчаянно замотал головой, так что его кудри запрыгали по щекам:

— Нет! Он хороший! Он очень хороший! Просто вы не знаете его. Вы никогда не видели его... настоящим.

— А какой он настоящий?

Лицо мальчишки неожиданно стало лукавым.

— А вы спросите его сами. Он здесь.

Нельга испуганно огляделась и спросила почему-то шепотом:

— Где здесь?

— Ждет на улице,— как ни в чем не бывало ответил мальчик.

— Почему на улице?

— Не знал, захотите вы его видеть или нет.

Нельга вскочила и бросилась к двери. Ее холодное, равнодушное сердце вдруг заколотилось с такой силой, что в груди стало больно.

Эмил сидел на перилах крыльца. Медленно обернулся, в темноте блеснули глаза на смуглом лице и белая пряжка у горла.

— Здравствуй,— услышала она тихий, чуть хриплый голос и почувствовала, как слезы затуманивают глаза.

— Здравствуй.

Больше он ничего не сказал, просто смотрел на нее. Потом спрыгнул с перил. Нельга отступила, пропуская его в дом. Колдун вошел, мельком глянул на довольного Мёдвика, поедающего очередной пирог, снял плащ, бросил его на лавку и посмотрел на растерянную девушку пронзительными черными глазами:

— Так что, все еще не надумала выйти за меня замуж?

И тогда она разрыдалась. В голос, всхлипывая и вытирая слезы обеими руками, как в детстве. Уткнулась головой в его грудь и плакала, чувствуя, как уходят из нее эта ужасная пустота, равнодушие и страх. Одной рукой Эмил обнимал ее за плечи, другой гладил по затылку, бережно прижимал к себе, и Нельга слышала, что сердце его бьется ровно.

— Ну, все-все. Успокойся. Все хорошо.

И Нельге вдруг снова очень захотелось поверить ему. Хотя бы только сегодня. Наверное, потому, что он умел так хорошо убеждать.

Колдун поднял ее заплаканное лицо, заставил посмотреть себе в глаза. Сейчас они были нежными, улыбающимися.

— Я кое-что принес тебе.

Эмил мягко отстранил ее, вытащил из кармана плоский бархатный футляр и открыл его.

Нельга затаила дыхание, увидев, что лежит внутри. Это было ожерелье из огромных сапфиров. Они мягко переливались синими лучами на атласной подушечке и казались неправдоподобно, волшебно прекрасными.

— Я подбирал под цвет твоих глаз,— сказал Эмил.

— У меня серые глаза,— прошептала Нельга.

— А я думал, синие,— рассмеялся колдун. Он вынул ожерелье из футляра, бережно надел его на шею девушки, ловко, не глядя, застегнул замочек. Потом взял ее за плечи и развернул к зеркалу.

Нельга взглянула на себя и мучительно покраснела. Хороша красавица. Лицо мокрое от слез, губы распухли, глаза красные, платье мятое, порванное, то самое, вчерашнее, она даже не переоделась после страшной ночи, зато на шее сапфировое ожерелье. Рядом с Эмилом, одетым в великолепный костюм с серебряной вышивкой, она выглядела жалким убожеством.

— Я сейчас,— пробормотала она, вывернулась из рук мужчины и убежала в соседнюю комнату. Переодеваться.

Из-за неплотно закрытой двери ей слышалось постукивание кувшина о край кружки, тихое почмокивание Мёдвика и шаги Эмила. Кажется, он рассматривал ее вышивку и плетеные коврики, висящие на стенах.

Нельга одернула платье, поправила тяжелое ожерелье, вышла из комнаты. Колдун повернулся ей навстречу:

— Да, так лучше.

Мёдвик улыбнулся довольной, сытой улыбкой и снова уткнулся носом в кружку.

Эмил подал девушке руку и подвел к столу, как настоящую знатную даму. Нельга опустилась на табурет, расправила складки шелкового платья (единственного шелкового платья, еще бабушкиного) и тут же вспомнила:

— Эмил, может быть, ты... хочешь поужинать?

Колдун посмотрел на сытого разрумянившегося Мёдвика, держащего в каждой руке по пирогу, и на лице его появилось странное выражение.

— Спасибо.

— Тогда выпей молока.— Нельга поставила перед ним вторую кружку и села напротив. Колдун открыл было рот, чтобы возразить, но передумал и рассмеялся:

— Ладно. Молока выпью.

Девушка облегченно вздохнула. Наверное, это было всего лишь глупое суеверие, но бабушка говорила — если человек, пришедший в гости, отказывается от угощения, значит, он замыслил недоброе. А уж если этот человек колдун...

Эмил залпом выпил молоко и поставил на стол пустую кружку.

— Нельга,— сказал он, не глядя на девушку,— я давно хотел спросить. Ты говоришь очень правильно, не как простая деревенская девушка, и двигаешься грациозно. Почему?

Она покраснела от удовольствия, польщенная, что он заметил это.

— Моя бабушка, когда была молодой, служила горничной у одной богатой дамы. Та научила ее красиво и грамотно говорить, читать и писать, а бабушка учила нас с сестрой.— (При упоминании о сестре губы Эмила выразительно дрогнули, но Нельга постаралась этого не заметить.) — Я умею читать и писать, немного танцевать и правильно делать реверанс.

— Потрясающе,— сказал Эмил.— Чрезвычайно полезные знания для жизни в деревне. А кто твои родители?

— Не знаю. Бабушка никогда не говорила о них.

Колдун кивнул, словно ее слова подтвердили какие-то его собственные предположения, снова посмотрел на Мёдвика. Мальчишка привалился к его боку и сонно сопел, на блюде перед ним лежал один-единственный сиротливый пирожок.

— Может быть, его уложить спать? — тихо предложила Нельга.— Я бы постелила ему.

Эмил взял на руки ребенка, который пробормотал что-то сквозь сон, и также шепотом спросил:

— Печка теплая?

— Да.

— Хорошо.

Колдун осторожно положил его на лежанку, укрыл бараньей шубой, и мальчишка тут же свернулся под ней клубком.

— Забавный,— улыбнулась Нельга.— Где ты его взял?

— С печки и взял,— усмехнулся колдун, погладив мальчика по каштановым кудрям.

— Ты забрал его у родителей?! — ахнула Нельга, почти с ужасом глядя на Эмила.

— Да. И правильно сделал. Что бы с ним было, если бы он остался с ними? Ходил бы в дерюге, пас гусей и считался дурачком, блаженным! Это уникальный мальчик. Он слышит растения, говорит с ними, чувствует их. Может приготовить любую настойку — яд, лекарство или дурманящее зелье. Может вылечить любую болезнь. Сам, ни у кого не учась, только поговорив с травами.

— Но... его родители... Он, наверное...

— Он не помнит их. И ему хорошо со мной. Он счастлив.

Эмил снова вернулся за стол, взял свою пустую кружку. Нельга присела рядом, рассматривая его нервные руки, рассеянно крутящие чашку. На среднем пальце сверкал массивный перстень с огромным изумрудом.

— Эмил, сколько тебе лет? — спросила она неожиданно для себя.

Он искоса взглянул на девушку, и на лице его снова появилась недобрая саркастическая усмешка.

— Пятьдесят шесть.

— Сколько?!

— Хорошо выгляжу, правда?

— Но... почему?

— Демоническая кровь. Я буду жить очень долго и выглядеть очень молодо.

Она не придумала, что сказать в ответ, продолжая смотреть на изумруд, и чем дольше смотрела, тем ярче, казалось, камень начинал сиять. Эмил заметил ее напряженный взгляд и убрал руку.

— Пойдем погуляем.

Он взял со скамейки свой плащ, набросил ей на плечи и под руку вывел из дома.

Они шли рядом по узкой тропинке в сторону леса. Нельга опиралась о горячую руку Эмила, и ей было хорошо, спокойно. Колдун молчал, не делал попыток обнять ее, привлечь к себе, и она не знала, хорошо это или все-таки унизительно, что он не воспринимает ее как женщину.

— Ты считаешь меня очень глупой? — спросила она, глядя на его темный профиль.

— Все особы женского пола, с которыми я знаком, задают мне этот вопрос,— задумчиво сказал он.— Нет, ты не глупа.

— Почему же ты так смотришь на меня?

— Потому что такую прическу не делают к платью с открытыми плечами, эти оборки и рукава с отворотами вышли из моды лет тридцать назад. И все же в этом наряде ты умудряешься выглядеть королевой.

Нельга улыбнулась, оценив этот своеобразный комплимент.

— Расскажи о себе,— попросил он вдруг.— О себе, о своем детстве.

И она стала рассказывать о бабушке, о долгих вечерах у печки, о том, как ей было жаль одинокого колдуна, бродящего по холодному, пустому замку.

Эмил слушал, не перебивая, улыбался, она видела в темноте его улыбку.

— Ты добрая,— сказал он после того, как Нельга замолчала.— Не притворяешься, по-настоящему добрая. Как моя мать. Она любила меня, хотела, чтобы я был человеком, а я стал демоном. Демоническая кровь оказалась сильнее ее любви... Мать умерла из-за меня. Я привез ее в этот замок, заставил жить в нем, а ей было плохо. Тяжело, душно в замке. И она боялась меня. Стала бояться, после того как я... ну, не важно.

— Эмил, что ты говоришь?!

— Да, это правда,— он крепче сжал руку девушки.— Я убил собственную мать и... да, считай, что убил.

Он снова стиснул ее ладонь, и ободок его перстня больно врезался Нельге в пальцы.

— Она умирала тихо, молча, никогда не жаловалась, ни о чем не просила. А я не понимал, как ей плохо, видел, что она страдает, но не верил. Мне-то было хорошо. Я упивался новой силой, новыми возможностями, а она сидела в комнате, которую я украсил, обставил специально для нее, и смотрела в окно. И думала о чем-то...

— Эмил, не надо,— тихо попросила Нельга.

— Тебе больно слышать об этом?

— Нет, тебе больно говорить.

Он вздохнул тяжело, шумно, выпустил наконец ее руку.

— Ладно, все это бесполезно. Ты все равно не поймешь. Пожалеешь меня, но не поймешь.

Потом они замолчали надолго.

Низкие звезды казались по-зимнему белыми, яркими. Дыхание перехватывало в холодном воздухе, на деревья ложился иней. Башмаки Нельги стучали по замерзшей земле, Эмил ступал бесшумно. Где-то далеко в лесу тоскливо завыли волки, один, другой, третий... Нельга поежилась, вспомнив, что ее спутник, по рассказам крестьян, любит превращаться в зверя.

— Ты боишься меня? — спросил он внезапно каким-то чужим, глухим голосом.

— Да,— ответила она тихо.

— И что мне сделать, чтобы ты перестала бояться?

— Поцелуй меня,— сказала Нельга первое, что пришло ей в голову неожиданно для нее самой.— Когда я боялась, ты целовал меня, и мне становилось легче.

Колдун рассмеялся резко, зло, неприятно, но, как оказалось, не над ней.

— Знаешь, моя демоническая половина хочет наброситься на тебя, разодрать это старомодное платье, швырнуть тебя в стог сена и...

— Сделать то же самое, что ты сделал с моей сестрой,— закончила Нельга шепотом.— А человеческая твоя половина, чего хочет она?

— Человеческая...

Эмил не договорил. Нельга напряженно ждала продолжения. Ей вдруг стало очень важно услышать правду, понять в конце концов, кто она для него: забавная игрушка, глупая девчонка, отдаленно напоминающая идеал, которым была для него мать, или что-то иное? «Я не люблю его,— думала Нельга, глядя под ноги, на черную холодную землю.— Я не должна его любить. Безумие посвящать свои мечты, мысли, свою жизнь демону. Я сойду с ума или умру, если буду рядом... С ним может жить только его мальчик-ведун, которому все равно где жить, только бы неподалеку были деревья. Эмил это понимает, и я это понимаю, поэтому мы молчим оба. Он делает вид, что презирает меня, я изображаю равнодушие. И все-таки он не может один. Его человеческая часть тянется к людям... ко мне».

— Люди очень хрупкие,— сказал колдун тихо, как будто отвечая на ее мысли.— Им так легко причинить боль, сломать... Я не имею права никого любить, заводить семью, детей. Я не могу позволить, чтобы это полудемоническое безумие продолжалось и дальше, чтобы мой ребенок почувствовал все то, что чувствовал я. Демоны должны жить в своем мире, им нечего делать на земле.

— А ты хотел бы стать настоящим демоном?

— Я хотел бы стать хоть кем-нибудь настоящим до конца, а не наполовину. И сделать то, что хочу, тоже по-настоящему. Демон убил бы тебя, человек полюбил бы, увез из этой жалкой деревни или остался в ней вместе с тобой. А я не способен ни на то, ни на другое.

Эмил опустил руку ей на плечо, и девушка почувствовала, что ее снова пригибает к земле, как тогда, после его падения с лошади, когда она вела его к замку.

— Нельга,— прошептал он, привлекая ее к себе,— я не люблю тебя. Знаешь ты об этом?

— Знаю,— ответила она так же тихо.— И я тебя не люблю.

Эмил тихо засмеялся и прошептал ей на ухо:

— Какие же мы с тобой глупые.

Нельга кивнула, сообразив вдруг, что чувствует в нем сейчас только вторую, человеческую половину. И пока она снова не исчезла, не растворилась в демонической, девушка крепко прижалась к Эмилу, обняла его, закрыла глаза. Он держал ее так нежно, бережно, будто продолжая думать о том, что «люди очень хрупкие», и боялся «сломать»...

— Пойдем домой,— сказала Нельга.

— Пойдем,— согласился он и повел ее не к своему Черному замку, а к ее маленькому домику.

Мёдвик крепко спал, свесив с печки руку и тихонько сопя во сне. Эмил погладил его по голове, уложил удобнее и укрыл.

— Не буди его,— попросила девушка.— Останьтесь сегодня у меня. Оба.

Колдун отошел от печки, потом, как показалось Нельге, огляделся с мучительной тоской, словно не находя себе места.

— Тебе здесь... не нравится? — спросила она, зная, что не должна обижаться, если он кивнет сейчас утвердительно, но все равно обидится.

— Нравится. Очень.— Эмил сел на лавку, задумчиво потянул шнурок на своей куртке, ослабляя завязки у горла, и Нельга вдруг поняла — останется. Не сможет уйти.

— Я постелю тебе в комнате,— решила она.

Колдун покорно вздохнул и улыбнулся.

Эмил уснул не сразу. Нельга слышала, как он несколько раз вставал с постели, подходил к Мёдвику, наверное, снова укрывал его — мальчишка сонно бормотал что-то во сне; потом раздался звук, очень похожий на стук ковшика по краю ведра с водой, затем из-под двери потянуло почему-то холодом, мелькнула полоска света, и снова все стихло. Девушка еще некоторое время полежала, прислушиваясь, и все-таки, не сдержав любопытства, поднялась, накинула поверх рубашки шаль и потихоньку вошла в комнату.

Эмил уже спал. На лавке лежала его черная куртка, поверх нее брошена белая рубашка, на полу валяются сапоги, на краю стола чуть мерцающей горкой — серебряная цепь, а вокруг кровати по половицам тянется тонкая светящаяся полоска, образуя замкнутый круг. Несколько мгновений девушка смотрела на эту странную черту, пока не поняла, кто и для чего ее нарисовал. Колдун защищал этот дом от себя самого, отгородившись от него магическим кругом.

Нельга улыбнулась, подняла рубашку Эмила, почти упавшую на пол, положила ее на прежнее место и вернулась в спальню, тихо закрыв за собой дверь...

Глава 22
НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ХОЗЯЙКОЙ!

Глядя на острие копья, Хул медленно отползала назад до тех пор, пока не уперлась спиной в камень. Оглянулась затравленно. Бежать было некуда, и ящер прекрасно понимал это. Его остромордая физио-

номия приобрела откровенно довольное выражение. Играть с беспомощной жертвой доставляло удовольствие. Нравилось видеть ее страх.

— И мешок,— проскрипел он,— тоже давай сюда.

В мешке лежала статуэтка Кошки, второе по значимости сокровище демоницы, первым сейчас был Ключ. Неожиданно для себя самой Хул почувствовала, что ее голова наполняется горячим звенящим туманом. Как смеет этот урод, это южное убожество приказывать ей, распоряжаться ее имуществом... С такой отвратительной рожей! Хул затрясло от бешенства, внезапно она увидела в нескладном ящере с окраин Южного мира все то, что ненавидела,— грубую силу, перед которой ей всегда приходилось пресмыкаться, желание быть выше нее, возможность отобрать все, что она считает ценным.

Она идет неизвестно куда, подвергает себя всем мыслимым опасностям, чтобы добиться независимости, стать сильной, свободной, вернуть уважение к себе — и что же, первый попавшийся проходимец снова заставит ее ползать в грязи?.. «Нет, хватит с меня повелителей. Я кошка, и у меня есть когти и зубы».

Хул медленно поднялась, изо всех сил сдерживая рычание, рвущееся из горла, и ногой подтолкнула к ящеру мешок. Мародер довольно ухмыльнулся, кивая на Ключ,— давай, мол, дальше, не задерживай. Так же неторопливо демоница подняла руки, чтобы снять цепочку, на которой висел корунд, но вместо этого рывком сдернула плащ, швырнула его в ящера и одновременно отпрыгнула в сторону. Мародер взревел, сбрасывая с себя красную тряпку, с наконечника его копья сорвался красный огонек, ударился в то место, где только что стояла Хул, проплавляя в граните круглую дыру.

Она даже не успела испугаться. И прыгнула. Вверх и вперед.

Южный демон взвыл, когда когти Хул впились ему в загривок, закружился на месте, пытаясь сбросить со спины озверевшую кошку. Но она вцепилась крепко. Ее удлинившиеся клыки все глубже вонзались в толстую шею каймана, рот наполнился его кровью, и на Хул нашло короткое яростное безумие. Сдирая кошку со своей спины, он вспарывал когтями платье, оставляя на ее теле глубокие царапины. Удар тупого конца копья пришелся по ребрам, но она не чувствовала боли. Перед глазами плавали красные пятна, глухое рычание клокотало в горле и прорывалось сквозь стиснутые зубы. Хул казалось, что она захлебывается от ярости и наслаждения, разрывая тело врага, ее зубы не разжались, даже когда демон зашатался и рухнул на землю, подминая противницу под себя.

Падение оглушило ее. Несколько секунд Хул не могла дышать. Она глотала широко открытым ртом воздух, но он проскальзывал между

клыков и никак не мог дойти до горла. В центре груди пульсировал жгучий огненный клубок, голова кружилась.

Хул потребовалось несколько минут, чтобы понять: то, что впивается ей в ребра,— рубиновый Ключ, а тяжесть, давящая на грудь,— мертвый демон-кайман. Мертвый?! «Я убила его!» — почти с ужасом подумала Хул, спихивая с себя тело демонической рептилии.

— Да, он мертв,— машинально констатировала кошка вслух.— Совершенно, окончательно.

Остекленевшие глаза каймана бессмысленно таращились из-под низких надбровных дуг, пасть приоткрыта, между острых зубов грязной тряпкой лежит зеленоватый язык. От демона несло тухлой рыбой и тиной.

Хул посмотрела на свои руки, залитые кровью, и почувствовала, как ее начинает трясти.

«Я убила его! Я убила демона! Сама!!»

— Хул,— послышался издалека голос Эмила,— ты жива?

— Я убила его,— прошептала Хул.— Убила...

Ни о чем другом она не могла ни говорить, ни думать.

— Молодец. Я знал, что ты справишься.

— Эмил, но я действительно убила его. Не человека, самого настоящего демона! И у него было оружие. А я прыгнула и...

— Ты кошка,— довольно сказал Эмил.

Хул зажала рот обеими руками, зажмурилась, вспоминая, как кайман захрипел, задергался и как приятно было сжимать зубы на его шее. Раньше она убивала только слабых... людей. С демонами же предпочитала вообще не связываться, стараясь быть любезной с высшими и не замечая низших. И вот теперь пришло смутное ощущение, что все может быть по-другому.

Хул вскочила, с трудом переводя дыхание,— теперь уже от восторга и чувства собственной значимости. С упоительной мстительностью пнула мертвого каймана.

«Так тебе и надо, урод!»

Отныне никто не посмеет помыкать ею. Хул почувствовала, что может быть сильной, ловкой, коварной... Больше к ней никогда не вернется прежняя унизительная беспомощность, только если она сама захочет поиграть в слабую леди демонического происхождения. И никто не заставит ее подчиняться. Никогда!

Демоница подняла свой мешок, подобрала копье. Кажется, оно разрядилось, красный огонек на конце погас, но это ничего, зато наконечник остался по-прежнему острым.

Эйфория постепенно проходила. Хул ощутила все синяки и царапины на своем теле. Кроме того, у нее сильно болели ребра и слегка тошнило от вкуса демонической крови во рту. Но жалеть себя было некогда. Кошка повесила мешок за спину и, опираясь на копье, побрела дальше.

Кошачья интуиция подсказывала, что поблизости могут бродить другие «ящеры», а к схватке с еще одним демоном-кайманом она не готова.

«Я достану Рубин,— подумала Хул с уверенностью, которой раньше не чувствовала.— И отомщу всем сразу».

Каменные руины древнего демонского города остались позади. Хул обошла последнего красного идола, до середины туловища погруженного в землю, и остановилась. Замерла на самом краю обрыва. А внизу, впереди... везде растекалось красно-багровое, лениво колышущееся... море? болото? озеро? Время от времени оно как будто застывало, и его поверхность подергивалась тонкой корочкой пепла, море темнело, превращаясь в неподвижную бугристую равнину, сливаясь цветом с землей. Потом эта обманчиво устойчивая каменная пустыня покрывалась мелкими трещинами и разломами, в которых вскипала красная лава. Несколько мгновений, и у края обрыва снова лениво плескался жидкий огонь. Воздух казался густым от тяжелых испарений. Ветра не было.

Обмирая внутренне, Хул смотрела вниз. Она представила, как идет вперед во время короткого «затишья», а потом проваливается в огненную жижу... Эмил как-то говорил, что она может сунуть руку в костер и не обожжется... У колдуна всегда была склонность все преувеличивать.

Демоница наклонилась, вырвала из земли кусок мха и швырнула его вниз. Сухой комок вспыхнул ярким огоньком, даже не коснувшись поверхности моря. В лаву посыпался сухой пепел. Машинально вытирая ладонь о край платья, кошка огляделась по сторонам в поисках какого-нибудь временного укрытия и спряталась за груду камней, поросших серым лишайником. Она уже привыкла пробираться вперед крадучись, тайком, и больше не чувствовала себя униженной, на четвереньках или ползком протискиваясь в какую-нибудь дыру. «Ничего,— утешала себя Хул, прижимаясь спиной к шершавому теплому валуну.— Лучшим из демонов приходилось склоняться перед обстоятельствами, если они были сильнее. И если мне нужно немного поползать по Южным землям, чтобы достать Рубин, я готова ползти...» Эта мысль показалась Хул очень утешительной и оригинальной. Довольная собственным чувством юмора, демоница тихонько фыркнула и полезла в мешок за картой — Огненное море нужно было как-то обойти.

Кошка нащупала свиток пергамента, но так и осталась сидеть, по локоть засунув руку в мешок. Валуны, за которыми она сидела, содрогнулись, на колени Хул посыпался песок и мелкие камешки, а потом послышался громкий утробный рев. Хул вздрогнула, вскочила, отбросила в сторону мешок и осторожно выглянула из-за камней.

В первую секунду кошке показалось, что ей навстречу движутся громадные замшелые Камни, медленно перекатывающиеся по морю. Потом, приглядевшись, она поняла, что это животные. Гигантские звери неторопливо брели по лаве, наклоняли рогатые головы, лениво пере-

ставляли тяжелые ноги, по колено утопая в жидком огне, сталкивались крутыми боками, покрытыми костяной броней. Неподвижный, тяжелый воздух наполнился шелестом хитиновых пластин, шумным дыханием, ревом и плеском лавы.

Это были рапты — огромные злобные твари. «Порождения осквернённого Огня»,— так сказал бы Эмил.

Хул впервые видела их живьем.

Одно из чудовищ медленно завалилось набок, подняв большущую волну, и принялось кататься, расплескивая во все стороны огненные брызги. Затем рапт поднялся и неторопливо побрел дальше, роняя с дымящихся боков струи лавы.

Хул поняла, что набрала полную грудь воздуха, но забыла выдохнуть, и быстро юркнула за камни, пытаясь отдышаться. Вот как она могла бы перебраться на другую сторону моря. Верхом на одной из этих тварей. Но демоница не решалась даже представить, что нужно сделать, чтобы оседлать рапта.

— Эмил,— позвала Худ негромко.

— Да? — отозвался он сразу же, но каким-то странным, спокойным и умиротворенным голосом.

— Что ты там делаешь? — поинтересовалась Хул подозрительно.— Спишь?

— Нет,— он, кажется, усмехнулся.— Что ты хотела?

Решив оставить выяснение личных отношений на потом, кошка спросила прямо:

— Как оседлать рапта?

— Что?! — умиротворенная расслабленность мгновенно исчезла из голоса ее сообщника.— Какого рапта? Что ты там делаешь?!

Хул тихонько засмеялась. Оказывается, господин колдун умеет искренне волноваться?..

— Хул, что у тебя происходит?

— Ничего особенного,— ответила кошка с великолепно разыгранным равнодушием.— Я сижу за грудой камней, а у меня за спиной пасутся рапты. Вот я и подумала...

Что конкретно она подумала, Хул не удалось договорить. Эмил заорал так, что у бедной подземной кошки потемнело в глазах.

— Уходи немедленно! Убирайся оттуда! Слышишь?!

— Что? Но почему? — пролепетала полуоглушенная Хул.— Они далеко, меня не видят...

— Они телепаты!!

Голос Эмила задрожал и отдалился. Демоница осторожно выглянула из-за валуна и прямо перед собой увидела огромную рогатую морду. Крошечные, глубоко посаженные красные глазки часто моргали, рассматривая добычу, узкие щелевидные прорези носа чуть подрагивали, принюхиваясь, широкая пасть медленно открылась...

Хул завизжала, шарахнулась в строну, предостерегающий крик Эмила снова вспыхнул в голове, и она сделала первое, о чем подумала.

Серая муть заклинания телепорта колыхнулась перед ней, Хул нырнула в нее и полетела, сама не зная куда, не задав направление, даже не выбрав мира, в который хочет попасть... а вместе с ней в круговорот магического перемещения затянуло Эмила, не успевшего отключиться от своей бестолковой подружки...

Все вокруг было белым. Хул лежала на мягком ровном белом песке и пережидала короткое мгновение счастья, которое вот-вот должно было смениться черным отчаянием. Ее не сожрал рапт, во время телепортации она не упала ни в воду, ни в лаву, лежать было удобно, над головой светилось синее глубокое небо. Значит, ее перенесло в мир людей, что, в общем-то, было неплохо. Вот только заклинание телепортации она потратила зря, хотя не совсем зря, все-таки рапт ее не сожрал... Хул поняла, что повторяется, и тихонько позвала Эмила. Кажется, его голос она слышала во время своего головокружительного «падения». Колдун не отвечал.

Хул не знала, что бывает с людьми (или полудемонами), которые в момент мысленной связи переживают процесс мгновенной телепортации.

— Эмил? Эмил, ты жив? — спросила Хул дрожащим от нехорошего предчувствия голосом, но сообщник по-прежнему не отзывался.

Что же делать? Ждать, пока он откликнется, или идти дальше, а может быть, теперь вообще не имеет смысла куда-то идти... если он умер... Внезапно Хул стало холодно, она поняла, какой мощной поддержки лишилась, потеряв Эмила. Он же совсем ничего не успел ей рассказать, а она потратила единственное, бережно хранимое заклинание перемещения, «снятое» с центрального подземного телепорта. Как теперь возвращаться назад, домой?

Хул почувствовала себя совсем худо, она ткнулась головой в песок и тихонько заскулила от жалости к себе:

— Эмил... Эмил, ну где же ты!?

Она уже не ожидала ответа, но на ее призыв откликнулись. Правда, совсем не колдун... Мешок, прижатый к боку Хул, неожиданно зашевелился. Демоница дернулась, лихорадочно соображая, что это может значить, и резко дернула тесемки. Освобожденная от плотной пыльной ткани, статуэтка Кошки смотрела осмысленными зелеными глазами и как будто слегка улыбалась.

— Иди на восток,— сказала она тихим мурлыкающим голосом.

— Что? — переспросила удивленно Хул.— Куда идти?

— На восток,— повторил идол и снова окаменел.

Демоница озадаченно провела ладонью по лбу, посмотрела на мелкие песчинки, прилипшие к ладони. Огляделась по сторонам. Она сидела на берегу моря... то есть на берегу того, что когда-то было морем. Наверное, вода ушла отсюда давным-давно, оставив после себя неровный узор песчаных волн и побелевшие на солнце ракушки. Хул равнодушно

прищурилась, рассматривая незнакомую землю. Кажется, люди называют такую местность дюнами. Клочки сухой травы, торчащие из песка, волнистые холмы и ветер...

Хул поднялась, отряхнулась, повесила на плечо мешок и побрела, увязая в мелком песке. Статуэтку она несла в руках — уж если Великая Кошка решила давать советы, то не стоит прятать ее в сумку. Пусть видит дорогу.

Да и сама Хул с интересом оглядывалась по сторонам. От каждого кустика и холма тянулись длинные прохладные тени, солнце мягко светило в затылок, демоница безжалостно выбросила сапоги с окончательно расшатавшимися каблуками и теперь с удовольствием ступала босиком по песку. Настроение у нее значительно улучшилось. В конце концов, в этом мире всегда найдется кто-нибудь, кто даст одинокой подземной кошке полезный совет, главное — суметь им правильно воспользоваться.

Постепенно песчаная местность сменилась каменистой. Появились низкие горы, поросшие колючими стелющимися растениями, и Хул изодрала о них все платье. Каждый раз, перепрыгивая с валуна на валун или продираясь сквозь заросли колючек, она думала о том, что ее изначальный демонический образ впервые помогает ей. Толстую грубую кожу не царапали шипы, когтистые лапы цеплялись за выступы и неровности камней, чуткие ноздри ловили запахи Срединного мира... Вот, например, сейчас — внизу у камня притаился кто-то живой, теплый, пушистый. Хул едва сдержала голодное рычание и нацелилась было спрыгнуть вниз, чтобы поймать зверушку, но статуэтка у нее в руке шевельнулась. «Иди на восток»,— снова приказал тихий голос. Демоница злобно заворчала, но ослушаться не посмела. Это с Эмилом можно было спорить, а древняя магическая реликвия требовала полного подчинения.

«Интересно, почему она заговорила со мной? — думала Хул, забираясь на очередной валун.— Молчала-молчала и вдруг решила проявить заботу. И почему отправляет на восток? Арка же на севере».

Идол не отвечал на ее вопросы. Его широко раскрытые каменные глаза невидяще смотрели на человеческий мир, гладкое тело, выточенное из гранита, холодило руку Хул. «Ладно,— решила подземная кошка,— пройду еще немного вперед и, если ничего не случится, поверну обратно...»

— Стой! — приказала статуэтка.

Хул остановилась, напряженно оглядываясь по сторонам. Ничего особенного она не увидела. Те же камни, заросли ежевики, черный растрескавшийся гранит под ногами. Справа отвесная скала...

— И что мне делать теперь? — спросила демоница.

— Жди,— тут же отозвался идол.

И Хул стала ждать. «Чего жду? Зачем? Сколько?» Она спала, грелась на солнце, поймала несколько ящериц, съела их безо всякого аппетита,

снова спала, а потом просто сидела на плоском камне, поставив перед собой статуэтку Кошки и, полузакрыв глаза, смотрела в бледнеющее вечернее небо... Ей было тепло, спокойно, не хотелось никуда идти... вдруг стало не нужно никуда идти, и только когда в голове прозвучал знакомый далекий голос, она вздрогнула и очнулась.

— Хул! Ты слышишь меня?!

Эмил! Жив! Хул не предполагала, что так обрадуется его неожиданному воскрешению. Она вскочила, словно собираясь бежать навстречу колдуну, но так и не сдвинулась с места. За спиной послышался тихий шорох, и негромкий тягучий голос произнес:

— Не надо отвечать ему.

Хул стремительно обернулась, едва не упав с камня, на котором стояла.

В шаге от нее, сложив вместе все четыре лапы и аккуратно обвив их хвостом, сидела огромная, в несколько демонических ростов, черная пантера. Древняя Химера?! ...Точная копия гранитной статуэтки. То есть, наоборот, маленький каменный идол был копией... этой.

— Не отвечай ему,— повторил зверь, и тут же тревожный голос Эмила стих в голове Хул. На мгновение демоница снова почувствовала себя стоящей перед голодным раптом, но теперь колдун не мог посоветовать ей бежать.

Длинный хвост Химеры дернулся, шурша по камням, узкие глаза на темной вытянутой морде сузились еще больше.

— Ты знаешь, кто я? — спросила она низким мурлыкающим голосом.

Хул медленно наклонилась, подняла свою статуэтку и протянула ее на открытых ладонях.

— Великая Кошка... Каменная Кошка... последняя из Древних.

Химера опустила голову, почти коснулась носом лица Хул и промурлыкала:

— Ты говоришь правильные слова.

Демоница смотрела на нее, чувствуя, как благоговение смешивается со священным ужасом. Это была та самая Великая Подземная Кошка, которой Хул столь часто молилась. Настоящее, реальное живое божество. Его можно попросить о чем угодно, и оно сделает, наверняка сделает что-нибудь полезное. Не откажет в помощи своей дальней родственнице.

Но удивительно, практичная Хул поняла, что не может выговорить ни слова, не знает, о чем просить, все насущные нужды выветрились из головы. Она смотрела в хризолитовые глаза древнего существа и видела в них два своих маленьких уродливых отражения.

— Зачем ты пришла ко мне? Зачем привела с собой смертного? Чего ты хочешь?

— Не знаю,— прошептала Хул с отчаянием.— Теперь уже не знаю. Раньше хотела мести, а теперь...

— Все мои дети рано или поздно приходят ко мне,— задумчиво протянула Химера.— Одни из них сильны, другие слабые, как ты. И все чего-то ищут...

— О, Великая Кошка, мне так не хватает твоей мудрости и силы. Я неумна, беспомощна...

— Не беспомощная, просто маленькая,— поправила Химера.— Кошачий век долог. Ты живешь лишь свою первую жизнь.

— Первую жизнь,— тупо повторила Хул.— То есть ты хочешь сказать, что я еще очень молода? Не глупа, бездарна и неуклюжа, просто молода?

Химера утвердительно наклонила голову, протянула лапу и слегка тронула статуэтку в руках Хул.

— Ты знаешь некоторые наши хитрости, умеешь притворяться и приспосабливаться, мурлыкать и выгибать спину, а потом прыгать и кусать.

— Я не умею мурлыкать,— пробормотала Хул.— Я улыбаюсь.

Древняя издала тихий певучий звук, видимо обозначающий смех, и спросила:

— Так чего ты хочешь, дитя?

— Я хочу говорить с тобой! — воскликнула Хул, отчего-то волнуясь.

— Ты говоришь со мной,— мягко сказала Химера, щуря прозрачные глаза.

— Я хочу говорить с тобой всегда. Обращаться к тебе, как только мне понадобится умный совет.

— У тебя уже есть советчик.— Зрачки Химеры превратились в узкие вертикальные полоски, а хвост метнулся по камням.

— Он человек,— произнесла Хул равнодушно.

— Хорошо,— сказала Великая Кошка, подумав секунду.— Я дам тебе несколько советов. И отвечу на твои вопросы. Спрашивай.

Демоница обвела камни рассеянным взглядом.

— Мне нужно попасть в Срединные земли. Но я не умею телепортироваться, как Высшие демоны. У меня было одно заклинание перемещения, но я потратила его... И я даже не знаю, что это за место. Где мы находимся сейчас?

Химера бесшумно переступила по камням огромными лапами и сказала довольно ехидно:

— Я могу «находиться» в нескольких «местах» одновременно, да и ты сейчас стоишь на пересечении сразу двух миров. Так что из этого «места» есть два выхода. Один из них находится прямо у тебя за спиной.

Хул стремительно обернулась, но не заметила ничего, кроме нескольких низких кустиков.

— Я не понимаю... как можно находиться одновременно в нескольких мирах и... Я не вижу того, что видишь ты, мне никогда не найти этого выхода, я просто не знаю, как его искать.

Химера облизнулась, довольная отчаянием своей дальней родственницы. «Наверное, древние магические существа умели переходить из одного пространства в другое, почти не замечая этого,— подумала Хул,— легко, быстро, свободно. Они могли шагнуть из мира демонов в Срединные земли, а потом прыгнуть обратно». То, что самой Хул казалось каменистой поляной, для Химеры было сложной системой, в которую вклинивался кусок человеческих земель, парочка горных хребтов из нижнего мира и, например, снежная долина...

На мгновение Хул представила себе эту путаницу, по которой свободно передвигалась ее могущественная прародительница, и демонице стало дурно. Голова закружилась.

— Следующий вопрос? — высокомерно поинтересовалась собеседница.

— Как мне выбраться отсюда? — быстро спросила Хул.

— Куда ты хочешь попасть?

— В южные Срединные земли. В горы. Если я посмотрю карту, то скажу точнее...

— Когда-нибудь ты научишься видеть силовые линии, связывающие миры, и сможешь ходить по ним,— задумчиво сказала Химера, глядя на тускнеющее вечернее небо.

— Но мне это надо сейчас!

— Выход позади тебя,— напомнила Древняя, и демоница не поняла, шутит она или действительно не видит другого способа путешествия по мирам. А вообще никто не знает, что может быть на уме у этого магического создания.

— Я могу вернуть тебя обратно. Туда, откуда ты пришла. Проследить твой путь.

— Обратно?..

Что ж, это лучше, чем ничего. Но...

— Там огненное море и... рапты,— уныло сообщила Хул.— Нет, стой, подожди! Ты можешь научить меня, как договориться с раптами?

— Могу.

Хул приготовилась слушать, села на камень и застыла в позе почтительного внимания. Химера переступила с лапы на лапу, повела острым ухом, еще раз взглянула на небо.

— Главная твоя ошибка в том, что ты всегда стараешься выскочить вперед, показывать себя, убедить всех в своей исключительности. Но твоя цель не показать себя, а понять того, кто стоит перед тобой. Заставить его говорить. Чем больше он будет объяснять, тем скорее ты

поймешь, в чем слабость твоего противника... Ты должна быть спокойна и уверенна. Рапты телепаты. Им доступны не все твои переживания, но то, что они почувствуют, должно убедить их в твоем превосходстве.

— Не знаю, получится ли у меня разговорить рапта,— задумчиво протянула Хул.— Можно, конечно, попробовать... Но только... Нет!.. Стой! Подожди! Куда ты?!

Химера, спокойно сидевшая на камнях, вдруг начала загадочно мерцать, и контуры ее тела поплыли, становясь все менее четкими. Демоница поняла, что родственница собирается исчезнуть, не ответив на половину вопросов.

— Подожди! Ты обещала вернуть меня назад!

Древняя снова стала материальной на мгновение, несколько раз моргнула, промурлыкала: «Я бы на твоем месте не доверяла этому смертному колдуну» — и исчезла. На этот раз окончательно.

Хул не рискнула зашипеть от злости, Химера могла находиться где-нибудь поблизости. Поэтому подземная кошка ограничилась тем, что изо всех сил пнула чахлый кустик, попавшийся под ноги. «У этих Древних не все в порядке с головой! — подумала она, засовывая каменного идола обратно в мешок.— Никогда не поймешь, говорят они серьезно или шутят. Неудивительно, что все они вымерли».

Голос Эмила зазвучал в голове демоницы, как всегда внезапно, громко и настойчиво.

— Хул! Ты слышишь меня?

— Слышу,— отозвалась она устало, больше не радуясь счастливому «спасению» сообщника.

— Ты цела? — Хул не услышала в голосе колдуна особой тревоги о своей персоне. Всего лишь холодная, деловая заинтересованность: «Жива? Руки-ноги целы? Идти можешь? Вот и отлично. Шагай дальше».

— Где ты сейчас?

— Не знаю. И не представляю, как теперь вернуться обратно!

Эмил помолчал немного, наверное, осматривался или думал, а может быть, листал какую-нибудь из своих книг.

— Ладно,— сказал он наконец.— Ищи осину.

— Что?! — Хул даже охрипла от возмущения — Осину?! Меня чуть не сожрал рапт! Я лечу куда-то вверх тормашками, застреваю непонятно в каком мире. Я устала, исцарапалась о колючки, а ты предлагаешь мне искать дерево?! Зачем?!

— Чтобы вернуться обратно. — Не голос, а ледяной гранит, базальт. Хул поняла, что спорить бесполезно, искать все равно придется.

— Как она выглядит? — вяло поинтересовалась кошка с безграничным отвращением к обоим мирам: демоническому, в котором водятся злобные твари, и человеческому, где растут непонятные деревья.

— Иди вперед,— дружелюбно посоветовал Эмил.— Я скажу, когда ее увижу.

Слабая надежда Хул, что ночью колдун не заставит ее бродить по неизвестным землям, не сбылась. Эмил не дал отдохнуть, заявив в своей обычной категоричной манере: «Ты же демон, значит, прекрасно видишь в темноте».

Но ничего интересного подземная кошка не видела еще долго. Колдун развлекал ее разговорами, сдержанно радуясь тому, что местность, куда она попала, оказалась уникальной. Эмил несколько раз повторил, что здесь «на относительно небольшой площади находится сразу несколько природных зон».

— Прости, находится несколько... чего?

— Не важно. Главное, ты сможешь найти здесь нужное дерево... Кстати, что у тебя с глазами? Я вижу все серым.

— Поменяла зрение на кошачье,— сдержанно ответила Хул и подумала, что Эмил был бы очень удивлен, увидев ее настоящей, бегущей на всех «четырех лапах», без привычной маски очаровательной красотки.

— Стой! — приказал колдун.— Остановись. Теперь иди медленнее. Мне нужно осмотреться.

Хул послушно остановилась, переводя дыхание. Теперь она неторопливо брела по лугу, заросшему высокой травой, и слышала, как среди стеблей копошатся какие-то маленькие птицы. По ночному небу промелькнула крылатая бесшумная тень — пролетел ночной хищник. На охоту... Кошка жадно принюхалась, пытаясь запомнить все новые запахи, с удовольствием облизнулась.

— Что там впереди? — подал голос Эмил.— Лес?

— Да. Лес.

— Повернись чуть правее. Видишь просвет между деревьями? Иди к нему.

— И откуда ты знаешь, куда именно нужно идти? — ворчливо поинтересовалась Хул, но отправилась в указанном направлении.

— Я не знаю, я чувствую... Посмотри, вон то, что нужно.

— Ну... обычное дерево...

— Подойди к нему. Присмотрись. Ты должна почувствовать...

Демоница прищурилась, рассматривая прямой гладкий ствол и ветви с круглыми листочками. Ничего особенного, пройдешь мимо и не обратишь внимания. И в то же время чем дольше Хул смотрела на осину, тем больше она ей нравилась. Непонятно почему, нравилась, и все. Без объяснений.

— Приятное дерево,— решила Хул.

— Да, приятное,— откликнулся Эмил.— Для всякой нечисти. Оно служит проводником тяжелых, отрицательных энергий. Настоящий природный телепорт.

Хул с уважением посмотрела на осину, слушая объяснение колдуна.

— Значит, демоны могут перемещаться через эти деревья в свой мир? ...и люди тоже?

— Нет, люди не могут. На людей они действуют по-другому. Просто оттягивают тяжелые мысли, лечат некоторые болезни. А демоны... Вряд ли демоны знают об этом «спуске», скорее это черный ход для нечисти помельче.

— Эмил, ты такой умный,— искренне поразилась подземная кошка вслух и подумала про себя: «И почему Химера велела не доверять тебе? Наверное, все древние не любят людей...»

— Ладно. Как мне спуститься?

— Сейчас оно почувствует тебя.

Хул требовательно посмотрела на дерево, ожидая, когда оно «почувствует», и вдруг заметила в гладком стволе какое-то движение, как будто тягучая темная волна медленно поднимается вверх, почти до самой ветвистой кроны, а потом так же неторопливо льется вниз под ноги демоницы, сквозь землю, еще ниже... Крошечные красноватые искорки мелькали в этой дышащей пустоте. «Природный телепорт»,— пробормотала Хул и шагнула вперед.

Перемещение было странным. Затяжное падение, едва заметное покачивание в полной черноте, из которой временами вылетали все те же красные искры.

— Как медленно,— сказала демоница,— теперь я понимаю, почему наши не пользуются этим природным телепортом. Пока долетишь до нужного места, ошалеешь от скуки.

— Ну, извини,— ворчливо отозвался Эмил.— Нужно было...

— Знаю, знаю,— перебила его Хул.— Нужно было слушаться тебя... Где бы я вообще была, если бы не ты!

Колдун невнятно хмыкнул, а потом спросил уже более вразумительно:

— Ты знаешь, куда хочешь вернуться?

— На прежнее место. К морю лавы. Насколько я поняла из твоей дурацкой карты, его нужно пересечь, чтобы попасть в Храм Огня.

— Там рапты.

— У меня есть одна идея,— уклончиво пояснила Хул.

— Ты Ключ не потеряла? — вдруг резко спросил колдун.

Демоница поспешно схватилась за шею, с облегчением нащупала цепь от корунда, а потом и сам камень.

— Нет, не потеряла!

— Тогда, прежде чем пойдешь воплощать в жизнь свою идею, оставь Ключ где-нибудь на видном месте. Я буду уверен, что он уцелеет после того, как рапты тебя сожрут.

— Дурацкие шутки!

Хул крепче сжала в ладони теплый камень и подумала, что успела привыкнуть к необычному украшению. Эмил может ехидничать сколько хочет, но она уберегла Ключ один раз, не потеряет и в другой.

— Не волнуйся,— твердо заявила она.— Меня не сожрут. Я же говорю, у меня есть план.

— Нет у тебя никакого плана, одна блажь и самомнение.

Препираться с Эмилом до самого Дна не хотелось, поэтому Хул спросила первое, что пришло в голову:

— Послушай, у тебя в замке, в подземелье, я видела старый телепорт. Он выводит в какую-то гористую местность. А там сидит странный зверь. По-моему, очень опасная тварь. Зачем она тебе?

Сначала колдун ничего не ответил. Демоница явственно услышала его сердитое сопение, а потом тихий задумчивый голос:

— В юности я был жесток и несдержан... Это мой отчим. Я ненавидел его за то, что он плохо обращался с матерью, и всегда хотел отомстить. И отомстил. Все подумали, он умер, но на самом деле я превратил его в монстра и запер в замкнутом пространстве.

— Ну... это правильно,— только и смогла выговорить демоница, потрясенная столь изощренной человеческой выдумкой.

Темнота вокруг Хул рассеялась, и она поняла, что снова стоит на берегу огненного моря. Мудрое дерево не подвело. Перемещало медленно, но в нужное время и почти в нужное место — стадо раптов паслось неподалеку. Демоница решительно отмахнулась от невнятных предостережений Эмила и подошла к самому краю обрыва.

«Главная цель не показать себя, а заставить говорить противника,— повторила она наставления Химеры.— Ладно, надеюсь, они не очень голодные...»

Нужно быть спокойной и уверенной. Нужно заставить их почувствовать ее силу. В конце концов они только примитивные животные, хотя и телепаты. Хул почти удалось убедить себя в своей исключительности и непобедимости, но все-таки ее сердце противно екнуло, когда один из раптов, самый огромный, медленно двинулся к ней, расплескивая лаву.

Обеими руками демоница вцепилась в Ключ, висящий на шее, и смотрела, как сопящая и порыкивающая тварь приближается к берегу. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы уставиться прямо в его маленькие, часто моргающие глазки.

— Я бы не стал этого делать,— очень вежливо предостерег колдун, и впервые демоница произнесла совершенно немыслимые слова:

— Эмил, замолчи. Ты мне мешаешь.

В ту же секунду в голове стало пусто. Видимо, сообщник «ушел», оскорбившись. Хул осталась одна, еще не зная, стоит ли радоваться своей свободе.

Рапт остановился у самого края обрыва, низко опустил голову, украшенную рогами, один из которых был сломан. «Наверное, дрался с сородичами»,— мельком подумала Хул, пока еще успешно справляюща-

яся с дрожью в коленях. Зверь шумно втянул в себя воздух, принюхиваясь к незнакомому существу, лапой загреб лаву, угрожающе потряс головой. «Спокойствие и уверенность,— напомнила себе демоница.— Если бы он хотел съесть тебя, сделал бы это уже давно. Он всего лишь пугает тебя».

Зверь еще немного потоптался на месте, а потом вдруг заревел низким, утробным голосом, широко разевая красную пасть. Хул показалось, что земля под ее ногами зашаталась, очень захотелось зажмуриться, зажать уши руками, отвернуться, но она продолжала смело смотреть на рапта. «Наверное, он не чувствует меня добычей,— подумала она.— Или, быть может, впервые видит наглую подземную кошку, которая не бежит в ужасе от его рева. А может быть, он просто любопытный...»

Рапт замолчал, потоптался на месте, как показалось Хул, очень озадаченно, а потом она услышала его голос. То, что можно было назвать его голосом. Глухое, временами невнятное бормотание.

— Ты маленькая... выглядишь слабой. Демон?..

Хул молчала, помня наставления Химеры не лезть вперед, не задавать глупых вопросов и не торопить противника, единственное, что она позволила себе — величественно кивнуть и произнести:

— Продолжай.

Рапт помялся еще немного, неуклюже переступая массивными ногами.

— Не демон... демоны соленые и жесткие... ты пахнешь по-другому...

«Теперь понятно, кто вытоптал все эти земли и разрушил постройки. Рапты ловили ящеров»,— подумала Хул и едва сдержала нервный озноб.

— Ты несешь Огонь,— сказал рапт, поглядывая на Ключ в руках демоницы.— Мы знали... придет с Огнем и уведет нас в другие земли. Там жарко, много еды... Мы ждали... ты поведешь нас сейчас?

Хул неожиданно почувствовала себя спокойной, величественной, мудрой — редкое ощущение. Обычно оно приходило только в мечтах, и вот теперь этот огромный неповоротливый зверь принимает ее за какое-то высшее существо из древней раптовской легенды. А может быть, так и есть. Она именно та, кого они ждали...

— Нет,— ответила она, наслаждаясь ощущением собственной значимости.— Не сейчас. Скоро. Я позову вас... А сейчас я хочу, чтобы ты перевез меня на другую сторону моря.

Несколько секунд рапт стоял неподвижно, а потом медленно наклонил рогатую голову.

— Как тебя называть? — спросил он.— Остальные хотят знать.

Хул подумала секунду и улыбнулась.

— Называйте меня Хозяйкой.

— Хозяйка,— пробурчал рапт, неуклюже опускаясь на колени и подставляя Хул бок, покрытый костяными наростами. По ним демоница очень ловко вскарабкалась на спину зверю и крикнула:

— Вперед!

Он тяжело поднялся и побрел по лаве, бормоча что-то едва слышно. Несколько раптов отправились следом за вожаком. Хул уже не сомневалась, что ее везет самый главный из зверей. Он шел, слегка покачиваясь, тяжело сопел, иногда поворачивался к своим сородичам и говорил им что-то непонятное. Демоница не прислушивалась к их беседе. Она наслаждалась своей властью, могуществом, умом и хитростью. «Химера была права, я могу стать великой. Уже почти стала».

Глава 23
ОГНЕННЫЙ МИР

Теперь она полулежала на спине рапта и с высоты его роста смотрела по сторонам. Берег исчез из вида. Огненные волны больше не пугали, было даже забавно наблюдать, как они плещутся вокруг ее величественных верховых. Пару раз Хул видела вдалеке черные скалы, поднимающиеся из лавы, а на их вершинах — острые зубцы каких-то замков.

— Что это? — она показала на загадочные строения.

— Мы туда не ходим,— ответил рапт недовольно.— Там все непонятно... местами меняется.

— Меняется местами? — озадаченно переспросила Хул.

— Вероятно, там происходит разрыв ткани тонкого мира,— прозвучал в голове демоницы комментарий Эмила. От неожиданности Хул едва не свалилась со спины зверя.

— Ты меня напугал! — сердито воскликнула она.

— Надеюсь, не сильнее, чем рапты? — съехидничал он, но, как показалось подземной кошке, сообщник улыбался.

— Эмил, смотри! — гордая своими достижениями, Хул поднялась в полный рост и, стоя на широкой спине рапта, медленно обернулась, давая колдуну возможность оглядеться по сторонам.— Ну, как тебе?

— Очень впечатляет. Удивительно, что тебе удалось с ними договориться.

Хул едва не рассказала ему про свою встречу с Химерой, но что-то заставило ее прикусить язык, какое-то не очень приятное кошачье предчувствие.

— Да, удалось, — заметила она уклончиво, снова усаживаясь на прежнее место.

Эмил ничего не ответил, демоница по-прежнему чувствовала присутствие колдуна, но ей не нравилось его молчание, слишком напряженным, тяжелым оно было. «Оскорбился из-за того, что я велела ему убираться и сама договорилась с раптами»,— догадалась Хул. Ссориться с сообщником было глупо, поэтому подземная кошка решила замять возникшую неловкость.

— Эмил, что ты говорил про разрыв ткани?

Колдун вздохнул, видимо, тоже передумав ссориться с кошкой.

— Это выходы в другие пласты тонкого мира. Поэтому там все «меняется».

— А они могут вывести в Огненный мир?

— Думаю, да.

Хул задумалась. Ей представилось, что скалы, на которых стоят черные крепости, всего лишь миражи. На самом деле на их месте находятся глубокие черные воронки-пути в мир Огня, из которых медленно течет лава. Когда-нибудь она затопит весь подземный мир, все пещеры, древние дворцы, тоннели и переходы. Хул вообразила, как жидкий огонь заливает прекрасные храмы Падших, и ей стало страшно...

— Вперед! — крикнула она, подгоняя неторопливого рапта.

Постепенно море мелело. Стали появляться полосы камня, не покрытого лавой. Хул повеселела, ожидая скорого завершения долгого путешествия, но, как оказалось, обрадовалась она рано. Неожиданно один из зверей, ступая в неглубокую, на первый взгляд, лужу, провалился с головой. Конечно, он тут же вынырнул, недовольно фыркая и тряся головой, но Хул стало нехорошо, когда она представила, что было бы, если бы она сидела верхом на нем. Потом провалился еще один...

— Стой! Стой! — закричала перепуганная кошка.— Поворачивай! Обойдем это место! Я не хочу свариться живьем!

Покладистые рапты побрели в обход, огибая мели. Монотонная размеренность их шагов и покачивание спин в конце концов утомило Хул. Она стала ловить себя на том, что начинает дремать. Все-таки она устала. Устала от бесконечной беготни по разным мирам, от постоянного ощущения опасности, от назойливого голоса Эмила в голове. Демоница закрыла глаза, свернулась клубком на широкой спине рапта и уснула.

Она не слышала негромких разговоров зверей, не чувствовала, как они переплывают глубокий участок пути. Она спала крепко и долго, до тех пор, пока ее не разбудил голос, зовущий по имени. Хул открыла глаза, вздрогнула, резко выпрямилась, протирая глаза.

Рапты стояли, тесно прижавшись друг к другу боками, и смотрели в одну сторону. Дальше идти было некуда. Звери честно довезли ее до другого берега, но они не были виноваты в том, что он оказался сплошной неприступной скалой, вершину которой невозможно разглядеть.

Демоница едва не взвыла от разочарования.

— Эмил! Ну и что теперь?! Куда дальше?

Он отозвался не сразу, устало, как будто все то время, пока она спала, колдун читал свои древние книги.

— Иди вдоль берега. Здесь должен быть проход... лестница.

— Лестница есть,— вмешался рапт, прислушивающийся к их мысленному разговору.— Дальше. Но там тоже... непонятно.

Хул одобрительно похлопала его по голове:

— Шагай-шагай. Довезешь меня до лестницы, а туда, где непонятно, я пойду сама.

Рапт посопел немного, принюхался к чему-то, потом развернулся и потопал вдоль скалистого берега.

Хул стало жарко. Она спокойно перенесла путешествие через Огненное море, но сейчас поняла, что задыхается. Демоница сорвала с себя платье... то, что осталось от ее платья, и швырнула его в лаву. «Это сгорела моя старая кожа»,— подумала она неожиданно, и ей стало немного легче.

— Почему так душно? — прошептала Хул, обращаясь к Эмилу.

— Ты чувствуешь дыхание Огненного мира,— ответил колдун.

Демоница нервно вздохнула. Сидя на спине гигантского зверя, она смотрела на черные гладкие скалы и дрожала от страха. «Ни одна кошка не полезет туда, куда лезу я,— думала Хул.— Зачем Эмил втянул меня в это опасное, безумное путешествие?! Я никогда, ни за что не смогу пройти в Огненный мир! Я боюсь!»

— Эмил, мне страшно,— повторила она.

Колдун не ответил. Рапты остановились.

— Лестница,— послышался торжественный голос вожака.

— Хорошо.— Демоница искренне удивилась, не услышав в своем голосе дрожи.— Остановитесь где-нибудь тут. Дальше я пойду одна.

Лестница была вырезана прямо в скале. На нижней ее ступени, опустив хвост в лаву, лежала ящерица. Она оскалила мелкие острые зубы, вытаращила круглые глаза и, противно зашипев на раптов, нырнула в лаву. «Саламандра,— подумала Хул и неожиданно приободрилась.— Если здесь кто-то живет, значит, это место не такое уж опасное».

— Ждите меня здесь,— приказала Хул, ловко спрыгивая на гладкие ступени.— Я вернусь... скоро.

— Я бы не очень на это рассчитывал,— деликатно заметил Эмил, но она упрямо повторила:

— Я скоро вернусь.

Рапты дружно закивали головами и остались стоять. Огромные, свирепые, но такие доверчивые и послушные. Хул задумчиво потрогала Ключ, давший власть над этими зверьми, и стала подниматься.

Ступень за ступенью. Сначала быстро и уверенно, не оглядываясь назад, потом все медленнее, останавливаясь почти на каждом шаге, чтобы отдохнуть, поглубже вдохнуть тяжелый вязкий воздух. Отсюда, сверху, море казалось налитым в огромную красную чашу с оплавленным

краем. Кое-где на его поверхности плавали черные щепки каменных островов, другой берег каменной чаши затягивала багровая муть...

Хул села на ступеньку, прижалась к теплому камню всем телом, закрыла глаза, чувствуя мучительную слабость в ногах и тошнотворное головокружение. Эмил не подгонял ее, вероятно, ему самому было нехорошо от этого медленного подъема, но демоница чувствовала его присутствие, на мгновение ей почудилось, что он сидит сейчас рядом с ней на лестнице и терпеливо ждет, когда она сможет карабкаться дальше.

— Эмил,— прошептала подземная кошка,— когда все это закончится, я подарю тебе новый Черный замок... два замка, если захочешь.

— Спасибо. Не хочу.— Его голос был хриплым и утомленным.— Не расслабляйся, ты не прошла еще и половины пути.

И она снова полезла наверх. По-кошачьи, прижимаясь животом к ступеням, часто облизывая пересохшие губы. А потом в какой-то момент подниматься стало легче. Море, всю землю внизу заволокло красноватым туманом, и теперь Хул видела только лестницу и черную гладкую скалу с двух сторон от себя. Небо... если здесь было настоящее небо, тоже казалось затянутым блеклой пеленой облаков. Оно не приближалось, как и туман внизу не отдалялся. Сознание Хул вдруг стало неуправляемым. Временами у нее возникало ощущение, что она, старательно забираясь наверх, на самом деле остается на одном месте. Это было странно... страшно. Хотелось выпрямиться, встать в полный рост и побежать вперед, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Рубиновый Ключ неожиданно потеплел, а потом и вовсе стал горячим. Наверное, тоже чувствовал приближение Огненного мира.

Хул потерла шею, натертую цепочкой, и вдруг поняла, что смутно тревожит ее все это время.

— Мешок! — воскликнула она и стала торопливо спускаться, больно стукаясь коленями и локтями о ступени.

— Что ты делаешь?! — очнулся Эмил.— Куда ты?!

— Я забыла мешок,— сосредоточенно пояснила Хул.— Где-то внизу.

— С ума сошла! — заорал колдун.— Из-за какого-то мешка!..

— Там моя статуэтка... идол.

— Да хоть два десятка идолов! Ты не можешь сейчас вернуться. У нас нет времени! Послушай меня, ты не поднимешься сюда второй раз! Стой!

Хул замерла, прижалась щекой к теплым ступеням.

— Там мой идол,— тупо повторила она.

— Ты найдешь его на обратной дороге.— Кажется, Эмил старался быть терпеливым, но это удавалось ему с трудом.

— А Ключ?

— Что Ключ?!

— Он стал горячим. Он меня жжет.

— Хул, не сходи с ума. Осталось совсем немного.

— Эмил, я боюсь. Мне плохо, больно.

— Я знаю.— Его резкий тон смягчился, Эмил стал почти прежним, который утешал ее в своем замке давным-давно.— На тебя действует приближение Огненного мира. Его вибрации разрушительны для демонов. Тебя защитит мой Ключ. Иди вперед.

— Я отдохну немного, можно?

— Нет, отдыхать нельзя. Ты должна идти.

— Я не могу.

— Тогда ползи, карабкайся, но только двигайся... Слушай мой голос, я буду говорить с тобой.

И он стал говорить. Нес какую-то чушь, видимо все, что приходило ему в голову. О своих детских человеческих воспоминаниях, мечтах, пересказывал содержание заумных книг, обещал какие-то невероятные сокровища в конце их путешествия. Хул лезла наверх по бесконечной лестнице, слушала голос колдуна и старалась не замечать странности, которые творились вокруг нее. Периодически демонице казалось, что она слепнет. Перед глазами начинала клубиться мутная пелена, в которой размывались очертания лестницы, ступени приходилось находить на ощупь. «Не бойся,— успокаивал Эмил.— Так и должно быть. Твои глаза не могут настроиться на восприятие более тонкой материи. А жаль, иначе, наверное, ты увидела бы поразительные вещи».

Выслушивая эти комментарии, Хул злилась на заумного сообщника, у которого на все имелось научное объяснение, на враждебный мир, делавший ее слепой и беспомощной, на Буллфера... нет, на Буллфера она больше не злилась. Удивительно, Хул вспомнила о нем впервые после утомительного блуждания по храмам Падших. Он стал ей почти безразличен... Все стало безразлично, кроме этой проклятой лестницы, впивающейся гранями ступеней ей в ребра.

А потом перестала помогать даже злость. Скала начала дрожать, из нее выпадали огромные куски и беззвучно падали вниз, оставляя после себя глубокие дыры, трещины... пропасти. Только лестница пока оставалась относительно целой.

— Эмил, скажи, что мне все это только кажется,— жалобно попросила Хул, когда внушительный фрагмент скалы медленно раскололся надвое и провалился, увлекая вместе с собой значительную часть лестницы. Теперь демоница лежала на краю пропасти.— Может быть, это тоже проделки твоего Огненного мира?

— Не знаю,— прозвучало глухо в ответ.

Хул поежилась, увидев новую напасть. Из пустоты, в которую она напряженно всматривалась, выплыли четыре серые колонны. Они висели на одном месте, слегка покачиваясь, и не вызывали у демоницы никакого доверия.

— Может, все-таки повернуть назад? — вкрадчиво предложила Хул, рассматривая странные столбы, но колдун не обратил внимания на ее разумную идею.

Кажется, он напряженно думал, и демонице оставалось только терпеливо ждать, когда он выдаст что-нибудь полезное. Но она так и не дождалась, потому что услышала его тихий, странно прерывающийся голос, произносящий какую-то чепуху. Колдун читал то ли древнюю книгу, то ли заклинание:

— «Четыре камня должны быть в основании действий ваших:

Первый — почитание Иерархии.

Второй — сознание Единения.

Третий — сознание Соразмерности.

Четвертый — применение Канона...

Для утверждения первого — призовите любовь вашу.

Для второго — облекитесь в доспехи ваших действий и освежите восприятие глотком трезвой воды...»

— Эмил, что ты болтаешь? — забеспокоилась Хул, но Эмил как будто не слышал ее, продолжая монотонно повторять бессмысленные слова:

— «Для третьего — выберите самую высшую и отвесную линию и назовите ее размером Плана... Для четвертого — представьте себе всю бесконечность звездного мира. Представьте, как из запертого дома выходите на свет.

Начертайте на первом камне ГОЛУБЯ.

На втором — ВОИНА.

На третьем — КОЛОННУ.

На четвертом — СОЛНЦЕ».

Эмил замолчал, Хул облегченно перевела дыхание, слушать его монотонный речитатив было невыносимо.

— Вставай,— велел колдун неожиданно, и в его приказе Хул послышался отголосок собственного недавнего безумия.

— Зачем? — осторожно поинтересовалась демоница.

— Вставай и жди.

— Я упаду,— равнодушно сообщила Хул.— Свалюсь прямо в пропасть, и ты тогда...

— А ну вставай!!! — заорал Эмил так, что она мгновенно вскочила, больше не думая о неустойчивости лестницы.

Колонны как будто почувствовали Хул и пришли в движение. Сначала они неторопливо поворачивались вокруг своей оси, кружились, сталкивались шершавыми боками, потом замерли на мгновение и стали подниматься из пропасти. Когда их капители оказались на уровне глаз демоницы, она увидела рисунки. Одну колонну украшало грубое изображение человека с мечом в руке, другую — птицы, на третьей был высечен столб, на четвертой...

— Воин, голубь, колонна и солнце,— прошептала Хул.— Не знаю, что ты там говорил, но ты был прав.

Она стояла на ступени лестницы и смотрела, как массивные столбы двигаются ей навстречу. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее они скользили в пустоте, приближаясь. И не собирались останавливаться.

— Они приближаются ко мне...

— Стой, не двигайся,— торопливо приказал Эмил.— Мне надо...

— Это мне надо бежать отсюда! — взвизгнула Хул, с ужасом глядя на массивную колонну, несущуюся к ней, чуть покачиваясь. Казалось, что витязь, высеченный на капители, направляет на демоницу свой меч.

— Давай я перепрыгну эту...

— Тише. Стой, не шевелись.

Хул зашипела от боли и страха, когда каменный воин, проносясь мимо, задел ее и содрал кожу с плеча.

— Эмил! Они сейчас раздавят меня!

— Я сказал, не двигайся. Жди.

Наверное, он хотел, чтобы Хул дождалась, когда все столбы пройдут мимо, открыв ей дорогу.

— Я боюсь! Они двигаются слишком быстро, я не успею отпрыгнуть!.. И, Эмил... она возвращается... Колонны двигаются по кругу!!

— Хул, заткнись! Хватит трястись! Ты не даешь мне настроиться на Ключ. Возьми его в руки. Смотри на него... Смотри на него, я сказал!

Демоница с огромным трудом отвела взгляд от колонны с птицей, угрожающе кренящейся в ее сторону, и уставилась на Ключ.

— Я проведу тебя,— продолжил Эмил, и голос его как-то странно поплыл.— Проведу, если ты не будешь мне мешать. Отключись от своего страха, он мне мешает.

— А если... а если у меня не получится?

— Тогда мы останемся здесь навсегда. Оба.

Хул нервно вздохнула, изо всех сил всматриваясь в блестящую красную поверхность камня. Значит, придется пережить еще одно немыслимое испытание. Ни одна нормальная кошка не станет стоять смирно, когда на нее несется груда взбесившихся камней. Это еще тяжелее, чем с раптами... да, наверное, лучше всего думать о раптах. Они большие, спокойные... уверенные... Хул зажмурилась и втянула голову в плечи, когда мимо бесшумно пронеслась еще одна колонна, описала круг и вернулась к остальным. «Я должна быть спокойной и терпеливой, в конце концов нужно просто стоять на одном месте. Эмил все сделает сам».

Демоница не знала, что он будет делать, чего она ждет, но в какое-то мгновение поняла, что слышит мысли... чувства колдуна. В ее голове один за другим вспыхивали мгновенные яркие образы. «Теперь я проводник,— догадалась Хул,— через меня он говорит с Ключом». Она почувствовала, как теплеют под пальцам гладкие грани корунда, а потом

вдруг накатило непонятное, необъяснимое, жгучее чувство... воспоминание, мысль, желание... Оно причиняло боль...

Дыша сквозь плотно стиснутые зубы, дрожа всем телом, демоница переживала вместе с Эмилом разрушительное для нее — демона — человеческое чувство.

«Призовите любовь вашу...» Быстрые яркие образы, которые едва можно различить, улыбающиеся лица — женщина, ребенок, светлая комната, лес за окном, смутная тень, заслоненная стеной огня... Если бы ее не мутило от боли, то она могла бы понять, что такое человеческая любовь. Для чего нужна...

Потом пришло другое, новое — ощущение непрерывного движения. Движения к какой-то цели. Непонятной, далекой, но реальной. Нет, Хул знала, чего она хочет, не знал Эмил, или не хотел показывать, к чему стремится. «Облекитесь в доспехи ваших действий»... Вместе с ним за одно мгновение она пережила юношеский восторг колдуна, узнавшего, что он демон, и более позднее отчаяние оттого, что не человек, сожаление о потерянной человеческой судьбе и страстное желание демонического величия. Видела его сидящим за книгами, склонившимся над магическими приборами, разглядела рыжее лицо с горящими глазами, с запоздалым удивлением узнала Буллфера, увидела круг пентаграммы, почувствовала резкий укол боли, и тут же ее снова затопило нервное беспокойство, которое требовало движения, назойливо подталкивало куда-то. И Эмил «шел» спотыкаясь, не видя дороги, но все же двигался, и для него было очень важно — не останавливаться. А еще он почему-то был уверен, что никто не сможет его остановить.

Потом возникло странное чувство бесконечности. Как будто Хул стояла в пустоте, словно одна из этих колонн, а вокруг нее вились, раскрывались один за другим миры, наполненные звездами и облаками. У демоницы кружилась голова, когда она заглядывала в бездны, доступные воображению Эмила. «Он свободен! — поняла она неожиданно.— Он по-настоящему свободен, если может видеть, понимать, чувствовать такое». И в то же самое мгновение пространство вокруг Хул вспыхнуло алым, и ее потащило куда-то. Ключ сработал, откликнулся на сложные чувства Эмила, отворил дверь в другой мир, колонны исчезли, путь был открыт...

Это были Срединные земли. Никаких сомнений. Ей ли не знать, какого они цвета, как пахнут и звучат. Правда, Хул не поняла, каким образом оказалась здесь. Когда рассеялась красная мгла, подземная кошка увидела себя сидящей на земле, среди низкой жесткой травы, на плоской вершине, а вокруг поднимались горные хребты, освещенные ярким дневным солнцем.

— Эмил,— прошептала кошка, потрясенная величием гор,— значит, я дошла?

— Почти,— откликнулся он устало, но довольно.

Хул выпустила наконец Ключ и потерла онемевшие пальцы. Было немного странно снова слышать голос колдуна, но не чувствовать его бурных эмоций, не знать желаний, не видеть его глазами...

— Скажи, как ты это сделал? Чувства, которые ты... испытывал, что это было?

Он вздохнул, демонице его вздох послышался шелестящим шорохом, и заговорил медленно, как будто вспоминая:

— Колонны, которые ты видела,— материальное воплощение духовных принципов. Познав их все, можно открыть дорогу в другой мир, на новый уровень сознания... Понимаешь?..

Хул в задумчивости потерла переносицу и деликатно промолчала, ожидая продолжения.

— Впрочем, я все равно не смогу объяснить лучше... Любовь задает начало всему. Она основа, база, то, от чего можно начинать восхождение. Но бездеятельная любовь беспомощна. Твои действия, стремления будут вести тебя к цели. Ничто не должно мешать этому движению, и все препятствия, которые возникают на пути, не должны останавливать тебя, ведь они так ничтожны по сравнению с глобальностью мира, который ты хочешь постичь. Но только в конце этого пути возникнет понимание, осознание бесконечности миров и свободы в этих мирах...

— Когда ты говоришь, понимаю, но как только замолкаешь, все снова становится запутанным. Я помню твои ощущения... Они совсем не демонические... Любовь — жутко неприятное чувство. Если бы я создавала оружие против демонов, я бы зарядила его вашей человеческой любовью. Она не лучше ангельских мечей.

Эмил рассмеялся, но совсем невесело:

— Ты умнеешь, Хул. Или просто раньше притворялась не слишком способной думать.

Польщенная, демоница улыбнулась невидимому собеседнику, хотела ответить что-нибудь не менее приятное, но вдруг вспомнила.

— Послушай, а я не знала, что ты знаком с Буллфером,— сказала она.

— Каждый демон обязан знать в лицо Хозяина,— проворчал Эмил недовольно.

— Ну да, верно...— «Конечно же! Колдун присягал ему на верность»,— решила Хул.— Ладно, ты говорил, здесь должна быть Арка...— вспомнила она.

— Чуть ниже. Спустись по склону.

Спускаться было легко. В Срединных землях все вообще было легко. Здесь не водились чудовища, во всяком случае такие, которые могли бы испугать подземную кошку. Не бродили злобные чужие демоны. Вот только было холодно. Очень. Пока Хул вприпрыжку спускалась

вниз, она не чувствовала этого, но как только остановилась на просторной каменной площадке, заваленной серыми валунами, ее стало колотить от холода. Теперь демоница жалела, что выбросила свое платье. Хоть немного, но оно грело бы. Она вспомнила, как горел на ее груди Ключ, и прикоснулась к нему в надежде получить от камня хоть немного тепла. Однако он тоже был холодным, наверное отдал весь свой заряд.

— Эмил, что делать дальше?

— Жди.

— И долго? — Хул поняла, что уже ненавидит слово «ожидание», но Эмил, конечно, знал, что делать.

— Должна появиться Арка... посмотри вниз, себе под ноги. Что это?

Хул прищурилась:

— Похоже на ступени... Три ступени. Широкие, старые.

— Отлично.— Колдун был очень доволен.— Поднимись по ним.

Демоница поежилась, потом осторожно поставила ногу на крошащийся от времени камень, обреченно вздохнула и стала подниматься. С некоторых пор она не любила лестницы.

Она сделала всего один шаг и с удивлением увидела две высокие капители по обеим сторонам площадки. Хул была уверена, что секунду назад их не было. Демоница отступила назад, капители исчезли, как будто растворились в воздухе, шагнула вперед — появились снова.

— Глупость какая-то,— рассердилась кошка и, не спрашивая совета Эмила, прошла между ними.

Переход был мгновенным.

У Хул закружилась голова, потемнело в глазах, а потом она поняла, что стоит на прежнем месте, у лестницы, сложенной из трех ступеней, но на этот раз перед ней возвышается настоящая Арка. Огромные циклопические ворота, сложенные из красноватого камня, шершавого и теплого (даже не прикасаясь к нему, кошка была уверена, что он теплый, может быть даже горячий, и слегка шероховатый на ощупь). Машинально демоница шагнула вперед, впечатление монолитности ворот нарушилось. И Хул увидела стража Арки.

Это была женщина. Белая, матовая, точно вырезанная из льда, сквозь ее тело смутно просматривался темный столб ворот. Она стояла неподвижно, но Хул поняла, что это не статуя. Прозрачные, как вода, глаза следили за демоницей, и под их взглядом становилось жутко. От ледяных ступней по земле полз иней, и трава, замерзая, превращалась в хрупкие белые кристаллики.

— Эмил, что теперь? — прошептала кошка, чувствуя, как между ее лопаток, несмотря на холод, течет струйка пота.

— Иди вперед.

И Хул пошла, стараясь не делать резких движений. Страж следила за ней, не отводя взгляда, но и не пытаясь остановить. Наверное, видела вместо нее, глупой испуганной кошки, кого-то другого, чувствовала

Эмила, его страстное желание пройти, пробиться сквозь завесу Огненного мира и его уверенность...

Когда Хул благополучно прошла мимо «ледяной девы» и красный свод Арки оказался над ее головой, демоница тихонько застонала от облегчения. Но колдун не дал насладиться чувством временной безопасности.

— Стой,— велел Эмил неожиданно.— Я чувствую, он приближается. Сожми в руках Ключ и, как только увидишь, прыгай.

— Кто приближается? Что я почувствую?! Куда прыгать?! — завизжала демоница в полной уверенности, что ее сообщник сошел с ума от физического и умственного перенапряжения.

— Вперед,— ответил Эмил с не вполне здоровым смешком, еще больше убедившим кошку в его умственном расстройстве.

Она совсем уже собралась заорать на него, чтобы привести в чувство, как вдруг ощутила... надвигалось что-то невероятное, пышущее жаром, огромное.

Пространство... Небо впереди покраснело, заискрилось тонкими молниями и вспыхнуло.

Хул закричала... кажется, закричала, обеими руками вцепилась в Ключ, зажмурилась, но все равно увидела, как на нее несется бешено крутящаяся огненная воронка. Скала затряслась, что-то подбросило демоницу в воздух, и она полетела прямо в раскаленный центр смерча...

Ее тела горели. Вспыхивали снова и снова, одно за другим, выгорая до самого первого, изначального облика. «Я никогда больше не смогу меняться,— шептала Хул.— Они все, все сгорели». Ей не было больно, только ужасно грустно смотреть, как чернеют, рассыпаются золой ее маски. Все... все.

Демоница поняла, что начинает всхлипывать без слез и никак не может остановиться.

— Хул!

— Эмил!

— Открой глаза.

— Я не могу. Я знаю, что сейчас увижу что-нибудь ужасное: что я умерла, сгорела... Что от меня ничего не осталось... Только Ключ и немного золы... Каждый раз, когда я перемещаюсь, становится все хуже и хуже. Не хочу открывать глаза.

— Если бы ты сгорела, то не смогла бы разговаривать со мной.— Кажется, Эмил улыбался. Его голос звучал немного насмешливо, немного ласково.

— Ты тоже умер.

— Хватит болтать ерунду! — Ласкового терпения колдуна хватило ненадолго.

— Ты не понимаешь,— жалобно заныла Хул, оскорбленная столь быстрой сменой настроения сообщника.— Все мои образы сгорели. Я теперь... не смогу изменяться.

— Вот и замечательно. Не будешь больше людям голову морочить. Давай просыпайся.

Демоница открыла глаза. Медленно-медленно и тут же вскрикнула. В первое мгновение ей показалось, что она слепнет. Мир вокруг был огненным. Но не желтым, как пламя свечи, и не красным, как подземная лава. Белый горячий свет струился со всех сторон, сливался в непонятные силуэты или орнаменты... белое на белом. Огненный свет. И она — единственное темное пятно посреди ослепительного сияния с красной точкой Ключа на груди.

— Эмил... я плохо вижу...

Хул упала на колени под грузом этого белого света. Наверное, так мог бы себя чувствовать кусок масла в горячем молоке. Кошке казалось, что она тает.

— Хул, послушай меня,— прошептал Эмил.— Там, впереди, лежит Рубин Карашэхра, материальное воплощение Огненного мира, за которым ты шла так долго. Тебе нужно сделать всего несколько шагов, чтобы взять его.

— Я ничего не вижу... я ослепла...

— Возьми Ключ, смотри сквозь него. Он поможет тебе видеть...

— Я не могу... я устала.

— Я тоже устал. Я не сплю уже больше недели... Послушай... я знаю, что в этом мире для тебя нет ничего ценного, ничего такого... во имя чего ты могла бы сейчас подняться и пойти вперед... но ты должна идти. Слышишь, ты должна идти!

— А у тебя есть... это ценное?

— Есть.

— Тогда дай мне почувствовать его. Как тогда, на лестнице... через Ключ.

Наверное, он устал еще сильнее, чем она. Человеческое тело гораздо менее выносливое, чем демонское, Эмил долго не спал, дольше, чем она, потому что на земле и в тонком мире время течет по-разному, но эта его невыносимая любовь давала Эмилу столько сил... Хул почувствовала, как ее поднимает чужая воля и заставляет идти, толкает вперед. Откуда в жалком человеческом теле столько силы?! Он не имел права быть таким сильным! Он вел ее сквозь три мира. Ради чего?! Ради своей непонятной, далекой цели, ради власти, могущества?! Ее не могла поднять с земли жажда власти и мести. Великие демонические стимулы рассыпались на пороге Огненного мира, соприкоснувшись с Неосквернённым Огнем. А он, человек, ничтожество, продолжает ползти вперед сквозь боль, страх, разрушительную энергию высшего пространства. «Эмил, что ты знаешь такое, чего не знаю я? Зачем тебе помогать мне?..»

Хул не знала, был ли Огненный Храм по-настоящему храмом. Наверное, в нем стоял алтарь, его украшали колонны и барельефы невиданных существ, может быть, даже звучала музыка. Ее демоническому существу было недоступно увидеть это. Она шла, с трудом переставляя ноги, по тонкому лучу, бьющему из алого Ключа, и сквозь грани камня белый свет уже не казался убийственным.

Она увидела Рубин неожиданно, сделав всего несколько шагов вперед, как и обещал Эмил... Но это был не драгоценный камень. Впереди, в пространстве, в белой пустоте висел алый бесформенный комок огня, пульсирующий, меняющий свои очертания. И веяло от него ледяным, мертвым холодом. «Он убьет меня, как только я прикоснусь к нему»,— поняла Хул. Она замерла перед желанным всесильным оружием, не зная, что делать дальше, а потом вдруг сама, без подсказки сообщника, словно по наитию, медленно поднесла к нему Ключ. И тут же вскрикнула от неожиданности. Ее камень, вспыхнув красным, слился с этим огнем, как будто втек в него, оставив на пальцах Хул несколько красных пятен, и тут же бесформенное пламя стало застывать, твердеть, приобретая очертания вытянутого, заостренного на одном конце жезла.

— Теперь ты можешь взять его,— хрипло прозвучал голос Эмила.

Не раздумывая, демоница протянула руку и крепко сжала Рубин. В ту же секунду Огненный мир, вообще весь мир исчез. Они остались вдвоем. Она и этот новый, чужой камень. Казалось, что Хул сжимает в руке живое существо, потревоженное ее дерзким прикосновением. Оно не говорило, не думало, но все же чувства его были понятны.

— «Зачем ты разбудила меня?...»

— Мне нужна твоя сила.

— «Моя сила недоступна тебе».

— Научи меня, как получить ее.

— «Для этого тебе придется отдать мне часть себя».

— Я... сделаю это. Научи как.

— «Дай мне почувствовать тебя... понять тебя...»

«Понять меня...» — Хул закрыла глаза, и, ощущая, как ее желания приобретают материальность, стала переливать в живой камень свою жажду власти, мести, силы и могущества. Наверное, то же самое делал Эмил, когда вкладывал в Ключ человеческие чувства. Хул не знала, чем был Рубин Карашэхра на самом деле, но теперь, наполняясь ее демонической силой, он становился по-настоящему страшным оружием.

Она стояла на лестнице, спускающейся к морю лавы, держа в опущенной руке короткий жезл с алым камнем на конце, и смотрела на подземный мир, лежащий у ее ног.

«Кто ты, Рубин?»

«Я — часть Огненного мира».

Только что кусок скалы, срезанный красным лучом, который она выпустила из жезла, медленно сполз в море и развалился на десятки мелких осколков. Это было совсем просто — нужно лишь навести ее оружие на врага и позволить Камню выпустить свою силу.

— Эмил, этот мир теперь мой... Наш. Я умею быть благодарной. Мы завоевали его вместе. В этом Рубине,— она подняла камень, давая возможность верному сообщнику полюбоваться на него вместе с ней,— твоя человеческая любовь и моя демоническая ненависть. Как ты думаешь, ангелы смогут устоять против них?

— Не заносись слишком высоко,— проворчал Эмил устало.— Ты еще не умеешь с ним обращаться.

— Я научусь. Как оказалось, я очень быстро всему учусь.

Хул рассмеялась, с удовольствием потянулась и стала спускаться вниз.

Рапты ждали ее на прежнем месте и почтительно закивали головами, когда увидели. Хул снова уселась на спину вожака и направила его в открытое море.

«Почему тебя называют Рубином Карашэхра? Кто это?» — продолжала она внутренний диалог с Камнем.

«Это одно из названий силы, заключенной во мне. Карашэхр... Нет, тебе рано знать об этом. Спроси о чем-нибудь другом...»

Рапты медленно, один за другим, вскарабкались на берег и брели по красной земле, давя обломки древних храмов, сшибая разваливающиеся от времени колонны. Хул подобрала свой мешок — не хотелось бросать идола. Возле одной из статуй увидела высохший труп какого-то южного демона, обернутый серой грубой тканью. Безо всякой почтительности к умершему вытряхнула его останки из этой мешковины и натянула на себя. Не являться же к Буллферу голой. Хотя теперь приличия волновали ее меньше всего. Лишившись всех соблазнительных образов, демоница чувствовала, что с непривычным равнодушием начинает относиться к своей внешности.

— Где-то здесь должен быть телепорт. Такая круглая крутящаяся штука...— объяснила она рапту.

Он задумался, на ходу ободрал со стены длинную ленту красного мха и стал его жевать.

— Да, есть. Видел.

— Вези к нему.

— Хул,— перебил ее распоряжения Эмил,— что ты собираешься делать?

— Во-первых, выбраться отсюда.— Демоница удобно развалилась на широкой спине зверя, достала заветную коробочку засахаренных каштанов и с удовольствием разгрызла один из них.— Эти Южные земли мне осточертели. Во-вторых, нанесу визит Буллферу. А потом ты первый присягнешь на верность новой Хозяйке.

— Нет,— твердо заявил Эмил.— Не в той последовательности. Сначала ты придешь ко мне.

Хул рассмеялась, вытирая липкие руки о спину рапта.

— Эмил, не бойся! Буллфер ничего не сможет сделать со мной! Даже в боевом облике. Если бы ты знал... если бы чувствовал эту мощь...

— Хул, не дури! Ты должна вернуться ко мне!

Демоница устало покачала головой и спрыгнула со спины рапта. Телепорт был слабенький, но, как только она поднесла Рубин, позволив части энергии влиться в него, «ворота» загудели, вращаясь все быстрее. Теперь его мощности хватало на то, чтобы переправить ее прямо к покоям Хозяина.

— Хул!!

— Эмил, успокойся, ты сам говорил, что устал. Отдохни, выспись... ты уже сделал свою часть работы, теперь я сделаю свою.

Рапт, топчущийся у нее за спиной, позвал неуверенно:

— Хозяйка...

— Я вернусь. Скоро. Ждите.— Не без опасения перед острыми клыками Хул похлопала зверя по морде и повернулась к телепорту.

— Что ты делаешь, черт тебя побери! — закричал Эмил, и в его голосе Хул с удивлением уловила отчаяние.— Не смей этого делать! Не смей идти туда!

Демоница вздохнула, сожалея о внезапном нервном срыве сообщника, и переступила обод телепорта.

Глава 24
ОРУЖИЕ В ЧУЖИХ РУКАХ

Точно рассчитанная, выверенная до последнего хода шахматная партия рассыпалась. Одна взбесившаяся фигура ломала его планы... его жизнь...

Эмил вскочил, швырнул черно-белую доску в стену, в пыль растоптал хрупкие каменные фигурки и опустился на пол, уткнувшись лицом в ладони.

«Что я наделал?! Что же я натворил?! Она должна была прийти сюда... и принести Рубин. Она должна была принести Рубин мне!! Когда Хул начала думать самостоятельно?! Она же шагу без меня ступить не могла, каждую минуту ждала моей подсказки! Ловко притворялась или неожиданно поумнела? В какой момент я перестал ее контролировать?! Две недели постоянно следил за ней, советовал, помогал, поддерживал... шел вместе с ней, с трудом перенося разницу во времени! День в тонком мире — неделя в земном! Я все выдержал, ее трусость, злость и взбалмошность. Я думал, что знаю ее... Идиотка! Идиотка несчастная!! Дрянь!»

— Это я все сделал! Я достал Рубин! В нем моя кровь!

Обломки шахматной доски полетели в камин, пламя, вспыхнувшее с новой силой, бросилось на чугунную решетку, а потом, подпрыгнув, поймало разодранную книгу, на одной из страниц которой было изображение Рубина Карашэхра.

— Это мой камень!

Мёдвик тихонько стоял у стены, сжимал в кулаке обломок белой шахматной фигуры и, закусив губы от жалости, смотрел, как Эмил в ярости громит свою спальню. Он никогда не был таким... раздраженным, злым... и почему-то беспомощным.

— Что я наделал?! Она же сейчас... Она его убьет! Она его убьет, и я буду виноват в этом!.. Нет! Нет! Нет!! Невозможно!

Мальчик прижал ладони ко рту, зажмурился, чтобы не видеть, как колдун в отчаянии мечется по комнате. А ведь Эмил обещал, что скоро все закончится и он сможет отдохнуть, наконец выспаться, не будет сутками сидеть в кресле у камина, держа на коленях открытую книгу, и смотреть пустыми глазами в огонь, вернет слуг, которых почти три недели назад почему-то выгнал из замка... Значит, не закончилось?

— Мёдвик! — воскликнул Эмил таким голосом, что мальчик вздрогнул, выронил поломанную фигурку и, распахнув испуганные глаза, крепко прижался к стене.— Готовь свое дурманящее зелье, быстро! Мне нужна двойная доза... Ничего! Еще все можно исправить. Значит, Хул не хочет идти ко мне? Отлично, тогда я пойду к ней... Ну, что ты застыл?!

— Эмил,— прошептал мальчик, изо всех сил стараясь не всхлипывать,— тебе нельзя...

Но колдун уже волок к кровати треножник, не обращая внимания на невнятный лепет своего юного помощника.

— Давай быстрее, малыш.

Склонившись над каменной чашей, полудемон жадно вдыхал синеватый дымок, вьющийся над травами, и постепенно его напряженное, нервное лицо становилось спокойнее. Мёдвик торопливо растирал в плошке нужные корешки, часто моргая, чтобы не дать слезам, уже давно стоящим в глазах, просочиться наружу. Он не хотел, чтобы Эмил засыпал, он впервые испугался того, что колдун может не проснуться.

— Мёдвик, готово?

— Сейчас... да, вот.

Эмил, уже раздетый, выхватил из рук мальчика чашку, щедро зачерпнул вязкую массу и вымазал ею все тело. Потом лег на кровать, закрыл глаза. Он уснул мгновенно. Ему не нужно было особо стараться, чтобы впасть в транс, он и так слишком устал...

Посланник просыпался медленно, мучительно. Голова болела, казалось, что в нее насыпали раскаленных углей. В каждом виске по горящему огненному шару... «Я просто устал... мне нужно отдохнуть...»

Он по привычке нащупал на груди мантру, сел на кровати, открывая глаза. В зале было пусто. Никто из богов не пожелал сегодня нанести ему визит. Что ж, тем лучше. Не помешают глупой болтовней, не остановят.

Эмил поднялся, дошел до окна и прыгнул вниз, в темноту.

Он ошибся, не думал, что Хул решит проявить самостоятельность. Он слишком привык считать ее безмозглой идиоткой. Откуда ему знать, что, почувствовав мощь Рубина, демоница возомнит себя всесильной?! Нет, должен был знать, должен был догадаться...

Полудемон мчался вперед, дрожа от ярости и желания немедленной мести. «Если бы Хул пришла ко мне раньше, пока я был человеком, осталась бы живой, но теперь я не пощажу ее...» Пролетая Хаос, пронзая куски сумеречных пространств, он чувствовал, как разрушительные вибрации накатывают на его тело. Несколько раз едва не врезался в бесформенные глыбы, медленно выплывающие навстречу. Чуть не провалился в черную воронку, распахнувшуюся под ногами, и разбился бы о багровую сеть Дна, если бы не успел затормозить за мгновение до столкновения с ее пульсирующими ячейками.

Эмил вынырнул в пещере, освещенной красными отсветами лавы, текущей по Дну, и тут же увидел посреди каменного моста яркую красную точку. Рубин часто замигал, как будто почувствовал своего настоящего владельца. Полудемон посчитал это хорошим знаком и, сложив крылья, полетел вниз, навстречу мерцающему огоньку...

Хул стояла на мосту. Просто стояла, держа в руках оружие Карашэхра. В этом было новое, особое удовольствие — сжимать в ладони холодную рукоять жезла, на конце которого горел красный камень.

Она медлила, оттягивала момент встречи с Хозяином и чувствовала себя всесильной. «Буллфер, ты все еще жив только потому, что я так хочу. Я так хочу! А ты даже не догадываешься, что обязан мне еще одним мигом своей жизни!»

Демоница поднесла Рубин ближе к лицу и увидела в его грани свое отражение — с острыми ушами, раскосыми глазами голодной кошки и хищным ртом. Раньше это лицо казалось безобразным, теперь оно нравилось ей. «Любуйся на своего хорошенького ангелочка, Буллфер, пока у тебя еще есть на это время».

Хул вскинула руку с камнем, он полыхнул красным светом, и в то же самое мгновение, сверху, с темного потолка пещеры на нее упала гигантская черная тень. У тени были длинные кожистые крылья, получеловеческое тело, лицо демона, искаженное от ярости, и красные горящие глаза без зрачков. Подземная кошка вскрикнула, отшатнулась в сторону, споткнулась на неровных камнях моста и упала. Ей показалось, что над ней возвышается Призрак смерти — черное существо из древних

легенд, которое приходит за демонами, чтобы забрать их. Ужасом, холодом, смертью тянуло от его крыльев, словно это существо пролетело сквозь пространства, убийственные для всего живого, и принесло на крыльях их дыхание.

— Нет, нет, нет...— прошептала Хул, глядя в светящиеся глаза крылатого существа и снова превращаясь в маленького беспомощного котенка.— Не надо...

Оно... он шагнул вперед, протянул руку с длинными когтями и хрипло приказал:

— Рубин.

Теперь Хул узнала его. Это был не Призрак. Он пришел не за ее душой. Но это существо она боялась не меньше. Посланник, прилетающий раз в месяц с вестями от ангелов, хотел забрать ее Рубин. Его холодная ярость, презрение и уверенность в ее полной покорности парализовали волю кошки. Нужно было скорее отдать камень, чтобы он ушел, унес с собой проклятие ангельского мира и безумие Хаоса, через которые ему пришлось пролететь.

Всхлипывая от унизительного страха и беспомощности, Хул медленно протянула Рубин Карашэхра, уже почти положила его в протянутую ладонь Посланника, как вдруг горячая волна, выплеснувшаяся из оружия Огненного мира, обожгла ее пальцы. Демоница вздрогнула, опустила взгляд на Камень и... очнулась. Ужас, отчаяние, слабость растворились в этом огне. Хул резко взмахнула рукой и ударила... Красный луч Рубина хлестнул Посланника. Она даже не была уверена, что это повредит ему, но когда увидела, как дымится его рассеченная грудь и как он оседает на каменные плиты моста, демоница едва не закричала от восторга. «Действует! Работает! Я убила его!»

Она вскочила и, держа наготове жезл, вновь налившийся алым светом, медленно подошла к врагу. Он полулежал, опираясь плечами о перила моста... нет, не мертвый.

— Кто ты такой? — шепотом спросила Хул, рассматривая странное существо и с трудом сдерживая дрожь. Даже раненный, он казался опасным.— Что тебе надо?! Отвечай!

Он молчал. Не мог говорить. Или не хотел. Темная кожа бледнела, лицо от боли становилось все более человеческим. Хул наклонилась ниже, начиная видеть что-то знакомое. Глаза его больше не казались красными, они были... черными. И она вдруг узнала... поняла...

— Эмил... Эмил?!..

Ей вдруг стало больно, так больно, словно это ее саму рассекла огненная вспышка Рубина. Через всю грудь насквозь. Хул еще не поняла, не хотела понимать до конца, что произошло. Как мог Эмил, верный сообщник, единственный, кто понимал ее... единственный, кто помогал ей, оказаться здесь, в этом крылатом теле... Демоница не могла поверить... Она не хотела знать, почему он решил... предать ее?

— Эмил...— Кошка не знала, о чем хочет спросить его и нужно ли спрашивать...

Хул закричала от тоски, боли и усталости. Размахнулась и, не целясь, хлестнула огнем по Эмилу. Но не попала. Кажется, он увернулся, сумел распахнуть крылья, бросился в сторону. А потом исчез, пропал, его тело растворилось в воздухе, наверное, Посланник видел выходы из этого мира так же, как ее древняя прародительница — Химера. Демоница наклонилась и подняла маленький кулончик на разорванной золотой цепочке. Два крошечных звена были расплавлены — луч Рубина перерезал их.

Несколько секунд Хул тупо смотрела на безделушку, потом сунула ее в складки мешковины, равнодушно огляделась и пошла на нижний уровень, к покоям Хозяина...

Эмил лежал на полу перед погасшим камином. Ему не было больно и не было холодно... Дно выпустило его, и Хаос пропустил. Наверное, желание полудемона долететь до замка в родном мглистом пространстве было очень сильным. Что-то вроде неосознанного человеческого стремления умереть у себя дома. Во что бы то ни стало добраться хотя бы до порога...

«Буллфер, прости... я не смог».

«Ты попытался...»

«Я умираю?..»

«Умираешь...»

«Тебе придется создавать нового Посланника...»

Голос Буллфера так ясно звучал у него в голове, словно демон на самом деле говорил с Эмилом. Словно действительно простил его.

«Отец, я не хотел... я не думал, что все получится так... Отец, прости меня! Поговори со мной! Прошу тебя, поговори со мной!.. Маленькая темная лошадка стала королевой... а я никогда больше не буду летать между светом и тьмой, я останусь лежать здесь в твоем замке, и никто никогда больше не придет в него. Он умрет вместе со мной... с этим крылатым телом».

Полудемон закрыл глаза и понял, как он устал. Хорошо было лежать не шевелясь и больше ни о чем не думая, только жаль, что дует из окна и звезды на синем пологе над кроватью начинают гаснуть...

— Эмил, проснись! Пожалуйста, проснись!

Знакомые тревожные голоса звучали все настойчивее, чьи-то руки тормошили колдуна, били по щекам и тут же торопливо гладили по волосам, по лбу, по плечу.

— Мёдвик, что с ним?! Что с ним такое? Откуда эта кровь?

— Я не знаю! Сударыня, я не знаю. Что-то случилось! С ним что-то случилось. Я боюсь!

Кто-то громко всхлипнул, на щеку Эмила упала горячая капля, покатилась по коже, смочила волосы у виска. Не очень приятное ощущение. Колдун открыл глаза и увидел бледное заплаканное лицо Мёдвика. Его нужно было утешить, успокоить, напомнить, что он не должен бояться и плакать...

— Малыш, не надо...

Мальчишка улыбнулся, размазывая по щекам слезы, на мгновение прижался лбом к плечу Эмила, оглянулся и сказал:

— Очнулся.

Конечно, она тоже здесь. Второй ангел-хранитель. Нельга подошла к кровати с другой стороны, присела на край, прикоснулась к его руке, лежащей поверх одеяла:

— Ты нас так испугал.

Колдун улыбнулся ей и тут же зажмурился от резкой, рвущей боли в груди. Несколько мгновений он не мог дышать, его человеческое тело как будто слилось с крылатым из тонкого мира. Его ранили там, но боль он чувствует здесь. «А я думал, что заполучил бессмертие. Два образа... Когда я умру там, то останусь жить здесь или... все равно... умру? Нет, не хочу! Буллфер, ты заставил меня поверить в собственное бессмертие! Я не хочу умирать!»

— Мёдвик! Что с ним?!

— Он ранен!

— Надо остановить кровь. Неси чистые простыни, воду... ты же умеешь лечить! Я помогу. Да не стой! Делай что-нибудь.

Их встревоженные голоса как будто отдалились, и Эмил услышал над собой ехидный шепот:

— Умираешь?

Колдун открыл глаза. В изголовье кровати, помаргивая слепыми глазами, сидел кер. Эмил дернулся так, что едва не выбил из рук Мёдвика склянку с мазью.

— Я не умираю!

— Умираешь.— Сморщенная морда Хорхеуса растянулась в блаженной улыбке.— Я чувствую. От тебя уже пахнет смертью.

— Убирайся! Пошел вон, падальщик!

— Эмил! Эмил, что ты?! — Испуганное личико Мёдвика заслонило отвратительное рыло кера, на мгновение стало легче.

— Он бредит.— Прохладная ладонь Нельги опустилась на лоб колдуна, ласково провела по щеке.

И полудемон понял, что никто, кроме него, не видит гнусную тварь, сидящую на кровати. «Все-таки умираю?!..» Кер громко захихикал.

— Кричи-кричи. Злись. Так ты ослабеешь еще быстрее.

— Не дождешься!

Эмил выхватил у испуганно вскрикнувшего Мёдвика склянку и швырнул ее в кера. Тот, ловко увернувшись, отпрыгнул подальше, а колдун откинулся на подушку, пережидая новый приступ боли.

— Ладно, я подожду.— Хорхеус удобнее устроился на столике у кровати.— Посижу здесь и подожду. Уже недолго осталось...

«Почему не Ямэл?.. Почему за мной не пришел сам бог Смерти?! Я не заслуживаю более достойного проводника, чем этот? Древние больше не вмешиваются в дела людей, потому что люди забыли их? Но я не человек, и я не забыл!..»

— Мёдвик! Мёдвик!

Послушный мальчишка тут же оказался рядом, но что он мог сделать?

— Малыш, тебе нужно уходить отсюда.

Мёдвик растерялся, захлопал мокрыми ресницами, оглянулся на Нельгу:

— Ч-что?!

— Она скоро придет...

— Кто придет, Эмил?

— Она поняла, что я предал ее, и придет, чтобы отомстить. Я не хочу, чтобы она убила еще и вас.

Кажется, Мёдвик понял, на его заплаканном лице появилось отчаянно-упрямое выражение, он вцепился в колдуна обеими руками и прошептал:

— Нет.

— Малыш...

— Я никуда не пойду.

— Мёдвик!

— Я никуда не пойду! Я не уйду без тебя!.. Я тебя не оставлю!

Нельга стояла у стола, низко наклонив голову, и сматывала бинты. Она не оборачивалась, но Эмил и так видел, что девушка плачет.

— Нельга, у меня за кроватью, в стене есть тайник. Когда сдвинешь левую резную панель, увидишь нишу. Там стоит шкатулка. Возьми ее. В ней драгоценности.— Колдун усмехнулся.— Настоящие и очень дорогие. Вам с Мёдвиком хватит их надолго... Больше я ничего не могу вам дать.

Девушка швырнула бинты на стол, бросилась к Эмилу и так же, как мальчик, прижалась лбом к его плечу:

— Не заставляй нас уходить!

— Вы должны! Ты должна! Я не могу... я не смогу защитить вас! Нельга, я прошу... Пожалуйста, уведи отсюда Мёдвика... Он любит тебя... я сделал так, чтобы он оставался ребенком, но когда я... когда меня не будет, колдовство исчезнет, он станет взрослым... вырастет... он сможет заботиться о тебе...

— Эмил...

— Прошу тебя...

Нельга больше не смела настаивать. Девушка поднялась, достала из тайника тяжелую шкатулку, наклонилась, потянула Мёдвика за руку:

— Малыш, идем.

— Нет-нет, я не пойду. Я с Эмилом. Я останусь с Эмилом.

— Иди, мальчик.— Колдун погладил его по голове, прибавил жесткости в голосе.— Иди!

Он оттолкнул от себя ребенка, закрыл глаза, чтобы не видеть их лиц. Про себя полудемон уже простился с ними, со всем человеческим, сейчас наступило время погрузиться в мир демонов до конца.

— Что, боишься смерти? — спросил кер, скрипя когтями по столу.

— Убирайся,— повторил Эмил.

— Если я уйду, ты не сможешь умереть. А это очень больно. Ты будешь мучиться, долго... Станешь звать меня, но я уже не приду. Никто не придет к жалкому, беспомощному полудемону.

Колдун не отвечал, он напряженно прислушивался к далекому, постепенно нарастающему звуку. Казалось, стены задрожали, часть комнаты «поплыла», «разбилась», а потом, когда мелькание перед глазами прекратилось, Эмил увидел Хул. Она была в красном. Не в своих обычных, ярких тряпках — этот цвет казался королевским, как и жезл с Рубином, висящий на поясе.

Хул была в ярости. Он лежал на кровати, в постели, где они вместе проводили так много времени, под дурацким линялым пологом с вышитыми белыми звездами. Прежний Эмил-человек. Как он умудрился превратиться в крылатого Посланника?!.. Демоница не знала и не желала знать.

Сначала она долго смотрела на него. Внимательно изучала бледное, изможденное лицо с темными кругами под глазами, пытаясь увидеть в нем ответ. Но так и не увидела.

— Эмил, почему? — задала Хозяйка один-единственный вопрос.

Он пошевелился. На груди, под белой повязкой выступила красная полоса человеческой крови. Полудемон смотрел на нее, молчал, а в глазах горела насмешка, презрение, а где-то очень глубоко отчаяние.

— Тебе нужна была власть?.. Но я сама предлагала тебе ее. Я хотела, чтобы ты стал правителем! Эмил, почему?! Зачем ты это сделал?!!

Она уже не замечала, что кричит, размахивая Рубином, а он по-прежнему смотрел на нее презрительным, высокомерным взглядом и молчал.

— Объясни мне, чего ты хотел? Чего добивался?! Почему ты... предал меня??!

Серое от боли лицо, потрескавшиеся, пересохшие губы, глубокие морщины залегли в углах рта.

— Я доверяла тебе! Ты — единственный, кому я доверяла! Мерзавец, предатель, почему ты молчишь?!!

Она подошла ближе, наклонилась, выпущенными когтями вспорола бинты на его груди, с мстительным наслаждением увидела, что он сжал зубы, чтобы не застонать.

— Ты скажешь мне. Я хочу знать. Я, твоя Хозяйка, хочу знать!

— Хозяйка...— беззвучно повторил он, закрыл глаза, и тут же сквозь высокомерное равнодушие к ее персоне, сквозь физическую боль стало проступать человеческое отчаяние.— Ты убила его?

И Хул вдруг догадалась. Она поняла... Не власть, не сокровища, не мудрость подземного мира... ему нужно было совсем другое. Она опять забыла, что он не демон, что человеческие чувства и желания безумны. Рубин Карашэхра был нужен ему не для себя...

— Рубин был нужен не тебе,— повторила она тихо.— Ты хотел отдать его Буллферу. Тогда в твоих мыслях я видела его образ, но не поняла, почему ты вспоминаешь его. Теперь понимаю, ты с самого начала мечтал принести своему господину эту безделушку. Верный раб выносит из запретного мира священную реликвию в надежде на милость Хозяина. Ты был не на моей стороне, помогал не мне... Но почему? Что он обещал тебе? Что он обещал тебе такого, чего не могла дать я?!

Он снова смотрел на нее и улыбался прежней... почти прежней, немного снисходительной улыбкой. Словно знал какой-то секрет, которого она никогда не узнает.

— Ты ничего не поняла. И не поймешь.

— Ты мне объяснишь. Очень постараешься, и я пойму. Времени у нас много.

Хул повела Рубином, и со стены над головой Эмила посыпались мелкие камешки. Боль замка мгновенно передалась колдуну, он дернулся, схватился за грудь, мокрую от крови, судорожно вздохнул.

— Да, ты правильно понял, я разнесу этот никчемный замок по кусочку! И тебя вместе с ним! Отвечай, мерзавец! Говори!

Демоница отступила на несколько шагов, взмахнула своим оружием, но не успела ударить. За спиной хлопнула дверь, от громкого отчаянного вопля зазвенело в ушах, и тут же мимо Хул прошмыгнул растрепанный кудрявый мальчишка. Он взобрался на кровать к Эмилу, обнял его, прижался всем телом. То ли хотел защитить собой колдуна от гнева Хозяйки, то ли просто пришел умереть вместе со своим господином. Очень трогательно.

— Мёдвик! — Колдун попытался отстранить его, но мальчик уцепился за него крепко.— Зачем ты вернулся?

— Я с тобой,— прошептал тот, заглядывая в лицо полудемона преданными бархатными глазами.— Я хочу с тобой.

Эмил улыбнулся, светло, спокойно, посмотрел на Хул, и она увидела, как страх смерти исчезает, скатывается с его лица. Он больше не боялся боли, сейчас ему было все равно, сколько он проживет — минуту или несколько часов,— теперь он был не один.

— Очень трогательно,— повторила Хозяйка срывающимся от бешенства голосом и снова подняла жезл. Красная вспышка вылетела из камня, но не испепелила обоих наглецов. Убийственный луч осыпался мелкими искорками, не долетев до них, как будто натолкнувшись на невидимую преграду.

Вскрикнув от неожиданности, Хул ударила снова, а потом еще и еще раз. Мёдвик зажмурился, втянул голову в плечи, а Эмил продолжал смотреть на демоницу. Сквозь алый огонь она видела его глаза, холодные, спокойные, уверенные.

— Что это?! — завыла она от злости и разочарования.— Почему?! Почему ты не умираешь?!

Эмил приподнялся, подался вперед с мальчишкой на руках, как будто перестав чувствовать боль.

— Ты не можешь убить их! — закричал он в каком-то безумном восторге.— Ты не можешь убить тех, кого я люблю! В этом камне частица меня, Ключ, созданный из моей крови и моей любви... Ты не убила Буллфера! Может быть, ранила, потому что он демон, и Огонь Неосквернённый стремился повредить ему. Но не убила! Ты не можешь убить его! Ты никогда его не убьешь!

— Так вот в чем дело...— произнесла Хул, не узнавая своего голоса.— Любовь... Проклятая человеческая любовь! Из-за нее ты... затеял все это?..

На мгновение она прижала ко лбу руку с Рубином, сама не зная, чего хочет больше — захохотать или разрыдаться. И то и другое было бы к месту.

— Ладно. Хорошо. Я не могу убить их, но я могу убить тебя!

Одним прыжком демоница оказалась возле кровати, схватила Мёдвика за шиворот, вырвала его из рук колдуна и отшвырнула в сторону. Мальчишка отлетел к стене, Эмил остался без своей человеческой защиты.

— Тебя я убью.

И снова он сделал то, чего ослепленная отчаянной злобой Хозяйка не ожидала: полудемон бросился ей навстречу, перехватил занесенную руку с Рубином, прижал бывшую сообщницу к себе. Хул совсем близко увидела безумные человеческие глаза, услышала торжествующий шепот: «Призовите... любовь... вашу...» И демоница закричала, еще до того, как почувствовала. Горячая, разрывающая тело волна хлынула на нее. Тогда, на лестнице перед Огненным миром, это был только слабый отголосок того, что обрушилось на нее сейчас. Их мысленная связь, о которой

демоница совершенно забыла, не прервалась, и теперь она снова видела яркие реальные картины, образы, в бесконечном вихре несущиеся на нее из пустоты... Женщина, ребенок с каштановыми непослушными вихрами, светлая комната, девушка с длинными косами в грубом крестьянском платье, лес за окном, смутная тень, заслоненная стеной огня... А потом все видения слились в мутную полосу, и осталось одно-единственное чувство, которое разрывало на части ее демонское тело — непереносимая опустошающая боль, отчаяние и беспомощность...

Рубин, зажатый в руке Хул, дрожал, становясь все горячее, из него сыпались красные искры, срывались короткие вспышки, пронзая пол и стены замка насквозь. С потолка стали падать увесистые булыжники. Один из них рухнул на каминную полку, другой расщепил столбик, держащий полог, осколками брызнуло разбитое зеркало. Замок содрогнулся.

Хул вскрикнула еще раз, сквозь боль и страх чувствуя эту вибрацию. Мгновенная картина затмила убийственные видения Эмила, боль от них утихла на секунду. Демоница увидела, как будет медленно рушиться замок, с грохотом оседая на землю. Ломая стволы деревьев, по лесу покатятся черные глыбы, и стая ополоумевших от ужаса ворон станет носиться над дымящимися развалинами. А сама она, Хозяйка, властительница Срединных земель, будет лежать под обломками, прижатая к земле многотонной тяжестью камней и мертвым человеческим телом бывшего любовника, сообщника, предателя. И никогда... никогда не сможет освободиться... Хул закричала, завопила от ужаса и вновь вернувшейся боли, рванулась, раздирая когтями тело Эмила, вырвалась, кинулась к слабо мерцающему телепорту, остававшемуся после ее перемещения из подземелий, прыгнула в него. Она больше не хотела мести. Она больше ничего не хотела. Только бы скорее покинуть сумасбродный человеческий мир вместе с его нестерпимой болью, которую глупые люди называют любовью...

Спотыкаясь на острых камнях, Нельга бежала вверх по склону, поросшему лесом. Мёдвик вырвал свою руку из ее ладони и помчался назад, к замку. Его бархатная курточка несколько раз мелькнула впереди, а потом девушка потеряла его из виду.

Она больше не плакала и не боялась. Слезы холодным комком застыли в горле, кололи и не давали дышать. Нельга задыхалась от быстрого бега, но не останавливалась.

Она выбежала на поляну и едва не упала. Земля под ногами содрогнулась, казалось, она раскалывается с чудовищным грохотом. Несколько мгновений Нельга стояла, зажимая уши ладонями, но все равно слышала, как громыхает впереди невидимый камнепад и трещит, ломаясь, лес. А потом снова бросилась бежать, хотя торопиться уже не имело смысла.

Замок рухнул. Девушка увидела черные развалины, провалившиеся стены, груды камней на месте высокой башни.

Вот и нет больше темного колдуна, погиб вместе со своим замком и верным мальчишкой-помощником. Никогда больше черные шпили не будут заслонять небо, никто не станет оглядываться через плечо, благоговейным ужасом взирая на таинственное жилище полудемона. Потом развалины порастут крапивой, чертополохом, и только летучие мыши будут обитать среди этих камней. Пройдет несколько поколений, и люди забудут колдуна, который жил здесь.

Нельга села на камень. Она смотрела на могилу Эмила до тех пор, пока глаза не защипало от слез. «Ты никогда не будешь со мной. Я всегда знала, что ты не будешь со мной. Безумие любить черного колдуна, доверять ему и надеяться...»

Она не зарыдала, не закричала, но в протяжном стоне, который девушка больше не могла сдерживать, были слезы и долгий крик, и тоска, и бессильное отчаяние. Женщины в деревне причитали так по умершим.

Он так и останется лежать под черными обломками, и на его могилу нельзя будет принести цветы и статуэтку ангела в праздник. Его душа станет блуждать по земле, не находя покоя, или, может быть, погрузится в темноту демонических подземелий и останется там навсегда... навсегда. «Он превратится в демона, в настоящего демона, и уже больше никогда не вспомнит обо мне...»

Нельга просидела у развалин замка до самого вечера. Когда от камней и стволов деревьев пролегли длинные тени, а из леса потянуло зябкой прохладой, девушка услышала шаги и спустя мгновение увидела мальчика. Его бархатная курточка была изодрана, лицо покрыто царапинами и копотью, каштановые кудри растрепаны. Он медленно шел по тропинке, положив ладонь на загривок огромного волка, устало бредущего рядом. Зверь хромал, припадая на одну лапу, время от времени останавливался, зализывая кровоточащий бок. Тогда мальчишка тоже останавливался и терпеливо ждал, не снимая руки с его спины.

Нельга поднялась. Когда они подошли ближе, она сняла с шеи косынку, опустилась перед волком на колени, осторожно перетянула его рану, а потом крепко обняла за шею, прижимаясь мокрым лицом к жесткой шерсти. Эмил в своем зверином обличье стоял не шевелясь и ожидал, когда его отпустят. Мёдвик смотрел на развалины замка...

Глава 25
СЛАДОСТЬ ПОРАЖЕНИЯ

Последняя картинка в Кристалле памяти погасла. Буллфер закрыл глаза, прислонился затылком с холодной стене. Вот, значит, как все начиналось и как бесславно закончилось. Эмил, неразумный ребенок,

что же ты натворил?! Только люди могут быть столь нелогичны, великодушны и беспомощны перед своей любовью. Только люди и еще, быть может, ангелы...

Что же ты натворил?!

Он потерял все, чем дорожил,— демоническую свободу, магические способности. Все, что умел, выкачал из него проклятый Рубин, защищая свою хозяйку.

«Он любил меня... Ему нужен был могущественный покровитель... Ему нужен был отец. И он выбрал меня... Лучше бы я убил его сразу, как только увидел, нам обоим было бы проще. Нет, не только нам, еще Энджи, Гэлу, «Белым щитам»... Все они на твоей совести, мой неразумный сын... На твоей... и на моей тоже...

Мы оба виноваты. Ты не рассчитал своих сил, не справился, слишком сложную для человека партию решил разыграть. А я недооценил тебя.

Да, мальчик, надо обладать незаурядной фантазией и терпением, чтобы разрушить все то, что я создавал так долго...»

Хул снова появилась неожиданно и не вовремя. Теперь она была в золотом, блестящие полосы платья сверкали в свете факелов. Буллфер прищурился, чтобы лучше рассмотреть лицо демоницы в сиянии царственных одежд. А ведь, правда, все ее обольстительные образы исчезли, сожженные пламенем Огненного мира. Недавняя красавица порядком подурнела. Раньше он не замечал этого, а теперь видит, что ее маска слеплена насилу, без прежнего виртуозного мастерства. Да, детка, тебе тоже пришлось пожертвовать кое-чем, чтобы получить власть.

— Что ты... улыбаешься? — спросила она, кривя губы в раздражении и становясь еще менее привлекательной.— Увидел в Кристалле что-нибудь веселое?

— Увидел. И должен поблагодарить тебя за доставленное удовольствие.

Брови Хул удивленно поползли вверх, но она тут же нахмурилась.

— Блефуешь?

— Нет. Ты, я вижу, так и не поняла, как действует Кристалл. Впрочем, ничего удивительного, ты же не Высший демон. Силенок не хватает.

— Что ты болтаешь? — осведомилась она презрительно, но с каплей любопытства в голосе.

— Ты видишь всего лишь картинки, события, лица, мне же доступны чувства и потайные мысли всех, кого захочу.

Хул закусила губы, взгляд ее вильнул в сторону, избегая Буллфера. И он понял, что прав. Ей не хватает сил, чтобы полностью оживить Кристалл. И наверняка со многими другими магическими артефактами тоже не везет.

— Ты никогда не сможешь получить все до конца. Всю власть, все могущество, насладиться всей местью. И твой Рубин никогда не станет полноценным оружием, потому что у тебя не хватает для него ни сил, ни ума.

— Ничего, мне хватит того, что у меня есть. Я привыкла довольствоваться немногим. Это не ущемляет моей гордости. А вот ты, такой умный и сильный, где ты оказался?! Сидишь в грязном подземелье, на цепи, и жив до сих пор только потому, что я так хочу.

— Ничего, мне и здесь неплохо. Есть время отдохнуть и подумать. Восстановить силы. Или ты надеешься, что сможешь вечно «держать на цепи» Высшего демона?

— Ты мне угрожаешь?! У тебя хватает наглости угрожать мне?!

— Ну что ты... Всего лишь предупреждаю. Чтобы ты не расслаблялась. Кстати, правление — тяжелое бремя, если у тебя что-то не будет получаться, приходи, я дам тебе полезный совет.

— Я не нуждаюсь в твоих советах,— сказала она спокойно, почти равнодушно.

— Нуждаешься. Ты все равно будешь приходить сюда... Дорогая, нам никуда не деться друг от друга. Давай поговорим о том, что волнует нас обоих. О моей смерти. Ты уже поняла, что не можешь убить меня этим? — Буллфер кивнул на Рубин. Хул дернулась, и лицо ее снова перекосило.— Эмил влил слишком много своей человеческой любви в эту рубиновую безделушку, чтобы она могла причинить мне серьезный вред. Что, слабый, беспомощный человек перехитрил тебя?

— Нет! Я убила его! Как убью любого подлого предателя.

— Ты лишила его магической силы, но не существования. Вот что тебе не дает покоя. Мои «компаньоны», как ты их называешь, дают мне больше сил, чем все твои демоны, рапты и бесы в придачу. И знаешь почему? Их преданность поддерживает меня. Я чувствовал их боль, их терпение, готовность умереть, но помочь мне через этот Кристалл. Ты сама дала мне его. И теперь вопрос времени, когда я выберусь отсюда и сверну тебе шею. А пока... я устал и хочу спать. Убирайся отсюда, ты меня раздражаешь. Драная кошка, нацепившая на себя золотые тряпки. Считаешь себя госпожой? Так вот, у этого мира есть один-единственный Хозяин, это я. И, пока я жив, твоя власть бессмысленный, глупейший фарс. Пошла вон отсюда, ты мне надоела.

Лицо Хул исказилось от ярости и ненависти. Она коротко всхлипнула, распахнула решетку, одним прыжком оказалась в камере и замахнулась на Буллфера своим оружием. Демон не успел ни заслониться, ни отшатнуться, и жезл по самую рукоятку вонзился в его грудь.

Черная кровь брызнула в стороны, заливая его рыжую шкуру, руки Хул, ее золотое платье. Подземная кошка вскрикнула, сначала с удив-

лением, а потом с ужасом глядя на своего врага. Кажется, она сама не ожидала от себя такой вспышки ярости.

Слишком поторопилась.

Буллфер прав! Опять он прав. Она не успеет насладиться местью. Сейчас он умрет, и она ничего не сможет сделать — ни заставить его пожалеть о своих наглых словах, ни убедиться в том, что у нее великолепно получается править, ни помучиться из-за собственного бессилия. Это несправедливо! Нечестно!

— Буллфер! Буллфер, не смей умирать.— Она тряхнула его за плечи, с размаху ударила по рыжей физиономии.— Не умирай!

Он приоткрыл глаза, в которых стремительно гасло демоническое пламя, и прошептал:

— Это лучшее, что ты могла сделать... Спасибо, Хул.

И тогда она поняла, что снова обманута. Буллфер опять одурачил ее. У него не было сил бороться дальше. Никто не поддерживал его. Он остался один. Теперь — по-настоящему один. Она почти уничтожила его. И он опять сумел вывернуться, обмануть. Она лишила его свободы, а он снова нашел ее.

— Врача! — завопила Хул так, что пламя факелов дрогнуло.— Врача немедленно, быстро, срочно!

Бес взлетел вверх по лестнице, мелькнув серой шерсткой, и буквально через несколько мгновений в подземелье появился один из Высших демонов.

— Он не должен умереть, — повторяла Хул, обеими руками зажимая рану в груди Буллфера.— Сделай все, чтобы он выжил! Слышишь?!

Демон с некоторым опасением склонился над своим бывшим Хозяином.

— Ну что?! — резко спросила Хул.

Тот покачал головой, выпрямляясь.

— Все, конец. Пробита не только его материальная оболочка, сквозь эту рану уходит энергия, сила. Даже если я остановлю кровь и заживлю тело... это бесполезно.

— Идиот! — завопила Хул.— Бесполезный кретин! Убирайся отсюда!!

— Как будет угодно, госпожа,— сухо ответил демон и телепортировался прочь.

Хул осталась одна рядом с умирающим врагом.

Буллферу не было больно, сила уходила из него стремительно, неудержимо, безболезненно. С каждым мигом он чувствовал себя все слабее. Вокруг потемнело, свет факелов с трудом рассеивал быстро

наползающую мглу. Неожиданно ему стало очень спокойно, уютно. Потянуло в сон, и он понял, как хорошо забыть наконец обо всем, обо всех, ни за что не отвечать, ни с кем не бороться и никому не мстить. Демон глубоко вздохнул, позволяя последним каплям крови вытечь из своего тела, закрыл глаза и больше не шевелился.

Глава 26
СЕВЕРЯНИН

Копыта коня глухо стучали по твердой земле, мелодично позвякивали металлические пластинки на упряжи, и шелестел между камнями ветер, перебирающий сухой песок. В эти земли, лежащие далеко в стороне от караванных путей, редко забредали чужаки, но одинокий всадник продолжал упорно двигаться к центру Черной пустыни. По одежде мужчину можно было принять за кочевника одного из степных племен, лицо его было полузакрыто концом шерстяного бурнуса, и только глаза — ясные, цвета барвинка — выдавали северянина.

Как легко было бы сейчас повернуть на северо-запад, туда, где проходили оживленные торговые пути, за несколько дней добраться до моря, в Тобруке сесть на любой корабль, идущий в сторону Аргоса... И забыть наконец...

Такие мысли блуждали в голове всадника ранним утром седьмого числа первого весеннего месяца и двенадцатого года с начала его странствий. Он переживал полосу черного невезения и не менее черного отчаяния. И снова стал сомневаться во всем: в правильности намеченного маршрута, в словах старого торговца, в себе самом. Давно нужно было повернуть на север. Но он не останавливал коня, упрямо продолжая свой путь в пустыню.

Путешественник смертельно устал, но даже если бы он остановился, лег в тени скал, укрывшись плащом, и проспал двое суток, эта усталость не прошла бы. Выбрав путь вечного странствия и постоянных поисков, подчиненный одному-единственному изнуряющему желанию, он гнал коня вперед по необозримым просторам степей, заставлял себя продираться сквозь непролазные чащи лесов и вязнуть в болотах... У него не было даже карты, только смутные догадки, слухи и намеки.

Когда-то давно на базарной площади семнадцатилетний вор услышал от бродячего торговца легенду о древнем городе, лежащем в самом сердце каменной пустыни. Городе, чьи улицы и дома пустуют уже много веков, и только ветер проносится по площадям и жалобно стонет над руинами. Все дороги здесь идут только в одном направлении — к широкой площади, вымощенной гладкими, ровными плитами. К храму из белого мрамора. Под алтарем его скрыта нефритовая лестница, ведущая

глубоко под землю, в огромный зал, где на ложе, украшенном хризолитами, вечным сном спит прекрасный юноша. Легенда утверждала, что это спящий ангел-вестник, на которого наложено заклятие. Он будет спать до тех пор, пока кто-нибудь не спустится вниз и не разбудит его. Еще легенда неопределенно намекала на неслыханную награду, уготованную тому, кто разбудит спящего. Сокровище, дороже которого нет на земле.

Эти рассказы могли оказаться вздорной выдумкой, очередным миражом... Но упорные слухи о древних развалинах в пустыне укрепляли смутную надежду всадника. А образ каменной гробницы продолжал являться во сне. Какое-то исступленное желание найти ее, почти одержимость этой идеей гнали день за днем, ночь за ночью вперед, к загадочному городу.

Тот самый торговец, Халид аль-Касри, бывший также скупщиком краденого, согласился ссудить деньги молодому вору с условием, что возьмет себе половину — вторую долю — сокровищ. Но после нескольких лет поисков Халид решил, что легендами не наполнишь кошелек и, судя по всему, искать гробницу — пустая затея. Однако мечта о таинственном городе крепко засела в молодой голове. Халид аль-Касри, уважаемый человек, теперь промышляющий слоновой костью и черным деревом, пустил слух, что в парня вселился бес, не иначе, который лишил его остатков разума. Халид называл этого беса авантюризмом и отказывался увеличить кредит, предсказывая несостоявшемуся партнеру скорую кончину от неизвестной болезни где-нибудь на краю света. Таким образом, и друзья и враги отвернулись от молодого человека, единодушные в своем осуждении, считая его пропащим.

Он не стал спорить, просто оседлал коня, надел свой самый лучший плащ, и восход солнца встретил уже в пути на восток...

В сумраке утра пустыня излучала жемчужное сияние. Отсюда, с зеленого островка оазиса, она казалась прохладной и спящей.

— Там,— сказал смуглый мальчишка-проводник, махнув рукой на юг.— Три ночи пути. А лошадь лучше оставь.

— Почему?

— Он съест ее.

— Кто?

— Песчаный демон.

Всадник улыбнулся, рассматривая строгое сморщенное лицо мальчишки:

— Здесь водятся демоны?

— Он живет в развалинах. Днем спит, а ночью выходит на охоту.

– И поедает лошадей?

– Лошадей, верблюдов, всех, кого поймает.

– А на людей не нападает?

Мальчик пожал плечами.

– Как же вы не боитесь жить так близко от этого города?

– Мы туда не ходим,– ответил он равнодушно, развернулся и, не прощаясь, направился обратно в деревню.

Некоторое время мужчина смотрел ему вслед, потом расседлал коня и, оставив его пастись на берегу ручья, пошел на юг.

Утром четвертого дня, на рассвете, он увидел полуразрушенные стены древнего города.

Под ногами хрустели обломки камней и разлеталась пыль. Ветер гудел в развалинах и вздувал облака песка. Шаги звучали оглушающе громко в тяжелой тишине. Странные сооружения по обеим сторонам были похожи на усеченные конусы, сложенные из камня. Чужая, непонятная архитектура. Окна выглядели пустыми провалами, двери – узкими щелями. Но вот за скучными одинаковыми рядами развалин появилась вершина здания из белого мрамора.

– Храм!

Высокая треугольная пирамида стояла на круглой площади, наверное, вымощенной когда-то ровными плитами, белые грани ее сияли на солнце. Древний город оказался нагромождением странных конструкций, белый храм – пирамидой, кем окажется прекрасный ангел?!

Достав из сумки заранее приготовленную связку факелов, бывший вор медленно переступил через порог. Внутри было холодно и тихо. Невольно вспомнились слова мальчишки-туземца о демоне. Свет факела заметался по стенам, освещая странные надписи и рисунки: люди, прекрасные существа с крыльями, какие-то черные твари с узкими злыми глазами. Рассматривая изображения, путешественник шел вперед по узкому коридору, прислушиваясь к давящей тишине храма. Воображение разыгралось, и ему стало казаться, что страшные существа, нарисованные на стенах, поворачивают головы и смотрят вслед голодными глазами. Вот одна из этих тварей медленно потягивается, спускается со стены, стремительно увеличиваясь в размерах, и тянет длинные лапы с острыми когтями... Он обернулся, но меч рассек пустоту. За спиной была только тьма.

Факел погас, и пришлось зажечь новый. Коридор стал петлять, а потом стены его раздвинулись, потолок ушел вверх, и открылся полукруглый зал, в центре которого стоял алтарь из белого, хорошо отшлифованного камня. Дальше хода не было. Каменные плиты, покрытые изображениями прекрасных крылатых существ, неведомый строитель

вплотную подогнал друг к другу. Значит, нужно искать иначе. Наклонив факел, мужчина начал медленно водить огнем над плитами, пока около алтаря пламя не колыхнулось. Там была пустота.

Поднять плиту с помощью меча, просунув острие в щель между камнями, не удалось. Металл скрипел о камень, гранитная глыба противно скрежетала, но не двигалась с места. Обливаясь потом, удачливый (все-таки удачливый!) искатель сокровищ сильнее налег на меч, дернул и... стальное лезвие сломалось с оглушительным звоном. В руке остался лишь эфес с кривым обломком. Другой обломок торчал из чуть расширившейся щели.

— Черт! — пробормотал он, но потеря оружия не огорчила, потому что плита поддалась. Еще несколько усилий, и дыра расширилась настолько, что стали видны полустертые ступени, ведущие вниз, в темноту.

Маленький круг света, отбрасываемый факелом, скакал по стенам и узким ступеням, дыхание человека стало замедленным. Время от времени ему начинало казаться, что ступени под ногами шатаются, голова кружилась, и приходилось останавливаться, чтобы не упасть. Потом лестница закончилась, и он попал в маленькую круглую комнату. Ряд массивных колонн поддерживал потолок, а в центре на возвышении стоял... нет, не совсем саркофаг! Сооружение из темного, светящегося изнутри камня напоминало продолговатый ларец.

— Значит, это правда! Он существует...

Медленно-медленно грабитель подошел ближе и прикоснулся кончиками пальцев к матовой поверхности. Та была холодной.

— Кто бы здесь ни был, я должен увидеть его.

Тяжело и тихо крышка «ларца» стала сдвигаться. Еще чуть-чуть.

— Знаю, ты ждал очень долго, сейчас я освобожу тебя...

Каменная плита с грохотом упала на пол, и огонь факела осветил...

Он был прекрасен и казался спящим. Юный ангел. Волосы его сияли в неровном свете, едва заметный румянец играл на щеках нежного, прекрасного лица, пушистые, плотно сомкнутые ресницы, темные дуги бровей, розовые мягкие губы. Длинные светлые одежды широкими складками лежали на стройном теле, омывая кисти рук, изящные ступни. А еще у него были крылья, белые, светящиеся мягким золотистым светом.

— Вестник,— прошептал вор.— Спящий вестник... Но разве смогу я разбудить его?.. Хотя я душу готов продать, лишь бы увидеть, как он откроет глаза!

Протянув руку, он прикоснулся к нежной золотисто-розовой щеке спящего:

– Не знаю, кто ты, но прошу, проснись, посмотри на меня. Я полжизни искал тебя...

Конечно, ангел не слышал.

– Подскажи, что мне сделать?! Как разбудить тебя? В легенде ни слова не сказано о том, как будить вестника...

Северянин почти не верил в возможность ответа, но вдруг и впрямь раздался голос. Негромкий, хрипловатый и насмешливый.

– Что, не просыпается?!

Едва не разбив колено о край саркофага, похититель, едва обретший свое сокровище, отшатнулся в сторону...

Прислонившись спиной к одной из колонн, жуя зубочистку и лениво разглядывая пришельца с ног до головы, стоял... кто?! Среднего роста, невыразительной внешности, одетый в серую грубую куртку и такие же штаны, босиком. Чувствуя, как начинает бешено колотиться сердце, искатель сокровищ уставился на его ступни. Они не были человеческими и больше всего напоминали звериные лапы, покрытые короткой грубой шерстью, да и руки... с когтями, и глаза светятся в полумраке.

– Ты... ты кто? – выговорил он, наконец, с трудом узнавая свой голос.

– Гэлинджер. Можно просто Гэл,– отозвался чужак, продолжая рассматривать нарушителя покоя гробницы.– А ты кто?

– Атэр. Атэр Айон.

Гэлинджер многозначительно свистнул и рассмеялся непонятно над чем.

– Вот оно, значит, как!.. Ну что ж, очень приятно.

Он отклеился, наконец, от стены, вытащил изо рта зубочистку, подошел к «ларцу» и заглянул в него.

– Так, что у нас здесь?

– Ангел, – сказал Атэр, все еще находясь в состоянии легкого шока.

– Точно! – воскликнул Гэл и взмахом руки поставил в воздухе воображаемый восклицательный знак. – Молодец! Ангел, и он спит.

– Я в курсе,– буркнул собеседник, начиная догадываться, что таинственный Гэл смеется над ним.

– Неплохо сохранился,– сказал он, любуясь вестником и не обратив внимания на последнее замечание.– Даже не верится, что он спит здесь пять тысяч лет.

– Пять тысяч?! Невероятно!

— Да. Ты явно не спешил.— Глаза незнакомца вдруг ярко вспыхнули, но он тут же притушил их огонь.

— Гэл, кто ты?

— Я? Охранник. Верный сторож. И, как положено, сейчас буду задавать тебе вопросы.

В его руках вдруг появился потрепанный блокнот и огрызок карандаша.

— Ну-ка, сколько тебе лет?

— Тридцать.

— Откуда знаешь об ангеле?

— Слышал легенду. Очень давно.

— Подожди, не торопись... легенду... Давно, это когда?

— Тринадцать лет назад от одного торговца.

— От торговца... Я должен все записать,— пояснил Гэл с величайшей серьезностью.— Чтобы ты потом сам не отказался от своих слов... Что помнишь из прошлых жизней?

— Ничего не помню.

Гэл задумчиво почесал карандашом за ухом:

— Это плохо. Что, совсем ничего?

— Нет, конечно! — Атэр начал сердиться.

— Ну, а магией ты когда-нибудь занимался, хотя бы теоретически?

— Нет.

— Совсем плохо. Как же ты собираешься его будить?

Он кивнул на саркофаг, и весь гнев человека моментально прошел.

— Н-не знаю... но, может быть, ты мне поможешь?

Гэл захлопнул блокнот, сунул его в карман и принял вид высокомерный и равнодушный.

— Нет уж, извини. Это вопрос принципиальный. Я только охраняю ангела. Будить его — твое дело.

— Гэлинджер, я действительно не представляю, как это сделать! Может быть, ты хотя бы посоветуешь что-нибудь?

Он вдруг заулыбался, как-то сразу подобрев:

— Посоветовать я, конечно, могу... Ты вспомни сказки. Как там будят зачарованных красавиц и красавцев?

— Как?!

— Поцелуем, дурень!

Атэр не обратил внимания на «дурня», потому что его взволновало кое-что другое.

— Но я же не...

— Это твои проблемы, что ты не девушка! Но на самом деле, думаю, после тысяч лет сна ему без разницы, кто его поцелует.

В рассуждениях Гэла был здравый смысл, и бывший вор решил попытаться. Действительно, какая разница, кто его разбудит... в принципе.

— Ладно. Попробую.

— Давай-давай,— подбодрил Гэл.— Я могу отвернуться.

Атэр шумно вздохнул, медленно наклонился над прекрасным спящим ангелом, мельком взглянул на Гэла и вдруг увидел на его физиономии нахальное, насмешливое, откровенно глумливое выражение.

— Ах ты, мерзавец! — От бешенства у него даже голос сел.— Издеваешься?!

Одним прыжком перелетев через саркофаг, он схватил Гэла за воротник и как следует встряхнул.

— Издеваешься, значит?!

Гэл довольно захохотал, совершенно не испугавшись этого гнева, освободился одним движением плеча и отпихнул Атэра в сторону, так что нападавший едва не растянулся на каменном полу. Оказывается, он гораздо сильнее, чем выглядит.

— Здорово я тебя, а? Поверил?! Какие вы, люди, доверчивые! — Гэл еще раз фыркнул и неожиданно стал серьезным.— Хорошо хоть темперамент остался прежний, а то просто смотреть не на что, жалкая ощипанная курица. Ну, ты хоть что-нибудь помнишь?! Кто я такой?!

— Не знаю,— пробормотал Атэр ошарашенно.

— Посмотри внимательнее. Когти, шерсть, клыки могу показать. Ну?! Вспомнил? Демон я! Демон-оборотень!

Северянин машинально схватился за диск освященного амулета, висящего на груди.

— Демон?!

— Да,— проворчал Гэл и поморщился, наблюдая за ним.— Не бойся, ничего я тебе не сделаю... Ладно, давай разбудим его. И дальше разбирайтесь сами.

Когтистая лапа сжала запястье Атэра. Демон поднес его ладонь к солнечному сплетению вестника, тихо пробормотал что-то, и человек вдруг почувствовал сильное жжение в руке. А потом из кончиков его пальцев хлынули тонкие лучики света. Они сплелись над телом спящего, закружились над его головой. Вспыхнули ослепительно и рассеялись.

Прекрасное лицо все еще сохраняло покой сна, а потом сомкнутые веки едва заметно дрогнули, чуть пошевелилась ладонь, лежащая на груди, крылья как будто бы засветились ярче. Ангел вздохнул, открыл глаза, обвел взглядом свой каменный склеп... И увидел Атэра, скло-

ненного над ним. Сонный туман растворился в его взгляде, он улыбнулся и прошептал:

— Ты пришел... Я знал, что ты придешь...

Вор молчал, потрясенный, и, не зная, что сказать и нужно ли вообще говорить, просто смотрел.

— Ему понадобилось пять тысяч лет, чтобы прийти сюда,— заметил Гэл.

— Это не важно,— ангел приподнялся в своем гробу, и его мягкие белые крылья распахнулись.— Я ждал тебя, Буллфер.

— Меня зовут Атэр,— выговорил вор, не в силах отвести взгляд от его огромных, ярко-голубых глаз.

— Его зовут Атэр,— снова вмешался Гэл, и голос демона стал презрительно-скрипучим.— Атэр Айон. И он ничего не помнит. Вообще ничего. Я даже не уверен, что это он.

Ангел улыбнулся, продолжая рассматривать человека.

— Он. Я чувствую.

— Да ты посмотри на него! Человек! Всего лишь человек! Глупый, беспомощный, жалкий. Все, что осталось от прежнего Буллфера.

— Но он вернулся и разбудил меня.

— С моей помощью! Энджи, объясни, неужели несколько тысяч «Белых щитов» погибли ради того, чтобы один демон стал человеком?!

Впервые ангел отвел свой сияющий взгляд и посмотрел на злого, сердито сопящего Гэла.

— Наверное, это превращение стоит тех жизней.

Демон фыркнул, и физиономию его снова перекосило от ехидной насмешки.

— Вот тебе и Бесценная Награда! Что, Булф, хорошо живется в человеческой шкуре?!

Атэр, так мечтавший о сокровищах этой гробницы, наконец немного пришел в себя и сообразил, что говорят о нем: это он стал человеком; из-за него погибли какие-то «Белые щиты»; он — «глупый, беспомощный и жалкий»; он ничего не помнит... «Или, черт возьми, они путают меня с кем-то?!»

— Объясните мне, в конце концов, что происходит?! Почему вы говорите так, словно знаете меня?! Вы не можете меня знать! Я искал этот город, этот храм двенадцать лет! Всю жизнь я мечтал найти его! Я всего лишь хотел разбудить вестника! И я не виноват ни в чьей смерти!

Гэл рассмеялся было над этим всплеском отчаяния, но ангел укоризненно посмотрел на него, и демон поспешил сунуть в рот зубочистку, чтобы прекратить легкомысленный смех.

— Буллфер...

— Меня зовут Атэр! — крикнул искатель сокровищ.

— Хорошо... Атэр,— ангел мягко улыбнулся.— Ты действительно не можешь помнить всего, что произошло, но я... мы все тебе расскажем. Только не здесь.

Он протянул руку Гэлу («Не мне, своему спасителю»,— заметил Атэр с досадой). Демон помог ему выбраться из саркофага и сказал:

— Здесь неподалеку есть отличное местечко. Если пожелаете, доставлю в два счета. Как, Энджи?

Ангел кивнул, задумчиво глядя на Атэра, в глазах его вспыхнула такая нечеловеческая нежность, что тому захотелось отвернуться или зажмуриться.

— И все-таки ты вернулся... Буллфер!

Глава 27,
в которой мои опасения не имеют пределов

Пять тысяч лет ожидания кого угодно сделают неврастеником, меланхоликом или садистом.

Первую пару веков я сидел над «гробом» ангела и все время жалел себя, с третьего по десятый — придумывал способы мести Буллферу, втравившему меня в эту дурацкую историю. Потом облазил окрестности, нашел несколько уютных местечек, где можно было хорошо пообедать и поваляться в тени. Там я провел еще полторы тысячи лет, растолстел так, что не влезал ни в один приличный образ, и последующие несколько веков усиленно худел. Что было дальше, я помню смутно, кажется, именно в это время караваны торговцев стали далеко обходить развалины таинственного города, потому что в них поселился «свирепый беспощадный джинн», темными ночами выходивший из своего подземелья на кровавую охоту. Наверное, одиночество стало действовать на меня плохо и меня потянуло в общество, которое почему-то очень неадекватно реагировало на мое появление. Зря, конечно, я преображался в гигантского песчаного скорпиона, неотесанные караванщики не могли оценить моего таланта к перевоплощению. Потом у меня был короткий археологический период. Я выкопал кучу красивых вещичек из-под развалин города и украсил ими свое «гнездо». Еще я практиковался в магии, разговаривал сам с собой, пытался впасть в спячку, но проснулся через семьдесят лет с дикой головной болью и решил эксперимент с засыпанием не повторять. И каждый день я ждал, что появится Буллфер. Я не сомневался, что он спасется, придумает что-нибудь, обманет своих тюремщиков и вернется к нам. Разбудит Энджи и освободит меня от дурацкой должности ангельского сторожа. Я ждал... долго и терпеливо.

И вот он пришел. Через сколько жизней пришлось пройти ему, чтобы сдержать слово, данное мне и ангелу?.. через сколько смертей?

Я был рад ему, честное слово, рад, но не смог сдержаться и от души поиздевался над человеком, в которого он превратился. И он честно отвечал на все мои дурацкие вопросы и смотрел на меня, как на высшее существо. Он ничего не помнил! Больше всего меня удивляло то, что он ничего не помнил. Как зло пошутили над гордым могущественным Буллфером. Потерять власть, свободу, а потом и себя самого. По мне, так лучше окончательная смерть, чем эта позорная реинкарнация. Конечно же, Энджи думал по-другому. Он был в восторге оттого, что безжалостный демон превращен в беспомощного послушного человека, пригодного для воспитания на основе гуманных ангельских теорий. Эх, хозяин, что же ты натворил...

Сейчас он спал под высоким деревом, положив под голову свернутый плащ. Вволю наслушавшись о своем прошлом, Буллфер, то есть Атэр, упал на землю, уткнулся лицом в свой пыльный плащ и заявил, что не хочет больше ничего слышать, а хочет, чтобы его оставили в покое. Мы с Энджи не стали возражать и потихоньку удалились под другое дерево.

— Да...— сказал я задумчиво.— По-моему, он тебе не поверил.

— Его можно понять,— вздохнул Энджи.— Я бы на его месте тоже вряд ли поверил в такую ужасную прошлую жизнь... наверное.

— Пять тысяч лет,— пробормотал я.— Вернуться человеком через пять тысяч лет! Что мы с ним будет делать?! Он же ничего не умеет.

— Научится,— улыбаясь, ответил Энджи.— Мы научим его.

— Мой Хозяин, Высший демон, которого я уважал и боялся,— человек! Идиотизм!

Ангел рассмеялся, его заметно забавляло то, что я никак не могу смириться с преображением Хозяина.

— И ничего смешного! Всемогущим ему стать захотелось! Доигрались с тонкими материями! И, между прочим, это ты во всем виноват!

Ангел чуть нахмурился и спросил удивленно:

— Гэл, объясни, пожалуйста, в чем ты меня все время обвиняешь?!

Не стоило ему, конечно, говорить, но пять тысяч лет молчания и тяжелых раздумий требовали хотя бы маленькой мести.

— А то ты не знаешь?! Кто проводил ритуал перевоплощения?! «Демон в круге...» и прочий бред?! «Совершенство!», «Бесценная Награда»!.. Пятнадцатое число!

Энджи вскочил, и глаза его засверкали.

— Что?! Повтори!

— Что слышал! — гордо заявил я, не ожидая, впрочем, от него такой реакции.— Сам же проводил свой дурацкий ритуал с тонкими материями, а теперь спрашивает! Напутал небось с заклинанием...

Энджи снова опустился на прежнее место и схватил меня за руку.

— Гэл, я ничего не понимаю.

— Чего тут объяснять! Буллфер нашел в старых книгах ритуал, с помощью которого демон может стать непобедимым, всесильным существом, получить абсолютное могущество. Поэтому он и подружился с тобой, ты уж извини, конечно. Ему нужна была твоя помощь. Ритуал вы провели, но никакого могущества и власти он не получил, наоборот, стал терять силы, и в конце концов Хул убила его.

— Гэл,— ангел с огромным вниманием смотрел на меня и, похоже, совсем не расстроился из-за того, что Буллфер так бессовестно использовал его.— Что было написано в книге? Ты говорил... «совершенство»?

— Да,— я поднапрягся и вспомнил дословно: — «Путь приведет тебя к СОВЕРШЕНСТВУ... Бесценная Награда ждет».

Энджи опустил глаза, с видимым трудом пытаясь сдержать улыбку, а потом посмотрел на меня, и в его глазах засветилась жалость.

— Ну?! — грозно спросил я, отчего-то начиная нервничать.

— Гэл, что такое совершенство? — спросил он меня очень мягко, тем же самым ласковым голосом, которым теперь разговаривал с Буллфером.

— Понятно же! Я говорил! Высшая власть, абсолютное могущество, сверхъестественные способности... А... что, не так?!

Энджи погладил меня по руке:

— Так. С точки зрения демона. Буллфер прочитал старинные манускрипты, нашел в них упоминание о совершенстве и решил, что это власть, сила... Все то, что ты перечислил, было бы для него бесценной наградой.

Внутри у меня все похолодело.

— Значит... он..?

— Он ошибся,— ответил ангел, продолжая держать ладонь на моем нервно сжатом кулаке.— Даже предположить не мог, что ошибается. Демоническая сущность не позволила ему найти другое определение совершенства.

— Погоди! Но он же вообще ни в кого не превратился, то есть он стал человеком... вы все-таки неправильно провели ритуал?

— Ритуал был проведен абсолютно правильно,— сказал ангел, как-то странно глядя на меня, видимо, ждал, когда я задам нужный вопрос.

— Не хочешь ли ты сказать, что тот, кем он стал, это... Энджи, что такое совершенство?!!

Ангел выпрямился, широко распахнув сияющие крылья, глаза его заблестели, и даже как будто бы вся фигура засветилась.

— Что?! Это... ты?!!

Энджи улыбнулся:

— У совершенства нет границ, Гэл. путь к нему очень долгий. Я всего лишь одна из ступенек. Почему бы Буллферу снова не начать восхождение...

— Ты хочешь сказать, что он может стать ангелом?!

Собеседник не удивился, услышав отвращение, прозвучавшее в моем голосе.

— Может быть, через несколько тысячелетий... Теперь все зависит от него.

— Значит, если он будет себя хорошо вести, то станет ангелом... когда-нибудь? А если вспомнит свои старые привычки, то вернется обратно?

Энджи утвердительно наклонил голову.

— Ну, тогда еще не все потеряно! — ответил я довольно.— Это мы еще посмотрим, кем он будет!

Москва — Сочи,
2002 — 2003

• Заложники света •

Часть I
УЧЕНИК ОБОРОТНЯ

Глава 1,
в которой Валерий Октавиан оказывается жутким пройдохой, но меня это пока только радует

«...Двадцать пятое число. Шестой месяц. Полдень. Атэр родился в очередной раз...» Я заткнул карандаш за ухо и тоскливо уставился в блокнот. Надо бы подробнее описать это радостное событие, но лень. Как-то я обленился за последние две тысячи лет. Хорошее питание, сидячий, а часто и лежачий образ жизни. Вот и сейчас никак не сосредоточиться. Я вздохнул, вспоминая, что мой «конкурент» завел такой же блокнот и, в отличие от меня, подробно записывает туда все достижения нашего подопечного — так что надо поднапрячься и тоже выдать какое-нибудь ценное педагогическое замечание. Вот, например:

«Вся «прелесть» общения со смертным состоит в том, что он постоянно умирает. Едва научишь чему-нибудь полезному, вобьешь в глупую голову самые элементарные знания, только-только расслабишься и начнешь получать удовольствие от воспитательного процесса, как вдруг — хлоп, и готово. Умер! То его в драке прирежут, то в реке утонет, то на дуэли проиграет, а если и не это все, то от старости помрет. В прошлый раз Атэр, к слову сказать, бросился спасать одного остолопа, ну и, понятное дело, доспасался. Впрочем, я лично особо не расстроился. Хотя кое-кто горевал: «Ах, какой он был благородный и добрый, какой самоотверженный! Такой достойный человек!» Как же, достойный! Зануда! Ни на какую пакость его подбить было нельзя, даже развлекаться по-настоящему считал неприличным, все о высоком мечтал. Вот и домечтался.

Ждали потом три века, когда он родится в следующий раз, и — начинай все сначала. «Привет, меня зовут Гэл. Помнишь, мы были знакомы в твоих прошлых жизнях? Нет желания позаниматься магией или в картишки перекинемся?» А он будет смотреть на тебя и хлопать глазами от удивления. И еще хорошо, если «он». Один раз Атэра угораздило родиться в женском теле. Вот была потеха! Кстати, дамочка получилась очень даже способная к магии, амбициозная, решительная и к тому же недурна собой. Но малышку угораздило влюбиться в какого-то идиота, и обучение пришлось прекратить. Она заявила, что не желает больше ничего слышать ни о каком колдовстве, а мечтает о спокойной домашней жизни. Были вынуждены оставить ее в покое и

затаиться еще на несколько десятков лет, пока она не померла благополучно, окруженная внуками и правнуками.

Рождался еще один славный парнишка. Сразу мне поверил и зауважал. Из него мог бы получиться толк, но я поторопился с посвящением в высшую магию и... в общем, парню не повезло. Погиб в расцвете лет... Энджи сокрушался по поводу его гибели не меньше, чем о других, хотя и вздохнул украдкой облегченно — слишком хорошо понимал, что тот мог бы натворить».

И вечно его светлость недоволен, все мечтает переделать окружающую действительность. Кстати, вот и он, легок на помине. Мой партнер, друг и соперник. Летит...

— Доброе утро, Гэл.— Энджи опустился на камень рядом со мной и сложил за спиной свои белые крылья.

— Ну что? — спросил я неопределенно, но он понял и пожал плечами:

— Обычный ребенок. Такой же, как все.

— Да...— Я задумчиво почесал спину.— Значит, опять все сначала... Ты не забыл, теперь моя очередь знакомиться с ним первым и рассказывать обо всем, что произошло?!

Энджи грустно посмотрел на меня.

— Я помню, но, Гэл... ты относишься к этому словно к игре. Кто наберет больше очков, ты или я, кому достанется приз. Так нельзя. Ты играешь со мной на него, на его жизнь, на его будущее.

— Да ладно тебе. Я просто даю парню шанс выбиться в люди.

— В демоны, ты хочешь сказать?!

Кажется, во время наших странствий Энджи научился ехидничать.

— А почему бы и нет. Ты же сам говорил — свобода выбора. Вот пусть он и выбирает!

— Ты рассуждаешь как демон!

Энджи тряхнул золотыми кудрями и отвернулся.

Кстати, он прав. Я демон. Демон-оборотень. Энджи соответственно ангел. Не боевой. *Просто* ангел.

Познакомились мы с ним давным-давно, в те времена, когда я работал секретарем у Хозяина западных земель Срединного мира — Буллфера. Того самого Буллфера, который захотел стать всемогущим, самым великим демоническим Правителем на Земле. В старинных книгах он прочитал о какой-то Бесценной Награде, которую получит демон, если проведет над собой особый ритуал, призвав на помощь высшее светлое существо. Этим существом и стал Энджи. Ритуал они провели, но никакого могущества Буллфер не приобрел. Наоборот, стал терять силы и вместо «награды» принял гибель в заточении.

Видимо, после смерти и завершилось знаменательное перевоплощение, и мой прекрасный, достойный и могущественный Хозяин превратился в обычного человека — сомнительной, кстати, ценности.

И теперь Энджи считает, что у Буллфера, то есть Атэра, есть шанс стать ангелом, я же надеюсь на его превращение обратно в демона.

Люди очень доверчивы, наивны до глупости и никогда не знают, что им нужно на самом деле, теперь-то я хорошо их изучил. Стоит появиться Энджи во всем великолепии сияющих крыльев, с мягким, певучим голосом и ласковой улыбкой, как они тут же готовы идти за ним на край света ради сомнительной перспективы когда-нибудь потом получить такие же крылья и ангельскую благодать в придачу. Как тяжело выбивать все эти глупости из восторженной человеческой головы и соблазнять более реальными обещаниями власти, богатства и полной безнаказанности. Энджи, конечно, не нравятся мои методы воспитания, но открыто возмущаться он не может, потому что право выбора, согласно ангельской теории нравственности, всегда остается за Атэром. *Ему* решать, что приятнее — скучные наставления святоши или веселое времяпрепровождение под моим руководством. И довольно часто наш подопечный с большим интересом прислушивался к моим советам, хотя, признаюсь честно, Энджи тоже удавалось крепко заморочить ему голову.

И сколько раз я объяснял упрямому ангелочку, что Атэру лучше всего превратиться обратно в демона, стать прежним Буллфером, могучим, бесстрашным, грозным Хозяином, по которому я так часто скучал, вспоминая прежние времена нашего с ним славного правления. Но Энджи не желает меня слушать, уверенный в том, что путь назад нашему другу закрыт,— дескать, проведя над собой ритуал, он выбрал дорогу к самосовершенствованию и свету. В общем, в таких дурацких спорах мы провели последние семнадцать лет, ожидая, пока Атэр подрастет и будет готов к очередной встрече с нами.

И вот однажды рано утром я услышал над собой звонкий голос Энджи:

— Гэл, просыпайся! Ты слышишь?! Пора вставать! — Я попытался отвернуться от назойливого ангела, но тот крепко вцепился в мою куртку, продолжая настойчиво трясти.— Просыпайся!

— Отстань. Еще рано.

— Но, Гэл, ты забыл, какой сегодня день!

— Да помню, помню я...

— Тогда вставай!

— Угу...

— Гэл!

— Ну сейчас... еще полчасика посплю, а потом...

Рукав моей куртки неожиданно отпустили, и раздался подозрительно ласковый голосок:

— Ладно, как хочешь. Придется мне лететь одному, а ты потом как-нибудь к нам присоединишься... Когда выспишься.

— Стой! — Я резко сел, сдергивая с себя куртку, которой укрывался вместо одеяла.— Только попробуй отправиться к нему без меня!

Энджи рассмеялся, рассматривая мою недовольную, заспанную физиономию.

— Я пошутил, не сердись.

Тоже мне шуточки. Отпусти его одного, за один день сделает из парня святошу, а мне потом перевоспитывай!

— Ладно, все, проснулся... Только без завтрака я никуда не пойду!

Ангел вздохнул, но спорить не стал, помня, что у голодного, невыспавшегося демона характер в два раза хуже, чем у невыспавшегося, но сытого. Он деликатно отвернулся, достал маленькую книжечку в белом переплете и открыл ее, дожидаясь, пока я догрызу баранью ногу.

Заглядывал я как-то в этот его блокнотик. Кроме записей о добродетельных поступках и ошибках всех прошлых жизней Атэра у него там стихи. То ли сам сочиняет, то ли у других переписывает. Как будто больше заняться нечем, только бумагу зря переводит... Ну вот, кажется, наелся. Я спрятал остатки завтрака в самый дальний угол пещеры, вытер руки о штаны, пригладил волосы и заявил:

— Я готов, пошли.

Энджи взглянул на меня, с видимым трудом сдержал улыбку и тоже поднялся. Вместе мы подошли к выходу из пещеры, в которой я жил последнее время, и одновременно открыли два телепорта — каждый свой. Я лично ангельским пользоваться не могу, у меня от него изжога и головокружение. Слыханное ли дело, чтобы тебя с огромной скоростью вверх тормашками перебрасывало из одной точки пространства в другую?! Вот наша, демоническая телепортация — это да: никаких прыжков и полетов — безболезненно растаял и так же аккуратно собрался. Конечно же Энджи говорит, что наш способ перемещения менее совершенный, чем их. Но если ангелам удобнее стрелять собой из телепорта как из пушки, это их дело.

Короче, переместились мы куда нужно и очутились в парке, прямо в центре небольшого городка. Энджи тут же накинул на себя легкое заклинание невидимости, я машинально сделал то же самое, хотя особой причины прятаться не было. Никого рядом не наблюдалось.

— Ну и куда нам теперь? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

— Туда,— Энджи уверенно показал в сторону улицы, выходящей на маленькую пыльную площадь,— он где-то там.

— Ладно, пойдем посмотрим. Только, думаю, он еще спит. В такую рань.

Спешить было некуда, и мы потихоньку направились вниз по улице, периодически спотыкаясь на неровностях дороги. В отличие от Энджи, я не чувствовал присутствия нашего приятеля. Впрочем, можно быть уверенным — он точно знает, где искать Атэра. Ангелы, по-моему, вообще отличаются особым чутьем на людей, это мы начинаем понимать, что человек где-то близко, только когда проголодаемся хорошенько...

Мы вышли на площадь, остановились, пытаясь сообразить, в какую сторону двигаться дальше, как вдруг дверь одного из домов распахнулась и на улицу выбежал растрепанный парнишка лет шестнадцати. Он быстро прошел мимо, не увидев нас, потом воровато оглянулся, сунул руку в карман и швырнул что-то на землю. Вещица, от которой парень

хотел избавиться, отлетела мне под ноги, я наклонился, чтобы поднять ее, но тут дверь распахнулась еще раз, и на крыльцо выскочил здоровенный детина с красным, перекошенным от ярости лицом.

— Ну-ка стой! — заорал он.— Стой, паршивец!

Парнишка бросился удирать, но далеко убежать ему не удалось. Взбешенный детина догнал его в несколько прыжков, схватил за шиворот, швырнул на землю и принялся обыскивать карманы.

— А ну давай сюда! Где они у тебя?! Давай сюда, говорю!

— Пусти! — отбивался мальчишка.— Отпусти меня, недоумок!

За «недоумка» он получил несколько крепких затрещин, и еще трое человек, появившиеся на крыльце во время короткой погони, довольно загомонили.

— Правильно, Ромул, вмажь ему еще.

— Этот мерзавец нагрел меня на две сотни.

— Тащи его сюда, Ромул. Я ему от себя добавлю.

— Гэл! — Энджи схватил меня за руку.— Это нужно прекратить!

Я усмехнулся и покрутил в руках футлярчик, выброшенный мальчишкой.

— Ты меня, конечно, извини, Энджи, я бы рад вмешаться, но не могу.

Ангел взглянул на меня строго и недоверчиво. Я показал ему находку:

— Знаешь, что это такое? Опытные игроки хранят в таких коробочках игральные кости. Меченые кости. Этот милый мальчик — шулер. Видимо, он обул сих господ по полной программе, и они решили немного проучить его. Я не возражаю. В следующий раз будет умнее.

— Гэл! — отчаянно воскликнул Энджи.— Я не верю тебе. Это же Атэр!

— Вот этот мелкий пройдоха?!

— Да!.. Они его покалечат! Надо сделать что-нибудь!

Он махнул рукой, сбрасывая с себя заклинание невидимости — хорошо, хоть образ сменить не забыл,— и предстал человеком перед Ромулом с основательно перепачканным Атэром в его мощных руках.

— Отпустите мальчика!

Конечно! Драка и ангел несовместимы. Придется вмешаться.

— Могу я вам чем-то помочь? — очень вежливо поинтересовался я, тоже появляясь в поле зрения красномордого верзилы, с садистским удовольствием выкручивающего руку орущему от боли мальчишке.— Кажется, вы что-то искали?

Жертва малолетнего шулера поднял голову и пояснил с добродушной ухмылкой:

— Да вот этот щенок обыграл нас с приятелями на несколько сотен. А кости у него оказались магические, заговоренные.

— Неправда. Он все врет! Не верьте ему! — завопил подросток, но тут же получил еще один подзатыльник и опять ткнулся носом в пыль.

— И что вы собираетесь с ним сделать? — снова полюбопытствовал я.

— Надаем по шее, вернем свои деньги и отберем у него...— верзила хмыкнул,— «орудие преступления». Только он их куда-то спрятал, не отдает.

— Очень вас понимаю,— сказал я задумчиво.— Я тоже терпеть не могу шулеров и в другой раз с удовольствием помог бы разобраться с ним. Но у вас самого какая-то подозрительная рожа. И наверняка вы над мальчиком просто так издеваетесь. А мой друг не выносит насилия в любых его проявлениях... Поэтому отпусти-ка ребенка.

Названный Ромулом разинул рот и удивленно уставился на меня:

— Чего?!

— Отпусти мальчика, я сказал!

Верзила бросил Атэра и стал приближаться ко мне, но тут же оказался лежащим навзничь, потому что наткнулся на мой кулак. Его челюсть была на удивление крепкой, и все же несколько секунд он мог только мычать и трясти головой. Приятели с крыльца, притихшие на время нашего разговора, ожили и быстро спустились вниз, чтобы разобраться с неожиданным защитником юнца.

— Мне очень жаль,— почти искренне сказал я Ромулу, неуклюже ворочающемуся в пыли.— Считай, что сегодня тебе просто не повезло... Стоять!!

Остановленные моим грозным демоническим рыком, дружки обманутого игрока замерли в нескольких шагах от нас. Еще бы — трудно ослушаться приказа разъяренного оборотня, служившего секретарем у самого Хозяина.

Я наклонился, взял мальчишку за шкирку, поставил на ноги и сказал сурово:

— Пошли.

Ослушаться он не посмел и поплелся следом за мной, шмыгая разбитым носом. А Энджи поднял руку, от его пальцев отделилось золотистое облачко и коснулось поверженного Ромула. Тот сейчас же вскочил, удивленно потирая челюсть, которая мгновенно перестала болеть. Ну конечно, ангел не может без благотворительности.

— Держите их! — завопил исцеленный, увидев, что его обидчики сворачивают за угол. Компания бросилась следом за нами, но догонять было уже некого. Улица оказалась пуста.

Лучшим местом для разговора Энджи посчитал заросший парк, в котором мы появились полчаса назад. Я не стал возражать и с удовольствием опустился на мягкую траву. Ангел устроился рядом, и мы оба выразительно посмотрели на Атэра.

— Не знаю, ребята, кто вы такие и откуда взялись,— сказал он,— но вы мне здорово помогли. Спасибо.

— Не за что,— ответил я великодушно.

— За что они тебя так? — спросил Энджи.

— Да тут такая история...— Атэр замялся, еще раз шмыгнул носом и принялся вдохновенно врать.— Эти парни пригласили меня сыграть с ними в «очко» в кости. Ну, я согласился и выиграл у них... немного, а они взбесились и стали обвинять меня в шулерстве. Но это неправда. Мне просто повезло.

— Повезло, значит...— Я задумчиво посмотрел на Атэра, и мальчишка слегка покраснел.

— Вы мне не верите?!

— Конечно, верим,— поспешил успокоить его Энджи и требовательно глянул на меня, ожидая подтверждения своих слов. Я промолчал, вытащил из кармана коробочку и вытряхнул «крапленые» магические кости на колени ангелу.

— Что это?! — Энджи взял одну из них и удивленно рассмотрел со всех сторон.

— Кости,— ответил я вместо Атэра.— Ты что, никогда не видел таких?

— Видел. Но я не понимаю...

— Он бросил их, когда убегал. А теперь смотри сюда.— Я взял кубик и слегка потер его. В ответ на мое прикосновение уголок одной из граней засветился голубоватым светом.— Магическая метка. Слабенькая, но сработана весьма умело. Поверь мне, Энджи, я отлично разбираюсь в таких штуках. Сам сделал? — спросил я у немного смущенного Атэра.

Тот отрицательно помотал головой, а Энджи побледнел от возмущения.

— Ты играешь шулерскими костями?!

Мальчишка потупился и снова принялся врать:

— Всего один раз! Они не мои! Мне их одолжили! Эти парни обыграли вчера моего брата! Я всего лишь хотел отыграться, забрать наши деньги!

Не дослушав до конца, я громко зевнул:

— Понятно. Врать ты тоже не умеешь. Нет у тебя никакого брата, и шулерствуешь ты не в первый раз... Что будем делать? — спросил я у Энджи. Мой друг казался немного растерянным.

— Гэл, ты уверен, что он... говорит неправду?

— Еще бы! В отличие от тебя, я вранье отлично чувствую. Значит, так, артефакт конфискуем, а его самого...

Договорить я не успел. Атэр вскочил, выхватил из рук Энджи свою драгоценность, перепрыгнул через меня и исчез в кустах. Я услышал, как он ломится сквозь заросли, и запустил следом маленькое заклинание, которое всегда держал про запас именно для таких случаев. Хруст веток на мгновение стих, послышался сдавленный вскрик, звук падающего тела и негромкий свист. Энджи поморщился.

— Ну? — спросил я.— Как он тебе?

— Хороший мальчик,— вздохнул ангел,— только немного...

— Бессовестный врун, подхалим и мелкий жулик. Это ты хотел сказать? Ладно, пойдем посмотрим, что с ним там.

«Двойная удавка» действовала безотказно. Мы вышли на маленькую поляну и увидели Атэра, висящего вниз головой в нескольких метрах над землей. Он беспомощно болтался на невидимой веревке, дергался и раскачивался, а физиономию его перекосило от удивления пополам со страхом.

— Ну что? — дружелюбно спросил я, подходя ближе.— Как ты?

— Отпустите меня! — воскликнул подросток.— Я же ничего не сделал! Просто испугался, что вы будете меня бить!

— Надеюсь, ты понял, что убегать бессмысленно? — спросил я насмешливо.

Атэр закивал, глядя на меня со всей возможной преданностью. Я щелкнул пальцами, и удавка ослабла. Мальчишка полетел на землю. Несколько мгновений он лежал в траве, приходя в себя, потом сел и пробормотал:

— Кто вы такие?

Я посмотрел на Энджи, тот кивнул, и мы приняли наш подлинный вид.

— Ух ты! — Атэр вытаращил глаза на белые крылья моего друга.— А я думал, что все это сказки. Про вестников[1]...

Я улыбнулся про себя — хороший оказался мальчик. Наивный жулик. Из него должен получиться отличный ученик. Наконец, оторвавшись от созерцания Энджи, юный шалопай уставился на меня:

— Он ангел. А ты кто?

— Наоборот. Демон.

— Вестник и демон.— Атэр потер лоб, зажмурился и снова открыл глаза.

— Не волнуйся,— усмехнулся я,— ты не ударился головой, не спишь и не умер. Мы настоящие.

— Откуда вы взялись? Что вам от меня нужно? — вопросил он встревоженно, едва дослушав, и в его голосе послышались жалобные интонации, на которые мгновенно отреагировал Энджи.

— Мы расскажем тебе,— ласково пообещал ангел.

Мы снова уселись в траву напротив недоверчивого, слегка помятого «удавкой» мальчишки и стали рассказывать. В основном, конечно, я, потому что в этот раз была моя очередь просвещать «ребенка» относительно его прошлых жизней. Кое о чем пришлось умолчать. Например, о том, что Атэр был Верховным демоном. По нашему с Энджи мнению, эта информация могла здорово повлиять на слабую человеческую психику. В лучшем случае он нам просто не поверит, а в худшем — возгордится. Поэтому я сказал Атэру, что мы были знакомы в прошлом и теперь, испытывая самые теплые дружеские чувства, хотим помочь ему в этой жизни.

---

[1] В е с т н и к — ангел (от древнеэлланского αγγελοζ — ангелос).— *Здесь и далее примеч. авт.*

Мальчишка внимательно выслушал меня, глубокомысленно помолчал, а потом сказал:

— Ну ясно. Демон хочет забрать мою жизненную силу и душу. Но я не пойму, чего нужно вестнику.

На мгновение мы с Энджи обалдели, а потом я рассердился:

— Не болтай ерунду! На кой мне сдалась твоя душа?!

— Нам ничего от тебя не нужно,— произнес мягко терпеливый Энджи.— Поверь, мы всего лишь хотим помогать тебе. В человеческой жизни так много неприятностей. Как сегодня... Наша помощь всегда может оказаться полезной.

— Ладно.— Атэр прищурился и подозрительно пригляделся к Энджи, светящемуся искренней заботой.— Я все понял, а теперь говорите, что вы мне хотите предложить.

— Предложить? — переспросил удивленно мой партнер.

— Ну да. Что обычно предлагают — богатство, власть... Что ты мне можешь дать?

Энджи вскинул светловолосую голову, и его полураскрытые крылья засветились ярче.

— Тебя ждут великие дела и самые высокие достижения, если пойдешь по пути Света. Изменения, которые приведут к познанию добра и счастья.

— Ну это понятно.— Атэр довольно-таки небрежно отмахнулся от него.— Свет, добро, ничего конкретного.

— Слушай, мальчик, не хами,— недовольно вмешался я.— Тебе, между прочим, умные вещи говорят.

Атэр тут же повернулся ко мне:

— А ты что можешь мне предложить?

Я потянулся и сказал лениво:

— Все что угодно. Все, что ты захочешь.

Глаза мальчишки заблестели подозрительно ярко.

— Все?!

— Да,— ответил я снисходительно.

— Тогда я хочу...

— Стоп! Не торопись. Один момент. Я не собираюсь исполнять твои желания. Я могу научить тебя, как добиться желаемого. Хочешь денег — расскажу, как их заработать, хочешь славы — помогу ее получить. Но, сам понимаешь, методы осуществления желаний будут... скажем так, совсем не ангельскими.

Атэр нахмурился, напряженно думая. И прочитать все человеческие сомнения, копошащиеся в его душе, было очень легко. Он боялся, что мы говорим ему не все и за нашими предложениями скрывается коварный подвох, который он никак не сможет разгадать. Он не доверял нам — мне в первую очередь — и немного побаивался.

Энджи тихонько вздохнул. Мой друг тоже сомневался. Ему не давала покоя чисто ангельская проблема. Имеем ли мы право вмешиваться в

человеческую жизнь Атэра, уводить из нормального мира и морочить голову всякими магическими штуками? Не лучше ли оставить человека в покое и не лезть со своими нравоучениями? А с другой стороны — как бросить его одного, после того как Буллфер (пусть и не по своей воле) выбрал путь к совершенству?.. В общем, убийственная вещь эта ангельская совесть. Шагу нельзя сделать, чтобы не споткнуться об нее.

— Ладно,— сказал вдруг Атэр, и лицо его просветлело.— Я согласен.

— Извини,— осведомился я очень вежливо,— на что ты согласен?

— На все. Вы мне подходите оба. Действительно, мало ли что в жизни пригодится.

Ну и наглец! Если бы не присутствие Энджи, я бы влепил мальчишке хорошую затрещину, чтобы не забывал, с кем разговаривает.

— Мне нужно что-нибудь подписать? — деловито спросил Атэр и вопросительно посмотрел на ангела.

— Нет,— ответил тот с улыбкой.— Ничего подписывать не нужно.

На лице мальчишки мелькнуло легкое разочарование. Наверное, он боялся, что без заключения контракта мы будем увиливать от выполнения своих «обязанностей».

— Тогда вы должны обещать, что будете появляться, когда мне понадобится ваша помощь. И вообще, всегда появляться, как только я позову.

С очаровательной серьезностью Энджи наклонил голову, сказал:

— Даю слово,— и выразительно посмотрел в мою сторону.

«Гэл, ты же видишь, как это для него важно!» Никогда раньше от меня не требовали являться по первому зову какого-то сопляка, но спорить с ангелом не хотелось, и я проворчал недовольно:

— Ладно. Я тоже обещаю.

— А как мне вас называть? — тут же полюбопытствовал пройдоха.

— Меня зовут Энджи,— с готовностью сообщил мой друг.

— Я Гэлинджер. Можно просто Гэл.

— А я Валерий Октавиан Транквил.

— Ну уж нет! — грозно сказал я.— Никаких Валериев. Еще мне запоминать новые имена. Мы будем звать тебя Атэр.

Глава 2,
где кое-какие планы нашего скрытного протеже раскрываются

Дорога была засыпана щебнем и песком. При каждом шаге в воздух поднималась пыль, которая оседала на одежде, лице и волосах. Высокие деревья с узкими длинными листьями, росшие на обочинах, не защищали от солнца. И оно жарило вовсю. На много миль вокруг простирались безжизненные степи бледного палевого цвета.

Городок под названием Лацерна, где состоялось наше знакомство с Атэром, пришлось покинуть. Как выяснилось, мальчишка не жил в нем, а лишь остановился ненадолго по пути в Великий Рэйм. Что надо обормоту в столице империи — для меня не составляло труда догадаться. Для мелкого шулера и воришки, каким он предстал перед нами, не было ничего лучше, чем в поисках легкого заработка отираться в огромном городе. Логика моего предположения была, безусловно, бесспорной. Конечно, пройдоха не хуже, чем я понимал, — лишь в подобном месте его сложно будет поймать тем бестолковым шалопаям, которым повезет оказаться обжуленными одним из самых могущественных (правда, в прошлой жизни... Эх, Буллфер...) демонов.

Я никогда не любил мотаться по Срединным землям, кочуя из одного поселения в другое. Везде разные обычаи. Того и гляди влипнешь в дурацкую историю. И самое неприятное — никогда не знаешь, что именно вызовет негодование аборигенов. Гораздо спокойнее остановиться в одном месте и потихоньку обживать его (как мы с Энджи обычно и делали). К великой моей радости, мы встретились с Атэром практически у цели его пути. От Лацерны до Рэйма было почти рукой подать — всего три световых дня пути.

Таким образом, вот уже двое суток нашего непрерывного общения я созерцал своего могущественного прежде Хозяина в новом воплощении. И, честно говоря, впечатлен был не очень.

Парень оказался, на мой взгляд, простоват. Особенно для проходимца. Ну, во-первых, этот прокол с выигрышем в кости. Умный на его месте должен был исхитриться и провести все по-другому — чтоб не заподозрили. А так, не будь нас с ангелом — и что? Покалечили бы, чего доброго. Опять же, давал я ему хорошие советы по разным поводам, предлагал кое-какие интересные вещи, нашептывал про соблазнительные партии, но следовать тому, что я говорю, Атэр не спешил. Разве может это быть чем-то, кроме откровенной бестолковости смертного?

Выслушивал он ангела, надо признать, правильно, здесь я не мог придраться. С оттенком небрежного равнодушия на лице. Правда, такое же отношение было и ко мне. Но хоть необидно.

Энджи, конечно, как всегда, мне противоречил. Уж не знаю, из каких гуманистических соображений (видно, чтобы я не чувствовал полное разочарование) он заявил, что чувствует, будто мальчишка очень даже внимателен и, похоже, старается запоминать все, о чем рассказывает каждый из нас. Ну, оставлю это вранье на его совести...

Сегодня с самого утра наша компания тащилась по дороге, которая должна была наконец-то привести к вратам великой столицы не менее великой Рэймской империи. Мы с ангелом шли впереди. Конечно же приняв человеческий облик, дабы не смущать нервных смертных. Которых, кстати, на этой раскаленной пустоши и повстречали-то всего раз за прошедшую половину дня.

Это все Энджи. Натурализм ему подавай. Естественность людской жизни. Нетронутость нежной человеческой психики и тонких душевных

переживаний. Вон бредет теперь — золотые кудри стали грязно-серыми, тога[1] запылилась и, вместо красивых складок волнами, походит на жеваную бумагу. Но в общем, он в принципе и так неплох. Спина ровная, голову держит высоко поднятой, шагает довольно размеренно. Еще бы, делать это ему значительно проще, чем мне, потому как весу в Энджи фунтов на тридцать пять меньше. Как человеку, ему и лет немного — двадцать три года.

Не повезло ангелочку, он умеет принимать лишь один облик, кроме собственного, ангельского. Становится человеком. Да и то возраст смертного, коим он пребывает, напрямую зависит от внутреннего развития самого Энджи. Поэтому раньше ему приходилось бегать четырнадцатилетним мальчишкой. Впрочем, и теперь... подумаешь, чуть старше двадцати. Несерьезно это. По человеческим законам — неполное совершеннолетие: семью не завести, избрание на должности в Советы городов тоже запрещено.

Поскольку у меня, в отличие от него, выбор есть, я создал облик посолиднее. Считаю, что почтительность при обращении к моей персоне должна присутствовать. Не надо нам таких ясных глаз и тонкого румянца. Смуглая кожа, пошире плечи, глаза почернее и взгляд пронзительней. Обличье серьезного мужа тридцати с небольшим лет отпугнет от меня как любителей давать наставления молодым-неопытным, так и желающих облапошить незадачливого юнца. Да и в драке больше пригодится крепкий кулак. Кому нужна эта внешняя утонченность?..

По-хорошему, я был бы не прочь прогуливаться и в своем истинном облике. Не мучился бы так от жары. Но нет, все ангел. Подумаешь, какие нежности в общении с простолюдинами. Что они, демонов не видели?! Вон Атэр не очень и удивился при моем появлении. Наглейший, кстати сказать, мальчишка. Просто диковина какая-то. Мало того что вытянул из нас чуть не клещами обещание приходить по первому зову, так потом и вовсе заявил, что ему скучно, страшно и опасно идти одному в незнакомый город. Дескать, его страдания и так безмерны — несколько лет назад остался без семьи, дома,— а тут единственные существа, которые желают ему помочь не погибнуть в этом мире, сразу же от него и отказываются. Мальчишка бубнил все это чуть не со слезами на глазах. И был так убедителен в своем непритворном страдании, что Энджи сжалился и за весьма короткое время уговорил-таки меня согласиться, чтобы мы стали «ненадолго» его провожатыми, друзьями и чуть ли не родственниками.

Теперь Атэр тащился сзади и периодически выражал неудовольствие методом нашего передвижения. Уроки магии, которые мы сразу же начали ему давать (я — чтобы проверить потенциал, Энджи — чтобы

[1] Тога — национальная рэймская одежда. Длина — до середины колена или до ступней. Считалась тем богаче и шикарнее, чем большее количество красивых складок было на ней заложено.

«научить элементарным средствам защиты»), пока проходили впустую. Но некоторых моих профессиональных слов мальчишка уже нахватался.

— Могли бы и телепорт открыть. Плетемся по жаре, словно бродяги...

Честно говоря, открыть телепорт страшно хотелось. У меня вся спина взмокла от пота, и по вискам текли две тонкие струйки. Духота, чего и говорить. Солнце в зените. Но мы с Энджи еще раньше решили, что Атэру надо учиться преодолевать любые сложности. К тому же трудности будут стимулировать его к работе над собой. Однако этот наглец не испытывал ни малейшей благодарности за наше педагогическое благородство. Хотя сами мы (я лично!) страдали не меньше мерзавца жалобщика, растопившего сердце вестника.

Вот и шли бы вдвоем! По солнцепеку. А я б накинул заклинание невидимости — «плащ тени» или вообще отдыхал пока в питейном заведении, а потом уже, к вечеру, нашел этого милосердного с нашим питомцем. Так опять же — испортит без меня мальчишку, разрушит авторитет, привьет какие-нибудь дурацкие понятия. Он только с виду честный и наивный. А я-то знаю, что эта честность выходит мне боком. Тьфу! Морока...

Поэтому, передвигая ноги по жгущему сквозь подошвы сандалий песку, я мысленно ругал Энджи и воображал себя мучеником. Погибающим, как и все мученики, совершенно бестолково.

Внезапно Атэр остановился, топнул ногой и вскрикнул:

— Эй, вы! Хоть тучи наколдуйте!

— Сам наколдуй,— довольно-таки грубо ответил я.

— Ну да! Я не умею!

— Учись.

— У меня не получится.

— А ты попробуй,— посоветовал Энджи доброжелательно.

Колдовать у парня не выходило. Кажется, он был способен только на мелкие шулерские опыты с костями. Все мучительные попытки Атэра открыть свой собственный телепорт ни к чему хорошему не привели. К плохому, впрочем, тоже. Похоже, у него не было вообще никаких серьезных магических способностей. (Эх, Буллфер, Буллфер...)

— Все! Не могу больше! Отстаньте! — Атэр попытался повалиться в едва заметную тень под дерево, но я схватил его за шиворот и поставил на ноги.

Очень вовремя. На дороге заклубилась пыль. Загрохотали лошадиные копыта, и мы увидели пятерых всадников на взмыленных конях. Один из наездников был женщиной. Я успел разглядеть длинные пшеничные волосы и синее с золотом платье. Человеческая компания пронеслась мимо, окутав нас пылью с ног до головы.

— Это она,— благоговейно прошептал Атэр, перестав отплевываться от песка.— Смотрите, это она!

— Кто она?

— Лурия[1] Арэлл Селфийская — невеста лурия[2] лудия[3] Клавдия... Я хочу попасть к ней на службу.

Мы с Энджи переглянулись. Вот и выяснилась цель путешествия нашего скрытного протеже.

— Малыш, ты ошибся временем. Этой красотке слуги не нужны. У нее полно рабов.

Атэр упрямо мотнул головой:

— Я свободный человек. Но я ей нужен.

Как же, нужен ты ей! Но самомнение парня впечатляет.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Энджи, машинально наводя телепорт следом за всадниками. Я толкнул его в бок, чтобы не смел облегчать участь нашего ученичка. Энджи рассеянно покачал головой, не обращая внимания на мое предупреждение.

— Мы с ней оба элланы,— гордо ответил Атэр, не замечая нашего педагогического разногласия.— Кстати, вот мое первое желание. Сделайте кто-нибудь так, чтобы она встретилась со мной. Гэл, для тебя же это пустяк.

Мальчишка требовательно посмотрел на мою персону, и мне снова захотелось дать ему подзатыльник. Аж ладонь зачесалась. Но пришлось сдержаться. Энджи не одобряет применение грубой силы в воспитательном процессе.

— Ладно. Встретишься. Но убеждать взять себя будешь сам.

— Ха! Уж поверь мне, я этого добьюсь!

Атэр довольно рассмеялся, сделал несколько сложных танцевальных движений, опять же подняв облако пыли, и схватил Энджи за руку.

— Ну, так что там с телепортом?

«Ворота» перенесли нас под стены города. Я привычно сворачивал заклинание, как вдруг прямо из пустоты на меня свалился чуть ли не визжащий от восторга Атэр:

— Гэл! Вот это да! Переход что надо!

Ясно. Смертного потрясло перемещение в ангельском телепорте. Сомнительное удовольствие, очень подходящее человеку.

Следом за Атэром появился Энджи. Немного напряженный и усталый. Ага... Вот тебе, ангел, получил? Тащить за собой упирающегося мальчишку, вопящего от ужаса и восторга и цепляющегося за все выступающие грани тонкого заклинания,— занятие не из приятных.

— Потрясающе! — продолжал восхищаться Атэр.— Хок, и я уже здесь! В следующий раз меня будет переправлять Гэл. Сравню, как лучше путешествовать.

— Давай-давай,— ехидно отозвался я,— рискни. Не боишься, что нос окажется на лбу?

---

[1] Л у р и я — высокородная госпожа.

[2] Л у р и й — господин. Уважительное обращение к высшей знати.

[3] Л у д и й — наследник. Обладает определенными привилегиями, имеет два голоса в Сенате. В случае смерти императора становится правителем Рэйма.

Энджи улыбнулся, Атэр непроизвольно схватился за лоб:

— Это почему?

— А потому, что демонский телепорт работает на принципе распыления. Тебя «разбирает» на мельчайшие частицы в одном месте и «собирает» в другом. Но я не могу гарантировать, что ты «соберешься» правильно. Ты же не демон. Ангельские «ворота» перемещали тебя целиком.

Атэр нервно сглотнул — видимо, представил себя собранным в обратном порядке и решил:

— Тогда я лучше буду всегда с ангелом... перемещаться.

Утомленный Энджи с немым упреком взглянул на меня: «Спасибо, Гэл...» «Всегда пожалуйста,— «ответил» я едко.— Вот тебе твоя свобода выбора».

— Ладно,— произнес я вслух.— Нам надо найти гостиницу или постоялый двор. Отдохнуть, переодеться, поесть.

— Поесть — это хорошо,— жизнерадостно отозвался Атэр.— А переодеваться мне не во что.

Я оглядел его с ног до головы. От потрепанных сандалий, минуя старенький пыльный гиматий[1], до нестриженых, торчащих во все стороны вихров на голове.

— В таком виде тебя не пустят даже на порог внешних ворот дворца.

Ладно, потом разберемся. Работа у меня такая. Находить выходы изо всех дурацких, глупых ситуаций. И сдалась ведь мальчишке эта лурия. Жили бы в домике на тихой улочке, занимались полезными делами, то есть магией, глядишь, недотепа Атэр подрос бы немножко, поумнел... а там, может, постепенно и догадались бы, как вернуть нашего прежнего Буллфера. Так нет, дворец ему подавай... «К власти тянет,— решил я.— Ну что же. На то он и Хозяин. Хоть и бывший».

Глава 3
АРЭЛЛ СЕЛФИЙСКАЯ

Дворец был огромным.

Невероятно огромным, по мнению Арэлл. Город в городе. Полторы тысячи статий[2] в длину и тысяча в ширину. Он лежал на Претикапийском холме, почти придавив его к самой земле массивным каменным ложем. Монументальное сооружение строили из знаменитого «шахтного песка», грунта шоколадно-красного цвета. Смешанный с известью, он превращался в бетон невероятной прочности. Поэтому стали возможны все эти изогнутые воздушные арки, вознесенные на необозримую высоту, купола, многогранные залы... Теперь нет причин бояться, что потолок провалится, не выдержав предельного давления свода на стены. (Так

[1] Гиматий — короткий плащ, доходящий до середины бедра.

[2] Статия — мера длины, приблизительно равняется 1 м.

уже было в Фердене, когда деревянный амфитеатр рухнул на головы двумстам свободным гражданам, пришедшим полюбоваться на профессиональных игроков в мяч.)

Снаружи резиденцию рэймских императоров облицевали полированным белым мрамором и огнеупорным камнем из Гапии. На входе, в гигантском вестибюле, стояла статуя императора Светония в виде древнего бога времени Айона. Высотой сто двадцать статий. Надменное, суровое лицо и руки, держащие свиток и жезл, были из белой слоновой кости, а длинные одежды — из тщательно подобранных и отполированных золотых пластинок. На постаменте вилась надпись на древнерэймском «Время победивший».

Арэлл считала, что это неслыханное кощунство. Впрочем, «победивший время» дед Клавдия, император Светоний Веспасиан Великий, погиб самым бесславным образом. Его сбросила лошадь. Любимый снежно-белый иноходец неожиданно взвился на дыбы, Светоний упал на гладкий мраморный пол, ударился виском, и уже вечером во дворце потушили все факелы. Великий император умер, оставив своим нерадивым наследникам огромную империю, медленно издыхающую под властью демонов и непомерных налогов.

Статую из вестибюля так и не убрали. Обычно каждый следующий преемник спешил воздвигнуть на этом месте собственного идола, но Клавдий по-прежнему прятался в тени своего могучего деда и был верным призраком отца. Любезный, вежливый, внимательный, терпеливый. Всегда готовый развлечь новой шуткой, подать стило для письма, бокал вина или дельный совет. Отец — нынешний император Помпей Транквил — ценил его. Казалось, даже любил. Рассчитывал на него, это точно. Лудий отвечал взаимной привязанностью. И только Арэлл знала, как Клавдий мечтает о власти. Настоящей, полновесной, только для него одного.

— Чушь, бред все эти слова на постаментах наших предков,— говорил он, расхаживая по своей любимой дворцовой палате. Ее стены, мебель и даже полы были отделаны тончайшими полосками перламутра. Целые картины из разноцветных кусочков раковин переливались, мерцали, отражали свет и светились собственным.— Все эти «Великие», «Победители», «Благодатные» и «Божественные»... Мы не правим этим миром. Демоны — вот кто настоящие властители. Если б я имел хотя бы десятую часть их силы...

Клавдий смотрел на свои ухоженные белые руки с одним-единственным перстнем всадника и сжимал пальцы так, словно хотел сомкнуть их на чьей-то шее.

— Ну ничего. Я подожду. Дождусь и возьму то, что мне положено. Не так ли, моя золотоволосая?

Арэлл Селфийская была спокойна и уравновешенна. Все считали ее такой. Девушки с севера Эллиды отличались твердым характером, верностью и благородством. Никто не знал, что в глубине ее души,

словно маленькая саламандра, спит неудержимое бешенство. Не стоит тыкать палкой безобидную на первый взгляд огненную ящерицу, просыпаясь, та становится жестока и свирепа.

— Клавдий, этот дворец забит золотом до самой крыши. Жемчуг Лоллы стоит сорок миллионов сестерциев. Твой перстень, один только перстень, стоит миллион. А твой народ...

— Арэлл, дорогая моя, боюсь, ты по-прежнему не понимаешь. Эта роскошь оправданна. Всеми нами правят демоны. Мы ничто перед ними, беспомощные и жалкие. Что мы можем им противопоставить в глазах того же самого народа. Позволь, я напомню тебе древнюю легенду о старых богах. Они были прекрасны, вечно молоды и жили в золотых чертогах. Мы как эти древние боги в глазах простых людей.

Он повел рукой величественным, отрепетированным жестом. Маленькая саламандра в душе Арэлл тут же подняла голову.

— Твой народ продает себя в рабство, чтобы не умереть от голода. Пшеница не растет на болоте, там даже ячмень еле вызревает, а ты требуешь триста сиклей[1] белой муки с каждой крестьянской семьи в год! Они сами не едят хлеб, но отдают его тебе! Твоим демонам! Ты не бог, Клавдий! Ты ничтожество!

«Сейчас он меня ударит!» — с тихой злостью подумала Арэлл и представила, что, как только это произойдет, она схватит вон ту золотую чашу с виноградом и с размаху с наслаждением швырнет ее в сытую, гладко выбритую физиономию Клавдия. А потом... Ей не пришлось закончить эту мысль. Жених сдержался, проглотил оскорбление, улыбнулся побелевшими от бешенства губами:

— Я понимаю, дорогая. Тебе трудно привыкнуть. У вас же там... ну там, откуда ты... все очень просто. Рабы едят за одним столом с хозяевами. Спят в одной комнате. А кое-кто до сих пор поклоняется этой ужасной богине плодородия. И все же тебе придется вести себя достойно твоего теперешнего положения. Забудь свою деревню. Не будь столь вульгарной.

Клавдий развернулся и пошел прочь из покоев. На выходе ему все-таки удалось отвести душу. Молчаливый, неподвижный телохранитель, тень Арэлл, стоял у двери. Сын императора замедлил шаг, размахнулся и влепил ему пощечину, все еще зудевшую в руке. Гай не пошевелился, пустые глаза его по-прежнему ничего не выражали. Удовлетворенный, Клавдий поправил ободок перстня на пальце и удалился.

Дальше все было почти так, как представляла себе Арэлл. Девушка схватила чашу и швырнула ее в стену. Золото зазвенело по полу, виноградный сок потек по перламутру стен.

[1] С и к л ь — мера веса, равняется 0,25 кг. 300 сиклей равны 75 кг.

— Ничтожество! — повторила она. Глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.— Я приношу свои извинения, Гай. Лудий Клавдий сегодня не в духе.

Молодой человек молчал. Лицо его под полибийским шлемом с высоким плюмажем казалось совершенно непроницаемым.

— Гай! В этом дворце достаточно статуй! Поговори со мной!

Телохранитель-тень хорош тем, что его присутствие можно не замечать, меняя наряды, беседуя с подругами, гуляя в нижних садах. Бездушная, верная, неустающая игрушка... Арэлл размахнулась, чтобы шлепнуть его по чешуйчатой блестящей лорике[1], но Гай неожиданно перехватил ее руку. Деликатно, но крепко.

— Вы можете пораниться, госпожа.

— Значит, ты защищаешь меня и от себя самого?

Он выпустил ее запястье, но не замер вновь неподвижной, величественной статуей, продолжая смотреть на Арэлл. Живые глаза на живом лице. А она слишком устала от статуй.

— Вы смелая женщина,— сказал он неожиданно.

— Я? Почему?

Он не ответил, решив, видимо, что и так позволил себе недопустимую вольность — заговорил со своей госпожой.

— Нет, подожди, не замирай снова. Давай поговорим. Почему ты сказал, что я смела? Только из-за того, что злю Клавдия? Но это не смелость. Отчаяние.

Гай молчал. Можно было подумать, он внезапно потерял слух и голос одновременно.

— Условности. Сплошные условности.— Арэлл подобрала с пола маленькую кисть винограда и задумчиво повесила ее на одну из пластин лорики Гая. Прямо на грудь.— Это тебе орден. За доблестное молчание.

Уголки губ телохранителя чуть дрогнули. Значит, долго не продержится. Девушка довольно рассмеялась, оторвала от веточки виноградный лист и украсила им плюмаж шлема. Для этого пришлось приподняться на цыпочки. Отступила на шаг, полюбовалась. Телохранитель постепенно превращался в древнего бога виноделия, украшенного плодами и листьями. Остается найти подходящий жезл вместо копья. Улыбаясь, Арэлл отвернулась.

— Госпожа, можно задать один вопрос?

— Можно.

— Ваши волосы... это настоящий цвет?

— Да. Настоящий.

Свободные граждане Великого Рэйма почти все были темноволосы. На длинные золотистые локоны Арэлл знатные рэймлянки смотрели с тихой завистью. Им, чтобы получить цвет такой чистоты, приходилось красить свои косы сложными составами из трав и отбеливать на солнце.

[1] Л о р и к а — чешуйчатая бронзовая кираса.

— Еще вопросы, Гай?

— Больше вопросов нет. Но есть один совет.

— Совет?!

— Предостережение. Будьте осторожны, когда говорите в этом дворце о демонах.

— О демонах? Что ты имеешь в виду? Я говорю о них то же самое, что и все остальные.

Но он замолчал, и теперь надолго. Напрасно Арэлл, уже сердясь, требовала объяснений. Гай, видимо, решил, что и так сказал слишком много.

Во дворце было пятьдесят жертвенников. Тридцать малых и двадцать больших. Под ними постоянно тлели угли, а над чашами вился красный дымок — тонкие струйки, похожие на жадные раздвоенные языки. Особые рабы, одетые в передники из красной кожи, с волосами, смазанными маслом и посыпанными золотой пылью, следили за тем, чтобы демонический огонь не оставался без пищи.

Арэлл казалось, что возле массивных золотых треножников клубится почти материальное зло. Клавдий после каждого ритуального обряда сутки отлеживался в своих покоях, прикладывая ко лбу куски мокрой ткани, орал на рабов и выливал на себя благовония флаконами. Но не мог избавиться от запаха крови, который мерещился ему везде.

— Невозможно! Невыносимо! — бормотал он.— Тога безнадежно испорчена. Какая мерзость! Вышвырнуть! Убрать! Сжечь это все. Все! Не волнуйся, душа моя, скоро тебе придется проводить эти ритуалы вместе со мной.

— Никогда.— Арэлл мрачно смотрела на него, трясущегося от усталости и отвращения, бледного, с запавшими щеками, с морщинами, неожиданно появлявшимися на молодом лице.— Разве ты не чувствуешь, что они тянут силу из тебя? Им нравится твоя человеческая беспомощность. Они питаются... тобой.

Клавдий рассмеялся и приподнялся на ложе, отпихнув локтем раба, деликатно растирающего ему плечи.

— Мне нравится, что ты абсолютно неискушенна в дворцовой жизни. Демоны не баловали вас... там, у тебя на родине, частыми визитами. Наверное, поэтому ты производишь впечатление очаровательной невинности... такое необычное и притягательное... Иди сюда.

Арэлл брезгливо поморщилась, разглядывая человека, излучающего физическую и духовную немощь после сложных ритуальных действий возле жертвенника. Не почувствовала в себе ни малейшего желания приблизиться, развернулась и стремительно вышла из покоев, угнетающих обилием золотых украшений.

Они должны были пожениться через несколько месяцев после ее приезда в Рэйм. Свадьба наследника по давней традиции могла состо-

яться только во время осеннего праздника со сложным названием, которое элланка так и не запомнила.

Клавдий был прав. Она не видела демонов. Почти не видела до того, как оказалась в столице Великой империи.

Она не знала, *что* их тянет сюда. Роскошь и нищета, находящиеся совсем рядом? Люди, желающие стать при жизни богами и готовые ради этого принять силу темных существ? Или удобное расположение этих земель? Может быть, демонский мир здесь слишком тесно прилегает к миру человеческому и граница между ними очень тонкая... Никто не знал. Но они были... Утонченные, привлекательные — и отвратительные. Изысканная смесь уродства и очарования. Высшим нравилось играть на низменных чувствах людей, заставляя получать удовольствие, созерцая их отталкивающий облик...

Арэлл сидела в саду на резной скамейке из делосского мрамора и смотрела на пруд. Вокруг росли деревья редких пород, привезенные со всех концов страны. Среди них прыгали и щебетали маленькие птички. Под ивами, растущими у воды, резвились каменные наяды. Ажурные беседки оплетал виноград. В высокой, мягкой траве проложены тропинки. Где-то мелодично плещется ручеек. Если уснуть возле журчащей, быстрой воды, она может унести твою душу прямо в царство мертвых, говорили древние. Именно это, по легенде, случилось с Неоном, прекрасным и задумчивым, задремавшим возле говорливого ручья.

Из-за густых кустов вышла маленькая ручная лань с золотым колокольчиком на шее. Тряхнула пушистыми ушами, подошла ближе, аккуратно ставя тонкие ноги с крошечными копытцами на траву. Доверчиво ткнулась мокрым носом в руку Арэлл. Выпрашивала лакомство.

В этом саду не было ничего необычного, кроме того, что он был частью дворца. Высокий купол с тысячами прозрачных стекол закрывал его от настоящего неба. Система насосов подавала воду из реки в долине. И дождь в саду тоже никогда не шел.

Лань повела чутким ухом и вдруг прыгнула за кусты, из которых появилась. Тонко звякнул колокольчик на ее шее. Арэлл вздрогнула от неожиданности и тут же услышала за своей спиной негромкий бархатный голос. Обернулась и застыла. Рядом стоял демон. Высший, естественно. У этих существ тоже была сложная система иерархии. Обычным, незнатным, не разрешалось разгуливать по дворцу, им принадлежали только дома бедных граждан в нижней части города.

Демон был одет в черную тогу с пурпурной полосой от ворота до нижнего края. Широкий рубиновый пояс, на шее — круглый золотой амулет с непонятным изображением. На ногах красные калцеи[1]. Наглость, с какой этот незваный гость вырядился в костюм старинного

[1] К а л ц е и — обувь типа башмаков, которую носили с тогой.

патрицианского рода, поражала. Впрочем, они были хозяевами, одевались как хотели и во что хотели.

Арэлл почувствовала себя так, будто была сделана из стекла. Прозрачной. Демон мог видеть ее насквозь, читая мысли и наслаждаясь человеческими чувствами.

— Какая неожиданная встреча. Я не хотел нарушить ваше уединение, прекрасная нимфа.

— Вы не нарушили. Я уже ухожу.

Лучше бы он был зверем с когтями и клыками, чем любезным господином в черных одеждах. Это только оболочка. Он не человек. Он не должен говорить по-человечески.

Незваный гость усмехнулся, слыша то, о чем она старалась не думать.

— Не нужно считать нас зверьми. Хищниками, которые уничтожают все живое. Хотя уничтожить вас было бы очень приятно.

Арэлл не вздрогнула, не пошевелилась, глядя прямо в привлекательное, молодое лицо существа.

Он указал на скамью:

— Вы позволите?

Девушка отодвинулась. Может быть, слишком поспешно, но демон не обратил на это внимания, усаживаясь рядом. Щелкнул пальцами. Возле его руки возник столик на тонкой ножке, где стоял блестящий белый сосуд с длинным изогнутым носиком и две маленькие чаши с крошечными ручками. Обе были наполнены черной жидкостью, над которой вился пар.

— Прошу вас, угощайтесь.

Арэлл не чувствовала себя настолько безумной, чтобы пробовать демоническое питье. Но чаша, стоявшая на тонком, почти прозрачном крошечном блюде, оказалась у нее в руках. Демон рассмеялся:

— Не бойтесь. Это не яд. И не черная грязь Гадэса[1].

Он смеялся над ней, и она должна была вести себя достойно.

— Что это за материал? — Арэлл провела пальцем по краю чаши.— Не мрамор, но...

Демон скривился презрительно:

— Вы тут все помешались на своем мраморе. Это фарфор, девочка. Тонкий, изысканный и очень хрупкий. Но вы, к сожалению, так и не научитесь его делать. Эту посуду лепят из... хм, глины в одной далекой стране маленькие, умелые, терпеливые люди. Забавно, не правда ли?

Она не поняла, что в этом забавного, видимо, демон думал о чем-то своем.

---

[1] Г а д э с — подземное царство Древних.

— Перестань заслонять от меня свои мысли. Я хочу знать, о чем ты думаешь. И пей. Этот напиток просветляет сознание, освежает чувства и возбуждает.

Арэлл поставила чашу из фарфора обратно на столик, стараясь, чтобы ее руки не дрожали, и поднялась:

— Благодарю вас, но...

И тут на нее навалилась тяжесть руки демона и его магическая сила. Девушка опустилась на скамейку, чувствуя слабость, бессилие, равнодушие. Холодные пальцы держали ее за шею.

— Я не люблю, когда мне противятся,— промурлыкали над ней вкрадчиво.

Было все равно, что случится дальше, но рядом вдруг прозвучал голос Гая, верного до безрассудства телохранителя.

— Эта женщина принадлежит лудию Клавдию.

— Эта женщина принадлежит мне! — проревел демон, теряя весь свой благородный лоск.— Так же как и твой тупоумный Клавдий, и ты, смертный. И весь этот ничтожный сарай, который вы называете дворцом!

Арэлл отпустили, и она упала на скамейку, браслеты на ее руках звякнули о камень. Гай стоял напротив демона. Ему хватило ума не направлять на врага копье, но отчаянно-решительный вид телохранителя обещал тому немедленные неприятности.

— Хотел бы я знать, как ты, дубина, собираешься помешать мне.— Демон с искренним любопытством уставился на человека.

Гай не ответил, закрывая собой Арэлл и крепче сжимая древко.

— Что ж,— решил гость с усмешкой,— если ты не хочешь с ней расстаться, придется забрать вас обоих.

Девушка не испугалась. Равнодушный покой, накативший на нее, не позволил осознать угрозу до конца. Куда забирают демоны? Вниз? В темный, мрачный, убийственный для людей мир.

Клавдий появился неожиданно, почти как та самая лань вынырнув из-за кустов, и мгновенно понял, угадал грядущие события. Арэлл, лежащая на скамье в полубессознательном состоянии, самоубийца Гай и нежданный гость, готовый перейти в последнюю стадию ярости.

— Господин! Повелитель! Божественный Некрос! Сиятельный! Чем вас разгневали эти люди?! — Клавдий сам понимал, что заговаривается. Безумие называть темное существо сиятельным, а тем более божественным.

Давно забытые предрассудки всплыли вдруг из глубин древней памяти. Впрочем, сейчас главное говорить нужным тоном — не важно о чем. Чтобы речь журчала, перекатываясь на особо метких выражениях, и ублажала слух этой властной твари.

Не зря же столько денег заплачено учителю риторики. И конечно, упасть на колени. Слава Фортуне, он не страдал отсутствием гибкости позвоночника. И Клавдий говорил, убеждал и умолял. Простить глупую девушку и не в меру ретивого слугу. Кажется, у них там, внизу, тоже

есть слуги. Она неразумна, дика, никогда не видела великолепных темных господ этого мира. Готов поклясться, господин, она вообще не поняла, кто перед ней. «Ну подтверди, хотя бы кивни!» Но Арэлл, упрямая, гордая до зубовного скрежета, смотрела холодно и равнодушно. Все она понимала. А не знала только того, как нужно бояться. Для чего нужен страх... Статуя из золота и слоновой кости... Но сейчас не время думать об этом... А слуга — Повелитель, он всего лишь выполнял приказ защищать и охранять. Да, у нас верные слуги... слишком верные.

Демон стоял, посверкивая глазами, наливающимися подземным пламенем. Жуткое зрелище. Как будто в зрачках начинают вскипать маленькие озерца расплавленной меди. И продолжал твердить одно и то же:

— Я намерен забрать ее.

— Господин, десять... двадцать рабынь... самых лучших. Вместо нее одной.

— Неужели она так дорога тебе, Клавдий?

Да, элланские хрисоэлефантинные статуи всегда ценились очень высоко. Их везли через море завернутыми в дорогие мягкие ткани, забитыми в ящики, чтобы не повредить бесценные материалы, не поцарапать тонкие золотые пластины. Ее тоже привезли из-за моря. Целую, нетронутую, ни одного изъяна, кроме ледяной гордости...

— Она дорога мне, господин.

— Что ж, это говорит только о твоем хорошем вкусе. Как ты подумал... статуя? Тогда потрудись завернуть ее как следует. Мой дом тоже нуждается в хороших украшениях.

Значит, остается последнее средство.

Клавдий рванул цепочку, висящую на груди, ногтями подцепил крышку медальона и вытряхнул на ладонь золотой круг с письменами, отсвечивающими красным.

— Вы не можете забрать ее, господин. Сам Великий Инквизитор позволил мне взять ее.

Демон дернулся, оскалил клыки, выросшие вдруг среди человеческих зубов.

— Инквизитор?! Смертный, если ты соврал, я разорву тебя на куски и разбросаю их по всему дворцу. Покажи!

Дрожащей рукой Клавдий вложил круг в протянутую ладонь демона. «Печать» была подлинной. И сын императора предпочитал не вспоминать, как ему удалось получить ее.

Гость рявкнул что-то на незнакомом языке, зло сверкнул глазами, швырнул разрешение на землю и исчез. Растворился в воздухе...

Клавдий смотрел, как Гай опустил копье, оперся на него, словно на посох, убрал за край кирасы кулон на цепочке — плоскую медную сферу с тонкой сеточкой рисунка. Смутно знакомого рисунка... Похоже, ноги его не держали. Арэлл тихо застонала, села, оперлась дрожащей рукой о скамейку. Лудий схватил чашу с остывшей темной жидкостью и выпил ее залпом.

— Не надо... не пей,— запоздало прошептала девушка, белой тонкой рукой растирая горло. Тоже белое, с очаровательной ямочкой между ключицами...

— Дура! — крикнул Клавдий, швырнул пустую чашу, и та со звоном разбилась о мрамор тропинки.— Это кофе! Любимый напиток Некроса! Никто не собирался тебя травить!

— Не смей на меня кричать! Я не твоя рабыня! — Голос ее был все еще хриплым, но непомерное достоинство уже звучало в нем.

Конечно, она готова быть рабыней кого угодно, только не его.

— Ты понимаешь, что я только что спас тебя?! Тебя и его! — Сын императора ткнул пальцем в сторону телохранителя. Тот уже совсем пришел в себя. Лицо под шлемом мрачное, вызывающе невозмутимое. Человек, только что выполнивший свой долг. С честью.

— Арэлл, иди к себе,— на удивление для себя самого спокойно произнес Клавдий.— Убирайтесь оба! — Голос недостойно сорвался на крик. Но в нем прозвучала не благородная ярость, только беспомощность и злость. Арэлл поднялась, качнула золотоволосой головой и медленно удалилась, выплыла из сада. За ней бесшумно ушел верный телохранитель-тень.

Глава 4
ПРЕДСКАЗАНИЕ

С самого утра невеста наследника бесцельно металась по своей комнате. Опрокинула резной столик, разбила кратер[1] с вином. На полу растеклась багровая лужа, и в ней отразилось солнце.

Сегодня было необычайно яркое солнце. Оно заглядывало во все уголки дворца, его отблески сверкали на посуде, на белом мраморе стен, на кирасе Гая. И переносить этот блеск было невозможно.

— Ненавижу! Ненавижу их! — в ярости шептала Арэлл, потому что кричать было нельзя.— Ненавижу демонов! Убить! Убить их всех!

— Их невозможно убить,— прозвучал спокойный голос телохранителя.— Они неуязвимы.

— Неправда! — Девушка повернулась к нему, но тут же зажмурилась. Огненный диск солнца сиял на металлической груди Гая и на мгновение ослепил.

Нужно было подождать, пока перестанут мерцать разноцветные круги перед глазами. И продолжить уже спокойнее:

— Мы не знаем, как их убить, но это не значит, что они неуязвимы.

— Лурия Арэлл...

[1] К р а т е р — большой сосуд, в котором вино разводили с водой.

— Нет! Стой там, где стоишь! — Она замахала на верного телохранителя, попытавшегося приблизиться.— Не подходи. Это солнце... оно так сверкает!

— Сегодня нет солнца. На небе тучи.

Смотреть на него было по-прежнему больно, но девушка подняла голову, прищурилась.

— Почему же я вижу все... *так*...— Она обвела пальцем в воздухе сверкающий силуэт Гая.

— Как вы себя чувствуете? — Тревога, скрытая под ненавязчивой заботой, могла кого угодно довести до безумия, но пришлось сдержаться.

— Ты тоже считаешь меня сумасшедшей?

Он отрицательно покачал головой, улыбнулся. И тут же замер, лицо стало непроницаемым, глаза — пустыми.

Послышались шаги, и через несколько мгновений перед Арэлл предстал Клавдий. Чисто выбритый, довольный, благоухающий, с огромной связкой свежесрезанных цветов. Темно-бордовых, почти черных роз. Вокруг них тоже сверкал белый ореол.

— Арэлл, дорогая...— Лудий окинул взглядом комнату, оценил размеры беспорядка. Приподнял идеально изогнутую бровь.— Надеюсь, тебя не расстроила эта неприятность с Высшим?

— Расстроила,— упрямо возразила девушка.— Но я не хочу говорить об этом.

— Вот и хорошо. Меня радует твое благоразумие. Возьми цветы. Они прекрасны, так же как и ты.

— Нет! — Невеста с отвращением отвела его руку с букетом в сторону.

— И это тебе не нравится? — искренне удивился Клавдий.

Он хотел сделать ей приятное. Порадовать и выразить свою благосклонность. Нужно было подыграть ему, показать восхищение. Но у Арэлл, в отличие от сына императора, сил на притворство, похоже, никогда не находилось. Непростительно опасная особенность.

— Я не хочу эти цветы! — воскликнула девушка.— У них цвет крови! Посмотри сам!! Неужели ты не видишь, что они выглядят так, будто питались грязной кровью! Это... отвратительно! Я не хочу *таких* цветов! Я не хочу *такой* любви!! Мутной, грязной, унизительной! Не хочу!

Несколько мгновений Клавдий внимательно разглядывал ее. Молча, с любопытством. Потом медленно положил розы на скамью, повернулся и вышел, унося вместе с собой часть невыносимого сияния.

Арэлл подняла опрокинутый стул, села, прикрыла ладонями воспаленные глаза.

— Ты по-прежнему не считаешь меня сумасшедшей?

— Нет. Но...

— Несдержанной?

— Да.

Она улыбнулась такой искренности. Не открывая глаз, подобрала подол хитона, поставив ступни на край сиденья, подтянула колени к

груди. Поза, больше подходящая девчонке из Нижнего города, чем благородной невесте сына императора.

— Я не хочу сдерживаться. Я устала сдерживаться.

— Лурия Арэлл, сегодня вечером меня не будет с вами.

Она посмотрела на телохранителя. Солнечный блеск померк, теперь его кираса стала тусклой, лицо под шлемом белело размытым пятном.

— Лурий Клавдий сказал, что этот вечер вы проведете с лурией Лоллой и ее людьми.

— Почему меня не спросили, хочу ли я проводить время с Лоллой?!

Вопрос не требовал ответа. Никого не интересовали ее желания.

Лурия Лолла — сестра Клавдия, будущая золовка Арэлл — едва переступила порог совершеннолетия. Невеста наследника знала, что не так давно той исполнилось семнадцать. Но, глядя на эту пышную девушку, ей хотелось дать все двадцать пять.

Большую часть времени бедняжка маялась от безделья и скуки. Когда элланку привезли во дворец, будущая родственница восприняла ее появление как подарок богов. Новая игрушка. Тем более чужестранка. С ней можно сплетничать до самозабвения, хвастаться своими нарядами, подарками от любящего брата, немного третировать, учить местным обычаям. Но, как выяснилось, Арэлл оказалась завистлива. А какой смысл перетряхивать свой роскошный гардероб перед человеком, который вежливо улыбается, едва ли не зевая от скуки, и не проявляет ни малейшего признака недовольства тем, что у него нет такого же хитона или фибулы. Красивые наряды, поклонники и вкусная еда не волновали элланку. Сплетничать с ней тоже было неинтересно. Бывало, что она часами сидела, напряженно хмуря брови. «Каменная статуя,— решила Лолла.— Столб в хитоне. Зануда, лишенная женской привлекательности». Но иногда с ней можно было провести часок-другой. Развлекая саму себя рассказами о дворцовых приличиях и наблюдая за реакцией Арэлл.

На сегодняшний вечер лурия Лолла придумала очаровательное развлечение. Поход к гадалке, живущей на самой окраине Среднего города. Там, где он почти примыкал к Претикапию, недалеко от Каракалтского храма.

Это было вдвойне, нет, втройне интереснее, чем что угодно другое. Во-первых, можно удивить элланку необычным времяпрепровождением — там, у себя в глуши, она вряд ли когда-нибудь видела что-либо настолько же оригинальное и значимое. Во-вторых, было ужасно любопытно узнать, что предскажет ведьма. И, наконец, выход за территорию Претикапия сестре наследника был строго запрещен. Поэтому развлечение становилось еще и немного опасным. Все удовольствия сразу!

Однако элланка так не считала. Она была резко против этого похода. И Лолла уже начинала чувствовать легкое раздражение.

— Дорогая моя,— произнесла она в очередной раз голосом женщины, которая много повидала,— ты просто не понимаешь.

Арэлл сидела с вышиванием у высокого окна, за которым на самом горизонте дрожал красный диск солнца. Смотрела на нее и думала: «Забавно. А ведь, должно быть, еще совсем недавно сестра лудия лазила на забор за кизилом и бегала с поцарапанными локтями... Впрочем, это у нас кизил и ссадины на локтях, беготня с мальчишками и купание в шторм. У них — дворцовый этикет, учитель риторики, одежда, расшитая золотом, куафер, ювелир и обучение лицемерию...» Арэлл тоскливо обвела взглядом роскошную, разукрашенную палату.

— Так вот, дорогая моя,— повторила Лолла, внимательно рассматривая свои безупречные ногти,— я бы на твоем месте сходила к этой гадалке. Она берет дорого, но никогда не обманывает.

— Я не хочу к гадалке.

Арэлл резко воткнула иголку в вышивание, и туго натянутая ткань скрипнула.

— Глупости.— Лолла взяла щепотку золотого порошка и стала сыпать его на ноготь большого пальца.— Ты должна. Это прилично. Все ходят к колдунам. Так принято.

— Пустая трата времени.

Ее будущая невестка фыркнула и просыпала золотую пыль себе на хитон.

— Разве ты не хочешь узнать свое будущее?

— Не хочу.

...Или все-таки это неправда? Может быть, она кривит душой, когда говорит «нет»? А на самом деле мечтает узнать о себе и своей жизни что-то новое.

— Пойдем,— заговорщицки прошептала Лолла.— Говорят, у нее настоящее демоническое зрение.

— Ненавижу! — раздраженно сказала Арэлл, мстительно втыкая иглу в беззащитный лепесток цветка.— Ненавижу все демоническое!

— Ты только никому не говори об этом, ладно? — Лолла мило улыбнулась, показав белые острые зубки, и соскользнула со своего удобного ложа.— Идем сходим. Это займет всего пару часов твоего драгоценного времени.

Она повелительно махнула рукой, и Арэлл была вынуждена отложить вышивку.

Для похода к колдунье была выбрана темная одежда. Пепельные хитоны, черные плащи, украшения из гематита. Лолла убирала под капюшон длинные высветленные волосы, приплясывая на месте от нетерпения, и болтала какую-то чепуху. Арэлл рассеянно слушала ее.

— Мой драгоценный брат очень обеспокоен твоим здоровьем. Ты мрачна, бледна и встревоженна. Он бы хотел видеть свою невесту веселой и счастливой. Ты же счастлива выйти за него?

Арэлл машинально улыбнулась. «Да-да, счастлива! Еще как! Лучше бы вам всем оставить меня в покое, тогда счастье могло бы стать полным!»

Из Нижнего города долетел гулкий, тягучий звук. Как будто ударили в колокол.

— Что это?

Лолла равнодушно пожала плечами:

— Мало ли что. Ну, ты готова? Идем?

Арэлл опустила капюшон на лицо и последовала за сестрой наследника.

Та нервничала, но это было приятное волнение. Предвкушение чего-то загадочного, немного опасного, но, несомненно, захватывающего. С собой она взяла только одну рабыню, хотя обычно никуда не выходила без охраны.

Мраморная лестница спускалась в сад. Там, среди вечнозеленых экзотических растений, в черной воде пруда лежала круглая желтая луна, похожая на медный начищенный поднос. Под ногами зашуршала мелкая галька. Один камешек тут же закатился в открытую сандалию Арэлл, она остановилась, приподняла длинный подол гиматия и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Вскинула голову. В темных зарослях вдоль дорожки, сквозь густую сеть гибких ветвей, светились желтые узкие глаза. Они смотрели на девушку внимательно, не мигая. Арэлл почувствовала, как колючий холод пробежал по спине.

— Кто здесь? — прошептала она, не ожидая, впрочем, ответа.

И тут же на нее налетела надушенная, шелестящая одеждами тень, схватила за руку и зашипела рассерженным голосом Лоллы:

— Пошли! Пошли быстро! Не останавливайся.

— Кто это был?

— Не наше дело! — Холодная рука будущей золовки сжимала ее запястье и тащила за собой по тропинке.

— Очень мило! — съязвила Арэлл, оглядываясь через плечо на кусты.— По саду бродит неизвестно кто, и это не наше дело?

В ответ слышалось только сердитое сопение, мелодичное позвякивание браслетов и, наконец:

— Сегодня полнолуние. И я бы на твоем месте не стала особенно внимательно смотреть в темноту. Мало ли что там можно увидеть.

— Демонов, например?

— Может быть.

— А ты не боишься?

— Нас они не тронут.

— Ты уверена?

— Мы члены правящей династии. Они узнают нас.— Лолла повернулась к Арэлл и постучала указательным пальцем по своему хорошенькому носику.— По запаху.

Арэлл снова передернуло.

— По запаху?

— Ну да.— Лурия Лолла как будто не заметила отвращения в ее голосе.— Помнишь, у тебя забирали повязку? Теперь ты в нашей семье. И они будут отличать твой запах от запаха простых людей. Они запомнили тебя и не тронут.

— А что будет с остальными, «простыми» людьми?

Лолла снова пожала плечами, продолжая тащить Арэлл за собой.

— Ты задаешь такие странные вопросы, дорогая... Ну вот, почти пришли. Хорошо, что нам не надо спускаться в Нижний город. Там отвратительно.

Тропинка еще раз вильнула и вывела спутниц к низкому зданию. Ряд колонн, увитых диким виноградом, поддерживал остроконечную крышу. Пройдя между ними, девушки оказались в самой глухой части сада. Отсюда можно было незамеченными выбраться за территорию дворца в Средний город. Лолла провела спутниц через низенькую калитку в стене, и все трое быстро пересекли широкую площадь перед Каракалтским храмом. Дом гадалки оказался третьим на узкой улочке, круто уходящей вниз с холма к небогатым кварталам.

— Жди здесь,— приказала Лолла рабыне, торопливо постучала в дверь, прислушалась и кивнула Арэлл: — Идем.

Та оглянулась на остающуюся снаружи девушку, которая робко жалась к стене и тревожно озиралась по сторонам. Из-под темной накидки блестели ее перепуганные глаза.

— Она боится,— шепнула Арэлл Лолле.

— Она всегда боится,— рассеянно отозвалась та и потянула на себя тяжелую дверь.

— Возьми ее с собой.— Арэлл схватила Лоллу за руку.— Не оставляй здесь.

— Ты дождешься, что мы все трое останемся за дверью! — злобно фыркнула дочь императора.— Думаешь, я не боюсь?! Думаешь, я в восторге от этих чертовых придворных ритуалов?! За мной тоже следят и требуют их исполнения. Идем же!

Внутри дома было полутемно. Мрачный красный свет едва освещал просторную комнату, стены и пол которой были выложены черным камнем. В центре стояла огромная кровать. Больше Арэлл не удалось разглядеть ничего.

— Это она,— Лолла толкнула девушку в бок и благоговейно зашептала.— Говорят, когда она спит на левом боку, то видит прошлое, на правом — будущее, а на спине — настоящее.

Все это было бы очень смешно, если бы не черные, давящие стены с красными отблесками, светильники в форме змей и низкий голос, прозвучавший действительно с кровати:

— Подойди ближе.

Ведьма ободряюще кивнула и указала взглядом на ложе.

Арэлл, пересиливая себя, сделала несколько шагов вперед. Она ожидала увидеть старую, страшную каргу, но колдунья оказалась молодой женщиной, даже красивой. У девушки знакомо заныл висок.

Она не удивилась. Эта боль была привычной. С детства. С того самого дня, когда она, шестилетняя малышка, убежала от няньки, пробралась по галерее в самый большой зал дворца, где часто проводил целые дни отец. И выскочила на середину комнаты, смеясь от удовольствия и собственной смелости.

Отец был не один, и он не обрадовался. Его лицо стало откровенно испуганным. А гость его — высокий господин в черных необычных одеждах, с красивым, переливающимся рубиновым поясом, наоборот, расцвел широкой улыбкой.

— Какая прелесть.— Он быстро подошел к застывшей от неожиданности Арэлл, взял под мышки и поднял до уровня своего лица.— Сколько тебе лет, малышка?

— Ей пять,— быстро ответил отец и добавил.— Всего пять.

— Ты вырастешь красавицей,— гость продолжал рассматривать ее, держа на вытянутых руках, словно щенка или ягненка,— светлые глаза, золотые волосы... Надо будет подыскать ей хорошего мужа.

— Ей всего пять лет,— повторил отец, хмуря брови.

— Человеческая жизнь очень короткая.— Черный господин снова улыбнулся.

И тут у нее заболела голова. Как будто в висок воткнулась колючка, и чем дольше Арэлл смотрела в глаза незнакомца, тем сильнее становилась эта боль. Девочка взвизгнула и попыталась вырваться, но ее отпустили не сразу.

Едва ощутив пол под ногами, она бросилась к отцу, тот подхватил ее на руки, прижал к себе. Но Арэлл чувствовала, что он не может защитить от опасного гостя.

— Красивые женщины — моя слабость,— сказал тот, ущипнул девочку за щеку и вышел, не прощаясь.

Арэлл почему-то заплакала. Не от боли или страха — от обиды. Она сама не понимала, что ее огорчило — высокомерие «черного», то, как он обращался с ней, или ощущение собственной беспомощности.

Тем же вечером отец рассказал ей про демонов. О том, что они правят миром, о том, какие они бывают и чего хотят, об их жестокости и силе. Им принадлежало все. Они вмешивались в жизнь людей, распоряжались ею и отнимали, если хотели. Высшие интересовались политикой, любили роскошь и развлечения. Низшим нравились удовольствия попроще.

До пятнадцати лет Арэлл больше не встречалась ни с теми ни с другими. А в тот день, когда ей исполнилось пятнадцать, ей уложили волосы в сложную прическу, впервые нарумянили щеки и вывели в главный зал. Там сидел гость (он ничуть не изменился), что испугал ее в детстве. Высший демон.

Он поднялся с высокой скамьи, учтиво поклонился, сверкнул алым поясом. Арэлл стояла неподвижно, глядя на его человеческое лицо.

— Ты выросла.— Демон взял ее руку, поднес к губам, поцеловал.— Стала очень красивой. Это хорошо. Мы с твоим отцом думаем, как выгоднее продать твою красоту.

— Я не хочу, чтобы меня продавали,— чуть слышно ответила девушка. От горячих пальцев демона, все еще держащего ее ладонь, вверх по запястью растекалась неприятная тяжесть. Покалывание, озноб.

— Деточка! — рассмеялся он.— Ты же не знаешь, *за сколько* тебя хотят купить. И кто.

— Мне все равно.

— Ты молода и глупа! — Демон оттолкнул ее, и Арэлл с размаху села на скамейку.— Но со временем это пройдет. Я надеюсь...

Ее продали очень выгодно. Сыну императора Рэйма в качестве приложения к мирному договору. Или наоборот — договор о мире и развитии торговли прилагался к ней. Это было нужно Эллиде. А также Друзлту — Хозяину страны, где родилась Арэлл...

Теперь она стояла у ложа ведьмы-демоницы и смотрела в ее глаза, отсвечивающие красным. Темноволосая женщина в хитоне из флеровой ткани[1] возлежала на бордовых шелковых подушках.

— Хочешь узнать свое будущее? — спросила она, улыбаясь.

— Да.

— Ближнее, дальнее? Хочешь знать, что случится с тобой этой ночью? — Она приподнялась, ее локоть надавил на мягкую подушку, черные бусы на шее сверкнули.

— Дальнее.

Арэлл стало любопытно, что будет делать ведьма — ляжет спать, повернувшись на правый бок, или достанет из-под кровати магический кристалл, чтобы заглянуть в него.

— Мне не нужно никуда смотреть. Твоя судьба написана у тебя вот здесь.

Демоница протянула руку и больно ткнула Арэлл пальцем в лоб.

— Ранняя смерть. Мучительная ранняя смерть,— добавила она, подумав.— Но, если хочешь, я могу подправить твою судьбу. Это будет стоить тысячу сестерциев. А-а, ты, кажется, не веришь мне? Подойди ближе.

---

[1] Флеровая ткань — прозрачная ткань, практически не скрывающая тело, пользовалась дурной славой среди порядочных горожан, поскольку была любима демонами, которые с удовольствием носили ее сами, принимая человеческое обличье, а также приказывали надевать людям, призванным увеселять и развлекать их.

Ведьма заставила Арэлл опуститься на колени возле кровати, надавила ладонью на затылок и приблизила к себе ее лицо.

— Одиночество, пустота, смерть. У тебя не будет мужа, не будет детей и не будет дома.

Это была правда. На какое-то мгновение элланка почувствовала эту самую пустоту. Вокруг себя и в себе самой.

— Я знаю,— шепнула Арэлл.

— Знаешь? — удивилась ведьма.— А знаешь ли ты, что сама лишила себя своей судьбы?

— Да.

— Мне жаль тебя, смертная. У тебя не будет никаких человеческих радостей. Ты одержима. Я могла бы помочь тебе, но ведь ты не хочешь этого?

— Нет.

— Тогда уходи. Тебе нечего здесь делать... Ну? Чего ты ждешь?

— Покажи мне твой подлинный образ.

Ведьма рассмеялась неожиданно мягким, обворожительным, грудным смехом:

— Ну смотри.

Красивое лицо потекло, смываясь, под ним проявилась хищная морда с длинными клыками, торчащими из красной пасти, и широким, часто подергивающимся носом.

Арэлл смотрела на демона долго, не отрывая взгляда, целую вечность. И чувствовала, как новый отвратительный образ заползает в ее память. Она должна была запомнить его тоже. Как запоминала их всех... Нет, не для того, чтобы ненавидеть. Ненависть лишает сил. Нужно просто помнить, какие они на самом деле.

— Ты одержима,— повторила ведьма. В красной пасти мелькнул длинный узкий язык.— Но мне нравится твоя ненависть.

Арэлл изумленно смотрела в красные глаза.

— Она... правильная. Но она погубит тебя.

Из дома демоницы Арэлл выбежала первой. Лолла неслась за ней по пятам:

— Ну что? Что она тебе сказала?!

— Ты разве не слышала?

— Нет. Ее слышит только спрашивающий... И где эта идиотка Гермия? Я же приказала ей ждать здесь.

Лолла остановилась, уткнула руки в боки, поворачиваясь в разные стороны. И тут же стала похожа на базарную торговку. Арэлл схватила ее за край гиматия и потащила за собой:

— Идем. Быстро! Я хочу уйти отсюда!

— Да-да, идем... Ну где же эта дрянь?! Если сбежала домой, я сама ее выпорю!

Всю дорогу до дворца Лолла ругала нерадивую рабыню.

Глава 5,
в которой неприятности, как я и предполагал, не заставляют себя ждать, а Энджи вербует в нашу команду новых членов

Внутри город был белым.

Я невольно содрогнулся, увидев вокруг слепящий глаза песчаник, а выше по холму статуи и мрамор портиков. С некоторых пор я не доверял белым городам. Не слишком светлые воспоминания связаны у меня с этим цветом. Впрочем, Энджи, кажется, тоже поежился. Совсем по-человечески передернул плечами и нахмурился. Зато Атэр был в восторге. Он весело насвистывал, оглядывался по сторонам и рвался наверх, где среди буйной зелени белели крыши богатых домов.

Ну вот, наконец что-то, радующее глаз. Замызганный крестьянин лениво ковырял землю мотыгой, прочищая канаву.

— Эй, любезный! — крикнул я.— Где тут приличный постоялый двор?

Человек оперся о рукоять мотыги, прищурившись, рассмотрел нас и сплюнул мне под ноги. Значит, не раб. Свободный гражданин, ценящий свое время и достоинство.

— А вы кто такие?

— Мы из Нитополиса,— смело влез в разговор Атэр.— Идем наниматься на службу к прекрасной лурии — прибывшей из благодатной Эллиды невесте сына правителя славного Рэйма и его провинций, да принесут они каждому свободному гражданину Великого Рэйма почет и процветание.

— А-а...— С лица крестьянина исчезла возникшая было подозрительность.— Хорошее дело. В гвардию императора всех берут. Даже таких черномазых,— кивнул он на меня.

Атэр сдавленно хихикнул, а я загнал глубоко внутрь себя демоническую гордость. Несколько сотен лет в обществе ангела кого угодно научат терпению.

— У меня там сын служит,— продолжал разглагольствовать крестьянин.— Не в охране, конечно. Простых туда не берут. В казармах армии, на кухне кашеварит, но ему неплохо перепадает. И домой, бывает, отпускают, кое-что приносит... А на постоялый двор не ходите, дерут там втридорога. И пошаливают. Хотите — можете у меня остановиться.

Я мельком взглянул на Энджи — не его ли рук дело это неожиданное гостеприимство. Но ангел не колдовал, просто стоял и задумчиво смотрел на человека ясными, глубокими глазами.

Как я уже говорил, за время наших странствий четырнадцатилетний мальчишка-ангелок — человеческий образ Энджи — значительно подрос. Теперь это был молодой человек двадцати трех лет. Молчаливый, загадочный, излучающий ангельское спокойствие и волю. Плакать он, кажется, разучился, да и улыбался нечасто. Я видел, знал, чувствовал, что его терзают какие-то сложные проблемы, непонятные мне, демону. Но помочь не мог. Не умел. Не знал как.

— Ну так что? — переступил с ноги на ногу человек.

— Сколько? — спросил я многозначительно.

Крестьянин в затруднении пошевелил пальцами.

— Ну... договоримся. Не больше одного дупондия[1].

— Ладно, согласны. Куда идти?

На протяжении всего разговора Атэр дергал меня за руку, толкал и делал умоляющие глаза. Его неудержимо притягивал верхний город, фонтаны и статуи. Он не хотел жить в бедной лачуге. Но я был неумолим. Мальчишке пришлось смириться.

Он недовольно скривился при виде земляного пола, кривоватых стен и вытертых циновок. Это радует. Явный прогресс в демоническом воспитании — стремление к роскоши и отвращение к бедности. В этом направлении будем работать в дальнейшем. А пока неплохо бы поужинать.

На ужин нам выдали по куску хлеба с овечьим сыром и по кружке молока. Неприхотливый Энджи быстро сжевал свою порцию и принялся рассматривать убогое убранство дома. Атэр брезгливо надувал губы, но не уворачивался, когда хозяйка — дородная женщина в линялом хитоне — изредка гладила его по голове.

— Вот и у нас такой же был,— приговаривала она, украдкой подсовывая мальчишке куски хлеба помягче.— Такой же кудрявый, ясноглазый.

— Где же он? — отрывисто спросил Энджи, рассматривая какую-то грубую фигурку, стоящую у очага.

— Не уберегли,— вздохнула женщина и больше ничего не сказала.

Ангел тоже не стал расспрашивать. Он явно проявлял повышенное внимание к каменной узкой печи, на краю длинного устья которой заботливая хозяйка подогрела еще одну кружку молока для Атэра. Энджи встал из-за стола, подошел ближе к печке. Ага, понятно, ему не давала покоя глиняная фигурка.

---

[1] Дупондий — ходовая монета (один дупондий равен двум ассам).

— Что это? — Ангел протянул руку, потрогал темную глину, а потом перевел взгляд на свои пальцы, испачканные красным. Я заинтересованно присмотрелся. Темно-бордовая фигурка изображала... демона. Да, пожалуй, демона. Раскосые глаза, широкий рот с клыками, тумбообразные ноги, круглый живот. Энджи поднес пальцы с красными пятнами к носу, нахмурился.

— Это кровь,— сказал он тихо.

— Кровь,— радостно подтвердил крестьянин.— Только сегодня утром обряд проводили. Все как положено. Голубя зарезали и...

Энджи, недослушав, прижал чистую ладонь к губам и выскочил из дома. Я помедлил немного, потом швырнул на стол недоеденный кусок хлеба с сыром и бросился за ним.

Ангела я нашел в саду. Тот стоял, прислонившись лбом к серому стволу оливы. Его трясло, и он никак не мог справиться с собой.

— Энджи, возьми себя в руки.

— Они поклоняются демонам... Они им *поклоняются,* — шептал он, нервно вытирая красную от крови руку о древесную кору.— Приносят жертвы... Кровавые жертвоприношения.

— Энджи, пять тысяч лет прошло. Мир изменился.

— Мир не мог измениться настолько! Я не верю!! Демоны! Кровь! Убийство! Никто даже не вспоминает об ангелах! Где они?!

— Тебе лучше знать.

Он резко обернулся. На щеках два ярких пятна, на лбу — отпечаток шершавого ствола и прилипший кусочек коры...

— Я не слышу их. Или они не слышат меня. Или... они ушли.

Я глубоко вздохнул, стряхнул чешуйку коры с его лба. Не первый это у нас разговор об ангелах. И не последний.

— Слушай, я тоже демон. Тебя это не смущает?

Энджи улыбнулся, отпустил дерево, которое так страстно обнимал.

— Ты будешь смеяться, но я не могу считать тебя настоящим демоном.

Ну и на что он намекает?.. Я, конечно, знаю, что оборотней, подобных мне, умеющих принимать *любые* личины (не только волков, как вервульфы, или летучих мышей, как бруджо), относят к совершенно особому разряду существ, среди которых есть такие, кто имеет смешанную природу. Но это вовсе не значит, что я не чистый демон.

— Интересно, кто же я, по-твоему?

— Не знаю.

— А я знаю! Идиот, который связался с тобой и ненормальным Хозяином, захотевшим мирового могущества. Давно надо было бросить вас обоих, вернуться в мою прекрасную, между прочим, демонскую семью и...

Ангел взял меня за плечи и слегка встряхнул. Словно это он пришел успокаивать, а не наоборот.

— Ты не можешь нас бросить, Гэл. Ты наш друг. Ты скучаешь по Буллферу. Хочешь его вернуть... Впрочем, как и я.

— Ага! — Я многозначительно поднял палец вверх.— Скучаем, значит, по Буллферу, ваша светлость?.. По рыжему, бешеному, темпераментному Буллферу? Тогда что ты морочишь мне голову?! Свет! Совершенство! Восхождение! Энджи, не валяй дурака! Помоги мне сделать его демоном снова!

— Не могу, Гэл.— Ангел сел на землю у дерева, сорвал травинку, сунул в рот.— Он сам выбрал свой путь. Не случайно я оказался рядом. И ты тоже. Да, я скучаю по рыжему, бешеному Буллферу,— он усмехнулся, перебросил травинку из одного уголка губ в другой,— но я буду делать то, что должен. Вести его к совершенству, которого он желал, сам того не подозревая. Не сердись.

— Не сержусь.— Я сел рядом, вытащил свою зубочистку.— Жаль, конечно, что из-за непредусмотрительности Хозяина ты теперь вечно будешь тащить его туда, куда он вовсе не собирался. Но это вы с ним потом сами разберетесь. А расскажи мне лучше, как он коварно перехитрил тебя тогда, в *нашем* времени...

Энджи наклонил голову, прищурился на заходящее солнце.

— Я ведь тебе уже сто раз рассказывал.

— Расскажи еще.

— Ну хорошо... Я летел по Срединным землям, принадлежащим Буллферу. Ты, конечно, помнишь, библиотека в Южной империи считалась лучшей в человеческом мире. Я узнал, что в ней хранится одна редчайшая магическая книга, которую я очень хотел прочитать и искал по Срединному миру уже давно. Я добрался до Данкара, действительно нашел книгу, сделал мысленный «слепок» текста. И когда возвращался назад, Архэл должна была забрать меня, потому что сам я не мог открыть телепорт такой мощности. Мы договорились встретиться в трактире одного из небольших городков, где уже встречались однажды и где силовые линии были достаточно плотными и доступны ангелам по энергетике — это необходимо, чтобы открыть канал. Но...

— Ты заблудился! — подсказал я.

— Да. И очень устал. Промок под дождем, немного замерз, а тут еще поднялся туман, который становился все гуще,— и я потерял дорогу. Прошло довольно много времени, когда я, на свое счастье, вышел к какой-то деревянной, явно человеческой, невысокой постройке. Я надеялся, что смогу расспросить людей, куда двигаться дальше, но вдруг понял, что их здесь нет. Посреди чистого поля стояла конюшня. Приоткрыв дверь, я заглянул внутрь.

— Ну и...— подбодрил я, хотя ангел вряд ли нуждался в этом. Прошло то время, когда ваш покорный слуга именно в этот момент начинал саркастически хмыкать и отпускать замечания, что только наивный

ангелок не мог заметить в этом странном совпадении ловушку, что, будь я на его месте, ни за что бы не зашел туда. Теперь я просто слушал. Энджи сделал паузу, и началась моя любимая часть истории.

— Кони, которых я увидел, потрясли мое воображение. Они стояли в ряд и были похожи на какие-то странные символы. Из тех, что оставляет в Срединном мире само Время.

— Начитался книжек... маг природный... — Эх, все-таки не удержался.

— ...Длинногривые, тонконогие, все с лоснящейся, бархатной шерстью. Один — вороной — черный как ночь. Другой — белоснежный — словно пар над рекой ранним утром. Третий — гнедой — с золотыми, как солнечные лучи, гривой и хвостом. А четвертый... медный.

— Да! Великолепный рыжий жеребец! — снова влез я в повествование.

Энджи быстро глянул в мою сторону, но поучать не стал. Что там, ваша светлость, о правилах вежливости можно забыть, раз приближается такой важный момент.

— Я подошел к нему, хотел погладить по морде. А он вдруг...

— ...Перевоплотился!!

— Мгновенно. Хлоп, и меня хватает огромный, рыжий, улыбающийся демон со словами...

— «Поймал птичку»,— закончил я довольно.

— Ну да. Именно так он и сказал.

Мы замолчали. Каждый вспоминал своего Буллфера. Я — грозного Хозяина, Верховного Правителя, Энджи — неистощимого на выдумки, необычного рыжего демона...

— Мир изменился,— прошептал вдруг ангел горько.— А мы — нет. Мир так изменился...

Да уж, с этим сложно спорить...

Однажды. Давно. Во время второй прошлой жизни Атэра (сразу после той, в которой он освободил Энджи из гробницы-пирамиды Белого Города и мы впервые познакомились с этим нелепым воплощением моего могущественного Господина). Мы с ангелом остановились в придорожной гостинице. Довольно приличной, в ней была даже книжная лавка. Хозяин этого заведения, гордясь своей просвещенностью, понавешал на стенах картинок из книг, литографий и офортов. Проснувшись утром у себя в комнате, я добрался полуощупью до умывального таза, плеснул воды в физиономию и, когда проморгался, увидел карту, висящую здесь вместо ковра... Я заорал так, что из соседнего «номера» прибежал перепуганный Энджи с мокрыми волосами и в одной сандалии.

— Гэл?! Что случилось?

Ангел проследил направление, куда указывал мой трясущийся палец, и обернулся. Он не вздрогнул, не вскрикнул. Даже, похоже, не удивился.

— Пять тысяч лет, Гэл.

Я бросился к карте, ладонью провел по измененным линиям материков.

— Этого не может быть! Этого просто не может быть!

Если верить рисунку, часть земель, раньше принадлежавших Буллферу, ушла под воду... У меня почему-то закружилась голова, а в ушах зазвучал плеск волн.

— Гэл, успокойся,— раздался над моим ухом не очень-то и спокойный голос Энджи.— Просто очертания материков слегка изменились. Но это же Срединный мир. У вас, в демонском, все осталось по-прежнему.

— Не надо! Ты прекрасно знаешь, демонический мир связан с человеческим. Если здесь все так, представляю, что стало там... А, ну и ладно. Надеюсь, эту негодяйку затопило. Залило лавой и завалило камнями. Получилась великолепная могилка пару тысяч миль в диаметре...

При упоминании об «этой негодяйке» Энджи крепко сжал губы и глаза его потемнели. Я понимаю, он, конечно, не мог простить Хул — бывшую любовницу Буллфера, добывшую страшное оружие — Рубин Карашэхра и победившую в поединке моего Хозяина. Из-за нее ангел пять тысяч лет проспал, погребенный в храме Белого Города. Энджи не умел ненавидеть, но, ручаюсь, никаких приятных воспоминаний после общения с Хул у него не осталось.

— Ладно! Забыли! — я стукнул кулаком по стене и отвернулся.— Мы с Буллфером найдем себе новое царство... А вообще, эта карта может быть старой...

Но карта была новой. Мир, действительно, изменился.

С каждой новой жизнью менялся Атэр (у меня по-прежнему не поворачивался язык называть этого человека именем своего грозного Хозяина). И — Энджи не прав — мы тоже менялись. Я оттачивал свои способности к оборотничеству и с помощью ангела постигал основы высшей магии. Мой светлый партнер тоже эволюционировал по-своему, хотя мне были не совсем понятны его внутренние изменения.

— Гэл, очнись.— Энджи потрепал меня по плечу.— Пойдем. Атэр будет беспокоиться.

Я кивнул, поднялся, отряхнулся от мусора, налипшего на гиматий.

— Идем. Ты как, в порядке?

Ангел украдкой взглянул на свою ладонь со следами жертвенной крови, поморщился, но сказал твердо:

— В порядке.

Мы вернулись в дом. Подросток — сытый и довольный — болтал какой-то юношеский вздор, хозяева смотрели на него со странной печалью на лицах.

— Хватит трепаться,— сказал я строго.— Пора спать. Завтра у нас много дел.

Атэр на удивление легко согласился. Без пререканий завернулся в плащ, устроился у очага и через несколько минут сонно засопел. Как бы мальчишка ни выпендривался, он был неизбалован и неприхотлив. Спал, где положат, и ел, что дадут.

Хозяева ушли на свою половину. Пошептались там немного и тоже затихли. Все же как-то слишком легко пустили в этот дом двоих подозрительных незнакомцев. Впрочем, Энджи умеет вызывать доверие у людей, злых собак и детей. Так что в дружбе с ангелом есть свои преимущества.

Мы с ним посидели еще немного, безо всякого удовольствия выпили кислого вина, предложенного крестьянином. И тоже засобирались укладываться. Ночь была тихой. Даже звонкий треск цикад в саду казался приглушенным. Пару раз тоскливо ухнула одинокая сова. И кто-то тихо шуршал за стеной. Змеи, что ли, а может, мыши.

Энджи лежал тихо, дышал почти беззвучно. Спал или думал о чем. Не поймешь. Я точно не спал. Мне мешал назойливый шорох, а еще от глиняного идола, стоящего в углу, тянуло явственной силой. Вот он — дармовой источник. Принося жертву, люди, сами того не зная, выпускали энергию, которой мог подпитаться любой демон. Я, например.

Вообще мне было неплохо в этом мире, где все забыли об ангелах. Демоны свободно расхаживали по земле. Им поклонялись, их боялись, уважали. Я мог хоть купаться в энергии и копить магический потенциал. Но, как ни глупо звучит, это был не *мой* мир. Может быть, потому, что я не чувствовал себя до конца свободным? На мне по-прежнему висели два обещания. Одно — данное в незапамятные времена Буллферу — позаботиться об Энджи. Второе (данное самому себе) — сделать из никчемного человека Атэра достойного Высшего демона.

А с другой стороны, не было бы этих целей, и что?! Болтался б я без дела. Ел, спал и развлекался. Или служил новому Хозяину наравне с остальными серыми бездарностями. Скучно, глупо, бессмысленно... бесконечно. Надо будет спросить утром у Энджи, что он думает о смысле своего существования.

Я повернулся набок, захватил, сколько мог, силы, струящейся от красного идола, и закрыл глаза. Все. Спать.

Но отдохнуть, как я и предполагал, не удалось. Издалека послышался гул, потом резкий, звенящий удар. Во дворе завыла собака, жалобно заблеяли овцы.

Проснулся Энджи. Подскочил, просыпаясь, Атэр. Из соседней комнаты выскочили полуодетые хозяева.

— Вот, гости дорогие,— забубнил крестьянин, прижимая к груди что-то, завернутое в тряпку.— Прибыли с поклоном в недобрый час... Пронеси и убереги.

— Что за бред?! — Я спихнул с себя шкуру барана, которой укрывался.— Кого пронеси?

— Демоны,— прошептал Энджи.— Я чувствую.

— Их милости пожаловали,— согласно кивнул хозяин.— От горячего огонька к доброму столу... Давай, жена, чего стоишь!

Женщина всхлипнула, метнулась в угол, подняла циновку, открывая крышку люка, подняла ее. Под полом оказалась дыра, куда могло поместиться два-три человека.

— Лезь давай,— приказал крестьянин и снова залопотал какую-то чушь про дорогих гостей.

— А ты как же? — зарыдала женщина.— А ты-то?!

— Лезь, тебе говорят. А я гостей встречать должен.

— Прячьтесь оба,— велел я.— Мы сами встретим ваших «гостей». Не впервой.

Человек несколько мгновений смотрел на меня пустыми глазами, потом вдруг сунул в мою руку сверток и бросился к подполью.

— А мальчик?! — воскликнула женщина.

— А мальчик останется здесь,— властно произнес Энджи и добавил тише, уже мне: — Пусть посмотрит.

Я равнодушно пожал плечами. Атэр, блестя испуганно-любопытными глазами, забился в уголок. Хозяйка, всхлипывая: «Мальчик-то как же... мальчика жалко...» — протиснулась в дыру, следом за ней нырнул более стройный муж.

— Вы уж с ними поучтивее. Если захотят овечку какую взять, так отдайте. Только сами выведите, а то они ягнят маленьких напугают... умрут ягнята...

— Выведу-выведу,— пообещал я, ногой захлопывая крышку люка.— Так выведу, что мало не покажется.

— Вы что, драться с ними собрались?! — тихо восхитился в своем углу Атэр.— Вы в своем уме? С демонами?!

И, понаблюдав еще несколько мгновений за моим лицом, приподнялся:

— Ну вы точно не в себе! Пустите, я пойду вниз, к тем людям.

— На, подержи,— я швырнул ему пакет через всю комнату,— а то хозяин расстроится, если он пропадет.

— Хозяин расстроится, если он уцелеет,— парировал Атэр.— Ты что, не знаешь — это подношение демонам. Ну там деньги или, может, мяса копченого кусок.

— Обойдутся без подношения,— сказал Энджи, усаживаясь за стол. Я уже чувствовал, как он начинает дрожать. Но не от страха. Ангел называл состояние, в котором его тело сотрясали высокочастотные вибрации, «звездным ветром». Непонятная сила начинала пульсировать в нем.

Я тоже сел рядом, так, чтобы видеть дверь. Плеснул в наши стаканы еще вина.

— Мне тоже дайте,— потребовал Атэр.— Не хочу смотреть на это трезвым.

Пришлось налить и ему. Но выпить мальчишка не успел. Входная дверь с грохотом распахнулась, пламя в светильнике эффектно качнулось, освещая демонов, стоящих на пороге.

Их было всего двое. Как я и почувствовал, из низшего разряда. Серые, наглые, ухмыляющиеся морды. Один тащил мекающую от страха овцу, другой нес на плече человеческое тело. Живое. Похоже, девичье.

— Здесь, что ли? — осведомился «животновод».

— Да, след отсюда,— подтвердил любитель человечины.— Заждались смертные.

Они вошли, не обращая внимания на нас. Вольготно. По-хозяйски.

— Так. Это еда.

Девушку бросили на стол. Ее руки и ноги были связаны, рот заткнут тряпкой, светлые волосы в крови. Энджи даже не вздрогнул, когда ее голова стукнулась о столешницу, а круглые, выпученные от ужаса глаза встретились с его взглядом.

— А это развлечение.— Овца жалобно мекнула, когда ее пнули в бок когтистой лапой.

— Ты чего, дубина! Наоборот,— захохотал другой демон.— Это еда!— Испуганное животное снова шарахнулось в сторону.— А это — на столе— развлечение.

И оба загоготали, довольные своим чувством юмора.

— Эй, смотри,— «животновод» изволил, наконец, заметить Энджи.— Подойдет в масть к твоей смертной.

Он протянул руку, намереваясь схватить ангела за светлые кудри, но в когтях его осталась пустота. Мой друг уклонился с нечеловеческой ловкостью.

— Любите играть в карты, ребята? — негромко спросил я.

Две одинаковые тупые, серые морды повернулись в мою сторону.

— Кто ваш Хозяин? У кого служите? Визит на землю разрешен?

— Чего? — просипел любитель человечины.— Чего там вякает этот смертный?

— Ты у меня сейчас сам смертным станешь, мразь! — Я поднялся, чувствуя, как начинает трещать на мне одежда, не выдерживая давления нового образа.— Протри рыло. Не видишь, с кем разговариваешь?!

У мародеров отвисли челюсти, когда они увидели перед собой один из самых эффектных моих образов Высшего демона.

— Уф...— весьма глубокомысленно изрек один из них.— Так ведь мы не знали, ваша милость. Не признали вас в человеческом.

— Закрой пасть, кретин! Последние мозги прожрали?! Какого Дьявола вы здесь делаете?!

— Жертвоприношение...— заискивающе моргая глазами, сказал другой.— Сила...

Я вышел из-за стола (демоны шарахнулись в сторону, освобождая мне дорогу), взял идола и с удовольствием швырнул его в льстивую морду «животновода».

— Это *вся* кровь, которая вам положена здесь. Убирайтесь!

Чистый блеф! Они должны были понять с минуты на минуту, что под великолепной внешностью Высшего демона скрывается далеко не высшая сущность.

Один из моих «родственничков» подозрительно принюхался. Зрачки его налились красным.

— А дозвольте, господин, узнать ваше имя. Что-то мне... ваша личность незнакома.

— Не твое дело, кретин.

Я почувствовал, как начинает покалывать пальцы от скрытой в них силы. Энджи незаметно для мародеров опустил руку рядом с ножом, лежащим на столе.

— Стой! — «Животновод» еще раз громко втянул носом воздух.— Сдается мне, нас пытаются обдурить.

Его менее сообразительный приятель попятился к двери:

— Слушай, пошли, а? Может, он и в самом деле Высший.

— А ты проверь,— любезно улыбнулся я, вытягивая из идола, валяющегося на полу, остатки силы.

Проницательный демон шагнул вперед, уставился на меня красными глазками. На его морде медленно появилось выражение злобного торжества.

— Дешевка! — заорал он, выпуская когти. — Фуфло! Снаружи он...

И тут Энджи прыгнул. Великолепный это был прыжок. Ангел перелетел через стол, и, прежде чем коснулся земли, из его ладоней вылетели две белые молнии. Демонов отбросило к двери, шерсть на их загривках задымилась.

Здорово. Не знал такого заклинания. Но у меня было припасено кое-что не менее действенное. Мой магический удар уложил мародеров ничком. Одного подле другого.

— Фуфло?! — Я хорошенько пнул ближнего.— Такие, как я, появляются раз в тысячелетие!

— А возможно, и реже,— задумчиво сказал Энджи, сложив вместе ладони и крепко сжав их.

Я благожелательно кивнул ему. С ангелом стало неплохо работать в паре.

— А может, и реже!

— Проштите, гошподин,— прошепелявил любитель человечины, не рискуя поднять голову.— Проштите, мы не жнали. Не поняли...

— Ну что, добить их? — обратился я к своему партнеру.

Энджи поморщился, отрицательно покачал головой:

— Пусть уходят.

Нет, он безнадежен. Ангельское милосердие, никуда от него не денешься.

— Убирайтесь! Пошли вон! Мотайте отсюда, пока мы не передумали.

Я пинками поднял демонов на ноги, вытолкал взашей за дверь и оглянулся на Энджи.

— Пойду провожу их. А то так и останутся валяться у порога.

— Не убивать.— Голос ангела был строг.

— Ладно-ладно, ваша светлость. Слушаюсь.

Почти у самого крыльца светился бледный ободок телепорта.

— Проваливайте. И не вздумайте вернуться обратно. Иначе развею в дым. Это мои люди и мой жертвенник.

Я впихнул неудачников в телепорт, а потом, подумав несколько мгновений, отправил следом заклинание уничтожения. Что ж, у них есть шанс спастись, если будут двигаться быстро. А может быть, моя маленькая месть догонит этих серых бездельников прежде, чем телепорт закроется.

Но формально я чист. Совесть ангела может быть спокойна. Я вернулся в дом, демонстративно показывая Энджи свои не запятнанные кровью ладони. Он хмуро кивнул.

Чувствуя в себе странное опустошение, я сел на прежнее место и сменил облик. Машинально выбрал свой обычный, человеческий.

Энджи взял нож, разрезал веревки на руках и ногах девушки, вытащил кляп. Стащил ее со стола. Силой влил в рот вина. Девчонка вздрагивала всем телом, голова моталась, содержимое стакана текло по шее.

— Оставь,— посоветовал я устало.— Сама очухается. Они живучие как кошки.

Ангел молча взглянул на меня исподлобья, и я предпочел заткнуться.

Девушка постепенно приходила в себя. В коротких рыданиях без слез она затряслась еще сильнее.

— Господин... господин... — лепетала она, заглядывая в лицо Энджи и целуя его ладони. — Спасибо... вы спасли меня. Вы меня спасли...

Ангел деликатно освободился из ее жадных рук. Погладил по голове:

— Усни и все забудь.

Глаза девушки закрылись, тело расслабилось. Энджи удержал ее от нового удара головой о стол, поднял на руки и бережно опустил на топчан, покрытый шкурой, где недавно пытались уснуть мы с ним.

— Теперь она будет отдыхать.

Ангел вернулся, сел рядом со мной, машинально взял нож.

— Здорово,— сказал вдруг Атэр, до этого тихо сидевший в своем углу.— Ну вы, ребята, даете.

Энджи стремительно повернулся к нему, лезвие ножа, который он сжимал в руке, нацелилось в грудь мальчишке.

— Тебе нравятся демоны? — спросил мой друг грозно.— Ты хочешь быть похожим на них?! Хочешь быть грязной, грубой, безмозглой тварью?!

— Эй, партнер,— произнес я лениво,— запретный ход.

Блестящее лезвие качнулось в мою сторону.

— Значит, ты хочешь, чтобы он стал таким... Убийцей?! Получающим наслаждение от смерти. Вечность! Целая вечность только боль, кровь, насилие.

— Энджи, полегче.— Я аккуратно отвел нож в сторону, но он даже не заметил этого.

— Я говорю правду. И ты знаешь, что я говорю правду! Если бы это было не так, ты бы уже давно нашел себе нового Хозяина и вернулся в свой мир...

— Я не могу вернуться в свой мир! И ты это знаешь. Меня там четвертуют за предательство!

— Гэл! Сколько тысяч лет прошло. Никто и не вспомнит о твоем предательстве!

— Ну да! Может быть, у ангелов такая короткая память. А мне припомнят все!

— Не поэтому! Ты здесь из-за него!

Нож снова указал на мальчишку.

— Эй-эй! — Атэр протестующе замахал руками.— Успокойтесь. Я не хочу быть демоном. А если бы и хотел... то в крайнем случае Высшим. И, Энджи, не мог бы ты положить это?

Ангел взглянул на нож в своей руке и бросил его на стол.

— Извините,— он провел ладонями по лицу, как будто умываясь.— Извините, кажется, я погорячился.

— Да ничего,— отозвался я добродушно.— С тех пор как ты стал «горячиться», с тобой стало очень легко общаться. Что, ваша светлость, не боишься стать боевым ангелом?

Энджи искоса взглянул на меня. От уголков его глаз побежали смешливые морщинки, нос забавно наморщился, на щеках появились

ямочки. Не совсем то, на что я рассчитывал, но все-таки лучше, чем ничего.

Атэр уселся за стол, допил вино из моего стакана, удовлетворенно кивнул сам себе и спросил:

— Кстати, кто такие боевые ангелы?

— В свое время узнаешь,— хмуро пообещал я.— Все, спать.

Глава 6,
где мы с Атэром получаем эстетическое, физическое и моральное удовольствие. А также хорошую прибыль

Я валялся на спине под старой виноградной лозой и наслаждался теплым утром. Тяжелая гроздь винных ягод висела прямо над головой. На вид они были очень даже ничего, хотя пробовать их не имело смысла. И так понятно, что кислятина.

Однако Атэр уплетал эту гадость с удовольствием, одновременно слушая Энджи. И выплевывал косточки, целясь в меня. Но пока не попал еще ни разу.

— Не отвлекайся,— сказал ангел строго.— Если не слушаешь ответ, зачем спрашиваешь?

— Да-да.— Мальчишка вытер липкие от виноградного сока руки о траву и устремил на него ясный взгляд честных глаз.— Так я не понял. Почему ты не боевой ангел?

— Я не могу убивать.— В голосе Энджи не было ни сожаления, ни радости — простая констатация факта.

— Не умеешь? У тебя не хватает магической силы?

— Хватает,— вмешался я.— Еще как хватает. Просто у него внутри есть мощный ограничитель — милосердие.

На лице Атэра отразилось сильнейшее умственное усилие. Покусывая нижнюю губу, он некоторое время смотрел на меня и наконец изрек:

— А у *тебя* нет этого... ограничителя?

— Естественно, нет.

— Значит, ты сильнее его?

Я лениво приподнялся, окинул взглядом светлую фигуру Энджи и снова лег обратно.

— Вряд ли.

— Тогда я не понимаю. Ты такой же сильный, как он, тебя ничто не сдерживает, почему же тогда ты выполняешь его приказы?

— Какие еще приказы?

— Ну... не убивать, например.

Энджи рассмеялся и, весьма успешно подражая моим интонациям, произнес:

— Дело в том, что у него внутри есть другой мощный ограничитель— уважение к авторитетам.

Я сел, задев головой кисть винограда.

— Ехидничаем, значит, ваша светлость?! А между прочим, Атэр, я бы на твоем месте спросил, почему эти самые хваленые, милосердные ангелы ушли, бросили вас, людей, на растерзание кровожадным демонам?

Атэр послушно повернулся к Энджи, ожидая ответа. Но тот не смутился, не расстроился. Он поднялся с земли со своей неповторимой ангельской грацией и улыбнулся:

— А почему ты считаешь, Гэл, что они бросили людей?

— Что значит — почему?! — возмущенно воскликнул я.

— Пока здесь есть хотя бы один из них — люди не брошены.

С преувеличенной вежливостью он склонил передо мной голову, повернулся и пошел к дому. Светлый силуэт на фоне светлого дня.

— Нет, вы посмотрите на него.— Я тоже встал, обращаясь к невидимым слушателям.— Люди не брошены... Спаситель человечества! Меч в руках никогда не держал!..

Я взглянул на Атэра, ожидая поддержки, но он сидел на земле, запустив пальцы в спутанные волосы, и задумчиво смотрел вслед Энджи. И мне не понравился этот взгляд. Совсем. А тут еще из дома выбралась вчерашняя спасенная девица, увидела ангела и бросилась к нему с очередной порцией благодарностей. Энджи удержал ее от падения на колени и целовать себе руки тоже не позволил, но это не мешало девице идти за ним по пятам и бормотать всякую признательную чушь.

Кстати, как-то никогда не думал, а ведь Энджи должен пользоваться успехом у женщин. Земных или небесных — не важно. Правда, раньше он был для этого слишком молод, но теперь есть все шансы... Только он сам этого, похоже, не знает. Вот и славно. Не буду тревожить его светлость такими пустяками. У него же есть великая цель — превращение Атэра в ангела. Так что пусть все милые глупости достанутся мне.

— Ладно,— сказал я, рассматривая ноги девушки, мелькающие в длинных разрезах ее хитона. (Очень удачная у них здесь одежда. Как будто созданная для того, чтобы открывать человеческое тело, а не скрывать его. Узнаю веяния демонической моды. Да и погода позволяет.) — Надо подумать, как нам попасть во дворец.

— Очень просто,— отозвался Атэр, внимание которого, надо полагать, привлекли те же самые гладкие девичьи бедра.— Вы пойдете и заколдуете стражу.

С нашим появлением в жизни мальчишки все стало «очень просто».

— Ну да. А что бы ты сделал, если бы нас не было?

Наш воспитанник сразу поскучнел, отвернулся от девчонки, вовсю кокетничавшей с Энджи.

— Что-нибудь придумал бы.

— Например?

— Ну... достал ты другую одежду...

— Так же как ты «достал» эту?

Атэр густо покраснел и сердито глянул на меня:

— Ладно... Ладно. Украл. Тебе так больше нравится?

— Так правдоподобнее. Ты реальнее представляешь свои возможности. И что дальше?

— Потихоньку пробрался бы во дворец.

— А ты знаешь, что бывает с теми, кто «потихоньку пробирается во дворец»?

— Да ну тебя! — Раздосадованный подросток вскочил.— Издеваешься, что ли?!

Я рассмеялся, дернул его за полу гиматия, усаживая на прежнее место:

— Успокойся, я придумаю, как попасть во дворец.

Ангел между тем закончил свою долгую беседу с девицей и направился к нам. Он улыбался.

— Девушку, которую мы спасли вчера, зовут Гермия.— Это было первое, что он сообщил.

— Я счастлив. Ну и какая нам от этого польза?

Энджи не обратил внимания на мой сарказм.

— Она побудет с нами... какое-то время.

— Что, своим успокоительным заклинанием ты отшиб ей память полностью? Она не может вспомнить, куда ей идти? Или ей настолько понравилось твое ангельское общество?

— Гэл...

Я поднялся, взял его за локоть и отвел в сторону подальше от ухмыляющегося Атэра.

— Ты что, не понимаешь? Нам некогда возиться с полуобморочными девицами!

— Гэл.

— Ну что «Гэл»?! Что «Гэл»?! Свихнуться можно от твоей неуемной благотворительности!

Взор ангела казался безмятежным и ясным. Спорить с Энджи было бесполезно. Он уже все решил. Мое согласие не более чем пустая формальность.

— Возиться с ней будешь сам. Понял?

Он понял. Улыбнулся, как будто не сознавая, отчего злится его давний приятель, и отправился обратно к своей новой подружке.

Вообще городок был очень даже ничего. Особенно если учитывать, что большую его часть занимал императорский дворец. Мы шли по дороге, засыпанной горячей по случаю летней жары пылью. Мимо белосерых каменных стен. Двери здесь часто выходили прямо на улицу. Кое у каких домов, правда, были небольшие портики, но у большинства подобных архитектурных излишеств не наблюдалось.

Несмотря на раннее утро, город уже не спал. Четверка крепких рабов в набедренных повязках тащила носилки, где сидел какой-то знатный вельможа, направляющийся по государственным делам в центр. Красотки — в скромных темных одеждах, но с ног до головы увешанные золотом — прогуливались в ожидании легкого заработка. Изредка пробегали торговцы жареной рыбой и сладкими пирожками. Маленький серый ослик, запряженный в повозку на двух колесах, провез целую гору цветов, и тут же вся улица удушающе сладко запахла розами. Стуча по мостовой калцеями и гремя вооружением, прошли бравые воины из городской когорты. Толкая перед собой скрипучую тачку, заставленную кувшинами, покатил на рынок ремесленник...

Атэр шел, с любопытством оглядываясь по сторонам, и вслух читал надписи, имеющиеся почти над каждой дверью. В большинстве случаев это было простое «salve» (добро пожаловать!) или изображение собаки с доброжелательным пожеланием «save canem» (берегись собаки!). Не исключено, что здоровая псина действительно сидела за каменной стеной, ожидая какого-нибудь незадачливого нежданного посетителя. Но чаще всего надпись являлась данью традиции.

Один домик особенно позабавил меня. Его фасад радовал глаз рисунком пса размером с хорошего теленка, пожеланием посетить это жилище и золотой клеткой, в которой сидела нахохленная ворона. Она злобно каркнула сакраментальное «salve» и повернулась к нам хвостом.

— Во дают! — восхитился непосредственный Атэр.— Энджи, ты видел?

Ангел молча кивнул. Он был чересчур тих и сосредоточен. Обдумывал какие-то свои неземные светлые планы. Гермия, или как там ее, ни на шаг не отходила от своего спасителя. Строила из себя этакую скромницу, слова лишнего не услышишь. Но ее блестящие глазки так шустро шныряли по сторонам, что стало ясно — еще тот подарочек мы повесили себе на шею благодаря ангелу.

— Нужно найти жилье.— Как всякому уважающему себя демону, мне была необходима крыша над головой. Надежное убежище. Или хотя бы относительно надежное.

— Вон тот домик как будто ничего,— включился в хозяйственную деятельность Атэр.— Энджи, как ты считаешь?

— Мне все равно,— отозвался мой партнер, глядя совершенно в другую сторону.

— Ему все равно,— подтвердил я, немного досадуя на то, что мальчишка по любому поводу стал интересоваться мнением ангела.— Так

что по всем вопросам, касающимся физического существования, обращайся ко мне.

Ученик смешливо хмыкнул и указал на двухэтажное здание, стоящее на другой стороне площади.

— Тогда идем туда. Это наемный дом. Видишь, фонарь над входом. У них есть свободные комнаты.

— Ладно. Сойдет.

— Между прочим,— сказал Атэр с непонятной обидой в голосе,— в наемных домах даже философы живут.

— Ну, раз философы...

Толстый домовладелец, величественно покачиваясь на коротких ножках, показал нам комнаты. Расхваливая их удобство, он особенно напирал на благородную древность архитектуры и водопровод. Так что никакие моральные устои не помешали ему содрать с нас в три раза больше, чем можно было рассчитывать. За древность, видимо. Потому что воду провести в комнаты ничего не стоило — на нижнем этаже располагались термы, или, по-нашему, просто баня. Энджи подставил палец под тонкую струйку воды, текущую по узкому желобку, попробовал ее и пробормотал: «Свинец».

— Свинец! — подтвердил улыбающийся владелец дома.— Совершенно верно. Великолепный, новейший водопровод. Лучшего вы нигде не найдете.

— А что, действительно неплохо,— отозвался Атэр, проверяя на степень скрипучести хозяйскую кровать.— Давайте останемся здесь.

Энджи кивнул, и я полез за деньгами.

Свински улыбаясь, домовладелец наблюдал за тем, как я вытряхиваю последние монеты. Потом пересчитал, сжал их в нетерпеливой, потной ладонище и поинтересовался ехидно:

— У достопочтенных есть деньги, чтобы заплатить за вторую половину месяца?

— Достопочтенные заплатят за вторую половину месяца сегодня вечером. Устроит?

— Буду ждать с нетерпением,— ответил владелец, ухмыляясь, и величественно понес свой необъятный живот вниз по лестнице.

Я закрыл за ним дверь и скептически оглядел своих спутников. Атэр, довольный жизнью, валялся на кровати, Энджи по старой привычке сидел на подоконнике, темным силуэтом выделяясь на фоне окна, Гермия тихой мышкой устроилась на низкой скамье подле ангела.

— Ладно, достопочтенные, пора внедрять в жизнь наш блистательный план. Атэр, где твои игральные кости?

Улыбка сползла с лица подростка. Он опасливо шмыгнул носом и покосился на светлого.

— Я... я их выбросил. Ты же сам велел.

— Давай сюда. Они мне нужны. Пришло время порастрясти немного этот Великий Рэйм и узнать, насколько он богат.

Мальчишка с восторженным обалдением уставился на меня и шустро спрыгнул с кровати:

— Гэл, я с тобой! Я тоже хочу!

— Ладно, идем... Энджи, ты с нами?

— Нет. Я побуду здесь.

— Ну, как хочешь.

Естественно, желания Гермии были понятны без всяких лишних вопросов. Никакими щипцами ее нельзя было отодрать от ангела. Да, собственно, не больно и хотелось.

— Атэр, идем! Чего ждешь?!

Он бодро поскакал следом за мной по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. А на меня вдруг нашло странное чувство. Как будто я был переполнен воспоминаниями, знаниями, временем...

Слишком много времени прошло... Все, все изменилось, а я продолжаю тащить на себе груз памяти о прошлом мире, о прежнем Буллфере. Кому это нужно? Зачем это нужно? Мне самому? Энджи? Атэру?..

— Видел бы ты сейчас свое лицо,— словно откликаясь на мои мысли, заявил наш воспитанник.— Думаешь о том, как нам попасть во дворец?

Естественно, только об этом я и думаю. Больше никаких соображений у меня возникнуть не может.

— Ну ладно,— продолжал рассуждать мальчишка, успешно копируя мои интонации.— Сейчас выиграем денег, купим роскошную одежду и уже до вечера сможем пойти прямо к лурии Арэлл.

Интересно, он действительно наивен до такой степени или прикидывается. В другое время, в другом месте я мог бы, пожалуй, провести его в любой дворец, но теперь...

Я вдруг с опозданием понял, что вести себя *теперь* надо очень осторожно. Любой Высший демон мгновенно узнает во мне своего младшего родственничка. И конечно же начнет задавать вопросы. Самые разные и очень неприятные, на большинство из которых я вряд ли смогу и захочу отвечать. Например, что простой демон-оборотень делает в императорской резиденции? Почему за ним по пятам таскается молодой ангел и человеческий подросток? Что за странная компания?

До сих пор нам с Энджи удавалось избегать общения с Высшими. Атэр был так любезен, что рождался в небольших городках и селениях, где демоны появлялись крайне редко или не появлялись вовсе.

Но очередное блистательное перевоплощение Буллфера занесло его в самый центр темной культуры. Может быть, мне вообще никуда нельзя брать с собой ангела? Может быть, ему опасно находиться здесь? Кто знает, что случилось с остальными его родственниками? Куда они ушли и почему?.. Ну вот, опять начался приступ гуманистического бреда! В конце концов, я ему не нянька! Сам навязался воспитывать человека, так что весь риск, который он на себя берет, оправдан.

— Эй, Гэл, смотри! — Атэр толкнул меня в бок, но я уже и сам увидел.

По площади двигалась безумная, ослепительная процессия. Сначала ровным строем шли люди в одинаковых военных плащах и лориках с красными кожаными поясами на бедрах. Каждый из них нес на плече связку прутьев с привязанным к ним топором. Я насчитал ровно двадцать четыре человека и столько же странных жезлов.

Следом ехали колесницы. У меня глаза полезли на лоб, когда я увидел, кто в них впряжен. Переднюю везли фыркающие и косящиеся на публику олени с ветвистыми рогами. Далее тащилась квадрига с расписными бортами, влекомая малорослыми лошадками. Потом бодрым галопом подскакивала на камнях упряжка здоровых черных собак.

А затем начиналось и вообще что-то непотребное. Рычащая, непрестанно огрызающаяся на погонщика лихая пара ездовых тигров, глаза которых горели лютой злобой и беспомощной яростью, в хищных пастях дрожали красные языки, усы хищно топорщились. Еще один экипаж везли львы. Два песочно-желтых зверя с темными лохматыми гривами. И снова львы, тигры, лошади, дрожащие мелкой дрожью от рыков хищников. А потом вдруг две огромные птицы с длинными шеями, крошечными головками, круглыми черными глазами и мощными ногами.

Такого я не видел даже на службе у его могущества Буллфера. Лечебница для сумасшедших на выезде. Я даже не сразу сообразил, что шепчет мне взволнованный Атэр, изо всех сил дергая за руку.

— Поклонись! Слышишь, поклонись! Император!

И только тогда я увидел веселую человеческую публику, сидящую в высоких повозках с резными, позолоченными бортами. Среди них, на самой богато разукрашенной, везли старика в расшитых золотом белых одеждах. На его худое, остроносое лицо падали отсветы, отраженные полированными листочками дубового венка, тоже золотого. Эта игра света и тени создавала впечатление, что император то хмурится, то улыбается.

Поза правителя выражала величественное спокойствие. В отличие, надо заметить, от свиты, члены которой изо всех сил делали вид, что веселятся, а сами с тихим ужасом косились на своих свирепых «ездовых».

Императора приветствовали довольно дружелюбными криками восторга. Колесницу забрасывали цветами. А я стоял, не шевелясь, и смотрел на это безумное шествие, испытывая огромное желание дать Атэру хороший подзатыльник. Он громко вопил, свистел и приплясывал на месте в полном экстазе от бесплатного зрелища.

— Гэл, ты видел?! Ты видел это?!! В Рэйме вообще запрещено ездить в экипажах!

М-да. Похоже, там, у себя во дворце, они совсем ошалели от безделья. Впрочем, удивляться не приходится. Чем еще заниматься сходящим с ума от роскоши богачам? Все они лишь никчемные, раскрашенные, разодетые куклы в руках настоящих хозяев — демонов. Им разрешается собирать налоги и жить в золотых чертогах, устраивать выезды на тиграх, перепелиные бои и охоты, всегда помня, что в любой момент

каждого из них могут сбить одним щелчком, для того чтобы поставить на его место другую куклу.

Моя же цель — сделать из Атэра *настоящего* Хозяина, вернуть утраченную славу и величие, вывести из позорного ранга демонических игрушек, куда он попал по ошибке. И я это сделаю, даже если мне придется тащить его к вершинам власти за шиворот.

— Ничтожества,— процедил я сквозь зубы, сжимая в кулаке коробочку с игральными костями.

Атэр вскинул голову, не понимая, что ничтожного я увидел в ослепительной, на его взгляд, процессии.

— А что?

— А ничего... Где здесь у вас добропорядочные граждане культурно проводят время?

— В центральных термах, естественно. Где ж еще? — хмыкнул мальчишка.

— Что они, в карты играют, прямо сидя в бочках с водой?

Атэр фыркнул в ответ на мой вполне резонный вопрос.

— Ничего не в бочках. Там, между прочим, есть залы для отдыха, библиотека, спортивный зал... много чего. А что такое карты?

— Будет время, расскажу.

Если честно, публика, забывшая благородную игру в карты и усложнившая элементарный процесс помывки целой кучей ненужных ритуалов, не вызывала у меня особого уважения. Продолжая недоумевать, зачем в бане нужна библиотека, я поднялся следом за Атэром по широким ступеням.

Мы оказались в просторном светлом зале с колоннами, украшенном мозаикой и изразцами. Мое настроение несколько улучшилось при виде небедного, судя по одежде, общества. Не высший класс, конечно, но на первое время сойдет и это. Теперь нужно разобраться — что, где и для чего.

Так, ясно, слева комнаты для отдыха. Ничего себе. Приятное, веселенькое местечко, освещенное через дыру в потолке ярким солнечным светом. На стенах бодрые рисуночки из жизни древних человекоподобных богов или не менее древних богоподобных людей. Следом виднеется зал побольше и побогаче, там стоят скамьи пошире и в орнаментах на потолке поблескивает золото. Видно, принимают граждан более состоятельных.

А вот и раздевалка. Здесь снуют миловидные рабы, нагруженные белоснежными простынями, флаконами с ароматическими солями и какими-то мазями... К нам подскочил такой вот улыбчивый парень из обслуги, низко поклонился, уставился лучезарно преданными глазами и деликатно потянулся расстегивать застежку фибулы у меня на плече. Я даже растерялся от подобной бесцеремонности.

— Раздевайся-раздевайся,— Атэр фамильярно ткнул меня в бок и запрыгал на одной ноге, развязывая ремешок сандалии.— Он заберет нашу одежду.

— Это еще зачем? — Я с досадой отстранил назойливые руки раба, пытающегося помочь мне разоблачиться.

— Так надо. Одетыми внутрь не пускают.

— Отлично, об этом я мечтал всю жизнь! Любоваться толпой голых смертных...

— Давай-давай.— Вдохновляя меня личным примером, мальчишка шустро скинул свой старенький гиматий, и на нем осталась одна цепочка, на которой висел круглый медный медальончик. Потом довольно потянулся. Под смуглой кожей явственно проступили ребра, хоть пересчитывай. Да, признаться, жалкое зрелище — живот впалый, ключицы выпирают, лопатки торчат... Ладно, ничего, откормим. Был бы из этого толк...— Слушай, Гэл...— Атэр почему-то перешел на шепот и ткнул меня пальцем в спину.— Это у тебя что?

— Защитная руна.

— А для чего она?

— Ясное дело — защищает.

Мой заветный талисман-оберег, хранивший от всевозможных напастей, давным-давно закончил свое славное существование. Ничего лучшего я не нашел, поэтому пришлось выбрить на спине защитный символ. Он оказался слабее прежнего амулета, просвечивал сквозь все мои образы, был виден на спине, но зато действовал безотказно. Пришлось поменять большую магическую мощь на надежность. А что может быть надежнее артефакта, ставшего частью собственного тела.

— Надо будет мне тоже сделать что-нибудь этакое...— Атэр замотался в простыню, пытаясь придать ее складкам сходство с императорской тогой.

Да-да! Непременно! Только магической руны тебе и не хватает!.. Хотя, может быть, нарисовать ему «что-нибудь» персональное для прибавления ума и увеличения магического потенциала? Я набросил на себя льняную ткань, замаскировав рисунок на спине, и кивнул мальчишке, чтобы шел следом.

Следующий зал был мраморным. Все в нем — скамьи, колонны, барельефы на стенах — было выточено из этого камня, режущего глаза излишней белизной. Атэр засмотрелся на две статуи, стоящие друг против друга, и едва не свалился в глубокий бассейн, наполненный водой. Из соседнего помещения выкатился красный, распаренный гражданин, сбросил простыню и с разбегу плюхнулся в водоем, издав громкий вопль то ли восторга, то ли ужаса. Вода, хлестнувшая через мраморный бортик, замочила наши ноги. Она была ледяной.

Атэр невольно поежился и поспешил свернуть в небольшой теплый зальчик, из которого можно было попасть сразу в два больших. Из первого доносились молодецкие удары, кряканье, хэканье, тяжелое дыхание, равномерный стук и сопровождающий его громкий голос, бодро произносящий: «Один, два...» — и так далее до двадцати, затем счет начинался сначала. Ясно. Здесь упражняется атлетически сложенная часть населения. Борцы, игроки в мяч...

Мимо прошествовал один из этих господ, чрезмерно заботящихся о своем здоровье. Блестя жирными от масла плечами, он перекинул за спину край небрежно завязанной простыни, окинул Атэра оценивающим взглядом, остался доволен и направился в следующее помещение. Там на широких скамьях валялись и сопели граждане, наслаждающиеся массажем. Ловкие руки рабов шлепали по их телам без остановки, и казалось, будто в этом зале стоит непрерывный гул аплодисментов самой разной силы и тональности.

И вот после всех сих излишеств наконец просторная комната с тремя ваннами, где над вяло покачивающейся водой поднимался пар. Здесь было жарко, душно, шумно. Весело перекрикивались мойщики, гремели лохани, наполненные кипятком, кто-то напевал звучным, хорошо поставленным голосом, видимо наслаждаясь процессом мытья, что-то плескало, лилось и шипело на раскаленных камнях. Самые разные, высокие, короткие, широкие, отмытые до блеска человеческие тела перемещались в горячем тумане. Я мгновенно покрылся потом с головы до пят, простыня прилипла к взмокшей спине.

Смыться из этой парилки мы не успели. Два мойщика, скучающих без дела, заметили нас. К Атэру подлетел крепкий коротышка в белом коротком переднике и с потной лысиной:

— Попрошу сюда! Располагайтесь! Специально для вас, местечко отличное, поближе к топочке! Жаром так и пышет. Вы, молодой человек, сюда, пожалуйста! Мойщики у нас самые лучшие. По косточкам разберут, обратно соберут — будете как новенькие.

Ясное дело, последнее обещание было произнесено от избытка профессиональных чувств, но мне стало немного не по себе, когда я увидел здоровенного мойщика с застенчивой улыбкой на звероподобном лице. Он протопал к скамье и первым делом опрокинул на меня ведро кипятка. Пока я, выпучив глаза, ловил ртом воздух, меня с ног до головы намазали какой-то вонючей жидкостью и принялись разбирать на кости в прямом и переносном смысле.

Где-то рядом повизгивал Атэр, над которым, видно, издевались не менее изощренно. Еще одно ведро горячей воды, от чего кожу защипало, волосы на спине и на голове поднялись дыбом. Потом меня опять терли, мазали и снова терли, перекатывали с боку на бок и окачивали водой... Ничего, поживешь среди людей — привыкнешь даже к этому.

— Не желаете спину облагородить? — прозвучал над ухом вкрадчивый голос.— Имеется отличное средство стоимостью всего один дупондий.

— Что облагородить?!

Атэр, слышавший этот разговор, фыркнул насмешливо и сообщил мне доверительно:

— Тебе предлагают волосы со спины убрать! Ну сбрить... или намажут какой-нибудь гадостью, и они сами вылезут.

— Чего?! — Я едва не задохнулся от возмущения, и продавец отличных средств испарился, едва только увидев мою разъяренную физиономию.— Да я его самого сейчас как облагорожу!

Мальчишка захохотал так, что едва не свалился со своей скамьи. Но мне лично было не до веселья. Эдакое хамство! Соваться к демону с предложением лишить его благородной растительности! Голову открутить за подобное нахальство!

— А ну вставай, хватит валяться! — Я швырнул все еще посмеивающемуся Атэру чистую простыню, вытряхнул из рожка, в котором лежали игральные кости, залившуюся туда воду, отпихнул мойщика и пошел в следующий зал.

Пока нас истязали, народу в термах прибавилось. Вокруг расхаживали личности разной степени раздетости, сновали торговцы напитками, булочками и сосисками. Все они вопили, расхваливая свой товар, и путались под ногами. В каком-то углу тонким фальцетом надрывался парикмахер, предлагая всем желающим воспользоваться его услугами. Невесть откуда вынырнул продавец одеял из мохнатой материи и привязался ко мне, требуя купить столу[1] мальчику», то есть Атэру.

Отделаться от него удалось с трудом. Мой воспитанник слегка надулся из-за того, что ему не приобрели теплую накидку, но, увидев следующее помещение, снова развеселился. Здесь было то, ради чего, собственно, мы и пришли.

Вымытые, подстриженные, ублаженные массажем рэймляне неторопливо прохаживались парами и в одиночестве по великолепной длинной зале. Арками и колоннами ее разделили на небольшие уютные уголки, где стояли столы с резными ножками и широкие скамьи для сидения или лежания. В центре павильона громко капали, отмеряя время, водяные часы — слегка сплющенный шар с отверстиями. Судя по нижней чаше, натекло уже часа два после полудня. Но единственного измерительного прибора строителям бань оказалось мало, и рядом с клепсидрой[2] они установили еще и часы солнечные. Высокий стержень торчал посреди мелкого бассейна, на внутренней стороне которого виднелись отметки. Длинная тень замерла на одной из них. Кажется, какой-то из хронометров отставал.

Атэр с любопытством глазел на все эти диковинки, периодически толкал меня в бок, привлекая внимание, и шепотом сообщал свои соображения.

— Гэл, Гэл, смотри, вон тот дядька в тоге. Это Тиберий Гратх. Народный трибун. Видишь, у него красная кайма на подоле.

Я глянул на серьезного господина с седыми, коротко стриженными волосами и угрюмой физиономией. Видимо, действительно важный деятель — его широкий лоб пересекали аж четыре глубокие морщины. Гратх солидно шествовал из одного конца зала в другой, перекинув

[1] Стола — длинное платье.
[2] Клепсидра — водяные часы.

через плечо край белоснежной тоги. Периодически он грозно сводил брови, и взгляд его становился как будто невидящим, обращенным внутрь себя. Потом трибун совершал величественное движение рукой, и к нему тут же подскакивал раб, до этого неслышно кравшийся следом, почтительно подсовывая своему господину бумагу, натянутую между двух дощечек. Тот брал стило, не глядя черкал что-то в документе и снова шествовал дальше. Не иначе готовил речь для выступлений в Сенате.

Атэр снова толкнул меня в бок и, когда патриций прошел мимо нас, распространяя запах дорогих благовоний, шепнул:

— На него уже два покушения было.

— И кто покушался? — спросил я заинтересованно.

— Спроси лучше за что! Он хочет... как это... А! Возродить утраченное значение должности народного трибуна — иметь право налагать вето на любое решение сенаторов. Он должен интересы народа отстаивать. А интересы — чтобы цены на хлеб не поднимали. А еще чтоб излишки земли у императорских чиновников, которые себе захапали, безземельным отдать... Только я думаю, ничего у него не получится. Императору это не надо. Он сам от демонов зависит. Как они скажут, так и будет. Им надо налога на пятьдесят миллионов сестерциев, они их и возьмут. А остальное не волнует. Им, может, даже нравится государственных деятелей друг с другом стравливать.

Я с интересом посмотрел на Атэра, вдруг начавшего рассуждать о политике.

— Откуда ты все это знаешь?

Мальчишка дернул плечом, с которого сползла простыня, убрал со лба мокрые волосы.

— Знаю, и все. Это все знают.

— И кто же на него покушался?

— Да уж не демоны. Те прихлопнут сразу, если что не по ним... Наверное, кто-то из своих. Родственники или друзья, мало ли...

— Что же он по термам без охраны шляется?

— А он говорит, что жизнь его проходит на виду у людей и закончится, если Фортуне угодно, тоже на глазах у них. Пусть видят, говорит. Ему терять нечего. А охрана ему не нужна, он сам мечом знаешь как владеет. Он еще при императоре Светонии в походе на Норбон участвовал. Тиберия выбрали трибуном уже потом.

Я с некоторым уважением посмотрел на Гратха, в очередной раз медленно прошествовавшего мимо. Везет мне на благородных безумцев в последние пять тысяч лет. Немолодой вроде бы уже человек. Видать, что и небедный, чтобы плыть против течения императорско-демонической политики. И ведь не дурак, понимает, что снесет его рано или поздно. Сметет и раздавит. И никто из людей, которых он пытается защищать, даже не вспомнит о нем. Хотя есть вероятность, что у него какой-то собственный интерес в этой политической возне. Не может быть, чтобы не было...

Впрочем, это не мое дело — ломать голову над человеческими глупостями. Энджи, наверное, заинтересуется, а я благородный демон и на правах сильного имею право взирать на подобную чепуху свысока. А что Атэр интересуется политикой — неплохо. Совсем неплохо.

— Ладно,— я потряс рожком с игральными костями,— пойдем займемся делом.

Мальчишка оживился, устремляя на меня взгляд преданных светло-зеленых глаз. Взволнованно шмыгнул носом.

— Что делать?

— Пойдем вон туда. Присядем.

Мы устроились на широкой скамье с подлокотниками в виде ослиных голов. Как мне объяснил Атэр, это животное здесь считали способным разрушать всякие зловредные чары, поэтому изображение осла частенько украшало собой мебель. Подложили под спину мягкие подушки, и я вытряхнул игральные кости. Несколько рэймлян, привлеченные заманчивым стуком, немедленно повернулись в нашу сторону. Не обращая внимания на этот повышенный интерес, мы с Атэром стали играть потихоньку, передавая друг другу стаканчик.

— Десять.— Подросток взял костяные кубики, потряс в ладонях, зачем-то подул на них и бросил на стол. Те весело покатились по гладкой доске с низкими бортиками, стукнулись боками и замерли в позиции «пять и пять». Мальчишка довольно улыбнулся.— Я же говорил, «десять»!

Я заметил, что синие метки на костях, невидимые простому глазу смертного, начали светиться сильнее, как только он взял их в руки. Значит, есть все же у парня магический потенциал, хотя он возникает стихийно и пока только на азартные игры. Это обнадеживает.

— Теперь бросай ты.

Я бросил. Просто бросил, без применения волшебства. Выпало «девять». Атэр засмеялся и протянул руку.

— С тебя два сестерция... нет, три.

— Ты неправильно играешь,— я хлопнул его по нахальной ладони и вернул стаканчик.— Ты просто заставляешь кости выбрасывать нужное тебе число. Но ведь ты не знаешь, что выпадет твоему сопернику. Может быть, меньше, чем у тебя, а может быть, и больше.

— Ну, это невозможно угадать.

— Возможно, хотя и сложновато. Проще приказывать кубикам ложиться именно так, как выгодно тебе, в руках другого человека. Но этот трюк не обманет демона.

— А я не собираюсь играть с демонами.

— Может, и придется. Будь внимательнее. Сосредоточься.

Атэр нахмурился, выражая таким образом высочайшую степень сосредоточенности, и, когда бросал я, попробовал контролировать кубики

в моих руках. Несколько раз у него получилось. И даже очень неплохо. Было приятно чувствовать, как метки под моими пальцами становятся горячее и послушно выполняют мысленный приказ ученика, поворачиваясь нужной гранью.

Но до конца обучение довести не удалось. К нам подошел господин с узкими плечами и круглым животиком, выпирающим даже под складками тоги. Нижняя часть его лица — губы, подбородок и даже кончик носа — выражали полнейшее равнодушие и, пожалуй, некоторое презрение к нашей с Атэром игре. Зато глаза жадно следили за прыгающими по доске костями. Не отводя взгляда от заманчивых кубиков, человек оперся рукой о стол и, нетерпеливо постукивая пальцами по гладкому мрамору, заявил:

— Левый крученый от борта вправо.

Знаем мы таких — заядлый игрок, который не может спокойно следить за чужой партией. Из тех, кому обычно не везет, но они до умопомрачения уверены в себе и конечно же играют не просто так, а по системе! Дурацкой, ими же самими придуманной. Дай такому волю, проиграет все до последнего и уйдет домой даже без простыни.

Атэр, чей был ход, мельком взглянул на меня, и я едва заметно подмигнул мальчишке. Ученичок оказался сообразительным. Кости, брошенные его преувеличенно неуверенной рукой, робко покатились по столу и остановились, показывая жалкий результат. «Единица» и «двойка».

— Да не так! — Рука игрока нетерпеливо метнулась к доске, собираясь перехватить ход, но он вовремя вспомнил о приличиях и сдержался.

— Прошу прощения, что помешал вашей игре, но у меня, знаете, это своего рода страсть. Я даже выработал определенный бросок, который состоит в особом движении кистью, плавном и резком одновременно. Поэтому я и позволил себе...

— Да чего уж...— С самой добродушнейшей улыбкой я указал господину на свободное сиденье: — Присоединяйтесь.

— Ну если вы настаиваете.— Приглашение едва успело прозвучать, а он уже сидел напротив, подпихивая себе под бока подушки. На щеках разгорелся нездоровый румянец, словно только что после парной. Цепкие пальцы схватили кости и незамедлительно ощупали их на предмет незаметных глазу пометок, но, естественно, ничего не почувствовали.

— Играем в простую или с трех? — озадачил меня партнер неожиданным вопросом.

— В простую,— ответил я, не имея ни малейшего понятия, что значит «с трех». Не иначе какое-то новое веяние. Да, это не карты, о которых я знаю все...

— В простую так в простую,— согласился игрок.— Начнем с маленькой, если не возражаете.

Он вытащил откуда-то серебряную монетку с женской головой в шлеме и знаком «I S». Что означает один сестерций (или же два с половиной асса). Самая ходовая в Рэйме денежная единица. Ладно, и

мы поставим столько же. Я вытряхнул из рожка спрятанную там часть заначки и положил ее на край стола.

Атэр, как малолетний и безденежный, из игры был исключен и теперь сидел, нервно ерзая на своей подушке, посматривая на меня с тревогой и надеждой. Ладно, малыш, не переживай, не таких обыгрывали.

Мой противник перебросил кости из ладони в ладонь, зачем-то подул на них и, закрыв глаза, швырнул на доску. Должен признаться, бросал он мастерски. Сначала плавное движение кистью, затем резкий выброс.

— «Девять», если позволите,— внушительно произнес человек и требовательно посмотрел на меня.

Позволим, пока позволим. Для начала я проиграл ему. Немного, всего одно очко. Атэр тревожно засопел рядом, но никак больше не показал своего неудовольствия.

В следующий круг выпало «7» — «8», затем «12» — «10». Монеты перемещались из одной кучки в другую в зависимости от того, кто проигрывал или выигрывал, особо не нарушая денежного равновесия.

Атэр, изнывая от бездействия, нервно теребил угол подушки, на которой сидел. Ему хотелось выиграть много, сразу. Набить полный подол тоги. Я, конечно, понимаю. Мои демонские инстинкты тоже требовали гор золота, которое можно тратить не задумываясь. Привык я, признаюсь, на службе у его могущества Буллфера иметь неограниченный кредит на любые государственные нужды. Самому-то мне много не надо. Оборотни — они вообще неприхотливы. Разве что сотню-другую на карточные игры сверх положенной зарплаты...

Конечно, хотелось перевернуть и потрясти термы, как глиняную копилку. Подобрать все высыпавшиеся монеты и гордо удалиться. Но делать этого нельзя. Пока. Тонкая методика шулерства требовала во время обыгрывания осторожности, а при перекачивании денег из чужих карманов в свои собственные — постепенности. Нельзя дать понять противнику, что ты нагло и равнодушно обчищаешь его. Пусть почувствует себя настоящим мастером игры, пусть расслабится. Но нельзя и давать ему заскучать. Тут тоже надо вести себя очень тонко. Несколько мелких проигрышей только добавят азарта.

К нам постепенно присоединялись заинтересованные граждане.

Вторым моим противником стал юноша с высоким лбом, горящим взглядом и румянцем во всю щеку. Сразу видно, гордость родителей и надежда государства, рожденный для того, чтобы двигать вперед прогресс, а не протирать тогу в азартных играх. Но где уж тут удержаться от того, чтобы блеснуть своей ловкостью и удачливостью.

Третий — господин преклонных лет, с жилистой шеей, пегими волосами, мокрыми после недавнего купания, и орлиным носом. Едва усевшись, он тут же попытался установить свои правила игры, поменять очередность ходов, но на него сердито зашикали, и старичок угомонился.

Четвертым игроком оказалась весьма неприятная личность. Широкоплечий здоровяк с благодушным лицом и зычным голосом. Только-

только из спортивного зала. С его появлением произошла небольшая неприятность. Я потихоньку обыгрывал своих противников, иногда пользуясь магическими свойствами костей, иногда нет, как вдруг атлет дернулся, схватился за медальон, висящий на его выпуклой от обилия накачанных мышц груди, и заявил:

— Кто-то колдует. Смотрите! Мой амулет никогда не обманывает. Видите?.. Видите, как он заблестел!

И он принялся совать под нос каждому желающему (которых вокруг нас, надо сказать, собралось достаточное количество) свою позеленевшую от воды медяшку на цепочке. Провалиться тебе вместе с амулетом под эти самые термы!

— Остановите игру!

— Нет уж, пусть доиграет. Посмотрим, кому повезет — тот и мошенник.

— В этой доске, должно быть, магическая субстанция скрыта.

— Что за чушь, лурий Квист, какая магическая субстанция?! Почему именно в доске? Весь стол надо разобрать!

— Этот стол, граждане, цельный, из доброкачественного коринфского мрамора, мы в прошлый раз на нем играли в полис.

— Ну и?..

— Я выиграл.

— Кости проверить можно. Вы их ножичком поскребите.

— Вот уж нет, уважаемые,— строго возразил я, убирая кубики в рожок.— Портить не дам. А если возникли сомнения, давайте другую доску, стол, кости — все заменим.

— Нет! — упирался атлет.— Давайте-ка проверим *эти* кости!

Атэр взглянул на меня испуганно-затравленным взглядом, в котором явственно читалось: «Сейчас нас будут бить». Я же, сделав совершенно непроницаемое лицо, поставил рожок на середину стола:

— Пожалуйста, можно и проверить. Мне скрывать нечего.

Интересно, насколько силен амулет этого типа. Если сделан специально против профессионального шулерства, должен быть очень сильным. Атлет вытряс кубики на свою широкую ладонь и поднес к медальону. Атэр зажмурился, ожидая, что наш обман раскроется. Он не знал, что против любой самой мощной магии может найтись еще более сильная. Правда, в работе с волшебными артефактами есть своя хитрость. Бездушные безделушки в некотором роде совершенны. Выполняя свою невидимую работу, они не устают и не отвлекаются, как люди. Человека и даже демона можно обмануть, подкупить или уговорить, подкрасться незаметно и ударить в самое слабое место. У амулетов нет незащищенных мест, они могут быть просто сильно или слабо заряженными. И очень хорошо, если твой собственный магический потенциал достаточно высок, а если нет, шарахнет тебя какой-нибудь крошечный серебряный кружочек, болтающийся на шее врага, так, что мало не покажется.

Но я-то! Тоже хорош. Не почувствовал волшебной игрушки на груди у конкурента. Расслабился, привык считать смертных тупыми идиотами,

теперь придется выкручиваться... По правому виску потекла струйка пота, ладони неприятно заколoло, когда сила амулета столкнулась с моим маскирующим заклинанием, наброшенным на кости. Я чувствовал, как чужая неживая сила пытается пробить, смять, растянуть невидимую пленку над мечеными кубиками. Упорно, настойчиво...

Атэр, широко распахнув глаза, смотрел на меня, догадываясь, что происходит нечто странное, но не мог понять, что именно.

— Нет, кости правильные,— сказал наконец, к моему облегчению, кто-то из зрителей.— Амулет больше не светится.

— Давайте подождем еще,— упорствовал атлет.

Но народу надоело ждать неизвестно чего, и после бурных дебатов кости были мне возвращены. Я незаметно вытер пот с висков, наблюдая за тем, как проверяются безобидные стол и доска. Атэр шумно вздохнул, но тут же замер снова.

— Вернемся к игре! — потребовал юноша — надежда родителей.

— Да, вернемся,— поддержали его остальные.

— А кости переменить,— мстительно заявил атлет.

— Не возражаю,— отозвался я вполне миролюбиво.

И вдруг в моей голове зазвенел громкий, отчаянный вопль Атэра: «Гэл, что ты делаешь?!»

Я удивленно глянул на него и понял, что мальчишка не открывал рта. Кроме меня, его никто не слышал. Вот и славно. Мой ученик совершенно самостоятельно, видимо от нервного перевозбуждения, настроился на мою мысленную волну, но даже не понял этого. Магические способности проявляются стихийно. Так я и думал.

«Ты что делаешь?! Мы же проиграем, если будем играть обычными костями!»

«Спокойно, мальчик! Ты забываешь, с кем имеешь дело! Я тебе не какой-нибудь тупой смертный!»

И только сейчас, услышав мой, также мысленный, ответ, Атэр понял, что произошло. Он прижал ладонь ко рту и вытаращил на меня круглые зеленые глаза. И вид у него, я скажу, получился самый настораживающий. Но на подростка, к счастью, не обратили внимания, потому что игра вышла наконец на блистательную завершающую прямую.

— Удваиваю! — Юноша высыпал на стол рядом с доской горку золотых монет.

Остальная компания тоже полезла в шкатулки с деньгами, которые держали почтительные рабы. Атлет выложил все свои сбережения, но их явно не хватало до нужной суммы, поэтому, подумав немного, он стянул с шеи медный медальон, причинивший мне столько неудобств, и положил поверх своих сестерциев. У меня была та же самая проблема. Не хватало совсем немного...

— Если почтенные игроки не будут возражать, я позволю возместить недостаток вот этим мальчиком.

«Гэл!..» — мысленно пискнул ошарашенный такой наглостью Атэр.

«Заткнись!» — так же мысленно отозвался я.

— Мальчик послушный, может быть использован в домашней работе, прекрасно поет, знает много занимательных историй.

Господа посмотрели на красного от возмущения Атэра, сдержанно покивали и продолжили игру.

Первым бросал атлет. Я сконцентрировался и «подхватил» кубики, выкатившиеся из его ладони. Они прогремели по доске, стукнулись о борт и перевернулись именно так, как я им приказал. «Шесть». Зрители громко прокомментировали этот бросок как весьма жалкий и посоветовали неудачнику проститься с деньгами и амулетом в придачу. Атлет насупился, пробормотал что-то угрожающее и мстительно уставился на следующего игрока.

Юноша швырнул не глядя. Чуть улыбаясь и уставившись куда-то под потолок. Я позволил его результату подняться до восьмерки.

Старик выбросил «пять». Хотя и это для него было много. Следующий ход был мой. Я сжал в ладонях гладкие ребристые кубики и почувствовал вдруг, что они больше не слушаются меня... Я почти не мог управлять ими. Плохо, очень плохо... Лоб мой снова покрылся потом, ладони закололо. Надо расслабиться, прикрыть глаза на минутку... Хитрая штука — азартные игры, иногда начинаешь верить, что ими действительно управляет кто-то. И любые демонические способности могут отключиться в самый неподходящий момент, столкнувшись с иной, непонятной силой...

Я еще раз тряхнул кости и бросил. Кубики запрыгали, сталкиваясь гранями... остановились. Один лег «пятеркой» кверху, другой покачался мгновение на неустойчивом ребре и перевернулся. Еще одна «пятерка». Итого десять. Совсем неплохо. Только неизвестно, что подстроит мой самый первый противник, тип с особым, «плавным и резким» движением кистью.

Он долго катал кости между ладоней, встряхивал их, заинтересованно посматривая на Атэра, тихой мышкой замершего рядом со мной. А потом бросил, резко и неожиданно. И так же быстро следом полетело мое заклинание. Может быть, слишком сильное, но сейчас было не до деликатностей. Кубики закрутило на одном месте, они подпрыгнули и остановились... Зрители вздохнули и выдохнули. «Девять!»

Вот и все. Теперь можно открыто утереться краем тоги, покровительственно улыбнуться моим менее удачливым партнерам, подгрести к себе выигранные монеты и купить всей компании прохладительных напитков. Потом кто-нибудь наверняка захочет отыграться, только это уже без меня. Но мечтам моим, как всегда, не суждено было осуществиться.

Старик вдруг завозился, вытаскивая из-под себя подушки и приговаривая:

— Уважаемые, никто не видел моей чернильницы? Только что тут была.

Эта возня, конечно, не имела к нам никакого отношения, но на мгновение мне стало как-то нехорошо.

— Только что тут была. Я ее на скамью положил. Простенькая такая, но она, знаете ли, дорога мне как память...

— Не эта ли, уважаемый? — очень неприятным, ехидным голосом поинтересовался атлет, схватил Атэра за плечо и без особого усилия заставил мальчишку показать, что тот сжимает в кулаке. Оказалось, именно она — злополучная «простенькая» чернильница, украшенная тонкими полосками золота. Я мысленно застонал.

— Вор!

— Смотрите, там вора поймали!

— Кто?! Где?!

— Вон там, за столом!

— А что украли?

— У кого?

Интерес к поимке малолетнего преступника все увеличивался, и, пока сюда не собрались все посетители терм, действовать пришлось очень быстро. Одной рукой я сгреб в подол простыни, завязанной на манер тоги, наш выигрыш. Сколько смог. Ударом ступни опрокинул стол. Он упал прямо на атлета, и, чтобы удержаться на ногах, тому пришлось выпустить мальчишку. Я схватил Атэра за шиворот, одним мощным магическим пинком, расшвырял любопытную публику, собравшуюся вокруг плотным кольцом, выскочил на открытое пространство. И вдруг нос к носу столкнулся с самим трибуном Тиберием Гратхом. Отлично, сейчас вытащит народный любимец меч из складок длинного одеяния с пурпурной полосой, а мне придется уложить его с помощью какого-нибудь заклинания посильнее. И станет еще одним человеческим героем меньше. Но, как ни странно, Гратх, встретившись со мной взглядом, вдруг усмехнулся и отступил в сторону, давая нам дорогу.

Все еще держа за шкирку Атэра и придерживая в тоге золото, колотящее по ноге, я выскочил из зала и нырнул в парилку, наполненную горячим паром. За нами следом кто-то бежал, азартно вопя, впереди тоже выдвинулось обширное тело, вооруженное ведром с кипятком. Но я больше не стал валять дурака, открыл телепорт и нырнул в него вместе с ошалевшим мальчишкой, клубами горячего пара и брызгами воды...

Мы очутились на тихой, безлюдной, тенистой улочке. Несколько мгновений сидели, медленно приходя в себя, потом Атэр начал ощупывать лицо, проверяя, «правильно ли собрался» после перемещения в демоническом телепорте. Понял, что все в порядке, вскочил, вопя от восторга:

— Гэл! Ты потрясающий! Ты просто... потрясающий! Как ты их всех! Как ты их всех! Как они все, а?!

Да-да. Конечно. Другие эпитеты, кроме «потрясающий» и «великолепный», ко мне трудно подобрать. Ну в крайнем случае я еще соглашусь на «сверхъестественный».

— Ты зачем украл чернильницу?!

Атэр сразу сник, потупился, шмыгнул носом:

— Н-не знаю. Я волновался... А когда сильно волнуюсь... у меня потом в руках всегда оказываются какие-нибудь вещи... иногда чужие.

Ясно. Клептоман. Малолетний клептоман на нашу голову. Вот будет Энджи подарочек.

— Слушай, Гэл,— он вдруг схватил меня за руку, забыв о своей провинности.— Что это было? Как мы с тобой разговаривали... молча?

— Это называется мысленная связь,— объяснил я устало.— Магическое действие. Не слышит никто, кроме двоих говорящих или троих... Голос звучит здесь.

Я приподнялся и постучал Атэра по лбу.

— Здорово.— Он потер свою черноволосую вихрастую голову, а я подумал о том, что надо было его подстричь, пока мы были в термах.— Это ты так сделал... ну мысленную связь?

— Это ты сам сделал. Переволновался, наверное.

Мальчишка сердито засопел и отшвырнул в сторону чернильницу, которую до сих пор сжимал в руке. Поправил свою тогу из простыни и покосился на меня.

— Деньги пересчитать надо. Что ж мы их, зря, что ли, выиграли.

Как будто деньги выигрывали только для того, чтобы их пересчитывать. И особенно мне нравится это «мы».

— Считай, если хочешь.

Атэр огляделся по сторонам, не обнаружил никого подозрительного, высыпал монеты на землю под деревом и принялся перекладывать их из одной кучки в другую, шепча что-то. Похоже, это занятие развеселило мальчишку — хмуриться он перестал.

— Три тысячи сестерциев.— Атэр наконец закончил подсчет, разложив монеты аккуратными столбиками.— Неплохо! Теперь мы сможем купить одежду. И еду. Я, знаешь, с утра есть хочу. А ты мне даже пирожка не купил.

— Купил бы, если бы ты не свалял дурака с чернильницей.

Подросток поморщился, но возражать не стал, его тревожила какая-то другая мысль.

— Знаешь, три тысячи сестерциев — это хорошие деньги. Не самые большие, но на них можно жить в достатке четыре месяца. Или даже пять. Только я не понимаю, ты же демон. Наколдовал бы нам богатые одежды. Или миллион сестерциев. Не нужно было бы идти в термы...

— Если бы мы не пошли в термы, ты бы не научился самостоятельно выходить на мысленную связь,— отрезал я.— И будь добр, не задавай лишних вопросов. Я знаю, что делаю.

Совершенно ни к чему мальчишке быть в курсе нашей с ангелом системы воспитания бывшего Буллфера.

Атэр пожал плечами, поднял медный амулет атлета-неудачника и протянул мне:

— На. Держи, это часть твоего выигрыша.

— Можешь оставить его себе. Как сувенир.

Мальчишка задумчиво повертел в руках медальон, потер его краем тоги и повесил на шею.

— Я его Энджи подарю. Может, ему понравится.

Подари-подари. Тебе еще, дружок, предстоит выслушать не один десяток деликатных упреков на тему игры мечеными костями в общественном месте. Удивляюсь, как он вообще отпустил нас в термы обманывать наивных граждан. Что-то его светлость в последнее время стал чересчур рассеян.

— Ладно.— Я сгреб монеты, аккуратно разложенные Атэром, оторвал от своей тоги-простыни кусок и завязал в него деньги. Получилось что-то, отдаленно напоминающее кошелек. Ничего, первое время обойдемся и таким.— Теперь идем.

В этом квартале было на удивление пустынно и тихо. Только в пыли у каменной стены, на самом солнцепеке, валялась собака. Она подняла голову, следя за нами сонным взглядом, зевнула. Потом, почуяв во мне демоническую сущность, попыталась зарычать, но передумала и снова уронила мохнатую голову на лапы.

Как оказалось, пес охранял (или делал вид, что охраняет) вход в лавку, где торговали дешевыми тканями, медными и серебряными украшениями, металлическими зеркалами, светильниками и прочей мелочью. Почтенный седовласый господин — торговец — меланхолично взирал на то, как Атэр роется в его тканях, шлепая босыми пыльными ногами по гладкому камню пола. На меня он покосился только один раз и свое отношение к моей персоне выразил тем, что придвинул ближе к себе тонкогорлую вазу. Видимо, она была самой ценной в этом заведении.

— Гэл, смотри, берем вот эту тунику[1]. И эту тоже. А еще, гляди, ткань для тоги. Очень красивая. А мне — пенулу[2]. Вот какая теплая. Покупай.

Атэр вывалил на прилавок передо мной целую гору тряпок.

— Что, все это?!

— Ха! Это только половина. Приличному гражданину нужно иметь белую тогу, чтобы ходить в театр, но она очень дорого стоит. Тунику, которую надевают дома. А еще синтесис — застольные одежды, еще эндромис — это такое толстое одеяло, в которое заворачиваются после гимнастических упражнений, а еще...

— А штаны у вас приличные граждане носят?

— Нет. Их надевают только солдаты. Да и то не всех когорт.

— Ясно.

---

[1] Т у н и к а — рубашка без рукавов, доходящая до середины бедра, поверх нее надевается пояс.

[2] П е н у л а — круглый теплый плащ с капюшоном, надевался в плохую погоду поверх остального платья.

— Подожди, Гэл. Надо еще шкатулку купить. Мы туда деньги положим... И знаешь, еще, наверное, надо что-то для Гермии.

— Обойдется! Хотя... ладно. Давай эту тунику, попроще...

Пока Атэр выбирал обувь, я сложил одежду так, чтобы удобнее было нести. Потом поинтересовался у торговца ценой.

— Триста,— отозвался он равнодушно и тут же, взглянув на красивые плетеные сандалии, которые притащил мальчишка, поправился: — Триста пятьдесят.

Я не стал спорить и выложил деньги. Очень уж хотелось попасть наконец домой.

— Гэл,— снова зашептал мне на ухо неугомонный Атэр,— тебе надо оружие. Приличный рэймский гражданин не может выходить на улицу без оружия.

Как же он мне надоел со своими правилами приличия... Хотя мальчишка прав.

На вопрос, есть ли оружие, торговец молча указал пальцем в глубину лавки, где у стены стояли мечи. Все они были трех видов. Короткие гладиусы, обоюдоострые и остроконечные. Такими игрушками только прохожих в темных переулках резать. Нет, не пойдет. Другие слишком длинные — под названием спата. Избавьте, будет во время ходьбы по ноге хлопать и в тоге путаться. То еще зрелище — благородный рэймлянин, пристегнутый к боевому мечу... Ну, вот это более-менее приемлемо — средней длины с острым концом. Хозяин заведения упорно называл эти клинки «балтус». Подойдет, пожалуй.

Я подобрал ножны, пояс. Повесил на него свое новое оружие, походил по лавке, привыкая. И остался доволен.

Торговец содрал с нас еще пару сотен. И мы с Атэром в конце концов вышли из сумрачной лавки на улицу, под яркое солнце. Мальчишка еще раз полюбовался своими новенькими калцеями с красными ремешками и поинтересовался:

— Гэл, а ты как вообще, не устал? Может, снова телепортируемся? Раз, и дома.

— Никаких «раз, и». Пойдем, как все.

Я взял под мышку узел с одеждой, а шкатулку с деньгами поручил Атэру.

Глава 7
«ГИЕРОНТ»

Ранняя смерть. Ранняя. Мучительная. Смерть.

Арэлл сидела на стуле с резными, гнутыми подлокотниками, опираясь локтями о стол, прижималась ладонями ко лбу и тупо повторяла про себя: «Одиночество. Пустота. Смерть...» Жутью и безысходностью веяло от этих слов. А еще, если подумать, глупой иронией. Можно представить

себя древним мифическим героем, которому боги обещали славу. И гибель на поле боя.

Арэлл закрыла глаза, пытаясь понять, что чувствует теперь. Страх? Жалость к самой себе? Смирение?

«Я должна смириться? — вновь и вновь спрашивала она себя.— Привыкнуть к мысли, что умру скоро? Нет, это меня не пугает. Людей давным-давно приучили думать о каждом наступающем дне, как о самом последнем. Мы даже создать ничего не можем. Искусство превратилось в ремесло. Художники и скульпторы стали простыми рабочими. Как можно создавать, когда каждый день ждешь смерти? Как можно жить и радоваться?.. Все, что нас окружает, напоминает о гибели, боли, тоске. Во всем отражение этого последнего дня!»

Арэлл отняла руки от лица, огляделась. Вот скульптура мальчика, которая так нравилась ей всегда. Он сидит, опустив запястья на обломок колонны, пристроив кудрявую голову на согнутом локте, и смотрит в пустоту. На нежном мраморном лице выражение недетской скорби и усталости.

На стенах росписи. Яркие, слишком яркие краски. Изогнутые в танце тела девушек и юношей едва прикрыты одеждами, в руках музыкальные инструменты, цветы, чаши с вином. На лицах отчаянное веселье. Вакхическое безумие. Желание забыться. Мечта умереть счастливыми.

Многократно повторяющиеся вычурные линии орнамента пола. В их переплетении угадываются страшные, странные нечеловеческие лики, которые следят за ней мертвыми глазами. Потолок, где золотые нарциссы и черные асфоделии — цветы смерти — окружают печальные головки спящих нимф, их бледные, тонкие тела. А над ними склоняются отвратительно-привлекательные духи или демоны с мощными когтистыми руками.

Даже ее шкатулки, коробочки с косметикой, заколки и гребни отмечены изысканной тенью смерти. Подстреленная лань на крышке, вянущий цветок с вывернутыми лепестками из перламутра, круглая луна, из закрытых глаз которой катятся жемчужные слезы...

«Мы умираем. Медленно, красиво, в безобразной роскоши. Окруженные демоническими жертвенниками, из которых течет гнилая, мерзостная сила, отравляющая нас.— Арэлл снова закрыла глаза, чтобы не видеть скорбящего мраморного мальчика, разнузданно-веселых танцоров и умирающих нимф.— Я могу смириться со смертью. Я давно с ней смирилась. Какая разница, когда умрешь. Пусть раньше. Это даже лучше. Останусь молодой. Не буду видеть в зеркале унылое, дряхлеющее лицо под слоем пудры и румян. Я не боюсь смерти... Я боюсь одиночества. Я не хочу быть одна! Я не могу! Я хочу, чтобы меня любили!»

Она сжалась на своем неудобном стуле, зажмурилась изо всех сил, чувствуя те самые одиночество и пустоту, подступающие со всех сторон. «Нет. Нет! Я не могу быть одна! Я же знаю, как это. Вокруг люди. Много людей. Говоришь с ними, улыбаешься, смотришь в их глаза и

чувствуешь равнодушие. Проклятое одиночество, от которого невозможно избавиться! Почему я не такая, как они?! Почему я не могу быть веселой, беззаботной эгоисткой, подобной Лолле?! Вот стоит Гай. Когда он смотрит на меня, думая, что я этого не вижу, его взгляд становится мучительно страстным. Он красивый, кажется, неглупый, он готов был умереть, спасая меня от демона. Так почему же с ним я тоже чувствую себя одинокой?! Я как будто жду чего-то. Того, что избавит меня от Клавдия, императорского дворца, Лоллы, от зависимости и беспомощности. Демоница сказала: «Ты сама лишила себя своей судьбы». Но как может человек лишить себя судьбы?! Что это значит?! Впереди нет ничего? Пустая дорога? Можно идти куда хочешь? Знать бы только куда...»

— Боишься одиночества? — услышала вдруг Арэлл в пустоте невидимого пути, по которому брела мысленно. Она мгновенно открыла глаза, оглядываясь, хотя не была уверена, что незнакомый голос не прозвучал только в ее голове.

Гай стоял на прежнем месте, у двери. Его взгляд был пустым, ничего не видящим и ничего не выражающим. Иногда телохранитель действительно как будто каменел, но элланка научилась этому не удивляться.

— Значит, ты боишься одиночества?

Голос шел снизу, казалось, поднимался от пола. Девушка опустила взгляд и увидела, что одна из странных масок орнамента смотрит на нее живыми смеющимися глазами и подмигивает. Арэлл, едва сдержав испуганно-изумленный вскрик, с ногами забралась на стул и подобрала подол хитона.

— Я тебя не звала! Чего тебе надо?!

Лицо забавно выпучило глаза.

— Вот как?! Ты не хочешь для начала спросить, кто я?

— Я знаю, кто ты! — Арэлл уже немного успокоилась, но все еще не решалась опустить ноги на пол.— Один из Древних. Трисмес. Бог плутовства, расчета, выгоды, обмана. Покровитель воров, шулеров и торговцев.

Маска растянулась в довольной ухмылке:

— А ты остра на язык, маленькая элланка. Раньше никто не смел говорить обо мне подобным тоном.

— Раньше о тебе помнили. Теперь забыли. Ты стал одним из мифов древнего мира.— Арэлл медленно слезла со стула, отодвинула его, чтобы лучше видеть бога.

— Забыли не все. Ты ведь слышала обо мне...

Рисунок на полу исказился, его контур поплыл, а потом снова застыл неподвижно. Зато по всем остальным изображениям пошла рябь, их линии стали путаться, переплетаясь друг с другом, как будто кто-то живой и невидимый настойчиво проталкивался сквозь их переплетение, пытаясь выбраться. Он добрался до угла стены, помедлил секунду, а потом вдруг среди вакхических танцоров возникла еще одна мужская

фигура. Смуглая, полуобнаженная, в синей набедренный повязке. Уже не стройный юноша, но еще и не зрелый муж. Лицо гладкое, пострижен по рэймской моде. В левой руке — чаша с вином, правой обнимает за плечи нарисованную девушку.

— Ты слышала обо мне. И амулетик мой, вижу, носишь.

Бог указал взглядом на запястье Арэлл, где под широким золотым браслетом был скрыт маленький медный диск с изображением змеи.

— Это подарок кормилицы. Она верила, что в трудную минуту он поможет мне.

Трисмес пожал плечами, видимо искренне удивляясь человеческой наивности.

— Помощи от него никакой. Просто людям надо во что-то верить. Кроме этих...— Он поморщился, изображая полное отвращение.

— Демонов? — машинально спросила элланка.

Древний стремительно вытянул вперед руку с чашей, словно хотел выплеснуть вино ей в лицо.

— Никогда не упоминай при мне об этих тварях! Их можно вызвать одним неосторожным словом.

— Извини, я...

— Лурия Арэлл.

Гай очнулся. Услышал или почувствовал. Трисмес изобразил на лице: «Я же тебе говорил», шепнул: «Убери его отсюда!» — и застыл среди танцоров.

Нахмурившись, девушка повернулась к телохранителю. Тот подозрительно поглядывал по сторонам, крепко сжимая копье.

— Вы с кем-то разговаривали?

— Гай, я хочу побыть одна. Оставь меня ненадолго. И прошу, не повторяй, что должен постоянно быть рядом! Сейчас я хочу быть одна!

Преторианец молча наклонил голову, развернулся, стукнув «пяткой» копья об пол, и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Оскорбился, что ему не дают выполнять свой долг.

— Они повсюду. — Теперь голос звучал с потолка. Девушка подняла глаза. Трисмес возлежал среди цветов в обнимку со спящей нимфой.

— Это человек! Мой телохранитель!

— Думаешь, он не одержим? Как и вы все? Как и ты? Невозможно жить в мире, пропитанном темной силой, и не быть отравленным ею. Не так ли, малютка? — Бог погладил своей живой рукой нарисованные кудри нимфы.

— Я не одержима!

— Неужели?

Арэлл хотела возмутиться, но промолчала, прислушиваясь к себе. Наверняка и в ее душе может скрываться темный уголок, где притаился кусочек злобы и ненависти, о котором она сама до поры не знает.

— Пока меня помнят, я существую.— Улыбка исчезла с лица Древнего. Он смотрел строго, сурово.— Пусть так, скрываясь. Но я существую. Падшие твари думают, что выиграли последнюю битву за людей. Но они ошибаются. В твоем деле тебе нужна помощь, элланка. Приходи в Северный квартал. В дом Нума. Там продолжим нашу приятную беседу.

Смуглое тело стало растворяться среди переплетений орнамента.

— Стой! Подожди! Постой же!

Но он исчез, не пожелав объяснить, в каком деле собирается помочь Арэлл, кто такой Нум и как, по его мнению, она попадет в чужое жилище. Девушка снова села на стул, с опаской поглядывая на пол — не появится ли среди масок иронично-строгое лицо. Нет, не появилось. Трисмес ушел.

Элланка знала, что боги были давно. До появления демонов. Повелевали людьми, принимали жертвы, наслаждались властью и силой. А потом пришли могучие темные создания, которые изгнали их из человеческого мира. Многие из Древних погибли, кое-кто ушел, но, наверное, некоторые все же остались... Надеются на что-то, пытаются выжить, собирают крохи энергии, остающиеся после демонов.

В Эллиде кое-где еще помнили Флору. Богиню плодородия. Произносили ее имя, не надеясь на помощь, по древней привычке. В Рэйме поминали Фортуну. Но никто не знал, слышит ли она призывы. И вот теперь Трисмес.

Вчера ей предвещал скорую мучительную смерть демон, сегодня обещал помощь древний бог. Пожалуй, стоит подумать о том, как попасть в дом Нума.

— Лурия Арэлл,— голос Гая прозвучал неожиданно, заставив вздрогнуть.— За вами пришли. От лурии Лоллы. Она просит вас следовать в ее покои.

— Да. Иду.

Телохранитель был по-прежнему мрачен и сохранял официальную четкость движений. Все еще сердится. Какая глупость! Ей шагу не дают ступить без опеки!

— Я пойду одна. Оставайся здесь.

Гордо вскинула голову и вышла, не глядя на него.

Длинная галерея вывела к маленькому саду. Здесь было много душных тропических цветов, птиц и статуй. Потом просторный зал с зеркальным полом и, наконец, покои будущей золовки. Здесь все было завешано уютными занавесочками, завалено подушечками, заставлено стульчиками и столиками. На полу лежали ковры. Пахло какой-то приторной дрянью, несколько рабынь с хихиканьем шныряли из угла в угол, ловили котят. Любимых живых игрушек госпожи, которых в ком-

нате было не меньше, чем подушек и столиков. Они путались под ногами, дрались, шипели, лазали по занавесям.

Сама Лолла валялась на роскошном ложе и тихонько хныкала. Увидев Арэлл, запричитала громче.

Уже два дня лурия Лолла рыдала как ребенок, потерявший любимую игрушку.

— Я так и знала! Я знала, ее утащили демоны! Где я теперь найду такую рабыню?! Она одна умела красиво заложить складки на хитоне. Она была моя! Моя!! Они не имели права ее трогать.

Арэлл не выдержала и, быстро пройдя комнату, больно схватила сестру Клавдия за пухлое предплечье:

— Это ты виновата! Ты велела ей остаться на улице!

Лолла всхлипнула еще раз, ладонью размазала краску по лицу.

— Они не должны были ее забирать,— прохныкала она.— А ты... ты злая, жестокая... разве не видишь, как я страдаю.

Потом уткнулась лицом в подушку и зарыдала еще громче. Совершенно искренне. Арэлл только пожала плечами, поняв, что та не притворяется.

Дочь императора была безутешна, и выносить ее стенания становилось все труднее. Слезы лились почти непрерывным потоком. Оставалось только удивляться, почему раньше она нисколько не дорожила столь любимой невольницей.

Тихо ступая по полу мягкими калцеями, в покои сестры вошел Клавдий. После безумной встречи с демоном он вел себя на удивление пристойно, деликатно, любезно. Разговаривал мурлыкающим голосом, и в его взгляде иногда даже мелькало нечто нежно-одухотворенное. Рабыни, увидев лудия, мгновенно похватали котят и, подталкивая друг друга, выбежали из покоев госпожи. Боялись вызвать гнев своим присутствием.

— Что случилось? Откуда этот шум?

— Оттуда,— Арэлл указала на ложе.— Лолла оплакивает судьбу своей рабыни.

— Дорогая,— одной рукой аккуратно подобрав подол пурпурной тоги, чтобы не смять складки, Клавдий опустился рядом с сестрой, обняв ее.— Не надо плакать. Я найду тебе другую рабыню. Не хуже этой.

— Я не хочу другую,— прорыдала та, гремя своими бесчисленными жемчугами.— Мне нужна эта!

— Хорошо.— Тут же согласился брат.— Найдем эту. Объявим вознаграждение в десять, нет, двадцать тысяч сестерциев тому, кто ее приведет.

— А ее приведут?

— Конечно, глупышка.

— Но вдруг ее утащили демоны? — Прекрасные миндалевидные глаза девушки снова заволокло слезами.

— Скорее всего, она сама сбежала.

— Ты думаешь?

— Я уверен.

Катая в пальцах жемчужину, оброненную Лоллой, Арэлл смотрела на эту великолепную родственную пару и не знала, умиляться ей или сердиться. Лицемерный, лживый, бессердечный Клавдий действительно любил свою легкомысленную, хитренькую, ленивую сестрицу. Дарил ей золотые безделушки, утешал и выполнял самые бессмысленные капризы. Нежные родственные чувства — большая редкость среди императорских детей. Странное притяжение. Похоже на то, как пластинка желтого электрона, натертая шерстью, притягивает мелкий сор.

«Если бы он так же... нет, хотя бы вполовину пытался понять мои чувства, мои желания...»

— Клавдий, прикажи, чтобы ее нашли.

— Конечно, дорогая Лоллия. Немедленно.

Он поцеловал сестру в покрасневший лоб, вытер слезы с ее щек, нежно пожал пухленькую ручку. Поднялся, незаметно пнул котенка, попавшегося под ноги, и кивнул Арэлл, приглашая следовать за собой. Когда она вышла из покоев Лоллы, жених стоял напротив барельефа, заложив руки за спину, и внимательно рассматривал сцену морского сражения двух армий. Еще один памятник смерти. Два корабля, сцепившиеся абордажными крючьями, солдаты, в слепой ярости пронзающие друг друга мечами, изрубленные тела, падающие за борт.

— Скорее всего, рабыню мы не вернем,— не глядя на элланку, произнес Клавдий.— Бедняжка.

Естественно, последнее высказывание относилось не к пропавшей девушке. Наследник искренне жалел сестру.

— Надо бы ее развлечь. Придумать что-нибудь легкое. Необременительное.

— Необременительное для кого? — ехидно поинтересовалась Арэлл.

Едкое замечание осталось без внимания. Судя по нахмуренному лбу лудия, все его мысли были заняты предстоящим развлечением.

— Что ты скажешь о морском празднике? «Гиеронт» завтра выходит с верфи. Думаю, Лолле понравится, если это событие будет посвящено ей.

Элланка промолчала, прекрасно понимая, что ее мнение не имеет особой ценности.

— Представь — ночь, две дорожки огней, идущих к пристани, тишина.— Все больше воодушевляясь, Клавдий стал говорить громче, в движениях его появилась резкость, и они лишились обычной округлой плавности.— Лолла идет по деревянному настилу, и едва только вступает на борт, как вдруг вспыхивает свет. Весь корабль начинает светиться.

Играет музыка. Воины принимаются бить мечами о щиты. Великолепно, не правда ли?

«Гиеронт» был самым большим кораблем в рэймском флоте. Его строили целых три года по специальному заказу императора триста мастеров. Тридцать кают с потолками из кипарисового дерева, выложенные мозаикой. Несколько терм, сады, восемь башен на палубе. В носовой части — бассейн емкостью двести двадцать пять ведер. И двадцать ярусов скамей для гребцов. Арэлл попыталась посчитать, сколько человек нужно для того, чтобы привести эту махину в движение. Получалось...

— Дорогая, ты меня слышишь?

Оказывается, Клавдий уже минуту смотрит на нее, ожидая ответа.

— Да. Просто великолепно.

— Я тоже считаю, что это решение всех наших проблем.

— Неужели?! Всех проблем? А что с девушкой? Ты не будешь искать ее?

Жених помрачнел, как будто вспоминая о какой-то неприятной, но неизбежной обязанности.

— Ах да. Хорошо, что ты напомнила. Надо уже покончить с этим. А ты, будь добра, иди к себе и готовься к празднику.

— Как, позволь узнать?

Клавдий злорадно усмехнулся и бросил через плечо, удаляясь:

— Примерь другое выражение лица. Более любезное.

Машинально элланка взглянула на себя в отполированную до зеркального блеска настенную плиту — брови сурово сведены, у плотно сжатых губ строгие складки, глаза мрачные.

— Я и не хочу быть любезной,— произнесла она вслух. Но улыбнуться все же постаралась. Получилось еще хуже. Лицемернее.— Надоело,— решила Арэлл и пошла к себе.

Гай встретил ее пристальным взглядом. Но, естественно, ничего не сказал.

— Завтра мы идем на праздник, посвященный лурии Лолле.— В голосе Арэлл прозвучала досада, но она не потрудилась ее скрыть.— Последнее время я занимаюсь исключительно тем, что присутствую на празднествах!

Последний пир, который давал сенатор Витрувий Анней в честь наследника и его невесты, был просто чудовищным. Арэлл с содроганием вспоминала ящериц, облитых медом, павлиньи яйца, жареных улиток, огромного кабана, начиненного жареными дроздами, но особенно омерзителен был заяц, украшенный крыльями, изображающий Пегаса. Все это лежало на литых золотых и серебряных блюдах. И, пожалуй, поднять одно такое блюдо человек не смог бы в одиночку.

Смотреть на обжирающуюся знать было противно, и элланка с трудом сдерживалась, чтобы не запустить чем-нибудь потяжелей в физиономию консула[1] Аврелиана, сидящего напротив. Он ел так, словно совершал общественно важное дело — нечто вроде заседания в Сенате. Отдавался процессу насыщения со страстью, потел от усердия, сопел, чавкал и к тому же считал своим долгом развлекать соседку занимательной беседой. После этого обеда у нее на неделю пропал аппетит, а стоило закрыть глаза, как сразу же перед мысленным взором возникали жующие морды с лоснящимися щеками и маслеными губами.

И вот теперь предстояло пережить еще один праздник. Боги, дайте сил перенести его и не сделать какую-нибудь глупость.

На следующий день, едва только стемнело, Арэлл, одетая в новый хитон с золотым шитьем по краю и полупрозрачную паллу, полулежала в носилках рядом с Лоллой. Будущая золовка, почти невидимая в душном полумраке, ерзала от нетерпения на подушках, цепляясь своими жемчугами за одежду элланки, и болтала без умолку. О том, как она счастлива, какой у нее замечательный брат и как приятно прокатиться ночью на корабле. Слушая легкомысленное трещание, Арэлл впала в легкое равнодушное оцепенение и с трудом подавляла нервную зевоту.

Носилки чуть покачивались, полоски света просачивались сквозь неплотно задернутые занавески, слышалось сдержанное гудение толпы и крики солдат, требующих освободить дорогу.

Как всегда, в самый неподходящий момент элланку потянуло в сон, но приходилось тащиться на глупый праздник. Изображать там веселье и удовольствие. «Зачем я притворяюсь?! Зачем вообще согласилась ехать?! Машинально. По привычке. Чтобы не быть одной. Чтобы не думать и не выискивать в привычных вещах признаки смерти».

И если бы действительно получалось забыться, почувствовать себя счастливой от ощущения причастности к великолепной публике, наслаждаться вкусной едой и необременительным флиртом. Так ведь нет, обязательно в самый неподходящий момент — например, во время умной беседы с цензором Тремулом Марцием — вспомнится, что он содержит публичный дом, который часто используется для демонических оргий. И отвратителен станет этот любезный, образованный человек, захочется немедленно сказать ему гадость.

Или консул Септимий,— прекрасный семьянин, нежный отец семерых детей, собиратель древностей, — по приказу которого был убит второй претендент на его должность. Отравлен каким-то тонким ядом, не оставляющим следов. Все об этом знали, судачили между собой и потихоньку восхищались ловкостью, с которой все было проделано.

Или, к примеру, сенатор Порций Ферст, недавно вернувшийся из южной провинции империи. Он считал себя экспертом в области изготовления и окраски шелковых тканей. В изобретенный им состав

[1] К о н с у л — почетный военный титул.

кроме восьмидесяти ингредиентов входила человеческая кровь. Именно поэтому, как он считал, его ткани приобретали такой несравненный пурпурно-сияющий цвет.

...Милые человеческие слабости. Ничего особенного. Рядом с выдумками демонов краска на основе человеческой крови казалась пустяком. Но скоро Арэлл поняла, что боится разговаривать с сиятельными магистратами, чтобы не узнать очередную страшную мерзость о каждом из них. Эдил[1] Серторий Квинт, сенатор Полибий Катиллин...

Квестор[2] Антонин Пий был единственным в этой толпе, с кем Арэлл до некоторого времени могла общаться без внутренней брезгливой дрожи. Толстый, страдающий одышкой человек с грустными глазами, обремененный большой семьей и кучей нахлебников. Его должность не приносила большого дохода, а взятки, как сам признавался, он брать не умел. Считал ниже своего достоинства.

На последнем торжестве он долго разговаривал с элланкой.

— Прекрасный праздник,— отдуваясь и вытирая вспотевший лоб, едва только увидел невесту наследника, заявил он.— И еще больше его украшает ваше присутствие, дорогая.

— Не будем обо мне,— поспешила остановить его девушка, уже зная, что комплименты могут затянуться надолго.— Расскажите, как вы.

— Вы понимаете, милая,— начал он сразу доверительно, поддерживая Арэлл за локоть.— Признаться, иногда начинаю чувствовать себя неполноценным. Не далее как вчера разбирали дело лурия Клавдия. Нет, естественно, не того, не вашего, то есть я хочу сказать — не сиятельного лудия-наследника. Так вот, убийство раба. Причем раб, дубина, сам напал на достопочтенного лурия при свидетелях. И был убит. Разорван на куски мастифом своего хозяина. Извините, дорогая, за кровавые подробности. Конечно же необходимо судебное разбирательство. По закону всех рабов, содержащихся в доме, надлежит подвергнуть пыткам и казни. Вижу, я шокировал вас, но таковы законы. Так вот, интерес лурия Клавдия был в том, чтобы не потерять свою собственность, за которую он, надо сказать, заплатил немалые деньги из-за одного безумца. Он приходит ко мне с довольно крупной суммой денег и просит уладить это дело миром. Повернуть все как-нибудь так, словно не было никакого нападения и он сам убил раба. Хотел показать гостям охотничьи качества собаки. А я, вы представляете, не смог взять деньги. Не смог, и все.

В его маленьких глазках кроме разочарования элланка увидела еще и отблеск гордости. Он не столько сетовал на свою принципиальность и болезненную честность, сколько гордился ею.

— Что стало с теми людьми?

— С какими, дорогая?

— С рабами!

---

[1] Э д и л — должностное лицо, ведавшее общественными играми и строительством бань.

[2] К в е с т о р — главное лицо, ведущее судебные дела.

— А, их казнили.

— Всех?!

— Ну да. Закон в этом смысле очень строг. Рабы должны знать, что, если кто-то из них посмеет поднять руку на своего господина, наказаны будут все.

Арэлл захотелось взвыть. А еще лучше схватить лицемерного Пия за шкирку и швырнуть с балкона вниз. Они стояли, любуясь утренним Рэймом, залитым солнцем, но тогда элланке показалось, что небо потемнело. Это от ярости. Которую совершенно невозможно контролировать. В доме богатого патриция живет не менее ста рабов, и все они были убиты ради чванливой прихоти квестора Антонина.

— Лурия Арэлл, вам плохо?! — всполошился толстяк, заметив, как изменилось выражение ее лица.— Это от солнца. Позвольте проводить вас.

Клавдий, беседующий с префектом преторианцев — звероподобным Марием Антонием,— увидел, что с невестой творится нечто странное. То есть странное с точки зрения нормальных людей. Сам-то он давно привык к выходкам элланской девицы. Теперь, по всем признакам, ее трясло от бешенства.

Она успокоилась только спустя некоторое время. Уговорила себя, сидя в одиночестве в комнате со спящими нимфами и грустным мальчиком. Но в обществе Антонина с тех пор у нее начинала болеть голова от раздражения.

«Я не хочу ничего знать о них! Мне проще ничего не знать. Тогда я по-прежнему смогу считать их людьми...»

— Арэлл! Дорогая, ты спишь?! — горячая, влажная ручка Лоллы прикоснулась к ее запястью.

— Нет.— Девушка открыла глаза, перед которыми все еще стояла пурпурная пелена шелковой ткани Ферста.

— Приехали! Ах, как же я волнуюсь!!

Носилки больше не двигались, занавески раздвинули, и два крепких раба со всей подобающей почтительностью помогли выйти сначала дочери императора, затем его будущей невестке. Элланке было все равно, какое место она занимает в иерархии семьи правителя, но Лолла закатывала истерику, если чувствовала, что ей не оказали достаточного уважения. Пока она была «главнее» Арэлл и собиралась извлечь из своего положения все возможные преимущества.

Первое, что они увидели, был «Гиеронт». Корабль уже спустили на воду. Он выглядел как огромный морской зверь, случайно заплывший в реку и теперь оказавшийся не в силах выбраться обратно на простор. Казалось, он так и застрянет между двух берегов.

Палубу освещали огни. Множество огней... Прохладный ветер трепал разноцветные флаги, обрывал цветы, тяжелыми гирляндами обвивающие мачты, все восемь башен, якоря и даже весла гребцов.

Возле гавани располагались верфи, лавки, какие-то скособоченные домишки непонятного назначения, но теперь они растворялись в тем-

ноте. Сияние «Гиеронта» затмевало их. Дорога к сходням тоже оказалась усыпанной цветами, и по обе стороны от прохода стояли преторианцы в парадных доспехах. Арэлл шла следом за Лоллой и двумя ее телохранителями, чувствуя, как похрустывают под ногами тонкие стебельки. Любопытная толпа шумела где-то справа, оттесненная солдатами от места, где должно происходить основное празднество.

Эдил Серторий Квинт, ведавший общественными играми и вообще всеми увеселениями Рэйма, встретил их у трапа. Высокий молодой человек с вытянутым холеным лицом, с которого не сходило выражение легкого утомления и скуки. Как он мог развеселить хоть кого-нибудь с такой гримасой, Арэлл было решительно непонятно. Казалось, ему самому необходима труппа постоянно действующих актеров, чтобы он не скончался от тоски. Но Лолла млела в его присутствии, находя в лурии Сертории массу достоинств.

— Осторожнее,— едва слышно шепнул верный Гай, поддерживая Арэлл за локоть.

Наверное, хотел уберечь от падения на наклонных досках сходен, а может быть, снова с ее лицом оказалось что-то не так. Элланка попыталась изобразить радостное оживление, которого не испытывала, и следом за будущей золовкой ступила на борт.

Сейчас же преторианцы заорали что-то приветственное и заколотили мечами в щиты. Лолла засмеялась, зажимая уши руками, взглянула через плечо на эдила, закивала одобрительно.

Клавдий появился через несколько минут, вызвав еще одну серию немелодичных воплей. Слегка оглушенная, Арэлл выдержала еще одну сцену умильных нежностей, с которыми Лоллия повисла на шее у брата. А затем прибыла разряженная толпа гостей. Им нужно было улыбаться, стараться выглядеть учтивой и веселой.

Праздник пошел по тщательно продуманному плану. Сначала осмотр корабля, затем угощение, потом представление. Клавдий шествовал по судну с таким видом, словно строил его сам. За ним брела компания почтительно внимавших патрициев. То есть наследнику казалось, что они трепетно ловят каждое его слово, но элланка видела, как они незаметно насмешливо переглядываются, обмениваются издевательскими улыбочками. Ей вдруг стало стыдно. Мучительно стыдно. Щеки будто закололо сотней иголок. Как же он не замечает, что они не уважают его. Презирают, считают напыщенным, никчемным болтуном.

— Обратите внимание на двери кают. Это слоновая кость. Потолки из кипариса. Дальше термы. Нет, ничего интересного. А эти статуи привезли из Эллиды.

«Никчемный болтун».— Арэлл казалось, она ясно слышит это. Снисходительное презрение на лице сенатора Катиллина невозможно не видеть. А ведь Клавдий думает, что удивил всех.

Стараясь быть как можно незаметнее, она вернулась на палубу, оставив жениха с его гостями и любимой сестрицей. Гай шел следом.

«Гиеронт» медленно двигался вниз по течению Лигиса. Весла размеренно опускались и поднимались, разбрызгивая темную речную воду.

— Сейчас мы проплываем мимо театров Марцелла и Помпея.— Телохранитель подошел ближе, вместе с ней глядя в темноту за бортом.— Дальше термы Агриппы. Потом река повернет. По левому борту будет городская стена. По правому — Скаврский храм предсказателей.

— Предсказателей чего?

— Будущего.

Арэлл немедленно повернулась, чтобы рассмотреть храм, но не увидела в темноте ничего, кроме полоски бледных огней.

— А где находится Северный квартал?

— Выше по течению. За кладбищем и стеной Старого Города. Но зачем вам?

Она незаметно погладила амулет со змеей на запястье и поняла, что очень хочет рассказать о беседе с Трисмесом. Необходимо поделиться хоть с кем-то надеждой, которую дал покровитель мошенников. Смутной такой надеждой. Наверное, Гаю можно доверять. Кому же, как не ему. Хотя он и одержим.

Она уже почти решилась, но вдруг темная вода вокруг корабля начала светлеть. Из глубины на поверхность поднимались светящиеся круги. Арэлл перегнулась через край борта, чтобы лучше видеть, что происходит в реке. Цепочка огней замерла на мгновение, а потом из воды медленно вынырнули огромные мерцающие лотосы. Их лепестки раскрылись, внутри, освещенные золотистым сиянием, сидели молоденькие девушки в тонких одеждах с длинными влажными волосами. Они бросали в воду цветы и улыбались...

Дивную картину испортил крепкий запах вина, чеснока и резкий голос сенатора Полибия Катиллина:

— Слушай, Клавдий, достань мне вон ту нимфочку. Светленькую.

— Что, друг мой, ваши вкусы соответствуют высоким демоническим идеалам? — к борту неподалеку от Арэлл привалился сенатор Ферст.

И оба рассмеялись.

— Кстати насчет демонических идеалов.— К патрициям подошел еще один сенатор — Теренций Кувр, сухой, желчный старик, пожелтевший от постоянных приступов раздражения.— Гратх пытается протащить закон о сокращении земель, арендованных государственными чиновниками.

— Незаконно арендованных? — уточнил Катиллин.

— Естественно. Вас, дорогой, не было на прошлом заседании. Своими трескучими речами он довел Сенат до мигрени. Он требует отдать эти освободившиеся площади безземельным гражданам.

— Но он же сам понимает, что это безнадежно! — Ферст выпятил толстые губы.— Покажите мне идиота, который поддержит его.

Кувр улыбнулся язвительно и оглянулся.

— Пожалуйста, любуйтесь — Клавдий.

— Что?! — Катиллин, забыв о своем величии, неблагообразно разинул рот.— Он что, с ума сошел?

— Он хочет завоевать расположение народа,— проявил лояльность старик.— Это естественно. Великодушный наследник отбирает у зарвавшихся патрициев незаконно присвоенные земли и отдает благодарным горожанам. Всеобщее ликование.

— Хрен ему, а не ликование.— Ферст побагровел.— Я только что отстроил особняк. Целое состояние на него угрохал. Одних статуй двадцать штук! И не того дерьма, что тут Клавдий показывал. Настоящий элланский мрамор.

— Успокойтесь. Никто не пропустит этот указ. Пусть у Клавдия два голоса в Сенате...

— Хорошо бы лишить его обоих. Нет, лучше трех сразу, включая его собственный. Чтобы не вякал.

— А у императора десять голосов.— Катиллин задумчиво почесал щеку.— С дозволения его могущества Некроса. Если лудий убедит отца проявить лояльность к интересам народа, плакал ваш особнячок, мой дорогой.

Ферст выругался и громко засопел.

— Кстати,— Кувр доверительно понизил голос.— Вы заметили, как сдал император? Болтают, что Некрос не отметил его своей милостью. Помните императора Светония? Нет, вы не помните. Энергия хлестала из него. Он мог не спать сутками. Неделями не вылезал из седла. А эта развалина... Он что-то делает не так.

— Нет.— Катиллин невежливо отмахнулся от собеседника.— Нас это не касается! И слушать ничего не желаю.

Арэлл они не видели. Она стояла за миниатюрной башенкой и чувствовала себя скверно, как никогда. Они презирают Клавдия. Они презирают всех. Им нет дела ни до чего, кроме собственной выгоды. Впрочем, чему удивляться! Ничего нового она не услышала. Элланке стало нехорошо, она попыталась отойти, но ее успел перехватить Клавдий:

— Дорогая, почему бы тебе не станцевать для наших гостей? Я слышал, у вас в Смирте есть великолепные танцовщицы.

Он был уже порядком навеселе. Обычно бледное лицо раскраснелось, в глазах кроме пьяного безумия появилось злобное выражение. Лолла, повисшая на руке брата, глупо хихикала, лукаво поглядывая на будущую невестку.

— Я не танцовщица.— Спокойно сказала Арэлл, стараясь не обращать внимания на гостей, подтягивающихся к ним в предвкушении занимательного зрелища.

— Я знаю, кто ты! — рявкнул Клавдий, чуть покачнулся, ухватился за стоящего рядом Сертория. Тот едва заметно брезгливо поморщился, но тут же снова вернул на лицо самое любезное выражение.— И все знают! И я хочу, чтобы ты танцевала. Здесь и сейчас! Для меня и для моих друзей.

— Лурия Арэлл,— эдил Квинт деликатно высвободился из цепких пальцев наследника,— почему бы вам не прислушаться к желанию лурия лудия. Доставьте всем нам удовольствие. Станцуйте. Музыка сейчас будет.

— Я не буду танцевать.— Громко и четко произнесла девушка.

— Будешь! — Клавдий размахнулся, как будто собираясь ударить ее, но так и не опустил сжатый кулак. Арэлл вдруг стало жарко, по телу прошла мелкая дрожь. Сияющий «Гиеронт» поплыл перед глазами.

— Только посмей ударить меня,— прошептала она очень тихо. Но жених услышал. Его губы затряслись от ярости и беспомощности.

— Если ты будешь позорить меня перед моими гостями...

— Ты сам себя позоришь, Клавдий.

Она отвернулась от него, подобрала подол хитона, вспрыгнула на борт. Замерла, удерживаясь в обманчивом равновесии, и, чувствуя восхитительное ощущение освобождения, прыгнула в реку. Вода оказалась очень теплой. Арэлл вынырнула на поверхность, отбросила с лица мокрые волосы. Оглянулась на корабль. Оттуда слышались взволнованные голоса: «Достаньте ее! Достаньте! Она утонет!» И злобные вскрики Клавдия: «Пусть тонет! Я сказал, пусть тонет! Не сметь ее вытаскивать!»

Рядом в воду с громким всплеском врезалось еще одно тело. Человек вынырнул, отфыркиваясь.

— Арэлл, до берега недалеко! Доплывете?

Верный Гай бросился на помощь.

— Доплыву.

На берег они выбрались одновременно. Вода лилась с обоих ручьями.

Неожиданно для себя самой Арэлл опустилась на землю и захохотала. Так комично выглядел мужественный мокрый Гай. Сначала он смотрел на нее удивленно, потом улыбнулся сам:

— Идемте, Арэлл. Вы простудитесь. Отсюда до дворца недалеко. Мы в Среднем городе.

— Да-да,— она отдышалась и поднялась с помощью телохранителя.— Идем.

В Претикапий они прошли через ту самую дверь, той же самой дорогой, по которой ходили к гадалке.

В своей комнате Арэлл переоделась, высушила волосы и легла на ложе. Закрыла глаза, чувствуя себя очень уставшей. Никто ничего не говорит. Никто ничего не хочет знать. Все боятся. Правителей, друг друга... И демонов.

— Арэлл,— услышала она вдруг тихий голос Гая,— не плачьте.

— Я не плачу,— глухо отозвалась девушка в подушку.— Я устала.

— Вы можете мне доверять,— прошептал он.— Всегда. Во всем.

— Спасибо.

— Скажите, чего вы хотите?

Она села и, не глядя на верного преторианца, стала рассказывать. О роскоши императорского дворца, о налогах на хлеб, о цене жемчуга Лоллы, о предсказании ведьмы, о своей тоске, беспокойстве и ненависти к демонам.

— Я должна что-то сделать. Но я не знаю что. Они не должны управлять нами! Это дико и противоестественно! Раньше мне казалось, все думают так же! Но мне говорят: «Да, можно пофантазировать о том, как было бы без них,— наверное, неплохо, не нужно будет приносить людей в жертву, участвовать в оргиях, быть готовыми умереть в любой день. Но ведь это фантазии, реальная жизнь другая. Ты в реальной жизни! Прекрати мечтать о несбыточном. Будь довольна, что не рабыня, не нищая...» А я не могу быть довольна! Не могу! Я не хочу!

— Арэлл, пожалуйста, не плачьте.— Гай стоял совсем рядом и смотрел на нее сверху вниз.

— Я не плачу.

— У вас слезы на глазах.

— Просто очень болит голова.

Он неожиданно снял свой шлем с высоким плюмажем, опустился на пол возле ложа, и щека Арэлл оказалась прижата к теплому металлу кирасы, а на затылок легла рука в бронзовой наручи.

— То, о чем вы говорите, не фантазия. И не вы одна думаете так.

— Кто еще?

Он выпустил ее так же неожиданно, как и обнял.

— Я скажу вам. Позже.

Телохранитель подобрал шлем, вернулся на свое место и снова застыл там.

Глава 8,
в которой Энджи ищет способ борьбы с моим демонским характером, а я извлекаю из этого прямую выгоду

Дорога до дома заняла не так уж много времени. Но солнце почти склонилось к горизонту, когда мы с Атэром появились в своем скромном жилище.

На пороге нас встретила Гермия.

— Явились?! — весьма язвительно поинтересовалась она, едва мы успели войти в первую комнату.— И где, позвольте спросить, вас носило так долго? Вы заставили Энджи волноваться. Я ему, конечно, говорила, что, если вы в центральные термы отправились, так это на весь день! И кому в голову пришло вести мальчика в такое неприличное место! Всем известно, что там всякий сброд собирается.

Мы с Атэром переглянулись в полном недоумении. Превращение тихой мышки в огнедышащую гарпию было слишком неожиданным.

— Никакой не сброд,— дрожащим от возмущения голосом пролепетал Атэр.— Там очень демократичная публика. Сам Тиберий Гратх туда ходит.

— Ну, это понятно. Лурий Гратх вечно со всяким сбродом и знается... А приличного мальчика незачем туда водить.

Она гордо тряхнула копной светлых волос и уставилась на меня серыми нахальными глазищами:

— Мне нужны деньги на хозяйство!

— Ч-что?!

— Деньги на хозяйство.— Гермия чуть повысила голос, как будто разговаривала с плохо слышащим человеком.— Кто-то должен ходить на рынок, покупать еду. Я уже договорилась со здешней кухаркой. У нее родственники за городом, и каждую неделю она будет приносить свежее молоко. Не вы же будете за всем этим следить. Тем более не Энджи.

— Знаешь что, милочка,— ко мне наконец вернулся голос.— Мы прекрасно жили без тебя все это время.

— Да-да, вижу.— Она ткнула пальцем в подол моей тоги, из которого был выдран клок для кошелька.— Поэтому оба похожи на оборванцев?

— Мы купили одежду! — рассвирепел Атэр. Он выхватил из моих рук узел и бросил его на стол.— Вот!

Девица тут же потеряла к нам интерес. Она разворошила вещи и выхватила оттуда самую красивую белую тунику с золотой каймой по краю.

— Это для Энджи! Ему очень подойдет. И вот эти сандалии.

Она повертела в руках изящные сома[1], довольно улыбнулась и умчалась в соседнее помещение.

— Нет, ты видел? — пробормотал наш ученик.— Совсем на нем помешалась.

— Хотел бы я знать, где он сам.

— А что, его нет?

Я отрицательно покачал головой. Ангела не было в комнатах, его не было в доме и вообще нигде на ближайших улицах. Унесло куда-то искать приключений... на свои крылья.

— Ну, может, он погулять пошел?

— Да как же, погулять. Гермия!

— Что? — Девица выплыла из соседней комнаты, держа в руках деревянные дощечки для заглаживания складок на одежде.

— Энджи давно ушел?

— Незадолго до того, как вы вернулись, а что?

[1] С о м а — плетеные сандалии.

— Ничего.

— А мы тебе тунику купили,— вмешался Атэр, вытаскивая темное платье.— Смотри, вот.

Гермия презрительно сморщила нос:

— Такую одежду носят только продажные женщины.

Развернулась, сверкнув бедрами в длинных разрезах своего одеяния, и удалилась.

Ну ничего себе! Что делает с людьми ангельское общество! Нет, я поговорю с Энджи! Пусть только вернется!

— Гэл! — Атэр довольно чувствительно пнул меня в бок.— Мы будем есть в конце концов или нет?!

Пришлось сгонять в ближайшую харчевню и накупить жареной рыбы, пирогов, сосисок и кувшин вина. Мальчишка, приплясывая от нетерпения, тут же выхватил у меня поднос, взгромоздил его на стол. Вытащил из шкафа три разномастные чаши, одну с выщербленным краем. Расставил вокруг блюда.

Уселся и требовательно посмотрел на меня:

— Эту звать будем? — Кивок в сторону спальни.

— Надо бы.

— Гермия,— заорал Атэр,— есть иди!

Девица появилась через несколько минут. С невероятным достоинством опустилась на краешек скамьи, двумя пальцами взяла пирожок и произнесла, не глядя на меня:

— Меч снимите.

— Чего?!

— За столом неприлично сидеть с оружием. Таким образом вы показываете всем присутствующим свои недружелюбные намерения.

Еще немного, и я убью ее сам! Так и знал, что Энджи преподнесет нам в ее лице еще тот подарочек. Возился бы сам со своей скандальной барышней, так нет, предоставил нам удовольствие выслушивать ее нравоучения.

— Вообще-то,— задумчиво протянул Атэр, запихивая в рот сразу половину сосиски,— это действительно неприлично...

Нет, поесть спокойно мне не дадут. Я расстегнул пряжку ремня, демонстративно снял его и грохнул ножнами по столу, укладывая меч рядом с собой. Едва мраморную столешницу не проломил. Гермия вздрогнула от очередного нарушения правил и произнесла задумчиво, ни к кому конкретно не обращаясь:

— В следующий раз к столу надо подать перчатки. Чтобы не пачкать руки едой.

Да уж, столовыми приборами, как все нормальные люди, рэймляне не пользуются, видимо, это у них тоже считается неприличным. Зато

залезать рукой в общее блюдо — вершина этикета. Суп, надо полагать, они здесь тоже через край хлебают, а может, через соломину тянут, ну или в крайнем случае хлебом вымакивают. Я насмешливо фыркнул, в красках представив себе застолье местной знати, и спросил, уже на другую тему:

— Гермия, куда ушел Энджи?

Она отвлеклась на минутку от Атэра, которого шпыняла за торопливую еду и чавканье, озадаченно посмотрела на меня и выдала:

— Вас, наверное, искать. Куда же еще.

А вот это плохо. Я представил своего соратника, в одиночестве идущего по сумасшедшему Рэйму, где в любую минуту может появиться веселая толпа демонов, и мне стало как-то не по себе. Даже вкус у еды пропал. За последние несколько сотен лет он, конечно, научился защищаться и даже нападать, но... Ангел есть ангел. И ладно демоны. Люди, к которым он испытывает безграничное доверие, вполне могут подстроить очень даже опасную пакость.

Я вдруг увидел, что Гермия тоже перестала есть и смотрит на меня странными прозрачно-серыми глазами с виноватой тревогой.

— Его не нужно было отпускать одного, да? Нужно было уговорить его дождаться вас?

— Если он захотел уйти, все равно уйдет. Никакие уговоры его не удержат.

Девушка нахмурилась и принялась нервно крошить на стол кусок хлеба. Тоже мне сторож-хранитель.

— Лурий Гэл, может быть, вы пойдете поищете его?

Ага, я стал лурием. Приятно было слышать почтительное обращение, предназначенное для самых влиятельных господ, от этой девчонки. Значит, все-таки произвожу должное впечатление?.. Даже в драной тоге.

— Да чего вы волнуетесь,— наевшийся Атэр сыто потянулся и зевнул,— я лично сочувствую тому, кто встретится с Энджи в темном переулке... Слушай, Гэл, я посплю немного, ладно? А то что-то устал.

Он поднялся и поплелся в спальню.

— Руки вымой,— крикнула вслед Гермия, но мальчишка предпочел не услышать. А она не стала настаивать, занятая одеждой, брошенной поверх сундука.

— В таком виде вам нельзя появляться на улице. Наденьте вот это. Тогу, сверху накидку... Да нет же, не так. Дайте я... Ах, лурий Гэл, вам больше подошла бы военная одежда. В этом вы похожи на...

— Так, попрошу без унизительных комментариев.

— Не вертитесь. Я заглажу складки... Вот, теперь хорошо. Нет, стойте!

— Все, хватит, отстань. Где мой меч?

— Здесь... В следующий раз купите перевязь, чтобы повесить его через плечо, а то поясом все складки мнутся.

— Как же ты мне надоела! Все. Я ухожу.

Девица в последний раз поправила какие-то складочки на одежде и наконец отцепилась от меня:

— Очень хорошо. Теперь вы похожи на солидного, почтенного рэймлянина.

Да-да, именно этого я и добиваюсь. Стать солидным и почтенным тупым горожанином.

Я спустился вниз по лестнице, вышел на площадь и медленно огляделся по сторонам. Ангел мог пойти куда угодно... Нет, стоп, будем мыслить логически. Куда мог пойти ангел, наделенный способностью к целительству и сверхчувствительностью к человеческим страданиям? К императорскому дворцу? В Нижний город? За пределы Рэйма? Людей везде хватает...

«Энджи! Слышишь меня?!»

Он не отозвался, но в ответ перед моими глазами возникла картина: какие-то жалкие трущобы, покосившиеся домишки, узкие улочки, зажатые между серых каменных стен, горы мусора и отбросов, жирные крысы, нагло роющиеся в объедках, остов колесницы с торчащими в небо оглоблями... Замечательно. Нижний город. Ничего приличнее найти не мог! Его светлости неугодно было прогуляться к прекрасному императорскому дворцу. Крысы и развалины ему приятнее павлинов со статуями.

«Стой, где стоишь! Я иду к тебе».

Как же, будет он тихо стоять, дожидаясь меня. Обязательно ввяжется в какую-нибудь историю.

Я довольно быстро добрался до нижней части Рэйма. Причем это оказалась какая-то особенно омерзительная его часть. Тот район, где мы останавливались на ночь у старика крестьянина, был бедным, но чистым, даже в чем-то... приятным. Было видно, что люди живут себе помаленьку, принося жертвы демонам, и исправно платят налоги. Здесь же во всем наблюдалась полная запущенность.

Теперь я воочию повидал три лика Рэйма Великого. Казалось, что если над центром города и вокруг дворца круглые сутки блистал великолепный полдень, а возле сельских домиков прояснялось серенькое утро, то здесь промозглый вечер не спеша переползал в дождливую ночь. Освещение у них тут, что ли, такое? Или темные, низменные демонические страсти выползают изо всех окрестных домов? Хотя, на мой взгляд, даже самый распоследний бес, верный слуга Хозяина, сунув сюда свой любопытный нос, моментально скривился бы и умчался куда подальше. В места более уютные и чистые. Впрочем, рядовым демонам в этой местности должно нравиться. Темно, навалом человеческой еды, вваливайся в любой дом и бери что хочешь. Мне бы тоже, наверное, понравилось... раньше.

Все было именно так, как показал мне Энджи: грязь, нищета, крысы. Только еще прибавился запах какого-то гнилья, которое долгое время копилось на улице и спрессовалось до консистенции камня. Да, хорош я буду здесь в своей белоснежной тоге. Такого человеческого болвана, решившего прогуляться тут вечерком, прирежут его же собственным оружием. И поделом, нечего шататься где не положено.

Но я, к счастью, не человеческий олух, отправившийся на поиски острых ощущений. Может, и образ поменять? Вернуться к своему изначально демоническому?

Я шел по улице, держа ладонь на рукояти меча, не торопился, но и по сторонам не зевал. Солидный, почтенный рэймлянин, решивший совершить моцион перед сном. Правда, выбравший не слишком удачный район для прогулок, но это уже личное дело этого самого гражданина, где ему гулять.

Мимо меня шныряли какие-то подозрительные личности, окидывая цепкими взглядами крысиных глазок, и снова бежали по своим делам. Несколько раз пытались остановить мерзкого вида побирушки, клянча мелкие монеты и норовя ощупать цепкими ручонками складки моей одежды. Не прицеплен ли дорогой кинжал, крепко ли держится пояс. Я равнодушно отгонял их.

Выскочила из-за угла разбитная девчонка, до ушей раскрашенная яркой дешевой краской, подлетела ближе, но натолкнулась на мой взгляд и тут же шарахнулась в сторону. Что-то не расположен сегодня Гэлинджер к развлечениям.

— Эй, смотрите, ну и гусь!

Это тоже мне. Четыре перекошенные фигуры проявились на фоне изъеденной временем стены.

— Шагает как у себя по предбаннику. Ну-ка, Нос, проводи дядюшку.

До того как некто, названный Носом, приблизился, я обернулся и сверкнул красным, давно отрепетированным демоническим взглядом.

— Жить надоело, смертные?

Заботливые ребята тут же исчезли, как будто прошли сквозь стену. Естественно, силенок тягаться с демоном у них не было...

Из темной подворотни мне навстречу едва ли не под ноги шмыгнуло существо в грязных лохмотьях, вцепилось костлявой лапой в мою белоснежную тогу и зашипело:

— Почтенный лурий ищет кого-то? У почтенного лурия беда? Ему кто-то мешает жить? В благородном Рэйме найдутся мастера, которые облегчат ему жизнь. Всего тысяча сестерциев, уважаемый, и вы можете забыть имена ваших врагов.

— Пошел вон, шишок, я отпихнул старикашку в сторону.— Со своими врагами я привык разбираться сам.

Тот тихо охнул — видимо, я толкнул его довольно сильно, но не отстал:

— Почтенный лурий силен, но не все в благородном Рэйме можно решить мечом. У старого Митуса есть превосходные зелья, заклинания... яды.

Последнее слово он произнес с особым удовольствием. Даже губами причмокнул.

— Мне не нужны яды,— усмехнулся я, рассматривая сего любопытного представителя рода человеческого. Эту пиявку можно загнать обратно в щель, из которой она выползла, и отправиться дальше на поиски Энджи, а можно узнать что-нибудь полезное.

— Тогда, может быть, почтенный желает поучаствовать в демонической оргии? Очень сильные ощущения...

— Нет.

— Чего же хочет уважаемый?

— Мне нужна информация.

— О, так вы серьезный клиент.— Старик понял, что заинтересовал меня, поэтому позволил себе деликатно прикоснуться к моему локтю, пытаясь отвести в густую тень под стеной.— Какого рода информация?

— У тебя есть разная?

— Почтенного лурия интересуют слухи, сплетни или...

— Вот именно — или. Мне нужно попасть в императорский дворец.

Собеседник вдруг замотал головой и зашипел еще громче:

— А почтенный лурий шутник!

— Это вы, *почтенный*, шутник. Останавливаете приличного гражданина, пристаете к нему с сомнительными предложениями...

Старик засмеялся тихо и неприятно. Как будто просыпал немного крупы на медный поднос.

— Приличные граждане, не в обиду почтенному лурию, сюда не приходят. Они свои приличия дома оставляют, чтобы не испачкаться. Вот вы тогу белую надели, а внутри у вас, я вижу, тьма.

Красиво сказал. Про белые одежды и тьму. Образно мыслит старикан... Неужели почувствовал во мне демона? Обычно моя маскировка безупречно действует на людей.

— Ладно, тьма у меня внутри или свет — не твоя забота. Мне нужно попасть во дворец.

Митус придвинулся ближе, обдавая меня запахом чеснока и почему-то гари:

— Вы думаете, уважаемый, мои люди не пытались пробраться во дворец? Пытались, и не раз. Самые лучшие крысы, мастера своего дела. Я до сих пор плачу горькими слезами, когда вспоминаю этих почтенных искусников. И где они теперь? Пошли на корм императорским волкодавам! Вы не хуже меня знаете, что дворец набит добром от подвалов до самой крыши. Говорят, если император поделится своими деньгами, все граждане Рэйма и пригородов будут жить счастливо сто лет. Но пробраться в Претикапий нет никакой возможности. Мощная демоническая защита, уважаемый.

Неужели он принял меня за одного из заплечных дел мастеров, который ищет шайку пособников для того, чтобы пошарить в дворцовых закромах?

— Демоническая защита, говоришь... Через демоническую защиту пройти можно. Хотя и не всякому. Ты мне вот что узнай. Как часто во дворец приходят Высшие демоны? И приходят ли вообще?

Собеседник поморгал в темноте белесыми глазками, забормотал что-то едва слышно и наконец изрек:

— Как вас называть, почтенный?

— Называй...— я помедлил и усмехнулся своим мыслям.— Оборотень.

Старик тоже посмеялся, давая понять, что принимает мою конспирацию.

— Хорошо, лурий Оборотень. Приходите завтра. Сегодня ночью старый Митус будет думать.

— Ну, думай.

Я отвернулся от него и пошел дальше вверх по улице. Странное чувство я испытывал. С одной стороны, хорошо, что приобрел союзника. А с другой — что может знать эта мокрица? Если только у него действительно нет осведомителей во всех районах города и в императорском дворце заодно. Естественно, мне нетрудно прийти к нему еще раз. Вдруг и правда узнаю что-нибудь ценное. Но это завтра. А сегодня меня больше интересует, куда пропал неугомонный ангел.

Прошло немало времени, с тех пор как я начал свою прогулку по славному районцу. Стемнело. Но больше почувствовать, где именно находится Энджи, мне не удавалось. Поэтому увидел я его совершенно неожиданно.

Компаньон шел мне навстречу. Медленно, будто гуляя по весенней набережной. И надо быть просто слепым, чтобы не увидеть в нем ангела, даже в человеческом облике. Облегчение мгновенно сменилось злостью.

— Добрый вечер, Гэл.

— Да, ваша светлость. Прекрасный вечерок, под стать месту, которое вы выбрали для прогулок.

Он удивленно приподнял золотистые брови:

— Ты сердишься?

— Нет. Я в бешенстве! Что ты здесь забыл?! Какого Дьявола тебя занесло в Нижний город?!!

Энджи поморщился — как всегда, когда я произносил вслух имя этой жестокой астральной сущности. Но я не обратил внимания на его неудовольствие. Не ангельские небеса же мне призывать во время приступов ярости.

— Дома тебе не сиделось? Экзотики захотел?!

Ругаться, стоя посреди грязной улицы, было глупо, и я потащил его в сторону более приличного района. Ангел не сопротивлялся, хотя и споткнулся несколько раз в своих тонких сандалиях на неровной мостовой, но вскоре его шаг выровнялся.

— Удачно сходили в термы?

— Вполне,— отозвался я все еще сердито.— Так ты скажешь, зачем пришел сюда?

— Много выиграли? — снова поинтересовался Энджи, как будто не слыша моих настойчивых вопросов.

— Три тысячи. Ты можешь мне ответить?

— Играли заговоренными костями?

— Естественно... начали с них, потом перешли на обычные. Кстати, Атэр начал проявлять кое-какие магические способности...

Ангел вздохнул. Не огорченно и не тревожно, а с полной покорностью судьбе:

— У них не было ни одного шанса. Ты профессиональный игрок с... уже с тысячелетним стажем. Атэр проявляет магические способности. У вас меченые кости и...

Мне, конечно, слегка польстило то, что даже ангел считает меня профессионалом, пусть всего лишь в игре. Но я не дал ему распространяться на эту тему.

— Слушай, Энджи, не надо. Да, я пошел и обыграл этих человеческих остолопов. И ничто не дрогнуло в моей грубой, жестокой душе. У Атэра, кстати, тоже. Но я не заставлял их играть. Они сами прибежали к нашему столу с открытыми кошельками. Нам не пришлось вытаскивать деньги из их карманов, они *сами* их отдали. Элементарно, примитивно, я даже не получил от этого удовольствия. И между прочим, у патрициев здесь денег столько, что они не успевают потратить их за всю свою жизнь.

Ангел будто не слушал меня — то смотрел себе под ноги, то запрокидывал голову, чтобы взглянуть на черное небо, то оглядывался на окна домов, за которыми горели слабые огоньки светильников. Но когда я замолчал раздраженно, он сделал одолжение и вернулся обратно на землю из заоблачных высот, в которых пребывал последние несколько минут.

— Гэл, не нужно оправдываться. Ты демон. У тебя свои представления о жизни. У меня свои. Уверен, они кажутся тебе глупыми, бессмысленными, но... Я знаю одно — сегодня ты обманул нескольких человек. Может быть, они не заслуживают жалости и сочувствия. Это не важно... Я не могу удержать тебя от естественных для тебя поступков... наверное, даже не имею права. Ты делаешь свой выбор. А я свой. Поэтому я пытаюсь помочь тем, кто действительно нуждается в помощи. Стараюсь восстановить шаткое, нарушенное тобой равновесие.

На несколько долгих мгновений я онемел от услышанного. Ангел шел рядом со мной, и его лицо светилось покоем и почти счастьем. Счастьем и покоем в этих грязных трущобах! Ему казалось, он нашел способ, как «бороться» с моей демонической сущностью, и утешился.

— Ты что, пришел сюда для того, чтобы тратить свои силы, свой свет на этих... на это отребье?!

— Они страдают, Гэл. Я чувствую их боль. Ты же знаешь. Власть демонов очень тяжела для них. Почти невыносима...

— Да! Да!! Отлично! Давай! Восстанавливай равновесие! Вся демоническая империя на одной чаше весов и один-единственный ангел на другой! Тебя раздавят, разорвут на клочки!..— Я прекратил орать и произнес почти просяще.— Энджи, не валяй дурака. Я понимаю, тебе тяжело, жалко их, но не раздавай ты свою силу кому попало. Береги ее, копи в себе. Все равно на всех не хватит.

Он повернул ко мне спокойное, прекрасное даже в человеческом образе лицо.

— Я так не могу. Я не умею копить и сохранять. Я живу для того, чтобы раздавать — лечить, любить, сочувствовать... Иначе погибну.

— Откуда ты будешь черпать свою светлую силу, когда израсходуется вся твоя внутренняя энергия? Грязи в этом мире хоть залейся, а доброты и нежности я что-то пока еще не встречал. Ты погибнешь, если станешь тратить себя на всякую шваль!

— Значит, так должно быть. — Это прозвучало строго и почти жестко.

— Дурак! — процедил я сквозь зубы.— Погибнуть ему захотелось! Ты о нас подумал?! О Буллфере, то есть Атэре... о Гермии этой ненормальной. Она молиться на тебя готова... Обо мне...

— А что — о тебе? — Он наклонил голову и, кажется, улыбнулся.— Разве ты не будешь доволен, что никто не мешает тебе воспитывать Атэра по своему образу и подобию?

Сначала мне снова захотелось наорать на него, потом крепко взять за изнеженную ангельскую шею и сжать как следует, чтобы не болтал глупостей. Но вместо этого я схватил Энджи за руку и толкнул к стене. Выше по улице послышались тяжелые нечеловеческие шаги.

— Гэл, что...

Тут я действительно одной рукой стиснул его плечо, другой зажал рот.

Он дернулся пару раз, а потом и сам услышал. В медленном прогулочном темпе к нам приближались демоны и, судя по мощной волне, текущей впереди них, Высшие. Принесла нелегкая.

— Ти-хо. Ни звука.— Страшным голосом прошептал я на ухо замершему Энджи, а потом собрал всю имеющуюся в наличии силу и «набросил» на нас обоих тяжелый, непроницаемый «плащ тени».

Он должен был замаскировать, заглушить белый свет, окутывающий ангела. И сделать нас обоих невидимыми...

Вот теперь посмотрим, насколько я поднаторел в магии. Заклинание было мощным. Я сразу почувствовал, как взмок загривок. Сердце Энджи колотилось часто и громко, дыхание стало быстрым и прерывистым. Краем глаза я глянул на него — не собирается ли в обморок упасть. Но нет, вроде ничего. Только тяжело ему сейчас, может быть, даже тяжелее, чем мне. Я ведь только заклинание на нас держу, а он еще и сам со своей силой пытается справиться. Ангельская энергия постоянно изливается из светлого существа в окружающий мир, а если ей не давать выхода, заперев хотя бы заклинанием «плаща», она будет бурлить,

клокотать, рваться наружу. В отличие от демонической, которая засасывает все, до чего дотянется. Представляю, как Энджи сейчас захлебывается в потоке света, кипящего в его душе.

Темные приближались. Их поступь была медленной, величественной. Это шли хозяева, осматривая свои владения. Я наконец увидел их. Две высокие фигуры в угольно-черных плащах. Сначала они показались мне похожими на бесформенные сгустки мрака, и, только когда поравнялись с нами, я разглядел пояса, набранные из крупных рубинов — любимых камней демонической знати. Складки их одежды лениво колыхались, словно от слабого ветра. И ветер действительно был. Еще во времена правления Буллфера считалось модным держать при себе тонкую струю воздуха, которая, когда надо, эффектно взметнет волосы или поднимет край плаща... Энергии на поддержание в постоянном действии этого заклинания тратилось уйма. Но Высшие демоны недостатка в ней никогда не испытывали.

Две фигуры степенно в полном молчании прошли мимо и последовали дальше, дальше... как можно дальше, до тех пор, пока я не перестал ощущать их давящую власть... Не увидели, не почувствовали. Мы для них сейчас были пустым местом. Грубой кладкой стены. Даже не оглянулись. Вот и славно. Стоит только порадоваться моим инстинктам. Спрятаться — было лучшим решением, даже объединенными силами нам с ангелом не одолеть двоих Высших.

Ну вот, кажется, все. Я медленно «стянул» «плащ» и так же медленно выпустил Энджи. Тот шарахнулся в сторону, жадно ловя ртом воздух, как будто спасаясь от удушья. А потом вдруг из него во все стороны хлынула белая волна. Захватила ближайшие дома и пошла расходиться, как от брошенного в воду камня. Все шире и шире... Это выплеснулась на свободу долго сдерживаемая ангельская сила. Представляю, как обомлели люди, попавшие в ее поток. Им стало легко и спокойно, прошли, пусть ненадолго, все возможные заболевания. Счастье, покой, радость, облегчение. Бесплатно, для всех...

Меня тоже зацепило этой сумасшедшей волной. На несколько мгновений я потерял слух, зрение и голос. Ослепило, оглушило, прижало к земле, скрутило. Как же это больно, когда тебя прожигают белым раскаленным железом. А потом через сквозные дырки в шкуре струится расплавленный, звенящий металл и по шерсти пробегают искры...

— Гэл! Гэл! Гэл!!

— Нормально. Нормально. Все нормально...

Нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя. Осознать, что небо находится наверху, земля внизу и я стою на ней. Немного шатаясь, но все же стою.

— Зря мы отпустили этих демонов,— пробормотал я, обеими руками растирая ноющую грудь.— Надо было вот так же шарахнуть по ним. И наслаждаться незабываемым зрелищем.

Энджи рассмеялся. Звонким, беззаботным смехом юного человека, не обремененного никакими проблемами. Дотронулся до моей руки:

— Идем, Гэл.

— Да уж. Пора сматываться, пока эта парочка не вернулась. Держу пари, их тоже зацепил твой стихийный всплеск... То-то слухов будет в Великом Рэйме о том, как неожиданно протрезвел и излечился от всех заболеваний целый район.

— Идем.

— Да-да. Ты откроешь телепорт или я?

Увидев нас, возвратившихся из славного путешествия по злачным местам Рэйма, Гермия вскочила из-за стола, за которым шила что-то, и порывисто бросилась к Энджи. Подняла светильник до уровня его лица, внимательно всмотрелась.

— Да цел он. Цел.— Я расстегнул пояс, положил меч на край сундука и присел на скамью, вытянув усталые ноги.

Теперь бы поспать. Часиков эдак пятнадцать. Демоны вообще любят проводить время во сне, но, впрочем, кажется, и Энджи не отказался бы упасть в мягкую постель, отрешиться от дел земных.

— Что Атэр, спит? — Я потянулся и принялся разматывать с себя тогу.

— Спит,— Гермия поспешно убирала со стола рукоделье.— После терм всегда хорошо спится.

— Вот и славно. Я тоже пойду.— Я зевнул, бросая поверх ножен помятую верхнюю одежду.

— А ужинать вы разве не будете? — Девица застыла, требовательно и одновременно нежно глядя на ангела. Собственно, вопрос об ужине был обращен непосредственно к нему.

— Спасибо, Гермия, не хочется,— улыбнулся тот.

Вот она, ангельская искренность. Отказался, даже не подумав, что девушка весь вечер беспокоилась, старалась угодить его светлости, наготовила каких-нибудь кулинарных изысков. Естественно, ему это в голову не придет. Привык, что о нем заботится верный старина Гэл.

Энджи снял сандалии и пошел в закуток, где журчал хваленый рэймский водопровод,— умываться. Гермия совалась туда несколько раз то с чистым полотенцем, то с флаконом ароматного масла. Потом отнесла новую тунику, вышитую золотом. Вернулась, села за стол, подперла щеку кулаком и задумалась. Да, было о чем подумать. Милый, внимательный, добрый Энджи оказался совершенно нечувствителен к ее чарам.

Несколько мгновений я наблюдал за ней, а потом позлорадствовал от души:

— Безнадежно.

— Что? — встрепенулась она.

— Зря стараешься. Он выше всего земного.

Печально-романтический туман исчез из ее взгляда. Гермия нахально уставилась на меня и лицемерно заявила:

— Не понимаю, о чем вы.

Все ты понимаешь.

— Ладно. Я иду спать.

— Доброй ночи, лурий Гэл.

Я ушел в свою... нашу комнату. Атэр крепко дрых, замотавшись с головой в покрывало. Энджи еще мылся. Значит, несколько минут покоя и одиночества мне обеспечено. Я пошарил под кроватью и вытащил свой заветный сундучок. Хорошая вещица. Не горит, потому что окован огнеупорным металлом. В воде не тонет из-за магических свойств. И открыть его может только владелец.

Я приобрел эту игрушку давно. Личные вещи надо где-то хранить, а заветного волшебного пространства, такого невидимого чулана, куда можно сваливать всякий хлам, как у любого Высшего демона, у меня не было.

Конечно, все эти сундуки-кошельки никуда не годятся. Надо будет велеть Гермии пришить мне на тогу карман, что ли. В дурацкой рэймской одежде ничего невозможно носить с собой, если только тебя не сопровождает десяток рабов. А кое-какие вещи совершенно необходимо всегда держать при себе. Как, например, мой блокнот, карандаш, набор зубочисток...

Ну ладно, об этом потом. Сейчас мне захотелось сделать кое-что, не имеющее совершенно никакого смысла. Я открыл свой сундук и вытащил тяжелый золотой пояс с большими рубинами — украшение Высших демонов. Давным-давно я подобрал его на поле, где произошло сражение армии Буллфера — «Белых щитов» — с гвардейцами Хул. Не знаю, кто из темных его потерял. Но мне представлялось, что я отдам его Атэру, когда тот станет достоин этого подарка...

В соседней комнате послышались шаги Энджи. Я поспешно сунул пояс обратно в сундучок, захлопнул крышку и нырнул в постель. Отчего-то не хотелось, чтобы ангел видел, что я храню старинную демоническую реликвию.

Он вошел, не заметив моих манипуляций, потушил светильник, думая, что я уже сплю, и лег на свою кровать. Стало тихо. Только за окном на улице периодически раздавались обычные ночные звуки. Пьяные вопли, смех, бряцание оружия. Журчала и всхлипывала вода в водопроводе. Атэр громко сопел и время от времени начинал крутиться на кровати, поскрипывавшей рассохшимися досками. Машинально прислушиваясь, я лежал, продумывая план завтрашнего дня, и сам не заметил, как задремал.

Разбудила меня тишина. Ненормальная тишина. Город точно вымер. Ни шороха, ни крика, ни единого звука. А потом вдруг громкий, прерывающийся шепот Атэра:

— Энджи! Энджи, ты спишь?!

Естественно, спит, что ему еще делать? Трепетно оберегать твой сон?! Конечно, вслух я ничего не сказал, хотелось послушать, что этому паршивцу нужно от ангела глубокой ночью.

— Что случилось? — Голос моего соратника был спокоен и доброжелателен.

Действительно, что могло случиться у мальчишки? Слопал десяток слоеных пирожков с мясом, получил красивую одежду и бесплатный урок виртуозного шулерства... Разве что несварение желудка.

— Я снова видел тот сон...— Голос нашего воспитанника был хриплым, дрожащим. Он старался говорить тихо, но все равно срывался на тревожные, панические интонации.

— Снова?

— Да. Он снится мне постоянно.

Скрипнула кровать, наверное, Энджи сел, чтобы лучше внимать жалобам Атэра.

— Расскажи.

— Да! Сейчас.

Вот оно, человеческое двуличие! Развлекается он в обществе демона, а жаловаться и искать утешение бросается к ангелу. Ну-ну, послушаем, что там ему могло привидеться.

Атэр вздохнул прерывисто.

— Мне снился огонь... Огонь внутри меня. Как будто я горю. Я слышу треск пламени, чувствую его запах. Оно поднимается по горлу из груди, заполняет голову... Это больно, очень больно... и страшно.

Он снова резко вздохнул, помолчал.

— Этот огонь красный и... и жидкий. Я как будто захлебываюсь в нем. И просыпаюсь... Энджи, это ведь что-то значит, да?

— Каждый сон что-то значит,— ответил ангел спокойно.

— Но что?!

Еще несколько секунд молчания, во время которых слышалось только частое громкое дыхание мальчишки.

— Ты знаешь, как рождаются демоны?

— Нет,— прошептал Атэр едва слышно.

— В огне. Из огня. Тяжелое... жидкое пламя порождает их.

Атэра затрясло. Я почти слышал, как стучат его зубы.

— Энджи, я боюсь. Честно, боюсь. Мне снится, что я иду по земле и оставляю огненные следы, а еще... Нет, не хочу вспоминать! Почему мне?! Почему это со мной?!

Объяснил бы я, почему это с тобой. Тебе снится твоя демоническая сущность. Что хорошо. Что *очень* хорошо! Нужно просто напомнить ей, как было раньше. Каким ты был раньше. Объяснить, что не страшно это, а нормально. Научить побороть боязнь перед непонятным, перетерпеть боль... Эх, Атэр, не того советчика ты выбрал!

— Энджи, я не хочу! Я не хочу, чтобы мне снились эти сны! Пожалуйста!

Теплое облачко золотистой пыли отделилось от исцеляющих рук ангела и окутало мальчишку, скорчившегося на краю кровати.

— Все хорошо. Не бойся. Спи спокойно.

— Но почему я вижу во сне демоническое пламя?

Потому что ты был демоном! Потому что ты *должен стать* демоном!!

— Послушай меня, Атэр.— Голос ангела стал холодным, спокойным, значительным.— Жить так, как живут демоны, очень просто. Ты видел это сегодня в термах. У тебя будет неслабая магическая сила, свобода... то, что демоны считают свободой. Может быть, даже могущество и власть. А еще боль и тоска. Боль от невыполнимых желаний, тоска по тому, что они потеряли.

— Что же они потеряли?

— Любовь, счастье, покой... Что ты чувствуешь сейчас?

Еще одно золотистое облако — теплое, нежное, убаюкивающее — накрыло мальчишку.

— Тепло, уют,— прошептал Атэр и почему-то всхлипнул.— Хорошо, спокойно, надежно... Ты такой... внутри, в душе?

— Это естественное мое состояние.

— А Гэл?! Энджи, разве ему плохо?! Разве он одинок?! Он не выглядит несчастным!

— Значит, ты плохо в нем разобрался, если так думаешь... Почему ты пришел ко мне, когда тебе приснился страшный сон? Почему не к нему?

— Не знаю... ты... ты утешил меня. Я знал, что утешишь.— Атэр задумался, а потом произнес медленно, как будто размышляя вслух.— Ты необычный. Рядом с тобой очень хорошо. Но ты... мне кажется, ты очень... беззащитный.

Энджи тихо засмеялся, а мальчишка поспешно уточнил:

— Тебя ранит несправедливость. И у тебя нет никакого щита. Но когда тебе больно, всем остальным тоже становится больно. Наверно, поэтому не хочется тебя огорчать. А чтобы тебя не огорчать, нужно поступать всегда хорошо и правильно. Но поступать всегда правильно— с ума сойдешь! С Гэлом, наоборот, легко, весело. Он позволяет делать все, что хочешь. Он никого не боится.

Великое дело личный пример. Определенно демоны нравятся парню больше, чем ангелы. Один демон. Я.

Утром Энджи был тих и задумчив, Гермия порхала по хозяйству, выспавшийся Атэр маялся от безделья. Я ждал вечера, чтобы пойти на встречу с моим неожиданным человеческим осведомителем. И, чтобы не тратить время понапрасну, принялся обучать мальчишку магии.

Потом к нам присоединился ангел, и обучение перешло в новую фазу. Он внес немного спокойствия в образовательный процесс. Вдохновленный его примером, я перестал орать на ученика и некоторое время пытался быть уравновешенным и справедливым. Но это было нелегко.

— Хватит! Отстаньте! Надоело! — заявил наконец упрямый Атэр.— Ерундой занимаемся! Лучше скажите, чего мы здесь сидим?! Когда попадем во дворец?

— Во дворец тебе?! — сорвался я в очередной раз.— Обойдешься! Нечего тебе там делать! Сидим все, понимаешь, голову ломаем над тем, как ему во дворец попасть! Хватит! Мне тоже надоело!

— Ах так! — Мальчишка побледнел от возмущения и схватил свой гиматий.— Тогда я сам туда пойду. Пойду, и все! Один! Без вас обойдусь!

Он выскочил из комнаты и громко застучал сандалиями по лестнице, спускаясь вниз. Поймал я его уже на улице. Атэр отчаянно сопротивлялся, брыкался, норовил побольнее пнуть меня, пока я за шиворот тащил его обратно. Во дворец он собрался! Ждут тебя там, как же! Хорошо, если стража просто прогонит. А если этот олух сдуру попытается потихоньку пролезть в какое-нибудь открытое по случаю жары окно или дверь — нарвется на демоническую защиту, и все, привет. Не будет Атэра...

— А ну тихо! — рявкнул я, устав выслушивать его жалобы на нашу черствость и воспоминания о том, как мы обещали ему помогать.— Сегодня вечером я узнаю, как попасть во дворец.

Мальчишка моментально заткнулся (таким образом выразив свой восторг) и, похоже, принялся терпеливо дожидаться обещанного.

Глава 9
ЕГО МОГУЩЕСТВО ПОВЕЛИТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ ТУРВОН

Господин Великой Рэймской империи, Повелитель, Его Могущество Некрос был в бешенстве. В тихом бешенстве, которое пока еще не стало заметно присутствующим. Верховные жрецы всех шести храмов города сидели на скамьях с жесткими спинками и не смели вдохнуть лишний раз без разрешения своего Господина. За спиной каждого из них застыл младший помощник, обязанный сопровождать наставника.

Зал, в котором проходил Совет, был красным с золотом. Мебель черная. В полированном граните пола отражался огонь светильников. Демон сидел в удобном кресле, размеренно постукивая по подлокотнику тонким железным стило, и шесть пар глаз завороженно следили за движениями его руки.

— Я хочу знать, что происходит в моем городе,— вкрадчиво, почти нежно произнес он.— Я хочу знать, почему в Нижнем городе произошел всплеск силы, качественно противоположной демоническим эманациям.

Люди украдкой запереглядывались, их лица весьма красноречиво вытянулись.

— Ваше Могущество Высший Господин,— осторожно начал Не'Лктаур, верховный жрец главного храма Рэйма, храма Некроса, как выразитель общего мнения.— Простите, но мы не понимаем, о чем вы говорите.

Тупое стадо! Они действительно не понимали! Демон с размаху воткнул стило в деревянный подлокотник.

— Вчера в Нижнем городе произошел мгновенный выброс разрушительной высокочастотной энергии. Темная завеса над Рэймом, служащая интересам всех присутствующих, была проткнута насквозь. Всего на несколько секунд, прокол тут же затянулся. Но люди его почувствовали. *Я* его почувствовал! Я хочу знать, что это было. Кто это был!

— Повелитель, и все же...

Некрос вскочил. Все жрецы сжались, ожидая расправы, но он только указал на самого молодого из послушников своего храма и поманил его к себе:

— Иди сюда. Сядь.

Слизывая с верхней губы капельки пота, тот осторожно опустился в кресло, дрожащими руками ухватился за подлокотники. Демон подошел к нему сзади, наклонился, положил руки на голову сидящего, глядя на всех остальных. Улыбнулся, крепко сжимая его виски. На лице молодого человека начало проступать выражение сладостной муки. Губы искривила судорога, дыхание стало частым и прерывистым, глаза закатились.

— Вот это сила. Это — наслаждение.— Некрос обвел взглядом людей, с жадным любопытством глядящих на происходящее.— Демоническое, тяжелое, густое. Всепроникающее...

Человек под его руками дернулся, глухо застонал. Черное блаженство вползало в его тело, заполняло голову, лишало воли и разума.

— А вот то, что произошло вчера.— Правитель выдернул стило, торчащее в подлокотнике, и с размаху вонзил в ладонь смертного. Почувствовал, как стальной наконечник пронзает кожу, мышцы, кость, входит в дерево. Младший жрец вскрикнул от боли и неожиданности, выдранный из своего едва переносимого удовольствия. Но не посмел избавиться от острия, раздирающего ладонь. Только, часто дыша, дрожал и с ужасом смотрел на свою кровь, тонким ручейком стекающую на гладкий пол.

— Это то, что произошло вчера,— повысил голос Некрос.— Боль! Острая, режущая, рвущая.

— Господин, что могло вызвать ее? — осторожно спросил Не'Лктаур, равнодушно глядя на корчившегося в кресле. За годы служения темным жрец видел столько кровавых ритуалов, сам перенес столько мучений, что его сложно было удивить маленькой экзекуцией.

— Именно поэтому я собрал вас здесь сегодня.— Демон выдернул стило из руки послушника, и тот, зажимая рану, на подгибающихся ногах вернулся на прежнее место.— Я хочу знать все слухи, догадки, сплетни. Все необычное, что происходило в городе за последние дни.

Как бы ни были послушны люди, они все равно проявляют недовольство. Это заложено в человеческой природе. Я желаю знать о малейшем проявлении вольнодумия.

— Простите, Ваше Могущество, но...— Ка'Птсавус, главный жрец Каракалтского храма, замялся.— Вы позволите?

— Говори.— Повелитель опустился в кресло, ребром ладони смахнув человеческую кровь с кожаной обивки.

— Вы полагаете, что в городе затевается нечто серьезное? Но это невозможно. Мы держим под контролем всех. Все. Империя у ваших ног.

— Красивые слова.— Некрос был уже не в том возрасте, чтобы наслаждаться лестью, пусть даже искренней.— Но мне нужна правда.

— Господин, вы знаете правду. Ваша власть безгранична.— Похоже Не'Лктаур ни доли секунды не сомневался в том, что говорит.

Высший демон прищурился, глядя на старика в золотых одеждах,— череп, обтянутый сухой, желтоватой кожей, тонкий, острый нос, бескровные губы, бугристый лоб, горящие глаза фанатика. Он считает себя наместником темного Повелителя. Причастность к «безграничной власти» — смысл его жизни, величайшее наслаждение, большее, чем то, что испытал послушник от прикосновения Некроса. Он слепо верит в могущество своего Господина. Не представляет, как стадо безмозглых коров может бунтовать против пастуха и высказывать недовольство. А они могут... Теоретически могут.

— Мы сделаем все, что вы приказали, Господин.

— Тогда идите.

Некрос пронаблюдал, как жрецы поднялись, поклонились. Их бритые головы были похожи на неровные блестящие орехи. Вышли, один за другим покидая главный зал храма. Когда за последним закрылась дверь, Высший встал, потянулся и зевнул — совсем как человек, засидевшийся за нудной, рутинной работой. Младший писец купца, проведший все утро в подсчетах. Демон усмехнулся, обвел взглядом стены, заставил факелы гореть ярче, и теперь казалось, что зал опоясывает кольцо пламени, отражаясь на полу. Два пламенных обода. Один над другим. Полюбовавшись некоторое время игрой отражений, демон щелчком пальцев погасил освещение и направился к выходу.

Коридор вывел его на балкон — узкую полоску камня над безлюдной храмовой площадью. Прохладный ветер сдул с перил несколько песчинок, бросил их в лицо, потом забился, запутавшись в складках одежды. Энергетический купол — то, что Некрос называл темной завесой,— висел над городом густым, мерно пульсирующим облаком. Сила, которую люди не видели и чувствовали только иногда, смутно. Ее источником были шесть черных храмов, императорский дворец с его жертвенниками и бесчисленное количество домов, лачуг и закоулков, из которых поднимались тонкие струйки тяжелой, низменной, грубой энергии.

Конечно, совсем не то что плотные эманации Дна демонического мира, но все же весьма приятное его продолжение на земле. Откуда здесь могло взяться белое ослепительное пламя, разорвавшее темноту? Человек не может генерировать ничего подобного.

Некрос стремительно отвернулся от города, смиренно лежащего под ногами. Тело демона замерцало и растворилось в воздухе. На мгновение. Чтобы возникнуть в другом пространстве.

В убийственном для смертных своем настоящем доме.

Он снова стоял в черно-золотом зале — точной копии земного — и задумчиво смотрел по сторонам.

Для высшего создания управлять человеческой империей не составляет никакого труда. Надо лишь знать, за какие ниточки в какой ситуации дергать. Только теперь, похоже, эти нити изрядно запутались. Знать бы, за который конец тянуть. Конечно, может быть, он слегка преувеличивает опасность, связанную с этим светлым выбросом энергии. Но подстраховаться никогда не мешает. Даже в человеческом Срединном мире.

— Некрос! — Голос, неожиданно прозвучавший за спиной, был больше похож на свирепый рык.

Повелитель Рэйма успел придать своему лицу утомленно-раздраженное выражение, прежде чем повернулся.

Только его здесь не хватало. Как всегда, приперся, почувствовав отдаленный запах падали. Его Могущество Великий Инквизитор, поддерживающий в человеческих сердцах негасимый страх перед демонической властью. Чушь собачья! Как будто Некрос сам не может справиться со своим покорным человеческим стадом — обязательно запускать туда еще и злобного пса! Но нет! Традиция. Так повелось, что каждый Высший управляется со своим куском земли как хочет, а Инквизитор осуществляет контроль над всеобщим идеологическим порядком.

Теперь главный идеолог стоял рядом, в человеческом облике и гневно сверкал глазами из-под капюшона.

— А-а,— без особого воодушевления произнес Повелитель Рэйма.— Чем обязан?

Они были одного возраста. Почти одного. Плюс-минус пару сотен лет. То есть достаточно молоды для Высших демонов. И по качеству прожитого — зрелы. Сильны, амбициозны, расчетливы. Только Некрос успел отхватить себе порядочный кусок человеческих земель и щедро черпал оттуда силу, золото и развлечения. А этот почему-то польстился лишь на должность турвона — Верховного жреца темного мира. Звание, бесспорно, почетное, но неприбыльное.

— Что происходит в Рэйме?!! — И это вместо приветствия. Когда успел пронюхать?..

— А что там происходит? — Некрос сотворил два кресла, столик с напитками, скамеечку себе под ноги. Жестом предложил гостю располагаться.— Не желаешь выпить чего-нибудь?

— У меня нет на это времени.

Да, у него никогда нет времени. Хронический трудоголик. Вот он с размаху опустился в кресло, вцепился в подлокотники, как будто силой удерживая себя на месте.

— А я выпью,— решил хозяин и потянулся к кофейнику.

— Что, в горле пересохло? — с отвратительным ехидством осведомился турвон. Намек Некросу не понравился. Рука дрогнула, тонкий изогнутый носик фарфорового сосуда задел край чаши. Но пришлось сдержаться и не выдать своего раздражения. Этот хам мог пригодиться.— Рассказывай.

— Не о чем рассказывать. Не произошло ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

— Давай я решу это сам.

— Решишь. Когда я сочту нужным известить тебя.

— Хватит вилять! — Сквозь человеческую маску неожиданно проступили черты собственного демонического лица инквизитора — ноздри широкого носа гневно раздулись, клыки оскалены.— На твоей территории выброс высокочастотной энергии выше допустимого предела в сотню раз. Годового допустимого предела. Как ты это объяснишь?

— Не знаю.— Процедил Некрос сквозь зубы. Видеть перекошенную физиономию собеседника было отвратительно. Последовательная смена образа и так зрелище не для эстетов, подобных Некросу, а уж когда сидящий напротив вообще забывает следить за собой! — Извини, ты не мог бы...— Правитель Рэймской империи помахал ладонью перед лицом.

Турвон ухмыльнулся и принял нормальный демонский вид. Откинулся на спинку кресла, вытянул ноги.

— Я не знаю,— повторил Правитель Рэйма.— Но выясню.

— У меня есть предположение,— доверительно сообщил гость, подался вперед, взял со столика чашу, только что поставленную хозяином, понюхал, скривился и вернул на место.— Судя по силе и мощности излучения, это мог быть... ангел.

— Что?! — На этот раз самообладание подвело. Пытаясь одновременно сдержать смех и проглотить кофе, Некрос едва не захлебнулся. Откашлялся, отдышался.— Ты серьезно?

Похоже, инквизитор действительно верил в то, что говорил. Побелел от злости и готов зарычать.

— Послушай, это невозможно. Они не появляются на земле. Ты же знаешь сам. Слишком тяжелые энергии. Непереносимые для них. Да и вообще неизвестно, где они. Никто не знает. Никто не видел. Ангелы почти что легенда. Миф.

— Один из этих мифов прошелся по твоему городу и шарахнул по тебе своей силой. Ты ведь был там в это время? Прогуливался по своим земным владениям, неожиданно получил хороший заряд высокочастотной энергии и...

— Ложь! — Некрос вскочил.— Я почувствовал только отголосок.

— ...и теперь я хочу знать, что ты собираешься делать.

— Это не мог быть ангел! Хватит нести чушь! Жрец-разоблачитель ты наш недоделанный! Совсем свихнулся на своих тайных изысканиях?! Кругом враги мерещатся?

Турвон медленно поднялся. Воздух над его головой «поплыл». Эффект «миража», сопровождающий извлечение из личного пространства темного заклинания высшей боевой магии. Не задумываясь, хозяин Рэйма сделал то же самое — захватил полную горсть пульсирующей огненной силы и замер. Теперь они стояли один против другого, и каждый ждал, какую глупость сделает соперник. «Если он одолеет меня,— мелькнуло в голове Некроса,— получит мою империю, а если я его — всего лишь освободится идиотская должность Верховного жреца». Мысль оказалась забавной. И подумал он слишком громко. С чувством юмора у инквизитора было в порядке, в отличие от всего остального. Поэтому тот насмешливо фыркнул и успокоился:

— Мне твоя империя ни к чему, так что, будь добр, соблюдай субординацию.

Какая самоуверенность! Считает себя сильнее и более того — имеет наглость заявлять об этом вслух. Но в планах на ближайшее время не было поединка с Верховным турвоном, поэтому Некрос убрал заклинание на место и хмуро посоветовал:

— А ты держи при себе свои бредовые идеи.

— Мои бредовые идеи — гарантия нашего благополучия и процветания.

О! Еще и мания величия. Далеко пойдешь, приятель, если только ноги тебе по дороге не поломают.

— Ты фанатик.— Кофе совершенно остыл, а разогревать его снова Некросу было лень.

— Знаю.— Инквизитор улыбнулся, словно услышал самый лестный комплимент.— Ладно, давай снова займемся нашими делами. Я бы на твоем месте вернулся в город. На то место, где произошел всплеск.

— Я не могу делать все сам! Мои жрецы и так ожирели от безделья. Пусть побегают.

Некрос представил, как его верные рабы носятся по Рэйму в священном ужасе перед Господином. Хватают первых попавшихся подозреваемых и пытаются выбить из них сведения о том, чего и сами не понимают. Страх, боль, насилие. Чего еще может желать Высший демон!

— Оставь в покое своих людей. Они тебе не помогут. Если ты действительно хочешь узнать, что произошло, отправляйся в город. Я пойду

с тобой! И не советую выпендриваться, изображая могучего повелителя. Лучше принять облик попроще.

Через очень короткий промежуток времени Некрос в человеческом образе стоял, прислонившись спиной к стене, со скучающим видом подбрасывал и ловил яблоко, не спеша откусывать от него. Инквизитор бродил по переулку, «где произошел всплеск», озирался по сторонам, прислушивался, едва ли не принюхивался. Внешне оба ничем не отличались от людей, шныряющих в нижней части города, но на них уже начали посматривать косо. Уж очень подозрительно вели себя эти двое. Во всяком случае, один из них — точно.

— И что ты собираешься найти? Остаточные эманации? Обрывки заклинания? Перья?

— У них нет перьев на крыльях,— тусклым голосом отозвался Верховный демонский жрец, рассматривая каменную стену грубой кладки.

— Ну да. Тебе виднее. Ты же у нас эксперт. По ангелам.

В ответ был получен лишь бешеный взгляд из-за плеча. Некрос равнодушно усмехнулся и представил, что произойдет, если люди узнают, кто стоит среди них в неприметном человеческом облике на грязной улочке. Сейчас же сбежится толпа желающих припасть к ногам темного Господина. Восхищение, благоговение, страх, любопытство, изумление потоками хлынут со всех сторон...

— Они стояли здесь.— Голос турвона разрушил сладкие мечты. Инквизитор замер напротив едва приметной выемки в стене, потирая указательным пальцем висок, и морщился, словно снова почувствовал запах кофе.

— Они? Так, значит, их было несколько? — Издевательский тон не произвел на специалиста по ангелам никакого впечатления. Он осматривал щели между камнями, едва ли не утыкаясь в них носом, и, похоже, вообще не реагировал ни на что, кроме как на свои профессиональные ощущения.

— Я чувствую остатки непонятной магии. И очень мощной.

— Неужели? А я ничего не чувствую.

— Не даешь себе труда! Подойди. Встань здесь. Ну, какие ощущения?

Легкий озноб. Потянуло холодком, как будто сквозило из невидимой дыры. Тонкая ниточка чужой оборванной силы. На мгновение Некрос почувствовал себя охотничьим псом, потерявшим след, и теперь сам заметался по переулку. «Вынюхивать» приходилось очень старательно. «Покрывало мрака»? Нет, пожалуй, «плащ тени». Некрос зажмурился, пытаясь увидеть образ того, кто сотворил мощное заклинание, но у него ничего не получилось, виделось только размытое, бесформенное пятно. Открыл глаза, провел ладонью по камням, пытаясь в тактильном контакте считать информацию с мертвой материи. Опять ничего.

Инквизитор наблюдал за ним, высокомерно усмехаясь:

— Ну?

— Магия. И довольно сильная,— нехотя признался Повелитель Рэйма.

— Хм. И это все? Точно все, что ты чувствуешь? Ладно, тогда слушай. Их было двое. Следы одного идут от угла того дома. На этом месте они встречаются со следами другого. Пошли дальше вместе. У этой стены остановились. Замерли. Минут на пять. Оба были укрыты «плащом тени». Затем заклинание сняли. Не бережно свернули, а грубо сорвали, отшвырнули за ненадобностью. А через несколько метров оба исчезли. Полагаю, открыли телепорт.

— Бред,— не очень убежденно заявил Некрос, испытывая жгучую зависть к поразительной чувствительности сородича. Отчего-то он больше не сомневался, что Инквизитор действительно видел то, о чем говорил.

Но, естественно, завершающим аккордом расследования стало:

— И один из них был ангелом.

Повелителю Рэйма оставалось только мысленно застонать.

— Отлично! Представим, что это был ангел. Наши дальнейшие действия? Ты у нас Великий Инквизитор, страж покоя и порядка, внимаю твоим указаниям.

Указания, как и предполагалось, ограничились хмурым:

— Его надо найти.

— Зачем? Если это и в самом деле ангел, он не выдержит здесь долго. Его убьют эманации моего мира.

— Да. Ты славно постарался. Как у тебя здесь люди не передохли. Излучение — хоть ножом режь.

— Вот видишь. Нет смысла паниковать. Рано или поздно он уберется отсюда. Или умрет.

Турвон помрачнел, обводя хмурым взглядом каменные стены. Похоже, безболезненное исчезновение ангела из Рэйма он воспринимал как личное оскорбление. Как же, не придется участвовать в охоте за мифическим врагом.

— Не расстраивайся. Я найду парочку идеологических преступников, чтобы ты смог удовлетворить свои кровожадные инстинкты. А то, кажется, в твоей работе возникло длительное затишье.

— Эскхрану скрэш! — злобно выругался турвон на редко употребляемом, но весьма цветистом в плане нецензурных выражений диалекте. Задело замечание о вынужденном безделье. Еще бы, люди вели себя примерно, платили налоги, если интриговали, то потихоньку, боялись темных хозяев. Поневоле заскучаешь и начнешь искать врагов в высших сферах. А там и до паранойи недалеко.

Некрос усмехнулся, но тут же почувствовал легкое раздражение. Но уже не от навязчивых идей сородича. Прямо к ним весьма решительно направлялись два солдата из доблестной городской когорты, патрулировавшей улицы Рэйма на предмет вооруженных стычек и намеренного членовредительства.

— Кто такие? — грозно осведомился один из стражей порядка, свирепо зыркая из-под начищенного шлема.— Вид на жительство есть? Почтенные граждане из дома напротив донесли, что вы бродите здесь уже час.

Над головой стукнули ставни. «Почтенные граждане» притаились у окна, наблюдая, как солдаты разбираются с подозрительными бродягами, крутящимися возле их дома. В душе Некроса шевельнулось очень приятное чувство. Вот на ком можно сорвать злость. Ощущая возбуждающее покалывание в области солнечного сплетения, Повелитель двинулся навстречу несчастным, еще не подозревающим о своей почетной участи — стать жертвой гнева Высшего демона.

Яростный рык уже дрожал в горле, как вдруг инквизитор остановил его. Вернее, оттолкнул в сторону. Выступил вперед. Осторожно-цепким жестом мошенника со стажем взял грозного стражника под руку и отвел в сторону. И тот, удивительное дело, пошел, поморщился едва заметно от неизбежной боли в висках, но не придал ей значения. Решил, что это от жары, от палящего рэймского солнца, стоящего в зените.

Еще несколько минут порядком озадаченный Некрос наблюдал, как турвон что-то втолковывает стражу порядка и тот отвечает, каменея лицом от явно непосильного умственного усилия. Другой солдат топтался рядом с Повелителем, вытягивая шею и прислушиваясь к разговору. Но, естественно, ничего разобрать не мог. Затем его напарник снял шлем, вытер взмокший лоб и потопал обратно, буркнув по дороге приятелю, изнывающему от любопытства: «Все нормально. Граждане уважаемые фибулу потеряли». И для убедительности позвенел монетами, зажатыми в ладони.

Едва оба стража завернули за угол, Некрос потребовал объяснений. Турвон довольно ухмыльнулся.

— Пару дней назад здесь появлялся молодой человек лет двадцати с небольшим. Светловолосый, светлоглазый, хрупкого телосложения, обладающий странной особенностью чувствовать чужую боль и помогать избавляться от нее. И не разрешенными, многократно опробованными демоническими средствами, а словами, прикосновениями, просто своим присутствием.

— Как ты узнал это?!

— Друг мой, узнать правду можно не только через пытки и запугивание. Учись, пока я рядом.

Некоторое время они молчали. Медленно шли по улице. Инквизитор, улыбаясь едва заметно, думал о чем-то. Некрос тихо бесился. Ангел это или не ангел, но в его городе никто не смеет разгуливать по улицам и разбрасываться энергией. Если эксперту по светлым силам не терпится заняться делом, пусть бегает, общается с людьми, раздает взятки, вынюхивает и высматривает. В конце концов, у каждого свои методы работы, и, если удастся узнать нечто важное...

— Я передумал,— решил он, наконец глядя на человеческий профиль жреца.— Я хочу, чтобы ты нашел его. Нашел и привел ко мне. Я хочу сам уничтожить его.

— Думаешь, так просто уничтожить ангела?

— А мне плевать, кто это! И я, к твоему сведению, мастер по уничтожению.

— Отлично, Повелитель Рэйма, я рад, что ты готов к сотрудничеству.

— Кстати,— Некрос вдруг вспомнил недавний инцидент в Претикапии.— Хорошо, что у Клавдия была твоя «печать». Девчонка, которую ты отдал ему, так меня разозлила, что я чуть не забыл о союзе с Друзлтом.

— Всегда пожалуйста,— с милой улыбкой откликнулся турвон.

Глава 10,
в которой меня опять пытаются пришить в темном переулке, а Атэр усваивает искусство подхалимажа даже лучше, чем мне бы хотелось

— Пе-рец, имбирь, лавровый лист, мускатный о-рех!

— Сла-а-дкие пирожки! Сла-а-дкие пирожки!

— Сосиски! Горячие сосиски!

— Парикмахер! Парикмахер! Стригу, брею, завиваю! Лучшие составы для осветления волос! Нитская бура!

Первым я, пожалуй, убью продавца пирожков. Такой мерзкий козлиный фальцет редкость даже в Великом Рэйме. А вторым — парикмахера. Из-за его воплей вся еда приобретает вкус той самой буры, будь она неладна!

Домовладелец — хитрый толстый лис,— вертя в пальцах резной ключ и расхваливая комнаты, особенно напирал на то, что в них есть собственный водопровод. Трепался о каком-то редком насосе, подающем воду прямо на второй этаж, но забыл предупредить об этом оре, начинающемся сразу после открытия общественных бань.

Атэр, развалившийся на низкой деревянной лежанке, потребовал:

— Гэл, купи сосисок.

Я спихнул его ногу в пыльной сандалии с сиденья и сел сам.

— А еще пирожков.

— Обойдешься. Ты только что обедал.

Энджи, высунувшись из окна чуть ли не по пояс, обозревал окрестности...

Все-таки неплохо, что вчера он отправился «исправлять последствия» нашего с Атэром «безобразного поведения» в бане. Нашел способ называется. На каждый наш «плохой» поступок решил совершать свой «хороший». А мне что, всегда пожалуйста. Фортуна, или как там рэймляне называют богиню, которая заведует у них судьбой, знает, кто достоин настоящей поддержки. Не будь этого бессмысленного и даже опасного похода ангела в трущобы Рэйма, я бы не познакомился со

стариком Митусом. Возникли, правда, некоторые сомнения в его компетентности по вопросам, меня интересующим. Но теперь, поразмыслив, я окончательно пришел к мысли, что знакомство это будет для нас с Атэром очень полезным.

Едва стемнело, когда я вошел на грязные улицы трущоб. В этот раз на мне была более скромная одежда, так что обитатели захолустья реагировали на господина в потертом и заляпанном грязью одеянии более адекватно. На меня просто не обращали внимания. Мало ли болтается по улицам хмурых типов с тяжелым мечом на поясе.

В нужном месте я остановился и свистнул негромко. Подождал несколько секунд и услышал знакомое шарканье.

— Это вы, почтенный лурий?

— Да.

— Хорошо выглядите.— Старик высунулся из темной подворотни, словно рак из норы, и поманил меня к себе.

Я шагнул под арку, чувствуя там чье-то настороженное присутствие. По обе стороны от прохода в темноте притаились двое неизвестных с длинными ножами или, может, укороченными мечами. Именно они моментально набросились на меня, синхронно и без предупреждения.

Будь на моем месте обычный смертный, его бы мгновенно проткнули насквозь и оставили валяться на дороге в назидание дуракам, только по глупости решившим, что можно безнаказанно связываться с представителями человеческого «дна». Но я не был обычным смертным. И считать себя таковым не позволю! Очень захотелось шарахнуть наглецов каким-нибудь чувствительным заклинанием, чтобы неповадно было охотиться на мирного демона. Однако маскировка требовала более реальных действий.

Один был чуть быстрее. Я с нечеловеческой, надо сказать, ловкостью увернулся от ножа, перехватил руку, занесенную для удара, и швырнул неудачника в объятия его напарника. Сила удара была такая, что оба не устояли на ногах, впечатались в стену с очень приятным звуком и медленно сползли вниз. Причем больше всего досталось тому, что оказался внизу, подмятый своим приятелем. Пока они ворочались на земле, пытаясь разобраться, где чьи конечности, я вынул из ножен свой балтус и поинтересовался негромко:

— Это все? Или будут еще сюрпризы?

Старик, наблюдающий за происходящим, поклонился без малейшего признака смущения:

— Извините, уважаемый, надеюсь, у вас не возникло к нам никаких претензий?

— Ну что вы, какие могут быть претензии?! — Я довольно чувствительно пнул типа, попытавшегося подняться, и тот рухнул на прежнее место, снова придавив своего подельника. Одновременно я наблюдал за пронырливым стариком, который в любое мгновение мог устроить

еще какую-нибудь пакость. Но Митус вел себя примерно, руки держал на виду и не делал резких движений.

— Вы можете отпустить мальчиков, уважаемый.

«Мальчики» по-прежнему лежали у моих ног, ругаясь вполголоса, но вставать не пытались. Надо полагать, первое действие криминальной комедии закончилось. Я повел себя как человек, достойный дальнейшего внимания.

— Ладно, пусть проваливают.

Слегка помятые, парни наконец поднялись, но остались стоять у стены, переминаясь с ноги на ногу, словно нашкодившие сопляки. Только когда Митус кивнул, они подобрали свои ножи и удалились. Один прихрамывал, другой держался за плечо. Старик проводил их равнодушным взглядом и уставился на меня:

— Будьте так любезны убрать меч, уважаемый.

— Ты узнал то, о чем я просил?

— Да, почтенный. Нам есть о чем поговорить. Разговор будет долгим. Вы не против долгого разговора? Тогда идемте, здесь неподалеку есть дивное местечко, где мы с вами решим все наши проблемы. И я вас умоляю, уберите свой меч, никто не собирается резать вас посреди улицы.

— Да, меня собирались зарезать в подворотне.

— Перестаньте, уважаемый. Вы же отлично понимаете, что человек здесь вы новый. Никто вас не знает... И мой вам совет: смените имя. Что это за Оборотень? Отдает дешевой театральщиной. Ни один серьезный клиент не станет работать под таким именем.

— Ну и как же мне, по-вашему, называться?

— Молодой человек, вы думаете, ваше имя кому-нибудь что-нибудь скажет? Вы думаете, оно обагрено кровью и за вами следят все императорские осведомители? Или вы полагаете, мне сложно узнать ваше настоящее имя? Будьте проще и не наводите тень на белый день.

Во время этого милого светского разговора мы шли рядом по грязным улочкам трущоб, перебираясь через завалы мусора и пролезая под низкими, покосившимися арками. Один раз я почувствовал запах воды и понял, что неподалеку река.

— Сюда, уважаемый.

Старик ухватил меня под руку, останавливаясь возле очередной облупившейся халупы. Как оказалось, это была харчевня. Скверная и дешевая забегаловка. Она была освещена ровно настолько, чтобы хозяин заведения различал монеты, которые отдают посетители. Здесь пахло горелым маслом, кислым вином и еще какой-то гнусной человеческой едой. Сумрачные личности сидели за столами, переговариваясь вполголоса. Нас быстро обшарили профессионально-внимательными взглядами и, похоже, приняли за своих. Потому как интерес к нашим персонам был утерян.

Старик шустро уселся за свободный стол. Я опустился напротив. Неподалеку устроилась компания деловых ребят, которые тихо обсуж-

дали что-то. Вина на их столе я не заметил. Значит, собрались граждане поработать этой ночью на трезвую голову. Чуть дальше степенно ужинал господин с мрачным, одутловатым лицом, в военной трабее[1] и с длинным мечом на боку. Около него сидела девица неопределенного возраста в короткой тунике, со множеством дешевых браслетов на руках. Она терпеливо ждала, когда военный отужинает, и поглядывала по сторонам тоскующим, голодным взглядом.

— Не желаете ли чего-нибудь? — поинтересовался старик.

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда поговорим...— Он замолчал. К нам подошел мальчишка, ни слова не говоря, поставил передо мной кувшин, две чаши и удалился. Старик проводил его взглядом и продолжил: — Я думал над вашим предложением.

Предложением? Не помню, чтобы я делал ему какие-то предложения.

— Не говорите мне, зачем вы туда идете и что вам там нужно, но...— Он постучал по столу корявым указательным пальцем.— Половина того, что вы оттуда вынесете, наша. Я говорю «наша», уважаемый, потому что, сами понимаете, у такого старого человека, как я, есть много родственников. Их приходится кормить, одевать... По вашему лицу вижу, что вы хотите отказаться. Не жадничайте, уважаемый человек, там, куда вы собираетесь, столько добра, что и десятой его части хватит на вашу жизнь, а также вашим детям, внукам и правнукам. Вы хотите оставить ваших правнуков нищими?

Мне не было никакого дела до своих правнуков. Но, глядя на строгого старика, стало смешно. Этот сморчок думает, что я собираюсь забраться в сокровищницу императорского дворца... Ну-ну...

— Ладно. Пусть половина.

Он ехидненько рассмеялся и погрозил мне пальцем:

— Я вижу, вы решили согласиться, чтобы узнать у старого Митуса то, что нужно, а потом исчезнуть со всем добром.

— И что же мне помешает это сделать?

— Молодой человек,— произнес старик душевно,— вы считаете меня идиотом? Вы думаете, мы не знаем, кто вы такой и когда появились в нашем городе? Где вы живете и кто с вами живет? Думаете, нам неизвестны ваши фокусы в термах? Сколько вы тогда взяли? Две тысячи? Три?

— Три.

— Совсем неплохо для первого раза. Это была репетиция, не так ли, уважаемый?

— Да.

Приятно иметь дело с хитрым человеком. Он все скажет за тебя. Даже то, чего ты сам не знаешь.

---

[1] Трабея — одежда конных воинов.

— А мальчик успешно помогал вам. Сообразительный и ловкий отрок. Надеюсь, вы используете его таланты в деле, на которое собираетесь идти?

— Непременно.

Я плеснул в чаши вина из кувшина и придвинул одну старику. Он отрицательно покачал головой:

— Для того чтобы пить это вино неразбавленным, нужно иметь крепкую голову или спутника с крепкой спиной.

— С моей головой все в порядке. Говорите, как попасть во дворец.

— Так мы договорились? Пятьдесят на пятьдесят?

— Я согласен.

— Предупреждаю, уважаемый, не делайте глупостей. Не мне вам рассказывать, что бывает с теми, кто не оправдывает надежд своих друзей. Особенно жаль будет мальчика...

— Ладно, хватит меня пугать. Я уже согласился.

— Тогда смотрите. Да не тяните руки, уважаемый, потом разглядите... Вот здесь, в этом свитке, планы дворца и даты Малых сенполий — дней, когда император с наследниками приносят жертвы. Тогда происходит наивысший всплеск темной силы. И в это время соваться туда нельзя ни в коем случае. Вас, уважаемый, размажет по стенам. Лучше всего идите во дворец во время энергетического спада. Тогда защита Претикапия слабеет, можно работать спокойнее... Вы с вашим мальчиком должны управиться до следующих сенполий.

— Ясно. Малые сенполии. А что, есть еще и Большие?

Митус забавно съежился, словно паук, попавший на свет. Казалось, еще немного — он соскользнет со скамьи и — боком-боком поползет прятаться в темный угол.

— Пусть уберегут вас ваши защитники, уважаемый, в ночь Больших сенполий.

Он поманил меня пальцем, я перегнулся через стол, наклоняясь к нему, и, вглядываясь в глазки, поблескивающие под капюшоном, выслушал тихий рассказ. Оказывается, Его Могущество Некрос, Повелитель Рэймской империи, время от времени выпускает на землю своих демонов, и они творят в городе что хотят. Убивают любого, кто попадется им в лапы, а Властитель собирает силу, высвобождающуюся из-за этих убийств. И самое главное — никто не знает, когда Высший решит провести ночь террора над смертными.

Да. Проблем прибавилось. Но с этим придется разбираться позже. Пока есть дела поважнее прихотей Хозяина этой территории.

— Я, уважаемый, советую вам оставить мальчика во дворце. Пусть осмотрится. Он у вас шустрый, сообразит, что делать.

— Разберемся.

— Теперь самое важное,— продолжил старик уже спокойнее.— Предлог. Достаточно убедительный.

— И какой же?

— Несколько дней назад у лучезарной лурии Лоллы, сестры почтенного лудия Клавдия, пропала рабыня. Любимая, одна из самых ценных. Ходят нелепые слухи о том, что ее украли демоны. Но, может быть, она сама сбежала. Девушка весьма приметная. Светловолосая, светлоглазая элланка. Невысока ростом, на груди ожог в форме крыла бабочки. Лурия Лолла безутешна. И если бы произошло чудо и беглая рабыня была найдена... думаю, лудий Клавдий ничего не пожалеет для вернувшего собственность его любимой сестры.

— Ну и где, по-твоему, я найду эту девицу?

— А вы подумайте, уважаемый. Хорошенько подумайте. Может, несчастной уже давно нет на этом свете. Но неужели вам, с вашими талантами, не найти подходящую девушку?

— Ладно. Я буду думать.

— Думайте, лурий Гэл. Думайте.

Эффектный завершающий жест. Оказывается, он знает мое имя. Пугать вздумал, старый гриб! Может, у тебя и получилось бы напугать кого-нибудь из смертных. Однако какая сеть осведомителей у мерзавца! Уже видели нас с Атэром в термах и приблизительно вычислили, сколько я выиграл. Скоро чихнуть не успеешь, как у тебя проверят содержимое карманов и сделают далеко идущие выводы о твоих планах. Вот тебе и конспирация. До чего ушлые пошли смертные...

Я быстро шел по улице, одной рукой придерживая меч, колотящий меня по бедру, и вспоминал дельное предложение Гермии завести перевязь... Кстати о Гермии. Дайте мне только до дому дойти, и я с ней поговорю.

Первым меня встретил Атэр.

— Гэл, Гэл, смотри, как я умею! — Он зажмурился изо всех сил, помотал головой, и на расстоянии в несколько дюймов от его лица повис крошечный светящийся шарик.— Здорово, да?

Парень открыл глаза, скосил их, стараясь рассмотреть призрачный светлячок, и рассмеялся.

— Энджи говорит, что если я еще немного потренируюсь, то смогу швыряться такими шарами. Он считает, что я должен использовать энергию моих снов, если они такие мощные. И знаешь, у меня получается. Ты слышишь?

— Да-да.— Я рассеянно потрепал его по вихрастой голове.— Вы с Энджи молодцы... Гермия! Гермия!!

Видимо, девица почувствовала, что запахло жареным. На зов явилась нехотя, скромно опустив глазки. Пропела тоненьким голоском:

— Что угодно лурию Гэлу?

— Лурию Гэлу угодно задать тебе несколько вопросов.

Атэр, приоткрыв рот от удивления, смотрел на меня со все возрастающим интересом. Из комнаты появился Энджи, его умиротворенное педагогическими успехами лицо стало тревожно-настороженным.

— Гэл, что случилось?

— Это ты у нее спроси, что случилось!! — Дурацкая у меня все же манера орать, как только для этого подвернется удобный случай. Бороться с этим надо. Бороться... Только не сейчас.

— Ну-ка, голубушка! Отвечай, кто ты такая?!

Гермия захлопала глазами, мгновенно наполнившимися слезами, и устремила плывущий взор на своего спасителя.

— Я не помню. Энджи, то есть лурий Энджи, говорил, что я вспомню, но я не помню. Мне снятся боль, страх, какие-то жуткие твари...

— Хватит врать!

— Гэл,— предостерегающе произнес ангел, но я грубо отмахнулся от него.

— Погоди! Сейчас я проясню ее память! Скажи-ка мне, дорогая, кто такая лурия Лолла? Напряги свою головку! А имя лурия Клавдия ничего не напоминает?!!

— Энджи...— Гермия зарыдала, заламывая руки и жалостно всхлипывая.— Я не понимаю, чего он хочет от меня!

— Гэл,— ангел нахмурился,— объясни, чего ты добиваешься?

— А того! Эта красотка — беглая рабыня сестрицы Клавдия, госпожи Лоллы.

Девчонка ахнула, прижала руки ко рту, затряслась всем телом.

— Хватит ломать комедию... Светловолосая, светлоглазая элланка, пропавшая несколько дней назад. Невысокого роста, на груди ожог в форме крыла бабочки... И все она прекрасно помнит. Просто не хочет возвращаться во дворец. Здесь ей гораздо лучше!

— Да! Да! — закричала Гермия, сообразив, что дальше отпираться не имеет смысла.— Я не хочу возвращаться туда! Я не могу! Там не живешь, там словно умираешь каждый день! И не можешь умереть! Энджи, я не могу! Пожалуйста, не отдавай меня обратно! С вами я ожила... Пожалуйста! Пожалуйста!!

Ангел ничего не ответил, только протянул руку, и Гермия бросилась к нему, прижалась к груди, плача тоненько и жалобно. Он стоял, гладя ее по голове, и смотрел на меня печальными, утомленными глазами.

— Мы должны вернуть ее,— сказал я твердо.— Для Атэра это единственная возможность попасть во дворец. С ней нас хотя бы захотят выслушать. Там ты сможешь применить свою силу, и, может быть, мальчишка понравится Арэлл.

Гермия отчаянно замотала головой под рукой ангела, размазывая слезы по его тунике:

— Не надо! Не надо! Пожалуйста, не надо!

— Да вы что, обалдели?! — подал голос Атэр.— Мы не можем укрывать беглую рабыню! Нас всех вздернут за это!

— Слышишь, Гермия, ты хочешь, чтобы твоего дорогого Энджи повесили? Или предпочитаешь, чтобы ему отрубили голову?

Девушка застонала тихонько, а ангел вдруг яростно сверкнул глазами:

— Хватит! Прекратите оба!

Он молча подхватил на руки свою спасенную красавицу и повернулся, чтобы нести ее в спальню. Утешать, успокаивать, исцелять... Естественно, он же у нас благородный герой! Это мы, сирые и убогие, лишены жалости...

— Давай-давай! — заорал я ему в спину.— Добреньким хочешь быть?! За мой счет, да?! Пожалей ее, утешь! Ты это умеешь, утешать! А его кто пожалеет?! — Я довольно чувствительно ткнул Атэра в спину, и он икнул от неожиданности.— Ему кто поможет?! Каково ему в человеческой шкуре?.. Ах, кошмары ему снятся! Ах, бедный Атэр! Давайте посекретничаем ночью, погладим его по головке. А как дело делать — Гэл! Вперед! Неси, тащи, действуй! Пять тысяч лет! Пять тысяч лет я просидел рядом с ним как... идиот! И что в ответ? Очередной плевок в физиономию. Я деньги выиграл, чтобы на них кормить его светлость, а он, видите ли, принять их конфузится. Он пойдет мои грехи замаливать, равновесие нарушенное восстанавливать! Кому нужно это твое человеколюбие! Кому ты вообще нужен!

Энджи замер, все еще держа на руках девицу. Гермия и Атэр смотрели на меня одинаково круглыми человеческими глазами, испуганные, потрясенные. Наверное, я сказал что-то лишнее, но мне было плевать на это.

— Я не знал...— заговорил было ангел, осекся и начал заново.— Я искренне считал тебя своим другом, Гэл. Я не знал, что должен был каждый день благодарить тебя за твою помощь. Я не знал, что должен был запоминать каждый свой поступок, который шел тебе на пользу, чтобы напомнить о нем, когда ты предъявишь мне счет... Извини.

И он ушел. Унес в комнату свою драгоценную Гермию. Стало тихо.

— Ну ты, Гэл, совсем...— пробормотал Атэр,— того... Чего ты на него накинулся?

— Ты хочешь попасть во дворец или нет?! — рявкнул я.

— Ну... да.

— Тогда не лезь... На, изучи! — Я швырнул ему замызганный свиток с датами сенполий и картами.

Мальчишка ловко схватил его, развернул на столе в желтом круге светильника и принялся внимательно рассматривать. Я молча ходил по комнате, мечтая сорвать злость еще на ком-нибудь. Подходящей кандидатуры не находилось. Тогда я выхватил свой меч, еще ни разу не бывавший в деле, и стал сражаться с воображаемыми противниками. Наотмашь нанося мощные удары, парируя несуществующие выпады, рубя головы направо и налево.

Атэр сидел тихо, время от времени косился на меня, хмыкал тихонько, но от комментариев воздерживался.

Через полчаса зареванная Гермия появилась из комнаты.

— Я пойду,— заявила она, не глядя ни на кого.— Я согласна.

Развернулась и ушла обратно.

— Отлично! — Атэр отодвинулся от стола, потер глаза и потянулся.— Значит, пойдем во дворец. Если здесь не врут,— он кивнул на свиток,— то завтра вполне подходящий день... Кстати, где ты взял эти планы?

— Где надо, там и взял.— Я убрал меч обратно в ножны. Воспитанник, уже привыкший к моей грубости, только пожал плечами в ответ:

— Ладно. Тогда пошли спать. Поздно уже.

— Да, поздно...

А Энджи так и не вышел.

Уже в кровати, натягивая одеяло на голову, чтобы не слышать обычного вечернего ора из терм, я немного успокоился. Вообще ссора с ангелом не входила в мои планы. Это произошло случайно, стихийно, так сказать. Он кого угодно может довести своим неуемным человеколюбием. Не мне пришла в голову мысль тащиться в императорский дворец, а его драгоценному Атэру. Мог бы сам придумать, как провести туда мальчишку, если не устраивает мой план.

Я повернулся на другой бок, пытаясь услышать, что делается в комнате Гермии. Естественно, ничего не услышал. Гвалт в термах заглушал даже сопение Атэра на соседней кровати. Зря я все-таки поругался с Энджи. Впрочем, с ним даже поругаться нормально не получается. Как всегда, выслушает мои претензии, выдаст в ответ высоконравственную реплику и удалится. А я остаюсь при своем невысказанном раздражении, к которому примешивается еще и досада. Все равно он не понимает, что именно меня бесит. Так что и выяснять отношения не имеет смысла.

Поворочавшись еще немного, я в конце концов уснул. А когда открыл глаза, уже начался знаменательный день похода во дворец. Надо бы записать где-нибудь об этом событии, а потом отмечать каждый год праздник, посвященный торжественному изгнанию из императорской резиденции наглого демона-оборотня в компании ангела и бывшего Верховного Правителя в человеческой шкуре.

Я выбрался из постели, радуясь своему неизменному чувству юмора, без которого жизнь моя усложнилась бы несказанно. Ночные мрачные думы рассеялись, и к завтраку я вышел, распространяя вокруг себя снисходительное добродушие.

— Ну что? Все готовы к славному походу?

Ответом было ледяное молчание. Мое хорошее настроение проигнорировали. Гермия сидела на краешке стула, опустив мокрые ресницы. Ее голову и плечи покрывала прозрачная ткань, которую рэймлянки накидывали, когда выходили на улицу. Ясно, изображает из себя прекрасную, благородную жертву, готовую по первому же приказу идти на смерть. Энджи смотрел сквозь присутствующих. Я встретился взглядом с его сияющими голубыми глазами и понял, что все еще не прощен. Атэр улыбнулся, выразительно пожал плечами и кивнул на свободное место за столом. Его не волновала размолвка между учителями. Мальчишка предвкушал интересную прогулку и очередные магические трюки, которыми мы удивим его. Из парня получался замечательный эгоист.

Наверное, этим стоит гордиться. И все же во время завтрака мое подпорченное настроение окончательно сменилось мрачной задумчи-

востью. Энджи так и не перевел меня из разряда прозрачно-невидимых недоброжелателей в нечто более дружественное и материальное. А когда я обратился к нему с вопросом на отвлеченную тему, ответил на колханском диалекте. Эквиваленте ангельского языка, адаптированного для устного общения с существами, не одаренными телепатией. Видимо, мой приятель отрешился от всего земного и мысленно пребывает в мирах, недостижимых для смертных и демонов. А может быть, просто не желает разговаривать со мной. Ладно, с этим потом разберемся.

Зато Атэр радовал своим жизнелюбием. Он уплетал все, до чего мог дотянуться, и незаметно для окружающих пинал меня ногой под столом. Сначала я делал вид, что не замечаю этого хамства. Потом, когда терпение лопнуло, схватил его за лодыжку. Атэр вскрикнул, Гермия вздрогнула от неожиданности, Энджи мельком взглянул на нас. Некоторое время мальчишка сидел спокойно, затем тычки под столом возобновились. И когда я второй раз схватил его за ногу, отрок захохотал, к новому неудовольствию всех присутствующих.

— Все, хватит,— приказал я, имея в виду и дуракаваляние Атэра, и похоронное настроение ангела.— Пора идти.

Ученик вскочил, дожевывая последний кусок пирога, Гермия поднялась медленно и неуверенно, как будто надеясь, что Энджи разрешит ей остаться. Но ангел, похоже, не замечал и ее. Оставалось надеяться, что его светлость не сотворит какую-нибудь глупость во дворце. Если, конечно, мы попадем туда и старикашка Митус не напутал ничего с датами сенполий.

Глава 11,
в которой каждый из нас получает по заслугам

К резиденции рэймских императоров вела широкая дорога, выложенная белыми, плотно подогнанными друг к друг плитами. Претикапий располагался на холме и был виден во всем своем блистательном великолепии издалека. Светлые стены сверкали на солнце, и казалось, что дворец вообще не отбрасывает тени, столько в нем было отражающих поверхностей, расположенных под самыми разными углами.

Вокруг тянулась стена, за которой буйно зеленел сад. Верхушки крон высоченных платанов, кедров и дубов отлично просматривались даже за пределами императорской резиденции. Кое-где с внешней стороны на стену карабкалась ежевика. Ее колючие плети цеплялись за выщербины в камнях и настойчиво лезли наверх. У ворот стояли грозные стражники в доспехах, похожие на статуи из меди.

Мы медленно приближались к главному входу, или «золотой двери», как было принято говорить. Эта самая дверь представляла собой портал с колоннами и арками, в котором скрывались высоченные ворота, отлитые из чистого золота — по всей их сверкающей поверхности тянулись золотые барельефы с изображениями славных императоров прошлого

и настоящего и их великих деяний. С точки зрения военной стратегии я не дал бы за подобные створки и мелкой монеты — обороноспособность этой дорогущей махины представлялась мне самой низкой. Но как символ богатства — очень большого богатства — и славы ворота были хороши и *должны были* производить неизгладимое впечатление на меркантильных и завистливых смертных.

— Красиво,— пробормотал я себе под нос.

— Мы можем пройти с другой стороны,— произнесла Гермия, кутаясь в свою полупрозрачную накидку.— Здесь охрана и...

— Нет,— Энджи неожиданно проявил интерес к происходящему,— прямо. Так проще.

Уж не знаю, кому проще — ему или нам, но то, что ангел решил принять активное участие в наших действиях, радовало.

— Там охрана,— напомнил Атэр и, помолчав, зачем-то уточнил: — Стража.

— Я знаю.— Мой партнер смотрел на «золотую дверь» Претикапия прищурившись, как будто она слепила его.

Когда мы оказались от входа на расстоянии каких-то десяти статий, Энджи вышел вперед, и я увидел, как от него брызнула в стороны волна светлой силы. Она пошла расходиться, захлестывая императорский дворец, до самой крыши заполненный густыми демоническими эманациями, разрезая их, будто масло горячим ножом. Так вот почему он вел себя так странно. Концентрировал свою ангельскую силу, чтобы внезапно, резко, стремительно всколыхнуть это болото.

Я шел следом и видел, как медные стражники у входа, блестя шлемами и кирасами, отступают в сторону, давая нам дорогу. Их лица будто светлели, сквозь каменную неприступность проступали живые чувства.

Мне самому на подхвате этой чужой силы захотелось вдруг сделать что-то необычное, улыбнуться кому-нибудь или приветливо помахать рукой. И все встречные, по-моему, испытывали нечто подобное.

При ближайшем рассмотрении Претикапий оказался целой кучей построек, объединенных общими сводами, портиками и колоннадами. Не прошло и нескольких минут, как к нам уже спешил благообразный господин в дорогой одежде. Как выяснилось, он следил за сохранностью и благополучием всех рабов. Увидев Гермию, вельможа с выражением безмерной благодарности судьбе возвел взгляд к потолку.

— Лурия Лолла будет счастлива. Вы немедленно получите свое вознаграждение,— заявил он, крепко хватая рабыню за руку. Девушка вздрогнула от этого прикосновения, словно просыпаясь. Посмотрела на ангела.

— Мы хотим видеть лурию Арэлл,— произнес Энджи, не замечая ее настойчивого, тревожного взгляда.

На мгновение на гладком, круглом лице смотрителя появилось удивление, но оно тут же исчезло. Светлая сила ангела делала смертных удивительно любезными и внимательными друг к другу. Действительно,

почему двое вполне симпатичных граждан с милым мальчиком не могут увидеть невесту императора?

— Проводи,— приказал он одному из стражников,— к лурию Клавдию.

Военный молча наклонил голову, качнув высоким султаном на шлеме и жестом предложил нам следовать за ним. Гермия бросила на Энджи последний отчаянно-призывно-умоляющий взгляд и отвернулась. Смотритель повел ее в другую сторону. Судя по картам, которые я подробно изучил, туда, где содержатся рабы. А мы направились дальше.

Дворец был неплох. Хотя я видел кое-что и получше. По всей видимости, императоры понастроили здесь всего, что потрясало их воображение во время поездок по разным странам. В резиденцию «впихнули» несколько храмов (причем один из них, насколько я успел рассмотреть, оказался посвящен какому-то древнему богу), бассейн, занимающий зал такого размера, что в нем поместились два самых настоящих парусника. Правда, миниатюрных, примерно в половину настоящей величины. Они чуть покачивались на воде, готовые в любую минуту отправиться в плавание к противоположному концу зала. Видимо, здесь император Транквил, чьи бо-ольшие странности лично для меня уже не являлись секретом, представлял себя великим мореплавателем и играл в кораблики до приступа морской болезни. Естественно, имелись во дворце термы, библиотека, парк. Он, конечно, удивлял меньше морского павильона, но все-таки это было приятное разнообразие после бесконечных галерей и колоннад. Деревья, кусты, трава росли прямо посреди Претикапия, здесь же протекал ручей, петляя между небольшими круглыми озерами.

Да, неплохо живет рэймский император. Пока мы шли, я вдоволь насмотрелся на статуи, позолоченные стены и мраморные полы. Народу здесь тоже обреталось много. Мимо все время шныряли юноши и девицы приятной наружности и разной степени обнаженности. Изредка мелькали более солидные физиономии. Им приходилось уступать дорогу. А еще было полно воинов. Преторианцы из знаменитой императорской когорты по одному и парами стояли навытяжку, охраняя вход в каждый новый зал.

Получилось именно то, на что рассчитывал Атэр: Энджи пришел и «заколдовал» стражу. Хотя, конечно, рабыня была идеальным разумным предлогом для проникновения во дворец, иначе — с ангельским колдовством или без — нас вряд ли допустили бы к самому наследнику императора. Впрочем, мальчишку лурия Арэлл интересовала больше, чем все императорские сыновья, вместе взятые. Интересно, чем элланка *так* потрясла воображение парня? Самому стало любопытно на нее взглянуть...

Наконец долгое путешествие по Претикапию закончилось. Перед нами распахнули высокие черные двери, украшенные изображениями крылатых быков, и впустили в очередные покои. Здесь все оказалось на удивление скромно. Серые стены с едва заметными золотистыми

крапинками и прожилками. Здоровенная статуя, высеченная из песчаника. Все тот же бык. Морда свирепая, зубы, совершенно непохожие на резцы мирного травоядного, оскалены. На длинных клыках красные пятна, видимо означающие кровь. Изогнутые рога направлены на каждого входящего, крылья широко раскинуты. Симпатичный зверь. Вполне в духе времени. Насколько мне известно, именно этот образ являлся одним из изначальных для того злобного существа — Дьявола, имя которого я упоминал иногда в моменты сильного раздражения. Славное украшение для дома.

Больше в комнате не было ничего, только несколько скамеек, тоже из серого камня с вкраплениями желтого. Приглядевшись, я понял, что это куски золотоносной породы в своем натуральном виде, вырубленные из скалы и доставленные во дворец. Да, скромненько и со вкусом.

Но естественно, главным являлось не убранство покоев. Нас встречали. Посреди комнаты, осененный крыльями бешеного быка, в позе величественной и полной достоинства, стоял молодой мужчина в белоснежной тоге. Видимо, сынок императора, если судить по неповторимому сочетанию спеси и осторожности в его лице. За спиной сына слабоумного венценосного правителя на скамье сидела пухленькая девица с миленьким, но глуповатым личиком. Судя по складкам и выпуклостям под тогой, бедняжка была затянута в строфиум[1], чтобы придать фигуре стройность. Но эффект был прямо противоположный. Красотка по-прежнему напоминала спелую тыковку, что, впрочем, не лишало ее привлекательности. Пальцы, руки, шея, прическа были унизаны жемчугом. Надо полагать, это и есть лучезарная лурия Лолла.

А вот и сама хваленая Арэлл Селфийская. Едва я взглянул на нее, как сразу понял, что эта девушка мне не нравится. Окончательно и бесповоротно. Высокая, статная, в длинном темно-синем хитоне, расшитом золотыми цветами. Холодная, неприступная, гордая. Это снаружи, а внутри бурлит кипяток. И в любую минуту обжигающее варево может хлынуть через край. Овальное лицо с широко расставленными глазами, прямой переносицей и округлым подбородком с ямочкой. Длинные золотые волосы, белая кожа. Многие считают таких женщин очень привлекательными. Многие, но только не я. Ум, воля, решительность, легкая сумасшедшинка в глазах, упорство, упрямство в линиях плотно сжатых губ. А еще на лице девушки отражалось все, что она думает. Сразу. Похоже, элланка совершенно не умела скрывать то, что чувствует. Его выражение менялось мгновенно в зависимости от того, что она переживала... Сейчас Арэлл смотрела на нас с любопытством, слишком явным для столь важной особы.

Императорский сынок несколько раз звучно хлопнул в ладоши, увидев нашу великолепную троицу.

[1] Строфиум — корсет из тонкой кожи.

— Браво! — произнес Клавдий, после того как эхо от его аплодисментов, пометавшись по залу, стихло в тени за крыльями быка.— Великолепно. Вы совершили то, чего не могла сделать наша доблестная стража. Вернули имущество нашей бесценной сестры.

Он медленно повернулся к Арэлл, глядящей на меня пристально и настороженно.

— А ты говорила, дорогая, что простые люди должны не любить нас. Посмотри на этих героев. Они рисковали жизнью, чтобы выполнить наше повеление.

Редкий болтун. Невеста наследника нахмурилась. Видимо, ей в голову пришла та же мысль, что и мне. Но она не успела ничего сказать. Атэр — тихий, незаметный мальчик, всю дорогу по дворцу прятавшийся у меня за спиной,— вдруг выскочил вперед.

— Хайре, светлоокая! — воскликнул он, обращаясь к Арэлл как равный к равной.— Я пришел служить тебе, богиня земная!

Лолла хихикнула, сынок императора отступил на шаг, чтобы лучше рассмотреть нахального подростка, на подвижном лице Арэлл отразилось сразу несколько чувств: изумление, недоверие и снова любопытство.

— Я не богиня,— ответила девушка с улыбкой. И от ее голоса мне стало немного не по себе. Теперь неважно, как она выглядит. Обладая таким великолепным грудным, бархатным контральто, можно позволить себе быть даже уродкой. Очаровывать и пленять одним словом.

— Ты подобна ей! — с восторгом отозвался Атэр, надо полагать околдованный чудесным голосом, так же как я и Энджи... Нет, похоже, Энджи не зацепило пение этой золотоволосой птички. Ему было все равно. По-прежнему холоден, спокоен, изливает потоки ангельской гармонии и смотрит только на статую быка. Ну как же, эстетическому идеалу его светлости снова нанесен болезненный удар.

— Занятный юноша,— заметил Клавдий, рассматривая Атэра.— Сколько тебе лет, мой дорогой?

— Девятнадцать,— ни секунды не раздумывая, соврал ученичок.

— И как же ты собираешься служить божественной Арэлл?

— Я эллан, как и она! — гордо заявил тот, глядя на наследника императора с явным превосходством. Ну ясное дело, Клавдий не мог похвастать столь высоким происхождением. Куда уж ему до лохматого отрока из нищей страны, которой стала блистательная прежде Эллида.

— И ты думаешь, этого достаточно?

Откровенно насмешливый вопрос не смутил Атэра.

— Еще я могу рассказывать занимательные истории. Умею играть на кифаре. А кроме того, я спас рабыню божественной лурии Лоллы.

Клавдий рассмеялся, запрокинув голову, и снова несколько раз хлопнул в ладоши:

— Великолепно! Просто великолепно!

Спаситель рабыни слегка смутился:

— Ну... мне помогли... немного.

Наследник махнул на него рукой, приказывая помолчать, и подошел ко мне. Вплотную. Я почувствовал запах благовоний, исходящий от него, а еще человеческого беспокойства, спрятанного глубоко под надменностью.

— Ты нумидиец, солдат?

Наметанный глаз у сына императора — рассмотрел в моем образе военную выправку.

— Да, лудий Клавдий.

— Мне нужны опытные воины. Я бы взял тебя в свою когорту, если бы ты был истинным гражданином Рэйма...

Он бесцеремонно протянул руку и вытащил меч из моих ножен. Повертел его, рассматривая лезвие, потом отошел, вскинул оружие так, что остро отточенный конец клинка оказался на уровне моих глаз.

— Говорят, что рабыню лурии Лоллы похитили демоны. Значит, вы отбили ее у демонов? Впервые встречаю людей, которые смогли справиться с темными созданиями. Или это ложь?

— Клавдий,— негромко произнесла Арэлл, глядя в сторону. Видимо, поняла, что жениха начинает слегка заносить.

— Не перебивай! — Меч опустился.— Я еще не все узнал, что хотел.

— Какой ответ вы хотели бы услышать? — спросил я, глядя прямо в его темные глаза.

Наследник сдержал улыбку и чуть прищурился.

— Мне нравится история с демонами. Но ты можешь говорить правду.

— Мы нашли девушку в Нижнем городе. Она ничего не помнила и не знала, куда идти.

— Люблю честных солдат.— Клавдий вернул меч обратно в ножны.— У тебя есть сорок тысяч сестерциев?

— Нет, лурий.

— Жаль. Ты мог бы купить место в преторианской когорте. Ну что ж, я, пожалуй, возьму тебя в городскую.

— Спасибо, я...

— Да-да, ты не ожидал такой милости. Можешь не благодарить.

Я и не собирался его благодарить. Конечно, неплохо, что Атэр будет (если останется) во дворце под моим присмотром, но мне не хотелось оставлять Энджи одного. И опять же Высшие демоны...

— Теперь этот.— Клавдий снова осмотрел Атэра с ног до головы. Повернулся к Арэлл: — Тебе нужен мальчишка?

— Я люблю слушать занимательные истории,— улыбнулась девушка.

— Тогда он останется. Тебе, солдат, вознаграждение не понадобится. Ты поступаешь на службу к императору Рэйма. Это большая честь. А ты...

Он медленно подошел к Энджи. Неторопливо оглядел с ног до головы. Казалось, наследник специально отложил общение с ним напоследок. Оттягивал удовольствие, так сказать. Ангел отвел взгляд от статуи быка. Повернул к человеку светлое, ясное лицо. И я вдруг увидел тонкие морщинки у внешних уголков его голубых глаз. Устал. Тяжело

управлять чистой энергией в мире тяжелых демонических эманаций. Весь этот дворец расшевелить невозможно.

Клавдий улыбнулся, прикоснулся к волосам Энджи:

— Золотые локоны... моя слабость. Тебе бы тоже могло найтись место во дворце... Если ты правильно поведешь себя.

Лудий снял с пальца перстень с сапфиром и протянул Энджи:

— Твоя награда. Он стоит пятнадцать тысяч сестерциев. Немного меньше, чем было объявлено, но это кольцо самого сына императора.

Жадноват оказался сын императора. Всучил жалкую безделушку и считает, что все должны молиться на нее. Впрочем, мы с Атэром остались вообще без вознаграждения.

Мне подумалось, что ангел сейчас возьмет украшение и швырнет на пол. Он же отдал свою дорогую Гермию ради того, чтобы ученик попал во дворец, да еще и плату за это получил. Но Энджи молча протянул ладонь. Клавдий вложил в нее перстень:

— Это нужно носить на указательном пальце. Вот так.

Мой друг взглянул на сапфир, засветившийся синим огнем на его руке. Молча наклонил голову в знак благодарности. Потом улыбнулся Атэру, развернулся и пошел прочь из зала, из дворца. Ему больше нечего было здесь делать, и никто не смог остановить его. Даже я...

Глава 12
ТАЙНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Клавдий стоял перед статуей безымянного юноши с длинными, до плеч, мраморными локонами. Работа какого-то элланского мастера. Из самых старых. Найденная еще до того, как все скульпторы всех провинций стали ваять по приказу императора то, что угодно только ему.

Наследник задумчиво рассматривал скульптуру, заложив руки за спину, и негромко декламировал:

В глазах твоих горят два солнца.
Быстрые ветры треплют твои кудри.
Вот с сандалий скатилась золотая песчинка.
Сделай шаг вслед за нею,
Ко мне приближаясь.

Я царем пожелал стать когда-то,
И был им. И владел землею и рабами.
Дальше — больше желаний. Стал я магом.
И творил по прихоти стихии. И ветрами
Повелевал, и надеждами многих. Вознамерился
Стать я богом. И уже был близок к этой цели.
Все другие из них равенство мое признали.
...Но смутила меня твоя улыбка...

Каменный юноша был похож на юношу живого. Того, что приходил с нумидийцем и мальчишкой-элланом. Дивной красоты лицо, дивные волосы. Почти такие же, как у строптивицы Арэлл. Почему все элланы столь хороши? Холодны, неприступны, горды... Гордость — прекрасное качество. Если умеешь им правильно пользоваться.

Сколько раз ему — сыну правителя Рэйма — приходилось обращаться к своим темным покровителям: «О повелители мои! Дайте же мне вероломства, подлости, расчета и изворотливости. Всего того, что поможет выжить, только лишь выжить в этом мире...» Арэлл думает, ему легко унижаться. Легко быть низшим перед лицом Высших демонов. Но как тяжело оставаться вторым среди равных. Всегда только вторым... Можно испытывать особое, странное наслаждение в унижении перед Хозяином, но преклоняться перед собственным отцом слишком мучительно! «...Дайте мне терпения! Дайте сил притворяться дальше и ничем не выдать себя!»

Это были верные мысли. И атмосфера постоянной опасности и подозрительности во дворце тоже была правильной. Но сегодня что-то мешало соблюдать привычную осторожность.

...Но смутила меня твоя улыбка...

Ненавидящим взглядом Клавдий смотрел на статую. Юноша-эллан как-то был связан с этим не уходящим из души беспокойством. Что-то идет не так. Неправильно. Его светлые глаза были холодными... сначала холодными, а потом в них, словно в волшебном фонаре, проявились печаль, жалость, сочувствие... понимание.

— Дьявол! — шепотом выругался Клавдий, поднося руку ко рту и снова вспоминая детскую привычку грызть ногти.— Почему он так смотрел на меня?.. Кто ему позволил смотреть *так*!

Как жаль, что эллан ушел. Но вместо него можно пойти и задушить Арэлл. Это желание было неожиданным, однако очень приятным. Сын императора рассмеялся, представляя, как сжимает пальцы на шее девушки. Медленно, неторопливо. Каким испуганным, жалким, глупым становится у нее лицо.

Голос за спиной прозвучал неожиданно. Пришлось сжаться внутренне, загоняя поглубже сладкие мечты. Труднее всего не выдавать свои чувства. Бедняжка Арэлл! Она вообще не умеет притворяться! На ее лице отражается все. Ей придется долго учиться трудному искусству лицемерия. И вряд ли девочка достигнет вершин мастерства, когда губы улыбаются сами в нужный момент, а в честном взгляде читается искреннее почтение вместо страстного пожелания долгой и мучительной смерти.

Клавдий медленно обернулся. Рядом стоял мальчишка-раб. С лицом милым, но напуганным. Неизвестно, как долго он топтался рядом, не решаясь потревожить наследника, декламирующего стихи перед статуей.

— Лурий Клавдий. Император просит вас прийти. Он в западных покоях.

Значит, возится со своими любимыми перепелками. Придется идти. Некстати, ох как некстати! Наследник милостиво кивнул, отпуская мальчишку.

Император действительно был со своим зверинцем.

На полу две юные девушки, одетые эбиссинками (узкие полоски ткани вокруг бедер, широкие золотые воротники, браслеты на руках и ногах, черные косички), играли с котенком породы сфинксов, возя по полу привязанной к шнурку бумажкой. Маленькая, почти лысая тварь с ушами, стоящими торчком, скакала за игрушкой, царапала по скользкому мраморному полу неубирающимися когтями и шипела. В углу сидел уродливый старик в одеждах, расшитых серебром, и неожиданно тонкими, гибкими пальцами перебирал струны кифары.

Еще одна девушка изображала кошку. Ее обнаженное смуглое тело было разрисовано желтыми пятнами и полосами. На шее — тонкий золотой ошейник. Красотка валялась на ковре, рассматривая свои длинные красные ногти...

В дальнем конце зала (Клавдий едва сдержал удивленный возглас) к двум кольцам, вбитым в стену, оказался привязан крокодил. Его пасть перетянули цепью, на хвост накинули петлю. Рептилия то дергалась, пытаясь вырваться, то замирала. Видимо, отец переживал короткий нитский период. В прошлый раз, когда «играли» в Эллиду, он таскал за собой белокурых девиц, наряженных в туники, и живую пантеру.

Вдоль стен стояли золотые клетки с перепелками. Император медленно переходил от одной к другой. Брал просо с подноса, который нес за ним раб, и сыпал в кормушки своим любимцам.

Стараясь не смотреть на крокодила, Клавдий поклонился.

— Сколько тебе лет? — спросил император, не оборачиваясь.

Вопрос был лишним, он прекрасно знал ответ.

— Двадцать пять,— с осторожностью ответил Клавдий, ожидая подвоха.

— Хорошо. — Транквил Помпей вытер руки богатой тканью, почтительно протянутой темнокожим рабом. — Вполне приемлемый возраст.

Император повернулся, и, увидев лицо отца, Клавдий внутренне содрогнулся. Глаза, обведенные темными кругами, казались глубоко запавшими, на щеках под слоем пудры проступали темные пятна. Вокруг тонких плотно сжатых губ глубокие морщины. За последнюю неделю

он словно постарел еще сильнее. И стал еще более безумным. Хотя священное императорское безумие тоже имеет меру.

— Они требуют новых жертв. Все новых и новых.

— Кто — они? — решил переспросить Клавдий.

— Не прикидывайся, что ты глупей, чем есть на самом деле. Демоны! Им недостаточно тех жертв, что мы приносим.

Он щелкнул пальцами, и тут же два раба подтащили золотой трон. Транквил уселся, положив полные, белые и рыхлые кисти рук с короткими большими пальцами на витые подлокотники.

— Мы исправно платим налоги,— медленно произнес наследник, рассматривая золотого орла, раскинувшего крылья над головой человеческого правителя Рэйма.

— Им недостаточно крови, которую мы проливаем для них,— упрямо повторил старик, и губы его сжались так сильно, что стали едва заметны на бледном лице.

Интересно, сам он верит в то, что говорит? Сорок рабов было положено на жертвенник три дня назад. Темной силой, освобожденной во время жертвоприношения, можно было напоить не одну сотню демонов.

— Они чувствуют, что мы недостаточно искренне почитаем их.

— Нет!

— Да! Жертвы должны стать более ценными!

Ну тогда пойди и сам ляг на алтарь! Клавдий едва не выругался вслух, но, как обычно, сдержался. Давно пора издать указ о том, чтобы престарелых и до печени доставших всех правителей отправляли прямиком к темным.

— Некрос выразил мне неудовольствие поведением твоей жены.

— Она пока не жена мне. И была... наказана за свою непочтительность.— Клавдий так и знал, что глупую выходку Арэлл ему будут вспоминать еще долго.

— Не лги!! — Транквил стукнул кулаком по ручке трона.— Ты слишком труслив, чтобы наказывать! Единственное, что ты можешь,— это мечтать о наказании.

Клавдий молчал, опустив глаза, чтобы не видеть лицо отвратительного старика на троне.

— Моими устами говорят сами демоны,— закончил император спокойнее.— Я выразил их недовольство, *их* ярость.

«Определенно он все больше сходит с ума,— в очередной раз подумал наследник. Интересно, что произойдет раньше — Помпей умрет от старости или окончательно потеряет рассудок?»

— Иди,— величественным жестом отец указал на дверь.

Клавдий быстро прошел по залу, уже не обращая никакого внимания на зверинец, вышел и в ярости стукнул себя кулаком по ладони.

Пришлось снова возвращаться через весь дворец. На противоположную половину, в свои покои.

Ионт сидел на полу, играя в полис сам с собой. Клавдий тихо подошел к нему, хлопнул ладонью по согнутой спине. Мальчишка-раб вздрогнул, выпрямляясь, обернулся:

— Клавдий! Ты меня напугал.

Улыбнулся, глядя снизу вверх, откинул со лба светлые волосы. Как их ни причесывали, ни укладывали, смачивая водой, все равно пряди закручивались тугими кольцами. Изящных сплоенных волн не получалось. Зато глаза у него были удивительными. Море Эллиды плескалось в них. Смеющееся, радостное. Они могли становиться серыми, или зеленоватыми, или прозрачно-голубыми, если мальчик долго плакал.

— Клавдий, почему ты такой хмурый?

Это четырнадцатилетнее чудо привезли несколько месяцев назад, загар еще не сошел с его плеч, ресницы и брови выгорели до темно-пшеничного цвета. А еще Ионт все время пытался сбросить сандалии и шлепать по мраморным полам босиком.

— Что-то случилось?

Клавдий сел на удобный стул с вогнутой спинкой, велел:

— Иди сюда.

Подросток с готовностью поднялся. Ноги конечно же снова оказались босыми. Белые, незагорелые полоски от ремешков сандалий ярко выделялись на смуглой коже ступней. Подошел, сел на пол рядом, положил подбородок на ручку стула. Глаза, затененные кудрями, сейчас казались совсем серыми.

— Ионт, поплачь.

Раб не удивился. Сморщил нос, склонил голову набок:

— Я не хочу.

— Плачь!

На лбу мальчишки появились две упрямые морщины. Он отрицательно помотал головой. Тогда Клавдий отстегнул от тоги булавку и воткнул ее в руку эллана. Тот вздрогнул, дернулся, зажмурился. Но не заплакал. Во время второго укола он громко засопел от боли. Потом сжался, попытался вырваться... но Клавдий крепко держал его за плечо. И наконец плотно сжатые губы Ионта задрожали, он всхлипнул и больше не смог сдерживать слез.

Некоторое время Клавдий ждал, с удовольствием прислушиваясь к сдавленным рыданиям у своих ног. А когда они начали стихать, наклонился и повернул мальчика к себе.

Да, вот теперь тот самый цвет. С заплаканного лица на него смотрели прозрачно-голубые глаза — тревожно, грустно, укоряюще.

Клавдий поднял мальчишку, усадил рядом с собой. Обнял:

— Больно?

— Нет,— прошептал упрямец тихо, прижимаясь мокрым лбом к его шее.

— Тогда почему плакал?

— Обидно.

Обидно ему... Клавдий погладил мальчика по голове, с удовольствием пропуская между пальцев мягкие светлые локоны. И мысль его снова вернулась к троим пришельцам, явившимся утром во дворец, чтобы получить аудиенцию.

— Сегодня я видел очень странного человека,— промолвил он, вновь выделяя из троих лишь одного, достойного внимания. Того, который не пожелал остаться в его покоях.

Эллан вытер мокрое лицо о тогу наследника, поднял голову:

— Какого человека?

— Не важно.— Самому недолго свихнуться, если все время думать об одном и том же.— Почему ты дрожишь?

— Холодно,— пробормотал подросток, забираясь в кресло с ногами.— От слез всегда холодно.

Клавдий перегнулся через витую ручку, стянул с ложа меховое покрывало, накинул на стройное, юное тело.

— Когда-нибудь я тоже сойду с ума.— Наследник уже привык произносить вслух часть своих мыслей в присутствии мальчишки.

— Нет! — удивленно воскликнул Ионт.— Почему?!

— Все рэймские императоры рано или поздно сходят с ума. Тяжелая демоническая сила делает нас такими.

Мальчик выразил свое неудовольствие этими речами тем, что с головой забрался под покрывало.

Клавдий усмехнулся и вытащил его обратно. Удобнее устроил светловолосую голову на своем плече. Надо бы сходить к Арэлл — еще раз засвидетельствовать свою любовь и уважение. Но сидеть вот так в тишине было гораздо приятнее, чем терпеть выходки нервной девицы.

Интересно, зачем ей понадобился этот немытый Атэр? Говорят, у эллан болезненная, почти ненормальная привязанность к людям своего племени. Они, как пчелы в улье, лепятся друг к другу. Дрожат от счастья, встречая соотечественника в чужой стране. Вот как Арэлл сегодня. Он думал, она выше глупых, вульгарных привычек, но нет. Все они одинаковы. Сейчас сядут рядом и будут до одурения вспоминать родные места, обливаться слезами, описывая непередаваемый запах навоза в любимом хлеву. Видимо, девчонка привлекает и его самого так сильно только потому, что еще не отвыкла от сельской жизни. Парное молоко, клубника, стог сена. Экзотика.

Она понравилась Некросу. И она приглянулась Друзлту. Демонический правитель Эллиды посчитал Арэлл достойным подарком для сына рэймского императора. Подумать только, Высшие — тонкие ценители женской красоты — признали ее совершенство. Значит, девчонка — лучшее, что можно выбрать в Эллиде. Арэлл могла бы добиться покровительства обоих темных для себя и будущего мужа.

Если бы не была столь горда, то есть глупа.

Боги, почему ему в жены достается красивая, упрямая идиотка?! Что ей стоило выпить кофе с Некросом? Улыбнуться ему. Дрянная, самовлюбленная эгоистка! Она достаточно красива, чтобы получить доступ к персональному вызову Повелителя. Прабабка Клавдия сумела настолько очаровать его, что имела право призвать Высшего демона. У Арэлл есть все шансы добиться неменьшего. Но, естественно, она скорее умрет, чем согласится на это. О темные покровители! Скорее бы умер император! Сколько еще ждать?! Сделайте это поскорее! А еще вразумите элланскую негодяйку! Вложите в ее золотоволосую голову хоть немного расчетливости и жадности, которых ей так не хватает!

Наверное, Арэлл пришла бы в ярость, узнав, чего желает для нее жених. В ярость и отчаяние, которые и так посещали ее слишком часто. Но сейчас она хотела только одного — поговорить с молодым человеком, который мог оказаться именно тем, кого она так ждала. Лурия в нетерпении ходила по своим покоям под неодобрительным взглядом Гая, покусывала подушечку большого пальца и вздрагивала при малейшем звуке. Потом, устав метаться без цели по комнате, подошла к окну и, глядя в прозрачное небо, заставила себя успокоиться.

Его привели через два часа. Одетого в новую тогу, умытого и подстриженного. Улыбающегося и абсолютно счастливого.

— Как тебя зовут? — с улыбкой спросила Арэлл.

— Валерий Октавиан... но все называют меня Атэр.

— Хорошо. Садись,— кивнула она.

Атэр присел на низкую скамейку и теперь с восторгом смотрел на Арэлл. Похоже, это немного мешало ему самому... Смущало.

Привычным движением расправляя подол длинного одеяния, девушка опустилась напротив.

— Ты действительно умеешь рассказывать занимательные истории?

— Да. Какие угодно. О чем вы хотели бы послушать?

Она наклонилась очень близко, заметила, как по щеке молодого человека пополз яркий румянец.

— Расскажи, как вы победили демонов.

Светло-зеленые плутоватые глаза Атэра метнулись в сторону.

— Мы не спасали рабыню от демонов. Мы нашли ее в Нижнем городе и...

— Это я уже слышала. А теперь хочу, чтобы *ты* сказал правду. Атэр,— подросток покраснел еще сильнее, когда Арэлл прикоснулась к его руке,— как все было на самом деле?

Мальчишка искоса глянул на неподвижного Гая. Арэлл поднялась, отошла в дальний угол зала и поманила его к себе.

— Теперь ты можешь рассказывать. Нас никто не услышит.

— Лурия...

— Там ведь были демоны, правда?

— Да. Двое. Не Высших. Простых.

— Как вы справились с ними? Кто справился?

— Гэл. Тот... нумидиец. Он мой наставник.

— Но как?!

— Он очень сильный. Виртуозно владеет мечом и... кажется, знает какие-то приемы против демонов.

— Какие приемы?

— Я не знаю. Не могу сказать. Я не видел. Извините.

Арэлл вскочила, стремительно подошла к Гаю и хлопнула его по кирасе на груди:

— Ты говорил, демонов невозможно уничтожить!

— Да,— ответил тот, глядя в пустоту за спиной своей госпожи.— Если ты сам не демон.

— Ты хочешь сказать, что этот Гэл... Нет! Не может быть. Он выглядит как обычный человек. Солдат.

— Лурия Арэлл, вы много видели демонов? — спросил Гай тихо.

— Нет, но... Мне нужно посмотреть на него еще раз. Поговорить с ним.

— Зачем, светозарная? — подал от окна голос Атэр.

— Убедиться, что он человек.

Арэлл откинула крышку сундука, схватила первую попавшуюся палу[1], накинула на ходу.

Телохранитель незаметно вышел у нее из-за спины и теперь шел рядом, на полшага позади. Выходя из покоев невесты наследника, он кивнул солдатам, стоящим у дверей, и двое из них вступили в маленький кортеж. Атэр шел несколько в стороне и, кажется, был не очень доволен этим походом.

Казармы городской когорты стояли довольно далеко от императорского дворца, за мостом через Лигис. Приземистое, длинное, одноэтажное здание — фундамент из шахтного песка, верх из песчаника. Плац был пуст.

Гай толкнул тяжелую дверь и вошел первым, загораживая обзор широкой спиной. Затем сделал шаг в сторону, пропуская невесту наследника. Сзади замерли два преторианца. Атэр, с любопытством оглядываясь по сторонам, громко сопел.

Но эффектного появления лурии Арэлл в большом зале с грубыми, шершавыми стенами никто не заметил. В казарме стоял хохот.

Человек тридцать сгрудилось у стола в центре большого помещения, напряженно рассматривая что-то. Периодически слышались странные реплики, произносимые звенящими от азарта голосами:

— Беру!

— Я пас!

— Десять. Пики!

[1] П а л л а — накидка, которую женщины надевают, выходя на улицу.

— Удваиваю!

— Спокойно, почтенные, спокойно. Покер не любит суеты.

Терпение Гая закончилось прежде, чем на них обратили внимание. Он стукнул «пяткой» копья по полу. Солдаты обернулись, расступаясь...

Во главе стола сидел тот самый нумидиец Гэл — смуглый мужчина с черными, коротко стриженными волосами. Теперь он был в военной форме — туника без рукавов, поверх нее простая лорика[1], широкий пояс из бронзы, узкие штаны до колен, на ногах поножи. Рядом расположились еще пятеро солдат. В руках сидящие держали небольшие прямоугольные карточки, сложенные веером.

— Лурия Арэлл хочет поговорить с Гэлом Нумидийцем! — громко и четко произнес телохранитель.

Все поднялись, заметив наконец невесту наследника. Черноволосый мужчина молча вышел из-за стола, держа шлем в согнутой руке, приблизился.

— Следуй за мной,— велела Арэлл, чувствуя, что ей не нравится пристальный, вызывающий взгляд агатовых, блестящих, как маслины, глаз.

Она остановилась на краю плаца. Преторианец жестом велел охране отойти. Атэр предпочел удалиться вместе с солдатами, и рядом с Арэлл остался один телохранитель.

Естественно, ничего демонического в лице нумидийца не было.

— Ты человек? — спросила Арэлл, внимательно его рассматривая.

— У вас возникли сомнения?

— Да. После того как Атэр рассказал мне, как ты победил демонов в Нижнем городе.

Гэл весьма выразительно глянул на ученика, стоящего неподалеку. И тот предпочел отвернуться.

— Не знаю, что наболтал этот мальчишка.

— Правду. Так ты человек?

— Я похож на демона?

— Внешне — нет.

— Я знаю несколько способов узнавания демонов. Первый — в их присутствии появляется сильная боль в висках. У вас болит голова?

— Нет.

— Безотчетный, неконтролируемый ужас. Вам страшно?

— Нет.

---

[1] Простая лорика («лорика ферра») — военная одежда, которую носили солдаты городской когорты. Кожаная куртка, покрытая на плечах и вокруг туловища железными пластинами. Отличалась от целиком бронзовой лорики преторианцев.

— У демонов черная кровь,— вмешался Гай, нацелив свое копье на плечо недостаточно почтительного собеседника невесты сына императора.

С удивительным проворством Гэл уклонился, выхватил меч, ударил плашмя по древку копья, так что его острие воткнулось в землю.

— Я никому не позволяю проверять цвет моей крови.— Нумидиец отступил, принимая боевую стойку.

Лицо Гая побагровело. Он удобнее перехватил копье, замахнулся, собираясь проткнуть наглеца насквозь.

— Нет! Стойте! — крикнула Арэлл.

Но на элланку никто не обратил внимания. Подбежали, на ходу вытаскивая мечи, преторианцы, сопровождавшие ее.

«Сейчас они его убьют, и я никогда не узнаю, как нумидийцу удалось победить демонов».— Девушка не успела оценить нелепость этой мысли.

Гэл шагнул в сторону и без труда поймал брошенное в него копье. Один из охранников изумленно выругался и тут же, повинуясь вбитым на плацу рефлексам, закрылся щитом, отбивая кинутый нумидийцем предмет. Отразил, на секунду замер в удивлении, поняв, что это кожаный шлем Гэла. В то же мгновение противник оказался рядом с преторианцем и «пяткой» копья ударил его в голову. Расчет был правильным. Оглушенный солдат выронил меч и упал на колени. Гэл ушел ему за спину, используя как живой щит. Еще один едва заметный удар древком в затылок — и солдат растянулся на песке.

Гай и второй преторианец набросились на проворного нумидийца, пытаясь взять его в «клещи». Но им тут же пришлось отскочить в стороны — Гэл перехватил копье за середину, крутанул, едва не достав левое плечо телохранителя Арэлл острым наконечником. Началось кружение. Солдаты с короткими мечами не могли преодолеть длину древка и добраться до противника. Гэл, безостановочно выписывая копьем восьмерки, держал обоих на расстоянии. Каждая атака оставалась безуспешной, разбиваясь, словно волны о прибрежные скалы.

Наконец нумидиец крутанул оружие вокруг запястья и ударил второго охранника по голове. Тот успел поднять щит, защищаясь от падающего удара, и желая пробить клинком горло гвардейца, выбросил меч вперед, что есть сил вытягивая руку. Но того уже не было... Преторианец не успел повернуться лицом к стремительному противнику. Оказавшись за спиной солдата, Гэл широким, размашистым движением древка подсек его под колени.

Оставшись с нумидийцем один на один, Гай начал осторожничать.— Жало копья металось перед ним, и преторианцу приходилось прилагать массу усилий, чтобы отбивать его. Несколько раз телохранитель Арэлл пытался перейти в контратаку — сбить оружие в сторону и войти в брешь, чтобы ударить, но Гэл не давал ему такой возможности. Он постоянно двигался, перетекая из одной стойки в другую, а его копье,

казалось, жило своей жизнью. Трижды Гэл останавливал последний, решающий удар. Он щадил своего противника, и это не укрылось ни от зрителей, ни от Гая. Преторианец, понимая, что с ним просто играют, начал звереть...

Арэлл не выдержала и бросилась между ними:

— Гай, довольно!

С видимым усилием телохранитель опустил меч, хмуро отошел в сторону.

Гэл отсалютовал ей, и было непонятно, чего в его жесте больше — насмешки или почтения. Солдаты городской когорты, высыпавшие из казармы, приветствовали победителя дружным ревом и ударами мечей о щиты.

Оставаться на поле больше не имело смысла. Арэлл повернулась и пошла прочь, за ней побрела посрамленная охрана и чему-то улыбающийся Атэр.

Она так ничего и не узнала. Демон нумидиец или нет? Он действительно виртуозно владел оружием, был удивительно ловок. Но как человек. А как он победил темных?! Досада, раздражение и унизительное чувство беспомощности снова заскребли в душе, лишая последних капель спокойствия.

— Я все равно узнаю! Слышите?! Вы не сможете меня остановить!!

Арэлл заметила, как солдаты многозначительно переглядываются. Но ей было все равно, что думают про нее люди. Наверное, считают безумной, так же как демоница-предсказательница.

Глава 13,
в которой я преподаю еще несколько уроков, а степень моей одаренности побивает все рекорды

— Чего хмуришься? — Камилл хлопнул меня по плечу. Я постарался придать лицу выражение, близкое к дружескому, хотя периодически начинало мутить от человеческой фамильярности.— Не нравится?

— Дрянь.— Я еще раз осмотрел свой новый меч, называемый балтусом, прилагающийся к форме городской когорты. И с отвращением вогнал его обратно в ножны.

— Ты зря. Это же твердая, малогибкая бронза. Она дешевая, но прочная.

— А ты, я смотрю, разбираешься в металле?

Парень заулыбался, его широкое, добродушное лицо засветилось подлинным счастьем.

— У меня папаша оружием торгует. А я вот решил военным стать. И знаешь, не жалею.

Меньше всего хотелось бы обсуждать подробности семейной жизни этого пентюха, но отделаться от него было не так просто. Камилл по-

чувствовал во мне терпеливого слушателя, покровителя бездомных сирот, и прилип накрепко. Он ходил следом, рассказывая обо всех своих родственниках, внучатых племянниках, пятиюродных дядьях и сводных сестрах. Из каптерки, где я получил безобразно дешевое вооружение, в казарму, из казармы в штаб городской когорты.

Здесь состоялось знакомство с одним из помощников военного префекта — знатным рэймлянином Доминицианом Юнием. Я вручил ему свиток с приказом о моем назначении в славные стражи города, тот бормотнул что-то невнятное и поморщился. Видимо, мучился изжогой после недавней трапезы. Сунул мне в руки нагрудный пластон на кожаных ремнях, надеваемый в особо торжественных случаях. Например, когда сиятельному императору приспичит поглазеть на своих верных воинов.

Камилл не отстал от меня, даже когда я подчистую обыграл его в карты. Природное жизнелюбие не позволило парню усомниться в том, что я сделал это ненамеренно. Он совершенно искренне радовался моей удаче. Ну не идиот ли.

Однако через какое-то время я понял, что парень перестал меня раздражать. Ну как если бы за мной увязался большой, добродушный пес, умеющий говорить. Смысла в его бормотании немного, внимания можно не обращать, на вопросы не отвечать. А ему все равно приятно быть рядом с хозяином.

Как ни странно, наша новая жизнь устроилась очень хорошо. Ночевал я «дома», на «службу» ходил днем. Казармы городской когорты находились за Претикапием, на другой стороне реки. Далековато. Нам повезло меньше, чем преторианцам. Их расположили прямо за дворцом, чтобы наши привилегированные постоянно находились неподалеку от императора. Но для демона несколько лишних миль в день — не расстояние.

Вообще-то мне не хотелось надолго оставлять Энджи одного, но, по-моему, он без меня не скучал. Гермия бегала к нему едва ли не каждый день. Надо же, на расстоянии ее сердечная привязанность к ангелу как будто только усилилась. Как она выбиралась за территорию дворца, меня не интересовало. Видимо, у лурии Лоллы было столько рабынь, что она не успевала следить за каждой.

Атэр был счастлив. Во всяком случае, когда он под видом младшего брата приходил ко мне, с его физиономии не сходило довольное выражение. Еще бы, кормят бесплатно, одежду дают любую. Можно сутками любоваться на Арэлл и время от времени получать от меня уроки фехтования.

Основным занятием солдат городской когорты было патрулирование города, наблюдение за порядком на улицах, а также охрана четырех городских ворот: Центральных (через которые мы вошли в город), Нижних, Южных и Северных. Несложно, но скучно.

Часть моих сослуживцев жила в казармах — в основном это были бессемейные молодые парни. Остальные, как я, квартировали в городе. Кто где. У преторианцев, естественно, был свой военный городок в живописном местечке за рекой. Да-а, будь у меня сорок тысяч сестерциев — жил бы сейчас в уютном домике... женился на симпатичной рэймлянке из приличной семьи, усыновил Атэра. Нет, пусть мальчишка остается в роли младшего брата. Лучше усыновить Энджи. Это было бы забавнее...

Интересно, что люди не чувствовали во мне демона. Моя маскировка достигла совершенства. На смертных она действовала безотказно, а с Высшими я общаться не собирался. К тому же рассчитывал на то, что всегда можно будет смыться через телепорт, если меня увидит кто-то из них.

Камилл сидел, громко хлебая из своей миски густую красную фасоль с мясом, и даже этот важный процесс не мог унять его болтовню.

— Вообще-то я сегодня позже дежурю,— доверительно сообщил он, собирая куском хлеба жирную подливку.— Можно было поесть дома. Мама и готовит лучше. Но раз уж ты здесь... А у тебя родные есть?

Я подумал секунду и усмехнулся:

— Брат. Младший.

— Это хорошо. У меня тоже есть.

И дальше последовал долгий рассказ о брате. Я по-прежнему не слушал его, здоровался с приятелями по когорте, которые появились у меня очень быстро благодаря моему неистощимому чувству юмора и виртуозной игре в покер. Обменивался враждебно-презрительными взглядами с недоброжелателями, которых тоже было достаточно, как у всякого приличного демона, обладающего все теми же двумя достоинствами. Поглядывал по сторонам.

В казарме было прохладно. Приятное разнообразие после полуденного пекла на улице. Неяркое естественное освещение, приятное для глаз. Присутствующие занимались кто чем в зависимости от наклонностей и воображения. Кто-то, сидя в углу, точил меч с мечтательным выражением на лице, кто-то, как мы например, обедал. Кое-кто толкался возле котла с похлебкой в надежде на добавку. Но старший по кормежке сегодня весьма грубо разрушил их мечты. Несколько человек на углу стола уже тасовали карты, намереваясь приятно провести послеобеденное время. Сердце радуется, когда видишь плоды своих трудов. С моим появлением Великий Рэйм вернул кое-что из утраченного наследия прошлого — покер. Надо будет научить их еще и преферансу.

— Приветствую, Гэл.— Рядом тяжело уселся Серентий, только что вернувшийся с дежурства по городу. Меня сразу обдало запахом че-

ловеческого пота и усталости. Он снял шлем, провел рукой по пыльному лбу, стянул через голову перевязь с мечом.— Ну и пекло.

— Привет,— обменялся я с ним рукопожатием.— Есть будешь?

— Нет. Уже перекусил в городе. Слушай, ходят слухи, что сюда приходила лурия Арэлл? Искала тебя.

— Все дело в моей привлекательности.

Серентий усмехнулся, взглянув на мой перебитый, явно лишенный изящества нос.

— Ну да. Я так и понял. А если серьезно?

— Услышала о моем непревзойденном мастерстве ведения боя на мечах. Хотела лично посмотреть на мастера.

— Трепло.— Похоже, он не был удовлетворен ответами. Но знал, что большего от меня не добиться. Только если я сам не захочу посвятить его в подробности.

Туллий, севший рядом с Серентием, перегнулся через него и зашептал громким, прерывающимся от любопытства шепотом:

— Говорят, она не в себе. Это правда? Ты ничего такого не заметил?

Чем хороши люди, так это своей неудержимой болтливостью и страстью к сплетням.

— Не заметил.

— Красивая девка, эта лурия Арэлл.— К нам подошел Фламиний Север, задев меня ножнами по спине.— Повезло преторианцам. Им всегда перепадают самые сладкие куски.

— Почему это? — Туллий нахмурился, отодвинув миску.

— Потому, тупица. Их выбирают в любовники все лучезарные императрицы. Впрочем, императоры тоже. Ну ничего, скоро нашим неприкосновенным начнут сворачивать шеи как откормленным гусям.

— Попридержал бы ты свой язык, — лениво отозвался Серентий.

— Я говорю то, что знают все,— огрызнулся Север.

— Вот и помалкивай. Хочешь, чтобы шею свернули тебе? У инквизитора уши везде.

Неприятный разговор закончился неожиданно.

— Эй, Гэл,— окликнули меня,— твой братец пришел.

Я поднялся из-за стола и направился к выходу, а мне навстречу уже пробирался улыбающийся, счастливый Атэр. Открыл рот, чтобы выразить радость по поводу встречи, но тут же был схвачен за ухо и под одобрительные смешки присутствующих выведен на улицу.

— Ты что?! Пусти! Отпусти, тебе говорят!

Не обращая внимания на гневные вопли, я довел его до раскидистого инжира, росшего возле кухни, и только там разжал пальцы. Мальчишка отпрыгнул в сторону, прижимая ладонью сразу же распухшее ухо.

— Совсем обалдел?!

— Какого Дьявола ты разболтал Арэлл о демонах? Соображаешь, что делаешь?

— Не твое дело!

— Что?!

— Не твое дело.

— Ах ты...

— Только попробуй! — Атэр рывком выхватил короткий меч, спрятанный в тоге.— Только попробуй подойди ко мне.

— Ха-а! — Я вытащил свое оружие из «малогибкой бронзы».— Ну давай, если тебе так хочется.

Несколько минут я развлекался тем, что лениво отбивал удары ученика. Забавная у людей особенность, гнев придает им силы ненадолго, а потом мгновенно истощает. Очень скоро мальчишка стал спотыкаться, дыхание его сбилось. И тогда я напал сам. Он едва смог удержаться под моими мощными ударами.

— Силу может дать только истинное демоническое бешенство,— сквозь зубы проговорил я.— Истинная ярость. Это неистощимый поток энергии.

На лице Атэра появилось выражение легкой паники. Он увидел это благородное бешенство в моих глазах.

— Гэл! Ты же его зарубишь! — Несколько зрителей, притащившихся понаблюдать, как я буду чихвостить младшего братца за какую-то провинность, забеспокоились.— Хватит!

Уже едва держа в руках меч, мальчишка отступал. Я почти прижал его к стене, как вдруг он споткнулся о камень и полетел на землю. Зеваки ахнули, увидев, что я замахиваюсь, целясь в живот беззащитной жертвы, и тут же облегченно вздохнули, когда клинок воткнулся в песок в нескольких дюймах от тела неудачника.

— Садист,— пробормотал бледный Атэр.— Совсем уже?

— Не нравится, учись у Энджи. Он оч-чень милосерден.

— А ты псих.— Мальчик медленно поднялся, отряхиваясь.

— Благородное безумие.— Я подмигнул ему и вернул оружие обратно в ножны.— Не забывай.

Подросток сердито фыркнул, покрутил головой, потер шею, подобрал меч.

— Между прочим, я здесь для того, чтобы передать приглашение лурии Арэлл. Она просит тебя прийти во дворец после полудня.

— Ну да, как же, уже бегу. Мне больше заняться нечем, кроме как выполнять прихоти истеричной девицы.

Атэр гневно сверкнул на меня глазами — и где только научился!

— Я бы на твоем месте пошел.

Растет мальчишка. В голосе стали появляться властные интонации. Видимо, общение со знатью хорошо на него влияет. Может быть, затея с поселением во дворце, действительно, имеет смысл.

— Гэл, это очень важно.

— Для кого?

— Для меня. И вообще, ты не можешь игнорировать приказы невесты наследника.

— Я подчиняюсь только императору и своему военному префекту.

— А еще мне.— Он улыбнулся сияющей детской улыбкой, которая странновато сочеталась с холодными настороженными глазами. Спрятал меч обратно под тогу, развернулся и пошел в сторону дворца.

Кажется, мальчишке понравилось командовать. Мужает мой «братец»... Люди вообще быстро взрослеют. Вот только, к сожалению, Атэр ленится. Приемы ближнего боя, которые я ему показывал, не отрабатывает, выносливости никакой. Хотя, наверное, я излишне требователен. Все-таки он пока еще человек, не демон.

Лурия Арэлл, будь она неладна со своим неуемным женским любопытством, ожидала меня в просторных, светлых покоях. Здесь почти не наблюдалось так любимых всеми человеческими созданиями предметов внутренней обстановки. Только резные скамьи вдоль стен и статуя атлетически сложенного юноши в торце большой прямоугольной комнаты.

Девица была одна. Видимо, считала, что без свидетелей я стану разговорчивей. И одета весьма легкомысленно — в короткую белую тунику, перехваченную под грудью широкой голубой лентой. На ногах — простые сандалии, зашнурованные до колен. Я сдержанно поклонился, ожидая вопросов. Но услышал совсем не то, на что рассчитывал:

— Научи меня.

— Чему?!

— Научи меня драться.

Передо мной, протягивая меч, стояла красивая девушка с золотыми волосами, и лицо у нее было такое, словно она сию же секунду собиралась лечь на жертвенник... Или, точнее сказать, броситься. Нет, пожалуй, даже хуже — бросить на этот жертвенник меня.

— Арэлл, ты очаровательная девушка. Тебе очень идет это платье...

— Туника. Это называется туника.

— Да, хорошо. Туника. Она тебе очень идет. У тебя дивные волосы. Зачем тебе обучаться мужскому поединку?

— Мне нужно овладеть искусством боя на мечах,— произнесла она сквозь зубы. Тоже красивые, кстати, зубы. Белые.

— Зачем?

— Ты можешь не спрашивать, а научить?!

— Могу.

— Тогда учи.

До чего ж настырная девица. И каким тоном отдает приказы. Таких, не в меру прытких, во времена моей молодости отправляли учиться уму-разуму прямиком на костер. Потому как женщина должна заниматься своим делом, а не лезть в серьезную мужскую деятельность. Все равно ни мозгов, ни силенок не хватит...

Она швырнула меч мне под ноги, а потом вдруг замерла на мгновение. На белом лбу появилась тонкая вертикальная морщинка. Девушка посмотрела на клинок, подняла взгляд вверх и снова опустила его.

— Эй,— я помахал ладонью перед ее глазами,— я еще здесь.

Еще не хватало, чтобы девчонка оказалась одержима священным безумием... Хватит того, что на моей шее уже сидит одно недоразумение в виде безалаберного, нахального Атэра.

— Эй!

Она тряхнула головой, словно отгоняя внезапное видение, улыбнулась немного растерянно.

— Ничего. Показалось.

— Увидела свою тень? — Я наклонился, поднимая меч.

— Что увидела? — переспросила Арэлл машинально, явно думая о чем-то другом.

— У нас такое поверье. Если кто-то замрет, глядя перед собой слепыми глазами, прямо как ты сейчас, говорят «встретил свою тень». Ладно, давай посмотрим, на что ты годишься.

Задумчивость тут же исчезла, «смылась» с ее лица, как будто девушку окатили ледяной водой.

— Защищайся! — крикнула она, вскинула свой меч и бросилась на меня.

— Амазонка! — Я даже рассмеялся от удовольствия.— Первая ошибка: сначала нападай, а уже потом предупреждай о нападении.

С легкостью отбив ее атаку, я довольно чувствительным ударом предплечья отбросил невесту Клавдия к стене. Она упала, оружие отлетело в сторону. Но во взгляде Арэлл не появилось оскорбленной женской обиды и негодования, только боевой азарт. Она вскочила, подняла меч и снова атаковала, на этот раз более грамотно. Все же девочка немного схитрила — учитель у нее был. Учитель, но не мастер.

— Ты не дерешься, ты танцуешь!

Она была ловкой для человека, достаточно сильной — для женщины, у ее тела оказалась хорошая память, но она боялась сделать мне больно.

— В другой раз я дам тебе деревянный меч, а еще лучше скалку или эту... прялку. С ней ты лучше управишься.

— Атэра ты так же учишь? — Тяжело дыша, она убрала с потного лица растрепавшиеся волосы.

— С чего ты взяла, что я его учу?

— Я видела. И так же разжигаешь в нем боевую злость?

Я вскинул меч, салютуя им своей «госпоже».

— Не желаете провести еще один бой?

— Ты хочешь сделать из него воина?

— А может быть, госпоже будет угодно отдохнуть?

— Гэл! — Она подошла ко мне вплотную. Опасная близость. Запах разгоряченного человеческого тела не могли скрыть дорогие благовония.— Как ты справился с теми демонами в Нижнем городе? Расскажи мне. Научи меня!

В ее широко поставленных глазах горела настоящая страсть. Нет, скорее одержимость. Одержимость идеей уничтожения демонов.

— Да ты прирожденная убийца...

— Нет! — Девушка отшвырнула меч, и он снова зазвенел по мраморным плитам, щедро расплескивая отраженные сталью солнечные блики.— Я не хочу убивать! Я не хотела бы никого убивать, но я знаю, что... придется. Поэтому прошу, помоги мне.

— Сначала отойди от меня.

— Что?

— Отойди. Ты стоишь слишком близко. Это мешает мне принять правильное решение.

Арэлл улыбнулась, сверкнула белыми зубами, сделала шаг назад, заложила руки за спину с видом послушной девочки:

— Так лучше?

— Да.

— Ну и...

— Я не буду тебя учить.

Сияющая улыбка на ее лице погасла. Оно стало замкнутым, холодным, отрешенным.

— У меня нет на это времени, желания и сил. Я очень сожалею, что Атэр не имеет твоей любви к оружию, страсти и силы воли.

Я снова поклонился, вложил меч в ножны и повернулся, собираясь уходить.

— Стой! — прозвучало за спиной повелительно. Это был приказ Госпожи, ослушаться его было невозможно.

— Я знаю, как подогреть в Атэре страсть к обучению. Ты будешь учить нас вместе. Его и меня.

— Нет.

— Я могу приказать тебе!

— Не можешь. Я подчиняюсь императору.

Она сжала кулаки, скулы ее побелели. Я с удовольствием наблюдал, как она пытается подавить гнев, клокочущий в душе. А потом вдруг так же внезапно успокоилась. Разгладилась морщина на лбу, разомкнулись сжатые губы, выровнялось частое дыхание.

— Хорошо. Можешь идти. Я позову, когда ты мне понадобишься.

Ясно, в голову девчонки пришла конструктивная мысль о том, как добиться от меня толку без принуждения. Забавно.

— Как будет угодно лурии.

Я вышел из зала и поспешил к выходу. Интересно, почему я отказался от столь почетного и, несомненно, приятного предложения? Красивая, темпераментная, бесспорно способная ученица просит моей помощи. Проводить время в ее обществе был бы счастлив любой. Похоже, все дело в странном, совершенно необъяснимом чувстве, которое я к ней испытал. Как будто одна моя половина ощущает огромное влечение к элланке, а другая содрогается в отвращении. Дьявол! Такого со мной еще не было!

Озадаченный столь сложными переживаниями, вызванными простой смертной, я пропустил нужный коридор, спохватился, повернул в другую сторону и... нос к носу столкнулся с демоном. Высшим.

Ну все. Попал.

Но, к счастью, инстинкты оказались на удивление сильными и не позволили панике исказить мой тщательно сработанный человеческий образ.

Я отскочил назад, стукнув сандалиями, вытянулся в струнку, выхватил меч, отсалютовал темному господину и замер. Пронизывающий взгляд демона обшарил меня снаружи и изнутри, подмечая человеческое благоговение, покорность, готовность выполнить любой приказ, желание оказаться как можно дальше и страх. Он чуть усмехнулся, удовлетворенный тем, что увидел, и неторопливо удалился, не желая тратить время на смертный мусор.

Я стоял неподвижно до тех пор, пока его шаги не стихли в конце коридора, и только тогда позволил себе перевести дыхание. Вытер пот, выступивший на лбу. Он меня не *почувствовал*! Не понял, *кто* перед ним. Принял за человека. Моя маскировка совершенна! Всего пять тысяч лет упорного труда — и вот пожалуйста! Я идеальный оборотень! Я гений.

Глава 14,
в которой я проявляю себя как самый мудрый из магов-учителей, но спасибо мне, как обычно, никто сказать не торопится

Как только у меня выдавался выходной, мы с ангелом продолжали тренировать нашего воспитанника. Для магической практики была выбрана пустынная местность среди холмов, к северу от города.

Сегодня Атэр довольно вяло отбивал мои атаки и периодически принимался ныть о том, как у него болит голова и как он устал. Энджи сидел неподалеку, опустив подбородок на руку, и я ждал, что с минуты

на минуту он вступится за нашего «страдальца». Ну вот, кажется, время пришло...

Ангел поднялся, решительно подошел ближе. Мне не понравилось суровое выражение его лица, и я оказался прав. Мощный заряд ангельской магии полетел в Атэра. Тот еле успел уклониться, и на земле остался круг от выжженной травы.

— Эй, ты что?! — закричал мальчишка.— Сошел с ума? Ты чуть не сжег меня!!

— Защищайся,— велел Энджи.

— Как я, по-вашему, справлюсь с двоими?!

— Ты никогда ничему не научишься, если будешь халтурить.

Решительно ангел нравился мне все больше.

— Ну давай, Энджи,— я закатал рукава и мстительно улыбнулся,— вмажем ему как следует.

— Психи,— сказал Атэр, обращаясь к своему медальону, который неизвестно для каких целей носил на шее.— Ладно, держитесь оба!

Он довольно искусно провел атаку «двойного вихря», допустив всего две незначительные ошибки. Я отбил одно закрученное колесо, Энджи перерубил черенок другого и тут же выпустил короткую молнию, взметнувшую фонтанчик песка. Атэр успел отскочить в сторону, но упал в пыль, сбитый с ног моей коварной подножкой.

— Так нечестно! — тут же завопил он.— Это не по правилам.

— Разве мы играем по правилам? — спросил я у Энджи. Ангел ничего не ответил. Он как будто потерял интерес к игре. Нахмурился, помрачнел, а потом и вообще отвернулся. Атэр, все еще сидящий на земле, толкнул меня ногой и вопросительно поднял брови. Я мотнул головой, подошел к ангелу, осторожно тронул его за плечо:

— Что?

— Нет, ничего.— Он улыбнулся быстрой, ничего не значащей улыбкой.— Вы продолжайте, а я... я уйду ненадолго.

— Куда?

— Не важно.

— Очень даже важно. Мне не нравится, что ты будешь бродить один по городу, где полно демонов.

— Я хочу побыть один.

— Ты и так один.

Ангел в упор посмотрел на меня. И, признаюсь, выдержать взгляд голубых, пронзительных глаз было нелегко. Энджи знал, что я сделал. Догадался. Почувствовал, как всегда. Но больше ничего не говорил. Не упрекал. Тем более Атэр все более успешно овладевал магией. Естественно, примитивной, «энергетической», как я теперь ее называл. Но это лучше, чем ничего.

В тот день я сидел за столом в общей комнате и перечитывал последние записи в блокноте. Да, не получалось веселиться по-прежнему. Пять тысяч двести пятьдесят лет — срок немалый. Даже для демона-оборотня. Раньше мое чувство юмора было более глобальным, что ли. Всеобъемлющим. Это из-за присущего большинству темных оптимизма. Немного мрачноватого, саркастического, но очень жизнеутверждающего. Теперь я ощущал себя в этом мире гораздо сложнее, циничнее и, пожалуй, мудрее. К тому же узнал слишком много умных слов. Набрался от ангела, естественно. Книжная премудрость не нужна простому демону, но очень помогает оборотню, застрявшему в человеческом мире. Убить время, например.

Пару десятилетий перед последним рождением Атэра мы слонялись в землях Северной Анконы. Места здесь были дикие, не обжитые людьми. Полюбить эти каменистые утесы, поросшие колючим кустарником, могли только козы. А также их пастухи, но пока ни те, ни другие сюда не добрались. Дальше, в глубь материка, начинались глухие непролазные леса. И лишь южнее глаза уставшего от дикости демона радовали плодородные, трудолюбиво обработанные крестьянами земли. Вот все это я и решил изобразить схематично на карте.

Вообще с искусством картографии за эти последние пять тысяч лет произошло не пойми что. Полнейший упадок. Человеческое население как будто разучилось чертить планы. Все, что мне удалось увидеть, было либо примитивно, либо неточно до отвращения. Впрочем, человеческие карты всегда были такими рядом с демонскими.

— Что ты делаешь? — прозвучал над ухом знакомый голос. Я не вздрогнул от неожиданности, хотя очень хотелось. Энджи перемещался совершенно бесшумно и мог возникнуть за спиной в самый неожиданный момент.

— Карту рисую. Человеческие никуда не годятся.

Некоторое время он наблюдал за мной, а потом попросил неожиданно:

— А ты не мог бы... потом нарисовать мне такую же?

— С превеликим удовольствием.— Я заставил одну неудачную линию исчезнуть, полюбовался на свою работу и протянул руку за блокнотом ангела. Но едва мои пальцы прикоснулись к его золотистой книжечке, как меня ударило. Не физически и не ангельской магией. Меня словно вытряхнуло из собственной шкуры. Я увидел ярко-зеленый холм, заваленный мраморными обломками. Наверху бил родник. Вода красиво перетекала через белые камни, журчала и пенилась маленькими водопадами. Рядом с холмом росли деревья с кудрявыми кронами, в траве цвели неправдоподобно большие фиалки. Порыв ветра принес какой-то дивный, неземной аромат. Я вдохнул его полной грудью. Но в горле немедленно запершило, в носу зачесалось, я чихнул и очнулся.

Энджи все еще стоял рядом, глядя на меня удивленными глазами, и явно ждал объяснений. Я глубоко вздохнул и попытался описать увиденную мной картину. Глаза ангела стали еще круглей.

— Ты увидел кусок моего мира. Как это могло получиться?

Меня заинтересовало как раз не это.

— Кусок чего я увидел?

— Понимаешь, Гэл, у каждого ангела есть свой собственный мир. Такой, как тот захочет, какой сможет представить. И там будет все, что он пожелает. Леса, или море, или степь.

— А где он находится? В Тонком мире?

Энджи отрицательно покачал головой:

— И да и нет. Это сложно объяснить. Он занимает какое-то место в пространстве, но очень тесно связан со мной. Он часть меня, и, если меня не станет, он тоже исчезнет. Я не могу создавать настоящие, материальные миры, которые существовали бы дольше, чем я. Но есть архангелы, которые могут изменять материю. Лепить из нее пространства. Представляешь, какая мощь и энергия им доступна.

— Да. Сильны ребята.

В голове у меня крутилась какая-то еще не до конца оформившаяся мысль. Что-то про энергию. Давным-давно мой ангельский приятель подсказал мне, как увеличить магический потенциал. Мое не высшее демоническое происхождение не позволяло сплетать заклинания высокого порядка. Раньше это меня не беспокоило. Было легко оставаться одним из серых тупиц низшего уровня, но со временем собственная неполноценность начала угнетать. Энджи нашел гениальное решение. Научил пользоваться нестабильной энергетикой Хаоса. Она вполне подходила для заклинаний, но управляться с ней было непросто. Может быть, стоит проделать то же самое и с Атэром?

На мой вопрос ангел отрицательно покачал головой:

— Он человек. Его тело не выдержит напряжения. Тебе самому это непросто. Представь, каково будет ему.

— Но в термах он вышел на мысленную связь со мной!

— Это ты! Открыл канал и дал немного своей силы.

— Даже не собирался.— Обвинить меня в перекачке Атэру энергии ему не удастся. Тем более этого я, действительно, не делал. Хватало воспоминаний, как в одной из прошлых жизней я перелил в ученика слишком много. Человеческое тело действительно не выдержало. Оно просто сгорело. То еще было зрелище!

— Я знаю, что не собирался. Всего лишь слегка увлекся происходящим. Но ему надо развивать свои собственные способности.

— У него их нет. Ты же видишь. Он старается, но все без толку. Вот если бы...

Тут я замолчал, осененный невероятной идеей. Энджи прищурился подозрительно:

— Если бы — что?

— Ничего. Так, неудачная мысль. Не бери в голову.

Естественно, я соврал. Мысль была удачной. В Атэра нельзя перекачивать ни мою, ни ангельскую силу. Это одинаково убийственно для него. Значит, надо научить мальчишку самостоятельно собирать энергию. Много энергии. Столько, чтобы ею можно было пользоваться автономно. Но стягивать ее так, чтобы она не причинила ему вреда. И кажется, я знал, как это можно сделать.

Когда Атэр пришел ко мне в казарму на очередной урок фехтования, я спросил прямо:

— Хочешь научиться магии?

Он опустил меч:

— Конечно, хочу. Но ты же видишь, у меня не получается. Вышло всего два раза: в термах, тогда я говорил с тобой мысленно, и потом с Энджи. Я зажег огненный шарик. Но после этого, когда пробовал сам,— ничего. Глухо. Меня это просто бесит.

Он с ненавистью посмотрел на свое оружие, убрал его в ножны.

— Вот что, Атэр. Идем со мной. Я кое-что скажу тебе.

Я отвел его на край плаца, под одинокий платан. Подросток сел на землю, подобрал колючий шарик-плод и стал рассматривать его... словно невесть какую реликвию.

— Я могу научить тебя.

— Уже слышал,— буркнул он устало.— Бесполезно.

— А ну подвинься. И слушай.

Пока я рассказывал ему про сложность силового обмена, он продолжал пялиться на платановую шишку, потом заинтересовался, повернулся, а затем и вообще не отводил напряженно-внимательного взгляда.

— Каждое существо содержит в себе энергию. Жизненную силу. Ее может быть много или мало. Она может быть грубой или тонкой... Энджи объяснил бы это лучше, но я предпочитаю не вмешивать его. Я хочу научить тебя собирать, стягивать энергию живых существ и использовать ее для колдовского действия.

Атэр запустил пальцы в черные вихры над ушами, уставился в землю.

— И что я смогу делать?

— Убивать, вытягивая из врага всю жизненную силу. Использовать часть выкачанной энергии для простейших боевых приемов. Заклинания ты не сможешь творить по-прежнему, твоя голова, тело — твоя сущность устроена слишком просто для того, чтобы удерживать в памяти канву магического действия.

— Но почему?

— Я могу сейчас воспроизвести формулу телепортации, например. Даже могу написать ее.

Я подобрал ветку, огляделся, нет ли рядом любопытных смертных, и вывел на песке несколько первых знаков. Атэр вздрогнул, непроизвольно схватился за мое плечо. И было отчего. Воздух над схемой начал дрожать, плыть, струиться, как в жаркий полдень, а сами значки стали наполняться светящимся огнем. Я быстро стер их, разровнял песок.

— А теперь представь, что все это находится у тебя в голове. Только цепь символов в четыре раза длиннее. Тебе нужно наполнить их своей силой и активировать в определенной последовательности. Твои мозги просто взорвутся. Поэтому еще раз повторяю, тебе нужно научиться собирать чужую энергию и манипулировать ею.

— Как это выглядит?

Сильная вещь наглядный пример.

— Как выглядит...— По коре платана неторопливо полз жук. Черный усатый короед. Я смахнул его на землю, насекомое свалилось на спину и засучило лапками. Но перевернуться не успело, я вытянул из него всю жизнь. Крошечную теплую капельку. Жук забарахтался сильнее, потом замер, сжался и вдруг рассыпался черными сухими хлопьями.

Атэр снова дернулся, отшатнулся, стукнулся спиной о ствол дерева, посмотрел на меня с отвращением, едва ли не с ужасом.

— И это можно делать со всем?

— Со всем. С растениями, животными, людьми. Даже с демонами. Если потренируешься.

— Даже с демонами,— повторил он. Потом вдруг уткнулся лбом в колени, засопел.— Это ужасно. Теперь я понимаю, почему ты не хочешь впутывать в это Энджи. Он не стал бы учить меня такому.

— Ну, приятель, решай сам. Что тебе дороже — мнение ангела или нечеловеческий магический потенциал. К тому же ты можешь вытягивать не всю силу. Какую-то часть. Оставляй в живых. Не убивай.

Атэр поднял голову, посмотрел на меня с отчаянной надеждой:

— Правда? Так можно? Не до конца?

— Можно. Только менее действенно.

— А ты откуда берешь свою силу?

— Рэйм наполнен ею. Жертвенники Некроса выплескивают тяжелую энергетику постоянно. Я не отхожу от обеденного стола.

— А Энджи?

— Он генерирует свою собственную. Но это очень сложно. Даже для моего понимания.

— Ладно.— Атэр продолжал хмуриться и покусывать губы, но вроде бы принял решение.— Научи меня. Прямо сейчас.

— Хорошо.

Забавно обучать бывшего Господина, Высшего демона, элементарным основам магии. И наверное, правильно, что я не сказал ему о существовании людей, наделенных необъяснимой способностью к искусству

волшебства. Их очень мало, но они есть. К сожалению, Атэр не относился к их числу, и мне не хотелось снижать его самооценку.

Я протянул руку и взял мальчишку за плечо.

Мир вокруг потемнел. А когда стало светлее, оказалось, что мы стоим по щиколотку в песке. До самого горизонта тянутся сухие серые волны пустыни. Солнце в зените.

— Что это?! Где мы? Как жарко! Душно! Я не могу дышать!

Атэр покачнулся, упал на колени. Схватился за грудь. Белая тога на его спине потемнела от пота.

— Это пустыня.— Ответил я честно, сел на горячий песок рядом.— Один из нижних миров. Не очень приятный для человека. Но несмертельный.

— Зачем ты... Мне плохо... Больно! Сделай что-нибудь!

— Я делаю — отключаю твое тело. Оно мне мешает. Нет, конечно, его можно было бы утопить. Но, думаю, это понравится тебе еще меньше.

— Я не могу! Я не хочу! Отпусти меня!

— Если хочешь учиться магии, терпи.

Мальчишка застонал, всхлипнул, ткнулся головой в песок.

— Терпи! Мне было еще больнее!

Он даже не мог себе представить, насколько больно мне было, когда нестабильная энергия Хаоса входила в мое тело. Особенно в первый раз. Правда, Энджи был рядом, помогая поймать нужные волны, он тоже чувствовал мои мучения, и от этого было легче. Немного.

Атэр задыхался и не мог потерять сознание, он рвал на груди тогу, из горла рвался хрип, слезы текли по его щекам, лицо побагровело. Этак, пожалуй, он здесь у меня действительно загнется. Ну где же? Вроде уже пора. Подожду еще минуту, и, если ничего не произойдет, придется возвращаться. И пробовать еще раз. Но к счастью, по истечении этой самой минуты я услышал хриплый клекот. По песку скользнула гигантская тень. Захлопали крылья. И сверху на Атэра упала черная хищная тварь. Кер — вестник смерти, падальщик, убийца, выклевывающий душу из живого существа. Его сморщенное лицо старика с пустыми, слепыми глазами исказилось от жадности и свирепой радости. Сухие ручки, похожие на крысиные лапы, потянулись к жертве, растянувшейся на земле. Отвратное зрелище.

Кер снова заклекотал, его морда вдруг вытянулась, превращаясь в острый клюв. Глаза Атэра широко распахнулись, когда он увидел несущуюся на него тварь, дернулся, всхлипнул. И закричал, когда падальщик ударил его. Прямо в грудь, в солнечное сплетение. Крови не было, но человеческое тело затрясло от боли. Жизненная сила хлестнула из него звенящей, золотистой струей. Вот теперь пора вмешаться. Я вскочил, ударил кера мощным воздушным кулаком, отшвырнул в сто-

рону, схватил мальчишку, потерявшего наконец сознание, и открыл телепорт. Мертвый, выжженный мир исчез.

Теперь мы очутились на поляне рядом с ручьем. Я осторожно опустил Атэра на землю и отошел в сторону. Сначала ничего не происходило, он лежал не шевелясь, дыша тихо, медленно и затрудненно. А потом трава вокруг него стала вянуть, сохнуть, темнеть, рассыпаться в пепел. Мертвый круг ширился, захватил ближайшие кусты, сожрал их, добрался до тонкой акации. Деревце задрожало, уронило на землю высохшие листья. И осталось стоять корявым, обожженным скелетом. Атэр зашевелился, застонал, схватился за грудь, открыл глаза. Несколько секунд смотрел на меня бессмысленным взглядом, а потом, видимо, вспомнил. Вскочил.

— Ты! Гад! Совсем уже?! Что делаешь?! Ты меня чуть не убил! Эта дрянь с крыльями меня чуть не убила!

Замолчал он внезапно. Как будто подавился гневным воплем. Огляделся вокруг, осторожно переступил ногами по сухим хлопьям пепла, устилающим землю. Ощупал свою грудь. Посмотрел на меня испуганным взглядом.

— Как самочувствие?

— Я... не знаю. Что ты сделал?

— Не я. Это сделал кер. Пробил твою оболочку, чтобы выпить жизненную силу. Я позволил ему ранить тебя, но теперь ты можешь собирать для себя энергию.

— Я читал про керов,— прошептал Атэр, пятясь из круга с мертвой травой.— Но так и не понял до конца.

— Твое человеческое энергетическое поле было похоже на замкнутый кокон. Ты не чувствовал окружающую силу других, поэтому не мог ею воспользоваться. Кер пробил дыру в твоем коконе.

— Значит, теперь я такой же, как они?

— Ты такой, какой ты есть! Хватит болтать глупости! Ты хотел обучаться магии! Теперь у тебя есть шанс.

Атэр хмуро кивнул. Снова дотронулся до груди и попросил, не глядя на меня:

— Энджи не говори. Он расстроится.

— Не скажу.

Наивный! Думает, что ангел сам не догадается!

И он догадался.

Если когда-нибудь мой светлый приятель станет боевым ангелом — если такое, конечно, возможно,— в этом будет моя бо-ольшая заслуга. Он был в ярости.

— Гэл, ты соображаешь, что сделал? Ты вообще когда-нибудь думаешь, что делаешь?! — Голубые глаза потемнели, став почти синими, голос приобрел интонации ледяной вежливости.

— Когда-нибудь думаю.— Я отложил меч, который тщательно полировал, на стол, вытер руки.

— Ты пробил дыру в его энергетическом теле! Теперь ему придется постоянно тянуть силу из других, чтобы пополнять иссякающую свою.

— Это называется работа с энергиями.

— Это называется глупость и безответственность! — Ангел расхаживал по комнате, периодически натыкался взглядом на тихого Атэра и морщился, словно видел калеку.

— Он хотел научиться магии!

Партнер отмахнулся от меня, сел на скамью, опустил голову. Боевой задор вышел из него так же внезапно, как и вошел.

— Энджи, ты не волнуйся, — подал голос оробевший ученичок.— Я буду очень осторожен. Я не стану убивать. Пойми, мне нужна магия! Очень!

— Теперь ты должен постоянно контролировать себя. Все время. Каждую минуту. Тебе под силу это?

Мальчишка опустил глаза, не выдержав проницательного ангельского взгляда, ответил тихо:

— Я не знаю. Но буду стараться.

Он старался. Иногда. А иногда наслаждался своими новыми способностями, не думая о последствиях. Я видел, как он, мило улыбаясь, тянет силу из нашего толстого, неповоротливого домовладельца. И тот начинает зевать и сонно хлопать глазами. Или задумчиво стоит возле оливы во дворе, и дерево вдруг начинает ронять листья, словно от засухи. Пару раз я чувствовал, что он пытается вытягивать энергию из меня. И естественно, получил за это по носу. Но я его понимал: трудно сдерживаться, когда из беспомощного смертного превращаешься в особу, приближенную к магической верхушке.

Обучение колдовству пошло веселее. Атэр делал значительные успехи. Заниматься с ним становилось интересно даже учителям. Хотя на ангела периодически находили приступы тоски, вот как сегодня, например. Но он ничего не мог сделать. Воспитанник сделал свой выбор.

Глава 15
ЗАГОВОРЩИКИ

Личный телохранитель лурии Арэлл — преторианец Гай Гратх — насвистывал песенку весьма легкомысленного содержания, поднимаясь по ступеням широкой лестницы отцовского дома — особняка в богатой части Среднего города. Навстречу спускалась молоденькая рабыня. В одной руке она держала корзину, другой придерживала складки хитона, чтобы его длинный подол не волочился по полу. Свежее личико девушки

порозовело от удовольствия, когда она увидела молодого господина. Но тут же опустила ресницы, проплыла мимо, загадочно улыбаясь.

Не с ней ли он столкнулся вчера ночью в саду? Или с другой? Гай едва удержался, чтобы не шлепнуть красотку. Но все же сдержался. Степенно поднялся до самого верха, оглянулся. Рабыня стояла внизу, глядя ему вслед. Поймала благожелательный взгляд господина, фыркнула от смеха и бросилась бежать, обхватив корзину обеими руками. Гай улыбнулся. Значит, все-таки с этой...

И тут снова, совершенно не к месту, вспомнилась Арэлл. У ее золотоволосого статного образа вошло в привычку появляться перед мысленным взором Гая в самые неожиданные моменты и заставлять забыть обо всех остальных простых радостях...

Если быть абсолютно откровенным, воин привык к другим женщинам. Темноволосым, с бархатными удлиненными глазами, подведенными черной краской, с округлым, чуть выдающимся вперед подбородком. С мягкими белыми плечами и нежными руками с ямочками у локтей. В этом сезоне снова вошла в моду приятная полнота, что полностью соответствовало вкусу преторианца.

Элланка была другой. Голубые глаза всегда казались холодными, губы, вместо того чтобы кокетливо улыбаться или в крайнем случае капризно выпячиваться, сжимались сурово — до резкой складки в уголках, более подходящей государственному мужу, чем молодой девушке. Удовольствия раздеть ее Гаю пока не представилось, но и так было ясно, что под длинными хитонами скрывается сильное и стройное тело. Амазонка, быть может, танцовщица храма, но никак не соблазнительная нимфа. Она не должна была привлекать его. Ни внешностью, ни бешеным темпераментом. И все же... Думать о ней было мучительно, не думать — невозможно.

— Брат! — прозвучал за спиной повелительный голос.

Преторианец оглянулся. Тиберий Гратх, народный трибун, стоял у подножия лестницы, и вид его не предвещал слов радости.

— Покажи, что висит у тебя на шее.

Гай спустился. Спокойно, вызывающе медленно распахнул на груди трабею.

«Так и есть, можно было не сомневаться. Висит на цепочке тонкий медальон тайной секты демоноборцев. Совсем обнаглели мальчишки! Забыли об осторожности, возомнив себя великими борцами за справедливость». Тиберий протянул руку, схватил витой металлический шнурок, висящий на шее младшего брата, и резко дернул. Слишком резко и слишком сильно, медные звенья лопнули, оставив на коже красную полосу.

Затем нужно было размахнуться и влепить зарвавшемуся мальчишке хорошую пощечину. Как в детстве, которое закончилось у Гая всего каких-то десять лет назад. Но вместо этого трибун швырнул медальон

в глубокий пруд, до половины заросший ряской. Глухо булькнув, медный кружок ушел под воду.

— Не нужно дразнить волков.

— И это говоришь мне ты...— Красивые губы брата упрямо изогнулись. На виске часто забилась тонкая голубая вена. На скулах проступили два красных пятна. Родовое проклятие Гратхов — горячая кровь, при малейшем волнении наполняющая голову тяжелым багровым туманом. Растворяющая в себе страх, нерешительность и беспокойство. Помогает в бою и мешает в мирной жизни. Еще как мешает. Сам Тиберий слишком долго учился остужать этот кипяток.

До него уже дошел слух, как Гай бросился защищать невесту наследника, эту девчонку Арэлл, от Высшего демона. Горячая кровь взыграла в дурной голове.

— И это говорю тебе *я*. Ты слишком молод и слишком самонадеян, чтобы лезть в большую политику.

— Я не лезу в политику! Я...

— Кто позволил тебе становиться на пути Высшего демона?! Да, не спорю, твоя голова достаточно хороша для того, чтобы украсить собой главный жертвенник...

Красные пятна на щеках младшего брата посветлели, слились с румянцем.

— Он хотел оскорбить Арэлл.

— И ты, несомненно, помешал ему. Отвечай, помешал?!

— Нет.— Гай опустил взгляд.— Но я должен защищать ее!

— Попытайся защитить ее хотя бы от собственной глупости.

Тиберий отвернулся и пошел в беседку, куда расторопные рабы уже внесли столик с легкой закуской и прохладительными напитками. Прилег на узкое ложе. Левая нога, слава Фортуне, пока не болела. И, если дать ей роздых, не будет беспокоить целую неделю.

Гай стоял у беседки, явно раздумывая, что сделать — гордо удалиться или присоединиться к брату в его полуденном отдыхе. Тиберий поудобнее устроил больную ногу на подушке, налил воды в чашу... Мальчишка постоял еще немного и поднялся по ступенькам наверх.

— Брат, я хотел поговорить с тобой.

— Слушаю.— Тиберий улыбнулся про себя.

— Как ты думаешь, если она станет императрицей...

— Она не станет.

— *Если* станет.

— Гай, это восемнадцатилетняя девушка.

— Она хочет все изменить. Она говорит почти то же самое, что говоришь ты. Теми же словами. Если бы ты поговорил с ней...

— Я не буду с ней говорить.

— Преторианцы готовы поддержать ее.

— Преторианцы посадили на трон четверых императоров. Четверых! — Тиберий для наглядности показал четыре пальца.— Одного за другим. И убивали. Каждого предыдущего ради награды, которую обещал следующий.

— Сейчас все будет не так!

— Я вижу одно — ты влюблен по уши. И готов совершить государственный переворот, лишь бы Клавдий не получил ее.

— Нет! То есть не только поэтому.

— Даже если Арэлл станет императрицей, она ничего не сможет сделать. Ей не позволят. Ты думаешь, Некрос разрешит ей менять установившийся порядок?

— С Некросом можно договориться, — менее уверенно произнес Гай.

— Зачем ему менять одного человеческого правителя на другого? Его устраивает Транквил. У Арэлл нет ничего, чем она могла бы заинтересовать Высшего. Впрочем, нет. Есть. Она красивая женщина. И если правильно поведет себя...

— Только не это! — Гай вскочил, едва не опрокинув столик.

— Вы не думали об этом, не так ли?

— Мы ничего, ничего не можем сделать сами! Все по указке этих...

— Успокойся. Хватит метаться. Скажи лучше, чем преторианцам не угодил император? Почему они хотят заменить его?

— Он хочет приносить в жертву солдат из нашей когорты. Надо быть совершенно безумным, чтобы резать здоровых, дееспособных воинов!

— Я слышал об этом.— Тиберий качнул чашей, наблюдая, как плещется в ней вода.— А Клавдий? Я не верю, что ему предпочтут чужестранку, элланку...

— Да,— нехотя согласился Гай, потирая шею, на которой все еще был заметен красный след от цепочки.— Большинство хочет видеть императором Клавдия. Но кое-кто...

— Кое-кто — это ты и еще человек десять молодых идиотов из хороших семей, которые возомнили себя освободителями человечества от темного ига?

— Как ты можешь насмехаться над этим?! Ты же народный трибун! Твоя должность обязывает...

— Оставь в покое мою должность. Моя беда в том, что я привык добросовестно выполнять свою работу. А на твоем месте,— Тиберий жестом велел брату наклониться ближе,— я бы договаривался не с Некросом, а с Друзлтом. Ведь он владелец Эллиды, так? Если он хочет расширить сферу своего влияния на Рэймскую империю, это можно попытаться сделать, посадив на трон Арэлл.

— Тогда мы просто посадим себе на шею вместо одного Высшего другого.

— А иначе невозможно, мой мальчик. Единственное, что я могу для тебя сделать — пойти к императору и попробовать убедить его не приносить в жертву преторианцев. Кстати, что говорит ваш префект?

— Орет как раненый вепрь.— Гай улыбнулся.— Сначала грозился в двадцать четыре часа вывести все подразделения из Рэйма, если у императора не пройдет его дурь. Теперь сидит у себя в имении. Пьет вторые сутки и строит заговор.

— Ясно.— Тиберий поднялся.— Значит, мне следует навестить Мария.

Преторианец кивнул, проводил взглядом старшего брата, медленно спускающегося по ступеням. Опять хромает. Значит, будет мучиться всю ночь. Гай дождался, когда он скроется из вида, и сам выбрался из беседки.

Младший Гратх медленно вошел к себе в спальню. Там на стене, за сдвигающимся в сторону барельефом, на котором древние боги пытались приручить еще более древнюю химеру, в маленькой нише стояла резная шкатулка. Кроме обычных серебряных и золотых перстней и фибул в ней лежал круглый медный медальон. Отличительный знак секты демоноборцев. Теперь его можно вытащить и надеть вместо прежнего, отнятого братом. Тиберий подтвердил всю полноту своей власти, вышвырнув амулет в пруд, и успокоится на некоторое время. Не будет надоедать нравоучениями.

Гай повесил цепочку на шею, убрал под тогу медный кружок. Потом вынул шкатулку. За ней стоял флакон из зеленого стекла, наполовину пустой. Скоро нужно будет заказывать новое зелье. Волшебный напиток давал возможность три дня подряд проводить на ногах без отдыха. Он мог стоять у покоев лурии Арэлл, часами не сдвигаясь с места, даже не шевелясь. Но когда было нужно, зелье давало силу, превышающую человеческую, ловкость, мгновенную реакцию и удивительную выносливость. Естественно, Тиберий запрещал «злоупотреблять» средством и красочно описывал, что будет с братом лет через десять, если тот не прекратит «травить себя демоническими зельями».

«Еще десять лет. Я столько точно не проживу,— думал Гай, взвешивая на ладони тяжелый флакон.— Год — вот срок, на который можно загадывать вперед». А три дня, в течение которых его реакция становилась нечеловечески совершенной, стоили того, чтобы рисковать... То есть он считал, что она совершенна. До тех пор, пока не встретился с Гэлом Нумидийцем.

Гай нахмурился. Убрал зелье обратно в нишу, вернул шкатулку на место, задвинул барельеф. С этим Гэлом нужно будет разобраться. Но не теперь, позже.

А кроме него есть еще одна заноза — Валерий Октавиан, которого «все называют Атэром».

Нет, с его существованием можно было бы смириться — невелика перепелка. Но то, как он в открытую увивается вокруг Арэлл, терпеть

стало невозможно. Молодой проходимец *ухаживал* за золотоволосой царственной элланкой. Ничего смешнее Гай даже представить себе не мог.

На второй же день после своего появления Атэр ухитрился довести Гая до бешенства. Преторианец, как обычно, стоял на своем месте у двери покоев невесты Клавдия. Сама лурия еще не вышла. Пользуясь ее отсутствием, мальчишка развалился на полу, поставил рядом с собой блюдо с фруктами и жадно лопал персики. При этом он весьма недружелюбно поглядывал на телохранителя и нагло усмехался. Обращать на него внимание не стоило, но Гай постепенно начинал злиться.

— Эй! А ты что, внутри такой же медный, как и снаружи? — невнятно произнес Атэр, проглотил кусок персика и вытащил изо рта косточку. Лениво замахнулся и бросил ее в Гая. Раздался стук о нагрудную пластину лорики и косточка упала на пол.

В следующее мгновение преторианец «ожил» и оказался рядом с наглецом. Тот даже не успел дернуться, чтобы вскочить, как был прижат к полу «пяткой» тяжелого копья.

— Эй! Эй, ты что?! — Мальчишка задергался, пытаясь освободиться, вцепился обеими руками в древко.— Ты что делаешь?!

Гай, не отвечая, смотрел на него сверху вниз, наслаждаясь беспомощностью молодого выскочки. Нажал чуть сильнее. С удовольствием прислушался к возмущенным воплям поверженного соперника. Потом поднял копье, но только для того, чтобы повернуть его острием к горлу Атэра. Тот отчего-то замолчал, глядя немигающим взглядом на заточенное острие и гневно дыша. Преторианец наклонился, сгреб в кулак край белоснежной тоги мальчишки, не спеша вытер пятно на лорике и снизошел до предупреждения:

— В следующий раз вытру это твоей смазливой физиономией.

Когда Гай убрал копье, Атэр вскочил, сжимая кулаки. Его лицо перекосило от ярости, но связываться с телохранителем второй раз неглупый мальчик не захотел. Наподдал ногой блюдо с фруктами, выругался (причем из пяти слов, которые он произнес, младший Гратх знал только два). Принялся поправлять сбившуюся тогу, и вдруг между белых помятых складок мелькнул медальон.

— Стой! — Знакомый рисунок... Внутренне холодея от неприятного предчувствия, Гай схватил его за плечо, развернул к себе.— Что это у тебя? Покажи.

— Да пошел ты, извращенец! Убери руки!

Подросток попытался вырваться, но преторианец уже держал на ладони амулет. Медный круглый талисман секты демоноборцев.

Откуда мальчишка мог его взять? Найти, украсть или...

— Где ты это взял?

— Не твое дело!

— Говори!

— А пошел ты!

Очень хотелось схватить его за шею и потрясти как следует, а еще лучше повозить физиономией по полу. Но Гай выпустил наглеца, отступил на шаг и, подцепив цепочку, висящую на шее, вытянул из-под лорики свой собственный медальон. Сурово сведенные брови Атэра стали медленно подниматься в изумлении, рука непроизвольно потянулась к медному кружку — прикоснуться, убедиться, что это не обман. Недоверие, удивление, понимание попеременно промелькнули на его лице.

— Ты... тоже...— В голосе мальчишки не было особой радости по поводу причастности преторианца к тайной секте, но прозвучало что-то вроде облегчения.

— Да.

— Она знает? — Кивок в сторону покоев Арэлл.

— Нет. Пока нет.

— Я думал, здесь нет никого из... наших.— Атэр убрал медальон под тогу, хмуро посмотрел исподлобья.— Сколько вас?

— Думаешь, я выложу все сведения первому встречному, пусть даже со знаком на шее?

— Я тоже не воспылал к тебе любовью с первого взгляда.

Изумление и мимолетное чувство товарищества прошло, оба обменялись угрюмыми взглядами, оценивая друг друга. И Гай должен был признаться, что у мальчишки есть несомненные достоинства: кроме самоуверенности и хорошо подвешенного языка еще и вполне привлекательная внешность. Судя по недовольной физиономии Атэра, тот тоже нашел в сопернике нечто достойное. Поэтому, когда Арэлл вышла из своих покоев, они все еще молча стояли один против другого.

Невеста Клавдия сразу увидела разбросанные по полу фрукты, заляпанную соком тогу эллана, его сжатые в тонкую линию губы и красные гневные пятна на щеках Гая. Ее светлые брови на мгновение почти сошлись у точеной переносицы.

— Что здесь произошло?

— Ничего, божественная.— Атэр тут же заулыбался, жестом истинного патриция забрасывая конец помятой тоги через плечо.

— Я просила тебя не называть меня так,— устало произнесла Арэлл.

— Как прикажешь, лучезарная! — Улыбка мальчишки стала еще восторженнее. Дьявол его забери! Демоноборец сопливый! Гаю легче было поверить, что он стащил заветный медальон, чем представить одним из заговорщиков.

Преторианец сделал мучительное душевное усилие и постарался быть объективным. Хорошо, что появился еще один союзник. Им нужны новые люди. Надежные, сильные, выдержанные. Атэр, сидящий на полу у ног Арэлл, вскинул голову, почувствовав пристальный взгляд сообщника. Прищурился. Отвернулся. Потом снова поднял голову. Высокомерное выражение на смазливой физиономии сменилось жадным любопытством. Он тоже хотел поговорить. Встреча с единомышленником

на «вражеской» территории была большой удачей. Хотя бы на время стоило забыть о взаимной неприязни.

Арэлл, просматривающая длинный свиток неизвестного содержания, не замечала этих переглядываний. Она хмурилась, покусывала нижнюю губу, и, судя по тому, как быстро, нервно скручивала верхний край свитка, содержание его было не слишком приятным. Гай дождался, пока Атэр в очередной раз повернется, и указал взглядом на элланку. Мальчишка кивнул, выдержал короткую паузу и произнес бархатным, певучим голосом:

— Лурия Арэлл, я вижу, вас расстроило это сочинение? Может быть, развлечь вас чем-нибудь более приятным, чем чтение?

— Нет,— резко ответила она, не обращая внимания на медоточивые намеки малолетнего соблазнителя.

Он придвинулся ближе, стараясь заглянуть в свиток.

— Но я думаю...

— Атэр, ты мне мешаешь!

Похоже, Арэлл пребывала в состоянии легкого раздражения, которое от любого лишнего слова могло перейти в приступ неконтролируемой ярости. Гай улыбнулся, готовясь насладиться выволочкой, которую устроят назойливому поклоннику.

— Я читал Поликлета,— небрежно заявил эллан, еще раз заглядывая в пергамент.— По-моему, то, что он пишет, полный бред, особенно эта часть, про демонов.

— Ты читал Поликлета?

Арэлл уронила свиток на колени и посмотрела на Атэра так, словно перед ней вместо лохматого мальчишки появился сам великий историк прошлого. Эллан дал полюбоваться на себя несколько мгновений и скромно потупил нахальные глаза.

— Да. Кое-что.

Он лениво приподнялся, заглянул в свиток, при этом как будто случайно дотронувшись до локтя лурии. Гай крепче сжал древко копья— желание хорошенько проучить наглеца стало едва выносимым.

— Трактат о демонах я тоже читал.

На лице Арэлл появилось выражение любопытства и нетерпения.

— И что ты думаешь о нем?

— Чушь. По-моему, все это чушь. Пустые рассуждения. Болтовня. Ну вы понимаете, как это бывает, когда человек пишет только то, что ему приказали.

— Атэр! — Девушка внезапно швырнула свиток, который отлетел в сторону, пачкаясь в ягодном соке, наклонилась, схватила мальчишку за руку. Тот вздрогнул от неожиданности — еще не привык к пылкому, порывистому нраву Арэлл.— Ты знаешь больше?

Он помолчал, взглянул на Гая, и тот едва заметно отрицательно качнул головой. Нет, еще рано. С ней говорить рано...

Этим же вечером слоняющийся без дела, сонно позевывающий эллан был схвачен за шкирку и втащен в маленькую потайную комнату, скрытую за статуей.

— Тихо! — зловеще прошептал Гай, прежде чем подросток решил, что пора звать на помощь.— Нужно поговорить.

— Так и знал, что ты извращенец,— на удивление спокойно отозвался Атэр, выдергивая из рук воина край тоги.

— Откуда ты?

Мальчик понял вопрос правильно, не ощетинился, как обычно, не стал огрызаться.

— Смирта. Тебе это что-нибудь говорит?

— Нет.

— Еще бы. Маленький городок на западе Эллиды. Скалы, море, кривые сосны. Дико красиво.

В комнатке было полутемно. Окно под потолком давало совсем мало света, хотя луна сегодня была огромной и яркой. Они почти не видели друг друга, поэтому говорить оказалось легко.

— Сколько вас?

— Пятнадцать.

— Мало.

— А вас?

— Шесть.

— Ха!

— Я и говорю, мало.

— Зато у вас есть Арэлл.

Арэлл спала в покоях за стеной, не зная, что они говорят о ней, стоя плечом к плечу в полутьме.

— Она одержима идеей уничтожения демонов.

Атэр рассмеялся тихо, потер запястье, на котором должны были остаться следы пальцев элланки.

— Я понял. Мы должны помочь ей.

— Хм...

— И я знаю как. Нужно только немного времени.

— Что ты можешь знать?!

— Кое-что.— Мальчишка рассмеялся, хлопнул телохранителя по лорике на груди и вышел из каморки.

Ничего он не мог знать. Во всяком случае, не больше Гая.

Жизнь людей принадлежала демонам. И они в любое мгновение могли потребовать ее. Поэтому нужно было пользоваться каждым новым днем. Проживать его так, чтобы к вечеру вместо души в груди оставалась только горстка пепла, чтобы нечему было болеть от тоски и бессмысленности своего существования. Еще — можно дрожать от страха, подчиняться ему, позволять вести себя, просчитывая, когда следует спря-

таться за чужую спину, а когда — выбраться на свет. Гай знал разных людей. Одни пировали на собственной могиле, другие ползали у ног демонических хозяев, третьи думали, что заключают с ними сделки ради власти и денег.

— Природа человека такова, что требует постоянного властвования над собой,— так говорил учитель десятилетнему Гаю, расхаживая перед ним по комнате для занятий и неторопливо почесывая спину кончиком стило.— Люди слабы, беспомощны, ленивы, нуждаются в ярме, вожжах и шорах, которые не позволяют им отклониться от намеченного пути и предаваться лени.— Обратимся к природе.— Наставник сделал плавный жест в сторону окна. Гай послушно повернул голову в ту сторону.— Ее пример показывает нам, как разумно все устроено в мире. Зайцы пасутся на лугах и полях, поедают кору с деревьев. Если позволить им размножаться, они пожрут все всходы и погибнут от голода. Но мудрая природа создала хищников. Волки и лисы сохраняют порядок, настигая слабых и не давая остальным пребывать в губительном для них покое. Растолкуй эту аллегорию.

— Демоны — волки, люди — зайцы,— пробормотал Гай, тупо глядя в стол.

— Совершенно верно. Демоны своей помощью в правлении и разумным террором удерживают нас от лени и вырождения.

Речь учителя текла плавно, убаюкивающе. Но Гай сидел, стиснув руки под столом так, что немели пальцы. «Разумный террор»! «Удерживают от лени и вырождения»!

...Брата привезли с последней войны, которая была устроена во имя этого террора. Внесли в дом, переложили с носилок на кровать. Худое лицо заросло черной щетиной, нос заострился, глаза запали, вокруг них страшные темные круги. Большие, тяжелые, узловатые руки лежали поверх пурпурного покрывала, а нога была замотана бурыми от крови тряпками. Когда их отдирали от раны, Тиберий кричал от боли. У него уже не хватало сил на то, чтобы мужественно, молча переносить страдания. Как герои легенд, которыми зачитывался Гай.

Их было пять тысяч против пятнадцати. Люди против людей, умирающие ради прихоти Высшего демона, которому нужна их жизненная сила и энергия. Много. Сразу. А обычное жертвоприношение не могло дать достаточного количества.

Тиберий хромает до сих пор. Иногда стонет во сне. И все это для того, чтобы люди «не пребывали в губительном для них покое»?! Гай смотрел на рэймлян, и они иногда казались ему мертвыми. Ходили, говорили, ели, любили, но все равно были приговорены. Как они могли жить, зная, что в любое мгновение их уничтожат без смысла и сочувствия. Во время Малых сенполий или Больших. Одним из тысячи известных способов...

— Нет! — Гай стукнул кулаком по стене.— Я хочу жить! Сам! Как хочу!

Не тупеть от страха и равнодушия. Не ждать, когда придут, чтобы отвести к алтарю и зарезать, словно свинью, во славу темных хозяев! Он хотел жить.

Глава 16
НАРОДНЫЙ ТРИБУН

Особняк военного префекта преторианцев — Адриана Мария — был расположен на противоположном от дома Тиберия конце Рэйма. И старший Гратх с неудовольствием подумал о том, что придется брать носилки, чтобы добраться до него.

Нога пока не болела, но голень уже начинало холодить. Это значит, весь следующий день придется провести в термах, греть недужную конечность и прикладывать целебные мази. А если и это не поможет, что бывало нередко, Тиберию предстояли недели нудной боли, медленно переползающей от коленного сустава к лодыжке. Стало быть, остается только сегодняшний. Нужно успеть.

Стараясь не опуститься до старческого кряхтения, Тиберий забрался в крытые носилки, задернул занавески. Крепкие рабы бережно подняли их и понесли по улице, положив шесты себе на плечи.

Гратх ненавидел Рэйм. Жара, бессмысленная беготня, суета, раскаленный камень стен, чахлые деревья, черные монолиты храмов, давящие своей мрачной величественностью. Но он не мог прожить и месяца в загородном имении. Тянуло обратно. В жару, пыль, к толпам. Не выдерживал сонной, размеренной жизни, казалось, что время уходит впустую. В Рэйме была хотя бы видимость движения вперед.

В послеобеденный час Средний город казался тихим и молчаливым. Все уважающие себя жители зажиточного района предавались блаженной лени, пережидая жару. Улицы опустели. Только у терм Аппия носилки обогнал патруль городской когорты. Один из солдат, вытянув с любопытством шею, попытался рассмотреть, кто сидит внутри, увидел народного трибуна и смущенно отшатнулся.

На территории, прилегающей к Скаврскому храму, не обращая внимания на полуденное пекло, тренировались послушники в кожаных туниках. Молча, сосредоточенно рубились на мечах. Тиберий откинулся на спинку сиденья, борясь с желанием задернуть занавески.

У нового особняка сенатора Порция Ферста молодой раб в льняном переднике мыл статую. Струйки воды стекали по белому мраморному телу обнаженной нимфы, падали на серую мостовую и мутными ручейками утекали вниз по улице.

За поворотом началась тенистая платановая аллея, ведущая к мосту через Лигис. Повеяло речной свежестью, и сразу стало легче дышать.

Адриан жил в особняке, стоящем на окраине военного города, на другой стороне реки. В окружении роскошного, но несколько запущенного сада. Его дом встретил народного трибуна удивительной тишиной и пустотой. Тиберий, оставив рабов с паланкином в прохладном портике перед входом, прошел прямо к хозяину.

Префект возлежал за столом, предаваясь печали. Перед ним стоял объемный кратер, чаши и блюда. Мраморная столешница залита неразбавленным вином и завалена объедками разной степени давности.

Адриан Марий был багров лицом и мрачен настроением. Он действительно чем-то напоминал кабана. Мощный загривок, короткая жесткая щетина волос надо лбом, широкая физиономия с массивной нижней челюстью и неожиданно яркие голубые глаза под кустистыми бровями. Тонкая льняная тога с пурпурной полосой была обмотана вокруг его мощного тела, едва помещающегося на скамье, и местами сохранила белый цвет. Большая же часть ткани оказалась заляпана вином и соусами. По-детски голубые глаза почти пропали в опухших веках, длинный нос покраснел.

Напротив трапезного стола, на подставке, лежало несколько золотых триумфальных венков, тут же стоял бронзовый парадный панцирь Адриана с полным набором военных знаков, вышитых золотом. И в довершение к этой коллекции у стены — штандарт когорты преторианцев с крылатым драконом на верхушке.

— А, Тиберий! — зычным голосом возвестил префект.— Старый мерин! Возляг со мной, друг! Ливия, тащи еще вина!

Заплаканная миловидная девушка принесла кувшин, жалобно взглянула на гостя и удалилась, вытирая глаза длинным рукавом хитона.

— Ты пьян как последняя скотина,— дружелюбно отозвался народный трибун, расчищая себе место на соседней скамье.

— Сегодня можно. Сегодня у меня траур.

— Судя по твоему виду, траур продолжается по меньшей мере неделю.— Тиберий поднял подушку и протер ею липкий от вина стол перед собой.— В чем трагедия?

— Вот,— Адриан широким жестом обвел комнату,— вином и слезами смываю позор, опустившийся на мою когорту. Все, нет больше славных преторианцев. Моих мальчиков приравняли к свиньям и толпой гонят под нож... Ливия!

Появилась все та же девушка, но с новым кувшином, поставила его на край стола, всхлипнула. Адриан приподнялся, схватил ее за руку, посадил себе на колени, обнял, прижал темноволосую головку к своей груди.

— Плачь, девочка. Плачь, сегодня я разрешаю.— И сам, расчувствовавшись, затрясся в рыданиях.

Некоторое время Тиберий молча наблюдал за сценой всеобщей скорби, потом придвинул к себе чашу с водой, плеснул туда вина, поболтал.

— Мне тоже налей,— неожиданно трезвым голосом произнес префект, выпустил Ливию и потянулся к кувшину.— Не поверишь. Пью вторые сутки и ничего. Только голова трещит, а хмель не берет. Сижу — как могильщик. Выбираю. Тот или этот.

Он вытащил из-под подушек свиток и стило. Списки преторианцев— догадался Тиберий.

— Нужно пять человек. Кого я ему отдам?! У меня все как на подбор. Один лучше другого.— Адриан швырнул список на пол и подпер голову кулаком.

— Значит, слухи...

— Какие слухи! — Снова заорал претор, выпучив глаза.— Слухи! Вон стоит штандарт преторианцев. Сделай одолжение, пойди и преломи его через колено. Он больше никому не нужен!

— Транквил действительно собирается приносить в жертву воинов императорской гвардии?

— Этот старый хрен растерял последние мозги! Ливия, пошла вон отсюда! — Девушка, потихоньку попытавшаяся прибраться на столе, выбежала из комнаты.— Он хочет пустить под нож отборные войска, лучших бойцов.

— Демоны требуют новых жертв.

— Демонам хватало рабов,— отрезал Адриан, потом как будто слегка успокоился, нахмурился, полез под стол, вытащил свиток.— Твой брат тоже, кстати, в списке.

— Знаю. Поэтому считаю, что пришло время изменить кое-что.

— Что? — Претор навалился животом на столешницу, чтобы быть ближе к гостю.

— У тебя здесь можно вслух обсуждать дела?

Адриан усмехнулся:

— Я всех отослал. В доме только Ливия, а она мне как дочь. Можешь говорить.

— Сколько раз преторианцы меняли императора?

— Дай подумать... трижды. Нет, четырежды. Включая деда теперешнего... Думаешь, пришло время продолжить славную традицию?

— Тебе виднее. Режут твоих людей... И, думаю, Клавдий будет счастлив занять место своего отца.

— Клавдий — дерьмо! Жалкий огрызок! Трусливая тварь. Ничтожество. Дегенерат.

— Ясно. А как тебе лурия Арэлл?

— Эта вертихвостка из Эллиды? Я видел ее. Она сиганула за борт «Гиеронта», когда Клавдий хотел заставить ее танцевать перед гостями.— Лицо префекта собралось смешливыми складками, живот под тогой

заколыхался от сдерживаемого смеха.— Решительная девица. Но она чужестранка.

— Бабка императора была из Нита. И она правила десять лет. Одна.

— Ее поддерживал Некрос.— Как только речь зашла о демонах, Марий стал серьезным.— Если у Арэлл хватит ума, чтобы добиться его расположения, и если темный Повелитель не будет возражать против смены императора... Но сначала она должна выйти замуж за Клавдия.

— Ладно. Сейчас я пойду к Помпею. Может быть, удастся убедить его не резать преторианцев.

Префект кивнул:

— Ну попробуй, попытайся. Может, получится,— и снова повалился на скамью.

Тиберий, не попрощавшись, прихрамывая, направился к выходу. И уже через закрытую дверь услышал, как Адриан кричит:

— Ливия! Чистую тогу! Воды! И убери здесь все! Штандарт не трогай!

Значит, пришел в себя.

Следующая, менее приятная поездка предполагалась в Претикапий, который возвышался на противоположном берегу реки. Блистательный и величественный.

К императору удалось попасть не сразу. Сначала пришлось унизительно долго ждать, сидя в просторном холле, украшенном рядом колонн. Тиберий сел на скамью, прислонился спиной и плечами к прохладной стене, вытянул ногу, начинающую поднывать в колене, закрыл глаза.

Все, что он делал, было ради Гая. Трудно в сорок лет, не имея семьи, оставаться равнодушным к желаниям младшего брата. Тиберий постарался, чтобы тот получил все, что он только мог дать. В том числе и самую надежную защиту. Преторианцы были истинной военной элитой. Они считались самыми дорогими воинами в стране. Все получили прекрасную физическую подготовку и лучшее вооружение, были избавлены от налогов и имели постоянное неплохое жалованье. Но при этом редко принимали участие в настоящих военных действиях. А если даже и попадали на войну — только в случае ведения боевых действий лично правителем Рэйма,— гибли гораздо реже, чем солдаты всех остальных родов войск. Императоры держали эти элитные войска для себя. Своей персональной охраны. А также для того, чтобы не давать в обиду самих преторианцев, в большинстве своем детей знатных патрициев. Именно поэтому в их число не попадали случайные люди.

Но сейчас народный трибун мучительно размышлял над тем, что младший брат, как и другие «драконы», может пострадать именно из-за своей «элитности». Если с Гаем что-нибудь случится, он никогда не простит себе этого... «Нет! — Тиберий резко прервал внутренний диа-

лог.— Пока не следует бояться за его жизнь. Есть надежда, что телохранителя невесты наследника не зарежут в числе первых».

— Лурий Тиберий...— прозвучало рядом тихо. Гратх открыл глаза. Раб почтительно поклонился, извиняясь за то, что нарушил его отдых.— Император ждет вас.

Народный трибун кивнул, поднялся и медленно вошел в покои правителя.

Здесь было полутемно. После ярко освещенного коридора некоторое время пришлось привыкать к сумраку. Потом глаза притерпелись, и Тиберий смог разглядеть Транквила Помпея.

Тот сидел на золотом троне неестественно прямо, как будто к его позвоночнику была привязана палка. Глаза закрыты, остатки волос уложены жидкими волнами, опухшее лицо кажется серым. Тога, прошитая золотыми нитями, топорщится острыми складками.

«А ведь он ненамного старше меня»,— подумал Тиберий, рассматривая старика на троне. Кто бы мог подумать сейчас, что когда-то этот человек по несколько суток не слезал с коня посреди бесконечных полей Западной Эскарны, отдавая приказы сиплым, сорванным голосом.

— Транквил,— позвал он негромко. Никакого ответа. Пришлось повысить голос: — Транквил!

Морщинистые веки старика медленно поднялись.

— Я слышу тебя,— произнес император. Медленно. Монотонно.— Говори.

Похоже, он возомнил себя одним из высших божеств. Значит, слухи верны. Чувствуя первую волну бешенства, Тиберий подошел ближе.

— Ты приказал приносить преторианцев в жертву?! — Это было совсем не то, с чего он хотел начать разговор. Но иначе уже не получалось.

Император снова закрыл глаза.

— Они сильны, молоды. У них много энергии. Они не хотят умирать. Нужны именно такие. Кто очень тесно связан с жизнью.

— Зачем это нужно тебе?

Неожиданно Помпей съежился на своем троне, втянул голову в плечи, заговорил испуганным голосом:

— Я ничего не могу сделать, Тиберий. Совсем ничего. Я больше не распоряжаюсь в собственном доме. Демоны приказывают, что мне делать, контролируют каждый шаг. Я все время чувствую их мысли. Здесь...— Император дотронулся дрожащей ладонью до своего лба.— Мне жаль преторианцев. Но они нужны Некросу.

— Ты сойдешь с ума,— Гратх подошел еще ближе, обеими руками взялся за ручки трона, наклонился к трясущемуся старику,— лишишься последних остатков своей воли.

— Я не знаю, как избежать этого.

— Для начала отмени приказ. Не позволяй убивать твоих солдат.

— Они должны умереть! — Голос императора окреп. Он снова выпрямился на троне.— Это достойная жертва.

— Ты, конечно, понимаешь, что настраиваешь против себя всю военную верхушку?

Тот не ответил. Его взгляд стал пустым, мутным. Казалось, он прислушивается к звукам, раздающимся в голове. А может быть, действительно слышал приказы демонов, поселившихся в его собственном мозгу.

— Транквил!

— Оставьте его, лурий Тиберий.— Тихий, мурлыкающий голос прозвучал из-за спинки трона. А потом Гратху показалось, что одна из теней, лежащих на полу, ожила, поднялась, приобретая контуры обнаженного соблазнительного женского тела.— Император не хочет больше говорить с вами.

Девушка выбралась на свет, стали видны полосы и пятна грима на ее коже, золоченые остроконечные уши на голове. Она подползла к подножию трона, растянулась на полу, одной рукой обнимая императора за ноги, другой поглаживая его ладонь.

— Он очень устал.

— Да, котеночек,— расслабленно пробормотал Транквил.— Я очень устал.

— Что значат несколько жизней преторианцев по сравнению со спокойствием императора,— продолжала мурлыкать девица, оглаживая колени своего господина. Ее длинные ногти отсвечивали красным. Будто она, как настоящая кошка, разорвала несколько перепелок и окунула пальцы в кровь.— Они умрут, а наш сиятельный правитель снова сможет спокойно спать. Ему больше не будут сниться кошмары.

Несколько мгновений Тиберий смотрел на эту безумную пару. На цинично равнодушную демоницу-кошку, нагло развалившуюся возле трона и лоснящуюся от жирного масла, размазанного по гладкой коже. На отвратительного старика, трясущегося от страха и вожделения...

Трибун молча развернулся и пошел к выходу.

Императора будет несложно убить. Он уже мертв. Осталось только успокоить его тело.

Глава 17
«ИМПЕРАТРИЦА»

Ни один день жизни Гая теперь не проходил без стычек с Атэром, и через некоторое, весьма непродолжительное время младший Гратх понял, что с огромным наслаждением утопил бы эллана в императорском пруду. Нет, пожалуй, пруд слишком хорош для этого щенка. Лучше спустить его в канализацию.

Демоноборец сопливый!

Хотя, если быть объективным, нужно признать, что в мальчишке действительно чувствовалось нечто... необычное. Странное. Привлекательное и отталкивающее одновременно.

Преторианец стоял, наблюдая, как Атэр и Арэлл играют в мяч. Зрелище, требующее колоссальной выдержки, ледяного внутреннего спокойствия.

Они носились по залу, перебрасывая друг другу легкий войлочный мяч. Элланка хохотала, не обращая внимания на растрепанные волосы, золотой шелестящей копной мотающиеся по спине, тыльной стороной ладони вытирала потный лоб, одергивала тунику, постоянно открывающую колени, и не замечала жадных взглядов Атэра. А может, и замечала, только делала вид, что не видит, как он смотрит на нее, как норовит задеть плечом ее плечо, украдкой прикоснуться к волосам. Строила наивную дурочку, наслаждаясь вниманием двух идиотов. Одного — малолетнего, другого — прикованного к своему посту и вынужденного молча беситься, наблюдая, что вытворяет наглый соперник.

Мальчишка ей нравился. Определенно нравился. Молодой, пылкий, настойчивый.

Гай крепче сжал копье потной ладонью, когда после особенно удачно заброшенного мяча Арэлл поцеловала эллана. В шутку. Как будто в шутку. Всего лишь слегка прикоснулась приоткрытыми губами к его губам. Правда, тут же взъерошила его волосы, что предполагало несерьезное, даже слегка легкомысленное отношение к подростку. Но преторианец мгновенно почувствовал черную, жгучую волну, медленно поднимающуюся из живота и скручивающую по дороге все внутренности. Жар дошел до лица, превращая его в твердую, застывшую маску. Горло пересохло, и даже глазам стало горячо.

Арэлл играет, не понимая, что мальчишка серьезно воспринимает эту игру?! Но она не может быть настолько наивной, чтобы не понимать подобного! В Эллиде, как и в Рэйме, взрослеют очень быстро. Или ей нравится доводить обоих поклонников, наблюдая за их реакцией?! Атэр мельком глянул на Гая через плечо — удостовериться, все ли тот видел. Усмехнулся сопернику нагло, вызывающе, торжествуя. И преторианец понял, что еще немного — и он задушит гаденыша. Или лучше — скормит его императорскому крокодилу. Хотя нет, рептилия предпочитает упитанных барашков, кости этого дохляка станут ей поперек глотки.

— Гай, что с тобой? — Обеими руками убирая волосы с раскрасневшегося лица, Арэлл подошла ближе.

Согнать с глаз застилающую их пелену бешенства удалось не сразу.

— Все в порядке.

— А мне показалось, что ты...

— Все хорошо!

Атэр фыркнул и заявил, подбрасывая мяч на ладони:

— Ничего особенного, лучезарная. Он просто ревнует.

— Что?! — Растерянность и удивление сделали элланку еще более привлекательной.

— Вы поцеловали меня. А ему никогда не перепадало получить такого удовольствия.

Арэлл растерялась, не зная, что делать — рассмеяться, дать мальчишке по физиономии за наглые комментарии или удалиться, презрительно вскинув голову.

Лучше всего было бы, если бы она рассмеялась.

Но вместо этого девушка вдруг вздохнула, нахмурилась, произнесла тихо:

— Как же я устала.

И медленно вышла из зала, опустив золотоволосую голову.

Гай и эллан обменялись одинаково изумленными взглядами. Вместо ревности в душе телохранителя осталось только ощущение неловкости.

— Атэр, ты идиот. Кто тебя тянул за язык?!

— Видел бы ты свою морду,— не остался в долгу подросток.— Я думал, еще немного — и тебя хватит удар.

— Еще немного, и я нанизал бы тебя на это копье.

— Успокойся, она все равно выберет одного.

— Не тебя.

— Ха!

— И не меня. Клавдия.

Атэр помрачнел, засопел сердито. Сел на пол напротив Гая:

— Ты прав. Еще как прав. Я сам постоянно думаю об этом.

Он поразмышлял еще немного, забавляя преторианца своим серьезным видом, побарабанил пальцами по колену и заявил, просветлев лицом:

— Пора ей все рассказать.

— Прямо-таки все?

— Большую часть. Иначе она сойдет с ума. Разве не видишь? Какая нормальная женщина не будет счастлива оттого, что ее внимания добиваются сразу двое. А она сердится, злится, ночами не спит.

Семнадцатилетний знаток женщин! И дурацкое соперничество устроил исключительно ради психического здоровья Арэлл. Но какую бы чушь ни болтал мальчишка, пожалуй, в одном он прав: кое-что элланке рассказать пора.

Арэлл сидела за столом, чувствуя себя не очень уютно в роли заговорщицы. Атэр устроился рядом на стуле с высокой спинкой. Гай — напротив.

Телохранитель расстелил на столешнице карту и, почти не сдерживая напряжения, звучащего в голосе, разъяснял девушке основы военной политики:

— В Рэйме три городских когорты по тысяче человек каждая. Эти три тысячи подчиняются префекту города. Плюс еще девять подразделений когорты преторианцев, в каждом из которых возможно содер-

жание от пятисот до тысячи солдат. Сейчас — около шести тысяч человек. У нас свой префект — Адриан Марий.

— У нас? — переспросила Арэлл, запуская пальцы в волосы и крепко сжимая голову, как будто это могло помочь ей лучше запоминать.

— Да, лурия. Я преторианец из когорты «драконов». Мы охраняем императора и его семью.

— Хорошо охраняете,— подал голос Атэр.— Преторианцы зарезали императора Вектруса, чтобы продать трон его сыну Северу...

Гай нахмурился, но ничего не смог возразить. Это было правдой. Арэлл слышала историю убийства отца Севера.

— Мы подчиняемся нашему военному префекту,— повторил Гай.

— И пока он в хороших отношениях с императором, последнему ничего не угрожает,— снова вмешался Атэр.

Гай не выдержал очередного хамского заявления юнца и хлопнул ладонью по карте.

— Императору ничто не угрожает, пока на его стороне демоны!

— Тогда в вашем присутствии во дворце вообще нет смысла!

— Атэр, пожалуйста...— попросила Арэлл, чувствуя, как начинает ломить затылок. Не хватало сейчас только дуэли из-за ревности.

— Прошу прощения,— заявил юноша без малейшего признака раскаяния.

Гай высокомерно отвернулся от него, не обращая внимания на извинения.

— Вся армия Рэйма насчитывает десять легионов[1].

— Так много?

— Пятьдесят тысяч человек. Но,— телохранитель придвинул карту ближе к девушке,— большая их часть концентрируется возле границ империи. На границе с Нитом, в Эбиссинии, Нумидии, большие гарнизоны стоят в Анконе и Эскарне, то есть...

— То есть центральных резервов в городе нет,— закончила за него Арэлл, рассматривая карту.

— Да,— подтвердил Гай, довольный ее сообразительностью.— Практически нет. Кроме преторианцев и городских когорт.

— Глупость какая,— пробормотал Атэр.

— Жалованье солдатам, выплата пенсий отслужившим. Экономия...

— Ну да! Большая часть денег, идущая на армию, перепадает преторианцам. Ваше жалованье в три раза выше, чем у легионеров. А те три миллиона сестерциев, что вы получили в качестве подарка ко дню рождения императора?

[1] Легион — в Рэймской империи насчитывает пять тысяч человек.

— Арэлл, — Гай еще сдерживался, но было похоже, его терпения хватит ненадолго,— ты не будешь возражать, если я заткну рот мальчишке?

— Атэр, прошу тебя! — Девушка взглянула на упрямца. Тот обворожительно улыбнулся и жестом изобразил, что больше от него не услышат ни слова.

— Положение армии очень нестабильно. Легионы поделены между военными трибунами — сейчас их шесть. И все знают, что простые солдаты больше преданы своим военачальникам, чем императору, поскольку жалованье из казны мизерно, а награды и военную добычу они получают от своих командиров.

— Империя раздирается амбициями военных.— Атэр забыл о своем обещании молчать.— Богатая верхушка хочет оказывать влияние на политику империи. А за каждым трибуном идет его легион.

Гай мрачно кивнул:

— Именно так. Прибавь сюда еще Высших демонов. Им нравится стравливать людей.

— Но то, о чем ты говоришь,— возразила Арэлл,— это внутренние человеческие проблемы.

Атэр поднял голову, встретился взглядом с Гаем, и соперники понимающе улыбнулись друг другу. Затем Атэр взял стило с края стола, разломил его на несколько кусочков и начал по одному выкладывать их на карту.

— Рэймская империя — Некрос. Эллида — Друзлт. Нит — Золтон. Север — Евгран. Илкаста — Каракалл. Гаэта — Савр. И так далее. Каждый Высший демон контролирует определенную местность и все, что происходит на ней. Им подчиняются человеческие владыки и военная верхушка. Они манипулируют всеми человеческими правителями.

— Они играют,— подхватил Гай.

— Это все,— Атэр положил руку с растопыренными пальцами на карту,— их игровое поле. Военачальники — фишки. Демонам интересно стравить их друг с другом и посмотреть, кто выиграет. Чья игрушечная армия сильнее.

— Так было всегда,— прошептала Арэлл,— я знаю. Но что вы хотите от меня?!

— Мы хотим сделать тебя императрицей! — Глаза Гая вспыхнули.

— Кто — мы?! — Это единственное, что пришло ей в голову.

— Преторианцы и я! — гордо заявил Атэр.

— Безумие! — прошептала Арэлл, отчаянно мотая головой.— Вы оба безумцы! Зачем?! Нет, постойте! Я и так буду женой Клавдия...

— Ты будешь марионеткой Клавдия! У тебя никогда не будет реальной власти! — Гай наклонился над девушкой, заслоняя собой свет

факела.— Но если трон будет твоим, ты сможешь провести военную реформу. Легионы далеко, мы захватим Рэйм силами преторианцев. Некрос хочет большего влияния над империей. Он поможет...

Арэлл вскочила:

— Я никогда... никогда не приму помощь демона!! И мне плевать на то, что он хочет!

— Подожди! Успокойся! — Гай поймал ее за руку и почти силой усадил на прежнее место.— Я знаю, что ты ненавидишь демонов. Я сам их ненавижу. Но нам нужно усыпить его бдительность. На первое время, а потом...

— Не будет никакого «потом»! Ничего не будет! Вы хотите укрепить империю, облегчить жизнь людей, но...

— Прежде всего мы хотим империю без демонов,— сказал Атэр, разламывая стило на мелкие щепочки.

— Это невозможно! Вы знаете, что это невозможно!

— Но ты сама говорила, что не веришь в их неуязвимость.

— Я не хочу, чтобы из-за моих фантазий погибли люди!

— Ладно. Хорошо. Оставим демонов в покое.— Гай стряхнул мусор с карты.— Нас не устраивает император, нам не нравится его политика, Клавдий нас тоже не устраивает. Ты — реальная кандидатура.

— Почему?

— А ты будешь хорошо платить! — усмехнулся Атэр.— Армия продажна, как последняя уличная девка.

Он едва успел увернуться от затрещины разозленного Гая и захохотал, довольный собственным остроумием. Потом внезапно оборвал смех, вскочил и выхватил из ножен короткий меч. Его зеленые глаза сузились, а миловидное лицо неожиданно стало свирепым.

— Что, преторианец Гай Гратх, скрестим мечи во славу божественной Лурии Арэлл!

Арэлл тяжело вздохнула. Самое время. Протянула руку, кончиками пальцев прикоснулась к сверкающему лезвию, отвела его в сторону:

— Хватит, Атэр. Сейчас не до шуток.

— А я и не шучу,— грозно ответил тот.

— Щенок,— добродушно усмехнулся Гай.— Ты не выстоишь против меня и двух минут...

Клинок описал в воздухе белый полукруг.

— Меня тренирует сам победитель демонов Гэл!

— Хватит!! — громко закричала Арэлл, сама не ожидая от себя такой ярости.— Прекратите оба!

И, помолчав, добавила уже спокойнее:

— Я подумаю над тем, что вы мне сказали.

Затем повернулась и медленно вышла из комнаты.

Императрица Великого Рэйма? Она не должна этого делать. Ни в коем случае нельзя соглашаться.

Но если бы у нее была власть, она уменьшила бы налоги, отдала часть земель безземельным, укрепила Эллиду — свою страну...

«Ничего бы ты не сделала,— зазвучал в голове язвительный голос разума.— У тебя связаны руки. И демоническое ярмо на шее». Проклятье! Проклятье!! Арэлл зажмурилась, сжала кулаки. Потом, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на недостойный бег, направилась к своим покоям. Не глядя по сторонам, элланка шла по галереям мимо прекрасных статуй и барельефов. А ведь в первые дни она восхищалась красотой Претикапия.

«Нет. Это неправильно! Все должно быть не так. Все *можно* сделать не так. Надо найти какой-то другой путь. Сотрудничать с демонами — это снова попасть в ловушку. В зависимость... Нет! У меня должен быть *свой* путь. Гай и Атэр могут говорить все что угодно, но они не понимают до конца. У меня всего два варианта: стать женой Клавдия или любовницей Некроса, это же было понятно, когда он приходил. Оба варианта отвратительны! Но все-таки первый... лучше. Или нет?.. Нет! Нет!! Я должна идти своим — каким-то другим путем. Но кто знает, кто скажет, что это за путь?! Трисмес обещал помощь. Хотя что может сделать забытый древний бог с целой армией темных?! Он обещал помощь. Я должна пойти к нему. Но я не хочу попадать в зависимость ни от демонов, ни от богов, ни от людей!»

Арэлл вошла в свои покои. Гай уже стоял у двери, приняв вид статуи. Не шевелясь, едва дыша. Она сделала вид, что не заметила его. Вошла в спальню, закрыла дверь, подошла к окну. Дворец стоял на холме, но демонические храмы все равно были выше Претикапия. Говорили, что их строили сами демоны. Из какого-то особого камня. Поэтому они кажутся черными, гладкими, монолитными глыбами. Они были поставлены по кругу на определенном расстоянии один от другого и держали весь город под своей тенью. Сейчас заходящее солнце освещало Каракалтский храм, и он отсвечивал красным.

В дверь деликатно постучали. Арэлл задернула занавеси, подошла к выходу, открыла.

На пороге стоял Атэр. Сдержанно улыбающийся, видимо, очень довольный собой, в тоге салатового цвета, удивительно подходящей его зеленым глазам.

— Лурия Арэлл... Извините, мне нужно поговорить с вами. Продолжить разговор.— Он улыбнулся, как всегда, лучезарно.

Арэлл молча впустила его в комнату. Присела на низкое ложе.

— Что ты еще хочешь сказать?

Атэр уселся на пол у ее ног и заговорил так тихо, что половину слов приходилось угадывать по движению губ.

— Я хочу, чтобы вы согласились, но я не хочу, чтобы вы доверяли...

— Кому?

— Этим «драконам». Они действительно могут дать вам трон, но вы не расплатитесь с ними до конца жизни.

— Почему ты так думаешь?

— Император стал платить меньше, а вы должны будете осыпать их золотом.

— Но...

— Все слишком просто, правда? Всего лишь деньги.

— Гай говорил другое.

— Гай не хочет, чтобы вы выходили замуж за Клавдия! Так же как и я.

— Только из-за этого?

— Из-за всего, что за этим последует.

— Мое замужество дает свободу Эллиде.

Атэр приподнялся. Теперь он стоял перед девушкой на коленях, и его светлые, прозрачно-зеленые глаза мерцали.

— Я тоже люблю Эллиду, лурия Арэлл. Но вас я люблю больше.

Арэлл почувствовала, что краснеет. Странное признание в любви мальчишки, который моложе ее на... Интересно, на сколько же она старше?

— Я хочу дать *вам* свободу,— прошептал он, взял ее руку, наклонился, поцеловал.

— Атэр, сколько тебе лет?

— Девятнадцать,— не моргнув глазом, соврал он, глянул исподлобья, подмигнул едва заметно. Потом выпустил ее руку, встал.— Кстати, если вам интересно, Гай тоже вас любит.

Глава 18,
где, как ни странно, падаю лицом в грязь — не я

— Эй, нумидиец, тупая образина! Сколько раз можно повторять! Наручи надевают двойной оплеткой, а не тройной. Два! Два, а не три! Запомнил?! У себя в Нумидии будешь выпендриваться.

Помощник префекта был истинным рэймлянином, с презрением относящимся ко всем иноземцам. И, естественно, его не могла не бесить моя смуглая «нумидийская» физиономия. Поэтому придирался он ко мне с особым удовольствием. Прищурившись, я смотрел, как он бесится, расхаживая перед отрядами, готовыми идти в город, и представлял, как медленно, за шиворот, опускаю склочного толстяка в лаву. Сначала по щиколотки, затем по колени, по пояс... Но это потом. А пока придется заняться менее приятными делами.

— Первый, второй отряд — Средний город, третий — Южный квартал, четвертый — Нижний город, пятый...

Четвертый отряд — мой.

Наша троица отсалютовала и отправилась патрулировать названный район. Сомнительное удовольствие — таскаться по городу, выискивая мелких нарушителей порядка. А ведь я когда-то клялся сам себе, что никогда не пойду служить в демоническую гвардию. И не пошел. Все оказалось гораздо хуже — служу в человеческой. И это после благородной должности секретаря Высшего демона.

— Сначала проверим харчевню на Старой улице,— распорядился Серентий, главный в нашей компании.

— Проверить харчевню я никогда не прочь,— радостно отозвался вечно голодный Камилл, поправляя шлем, съезжающий на глаза.

Я был полностью с ним согласен, но не смог отказать себе в удовольствии разочаровать разохотившегося коллегу:

— Особенно не радуйся. Бесплатно поесть не дадут.

— Знаю,— отозвался тот уныло и, стараясь не сбиваться с размеренного ритма наших шагов, потопал рядом.

Старая улица была застроена относительно новыми, как ни странно, домами. Каменный низ, деревянный верх. Некрасиво, но добротно. То, что ценят купцы, а не аристократы.

Наш начальник хмуро и значительно поглядывал на каждого встречного, успевая сквозь зубы муштровать обоих своих подчиненных: «Камилл, подтяни живот! Гэл, прекрати ухмыляться! Хватит пялиться на девок!» Так, под однообразное брюзжание и стук сандалий по камням мы дошли до харчевни.

Заведение оказалось из приличных. Сюда не пускали кого попало. Но мы, само собой, бравые солдаты городской когорты, всегда были желанными гостями. Только в этот раз рассчитывать на бесплатную выпивку не приходилось.

Внутри оказалось полно народа, мы едва протиснулись между распаренными, шумными горожанами. Некоторые, увидев наши свирепые физиономии и вооружение, расступались сами, другие просто не заметили, что в харчевню зашли стражи порядка, кое-кому пришлось заехать локтем, чтобы освободили дорогу. Впрочем, неадекватная реакция людей была оправданна. Я сразу почувствовал неприятное покалывание в основании шеи. Где-то поблизости ошивались демоны, причем не самого последнего разряда. Один очень могущественный Высший и несколько — рангом поменьше. Впрочем, теперь с моей идеальной маскировкой можно было не опасаться разоблачения, и я расслабился, принявшись осматриваться. Да, так и есть. Сидят за столом в человеческих образах, попивают вино и нагло посматривают по сторонам. Везет мне в последнее

время на знатных родственничков. И у одного из них подозрительно знакомая физиономия избалованного жизнью аристократа. Тот самый, из дворца.

Я незаметно толкнул в бок Камилла и указал взглядом на темного:

— Это кто? Вон тот, в поясе с рубинами?

Парень вытаращился на меня так, словно я сморозил неслыханную глупость:

— Сбрендил?! Это же Великий Некрос. Хозяин Рэйма.

Да, действительно глупость. Каждый должен знать в лицо Высочайшего Повелителя.

— Да, точно... не узнал... в человеческом образе.

— А ты его что, в демоническом видел?!

Пожалуй, самое время прикусить язык. А то сболтну еще что-нибудь лишнее. Я сделал вид, что не расслышал вопроса, засмотревшись в другую сторону.

Вот там и впрямь намечалось кое-что забавное. Посередине зала стояла здоровая клетка размером приблизительно шесть шагов в длину и шесть в ширину. В таких обычно перевозят диких зверей. Но сейчас вместо тигров я увидел внутри двух занятных рэймлян.

Один довольно потрепанный, в потертой, а местами и дырявой тоге, тощий, как будто весь состоящий из углов и ломаных линий. Другой поприличнее — круглый, гладкий, смахивающий на масленый блин. Его лысина, щеки, даже веки лоснились и жирно поблескивали. Оба господина держали в руках короткие дубинки и поглядывали друг на друга весьма агрессивно.

— Отлично,— пробормотал Серентий, энергично проталкиваясь в первый ряд.— Еще не начинали.

— Что не начинали? — Я не отставал от него, а Камилл спотыкался сзади, цепляясь за мой пояс.

Начальник издал звук, напоминающий нечто среднее между смешком и хрюканьем.

— Поединок. Так это называется.

— Ничего не понял,— признался я честно.

— Ну ты...— Он не определил вслух степень моей умственной неполноценности, только головой покрутил.— Вон тот, худой и облезлый,— литератор. Толстый — философ. Сейчас будут друг друга дубинками охаживать, кто победит, того накормят бесплатно. А может, и обоих. Это уж как Его Могуществу захочется. Тут каждую неделю всякие писаки. Горожанам нравится. Народ приходит пообедать и посмотреть, как знаменитые личности один другого колотят. Харчевне прямая выгода.

— Да, неплохо придумано.

Похоже, с чувством юмора у Некроса все в порядке. С невольным уважением я глянул на его скучающую, холеную физиономию. Хозяин Рэйма отпил еще вина, сказал что-то своим спутникам и махнул рукой

в сторону соперников. И сейчас же литератор с философом взмахнули дубинами.

В первые несколько минут было забавно наблюдать, как они бегают по клетке, натыкаясь на стены, и неуклюже тычут друг в друга своими палками. Но потом я вдруг понял, что мне очень хочется отвести взгляд в сторону, например на барельеф, висящий на стене. Люди подбадривали дерущихся криками, смеялись, делали ставки. Особым уважением зевак пользовался поэт, более шустрый, чем его толстяк-собрат. И, видимо, гораздо более голодный.

Как-то гнусно все это, мелко. Недостойно звания Хозяина искать развлечений в глумлении над нелепыми смертными. Да, вот так и вспомнишь одну из любимых фраз Энджи — мир изменился, а мы нет. Невольно чувствуешь себя древним ископаемым. Буллфер, конечно, драл с людей три шкуры, его эгоизм достигал невероятных размеров, а коварство не знало границ. Надо было так задурить голову ангелу, что тот до сих пор бродит по земле, помогая ему! И все же мой босс никогда не опускался до потех столь низкого пошиба.

Похоже, Некросу доставляла удовольствие не столько нелепая драка, сколько реакция людей, их нездоровый азарт, возбуждение, агрессивная радость. Демон снисходительно, с легким презрением посматривал на своих подданных. И неожиданно его взгляд, метнувшись в сторону, встретился с моим взглядом. Наверное, выражение моего лица чем-то отличалось от лиц остальных посетителей, потому что в сузившихся глазах Высшего появился интерес. Он повернулся ко мне всем корпусом и поманил к себе.

— Давай иди! — Серентий толкнул меня в спину.— Не видишь, Его Могущество зовет. Повезло дураку! Наручи поправь, лишнего не болтай, и, ради всех богов, прекрати ухмыляться!

— Да, мамочка,— пробормотал я, отпихивая его заботливую руку.

Властелин Рэйма внимательно осмотрел меня. От верхушки простого шлема до грубых, тяжелых сандалий. А я поймал себя на том, что в свою очередь разглядываю его с недопустимым жадным любопытством. Это был первый Высший демон, с которым я общался лично за последние несколько тысячелетий.

— Я тебя помню, солдат.— Голос у него был низкий, звучный, хорошо поставленный. Интонации, естественно, властные. И память хорошая.— Откуда ты?

— Нумидия, господин,— спокойно соврал я. Взгляд Некроса настойчиво вползал в мою душу, но не видел ничего, кроме виртуозно наведенной человеческой сущности. Его демонические приятели тоже пялились на меня и, конечно, тоже не чувствовали ничего подозрительного.

— И я помню, где видел тебя. Во дворце. Что простой солдат из городской когорты делал в резиденции императоров?

Толстяк за решеткой охнул, схватился рукой за нос, из-под его пальцев закапала кровь. Торжествующий поэт еще раз ткнул его ду-

бинкой и мстительно пнул коленом пониже спины. Зрители, сидящие за столами, довольно загомонили, обмениваясь комментариями, и активнее налегли на закуски. Вид крови всегда возбуждает аппетит.

— По приказу лурии Арэлл.— Сейчас можно говорить правду. Если Некрос будет недоволен, отдуваться придется настырной девице, а я останусь в стороне.— Она хотела научиться драться на мечах.

— Интересно.— Высший нахмурился. На самом деле интересно ему не было. Он испытал раздражение.— Ты мастер?

— Я знал гораздо более умелых фехтовальщиков.

Но он меня уже не слушал.

— Эй, там! Убрать из клетки эти отбросы. Сейчас мы увидим кое-что поинтереснее.— Он улыбнулся своим приятелям и указал мне на загородку.— Иди туда и достань свой меч. Посмотрим, насколько виртуозно ты им владеешь.

Плохо! Вот это совсем плохо! Сплошные проколы. Мало того что меня угораздило попасться на глаза правящему демону, теперь еще и драться придется.

Отказать нельзя. Убьет за неповиновение, и привет Буллферу! Придется потом Энджи разыскивать меня в очередном перевоплощении. Если оно, конечно, состоится.

Смыться отсюда через телепорт тоже нельзя — найдет по магическому следу.

И нельзя, чтобы он увидел цвет моей крови.

Все эти мысли проносились в моей голове, цепляясь одна за другую, пока я послушно шел к клетке. Передо мной открыли низкую дверцу, пришлось согнуться, пролезая внутрь. На полу, посыпанном опилками, виднелись пятна человеческой крови, наверное из разбитого носа толстяка. Я отошел к стенке, набранной из прутьев, достал из ножен балтус. Ладно, в следующий раз буду умнее — придам лицу самое тупое выражение, какое только смогу представить.

Дверца снова открылась, и в клетку протиснулся верзила в одежде из красной кожи. С любовной улыбкой вытащил оружие, похожее более всего на огромный тесак, и застыл напротив меня.

Все ясно. Какой-то боевой хмырь из храма. Для такого распороть брюхо человеку — сплошное удовольствие.

Зрители, обрадованные новым зрелищем, поспешили занять места в первых рядах. Подбадривали новых бойцов выкриками, обсуждали шансы каждого из нас на победу. В общем гуле я разобрал требовательный голос: «Эй, нумидиец, я поставил на тебя две монеты!» Неслыханная щедрость.

Храмовник злобно сощурился, не хуже Некроса. Глянул на своего Повелителя. Тот медленно утвердительно наклонил голову.

Поединок начался.

Мой противник был умелым воином. Очень умелым. Слишком. Для человека, естественно. Демон, конечно, зарубил бы его, взяв бешенством и мощью. Но сейчас я был смертным, и поэтому пришлось вовсю укло-

няться от яростных атак господина в красном. Погонял он меня по клетке вволю. Тесак свистел в опасной близости от моих конечностей, но я успевал отпрыгивать, уворачиваться и блокировать удары. Одна царапина — и вся моя маскировка летит к Дьяволу.

Храмовник рычал от злости, видя, как все его красивые выпады не достигают цели. Ничего. Побегает за мной, устанет — и я завалю его без лишнего риска.

Но противник не уставал. Даже не вспотел. И тогда мысль моя вдруг скользнула в другом направлении. Глупо было не догадаться об этом с самого начала: похоже, их там, в храме, глушат наркотическими зельями для укрепления боевого духа и физической выносливости. Вот подставил меня Некрос. Заведомо понятно, кто выйдет живым из подобного поединка. Укрепление власти, силы и страха перед Его Могуществом через его служителей — единственная цель этой показухи с мечами.

Ладно. Пора заканчивать. Достаточно Гэл Нумидиец попрыгал на потеху публики. И ради удовольствия Высшего я не собираюсь идти на корм рэймским червям... Я сделал вид, что поскользнулся, упал на колени, подставляясь под удар. Несмотря на весь свой опыт, храмовник купился на эту уловку и, взмахнув тесаком, бросился на меня с яростным ревом. Когда оружие ухнуло вниз, грозя лишить меня головы, я крутанулся на коленях, оказавшись сбоку, и рубанул мечом по ближайшей ноге. Бронза без труда вошла в человеческое тело и перерубила кость. Кровь хлестанула на пол, заливая опилки. Храмовник, воя от боли, рухнул, и я что есть силы вонзил меч ему в правый бок, проворачивая клинок. Враг дернулся и затих. Зеваки завопили от возбуждения, застучали кубками по столам. Высшие демоны дрожащими от наслаждения ноздрями втягивали запах боли и мертвого человеческого тела.

Некрос сгреб со стола несколько монет и швырнул их в клетку. Так бросают подачки зверям, исправно выполнившим сложный трюк. Чтобы он не увидел злобный блеск в моих глазах, я наклонился, подбирая сестерций, упавший ближе всех, и вдруг заметил черную каплю, медленно чертящую дорожку по руке. И сейчас же почувствовал саднящую боль. Дьявол, он все же задел меня, а я даже не заметил. Хорошо хоть, на шерстяной темной ткани не видно расплывающегося черного пятна.

Я резко выпрямился, ладонью зажал кровоточащую царапину, ногой распахнул дверь клетки, выскочил наружу и бросился к выходу, наплевав на Его Могущество Некроса, службу и восторженную толпу.

Люди шарахались от меня в стороны, спеша пропустить солдата со следами явного безумия на лице. Серентий удивленно разинул рот, когда я проносился мимо, но не сообразил, что сказать. Я выскочил из харчевни на улицу.

Все! Надоело! Даже тысячелетнему терпению вроде моего когда-нибудь приходит конец.

— Гэл! Стой! Подожди!

Брякая на бегу плохо подогнанным вооружением, ко мне приближался Камилл. Шлем опять съехал на нос, из-под него блестят восторженные глаза.

— Слушай! Я выиграл!

— Рад за тебя.— Я попытался отпихнуть его с дороги, но парень схватил меня за пояс и по-прежнему не давал пройти.

— Смотри, десять сестерциев! И все благодаря тебе! Я еще никогда ничего не выигрывал.

— Да. Отлично.

— Я знал, что ты победишь.

Великолепно, а теперь отвали от меня. Мне сейчас самое время выслушивать идиотские комментарии назойливого смертного. Плечо начало гореть, не удивлюсь, если у храмовников принято смазывать лезвие меча ядом.

— Слушай, как ты его! Красиво. Я думал, врут, что ты мастер, а ты действительно... Погоди, приятель! Ты что, ранен?! Постой, дай гляну!

Посмотреть он не успел. Дорожка крови полилась между моих пальцев, добежала до наручи.

— Что это? — Глаза его расширились, лоб собрался изумленными морщинами, взгляд метнулся от моей руки к лицу, и он наконец понял.— Кровь черная,— пробормотал Камилл, нерешительно отступая на шаг.— Ты... значит, ты...

Сейчас он повернется ко мне спиной и побежит в казарму, чтобы сообщить всем потрясающую новость о том, что Гэл Нумидиец — демон. Злость, еще не утихшая после боя, снова плеснула в душе. Моя идеальная маскировка обманула Высшего и раскрыта жалким смертным сопляком!

Дальше все произошло очень быстро. Парень не успел даже охнуть. Одной рукой я сгреб его, рывком притянул к себе, другой выхватил меч. Совсем близко увидел его лицо с каплями пота на лбу, рот, приоткрытый в недоумении, грязную полосу на подбородке. В глазах мелькнуло что-то. Не страх. Но я не успел понять, что это было. Меч легко вошел в тело. Теперь в его взгляде был ужас.

— Я не... я никому... не скажу,— прохрипел он и медленно стал падать на меня. Ноги подкосились, и Камилл упал... Упал бы, если бы я мягко не опустил его на землю. Выдернул балтус из раны.

Все. Вот теперь точно все. Идеальная маскировка. Идеальный оборотень. Идеальный демон.

Улочка тихая, его не сразу найдут. А когда найдут, подумают, что зарезали парня из-за денег. Сколько он там выиграл, десять сестерциев? Немного, но в Великом Рэйме убивают и не за такие деньги. «Никогда не выигрывал»! Лучше бы ты проиграл и в этот раз.

По дороге домой я выбросил деньги в канаву.

Энджи полулежал на кровати, упираясь локтем в подушку, и что-то быстро строчил в своем блокноте. Услышав мои шаги, не поднял голову, не отложил карандаш, только взглянул пристально из-под растрепанной светлой челки.

Хорошо, спокойно, тихо, ангельское умиротворение обволакивало, убаюкивало, утешало. Обещало покой и мир в душе.

Я подошел, тяжело опустился на стул, протянул руку. Энджи приподнялся, подавая свой блокнот, и я прочитал волнистые строки, красиво разбитые на пятистишия.

Я ухожу. Ночь перепутала волосы-ветви,
Звездная боль льется в глаза мне и горлом выходит.
Кто-то зовет именем тем, что нарек меня ветер.
Значит, пора следом за пыльным ветром.
В другой день.

Если бы знать... вдруг, как забытая рана, заноет
Память моя. Знать, мирной жизни исполнены сроки.
Вот развернул серые крылья плащ за спиною.
Если бы в небо дорогу найти...
Нет дороги[1].

— Хорошие стихи.

— На тебе кровь,— сказал он спокойно.— Ты убил человека.

— Двоих. Одного — прислужника Некроса из темного храма, другого— хорошего парня, который уважал меня и гордился дружбой со мной. Зарезал и бросил подыхать в подворотне как собаку. А для правдоподобия забрал деньги.

— Гэл... не надо.— Ангел просил не за себя. Не из-за того, что ему тяжело слушать подробности. Из-за меня. Не хотел, чтобы мне было больно.— Ты сделал это ради Буллфера.

— Не смей меня оправдывать!! Мне не нужно утешение!

Я вскочил и теперь орал, размахивая блокнотом. Смотрел в спокойные глаза Энджи и чувствовал, что ненавижу это прекрасное, светлое существо до бешенства, до дрожи, до черного тумана в глазах и в мыслях.

— Скажи! Закричи! Заплачь! Ты же ангел! Ты *должен* чувствовать!!

Энджи поднялся, забрал свою книжку. Посмотрел долгим, мудрым взглядом. Появлялась у него иногда такая глубина во взоре, проницательность, хоть вешайся от чувства собственной неполноценности.

[1] Стихи Татьяны Головкиной.

— Это твоя ноша, Гэл. Ты сам взвалил ее на себя. Я не могу презирать и ненавидеть тебя. Могу только принять на свои плечи часть груза. Хочешь?

— Нет!!!

Он покачал головой с выражением на лице: «Безнадежно, приятель, ты полный осел». Вышел из комнаты. Я плюхнулся на край кровати, чувствуя неимоверную усталость, и было все равно, что пачкаю постель своей и чужой кровью.

— Гермия,— прозвучал в соседней комнате голос Энджи,— лурию Гэлу надо помочь.

Сейчас же послышались торопливые шаги — и в спальню вбежала наша красотка.

— Ты что здесь делаешь?!

На этот окрик она заморгала светлыми глазами, разглядывая мою жалкую, скособоченную фигуру, и бросилась «помогать».

— Давайте! Лурий Гэл, вот так. Я сниму с вас одежду. Я пришла сегодня.

Понятное дело: значит, продолжает бегать к нашему сердцееду ангелочку. Неплохо Энджи устроился. Удобно. Интересно, как там его нравственность и мораль? Не страдают? И вообще, забавно было бы узнать, что говорит ангельский кодекс чести по поводу неузаконенных брачных отношений?.. Надо будет, пожалуй, поднять этот вопрос. А то строит из себя святошу...

— Я же знаю, вам без меня не справиться,— продолжала свою тихую, к счастью, скороговорку Гермия.— Руку поднимите... Вот, хорошо. Иногда из дворца можно уйти. Нечасто, но... Наклонитесь-ка.

Бесцеремонная девица стащила с меня пояс, лорику. Я зашипел от боли, когда она прикоснулась к плечу. Кровь потекла сильнее, но теперь мне было все равно, что человек видит ее цвет. Ресницы Гермии часто задрожали, мочка уха, виднеющаяся из-под волос, покраснела. Но она ничего не сказала, только еще яростнее стала вытряхивать меня из одежды. Потом схватила окровавленные тряпки и выбежала из комнаты. Я думал, что вернуться благоразумная девица не рискнет, но она появилась через несколько минут, каким-то непостижимым образом одновременно удерживая в руках две простыни, большую чашу с водой и шкатулку, которую прижимала к боку локтем.

— Я все постираю. А вам надо вымыться. Вот возьмите. И еще... вы не могли бы сделать что-нибудь с этим...— указала она взглядом на глубокий порез, постепенно наполняющийся зеленоватым гноем.

— Детка, чтобы регенерировать, мне нужно принять свой истинный облик. Ты уверена, что это зрелище не шокирует тебя?

Гермия моргнула, потом нахмурилась. И заявила:

— Я отвернусь.

— Сделай одолжение.

Пока девушка стояла ко мне спиной и пялилась на стену, я за несколько минут залечил рану. Судя по тому, как рабыня переступала с ноги на ногу и нервно поводила плечами, ей очень хотелось повернуться. Любопытство разбирало.

— Что, хочешь посмотреть?

— Н-нет. Иначе я буду вас бояться.

— А так не будешь?

— Нет.

— Хм... Можешь повернуться.

Я опустил губку в воду, намочил, отжал и стал стирать потеки крови со своей человеческой руки. Гермия не мигая смотрела, как чернеет вода.

— Я никому не скажу! — сказала вдруг она твердо. И меня передернуло, потому что те же самые слова произносил Камилл.— Лурий Гэл, вы можете быть спокойны. Вы спасли меня, как же я могу предать вас!

— Что ты не скажешь?

— Что вы... демон.

— Хм...

— Лурий Гэл, я ведь знаю об этом давно. И никому не проговорилась, даже лурии Арэлл, хотя она спрашивала. Я не знаю, почему вы прячетесь, это не мое дело. Но если вы считаете нужным, заставьте меня все забыть.

— Ладно, успокойся. Хватит причитать. Все нормально.

Я бросил губку в чашу, вытерся простыней, натянул чистую одежду, которую девушка почтительно мне протянула.

— А вы... вы не убьете меня?

И эта туда же!

— А ну пошла вон отсюда!!

Она вылетела из комнаты, только бедра мелькнули в разрезах юбки. Я повалился на кровать, закрыл глаза и тут же пожалел, что прогнал девицу. В памяти снова возникло лицо Камилла. Восторженное, с дурацкой улыбкой.

Зачем я его убил? Какого Дьявола я его убил?! Можно было сделать все гораздо проще. Маленькое колдовство — и десять минут жизни вырезало бы из его памяти. А теперь начнутся расспросы, расследование. Убийство солдата городской когорты — дело серьезное. Хотя вряд ли. В этом безумном Рэйме от властей можно ожидать чего угодно: от рьяного фанатичного отстаивания «интересов каждого горожанина» до полного равнодушия к судьбам подчиненных — как военных, так и гражданских...

Но зачем же я его убил?! Он попался мне под руку. Просто оказался в ненужном месте в ненужный момент.

В дверь тихонько поскреблись, а потом я услышал елейный голосок Гермии:

— Лурий Гэл, извините, что беспокою. Вас зовут на службу. Срочно.

Отлично! Вот и забегали.

Я вскочил, обулся, натянул лорику, пристегнул пояс с мечом.

В коридоре столкнулся с Гермией, без лишних рассуждений сжал ей горло. Несильно, скорее даже нежно, слегка встряхнул.

— Узнаю, что проболталась, шею вытяну и завяжу узлом. Поняла?!

Она не побледнела, не задрожала, даже не опустила взгляд. Стояла и улыбалась, хлопая ресницами. И не поймешь: то ли полная дура — не может представить гнев демона; то ли слишком умна — понимает, что я ей уже ничего не сделаю. Злобный запал прошел.

Я выругался тихо, выпустил девчонку и вышел из дома.

И только на улице сообразил, что не поговорил с Энджи. Даже не попрощался.

У дома меня встретил растрепанный Фламиний Север:

— Слышал, Камилла убили? Какая-то тварь зарезала в подворотне.

Видимо, он принял мое угрюмое молчание за потрясение, потому что принялся в подробностях рассказывать, где нашли Камилла, когда и кто может быть предполагаемым убийцей. Я не мешал ему болтать, периодически вставляя ничего не значащие междометия.

— Нас из-за этого собирают? — спросил я, когда он замолчал на мгновение, чтобы перевести дыхание.

— Кто собирает? А-а. Это я тебя позвал. Пойдем прогуляемся до таверны на улице Роз, там тебя Серентий ждет.

— Зачем?

— Говорит, разговор есть.

Глава 19,
в которой я получаю предупреждение и занимаюсь активной благотворительностью

Мы, то есть я, Фламиний и Серентий, сели за стол в таверне на улице Роз. Она так и называлась — улица Роз, хотя я не видел здесь ни одного цветочного куста. Заведение было так себе. Как раз для небогатых военных, решивших освежиться после славно прожитого дня. И находилось оно совсем близко от казарм городской когорты, куда Серентий должен был сообщить о смерти Камилла и моем ранении. Последнее сообщение избавляло меня от необходимости продолжать нести службу сегодня. За что ему большое спасибо.

Но что, интересно, заставило начальника просить Севра привести меня сюда? Возникли какие-то подозрения по поводу моей причастности к убийству? Послушаем...

— Хороший парень был Камилл,— начал Серентий, задумчиво глядя в свою чашу.— Дурак, но хороший.

— Рано или поздно его все равно пристукнули бы,— заметил Фламиний.— Такой человек.

— Многие «такие» люди доживали до пенсии,— угрюмо возразил я.— А потом сидели в своем имении с садом и попивали домашнее вино.

— Никто не может знать, где и когда все закончится,— глубокомысленно заметил Серентий.

— Слушай,— Севр придвинулся ко мне ближе,— Серентий сказал, Камилл пошел следом за тобой. Ты его видел?

— Нет. Никого я не видел. Этот ублюдочный прислужник Некроса чуть меня не уделал.

Ну вот, опять меня занесло. Сослуживцы, услышав эти слова, вытаращили глаза.

— Гэл, засунь свой болтливый язык себе сам знаешь куда!! Сколько раз говорить — ты не у себя в деревне! Брякнешь что-нибудь лишнее не там, где надо, мигом окажешься вон в том гостеприимном домике.

«Гостеприимный домик», он же храм Некроса, был виден через открытую дверь. Монолитный черный бастион, вросший в землю.

— Ну это вряд ли. Его Могущество предпочитает видеть у себя в гостях голубоглазых блондинов,— заметил я.

Серентий вдруг побагровел, жилы на его шее вздулись, рука так стиснула ножку чаши, что побелели суставы пальцев.

— Ты! Умник! Думаешь, демоны будут смотреть на то, какого цвета твоя шкура, если захотят содрать ее?! Заткнись и слушай, что говорят знающие люди.

— Ладно,— Фламиний подлил еще вина всей компании.— Надеюсь, Камиллу сейчас лучше, чем нам.

Мы выпили снова.

— Слушай, Гэл,— Серентий наклонился ко мне,— хочешь совет?

— Надеюсь, бесплатный?

— Хватит скалиться. Я серьезно. Хотел вас с Камиллом обоих предупредить. Но не успел. Постарайся вернуться домой до темноты. Нигде не задерживайся. И не выходи ночью. И брату своему скажи. Понял?

— Нет.

— Не важно. Делай, как я говорю, дольше проживешь.

— Ты можешь объяснить нормально?

— Я вообще не должен тебя ни о чем предупреждать. Но на сегодня мне хватит Камилла. Не хочу, чтобы ты был следующим.

— Поточнее никак нельзя?

Он наклонился еще ближе. Теперь я видел красные прожилки на его горбатом носу.

— Демоны. Сегодня ночью они выйдут на охоту. Будут убивать всех, кого встретят. Большие сенполии.

Я отшатнулся, задел локтем пустую чашу, и она с грохотом покатилась по столу.

— Откуда знаешь?

— Знаю...

Я представил своих.

Энджи. Он часто бродит по ночам. Не сидится дома.

Атэр. У этого тоже шило в одном месте. И никакой демон ему не указ. Ни Высший, ни средний, никакой.

Почему-то привиделся ангел, лежащий на куче человеческих трупов, с кровью на волосах, со спокойным, умиротворенным выражением мертвого лица. От этого видения стало откровенно нехорошо. Замутило.

— Я должен идти.

Кажется, никого не удивило то, как поспешно я поднялся из-за столика и выскочил из заведения.

Я торопливо шел по улице, придерживая меч, колотящий по бедру, и поглядывал на небо. Хотелось надеяться, что у обоих подопечных хватит ума не высовываться сегодня из дома. Но, как бы я ни был занят тревожными мыслями, все равно замечал, как странно ведут себя горожане. Казалось, они торопятся. Чаще, чем обычно, бросают тревожные взгляды по сторонам. Все люди не могли знать о намечающихся Больших сенполиях. Но рэймляне словно чувствовали приближающуюся беду. В воздухе ощущались нервозность, которая в любое мгновение могла перерасти в легкую панику.

Быстрым шагом прошла женщина, таща за руку упирающегося, хнычущего мальчишку, пробежали рабы, неся на плечах паланкин с каким-то важным господином. Между занавесок мелькнуло бледное, напряженное лицо. Прошмыгнула нервно смеющаяся парочка. Все спешили убраться с улицы.

Я свернул с площади у Каракалтского храма. Еще один рывок, и я дома. Может быть, телепортироваться или послать мысленный сигнал?.. Я уже серьезно подумывал об этом, но убедил себя подождать — не стоит тратить зря силу, когда я почти наверняка успею. Опять же побоялся рисковать, пользоваться магией в такое время. Мало ли кто почувствует вибрацию пространства... Хотя, если честно, дело было и в нашей ссоре. Я еще не успокоился и почему-то не мог простить ангелу последнего разговора.

— Благородный лурий! Благородный лурий, прошу вас, подождите! Помогите!

Я остановился, но не потому, что жаждал оказать помощь. Край моей лорики ухватили цепкие руки, и мне явно понадобится какое-то время, чтобы освободиться.

— Постойте! Помогите нам, пожалуйста!

Ко мне прицепилась статная, полногрудая девушка в синем гиматии. Ее круглое лицо блестело от слез, нос распух, глаза обведены красными кругами, губы горестно изогнуты. И все равно она была очень хороша.

— Мой муж. У него слабое сердце. Нам не добраться до дома!

Я без особого интереса посмотрел в ту сторону, куда она показывала. К стене двухэтажного дома привалилась жалкая, явно болезненная, человеческая личность. Видимо, тот самый недужный супруг. Девушка продолжала вглядываться в мое лицо с безумной надеждой, теперь держа меня за обе руки.

— Никто не хочет помочь! Только вы остановились!

— По-моему, он долго не протянет. Дорогая, эта ночь очень подходит для того, чтобы избавиться от твоего муженька и найти кого-нибудь поздоровее.

Она отшатнулась. Пухлые губы искривились от отвращения, а глаза наполнились слезами бессилия. Ей хотелось ударить меня, закричать, послать куда-нибудь подальше, но она сжала зубы, опустила веки — из-под ресниц потекли слезы на тугие, круглые щеки.

— Лурий защитник, прошу вас, помогите. Как вы можете стоять, когда... когда...

Она не смогла договорить, но я и так понял. Она чувствовала приближающуюся смерть и была перед ней абсолютно беспомощна. Как это унизительно — метаться по улицам, хватать за руки прохожих, умолять и не получать помощи. А времени все меньше, и уже хочется завыть от бессилия и собственной слабости.

Человек, приткнувшийся к стене, поднял голову, на сером, изможденном лице — гневные, страдающие глаза. Именно это страдание в них напомнило мне взгляд умирающего Камилла.

— Фабия, не унижайся. Пусть идет.

Занятная вещь человеческая гордыня.

— Где живете? — спросил я.

— Северный квартал.— Девушка смотрела тревожно, боясь спугнуть мое возможное решение об их спасении.

Далеко. Сами они действительно не доберутся.

— Дьявол вас всех забери! Идиоты! Шляетесь где попало в неурочное время!

Она улыбалась, всхлипывала и дрожала одновременно. Поняла, что «лурий защитник» не сможет бросить их. Ладно, постараемся немного в пользу равновесия, о котором так печется Энджи. Это будет расплатой за Камилла.

Я подошел к человеку. Не обращая внимания на слабое сопротивление, поднял его, перекинул через плечо и повернулся к девице:

— Показывай дорогу.

Она подобрала подол хитона и побежала вперед. Муженек смирно висел у меня на спине и сопел, когда я спотыкался на неровностях дороги.

— Зачем ты делаешь это? — прозвучал вдруг над моим ухом его хриплый голос.

— Что именно?

— Помогаешь нам.

Потому что идиот. И потому что общение с ангелом всегда выходит мне боком. Вслух, естественно, я этого не произнес. Только перехватил ношу поудобнее и прибавил шагу.

Но как бы я ни торопился, все равно чувствовал — не успеваю. Нет, доставить домой счастливую супружескую пару время еще было. Я рисковал не попасть в свой собственный дом.

Почти все люди пропали. Впервые я видел улицы Рэйма такими пустыми. Только статуи и атланты под балконами повсюду таращились пустыми мраморными глазами. Навстречу пробежал отряд из троих преторианцев. Я узнал их по высоким красным плюмажам и общему, совершенно излишнему великолепию доспехов. Интересно, что они делали за пределами дворца в такой опасный вечер. Уж любимой охране императорской семьи наверняка было известно о предстоящем «веселье». На нашу компанию они не обратили особого внимания, пронеслись мимо, сосредоточенно глядя перед собой из-под тяжелых полибийских шлемов. Вот и замечательно, общаться с этой публикой не было ни желания, ни времени.

Мы свернули на узкую улицу, которая петляла между уютными маленькими домиками. В отличие от центра и Нижнего города, здесь росло много деревьев, из каждого угла веяло милым пасторальным уютом. Правда, насладиться приятной местностью не удалось. Начинало быстро темнеть, но это были не естественные, природные сумерки. Казалось, сам воздух стал пропитываться темнотой. Демонические храмы активировались один за другим. Я чувствовал их пульсацию.

Фабия, бегущая впереди, все чаще оглядывалась на меня через плечо, видимо опасаясь, что я с минуты на минуту свалюсь от усталости. Ее муженек больше не пытался беседовать. Тихо висел на плече и постепенно становился все тяжелее. Не умер бы от перенапряжения. А то забавно будет, если я надрываюсь только для того, чтобы притащить домой свеженький труп.

Я скептически хмыкнул, девушка тревожно обернулась. Ее лицо и обнаженные руки белели на сером фоне домов, глаза казались огромными.

— Что?!

— Ничего. Долго еще?

Мой голос прозвучал устало. Естественно, для демона человеческое тело — не вес. Но моя идеальная маскировка требовала идеальной игры.

— Нет! Нет, еще немного. Совсем немного осталось.

Я сдержанно кивнул, досадуя на свою дурацкую привычку доводить все до конца. И вдруг услышал, *почувствовал*. Земля мягко качнулась под ногами, гулкий, низкий звук отозвался долгой вибрацией в сол-

нечном сплетении. Мощный всплеск темной энергии прокатился по городу. Фабия присела от ужаса, прижав ладони к щекам:

— Все! Не успели! Не успели!

Прежде чем она впала в истерику, я оказался рядом, пнул ее довольно чувствительно и приказал:

— Идем! Я не для того пер твоего муженька на своем хребте, чтобы сдохнуть с ним в обнимку у самого порога.

— Но ведь...

— Давай шевелись!

Она честно попыталась справиться со страхом, шмыгнула пару раз носом, сделала несколько шагов и покачнулась. Повернула ко мне белое, расплывающееся в темноте лицо и залепетала:

— Я не могу. Я, правда, не могу.

Нет, тут дело не в усталости. И не в обычном человеческом испуге. Ее парализовал мощный выплеск тяжелой демонской энергетики. Воображаю, как по всему городу люди замирают, чтобы предстать перед демоническими хозяевами оглушенным, отупевшим покорным скотом.

Я аккуратно сгрузил не подающего признаков жизни человека на землю, подошел к его жене и с размаху влепил ей пощечину, потом еще одну, по другой щеке, и заорал прямо в испуганное, покрасневшее лицо:

— А ну пошла! — и для усиления эффекта покрыл девицу отборной руганью. В ее глазах мелькнуло нечто напоминающее оскорбленную гордость. Ну вот. Уже лучше. Я поднял полудохлого супруга и потащил дальше.

Боевого задора Фабии хватило ненадолго. Мне пришлось схватить ее свободной рукой за плечо и тянуть за собой, приговаривая успокаивающим голосом: «Давай-давай. Все хорошо. Немного осталось. Ну, давай же!» Я почти поверил себе сам, как вдруг в конце улицы мелькнула черная приземистая тень. Она принюхивалась, и даже отсюда казалось, что слышится где-то рядом её громкое дыхание и причмокивание. Зверь-убийца почуял жертву.

Не нас. Приплюснутая голова медленно повернулась в другую сторону. Демон заворчал в предвкушении легкой добычи и прыгнул. Громкий человеческий вопль заставил меня вздрогнуть, Фабия обеими руками зажала уши. А потом бросилась бежать. Хорошо хоть в нужную сторону. Я спешил следом за ней, перебирая в памяти заклинания, которые можно применить, чтобы тихо обезвредить одного-двух соплеменников, не приманив остальных, рыщущих в округе. К счастью, давешний охотничек не появился. Видимо, доедал пойманного или нашел еще одну жертву.

Все, надоело. Если через несколько минут эта беготня не закончится, брошу обоих смертных прямо здесь, и пусть делают что хотят. Но девица вдруг вскрикнула, махнула рукой в сторону приземистого од-

ноэтажного дома и помчалась еще быстрее. Взлетела на крыльцо, всем телом ударилась о дверь и заколотила в нее:

— Откройте! Откройте же! Это я! Это мы!

— А ну пусти! — Я не слишком удачно сбросил мужа на каменный пол, так что бедняга приложился головой о косяк, отошел на шаг и ногой с размаху пнул дверь. Но та не распахнулась и не слетела с петель. Я не успел удивиться, насколько прочными оказались запоры в этом крохотном доме. Ее открыли изнутри. Но мне даже не посчастливилось рассмотреть кто. Низкая серая тень мелькнула и исчезла в темноте коридора.

За шиворот я затащил хозяина внутрь, а Фабия уже задвигала засов за моей спиной. Вогнала тяжелый брус в гнутые скобы, дернула несколько раз, чтобы проверить, хорошо ли держит. И вдруг зарыдала, трясясь всем телом, и медленно сползла вниз по стене.

— Эй, подруга! — Я наклонился, взял ее за плечи, тряхнул.— Успокойся. Все нормально. Мы добрались. Хватит рыдать.

Рыдать она не перестала. Зато вскочила и повисла у меня на шее, обняв обеими руками:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо!!

Признаюсь, это было приятно в первое мгновение. И тут же возникло искушение прижать к себе теплое человеческое тело, сжать его так, чтобы хрустнули кости, запустить когти в мягкую плоть, прикрытую только гладким, скользким шелком. Дьявол! На меня тоже действуют тяжелые эманации Дна. Я схватил девушку за руки, грубо оттолкнул, почти отшвырнул в сторону. Она не удержалась на ногах, плюхнулась на пол рядом с мужем. Тот пошевелился, тихо застонал. Значит, все-таки жив.

— Я ухожу.

— Нет! Ты не можешь! Останься здесь! Дождись утра!

Одной рукой девица схватила мужа за плечо, другую протянула ко мне, как будто пытаясь удержать на месте.

— Не надо! Не ходи! Тебя убьют там!

— Не убьют.— Я подошел к двери. Прислушался. Пока все тихо. Взялся за засов. Фабия снова бросилась ко мне, вцепилась в рукав лорики:

— Не ходи! Пожалуйста!

— У меня тоже есть дом. Я должен убедиться, что там все в порядке. Закрой за мной дверь!

— Ты спас нас! А я должна отпустить тебя на смерть?!

— Уйди с дороги! — Наверное, истинное демоническое бешенство, которое я начинал испытывать, отразилось на моем лице. Потому что девица шустро отпрыгнула в сторону и вскрикнула рыдающим голосом с трагическими интонациями:

— Скажи хоть, как тебя зовут!

Начиталась душещипательных драм и вообразила себя прекрасной благородной героиней, провожающей неизвестного спасителя навстречу

неминуемой кончине. Имя мое, надо полагать, понадобилось, чтобы поминать меня во время утренней молитвы. Идиотка! Сколько времени потерял! Я отодвинул засов, приоткрыл дверь, выскочил наружу и тут же захлопнул ее за собой. Сбежал вниз по ступенькам и поменял образ. Естественно, низшего серого демона. Только полный болван будет шляться сегодня по городу в человеческом обличье.

А теперь нужно мчаться домой. Но на не собственных ногах. Открыть телепорт,— и плевать на осторожность. Главное — успеть перехватить Энджи или Атэра, если их понесет на улицу. Или... не нужно? Неожиданно мне захотелось забыть обо всех своих обещаниях, обо всем. Рвануть вниз по улице и вломиться в волну тяжелой, горячей силы. Стать одним из тех, кто будет сегодня убивать. Кто *уже* убивает! Рот наполнился густой голодной слюной, челюсти свело от невыносимого желания немедленно сжать клыки на мягком человеческом теле. И чтобы кровь брызнула прямо на пересохшее нёбо, а жертва забилась в руках, визжа от боли и страха. И не одна жертва. Много. Каждый, кто попадется по дороге.

Глава 20
БОЛЬШИЕ СЕНПОЛИИ

Энджи стоял у окна, смотря в медленно темнеющее небо. Рядом, на скамеечке, устроилась Гермия. Она шила, тихонько напевая песенку на элланском. Простой мотив повторялся, как будто лился по кругу. Время от времени ангел чувствовал на себе нежный, ласкающий взгляд девушки, и ему становилось легче. Почти легко.

Тяжелая, давящая пустота медленно наползала из черного храма, стоящего посреди города. Она пугала и завораживала одновременно. Как изгибы змеиного тела.

— Лурий Энджи,— Гермия перекусила нитку белыми зубами,— вы бы закрыли окно. Сегодня ночь нехорошая. Закройте, пожалуйста.

Энджи протянул руку и медленно потянул на себя тяжелые створки. В комнате сразу стало тесно, душно. Лишь от Гермии, проворно управляющейся с иголкой, веяло свежим ветерком. Ее не тяготила давящая темнота города. Она почти не чувствовала ее. Привыкла. Только ежилась время от времени, хмурила брови, словно пытаясь прогнать неприятную мысль, которая беспокоила ее.

— Сегодня плохая ночь.

Горожане крепко запирали двери, закрывали ставни, тушили свет. Те, кто не успевал добраться до своего дома, искали ночлег в наемных. У кого не было собственного угла, забивались в любую нору, только бы поглубже и лишь бы не оставаться на улицах Рэйма.

Приближалась полночь. Время последнего часа перед Большими сенполиями.

Некрос стоял на одном из узких балконов своего земного храма и позволял ветру трепать плащ как тому вздумается. Внизу, от подножия тяжелых черных колонн, во все стороны тянулись улицы. Целый клубок дорог, тупиков, каналов. Сейчас Правитель словно держал в руках длинные звенящие волокна. Если встряхнуть их, натянуть — из переплетения нитей посыплются человеческие крики, слезы, мольбы. Можно черпать полными пригоршнями, но они никогда не иссякнут.

— Не захлебнись,— произнес за спиной знакомый язвительный голос инквизитора.

Пусть ехидничает, сейчас не до него.

— Смотри! — Некрос, торжествуя, вытянул руку вперед, и сейчас же четкие линии улиц стали смываться, расползаться...

Великолепное, незабываемое зрелище.

— Долго готовился? — Верховный турвон подошел, встал рядом. Его присутствие было не слишком приятно, но теперь от назойливого внимания демонического приятеля невозможно избавиться.

— Смотри,— повторил Повелитель, и по городу прокатился низкий, долгий, вибрирующий гул. В нескольких частях Рэйма открылись телепорты. Пульсирующие воронки, выплевывающие в человеческий мир черные тяжелые сгустки, дрожащие от жадности и голода.

Инквизитора заметно передернуло, на человеческой физиономии появилось брезгливое выражение.

— Они сожрут весь город.

— Не весь.— Некрос вытер руки краем плаща. Хотя в этом не было особой нужды, только в кончиках пальцев все еще чувствовалось покалывание от избытка выплеснутой энергии.— Тебе этого не понять, мой темный друг. Ты же не правящий демон. Низших слуг приходится кормить и давать иногда возможность развлечься. Иначе они начинают звереть от безделья.

«Темный друг» скрипнул зубами в раздражении от снисходительного тона сородича.

— Все равно. Это нерационально! Впустую переводить человеческий материал!

— Об этом можешь не беспокоиться. Они плодятся очень быстро. Одни умирают, рождаются другие. У меня много земель, на них много людей. Проведешь чистку в одном месте, в другом в это время прибавится населения. Гениальный закон равновесия!

Инквизитор насмешливо фыркнул. Похоже, принял логику рассуждения. Он вообще, похоже, испытывает слабость к четким, последовательным, логическим доказательствам.

— И как часто ты проводишь «чистку»?

— Регулярно,— уклончиво отозвался Некрос, которому наскучило обсуждать тонкости политики, проводимой на человеческом уровне.

— Ты огласил мой приказ о задержании молодых людей ангельской внешности, занимающихся целительством?

«Огласил»! «Мой приказ»! «О задержании»! Высоким штилем заговорил, уважаемый!

— Естественно.— Попробуй ответь по-другому, покоя не будет. И правда надо огласить. Что-то он совсем забыл об этом.— Сеть заброшена, теперь жду улова.

Инквизитор поморщился. Как Некроса бесила манера изъясняться языком официальных протоколов, так Верховный турвон не любил иносказательные выражения, замутняющие четкую мысль.

— И когда ожидается «улов»?

— Только не сегодня. Ни один смертный, попавший в лапы к моим ребятам, не уйдет живым.

Турвон, прищурившись, глянул в темноту, засопел и вполголоса произнес свое любимое ругательство. Ангел не смертный, но представить его выжившим в городе этой ночью очень трудно.

— Нужно спуститься вниз.

— Что?

— Спустимся вниз. В город. Устроенная тобой резня может нам здорово помочь.

— Слушай, ты болен! Нет, хуже, одержим. Идеей.

— Ты идешь или нет?

— Иду! Дьявол тебя забери.

Первый человеческий труп они увидели на площади. Женщина в темных одеждах лежала в луже крови лицом вниз.

— Проститутка.— Некрос равнодушно взглянул на нее.— Решила подзаработать и нарвалась на слишком пылких любовников.

Инквизитор брезгливо поморщился. Правитель, посмеиваясь про себя, повел его дальше.

Следующий покойник висел вниз головой на дверях здания Сената. С изодранного тела лился непрерывный красный ручеек, разбивался о мраморные ступени и лениво тек вниз.

— Каскад,— задумчиво произнес Некрос, любуясь не лишенной специфической эстетики картиной.— Давно надо было соорудить что-нибудь подобное в моем храме. А на фронтоне надпись золотом: «И потекли реки крови. И слились с реками слез...» Над текстом можно еще подумать.

Его спутник ничего не ответил, только под человеческим лицом промелькнули демонические черты.

— Идем дальше,— велел Некрос.— В Нижнем городе должно быть веселее.

Он еще сдерживался. Не торопился хлебнуть темной силы, текущей по улицам. Оттягивал удовольствие.

Инквизитор размеренно и неторопливо шагал рядом, и невозможно было понять, о чем он думает. Радуется неожиданному участию в демонической «трапезе» или проигрывает в своем извращенном уме способы поимки ангела.

— Расслабься, друг мой.— Повелитель не удержался и «глотнул» немного пьянящей боли, просочившейся из-за неплотно закрытого окна.— Твой загадочный светлый не сунется сегодня на улицу. Смотри сам!

Теперь мертвые попадались на каждом шагу. Они были похожи на бледных, беспомощных гусениц, выдернутых из своих коконов. Вялые руки и ноги, спины, как будто лишенные позвоночников, слепые глаза, разинутые рты.

На улицах стали слышны крики, вопли боли и ужаса. С верхнего этажа, прямо под ноги Некроса, свалилось женское тело. Ударилось о мостовую так, что кровь брызнула во все стороны, хрустнули кости.

— Вот мерзавцы,— добродушно заметил Некрос, перешагивая через труп.— Я ведь запретил им мародерствовать в домах.

Запах свежего человеческого мяса и крови приятно дразнил, возбуждая аппетит. Ароматная, только что выпущенная жизненная сила густой сладкой завесой висела в воздухе. Щекотала нёбо и гортань, перетекала по мышцам звенящими, искристыми струйками.

— Почему здесь никого нет? — Инквизитор хмуро оглядывался, перекинув плащ через руку, чтобы не испачкать его край в крови.

— Ушли дальше. Здесь уже нечего собирать. Нет, постой. Кое-что есть.

Из-за угла дома выбралась согнутая человеческая фигура, прокралась к распластанному на земле телу и начала копошиться возле него.

— Крысы,— прошипел Правитель сквозь зубы,— падальщики.

На мертвецах оставались украшения, оружие, пояса. И нужно было иметь достаточно смелости или жадности, для того чтобы идти по следам демонов, обирая убитых. Те, кому везло, за ночь могли собрать немало. Но этому не повезло.

— Смотри.— Некрос улыбнулся, поднял руку. Огненный шар сорвался с его пальцев, со свистом промчался по улице и врезался в мародера. Человек вспыхнул, как пук сухой соломы, заорал, пытаясь сбить с себя пламя, заметался, роняя на землю клочки горящей одежды. И наконец упал черной, плавящейся грудой.

Правитель засмеялся. Раскинул руки, запрокинул голову, втягивая в себя волну еще горячей боли, отчаяния и чудовищной паники.

— Это ли не празднество смерти! — закричал он в низкое, покрытое вязкими облаками небо.

— Ты пьян,— с отвращением произнес инквизитор.

— Да. Немного.

Трудно не опьянеть, когда со всех сторон хлещет бесконтрольная сила, заливает до краев, почти несет над землей. Только не нравится, настораживает взгляд турвона. Оценивающий, изучающий... Нет, он не идиот, знает, что сейчас нападать нельзя. Видит, что соперник переполнен энергией, которая может выплеснуться через край в любой миг. Но все равно, лучше бы не смотрел так.

Некрос швырнул еще несколько шаров и сжег все тела, валяющиеся у стены. Остались только кучки пепла.

— Зачем?

— Облегчение для родственников. Если они есть. Не придется тратиться на похороны. Его Могущество Некрос совершил еще одну милость.— Правитель саркастически усмехнулся.

— Ты же знаешь, многие из них верят, что душа умершего не найдет успокоения, если тело не будет похоронено по определенному ритуалу.

— Ты слишком много внимания уделяешь их глупым верованиям. Ну, что еще не так?!!

Инквизитор застыл. А потом вдруг схватил Некроса за плечо. Правителя передернуло от подобной фамильярности, но он не успел возмутиться. Кто-то шел им навстречу из дальнего конца переулка. Медленно. Уверенно. Не прячась. Останавливаясь время от времени.

Рука турвона слегка дрожала, когда он указал вперед. На силуэт. Человеческий. В длинных одеждах...

Внутренняя сущность просвечивала сквозь тело смертного. И она была белой. Не сероватой, не просто светлой — ослепительно белоснежной.

— Какого Дьявола?! — прошептал потрясенный Некрос.

— Это он,— ответил инквизитор.

Юноша наклонился, протянул руку, прикасаясь к чему-то, лежащему на земле. Светящиеся лучики потекли с его пальцев, и Некрос почувствовал вибрацию, встряхнувшую с ног до головы.

— Что он делает?! Что он там делает?!!

— Лечит,— хмуро произнес турвон.— Пытается спасти кого-нибудь из людей.

— Дрянь! Мерзость! — Правителя затрясло от бешенства и отвращения.

Светлое ничтожество разгуливало по земле и протягивало свои загребущие ручонки к чужой собственности. Пусть это всего лишь трупы. Но эти трупы принадлежат ему — Некросу.

Правитель взревел от ярости! Размахнулся. Инквизитор бросился на него, пытаясь удержать. Но не успел. Вся мощь, собранная Верховным демоном за ночь сенполий, полетела в нарушителя. Вонзилась в тонкую светлую фигуру, пронзила насквозь. Он даже не успел понять, в чем дело. Слабо вскрикнул, пошатнулся, попытался схватиться рукой за стену.

Контур его тела поплыл, задрожал, а потом лопнул, обнажая истинную сущность.

Не одни Высшие демоны могли скрывать свою настоящую внешность. Светлый незнакомец тоже был в человеческом образе лишь снаружи, а теперь внешняя оболочка сгорела. Некрос в некотором оцепенении разглядывал длинные светящиеся крылья, повисшие беспомощно и жалко, склоненную голову с золотыми волосами, тело, гармоничное до отвращения.

— Я его убью.— Правитель не услышал в своем голосе ненависти и злобы. Это была просто констатация факта.— Убью.

— Нет! — Когти инквизитора все еще впивались в руку.— Не сразу! Не сейчас!

— Я разорву его голыми руками. Даже магию использовать не буду.

Некрос уже чувствовал, как его когти раздирают эти белые тонкие крылья. Осталось только отпихнуть турвона, который, забыв о своем высоком сане, вцепился в него, пытаясь уберечь ангела от быстрой, но довольно мучительной смерти.

И вдруг воздух за спиной светлого замерцал, свиваясь в мерцающий ободок. Из его центра появился... демон. Обычный демон, из простых. Некрос успел разглядеть серую клыкастую морду и низкую, приземистую фигуру.

Глава 21,
в которой «лурий защитник» продолжает делать глупости

Я медленно повернулся к дому, из которого только что вышел. Там внутри были люди, я все еще помнил их запах. Несколько ступенек, дверь, которую можно выбить одним пинком. Бесшумно подкрасться, схватить за горло. Нет, мужа не трогать, я не ем падаль.

И вдруг откуда-то издалека приплыло ощущение боли. Не моей. Чужой и в то же время близкой, знакомой. Меня кто-то звал, просил вернуться. Требовал ответа. Медленно, почти не понимая, что делаю и зачем, я размахнулся и со всей силы ударил по каменной стене дома. Зашипел от боли, стиснул ушибленную ладонь здоровой рукой. Помотал прояснившейся головой. Инстинкт самосохранения, будь он неладен. Так, пора сматываться, пока способность ясно соображать не прошла. А то снова потянет охотиться на смертных.

Я сосредоточился, открыл телепорт и нырнул в него.

«Приземлился» уже в нашей комнате. Гермия вскрикнула, шарахнулась в сторону, когда прямо перед ней из пустоты возник демон со зверским выражением физиономии. Выронила блюдо, и оно эффектно разбилось, ударившись об пол.

Прежде чем девица заорала или хлопнулась в обморок, я принял обычный облик и грозно рявкнул:

— Тихо! Это я!

Она зажмурилась, всхлипнула, а потом вдруг завизжала непереносимо тонким голосом:

— Никогда! Не смейте! Меня так! Пугать!

Пожалуй, еще немного, и эта сумасшедшая бросится на меня с кулаками.

— Спокойно! Энджи, Атэр дома?

На мгновение лицо Гермии приняло растерянное выражение и тут же сморщилось плаксиво.

— Я не смогла его удержать! Он ушел!

— Кто?!

— Энджи!

Из спальни появился хмурый Атэр:

— Чего орете?!

— Где Энджи?

— Откуда я знаю!

— Он в городе?!

— Да! Да!! Я тебя звал! А ты не пришел! Где ты шлялся, когда был нужен здесь?!

У меня перехватило дыхание от подобной наглости.

— Я был там, где я был!

Еще не хватало отчитываться в своих поступках перед этим сопляком.

— Ты обещал приходить, когда позову! Ты слово дал!

— Лурий Гэл! — Гермия не выдержала и вмешалась в нашу перебранку.— Энджи...

Могла бы и не напоминать.

— Дай булавку, иголку, что-нибудь острое.

— Что?! Зачем?

— Ты можешь не задавать вопросов?! Просто сделай!

Девушка отколола фибулу от хитона и протянула мне, не понимая, как это украшение может помочь спасти Энджи. Я взял изящную безделушку и медленно воткнул острие в ладонь.

Гермия охнула испуганно, Атэр открыл было рот от удивления, но тут же закрыл его и вернул на физиономию надутое выражение. Я посмотрел на каплю черной крови, выступившую из ранки, и приказал:

— Из дома не выходить. Двери-окна закрыть. На стук не отвечать. Я скоро.

И телепортировался, прежде чем эти двое вступили со мной в пререкания.

Черная, раздражающе-соблазнительная волна снова подползла ко мне, но очередной укол булавкой прояснил сознание. Я закрыл глаза, пытаясь почувствовать единственный светлый огонек в общем темном

безумии. Расстояние не имеет значения. Где бы он ни был — в паре шагов или на другом конце города, все равно найду.

Я стоял на площади напротив нашего дома, там, куда перенес меня телепорт, и напряженно «принюхивался». Рэйм дрожал, вибрировал, сотрясался. Естественно, на энергетическом уровне, в мире материальном дома и статуи оставались на своих местах. Фибула Гермии помогала неплохо. Интересно, что станет с моей ладонью к утру?

Ангел нашелся в Нижнем городе. Я почти видел белый след, тянущийся в грязных трущобах. Ему было больно, тяжело, но он был жив. Пожалуй, Энджи удивился бы, если узнал, насколько крепко мы с ним повязаны. Хотя, может быть, сейчас он тоже чувствует меня, мой голод и злость.

Я не успел поменять образ, даже очнуться от своих размышлений, как вдруг на меня налетела толпа людей. Человек десять. Все в дорогих, нарядных одеждах и все в состоянии, очень похожем на легкое помешательство. Они хохотали и истерически выкрикивали какой-то бред. От них несло вином, благовониями, диким страхом и возбуждением. Меня обступили со всех сторон, закружили и потащили следом за собой. Первое естественное удивление прошло, когда я вспомнил, что по-прежнему выгляжу как человек.

На моей шее повисла визжащая, размалеванная девица с разорванной на груди одеждой. Отодрать от себя истеричку получилось не сразу. Но ее место тут же занял молодой человек с бледным вытянутым лицом и безумными глазами. Он вцепился мне в лорику и заорал с восторгом:

— Ты солдат? Из городской когорты? Я узнал! Идем с нами! Идем с нами, брат! Сегодня ночью все решится!

Мне порядком осточертели смертные обоих полов, поэтому я с наслаждением вмазал ему прямо по фанатичной физиономии. Парень шмыгнул разбитым носом, но, кажется, даже не почувствовал боли.

— Идем! Скорее! Они не будут ждать!

— Куда?! — Я попытался задержать его.— Куда вас всех несет? Кругом демоны! Орава голодных тварей.

— Мы ищем его! Высочайшего наслаждения, которое может дать только смерть! Мы ждем его целый год! Мы готовились к нему! — орал парень, вырываясь из моих рук.— И только повелители смерти могут подвести нас к самому краю! Дать заглянуть в ее глубины, но не сорваться! Удержать и позволить насладиться великой картиной всеобщего хаоса и гибели.

Искатель наслаждения захрипел и забрыкался активнее,— видимо, я слишком сильно натянул одежду на его горле.

— Придурок! Кому ты нужен?! Какие глубины?! Иди домой, пока не поздно!

Естественно, он не внял моим предостережениям, вырвался с безумным воплем и, расталкивая приятелей, бросился бежать. Честное слово, Рэйм окончательно свихнулся! Еще несколько минут компания бесновалась вокруг меня, а потом понеслась в Нижний город.

Мне нужно было в ту же сторону. Снова приняв образ низшего демона, я пошел следом за молодыми безумцами. Можно было не торопиться. Через пару кварталов я увидел их всех. Только вряд ли они получили то самое наслаждение, к которому стремились, отталкивая друг друга локтями. Первой на дороге валялась раскрашенная девица. У нее была сломана шея и разодрана спина. Шелк хитона исполосован в тонкие ленточки. Можно было выбрать менее болезненный способ самоубийства. Затем молодой идеолог, которому я разбил нос. Кажется, у него не хватало кое-каких частей тела. А потом и все остальные — один за другим. Бесформенные груды разноцветных окровавленных тряпок.

Истошно вопя, навстречу вылетел человек в одежде, расшитой золотом,— еще один поклонник мучительной смерти. Слепые, белые от ужаса глаза с точками зрачков, перекошенное лицо — жалкая, гнусная картина. Он увидел мою демоническую фигуру, заскулил, плюхнулся на колени, завыл, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Нет!! Нет!! Не надо! Не на...

Отчаянная мольба перешла в оглушительный визг — косматая серая тварь выскочила из подворотни и с утробным рычанием схватила человека, впиваясь когтями в его горло.

— Этот мой! — рыкнул неизвестный сородич, облизываясь.

— Не претендую,— отозвался я равнодушно, обошел довольного охотника и направился дальше, сжимая в кулаке булавку.

Идиоты! Смертные идиоты. Какое безумие овладевает ими?! Одни хотят уничтожать демонов, другие сами бросаются в их пасть, третьи служат им. Может быть, Энджи понимает их, но только не я. И вдруг, едва лишь я подумал об ангеле, голова моя наполнилась такой болью, что пришлось сжать ее. Перед глазами вспыхнула картина: улица, заваленная трупами, светлый силуэт ангела, а рядом две фигуры, излучающие мрак и свирепую радость. Я взвыл не хуже смертного в когтях демона и прыгнул. Телепорт выбросил меня прямо за спиной Энджи как раз вовремя, чтобы подхватить его и прыгнуть обратно в воронку. Сам не знаю, как мне удалось все это так быстро. С перепугу, наверно. Даже не успел разглядеть толком Высших демонов. Вроде один из них был Некросом.

— Энджи! Энджи! — Я хлестал его по щекам, пытаясь привести в чувство. Но золотоволосая голова не поднималась, ангел не открывал глаз, крылья повисли до самой земли.— Ну давай приходи в себя! Очнись! Буллфер меня убьет, если с тобой что-нибудь случится.

Атэр вскочил, опрокинув стул, когда я втащил в комнату бесчувственного ангела. Гермия вскрикнула, бросилась ко мне, но не решилась прикоснуться к своему раненому спасителю.

— Что это?! — залепетала она.— Лурий Гэл, что это?!

— «Что это?»! «Что это?» — злобно передразнил я ее, отдуваясь.— Вот он, ваш прекрасный вестник. Защитник, хранитель и утешитель. Любуйся. Валяется теперь полудохлый. Из-за тебя, между прочим!

— Лурий Гэл, но я же... Я же ничего такого не хотела...

— Давай тащи вино, теплую воду, духи какие-нибудь. Живо! Хватит рыдать!

— Он... он не умер?

— Пока нет. Давай шевелись!

Гермия умчалась. Атэр помог уложить Энджи на кровать, укрыл простыней. Прибежала зареванная девица с чашами и склянками. Я оттолкнул ее, накапал в воду душистого масла, намочил кусок ткани, обтер крылья непутевого партнера, лоб, руки. Влил в рот ангела вина, разжав его плотно стиснутые зубы.

— Ну что? — выдохнула Гермия, с трепетом наблюдая за мной.

— Ничего.

— Что же делать?! Что делать?!

— Тихо! Без истерик!.. Иди сюда! Атэр, ты садись здесь.

Они уселись рядом по обе стороны от ангела, глядя на меня взволнованно и преданно.

— А теперь представляйте себе что-нибудь хорошее. Доброе... Ну, там... детские воспоминания, первую любовь. Ну что вы на меня уставились! Ему нужно человеческое тепло. Оно поддержит его... Давайте. Вспоминайте! Что? У вас в жизни не было ничего хорошего?!

Несколько минут оба сидели молча, с ничего не выражающими лицами и стеклянными взглядами, устремленными в прошлое. Потом Атэр пошевелился, склонил голову к плечу, закрыл глаза. Гермия тревожно затеребила светлый локон, упавший на плечо, кусая губы. Но я шикнул на нее и взглядом указал на бесчувственного Энджи. Девица послушалась. Вздохнула, нахмурилась. Потом лоб ее разгладился. Она улыбнулась мечтательно, прикоснулась к белому ангельскому крылу. Я едва не дал ей по рукам, но сдержался. Ладно, пусть. Может, ему от этого лучше.

Я отошел в дальний конец комнаты, чтобы не мешать им. Сел на подоконник. Взял свою тогу и сам принялся пришивать карман к ее внутренней стороне. Хоть занять себя чем-нибудь.

Один из Высших точно был Некрос. Частенько стал мне попадаться на глаза сей господин. Второго не успел ни разглядеть, ни почувствовать. Если оба не появились здесь еще полчаса назад, значит, выход из те-

лепорта я успел закрыть. Получилось со страху. Практические занятия магией продолжаются весьма успешно.

— Лурий Гэл,— тихонько позвала меня Гермия, не снимая руки с ангельского крыла.

Энджи пошевелился, глубоко вздохнул и открыл глаза. Очнулся. Я отложил шитье в сторону, спрыгнул с подоконника, подошел к кровати.

— Отлично. А теперь идите отсюда. Ему нужно отдохнуть.

Атэр, протестуя, попытался ухватиться за гладкое ангельское крыло, но я крепко взял его за локоть и вывел из комнаты. Следом была отправлена Гермия. Конечно же им хотелось посидеть рядом еще, рассказать, как было плохо и тяжело, как они боялись, то есть подавить на жалость, повыматывать нервы, что очень любят делать все люди. Вытянуть последние капли сострадания и силы, которые остались.

Когда я вернулся, Энджи лежал на спине, глядя в потолок. Бледный, слегка даже сероватый, измученный. Его сияние померкло, лицо осунулось, глаза казались погасшими. Но самое главное — он был жив.

Я сел рядом, стараясь экранироваться от него, чтобы не добивать своей демонической силой. Он и так хлебнул ее сегодня достаточно. Ангел подвинулся, сложил крыло, чтобы мне было удобнее сидеть.

— Как ты?

— Лучше.— Его губы едва шевельнулись, произнося это.— Спасибо.

— Там были два Высших демона. И они едва не убили тебя.

Он медленно отвел взгляд от пятна сырости на потолке. Посмотрел на меня.

— Я закрыл телепорт. Во всяком случае, попытался это сделать. Они нас не найдут.

Энджи продолжал внимательно изучать мое лицо, потом вдруг улыбнулся.

— Что?!

— Ты не сердишься на меня?

— Слишком устал. И нет смысла. Тебе же все равно, что я думаю. Ты всегда делаешь только то, что взбредет тебе в голову. На меня тебе плевать!

Он поморщился, и я поспешно восстановил экран, закрывающий его от меня.

— Гэл, я очень устал.

— Знаю. Тебе надо поспать.

— Я даже не понял, что произошло. Шел, и вдруг... меня как будто пронзило насквозь черным ледяным копьем.

— Я почувствовал.

— Почувствовал мою боль?

— Да. И поверь, это не самое приятное ощущение в моей жизни.

Он приподнялся, глядя на меня тревожно заблестевшими глазами.

— Я не мог не пойти туда, ты же понимаешь! Я слышал их, они звали, просили о помощи. Кричали. Это было невыносимо!

— Знаю.— Я уложил его обратно на кровать.-- Знаю, успокойся. Никто не удержит тебя от благотворительности.

— Это не благотворительность. Это моя жизнь.

Да. Наверное. С какой убийственной простотой он произнес это. А моя жизнь?! Что такое моя жизнь?! Я должен убивать, наслаждаясь темной силой страдания! Моя демоническая сущность требует разрушения! Но приходится идти против нее, все время переламывать себя. Я взглянул на ладонь, исколотую булавкой, и мне вдруг захотелось завыть от бессилия и бессмысленности, от собственной беспомощности.

Энджи поднял руку, легкое, золотистое, исцеляющее облако готово было сорваться с его пальцев, но я схватил его запястье, отчаянно замотал головой:

— Не смей! Не трать на меня свою силу! У тебя и так почти ничего не осталось.

— Мне уже лучше.

— Как же! Лучше!.. Ох, ангел, знал бы ты, как мучительно, невыносимо, чудовищно тяжело с тобой.

Он улыбнулся так, что вокруг голубых глаз собрались морщинки, и ответил:

— Знаю.

Глава 22
СМЕШАННАЯ МАГИЯ

Когда низший прыгнул вперед, к поверженному ангелу, схватил его поперек туловища длинными лапами и зыркнул на Некроса раскосыми глазами, Повелитель откровенно растерялся. А негодяй метнулся обратно в телепорт, воронка закрутилась с тихим свистом и захлопнулась. На все представление ушло не больше секунды. И еще пара мгновений на то, чтобы опомниться от этой чудовищной наглости. Некрос взревел, отшвырнул в сторону ослабившего хватку турвона и бросился к месту похищения.

Там не было ничего. Только оборванный след, по которому невозможно проследить, куда скрылся серый демон.

Следующие несколько минут Верховный Правитель Рэйма предавался бессильной ярости. А когда пришел в себя, понял, что стоит посреди улицы, вокруг чернеют пятна копоти, воняет горелым, а на зубах скрипит пепел. Инквизитор в отдалении внимательно изучает землю, опустившись на одно колено.

— Успокоился? — дружелюбно поинтересовался он, кончиками пальцев ощупывая вмятину на камнях.

— Да пошел ты!

— Это был демон. Низшего разряда.

— Я видел! Он открыл телепорт! *Как* тупая, серая скотина могла открыть свой собственный портал?!

— И зачем ему ангел? — Инквизитор задумчиво поднял голову, глядя в пустоту за спиной соплеменника.

— Сожрет! — Сорвать злость было не на ком, поэтому пришлось запустить когти в собственную ладонь.— Раздерет на кусочки и продаст в качестве сувениров своим приятелям! Откуда я знаю, зачем ему ангел?!

— Это не мог быть Высший? — Спокойные размышления эксперта ничто не могло нарушить.

— Нет!! Я бы почувствовал. И ты бы почувствовал. Обычная серая, тупая образина!

— Не такая уж тупая.— Турвон поднялся, отряхнул руки.— Это был тот, второй. Это его заклинание «плаща тени» мы обнаружили в прошлый раз.

— Это невозможно! Низшие не могут обладать подобной магической мощью.

— Ты должен проверить всех своих демонов одного за другим.

— Среди моих демонов нет такого. Я бы знал.

— По твоему городу шастает ангел, и ты не знал этого. Ты ни хрена не знаешь.

— Это невозможно! Низшие не обладают подобной магической мощью. И потом, ты видел телепорт?! Ты когда-нибудь видел, чтобы демон открыл *такой* телепорт?! — Повелитель Рэйма перевел дыхание, вытянул руку перед собой, как будто пытаясь нащупать исчезнувший портал.— Там было странное свечение.

И только сейчас Некросу стало понятно, что особенно настораживало в тех «воротах». Светлый перелив по контуру воронки. Оттенок, которого не должно быть в спектре демонической ауры.

— Что ты сказал?

Оказывается, инквизитор уже пару минут бормочет что-то себе по нос, теперь изучая место побега в энергетическом плане.

— Он пользуется смешанной магией,— повторил турвон громче.— Очень действенно. Но очень рискованно.

— Смешанной магией? — Все эти глубокомысленные недомолвки бесили Некроса. Сколько наводящих вопросов нужно задать, чтобы добраться наконец до сути.

— Как низший демон, он ограничен в использовании магической силы. Резервы его внутреннего энергетического источника очень малы.

— Я знаю это! Продолжай.

— Поэтому ему приходится подпитываться со стороны. Тонкая ангельская энергия недоступна для темного существа. Грубая черная энергетика имеет свой предел для заполнения. Но силу, которая лежит в «серых пластах» — не светлых, но и не темных — он может использовать напрямую.

— «Серые пласты»?.. Твой собственный термин?

— Как Тонкий мир, в отличие от человеческого, разделен на светлый, темный и сумеречный, так и энергетика разделяется на грубые эманации, высокочастотные и смешанные. Думаю, для сложного колдовства наш второй незнакомец использует именно эти последние. Восхищаюсь его смелостью. Если ткань заклинания исказится и он не сможет контролировать чужую нестабильную силу, его разорвет. Как шар, переполненный воздухом.

— Низший не может додуматься до такого.

— Ему могли подсказать.

— Невозможно! Еще раз тебе говорю! У него просто не хватит мозгов, чтобы понять подсказку. И зачем?! Какая нужда демону рисковать собственной шкурой ради сомнительного удовольствия сотворить архисложное заклинание?! Да я даже представить себе не могу ситуацию, в которой ему понадобится пользоваться магией!

Инквизитор многозначительно приподнял тонкую человеческую бровь и выразительно ухмыльнулся.

— Да! Теперь могу! Открыть собственный телепорт, чтобы украсть ангела у меня из-под носа. Послушай! Но если твоя безумная теория со смешанной силой верна, то, значит...

— Значит, верна другая моя теория — о том, что ангел и демон действуют сообща, а еще что, скорее всего, именно ангел учил его пользоваться этой самой силой.

— Сделай одолжение, не повторяй так часто это слово.

— Какое?

— «Ангел»! Меня от него уже воротит! Дьявол! Какая ночь! Сколько силы! И все, все потрачено впустую! Ненавижу!

Высший турвон демонстративно отвернулся, предоставляя Некросу самостоятельно предаваться разочарованию. Сам он, на взгляд Правителя, занимался совершенно бессмысленным делом — когтем указательного пальца соскребал золу с камня, над которым открыли телепорт.

— Ты должен проверить всех своих низших демонов. Одного за другим.

— Еще раз повторяю! Среди моих нет такого. И... ты не думаешь, что он может быть слугой этой твари Друзлта? Вот уж кто не упустит шанса напакостить мне.

Инквизитор поднял руку, изучая грязь, набившуюся под когти после детективных изысканий.

— Ты прав. Это может быть низший Друзлта. Или Савра, или Золтона... Я узнаю.

Услышав столь многообещающее заявление, Некрос на мгновение отвлекся от ангельской проблемы.

— Слушай, если ты все равно пойдешь к нему, ты не мог бы...

— Нет! Не мог! Я не вмешиваюсь в политику Правителей. Меня интересует только идеологическая безопасность.

Это правда. Повелитель снова с досадой был вынужден признать, что позиция Инквизитора не изменилась. Имея возможность свободно передвигаться по территориям Правителей, он мог получать весьма ценные сведения. Те, за которые враждебные соседи были бы очень признательны. Но он никогда никому не передавал секретную информацию. Например, Некроса очень интересовала система энергетического обмена в подземельях Друзлта. Естественно, Высший турвон знал кое-какие подробности, но выведать их не было никакой возможности. Зато можно было быть уверенным, что секреты Правителя Рэйма также останутся неприкосновенны.

Хотя... и у неподкупного идеологического стража есть слабые места, на которых можно сыграть. И со временем Повелитель Рэйма надеялся выяснить, какие услуги сделают инквизитора более лояльным к политическим интересам своего темного собрата. Например, живой ангел для опытов. Чем не взятка?!

Некрос усмехнулся про себя. Пронаблюдал за тем, как турвон переместился — на территорию Друзлта. Посочувствовал правящему соседу, которому придется пережить допрос с пристрастием на предмет знакомства кого-то из его слуг с ангелом. Ничего глупее даже придумать нельзя. Любой Высший демон озвереет, услышав подобную чушь, но конечно же к инквизитору проявят лояльность. Все знают, что он слегка с придурью.

Повелитель Рэйма переместился сразу в свой кабинет. Пора проводить личное расследование.

— Командира гвардейцев ко мне! — проревел он, принимая свой истинный облик с черными крыльями, когтями и прочей атрибутикой Высшего демона.— Живо!

Ивхисал примчался через минуту, шумно переводя дыхание и всем своим видом изображая полное повиновение. Первым же вопросом Некрос удивил его:

— Кто из низших поднимался в Рэйм за последнюю неделю?

— Вам нужен полный список?

— Нет, я поинтересовался просто так, чтобы завязать с тобой милую беседу,— сладким голосом пропел Некрос и тут же прорычал: — Да, идиот! *Полный* список! И позаботься, чтобы все были на месте. Я собираюсь прогуляться на верхний уровень.

Прогулка по верхнему уровню заняла слишком много времени. Правитель проклял всех. Низших, темных, ангелов... По отдельности и вместе взятых, а также Высшего турвона — персонально.

Верхние галереи обширных подземелий были похожи на соты — множество ячеек, в каждой из которых обитал один низший демон. Было бы проще загнать их всех в общее помещение, но ничего не поделаешь — каждый нуждался в уединении. Иначе в силу склочного и раздражительного характера постоянная грызня могла стать опасной для власти, даже такой стабильной и подкрепленной энергетической мощью Высших. Некрос, как и любой из Правителей, прекрасно понимал это.

Здесь, в отличие от великолепных нижних уровней, отделанных гранитом и золотом, было серо и убого. Впрочем, обитающие тут не нуждались в декорациях для своих жилищ. Им хватало места для еды, сна и потайного уголка, в котором можно хранить всяческий хлам, по их мнению представляющий ценность.

— Скоты,— пробормотал Некрос, морщась от специфической вони, пропитавшей здесь даже стены. Он не мог выразить в полной мере свое презрение к этим тварям. Идея Инквизитора о том, что кто-то из них сумел научиться пользоваться смешанной энергией, казалась маниакальным бредом.

На исходе третьего часа проверки у Правителя рябило перед глазами от мелькания тупых, серых морд, гудело в голове от однообразных ответов. «Да. Наверху был. Что делал? Ничего. Смертных с ребятами погоняли».

Не то! Все не то! Какая магия?! Какой вызов телепорта?! Удивительно, как они вообще к действующему порталу дорогу находят?!

Чувствуя подступающую головную боль от раздражения, Некрос подошел к очередному убежищу. Следом плелся Ивхисал, искренне озадаченный блажью, которая нашла на Повелителя,— лично беседовать с низшими подчиненными.

— Эй, ты! — Очередной демон вскочил, услышав грозный окрик господина.— В Рэйме последний раз когда был?

— Недавно.

— Один?

— С приятелем ходили.

Головная боль прошла мгновенно. Низший отвечал правдиво, но ощущалось в нем беспокойство и желание скрыть от грозного Повелителя подробности похода на землю.

— Что произошло наверху? Отвечай правду! Я сразу узнаю, если лжешь, и будешь наказан, как ты того и заслуживаешь!

— Мы не угодили одному из Высших демонов. Таких, как вы, Повелитель.— Похоже, правду говорить было не слишком приятно, и давалась она низшему с трудом.

— Кто это был?

— Не знаю. Незнакомый. Мы решились спорить только потому, что он показался нам не совсем Высшим.

— Что значит — не совсем?!

— Снаружи такой же, как все другие. А внутри — не такой. Но очень сильный. Чуть нас с приятелем не убил.

Некрос сжал зубы так, что заныла челюсть. Терпение и спокойствие. Иначе этот тупица вообще перестанет соображать, видя Повелителя в гневе.

— Значит, ты встретил демона, внешне выглядевшего как Высший, но на самом деле не являющегося им. Так?

— Ну.

— С чего ты решил, что это демон?

— Так ведь почувствовал.

— Хорошо. Где ты его видел?

— В доме. Зашли с приятелем на жертвоприношение. А он уже там сидит.

— Опиши его.

— Чего?

— Как он выглядел?

— Ростом с вас. Крылья, как у вас. Глаза горели. Только внутри какое-то мельтешение. У вас-то все черное. А у него мелькало все чего-то. А другой...

Некрос почувствовал дрожь неприятного предчувствия и еще большее раздражение.

— Какой другой?! Так их было двое?!!

— Да. Сначала мы подумали, что второй — человек, а потом оказалось, нет. Очень светлый. Жжется.

Повелитель с размаху опустился на низкое каменное сиденье, уставился на демона, нервно переминающегося с ноги на ногу, тяжелым, пристальным взглядом. Если бы можно было вывернуть его наизнанку, чтобы увидеть образы, отпечатанные в голове серого недоумка.

— Как ты догадался, что он не человек?

— А вот,— низший поднял руку, демонстрируя глубокий белый шрам на боку.— Это он ударил. Молнией. До сих пор болит, зараза. Но мне-то еще ничего, а у приятеля с холки вся шерсть вылезла. Согнуться не может.

— Болван! Почему молчал раньше?!

— Так ведь мы...

— Тащите сюда приятеля этого кретина!

Через полчаса мучительных, терпеливых вопросов Некрос более или менее представлял, что случилось в Рэйме. В состоянии легкого шока он покидал верхний уровень. Теперь нужно было посидеть спокойно, в тишине, и свести воедино все полученные сведения. Картинка обещала получиться под стать безумным фантазиям инквизитора.

Сам эксперт-аналитик появился, когда в горле уже першило от выпитого кофе, а голова гудела. Но утраченное спокойствие возвратилось. И злорадство. Очень хотелось посмотреть, как незаменимый специалист по ангелам сядет в лужу. Естественно, в интересах Некроса предоставить ему полную информацию обо всем происходящем, содействовать в раскрытии злодейских планов неуловимой парочки. Вот он всю информацию и предоставит.

— Я был у Друзлта,— непривычно хриплым голосом заявил инквизитор, уселся в кресло, вытянул ноги, откинул голову на спинку кресла.

— Ну и? — Некрос неподвижно сидел за столом, соединив кончики пальцев и окружив себя непроницаемым облаком холодного величия.

— Ничего.— Верховный турвон потянулся к столу, взял чашу, залпом выпил, поморщился, откашлялся и почти вернул свой звучный баритон.— Что у тебя?

Делает вид, что не замечает царственного равнодушия Повелителя, а должен был хотя бы из одного приличия выбрать более достойный образ. Но нет, продолжает сидеть в плебейском человеческом облике, пачкая пыльным плащом обивку кресла.

Некрос выдержал эффектную паузу и выдал всю накопленную информацию, пока не спеша делать собственные выводы. Инквизитор слушал не перебивая, глядя перед собой остановившимся взглядом. Со стороны могло показаться, что он занят своими мыслями, но на самом деле в его голове сейчас шла напряженная работа.

— Портал открывал низший демон, а моих слуг потрепал... Высший. Причем сначала он выглядел как человек. А потом сменил образ. Предстал во всем устрашающем великолепии.

— Ты уверен? Они не наврали, не присочинили?

— Они не могут врать мне. Я слышу ложь. И, кроме того, может быть, мои серые — полные болваны, но нюх у них отменный. Их смутила внутренняя сущность этого Высшего. Она была...

— Нестабильной.

Инквизитор поднялся и принялся расхаживать по кабинету. Остановился у стены с коллекционными алебардами. Снял одну, проверил остроту заточки, полюбовался на свое отражение в полированной стали.

— И в обоих случаях рядом был ангел.

Повесил оружие обратно. Вернулся к столу, вытащил стило из подставки, придвинул чернильницу, выхватил из стопки чистый лист пергамента и стал быстро писать, не обращая внимания на Некроса, не слишком довольного столь вольным обращением с его канцелярскими принадлежностями.

— Сначала мы искали низшего демона, пользующегося смешанной магией. Теперь появляется Высший, неизвестный твоим слугам. Как они про него сказали: «мельтешение внутри какое-то»? Знаешь, отчего оно? Все та же нестабильная энергетика. Он стягивал силы для заклинания и выдал себя. Это одно и то же существо. Действующее заодно с ангелом.

— Существо,— задумчиво повторил Повелитель, рассматривая малопонятные схемы, которые чертил инквизитор. И вдруг заорал неожиданно для себя самого.— Что происходит в моем городе?! Я хочу знать!! Я имею право знать, что происходит в моем собственном городе!!!

Турвон не обратил ни малейшего внимания на эмоциональный срыв сородича, продолжая рассуждать вслух:

— Демон, который пользуется смешанной энергией, общается с ангелом, и мы знаем по крайней мере два образа, которые он может принимать. Думаю, есть еще.

— Нужно найти обоих! Я хочу выяснить, что им нужно в *моем* городе!

— Понимаю твое нетерпение. Но придется подождать. Они проявят себя. Не один, так другой. А пока я поживу у тебя какое-то время.

— Здесь?!

— В Рэйме. Поброжу, понаблюдаю.

Инквизитор смял листок с расчетами, швырнул в камин, надвинул капюшон на глаза и растаял в воздухе. Некрос шумно втянул воздух, непроизвольно облизнулся. Высший турвон, бродящий по его земле в качестве наблюдателя, совсем не то, о чем он мечтал в последнее время. Но с этим придется смириться.

Глава 23
ЗАГАДКИ ВРЕМЕНИ

Утром инквизитор вышел на улицы Рэйма. Небо светлело, по городу расползался серый, холодный рассвет и запах мертвечины. Демоны исчезли. Сытые, отяжелевшие от выпитой силы и сожранного мяса, лениво переругиваясь, разбрелись по телепортам.

Когда последние «ворота» закрылись, стали появляться пугливые человеческие тени. Они крались по улицам, жались к стенам и пристально всматривались в лица мертвых. Искали своих. Проехала, поскрипывая, телега, нагруженная телами — синеватые руки и ноги, перевешиваясь через борта, мягко покачивались в такт движению. Возница лениво пощелкивал кнутом, подгоняя костлявую лошадь. Следом шла женщина в черном хитоне с расцарапанными руками, бледным лицом и блуждающим взглядом. Турвон посторонился, давая дорогу этому материализованному человеческому призраку смерти, собравшему хороший урожай.

Их всех свозили к Форуму[1], рынку, где сегодня вместо рыбы и овощей будут торговать погибшими родственниками. «Это ваш? Смотрите, какой хороший. Даже лицо уцелело. Вот у лурии Монтии внука только по браслету и узнали...»

Турвону казалось, было в этом что-то... неправильное. Некрос мог творить в своих землях все что хотел. Но инквизитор считал, что в его развлечениях чувствуется явное извращение. Словно у обожравшегося бруджо, который насосался крови до тошноты и теперь выпускает ее у новой жертвы ради развлечения, чтобы вылить на землю.

Опухшая от слез старуха стояла на коленях возле мертвого тела и, невнятно бормоча, аккуратно снимала с его разорванной одежды мусор. Двое хмурых мужчин несли носилки, прикрытые тканью, на которой проступали кровавые пятна. Несколько солдат городской когорты застыли, рассматривая кого-то лежащего у стены. Проходя мимо, турвон слышал сдержанно-скорбные реплики.

— Как он здесь оказался? Ведь домой засветло шел.

— Надо бы плащ растянуть. На плаще его унести.

— А родные у него есть?..

Несколько мальчишек с восторженно-испуганными глазами шныряли по улице, глазели на мертвецов и воровали дешевые украшения.

— Ты видел?! Видел?! У того дядьки половины лица нет.

— Ух, жуть! А у этого живот разрезан. Все кишки наружу.

— Давайте, кто первый до того угла. Туда еще мусорщики не дошли.

Инквизитор не удержался, схватил за ухо пробегающего мимо парнишку. Больно схватил, с наслаждением, так что маленький негодяй взвизгнул и заскулил:

— За что?! Пустите! Что я сделал-то?!

— Другого развлечения не нашли?!

— Да чего мы сделали?! Все равно они уже мертвые!

— А если бы там лежал твой отец или мать?! И какой-нибудь засранец выдирал у нее из ушей серьги?

Демон выпустил мальчишку. Тот проворно отскочил подальше, рукавом вытер слезы, выступившие от боли, шмыгнул носом и злобно выругал обидчика.

— Ах ты...— Поймать гаденыша во второй раз не удалось. Он бросился к своим приятелям, которые наблюдали за экзекуцией с безопасного расстояния. Инквизитор с усмешкой выслушал пару сердитых выкриков в свой адрес, но не стал тратить время на человеческих зверенышей.

Рыдания, стоны, горестные вскрики, жалобы наполнили Рэйм.

Чеканным шагом прошли прислужники из храма Некроса, сурово поглядывая по сторонам. Задержали взгляды на высокой фигуре в черном плаще с капюшоном, низко надвинутом на лицо, и отправились дальше. Творить злодеяния во славу своего темного господина.

---

[1] Ф о р у м — большая площадь в центральной части города.

— Не бойся, милочка, я много не возьму. Десять монет за урну, пять за погребение.

— Почему десять?! В прошлый раз было за восемь.

Гробовщики и жрецы наживутся сегодня.

Турвон быстро шел по лабиринту узких улочек нижней части города. Перешагивал через мертвые тела, попадающиеся по дороге. Уворачивался от мусорщиков, небрежно бросающих трупы в повозки. Великолепное равнодушие к смерти. Впору позавидовать.

— Ты куда кладешь? Не видишь, этот из богатых. А тут нищие накиданы.

— Все равно всех на площадь везти. На месте разберутся.

— Хватит. Поехали. Этих после заберем.

В переулке, где он встретил ангела, ветер гонял серый пепел. Черными, обуглившимися скелетами стояли сожженные деревья. Идиот Некрос. Несдержанный, тупой идиот. Здесь могли остаться следы. Наверняка оставались. Но он все спалил в приступе ярости. Пустота. Полнейшая. Ни единой зацепки. Даже шлейф от телепорта исчез.

Высший демон зачерпнул горсть пепла, просеял между пальцами, проследил за его бесшумным падением. Никто не знал, не понимал, не чувствовал, что времена меняются. Тысячелетия бездумного демонического правления приходят к концу. Надвигается нечто неотвратимое. То, чему нельзя противостоять. Ангел в центре темной империи — первый знак. Подтверждение смутных опасений.

Турвон вошел в подворотню. Огляделся. Место достаточно глухое и не лишенное мрачного обаяния. То, что надо. Он вытащил из мешочка, висящего на поясе, пригоршню розовых лепестков, просыпал их на землю, затем — щепотку серой пыли с едким запахом, несколько тонких щепок и, наконец, горсть пепла. Поджег. Когда тонкий дымок бросил на стену прозрачную тень, произнес заклинание. Не ту робкую мольбу о помощи, которую обычно посылают смертные, а мощный призыв, требование, приказ. Его невозможно ослушаться, он летит через пространство, настигая в любом месте, скручивает волю, тянет за собой.

...Сейчас призываемый должен появиться...

За спиной зашаркали, как будто кто-то плелся, почти не отрывая ступней от земли. Гнусавый, старческий голос протянул:

— Почтенный лурий ищет кого-то? У почтенного лурия беда? Ему кто-то мешает жить? В благородном Рэйме найдутся мастера, которые облегчат ему жизнь. Всего тысяча сестерциев, уважаемый,— и вы можете забыть имена ваших врагов. Старый Митус всегда сумеет помочь.

Демон стремительно обернулся. Рядом стоял старикашка в гнусных лохмотьях, его худые, сморщенные руки теребили веревку, повязанную вместо пояса, под низко надвинутым капюшоном поблескивали глаза.

— О, Верховный турвон! — проблеял старик, гнусно усмехаясь.— Какая честь!

— Ты выглядишь омерзительно.

— Зато ты, по обыкновению, великолепен. Даже в человеческом облике.— Собеседник оставил свои отвратные ужимки и заговорил нормально. Как всегда пытаясь скрыть за высокомерием досаду.— Чем обязан?

— Ты знаешь все о Рэйме.

— Неужели? Не больше тебя.

— Я ищу ангела.

Старикашка рассмеялся. Отвратительным, шипящим смехом. Искренним, и все же Инквизитор почувствовал, как он насторожился. Напрягся внутренне.

— Кого, прости? Я не расслышал. Ангела?!

— Светловолосый юноша лет двадцати трех. Он бродил по Нижнему городу, исцеляя всех, кто попадался ему на глаза. Ты должен знать.

Высший демон умел угадывать если и не все мысли, то чувства существа, с которым общается. И сейчас ощутил. Облегчение. Прежнее напряженное внимание растворилось в волне спокойного удовлетворения, настороженность исчезла.

— Извини. Я ничего не знаю об ангеле, бродящем по Нижнему городу. Это все, что ты хотел узнать? Не возражаешь, если я откланяюсь?

Он собрался уйти, но резкий окрик турвона остановил его:

— Трисмес! Я не позволял тебе уходить.

Старик медленно повернулся, под черным капюшоном загорелись два синих огня. Злится. Еще бы, древнего бога держит на коротком поводке демон. Пусть Высший, но все же демон, ненавистное существо, которому он вынужден подчиняться. С его-то многотысячелетним опытом и силой.

— Я не видел ангела. Если ты глух, могу повторить это еще раз.

Подобное хамство прощать было нельзя. Демон зарычал, негромко, но внушительно, и схватил старика за горло. А тот вдруг засмеялся, даже не пытаясь вырваться, но шея в руке турвона неожиданно стала вытягиваться, удлиняться, стала скользкой, чешуйчатой. Тело замерцало, в глазах, горевших синим светом, прорезались вертикальные зрачки, между зубов выскользнул раздвоенный язык. Секунда — и плечо инквизитора обвила шипящая белая змея.

С отвращением тот отшвырнул извивающуюся гадину. Она ударилась о стену и с легким хлопком превратилась в человека. Высокого юношу в синей тряпке, обмотанной вокруг бедер. В нем еще оставалось кое-что змеиное: немигающий взгляд из-под тяжелых век и свирепая ненависть, которую излучал Древний. Безудержная, ледяная ненависть рептилии.

— Никогда не смей прикасаться ко мне, демон! Я старше тебя на несколько тысяч лет! Я правил этим миром, когда ты еще ползал в кровавой грязи, породившей тебя!

— Да-да. Ты был велик. А теперь сам ползаешь в грязи передо мной. Отвечай на вопросы! И если соврешь, я сразу почувствую!

— А пошел ты! — совсем по-человечески огрызнулся Трисмес. И сейчас же вскрикнул, задохнулся от боли. Турвон, в один прыжок оказавшийся рядом, запустил в человеческое тело бога не только когти, но и несколько струек тяжелой, густой, разъедающей силы, убийственной для всех, кроме демонов.

— Ну и как тебе? — задушевно прошептал он на ухо Древнему, корчившемуся от ядовитого жара, текущего по венам.— Как тебе *это*, повелитель мира? Что ты там говорил, «кровавая грязь»? Она дала мне могущество, в сотни раз превосходящее твою силу. Я могу утопить тебя в ней. Вот так!

Бога затрясло от энергии, которую его тело не могло выдержать. Он захлебывался в черном потоке. И не мог сопротивляться. Не мог даже воспользоваться своей хваленой тысячелетней силой.

— Так что?! Продолжать? Или хватит?

— Хватит,— прохрипел Трисмес.

— Будешь говорить?

— Да.

— Не слышу?

— Да!

Демон выпустил синеглазого юношу со змеиными зрачками. Не совсем, но слегка ослабил хватку и уменьшил напряжение черной силы.

— Тогда начнем сначала. Ты видел ангела?

— Нет. Клянусь, нет! Ходят слухи, но не уверен, что они не выдумка.

— Не выдумка,— произнес турвон задумчиво.— Ладно, тогда зайдем с другого края. С ним был демон. Демон-оборотень. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Древний дернулся, как будто опять собираясь превратиться в аспида, но вовремя передумал. Снова со стоном упал на землю, под ноги инквизитора.

— А! Про оборотня ты слышал. Он мне нужен. Где я могу его найти?

— Наемный дом рядом с термами Аппия. Верхний этаж.

— Он живет в человеческом доме? В человеческом мире?

— Да. Да!! Дьявол тебя забери! Это правда!

— Вижу. Сейчас ты не врешь. Как он выглядит? Изначальный образ.

— Не знаю. Я видел его только в образе человека.

— Что ж, благодарю за сотрудничество.— Демон медленно вытащил когти из спины поверженного Трисмеса.— Когда снова понадобится твоя помощь, позову.

Он небрежно разбросал пепел, оставшийся от маленького костра, и пошел прочь из подворотни. Бог неторопливо поднялся, провел рукой по груди. Посмотрел на окровавленную ладонь, потом сжал пальцы в кулак, улыбнулся чему-то. Мрачно и удовлетворенно. Повернулся и растаял в воздухе.

Турвон быстро шел по улице, уже не обращая внимания на скорбящих родственников погибших. Сейчас он встретится с шутником-перевертышем и спустит с него шкуру. Нет, сначала вытряхнет сведения об ангеле.

Вот он, наемный дом. Уродливое здание из серого камня в несколько этажей.

«Оборотень сам узнает меня. Почувствует Высшего демона и начнет стягивать свою нестабильную магическую энергию. А я почувствую его. Но каков наглец, продолжает оставаться в городе. Ему бы бежать, зная, что навлек на себя гнев Правителя. Что это, самоуверенность, нахальство, глупость? Нет, он неглуп. Иначе не смог бы пользоваться своей хаотичной энергетикой».

Инквизитор стал напротив выхода, в тени скромной арки, поставленной в честь победы одного императора над другим. Осмотрел дом, пытаясь определить, где может скрываться ангел и здесь ли он вообще. Но не ощутил даже отголоска его светлой силы. Придется ждать.

Солнце поднялось над городом. Должно быть, всех покойников уже убрали с улиц, кровавые пятна засыпали песком. Скоро на дверях домов, где есть убитые, вывесят траурные венки и потушат факелы. Человеческое горе снова будет подпитывать ненасытного Некроса, сидящего в своем храме-склепе.

Интересно, какого Дьявола оборотня занесло в человеческий мир, да еще в компании ангела?! Последний вопрос буквально сводил с ума. Но терпение — великое достоинство. Турвон заставил себя не строить предположений. Просто ждать.

Из дома выходили рабы, мелкие служащие в одеждах разной степени потертости, прошмыгнула светловолосая девица с корзиной, и никто из них не обращал внимания на неподвижного господина в темных одеждах.

Дверь распахнулась в очередной раз. По ступеням неторопливо спустился мужчина лет тридцати, в военной форме городской когорты. Смуглый, черноволосый. Похоже, нумидиец. Человек. Высший демон посмотрел на него, на мгновение встретился взглядом с черными блестящими глазами. Нет, не он.

Зато военный остановился. Как будто даже споткнулся. На его лице появилось выражение недоверия, непонимания. Он жадно рассматривал турвона, прищурился, сдвинул брови так, что на лбу появилась глубокая складка. Повышенное внимание смертного раздражало. Инквизитор уже собирался избавиться от него, как вдруг нумидиец стал приближаться. Медленно, будто с трудом отрывая ноги от земли. Покачиваясь от внезапно нахлынувших непонятных чувств. «Узнал он меня, что ли?!» Обычно Великого турвона узнавали только, когда тот сам хотел этого.

Он был уверен, что сейчас у него не возникало такого желания. Человек остановился. Протянул руку, словно пытаясь определить, не призрак ли перед ним, но так и не решился прикоснуться. Смуглая кожа на щеках покрылась красными пятнами, мучительное напряжение перекосило рот, на висках выступили капли пота.

— Буллфер? — Хриплый голос срывался.— Буллфер! Как такое может быть?!

Высший демон невольно отступил, испытывая раздражение, злость и досаду.

— Никто не знает мое имя! Никто не должен знать его! Как ты узнал?! Как ты узнал *меня*?!

В глазах нумидийца загорелся фанатичный огонь.

— Думаешь, я мог не узнать тебя?! Забыть твое имя, Хозяин?

— Я не Хозяин.— Инквизитор стянул с головы капюшон, полностью открывая лицо.— Я Великий турвон Рэймской империи.

Человек не слышал его, смотрел с безумным обожанием, восторгом, изумлением. Это было... приятно, но все же странно.

— Буллфер, как это возможно?! Если это ты, то кто тогда...— Он оглянулся на дом, запустил пальцы в коротко стриженные волосы, помотал головой.— Я не понимаю! Он не мог ошибиться! Но и я не ошибаюсь! Как ты оказался здесь?! Что ты здесь делаешь?!

— Смертный! Я Великий турвон Рэймской империи, Нита, Гаэты, Илкасты, Эллиды...

Нумидиец растерялся, смутился. Изобразил мучительное умственное усилие, а потом вдруг рассмеялся и звонко хлопнул себя по лбу:

— Ну конечно! Ты же не чувствуешь.

Его лицо изменилось. Сузились глаза, нос укоротился, расширились ноздри, нижняя челюсть стала тяжелой, квадратной, вместо черных коротких волос густая, пегая жесткая грива, низкий покатый лоб. Прежний образ сполз с него, как старая кожа со змеи. Обнажилась подлинная сущность, та самая, мерцающая.

— Оборотень!

— Ну да.— Он улыбнулся, сверкнув зелеными отблесками в зрачках.— Ты помнишь? Скажи мне, ты помнишь?!

Безумный разговор. Сумасшедший демон. Все идет не так. Совсем не так, как он рассчитывал.

— Что я должен помнить?

Рука с длинными когтями вцепилась в плащ турвона.

— Белый Город. Развалины Белого Города. Хул. Твое поражение. Энджи... Я ждал тебя! Искал! Переходил от одного твоего воплощения к другому! А теперь ты говоришь, что ничего не помнишь?! Что случилось с тобой? Ты умер?! Остался жив? С кем мы возились все эти

годы?! Кто ты такой?! Я чувствую тебя, но... Покажи мне свое настоящее лицо!

Турвон схватил безумца за лорику, затащил под арку — в густую тень от любопытных взглядов смертных, которые, несомненно, появятся, если оборотень не перестанет орать.

— Хочешь видеть мое настоящее лицо?!

Поменять облик было делом одной секунды.

— Теперь ты доволен?

Демон смотрел пристально, внимательно, настороженно. Без прежнего благоговейного трепета.

— А теперь ответь на мои вопросы. Будешь отвечать честно — останешься в живых. Соврешь — я выпотрошу все твои образы. Один за другим.

Безумец молча наклонил голову, не опуская взгляда, и глаза его вспыхнули желтым. Как у волка.

Гэл вернулся через час после того, как ушел из дома. Энджи почувствовал его даже сквозь плотную завесу, которой окружил себя оборотень. Черный сгусток мрака, вспыхивающий серыми и красными полосами. Голову ангела сдавило, тошнотворная слабость покрыла тело испариной, на мгновение комната поплыла перед глазами, но затем все вернулось на прежнее место. «Мне плохо в его присутствии только потому, что просто плохо. Я еще не пришел в себя после ночи. Это пройдет. Я не могу не хотеть его видеть. Я всего лишь устал».

Гэл прошел сквозь «щит». И только теперь ангел увидел, что с его другом что-то не так. Его шатало, лицо, подлинное демоническое лицо, обычно скрытое за придуманными образами, перекошено. Плечи сутулятся, спина согнута. Он выглядел растерянным, измученным, жалким. Опустился на край кровати, не глядя, куда садится. Энджи едва успел отдернуть крыло, иначе тот плюхнулся бы прямо на него. Опустил голову, сжал ее руками.

Чувствуя приближение легкой паники, ангел приподнялся:

— Гэл, что случилось?!

— Я видел Буллфера,— произнес он тихо каким-то не своим голосом. Лишенным всякого выражения.

— Что?

— Говорил с ним. Только что. Пару часов назад.

Только спокойно. Не торопить и не дергать его.

— Ты имеешь в виду Атэра?

— Буллфера! — Он рывком выпрямился, стукнул кулаком по спинке кровати, зашипел от боли.— Ты слышишь меня?! Я видел Высшего демона, которого зовут Буллфер, который один в один похож на моего

бывшего Хозяина и внутренняя сущность которого точно повторяет прежнюю. Только на пять тысяч лет моложе. Моложе, Дьявол тебя забери, Энджи!

Проклятие было произнесено не серьезно, от отчаяния. Но все равно ангел почувствовал ледяную тяжесть в солнечном сплетении. Гэл не заметил, как он сжался от боли. Сейчас демон вообще ничего не замечал.

— Ты сомневаешься в том, что Атэр...

— Нет! Я чувствую, что он — Буллфер. Измененный, но... Слушай, ты не мог ошибиться? Мы не могли потерять его среди всех этих перевоплощений? Может быть, мы возимся не с тем. А настоящий в это время...

— Стал Высшим демоном? Точно таким, как прежде? Внешне и внутренне? Всего за несколько сотен лет?

Зеленые огни в зрачках Гэла потухли. Черная аура стала совершенно непроницаемой, даже красные полосы исчезли.

— Знаю, Энджи. Я доверяю тебе. Никто, как ты, не почувствует его сущность даже в человеческом теле. Но послушай, я видел то, что видел!

Ангел вздохнул. Глубоко, стараясь вытеснить из груди удушающую тоску, которая стала почти привычной. И, как всегда, не смог.

— О чем ты говорил с ним?

— Ему нужен ты.— Оборотень глянул на него сквозь густые заросли серой шевелюры, упавшей на глаза.

— Я?!

— Он ищет ангела, который в ночь Больших сенполий лечил людей в Нижнем квартале. Которого недобил Некрос.

Бояться Энджи не умел. И сейчас вместо страха почувствовал только нехорошее, тяжелое предчувствие.

— Для чего ему ангел?

— А для чего ты был всегда ему нужен? Сила. Новые возможности. Знания. Хочет разрезать на кусочки и посмотреть, как ты устроен. Откуда берешь энергию и нельзя ли ее использовать. А потом отдаст тебя Некросу.

Гэл смотрел на светлого партнера, и на его демоническом лице, не лишенном своеобразной агрессивной, порочной привлекательности, появилось выражение нетерпеливого любопытства. Злобной радости.

«Ему нравится причинять мне боль. Не может лишить себя удовольствия слегка поиздеваться».

— И что ты ответил?

— Что предоставлю тебя в его полное распоряжение, как только увижу.

Нет, это не боль. Прежняя тоска. В груди как будто лежит кусок медленно тающего льда. Только не холодная вода с него течет, а едкий жидкий огонь. Энджи улыбнулся и протянул руки запястьями вверх:

— Цепи будешь надевать?

Садистское удовлетворение смылось с физиономии оборотня. Его затрясло от бешенства. Даже губы побелели, а черная аура снова вспыхнула багровыми полосами.

— Идиот! — прорычал демон, крепко сжимая кулаки.

«Видимо, для того чтобы не ударить меня второй раз»,— подумал Энджи, но удержался от улыбки.

— Ты издеваешься?! Думаешь, я отдам тебя двум высшим бездельникам, чтобы они от скуки разрезали тебя на части?! Да пусть один из них хоть трижды Буллфер! И прекрати ухмыляться! Когда-нибудь ты доведешь меня своим ангельским идиотством!

«Ухмыляться» Энджи перестал только после того, как заметил на руках Гэла глубокие, уже затянувшиеся шрамы, которых не было утром.

— Что это?

— Ничего.— Тот мгновенно прекратил бурную жестикуляцию, потер рубцы.— Его Могущество Великий турвон Рэймской империи Буллфер весьма убедителен в своем гневе. И не смей лечить меня! Хватит силу тратить!

Оборотень помрачнел, теряя интерес к самочувствию ангела. Мысль, которая мучила его, вернулась снова.

— И все же, как это может быть?! Энджи, что происходит?! Объясни, пока я не сошел с ума!

— Гэл,— ангел сел на постели, придвинулся ближе, хотя черная сила приятеля душила его,— послушай меня. Я скажу, что происходит. Только ты...

— Ну?! Говори!

Правда давалась с некоторым трудом. Но слова должны быть произнесены.

— Это не будущее. Это не будущее, Гэл. Мы в прошлом.

Ответная реакция оказалась не совсем такой, как он рассчитывал. Оборотень не взвился с гневным воплем. Не приказал заткнуться, не рассмеялся. Медленно поднял свирепый, ненавидящий взгляд и прошептал:

— Что-о?!

— Это не будущее! Не было войны Буллфера с войском Хул! Не было Хул! Не было «Белых щитов»! И Великой битвы тоже не было! И ангелов нет! Я не слышу их не потому, что они ушли! Их просто нет! Они так далеко, что не слышат моего призыва! Нет Буллфера — Хозяина Срединных земель. Он молод, потому что... потому что молод!

Энджи не хотел кричать. Так получилось. Гэл встал. Прошел по комнате, жестом полного бессилия перед судьбой поднял руки и тут же опустил их.

— Звучит как полный бред. Ты знаешь об этом?

— Да! Но это правда.— Отчаяния, которое испытывал ангел, хватило бы на сто человек, если раздавать понемногу каждому.

— Но когда это произошло?!

— Я думаю, после смерти Буллфера. В том, нашем, мире он умер как демон и в следующий раз возродился человеком. Но родился почему-то не в будущем, как теперь я понимаю, а в прошлом. И мы вместе с ним тоже попали в прошлое. Только не поняли этого, потому что я спал в подземелье, ты был рядом и не видел ничего, кроме пустыни. Как действовала сила, затронутая ритуалом, дальше, я не представляю. Может быть, нас сразу забросило на пять тысяч лет назад, может быть— с каждым новым рождением Атэра мы погружались все глубже в прошлое, двигаясь в обратную сторону во времени. Я не знаю. Все очень запуталось.

— Значит, если сейчас Атэр умрет, нас опять закинет в прошлое?

— Да... Наверное.

— И *как долго* мы будем двигаться назад?

— Не знаю!

Гэл помолчал, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом. Потом с видимым усилием заставил себя вернуться к реальности:

— Когда ты понял? Как?

Ангел опустил глаза, словно раздумывая, отвечать ли. И снова поднял взгляд на собеседника.

— Когда увидел невесту наследника, Арэлл Селфийскую. Она как две капли воды похожа на Архэл.

— И ты молчал?!

— Извини.

Глава 24,
в которой я обретаю сразу двоих хозяев, но лучше бы не было ни одного

Я не рассказал Энджи и половины. Пощадил нежные ангельские чувства. Хотя, наверное, стоило вывалить всю правду, стало бы легче. «Это твоя ноша, Гэл. Ты сам взвалил ее на себя». Он не может презирать и ненавидеть меня? Может принять на свои плечи часть моего груза, Дьявол его забери?

Буллфер стоял передо мной. Живой, реальный, *настоящий*.Такой, каким я его помнил. Хозяин из прошлого. А наверху в доме спал Атэр— Буллфер из настоящего. И теперь я разрывался между ними. Кому я присягал на верность?!

Вот он, готовый господин — Высший демон. А вместе с ним реальная возможность вернуться домой. Домой! Покончить с унизительной человеческой жизнью в обществе ангела и смертного. Он примет меня, снова сделает своим секретарем или телохранителем, советником, не-

важно. Такие демоны-оборотни, как я, появляются раз в тысячелетие, а может, и реже. Я редкий слуга. Уникальный.

Как же я не понял сразу, что это прошлое?! Ритуал, который проводил ангел над Буллфером, имел, оказывается, бурные побочные эффекты. Перенос на несколько тысяч лет назад, например. В какой-то момент нас выдернуло из настоящего и запустило во времена древней, доангельской истории. Причем с явным помутнением в мозгах. Как я мог не понять, что это прошлое?! Впрочем, как я мог это понять, просидев тысячи лет в пустыне. А те несколько жизней, прожитые Атэром, я был слишком занят его воспитанием, конспирацией и общением с ангелом. Держу пари, этот дурацкий ритуал кроме всего прочего имеет свойство замутнять мозги.

Ангел конечно же прозрел раньше. И молчал. Тоже щадил мои демонические чувства? Жалел? Или имел какой-то скрытый от меня план?

Я сидел за столом в общей комнате и наблюдал, как затягиваются порезы на руках. Регенерация шла медленно и мучительно. Когти у Его Могущества Буллфера всегда были очень острыми.

Едва прикрыв глаза, я до сих пор видел, как он стоит напротив, заслонив нас маскирующим «щитом» от взглядов любопытных смертных, и его рыжую физиономию перекашивает от нетерпения.

— Как здесь оказался ангел?

— Я не знаю. Он сам, похоже, не знает. Хочет жить среди людей. Он странствующий ангел. Скиталец. Слыхали о таких? Одержим идеей узнать то, что скрыто, недоступно в его идеальном мире.

— Мне знакомо это.— Буллфер, похоже, сказал это себе, а не мне.— Что *тебе* нужно от него?

— Магия. Сила. Он учит меня.

— Ты смог обмануть его? — Еще одна брезгливая гримаса. Естественно! Куда уж нам до великолепного мастера лжи — Верховного турвона!

— Я смог заинтересовать его.

— Хм.— Его верхняя губа дернулась, открывая длинные клыки, ноздри широкого носа раздулись.— Что же ты предложил ему взамен?

— Свою защиту.

Буллфер фыркнул так громко, что несколько голубей, умостившихся на выемке в стене над нашей головой, вылетели из-под арки, испуганно хлопая крыльями.

— Защиту?! Ты?!

— Прошу заметить, Ваше Могущество, но я унес его прямо из-под вашего носа. А вы, Ваша Беспощадность, даже не смогли проследить, куда ведет след моего телепорта.

Короткий взмах лапы с выпущенными когтями распорол кожу на моем лице, шее и предплечье. Пальцы сжали горло, и глаза Высшего демона, вспыхивающие красными огоньками, оказались совсем близко от моих глаз.

— Ты забываешься, серое ничтожество.

Тут он прав. Я действительно забыл. С Высшим демоном так разговаривать нельзя.

— Прошу простить,— прохрипел я, глотнув воздуха, когда он чуть разжал когти.— Нижайше прошу простить, Ваше Могущество.

Буллфер выпустил меня, позволил слегка залечить раны на лице, брезгливо стряхнул мою кровь с ладони.

— Кто твой Хозяин?

— Я сам по себе.

— Оно и видно. Слуга, испорченный свободой.

И снова он прав. Я успел привыкнуть к самостоятельности и свободе. Причем, похоже, к ангельской. К той, которую понимает и принимает Энджи. А она весьма отличается от демонической.

— Знаешь, что я должен сделать с тобой? Доставить к Некросу. Ты шляешься по его территории. Путаешься с ангелом и создаешь беспорядки.

— Но... вы не сделаете этого?

— Ты умнее, чем должен быть.— По его тону невозможно было догадаться, доволен он моей сообразительностью или она бесит его так же, как и другие мои привычки.— Мне нужен ангел.

«Зачем?!» — едва не брякнул я, но вовремя прикусил язык. Невежливо задавать вопросы Высшему, если он сам не соизволил узнать твое мнение. Впрочем, спрашивать ни к чему. Я и так знаю ответ.

— Мне нужен ангел. И ты приведешь его ко мне.

Интересно, чем они отличаются? Буллфер, у которого я служил, и этот, из прошлого. То же высокомерие, самоуверенность, сила, пренебрежение к низшим. Все то, что восхищало меня в прежнем Хозяине, все, что я хотел воспитать в Атэре. Так почему же меня раздражает его приказной тон, снисходительно-пренебрежительная усмешка, царственное утомление, с которым он смотрит на меня? В чем дело?! Почему я не радуюсь?! Не спешу пасть ниц перед могучим повелителем. Что *со мной*?!

— Где ангел?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Он приходит, когда хочет.

А ведь я лгу ему. Вот только зачем? Спасаю Энджи? Смешно! Спасать Энджи от Буллфера?! Он бы никогда не причинил вреда ангелу... Тот, другой, мой прежний Хозяин, не причинил бы. А этот... Я ему не доверяю. Из всех сил хочу увидеть в нем прежнего Хозяина и... не могу!

— Почему ангел стал общаться с таким, как ты?

Презрительный взгляд покоробил меня. Завидуете, Ваше Могущество? Как же! Высший демон. Средоточие силы, мощи и власти. Что рядом с ним какой-то оборотень? Знакомое ощущение. Хотя порядком подзабытое. Но, Буллфер, мерзавец, как ты смеешь обливать меня столь высокомерным презрением, когда я столько для тебя сделал?! То есть сделаю. Но это не важно...

— Нет, ты не дурак. Любой другой низший, встретив ангела, помчался бы докладывать своему господину. А у тебя хватило ума использовать его для себя. Откуда ты?

Ясно, решил сменить агрессивный тон допроса на более дружественный.

— С севера.

— Из земель Евграна?

— Д-да.

Хотя я понятия не имею, кто там правил. Надо было все-таки в былые времена ознакомиться с древней демонической историей. Но меня это, сказать честно, совершенно не интересовало. Слишком много приходилось сил отдавать вопросам более насущным. И ведь надо же, я не знал даже, *насколько* замечательной личностью являлся в молодые годы мой уважаемый Хозяин.

— Когда ангел появится, извести меня.

— Как?

— Ты знаешь мое имя. Позови, и я приду. С твоим магическим потенциалом это несложно. Приведешь ангела — получишь хорошую награду. Мне нужны сообразительные слуги. Надумаешь меня обмануть...— Он улыбнулся совершенно по-человечески, а потом вдруг схватил меня за плечо, развернул и воткнул когти в мою спину. Я взвыл. Показалось, что под кожу вползает нечто обжигающее, живое и ядовитое.

— Больно?.. Если узнаю, что обманул, ты испытаешь настоящую боль.

Он выпустил меня. Площадь, дома, арка, расплывающиеся перед моими глазами, снова обрели четкость. Воздух перестал обдирать глотку, рвущая боль медленно уходила.

— Я не обману, Хозяин.

— Я не Хозяин. Но мне нравится, как ты это произносишь.— Демон сменил образ на человеческий, убрал «щит».— Надеюсь, скоро увидимся.— Подмигнул едва заметно и не торопясь направился в сторону Форума.

Настоящий, живой Буллфер, а не его жалкое человеческое подобие по имени Атэр. Я сел на землю под аркой, чувствуя легкое головокружение. Что же мне делать?! Что мне *теперь* делать?

Заново начать карьеру секретаря у молодого и самого перспективного (уж я-то это знаю точно!) Высшего демона? Но я дал слово. Несколько тысячелетий назад... или вперед... я дал слово своему Хозяину позабо-

титься об Энджи... Впрочем, не только это удерживало меня от «соблазнительной» перспективы.

Я вдруг понял, что *по-новому* смотрю на прежде понятные и не вызывающие вопросов вещи. А основное возражение у меня сейчас было только одно: опять надевать на себя ярмо?! Стать верным слугой у властного господина?! Моя демоническая природа требует свободы. Другой свободы. Не той, которую я считал таковой прежде. Я понял, что раньше, находясь на службе, только воображал себе, что я свободный демон. Просто не представлял *другой* жизни. Теперь все изменилось.

— Гэл.— Теплая ладонь легла на мое плечо. И я дернулся, сообразив, что задремал.

— Что?!

— У тебя вся спина в крови.

Энджи стоял рядом. Почти здоровый, если не считать кругов под глазами.

— Ты бы облик сменил. Нечего расхаживать по дому в таком виде.

— У тебя кровь на спине,— повторил он мягко, но настойчиво. Как ребенку.

— Где? — изогнулся я, заглядывая через плечо.— А, да. Буллфер постарался.

— Можно я посмотрю?

— Валяй.

Я стянул пропитанную кровью лорику через голову и сел на кровати, повернувшись спиной к ангелу. Он принялся осторожно ощупывать мои лопатки, тихо бормоча себе под нос.

— Странно. Как будто ожог. Красное пятно, а в середине... Ох! — Он вдруг отскочил в сторону, опрокинув стул, схватился за руку, зачем-то рассматривая свои пальцы. Посмотрел на меня с укоризненным удивлением.— Там у тебя...

Я разозлился:

— Ты можешь не мямлить?! Что там?!!

Он мотнул головой, схватил меня за плечо и потащил к зеркалу, висящему на стене. Откуда, интересно, в столь хрупком создании столько сил. От испуга, наверное.

Я глянул через плечо в отполированный щит.

— Ох, и ни хрена себе!

— Что это?! — Изумление на лице Энджи сменилось отвращением.

На спине пониже лопатки краснело круглое, идеально ровное пятно. Шерсть вокруг него казалась опаленной.

— Как будто внутри что-то есть. Я почувствовал.

— Естественно. У меня под кожей «гриэльский мрамор».

— Что?

— Дьявол! Он пометил меня! Никто из Высших не может узнать меня под разными личинами. Я идеально маскируюсь. А он теперь узнает, почувствует, где я и как выгляжу!

По напряженно-внимательному взгляду ангела стало ясно, что он ничего не понимает.

— Моя энергетика нестабильна, сам знаешь. И эта тварь будет питаться моей силой, если я стану колдовать. Расти и потихоньку пожирать меня. Она питается нестабильными магическими эманациями. Теми самыми, что использую я.

— Тварь? — Ангел наморщил лоб, честно пытаясь понять.— Ты говорил...

— «Гриэльским мрамором» у нас называют личинки одного не очень приятного летающего существа. Они откладывают яйца возле мест выбросов переменной энергии и сами излучают нечто подобное. Теперь я ничего не смогу сделать! Он почувствует меня под всеми личинами. Не замаскируешься. Мы даже сбежать не сможем. Пешком далеко не уйдешь, а если стану открывать телепорт, дрянь под кожей просто пожрет энергию, которую я начну стягивать. Вот мерзавец! Гад!

— Потише, Гэл.— Ангел улыбался, хотя особого повода для веселья не наблюдалось.— Ты же говоришь о Буллфере.

— Энджи, сделай одолжение, заткнись! И без твоей иронии тошно.

Выворачивая шею, я пытался рассмотреть пятно на спине. Оно как будто слегка увеличилось в размерах, опухло сильнее и воспаленная кожа на нем начала пульсировать.

— Слушай, тебе не кажется, что оно растет?

— Нет.— Явно пересиливая себя, ангел прикоснулся к ранке, прикрыл глаза, рассматривая личинку своим внутренним зрением.— Это нужно убрать.

Пока я приходил в себя от легкого удивления его решительностью, он подошел к столу, взял нож, внимательно осмотрел его, опустил в чашу с вином, подержал, вытащил.

— Эй! Ты что собираешься делать?

Строгий взгляд пронзительно голубых глаз не обещал ничего хорошего, даже обычного милосердия.

— Ее надо удалить.

Я невольно попятился.

— Что сделать?!

— Вырезать.— Уверенное движение руки с ножом весьма наглядно показывало, как именно он собирается проводить экзекуцию.

Мне совсем не понравился его суровый голос.

— Я, конечно, понимаю, что тебе будет очень не хватать моей неподражаемой магии, ты, видимо, заботишься о моем здоровье, но...

— Нет,— он поморщился и брезгливо передернул плечами,— просто это выглядит отвратительно.

Ангел — воплощение гуманизма, доброты и мягкости? Замечательный друг с чудесным характером? Передо мной стоял хладнокровный, неумолимый палач с ножом в одной ладони и сгустком светлой силы в другой.

— Садист! — простонал я, уже понимая, что от «лечения» не отвертеться.

— Целитель,— уточнил он, заставляя меня сесть на скамью и опереться о стол.— Будет больно.

— Без тебя знаю.

— Поэтому я предпочел бы связать тебе руки, и...

— Кляп в рот вставить не надо?

— Да, и это тоже.

— Обойдешься! Режь так. Я потерплю.

— Но, Гэл!

— Я сказал нет!

— Ну хорошо.

Энджи «облил» острие ножа своей белой энергией, плеснул на рану вином, прошептал что-то. Легкая ладонь опустилась мне на затылок, давая ощущение тепла и покоя. Я расслабился, и тут он ударил. Своей целительской магией и клинком одновременно. Боль была такой, что я, кажется, на мгновение потерял представление о времени и пространстве. Во всяком случае, черная пелена на голову опустилась. Ярость, смешанная с бешенством и непереносимым раздирающим кручением в теле. Как будто в меня вгрызалась сразу сотня разъяренных саламандр. Машинально, совершенно машинально я развернулся и отшвырнул его. В самое последнее мгновение попытался смягчить удар, но не успел. Ангел отлетел в сторону, сшиб скамью, крылом задел резной шкафчик. Посуда, стоящая там, со звоном посыпалась на пол, а он ударился плечом и головой о стену.

Я вскочил, обмирая от нехорошего предчувствия, и бросился к нему. Хлопнулся рядом на колени, осторожно перевернул. На скуле у незадачливого целителя наливался синевой хороший синяк, но, когда он открыл глаза и увидел мою сконфуженную физиономию, на губах появилась легкая улыбка.

— Я же говорил, руки надо было связать.

— Извини.

— Ничего.

Ангел поднялся с моей помощью, постоял секунду, пережидая головокружение.

— Давай попробуем еще раз.

— Нет! Не надо! Слишком больно!

— Гэл! Ее надо убрать! Ты не можешь жить с этой... тварью в теле.

— Ничего страшного со мной не случится. Поживу в компании. А потом, через какое-то время, ты попробуешь еще раз. Но не сейчас.

Энджи нахмурился, потер щеки, как будто умываясь, задел синяк на скуле, болезненно поморщился.

— Без твоей магии мы будем совершенно беззащитны.

Можно было бы получить удовольствие от этого признания моей магической незаменимости, но вернувшаяся тупая боль в спине умерила гордыню.

— Ничего, обойдемся. Перевяжи мне спину.

Мы оба не говорили о том, что беспокоит нас кроме Буллфера, возвращения в прошлое и твари у меня в спине.

Арэлл. Ангел в человеческом теле. Это сказал мне Энджи. Значит, она — одна из трех. Давным-давно, несколько тысяч лет назад или вперед, как считать, мне рассказывали о трех ангелах, спустившихся на землю, чтобы возглавить восстание людей против демонов. В моем настоящем они победили. Что будет сейчас? Что будет, если я пойду во дворец и убью элланку? Остановлю падение великой демонической империи на земле? Или всего лишь оттяну его на несколько столетий? Все изменится. Вместо множества Повелителей, владеющих небольшими кусками территории, появится один Хозяин. Им станет Буллфер. Не сразу. До него было еще несколько властелинов. И если бы я серьезнее интересовался историей, то помнил бы их имена.

Но все это не важно. Главное сейчас... А я не знаю, что сейчас самое главное. Я даже не знаю, что мне выбрать. Кого? Атэра или Буллфера.

Часть II
МИРКАРА

Глава 1
ВОПЛОЩЕНИЕ НАДЕЖД

Они собирались раз в неделю. Поздно вечером. В Среднем городе, в доме патриция Октавия Тидула Невия. Благополучные молодые люди, которых должны были интересовать только роскошь и развлечения.

В глубине души каждый понимал, что ничего не сумеет изменить. Безумие выступать против Высших демонов. Можно сколь угодно долго рассуждать о том, каким станет мир без темных, читать древние книги и пытаться найти в них ответы или хотя бы намеки на пути освобождения от демонических созданий — ничего не переменится.

— Все это бесполезно.— Октавий, посмотрел на каждого из демоноборцев темными глазами.— Ведь вы же сами не верите... ну в то, что у нас может получиться.

Он пришел одним из последних, его еще не затянуло в постоянную борьбу с самим собой, со своим страхом. Он не представлял, как можно чувствовать себя свободным. И его все время одолевали сомнения.

— Разве мы сможем что-то изменить? Нас так мало, и вообще...

Молчаливый Атэр, впервые попавший на рэймское сборище демоноборцев, полулежал за столом и хмуро разглядывал всех присутствующих. Гай с любопытством наблюдал за ним, пытаясь понять, что думает мальчишка о каждом.

Их было всего шестеро. Язвительный, резкий, высокомерный Марк с вечной полуулыбкой на тонких губах, бледный, как будто никогда не выходил на солнце. Его дом был сожжен во время позапрошлых Больших сенполий вместе с родителями, младшей сестрой и сотней рабов. Теперь он жил у тетки, изо всех сил делая вид, что в его судьбе ничего не изменилось, зло огрызаясь на малейшее проявление сочувствия.

Преторианцы — братья Аристид и Критобул, названные так в честь древних героев. Гай не помнил, когда они появились. Словно не было такого времени, когда за столом не возлежали два атлета, похожие друг на друга как скульптуры атлантов, держащих на плечах портик в Каракалтском храме. Тяжелые серебряные чаши казались слишком хрупкими в руках каждого из этих двоих, а скамьи с изящно выгнутыми ножками явственно поскрипывали, с трудом выдерживая тяжесть их тел.

Тихий, изысканно-болезненный Юлий. Выглядящий гораздо моложе своих двадцати трех. При виде этого гибкого молодого человека невозможно было представить, что он выжил в храме Некроса. Обычно мертвое тело избранного — светлокожего, светловолосого юноши с голубыми глазами — выбрасывали из центральных дверей через сутки. Юлий продержался все три дня, отведенные для принесения искупительной жертвы Высшему демону. Что происходило в храме, знал один Гай. Хотя предпочел бы не знать...

— Он был очень любезен.— Гай прекрасно помнил, как тогда, четыре года назад, Юлий рассматривал свои забинтованные руки и в его спокойном, почти равнодушном голосе начинали слышаться истерические ноты.

— Кто? — Преторианец сидел рядом с его ложем, исполняя роль сиделки и одновременно мечтая оказаться как можно дальше от друга, источающего запах смерти и свежей крови.

— Некрос. Он был там лично. Знаешь, любезно разговаривает, улыбается, попивает свой черный напиток и заживо снимает с тебя кожу.

— Прекрати. Хватит.

— Нет, слушай! Почему я должен терпеть это?! Знать это один! Только потому, что мне посчастливилось родиться светлым?! Идеальная жертва? Идеальная жертва!! Так он называл меня!

Гай пытался удержать его, не давая метаться по постели и сбивать повязки. Но Юлий в бреду становился очень сильным. И продолжал часами описывать внутренности храма, любимые пытки Высшего и свои видения.

— ...Знаешь, о чем я мечтаю? Уснуть и никогда не просыпаться. Не видеть снов и ничего не чувствовать.

...Некрос не убил его. Наверное, решил приберечь на будущее. До следующих жертвенных дней. А может быть, получал дополнительное удовольствие оттого, что в городе есть человек, который каждую минуту помнит причиненную ему боль. Кто поймет Высших демонов?

Юлий выжил, но его уже считали мертвым. Символически похоронили и оплакали. И то, что он вернулся, ничего не меняло. Для родных и друзей юноша остался покойником. Лишь Гай продолжал считать его живым. Хотя смотреть в глаза человеку, который почти умер в когтях демона, было порой тяжело.

Октавий. Нервный, вздрагивающий от любого резкого звука, имеющий привычку говорить торопливо, взахлеб, глотая окончания, уставившись на собеседника тревожным взглядом огромных гагатовых глаз. Через полгода он должен был стать послушником в одном из черных демонических храмов. Надеть красный передник и поклясться быть верным орудием в руках темных сил. Ожидание этого сводило его с

ума. Словно каждый прожитый день отнимал еще немного душевных сил. И можно было ожидать, что к концу срока он превратится в полного калеку.

И, наконец, сам Гай. Из его родных никто не погиб мучительной смертью, самого не подвергали пыткам. Зачем ему нужно это сборище? Иногда он сам не понимал.

— Сможем ли мы сделать хоть что-нибудь? — продолжал вопрошать Октавий. Ему нужна была постоянная поддержка, поощрение. Каждый день требовалось убеждать, что он все делает правильно. Утомительная обязанность.

— Не сможем. Но все равно будем делать.— Гай мрачно оглядел присутствующих. Заметил одобрение во взглядах братьев-атлетов, обычную отрешенность Юлия, недоверие Марка.

— Самообман. Иллюзия,— пробормотал будущий черный жрец.

— Хватит ныть! — рявкнул Критобул.— Не знаю, как вы, но я чувствую себя человеком, а не мешком с требухой, когда делаю хоть что-то.

Аристид закивал с видом полного доверия брату:

— Мы, может быть, чего-то и не понимаем в ваших разговорах. Но знаем точно — надо действовать!

— Действовать! — передразнил его Марк.— Хотел бы я знать, как именно. У тебя есть план, мой большой друг? Скажи, что делать, и я пойду за тобой со штандартом в руках.

Аристид угрожающе засопел, но промолчал. Состязания в язвительности с Марком его никогда не прельщали.

— Критобул прав.— Неожиданно вмешался Юлий, глядя в свою чашу с разбавленным вином.— Может быть, мы попусту тратим время, но я тоже чувствую себя человеком во время наших собраний. И потом. Каждый из нас должен бороться хотя бы с самим собой. Со своим страхом и покорностью. За те века, что людьми правят демоны, мы превратились в послушный, тупой скот. Древние боги...

— Не надо мне ничего говорить о Древних! — Октавий задел кувшин, едва не опрокинул его, но успел подхватить. Отодвинул подальше от себя и закончил спокойнее: — Древние тоже были темными тварями.

— Не все.— Юлий, как всегда, избегал смотреть в глаза собеседнику, рассматривая узор на скатерти.— И они давали свободу выбора — кому поклоняться.

— А мне все равно,— заявил Марк, излишне повышая голос.— Я не хочу поклоняться никому! Спина болит — всем кланяться!

Гай молчал. Почти не слушал. Споры о богах и демонах стали привычными. Теперь он точно знал, что может сказать каждый из друзей. Ему не давал покоя разговор с Атэром по дороге к этому дому...

— Почему ты стал демоноборцем? — спросил преторианец. Он всегда задавал этот вопрос.— Ненавидишь демонов, как Арэлл?

Ответ был неожиданным. Меньше всего подходящим для заговорщика.

— Нет. Я их уважаю. Высших, естественно.

Интересный мальчишка. Необычный. Но, по крайней мере, искренний.

— Тогда почему?

Некоторое время Атэр шел молча, на ходу обрывая листья с живой изгороди. Потом сказал как будто нехотя:

— Хочу видеть Эллиду свободной. Тебе не понять этого, рэймлянин. Здесь у вас все сладкое, прокисшее, как корзина заплесневевших фруктов. Воняет благовониями и гнилью. Рэймская империя — дохлая лошадь, валяющаяся под кустом роз. Мерзость, припорошенная душистыми лепестками.

— Богатое у тебя воображение, мальчик,— усмехнулся Гай, провожая взглядом подвыпившую компанию, направляющуюся в Нижний город.

— Я не мальчик. Элланы быстро взрослеют. Мы еще помним, как было раньше. До демонического рабства. Это знание с нами всегда — вот здесь.— Он стукнул себя кулаком в грудь, вызывающе посмотрел на преторианца.— Я хочу свободы.

— Я тоже.

— Нет, Гратх. Ты хочешь жизни. Прожить еще один день, и еще, и еще. А мне все равно, умру я через час или через месяц. Мне нужна свобода. Понимаешь ты?! Я вернулся в этот город, строю из себя малолетнего идиота, терплю насмешки — лишь потому, что хочу свободы! И мне все равно, кто будет стоять у меня на дороге — ты, император, демоны. Я сдохну, но почувствую себя свободным до конца.— Он снова замолчал, стараясь дышать ровно, чтобы успокоиться.— Нам нужно начинать с начала. С самого поганого начала. Это ты правильно сказал. Людям лень мыслить и бороться. Думаешь, демоны смогли бы управлять нами, если бы мы умирали, но не подчинялись им.

— Тогда им вообще некем было бы управлять.

— Верно! Я готов умереть за свободу, а ты — нет. И десять тысяч таких, как ты, тоже нет. Поэтому люди носят ярмо.

— Да. Я люблю жить. Привык, знаешь ли.

— От дурных привычек надо избавляться.— В голосе Атэра послышался издевательски-менторский тон.— Я тоже любил жить до тех пор, пока меня не привели в Рэйм с веревкой на шее.

— Ты был рабом?

— Свободного человека нельзя сделать рабом! — прорычал эллан. Проходившая мимо продажная девица, увешанная золотом, шарахнулась в сторону, опасливо покосившись на темпераментного подростка.

— Как ты снова оказался в Эллиде? — Гай поспешил увести разговор в сторону от неприятных для собеседника воспоминаний. Хотя видение Атэра, ведомого на веревке, было не лишено приятного злорадства.

— Сбежал,— коротко ответил тот. Подумал немного, рассматривая дома богатых горожан, вплотную стоящих по обе стороны улицы.— Ты действительно хочешь просить помощи у Друзлта?

— Да. Ради Арэлл.

— Я не знаю, Гай. Друзлт и Некрос ненавидят друг друга. Каждому не терпится захапать кусок, принадлежащий другому. Честное слово, самому хочется стать Высшим! Навести порядок. Защитить то, что я люблю.

— Если бы ты стал демоном, то уже никого не смог бы любить.

— Знаю. Зато у меня была бы сила! Дьявол, ну почему мы такие слабые?!

«Нет, он не прав,— думал Гай, выкладывая на своей тарелке узор из маслин.— Мы неслабые. Наша сила другая. В другом. Только мы еще не можем определить в чем».

— Эй, Гратх, проснись! — Марк толкнул сообщника в бок.— Скажешь, наконец, кто этот юнец и что он здесь делает?!

— Я уже говорил, его зовут Валерий Октавиан...

— Атэр,— мило улыбаясь, перебил мальчишка.— Все называют меня Атэр. Я из Эллиды.

Он снял медальон и показал всем присутствующим.

— Ему можно доверять? — Критобул погладил рукоять меча, с которым не расставался даже за столом. Требовательно посмотрел на Гая.

— Да. Я уже говорил. Я уверен.

— Зачем ты здесь? — Марк рассматривал подростка с брезгливым любопытством.

— Ради лурии Арэлл. Меня отправили в Рэйм для того, чтобы я встретился с ней.

— Зачем? — повторил Марк.

— Может быть, вы еще не поняли, но сейчас наступает время, когда все можно начать менять. Арэлл хочет заменить демоническую политику императорского правления на более лояльную к людям.

Гай с удовольствием увидел, как вытянулись лица у всех сидящих за столом. Никто из них, надо полагать, не мог представить, что элланский юнец умеет столь умно и складно выражать свои мысли.

Атэр продолжал, точно не замечая реакции на свои слова.

— Естественно, она не сможет полностью выйти из-под контроля демонов. Но она настроена провести реформы, которые облегчат существование рэймлян.

Первым от удивления очнулся Марк:

— Все это замечательно. Но ни на шаг не приблизит нас к цели. К уничтожению власти демонов.

Эллан нахмурился. Видимо досадуя, что его великолепно продуманную, логичную речь беспардонно прервали.

— Их власть небезгранична.— Атэр посмотрел на Гая, и преторианцу стало немного не по себе. Слишком тяжелый, мрачный взгляд был у

семнадцатилетнего мальчишки.— Гратх говорил правду. Мы должны что-то делать. Не важно что. Читать, спорить, изобретать самые безумные планы, но только не сидеть без дела. Иначе сдохнем от страха.

— Это я говорил,— буркнул Критобул. Но на недовольного атлета никто не обратил внимания.

— У тебя есть план? — Октавий заерзал на своем месте, нервно поправляя подушки.— Реальный план?

— Да. Представляю! Гениальный план.— Марк поднял руку и стал демонстративно загибать пальцы.— Пункт первый — убить императора и всю императорскую семью. Пункт второй — сделать Арэлл императрицей. Пункт третий — поубивать всех демонов. Вернее, стоп, пункт второй и третий стоит поменять местами. Сначала — смерть демонам. Что может быть проще!..

Октавий рассмеялся, но тут же подавился легкомысленным смешком, встретившись с бешеным взглядом рассвирепевшего Атэра.

— Ты глуп,— медленно, с отвращением произнес эллан.— Все вы глупы. И к тому же трусы. Сидите без дела, хлещете вино и строите из себя великих заговорщиков.

Аристид по-бычьи наклонил голову, лицо его побагровело.

— Ты кого назвал трусом, сопляк?!

— Вас всех. За свободу надо бороться. А не ждать, когда она свалится вам на голову.

— Нет, ты кого назвал трусом?!

Юлий, сидящий рядом с братьями, поморщился от зычного рева, протянул руку с глубокими рубцами на запястье, удерживая темпераментного атлета на месте. Похоже, тот был готов броситься на мальчишку и раскатать его по столу за смертельное оскорбление.

— И кого ты назвал глупцом? — Марк, также не привыкший глотать обиды, привстал, и на его скулах проявились два красных пятна.

— Хватит! Хватит! Перестаньте! — Октавий побледнел от мысли, что сейчас в его доме начнется потасовка.— Никто никого не хотел оскорбить! Аристид, сядь! Я тебя прошу. Все хорошо! Это просто такая фигура речи! Не правда ли, Атэр?!

— Да... Фигура.— Мрачно отозвался юнец, и глаза его сузились от злости. Гай заметил, что рука мальчишки как будто невзначай скрылась в складках тоги. Полез за кинжалом. Оставалось только надеяться, что он не вздумает им воспользоваться.

— Все-все! Друзья мои, перестаньте! Критобул, налить тебе еще вина? Юлий, налей Критобулу еще вина. Маркос, дорогой, успокойся.

— Я спокоен,— прорычал тот, усаживаясь на прежнее место.— Я еще никогда не был так спокоен.

«Хорек в курятнике,— усмехнулся про себя Гай, рассматривая рассвирепевших друзей и злого, взъерошенного мальчишку.— Хорошо, что он появился. Растрясет немного это сборище, которое, надо признаться, совершенно расслабилось в бездействии».

— Все! Угомонились! — Гратх хлопнул ладонью по столу и продолжил, заражаясь высоким стилем Атэра.— Сегодня мы хотели обсудить возможность Арэлл стать императрицей.

Но обсудить эту возможность не удалось. Неожиданно во входную дверь застучали. Вернее, заколотили, громко и требовательно. Так, что стук отозвался во всем доме. Заговорщики переглянулись.

— Кто это может быть? — Октавий тревожно оглядел комнату, стол и своих друзей, словно проверяя, нет ли здесь чего подозрительного, на чужой взгляд.

— Ты ждал гостей кроме нас? — сухо осведомился Марк, чистя апельсин.

— Нет. Я... я не знаю, кто это,— пролепетал хозяин.

— Лурий Октавий,— в комнату вбежала испуганная рабыня,— к вам пришли.

— Кто?! Кто там еще?! Скажи, я занят! Никого не принимаю! Я никого не хочу видеть! У меня... у меня гости.

Тонко пискнув, рабыня отскочила в сторону, пропуская посетителей, которые не пожелали дожидаться приема. Братья помрачнели, увидев вошедших, Юлий вздрогнул, Маркос продолжал разделять апельсин на дольки, но пальцы его задрожали, на лице Октавия появилось обиженно-удивленное выражение. Атэр сжался на своей скамье, злобно блестя глазами. Сам Гай почувствовал неприятную горячую волну, скатывающуюся с затылка на шею. Он хорошо знал людей, стоящих на пороге. Пятеро, одетые в красные кожаные туники. Короткие мечи в черных ножнах, черная обувь. Воины из храма. Человеческие орудия Некроса, призванные охранять демонический порядок в империи. Следить за выполнением ритуалов, преследовать граждан, уклоняющихся от их соблюдения, и карать виновных. Их не интересовала чернь — с ней могли справиться и городские когорты. Они охотились на зажиточных, богатых и общественно значимых граждан — на патрициев.

— Кто хозяин? — голосом, лишенным всякого выражения, поинтересовался стоящий впереди бритоголовый человек с золотым шитьем на одежде.

— Я... Да, я! — Октавий попытался придать своей позе величественное спокойствие, но стал еще более жалким.— А в чем дело, уважаемые? У нас здесь частное застолье... собрались с друзьями...

Движением руки храмовник заставил его замолчать. Он по очереди рассматривал всех присутствующих, задержал взгляд на Юлии.

— Как часто вы собираетесь?

— Каждую среду. Почти каждую среду. Беседуем. Отдыхаем...

Хозяин дома продолжал оправдываться, но Гай уже не слышал его жалкий лепет. Теперь наблюдатель смотрел на него. Внимательно, словно пытаясь проникнуть в самые сокровенные мысли. Узнавая. Еще бы, личность телохранителя лурии Арэлл должна быть ему хорошо известна. Храмовник продолжал рассматривать преторианца. Гай не отводил взгляда. «А ведь они могут забрать любого из нас. Без объяснений. И

никто слова не скажет. Но какой же нужно быть тварью, чтобы идти на службу к Некросу...»

— А что вам угодно? — робко вякнул Октавий.— Мы делаем что-то противозаконное?

— А вы делаете что-то противозаконное? — Храмовник перевел на него немигающий взор.

— Нет! То есть мы просто...

— Огонь под вашим жертвенником гаснет.— Он указал себе за спину, туда, где в особой палате стоял золотой треножник.

— Это рабы! Нерадивые слуги! Виновные будут наказаны! Его разожгут немедленно!

— Наша цель — следить, чтобы не угасли жертвенники, горящие в душах рабов Великого Некроса.

Гая передернуло от пафоса, прозвучавшего во фразе жреца. Он казался бы даже смешным, если бы не твердая уверенность храмовников в том, что *не может быть иначе*. Еще несколько минут слуги Хозяина рассматривали всех присутствующих. Потом одновременно повернулись и вышли.

— Какого хрена им было надо? — задал Атэр риторический вопрос.

— Интересно,— задумчиво произнес Марк, выплевывая апельсиновые косточки, которые он все это время держал во рту,— какой гад навел храмовников? Они не могли приперетьсяся сами по себе.

— Это не я! — Октавий в ужасе замахал руками.— Вы ведь знаете, что это не я. Я же не сумасшедший! Теперь они все время будут приходить в мой дом. Все соседи поймут, что я на подозрении. О боги, какая неприятность!

Остальные промолчали, бросая друг на друга косые, испытующие взгляды. И больше всего их досталось Атэру. Еще бы, первый раз появился в обществе — и сразу такая «неприятность». Эллан сделал вид, что не замечает тихой антипатии окружающих, или действительно не замечал.

— Ладно, уважаемые. Вы как хотите, а мне пора.— Марк поднялся из-за стола, вытирая руки о край скатерти.— А то тетка взбесится.

Никто даже не улыбнулся. После гибели сестры лурия Поппия тряслась над оставшимся в живых племянником, устраивая скандалы с истерикой и сердечными приступами, если он пропадал больше чем на пару часов. Никому не улыбалось лицезреть эту разгневанную госпожу. Однажды она уже примчалась в дом Октавия в сопровождении десятка вооруженных рабов, требуя выдачи Маркоса. «Похожа на моего Тиберия,— мрачно думал Гай.— Только в женском обличье. Тоже считает нас молодыми идиотами, которые не могут позаботиться о собственной шкуре и сами лезут в пасть демонам».

Расходились тихо, быстро, молча.

— Гай, куда ты сейчас? — Юлий приблизился, как всегда, неслышно.

— Домой. Спать. Но сначала доведу Атэра до дворца.

— Сам дойду.— Мальчишка с мрачным видом заматывался в гиматий.— Я знаю Рэйм получше тебя.

— Ничуть не сомневаюсь.

— Не возражаете, если я пойду с вами? — спросил Юлий.

— Будем рады.

Атэр закатил глаза, изображая полнейшее отвращение к обоим провожатым, и первым вышел из дома.

На улице было темно. Низко висящая над домами луна давала больше тени, чем света. Где-то неподалеку захлебывалась от лая собака. Эллан шумно вдохнул прохладный воздух, потянулся и заявил:

— Октавий — трус и пустозвон, Марк — зануда, братцы преторианцы — глупы. Отличная компания. Я счастлив, что познакомился с ними.

Юлий тихо рассмеялся. Гай промолчал.

Дальше шли не разговаривая. Даже Атэр молчал. Думал о чем-то или вслушивался в ночь. Громкий властный окрик прозвучал за спиной внезапно, они только свернули в переулок Пекарей:

— Эй, смертные!

Сколько раз Гратх давал себе слово не расслабляться и не зевать по сторонам. Особенно на улицах Рэйма и особенно ночью. Обернулись все одновременно. На фоне белого лунного света стоял демон. Не Высший. Но весьма внушительный. Черный зверь-убийца с оскаленной, вытянутой мордой. Мастер разрывать людей на мелкие кусочки.

В виске привычно заныло. Юлий, стоящий рядом, передернул плечами, его рука метнулась к голове — тоже почувствовал боль. Атэр был как будто спокоен. Не дергался.

— Отдайте мертвого и можете спокойно уходить.— Демон качнул широколобой башкой и облизнулся.— Вас не тронут.

Эллан растерянно оглянулся на Гая, ожидая объяснений.

— Это он про меня,— спокойно отозвался Юлий.

— Давай живее,— приказал убийца.— Я тороплюсь.

— Но почему?! Мы же ничего не сделали! Ночь Больших сенполий прошла.— Мальчишка отступил на шаг назад. Казалось, еще мгновение — и он бросится бежать. Но рука его снова медленно потянулась за оружием, спрятанным в складках тоги.

И вдруг совершенно неожиданно Гая тряхнуло изнутри, боль в виске не утихла, но словно стала рассеиваться в звенящей дымке, заполняющей голову. Секундная паника всплеснулась в душе, но ее тут же залила красная, горячая ненависть. Как там говорил Атэр: «Я хочу свободы». Прожить свободным хотя бы несколько минут захотелось так страстно, что перехватило дыхание.

Однажды он уже поднял оружие против демона. Защищал Арэлл. Теперь попытается спасти друга. Безумие, тихо тлеющее, вспыхнуло в глубине сердца. Стало все равно, что они сейчас умрут. Зато познают полную свободу. Звенящая, злобная радость наполнила тело. С ней

пришло ощущение огромной силы, которая словно приподнимала над землей. Рукоять спаты удобно легла в ладонь, лезвие со свистом выскользнуло из ножен. В руках Атэра оказался широкий короткий глациус. А спустя мгновение Юлий, названный мертвым, выхватил свой меч.

Они стояли напротив демона с оружием в руках. Неслыханное кощунство. У черного зверя от удивления отвисла челюсть. На длинных клыках блеснули капельки слюны.

— Ума лишились от страха?! — почти участливо поинтересовался он.

— Убирайся! — Голос Атэра дрожал, но не от испуга. От ярости.— Ты ничего не получишь.

— Самоубийцы.— Темный покачал головой.— Ладно, заберу всех.

И тут Юлий бросился вперед. Не выдержали нервы или понадеялся, что, убив его первым, зверь пощадит остальных. А может быть, тоже захотелось освободиться. С довольным коротким рыком демон присел на задние лапы, оттолкнулся от земли и в один прыжок оказался рядом с тонкой человеческой фигурой. Узкое лезвие задело его щетинистое плечо, брызнула черная кровь, и тут же одним ударом лапы Юлий был отброшен к стене, врезался в нее спиной, медленно сполз на землю и остался лежать неподвижно. Его упавший клинок зазвенел по камням.

Гай отпрыгнул в сторону, пропуская несущуюся навстречу черную махину, и ударил. Спата глубоко вошла в жилистое тело демона. Преторианец не удержался на ногах, рукоять оружия вырвалась из руки. Демон заревел, притормозил, вспарывая когтями землю. Развернулся. Выпрямился во весь гигантский рост, ухмыльнулся, глядя на человека, лежащего у его ног, и медленно вытащил меч, засевший в боку. Кровь черной струей хлынула на дорогу, но тут же остановилась. Рана затянулась сама собой. «Мгновенное заживление»,— мелькнуло в голове у Гая. Сейчас он должен был думать о чем-то другом, но в памяти продолжали всплывать никому не нужные сведения о живучести темных. Зверь отшвырнул оружие в сторону, разинул пасть и потянул к человеку руку.

И вдруг Атэр — мальчишка, проходимец, хвастун — отшвырнул свое оружие, прыгнул вперед и с громким отчаянным криком вскинул руки. Через его кисти к пальцам хлынул свет. Два сверкающих шара сорвались с ладоней и врезались в демона, разбрызгивая белый огонь. Это было нереально, неправдоподобно. Темная улица, Юлий, распластавшийся у стены, растрепанный подросток с вытянутыми трясущимися руками и черная тварь, скулящая от боли и пытающаяся стряхнуть с себя пламя. Прежде чем безумие всего происходящего окончательно не замутило рассудок, Гай вскочил, схватил спату, размахнулся и одним ударом снес голову темному. Подпрыгивая на неровностях дороги, разбрызгивая черную кровь из перерубленной шеи, она откатилась в сторону. Тело медленно завалилось на землю.

Жалобно всхлипнув, Атэр сел прямо там, где стоял, не замечая, что тонкий ручеек демонической крови подбирается к подолу его белой щегольской тоги. Преторианец выронил меч и медленно на подгибающихся ногах побрел к Юлию. Тот уже начал приходить в себя, и, естественно, первое, что произнес, увидев мертвого демона, было:

— Это из-за меня.

— Ты при чем? — тонким голосом произнес Атэр, но тут же откашлялся и повторил уже более мужественно: — При чем здесь ты?

— Они меня чувствуют... Демоны меня чувствуют.— Юлий ухватился за руку Гая и со второй попытки поднялся. Прикоснулся кончиками пальцев к затылку, поморщился.— Я для них открытый канал. Проводник энергии. Чувства, которые я испытываю, доступны им.

— Он выжил в храме Некроса,— пояснил преторианец, подобрав спату.

— Отлично. Октавий — трус, Марк — зануда, Юлий — приманка для демонов.— Атэр саркастически засмеялся, а потом вдруг побелел, схватился за грудь, застонал. Ткнулся головой в землю, подтянул колени к подбородку и заскулил, словно побитый щенок:

— Больно... Больно! Как больно! Как же мне больно!! Горит! Все внутри горит!!

Гай забыл о своем нервно трясущемся теле, подбежал к эллану, попытался перевернуть его. Распахнул тогу на груди. Но не нашел раны, даже царапин не было.

— Что с ним?

— Не знаю. Наверное, это из-за того, что он сделал.

— А что он сделал?

— Убил демона.

— Убил демона?!

— Остановил его.

— Как?!

— Не знаю. Это была магия, но я не знаю, как он это сделал!

Атэр оттолкнул руки Гая и тут же снова схватился за него:

— Домой! Мне нужно домой! Там Энджи, он поможет. Он знает.

Юлий с тревогой посмотрел на преторианца. Любое мучение, исключая свое собственное, заставляло его страдать очень сильно.

— Его нужно унести отсюда.

— А труп? Представляешь, что будет, если завтра здесь найдут труп демона?

Юлий нервно сглотнул, явно борясь с дурнотой:

— Я пойду к Октавию. Мы что-нибудь придумаем.

— Хорошо.

Если бы не стонущий на земле Атэр, Гай предпочел бы придумать «что-нибудь» сам. Но теперь приходилось рассчитывать только на этих двоих. Интересно, что скажет Октавий, когда ему предложат закопать

обезглавленное демоническое тело в собственном саду. Нет, все. Пусть сделают хоть что-то другие. Он устал один решать, успокаивать и убеждать. Они хотели реальной жизни, действия — вот пусть и получают.

Преторианец наклонился, поднял мальчишку, перекинул через плечо и пошел вниз по улице. Тот больше не стонал, дыша часто и резко. Значит, у них теперь нет ничего дороже этого малолетнего эллана, который умеет убивать демонов. Это нереально, невозможно. Привычный мир готов был рухнуть, и Гай чувствовал себя так, словно стоял на обломках прежде нерушимой демонической империи. Кружилась голова, и захватывало дух. Но недоставало смелости думать о том, как будет дальше.

Атэр все время намекал, будто знает нечто большее, чем простые смертные, чем все демоноборцы, вместе взятые. Выходит, это не было обычной похвальбой.

Но где он мог научиться магии? Кто его научил?! Нет, думать о пользе и возможностях нового сообщника надо не сейчас. Главное, чтобы он не умер по дороге от перенапряжения.

Площадь Целия, которую назвал Атэр, была пуста. Фонарь наемного дома отсвечивал оранжевым.

Гай поднялся по скрипучей лестнице, постучал. Открыли сразу, как будто хозяин стоял за дверью и ждал гостей. На пороге оказался светловолосый юноша из той же проклятой, любимой демонами породы, что и Юлий. Он не удивился, увидев Гая с бесчувственным Атэром на плече. Как будто мальчишку периодически приносили домой невменяемым.

— Добрый вечер.— Преторианец постарался придать голосу ироничное равнодушие.— Это ваш?

— Мой,— прозвучало в ответ спокойно.— Проходи.

Комната была тесной, темной, заставленной обшарпанной мебелью. Домовладелец стащил сюда все, что уже не было нужно ему самому. Старый обеденный стол, стулья, место которым только на женской половине, одна более-менее приличная скамья, но с отвратительной глубокой царапиной вдоль спинки.

Ложе, на которое уложили Атэра, из той же коллекции рухляди. С ободранным пологом и сколами на деревянных ножках. Если бы Гаю пришлось принимать гостей в такой обстановке, он бы до конца своих дней чувствовал себя опозоренным. А светловолосый юноша держался абсолютно спокойно. Холодно, отстраненно.

— Это вы Энджи?

— Да,— кивнул хозяин, наклонился над мальчишкой, внимательно его рассматривая.

— Атэр говорил о вас. Говорил, что вы можете помочь.

Еще один кивок.

— Может быть, позвать лекаря? — Гай начал нервничать, подозревая, что приятель Атэра не в состоянии излечить его.

— Нет.

— Я могу оплатить лечение, если вы...— Преторианец замолчал, сообразив, что сейчас сморозит бестактность. Пристальный, холодный взгляд остановил его вовремя.

— Спасибо. Я позабочусь о нем.

Юноша помолчал, а потом вдруг что-то в нем изменилось. Как будто из глубины затемненных зрачков медленно, с усилием поднялось нечто светящееся, завораживающее, волшебное. И осветило утомленное, бледное лицо, сделав его прекрасным.

— Спасибо,— повторил Энджи. И Гай почувствовал такое счастье, нахлынувшее от простого вежливого слова! Почти материальное безграничное, истинное счастье, которое не омрачала ни капля печали.

Улыбаясь, он спустился по лестнице. Не ощутил назойливого беспокойства за себя и друзей, вспомнив об убитом демоне. Не вступил в обычную перебранку с компанией солдат из городской когорты, болтающейся без дела по предрассветной улице, хотя никогда не упускал удовольствия задеть вечных недоброжелателей. Ночь, начавшаяся с раздражения, страха и убийства, заканчивалась покоем и счастьем.

Энджи сидел возле спящего Атэра, слушая тишину за окном. Несколько часов покоя до того, как откроются термы. Душная рэймская ночь, пахнущая серой амброй, подгоревшей рыбой, пряностями, розовым маслом и тлением, медленно вползала в открытое окно. Черный, густой мрак, размазанный по узким улицам, дышал, вспыхивая время от времени искрами факелов, лениво шевелился, потревоженный человеческими шагами или стуком копыт.

Ангел крепко, до боли, стиснул руки, переплел пальцы. Закрыл глаза, чтобы не видеть темноты за окном, темноты в комнате. «Я бреду во мраке. Без цели, без смысла. Я теряю себя, растворяюсь в пустоте. Я привязан к этому мальчику. Он сам привязал меня к себе давным-давно обещанием, что я помогу ему. Я целитель, я не должен чувствовать *свою* усталость, боль, тоску. Но когда сам болен, как можно лечить других?!»

Он опустил руки на стол, голову на руки. Крошечный огонек светильника помаргивал рядом. Фитилек, опущенный в масло, чуть потрескивал, и ангел не мигая смотрел на пламя.

— Энджи,— прозвучал тихий голос Атэра,— ты спишь?

— Нет.

— Знаешь, я сегодня убил демона. Почти убил. Бросил в него огненный шар, и тот загорелся... Эй, ты меня слышишь?

— Гэл будет рад.

— А ты?

Энджи поднял голову, лицо мальчишки светилось, сияло от восторга, гордости, нетерпения. Он желал восхищения и похвал, расспросов.

— Ты рад? Я овладеваю магией. У меня получается. Правда, это больно. Наверное, человеческое тело не очень приспособлено для колдовства. Но я могу защищаться. Теперь смогу!

Как это говорил Гэл? Хочется завыть от тоски и бессилия?

Вот он и научился убивать. Понял, что это легко. Ангел навалился грудью на край стола, пристально вглядываясь в расширенные зрачки Атэра, пытаясь понять его истинные чувства. Что там, в глубине души, за этой детской радостью? Но не смог. Тонкая ниточка эмоций, едва только потянувшаяся из глубины, тут же оборвалась. Неужели не хватает сил? Даже на это?!

— Тебе нравится убивать?

— Мне нравится защищаться! — Атэр произнес это жестко и резко.— Ты очень милосерден, но вполне в состоянии дать по морде тем, кто хочет тебя убить. Я тоже не желаю быть беспомощным бараном. Хватит! Мне надоело, слышишь?! И вообще, отвалите от меня! Я буду делать что хочу!

Мальчишка собирался вскочить, но, вынужденный опуститься на прежнее место, сердито засопел.

— Почему так больно?

— Ты учишься магии рывками. Перепрыгиваешь со ступени на ступень, не успевая подготовиться к следующему этапу. Это болезненно.

Атэр промолчал, а Энджи вдруг почувствовал тонкую струйку вины, перерастающей в жалость. Целый поток жалости, который внезапно стал таким сильным, что, казалось, еще немного — сметет, смоет, задушит.

— Извини, Энджи. Я не хотел на тебя орать. Прости.

Ничего не отвечая, ангел поднялся, подошел к окну. Если взяться рукой за косяк и перегнуться через подоконник, можно увидеть императорский дворец. Белую громаду на фоне неба, до самой крыши налитую чернотой. Как она живет там? Девушка Арэлл, рядом с которой хочет быть Атэр?

Глава 2
РИТУАЛ

Невеста наследника проснулась от боли. Голова раскалывалась, словно вокруг постели собрался десяток демонов. Ее знобило, и перед глазами стояла картина из приснившегося кошмара. Красное, мерно колышущееся море, алые волны, медленно бегущие одна за другой, и непереносимый жар, поднимающийся от них.

На ощупь Арэлл нашла на столе чашу. Зачерпнула воды в ладонь и, проливая ее на постель, смочила виски. Каждое движение отзывалось звоном в голове. Наверное, от духоты. Надо бы позвать какую-нибудь из рабынь, попросить отвар от боли.

Каракалтский храм черной скалой впивался в небо. Казалось, он пульсирует, втягивая в себя свет луны, белый круг которой низко висит над городом. Арэлл сжала кулаки и, глядя только на ночную небесную богиню, отчаянно, изо всех сил попросила. Помощи, сил, защиты. Говорят, раньше та слышала и даже отвечала снами и видениями. Теперь молчит.

Мольба элланки разбилась о монолит демонического храма.

— Не тому молишься,— неожиданно услышала она знакомый голос.

Обернулась, но никого не увидела.

— Трисмес?!

— Иди в дом Нума. Сейчас, иначе будет поздно.

— Сейчас?!

— Опоздаешь, и я не смогу тебе помочь. Эллан проводит тебя. Торопись.— Голос бога стал отдаляться, последнее было произнесено шепотом.

Арэлл вскочила, чувствуя необычное нервное возбуждение, и бегом бросилась из спальни.

Телохранитель стоял на своем месте неподвижно, глядя широко раскрытыми глазами в пустоту. Элланка с размаху хлопнула его по лорике на груди:

— Гай! Мне нужно попасть в Северный квартал.

Он вздрогнул, но не от резкого пробуждения. Похоже, его удивила неожиданная просьба.

— Куда вам надо попасть?

— В Северный квартал.

— Куда?!

— Гай, ты плохо слышишь?!

Преторианец сердито задышал, нахмурился.

— Прямо сейчас?

Нет, слышал он хорошо.

— Да. Сейчас.

— И что вы там собираетесь делать ночью?

— Мне нужно найти дом Нума.

— Лурия Арэлл, надеюсь, вы понимаете, что это неразумно и очень рискованно.

— Да. Понимаю. Позови Атэра. Его не пугают риск и неразумные поступки.

На щеках телохранителя появились два красных пятна, глаза сузились, губы крепко сжались. Он молча развернулся и вышел.

Атэр спал в комнате рядом с покоями Арэлл. Чтобы дойти до него, разбудить, передать приказ госпожи и вернуться обратно, нужно минут пять, не больше. Пришли оба через полчаса. Мальчишка сиял. Гай был мрачен.

— Мы должны сделать это быстро, — хмуро сказал младший Гратх.

— У тебя все быстро! — огрызнулся Атэр.— Мы потратим столько времени, сколько понадобится. Не больше и не меньше. До Северного квартала часа полтора в один конец.

Арэлл равнодушно слушала их обычные пререкания, накидывая поверх хитона темную паллу. Эти торопливые сборы немного напоминали поход к демонической ведьме. Казалось, давным-давно. Только тогда она нервничала, сердилась, не желая принимать участия в глупых дворцовых ритуалах. Сейчас ей все равно, и идет она сама.

— Арэлл, ты готова? — Телохранитель тоже был одет в темное. Скромная военная форма, ничем не напоминающая обычные сверкающие доспехи. На поясе висит длинный меч в ножнах. Лицо насупленное. Нижняя губа сердито поджата. Не одобряет ночное путешествие, но смиряется с его необходимостью.

— Я знаю, где дом Нума.— Атэр пренебрег осторожностью, вырядившись в белоснежную тогу с пурпурной каймой по подолу. В прежние времена, при императоре Светонии, наглеца, посягнувшего на цвета правящей семьи, публично раздели бы и заставили заплатить огромный штраф. Сейчас никому не было дела до того, кто во что одет.— Поспешим, лучезарная.

Арэлл вдруг показалось, что мальчишка как будто подрос за то время, что жил во дворце. Окреп, возмужал. Хотя времени прошло совсем немного. Или ей чудится?

— Иду.

Они вышли из покоев элланки, спустились по лестнице и свернули к морскому павильону. Гай, показывающий дорогу, кивнул в сторону арки, прорезанной в стене. За ней начинался узкий коридор, стены которого покрывал затейливый орнамент. Цветы и странные звери — полульвы-полуящеры. Преторианец сделал несколько шагов вперед, провел рукой по рисункам, нажал на незаметную завитушку, и сейчас же часть стены опустилась, открывая темный ход, затянутый паутиной.

Атэр тихонько свистнул, выражая одобрение.

— Здесь мы сможем выйти из дворца, не привлекая внимания охраны,— пояснил телохранитель, помогая Арэлл перебраться через высокий порог.

— Хорошо бы еще вернуться обратно.— Эллан внимательно посмотрел на руку Гая, все еще придерживающую девушку за локоть, а затем указал на стену, вставшую на прежнее место.

— Вернемся. Не волнуйся.

Преторианец зажег факел, торчащий из гнезда в стене. И сейчас же впереди один за другим вспыхнули огни, образуя слабо светящуюся цепочку по всей длине коридора. Спутники едва видели пол под ногами. Сначала проход шел ровно, затем стал слегка наклонным, в нем появились ступени, и вот уже заговорщики спускались по крутой лестнице. В тишине звучал только шорох их шагов, да где-то далеко капала вода.

Арэлл вздрогнула, когда лепесток паутины, свисающий с потолка, задел ее шею, и едва не споткнулась. Атэр поддержал ее за талию и, медленно убирая руку, пробормотал тихонько, но с явным удовлетворением в голосе:

— Один-один. Нет, пожалуй, один-два.

— Что?

— Осторожнее, лучезарная. Ступени скользкие.

Лестница заканчивалась глубокой лужей. Гай, не вовремя оглянувшийся на девушку, не заметил этого препятствия и шагнул прямо в середину. Предостерегающий возглас Арэлл заглушил плеск, тихие проклятия преторианца, промокшего до колен, и издевательский смех Атэра.

— Ты бы лучше под ноги смотрел.

Телохранитель бросил на мальчишку разъяренный взгляд, а потом вдруг повернулся к элланке, подхватил ее и перенес на сухое место. Сильные руки держали крепко и в то же время нежно, девушке вдруг стало неприятно. Захотелось побыстрее освободиться от навязанных объятий.

— А меня не хочешь перенести? — злобно спросил Атэр и, не дожидаясь ответа, спрыгнул в воду.

— Два-два,— услышала Арэлл, когда он прошел мимо, не заботясь о том, что намочил подол своей прекрасной тоги.

Как же они замучили своим глупейшим соперничеством и ревностью!

— Гай, отпусти меня! И прекратите оба!

— Что прекратить, светозарная?

— Во-первых, называть этими дурацкими прозвищами! А во-вторых, устраивать состязания из-за меня! Вы мне надоели оба! Одинаково!

Следующие полчаса прошли в молчании.

Они вышли на поверхность в Среднем городе, в гигантской арке Трояна, где заканчивался потайной ход. В конце коридора Гай потушил последний факел, и все остальные через несколько мгновений тоже погасли.

На каменной громаде арки гранитные кони, поднявшиеся на дыбы, тянули квадригу, в которой стоял император, простирая вперед руку со свитком, зажатым в кулаке. В темноте скульптура казалась размытой черной глыбой. Справа стояли величественные, мрачные здания Сената,

Магистрата, базилики для судебных разбирательств. Дальше чернел храм Некроса.

Северный квартал находился за городским кладбищем. Не самое приятное место для ночных прогулок. Но добрались туда спутники довольно быстро. Узкая тропинка вилась между каменных надгробий. Кое-какие из них совсем потемнели от времени и заросли травой. Впереди виднелась старая городская стена. Давным-давно она шла вокруг Рэйма, но со временем город вырос, выбрался за ее пределы. Каменную кладку десятистатийной толщины стали разбирать для всевозможных внутренних построек. То, что от нее осталось, разбивало кладбище на две неровные части и отделяло Северный квартал от остального города.

Эта часть Рэйма показалась Арэлл странной. Как будто она очутилась в маленьком провинциальном городке. Уютные домики стояли в некотором отдалении друг от друга, и каждый был окружен небольшим садом. Пахло мятой, укропом. Где-то тихонько журчала вода.

— Здесь живут врачеватели. Знахари.— Гай опустил ладонь на рукоять спаты, будто опасался нападения.— Говорят, они знают заклинания, которые отпугивают демонов.

— Да.— Атэр соизволил согласиться с соперником, оглядываясь по сторонам.— Не знаю насчет заклинаний, но демоны здесь действительно появляются редко... Нам нужен вон тот дом, с платаном у крыльца.

— Откуда ты знаешь?

— Я много чего знаю.

И уверенно пошел к указанному жилищу. Его тога вызывающе белела в темноте, подошвы сандалий стучали по камням дорожки.

— Как будто специально нарывается на неприятности,— негромко озвучил Гай мысли Арэлл.

Эллан легко взбежал по ступеням крыльца, еще раз огляделся, покровительственно кивнул своим спутникам и постучал тяжелым кольцом, висящим на двери. Один раз, пауза, два раза, пауза, снова один, затем три. Арэлл поспешила подойти ближе. Интересно посмотреть, как он будет объясняться с хозяевами.

Открыли не сразу. Преторианец позволил себе легкую саркастическую улыбку, явно сомневаясь в популярности Атэра среди ведунов Северного квартала. Но промолчал. А девушке вдруг захотелось, чтобы из их ночного похода ничего не получилось. Она почти с ужасом смотрела на запертую дверь, по которой мальчишка раздраженно колотил кольцом. «Ранняя. Мучительная. Смерть. То, что я сейчас стою на крыльце этого дома, приближает меня к ней или уводит в сторону?» Ладони стали холодными, и тот же самый покалывающий холод пополз вверх по ногам, ступни в открытых сома заледенели. Предчувствие. Или предупреждение?

Внутри послышались шаги. Быстрые, легкие. Они замерли у входа.

— Кто? — спросил молодой голос.

— Нам нужен лурий Нум,— отозвался Атэр, поглядывая на хмурого, настороженного Гая.

— Сколько вас?

— Трое.

— Женщина с вами?

Эллан нерешительно взглянул на Арэлл, кивнул, но, сообразив, что его жеста не видно, поспешно произнес:

— Да.

Дерево заскребло по железу — отодвинули засов. Дверь медленно отворилась. На пороге стояла седая, сгорбленная старушка в сером хитоне. На ее коричневом, сморщенном лице сияли светлые, молодые глаза. Она внимательно оглядела гостей. Задержала взгляд на элланке и произнесла тем самым звонким голосом, который звучал раньше:

— Заходи.— Пропустила ее, а затем оглянулась на молодых людей, в нерешительности замерших у входа.— Вы тоже.

Внутри дом выглядел больше, чем казался снаружи. Просторный вестибюль освещали светильники-шары. Вделанные в стены, они стали частью барельефов. Внимание Арэлл привлек один — змея, держащая в пасти светящуюся сферу. Посреди пола в маленьком круглом бассейне отражались звезды. Девушка подняла голову — через отверстие в крыше виднелось небо. Где-то она уже видела подобное.

— Идем. Тебя ждут.— Твердая, сухая ладонь сжала ее запястье. Другой хозяйка пренебрежительно махнула в сторону спутников: — Вы ждите здесь.

— Нет. Мы пойдем с ней.— Гай решительно шагнул вперед, сжимая рукоять меча. Насупившийся Атэр кивнул.

— Ты хочешь, чтобы они были с тобой?

Поглядев на свое крошечное перевернутое отражение в светлых глазах, Арэлл утвердительно наклонила голову.

В конце вестибюля, между двумя красиво изогнутыми каменными лестницами, ведущими в верхние комнаты, вырисовалась следующая дверь. Старуха, по-прежнему крепко держа девушку за руку, направилась к ней. Открыла. Чтобы пройти, пришлось нагнуться. Еще одна лестница. Узкая, полутемная, ведущая вниз. Снова стало зябко. По ступеням полз холод, ноги тонули в нем по щиколотку, как в горной реке. Элланка протянула руку назад и вцепилась в горячую ладонь Атэра, идущего следом. Его крепкое, успокаивающее пожатие словно подтверждало: «Все хорошо. Мы с тобой. Не бойся».

Еще одна дверь в конце лестницы. За ней — просторная комната, освещенная золотистым, теплым светом. Вдоль стен здесь разместились высокие полки, заставленные флаконами, чашами, кувшинами, зава-

ленные свитками. Золотой треножник, над которым вился ароматный дымок, несколько столов, где в беспорядке расставлены склянки, ступки и сложные конструкции из прозрачных трубочек и круглых резервуаров.

Навстречу гостям из-за стола поднялся старик в белой хламиде, подпоясанной веревкой.

— Ты не торопилась,— произнес он вместо приветствия.

Старуха выпустила руку Арэлл, подошла к стене, свободной от полок, нажала на крюк от светильника, торчащий на уровне головы. Часть каменной кладки, кажущейся монолитной, дрогнула и со скрежетом ушла в сторону. Как же любят в Рэйме потайные ходы и секретные двери.

— Тебе туда,— сказал старик и снова склонился над столом.

— Я пришла к лурию Нуму.

— Тот, к кому ты пришла, ждет тебя.

— Идем,— тихонько шепнул Атэр.— Они больше ничего не скажут.

Пришлось подчиниться.

За стеной опять оказалась лестница. Она вела в темноту. Арэлл вздрогнула, когда проход за их спиной закрыли. Светильник, который оказался в руках эллана, давал лишь кружок слабого света, прыгающего под ногами.

— Что это? Где мы?

— Катакомбы.— Атэр повернул к ней лицо, расчерченное черными линиями тени.— Земля под Рэймом изрыта тоннелями, как сыр дырками. Часть из них обвалилась, часть затопило. А эти, под Северным кварталом, сохранились лучше всего.

— Я не знала.

— Очень немногие знают. Это... странное место.

— Почему странное?

— Увидите.

— Я был здесь пару раз,— сказал молчавший до этого Гай.— Не в тоннелях, там, наверху. Покупал зелье. Сложный демонический состав. Помогает не спать сутками.

— Ну и дурак, — равнодушно отозвался прямолинейный Атэр.— Сдохнешь.

Телохранитель не рассвирепел, услышав очередное едкое замечание соперника. Усмехнулся, выше поднимая светильник:

— Мой брат сказал то же самое.

— А кто твой брат?

— Тиберий Гратх. Слышал?

— Народный трибун?! — Эллан рассмеялся и добавил: — Забавно.

Он не объяснил, что именно позабавило его. А спрашивать Арэлл не хотелось. Ее снова затрясло от холода, и она была очень благодарна спутникам за то, что те не грызутся, как обычно. Их мирный разговор отвлекал от тяжелых мыслей. От *предчувствия*.

От монотонного, долгого спуска и мелькания светового круга по ступеням начала кружиться голова. Сердце мучительно колотилось в груди, дышать становилось все тяжелее.

— Там свет? Или мне кажется?

Гай прищурился, вглядываясь в темноту впереди:

— Да.

Пятно света становилось ярче. Скоро оно превратилось в светильник. Его держал человек, стоящий у подножия лестницы.

— Идите за мной,— глухо произнес он из-под капюшона, низко надвинутого на лицо.

Атэр сам нашел ладонь Арэлл и снова крепко сжал. В этом не было особой необходимости, но от горячего прикосновения опять стало легче.

Проводник повел их по лабиринту темных коридоров. Через полчаса блужданий девушка поняла, что никогда не выберется обратно самостоятельно. Эллан, бесшумно ступая рядом, бормотал что-то едва слышно себе под нос. Мрачный Гай шел сзади.

После очередного поворота человек в плаще остановился. Поклонился. Они вышли к ярко освещенной комнате с полукруглым сводом. Ее стены были расписаны изображениями виноградных лоз. Из их переплетения выглядывали козы с витыми рожками и лукавыми глазами. В центре помещения стояла статуя юноши. В одной руке он держал меч, вокруг которого обвивалась змея. В другой — кошелек. У его ног пристроилась, вытянув голову, мраморная черепаха.

Перед статуей располагался маленький золотой жертвенник, над ним поднимался легкий дымок. У треножника в ленивой позе развалился молодой человек со светлыми, мелко вьющимися волосами и синими сверкающими глазами, в набедренной повязке и золотых сандалиях. Точная копия скульптуры.

— Долго собиралась, дорогая.— Он улыбнулся.— Я просил тебя избавиться от него.— Царственный жест в сторону Гая. И телохранитель вдруг побледнел, отступил, хватаясь за горло.

— Трисмес! — воскликнула Арэлл.— Прошу тебя!

Бог не обратил на нее внимания, пристально рассматривая Атэра, и заявил:

— А этот вообще демон. Ты кого привела?!

Девушка почти физически почувствовала изумление эллана и боль Гая.

— Ты сам сказал, что он проводит меня!

— Проводит! Но зачем было тащить его сюда?!

— Оставь в покое моих друзей! Ты обещал мне помощь!

— «Друзей»! — Древний рассмеялся, но телохранителя «отпустил». Преторианец перевел дыхание и схватился за меч, хотя явно не решался им воспользоваться. Эллан грозно засопел.

— Почему я демон?!

— Арэлл, кто это такой?!

— Нет, почему я демон?!

— Кто это такой, Дьявол его забери?!

— Угомони их,— негромко произнес бог, и Арэлл поняла, что перед ней не прежний «нарисованный», едва ли материальный Трисмес, шутник, украдкой пробравшийся в Претикапий. Это был грозный Древний, жестокий, самолюбивый, вспыльчивый. Не менее опасный, чем демон.

— Гай, Атэр, пожалуйста!

Они замолчали с явной неохотой.

Несколько мгновений бог смотрел на них, а потом приказал:

— Меч убери.

Преторианец повиновался, сообразив, что лучше не спорить.

Трисмес поднялся и, не обращая внимания на спутников, приобнял Арэлл за талию, подвел к скамье у стены. Он был даже слишком материален, рука сквозь ткань хитона и паллы казалась горячей, объятие властным, но в то же время... равнодушным.

— Я знаю, ты хочешь уничтожать демонов. Но у тебя нет сил и уверенности.

— Ты говорил, что можешь помочь.

— Могу.

— Как?

— Я дам тебе знание. О себе самой. Знаю, ты хотела бы получить мощное оружие против них. Но я не всесилен. Раньше, может быть, был...

Он нахмурился, посмотрел на свою статую.

— Раньше ни один торговец не смел открыть лавку без жаркой молитвы мне. Тысячи жертвенников вздымали огни в мою честь. Вера людей была безгранична. Они жаждали моей помощи, внимания, благословения.

— А теперь?

Древний рывком крепче прижал Арэлл к себе. Ей стало больно, но она не сопротивлялась, понимая, что бог больше занят своими мыслями, чем ее телом.

— Теперь в городах стоят жертвенники во славу черных тварей. Я отрезан от источников силы. Чтобы питаться ею, мне приходится быть среди людей. Среди тех, кто еще помнит меня. Их немного. Но их веры достаточно для того, чтобы поддерживать меня. Взамен я даю немного божественной мудрости.

— Демоны не знают, что ты живешь в их мире?

— Кое-кто знает, но не трогает... Считает медленно подыхающим ничтожеством. Какой вред от жалкой тени, размазанной по стене?..

Он посмотрел на Арэлл, и ей показалось, что его зрачки стали вертикальными. Ноздри гневно раздувались, кожа на скулах побелела.

— Но они ошибаются? — тихо спросила она.

— Я тайно брожу по городу, очень хорошо маскируюсь, прячусь. Я хочу мести. И ты поможешь мне отомстить.

— Но как, Трисмес? Что я могу?

— Узнаешь. Идем со мной.

Арэлл оглянулась на спутников, о которых совершенно забыла, и увидела вдруг, что их нет. И нет зала со статуей. Вместе с богом она стояла в другом помещении. Таком же просторном, со стенами, выложенными молочно-белыми матовыми плитами и прозрачным полом, под которым струилась вода.

— А где...

— Подождут,— раздраженно отозвался бог.

— Ты сказал, что Атэр демон.

— Они все одержимы в разной степени. Я уже говорил. А теперь помолчи.

Он наконец выпустил девушку из объятий и громко хлопнул в ладоши. Белая стена растаяла. За ней клубился светлый туман, в котором поблескивали золотые искры. Трисмес пошел прямо в этот туман, Арэлл пришлось последовать за ним.

Среди дымчатых клубов сидела прелестная девочка лет шести. В голубом хитоне, с цветами в кудрявых волосах. Она сосредоточенно крутила волчок, держа его острие на указательном пальчике.

— Кто это? — шепотом спросила Арэлл.

— Милое дитя, не правда ли? — так же тихо отозвался Трисмес и произнес громче.— Фортуна, Арэлл хочет узнать свою судьбу.

Богиня подняла голову. Ее лицо было ликом очаровательного ребенка, но глаза выдавали истинный возраст. Многие-многие тысячелетия.

— Это мои игрушки,— она указала на предметы, лежащие вокруг.— Что тебе нравится больше всего?

Элланка вопросительно взглянула на Трисмеса, тот ободряюще кивнул и слегка подтолкнул вперед.

«Игрушки» были такие: волчок, рог, синий шар, звезда. Арэлл внимательно смотрела на них, пытаясь почувствовать, какой из предметов больше всех привлекает ее.

— Что тебе нравится? — настойчиво повторила девочка.

Может быть, рог. Он красиво светится изнутри золотистым огнем.

— Вот это.

— Хорошо,— кивнула богиня.

— А что это значит?

— Ничего.— Малышка пожала плечами и засмеялась, глядя на озадаченную девушку.— Совершенно ничего не значит.

— Фортуна! — Трисмес повысил голос.— Нам некогда играть.

Девочка недовольно надула губы:

— Фу! Не люблю тебя! Ты злой.

— А я не люблю твои капризы. Арэлл хочет узнать свою судьбу. Помоги ей.

Богиня отложила волчок, но он продолжил крутиться, покачиваясь на полу. Опустила руки на колени. Ее лицо стало пустым. Не выражающим ничего. Голубые глаза потемнели.

— У нее нет судьбы. Ни у кого нет судьбы. Каждый поступок порождает целую вереницу последствий. Делаешь шаг вперед — и перед тобой открывается веер дорог, выбираешь одну из них, шагаешь и видишь новый веер. И так до бесконечности. Ты можешь прожить тысячи разных судеб, каждая из которых будет зависеть от сделанных тобой шагов. Я не знаю, что ты выберешь.

— Мне предсказали раннюю мучительную смерть.— Эти слова дались нелегко.

Фортуна поднялась и пошла к Арэлл. Каждый шаг добавлял ей возраста. Вот ей десять, теперь тринадцать, пятнадцать. И наконец напротив остановилась девушка одних с ней лет.

— Я вижу твоих детей. Девочек и мальчиков, лежащих в колыбели и держащих меч, плачущих, играющих, умирающих. Я вижу твоих мужей. Молодых юношей, стариков, знатных вельмож и бедных воинов, одетых в сверкающие доспехи и тонкие золотые тоги. Я вижу тебя. Ты молода, старуха, женщина средних лет, ты ребенок, лежащий мертвым в колыбели, девочка, которую терзает демон, ты плачешь, счастлива, кричишь от боли. Ты мертва, жива, умираешь, рождаешься. Тысячи, тысячи путей! Я могу описать все твои возможные судьбы, но у тебя не хватит жизни, чтобы выслушать их.

Арэлл отшатнулась от богини, чтобы не видеть глаз, в которых мелькали картины ее непрожитых, реальных и нереальных жизней.

Тяжелая рука Трисмеса легла на плечо. Крепко сжала.

— Ты поняла?! Живи, как хочешь! Не думай о смерти! Ты могла быть мертва сотни раз. В других жизнях, которые не сложились, ты *уже* мертва.

— Я поняла.

Он развернул ее, заставил посмотреть на себя, в красивое надменное, напряженное лицо.

— Что ты поняла?

— Я свободна. Я сама выбираю, как жить.

Бог улыбнулся и легко коснулся губами ее лба.

Туман рассеялся. Она стояла одна посреди круглого светлого пятна, лежащего на полу в черном зале. Потолок и стены терялись в темноте. За пределами света двигались фигуры. Кажется, человеческие, в длинных плащах.

Из мрака вышел Трисмес. Он держал меч, вокруг которого обвивалась змея. Ее тело поблескивало в темноте, тонкий раздвоенный язычок показывался на мгновение из пасти и снова пропадал. Она была живой.

— Я дам тебе знание о тебе самой,— произнес бог, и его голос гулко прокатился по залу.— Выпей.

Он протянул ей чашу, в которой плескалась густая темная жидкость.

— Что это?

— Змеиная кровь,— он улыбнулся, и Арэлл не поняла, насмехается он над ней или говорит правду,— она проясняет рассудок и дает немного мудрости. Пей.

Девушка взяла чашу обеими руками. Жидкость была холодной и острой на вкус. От одного глотка по телу побежал огонь, голова стала легкой, сердце забилось чаще. Стали слышны голоса. Они пели печально и очень красиво. Трисмес поднял змеиный клинок и прикоснулся его концом ко лбу элланки. Она почувствовала болезненный укол, по коже потекла тонкая теплая струйка. И тут же золотые волны поплыли по залу, освещая высокие колонны, статуи, лестницы, взлетающие в неимоверную высоту белыми мраморными изгибами.

Голоса зазвучали громче, настойчивее. Второй укол пришелся на солнечное сплетение. Арэлл опустила взгляд и увидела, как по хитону расползается мокрое красное пятно.

Между колоннами появились просветы. Сочными зелеными пятнами проглядывали кроны деревьев, изогнутые линии рек, россыпь озер. Перевернутый купол моря, обрызганный золотом солнечных бликов.

— Раньше мой мир был прекрасен! Безграничен! Реки, долины, моря, ветер... сила. Я был почти всесилен. Меня любили. Мне поклонялись! Теперь я попрошайка, вымаливающий крохи со стола демонов. Я отрезан от источников силы. Отомсти им за меня! Убей их всех! Отомсти за меня! Отомсти!

Арэлл вскрикнула, когда меч вонзился в ее грудь на уровне сердца. Не от боли — от горячей волны, взорвавшейся в теле, от ветра, ударившего в лицо. Белый свет опускался на нее, дымка тонких лучей дрожала над лицом, касалась рук, плеч, пораненного лба. Втекала в нее вместе с дыханием и стуком сердца. И, когда заполнила целиком, она вспомнила.

Себя. Какой была раньше...

— Странный у тебя мир...

— Я и сам странный.— Эласеор улыбался, чуть приподняв темно-золотые брови. У него было веселое лицо с ямочкой на подбородке,

яркие, всегда готовые к улыбке губы. На щеках вечный юношеский румянец, а в глазах тысячелетняя мудрость и печаль.

— Я знаю, Элас, почему твой мир красный,— произнесла Архэл тихо, подходя к брату.— Это кровь. Боль. Ты тоже чувствуешь ее... Напоминание о боли. Всем, кто приходит сюда. И себе самому.

Эласеор молча наклонился, взял тетраморф[1] Архэл, положил его себе на колени и стал рассматривать сложный узор. Потом поднялся и так же безмолвно повесил щит, способный отражать одновременные магические атаки из четырех измерений, на ее руку. Отошел в сторону, окинул гостью оценивающим взглядом художника.

— Я права? — спросила боевой ангел, глядя на него строго и требовательно.

— Ты права...— прозвучало в ответ.

Когда она ушла, Эласеор подошел к окну и пристально посмотрел на алую равнину. Сдвинул брови, вытянул вперед руку. Повинуясь его воле, земля на западе стала плавиться. Взмыли вверх белые башни. На фоне голубого неба задрожала, искрясь, арка ажурного моста, красные травы превратились в лазурные волны моря. Несколько мгновений ангел смотрел на свое творение, потом вздохнул, и все исчезло. Мир снова стал красным.

...Архэл вернулась в свой дом, в *свой* мир. Здесь не было ни величественной роскоши белых дворцов архитектора Эрнолтинаора, ни алой символической бесконечности степей Эласа.

Она не любила постоянства. Ее дом — дворец без крыши — стоял в окружении буйной зелени и цветов. Потолком здесь служило небо. Звездное ночью, солнечное, прозрачное, густо-синее днем. Дождевые тучи всегда проплывали мимо, повинуясь желанию хозяйки, и только теплый ветер залетал внутрь. Шелковые блестящие драпировки, мраморные статуи, ковры и простые скамьи, хрустальная посуда и оружие— все это лежало, висело, стояло где придется.

Архэл подбежала к высокой арке, и тут же с темно-зеленого куста сорвалось в воздух облако сиреневых цветов или бабочек, а может быть птиц. Ангел протянула руку, и одно из этих созданий опустилось ей на запястье. Все-таки бабочка: с резными крыльями и хоботком, испачканным в пыльце. Архэл нахмурилась, пытаясь вспомнить, когда создала ее, но так и не смогла. Бросила щит на кровать, покрытую ковром, сняла ножны с мечом, стянула волосы на затылке алой лентой. Вместе с щебечущим роем бабочек-птиц взлетела, широко распахнув крылья.

И снова на нее накатили неожиданная безудержная, безграничная радость, восторг, счастье. Они кипели в сердце, переливаясь через край, и захлестывали все вокруг. Свет, пение без слов, ветер, волны океана,

[1] Тетраморф — магический щит, один из тех, что держали Архиангелы над силами Небес во время Первого Противостояния. Обладает способностью защищать в пространстве и времени.

несущиеся навстречу небу. Кто сказал, будто мир создан из мутного, бесформенного Хаоса? Архэл чувствовала, что его лепили из бесконечного потока счастья. Лили струйкой расплавленного золота в синюю небесную чашу. Она сама — пылинка, взлетевшая с этого сверкающего чуда,— хранит в себе воспоминание о самом первом солнечном луче, самом первом ветре...

Ангел взлетала все выше, подхваченная вихрем, в котором кружились бабочки и солнечные блики. Каждое мгновение ее жизни было счастьем... Должно быть счастьем...

Но она не могла раствориться в нем до конца.

Снова из другой реальности пришло ощущение чужой беды. Архэл как будто резануло острым холодом. Светлый, радостный мир раскололся, впуская черное облако. Боль, отчаяние, пустота... Многократно повторяющееся эхо беспомощности, ненависти, ужаса. Сквозь гармоничное безмолвие к ней продирался отчаянный зов: «Помоги! Услышь! Откликнись!» Она не знала, кто зовет, но видела изломанную фигуру на самом дне глубокой пропасти, а за ее спиной растекалась волна отчаяния и смерти... Чувства, непереносимые для ангела. «Из глубин... взываю... к тебе...» — прошептала Архэл, падая вниз, в темноту и пустоту...

Она лежала на лугу. В мягкой, густой траве, пахнущей свежо и остро. Солнце ласково касалось лица, ветерок тихонько трогал крылья, словно просил взлететь снова. Архэл села, захватила полные пригоршни душистого луга, прижалась к нему лицом. Но это не помогло. Она снова выпала из своего безмятежного, уютного мира. Ангел перестала чувствовать его настоящим. Реальность была другой. Темной с красными полосами. И черной фигурой, которая тянула к ней руку со скрюченными болью пальцами и просила о помощи. А в ушах стоял тяжелый грохот и гул...

Архэл снова легла на землю. Травинки посыпались из ее ладоней. «Они не понимают и не чувствуют того, что чувствую я. Даже Эласеор, наверное, не понимает. Он не проникает в это страдание до конца... Мои сильные братья и мудрые сестры... Их миры слишком далеки, закрыты, их свет настолько силен, что рассеивает любую тень. Разве я смогу описать им мои видения, разве я сумею объяснить, что такое человеческая боль?!»

Ангел вскочила, сильным взмахом расправила крылья и полетела вперед и вверх, сквозь ясную безоблачность своей зеленой долины...

Эрнолтинаор любил музыку природы. В его огромном, ослепительно-белом дворце жил не умолкающий шелест песка, шепот ветра, журчание воды.

Каждый зал звучал по-своему. В одном шумел летний ливень. В другом волна перебирала мелкие камешки, терла их друг о друга. В третьем печально и протяжно пел дельфин — его голос летел из морской глубины, повторяя разные мелодии...

Шаги Архэл звенели на мраморных плитах, разбивая шелест и шепот. Эхо испуганно заметалось под потолком, повторяя отзвуки ее беспокойства. Волны загрохотали, выбрасываясь на берег, где-то вскрикнула

испуганно чайка, смолк дельфин, певший не хуже морских сирен... Тревогу она несла с собой. Тревогу и дисгармонию...

Архиангел[1] читал, когда Архэл вошла. Он поднял голову, увидел ее сверкающие доспехи, строгое, нахмуренное лицо, услышал лавину звуков, которая неслась следом. Солнечный луч упал на страницы книги. Архэл показалось, что они тут же отозвались мелодичным звоном, и буквы, вспыхнув золотом, сплелись в затейливый узор. Она поспешно тряхнула головой, чтобы отогнать наваждение. Выхватила меч из ножен и швырнула его под ноги старшему брату. Клинок зазвенел по мрамору, описал сияющий полукруг и замер. Эрнолтинаор поднял взгляд, полный спокойного внимания, на Архэл.

— Я знаю, что надо делать,— сказала она.

Сияние над страницами книги померкло, мелодичный перезвон колокольчиков стих. Гроза звуков, разбуженная тревогой неожиданной гостьи, оборвалась. Ангел-архитектор закрыл книгу.

— Вот что нам нужно.— Архэл указала на свой меч, узкой светящейся полосой лежащий у его ног.— Мы должны спуститься туда. Вниз. К людям. Нельзя больше ждать. Нельзя, слышишь?! Они зовут. Я внимаю этому зову постоянно. Это мучительно! Невыносимо!

Эрнолтинаор отложил книгу и указал на кресло напротив (кажется, того не было только что). Архэл опустилась на мягкое сиденье, сложила руки на коленях, крепко переплела пальцы. Он продолжал молча смотреть на нее, улыбаясь едва заметно. И был прав. Пришлось глубоко вздохнуть и начать объяснять заново.

— Мы — это ты, я и Элас. Нам нужно спуститься на землю. К людям. Они нуждаются в нашей помощи. Мы должны откликнуться.

Архэл посмотрела на меч, все еще лежащий на полу и блестящей полосой разделяющий их с Эрнолом.

— Скажи, ты ведь тоже слышишь? — Это прозвучало почти умоляюще.— Ты чувствуешь их боль?

— Через тебя.— Он улыбнулся, и в глубине дворца снова робко зазвучала волшебная мелодия.— «Свет, который сильнее любой тени...» Ты думала это про меня?

— Про тебя тоже.

Архэл нагнулась, подняла меч, положила его на хрупкий столик, возникший возле руки, встала из удобного кресла и пересела на пол возле ног архиангела. Закрыла глаза, прислонилась лбом к его колену.

— Ты очень сильный и очень мудрый. Скажи, что нам делать.

Архитектор тронул меч, и тот тихо зазвенел, запел, откликаясь на это прикосновение.

— Мы должны спуститься вниз...— задумчиво повторил он.

---

[1] Архиангел — ангел-архитектор, умеющий выстраивать сложные пространства из разной по структуре материи. В отличие от простых ангелов, способных изменять только свои собственные миры.

Трисмес стоял рядом. Бледная тень на черной стене.

— Я дал тебе свою силу.

Раны на груди Арэлл не было, на лбу запеклась дорожка крови. Отблески белого света все еще мерцали в глазах.

— Я дал тебе все что мог.— Голос Древнего звучал приглушенно, сдавленно.— Вспомни обо мне, когда твое бессмертное могущество преодолеет человеческую сущность. И будь осторожна. Раньше демоны не видели тебя, не знали, *кто* ты. Теперь, когда воспоминания пробудились, они могут почувствовать.

— Но как *ты* узнал, кто я?

— Я бог, дорогая, не забывай. И у меня хорошая память. Я помню древние пророчества. Безграничная власть демонов в Срединном мире заканчивается.— Он помолчал, рассматривая свои руки, потерявшие материальность.— Убить тебя легко. Пока легко. Я провел над тобой ритуал Миркары. Он дает существу воспоминания о прежней его сущности и частично возвращает былую силу. К сожалению, только очень маленькую ее часть. Но чем больше ты вспомнишь, тем сильнее возрастет твое могущество. Только для этого нужно время. Я дал тебе силу... и сделал еще более беззащитной, чем ты была.— Трисмес улыбнулся, видимо, мысль о ее беспомощности позабавила его.— Жестоко, не правда ли?

— Спасибо тебе.

Девушка поднялась с холодного каменного пола. Ее немного покачивало, голова кружилась, но светлая сила, теплым клубком свернувшаяся в груди, придавала уверенности и спокойствия. То, чего она не чувствовала никогда раньше.

— Не благодари. Рано или поздно ты поняла бы сама. Я всего лишь слегка подтолкнул события. Но, если ты действительно чувствуешь себя обязанной мне, выполнишь одну личную просьбу?

— Я слушаю.

— Принеси мне голову Верховного турвона.

Элланка рассмеялась. Не над кровожадной просьбой бога, над его верой в ее безграничную мощь.

Все изменилось. Не только она сама, но и мир вокруг. Все стало другим.

Гай с Атэром бросились ей навстречу. Встревоженные, почти испуганные.

— Где ты была?! Что случилось?! Что ему нужно было от тебя?! Что с тобой?! Кровь?! Ты ранена?!

Арэлл улыбнулась, чувствуя, как на ее плечи ложится еще один груз. Ответственность. Они думают, что по-прежнему оберегают ее, но на самом деле теперь она отвечает за них. За их жизни, безопасность, спокойствие.

— Все хорошо. Не волнуйтесь.

— Но кровь?!

— Всего лишь царапина.

— Где Трисмес?! Это он сделал?

— Он помог мне узнать мое будущее.

— Ну и...

— Мы будем делать то, что должны. То, что считаем нужным. Никто не сможет нас остановить, если только сами не остановимся.

Обращенные к Арэлл взволнованные лица прояснились. Атэр перевел дыхание и посмотрел на Гая с довольной улыбкой.

Демоны считают людей тупым скотом. Но они не тупы и не слепы, хотя не видят и часто не чувствуют того, что доступно высшим созданиям. Для счастья и спокойствия им нужна всего лишь надежда. Так мало! В душе Арэлл зашевелилось сомнение: имеет ли она право давать им эту надежду? Должна ли заставлять рисковать своими жизнями этих двоих? И остальных. Всех тех, кто пойдет за ней. «Должна,— пришел немедленно ответ.— Я не могу дать им свободу, если они сами не захотят ее. Одна я ничего не смогу». Трисмес помог ей вспомнить только себя. Такую, какой она была. Другие воспоминания оставались закрытыми.

«Я вспомню. Не сейчас. Не сегодня. Но обязательно вспомню».

— Пора уходить.— Гай с тревогой всматривался в ее лицо. Наверное, чувствовал произошедшие изменения, но не понимал, в чем они.— И нужно поторопиться, Арэлл.

«Архэл,— поправила она его мысленно.— Меня звали Архэл. Но это в той, другой жизни».

— Да, идемте.

Человек с факелом ждал их у выхода из зала со статуей.

— Подождите.— Атэр порылся в кошельке, висевшем на поясе, вытащил круглый медальон на тонком шнурке и повесил его на руку мраморному Трисмесу. Оглянулся на спутников.— Мне он ни к чему, а ему, может, пригодится. Я выиграл этот амулет. Он помогает в азартных играх.

— Идем,— поторопил его Гай.

Уходя, Арэлл оглянулась. Медальон исчез со статуи.

Путь наверх оказался короче, чем спуск. Арэлл шла, думая о том, что скрывается в этих подземельях. Куда ведут многочисленные темные проходы. Кто вырубил их? Древние? Или те, кто был до них? Служители Трисмеса и сам бог вынуждены скрываться здесь.

«Он надеется на меня. Что случилось с этим миром, если сам древний бог может надеяться только на меня?..»

Человек с факелом проводил их до лестницы, ведущей в дом. Еще раз поклонился и, не произнеся ни слова, ушел в темноту.

— Ух, жуть,— прокомментировал его исчезновение Атэр.— Мне показалось, он не совсем человек.

— Это один из служителей Трисмеса,— ответила Арэлл.— Они и в самом деле не совсем люди.

— А кто?

— Его тени.

Стена, закрывающая потайной ход, опустилась, пропуская их. Старика за столом не оказалось. Подвал был освещен зеленоватым кристаллом, подвешенным к потолку. В его слабом мерцании лица молодых людей приобрели трупный оттенок. Арэлл предполагала, что выглядит не лучше. В углах комнаты клубился полумрак, приобретая странные очертания. Тянуло холодом.

— Пошли отсюда быстрее,— заявил Атэр, настороженно озираясь.

В вестибюле дома тоже было полутемно. Шары едва светили. Казалось, змея с барельефа прокусила светящуюся сферу и выпила из нее почти все.

Старуха ждала у выхода. Несколько мгновений она рассматривала Арэлл, потом неожиданно поклонилась ей.

— Тебе придется помнить о многих,— произнесла она своим звонким голосом молоденькой девушки.— Не забывай и о нас. Мы отдали всю свою силу, чтобы ты могла жить.

— Я знаю. Я помню.

Старуха поклонилась еще раз и отворила дверь.

Заговорщики вышли на улицу и услышали, как за спиной загремел тяжелый засов.

Предрассветный мрак был густым и холодным, черные дома стояли по обеим сторонам улицы. Деревья чуть слышно шелестели листвой. Часто взмахивая крыльями, пролетела летучая мышь, похожая на неровно оборванный кусок черного бархата. В траве у обочины вспыхнули и погасли два желтых глаза.

— Арэлл,— тихо произнес Гай, шагающий по левую руку,— ты думаешь, от нашего путешествия была польза? Кроме того, что ты узнала о своем... нашем будущем?

Элланка оценила деликатность преторианца, которому не терпелось узнать, что именно произошло в подземелье Древнего, но он умело умерял свое любопытство.

— Была, Гай.

— И в чем она?

Нужно ли им говорить? Смогут ли они понять? Очередной сложный моральный выбор — какое количество правды можно дать человеку, чтобы не лишить его душевного покоя?

Ответа Гай не дождался, но настаивать не стал. Атэр, которого Трисмес обозвал демоном, в глубокой задумчивости шел рядом. Вопросов не задавал, размышляя о чем-то своем. Но именно он заметил отряд вооруженных людей, идущий им навстречу.

— Храмовники! — тихо воскликнул он, хватая Арэлл за руку.— Слуги Некроса!.. Какого Дьявола им здесь нужно?!

Гай потянулся за мечом.

Элланка немедленно обругала себя за рассеянность. Если бы она не увлеклась размышлениями о силе правды, то заметила бы служителей раньше. Тогда удалось бы разойтись с ними. Спрятаться в тени колонн.

— Может, они пройдут мимо,— без особой уверенности предположил Гай.

— Как же! — злобно отозвался Атэр.— Пройдут они!

Их было шестеро. Один вел на коротком поводке приземистую зубастую тварь, помесь жабы, собаки и крысы. Та шумно принюхивалась, утробно порыкивала и зыркала по сторонам круглыми красными глазами. В народе говорили, этих демонических зверей держали в храмах, чтобы скармливать им останки человеческих жертв. Судя по гладким, лоснящимся бокам, тварь кормили неплохо.

— Арэлл, уходи отсюда,— шепнул Гай, загораживая ее собой. Атэр встал рядом с ним.— Ты успеешь спрятаться.

Она отвечает за обоих...

— Смертные,— зычно произнес один из жрецов, словно забыв, что он сам человек.— Сейчас вам будет оказана великая честь. Пролить кровь во славу Великого Некроса.

А ведь они пьяны, поняла элланка. От собственного могущества, безнаказанности. От беспомощности троих человек, стоящих перед ними. Демоническая тварь зарычала, царапая когтями землю.

Нельзя позволять ораве злобных нелюдей убивать. Да, они вытравили из себя все человеческое, просто подражая своим темным господам. Но можно ли простить это?! Арэлл почувствовала, как в груди поднимается... Нет, не ярость, не бешенство. Спокойствие. Если может спокойствие быть ледяной, дрожащей волной, сотрясающей все тело. Мир вокруг угас, превращаясь в мутный, расплывчатый набросок. И только шесть черных теней стали необычайно четкими, и еще две светлых — рядом. Те, кого она должна защищать. Двигаясь плавно и быстро, словно танцуя, Арэлл пошла вперед. Мимоходом отодвинула Атэра, стоящего на дороге, перехватила рукоять меча преторианца, прежде чем он сам вытащил оружие. Спата была тяжелой, слишком громоздкой для ее рук, но клинок легко вышел из ножен, и ледяная дрожь сменилась почти равнодушием.

— Арэлл! Что ты делаешь?! — Запоздалый вскрик Гая прозвучал за спиной, но девушка не обратила на него внимания.

Жрец, стоящий впереди, позволил себе снисходительную усмешку. Девица с мечом, который она может удержать только двумя руками,— что может быть забавнее. Лениво потянулся за своим оружием, но не

успел достать. Спата легко вошла в его тело, кровь брызнула Арэлл на руки. И показалось странным, что она не черная.

Со злобными воплями храмовники повыхватывали мечи и бросились на нее, сталкиваясь и мешая друг другу. Каждый хотел первым заколоть негодяйку, осмелившуюся поднять руку на служителя Верховного демона.

И она убивала их не потому, что ей это нравилось. Иначе было нельзя. В ней нет жалости. Только справедливость.

Один из жрецов упал с рассеченной грудью, второй покатился по земле, зажимая рану на горле. Меч третьего со звоном встретился с мечом Арэлл. Она отбила удар, и противник, не ожидавший от девушки такой силы, отшатнулся. Но элланка не дала ему времени опомниться. Оказалась рядом, со всей ненавистью впечатала рукоять меча врагу в зубы. И тут же очутилась за спиной, крутанулась, сжав зубы, ударила тяжелой спатой, разрубая плоть и шейные позвонки. Отскочила в сторону, избегая брызнувшей из безголового тела крови.

Атэр с восторженным воплем ввязался в бой на четвертом враге. Правда, Гай сразу оттолкнул его в сторону, принимая на себя тяжесть рычащего темного зверя, прыгнувшего вперед гораздо быстрее, чем его хозяин. Сцепившись, они покатились по земле. Одной рукой преторианец держал тварь за горло, другой пытался дотянуться до кинжала. Храмовник, раньше державший тварь на поводке, бросился вперед, желая одним ударом покончить с Гаем. Настала очередь эллана спасать преторианца.

Он что есть силы заорал, отвлекая внимание жреца от друга, а затем бросил меч. Превратившись в размытый круг, клинок совершил три оборота и по рукоять вошел в лицо храмовнику. Несколько мгновений Атэру понадобилось на то, чтобы выдернуть оружие из тела мертвеца и подбежать к визжащей твари. Его короткий гладиус вонзился в бок зверюге, но та как будто не заметила этого, продолжая щелкать зубами у самого лица преторианца и драть когтями его лорику. Эллан ударил еще раз. И еще. И еще. Безрезультатно. Снова издав воинственный вопль, Атэр вскочил на спину живучей твари, взялся за рукоять меча двумя руками и принялся наносить в загривок и шею зверя удар за ударом. Гай, которому теперь приходилось удерживать вес не только животного, но и человека, застонал от напряжения.

Арэлл с последним оставшимся в живых храмовником кружили в осторожном ожидании. Жрец, видевший, как умерли его товарищи, не торопился бросаться в бой. Девушка научила его осторожности. Но элланка жаждала закончить поединок как можно быстрее. С гневным криком она бросилась на врага, ударила спатой снизу вверх, затем тут же, без остановки, сверху вниз. Затем крест-накрест. Потом в голову. В живот. По плечу. Крутанула тяжеленный меч над головой. Опять уколола, целясь в глаза. И, наконец, пнула следящего за мечом врага ногой в колено. Когда тот потерял равновесие, рубанула в грудь. Клинок

рассек кожаную тунику, плоть, ребра и добрался до сердца. Кровь, брызнувшая во все стороны, попала девушке на хитон, лицо и шею.

В этот самый момент демонический пес содрогнулся в предсмертных судорогах, заскулил и, обмякнув, упал на Гая. Взмокший Атэр, сжимая в руках окровавленный меч, соскользнул со спины твари. Гай, изрядно испачканный в крови, сбросил с себя мертвого зверя, медленно встал на колени. Эллан помог ему подняться.

— Идемте.— Арэлл хотела повесить меч на пояс, но поняла, что у нее нет ножен, и протянула оружие Гаю. Тот взял спату, глядя на девушку настороженно, холодно, почти враждебно. В отличие от Атэра, который улыбался, играя ямочками на щеках.

— Кто учил тебя драться? — раздраженно поинтересовался преторианец.

— Потом, Гай. Нам нужно поторопиться.— Она вдруг почувствовала, что очень устала.— Идемте, пожалуйста.

Как они добрались до дворца, Арэлл не помнила.

Глава 3
РАЗРЕШЕНИЕ НА СМЕРТЬ

Народный трибун Тиберий Гратх стоял на коленях перед алтарем в храме Некроса. «Высший Господин, Повелитель Рэйма, обрати взор на недостойного смертного слугу. Поверни колесницу свою к жилищу скорби. Взываю к тебе у подножия идола твоего...» Такими словами начинался призыв Верховного демона — Правителя Великой Рэймской империи. Бывало, что он откликался. Если считал просителя достойным своего визита.

Больное колено ломило от холода каменных плит. Тиберий чувствовал, что еще немного — и он обезножеет на месяц, не меньше. Но это самая ничтожнейшая плата, на которую он мог рассчитывать.

Только вчера, в поздний, неурочный час, Адриан Марий срочно вызвал его в свой особняк, прислав гонца — запыхавшегося темнокожего раба, который ничего не мог сказать о причине лихорадочной спешки, но имел, пожалуй, самые быстрые ноги в городе.

Гратх, наплевав на постоянно напоминающую о себе боль, прибыл к другу верхом, пренебрегши носилками.

— Первое заклание состоится через три дня. Не'Лктаур лично выбрал жертву.— Префект посмотрел на него покрасневшими, слезящимися глазами, отвел взгляд. Зачем-то похлопал ладонью по своему блестящему панцирю.

— Кто? — коротко спросил Тиберий, хотя уже предполагал, что услышит в ответ.

— Твой Гай.

— Он личный телохранитель невесты наследника.

— А что я могу сделать?! Что сделать?!! Самому лечь под нож, чтобы спасти твоего щенка?! Так меня не возьмут! Слишком стар!

— Да, Марий. Нас не возьмут. Мы слишком стары. Будут убивать наших молодых. Тех, кто хочет хоть что-то изменить. Нам позволят тихо доживать, трястись, жрать вино и тискать хорошеньких рабынь. А они будут умирать! За нас. За тебя! — Тиберий ткнул префекта чашей с вином в грудь.— Мой брат умрет за тебя, старая свинья, чтобы ты мог прожить еще пару лет.

...Утром оба сидели в новом особняке Ферста. Сенатор был бледен до синевы и запивал горе неразбавленным вином. Его единственный сын служил в личной гвардии императора и вместе с Гаем был занесен в смертный свиток Не'Лктаура.

Сам префект, мрачный и злой после вчерашней пьянки, с черными кругами под глазами и плохо выбритой физиономией возлежал за столом и сосредоточенно мял в коротких толстых пальцах хлебный мякиш.

— Ну неужели ничего нельзя сделать?! — страдальчески вопрошал Ферст, глядя на всех по очереди покрасневшими, заплывшими глазами.— Марий, ты же меня знаешь. Любые деньги заплачу. Убери имя Севера из списка. У тебя шесть тысяч человек, выбери любого другого.

Адриан выругался, плюнул на мраморный пол и показал сенатору неприличный жест.

— Вот тебе, а не любого другого.

Страдающий отец не оскорбился на грубость.

— Хорошо-хорошо, не убирай совсем, передвинь подальше. На полгода, ну хотя бы на месяц. Ты же знаешь, я в долгу не останусь.

— Иди императора попроси. Или Не'Лктаура, пусть он твоего сынка не больно режет.

Сенатор непритворно застонал.

— Ему всего двадцать. Почему он должен умереть так рано?! Кому я все это оставлю?! — Он с ненавистью оглядел роскошную трапезную, украшенную розовым мрамором и статуями.— Потолок раскрывающийся. На обедающих цветы падают. Кому нужен этот раскрывающийся потолок?! Кому, я вас спрашиваю?!

— Ко мне каждый день приходят и ноют — убери из списка, перенеси на месяц! — Адриан схватил сенатора за край тоги, сгреб в кулак тонкую ткань.— Ну перенес, и что дальше?! Пройдет месяц, и его все равно зарежут!

— За месяц много чего может случиться,— жарко зашептал Ферст.— Например, умрет император.

— Да, надейся! Он тебя переживет.— Префект оттолкнул его и пригорюнился.— Тиберий, что скажешь?

Сенат был в панике. Почти у всех сыновья состояли в охране императора. И каждый из них мог стать подношением Высшему демону.

Военные пребывали в состоянии пока еще тихого бешенства. Отправлять под нож элитные войска мог только сумасшедший.

— Надо идти к Некросу. Просить у него позволения убрать императора. Пока не поздно.

Ферст затряс головой, в ужасе отодвинулся от стола.

— Я к Некросу не пойду! Нет! Нет! И не просите! И никто не пойдет. Это самоубийство!

Гратх шарахнул кубком по столу, разбудив задремавшего Адриана.

— Убьют твоего сына!

Сенатор заморгал, страдальчески скривился:

— Но что я могу, Тиберий?! Что я могу?! Что мы все можем?!

Гратху показалось, что Ферст снова заплачет пьяными слезами, упиваясь своей беспомощностью. Марий сел на ложе и схватил Гратха за плечо.

— Иди к нему ты,— заявил он, громко засопев.— Кроме тебя, этого никто не сделает. Ты же знаешь. Проси разрешения отправить императора на тот свет. Если позволит, мои мальчики с удовольствием зарежут этого старого козла.

«Обрати взор свой на недостойного смертного слугу... Прими кровь мою и боль мою. Услышь мольбу...»

Изнутри храм Некроса был черным, блестящим. Словно лоснящимся гранитом стен. Он давил, почти уничтожал своим мрачным величием. Здесь как нигде человек чувствовал себя ничтожеством, копошащимся у ног великих темных хозяев.

Два ряда факелов, горящих ровным красным пламенем,— яркая полоса света на уровне человеческого роста и гораздо выше, почти под потолком. Широкие курительницы в виде рук, сложенных чашей. Дым, поднимающийся над ними в дни сенполий, мог довести до исступления и вызывать дивные картины. Алтарь. Красная гранитная плита, покрытая сложной резьбой. В ее глубоких выемках остались следы крови. Золотой трон перед алтарем.

Некрос даст разрешение убрать Транквила только в одном случае — если тот перестал быть ему интересен. Огромное количество жертв, которые в последнее время приносил император, могло оказаться не следствием приказа Повелителя, а лишь попыткой сохранить расположение Высшего. Так бывало и раньше. Когда человеческий правитель становился слишком «пуст», его заменяли другим, как опорожненную чашу на столе. Повелитель Рэйма должен всегда пить только лучшее «вино». А ведь эмоции и чувства людей, которые он хочет смаковать, с годами не становятся ярче. Это Тиберий знал по себе.

— Что тебе надо? — На троне, пустом секунду назад, сидел молодой человек в черно-красной тоге и золотом венце на густых темных кудрях. Его Могущество Повелитель Рэймской империи.

— Господин. Великий Некрос. Прошу о милости.— Слова давались с трудом. Они обдирали пересохшее горло. Отдавали тупой болью в гудящей голове.

— Я не раздаю милости, Гратх.

Тиберий вздрогнул от неожиданности, вскинул голову. Демон знал его. Узнал.

— Господин должен знать своих слуг,— с улыбкой пояснил темный.— С чем ты пришел?

— Молить о смерти.

Демон рассмеялся. Звонким, молодым смехом, который прокатился по залу гулким эхом.

— Хороший ответ. Только о смерти и можно просить в моем доме. Для кого?

— Для императора.

Некрос наклонился вперед, рассматривая человека, униженно лежащего на полу у его ног.

— Зачем тебе его смерть?

— Он собирается приносить в жертву преторианцев. Мой брат служит в когорте «драконов». Через три дня его зарежут для тебя.

Черные, словно нарисованные брови демона приподнялись.

— Хорошая жертва. А ты, значит, пришел просить смерти ради жизни.

— Да, Повелитель.

— Мои служители подозревают, что твой брат состоит в секте противников демонического порядка.

— Я ничего не знаю об этом. Но знаю, что он молод и глуп. Они все слишком молоды.— Говорить было очень трудно. Усталость сделала Тиберия равнодушным, почти нечувствительным к боли, текущей от демона.— Господин, вы же знаете, что они не опасны для вас. Они ничего не могут сделать. Тешат свое самолюбие. Люди все такие. Особенно молодые.

Демон молча смотрел на него сверху вниз.

— Еще несколько лет — и они поймут бессмысленность. Борьбы, жизни, станут верными вашими рабами, как все мы.

Некрос знал, что это правда. Как могли помешать его правлению несколько юных безумцев? Кто они для него? Всего лишь десяток слабеньких огоньков человеческой силы.

— Что ты можешь предложить взамен?

— Что вам угодно будет взять?

Демон наклонился еще ниже. Теперь Тиберий чувствовал его запах. Нечеловеческий, острый, словно от раздавленного насекомого, почти забитый дорогими благовониями.

— Твою жизнь. Смерть императора я меняю на твою. Согласен?

И этого он тоже ждал. Чем еще можно заинтересовать темного, кроме боли и страха.

— Да... Повелитель.

— Я позволяю вам заменить императора Транквила. А ты придешь в этот храм и убьешь себя. Сам. Своим мечом. На этом алтаре.

Некрос поднялся, провел рукой по кудрявым волосам, поправляя венец, и растворился в воздухе.

Раньше люди легко расставались с жизнью. Лет тридцать назад поэты воспевали прелесть тихой смерти. Наслаждение покоем. Нежный ветер с ароматом цветов, уносящий в другой мир, где не будет боли, страха, унижения. Не все ли равно, что будет с твоим телом здесь, если там ты обретешь покой...

Ее звали Ливия. Так же как рабыню Мария. Тринадцатилетняя, худая, нескладная, с золотистыми глазами и пепельными волосами. Ему было пятнадцать, когда он увидел ее на площади во время осеннего праздника Принесения даров. Долговязая девчонка в сером хитоне. Он стал у нее за спиной и во время долгого ритуала смотрел на кудрявый затылок. А потом вдруг неожиданно для себя самого наклонился и быстро поцеловал в шею, в теплые, мягкие завитки... Она не оглянулась, не пошевелилась, только мочка уха, выглядывающая из светлых локонов, покраснела.

Она могла бы стать его женой. Но не стала, потому что умерла через неделю. Выпила эликсир покоя, который продавали на каждом углу для всех желающих. Тринадцатилетняя девочка захотела покоя! Какая глупость! Но он не мог винить ее в этом. Что она могла найти в этом мире, кроме боли, страха за себя и за близких, унижения.

Он тоже ничего не хотел. Целый месяц после ее смерти. А потом понял, что ему нужно. Убивать. Мстить за нее. Не важно кому. А легионы императора Светония всегда нуждались в солдатах...

Тиберий поднялся по шаткой лесенке в голубятню, выбрал птицу, привязал к ее лапке записку и выпустил. Она полетела в сторону особняка Адриана Мария.

Наверное, это произойдет сегодня. Ночью. Самое удобное время для смены императоров. Значит, на следующий день ему придется возвращаться в храм Некроса. Остается меньше суток. Что можно сделать за это время? Привести в порядок бумаги? Поговорить с Гаем? Сходить на могилу к Ливии?

Зря он вспомнил о ней. Зря он вспоминает о живых. Сейчас надо опустошить душу, постараться не чувствовать ничего. Не думать. Не ощущать. Не помнить. Он был готов умереть каждый день, как и все в Рэйме. Думал, что готов. Но, оказывается, не смог приучить себя к смерти. Не приходит этот глубокий покой, который, по словам мудрецов должен заставлять сердце биться медленней, а мысли течь плавно, не касаясь реальных предметов.

«Я жил не так, как хотел. Делал не то, что хотел. И умираю не так. Я не хочу умирать! Почему я должен умереть?! За брата? За любимого младшего брата, который еще не успел пожить? Который проживет

такую же никчемную жизнь, как и я?! Чем его жизнь лучше моей?! Почему я?!»

Трибун знал ответ. Потому что брат лучше его. Потому что он готов умереть ради других. Ради всех.

Тиберий сидел в кресле у окна, смотрел на небо, в котором радостно кувыркались белые голуби, и мысленно обращался к другу, живущему на другом конце города. «Они лучше нас, Марий. Они знают, чего хотят. У них есть цель. Пусть живут. Может, еще десяток таких, как они... десяток поколений таких, как они,— и демоны не смогут приказывать нам. Убивать нас».

Он думал так, а в душе по-прежнему рвалось, скреблось, выло: «Я хочу жить! Еще несколько дней! Еще хотя бы один! Я никогда не чувствовал себя настолько живым!»

Аромат цветущей магнолии под окном никогда не ощущался так остро. Крики стрижей, синее небо, наполняющееся полуденным жаром, приглушенные голоса рабов, женский смех, неосторожно взлетевший до высокой, звонкой ноты и тут же испуганно оборванный плеск воды. Боль в ноге, которую он всегда ненавидел, сейчас была лишним подтверждением того, что он еще жив. Завтра ничего этого не будет.

Теплый ветер теребил край занавески, шелестел бумагами на столе.

«Я всегда хотел покоя. Почему сейчас он мне не нужен? Почему за последние часы я так страстно полюбил жизнь?!»

Глава 4
СТИГИЙСКИЙ СФИНКС

Теперь все свое время Арэлл решила посвятить тренировкам с мечом.

Гай вошел в просторный, светлый зал, предназначенный для атлетических упражнений, и увидел девушку в неприлично короткой тунике. Она тяжело дышала, нанося удары мечом по воображаемому врагу: перетекала из стойки в стойку, вращалась волчком, рубила наотмашь и наносила быстрые короткие «уколы». Гай заметил, что очень часто она работает левой пустой рукой, словно в ней находится воображаемый щит. Несколько раз даже ударила этим щитом, как видно, метя в лицо противнику. Но весь поединок преторианец отмечал лишь краем сознания, которое не дремлет у любого опытного воина. Взгляд же мужчины замечал не красоту боя, а красоту женщины. То, как туника липнет к мокрому от пота телу, повторяя каждую линию. На какое-то мгновение он ощутил раздвоение своего чувства к Арэлл. Он признавал ее новое умение виртуозно владеть мечом, но привлекало к ней преторианца совсем не это.

Элланка изменилась слишком быстро. В зал к Трисмесу входила одна девушка. Мужественная, но беззащитная и ранимая. Вышла другая— холодная, сосредоточенная на идее, понятной только ей. Словно она наконец решила, что делать, но не знала, можно ли говорить об

этом остальным. Она стала... нет, не жестокой. Но спокойно зарезать пятерых жрецов прежняя Арэлл не смогла бы. Он любил прежнюю. С новой было очень тяжело, она раздражала, совершая поступки, которые должен делать он. И преторианцу стало казаться, что он становится не нужен.

Гай подошел ближе. И едва успел увернуться от меча, просвистевшего совсем рядом.

— Арэлл!

— Никогда! — воскликнула она, переводя дыхание и отбрасывая со лба влажные пряди.— Никогда не подходи ко мне сзади, когда я с оружием!

Элланка схватила кусок ткани, вытерла мокрую от пота шею, вогнала клинок в ножны и положила его на скамью.

— Что ты делаешь?!

— Восстанавливаю утраченные способности.

— Что?!

— Я должна тренироваться. Мое тело слишком слабое. Изнеженное.— Девушка посмотрела на руку. Изящную белую ладонь, где появились мозоли от рукояти меча. На вторую была надета красная кожаная перчатка.— Оно быстро устает! Хочет наслаждений и отдыха.

Словно в подтверждение своих слов, она стукала себя крепко сжатым кулаком по бедру. Такому соблазнительно изогнутому, гладкому, едва прикрытому полупрозрачным шелком. И смотрела на Гая широко раскрытыми, потемневшими глазами.

Она и так была не совсем в себе, а теперь окончательно сошла с ума. Вернулась совершенно безумной после путешествия в катакомбы Северного квартала. Убила одна пятерых жрецов из храма Некроса. Хладнокровно, как будто танцуя, зарезала их его же спатой. И во взгляде девушки было такое непередаваемое выражение — словно она оказала им милость.

Гай подошел к ней, крепко взял за плечи, слегка встряхнул:

— Арэлл, что с тобой происходит? Что ты делаешь?

Она глядела в его лицо, чуть откинув голову, приоткрыв горячие красные губы, и ему стоило некоторого усилия оторвать от них взгляд, чтобы не забыть, что хотел сказать.

— Мне кажется, ты убиваешь себя. Убиваешь себя ту, которой была раньше.

Она подняла руку в перчатке, нежно прикоснулась к его щеке. Но голос ее прозвучал холодно:

— Гай, не мешай мне. Я делаю это для тебя. Для всех вас.

— Что ты делаешь?! Что ты делаешь, безумная?! Сегодня проехалась по городу обнаженной! Невеста наследника верхом на лошади, без одежды!

Он сам чуть не свихнулся, когда услышал об этом. Вся преторианская когорта со смаком описывала подробности скандальной выходки лурии Арэлл. Присочиняя массу пикантных подробностей. Вот это прекрасное,

недоступное тело обозревали все проходимцы, нищие, патриции, лавочники Рэйма.

Впервые Атэр, глядя на него испуганно-растерянными глазами, бормотал:

— Прости, Гай! Прости, я не смог ее удержать! В нее как будто десяток демонов вселился! Она говорила с Клавдием. О налогах, о нравах Рэйма. Тот так гаденько усмехался и рассказывал, сколько стоит золотое шитье на ее хитоне, ее украшения, ну и так далее. А она слушает, тоже улыбается, а потом вдруг сдирает с себя одежду и швыряет ему в морду. Видел бы ты его в это мгновение!

«А ты в это мгновение видел ее! Без одежды!» — хотелось крикнуть преторианцу. Она безумна! Она не понимает, что делает! В ее голове все перепуталось.

— Зачем ты это сделала?

— Я элланка, Гай,— с легкой улыбкой произнесла она, и ее плечи под его руками слегка качнулись.— У нас другие понятия о человеческом теле. Я совсем не понимаю Рэйм. Ваши женщины носят прозрачные флеранские ткани. Совершенно прозрачные.

— Но они не разъезжают голыми по улицам! — простонал он, изнемогая от желания надавать ей пощечин и одновременно накинуться с поцелуями.

— Лицемерные ханжи! — прошипела она сквозь сжатые зубы.— У вас нет ничего! Ни у кого из вас нет ничего! Даже жизни нет! Только горы разноцветных тряпок!

— Что ты хочешь сказать?! Кому и что ты хочешь доказать?!

— Отпусти, Гай, мне нужно тренироваться.

Арэлл вывернулась из его рук, снова взяла меч.

Со слов сына Ферста, преторианца Севера, Гай знал, что Сенат бурлил и гудел, словно перепревшие помои под плотно закрытой крышкой.

— Какой позор! Распущенность! Безнравственность! — орал цензор Тремул Марций, содержатель публичного дома.— Эта особа недостойна чести быть невестой наследника!

— Глумление над семьей императора! Ни одна публичная девка не позволит себе такого!

— Лудий Клавдий, вы не можете жениться на ней. Она опозорила вас!

Клавдий сидел, нервно сжимая и разжимая кулаки, цвет его лица почти сравнялся с пурпурной полосой на подоле тоги.

— Я не могу идти против воли Повелителей. Верховный турвон назначил ее мне в жены.

— Она может остаться заложницей высокого происхождения, но никак не супругой.

— Но я получил ее как гарант мира с Эллидой.

— Она не может быть женой будущего императора! Это позор для империи.

— Лудий Клавдий,— нежно ворковал сенатор Теренций Кувр,— вы так дорожите мнением народа. Что он скажет, если его императрицей станет распутная элланка. Вы потеряете уважение и любовь. Позор ляжет на всю семью.

Через полчаса воплей и стенаний Сената Клавдий пробормотал:

— Да-да. Я понимаю... Но я не могу отослать ее назад!

Север, в лицах изображавший заседание, усмехнулся, заметив перекосившееся лицо сослуживца:

— Не волнуйся. Они ничего не сделают твоей драгоценной Арэлл. Поорут и успокоятся. Не будут же они вмешиваться в демоническую политику. Некросу наверняка все равно, в каком виде и куда она ездила. Друзлту, думаю, тоже. Он передал элланку как подарок своему демоническому коллеге. Вряд ли тот откажется от него.

Гаю совсем не нравились эти разговоры о «подарках», но он понимал, что Север прав. И сейчас, глядя на Арэлл, чувствовал, как в нем поднимается свирепая ненависть ко всем, кто пытался претендовать на нее.

Дверь в тренировочный зал широко распахнулась. Преторианец проворно отшатнулся от девушки, повернулся к входящему и с изумлением увидел Критобула. Атлет тяжело дышал, его шлем был сдвинут, плащ сбился на сторону.

— Император умер,— произнес он, глядя почему-то на Арэлл.

— Умер или убит? — уточнила она невозмутимо.

— Когда?! — спросил Гай, ощущая в себе странное спокойствие.

— Я только что узнал. Его любовница, ну эта кошка-демоница, телохранительница... валяется с перерезанным горлом. Кругом кровища, а он сам...

— Клавдий знает? — перебила его элланка.

— Нет. Пока нет.

Арэлл оттолкнула Критобула, загораживающего выход, и бросилась из комнаты. Преторианцы поспешили следом за ней.

Атлет оказался прав, крови было много.

Любимые перепелки императора метались в своих клетках, натыкаясь на прутья. На полу валялось рассыпанное просо и пестрые перья.

Император лежал в ванной. В бурой воде, на которой плавали лепестки роз. Белые руки Транквила все еще цеплялись за мраморные бортики. Сведенные судорогой пальцы унизаны тяжелыми перстнями. Голова, по шею торчащая из воды, была откровенно страшной. Зубы оскалены, мокрые жидкие волосы прилипли к широкому бугристому лбу.

— Зарезали в ванной,— пробормотал Критобул. Друзья давно привыкли к тому, что он озвучивает вслух очевидные вещи.

Арэлл, отвернувшаяся было на мгновение, зажав рот обеими руками, теперь снова смотрела на мертвого императора. Пристально, не отводя взгляда, сурово сжав губы.

— Это наши. Больше некому,— продолжал бормотать атлет за спиной Гая.— Посмотри, что в соседней комнате.

Соседняя комната была забрызгана черным. Густые капли медленно стекали по пурпурным прожилкам на белых стенах, лениво плюхались в грязные лужицы на полу. Впитывались в алые ковры. Черное на красном. Это было даже красиво.

Посреди комнаты на разодранных золотых подушках валялась мертвая демоница. С перерезанным горлом. Нет, с разорванным. Гай содрогнулся от брезгливого отвращения, рассмотрев подробности. Ее тело осталось человеческим — смуглым, гладким, блестящим от ароматического масла. А вот некогда красивое лицо превратилось в звериную морду с хищно приоткрытой пастью. Длинный красный язык свисал между белых острых зубов, остекленевшие желтые глаза чуть поблескивали из-за полуприкрытых век. Нежные девичьи руки заканчивались когтистыми лапами. Ими она и разодрала свое горло. Как будто задыхалась. Металась по комнате, натыкаясь на стены, оставляя на них кровавые следы. Упала, проползла несколько шагов, ткнулась головой в подушки. Наверное, выла и шипела. Человеческие звуки это горло, конечно, не могло издавать.

Гаю не было ее жаль. Испытывать сочувствие к демону — что за бред! Проще пожалеть императора. Но раньше кошка была красива. А Транквил оставался мерзким стариком и при жизни, и после смерти.

— Как ее убили? — тихо спросила Арэлл.

Преторианец почувствовал подступающее раздражение. Похоже, элланку не интересовало ничего, кроме способов убийства демонов.

Осторожно ступая по заляпанному кровью полу, Критобул подошел к трупу. Наклонился.

— Стигийский сфинкс,— произнес он внушительно.

Арэлл вопросительно подняла брови.

— Яд одного очень редкого насекомого,— объяснил Гай неохотно.— Парализует дыхание. Действует на низших демонов.

— Его можно достать в городе?

— Его нельзя «достать».— Телохранитель мрачно взглянул на невесту наследника, которая теперь подошла слишком близко к тому, чтобы стать женой нового императора.— Раздобыть его какими бы то ни было путями невозможно, Арэлл. Его может подарить только Его Могущество Великий Некрос. Пошли отсюда. Убийство совершено по распоряжению Повелителя. Все чисты. Критобул, идешь?

— Нет.— Атлет оторвался наконец от изучения мертвой демоницы.— Сейчас моя смена. Буду разбираться со всем этим дерьмом.— И без всякого перехода уныло: — А ведь красивая была, тварь. Какие ноги!

Арэлл отчаянно замотала головой, не желая слушать продолжение эротических восторгов Критобула. Стремительно развернулась и вышла из комнаты. Гай отправился следом. Проходя через роскошную ванную комнату, элланка сделала странную вещь. Подошла к мертвому телу императора, наклонилась над его обезображенным ужасом и смертью лицом. Смотрела несколько мгновений.

— От него почти ничего не осталось,— прошептала она, выпрямляясь.

— То есть?

— Они выпили из него всю душу... Демоны. Бедный человек.

Гай промолчал. Желания разбираться с потерянной душой императора не возникало. Скорее бы могильщики разобрались с его телом. Из ванны явственно начинало тянуть гнилью, смешанной с ароматом розового масла.

Арэлл стремительно шла по коридору, составленному из прекрасных статуй полуобнаженных девушек и юношей. Нервно стягивала и натягивала свою красную перчатку, оглядывалась по сторонам, словно ожидая, что на нее сейчас налетит стая стигийских сфинксов.

Гай с трудом сдерживался, чтобы не схватить ее за локоть, развернуть к себе и приказать не паниковать. А еще хотелось пообещать, что все будет хорошо. Но это тоже не оказалось бы правдой. Сам преторианец находился сейчас, быть может, в еще большем смятении, чем элланка.

— Теперь Клавдий — император,— сказал он вместо тех слов утешения, которые уже готов был произнести.

Глава 5
ЦЕНА ИМПЕРИИ

Тиберий был в библиотеке.

Теплый ветер, теребящий край занавески и шелестящий бумагами на столе, принес голос Гая, прозвучавший в вестибюле. Нет, брат сейчас должен быть на дежурстве. Чей-то похожий голос. Громкий, командирский, но пока еще не лишенный юношеской звонкости.

Быстрые, решительные шаги приближались.

— Тиберий!

Только бы не вошел сюда. Не увидел его напряженное, измученное лицо, постаревшее сразу лет на десять. Гратх взял первый попавшийся свиток, развернул его. Дверь распахнулась.

— Тиберий! — воскликнул брат.— Император мертв!

Трибун вздрогнул. Как, уже?! Так быстро?! Голубя он отправил полчаса назад. Или раньше? Показалось, что совсем недавно. Но за время, пока сидел в библиотеке, стараясь ни о чем не думать, тонкие, прохладные утренние тени удлинились. Он не заметил, как прошли сутки? Как такое может быть?! Как он мог пропустить день, который мечтал растянуть до бесконечности?!

— Тиберий, ты слышишь?!

— Я слышу.

— Ну и?! Отреагируй как-нибудь!

— Гай, я занят!

— Твое занятие настолько важное? Важнее смерти императора?!

— Пора бы тебе привыкнуть, что императоры сменяют один другого. Это как смена дня и ночи. Естественно.

— Как ты можешь шутить сейчас?!

Тиберий тяжело поднялся. Сдвинул бумаги в сторону. Не обращая внимания на негодующего Гая, позвал рабов.

— Мой меч. Парадную тогу. Живо.

Какой смысл идти в Претикапий сейчас? Посмотреть на мертвого императора? Удостовериться самому? Потянуть еще немного время?

Факелы во дворце были потушены. Даже перевернуты в своих гнездах. В знак глубокого траура. Преторианцы в парадных доспехах с фиолетовыми полосами печали на панцирях стояли едва ли не на каждой ступени лестницы и провожали народного трибуна Тиберия пристальными недобрыми взглядами.

Интересно, кто из них заколол императора? Кому Марий поручил почетную роль убийцы?

Транквил Помпей лежал на белом помосте, окруженный почетным караулом своих верных телохранителей-палачей. Усыпанный белыми розами. Заострившееся серое лицо в золотых бликах царственного дубового венца величественно, спокойно, а если смотреть с того места, где стоял Тиберий, даже грозно. Руки скрещены на груди. На каждом пальце сверкает массивный перстень. Тело, как будто усохшее с приходом смерти, облачено в белую тогу. Пурпур на ней широкой полосой течет среди цветочных лепестков. Тиберий смотрел на багряную ленту и не мог отвести взгляда.

Сзади подошли, обдали крепким запахом духов, перебивающим аромат роз, тихо произнесли голосом сенатора Полибия Катиллина.

— Сдох наконец?

Тиберий не счел нужным ответить. Высказывание этого не требовало. Интересно было другое.

— Почему его положили не в Сенате?

— Такова воля наследника. Желает лицезреть дорогого родителя ежечасно.

— Клавдий — лучшее из того, что мы могли получить.

— Да... Клавдий. И его элланская шлюха. Кстати, ты, конечно, знаешь, что от имени императора уже давно правил Сенат. Последнее время у того не хватало разума понять даже то, что он подписывает. Меня и дальше вполне устроило бы такое положение. Как и моих коллег.

Катиллин подошел к помосту, величественно опустился на колени, поцеловал перстень на руке почившего правителя. Вернулся, сохраняя на лице выражение сдержанной скорби.

— Сенат предпочел бы видеть на троне Лоллу? — тихо спросил Тиберий.

— Она всегда была послушной девочкой,— улыбаясь, отозвался сенатор.— Очень удобно.

— Но предпочтения Сената всего лишь желание шестидесяти человек. Повелитель хочет видеть на троне Клавдия.

— Естественно. Император-мужчина предпочтительней.— Катиллин с досадой дернул нижней губой.— Силу с него тянуть легче. И к физической боли восприимчивей. Но на все воля темных.

Тиберию больше не нужно было ничего спрашивать. Все прозрачно. Они уберут Клавдия. И очень скоро. Для этого даже не нужно просить дозволения у Некроса. Он сам сказал — разрешу заменить одного императора на другого. Или другую. Клавдий еще не император. А Лолла— послушная, глупенькая девочка. Не будет наследника, не станет и Арэлл. Не будет союза с Эллидой.

Но Гай останется в живых.

Клавдий играл в мяч со своим любимым рабом. Тиберий остановился на пороге гимнастического зала и невольно залюбовался обоими игроками. Движения наследника были быстрыми, ловкими, отточенными. Его броски при некоторой нарочитой небрежности оказывались сильными и меткими. Мальчишка-эллан подпрыгивал высоко и уверенно ловил мяч. Его подачи были слабее, но эффектнее. Высокий, стройный, застенчивый мальчик чем-то напоминал Арэлл.

Наследник отбил очередной удар, повернулся, увидел Тиберия. Озарился приветственной улыбкой.

— А, Гратх! Что привело тебя к нам?

— Твой отец, лурий Клавдий.

На щеках лудия выступили два багровых пятна нечетких очертаний. Так, и здесь все ясно. Наследник ожидал, что каждый первый бросится изъявлять почтение новому императору. Ему. Но, похоже, высокородные вельможи не торопятся. Все ждут ритуала, который обязаны провести жрецы храма Некроса, прежде чем человеческий правитель взойдет на престол. И до этого момента Клавдий — никто. Не об этом он мечтал все эти годы.

— Не говори мне об отце! — вытаращив глаза и брызжа слюной, заорал наследник.— Я ничего не хочу знать! Я ничего не хочу слышать! Что вы все ходите?! Чего вам надо?!

Изумленный мальчишка так растерялся, что едва успел увернуться от очередного мяча. Тот пролетел совсем рядом с головой эллана и, стукнувшись о стену, выбил кусок орнамента из барельефа.

— Что вы ходите?! Я просил у вас совета, а вы только качаете головами и надуваете щеки. Убирайся, Гратх! Убирайся, я ни о чем не желаю разговаривать! Бедный отец! Бедный отец, его убили!! И никому нет дела! Могу я хотя бы знать, к т о его убил?

Играет он, как обычно, или переживает всерьез?

— Что, теперь ты тоже молчишь? Вы все молчите. Но ничего, подождите. Недолго осталось. Скоро я стану императором. Еще несколько дней, и ответы на мои вопросы будут даваться быстрее. Я получу право...

Он не договорил. Глаза Клавдия, поблескивающие злобным торжеством, вдруг округлились и как будто даже побелели от ужаса. Он смотрел за спину Тиберия, и скулы его стремительно бледнели.

Гратх обернулся с легким недоумением. К ним приближались четыре жреца в черно-красных тогах. «Неужели за мной?» — пронеслась мысль в голове Тиберия. Тот же самый вопрос промелькнул на лице Клавдия.

Старший жрец медленно вошел в зал, оглядел всех присутствующих.

— Для Его Могущества Некроса должна быть избрана жертва к следующему празднику...— Сухая, желтая рука с золотым стеком в узловатых пальцах поднялась и указала на мальчишку-раба.

Эллан выронил поднятый мяч, и тот медленно откатился под ноги Тиберия. «Вот и еще один такой же, как я,— равнодушно подумал Гратх.— Жив, но уже мертв».

— Как же так? — прошептал Клавдий. Текучий, хорошо поставленный голос подвел его, задрожал.— Почему? Он мой. Он принадлежит мне.

— Мы все принадлежим Повелителю,— монотонно отозвался жрец, полузакрыв глаза.

— Нет-нет,— пролепетал Клавдий,— так нельзя. Я император.

Когда боги хотят наказать — они лишают голоса? Вместо слов гнева и негодования наследник мог теперь издавать лишь жалкий лепет. За что? Почему Ионт? Почему у него отбирают единственное утешение? Забрали бы элланскую мерзавку. Она тоже светлоглазая и светловолосая, а жизненной силы хватит на сотню голодных демонов. Заберите лучше ее...

Мальчик терпеливо стоял рядом. Верил, что тот поможет? Не разрешит никуда уводить? Наследник уже почти собрался с силами. Нужные фразы звучали в голове: «Убирайтесь!» Нет, лучше: «Здесь вы ничего не получите!» Да, именно так: «Ищите другую жертву». Как лудий он *имел право* сказать подобное. Как император — тем более. Как император... Вот только будут ли жрецы проводить ритуал после подобного отказа?.. Клавдий вдруг понял, что ничего не может произнести вслух. Челюсть, язык точно застыли, смерзлись губы.

Жрец подошел, положил руку на плечо Ионта, подталкивая к выходу. И тот пошел, медленно, шаг за шагом, оглядываясь на Клавдия. Удивленно, доверчиво... обреченно. Эллан уже понял, что лудий не остановит его палачей. Но ненависти, обвинения и страха в светлых глазах не было.

«Скажи! Скажи, еще не поздно! Останови их! Всего несколько слов! Ты же почти император! Сейчас! Еще мгновение! Приказ уже жжет язык!» Клавдий видел, что Гратх, этот хромой горлопан, тоже смотрит на него. Молча. С презрением. Едва ли не с отвращением. «Не смей обвинять меня, трибун! Я погляжу, как будут рвать на куски твоего брата, и ты сам тоже будешь трястись от беспомощности и страха. За себя. За *свою* жизнь!»

«Нет, нужно молчать. Сейчас можно разговаривать только мысленно. Только с собой. *Правильно* думать... Ионт, мальчик, ну почему именно ты! Я не хочу видеть, как они будут резать твое тело! Я ничего не хочу об этом знать! Я не желаю думать об этом!» Раб еще раз оглянулся через плечо. «Уже поздно. Я не смогу их остановить. Они не послушают меня. Будет только хуже».

— От имени Великого Некроса храм принимает принесенную тобой жертву, император Великого Рэйма,— бесцветным, безразличным голосом произнес жрец, задержавшись на мгновение на пороге зала.

А прежде чем за процессией закрылись створки двери, эллан последний раз поймал глазами взгляд Клавдия. Как будто произнес: «Я не виню тебя. Не терзайся. Ты не виноват».

Едва только они скрылись, наследник почувствовал удивительное облегчение. Он поступил во всех отношениях правильно. Власть имущий возвеличил его. Это огромное достижение. Слова жреца многого стоят. Теперь (наконец-то!) лудий окончательно признан. Он император. Конечно, Ионт не мог помыслить ничего другого, он все правильно понял. Нельзя поставить на одну чашу весов его жалкую рабскую жизнь и благополучие целой страны в лице ее правителя. Мальчишка всего лишь покорился судьбе. Кажется, этому учили еще Древние — у каждого человека своя судьба.

Да, все было правильно. И все же... К чувству торжества примешивалось нечто... очень болезненное. Горькое сожаление. «Ионт единственный не говорил, что я виновен. Арэлл, отец, все остальные всегда обвиняли меня». И Клавдий вдруг запоздало понял, что мог бы, не теряя, приобрести все то же, что он получил. Он мог предложить жрецам

храма *другого* раба. Десять других рабов! Это было так просто. «Почему же я не остановил их?!»

Лицо народного трибуна выражало последнюю степень отвращения.

— Трусливая мразь,— произнес он сквозь зубы, повернулся спиной к своему императору и, прихрамывая, вышел из зала.

— Ты не можешь обвинять меня, Гратх,— прошептал Клавдий.— Ты не имеешь права обвинять! Ты не выбирал между своей и чужой жизнью. Я император! Я нужен Рэйму!

«Ты не нужен никому,— шепнул едко кто-то из глубины сознания. Наверное, внутренний демон, предназначенный для того, чтобы терзать душу.— Ты ничтожество!»

Император Великой Рэймской империи сел на пол, вцепился в свои темные кудри и застонал от бессилия и отвратительного чувства вины.

Тиберий шел, чувствуя боль в ноге, натыкаясь на тихих рабов в траурных одеждах. Это был не его мальчишка. Ему вообще не было дела до тайных страстей Клавдия. Но видеть, как наследник трясется и потеет от страха, было отвратительно. Хорошего императора мы получаем. Он не в состоянии защитить даже собственного раба!

— Лурий Гратх! — услышал Тиберий, едва успел отшатнуться в сторону, но все же задел встречного плечом.

— Что случилось? На вас лица нет!

Перед ним стояла Арэлл. Золотоволосая элланка в синем хитоне. Смотрит внимательно и участливо. Искренне. Может быть, поэтому Тиберий ответил правду.

— Эллана, раба Клавдия, только что выбрали в искупительную жертву для Некроса при инаугурации наследника.

— И он позволил?!

— Он покоряется воле Повелителя. Как и все мы.

Арэлл застыла. Ее скулы побелели, а глаза стали бешеными. Такие глаза Тиберий видел у солдат, перед тем как их оружие протыкает тело врага. А спустя мгновение элланка стремительно подалась вперед, выхватила из ножен трибуна меч и помчалась вперед. Только замелькали икры, перетянутые ремнями сандалий.

Тиберий слышал, будто она не в себе. Находит иногда на невесту лудия безумие, в котором та творит сама не понимая что. Но он никогда не рассчитывал увидеть такое.

Жрецов она догнала в зале с первым большим жертвенником. Не останавливаясь, молча подняла меч и ударила одного из прислужников, того, кто держал за плечо мальчишку. Кровь тугой струей ливанула прямо на алтарь. Жрец грохнулся на пол, эллан отскочил в сторону. А безрассудная девица продолжала крушить врагов. От изумления те не сразу сообразили достать мечи. Она зарубила их всех. Одному рас-

кроила голову, другому перерубила шею, третьему располосовала живот. Увидела, что он жив, и одним ударом добила.

Тиберий никогда не видел, чтобы женщина дралась так. Спокойно, отрешенно. И лицо у нее было... вдохновенным. Как у художника, философа, жнеца, срезающего первые колосья для праздничного снопа. Она не убивала — оказывала милость, одаряла глубокими смертельными ранами.

А потом положила окровавленный меч на жертвенник, закрыла глаза, вдохнула полной грудью и закричала вдруг голосом, дрожащим от боли:

— Теперь тебе довольно крови?!! Тебе хватит этой крови?!

Тиберий стоял неподвижно, продолжая смотреть на Арэлл.

Она безумна. Но ее безумие священно!

Воздух над жертвенником замерцал, поплыл, как над раскаленной землей в полдень. И сгустился в высокую фигуру, одетую в черные просторные одежды с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Твой призыв услышан,— отозвался демон.— Ты осквернила алтарь Великого Некроса кровью его верных рабов.

Элланка не дрогнула. Она смотрела на демона исподлобья, глаза ее посветлели, стали как хрусталь, с черными точками зрачков. Наверное, она не знала, что перед ней Великий турвон. Судья. Жрец всего демонического мира.

Краем глаза Гратх заметил торопливое движение и обернулся. К ним уже спешили преторианцы в количестве десяти человек, несколько жрецов с плохо скрытым изумлением на лицах. Рядом толпились испуганно перешептывающиеся рабы. Тиберию показалось, что он видел мелькнувшее в толпе лицо Клавдия. Ионт стоял рядом, почти касаясь народного трибуна плечом.

— Зря она это все,— прошептал он тихо.— Теперь убьют ее.

— Уведите! — приказал турвон.— Я буду судить ее. Сам.

Глава 6
УБЕЖИЩЕ В МГЛИСТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тонкий мир всегда представлялся турвону многогранным пространством, хорошо изучив которое любое существо может получить гораздо больше *силы* и возможностей, чем было задумано первоначально. Тем, кто эти возможности распределял при сотворении.

Демоны — со своей безысходной привычкой видеть и использовать лишь те земли, которые подходили, чтобы стать их личной территорией, откуда можно качать жизненную энергию,— всегда казались ему более чем нелогичными.

Спору нет, правильная тактика — вытеснить противника. Вот только разведывать, сколько этих противников, каковы их силы и особые качества, надо заранее.

Никто из Высших никогда не стремился узнать то, что не отвечало бы их сиюминутным, амбициозным интересам. Никто не хотел рисковать, сталкиваясь с непонятными сущностями из чужих, неведомых миров и унижать свою гордыню признанием неполной своей всевластности. Ни одному из этих доморощенных правителей не приходило в голову заглянуть чуть дальше своего носа и увидеть глобальность того мира, что раскрывался безбрежным океаном и чья мощь была даже непредставима. Всем было достаточно того, что покорены лишь самые слабые — низшие демоны и люди. Именно поэтому, считал Буллфер, им принадлежало только Дно.

А ведь то гигантское пространство, не имеющее ни начала, ни конца, которым грезил турвон, похоже, не имело также и разумного начала, единой направляющей мысли. Только сила, только энергия в чистом виде. И если подчинить ее своей воле... У инквизитора перехватывало дыхание каждый раз, когда он проговаривал про себя это желание.

Буллфер много путешествовал. Он был почти во всех мирах, доступных демону. Но в пространства высокочастотных, убийственных для темного энергий попасть или даже просто заглянуть не мог... Поэтому он остановился в серой, сумеречной полосе на границе со светлым миром. Это было идеальное место для дома. Убежища, в котором можно копить силу.

Здесь хватало места всем. Сущностям самого разного происхождения. Близость Хаоса позволяла жить в нижней зоне Тонкого мира любым созданиям с не слишком «чистой» энергетикой. Именно его нестабильность давала им защиту. Никто из действительно могущественных и сильных существ, как темных, так и светлых, не станет строить свою державу в вечно колеблющемся, «штормящем» пространстве.

Но именно здесь проходил путь во все восемь измерений, известных турвону. Именно здесь можно было получить «контрабандную» информацию от тех, кто изгнан или покинул один мир и перебирается в другой. Здесь оседали те, кто не нашел нового жилища с подходящей «частотой». В общем, в этой «прибрежной» мути можно было найти все что угодно. Все что *нужно*. Кроме того, отсюда было быстрее добираться в любую точку, доступную Высшему демону.

И в том числе убежище создавалось, чтобы вести переговоры.

Замок пребывал в том же состоянии, что и неделю назад. Недостроенном. Его возведение шло долго и мучительно. Тем более место, выбранное для него, не позволяло использовать ни человеческую, ни демонскую рабочую силу.

Основание замка — осколок скалы — висело в пустоте. В сером, мглистом пространстве, без верха и низа. Тонкий мир недоступен для людей. Здесь обитали демоны, древние боги, химеры и... ангелы. Ангелы

тоже. Вдали, в мутной пелене, светилась яркая желтая полоса. Это просвечивали тонкие слои высокочастотных пространств. Убийственные для грубых материальных созданий. Там могли жить только ангелы. Далеко-далеко в белом свете стояли их дома, их дворцы, тоже вылитые из белого света. И сами они свет.

Верховный турвон не понимал, откуда знает об этом. Просто знал. Чувствовал. Видел в редких снах. И еще предполагал, что никто из демонов не представляет себе устройство Тонкого мира так хорошо, как он. Никто не был там, где был он, не подходил так близко к светлым сферам, не чувствовал на себе их убийственное, жгучее излучение. Им нужны только власть и сила. Их не тянет странствовать по беспредельному пространству, заполненному светом, тьмой и нагромождениями хаоса.

Буллфер «вынырнул» из пустоты рядом со своим недостроенным убежищем. Крылатый образ позволял свободно перемещаться в нестабильном мире, где рискованно пользоваться телепортацией. Но был далек от эстетического идеала. Здоровая, черная тварь с длинными кожистыми крыльями, мощными лапами, когти которых могли рвать железо, с вытянутой зубастой мордой, на коей читалось полное отсутствие интеллекта. Красные, светящиеся глаза, раздвоенный длинный язык, возможность перемещаться с огромной скоростью, невероятная сила. Оживший человеческий кошмар. Помесь летучей мыши, гориллы и пандолина[1].

Демон сел на обломок скалы, сложил крылья, огляделся и принял привычный облик. Не человеческий, под которым удобно скрываться от любопытных «родственников». Самый изначальный, в котором помнил себя всегда. Рыжий, с тяжелыми копытами, неизменными когтями и клыками, тоже не идеальный, но привычный. Наделенный всеми необходимыми демоническими чувствами вроде повышенной тепловой чувствительности, восприимчивости к магии, устойчивости к тяжелым эманациям Дна и темпераментом средней степени выраженности.

Мысль классифицировать свои образы по степени эмоциональной реакции пришла давно. И это была очень удачная идея. Самым спокойным оказался человеческий облик. В нем легко общаться с высшими соплеменниками. Не возникает желания заорать в бешенстве и запустить чем-нибудь потяжелее в самодовольного, упрямого Хозяина. Должность Верховного турвона предполагает наличие концентрированного терпения, которое расходуется медленно, по капле, но все же расходуется. Тварь с крыльями — просто летающая мясорубка. Рыжий демон умел контролировать себя. Когда хотел.

---

[1] П а н д о л и н — хищное существо, обитающее в Тонком мире. Обычно селится в каменистых пустошах. Обладает мощными крыльями, бронированным хвостом, острыми зубами. Нападает стремительно, но интеллект чуть ниже уровня среднего.

Бесы бездельничали. Маленькие поганцы как будто знали, что он не является Хозяином и не имеет права на подсобную, магическую рабочую силу. Буллфер нелегально перетащил десяток чужих слуг. Парочку у Некроса, тройку у Друзлта, этих, полосатых, у Каракалла. Все равно Правители никогда не следят за поголовьем своих тружеников. У них заботы поважнее.

Под строгим надзором бесы возвели стены. В их очертаниях уже вырисовывалось нечто благородно-устрашающее, но сделать еще надо много, очень много. Крыша, внутренние перекрытия, полы, камины.

Едва заметив рыжего демона, ленивые работнички изобразили всеобщий трудовой порыв. Но Буллфер поймал за шкирку пробегавшую мимо пронырливую зверюшку, приблизил к своим устрашающе оскаленным клыкам и прошипел:

— Если еще раз увижу, что вместо работы дурака валяете, шкуру спущу и повешу на кол сушиться.

Бес преданно заморгал круглыми глазками, мордочке придал выражение полного послушания и, отпущенный на волю, поскакал помогать приятелям, тащившим черный отполированный до блеска камень. Еще пара месяцев — и замок будет готов. Тайное жилище загадочного турвона.

Демон расхаживал по недостроенной крепости, в который раз с удовольствием рассматривая свое творение. Этот зал обещает быть самым уютным. Просторный, но не чрезмерно. С узкими окнами, шероховатыми стенами и гладким полом. В камине за раз можно спалить хорошую связку древесных стволов. Здесь встанет длинный, грубо обработанный дубовый стол. Ни ковров, ни статуй, ни золота. На это он вдоволь насмотрелся в жилищах Хозяев.

Буллфер удовлетворенно засопел, но тут же замер, затаил дыхание. Сквозь скрежет камней и писк работающих бесов ему послышалось рычание. Совсем близко.

Турвон обернулся, чувствуя волну холода, поднявшую шерсть на загривке. Из недостроенной стены ему навстречу выступила собака. Здоровенный черный пес с жарко дышащей красной пастью. Следом появился юноша. Смуглый, темноволосый, в красной набедренной повязке. В одной руке он держал плеть с петлей на конце, другой придерживал пса за ошейник. Хотя в этом не было нужды. В красных собачьих зрачках светилось не меньше интеллекта, чем в черных миндалевидных глазах его спутника.

— Кто ты такой? — резко спросил Буллфер, высокомерно рассматривая неожиданного гостя.

— Меня зовут Ямэл,— юноша продолжал осматриваться, не замечая грубости хозяина.— Я бог Смерти.

— Даже так? — Демон скептически рассмеялся. Еще один Древний.— Ты неплохо выглядишь. Учитывая, что ты и все твои старые приятели отрезаны от источников силы.

Пес глухо заворчал, и бог опустил ладонь на его голову.

— Я смерть, демон. У меня много воплощений. И множество источников силы. Каждая жизнь когда-нибудь заканчивается, и я получаю свое.

— Силу из человеческих смертей теперь получают демоны.

— Нет. Только из боли и страха. Но я пришел не для того, чтобы говорить с тобой о своей магии.

— Зачем?

— Предупредить тебя. Ты слишком далеко зашел в своих поисках. Ты строишь дом в моем мире, ты уничтожаешь моих братьев. Остановись. Демоны тоже смертны.

— Ты мне угрожаешь?!

Пес снова заворчал, показывая клыки.

— Твоя судьба сместилась, разорвалась. Я вижу две смерти.

— Две смерти? То есть у меня две жизни?

— Да.

— Что за чушь! Хватит с меня дешевых предсказаний. Убирайся!

— Я предупредил тебя, демон! — Ямэл качнул своей зловещей плетью.— Идем, Дитх.

Он кивнул собаке, и оба медленно растаяли в воздухе, оставив после себя облако колючих льдинок. Буллфер зарычал, стряхнул иней с шерсти и пнул пробегающего мимо беса:

— А ну работать! Живее!

Боги, ангелы, демоны, люди! И разбираться со всеми приходится ему одному. Остальные заняты исключительно сохранением собственного престижа.

Турвон сел прямо на каменный пол, забыв сотворить кресло. Запустил когти в рыжую шерсть на загривке. Запрокинул голову, рассматривая серое, мглистое пространство над недостроенным замком.

Демон-оборотень в компании ангела. У странной парочки должно быть свое место в этой необычной мозаике. Кое-какие ее сегменты Буллфер представлял себе очень четко. С логикой у турвона было все в порядке. Объяснение оборотня удовлетворило его лишь до определенной степени. Мерзавец явно что-то скрывал, но пока нельзя сажать его на короткий поводок. Можно спугнуть.

Демон чувствовал, что еще немного — и он поймет все. Увидит место каждого в этой партии. Очень большое игровое поле, очень много фигур. И каждая вторая воображает себя игроком. Некрос. Друзлт. Каракалл пока сидит тихо, занимаясь коллекционированием женских головок. Но это пока. Трисмес, разбазаривший всю свою силу, ангел, оборотень, братцы Гратхи, мертвый император — живой император, Арэлл... тоже немаленький кусочек в этом орнаменте.

«Я умнее их всех. У меня есть интуиция, логика, воображение и две жизни, что бы это ни значило. Я умею составлять логические мо-

заики— мое собственное изобретение. Уникальная игра разума, которая позволяет увидеть все происходящее в мире со всеми возможными ходами всех игроков. И эта рэймская картина тоже сложится, только тумана в ней пока еще многовато».

«Игру разума», в которую стал погружаться Буллфер, прервали самым безобразным образом. Пришел вызов. Бешено-истеричный вопль Некроса.

— Невротик,— пробормотал демон, отключаясь от сложной логической композиции. Послал мысленный ответ и перевоплотился в гигантскую крылатую тварь, распугав бесов.

Властелин Рэйма ожидал в тронном зале. Предвкушая мгновение, когда появится турвон, чтобы закатить ему грандиозный скандал. Но с эффектностью появления Буллфер слегка перестарался. Вместо обычного скромного человеческого образа Его Могущество увидел перед собой крылатую зубастую зверюгу, от которой несло безумием Хаоса.

— Совсем ополоумел! — заорал Некрос неблагозвучно.— Ты в уме?! Что за вид!! Ты соображаешь, куда вваливаешься?!

Неудачное начало. Монстр поменял образ, дабы не раздражать Повелителя еще сильнее.

— В чем дело?

— А сам не видишь?! — Некрос картинно раскинул руки, предлагая полюбоваться... Чем?.. Турвон огляделся. Прежде всего взгляд натыкался на алтарь, горевший прежде ровным багровым пламенем. Теперь из него выплескивалась черная вонючая жидкость.

— Что это? — Естественная брезгливость не позволила подойти ближе, и Буллфер обозревал странное явление издалека.

— *«Что это?!»* — Некроса затрясло от ярости.— Пока ты, хранитель нашей безопасности, охотишься на ангелов, эта мерзавка осквернила мой алтарь.

«Арэлл».

Буллфер напрягся внутренне, чувствуя, что один из пазлов начинает ломать всю мозаику.

— Как?

— Пролила кровь моих жрецов на мой же алтарь.

Первым желанием турвона было расхохотаться. Затем тихое бешенство зашевелилось где-то в области груди. Усилием воли он не дал ему хлынуть в голову.

— Дрянь! — продолжал бушевать Некрос.— Стерва! Я бы сам свернул ей голову, но оставил все как есть до твоего прихода.

— Я буду судить ее,— медленно произнес Буллфер.— И приговорю. Если хочешь, можешь смыть ее кровью эту дрянь с алтаря.

— Хочу,— прошипел Некрос.— Я вырежу всю императорскую семью, если понадобится.

Глава 7
ВЫСШИЙ СУД

В Рэйме гудел набат. Ревели трубы всех шести храмов. Их заунывные вопли поднимали в воздух стаи ошалевших ворон. Толпы нарядных горожан валили к Форуму.

Сегодня здесь должны были судить Арэлл Селфийскую – развратную элланку, осквернившую жертвенник Великого Некроса. Говорили, что она же отравила сиятельного императора Транквила по наущению Повелителя Эллиды – Друзлта, а может, и еще какого врага Его Могущества Некроса. И неизвестно, каких бед от нее можно было ожидать, если бы негодяйку не остановили.

Суд проведет сам Великий турвон. Он избавит Рэйм от элланской заразы. А вот и ее везут. В открытой квадриге. Так, чтобы все славные граждане могли бросить в преступницу камень.

Арэлл стояла, выпрямив спину, и смотрела в толпу сухими глазами. Ни одна слеза не могла пролиться из них, хотя иногда ей хотелось заплакать. Элланку привязали к шесту, торчащему в дне повозки, и теперь всем телом она чувствовала каждый шаг лошади, подпрыгивание колес по мостовой. Кусок выжженной солнцем, окаменевшей глины вылетел из толпы, задел ее плечо, глухо грохоча по доскам, скатился под ноги.

«Люди, что же вы делаете?! Я здесь ради вас. Я хочу *помочь вам*».

– Она убила императора! Она его отравила!

– Счастье, что лудий Клавдий остался жив! Она хотела убить его следующим!

«Это неправда. Вы же все знаете, что это ложь!»

Преторианцы на сытых вороных жеребцах окружали повозку, выполняя роль стражников и одновременно защищая бывшую невесту молодого императора. Иначе толпа, чего доброго, набросилась бы на нее и разорвала или забила камнями. Старуха с развевающимися седыми волосами пробилась ближе, схватилась за борт.

– Из-за тебя убьют моего сына! Его кровью смоют грязь с алтаря Повелителя. Будь ты проклята! Сдохни в муках, дрянь!

Возница обернулся и лениво хлестнул нарушительницу кнутом, та взвыла, и толпа поглотила ее.

Над всеми шестью храмами, не умолкая, выли трубы. Молодых юношей и девушек убивали десятками, чтобы умилостивить Великого Некроса. Их теплая жизненная влага лилась на алтари, смывая кровь жрецов, пролитую Арэлл.

«Я не хотела этого! Я не хотела! Я пришла спасти вас, а не убивать! Простите меня. Я буду защищать каждого из вас, так же как защищала мальчика Ионта. Простите! У меня не хватает сил, чтобы отстоять всех!»

Еще один камень рассек кожу на щеке, но она не почувствовала боли. Вина и отчаяние были сильнее.

– Верни мою дочь! Ее убьют из-за тебя!

— Убийца!

— Убийца!!

«Простите, люди! Я не знала, что они будут убивать ваших детей! Я могу только уничтожать зло. То зло, что вижу у себя на пути. Я не думаю о последствиях. Я слишком слабая и не слишком умная. Простите меня!»

Глазам стало больно, словно в них насыпали песка, и наконец горячая одинокая капля поползла по щеке. Они смотрели на нее с ненавистью, любопытством, тупым страхом. Рэйм ненавидел ее и желал смерти.

— Арэлл! Арэлл!!

Неизвестно откуда вынырнул Атэр с поцарапанным лицом, разбитыми губами и сверкающими, полубезумными глазами, ловко уклонился от хлыста погонщика, вцепился в повозку:

— Арэлл! Мы здесь! Мы с тобой! Не бойся ничего! Мы поможем! Все будет хорошо! Верь мне! Верь!

Эллан отпрыгнул в сторону, увернулся из-под копыт лошади и пропал в толпе.

Как много лиц, и все они обращены к ней. Рэйм ненавидит ее. Но теперь это ее город. Она вернется. Она все равно вернется сюда.

«Я все исправлю. Наберусь сил и помогу вам. Ваше истинное желание — вернуть свободу. А то, чего вы просите сейчас, всего лишь человеческая слабость и страх».

Элланка подняла голову, чтобы не видеть людей, и стала смотреть на небо. Часть его была обрезана крышами высоких домов, так что она видела только узкую синюю полосу, похожую на реку с островками белых облаков.

Ранняя мучительная смерть. Не она ли приближается? Нет! Слишком преждевременно. Еще ничего не сделано. «Я не дам убить себя. Я не позволю им сломать меня. Я знаю, для чего пришла сюда. Я не буду ни о чем думать. Я не буду думать, иначе сойду с ума!»

Крыши домов раздвинулись, узкая река неба влилась в широкое озеро. Преступницу привезли на площадь. Серая, мрачная, величественная базилика[1], украшенная бесчисленными колоннами и статуями, была похожа на храм. Здесь тоже шумела толпа, но солдаты городской когорты оттеснили ее, оставив широкий проход к лестнице.

Квадрига остановилась. Сотрясение шеста отозвалось болью в позвоночнике. Двое преторианцев спешились, поднялись к Арэлл, развязали веревку. Помогли спуститься. И передали шести вооруженным храмовникам в красных кожаных одеждах. Те окружили элланку, беря «в клещи», повели к зданию. Казалось странным, но в жрецах не чувствовалось ненависти, хотя она убила нескольких их «братьев». Равнодушие, пустота, желание хорошо выполнить поручение.

[1] Базилика — здание суда.

В просторном, прохладном вестибюле стояло несколько знакомых фигур. Сенаторы почтили Суд своим вниманием. По Арэлл скользнуло несколько равнодушных взглядов, один любопытный. Никто не произнес ни слова. Государственные мужи, светясь белым полотном тог и поблескивая перстнями на пальцах, молча смотрели, как девушка проходит мимо. Отвернулись они почти одновременно.

Широкая галерея заканчивалась закрытыми двустворчатыми дверьми. На полу лежали, чередуясь, полосы белого света, льющегося из узких окон, и густой тени. Статуи, стоящие у стен, казались почти черными, солнечные лучи собирали вокруг них золотистые нимбы.

Жрецы остановились возле входа в судный зал, распахнули двери, подождали, пока Арэлл войдет, и створки, загрохотав, задвинулись за ее спиной.

Она оказалась одна в небольшой светлой комнате. Почти пустой. Лишь в центре стоял мраморный стол. Абсолютно чистый. Ни бумаги, ни весов для измерения вины подсудимого на нем не было. Окна распахнуты, тонкие белые занавеси колышутся от легкого ветра. Но почему-то не слышно невыносимого рева труб и шума толпы. Лишь пронзительные крики стрижей и шелест листьев.

Арэлл хватило мгновения, чтобы увидеть все это, и тут же она поняла, что находится в зале уже не одна. За столом сидел человек... демон в человеческом облике — единственное, что было в этой светлой комнате черного. Великий турвон. Верховный Судья.

— Сядь,— приказал он. И элланка опустилась на низкую скамью напротив стола. С наслаждением расслабила напряженные мышцы. Посмотрела на темного в упор.

Великий турвон смерил Арэлл тяжелым, пристальным, мрачным взглядом. Она почувствовала, как начинает медленно цепенеть, съеживаться под огнем красных зрачков, и собрала всю внутреннюю силу, чтобы не запаниковать. «Я уже мертва. В нескольких из сотен тысяч своих жизней я мертва. Так какой смысл бояться сейчас». Эта мысль очень успокаивала.

— Дура,— произнес инквизитор медленно. По слогам. С наслаждением.— Идиотка.

От спокойствия ничего не осталось. Совсем не этого она ждала от Верховного демонического жреца.

— Я рассчитывал на тебя. Единственное, что тебе нужно было делать,— сидеть тихо и ждать свадьбы. Не разъезжать голышом по городу, не убивать слуг Некроса, не встречаться с Трисмесом.

Он тихо зарычал и стукнул кулаком по столу.

— Повелитель...

— Ты была гарантией союза Рэймской империи с Эллидой. Залогом союза Некроса с Друзлтом. Первым шагом к объединению Срединных земель. А теперь я должен тебя убить. И не будет союза с Эллидой, не будет союза с Друзлтом.

— Я не знала, что моя жизнь имеет отношение к демонической политике.

— Не к демонической. А к моей!

— Вы знали, что я встречалась с Трисмесом?

Демон откинулся на спинку кресла. Сиденье заскрипело под его тяжестью.

— Естественно. Мне известно все, что происходит в Рэйме. И в Нумидии, и в Гаэте. Везде.

Арэлл промолчала. Она этого не знала. Не предполагала, что Верховный турвон, всегда казавшийся химерической фигурой в демонской иерархии, на самом деле имеет реальную власть. И уж тем более не догадывалась о своей роли в его планах. Но в любом случае она должна держаться.

— Повелитель, я...

— «Повелитель»! — передразнил он ее с отвращением.— Хватит строить из себя человеческую идиотку! Я прекрасно знаю, кто ты!

Арэлл вздрогнула, цепи на ее руках звякнули, но демон, не замечая этого, спокойно продолжил:

— После обряда Миркары ты вспомнила свою настоящую сущность. Обрела часть силы. Правда, проку в этом немного, ты получила, может быть, тысячную ее часть. Ничтожно мало. Ты по-прежнему ничего не можешь сделать. Но это лучше, чем человеческая беспомощность.

Теперь ее затрясло. Не от ненависти, не от страха — от чистой, ясной ярости.

— Как ты узнал про Миркару?

Демон усмехнулся, открывая острые зубы хищника.

— Почувствовал. В последнее время в Рэйме происходит много интересного. Человеческая сущность отлично маскирует тебя, девочка. Но я вижу — ты светишься.

Арэлл поднялась, оперлась руками о столешницу, загремев цепью по мрамору, наклонилась к инквизитору. Сверху вниз заглянула в его глаза, вспыхивающие разноцветным пламенем.

— Ты можешь убить меня. Мое человеческое тело! Я приду снова! И снова! До тех пор пока не уничтожу тебя!

Турвон рассмеялся, схватил цепь и рывком дернул к себе. Арэлл упала грудью на стол, но вскинула голову, не желая опускать взгляд.

— Я не буду тебя убивать. Хотя очень хочется прикончить наглую тварь, забравшуюся в чужие, *мои* владения. Я сделаю лучше — не буду вмешиваться. Твои друзья попытаются освободить тебя? Прекрасно. Если я не помешаю, наверняка у них это получится. Ты станешь скрываться, убивать наших человеческих прислужников. Отбирая таким образом часть силы у Высших. Внесешь смуту и беспорядок в земли

Хозяев. Вряд ли они сумеют быстро поймать и остановить тебя. Уверен, ты сумеешь насолить им. А я буду наблюдать за тобой. И наслаждаться, зная, что ты уничтожаешь старый демонический порядок ради нового. Того, который нужен *мне*. Ослабляя одного Хозяина, сделаешь сильным другого. А Высшие будут драться за освобождающиеся земли до тех пор, пока не останется один Повелитель. Я не буду первым Хозяином всех Срединных земель. Пока у меня недостаточно для этого сил и опыта. Видишь, как я скромен.— Он отпустил цепи, усмехаясь злорадно.

— Нет,— прошептала Арэлл, а потом грохнула цепями по столу и закричала: — Нет!!

— Да! — прорычал он, теряя весь псевдочеловеческий лоск.— Что бы ты ни делала! Как бы ни спасала своих обожаемых людей — итог один. Ты ведешь меня к власти. И я буду наслаждаться мыслью об этом, наблюдая за твоими победами.

— Я научу людей не бояться вас. Я дам им оружие против вас!

— Как же ты плохо знаешь людей, ангел. Им не нужна свобода. Им нужен Хозяин. У меня не получилось использовать тебя как человека. Но теперь я использую тебя как высшее существо. Создание, которое органически не выносит насилия, жестокости и боли, все такое светлое и чистое, будет воплощать в жизнь интересы демона! И ты ничего не сможешь с этим сделать. Служа своей великой идее, ты будешь служить мне. Да, ты поможешь людям. И даже спасешь кого-то. Но, дорогая, как бы ты ни старалась осушить болото, ведром не вычерпать всю грязь. Она будет наползать снова и снова. Со всех сторон. Ты ничего не сможешь изменить!

— Смогу! — Элланка вскочила и, широко размахнувшись цепью, хлестнула демона по наглой, лоснящейся физиономии. Он увернулся, но при всей его нечеловеческой реакции девушка все же успела задеть демона краем звена по щеке.

В ответ Арэлл получила удар такой силы, что отлетела в угол зала суда, на мгновение потеряв способность дышать, и почувствовала вкус крови во рту.

Турвон сбросил человеческий образ, превратившись в огромного рыжего демона с перекошенной от бешенства мордой.

— Тварь! — рыкнул он сквозь оскаленные зубы и прикоснулся к едва заметной отметине, оставленной цепью на скуле.

— Я не буду служить интересам демонов! — Арэлл медленно намотала цепь на кулак и, чувствуя белую ярость, затуманивающую разум, снова бросилась на демона.

Он опять отшвырнул ее. Потом еще раз. И еще. А она все кидалась на него, не чувствуя ни боли, ни страха.

— Боевой ангел?..— произнес турвон наконец. И в его голосе зазвучало нечто напоминающее уважение.— Успокойся!

Он ударил ее по лицу. Несильно. Швырнул на скамью.

— Ты мне нужна! Иначе я бы разбил твою глупую голову об эту стену. Ты ни-че-го не можешь мне сделать.

— Я не буду служить интересам ни демонов! Ни древних богов! Я здесь ради людей. Вы превратили их в скот!

Чувство, близкое к отчаянию, поднималось в груди. Значит, она умрет только ради того, чтобы вместо многих Хозяев появился один?! На тот кусочек земли, что она пытается очистить, снова наползет грязь?.. «В моем отчаянии его сила,— мысленно прошептала Арэлл.— Он мстит мне. Уничтожает меня так?» И вдруг в звенящей от боли голове вспыхнула картина. Из того, прежнего, бытия.

Неожиданно элланка почувствовала, как ярость отступила. Она опустилась на скамью, удивленно и растерянно глядя на демона. Воспоминание... обрывок воспоминания пришел из прошлой жизни. Боль, страх, отчаяние, тоска. Черная, скорчившаяся фигура. «Из глубин... взываю к тебе...»

— Я помню тебя,— прошептала она, чувствуя, как начинает холодить кожу на ладонях.— Я помню *тебя*.

Турвон наклонил голову, глядя на нее исподлобья:

— Что ты можешь помнить?

— Ты говорил о власти и силе, демон. А сам страдаешь. Я слышала и твою боль. Ты тоже звал меня.

— Что за бред ты несешь?!

Похоже, он слегка растерялся, отодвинулся вместе с креслом от стола, глядя настороженно, словно она распространяла заразное безумие.

— Я слышала тебя. Твой голос, твою боль. Я пришла и ради тебя тоже.

Демона корежило от ее сострадания, от тихого, задумчивого голоса, от ангельского... человеческого тепла во взгляде. Переход от ярости к сочувствию был для него невыносим, непонятен, отвратителен. Его жалела девушка с разбитым в кровь лицом и цепями на руках. Ангел, абсолютно беспомощный в человеческом теле. Унизительно и нелепо.

— Нет! Я не желаю слушать этот бред! Охрана!!

Четыре жреца вошли в комнату, повинуясь его зычному призыву.

— Увести ее. Казнь состоится завтра. Утром.

Арэлл поднялась. Спокойная, чуть улыбающаяся. Умиротворенная.

Глава 8,
где наш воспитанник узнает наконец истину. И мы получаем последствия, которые дает любая правда...

Я нагло прогуливал службу. Просто не ходил туда. А на деликатный вопрос Энджи ответил предельно коротко:

— Достали.

— А как же Атэр? Ты хотел быть неподалеку от него.

— Тоже достал.

Это было не совсем правдой. Не то чтобы я вконец утомился от общества воспитанника. Но появление второго, вернее, первого Буллфера, безумная рэймская суета, боевой ангел в человеческом теле и антимагическая дрянь в моей спине не добавляли оптимизма.

К тому же Энджи выглядел не самым лучшим образом. Ангел сидел, съежившись на ложе, и кутался в свою пенулу из мохнатой шерсти. Его заметно трясло.

— Энджи, что с тобой?

Его лицо казалось бледным, осунувшимся, под глазами темные круги.

— Я не знаю, Гэл,— прошептал он.

— Ты перестарался. Слишком много сил отдал, когда пытался меня лечить. Да еще этот шум.

Трубы в храмах гудели с самого утра. Переносить их вопли было трудновато не только ангелу, но и оборотню демонического происхождения.

— Может быть.— Ангел еще сильнее подтянул колени к груди.— Я... очень устал.

— Значит, тебе нужно отдохнуть.

Я приложил ладонь к его лбу. Так и есть, горячий. Слишком горячий.

— Эй, приятель, ты не заболел?!

Он усмехнулся воспаленными губами:

— Я не могу заболеть. Я же не человек. Просто вокруг слишком много грубой энергии, я не могу ее «усваивать».

— Ясно. Постоянное отравление тяжелой демонической силой. Тебе нужно лечь...

— Нет, Гэл. Я не могу. Пока я в таком состоянии, ты...

— Боишься, что я воспользуюсь твоей слабостью и испорчу Атэра? Не волнуйся. Устроим маленький перерыв в воспитательном процессе.

Ангел вздохнул, глубоко, спокойно. Закрыл глаза и уснул.

Я вышел в соседнюю комнату. Атэр сидел над доской для игры в полис и бессмысленно передвигал фишки. Он явился днем. С разбитой, исцарапанной физиономией, в разодранной тоге. Не говоря ни слова, пометался по комнате, прижимая кулак к губам. Нервно ерошил волосы, и скоро они встали дыбом. Несколько раз подходил к окну, открывал его, но рев труб из демонических храмов становился непереносимым. Тогда он захлопывал створки, плюхался на стул и крепко переплетал пальцы, хрустя суставами. Я сидел на краю стола, молча наблюдая за ним.

Наконец Атэр остановился, произнес, глядя в пол:

— Мне нужна помощь.

Надо же!

— Неужели?

— Арэлл арестована.

Допрыгалась, значит. Ангельская сущность не дала ей сидеть спокойно. Впрочем, так и должно быть.

— Ее судит Великий турвон. Сегодня. А завтра ее казнят.

Забавно. Интересно, как все было на самом деле. Буллфер действительно судил Арэлл? И казнил? Вообще-то она должна спастись. Реальность, которую я помнил, заканчивалась победой светлых сил. Но не перепутали ли мы своим появлением ход объективной истории? Может, сами того не ведая, мы с Энджи наворотили такого, что все изменится? А мы с ним вообще не появимся на свет. Кто знает, с какими событиями связано наше возникновение?! От этой мысли я похолодел внутренне.

— Гэл! — Атэр, раздраженный моим молчанием, стукнул кулаком по столу.— Ты меня слышишь?

— Да-да. Завтра казнят твою Арэлл. Что она сделала?

— Убила прислужников Некроса,— нехотя отозвался он, рассматривая дыру на тоге.— Прямо во дворце. И пролила их кровь на алтарь.

— Ну и дура,— равнодушно резюмировал я.

— Не смей о ней так говорить! — сверкнул глазами ученичок.— Никогда! Слышишь?!

— Не ори. Энджи спит.

— Мне нужна ваша помощь,— он послушно понизил голос.— Твоя и его. Мы должны ее спасти!

— Ага. Уже бегу.

Даже если б мог, не стал бы спасать аватару ангела ни за какие деньги. Хватит с меня одного. Реального. Конечно, почетно приобщиться к грандиозному событию истории. Великий изменник Гэлинджер способствовал падению демонического порядка в Срединном мире. Мое имя останется в веках.

— Гэл! Ты должен мне помочь! Ты обещал!

— Я не буду спасать твою безумную девицу. Все. Вопрос закрыт.

Он громко засопел, глядя на меня бешеными человеческими глазами.

— Тогда я пойду к Энджи. Он не откажет.

— Не откажет,— согласился я спокойно, слезая со стола.— Но ты к нему не пойдешь.

— Почему это?!

— Потому что он медленно умирает в вашем дерьмовом человеческом мире. Задыхается. И я не позволю впутывать его в ваши идиотские дела.— Я взял Атэра за край тоги, медленно наматывая ее на кулак.

— Отчего это ты стал так беспокоиться за него? — Он схватил меня за руку. Крепко. И стал потихоньку выкручивать запястье.

— Он единственное, что осталось от моего мира.

— Не понимаю.— Ученик слегка ослабил хватку.

— И не поймешь.— Я оттолкнул его.— А Энджи я беспокоить не позволю.

Теперь Буллфер-человек сидел над доской для полиса напряженно, мучительно думая о том, как помочь Арэлл, не привлекая нас, в то время как Буллфер-демон хотел убить ее. Есть от чего свихнуться. Атэр поднял голову, спросил, имея в виду Энджи:

— Ну как он?

— Плохо. Все хуже и хуже. Его убивает атмосфера этого города. Он чувствует страдания людей, их боль, страх, зависть, ложь. Для него это убийственно.

— Гэл, ангел не должен мучиться. Я чувствую, как он... тает. Мы с тобой можем спокойно жить в этом мире, а он — нет.— Он швырнул на доску горсть фишек, нахмурился.

Как же мне было знакомо это сосредоточенное выражение его лица!

— Буллфер?..— позвал я негромко.

Человек вскинул голову:

— Ч-что? Как ты сказал?

— Да нет. Ничего. Показалось... Ты очень изменился с тех пор, как попал во дворец. Повзрослел, что ли...

— Естественно! — Атэр вскочил, пнул ногой табурет, нервно заходил по комнате.— Трудно не повзрослеть, если вы с двух сторон вливаете в меня свою силу. Один хочет одного, другой — другого. Один учит быть стойким, мужественным, выдержанным, справедливым. Другой нашептывает: бери, пользуйся, все это твое! Остальные — ничтожества, делай с ними что хочешь.

Он схватил из вазы апельсин и так стиснул его в кулаке, что сок брызнул в стороны.

— Что вам от меня надо?! Дайте мне жить своей собственной, человеческой жизнью! Гэл, объясни мне, зачем я вам нужен? Ведь нужен!

— Я... объясню тебе. Не сейчас. Позже.

— Да! Когда я «буду готов»?! Старая песня. Ладно, я понимаю, ты демон, тебе нравится играть с человеком. Но вестник! Зачем все это вестнику?! За что он мучается сейчас в соседней комнате? Почему?!

— Потому что ты сам просил меня об этом...

Мы обернулись одновременно. Энджи стоял на пороге, и его ангельская сущность просвечивала сквозь человеческую оболочку.

— Энджи,— смущенный Атэр провел рукой по черным вихрам,— зачем ты встал?

Ангел стремительно подошел к мальчишке:

— Ты просил, чтобы я привел тебя к совершенству. Я обещал тебе это и теперь выполняю обещание.

— *Я* просил?

— В прошлой жизни.

— Прости, мне трудно верить во все это. Прошлая жизнь, совершенство... Нет, я доверяю тебе, но... Прошу тебя, не надо отдавать мне свою силу. Ты слишком слаб, а я и так похож на закрытый котел с кипящей водой. Еще немного — и паром сорвет крышку.

Энджи улыбнулся. А я почувствовал подступающую дрожь бешенства.

— Значит, ты потихоньку перекачиваешь в него свою силу?! И как это называется, «партнер»?..

— Оставь, Гэл,— Атэр устало опустился на прежнее место,— ты делаешь то же самое.

— Я *могу* это делать! Мне можно! Статус демона обязывает. А как же твоя ангельская порядочность?!

— Гэл, хватит, я сказал!

— Довольно указывать мне, что делать, Атэр! — рявкнул в ответ я.

Подросток вскочил, в нем бурлила магическая сила, которой он изо всех сил желал запустить в первого, кто попадется ему под руку. В меня то есть. А я готовил ответное заклинание, которое уложит сопляка на обе лопатки. И только смех Энджи остановил нас обоих.

— Что, Гэл, отвык выполнять приказ Хозяина?

— Он мне не Хозяин. Он человек.

— Но ты по-прежнему видишь в нем демона. Разве нет?

— Я *пытаюсь* увидеть в нем демона. И не могу. Его нет. Больше нет. Мой Хозяин умер.

— Стойте! Подождите! — Атэр прижал ладонь ко лбу, зажмурился.— О чем вы говорите? О чем вы все говорите?! Трисмес сказал, что я одержим, то есть нет, не так. Он сказал, что я демон. И теперь вы... Энджи, Гэл! Скажите мне наконец правду!

— Правду?!

Я был в бешенстве. В истинном демоническом бешенстве, не понятном ни людям, ни тем более ангелам. Поэтому, наверное, сказал то, чего не должен был.

— Ты был демоном. Много сотен лет... назад. Настоящим. Высшим. Но тебе было мало того, что у тебя есть. Всегда мало. Тебе нужно было все. *Вся* власть, *вся* сила. Ты нашел заклинание, которое, как тебе казалось, дало бы все это. Но ритуал мог провести только ангел. И он его провел. Только ты не обрел силу, а стал ее терять. И потерял все. Даже свою сущность. Стал человеком. Во всех твоих человеческих жизнях мы с ангелом были рядом с тобой. Помогали. Я пытался вернуть тебя прежнего, он — надеялся поднять тебя до ангельского совершенства.

Я развернулся, вошел в спальню, вытащил сундучок из-под кровати, достал из него рубиновый пояс, вернулся в комнату и швырнул украшение Атэру. Тот поймал его на лету.

— Это твое. Было твоим.

Несколько мгновений человек смотрел на красные звенья, потом стиснул их и прижался лицом к сжатым кулакам. Сел на пол. Плечи его затряслись. Смеется или...

Энджи отвернулся. Подошел к окну.

— Я вас ненавижу,— прошептал Атэр сквозь глухие рыдания без слез.— Я ненавижу вас обоих. Вы манипулировали мной. Почему вы не сказали раньше?

— Что бы это изменило?

Он вскинул голову, на лице, уродливо искаженном отчаянием, отпечаталось одно из звеньев пояса.

— Не знаю, Гэл. Все. Человек должен знать правду о себе. Его нельзя водить на веревочке, как слепого козла! Он должен видеть, куда идет! Почему вы не спросили меня?! Чего хочу я?! Что я собираюсь выбрать?! Кем хочу быть?! Что мне нужно?! Вы даже не разговаривали со мной по-человечески. Не спрашивали, что мне надо в Рэйме. Зачем мне во дворец. Почему мне так дорога Арэлл? Вы были рядом, но я все равно один! Всегда один!

Атэр вскочил, размахнулся и швырнул демоническую реликвию мне под ноги:

— Оставьте меня в покое! Я не хочу вас видеть! Я ничего не хочу!

Он выбежал из комнаты, хлопнув дверью. Я сделал шаг за ним, но Энджи остановил меня:

— Не надо. Оставь его. Пусть идет. Ему нужно побыть одному.

Я послушался. Все-таки ангелы лучше понимают людей, даже если и ошибаются иногда.

Глава 9
«СВЕТ» И «ТЕНЬ»

Так было всегда. Стоило Атэру расслабиться хотя бы на минуту, позволить мыслям заметаться в беспорядке, как стае ворон,— начинало казаться, что в голове звучит тихий звон. Словно невидимая клепсидра отсчитывала минуты. Это текло время. Атэр чувствовал его. Оно утекало. Очень быстро. И все меньше его оставалось. На развлечения, удовольствия, получение новых сведений.

Сколько он себя помнил, ему всегда хотелось получить больше, чем было возможно. И было мало того, что есть. Всегда мало. Денег, красивой одежды, вкусной еды, знаний, ответов на вопросы, поцелуев. Хотелось всего сразу.

В детстве начинало колотить от бешенства, когда он видел, как младшему брату дают сладости, обнимают, когда отец сажал его на плечо, а мать целовала. Все это должно доставаться ему, Атэру, или хотя бы сначала ему, а потом уже всем остальным. Впрочем, тогда его

звали Валерием. Но проклятая кличка, придуманная Гэлом, приклеилась намертво. Теперь он сам представлялся всем именно так.

И объяснений тоже всегда не хватало. Почему мир устроен именно так? Почему через каждые три дня нужно колоть палец острой иглой и оставлять каплю крови на статуэтке толстопузого демона? Он стоял на столике в самом темном углу комнаты, и маленькому Валерию запрещалось подходить к нему. Но от идола так противно воняло, что однажды мальчик стащил его и как следует вымыл в корыте, где поили свиней. За это отец выдрал его. Хворостиной, словно последнего раба,— кормилица потом неделю смазывала его ягодицы целебной мазью.

Почему мать раз в месяц уходит в храм Друзлта на целую ночь и возвращается только утром? Тогда от нее пахнет вином и какой-то приторно-сладкой дрянью. Глаза становятся мутными, как будто затянутые бельмами. Голос визгливым. Пронзительным. От нее хочется убежать. Он так и делал. Удирал из дома, прятался на голубятне и сидел там среди воркования и тихого шелеста крыльев до тех пор, пока за ним не посылали кого-нибудь из рабов. Обычно это был пятнадцатилетний Ксант. С ним Атэр дрался. Тот учил мальчика делать подножку и бить кулаком. А еще плеваться косточками кизила через трубочку, воровать сыр из кладовой и пить вино. Он же и объяснил, чем мать занимается в храме. С демонами или их прислужниками.

Сначала Валерий не понял, потом не поверил, а потом бросился на приятеля и отчаянно бил его. Ксант хохотал и заявил, что он, может, вообще и не сын хозяина, а подменыш. Может, его настоящий отец — какой-нибудь демон. Значит, тогда Валерий сам демон. Этого мальчик не смог перенести. Рыдая во весь голос, он бросился бежать. Сам не зная как, взобрался на скалу, где росли кривые сосны, забился в расщелину между камней и сидел там до позднего вечера, дрожа от слез и холода. «Я не подменыш! — шептал он, поскуливая от жалости к себе.— Я не демон. Я не могу быть демоном».

С этого дня он возненавидел мать. Хотя и очень любил ее по-прежнему. Это были две разных женщины. Одна пела колыбельные песни, гладила по голове теплой ладонью, прощала мелкие шалости. Другая отвратительно хохотала, возвращаясь после демонических оргий, приносила в дом гнусную атмосферу распущенности.

Отца он тоже ненавидел. За то, что тот отпускает ее в храм. За то, что не может защитить от темных.

Говорили, что раньше демонов не было. Люди поклонялись богам. Атэру очень хотелось знать, как жилось тогда. Но учитель, купленный отцом, не мог ответить на его вопросы. Или не хотел.

То, чему учил старик, было очень просто.

В каждом человеке живет демон. Большой или маленький. Его не видно и не слышно, но он есть у каждого. Будешь себя плохо вести, капризничать или драться с Ксантом, не станешь приносить жертвы

Правителю Великому Друзлту — и он сожрет тебя. А если будешь делать все правильно — не тронет.

Судя по толстому животу учителя, в нем жил очень большой демон. А в Валерии, наверное, совсем маленький. Мальчик подолгу рассматривал себя в медном зеркале матери, пытаясь разглядеть там отражение своего собственного темного жильца, но видел только худого мальчишку с исцарапанными коленками, светло-зелеными глазами и волосами, выгоревшими до ржаво-каштанового цвета. Часто во время обеда он замирал, прислушиваясь к себе. Кто хочет еще рыбного пирога, он сам или демон? Почему отец пьет ежевичное вино? Потому что его темный этого хочет? И как он выглядит?

Он донимал домашних подобными вопросами до тех пор, пока его снова не выпороли. А потом Ксант поймал в огороде медведку, показал ее Валерию и сказал, что демон выглядит именно так. Неделю после этого мальчик ходил тише воды ниже травы, с ужасом прислушиваясь к себе. Потом понял, что приятель наврал, как всегда, но неприятное насекомое вспоминалось время от времени, заставляя ежиться и нервно сглатывать.

А потом, когда ему исполнилось тринадцать, всех убили. Демоны. Отца, мать, брата, учителя, вруна Ксанта, почти всех рабов и всех овец. Валерий выжил только потому, что снова убежал на скалу и уснул там в трещине между камнями, завернувшись в теплый плащ. А когда вернулся, нашел дымящиеся развалины дома, маленькие, черные, обгоревшие кучки — все, что осталось от овец. И черные, сморщенные, страшные тела людей. Они лежали, словно сожженные солнцем раскрытые стручки гороха, такие же сухие и перекрученные.

Валерий постоял немного рядом с домом. А потом повернулся и пошел. Шел, шел, шел. Вперед. Прямо. Когда уставал, ложился спать, когда хотел есть — воровал еду, или просил у кого-нибудь, или брел дальше голодным. Наверное, тогда он немного сошел с ума. Во всяком случае, Атэр почти не помнил того времени. Не помнил, как попал в рабство. В Великую, проклятую, могущественную, прожорливую Рэймскую империю.

Рэйму нужны были кедровое дерево, драгоценный светоносный эллидский мрамор для отделки дворцов, статуи богов, стоявшие в древних храмах, мягкие, тонкие шерстяные ткани, прекрасные краснофигурные амфоры и рабы. Широкогрудые корабли с изображением барсов, орлов и морских драконов останавливались у берегов Эллиды, солдаты в блестящих панцирях спускались на землю.

Иногда они казались Атэру похожими на демонов. И те и другие уничтожали его дом. Но с людьми хотя бы можно было бороться. Эллида сопротивлялась. Как могла. Долго и упорно. Пока были живы родители,

он время от времени слышал обрывки разговоров о сражениях, победах и поражениях. А теперь узнал, что такое война, сам.

В Рэйм мальчика привезли в трюме одного из кораблей среди других пленных. Продали в дом состоятельного патриция. Небогатого, иначе тот прикупил бы раба, более соответствующего элланскому идеалу красоты — светловолосого и светлоглазого. Но обращались с ним неплохо. Держали за ценную игрушку. Кормили, одевали, красили волосы в пшеничный цвет, хвастались перед гостями.

Атэр молчал, терпел и ждал, а в одну темную ночь сбежал, прихватив кое-что из ювелирной коллекции господина.

Рэйм был странным человеческим поселением. Потрясающим в своей отвратительной привлекательности. Почти год беглый раб блуждал по трущобам великого города. Злой, голодный, оборванный, переполняясь ненавистью. Казалось, еще немного — и она начнет литься с тела вместе с потом. Демон, который жил у него внутри, вырос до невероятных размеров. Иногда Атэр представлял, как он разорвет внешнюю оболочку его человеческого тела и выберется наружу. Чтобы сожрать всех, кто приблизится. Однажды в припадке бешенства Атэр набросился на такого же уличного мальчишку, как сам, вцепился ему в горло и не отпускал до тех пор, пока тот, посинев, не завалился на землю. «Это не я,— сказал он себе.— Это мой демон. Разве нет?» Другому, пытавшемуся украсть у него кусок хлеба, подросток разбил голову камнем.

Атэр научился прятаться, притворяться, воровать дерзко, нагло, едва ли не с улыбкой глядя в глаза. Ему удалось пережить ночь Больших сенполий. Когда демоны приходят на землю. Подросток забился на чердак старого дома и смотрел, как по улицам шныряют серые тени. А потом заметил Высшего. Тот неторопливо прогуливался по площади. Очень похожий на человека. Увидев его, мальчишка почувствовал себя плохо. С ним случилось что-то вроде припадка. Но не от страха — от ярости, бешенства, беспомощности, ненависти. Он едва не задохнулся и, видимо, потерял сознание, потому что мир вокруг потемнел, а когда в голове прояснилось, было уже утро.

И тогда эллан понял, что пора возвращаться домой. Иначе окончательно сойдет с ума. И не важно, что того, родительского, приюта, где он жил, больше нет. Нужно возвращаться на родину. Он украл деньги у одного толстого глупого дядьки, заплатил кормчему и уплыл в Эллиду.

Там было раннее лето. Тепло. Цвели гранатовые деревья. Ярко-оранжевые соцветия горели на темной зелени листьев. Сладко пахли магнолии. Их белые цветы, раскрываясь, становились больше его головы. Тонкое кружево дикого укропа, колючая ежевика, барбарис, серебристые оливы, белый камень дорог, взбирающихся на холмы. Сосны с длинными мягкими иглами, кипарисы, похожие на свечи. Море. До горизонта налитое переливчатым светом.

Эллида вылечила его. Он дышал ее запахом, смотрел на нее, спал на ее земле. А демоны убивали ее, оскверняли черными храмами белые холмы, рвали на куски. Их не должно быть, понял Атэр однажды. Они

противоестественны. Этот мир не для них. И в его душе не живет злобная, жадная тварь. Она давно бы уже сдохла, корчась от боли, когда сердце колотится от восторга и любви к этим скалам, морю, изломанным ветром соснам. Он почувствовал, что старый страх, боль, отчаяние лопаются, сползают с него, словно кора с эвкалипта, напитанная гнилой влагой болот. Он стал совсем другим. И понял, чего хочет больше всего. Свободы.

А когда человек хочет чего-то так сильно, что все тело начинает зудеть от нетерпения, обычно он получает это.

Так Атэр встретился с демоноборцами.

Однажды он уснул на развалинах храма, посвященного древнему богу Трисмесу. Сначала долго смотрел на звезды, мигающие между колонн, слушал треск цикад. Потом закрыл глаза, а когда открыл их, уже наступило утро. Пели птицы, солнечные лучи пробирались между камней, зеленая ящерица грелась под ними. А совсем рядом, на обломке постамента, сидел старик в сером старом гиматии. Солнце поблескивало на его длинных, седых волосах.

Атэр резко приподнялся:

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

Незнакомец повернулся, посмотрел бледно-голубыми, выцветшими глазами, моргнул красноватыми веками, лишенными ресниц.

— Мальчик, ты знаешь, что своим присутствием оскорбляешь этот храм? Ты очень грязный.

Атэр посмотрел на свою тунику, давно потерявшую первоначальный цвет, на заскорузлый от грязи плащ и ответил дерзко:

— Ну и что?! Это всего лишь развалины.

Седой дед прищурился и строго погрозил пальцем:

— Думаешь, бог не видит тебя, даже если его дом разрушен?

— Я думаю, если он не смог защитить свой дом, то не заслуживает уважения. И вообще, ему плевать на меня. И на всех.

Старик засмеялся. Тихо, почти беззвучно.

— Сегодня ночью я слышал голос, который велел мне подняться на эти развалины. Мне было обещано найти то, что я уже давно жду. Я пришел сюда, увидел тебя и теперь думаю, что с тобой делать.

— Сначала дай мне поесть.

Они позавтракали сыром и вяленым мясом, сидя на ступенях храма. Разговаривали. И Атэр сам не заметил, как рассказал о себе все. Дед ломал корявыми, коричневыми от загара пальцами хлеб, щурился на солнце и, казалось, почти не слушал, а когда рассказ закончился, заметил:

— Ты не удивил меня. Знаешь, сколько за свою жизнь я слышал таких историй?

— Много.

— Тогда я спрошу, что ты думаешь делать теперь? — Старик с любопытством уставился на него, даже прикрыл ладонью глаза от яркого света.

— Я не знаю,— ответил Атэр честно.— У меня слишком много вопросов, на которые никто не может дать ответы. Когда я услышу их — решу, что делать.

— Что тебя интересует?

— Что было до того, как появились демоны? Кто они такие? Почему они владеют магией, а люди нет? Откуда они приходят? И главное — как они победили богов?

Движением руки старик остановил его:

— Не ты один задаешь эти вопросы. Я могу подсказать тебе, где найти ответ. Если ты готов искать.

— Я готов.

— Тогда идем.

Старика звали Форкий, он жил неподалеку от развалин заброшенного храма. В крошечном домике, наполовину ушедшем под землю. Рядом, на соседнем холме, стоял черный дворец, возведенный для демона. Так делают умные птицы — строят свои дома недалеко от гнезда коршуна. Он их не трогает, потому что видит далекие горизонты и не замечает, что делается у него под ногами. И, сам того не зная, защищает от хищников помельче.

А в роще старых олив, за домом Форкия, находился тайный вход в подземные залы под развалинами храма Трисмеса. Там собирались демоноборцы. Те, кто мечтал уничтожить демонов. Наставник — Атэр сразу стал считать его своим наставником — был одним из них. Самым старым, самым знающим.

— Вкус свободы до конца чувствуешь, только побывав в рабстве,— говорил Форкий, любитель парадоксов.— А ценность своей человеческой сущности лучше осознаешь, находясь под постоянным гнетом демонической.

Атэр постигал ценность своей «сущности» каждый день. Он читал. С утра до вечера. Плидия, Гефмания, Трэсмира — древних авторов, которые рассказывали правду о людях. О том, какие они на самом деле. Не тупой скот, не корм для демонов. Не смертный мусор.

— Они умерли потому, что говорили правду. Одного сожгли, другого зарезали на алтаре, третьего затравили собаками.— Форкий показал Атэру томик Плидия — разрезанный на равные куски свиток, переплетенный в телячью кожу для лучшей сохранности.— Этого четвертовали. Люди скорее верят тем, кто умер за правду. Из-за этого их слова приобретают еще больший вес. Не так ли?

— Не так. Я верю тем, кто говорит то, до чего я додумываюсь сам. Но мне мало слов. Мне нужно оружие. У тебя есть книга заклинаний, где было бы написано, как научиться магии?

— Нет,— усмехался старый учитель.— Такой книги у меня нет. Таких книг вообще нет.

Атэр перерыл все свитки в библиотеке под храмом. Искал что-нибудь реальное. Но древние пророчества были смутными и непонятными.

«Они придут из пустоты. Черные создания, несущие боль и смерть. И станет их власть безгранична, и будет длиться ночь человечества тысячелетия».

«Ночь человечества» — очень поэтично. Атэр саркастически усмехнулся, потер уставшие глаза, поправил фитиль масляного светильника. Он сидел под землей, в маленькой комнатке рядом с огромным залом библиотеки. Ему было все равно, где находиться. На холмах Эллиды или под ними. Темнота и тишина каменных залов подземелий не угнетали его. Наоборот, давали непривычное ощущение защиты.

Эллан осторожно развернул еще один свиток, изучая прорицания тысячелетней давности. Форкий принес его, загадочно улыбаясь. Отвечая, таким образом, на вопрос Атэра: «Какой смысл в наших сборищах, если демонов все равно не победить обычным оружием?»

— Почитай вот это,— сказал он.— Здесь есть несколько ответов на твои вопросы.

«Свет и тень, не соединяясь, встанут рядом. Из их союза человек обретет силу». Что это? Описание магического ритуала? Аллегория? Смутный сон предсказателя? Как разобраться?

На желтый лист упала тень. Атэр поднял взгляд и увидел Дейма. Тот чем-то напоминал Ксанта, убитого демонами. Такой же озлобленный и жестокий. С ним было легко, но иногда он раздражал своей мужественной непосредственностью.

— Валерий, хватит портить глаза. Ты по натуре воин, как и я, а не ученый. Оставь всю эту премудрость для слабаков.

Избавиться от приятеля можно было только одним способом — начать декламировать вслух древние тексты.

«Близится рассвет. Счастлив тот, кто увидит его. Счастлив тот, кто своей рукой подбросит дров в костер, разгоняющий тень».

— Что за муть? — скривился «воин».

— Откровения Эвсимандра Рийского,— невинно улыбаясь, пояснил Атэр.

— Ну и бредни!

— Это не бредни! Это то, ради чего мы все здесь собираемся. Во всяком случае, так говорит Форкий. Вот здесь Эвсимандр описывает свое видение: «Три огня загораются среди ночи. Один имеет форму меча. Другой — пирамиды, третий — чаши. Соединяясь, они заставят ночь отступить». Как ты объяснишь это?

Дейм пожал мускулистыми плечами:

— Форкий давал мне прочесть это, когда я спросил его, как мы реально можем победить демонов. Но я ни хрена не понял. Значит, тебя он потчует теми же байками?

— Это не байки.— Атэр осторожно провел ладонью по шуршащему листу.— Я чувствую в этом какой-то смысл. Но пока не могу понять какой. «Ночь человечества». «Рассвет». Дальше сказано об утре,— времени, когда демоны отступят, теряя свою власть. «И обратятся дворцы зла в руины. И станут убежищем для летучих мышей и пауков. Гниль и тление заполнят их залы...» Потом наступит день. Как он там говорил... «Время, когда люди обретут покой. От тени и от света». Этого я не понимаю. Тенями Эвсимандр называет демонов, а светом — вестников. Все это непонятно и странно.

Дейм довольно хохотнул:

— Вот и я о том. Бред. Пойдем отсюда!

— Нет! Я хочу разобраться!

Теперь Атэр ходил как в тумане. Едва не натыкаясь на стены. «Свет и тень, не соединяясь, встанут рядом». Свет и тень. Вестник и демон. Союз вестника и демона?.. Бред. Полный!

Еще немного, и он возненавидит Форкия, подсунувшего головоломный свиток. Нет ответов. Только еще больше вопросов.

Прояснение нашло неожиданно. Из поместья басилая[1], что в Селфосе, примчался Тамарис. Еще один демоноборец. Из привилегированных. Тех, кто не сидит в подземелье над трухлявыми свитками и не носит одежду из вонючих шкур. Сын советника человеческого правителя Эллиды. У старого учителя оказалась весьма разветвленная сеть тайных осведомителей.

Вот уж поистине «рассвет человечества близится», если даже дети богатых вельмож желают свободы.

— Арэлл отдают за сына императора Рэйма,— заявил Тамарис, едва успев перевести дыхание.

Атэр резко вздохнул. Общество, собравшееся в главном зале подземелья, зашикало на него, требуя тишины. Но он только злобно огрызнулся. Союз элланской царевны и наследника императора Рэйма означал защиту для Эллиды.

— Ее везут через неделю. Она будет нашей гарантией мира.

— Я хочу, чтобы ты передал ей это.— Форкий протянул Тамарису ларец, открыл его. Атэр подался вперед, чтобы лучше видеть. На черном бархате лежала красная кожаная перчатка. На правую руку.

[1] Басилай — элланский царь.

В подземельях Трисмеса сохранились кое-какие магические артефакты. Амулеты, медальоны, пара жезлов, выпускающих безобидные струи ароматного воздуха, рог, из которого при определенных словах начинали сыпаться живые фиалки. Бесполезный хлам. Наверное, кое-что из этого жрецы древности использовали при богослужениях. Перчатка давала обладателю чувство спокойствия и уверенности в себе. Атэр пару раз примерял ее, хотя спокойствие ему было не нужно, а уверенности и так хватало. Кожа перчатки была отлично выделанной, а золотое шитье на отвороте изящным. Красивый и полезный подарок для элланки, отправляющейся в Рэйм.

— Отвези это Арэлл. Я видел сон.

— Я тоже поеду, — услышал Атэр свой голос как будто со стороны.

Ему захотелось посмотреть на царевну. Почему-то вдруг.

Арэлл Селфийскую он увидел через несколько дней. И понял, что она не должна ехать в Рэйм. Это все равно что выдрать оливу из теплой, прогретой солнцем земли и воткнуть в жирную, вонючую топь. Она сгниет там, задохнется.

Скромно стоя в тени колонны, пока его более знатный сообщник передавал дар невесте императора, подросток уже знал, что поедет за ней. Не с ней. Элланке запрещалось брать с собой живой груз — рабов, лошадей, собак, даже голуби попали в запретный список. Прихоть то ли демона — Повелителя Рэйма, то ли самого императора.

Атэр смотрел на девушку и в то мгновение не понимал, кого любит больше: ее или Эллиду. Они были очень похожи. Даже цветами — белое, золотое и синее. Как можно не любить ее?! Она видела те же холмы, что видел он. На ее коже оседала соль того же моря, а волосы выгорали под тем же солнцем...

Атэр «отпускал» ее только потому, что их стране нужна свобода. И они оба понимали это. Но он сразу поедет следом. Одна она не выживет в Великом городе Некроса.

Никто из демоноборцев не смог остановить его. А Форкий, казалось, даже и не желал делать этого. Эллан поехал.

И встретился со светом и тенью. Из пророчества. Вот и не верь после этого в предсказания!

«Свет» и «тень», из союза с которыми *он* получал силу. И был счастлив! И строил из себя наивного дурачка, вытягивая из оборотня знания, чтобы уничтожить его же собратьев. И забирал у ангела теплую целительную магию, чтобы делиться ею с Арэлл, не дать ей сойти с ума в безумном мире.

И вот теперь: «...в тебе не живет демон. Ты сам — демон. И тебе никуда не деться от этого проклятия!»

«Нет! Это все прошлое! Тысячелетнее прошлое! — решил для себя в последний раз Атэр.— Теперь я человек! У меня были родители! Был дом! Есть друзья, женщина, которую я люблю и которую должен спасти. Я не хочу, чтобы мне напоминали о моем прошлом. Я хочу жить так, как хочу, и никто не смеет указывать мне!»

Глава 10
РЭЙМСКИЙ ВОЛК

Тиберий снова стоял на коленях у алтаря Некроса. Перед ним на полу лежал меч. По лезвию пробегали огни — отражения факелов.

Гратх не чувствовал страха перед болью. Его пугала неизвестность.

Что будет потом? Демон выпьет его силы, жизнь, желания, и останется пустота? Черная мгла? Или, как учили Древние, придет покой? Тишина, блаженное безвременье?.. Он хочет покоя. Пожалуй, да. Хочет.

— Смертный, что ты здесь делаешь? — Из темноты за алтарем выступил демон в черных одеждах. Снова Великий турвон.

— Пришел умереть.

— И ты готов к смерти? — Демон откинул капюшон, показывая человеческое лицо с глазами, отсвечивающими желтым.

— Нет,— ответил Тиберий честно,— не готов.

Турвон усмехнулся и жестом велел ему подняться:

— Если не готов, выполни мое поручение.

— Я дал слово Некросу.

— Я освобождаю тебя от твоего слова. Ты можешь дать империи нечто большее, чем несколько глотков силы. Встань и подойди ближе.

Тиберий тяжело поднялся и медленно приблизился. Турвон протянул ему свиток. Туго скрученный кусок пергамента, холодный и шершавый на ощупь.

— Что это?

— Сегодня ночью твой брат попытается спасти Арэлл. Ты передашь ему эти бумаги. Здесь план подземного хода, по которому ее можно вывести из тюрьмы.

Слишком много событий за очень короткое время. Тиберий почувствовал, что разум начинает подводить его. Турвон, тот самый, что приговорил Арэлл к казни, желает ее освобождения. Западня? Невероятная демоническая уловка?

— Не доверяешь мне? — На человеческом лице демона появилось выражение удовольствия от ощущения человеческой подозрительности.— Выполнишь мой приказ — останешься жить. Это достойный аргумент, не так ли?

Тиберий промолчал, глядя на свиток.

— Здесь отмечены ловушки, о которых демоноборцы, или как они там себя называют, не знают. Возьми и постарайся сделать так, чтобы он поверил тебе.

— Ты хочешь убить их?

— Я хочу спасти безумицу. Она мне еще нужна. Твоему брату повезло, заодно уцелеет он и компания ненормальных заговорщиков. Если ты возьмешь план,— турвон кивнул на свиток,— они смогут бежать. Если нет — погибнут все. И твой обожаемый Гай тоже. Кажется, ты собирался отдать свою жизнь ради того, чтобы спасти его? Рискни еще раз. Тебе терять нечего. Ему тоже.

Демон изобразил любезную улыбку и растаял. Несколько минут Тиберий стоял не двигаясь, тупо глядя на свиток, потом наклонился, поднял меч и вышел из храма. Почти выбежал, припадая на больную ногу.

Гай вернулся домой под вечер. Примчался, на ходу стягивая забрызганную кровью трабею, бросился в свою комнату и был остановлен властным голосом Тиберия:

— Брат, зайди ко мне!

Преторианец остановился. Оглянулся с мукой на лице:

— Это срочно? Понимаешь, я очень тороплюсь.

— Зайди ко мне.

— Ну хорошо. Только быстро. У меня очень важное дело. Жизненно важное, я...

Он замолчал, увидев выражение лица Тиберия. Быстро вошел в библиотеку, закрыл дверь.

— Что случилось?

Гратх протянул ему свиток. Всего полчаса назад он решил, что отдаст план Гаю. Не потому, что выполнение приказа давало еще несколько дней, а может, и месяцев жизни. Просто он после долгих мучительных раздумий осознал до конца — ни к чему турвону придумывать сложный и нелепый план убийства демоноборцев. Он вполне мог казнить Арэлл завтра. Помогать ей бежать, чтобы убить во время побега? Нелогично. Хотя демонская логика непостижима.

Увидев, что в бумагах, Гай просиял. Буквально засветился от счастья:

— Спасибо! Я никогда этого не забуду.

Он порывисто обнял брата, потом так же внезапно оттолкнул, как будто устыдившись своего порыва, и выбежал из библиотеки, крепко сжимая пергамент в кулаке.

«Может быть, я отправляю его на смерть,— устало подумал трибун.— А может — спасаю. Вот только кого? Его или себя?»

Он устал сомневаться, ждать, надеяться. Пусть все будет так, как будет. Тиберий добрался до своей спальни. Отказался от ванны, отослал рабов и упал в постель. Уже засыпая, слышал, как застучала лошадь подковами по мостовой. Гай помчался спасать свою возлюбленную. «Я бы должен пойти вместе с ним,— подумалось сквозь сон.— Или хотя бы волноваться за него. Не находить себе места, метаться по комнатам и рвать остатки волос на голове». Гратх улыбнулся, тоже во сне, и провалился в полнейшую темноту.

Разбудило трибуна ощущение чужого присутствия в комнате. И шорох.

— Гай, ты?

Он приподнялся, вгляделся в темноту. Пять теней. Одна из них выступила в полосу лунного света, и Тиберий увидел, что человек одет в красную кожаную тунику. Жрецы-убийцы темного храма.

— Великий Некрос не дождался своей жертвы,— произнес один из них, и в его руке блеснула бронза.

Неожиданно Тиберию стало весело. Спокойно.

— А не пошел бы ваш Некрос...— Дальше он с удовольствием пояснил, куда именно нужно пойти Повелителю и что там сделать. В подробностях. Подумал мгновение и добавил, имея в виду уже турвона: — Обманул все-таки, подлец!

Схватил меч, лежащий на прикроватном столике, вскочил с ложа. Перед глазами мелькнул призрак Арэлл, бросающейся на жрецов. Бесстрашная самоубийца. Чем он хуже нее?!

Оказалось — хуже. Годы не те. Пора молодости и великих сражений, когда он не опускал меча от зари и до заката, разом справляясь с четверкой опытных бойцов, уже давно прошла. Сейчас он был менее проворный, сильный и выносливый, чем Арэлл. Да, у него было то, чему никогда не появиться у этих падальщиков,— опыт старого солдата. Но опыт — это еще не все.

Говоривший устремился вперед, к народному трибуну, который ожидал своего врага, держа спату острием вниз. Прислужник Некроса напал молча, занес над головой тесак и спустя мгновение упал на кровать с разрубленным горлом, заливая кровью льняные простыни и покрывала.

— Ну? — с издевкой спросил у четверых оставшихся убийц Гратх.

Теперь его атаковали двое. Судя по всему, близнецы — невысокие, гибкие и проворные. Двигались они гораздо лучше своего товарища, да и опыта в схватках у них, похоже, было побольше. Спальня наполнилась звоном бронзы. Тиберий успешно отразил первую атаку, не дал себя прижать к столу, затем тяжело ранил одного из противников. Спата ударила зазевавшегося жреца по лицу, рассекла кожу и лишила части носа.

Но потом проклятая нога предала Тиберия. Колено словно пронзило острое ледяное копье. Гратх потерял равновесие и упал. Встать он не успел. Тесак второго близнеца вспорол левый бок. Народный трибун не почувствовал боли. Лишь разочарование, что все кончилось так быстро. Он выбросил свой меч вперед и вверх, услышал вскрик, понял, что попал в бедро. На лицо брызнула чужая кровь. Оставив верную спату, народный трибун пальцами вцепился в упавшего противника, раздирая ненавистное лицо, выдавливая глаза. Сейчас он был похож на рэймского боевого волка, из тех, что участвуют в сражениях вместе

с солдатами. Он следовал закону волков. Даже умирая — убивать врага, рвать горло.

Двое оставшихся на ногах прислужников наносили ветерану рану за раной, но он не чувствовал их. Перед ним был враг, а все остальное — не важно. Тиберий Гратх, народный трибун Рэйма, умер молча на теле одного из своих убийц.

Этим исполнились сразу две его мечты. Он погиб в бою и не отдал душу демонам. Чего еще можно желать?

Глава 11
ПУТЬ К СВОБОДЕ

В доме Марка было темно. Спит или прячется. А может, любящая тетушка связала его по рукам и ногам, положила в теплую кроватку, чтоб не сбежал. А в рот засунула соску, чтобы не плакал.

Атэр колотил в запертую дверь тяжелым медным кольцом до тех пор, пока не послышались шаги и голос привратника не заблеял:

— Кого несет в столь поздний час?

Хореем заговорил, болван, от страха? Или у лучезарной Поппии все рабы научены изъясняться стихами?

— Атэр к лурию Маркосу,— подавляя гневные спазмы в животе, выговорил эллан.

— В ночное время дом закрыт для визитеров,— елейно отбрил доморощенный поэт.

— А ну открывай живо! — заорал Атэр.— А не то заложу всю вашу семейку храмовникам. Как укрывателей жертвы Великого Некроса!

Дверь распахнулась спустя минуту. В проеме появился встрепанный Марк. Схватил эллана за плечо и, втащив внутрь, зашипел прямо в лицо, обдавая несвежим после сна дыханием:

— Ты чего орешь?! Совсем ума лишился?! Какая жертва?! Какие укрыватели?!

— Арэлл в тюрьме.— Когда хотел, Атэр умел быть спокойным, хотя это стоило немалых душевных сил.

— Маркос, дорогой, что за шум? Кто к тебе пришел?

На верхней галерее появилась тощая фигурка, замотанная в тогу. Видимо, драгоценная тетушка выползла посмотреть, не убивают ли (чего доброго!) ее обожаемого племянника.

— Тетя, все в порядке. Это мой... друг.

— А что ему нужно? — прочирикала старуха, пытаясь разглядеть гостя в темноте вестибюля. Атэр открыл было рот, чтобы с веселой злостью сообщить Поппии, что именно ему нужно, но приятель успел зажать ладонью рот и выпалил:

— Ничего, тетушка. Он пришел вернуть мне долг.

И прежде чем любопытная старуха спустилась вниз, утащил эллана в свои покои. Вытолкал из постели черноволосую девицу. Та, сонно позевывая и волоча за собой по полу хитон, удалилась. У самого выхода обернулась, подмигнула молодому гостю. Тот в ответ послал нагой красотке воздушный поцелуй.

Марк захлопнул дверь.

— Арэлл в тюрьме,— напомнил ему Атэр.

— Да.— Хозяин дома недовольно скривился. Достал из шкатулки на столе пастилку, судя по запаху — мятную. Сунул в рот. Несколько секунд вдумчиво жевал.— Она осквернила алтарь Некроса.

— Я знаю, что она сделала! — Сдержаться и не заорать было очень сложно. Но он сдержался. К концу фразы. Поэтому первые два слова прозвучали несколько громче, чем рассчитывал.— Знаю. Мы должны спасти ее.

Марк едва не подавился:

— Ты в уме?! Как ты собираешься это сделать?! Ее держат в каменном мешке под...

— А мне плевать!

— Послушай, она сделала глупость! Ей не нужно было...

Что нужно и чего нет, по его мнению, делать Арэлл, произнесено не было, потому что пальцы Атэра стали светиться синим светом. Жутковатое зрелище. Особенно для рэймлянина, привыкшего до нервного поноса бояться магии.

— Мне все равно, сколько жертвенников она осквернила! Мне плевать, кого она зарубила. Жреца, демона, сунула в задницу Некросу раскаленную спицу для вязания. Мы вытащим ее.

— Атэр,— Маркос деликатно выплюнул недожеванную пастилку в платочек,— успокойся. Успокойся, тебе говорят! Никто не собирается отказывать тебе, но...

— Вот что я тебе скажу.— Эллан направил на хозяина указательный палец, все еще светящийся магическим светом.— Во всем вашем гребаном рэймском антидемоническом сборище есть только двое стоящих людей. Я и Арэлл. Все остальные — мешки с отрубями.

Внизу под окнами прогрохотали конские копыта, в дверь заколотили,— кажется, не только кольцом, но и сандалиями с металлическими набойками. В ответ раздалось уже известное робкое:

— Кого несет в столь поздний...

Гость перебил, проорав хорошо знакомым зычным голосом:

— Марк, открывай!

Атэр улыбнулся довольно и, подумав, добавил:

— Нет, пожалуй, трое. Я, Арэлл и младший Гратх.

Они сидели в маленькой, уютной библиотке Марка. На низеньком столике стояли вазочки с засахаренными орехами, элланские чаши, инжир, финики. Лурия Поппия суетилась вокруг, лично подливая прохладительные напитки, тихонько, аристократично шмыгая маленьким покрасневшим носиком.

— Мальчики, ну что же вы? Ну зачем же вы так, ночью? Ну как же можно?

Атэр набил полный рот орехов, чтобы в раздражении не брякнуть какую-нибудь гадость. Все-таки милая старуха. Искренне беспокоится.

Гай, вытянув длинные ноги, полулежал на скамье, без передыху хлебал лимонад, очаровательно улыбался хозяйке, когда она смотрела на него, и строил зверские рожи Марку, когда Поппия этого не видела. А тот нервно ерзал на подушках.

— Тетя, спасибо. Все, больше ничего не надо. Мы сами.

— «Сами»! — горестно воскликнула она.— Что — сами?! Опять затеяли какую-то опасную шалость.

Шалость! Ничего себе! Атэр резко вздохнул, чтобы не захохотать, и поперхнулся гнусными орехами. Закашлялся. Гай, не переставая светски улыбаться, саданул его кулаком по спине. Орехи, к счастью, нашли дорогу куда нужно, но лурия Поппия брезгливо поморщилась, глянув на заплеванный мраморный пол, и удалилась.

Эллан отдышался наконец:

— Нет, вы слышали?! Шалость! Какие же вы, мальчики, шалуны! Как вам не стыдно, собрались обижать хороших дядей — демонов. Ай-яй!

Марк не выдержал и усмехнулся в ответ на эту тираду, произнесенную голосом педерастического идиота. Гай сохранил каменную неподвижность черт.

— Все? Закончил ломать комедию?

— Все! — огрызнулся Атэр.— Закончил. Передаю тебе эстафету.

Преторианец, не удостоив его ответом, сунул руку за пазуху и вытащил из-под трабеи свиток. Развернул его. Положил на стол, придавил по краям вазами со сластями:

— Это план подземного хода к камерам, где держат Арэлл.

— Дай посмотреть.— Эллан наклонился над чертежом. Провел пальцем по длинному тоннелю, отмеченному красным.— Это что?

— Ловушки. Здесь раньше был ход к тайной сокровищнице императоров.

— А что, у них было две сокровищницы? — машинально съехидничал Атэр, рассматривая кружки и загогулинки, изображающие западни.— Одна тайная, а другая явная? А вот подходите, уважаемые, здесь у нас императорская сокровищница! Сегодня посреди Форума постоит, а завтра мы ее в термы Аппия перетащим.

— Ты можешь заткнуться?! — Гай сердито засопел над ухом, изучая карту вместе с ним.

— Могу. Где ты ее взял?

— Брат дал.

— Откуда она у него?

— Не знаю. Но ему можно доверять.

— Кстати о вопросах доверия.— Марк, не участвующий в изучении плана, пристально посмотрел на обоих.— Какого хрена вы оба приперлись ко мне? Мы же по средам собираемся у Октавия.

Атэр с видом знатного патриция откинулся на ложе, откашлялся.

— Видишь ли, друг мой Маркос, с того самого дня, как...— здесь эллан сделал паузу, набирая в грудь побольше воздуха, и повысил голос,— ...я убил демона...

— Атэр! Твою мать! Заткнись! Совсем сбрендил! Хватит орать! Тебе мало одной Арэлл за решеткой?!

Позволив друзьям выпустить пар возмущения, эллан, довольный произведенным эффектом, закончил:

— Октавий находится в состоянии нервного паралича, чередующегося с приступами неконтролируемого бреда. И я опасаюсь, что он заложит кого-нибудь нашим доблестным демоническим слугам. Кроме того, твой дом ближе всех был нам по дороге. Доступно?

Марк устало потер лоб, пачкая его сахарной пудрой.

— Нас вполне может заложить кто-нибудь из рабов. Особенно если ты не прекратишь орать в моем доме.

— А я не собираюсь оставаться в твоем доме. Нам вообще больше нельзя оставаться в городе. Арэлл нужно увозить. Если мы, конечно, спасем ее. А если нет — сдохнем все в разных частях этого симпатичного подземелья.

— Он прав,— хмуро подтвердил Гай, строгая инжир на мелкие кусочки.— Пришло время уходить.

— Ладно.— Марк поднял руки, изобразив полную покорность судьбе.— Послушаем, что скажут остальные.

Остальные прибывали в течение часа. Хозяин встречал их у входа. И на какое-то время Атэр с Гаем остались наедине.

— Эй, Гратх,— эллан огляделся по сторонам и жестом подозвал преторианца, отошедшего к полкам со свитками,— смотри.

— Что?

— Вот здесь на схеме маленький кружок, а возле него подпись «Тхаора»[1].

— Вижу.

— Так вот. Это название прожорливой, омерзительной дряни. Она спит в коконе из, как бы помягче выразиться, останков своих жертв,

[1] Т х а о р а (от древнеэлланского — «преждевременная смерть») — существо демонического происхождения. Подробное описание впервые дано в сочинениях Гефмания Эллидского.

до тех пор пока мимо не пройдет какое-нибудь живое мясо. Тогда она просыпается и бросается на добычу. Убить ее мы не сможем. Тхаора частично демонического происхождения, практически неуязвима. Обойти ее невозможно. Эти коридоры затоплены, здесь завал. Остается одно. Отдать ей кого-нибудь из нас. Она сожрет жертву и успокоится. Остальные смогут пройти.

Гай смотрел прямо, спокойно. Без трепетного ужаса во взгляде.

— Это точно?

— Да. Остается решить — кого.

Преторианец провел рукой по блестящим густым темным волосам — мечте любой рэймской девицы.

— Я подумаю.

— Думай. А если ничего не надумаешь, я предлагаю Октавия.

Сказал и отошел в сторону. Толпой ввалились остальные.

Особенно много шума производили братья-атлеты. Кажется, пронырливый раб-курьер Марка вытащил обоих из кабака или публичного дома. Критобула слегка покачивало, и он старался держаться поближе к устойчивым предметам. Аристид многозначительно хмурил брови, изображая полное понимание происходящего, и время от времени громко икал, деликатно прикрываясь ладонью. Юлия знобило. Его лицо горело нездоровым румянцем, и он зябко кутался в теплую пенулу. Шрамы на руках стали еще заметнее, налились красным. Атэр присмотрелся внимательнее. Может, его отдать тхаоре? Есть шанс, что тварь помрет от несварения желудка. Перепьет демонической отравы, которой напичкан тонкий, нервический юноша. Октавий болтал, и его взгляд, блестящий нездоровым азартом, перебегал с одного присутствующего на другого.

— Вы знаете, друзья мои, я даже рад. Представьте себе, рад тому, что все так произошло! Мы наконец покинем этот город! Конечно, это в какой-то мере мое эгоистичное желание, но я готов использовать любой шанс, чтобы мое обращение не свершилось.

Или все-таки Октавий? Он вроде приободрился. Но в Юлии есть внутренний стержень, очень прочный, а несостоявшийся жрец при любом осложнении начинает трястись и расползаться, словно из него выдергивают позвоночник. Братья-преторианцы нужны оба. Физическая сила, выносливость, владение мечом. Маркос? Его можно оставить на потом. Мало ли какие препятствия встретятся по пути.

Пока Гай не терпящим возражений тоном излагал план, Атэр валялся на скамье, положив руку под голову, и смотрел в потолок. Со стороны казалось, что он бездельничает самым бездарным образом. На самом деле эллан стягивал энергию. Всю, до какой мог «дотянуться». Так учил Гэл. Понадобится много силы.

— Я знаю этот ход. Вот здесь, боковой.— Неожиданно произнес Юлий.— Он выходит в сад, но с другой стороны закрыт решеткой. И на ночь выпускают собак. С ними легко справиться, но они поднимут шум. А нам это ни к чему.

Как странно звучит его голос. Призрачно, чуть дрожа, искажаясь, наплывая и ускользая. Струится, словно вода по стеклу. Сквозь пелену Атэр почувствовал, что, прислушиваясь к этим звукам, ему легче стягивать силы. Очень легко.

— Надо открыть решетку,— проскрипел Марк, и волшебство разрушилось.

— А ну заткнулись! — рявкнул Атэр.— Молчать всем! Юлий, говори.

— Ч-что? — переспросил удивленный юноша.— Что мне говорить?

— Что угодно. Твой голос помогает мне настроиться. Хоть стихи читай.

Несколько мгновений тишины — и наконец снова дрожащая волна звуков, смысла которых он не понимал.

Тонкие, холодные струйки потекли со всех сторон. Извиваясь, полетели между людей, сидящих вокруг стола.

Краем глаза Атэр заметил, как деревце в красной кадке поникло широкими листьями, стало клониться к полу, а потом вдруг задрожало и осыпалось черными сухими хлопьями. Словно сгорело. Октавий, сидящий ближе всех, поморщился, поежился, отодвинулся инстинктивно. Значит, с него тоже удалось снять немного силенок. По-хорошему надо бы вычерпать его до дна. Все равно пойдет на корм тхаоре. И всех остальных хочется выкачать как следует. Но нет, это нехорошо. Ангел говорил, что управление энергиями — сложная работа. Нельзя вычищать людей, это может повредить самому.

— Что?! В чем дело?! — Атэр резко сел на скамье, уронив несколько подушек на пол. Голос Юлия оборвался. Все смотрели на него, вытаращив глаза. Видели бы они себя со стороны. Собрание идиотов.

— Ничего.— Гай отвернулся, демонстрируя полное равнодушие к магическим фокусам. Ему сейчас было все равно, что делает эллан — губит экзотические растения лурии Поппии, выкачивает энергию из сообщников, превращается в демона. Атэр подумал, что даже это последнее не удивит преторианца, он только поразмыслит, как использовать сверхъестественное перевоплощение для спасения Арэлл.

— Идем сейчас,— приказал Гай. Злобно глянул на братцев и прорычал, не уступая в грозных интонациях самому Некросу.— И если вы двое будете тормозить нас, я...

Он не договорил, скрипнув зубами. Атэр закончил за него мысленно: «Скормлю тхаоре вас. Обоих!»

— Я пьян,— заявил Критобул слегка заплетающимся языком.— А если понимаю, что пьян, значит, и не пьян вовсе. Вот если б я говорил, что не пьян, как говорят все пьяные, то был бы пьян наверняка. А если я осознаю, что слегка перебрал, то трезв. Точно.

Аристид с по-прежнему нахмуренными бровями согласно кивал, подтверждая каждое слово брата, и пытался сдержать икоту.

Теперь зарычал от ярости и бессилия Атэр. Это получилось у него более натурально, чем у Гая, потому что все присутствующие слегка поежились. Юлий приподнялся, взял из вазы горсть фиников:

— Не волнуйся, Атэр. В таком состоянии они дерутся даже лучше, чем трезвые.

— Только я не понимаю,— задумчиво произнес Октавий,— мы так рискуем. Для чего? Спасти Арэлл? Наверное, это звучит эгоистично, но мы можем все погибнуть, спасая ее. Какой смысл?

Объяснять, как много Арэлл значит теперь для всех, не было ни времени, ни желания.

— Какой смысл? — повторил эллан и добавил ледяным голосом: — Я так хочу.

Физиономии заговорщиков посерьезнели. «А ведь они боятся меня,— с удовлетворением подумал Атэр.— И будут считаться с моим мнением. Слушаться моих приказов. Даже доблестный преторианец Гратх. И эти двое болванов силачей». Приятное открытие. Надо будет как-нибудь так воспользоваться своими возможностями, чтобы запугать их еще сильнее.

Из дома заговорщики вышли через несколько минут. Трубы храмов, ревевшие весь день, замолчали. Демоны получили свою порцию жертв. На мгновение вспомнилась Арэлл в грубом хитоне, стоящая на квадриге, ее суровое, бледное лицо, испачканное кровью.

— Ты знаешь, что в землях Друзлта верят, будто в каждом человеке живет личный, невидимый другим демон? — тихо спросил Атэр Гая, шагающего рядом. Остальные в меру бесшумно передвигались сзади.

Преторианец отрицательно покачал головой:

— Я не знал, но иногда — когда смотрю на тебя — кажется, что это правда.

Они прошли под аркой Трояна. Мимо проскакал вооруженный отряд. Пришлось потратить каплю силы, чтобы сделать тень под сводами гуще, скрывая всех. Но энергию удалось восполнить, «прикоснувшись» к кусту лавра.

Вход в подземелья был скрыт в стене сливного канала, по которому сливались все нечистоты Рэйма. Отличное место для прогулок. Атэр, не раздумывая, спрыгнул в канализацию. По колени плюхнулся в жидкую, вонючую дрянь. Огляделся.

— Уровень дерьма в этом месяце значительно ниже обычных среднегодовых показателей,— с глумливой жизнерадостностью сообщил он Марку, спустившемуся следом.

— Заткнись, Атэр,— сдавленно произнес рэймлянин, стараясь не дышать носом.

Следом в узкое отверстие слива по очереди протиснулись братья. Критобул, поскользнувшись, едва не рухнул в грязь во весь рост. Но Гратх успел поддержать его. Аристид принюхался, икнул в очередной раз, разбудив звучное эхо, побледнел, зажал рот ладонью, на нетвердых ногах сделал несколько шагов в сторону, согнулся и внес свой личный вклад в содержание сливной трубы.

— Здесь решетка,— Марк засветил «факел». Изогнутый жезл, светящийся зеленоватым огнем, напоминал светильники из Северного квартала. Полезная магическая игрушка.— И она закрыта.

— Гай,— радостно приветствовал Атэр преторианца, спустившегося последним,— у нас две проблемы.

Лицо Гратха слегка вытянулось, а брови поползли вверх. Не ожидал, что проблемы возникнут так быстро.

— Первая — мы не можем открыть решетку. Вторая — Аристид блюет.

Юлий фыркнул под надушенным платком, который прижимал к носу. Октавий скривился, вытирая лоб, покрытый мелкими капельками пота. Гай молча вынул план и, разбрызгивая грязь, подошел к Марку. Сверился с рисунком. Бережно убрал свиток обратно под трабею. Требовательно глянул на братьев.

Те поспешили подойти. Аристид, все еще бледный, вытирал рот рукавом. Критобул сосредоточенно пытался контролировать свои движения. Поднажав пару раз плечами, они выдавили решетку. Та глухо брякнулась в соседний коридор, освободив проход.

— Я иду первым, за мной Атэр...

Эллан отрицательно мотнул головой, перебивая Гратха:

— Я буду замыкающим. Кто-то должен закрывать нашу дорогу магией. А кроме меня, на это никто не способен.

Гай кивнул, хотя не очень понял, о каком «закрытии» идет речь. Выстроил отряд по-новому и пошел вперед, светя «факелом».

Атэр подождал, пока все пройдут в боковое ответвление коридора, и наглухо «запечатал» его, уничтожив «следы» маленького отряда. Теперь их будет достаточно трудно обнаружить магическими способами слежения. А через какое-то время вообще невозможно. Даже если демоны кинутся в погоню. Демон. Один. Тот, который оборотень.

Юлий обернулся, когда эллан догнал приятелей. Лицо рэймлянина в свете магического светильника казалось бледным до синевы. Глаза поблескивали. Точно живой мертвец. Но как хорошо улавливаются силовые волны в звуках его голоса. Наверное, из-за того, что он выжил в храме Некроса. Через него перекачивали неслабую магическую силу и настроили на восприятие разных частот. Поэтому теперь он является проводником энергии. Не только для демонов, для Атэра тоже.

Полукруглый свод тоннеля понизился, стало сухо, под ногами появились каменные плиты.

— Давно бы так,— пробормотал Марк, на ходу старательно счищая грязь с подошв.

— За тем поворотом будет первая ловушка,— предупредил Гай, замедляя шаг.

Первая ловушка была обезврежена. Октавий громко охнул, а Критобул явно протрезвел, увидев, что на копье, торчащее из стены, наколот гнилой человеческий череп. Из провалившейся глазницы выползла, перебирая лапками, белесая сороконожка размером в четверть статии. Аристид угрожающе икнул.

— Без подробностей, пожалуйста! — рявкнул на него Атэр.

— Кому-то не повезло,— философски заметил Гай и жестом велел следовать за собой дальше.

Коридор стал многообещающе подниматься вверх, на стенах появились гнезда для факелов, а потом вдруг снова пошел вниз, изгибаясь такими фортификационными зигзагами, что оторопь брала. В стенах, на уровне головы, были прорублены отдушины непонятного назначения. Из одной потянуло таким густым трупным смрадом, что Атэр едва не повторил номер Аристида в сливной трубе, но успешно справился с взбрыкнувшим желудком. Непроизвольно сглотнул и вдруг почувствовал тонкие невидимые нити, натянутые посреди коридора.

— Стой! — крикнул он. И, что удивительно, Гай послушался сразу. Замер без вопросов. Вот что значит военный. Октавий, зазевавшись, впечатался ему в спину.

-- Что?

— Тихо. Стойте все, не двигайтесь. Я чувствую западню.

— Не может быть.— Гай аккуратно извлек заветный свиток, заглянул в него.— Здесь ничего не отмечено.

— Значит, это не человеческое.

Надо было побольше сил выкачать из Октавия!

Кто знает, какая дрянь могла завестись под Рэймом? Теперь в его подземельях живут все, кому охота скрываться от демонов, включая Трисмеса с прислужниками.

— Нам некогда стоять здесь и пялиться в пустоту.— Решительным жестом Гай вытащил свой длинный меч.

— Я пойду первым,— заявил Юлий, пытаясь выдвинуться вперед.

А этот все пытается принести себя в жертву для пользы всеобщего дела.

— Никуда не пойдешь! — грозно зашипел на него Атэр.— Ты мне нужен живым.

И отправился сам. На ходу собирая силовой «щит», которым можно прикрыться. Жаль, у него не было времени для того, чтобы научиться

полноценным заклинаниям. Тем, что с виртуозной легкостью плел Энджи. Не хватало пяти тысяч лет магической практики.

Он вошел в голубоватые «нити», «свисающие» с потолка. Они были похожи на воздушные корни тропического растения. И даже как будто колыхались от ветра.

— Стойте где стоите,— приказал он спутникам на всякий случай.

Тонкой дряни становилось все больше. Она сползала по стенам до пола, разветвлялась, перепутывалась между собой, сплеталась в мерзкие клубки. И скоро перегородила дорогу. Что за пакость?! Неужели приятели не видят этого? Похоже, нет. Смотрят с тревогой, не понимая, почему он бредет по пустому коридору все медленнее, с явным усилием. Атэр остановился, и вдруг невидимая для остальных завеса колыхнулась, задрожала, «нити» ожили, напряглись хищно, и на конце каждой из них распахнулась маленькая зубастая пасть.

Туника мгновенно прилипла к вспотевшей спине. Но он не разрешил себе испугаться. «Я был Высшим демоном, а это всего лишь канализационный паразит!» Эллан крутанул «щит» вокруг себя, отбрасывая жадные рты, и сделал то, что получалось у него очень хорошо. Втянул в себя энергию магического существа. Разорвал его защитный барьер и всосал всю силу. Тварь «завыла», забилась, хлопая оборванными щупальцами, заскрипела, обретая видимость. Жирные куски плоти, влажно чмокая, шлепались на каменный пол и превращались в черные сухие хлопья, так же как цветок лурии Поппии.

Атэр упал на колени, чувствуя, что захлебывается в потоке дармовой силы, льющейся на него из разодранного существа.

— Гай! — крикнул он, и преторианец мгновенно оказался рядом, схватил за руку.

— Что?! Атэр, что сделать?!

Если представить, что человек пустой резервуар, в него можно перелить часть «лишней» энергии. Чтобы не лопнуть самому.

Гратх охнул, едва ли понимая, что с ним, но почувствовал, как его тело наполняется звенящей чужой силой. Потряс головой, отшатнулся, потер запястья.

— Что ты сделал?

— Ничего особенного.— Атэр поднялся, оглядел очистившийся коридор.— Отложил про запас немного энергии. Не трать ее понапрасну. Идемте. Дальше безопасно.

Отлично. Просто великолепно. «Из меня сделали магическую воронку, которая может вытягивать жизнь из всего, что движется. Прекрасный учитель Гэл. Понял, что магией мне не овладеть. Это называется работа с энергиями? Выхлебать все что можно и даже отложить про запас. Отличная компания! Я — энергетический паук, Юлий — живая волшебная кифара, слушая которую можно настраиваться на поглощение силы. Арэлл — светлый воин, остальные — ходячие мешки, в которые

можно сливать ворованную жизнь, а потом выпивать по мере необходимости!»

Коридор стал разветвляться. Штук шесть одинаковых проходов вели в разные стороны.

— Туда.— Гай указал на самый крайний. Атэр отодвинул его плечом и пошел первым.

Второй человеческой ловушкой, которую они обнаружили, был банальный проваливающийся пол.

— Очень просто,— с высокомерной уверенностью произнес Марк.— Вон там, под потолком, есть рычаг. Если его заблокировать... Критобул, подсади меня.

Следующая часть пути была затоплена. Октавий посмотрел на черную, маслянисто поблескивающую в свете факела поверхность и красноречиво шмыгнул носом.

Сначала они брели по колено в ледяной воде. Приятное разнообразие после вонючей дряни сливной канавы. Затем по пояс. А потом Гай ухнул с головой, вынырнул, отплевываясь и фыркая.

— Интересно,— задал Атэр риторический вопрос, стараясь не слишком сильно стучать зубами от холода,— кто же поплывет первым?

— Я,— неожиданно вызвался окончательно протрезвевший от мокрой свежести Критобул.— Я плаваю лучше вас всех.

Прежде чем ответить, Гай вопросительно взглянул на эллана. Тот равнодушно пожал плечами. Славно — хоть кто-то рискует вместо него. Марк вытащил из своей сумки светильник поменьше — амулет на тонком шнурке — и примотал его к голове атлета. Критобул сразу же стал похож на древнего бога, хранителя ночи Эпсиса с восходящей звездой во лбу.

— Брат, смотри там,— напутствовал его Аристид.

Тот кивнул хмуро. Несколько раз шумно вдохнув и выдохнув, преторианец оттолкнулся ногами от дна и поплыл, озаряя своды коридора неровным светом. Тени причудливых форм метались вокруг быстро удаляющегося пловца.

— «Свет и тень, не соединяясь, встанут рядом. Из их союза человек обретет силу»,— пробормотал Атэр свое давнее любимое пророчество и тоже поплыл. Остальные в меру сил и умения гребли следом.

Он почти не уставал. Оказывается, собранную энергию можно потихоньку тратить на поддержание сил физических. И плевать на обещание не расходовать ее на себя. Не до благородства сейчас.

— Юлий, ты как?

«Любимец Некроса», как иногда эллан называл про себя юношу, тяжело дышал, и лицо у него было напряженным.

— Нормально,— выдохнул он сквозь зубы, продолжая упорно двигаться к цели.

Скоро стало казаться, что в коридоре, залитом водой, посветлело. Свечение шло снизу. Зеленоватое, как от гнилушки. Атэр беспокойно завертелся, пытаясь понять, какая пакость выскочит на этот раз. Свет загорелся ярче, а потом вдруг рядом всплыл пузырь воздуха и лопнул на поверхности. Затем еще один и еще.

Движения приятелей стали замедленными. Они как-то вяло перебирали руками и ногами. Бульканье поднимающегося снизу воздуха стихло. Атэр увидел, что он висит в прозрачном киселе, а внизу, на дне, лежат, светясь гнилой зеленью, человеческие тела. Вода слабо шевелит их, переворачивает, и поэтому кажется, что они переползают с места на место, слепо тычась друг в друга. Это зрелище не вызвало у него ни страха, ни отвращения. Только любопытство. Захотелось спуститься, чтобы рассмотреть поближе. На запястьях и шеях мертвых поблескивали золотые обручи, украшенные изумрудами. Наверное, от них исходил этот холодный, мерцающий свет.

А потом в лицо неожиданно плеснула холодная вода, крепкая затрещина разрушила иллюзию парения. Свечение исчезло. Атэр снова оказался в темноте, где метался луч от светильника Аристида.

Эллан стоял по пояс в воде, а Гай размахивался, чтобы дать ему вторую пощечину.

— Все! Все, я в порядке! Хватит! — Атэр попытался уклониться, но преторианец не поверил в его хорошее самочувствие и ударил еще раз. Спасибо, что не слишком сильно.

— Это был газ! Ловушка затоплена, но все еще действует. Дыши! Глубже! Как, лучше?

— Мне и так неплохо. Ты видел, что под водой?

— Я видел только то, что ты закатил глаза и камнем пошел на дно.

— Я... не помню.

— Идем. Держись за стену.

Впереди горел слабый огонек. Скользя рукой по мокрой стене, Атэр побрел вперед. Во рту чувствовался мерзкий вкус, голова кружилась, на душе было отвратно.

Воды стало по колено, потом по щиколотку, и наконец появился сухой камень. Эллан сделал еще несколько шагов и попытался упасть, но испытать восхитительное ощущение собственной беспомощности ему не дали. Сильные руки схватили за плечи, встряхнули и поставили на ноги.

— Эх ты, маг доморощенный,— добродушно прогудел над ухом голос Критобула.— Медуза. Если бы не Гай, утонул бы, как щенок в луже.

— Ты ничего не видел там, внизу?

— Нет. Голова заболела зверски. Но Гай предупредил, что это газ. Велел не дышать, пока плывем.

— Я не слышал.

Какой только дряни не скопилось под Рэймом. Обычные люди не видят этого. За темными в человеческий мир приползла куча стервят-

ников, питающихся демонической падалью. Можно представить, каково здесь Энджи. Нет! Об этом Атэр запретил себе думать!

Марк, увидев эллана, подавил снисходительную усмешечку. Юлий с искренним беспокойством заглянул в лицо. Октавий, хотя никто не интересовался его мнением, забормотал что-то утешительное. Они все добрались до «другого берега» самостоятельно, и только его пришлось тащить едва ли не на руках. Даже болезненный Юлий справился. Даже слабак Октавий! Какой позор.

Аристид покровительственно похлопал по плечу. Как будто хотел сказать: «Молод ты еще, приятель, выпендриваешься много. Но ничего, научишься».

— Идемте.— Гай закончил изучать свиток и бережно убрал его в футляр, видимо непромокаемый. Очень предусмотрительно.

Из-за следующего поворота вылетела стая летучих мышей. С писком пронеслась мимо. И Атэр с удовольствием «захватил» несколько зверюшек. «Высосал» из них всю силу, чтобы пополнить растраченную энергию. Проследил, как сухие черные хлопья с шелестом спланировали на землю, и вдруг услышал тихий голос Юлия, идущего сзади.

— Не делай этого,— едва слышно прошептал «любимец Некроса».

Атэр оглянулся. Удивительное дело, задумчивые, как будто затянутые легкой дымкой, глаза несостоявшейся демонической жертвы ярко блестели, смотрели сурово и осуждающе.

— Что — не делать? — раздраженно переспросил эллан.

— Ты убиваешь, чтобы пополнять свою силу. Начал с растений, теперь мелкие животные. Потом дойдешь до людей.

— Я знаю, что делаю!

«Спасаю вас, идиотов! Без меня вы бы передохли в самом начале!»

— Остановиться будет невозможно,— продолжал шептать за спиной неуемный Юлий.— Поверь мне. Это путь демонов. Легко пожирать все, до чего сможешь дотянуться. Но ты погубишь себя!

Он говорил то же, что и Энджи. Почти теми же словами. Но ангел умеет защищаться! А Атэр родился беспомощным, жалким человеком!

— Я знаю, что делаю! Не мешай мне!

— Атэр, заткнись! — рявкнул Гай, прекращая бесполезный спор.— Хватит орать.

— Я предупредил,— прошелестел сзади Юлий и замолчал.

«Погубишь себя»?! Так покажи другой путь! Что мне делать? Вежливо попросить демонов убраться обратно в свой мир? Приказать турвону отпустить Арэлл? Что?! Молчишь? Значит, их надо убивать. Всех по очереди! И я должен учиться это делать!»

Внутренний монолог пришлось прервать. Они миновали еще ряд примитивных ловушек. Дротики из стен, снова проваливающийся пол, шары с шипами, выкатывающиеся из дыр в стенах. Октавий поранился

об один из них. Порез на бедре перевязали. Он почти не мешал несостоявшемуся жрецу идти, но кровью от него будет пахнуть. Этот запах должен привлечь тхаору именно к нему.

Коридор внезапно расширился и превратился в пещеру. Просторную, холодную, с известковыми потеками на стенах. Атэр сжался внутренне, догадываясь, что это то самое место. Пока приятели стояли, глазея по сторонам, он приблизился к хмурому Гаю, шепнул:

— Здесь. Ты выбрал?

Преторианец посмотрел на него со злобой, едва ли не с ненавистью. И вытащил спату из ножен.

— Гратх, не дури! Она сожрет тебя вместе с этой железкой.— Пока удавалось говорить тихо, но еще немного — и упрямый преторианец выведет из себя.

— Никогда не думал, почему Трисмес назвал тебя демоном?

Очень своевременный вопрос. Самое время дискутировать по поводу нравственности.

— Я спасаю Арэлл! Я должен думать о том, кто важнее для нее!

Гай упрямо мотнул головой и медленно пошел вперед, освещая дорогу факелом Марка.

— Идиот! — крикнул Атэр, уже не таясь.— Отдай ей Октавия!

Сообщники удивленно замерли. Октавий побледнел, затравленно оглядываясь. Преторианец поднял факел выше, и тут эллан заметил. Она сидела под потолком, сверкая узкими желтыми глазами. Вероятно, свет слепил ее.

Почему-то представлялось, что тхаора будет похожа на паука. Со множеством суставчатых ног, острыми жвалами, с которых капает яд, мохнатая и отвратительная. Демоническая тварь оказалась... завораживающей. Ее тело было прозрачным, как слюда. Длинные тонкие крылья, напоминающие крылья летучей мыши, складывались и раскрывались. Мощными задними лапами она впивалась в стену. Передние прижаты к туловищу. Морда узкая, длинная. Не звериная и не принадлежащая насекомому. Но было в ней нечто от хищности богомола и оскала гиены, но в то же время что-то от человеческого лица. Глаза без зрачков, полностью желтые.

Октавий сдавленно вскрикнул, отступил на шаг, споткнулся, плюхнулся на камни. Братья-преторианцы и Марк почти одновременно выхватили мечи. Юлий, не шевелясь, как завороженный смотрел на тхаору. Гай поднял факел выше, пытаясь привлечь внимание твари.

— Что это?! — пробормотал «жрец», все еще сидя на земле.— Что это такое?!

— Атэр, кто это?! — Критобул гневно взглянул на него.— Ты знаешь! Говори быстро!

— Гай! — Эллан не обратил на него внимания.— Еще не поздно! Ты погубишь нас всех! А-а! Придурок!

Тхаора зашипела. Звук, который она издала, можно было назвать шипением, расправила крылья и плавно скользнула вниз. Свет фонаря заиграл на слюдяном теле.

Пронеслась над головой пригнувшегося Гая, развернулась в воздухе, села на землю, сложила крылья на спине. И побежала к преторианцу на четырех лапах. Теперь она была похожа на огромного таракана.

— Идиоты! — заорал Атэр, вытаскивая меч.— Да чтобы вы все сдохли!

Отличный боевой клич для поддержания духа товарищей. Безрассудные братья-атлеты с воинственным воплем бросились наперерез твари. Их мечами можно было легко перерубить шею быку, но от поблескивающих крыльев лезвия отскочили со звоном. Тхаора поднялась на дыбы, мгновенным движением одной передней лапы отшвырнула Критобула в сторону, а другую сомкнула на горле Аристида. Вот она, искупительная жертва. Жаль, конечно, что это не Октавий. Теперь можно отойти в сторону, подождать, пока тварь нажрется, и спокойно пойти дальше. Но вместо этого он зачем-то бросился вперед.

«Я глупец! Дурак! Какого хрена все время лезу вперед?! Почему мне вечно надо больше всех?!»

Он ударил мечом, вложив в этот удар всю собранную силу, метя в одну точку на туловище демонической твари. Тхаора заскрипела, бросила преторианца и вцепилась в маленькую назойливую человеческую букашку, вгрызающуюся в ее тело. Атэр попытался вытянуть из нее силу, но то, что легко получалось с существами человеческого мира, не вышло с демоническим. «Я не могу «пить» из демона! Я слишком мало тренировался! Надо было учиться на людях!» Слюдяная вытянутая морда оказалась совсем близко от его лица, на ней появилось деловито-сосредоточенное выражение. «Сейчас она меня сожрет! Нет! Нет! Я не хочу! Энджи! Гэл! Помогите кто-нибудь!»

Его отчаянный вопль был услышан. Но совсем не теми, кого он звал. Рядом оказался молчаливый, болезненный Юлий. Атэр не увидел — почувствовал его. Услышал голос юноши, безмолвно взывавший к кому-то могущественному, темному. И вдруг через его тонкое, хрупкое тело хлынул мощный поток черной силы. Она вонзилась в тело тхаоры, пробила его, проткнув насквозь. Тварь завизжала, забилась, и Атэр смог «ухватить» струю ее энергии, потянуть в себя и «глотать» до тех пор, пока не помутилось в голове. Когти, наконец, разжались, он упал на пол.

— Кого ты звал?

Юлий, опустившийся рядом, отрицательно помотал головой:

— Не твое дело. Я же не спрашиваю, кого звал ты.

— Спасибо. Ты помог. Очень.

— Не за что. Только больше я не буду делать этого никогда.

— Атэр, как ты? Юлий, все в порядке?! — Гай попытался помочь эллану подняться.

— Отвали от меня, Гратх! Из-за тебя мы все чуть не сдохли. Не трогай меня! Я сам!

Тело, побывавшее в когтях твари, болело и тряслось, а энергия, доставшаяся от нее же, кипела внутри.

— Что это такое?! Что это значит?! Вы хотели отдать меня ей?! Этой... этому?!! — Истерика Октавия несколько запоздала, и слушать ее не было никакого желания.

— Заткнись, а,— устало попросил Марк. Атэр не помнил, чтобы он участвовал в драке, но его меч оказался сломан, и теперь рэймлянин внимательно разглядывал обломок.

— Заткнуться?! — завопил «жрец».— Вы все знали, что он,— не очень приличный жест в сторону эллана,— хочет меня убить, и молчали! Вы все убийцы! А я считал вас друзьями!

— Замолчи! — Рык Критобула заставил вздрогнуть всех. Он стоял на коленях рядом с братом, все еще лежащим на земле, сжимал кулаки и с ненавистью смотрел на нервного сообщника.— Замолчи! Замолчи!

Юлий как-то странно повел плечами, подошел к нему, наклонился над поверженным атлетом, дотронулся до его шеи. Потом выпрямился, посмотрел на Гая и отрицательно покачал головой. Скорбно закусил нижнюю губу.

Преторианец, все еще держащий эллана за локоть, промолчал, когда тот сказал:

— Это ты погубил его.

Критобул поднялся, ссутулив плечи, подошел к Атэру, посмотрел на него сверху вниз:

— Ты умеешь колдовать. Мы все видели. Знаем. Помоги брату. Ты можешь.

— Пусть Гратх спасает его! — Атэра заколотило то ли от пережитого страха, то ли от злости.— Это он виноват!

— Не злись.— Атлет положил тяжелую руку ему на плечо.— Никто не виноват. Просто помоги.

— Я не могу! Я не могу! — Глаза вдруг защипало, на них наплывала горячая пелена.— Я не могу помочь, тупая ты орясина! Даже если бы я был демоном, не смог бы! Теперь ему уже никто не поможет! Он умер! Совсем! Навсегда! Понимаешь, ты! Навсегда!

Критобул помолчал. Убрал руку с плеча, неуклюже потоптался рядом.

— Тогда... тогда его надо похоронить.

— Нам надо идти, друг.— Гай смотрел в сторону, нервно сжимая и разжимая пальцы на рукояти меча.— Нам нельзя задерживаться.

— Но он не может остаться здесь один.

Атэр яростно потер глаза рукавом, спросил, шмыгнув носом:

— Скажи, его душа найдет дорогу домой, если я сожгу тело?

Преторианец нахмурился, мучительно соображая, потом просиял:

— Да... только у тебя нет ни дров, ни масла...

— Обойдусь. Ты возьмешь с собой его пепел и захоронишь, где посчитаешь нужным. Отойдите все.

Приятели расступились. Критобул бережно сложил руки брата на груди, пригладил его волосы, пробормотал что-то. Поднялся и посторонился. Атэр закрыл на мгновение глаза, а потом выпустил два «огненных шара». Со стороны они выглядели как огненные шары, а на самом деле были всего лишь кусками его энергии, брошенными с огромной скоростью.

Они врезались в Аристида, и его тело вспыхнуло белым жарким огнем. Горело оно всего несколько минут, освещая своды пещеры, задумчивые лица приятелей, полурассыпавшиеся останки тхаоры и ее гнездо под потолком, похожее на кокон, слепленный из блестящей черной смолы. А когда пламя погасло, на полу осталось совсем немного пепла.

Критобул мечом отрезал от своего гиматия кусок ткани, расстелил на полу, бережно сгреб в него пепел, завязал, перетянул шнурком и повесил мешочек себе на шею. Спрятал под лорику. Лицо его при этом было спокойным, удовлетворенным. Почти счастливым.

— Спасибо,— с чувством сказал он Атэру.— Он умер достойно. Возьми себе его меч. Твой никуда не годится.

— Идиот! — Сдерживать слезы было очень сложно.— Ни одна смерть не может быть достойной. Он вообще не хотел умирать! И не нужен мне его меч!

Атлет страдальчески сморщился, поморгал, потрепал эллана по плечу:

— Не грусти. Он не хотел бы, чтобы ты страдал из-за него.

— А идите вы все!

Нужный проход был справа. Коридор поднимался наверх. Если верить плану, сейчас они проходили под казармами городской когорты. Затем поворот, длинный узкий тоннель с низким потолком. Ступени наверх.

— Не суйся вперед.— Гай оттеснил Атэра от лестницы и стал подниматься первым. За ним, дыша в затылок, Критобул с обнаженным мечом в руке.

Выход из подземелий закрывала гранитная плита. Она опустилась, когда потянули за рычаг, торчащий из камня, и встала бы на прежнее место, если бы Марк не заклинил ее своим «факелом». Здесь магический артефакт был уже не нужен. На стенах, между решетками камер, горели светильники. Пленников не было. К чему держать людей в клетках, если проще сразу же положить преступника на алтарь Некроса. Стражи тоже пока не наблюдалось.

Гай показал, куда идти. Жестом велел вести себя тише. И первый нарушил свой же приказ. Из-за поворота неожиданно вышел солдат,

держа обеими руками медный котелок и с нежностью заглядывая в него.

Не меняя сурово-сосредоточенного выражения лица, Гратх коротко замахнулся и вонзил в человека спату. Котелок загремел по полу, расплескивая содержимое, кажется вареную фасоль с мясом. Солдат повалился на пол.

— Ну все! — Атэр подскочил к Критобулу, сорвал с его пояса меч брата — действительно хороший клинок.— Я за Арэлл. А вы выкручивайтесь как хотите. Встретимся у подземелья. С той стороны.

— Иди с ним! — приказал атлету Гай и бросился навстречу паре охранников, решивших посмотреть, что случилось с товарищем.

Эллан понесся вниз по лестнице. Наверное, к каменному мешку, где держали Арэлл, вел особый ход из катакомб, но на плане он оказался не отмечен. Естественно, стражники, резавшиеся в кости пролетом ниже, заинтересовались, куда бегут двое почтенных рэймских граждан. Начали вытаскивать мечи. Но тратить на них время не стоило. Атэр слегка «почистил» людей. После схватки с тхаорой ему ничего не стоило вытянуть энергию из троих беззащитных. Не всю. Так, чтобы они, закатив глаза, попадали под стол. «Излишки» Атэр слил на сообщника. Критобул удивленно покрутил головой, удобнее перехватил меч и с довольной улыбкой врезал рукоятью четвертому стражнику, не в добрый час появившемуся из караулки. Тот, теряя сознание, присоединился к остальным.

Но вот наконец самый низ подземелья. Дыра в каменном полу, закрытая сверху решеткой. Атэр упал на колени, заглядывая туда. Краем уха он слышал, как Критобул добивает стражу.

— Арэлл! Ты здесь?!

Тень в углу шевельнулась. В свете факелов блеснули золотые волосы, запрокинулось белое лицо с темными кругами вокруг глаз.

— Атэр?

— Я пришел за тобой.

Она не обрадовалась, не вскрикнула радостно, как он ждал, только улыбнулась грустно, устало. Ожидала увидеть не его? Ожидала спасения от кого-то другого?

— Сейчас я помогу тебе. Критобул! Оставь их! Подними решетку. Ну быстрее!

Пока атлет открывал клетку и вытаскивал элланку, Атэр в порыве вдохновения еще сильнее «обессилил» оставшихся охранников.

— Все! Идемте.

— Мне нужно оружие.— Арэлл потерла запястья, на которых остались следы от цепей, и требовательно посмотрела на своих спасителей. Она больше не казалась лучезарно-прекрасной: с разбитыми губами, кровоподтеками, в драной, грязной одежде, с нечесаными, спутанными во-

лосами. Но она была живой. Это главное, с остальным можно смириться.

Атэр отдал ей меч Аристида. Критобул нахмурился, с сомнением окинул взглядом тонкую фигуру девушки, но ничего не сказал. Он не видел, как она зарубила шестерых жрецов.

Наверх они поднимались бегом. Навстречу звону оружия, крикам и проклятиям. Сообщники пробивали дорогу к выходу. Похоже, вся оставшаяся охрана тюрьмы собралась проводить их. Десять против четверых. Нет, пожалуй, троих. Октавий в расчет не шел, он больше прятался за спиной Марка.

Арэлл с Критобулом бросились в схватку, атлет тут же снес голову одному из солдат, элланка просто разгоняла стражников, стараясь никого не ранить. У нее были свои малопонятные принципы. Атэр избытком нравственности не страдал, поэтому швырнул несколько «шаров», стараясь не зацепить своих.

Гай увидел подкрепление, сверкнул довольной, дурацкой улыбкой и скомандовал отступление. Еще немного — и тревога в тюрьме возбудит всю военную общественность городской когорты. Благо их казармы рядом.

— Уходим! — Атэр поджег троих оставшихся солдат, тех, что милосердно пыталась пощадить Арэлл.— Живо!

Обратная дорога была гораздо веселее.

Плита, все еще закрывающая ход в подземелья, по-прежнему оставалась заклинена «факелом». Марк навалился на него, ловко повернул и открыл дорогу. Пока остальные по одному пробирались в катакомбы, Атэр спросил рэймлянина:

— Кстати, когда ты так ловко научился дезактивировать ловушки?

— Было много свободного времени,— ответил тот нехотя, все еще удерживая дверь открытой.— Что, осознал мою полезность? Теперь не скормишь следующей тхаоре?

— Теперь вряд ли,— улыбнулся эллан, но на душе почему-то стало мерзко. Они все, похоже, считают его бесчувственным, злобным чудовищем. Болваны! Остальные убивают не меньше его. Атэр видел, как Марк лично зарубил двоих. Пусть они не используют магию, но итог один.

Над головой, совсем близко, пролетела стрела, ударилась о стену и упала на пол. Потом еще одна. Лучники городской когорты пришли на помощь опозорившимся охранникам. Вот они показались в конце коридора.

— Давай шевелись! — Рэймлянин подтолкнул эллана в закрывающийся проход, подхватил факел и нырнул следом.

Интересно, сколько времени потребуется бравым воинам-защитникам, чтобы догадаться, как открыть потайной ход или привести когонибудь, кто знает, как это делается.

— Уходим! Уходим!

Теперь Атэр бежал последним, «заметая» их следы, чтобы никто не догадался, куда они двигаются.

Коридор выходил наружу у Претикапия. С внутренней стороны забора, в самой глухой части сада, у небольшого здания с колоннами. То ли летнего павильона, то ли храма, построенного в честь одного из императоров.

Марк отодвинул плиту и уткнулся в ажурную решетку, закрывающую выход. Сразу запахло свежестью, повеяло прохладным ветерком.

— Она открывается только снаружи,— сказал Юлий, который, видимо, уже бывал здесь.

— Сейчас откроется,— успокоил его эллан и тихонько свистнул.

С той стороны послышались тихие шаги, какая-то возня, шорох, блеснул слабый огонек — как будто светильничек, прикрытый ладонью. И решетка стала медленно подниматься.

Неровный свет озарил фигуру в темной тунике и довольное, сияющее женское лицо.

— Гермия! — ахнула Арэлл.— Ты?!

— Я попросил ее помочь.— Атэр выбрался первым, подал руку элланке, но она, видимо, от удивления, не заметила этого.

— Как ты здесь оказалась?!

— Я иду с вами,— заявила рабыня.— Я ждала здесь полночи. Я лурия Атэра одного не отпущу. Мне велено за ним присматривать.

Марк насмешливо фыркнул, но от комментариев воздержался.

— Я все равно пойду с вами,— продолжала бормотать Гермия, бережно укрывая плечи Арэлл темным плащом.— Я вас не задержу.

Пререкаться было некогда. Гай сдержанно кивнул:

— Пусть идет.

Рабыня улыбнулась Атэру, и эллан неожиданно улыбнулся ей в ответ. Иногда он был готов убить эту настырную девицу за неуемную заботу, а теперь оказался искренне рад, что она будет рядом.

Решетку опустили на прежнее место. Крадучись вышли из павильона. Нашли дверку в стене, скрытую зарослями жасмина, и выбрались за пределы дворца.

— Лурия Арэлл, помните, как мы этой дорогой ходили к гадалке?— шепотом спросила Гермия.

Элланка кивнула. Остановилась на мгновение, оглянулась на Каракалтский храм, потом на Претикапий.

— Мы вернемся сюда,— пообещала она себе или спутникам. Вытерла ладонью щеку и уже больше не задерживала их.

Атэр почувствовал прилив вдохновения и, выплеснув целый энергетический шлейф, прикрыл их от посторонних взглядов. «Расту. Определенно расту. Скоро сравняюсь в магическом потенциале с Гэлом».

Серый рассвет полз по улицам. Было непривычно холодно. Под ногами похрустывал иней. Побочный эффект от высвобождения силы после вчерашних жертвоприношений?

До кладбища маленький отряд добрался без приключений.

Здесь было тихо. Статуя скорбной женщины с опущенным факелом белела тонким, согнутым под тяжестью горя, телом. Она больше не напоминала Атэру Арэлл. Элланка шла рядом, и лицо ее было строгим, суровым, в нем не осталось ни беспомощной мягкости, ни грусти.

Вход в подземелье оказался скрыт в маленьком мавзолее за настенным барельефом. Сообщники спустились вниз по каменным ступеням. Атэр занял свое место замыкающего.

Катакомбы под Северным кварталом были сухими, холодными, пустыми. Ни ловушек, ни мерзких тварей. Видимо, прислужники Трисмеса старались содержать их в порядке.

Арэлл уверенно, быстро шла вперед. Запомнила дорогу с прошлого раза, а может, сам бог воровства лично проинструктировал ее. Остальные молча следовали за ней.

Вдруг в тишине подземелья послышался низкий, клокочущий рык. Из темноты навстречу беглецам выскочила косматая тварь. Она была похожа на медведя с большой головой, маленькими круглыми ушами и узкими, злобно поблескивающими глазками. Замерла посреди коридора, шумно принюхиваясь и скребя когтистой лапой по каменному полу.

Гермия взвизгнула, отпрыгнула назад, схватила Атэра за плечо. Мужчины вытащили мечи.

— Стойте! Не шевелитесь! — приказал эллан, вспоминая книгу, в которой видел изображение зверя.— Это махара.

Теперь ясно, почему здесь так тихо и мирно. Поклонники Трисмеса запустили в свои катакомбы хищника, чутко реагирующего на малейшее проявление магии. Если сюда проберется какая-нибудь дрянь, махара сожрет ее. Естественно, ей не справиться с таким мощным существом, как тхаора, но вряд ли в Рэйме найдется вторая демоническая тварь подобной силы. «А я наколдовал здесь! Энергии налил до самого потолка!» Атэр продолжал «закрывать» путь отступления, и зверь почувствовал его магию.

— Она сейчас уйдет,— с непонятной уверенностью произнесла Арэлл и медленно пошла навстречу животному-сторожу. Гай дернулся было

вперед, но заставил себя остаться на месте. Махара рыкнула негромко, еще раз втянула носом воздух. Позволила элланке приблизиться, обнюхала ее ладонь. Подняла голову, посмотрела на Атэра разумными, ярко блестящими глазами и одним длинным прыжком скрылась в темноте.

— Ужас какой,— прошептала Гермия, выпуская локоть эллана.

— Будешь за меня хвататься,— любезно откликнулся ей тот,— в следующий раз руки отобью.

— А вы меня не пугайте! — с достоинством заявила нахалка.— Тоже мне лурий-защитник!

— Идемте,— велел Гай.— Нужно спешить. И, Арэлл, прошу, не нужно так рисковать. Она могла ранить тебя.

— Не могла. Она поняла, что мы просто хотим пройти.

— По-моему, это хорошая примета,— неожиданно сказал Октавий.— Мы вошли без боя.

Ну да, кому, как не ему, несостоявшемуся жрецу, разбираться в приметах. Хотя, может, он прав.

На поверхность они выбрались уже за городом. Тоннель вывел на склон реки. Рэйм остался за спиной. В свете утра он казался серым.

Атэр вспомнил, как входил в него. В компании ангела и демона. «Свет и тень станут рядом... А теперь я сам бегу от них».

Гермия сверкала счастливыми глазами из-под капюшона и сдерживала улыбку. Чему радуется, дурочка?! Улыбаться можно будет, когда столица империи останется далеко позади.

Арэлл с непонятной тоской смотрела на город.

Октавий заметно прихрамывал, морщился от боли и, похоже, не притворялся.

Критобул машинально поглаживал себя по груди. Там, под лорикой, был спрятан мешочек с пеплом брата.

Юлий вглядывался в горизонт, прикрыв глаза ладонью.

Гай хмурился, думая о чем-то своем, сжимал рукоять меча.

— Куда теперь? — спросил Марк, вытирая потное, несмотря на холод, лицо.

Эллан посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Куда?! В Эллиду, конечно.

— За нами будет погоня,— предупредил Октавий.

— Да, как же! Найдут они нас! Я закрыл дорогу. Стер наши следы.

— Тогда вперед.— С лица Гратха исчезли следы задумчивости.— За тем холмом, в роще, лошади. Пешком мы далеко не уйдем.

Лошадей оказалось восемь. Интересно, когда преторианец успел привести их сюда? Гермия села на предназначавшуюся Аристиду.

— Отлично,— оживился Критобул, взгромоздившись на своего гнедого жеребца.— Атэр, ну где ты там?!

Минуту назад эллану показалось, что на одном из холмов стоит высокий человек в черном плаще, край которого эффектно развевается на ветру, и смотрит им вслед. Но теперь он не был уверен, что ему не почудилось.

Он пришпорил свою лошадь и поскакал за остальными.

Глава 12,
в которой мы не смиряемся с тем, что остались не у дел...

Энджи стоял у окна. Услышал мои шаги, но даже не повернул голову.

— Ну что?

— Ничего. Его нет. Нигде. Пропал.

Рэйм гудел. Этой ночью из тюрьмы бежала преступница — элланка Арэлл. То есть ей помогли бежать. Доблестные охранники — те, кто остался в живых после дерзкого нападения, — рассказывали, что ее украли чуть ли не демоны в человеческом облике. Один из них плевался огнем, другие были вооружены горящими мечами. Они схватили пленницу и унесли сквозь стену.

— И можешь мне не рассказывать, кто этот «демон», плюющийся огнем.

Ангел тихо рассмеялся:

— Он многому научился.

— Да. Мы великолепные учителя. И что теперь прикажешь делать?! Я не могу его выследить. Даже если перепашу носом весь Рэйм. Он стер свой след. А с этой штукой в спине я вообще почти ничего не могу. Был в тюрьме. Почувствовал остатки его магии. Но только в самом здании. Куда он пошел потом, непонятно. Видимо, в тайный ход. Но я не нашел его. Может, если достать планы башни...

— Гэл.— Энджи повернул ко мне спокойное, ясное, улыбающееся лицо.— Он хочет быть человеком. Мы ему не нужны. Он выбрал свой путь. А ты — еще нет.

— Чего я не выбрал?

— С кем ты? С Атэром или с Буллфером?

Я подошел к окну, встал рядом с ангелом. Посмотрел на утренний Рэйм. Этот красивый, отвратный город.

— Булф давно сделал выбор. Пять тысяч лет назад. Но Атэр не знает, куда идет. То есть ему кажется, что знает, но на самом деле он заложник твоего света, Энджи. Проклятого ритуала, что ты провел над ним. И мы с тобой тоже заложники. Куда бы ни пошли, как бы ни хотели облегчить свою судьбу, ничего не выйдет — будем двигаться до конца по тому пути, который ты открыл для моего Хозяина.

Партнер молчал. Что он мог сказать? Я был прав во всем.

— И вообще, знаешь ли, ваша светлость, как ты надоел мне вместе со своим Атэром, разговорами о свободе выбора и гуманизме?

Он тихо рассмеялся:

— Знаю.

— Тогда идем покупать лошадей. Я не собираюсь его разыскивать пешком. Надеюсь, ты почувствуешь мальчишку. Как только вылечишься от этого города. Или я его услышу, как только избавлюсь от этой дряни в спине.

— Куда поедем? — В Энджи промелькнуло что-то от прежнего образа любопытного, непоседливого четырнадцатилетнего мальчишки.

— Вошли в город с запада. Значит, поедем на восток.

Из Рэйма мы выехали на следующее утро, через Южные ворота. Сначала держались городской стены, а затем повернули строго на восток. Мне досталась смирная серая лошадка. Сначала ее волновал седок-демон, но потом присутствие ангела, видимо, успокоило. Энджи ехал рядом, на гнедом кабалтинце, довольно щурился на восходящее солнце и улыбался своим мыслям.

Я вспоминал, как несколько тысячелетий назад мы двигались вместе с Буллфером по таким же дорогам. Пыльным и грязным, разбитым и ухабистым. Шли искать спасения, защиты... власти... еще одного шанса на победу.

А теперь только мы с Энджи по-прежнему стремимся сохранить хрупкое единство. Мы идем вслед за «Буллфером» — как и раньше бешеным, темпераментным и необузданным. Только в этот раз он, то есть мальчишка Атэр, почему-то решил не принимать нашу помощь. Хочет идти один. Но почему? Желает сам завоевать всю славу или бесславие?.. А может быть, мой Хозяин и впрямь необратимо стал человеком? Поэтому-то он и хочет *своей* жизни, *своей* любви и изгоняет нас с ангелом.

Нет, я не могу понять, почему он отказывается от нашей помощи?! Это же прямая выгода! Все для него было бы настолько проще. Мы бы защитили его в этой дурацкой человеческой судьбе. Как уже было не раз, уберегли от опасностей и нелепостей, которые на каждом шагу

могут прервать любую, самую великую, беспомощную человеческую жизнь.

Я в очередной раз покрутил головой, пытаясь засечь хотя бы отголосок существования мальчишки.

Ничего.

Научил на свою голову! И где теперь искать упрямого остолопа?..

— Мы не нужны ему, Гэл,— сказал Энджи, словно прочитав мои мысли. А может, и правда прочитал.

— Знаю. Мы ему не нужны,— повторил я и добавил то, о чем мы думали вместе, но не произносили вслух.— Это он нам нужен.

Москва — Сочи,
2003—2004

• Лучезарный •

Часть I
ХАОС

Глава 1,
в которой прошлое вдруг хватает нас за горло с новой силой

— Гэл, осторожно! — Энджи крикнул, отражая атаку самого голодного наглого калибана. Тварь зарычала. Отпрыгнув, увернулась от меча.

Мог бы и помолчать. Как будто без него не видно, что дело дрянь. Дурацкая ангельская манера думать сначала о других, а потом уже о себе! Никак не отучится.

Зверей имелось в наличии шестеро, на нас двоих. Не уверен, что они назывались именно так, как я сказал, но охоты разбираться не было. Длинные приземистые туловища на коротких лапах, острые когти, вытянутые волчьи морды. С языков капает голодная слюна, в маленьких глубоко посаженных глазках — жадность и нетерпение. То ли выродившиеся демоны, то ли помесь с местными зверьми.

Преследовать нас они начали три дня назад, когда поняли, что мы зашли слишком глубоко в лес, чтобы повернуть назад. Сначала прятались в кустах, принюхивались, прислушивались. Потом осмелели. Позавчера мы лишились лошадей. А сегодня калибаны, видно, решили закусить их хозяевами.

Злобно рыча, они окружили нас, облизывались, втягивали широкими ноздрями воздух. Но одним запахом добычи сыт не будешь, а твари, похоже, были прожорливыми. Я понял, что вон тот, с наглой полосатой мордой, сейчас нападет на меня — он припал к земле, напряг задние лапы... и напоролся на мой меч. Рэймский клинок распорол лохматое плечо, глубоко вошел в грудь. На руку мне хлынула черная кровь, в воздухе запахло гнилью. Зверь, завизжав, грохнулся на землю, едва не вырвав оружие у меня из руки. Остальные завыли от бешенства или охотничьего азарта и бросились на нас все вместе.

Демоноволку, попытавшемуся отгрызть мне ногу, я перерубил позвоночник, увернулся от второго, поскользнулся в луже крови, упал на колено, но успел пригнуться. Зубастые челюсти щелкнули рядом с моим ухом, а я, схватив врага за горло, прежде чем он нацелился снова, воткнул меч ему в бок. Зверь, захрипев, рухнул на меня, поливая кровью из глубокой раны и едкой вонью. С трудом спихнув его с себя, я вскочил.

Энджи добивал последнего. Вполне профессионально. Без жалости. Вот что значит хорошая демоническая школа.

Наконец враг протяжно застонал, свалился на землю, дернулся пару раз и сдох. Забрызганный кровью с ног до головы, ангел опустил меч. Перевел дыхание, огляделся. Встретился со мной взглядом.

— Ну что, ваша светлость, делаем успехи. А как же милосердие, все такое и прочие общечеловеческие ценности?

Он даже не нахмурился. Давно привык к моим легким подколам по поводу его морали.

— Ты бы предпочел, чтобы тебя сожрали? — Компаньон показал концом меча на труп с оскаленной пастью и стекленеющими глазами.— Их даже зверьми назвать нельзя. И кровь черная, как у...

— ...как у меня.— Я взял дохлого калибана за хвост, с натугой приподнял.— Хочешь снять с него шкуру и сделать плащ из моего дальнего родственника? Или предка.

Энджи брезгливо поморщился:

— Не болтай ерунду.

Я опустил зверя обратно на землю, вытер меч о его шкуру.

— Ладно. Идем. Пока еще кто-нибудь не захотел нами позавтракать...

Деревья вокруг казались мертвыми. Тонкие стволы с черно-серой корой были искривлены, изъедены лишайниками. Только на самой верхушке торчали жалкие пучки мелких листьев. Кое-где росли кусты ярко-зеленого папоротника.

Мы перебирались через кучи бурелома. Впереди, на расстоянии нескольких метров висела бледная влажная дымка — туман или испарения этой больной земли. Иногда ветер приносил стаи кусачей мошкары, сладковатый запах разложения и странные звуки, больше похожие на стоны привидений, чем на голоса зверей. Ноги по щиколотку проваливались в рыжий мох.

Кровь полудемонических тварей засыхала на моих руках и одежде. Мы воняли на весь лес, как целая стая калибанов. Вокруг вились жирные наглые мухи, Энджи раздраженно мотал золотоволосой головой, отмахиваясь от них, и прибавлял шагу. Я начал почесываться — кожа под слоем грязи зудела.

Говорить не хотелось. Гнилые сучья, все время попадающиеся под ноги, раздражали меня, пейзаж наводил тоску, а Энджи со своим предчувствием, где надо искать Атэра, бесил. И когда мы наконец добрели до мелкого ручейка, бегущего по дну оврага, мое терпение уже давно дало глубокую трещину.

Я влез в воду прямо в одежде. Растянулся на дне, с наслаждением чувствуя, как прохладные струи смывают кровь и грязь. Вот уж правда— несколько тысячелетий в обществе ангела кого угодно приучат хотя бы к минимальной чистоплотности.

Энджи умывался выше по течению.

— Думаю, они больше не сунутся,— сказал я громко, стараясь перекричать плеск воды.— Мы их хорошо потрепали.

Ангел нечленораздельно промычал что-то в ответ. Похоже, соглашался...

Более-менее чистые, мы поднялись вверх по течению, набрели на сухую полянку и упали на траву. На сегодня наше путешествие было закончено.

Ночь наступила внезапно. Как будто кто-то наверху задул светильник. Несколько минут — и воцарилась полная темнота. Я сидел возле дерева, привалившись спиной к шершавому стволу. Лес скрипел, кряхтел, трещал птичьими голосами, булькал болотом, бормотал и завывал. Слушая эти звуки, я задремал...

Меня разбудила тишина. От земли тянуло холодом. Пахло сыростью, мокрой трухой, прелыми листьями. Сквозь ветви поблескивали звезды. Знакомые созвездия казались слегка перекошенными. Костер давно погас, но я отлично видел во мраке. Энджи крепко дрых, завернувшись в плащ. Если бы не тихое дыхание, можно было подумать, будто он умер. Или, как там у них говорят? Успокоился. Потому как, по ангельским понятиям, отсутствие движения — это смерть. То есть покой.

Я не стал его будить. Хотя пора, сейчас моя очередь спать. Крошечная звездочка, в прежние времена сидящая на конце копья Погонщика, скрылась в ветвях дуба. Раньше, пять тысяч лет вперед, она скользила над вершинами деревьев, не спускаясь ниже. Но, как говорит Энджи, мир изменился. Даже его созвездия кажутся чужими.

От глубоких ностальгических размышлений меня отвлек шорох и тень, мелькнувшая за деревьями. Незаметно положив ладонь на рукоять меча, я локтем толкнул соратника. Ангел резко вскинул голову:

— Что?..

— Кто-то бродит.

— Где?

— За теми деревьями.

Он сел, придвинул ножны и стал всматриваться во тьму в указанном направлении. Не знаю, как у их светлостей с ночным зрением — но я-то отлично различал очертания деревьев, кустов и камней. Однако косматая приземистая тень, мелькнувшая среди них минуту назад, больше не показывалась.

Энджи выпустил меч. Забавная у него появилась привычка, чуть что — хвататься за оружие. На меня насмотрелся. Еще бы. По-другому в демонском мире не выживешь. Раньше ангелок был более беспечен и надеялся исключительно на колдовство. Но теперь мы с ним оба магические калеки, поэтому приходится рассчитывать только на свои уши, глаза, ноги и спину. Вывозить на собственном хребте все неприятности, в которые мы мастера вляпываться.

Энджи повернул ко мне бледное лицо.

— Гэл, а ты уверен? — Вопрос прозвучал мягко, но я почувствовал себя уязвленным.

— Хочешь сказать, мне приснилось?!

Он давным-давно привык к моим вспышкам раздражения, поэтому лишь пожал плечами в ответ. Подобное равнодушие действовало на меня всегда одинаково. Успокаивало. Какой смысл беситься, если собеседник никак не реагирует, не вступает в пререкания и не оправдывается.

Некоторое время я продолжал, напряженно обозревая окрестности, прислушиваться, но в конце концов действительно был вынужден признать — никого. Показалось.

— Да-а, поставили бы сейчас охранное заклинание... Как раньше. Ни одна тварь бы не сунулась.

— Как твоя спина? — спросил Энджи, игнорируя мои размышления. Он предпочитал не сожалеть о невозможном.

— Как всегда.

Я машинально почесал лопатки о дерево. Под зудящей кожей по-прежнему мирно спала личинка «гриэльского мрамора». Эта дрянь не давала мне сплести даже самое простое заклятие, пожирая магическую энергию. Хорошо хоть на врожденную способность к оборотничеству не влияла. Но предоставляла мне всего два выбора. Колдовать и оказаться в конце концов сожранным своим «наездником». Или вообще отказаться от чародейства и жить словно простой смертный.

Естественно, как всякий нормальный демон, я выбрал второе. Самоубийцы среди нас вообще встречаются редко. Хотя знавал я одного ненормального, которому ради новых знаний и могущества оказалось не жаль не только собственной шкуры, но и благородной сущности наивысшего темного. Хозяина. Мотается теперь по земле, перерожденный в человека. Доэкспериментировался...

— Нам надо ехать в Эллиду.— Энджи смотрел на звезды с таким видом, словно это они только что подали ему сию гениальную идею.

— Куда?!

— В Эллиду,— невозмутимо повторил ангел.— Атэр должен быть там. Или скоро приедет.

— Что, утраченные способности вернулись? Или неожиданное прозрение?

Приятель отрицательно качнул головой:

— Нет, но думаю, он должен отправиться именно туда.

— Ну да, Арэлл же элланка. А он таскается за ней как привязанный.

— Ей нужна армия,— задумчиво произнес Энджи.

— Знакомая проблема. Помнится, Буллфер тоже искал войско.

— И нашел.

— Ну да. Только здесь нет «Белых щитов». Раз нет самих ангелов — то у них не может быть потомков.

— Это неважно. Она найдет того, кто пойдет за ней.

И такая уверенность звучала в его голосе, что мне стало тошно.

— Ага, насобирает таких же влюбленных идиотов, как Атэр?.. Из-за собственной ереси Буллфер реинкарнировался в человека, чтобы теперь

бродить за девицей, которая мечтает уничтожить демонский мир, которым он же и управлял! Бред!

Энджи улыбался. Его забавляло мое отчаяние.

— Не вижу ничего смешного! Ты бы лучше меня пораньше в это посвятил...

— Разве я мог лишить тебя удовольствия встретиться с Хозяином во времена его молодости?

Ехидничает. Издевается!

— Знаешь что?! Хватит меня третировать! Помню твои дурацкие рассуждения — свобода выбора и прочий бред! Ты с самого начала знал, что мы попали в прошлое! Естественно, предвидел будущую встречу с молодым Буллфером. И вынудил меня выбирать между двумя хозяевами — настоящим Высшим демоном и перерожденным смертным.

— Ты еще скажи, я ритуал специально провел, чтобы превратить его в человека,— устало отозвался Энджи.

— Не удивлюсь.

— И рукопись с описанием Бесценной Награды в библиотеку подсунул тоже я. Хватит, Гэл. Не было у тебя никакого выбора. Мы оба связаны с Атэром. С самого начала. И должны помочь ему.

Вдалеке послышался долгий тоскливый вой, переходящий в глухое голодное ворчание. Его подхватили ближе. Потом заголосили справа... Скоро весь лес вопил и рычал, а я почувствовал, как шерсть на загривке становится дыбом.

Минут через двадцать концерт закончился. Когда последнее гулкое эхо прокатилось по лесу, я молча накрылся плащом, ткнулся головой в относительно мягкую кочку, поросшую мхом, и закрыл глаза.

Странные сны снились мне в последнее время. Черные провалы и куски белого, слепящего пространства. Бездны, заполненные клубящимся дымом, звезды, бурлящие огненные потоки, каменные острова, висящие в пустоте. Глубины, которые показал Энджи, когда учил пользоваться нестабильной мерцающей энергией — единственной доступной мне для сотворения заклинаний. Чужой, убийственный, но такой притягательный мир. Хаос...

Ангел разбудил меня на рассвете. Мы встали и снова пошли, по щиколотку проваливаясь в рыжий мох и спотыкаясь о сучья. Серые сумерки медленно отползали в чащу...

Настроение было отвратительным. Несколько раз начинал накрапывать мелкий дождик. Я не выспался, хребет по-прежнему чесался. Казалось, паскудная личинка, копошится под кожей, устраивая себе уютное гнездышко. А еще спиной я постоянно чувствовал настороженный враждебный взгляд. Несколько раз резко оборачивался и заметил наконец призрак, мелькнувший в серой пелене.

Я выразительно глянул на компаньона. Тот кивнул утвердительно, и мы прибавили шагу. Опять сели на хвост, твари. Я шел, представляя, какое заклинание можно было бы испробовать на преследователях.

«Цепную молнию», пожалуй. Жахнет сначала по одному, а потом пойдет прицельно бить по всем остальным. Канва магического действия уже висела перед глазами, но дрянь у меня под шкурой угрожающе заерзала.

«Ладно... ладно. Не буду!»

Энджи, идущий на шаг впереди, резко остановился, и я едва не вмазался в него. Из тумана медленно выступил здоровенный зверь, больше полутора метров в холке. Мощные лапы, длинный голый, как у крысы, хвост, в красных глазках не звериная сообразительность. Вытянутая морда с маленькими круглыми ушами покачивалась из стороны в сторону.

Я выхватил меч, ангел сделал то же самое. Но тварь не спешила нападать. Она наклонила голову, громко втянула воздух широкими ноздрями, разинула пасть и... заговорила. Медленно, с трудом, но внятно:

— Идите... за мной.

— Ну да,— пробормотал я тихо.— Уже бежим.

— Мы не сделаем... ничего... — продолжил зверь утробно.— Проводим. Ждет.

— Гэл, их девять,— шепнул Энджи.— Пять впереди и четыре сзади. Не делай глупостей.

«Глупость я уже сделал, основную — связался с тобой»,— подумал я и сказал громко:

— Кто нас ждет?

Хищник помотал башкой, словно отгоняя мух:

— Проводим... не тронем. Смерть наших братьев... прощаем.

— Идем,— решил Энджи.— Посмотрим, кому мы понадобились.

Понятно — ангельское любопытство! А я, признаться, надеялся, что он от этого уже избавился. Так нет, опять тянет на приключения.

— Может, один сходишь, а я тут подожду?

Энджи не обратил внимания на мое ехидство.

— Они могли напасть ночью, когда мы спали, но не сделали этого. И не хотят мстить. Разумнее пойти с ними.

Эх, если бы я мог колдовать! Однако я не мог...

— Ладно, пошли.

Зверь-проводник захлопнул пасть, повернулся к нам хвостом и потрусил вперед, поминутно оглядываясь. Мы направились следом. Его сородичи, едва видимые в тумане, взяли нас в кольцо — то ли почетный эскорт, то ли конвой.

— Нам с ними не справиться,— тихо сказал партнер и добавил как бы между прочим: — Ты же не дал мне второй меч.

Второй меч ему! Сначала с первым обращаться научись! Все мое имущество, нажитое в Великом Рэйме, заключалось в двух балтусах — один был куплен на свои деньги, другой выдали на службе в императорской гвардии. Ну, еще было в собственности немного денег, выигранных в кости, и простая лорика. У Энджи имелся свой клинок, но ангел продолжал донимать меня, что с одним несподручно. Сказал бы я, чего ему не хватает!..

— Ты у нас кто? Целитель? Вот и не выпендривайся. Боевым стать захотелось? Видел я твою Арэлл, или как там ее по-вашему зовут! Абсолютно помешанная. Ненормальная. Если все ваши светлые воины такие... короче, второй балтус не получишь, а то сам свихнешься!

Он рассмеялся, хотя ничего веселого я не сказал.

— Не волнуйся, я не потеряю рассудок. Но за заботу спасибо.

Тоже мне, пообещал.

Туман рассеивался. Подул ветер, сквозь облака проглянуло солнце, и мрачный лес перестал выглядеть мертвым. Мох на стволах деревьев быстро подсыхал и уже не напоминал космы утопленников. Папоротник жизнерадостно зазеленел, капли на его резных листьях поблескивали в ярких лучах. Кора искривленных древесных стволов, изъеденных лишайниками, казалась разноцветной: рыжей, бурой, серой. Сильно пахло какой-то травой. Если вдохнуть поглубже, начинало першить в горле, рот наполнялся вязкой слюной, и щипало в носу.

Звери, окружающие нас, поминутно фыркали. Им тоже не нравился этот запах.

Энджи, наоборот, просветлев лицом, поглядывал по сторонам, дыша полной грудью. На ходу наклонившись, он сорвал веточку с узкими глянцевыми листьями. Я хмыкнул:

— Это что?

— Лесной мирт. Чувствуешь, какой аромат?

— Мерзкий.

— Ах да.— Ангел убрал вонючий росток за пояс — вечно подбирает всякую дрянь.— Демоническим созданиям он неприятен так же, как можжевельник и сандал.

— Очень любезно с твоей стороны напомнить мне об этом.

Мха становилось все меньше, и постепенно он исчез вообще. Мы шли по слою прелых листьев. Кое-где виднелись камни — гладкие черные валуны как будто вылезали из-под земли. Древесные стволы мощными отполированными колоннами подпирали небо. Бледный свет был рассеян среди деревьев, и мы шагали, словно по дворцу. Помнится, в подземельях Буллфера была пара похожих залов. Великолепных и подавляющих своим величием.

Звери приободрились. Здесь им явно было привычнее. Энджи настороженно посматривал по сторонам, а я чувствовал странное раздвоение. Все вокруг казалось знакомым и чужим одновременно.

Впереди появилось внушительное нагромождение камней. Между ними чернел проход.

— Туда,— прорычал проводник и оскалился.— Там. Ждет.

Энджи взглянул на меня с легким сомнением, но уверенно двинулся к странному ходу. Я поплелся следом. Двое зверей пошли за нами, остальные уселись снаружи.

На стенах узкого коридора с низким сводом виднелись разводы зеленой плесени. Было промозгло, тянуло затхлостью, и с каждым шагом становилось все темнее.

— Не нравится мне здесь,— пробормотал ангел.

Еще бы! Это тебе не миртовые кущи.

Больше всего я опасался встречи с Высшим, хотя их присутствие обычно чувствовал издалека. Здесь пока было «спокойно». Звери, крадущиеся за спиной, тихо пофыркивали. Разговаривали? Или посмеивались над двумя дураками, лезущими в ловушку?

Впереди мелькнул тусклый свет. Потолок стал выше, и вскоре мы вышли в просторную пещеру. В ней было сухо, прохладно. Сверху, из невидимого «окна», падали рассеянные солнечные лучи, будто пробивающиеся сквозь листья деревьев или толстое мутное стекло. По полу был рассыпан мелкий белый песок.

Прямо напротив входа стоял трон, сложенный из отполированных черных глыб. И на этом подобии престола я увидел странное существо. Лицо получеловека-полузверя было обтянуто сухой кожей, прорезанной глубокими морщинами. Тонкий, почти безгубый рот приоткрыт. Узкие глаза отсвечивали красным, остроконечные волчьи уши торчали из «волос» — клочьев серой и черной длинной шерсти. Руки и ноги напоминали длинные узловатые корни, а пальцы, вцепившиеся в «подлокотники» трона, заканчивались длинными когтями.

Не демон, хотя в нем чувствовалось нечто демоническое. Не человек. Не животное.

Пока мы с Энджи, открыв рты от удивления, рассматривали незнакомца, он глянул на калибанов, и те, словно повинуясь мысленному приказу, подошли к каменному трону, ложась по обе его стороны.

Взгляд красных глаз переместился на нас.

— Как мило, что вы нашли время заглянуть ко мне.— Он говорил медленно, хрипло, с напряжением.

— Кто ты? — спросил Энджи.— Один из Древних?

Тощее тело, завернутое в пурпурную ткань наподобие тоги, шевельнулось. Вукодлак рассмеялся тихим, шипящим смехом:

— Тебе судить, ангел, шесть тысяч лет — древность или нет.

— Зачем ты позвал нас?

— Поговорить. Приятно видеть родственников.

— Какие мы тебе родственники?! — брякнул я не слишком вежливо. Тип в пурпуре начал меня злить. Дурацкая манера делать вид, что знаешь все, но ничего не объяснять.

Хозяин подземелья сверкнул очами:

— Ты не поверишь, насколько близкие. Демонская кровь всегда давала мне молодость и силу. Я мог бы прожить очень долго. Но не шесть тысячелетий!

Он стукнул кулаком по подлокотнику трона и с бешенством посмотрел на ангела:

— Знал бы ты, как я ненавидел тебя!!

— За что? — В голосе Энджи мне послышалось удивление.

— Так же, как и вы, я год за годом погружался в прошлое. Но, в отличие от вас, понимал это. Видел, как поднимаются из руин разрушенные замки демонов, как темные обретают неслыханное могущество, как стираются легенды. Я не хотел ничего этого знать! Я хотел дожить свою собственную жизнь, но из-за тебя мне пришлось пережить падение и наблюдать возрождение империй.

— Кто ты такой? — резко потребовал я ответа.

Незнакомец перевел взгляд на меня. Безумие светилось в его глазах.

— Ангел скован с Буллфером ритуалом. Ты — обещанием верно служить. Я — преданностью и предательством. Я часть его духа, во мне доля его силы, знания, которые он мне дал.

Он наклонился вперед и прошептал доверительно:

— Это я помог Хул достать Рубин Карашэхра. С моей помощью она вынесла его из Огненного мира и убила Буллфера в тот самый первый раз.

— Ах ты, гад! — Я не успел выхватить меч. Звери, лежащие у трона, вскочили, грозно рыча, но их защита не понадобилась. Вукодлак взмахнул когтистой лапой, и невидимая сила швырнула меня на пол, придавив к песку.

— Не трудись,— произнес предатель равнодушно.— Я бы и рад умереть, но не могу. Ты должен видеть моего кера. Не видишь? Жаль. Забавное зрелище. В некотором смысле он тоже изгнанник. Падальщик чует мою смерть, а я все никак не лягу в могилу. И ему приходится ждать. Уже шесть тысяч лет ждет. Скоро сам сдохнет.

— Ты демон? — спросил Энджи, не обращая внимания на мои попытки стряхнуть с себя магические путы.

— Хуже. Наполовину — человек.

С моей точки зрения, на человека он был похож не больше, чем его слуги. Но моим мнением никто не интересовался. Более того, я понял, что не могу произнести ни слова. Оставалось тихо дожидаться, когда меня посчитают достойным свободы.

— Как ты узнал про ритуал? — как ни в чем не бывало продолжил ангел мирную беседу.

— Шесть тысяч лет — достаточный срок, чтобы собрать нужную информацию. Но недостаточный, чтобы постичь, как все исправить.

— Чем я могу тебе помочь?

Полудемон не расхохотался в ответ на глупейшее предложение. Он задумался.

— Раньше я хотел отомстить тебе. Теперь желаю узнать, чем все закончится.

Универсальным движением руки он снял с меня заклинание. Стараясь не делать резких движений, я поднялся и наконец смог произнести то, что давно собирался:

— Все просто, Энджи. Это мания величия. Чудила сидит в норе и упивается собственным могуществом. Ну и как отблагодарила тебя Хул за предательство Булфа?! Поделилась властью? Или денег отсыпала?!

Вукодлак медленно поднял когтистые лапы, раздвигая пурпурную ткань на груди. Я увидел глубокую рваную рану. Плоть была разодрана и казалась воспаленной, все еще сочащейся болью. Энджи дернулся, но я крепко взял его за плечо, а то еще лечить бросится.

— Такие «царапины» оставляет огонь Рубина. Они практически не заживают,— задумчиво произнес предатель.

— А ты чего ждал? По мне, так красотка Хул никогда не отличалась благодарностью. Надо было соображать, с кем имеешь дело.

Я постарался, чтобы злорадства в голосе звучало как можно больше. Но полудемон посмотрел на меня как-то странно. С презрительной жалостью, будто на умственно отсталого. И сразу же переключил внимание на ангела.

— Чего ты хочешь? — невозмутимо повторил Энджи.

— Я думал над этим... — Странный безумец опустил голову, рассматривая рану, пересекающую грудную клетку.— Уничтожить Рубин. Убить Хул. Убить тебя... Я тысячелетия копил энергию и знания. У меня нет мощи Высшего демона, но реальная сила есть. И я хочу все исправить. Помочь исправить.

Он опустил когтистую руку на голову одного из зверей. Тот довольно заурчал и зевнул, показывая черную пасть.

— Кому ты хочешь помочь? — вмешался я.— Которому из Буллферов? Сейчас их двое.

— Настоящему,— ответил вукодлак, демонстрируя в ухмылке длинные клыки.

— Ну и кто из них настоящий?

— А это я решу сам.— Его улыбочка стала ехидной и злой.

— Отлично. Значит, наше содействие не требуется. Приятно было поболтать. Всего хорошего, можешь оставаться и дальше продумывать планы спасения мира. А у нас свои дела. Идем, Энджи.

Я повернулся к хозяину пещеры спиной и пошел прочь, уверенный, что ангел последует за мной. Но не успел сделать даже нескольких шагов, когда прямо перед моим носом на пол обрушилась каменная плита, закрывая выход.

— Было бы неразумно отпускать вас так быстро,— задумчиво произнес полукровка.— У нас еще найдется о чем поговорить.

Едва не зарычав от бешенства, я развернулся:

— Открой дверь!!

— А то что? Вы оба — абсолютно беспомощны. Забавно, как изменился мир. Вы лишились магии, растратив ее на пустяки, а я приобрел силу. Успокойся, оборотень, ты ничего не можешь сделать. Считай себя моим гостем.

Глава 2,
где мы с Энджи видим будущее

Я проснулся оттого, что кто-то обнюхивает мое лицо. Громко, с причмокиванием втягивает воздух и выдыхает обратно, горячим ветерком обдувая шею. Схватившись за меч, я вскинулся, но увидел только черный, мокрый, подергивающийся нос. Потом — оскаленную пасть с высунутым языком и наконец звериные глаза, наполненные не звериным любопытством. Пробуждение, скажем, не в самой приятной компании...

Не сообразив спросонья, что тварь может запросто откусить мне руку, я отпихнул серую морду:

— А ну, пшел отсюда!

Калибан фыркнул, сделал шаг назад и уселся на пол, метя по камням голым длинным хвостом.

Я поднялся, оглядел каменную тюрьму. Энджи не было.

— Эй ты! Где мой друг?

— Ушел,— вполне внятно ответил зверь.

— Куда?!

— Он говорит с Богом,— важно заявил калибан, почтительно покосившись на стену.

— Отлично! Просто великолепно! — Я сел на прежнее место и в бессилии несколько раз стукнул затылком о каменный свод пещеры.

Мы находились «в гостях» у полукровки уже несколько дней. Я чувствовал, что скоро озверею от безделья и неизвестности. Определенно, хозяин подземелий был ненормальным. Впрочем, это неудивительно, если учитывать, сколько лет он прожил в одиночестве. Этакий осколок древности — будущего, превращенного заклинанием ангела в прошлое. И понятно, почему он свихнулся. Демонская сущность может существовать тысячелетия, как и ангельская. Но не людская.

Человек сходит с ума, его убивает собственная память. И хотя часть темной сути должна была помочь вукодлаку выжить — думаю, нелегко тащить за собой из века в век полудохлого человека, мечтающего о смерти и покое. Душевное здоровье это исключает.

Мы с ангелом так и не поняли, что надо безумцу. Похоже, убивать нас он не собирался. Разговаривать тоже не желал... до сегодняшнего дня. Кормил, давал воду и, видимо, ждал чего-то.

— Эй,— окликнул я зверя. Тот с готовностью привстал, мотнул хвостом, показывая, что не прочь поболтать.— Имя у тебя есть?

— Есть,— ответил он с гордостью.— Лубан.

— Слушай, Лубан, кто такой твой бог?

— Наши предки говорят — он пришел издалека. Принес в себе отсвет огня и мудрость для всех,— охотно пояснил калибан.

Неплохо он говорил. Гораздо лучше тех, что напали на нас в лесу. И, судя по повизгивающему тенорку, был еще совсем молодым. Недавний щенок.

— А дальше? Пришел и?..

— Выбрал самых сильных, умных. Повел за собой. Привел в эти леса. Стал учить. Способным давал лучших самок, чтобы они создавали семьи.

Ясно, выводил новую породу. Молодец, ничего не скажешь.

— Детей забирал и тоже учил. И все стали умными.

— Хм. Ну? Нравится тебе быть умным?

Зверь засопел, шумно вздохнул и признался:

— Тяжело. Лубану нравится Пуна, и Болто — тоже. Раньше оба сразились бы, и самка досталась самому сильному. Теперь Бог говорит — Пуна посмотрит и сама выберет. А она уже месяц выбирает. Все никак не выберет. И кусается... — Несчастный влюбленный взвизгнул от недавней обиды, потер лапой нос.

Я усмехнулся:

— Ясно. Ну а еще какой-нибудь прок от этого ума есть?

— Конечно,— заявил зверь серьезно.— Самые-самые умные и усердные попадают в обильные земли, куда их отводит Бог в награду за старательность. Там много жирных кроликов, воды и полей, где можно бегать...

Внезапно калибан замолчал, насторожившись. Вскочил. Я положил ладонь на рукоять меча, хотя толку от него было мало. Часть стены отошла в сторону, и в узком коридоре появился Энджи.

Ангел угрюмо вошел в пещеру, сопровождающий его зверь что-то буркнул Лубану, тот кивнул, фыркнул и вышел в образовавшийся ход вместе с лохматым собратом.

Мой компаньон устало опустился на пол, вытянул ноги и закрыл глаза.

— Ну? — спросил я, внимательно его рассматривая.

— Что? — сухо осведомился он.

— Чего он тебе сказал? — терпеливо уточнил я, хотя хотелось дать Энджи хорошего пинка за медлительность. Мог бы сам рассказать, а не ждать, пока из него вытянут все по слову.

— Он хочет, чтобы мы ему помогали,— нехотя ответил ангел и посмотрел на меня вопросительно.

— Да?! Помогали?.. А он не желает, чтоб мы встали на четвереньки, отрастили хвосты и стали бегать в стае вместе с его слугами?

Энджи улыбнулся, видимо представив эту живописную картину. Но мне было не до веселья. Бешенство кипело в горле, и, если бы калибаны не смылись предусмотрительно, я бы выместил злобу на комнибудь из них.

— Мы должны ему помогать?! Этому гаду?! Он держит нас здесь, как тараканов в банке, и еще ждет помощи. А не пошел бы он...

Энджи спокойно наблюдал, как я бурлил, клокотал и переливался через край. Не вмешиваясь, не задавая лишних вопросов. Это была правильная тактика. Я успокоился немного, а потом, подавляя раздражение, спросил:

— И какая помощь, интересно, ему нужна?

— Он хочет знать, что было в самом начале.

— В самом начале чего?

— Мира. Он хочет вернуться в прошлое.

— Извини, но это звучит, как полный бред! Мы и так в прошлом. Вот оно — начало.

Ангел поднялся и принялся ходить по камере из угла в угол. Похоже, он сам не все понимал или не мог объяснить нормально.

— Гэл, ты знаешь, что такое Хаос?

— Представляю.— Я кивнул себе за спину: — Часть его у меня под шкурой.

Энджи отрицательно покачал головой, не замедляя шага:

— Хаос — это место, где есть все. Куски пространства, грубой неоформившейся материи, высокочастотные энергии, сгустки тьмы и потоки времени. Последнее — материально, и в Хаосе есть места, где оно может оставлять следы. Как отражение в зеркале. Те, кто умеет видеть будущее или глубокое прошлое — люди называют их провидцами,— сливаются мысленно с этими «зеркалами», черпают оттуда знания и видят картины. Пусть отрывочные, смутные, непонятные, но все же видят!

— Не хочешь ли ты сказать...

— Он считает, что может увидеть прошлое сам и должен помочь сделать то же самое Буллферу, поскольку крепко связан с ним.

— Зачем?!

— Говорит, это спасет Буллфера, Атэра, тебя, меня и его самого.

— Слушай, Энджи, а тебе не кажется, что он немного того... свихнулся за прошедшие тысячелетия?

Ангел вытащил из-за пояса засохший стебель лесного мирта, задумчиво повертел в пальцах.

— Не знаю. Иногда он ведет себя странно, а иногда... Он очень страдает. Верит в свои слова и невольно заражает своей верой.

— Тогда понюхай эту твою вонючую травку и приди в себя.

— Он хочет, чтобы мы довели его до Хаоса.— Энджи слегка повысил голос, словно пытаясь заглушить мое недоверие.

— Ага. Вот только пообедаю, а потом посажу его себе на спину и сгоняю прямо до места. К ужину как раз успеем вернуться.

— Гэл!

— Что Гэл?! Что Гэл?!! Это невозможно!!! Я и в лучшие времена не мог попасть в Хаос! Телепорт туда не откроешь, крыльев у меня нет, колдовать мы не можем оба.

— Я мог бы использовать скрытые резервы,— пробормотал ангел.

Посмотрите на него! Скрытые резервы! Откуда, интересно, они возьмутся?

— Для этого даже не нужна магия,— продолжал он, глядя мимо меня в пустоту.— Мы сможем перемещаться из одного пространства в другое, пока...

— Пока не сдохнем. Знаешь, в чем твоя беда? Ты, как все ваши светлые, одержим жаждой новых знаний. Экспериментаторством! И

ради него готов сунуться хоть в бездну, хоть к Некросу на рога. Тебе самому до смерти хочется заглянуть в это идиотское начало времен! Но я, хоть убей, не понимаю, как это может спасти Буллфера и от чего.

— Он движется в прошлое вместе с нами.— Энджи уселся рядом со мной, сунул мирт обратно за пояс.— Как ты считаешь, зачем? Что он должен увидеть? Понять? Изменить? Что ему нужно найти?

Я сердито пожал плечами.

— И я не знаю,— кивнул ангел.— И он — тоже. Нам надо узнать это. Хватит метаться впустую. Атэр не хочет принять нашу помощь, потому что мы не знаем, как ему помочь. Все гораздо серьезнее нашего с тобой соревнования — «перемани аватару Буллфера на свою сторону». Наша цель — не воспитывать его по своему подобию. Никто не должен его учить. Ему самому надо понять, что делать. Ты понимаешь, о чем я?

— Частично. Ты полагаешь, у него здесь какая-то важная миссия? — Я с издевкой выделил последнее слово, но компаньон, похоже, не заметил этого.

— Мне начинает так казаться.

— Нет, погоди! Значит, мы просто без толку болтаемся рядом, и все наши мучения — пустая трата времени?! Но тогда это несправедливо! Выходит, мы ему не нужны! Совсем! И никогда не были нужны.

— Именно это я хочу узнать, Гэл.

— Ладно. Скажи мне одно — если я откажусь идти с тобой, ты отправишься сам?

— Да,— ответил он тихо, но со своей обычной каменной упертостью высшего светлого существа.

— Отлично! — Ни на что другое я и не рассчитывал.— Тогда еще вопросик. Откуда полудемон знает о тех местах в Хаосе, где отражается время?

— Он видел их раньше. И показал мне сейчас. Всего лишь обрывки, смутные образы.— Энджи медленно повел рукой, как будто разгоняя пар или туман, клубящийся перед лицом.— Ничего нельзя понять. Нужно быть ближе, чувствовать временной поток. Погружаться в него.

— Он показал тебе прошлое?

Ангел устало потер лоб, вздохнул и отозвался нехотя:

— Сначала прошлое, а потом — будущее, из которого мы пришли.

— И что ты там увидел?

Энджи помолчал, как будто вспоминая. Потом очень тихо ответил:

— Ничего.

— Что значит ничего?

— Это значит — пустота, темнота, безмолвие...

Некоторое время мы сидели молча. «Пустота. Темнота. Безмолвие». Правда это или безумный бред свихнувшегося полудемона? Ловкий обман ради убийственного путешествия в Хаос? Хочет всех спасти, вернув в прошлое? Или окончательно это прошлое поломать? А может, шутки у него такие?!

— Мне надо поговорить с ним самому.

— Не веришь мне? — утомленно поинтересовался Энджи. Пожалуй, я видел его таким измотанным только после падения Белого города несколько тысяч лет назад. В глубоком будущем, которого, как он говорит, больше не существует.

— Хочу убедиться сам. Слушай, откуда ты знаешь, что он не наврал тебе?! Или что эти видения — не ловкий трюк?! Да и вообще, последствия одного-единственного, жалкого ритуала не могут быть такими страшными. А потом, я же помню будущее, значит, оно не могло исчезнуть до конца.

Энджи криво усмехнулся:

— Хотел бы разделять твой оптимизм.

Я поднялся, подошел к стене и стукнул по ней кулаком:

— Эй, ты, как там тебя! Могу я хотя бы знать, что происходит, перед тем как соваться в Хаос?!

Камень дрогнул под моей рукой, разошелся в стороны, и я невольно отступил назад. Хозяин подземелья направлялся к нам собственной персоной. Передвигался он довольно своеобразно — держась за шеи двух мощных, рослых калибанов, с трудом переставляя тонкие, высохшие ноги. Звери ступали осторожно, медленно, стараясь не тряхнуть господина, приноравливаясь к его шагам. И это полудохлое убожество собирается в Хаос?!

Я почти с сочувствием наблюдал, как маг-полукровка устраивается на полу, прислонившись спиной к одному из зверей. Наконец он уселся и заявил хрипло:

— Я требую помощи не для себя, а для вас самих.— Красные глаза встретились с моими: — У тебя есть сомнения, оборотень? Твой друг тоже колебался до тех пор, пока не увидел. Хочешь увидеть сам? Убедиться?

Он щелкнул пальцами, и в воздухе передо мной открылось магическое «окно». Через такое можно наблюдать за происходящим в соседней комнате, или на расстоянии в сотни миль, или даже (если хватает магического потенциала) в других мирах.

Сначала экран отражал только темноту. Я тупо таращился на плоский черный квадрат, как будто вырезанный из угольной бумаги. Потом в центре загорелась крошечная точка, и сейчас же видение приобрело глубину. Я понял, что смотрю в бездну, подсвеченную далеким огнем.

Полудемон шевельнул когтистым пальцем. Свет стал приближаться, а вместе с ним сверху, сбоку, снизу возникали бесформенные сгустки, обломки... полосы пыли, мерцающие, словно пригоршни алмазной крошки, реки жидкого огня, текущие рядом с застывшими кусками света. Покачиваясь на их волнах, проплыла скала, на которой возвышались развалины белого храма. Я успел разглядеть даже плеть зеленого винограда, уцепившуюся за обломок колонны.

Потом картинка смазалась: камни, сверкающая пыль, дорожки света и тьмы перемешались. Стало невозможно понять, где заканчивается

одно и начинается другое. Казалось, «окно» вибрирует от силы, льющейся с той стороны. Тварь под моей шкурой шевельнулась, словно чувствуя это.

Колдун повел рукой, смещая ракурс обзора, и я увидел каменную громаду. Нечто невероятное, сложенное из неровных глыб. Между ними виднелись провалы. Некоторые были затянуты мерцающей сетью — ее шестигранные ячейки казалась сплетенными из серебряной проволоки, как соты в улье. Сеть подрагивала, словно от порывов ветра.

— Есть легенда,— полунасмешливо-полусерьезно произнес колдун,— что когда все зеркала окажутся сплетены воедино, вернется творец этого мира. Он станет смотреть в каждое, чтобы с помощью временных отражений познать самого себя, и время остановится. Для всех ныне живущих это будет означать конец.

— Бред!

Я незаметно перевел дыхание, все еще оглушенный увиденным. Покосился на ангела. Тот сидел неподвижно, с отсутствующим видом.

— Может быть,— не стал спорить полудемон.— Но пока у тебя еще есть возможность заглянуть и в будущее и в прошлое.

Теперь я смотрел в одну из ячеек, выстроенную какой-то пчелой Хаоса. В черную пустоту, окруженную серебряной шестигранной рамой.

Я не успел понять, что хочу увидеть — прошлое, будущее или настоящее, как вдруг в «окне» появилась картина: заросшее черными ветвистыми кристаллами поле. Их отростки топорщились во все стороны тонкими колючками, с низкого неба лился серый свет, бежали клубящиеся облака.

Неожиданно одно из кристаллических «деревьев» задрожало. От толстого основания к вершине побежала трещина, и оно раскололось, осыпалось на землю множеством мелких осколков. В этот момент я увидел того, кто его разбил — тощего демона с израненными боками, и в его оскаленной морде с удивлением узнал собственные черты. «Моя» кровь, сочась из порезов, скатывалась вниз, но не долетала до земли, испаряясь в воздухе, превращаясь в струйки дыма, которые текли назад по следам беглеца.

Я присмотрелся и с содроганием увидел, что они вливаются в черную жуткую бесформенную фигуру, плывущую за «мной» на расстоянии нескольких метров.

При взгляде на эту тварь в животе вдруг похолодело, сердце заколотилось почти у горла, и заныли ребра, как будто я мчался вместе с тем, похожим на меня.

Чем быстрее он бежал, с ужасом оглядываясь через плечо, тем сильнее ранился о кристаллы, и тем больше крови-дыма втекало в черного призрака, скользящего следом.

«От себя не убежишь»,— неожиданно пришло мне в голову, и картина тут же погасла. Ячейку затянуло туманом. Вукодлак щелкнул пальцами, гася «окно».

Некоторое время я сидел в отупении, потом спросил тихо:

— Кто это был?

— Не знаю,— отозвался маг невозмутимо.— Но ты можешь узнать, если поможешь мне дойти туда.

— Почему бы тебе не отправиться самостоятельно?

— Потому что один я не дойду.— Он злобно оскалился, не хуже своих мохнатых слуг, и зыркнул на меня раздраженно.— Ангел видит проходы в другие миры, я дам магию, а ты... Личинка хаотической твари в твоей спине укажет дорогу. Она чувствует свой дом и будет стремиться туда.

Я убеждал себя, что согласился на это безумное путешествие исключительно из эгоистичных побуждений. Так, по крайней мере, хоть совесть была чиста. Если картина, которую я видел — будущее, то оно мне не понравилось. Бегать по колючим зарослям от призрака, питаемого моей собственной кровью, не то занятие, коему я хотел бы посвятить остаток дней.

Пора подвести итог. Атэру нет до нас дела. Молодой Буллфер оказался наглой, высокомерной скотиной. Энджи предвещает конец моего родного будущего. Тварь под шкурой мешает колдовать, и мы безудержно погружаемся в прошлое. Мне оставалось только одно — принять предложение. Отправиться в Хаос и развлечься там на полную катушку. Оправдать хоть как-то собственное существование. Возвыситься над всем миром, узнать его сокровенные тайны, помочь аватаре моего бывшего Хозяина осознать себя. И понять, в конце концов, какого Дьявола нас занесло во вчерашний день?!

С помощью своих звериных слуг маг поднялся, пробормотал что-то невразумительное, и в стене перед нами открылся ход. Узкий длинный коридор, полого уходящий во тьму.

— Дорога, ведущая вниз, приводит наверх? — скептически поинтересовался я.

— Хаос не вверху,— презрительно отозвался вукодлак, цепляясь за шеи калибанов.— И не внизу, как думают некоторые невежды. Он повсюду. Там. Или там.

Он по очереди ткнул длинным когтем сначала в сторону одной стены, потом в противоположную.— Не имеет значения. Главное чувствовать, куда идти.

Я оглянулся на ангела, чтобы посмотреть, как тот реагирует на нахальное заявление полукровки. Но Энджи по-прежнему сидел неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрел прямо перед собой. Лицо его было пустым.

— Эй, приятель! — Я подошел к нему, пощелкал пальцами перед носом, тряхнул за плечо: — Очнись.

Он заморгал, приходя в себя, посмотрел на меня и сказал:

— Все хорошо. Просто я...

— Да, уже понял, ты задействовал внутренние резервы,— кивнул я.— Идем. Идем хоть куда-нибудь.

Глава 3,
в которой меня и ангела депортируют в ад

В узком коридоре едва могли разойтись три человека или два не слишком крупных демона. Было холодно. Дыхание смерзалось в легкие облака пара. На черных гладко отполированных стенах поблескивали кристаллы инея.

Мы шли в пятне света, которое на три метра освещало все вокруг. Вукодлак наколдовал его несколько минут назад и на мой вопрос, как ему удалось накопить столько магической мощи, чтобы тратить ее столь бездумно, злобно нечленораздельно рыкнул и вновь вступил в дискуссию со своим кером. Судя по брюзгливым репликам мага, его невидимый собеседник протестовал против похода в Хаос. И я был полностью солидарен с галлюцинацией нашего попутчика.

Калибаны, бережно поддерживая повелителя, чутко принюхивались, прислушивались и время от времени обменивались тихими репликами на зверином языке. Ангел бесшумно шел рядом со мной. Молчал, внимательно поглядывая по сторонам.

Коридор казался бесконечным. Слой инея на стенах стал толще и складывался в удивительные узоры, как будто кто-то шел впереди, выводя, сначала неуверенно, потом все более и более мастерски, сложные бессмысленно-красивые иероглифы колханского языка, цветы, резные листья, птиц, морды сказочных зверей.

Я невольно протянул руку, чтобы коснуться витого снежного рога оленя, выглядывающего из стены, но Энджи стукнул меня по запястью и сказал резко:

— Не трогай.

— Почему это?

Ангел вытащил меч из ножен и слегка коснулся им стены. Клинок тотчас помутнел, до середины покрывшись инеем. Вукодлак обернулся с гнусным смешком:

— Хочешь оказаться следующим экспонатом в коллекции? — Он указал на бесформенную фигуру, выступающую из белого слоя. Я разглядел человеческое лицо, шею, плечо, руку со скрюченными пальцами. Остальное тонуло в снегу.

— Твоя работа? — спросил я мага.

Тот хрипло рассмеялся:

— Нет, я не настолько сошел с ума.— Потом помолчал и добавил задумчиво: — Хотя, может, моя. Не помню...

Повеяло холодом. Морозный ветер из глубины коридора, взъерошив волосы, швырнул в лицо мелкую ледяную крупу.

— Стойте,— приказал Энджи. Все еще держа меч, он рассматривал стену, на которой застыл «рисунок» ледяной воздушной арки.— Нам туда.

— Откуда ты знаешь? — Не то чтобы я сомневался в партнере, но уточнить стоило.

— Чувствую. Здесь легкое дрожание.

— Он видит выходы в другие пространства,— снова пояснил полукровка и что-то бормотнул слугам. Те заворчали, вздыбив шерсть на загривках, с опаской уставились на стену.

Не обращая на них внимания, Энджи поднял балтус и стукнул по камню в центре арки. Я ожидал, что лезвие со звоном отскочит от скалы, но оно неожиданно погрузилось по самую рукоять. По обледеневшим глыбам прошла волна.

— Идем,— велел мой светлый друг и шагнул прямо в лед.

Я не успел даже выругаться, как его тело втянуло, остался лишь легкий морозный контур человека с мечом.

— Вперед! — приказал колдун. Звери переминались с лапы на лапу, искоса поглядывали на хозяина, но не решались. Маг злобно рыкнул, впиваясь когтями в загривки калибанов, и те, поскуливая, мелкими шажками двинулись к арке. Все трое прикоснулись ко льду и исчезли вслед за ангелом.

Я остался один. Хорошо хоть колдун свет с собой не забрал, а то мог бы оставить в темноте шутки ради. Несколько раз громко вдохнув и выдохнув, я постарался заглушить недостойную робость перед прохождением сквозь стену. Хотя Энджи, конечно, стоило постараться и открыть ворота, а не заставлять меня ломиться прямо через камень.

Поправив мечи, висящие на поясе, я совсем было собрался шагнуть вслед за остальными, как вдруг заметил неподалеку движение. Белая снежная тень отделилась от белой стены, со звуком похожим на хруст, с каким ломается тонкая корочка льда. Тут же послышался еще один такой хруст и еще. Вместо того чтобы броситься бежать, я стоял, точно болван, и глядел, как коридор наполняется призрачными фигурами.

Они плыли ко мне — полупрозрачные, легкие, похожие на снежные узоры на окне, все ближе и ближе, пока не остановились на границе магического светового круга. Если бы я мог колдовать, то швырнул бы в них огнем и растопил, но сейчас оставалось только смотреть.

Напрягая зрение, я с трудом разглядел фигуру, стоящую впереди. Это была женщина с волосами, струящимися до пола и закрывающими ее всю с головы до ног. Застывшее красивое лицо словно выглядывало из сугроба. Она качнулась вперед и произнесла, не открывая рта: «Где выход?» Тихий шелестящий голос прозвучал у меня в голове.

— У меня за спиной,— произнес я, прежде чем успел подумать, стоит ли это говорить.— Кто вы?

Ответить она не успела. Стена под аркой задрожала, и с той стороны в коридор выпрыгнул Энджи. Лицо его было суровым и мрачным, клинок в руке сиял.

— Гэл, сколько можно ждать?!

— Да тут... — Я оглянулся на белых призраков. Но коридор оказался пуст.

Вообще-то оправдываться не в моих правилах. Но сейчас, сам не знаю почему, я начал бормотать:

— Понимаешь, только что здесь была толпа теней. Они спустились со стен и...

Энджи с сомнением вздернул брови, поднял повыше светящийся меч, оглянулся по сторонам и, естественно, никого не увидел. Посмотрел на меня с легким сомнением в голубых глазах и велел:

— Шагай.

— Слушай, я действительно видел!

— Я не спорю.— Он крепко взял меня за плечо и потащил к арке. В последний миг перед переходом я, оглянувшись, увидел, как белоснежная фигура отделилась от стены и бросилась вперед, вытянув полупрозрачные руки...

Потом были несколько мгновений тишины. Уши аж заложило от нее, сердце замерло, остановилось дыхание... И сразу же в глаза мне брызнул яркий свет, лицо обдало холодным ветром. Послышался отдаленный ровный гул, и я понял, что стою посреди белой пустыни по колено в снегу.

Кое-где торчали ледяные глыбы, сверкающие на солнце. Я оглянулся, чтобы посмотреть, откуда мы вышли, и увидел высокую арку, сложенную из отполированного прозрачного льда. За ней тянулся тот же зимний пустынный пейзаж.

Энджи убрал меч в ножны, и, пронаблюдав его манипуляции, я спросил сердито:

— Ты вроде не мог колдовать? А магическую поддержку, если я не ослышался, обещал полукровка. Где он, кстати?

Ангел лишь пожал плечом в ответ, указывая на широкую тройную полосу следов, уходящую вперед.

— Значит, решил не дожидаться. А я-то думал, ему позарез нужна наша помощь.

— Идем, Гэл. Здесь холодно.

— Это я тоже заметил.

Человек на моем месте уже давно замерз бы насмерть. Но у демонов, к счастью, достаточно толстая шкура и густая шерсть. Впрочем, Энджи тоже не выглядел умирающим — контур его тела светился едва заметным золотистым сиянием, значит, ангел чувствовал себя хорошо.

Спустя минут десять мы догнали вукодлака. Его четвероногие носильщики, громко сопя, брели по снегу и послушно тащили господина, негромко бурчащего приказания или комментарии по поводу всего происходящего.

— Спасибо, что подождал,— сказал я, мило улыбаясь.

Он оглянулся со злобной гримасой и заворчал, как собака, у которой отняли кость:

— Я не намерен ждать, пока ты удовлетворишь свое пустое любопытство!

— Это не пустое любопытство! — огрызнулся я в ответ.— Я видел тени... призраки... они двигались. Искали выход.

— Выход? — переспросил Энджи заинтересованно.

— В каждом мире,— заговорил маг на удивление нормальным голосом без обычного высокомерного хеканья и хмыканья,— у существ есть свои представления о жизни после смерти. Наказывая себя за мнимые или подлинные грехи, они придумывают свой ад сами. Такова человеческая суть. Тени в коридоре попали в собственный маленький ад, где будут пребывать до тех пор, пока не найдут сил выбраться из него. Они хотят быть наказанными. Хотя у них есть шанс освободиться, они не пользуются им. Им нравится страдать. А ты не творец их мира, чтобы даровать освобождение,— закончил он неожиданно зло и отвернулся.

Я вопросительно посмотрел на Энджи, шагающего рядом. Тот лишь пожал плечами, никак не выказав сомнения в правдивости слов попутчика. Мне, впрочем, тоже безразлично, кто такие вмерзшие в стены бесконечного коридора. Хотя та женщина была очень красивой. Не знаю, как остальных, но ее я, пожалуй, освободил бы...

Калибаны внезапно остановились и одновременно зарычали, прижимая уши. Маг, отпустив шею одного, поднял руку, призывая к тишине. Зверь, неожиданно оказавшийся на свободе, стал пятиться и остановился, лишь когда натолкнулся на ангела.

— Что там? — негромко спросил Энджи, пристально вглядываясь вперед.

— Там смерть! — неожиданно отозвался калибан, жмущийся к его ногам.

— Иди сюда! — прикрикнул полукровка.— Хватит болтать!

— Я чую... она приближается.— В голосе зверя послышались испуганные визгливые интонации.— Очень быстро.

— Иди — сюда,— медленно, раздельно повторил маг, и слуга покорно пополз к нему, прижимаясь брюхом к сугробам.

— А нельзя ли поподробнее,— попросил я, оглядываясь.— Кто приближается и откуда?

— Я вижу,— сказал Энджи, приставив ладонь козырьком ко лбу.— Вон там...

Теперь и я разглядел. С огромной скоростью к нам неслось снежное облако.

— Это что, буран?

— Нет. Колесница.

Звери дружно взвыли, но вукодлак грозно рыкнул, и они замолчали, вжавшись в снег. Маг с трудом выпрямился. В его руках, висящих вдоль тела, загорелся язык пламени. Я вытащил меч, ангел сделал то же самое.

К нам, действительно, мчалась колесница, похоже, целиком вырезанная из глыбы агата. Ее тянул такой же смолисто-черный ягуар. Зверь скалился и стремительными прыжками двигался вперед. В повозке стояла женщина в развевающихся черных одеждах, и скульптор явно был в ударе, создавая ее. Сильные порывы ветра почти обнажали идеальное тело. Равнодушное лицо с прозрачно-серыми глазами было не-

подвижно. Зато ярко-рыжие волосы летели за ее спиной, словно шлейф, и казались бесконечными, сливаясь с облаком метели, кружащей вокруг.

Подъехав, незнакомка натянула поводья. Волосы взметнулись в последний раз и тяжелым пламенем накрыли повозку с ягуаром, выдыхающим клубы пара. Женщина осталась стоять посреди неподвижной снежной равнины.

— Вы пришли из запретного места,— произнесла она. Может быть, кто-нибудь чересчур романтичный назвал бы ее голос звенящим как хрустальный колокольчик, мне же он показался пронзительным, режущим слух.— Оно закрыто и проклято.

— Кажется, мы нарушили какое-то местное табу,— шепнул я ангелу. Тот кивнул едва заметно, пристально глядя на ледяную красавицу, и возразил:

— Мы не задержимся здесь. Никого не побеспокоим.

Но она как будто не слышала.

— Уходите!

— Почему место, откуда мы пришли, проклято? Кто его проклял?

Женщина высвободила обнаженную руку из черных одежд, окутывающих ее тело, и указала на подозрительно молчаливого мага:

— Он!

Полукровка посмотрел на меня и нагло ухмыльнулся:

— Да, припоминаю. Действительно я. Надо было пополнять энергию. А, как ты знаешь, демоны и боги могут получать ее лишь через страдания и смерть.

До меня наконец дошло, кого мне напоминает эта огненноволосая богиня.

— Значит, призраки в том коридоре... ты сам запер их там?!

— Именно так.— Колдун поднял руку, в которой загорелось яркое пламя, и произнес грозно: — Если ты, Фелия, не хочешь присоединиться к сестре, уйди с дороги. Сейчас мне не нужна твоя смерть.

Женщина издала звук, напоминающий стон, и исчезла. Рассыпалась, разметалась снежным облаком.

— Идем! — Вукодлак стряхнул огонь с пальцев, и тот упал на лед, прожигая глубокую дыру.— Я не намерен торчать здесь вечно!

— Как ты заманил их в тот коридор? — спросил я тихо.

— Не помню,— со злостью ответил он.

— Почему тогда говорил про ад? Что они сами его выдумали?

— Я оставил для них выход. Они не уходят. Значит, хотят продолжать страдать дальше.

Энджи ничего не сказал, но на его лице появилось выражение безграничного презрения и брезгливости. Обычно оно переводилось как: «Ну и мразь ты, приятель».

— Выговори вслух, что думаешь,— посоветовал я.— Станет легче.

— Бессмысленно,— произнес ангел и замолчал надолго.

Мы шли по ледяным мостам, перекинутым над застывшими реками. Пробирались через снежные наносы. Брели по замерзшим тоннелям...

Здесь было удивительно красиво. Все сверкало, искрилось, переливалось. Архитектурным конструкциям, созданным холодом из воды, мог бы позавидовать любой зодчий. Хрустальные дворцы и лабиринты, многоэтажные арки и лестницы, колонны, галереи... И никого живого вокруг. Прекрасная, мертвая земля. Лишь однажды вдалеке еще раз пронеслась колесница, запряженная черным зверем. Но к нам не приблизилась.

— Надо отдохнуть,— сказал колдун.

Ангел молча кивнул. Я тоже не возражал против небольшой передышки. Остановиться решили в пещере, в толще ледяной скалы.

Голубоватый свет струился сквозь прозрачный потолок, на полу лежал тонкий слой соломы.

— Похоже, здесь уже кто-то был до нас,— заметил я, рассматривая черный след от костра на полу.

— Да.— Полудемон с помощью слуг уселся.— Был. Я.

Он помолчал немного и заявил неожиданно, глянув на ангела:

— Ты зря считаешь, что я излишне жесток. Когда прижмет по-настоящему, начнешь черпать магию из любых доступных мест. Не думая о разрушении. Тебе это знакомо.

— Я, в отличие от тебя, разрушаю себя, а не других,— ответил Энджи сквозь зубы.

— Это неразумно и...

— Неразумно оправдываться сейчас.— Резко, в несвойственной ему манере перебил ангел.

— Я не оправдываюсь перед тобой!

— Не лги. В тебе гораздо больше человеческого, чем ты хочешь признать. И ад ты себе придумал, как человек. Только он не после смерти. А сейчас. Здесь. Ты загнал себя туда, чтобы мучаться от чувства постоянной вины, и освободиться можешь только сам. Как ты правильно заметил, мы не творцы, чтобы освобождать тебя.

Глава 4
СЕКРЕТ БЫТЬ БОГОМ

Эмил видел — кер сидит на прежнем месте, за левым плечом, царапая когтями камень. Дремлет, по-птичьи засунув голову под крыло, и, как никогда, похож на мерзкого дряхлого грифа.

Болто спал, свернувшись клубком, но уши его чутко подрагивали, ловя каждый звук. Мьют, громко сопя, вылизывал шерсть на боку. Очень следил за своей внешностью. Эти двое уже из шестого поколения. Самые первые были злобными, тупыми, трусливыми и в два раза мельче. Но материал оказался великолепным.

Свет погас, лишь тонкий бледный лучик просачивался сквозь лед и медленно полз по полу, подбираясь к ногам. Колдун сидел неподвижно, глядя в темноту. Удивительно, шрам почти не болел. Ныл тупо, но

думать это не мешало. Видимо, сказывалось целительное присутствие ангела.

Бывали дни, когда боль доводила Эмила до бешенства, до безумия. Тогда он просто не сознавал, что делает. В памяти оставалась широкая черная полоса. И с каждым веком она становилась все шире.

Полудемон помнил очень мало из прошедших шести тысячелетий. Только основное. Он предал отца, который научил его всему, дал свободу и могущество. Теперь он должен все исправить. Остальные воспоминания были лишними, держать их в сердце и голове не было ни сил, ни желания.

Иногда, в периоды особенно яркого безумия, колдуну начинало казаться, что он, действительно, один из Древних. Бессмертное высшее существо, живущее на земле. Однажды, когда он в беспамятстве лежал на песке, стены пещеры приближались и отдалялись, а потолок почти падал на голову, в больном сознании вспыхнула интересная идея: «Мир — не сновидение неведомого божества, которое грезит и видит ангелов, демонов, людей... Мир — это постоянная боль, он возникает из страдания. Поэтому он так глупо жесток. Шесть тысяч лет я излучаю мощные волны страдания, которые искажают это пространство. Я сам создаю эту реальность. Я — древнее божество, вдохновленное собственной мукой на строительство нового света...»

Поврежденное воображение рисовало невероятные картины величия и мощи, а потом приполз Болто, держа в зубах чашку с водой. Казалось, жидкость испаряется еще до того, как касается языка, однако Эмил сумел сделать несколько глотков... Сумасшедшие фантазии погасли. Но основная мысль осталась. «Я никогда не умру». Это успокаивало, потому что однажды полудемон понял — он боится смерти. Опасается, что будет блуждать где-то в темноте и пустоте, вспоминая каждый прожитый день... Никогда не умрет и будет постоянно испытывать боль от раны, нанесенной Рубином. Пока не придет кто-нибудь и не уничтожит его, чтобы самому творить эту реальность. Может быть, менее жестокую...

Мьют опустил лапу, которую тщательно вылизывал, заглянул в лицо хозяина умными раскосыми очами. Сочувственно заскулил, ткнулся холодным носом в руку. Эмил машинально погладил его по голове.

Кер закопошился и едва не свалился на пол. Но удержался, заскрипев мощными когтями по камням. Вытянул шею, пробормотал расслабленным старческим голосом:

— Где я?

— Там же, где и я,— равнодушно отозвался колдун.

— А где эти двое? — Падальщик захлопал слепыми круглыми глазами, тревожно оглядываясь.

— Ушли. Еще вчера. Ты все проспал, Хорхеус. Как всегда.

Конечно, никуда оборотень с ангелом уйти не могли и сейчас спали неподалеку, но соврать слепому и глухому падальщику было приятно.

— Как же... как же,— закудахтал кер и стал похож на гигантскую ощипанную курицу.— Я же хотел у них спросить...

— Спроси у меня,— предложил Эмил, удивляясь собственному великодушию.

— Ничего я у тебя не буду! — Хорхеус взмахнул крыльями, с трудом удерживая равновесие.— Ты сошел с ума. Считаешь себя Древним. Я-то знаю! Я слышу, о чем ты бормочешь все время. Не мог умереть нормально. Как все! Сколько мне еще ждать?!

Болто поднял голову и тихо зарычал. Он не видел кера, но ощущал что-то подозрительное. Послушал минуту, потом зевнул и положил морду на вытянутые лапы.

— Я не умру, придется тебе смириться с этим.

— Все умирают.— Кер успокоился наконец, снова нахохлился.— Рано или поздно. Я подожду.

— Жди. Мне все равно.

Эмил улыбнулся, прислушиваясь к затихающему ворчанию старого стервятника. Глубоко вздохнул, не чувствуя боли. Какое же это наслаждение — не чувствовать. Когда-нибудь он придет — долгожданный покой. Не смерть, просто покой. Без воспоминаний. Без чувства вины. Без провалов в беспамятство...

Ангел по-прежнему крепко спал, а вот оборотень сидел, прислонившись спиной к скале.

— Долго нам еще идти? — спросил он негромко.— И куда?

— Узнай у своей подружки из Хаоса, которая сидит у тебя в спине. А? Что она говорит?

Гэл помолчал немного, прислушиваясь к себе.

— Молчит.

— Значит, будем идти до тех пор, пока она не почувствует приближение родного пространства.— Эмил потянулся. Ему было хорошо оттого, что теперь есть с кем поговорить. Тысячелетние беседы с собственным кером давно начали раздражать.

Оборотень прищурился:

— Все же скажи, как ты добился такого могущества?

— Убивал в себе человека. Так же, как ты убиваешь в себе демона, а Энджи — ангела. Я думал об этом каждый день, пока огонь Рубина жег меня. Знаешь, кто мы такие? Те самые древние боги, Хозяева этой земли. Мы стали выше нелепых предрассудков: ангелы — добро, демоны — зло. Ты узнал, что такое сострадание, привязанность, чувство долга, преданность и боль. Энджи узнал отчаяние, сожаление, предательство, ненависть, равнодушие. Разве ваши замкнутые мирки подарили бы вам эти знания? Разве ты не чувствуешь, что изменился?

Эмил видел, что Гэл задумался. Странно было смотреть на его лицо: на первый взгляд туповатая физиономия низшего — низкий лоб, широкий нос с раздувающимися ноздрями, большой рот... и неожиданно умные, проницательные, насмешливые глаза...

— Ты прав. В чем-то прав. Мы здорово меняем друг друга.

Ангел пошевелился, сел и произнес слегка невнятным после сна голосом:

— Можно идти дальше.

— Ну да, уже бежим. Проснись сначала.

Эмил усмехнулся. Забота оборотня больше была похожа на брюзжание. Болто потянулся и протяжно зевнул. Мьют с сожалением осмотрел недомытый бок, но поднялся, выражая готовность двигаться дальше. За ним встали и остальные.

Всю ночь мела поземка. Вчерашние следы засыпало. Колдун исподлобья взглянул на спутников. Светлый зябко передернул плечами, прищурился на солнце, зачерпнул горсть снега и протер им лицо. Оборотень громко высморкался, передвинул мечи на поясе и на этом его утренний туалет закончился. Волки помалкивали, помня, что лишняя болтовня раздражает господина, поэтому только переглядывались изредка, шутливо скаля зубы. Но потом не выдержали — бросились носиться друг за другом и валяться в снегу. При всей сообразительности они вели себя, как дети — наивные, доверчивые и непосредственные.

Эмил тоже осклабился. Сегодня Гэл пошел впереди — запомнил совет прислушаться к желаниям гриэльской личинки, которая может подсказать дорогу. Снег похрустывал под ногами ангела, и это раздражало колдуна, за спиной которого шел светлый. Полудемон сам не понимал, почему так злится, когда слышит голос Энджи с легким, почти незаметным колханским акцентом, появляющимся в речи светлого, когда тот начинает нервничать. Бесило колдуна также упорство странного компаньона оборотня, несокрушимое мнение по любому поводу, пронизывающий взгляд...

Иногда глухое раздражение на несколько секунд превращалось в едкую ненависть.

«За что я его ненавижу? За то, что через несколько тысяч лет Буллфер найдет в нем друга, а я попытаюсь доказать, что лучше, и потеряю в этом соперничестве все? А светлый даже догадываться не будет о своем выигрыше. Да и выиграл ли он?..— Со злорадным удовольствием Эмил смотрел на бледное лицо ангела, на круги вокруг его глаз, на морщины, внезапно ложащиеся у губ.— Он устает сильнее меня. Ему тяжелее. Его присутствие исцеляет меня, а мое — приносит ему боль».

Оборотень неожиданно остановился, почесал спину и сказал задумчиво:

— Похоже, нам направо. Между теми льдинами. Она вроде как хочет повернуть туда.— И пояснил: — Тварь у меня под шкурой.

Колдун кивнул, его собственные расчеты совпадали с этим предчувствием. Энджи сделал несколько шагов в указанном направлении, вытянул руку, словно ощупывая пустоту перед собой.

— Да, выход где-то неподалеку.

— Я не вижу ни арки, ни двери.— Оборотень подошел к спутнику, по колено проваливаясь в снег.

— А ты думал, для тебя везде понаставят красных ворот? — скептически поинтересовался колдун.— Ту, в подземелье, возвел я. Остальные пути неведомы.

Болто, равнодушно помахивающий хвостом, вдруг громко принюхался. Шерсть на его загривке встала дыбом. Он вывернулся из-под руки господина, прыгнул в сторону, едва не сбив Энджи с ног, и принялся яростно рыть снег.

— Что там еще? — недовольно спросил Эмил, с помощью Мьюта подходя ближе.— Нашел время для ловли крыс.

— Это не крыса,— странным голосом произнес ангел, отступая.

— Это Пуна... — хрипло сказал Болто.

На снегу вытянулось замерзшее тело волчицы. Оскаленная пасть, стеклянные глаза, сведенные судорогой лапы.

— Ты говорил, она уже в обильных землях.— Мьют обиженно, удивленно и озадаченно посмотрел на колдуна.— А она здесь.

В их маленьких мозгах шла непосильная работа. Волки пытались понять и не понимали.

Гэл громко, насмешливо фыркнул:

— Вот тебе и поля, куда попадают самые умные.

Ангел безучастно смотрел вдаль и лепил снежок. Как всегда, уже сделал для себя вывод.

— Кто ее убил? — прорычал Болто, и шерсть на его загривке поднялась дыбом.

Эмил разозлился, но знал, что показывать этого пока нельзя, поэтому ответил спокойно:

— Холод и ветер. Она была слишком слабой.

— Она была сильной! — рыкнул волк.— Очень сильной! Она сказала, будет ждать меня!

— Хватит! — рявкнул колдун, теряя терпение.— Замолчите оба! Пуна не добралась до обильных земель, но туда ушел ее дух. И если вы не хотите замерзнуть здесь рядом с ней, то пойдете со мной!

Мьют шумно вздохнул и опустил голову в знак повиновения. Болто продолжал скалиться.

— Я не пойду! — прорычал он. На его морде появилось отчаянное выражение.— Я никуда не пойду!

Эмил сжал руку в кулак, чувствуя, как пальцы начинает покалывать от сжатого в них заклинания.

— Пойдешь.

— Слушай, парень,— вмешался оборотень, с неожиданной симпатией глядя на волка.— Ты закоченеешь. И еды здесь нет.

— Пуна сказала, будет ждать меня.— С глупым упрямством ребенка повторил Болто.— Я пришел. Я останусь. С ней. Если ее дух в обильных землях, мой тоже будет там. Скоро.

— Пусть остается!! — заорал Эмил.— Пусть сдохнет здесь! Идемте! Идемте, я сказал!!

Ангел размахнулся и швырнул снежок. Тот полетел, словно выпущенный из пращи, и вдребезги разбился о ледяную глыбу. Гэл покачал головой в ответ на какие-то свои мысли и попытался еще раз:

— Слушай, она бы не хотела, чтобы ты погиб здесь.

Болто сел рядом с трупом волчицы, поднял голову и завыл тонко и протяжно.

Эмил толкнул Мьюта, и тот поплелся вперед, все время оглядываясь через плечо. Похоронный плач его брата летел над снежной пустыней.

— У твоих волков больше сердца, чем у тебя,— произнес над ухом дребезжащий голос кера. Давно не появлялся. Эмил уже надеялся, что тот сдох в ледяной пещере. Но нет, вот опять ковыляет рядом, как привидение, не проваливаясь в снег.

— Пошел вон.— Привычно отозвался колдун.

— Ты врешь, ты все время врешь,— продолжал квохтать вестник смерти.— Нет никаких земель. Ни до, ни после! И волки тебе нужны только для того, чтобы таскать на себе твое немощное, дряхлое тело.

— Ты сегодня разговорчив. Чересчур.

Мьют не поднимал головы и не обращал внимания на то, что господин разговаривает сам с собой. Привык.

— Сколько раз ты пытался пробиться в Хаос? Пять? Десять? Двадцать? И каждый раз возвращался обратно ни с чем!

— В этот раз не вернусь.

— Зачем тебе нужно туда? Что ты там забыл?!

— Я должен помочь Буллферу до Великой битвы. Я должен показать ему.

Хорхеус захихикал, приплясывая на месте:

— Поможешь. Поможешь! Уже видели, как ты ему помог!

— Заткнись!

— Хочешь подсказать, как уничтожить всех ангелов? Чтобы они не победили? Отомстить всем светлым? Ну да, ты же их ненавидишь! Мечтаешь, чтобы он стал единственным великим правителем всей земли и всего Дна? Ну давай рассказывай. Рассказывай!

— Заткнись! Замолчи!! — Полудемон закричал так, что шрам на груди полоснуло болью. Глотнул ледяного воздуха и, закашлявшись, повис на шее Мьюта. Волк с беспокойством обнюхал его лицо, лизнул горячим языком.

— Что? Разногласия с галлюцинацией? — спросил приближающийся оборотень.— Видно, она тебя порядком допекла, раз ты так разорался.

— Где ангел? — хрипло спросил Эмил, вытирая рот.

— Идет следом... Похоже, Болто действительно нравилась Пуна. Хорошо ты над ними поработал. Почти очеловечил.

— Да. Хорошо.

Мьют дождался, пока Гэл отойдет, и шепнул тихо:

— Учитель, обильные земли правда есть?

— Правда.

Ангел прошел, даже не взглянув на колдуна, как мимо пустого места. Но грудь Эмила тут же перестала болеть. Доля всех целителей — лечить, даже не осознавая этого. Отдавать свою силу любому страждущему, даже если ее почти не осталось. Энджи остановился возле невидимого выхода в другой мир. С его пальцев слетело золотое облачко, очерчивая узкий прямоугольник выхода.

Колдун шагнул в арку первым и чуть не задохнулся от свежего, пряного запаха ранней осени. Он стоял на опушке дубового леса по колено в густой траве. Ветер шелестел в листве, вдалеке каркал ворон. Мьют взвизгнул от восторга:

— Мы пришли? Мы тут? В обильных землях? Учитель, я сбегаю за Болто? Он рядом. Недалеко! Он хотел увидеть!

— Нет! — резко перебил его Эмил.— Мы еще не пришли. И ты не пойдешь за Болто. Он ослушался меня и теперь будет наслаждаться плодами своего неповиновения в одиночестве.

Волк заскулил, переступил с лапы на лапу, но спорить не посмел. Этот был послушнее, чем брат, но, к сожалению, боязливее, и Эмил в очередной раз с раздражением подумал, что невозможно добиться совершенства ни в чем.

Ангел с оборотнем появились через мгновение. Смена картины потрясла их. Вместо льда и мороза — величественные деревья, заслоняющие небо. Теплый ветер, запах грибов и травы. Гэл обернулся, разглядывая три старых каменных столба, изъеденных серым лишайником — два вкопанных в землю, третий — лежащий сверху перекладиной.

— Живописное местечко,— заметил он, кивнув на ворота.— Эти тоже ты поставил?

— Нет. Жители некоторых миров сами чувствуют выходы. И иногда отмечают их. Потом ищут рядом силу, тайные знания. Или защищают свое жилище от вторжения с той стороны.

В этот миг, словно подтверждая его слова, мимо уха Эмила просвистела стрела и вонзилась между плит, хищно подрагивая. Колдун вскинул руку, окружая спутников магическим щитом. Энджи с Гэлом выхватили мечи, Мьют зарычал, и в его голосе послышались панические нотки. Без Болто он трусил еще сильнее.

Следующая стрела ударилась о невидимую преграду и рассыпалась в пыль.

— А этим ты чем насолил? — саркастически осведомился демон.

— Этим — ничем.

Больше невидимые недоброжелатели никак себя не проявили.

— Идем,— велел Эмил.— Я буду держать «щит» над всеми. На всякий случай.

Оборотень выдернул стрелу, застрявшую между камнями, почесал наконечником спину и махнул в сторону самого толстого дерева, стоящего на опушке:

— Туда.

Между зелеными дубами стояли мощные кряжистые вязы. В их кронах виднелись яркие пятна желтых листьев. Трава клонилась к земле, в ней не чувствовалось летней влажной свежести. Не щебетали лесные птицы, лишь несколько сорок с раздражающе громким стрекотом вылетели из кустов орешника.

Энджи, прищурившись, несколько мгновений смотрел в их сторону, а потом молча отвернулся. Зато Гэл удивленно засвистел и пошел быстрее. Над полегшей травой возвышался гладкий белый камень. Эмил неожиданно представил, каким теплым тот становился, нагретый ярким солнцем. Булыжник был исписан корявыми знаками защиты от темной магии. В центре его стоял кувшин, грубо вылепленный из красной глины, на широком листе лежал кусок свежего, еще кровоточащего мяса, несколько полосок вяленого, краюха хлеба и горсть красных ягод шиповника.

— Это как понимать? — весело спросил оборотень, постучав стрелой по крынке.

— Подношение,— нехотя объяснил Эмил.— Хотят умилостивить грозных богов. Нас то есть.

— А это?..— Ангел обошел камень, рассматривая новую находку.

У жертвенника стоял колчан, расписанный синей краской. Оперение стрел, выглядывающих из него, тоже было синим. Рядом на траве лежал составной лук. Поодаль — суковатая дубина и длинный нож с деревянной рукоятью.

— Готовы предложить свое оружие и самих себя для службы богам,— предположил Гэл и добавил со смешком: — Нам то есть.

— Да. Примерно так,— отозвался Эмил.— Можешь взять что-нибудь.

— Мне своего хлама хватает.— Оборотень похлопал по ножнам с балтусом, повертел между пальцами стрелу и сказал задумчиво: — А эту, пожалуй, оставлю. Будет вместо спиночески.

Мьют шумно принюхивался к угощению, облизывался и умильно поглядывал на учителя.

— Ешь,— разрешил колдун.— Можно.

Он выпустил волка и сел на траву. Зверь схватил кусок сырого мяса, покосился на Гэла, вполне справедливо считая его главным соперником и претендентом на добычу, отошел в сторону и, урча, принялся за еду.

— А ты уверен, что после этого подношения мы не... — Гэл выразительно провел себя наконечником стрелы по горлу.

— Не бойся. Еда не отравлена. Я уже был здесь.

— Ладно.— Демон взял кувшин, подозрительно принюхался к его содержимому, просветлел лицом, довольно хмыкнул и стал пить, проливая на себя через край темную, знакомо пахнущую жидкость.

Оторвался, перевел дыхание и сказал:

— Энджи, это пиво. И неплохое. Хочешь?

Ангел кивнул, беря кувшин.

В то время как оборотень жевал вяленое мясо, довольно поглядывая по сторонам, колдун сгреб несколько ягод. Сунул в рот, раскусил, не чувствуя вкуса.

— Хорошо здесь встречают гостей.— Гэл отломил кусок хлеба.— Я, конечно, могу прожить и без человеческой еды, но приятно почувствовать на зубах что-нибудь твердое и желательно сочное. Вот, например...

Он не договорил. Мьют, доевший свой кусок, поднялся, облизываясь, и хотел вернуться к учителю. Сделал шаг, но лапы его подогнулись, и он рухнул на землю. Заскулил, забился, путаясь в траве, и затих.

— Что за!..— Гэл стремительно обернулся, услышав звяканье разбившейся крынки, и увидел, как Энджи медленно оседает на землю.

— Не отравлена, значит! — Он отшвырнул хлеб, который все еще сжимал в руке, схватился за меч, но вытащить его не смог. Споткнулся, упал на колени. Подняв стекленеющий взгляд на Эмила, попытался удержаться за камень. Но его когти только царапнули по белому боку песчаника. Демон упал и больше не двигался.

Ангел держался дольше всех, как ни странно. Он, лежа на земле, не мог ни шевелиться, ни говорить, но продолжал смотреть на колдуна. Без ненависти, обреченности или отчаяния. Без ужаса жертвы перед убийцей. Просто смотрел, и невозможно было оторваться от его пронизывающего взгляда. Когда Энджи закрыл наконец глаза, полудемон с облегчением перевел дыхание. Снял магический щит и стал ждать.

Через несколько минут из леса вышло существо в длинной одежде из тонко выделанных шкур. Лицо его закрывала маска, изображающая хищную звериную морду. На шее болтались амулеты. В руке, замотанной серой тряпкой, был суковатый посох.

Шаман подошел к Эмилу и низко поклонился. Тот небрежно кивнул в ответ:

— Я уже начал сомневаться, что твое зелье подействует. Ждать пришлось слишком долго.

Лесной житель снова поклонился. Потом медленно повернулся и издал долгий пронзительный крик. Из-за деревьев вышли восемь мужчин. Все одеты в одинаковые кожаные штаны, куртки с бахромой на рукавах, вооружены луками, на поясах — связки факелов. Их лица тоже были прикрыты масками зверей. Каждый второй держал легкие носилки, сплетенные из коры. Воины приблизились и, не дожидаясь приказа, подняли тела Мьюта, оборотня и ангела. Двое остановились рядом с Эмилом. Тот отметил, что их руки разрисованы синими ритуальными

рисунками, в длинные волосы вплетены перья зимородка — значит, готовы к долгому путешествию.

Колдун поднялся, пересиливая тупую боль в пояснице, забрался на свои носилки и приказал:

— Вперед.

Шаман негромко запел монотонное заклинание и трижды ударил концом посоха по камню. Тот медленно отвалился в сторону, открывая черный провал в земле и ступени, ведущие в мир мертвых.

Эмила, подняв, понесли, мягко покачивая. Сначала он видел прозрачное осеннее небо, потом — скошенный земляной свод, с которого свисали длинные мягкие корни. Затем над головой появились плотно подогнанные друг к другу каменные плиты с малопонятными изображениями, нанесенными все той же синей краской.

Идущий впереди шаман зажег факел. Густой запах горящей смолы поплыл в воздухе. Черные тени заметались по камням, и колдун закрыл глаза. Расслабился, погрузил себя в оцепенение, похожее на сон, в котором слышал все происходящее, но уже не мог двигаться.

Спускались долго. Но Эмил не чувствовал времени. Ощущал только легкое покачивание носилок, слышал сиплое дыхание воинов из-под масок и унылое бормотание заклинателя. Один раз по его телу прокатилась жгучая волна, закрытые веки обожгло красным светом. Значит, миновали «Преддверье» — вход в нижний мир. И снова накатила темнота.

Потом движение прекратилось, носилки опустили на землю. Усилием воли полудемон заставил себя очнуться. Приподнялся. Голова еще кружилась, зрение мутилось, но он разглядел круглое подземелье, куда выходило девять дверей. Одна из них горела негаснущим багровым пламенем, остальные восемь были деревянными, с тяжелыми петлями. Ручки в виде витых колец светились сапфировыми письменами. Все, как в прошлый раз.

Воины стояли неподвижно, свесив руки вдоль тела. Шаман подошел к колдуну, с поклоном протянул ритуальный кинжал. Тот поднялся, взял антам, надрезал кожу на руке и вымазал лезвие в крови. Странно было видеть, что она красная. Он отдал магическое оружие лесному ведуну, который бережно завернул клинок в тряпку и спрятал в одежде. Верит, наивный, что кровь Эмила обладает магическими свойствами. Хотя, может, и обладает. Теперь полудемон и сам не мог бы отрицать этого.

Шаман снова издал полузвериный крик. Воины, словно очнувшись, пошли к дверям, встали у стен между ними и замерли, мгновенно окостенев. Даже колдун не мог разглядеть, как их невидимые сущности отделились от тел. А заклинатель снова согнулся в поклоне на долгую секунду, выпрямился и удалился через огненный тоннель.

Полудемон заживил ранку на руке и откинулся на носилки, чувствуя, как сильно устал. Спина болела, передвигаться на двух ногах становилось все труднее. «Скоро начну бегать на четырех лапах, как мои волки, и утрачу членораздельную речь»,— подумал он.

В тишине подземелья слышался тихий шелестящий шепот, доносящийся из-за закрытых дверей. Потом заскулил Мьют, заскреб лапами по полу, подполз к господину, ткнулся мокрым носом в руку, повизгивая от страха. На рычание у него пока не хватало сил.

— Все хорошо,— пробормотал Эмил, потрепав его за ухо,— не бойся.

Закашлял, просыпаясь, оборотень. Завозился, пытаясь подняться, злобно выругался.

— Тошнота, головокружение и слабость скоро пройдут,— сказал колдун.— Так же, как и темнота перед глазами.

— Твоя работа, гад?! Ты все знал! Энджи, жив?

— Да,— хрипло отозвался ангел.

— Ничего, ничего,— продолжал бухтеть Гэл,— сейчас очухаюсь и спущу с него шкуру. И плевать мне на магию!

Эмил усмехнулся, разглядывая спутника. Оборотень мотал головой, тер лицо обеими руками, сопел, пыхтел и кашлял. А когда прозрел наконец, то забыл про обещанную месть, увидев, где находится.

Сел, держась за ноющий затылок, ангел и замер, заметив огненную дверь.

— Врата мертвых. Путь в нижний мир,— пояснил Эмил, глядя на него.— Пройти через них могут лишь мертвые. Или — находящиеся в полном оцепенении, когда тело безжизненно, а дух витает далеко от него. Поэтому мне пришлось ввести вас и себя в глубокий сон. Только так можно пройти, не сгорев.

— А это что за рожи? — Морщась от головной боли, Гэл кивнул на воинов.

— Стражи. Они принесли нас сюда.

— Тоже дохлые?

— Сейчас да. Это всего лишь пустая оболочка.

Оборотень встал, подошел к одному из воинов. Осмотрел со всех сторон, приподнял маску, но тут же поспешил опустить ее обратно.

— Да, похоже, они совершенно... мертвы. Только я не понимаю, зачем им помогать тебе?

— Не мне. Шаману из верхнего мира. За особую плату.

— И стрелял тоже кто-то из твоих сообщников?

— Да. Хотели убедиться, что это действительно я.

— Заранее ты, конечно, не додумался предупредить нас об этих фокусах? — язвительно поинтересовался Гэл.

— А ты бы мне поверил? Я не заметил особого доверия к своей персоне.

Оборотень воздержался от комментария, лишь поискал взглядом ангела. Тот уже пришел в себя и теперь стоял у одной из дверей, рассматривая ее.

— Синий,— сказал он задумчиво,— цвет покоя и забвения. Куда нам дальше?

Гэл выразительно посмотрел на Эмила:

— Вроде ты уже был здесь? Может, покажешь сам, куда идти? Для разнообразия.

— В прошлый раз это был третий проход от Врат,— скучающим тоном произнес колдун, рассматривая когти на руках.— Но я бы на твоем месте...

Демон, не дослушав, пожал плечами и дернул указанную дверь за кольцо. Шагнул вперед и едва успел ухватиться за косяк. С той стороны, из черной бездны, вылетел длинный язык пламени, хлестнул незадачливого оборотня по лицу, оставив глубокий, дымящийся ожег, и, словно живая змея, обвился вокруг шеи. Мьют завыл от ужаса. Ангел, бросившись к приятелю, выхватил меч и одним ударом перерубил удушающий живой огонь. Обрубленная плеть лениво соскользнула на пол и втекла в камень. Дверь захлопнулась.

— Так вот,— продолжил Эмил, довольно наблюдая за мучениями регенерирующего.— Я бы на твоем месте доверился собственным ощущениям. Направление путей все время меняется.

— Ублюдок,— прохрипел Гэл, отнимая ладони от красной распухшей кожи.— В следующий раз...

— Твои шутки не кажутся нам смешными,— спокойно сказал ангел, стряхивая с клинка капли, рдеющие, словно угли,— мое терпение заканчивается. Еще одна подобная выходка — и этим мечом я перерублю *твою* шею.

— Смелое заявление,— сказал Эмил, оскалившись.— И как же ты тогда доберешься без меня до Хаоса?

— Я рискну,— любезно улыбнувшись, отозвался ангел, помогая Гэлу подняться.

«Пустые угрозы... — мстительно думал Эмил.— Никуда ты один не дойдешь. Я знаю, откуда берется твоя сила, светлый. Разрушаешь себя. Черпаешь магию из собственного мира. Того самого личного рая, который у каждого из вас свой, непохожий на другие. Тонкий, прекрасный мир, всегда находящийся на расстоянии вытянутой руки и недоступный для несовершенных созданий. Из него ты в отчаянии выдираешь куски пространства, чтобы лечить и защищать. Только надолго его не хватит...»

— Хорошо, шуток больше не будет. Одна лишь правда жизни. Так где вход, Гэл?

Оборотень, зажививший последнюю ссадину на шее, нахмурился и неуверенно ткнул когтистым пальцем в одну из дверей:

— Туда. Но теперь первым пойдешь ты.

Колдун молча оперся о спину верного Мьюта, все еще дрожащего от страха, и заковылял в указанную сторону. Потянул за кольцо, от-

крывая проход. За ним тоже была пустота и тьма, однако у порога лежало начало широкой каменной тропы, уводящей в бесконечную черноту.

— Поторопитесь.— Эмил оглянулся на спутников, замерших у открытой двери.— Если не желаете испытать на себе очередную мою «шутку».

Те шустро запрыгнули на путь и отбежали от двери, вставая рядом с колдуном. Потом повернулись и увидели удивительное зрелище — кусок моста, по которому они только что прошли, растаял. Вверх по стене из пустоты поползли, разрастаясь с каждой секундой, плети огненного плюща — того самого, что едва не задушил оборотня. Красные ветви стлались по камням, переплетаясь. Вспыхивали пламенем цветов и осыпались багровыми углями, уступая место новым побегам.

— Красиво, не правда ли? — поинтересовался Эмил.

Ответом ему было потрясенное молчание.

Теперь дорога впереди была освещена ровным красноватым светом, а пустота справа и слева казалась еще чернее.

Они шли долго... Так долго, что монотонное шарканье ступней колдуна по камням стало казаться вечным. Но в конце концов огонь плюща погас, и в наступившей темноте Мьют остановился, отказываясь идти дальше.

— Не хочешь посветить? Или предпочитаешь ползти на ощупь? — поинтересовался, оборачиваясь к Эмилу, Гэл.

— Подожди. Сейчас будет светло.

Это обещание не успокоило оборотня. Он закрутил головой в поисках источника света:

— Ну и сколько нам жда...

Из пустоты рядом с мостом взметнулись ввысь прозрачные колонны. Изогнулись светящиеся бледной бирюзой арки, состоящие, казалось, из одного дыма. Вдали появились нагромождения облаков, среди которых засияли шпили дворцов, горные пики, серебристые нити дорог.

— Тонкий мир... — прошептал ангел, и его глаза блеснули восторгом.— Так он выглядит, если смотреть... с этой стороны.

— Граница Тонкого мира,— уточнил колдун и смерил скептическим взглядом озадаченного Гэла.— Оборотень, знаешь устройство пространства? Хотя бы самую примитивную схему? Срединный мир в центре. Вокруг него — Тонкий. Потом Хаос. Внизу — Дно с тяжелыми энергиями. Наверху...

— Я знаю устройство мира! — огрызнулся демон, оскорбленный попыткой Эмила уличить его в невежестве.— Но мне никогда не приходило в башку блуждать по нему на своих двоих. Ты мог бы сразу открыть телепорт на границе с Хаосом. Или силенок не хватает?

Эмил едва сдержался, чтобы не распахнуть магические ворота и не отправить дурака прямо туда, куда тому не терпелось попасть. Колдун сделал над собой титаническое усилие и ответил:

— Во время перемещения выделяется такое количество энергии, что твоя подружка из Хаоса сможет наесться до отвала. Но я не уверен, сможешь ли ты продолжить путешествие со сквозной дырой в туловище.

Гэл рыкнул в ответ что-то нечленораздельное и быстро пошел вперед. Ангел поспешил за ним. А вокруг продолжали полыхать волшебными холодными красками видения Тонкого мира.

Глава 5,
в которой границы моего сознания вновь расширяются, хотя, казалось бы — дальше некуда...

Мы шли среди дворцов Тонкого мира уже давно. Первое потрясение от колонн, мостов и акведуков из бирюзового пламени постепенно прошло. Я перестал разевать рот от удивления при виде очередной возникающей из пустоты конструкции. Энджи спокойно наблюдал, как мимо проносятся стаи прозрачных существ, похожих на крошечных мотыльков,— а ведь совсем недавно едва не свалился с моста от восторга, когда лазурная стая закружилась вокруг него, издавая тонкий мелодичный звон.

Один раз мимо нас проплыло нечто огромное, колышущееся. Оно напоминало медузу и светилось всеми оттенками синевы, а следом тянулась длинная искрящаяся кружевная бахрома. Это диво медленно развернулось, заслоняя архитектуру Тонкого мира, и вдруг с огромной скоростью помчалось куда-то вправо.

— Нам надо за ним,— подал голос колдун.

Последние два часа он молча ковылял, повиснув на шее калибана, а мы лицезрели его скрюченную спину и зад, обтянутые бордовым плащом.

— Он летит в Хаос.— Эмил повернул ко мне полузвериную морду.— Если мы последуем за ним, то сократим время.

— И как же мы, интересно, «последуем»? Полетим, что ли?

Ангел усмехнулся над сарказмом, прозвучавшим в моем голосе. Конечно, почему бы не посмеяться — у него-то крылья имеются. Хоть сейчас может сигать с моста.

— Нет. Не полетим,— сухо отозвался полукровка.— Скоро будет другой путь.

И «другой» путь действительно появился. Узкий ажурный мост из синего дыма одним концом опирался на каменную дорогу, по которой мы шли, а другая — исчезала в неведомых глубинах Тонкого мира. Мост был такой же полупрозрачный, едва ли материальный, как и остальные «постройки», висящие в пустоте.

Колдун остановился, его слуга заскулил, переступая с лапы на лапу.

— Чего?! Нам туда?!! — От возмущения у меня перехватило дыхание, но я справился с одышкой.— Идти прямо по этому?! Да ни за что!

– Другого пути нет,– сказал маг спокойно. Он вообще был подозрительно спокоен последнее время. Замышлял очередную каверзу или просто устал?

– Ты уже был здесь?

– Был. И, как видишь, жив.

Энджи надоело слушать наши препирательства, он молча отодвинул меня с дороги и шагнул вперед, одновременно меняя образ. Белые крылья развернулись за спиной, взмахнули, разбрызгивая золотистое сияние, и вукодлак издал странный звук, явно не вздох восхищения. Это было приглушенное злобное рычание. Я глянул на него и увидел в красных слезящихся глазах самую настоящую ненависть. Но она тут же погасла, сменившись усталостью и равнодушием. Похоже, мало у него осталось сил. Даже на злость не хватает.

Энджи наступил на синюю дымку, готовый взлететь в любое мгновение. Однако та оказалась на удивление крепкой и, похоже, не собиралась рассеиваться, как ей было положено по всем законам мироздания. Ангел прошелся вперед-назад, подпрыгнул несколько раз, проверяя мост на прочность. Колдун подтолкнул калибана и тоже зашел на полупрозрачную конструкцию. И теперь она не дрогнула.

Ладно, где стоят два демона, пройдет и третий. Я осторожно опустил ногу на обманчиво ровную прозрачную поверхность и неожиданно почувствовал под ступней гранитную твердость. Кроме того, на ощупь постройка оказалась теплой. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что мост целиком вырезан из невероятно длинного куска кварца, внутри которого клубится густой дым.

Сначала я ступал с опаской, но с каждым шагом все больше убеждался в прочности нематериального на первый взгляд сооружения...

Итак, мы продолжали погружение в глубины Тонкого мира. Дворцы и колоннады исчезли. Вместо них появилось нечто невероятное. Все вокруг дышало, переливалось, качалось, бесшумно перетекало из одного в другое. Шевелящиеся деревья с синими звездами вместо листьев закручивались в длинные, непрерывно вращающиеся голубоватые спирали, из которых выплескивался сиреневый дым, и тут же застывал в виде причудливо изогнутых арок – те медленно падали вниз, таяли, растекаясь дымными струями, и каменели вновь. Мимо нас проплывали густые облака. Боковым зрением я замечал в их клубах намек на какую-то форму, но как только поворачивался, она исчезала. И лишь полупрозрачный мост под ногами казался относительно прочным.

Глянув вниз, я увидел сквозь кварц бесконечную темноту, в которой светились невообразимые сады Тонкого мира. По центру моей груди вдруг прошла дрожащая волна, в ногах на мгновение появилась противная слабость, а живот свело судорогой. Мне показалось, что я стою в пустоте без верха и низа, на узенькой прозрачной полоске, непонятно из чего и кем сделанной. Тонкое стекло над пропастью... И в ту же секунду, мост подо мной «потек».

Вместо того чтобы позвать на помощь, я, разинув рот, смотрел, как погружаюсь в густую, вязкую субстанцию, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Сперва увяз по колено, потом провалился по пояс... Куски жидкого «кварца» разлетались в разные стороны и превращались в дым еще до того, как я успевал ухватиться за них. Проклятый мост вокруг меня напоминал реку, забитую осколками льда. Я барахтался в ней, словно щенок в полынье. Еще немного — и рухнул бы вниз, прямо сквозь все эти «деревья» и «спирали» с «облаками», но рядом зашелестели крылья. Мое лицо, окаменевшее от напряжения, обдул теплый ветер, и голос Энджи произнес заинтересованно:

— Может, ты наконец догадаешься позвать на помощь?

— П-помоги!!

Сильная ладонь схватила меня за запястье, рывком выдергивая из густого месива. Несколько минут я пытался отдышаться и прийти в себя. А потом понял, что не болтаюсь, уцепившись за руку ангела, а стою напротив него, хотя под моими ногами по-прежнему пустота. Партнер и соперник часто взмахивал крыльями, удерживая нас обоих в вертикальном положении, и насмешливо смотрел на мою обалдевшую физиономию.

— Что это было? — спросил я, нервно сглатывая.

— Ты испугался. Мост держит до тех пор, пока ты уверен в его материальности.

Я глубоко вдохнул, посмотрел вниз, на дыру в призрачной дороге, и признался честно:

— Я не уверен.

— Тогда мне придется нести тебя какое-то время.

— А тебе... не трудно?

— Нормально.— Он нахмурился на мгновение и попросил: — Только перестань представлять, как мы оба падаем вниз. Твои мысли приобретают здесь материальную форму.

Сейчас же мое воображение попыталось развернуться на полную катушку, но огромным усилием воли я заставил его заткнуться и постарался только созерцать. Поверхность моста была совсем рядом. Мы плыли, почти касаясь ее. Впереди ковылял колдун, которому, похоже, не было дела до моих затруднений. Он что-то бормотал, хрипло посмеивался, размахивал свободной рукой и вообще выглядел как абсолютно ненормальный.

— Вижу конец дороги,— сказал вдруг Энджи. Он крепче сжал мою руку, и мы «полетели» быстрее.

Мост закончился, упершись в вершину каменной колонны. Та поднималась из непроглядно-черной глубины, а вокруг сверкали, плескались, вздымались и падали бирюзовые видения Тонкого мира.

Ангел опустил меня на твердую площадку и встал на нее сам. Через пару минут к нам присоединился колдун. Он дышал так же тяжело, как и его мохнатый слуга. Обоих шатало.

— Мне надо... отдохнуть.— Маг ничком упал на камни. Калибан устроился рядом, опустив морду на вытянутые лапы.

Мы тоже сели. Потом я лег на спину и закрыл глаза. После бессознательного путешествия в подземный мир на носилках, которые тащили мертвецы, я давненько не спал. Но синий свет, вспыхивающий вокруг, был виден даже сквозь опущенные веки. А еще здесь было удивительно тихо. Ни шороха, ни дуновения ветра, слышно лишь как сопит калибан и хрипло сипит колдун. Поэтому внезапный вопль Энджи резанул по ушам, едва не оглушив меня:

— Гэл!! Гэл, смотри!

Я вскочил, сообразив, что успел задремать, схватился за меч.

— Чего орешь?!

Одной рукой ангел схватил меня за плечо, другой показывал куда-то в сторону и вверх.

Я глянул и замер от изумления. Из пустоты, прямо на нас, неслось гигантское огненное бешено крутящееся колесо. От соприкосновения с ним тонкие спирали-арки-цветы рассыпались. Казалось, пространство вокруг широченного белого обода кипит и пузырится. Обжигающая воздушная волна ударила в лицо, едва не сметя нас с колонны. Но вовремя проснувшийся колдун успел выкрикнуть защитное заклинание. Я видел, как он стоит, раскинув руки, и с его когтей радужным мыльным пузырем рвется магический щит.

Свист, гул ветра, нестерпимо белый свет. Колонна тряслась и, казалось, вот-вот рухнет в бездну. Я почти ослеп. Энджи рядом зажимал уши руками, и ветер заламывал его крылья, как у птицы, летящей против урагана.

Колесо пронеслось мимо и сгинуло в глубинах. Думаю, если бы оно прошло чуть ближе, нас сожгло бы наверняка. Шкура на мне в нескольких местах дымилась, у светлого оказались опалены брови и ресницы. Вукодлак тряс обожженными руками, когти на его пальцах почернели, то, что осталось от одежды, висело обугленными клочьями.

— Дьявол вас всех забери! Это что было?! — крикнул я, едва снова смог говорить.

Энджи опустился на камни и, похоже, был не в состоянии ответить на этот вопрос. Колдун же озирался, не обращая на меня внимания, и грозно звал слугу:

— Мьют! Мьют, где ты?! Куда ты делся, паршивец? Вылезай!

Калибан нашелся через минуту. То, что от него осталось. Наверное, с перепугу демоноволк выскочил из-под «щита», который уберег нас, и теперь на каменной поверхности лежал только слой пепла.

Полукровка опустился на колени, загреб горсть золы, просеял между пальцами. Тонкими струйками она посыпалась в темноту Тонкого мира, где уже снова расцветали прежние «арки» и «деревья».

— Жаль,— сказал я, сам не зная зачем.— Хороший был зверь.

— Жаль, говоришь?! — Маг медленно повернулся ко мне, и его зрачки загорелись алой яростью.— Значит, тебе жаль? Скажешь, ты не знаешь, что это было? Кто убил его и едва не сжег нас?!

— Ну и кто?

Вукодлак оскалился и выговорил с отвращением, как плюнул:

— Ангел.

— Да ладно! Не может быть! Что я, светлых не видел? Они все нормально выглядят. Как этот.— Я кивнул на Энджи, который по-прежнему сидел, не поднимая головы.

— Это был ангел, Гэл,— неожиданно подтвердил тот тусклым, ничего не выражающим голосом.

— То здоровенное колесо?! — Я неуверенно рассмеялся, но оборвал смех и тоже осел на камни.— Невозможно поверить. Даже представить невозможно... Но почему тогда... зачем он убил?

— Он не убивал! Он даже не заметил нас! — С непонятным отчаянием воскликнул мой друг.— Вряд ли он вообще знает о существовании людей, демонов, своих младших братьев, таких как я, Архэл или Эрнол. Ему не интересны наши беды и наши радости! Он в тысячи раз старше срединного мира, его мощь неизмерима, его вселенную невозможно представить. Таким, как он, нет до нас дела! Понимаешь?! Они приходят из Огненного мира, и сами они — Огонь! Он и не думал никого убивать, просто шел своей дорогой, а грубая материя вспыхивала при его приближении, рассыпаясь.

— Но, послушай, ведь ты... тоже такой... ну... почти такой же?

— Не такой.— Энджи улыбнулся невесело, коснулся опаленных волос.— Помнишь наш с тобой давний разговор о совершенстве? Так вот он,— Энджи посмотрел в сторону, где скрылся его сородич,— близок к вершине, а я — самая первая ступенька.

— Значит, есть еще и другие? Более могущественные?

— Да. Но я ничего не могу тебе рассказать о них. Не знаю.

Я шумно выдохнул, чувствуя себя так, словно заглянул в глубокий колодец, на дне которого ревет пламя. Жутко. И в то же время приятно осознавать, что ты-то стоишь на твердой земле и в любое время можешь отойти на безопасное расстояние, не упав в огонь. А вот Энджи не отойдет. Может, через несколько миллионов лет, он тоже вынужден будет стать таким могучим, несокрушимым и чужим.

— И что, они... разумны?!

— Они мыслят целыми вселенными. Но я не знаю, о чем они думают и что чувствуют. Просто не понимаю этого.

Я посмотрел в его глаза, но не увидел ничего, кроме отраженного сияния Тонкого мира.

— А тебе не страшно? Не боишься стать таким же когда-нибудь?

— Возможно, я и не стану.— Похоже, компаньону все же было не по себе от перспективы носиться по мирам, громя пространства и пребывая на одной из верхних ступеней совершенства.

— Слушай, но если этому твоему... родственнику вообще плевать на всех, то как же тогда хваленое ангельское добро? Милосердие, беспокойство о людях и вообще обо всех страждущих? В чем тогда разница между вами и нами?!

— Отличие в том, что демоны ничего не создают,— неожиданно вмешался колдун, со злобной радостью посматривая на удрученного Энджи.— Они находят тех, кого смогут подчинить, и заставляют удовлетворять свои страсти и потребности. Поэтому им так нужен срединный мир. Там много корма, слуг, развлечений. Единственное желание, потребность и умение демонов — пожирать то, что уже существует вокруг. Это жадная трясина, которая засасывает все живое. Ну а светлым — не нужны рабы и человеческая глина для существования в этом мире. Им вообще ни к чему люди. Они создают все, что хотят, сами. А уничтожать — одинаково умеют и те и другие.

Вукодлак наклонился и ребром ладони смел пепел Мьюта в пропасть.

Некоторое время мы сидели молча, и я пытался сообразить, что еще в родственнике Энджи показалось мне странным.

— Ага! Я понял, на что он похож!

Оба спутника вопросительно посмотрели на меня.

— Такое же вращение, молнии по краю и огненную воронку в центре я видел в телепорте. Не в заклинании, хотя есть некоторое сходство, а в одном из постоянно действующих устройств, которое стояло в подземелье у Булфа. Огромное крутящееся колесо.

Эмил отряхнул ладони от пепла и заговорил нормальным голосом, без обычного хрипа:

— Когда они перемещаются, то в определенных местах оставляют след или тень. Если получится пройти сквозь нее — можно перенестись в любое место по желанию.

— Ты хочешь сказать...

Он злобно зыркнул на меня и снова зарычал:

— А ты думаешь, телепортационная магия сама свалилась на тебя с неба?! Ее кто-то принес. Ее идея, суть и основа заключены в этом высшем существе, которое само по себе — живой телепорт, способный передвигаться в любом направлении, в любой мир!

Я вдруг подумал, что сумасшествие полукровки, возможно, гениально. Хотя, по мне, это чистая фантазия. Но ведь есть вероятность, что он прав... Колдун помолчал, а потом сказал:

— Кому-то придется помогать мне. Сам я идти не смогу.

Эта новость вытряхнула меня из состояния глубокой задумчивости. Отлично! Значит, теперь придется тащить на себе этого дохляка?!

— Без меня вы не доберетесь,— оскалившись в улыбке, заявил он, увидев выражение моего лица.— Не претендую на милость ангела, но оборотню придется потрудиться.

До чего же все-таки паскудный тип. Интересно, он был таким всегда или несколько тысячелетий жизни испортили его характер.

— Ладно. Только мне хотелось бы вначале узнать, куда идти. И как?

Мы стояли в центре каменной площадки на вершине колонны. Со всех сторон была пустота, и лишь узкий мостик уводил туда, откуда мы недавно пришли.

— Вам без меня не выбраться,— повторил колдун и оглянулся.— В какую сторону — должен ответить ты, оборотень.

Я прислушался к себе, мысленно спрашивая: «Куда?» Не думаю, будто тварь в моей спине понимала вопрос, но, видно, очень хотела вернуться домой и потому почувствовала, что от нее требуется. Она оживилась, когда я посмотрел налево, в сторону одного из бирюзовых деревьев. Спине стало горячее, кожа зачесалась.

Я показал направление, и вукодлак проковылял к самому краю площадки. Передвигался он согнувшись, почти касаясь руками земли, переваливаясь с боку на бок. Постояв несколько секунд, полукровка медленно поднял тощую руку, и меня тряхнуло — такой мощи силовая волна выплеснулась из его ладони. Энджи, внимательно наблюдавший за колдуном, поморщился. Видимо, его тоже зацепило высвободившейся энергией.

Навязавшийся на наши с ангелом головы спутник невнятно бормотнул. Забавно, я никогда не мог понять, что именно он говорит, когда колдует, и зачем. Для большинства заклинаний звуковой код не нужен. Однако, откликаясь на его неразборчивые слова, в пустоте появилась красная тропинка шириной в шаг. Один ее конец зацепился за колонну, другой понесся вперед, рассекая темноту.

— Быстрей! Быстрей!! — завопил колдун.— Мост не будет держаться долго!

То, что он назвал «мостом», сыпало искрами, дрожало и выгибалось как обезумевшая змея. И я был не уверен, что хочу идти по нему. Но вукодлак шустро подскочил ко мне, схватил ледяными костлявыми руками и вскарабкался на мою спину. Превозмогая странное отвращение к сородичу, пусть и полукровке, я не стряхнул его.

— Быстрей! Быстрей! — понукал он, вцепившись когтями.— Вперед!!

Какой же он оказался тяжелый, зараза! А я-то думал, этот скелет, обтянутый кожей, вообще почти ничего не весит.

На этот раз Энджи не стал проверять устойчивость новой дороги — он распахнул крылья и медленно полетел над красной тропой. Ангел, как всегда, хорошо устроился. А мне пришлось мчаться, сломя голову. Сначала я попытался идти спокойно, но колдун тут же принялся пихать меня коленками под ребра и завопил:

— Бегом!! Быстрее!!!

Я оглянулся и увидел, как красная лента за моей спиной медленно тает. Пришлось припустить рысью.

Никогда в жизни я столько не бегал. Полудемон, вися мешком, бормотал что-то прямо над ухом, гнусно посмеивался и периодически начинал ерзать.

— Слушай, ты,— пропыхтел я на бегу,— сиди смирно, а то сброшу к Дьяволу, никакая магия не спасет.

Он затих на минуту, а потом снова принялся бубнить и хихикать. Я старался не обращать на это внимания, поскольку сквозь его невнятную болтовню начал слышать еще кое-что. Шелест. Настойчивый шепот. Но слов было не разобрать.

Иногда мне удавалось глянуть по сторонам, отвлекшись от вынужденного созерцания дороги. Бирюзовые дымные конструкции исчезли, теперь вместо них кругом возвышались столбы из настоящего гранита и базальта разной толщины и высоты. Вокруг некоторых вилось нечто вроде полос тумана, излучающих ровное серебристое сияние и довольно хорошо освещающих все вокруг. А кое-где я замечал дыры в пустоте — круглые провалы, еще чернее, чем темнота Тонкого мира. Мои глаза будто отказывались видеть, едва взгляд попадал на них, хотя я не мог понять, как такое может быть.

Энджи летел впереди. То поднимаясь выше, то на одном уровне со мной. Парил, почти не взмахивая крыльями, и выглядел очень довольным. Похоже, соскучился по полетам. Я хотел предупредить его, чтобы был осторожнее, но он как раз исчез из поля зрения.

Гранитных столбов стало больше, и когда я поднял голову, то увидел, что наверху они расширяются, превращаясь в шестигранные зонты. Каменные пальмы?.. Туманные кольца вокруг стволов уплотнились, и, пробегая мимо одного из них, я почувствовал жуткий холод.

Число черных провалов увеличилось. Красная дорога под ногами стала бледнеть и пружинила, проседая при каждом шаге.

— Эй! — окликнул я подозрительно притихшего мага.— Добавь мощности. Провалимся!

— Здесь нельзя колдовать,— отозвался он тихо.— Мы и так рискуем.

— Погоди! То есть как?

— Не останавливайся! Продолжай двигаться! Тут все очень нестабильно. Нельзя нарушать равновесие.

Что за бред?! Единственное равновесие, которое я не хотел бы нарушать — это свое собственное. И колдун на загривке не придавал устойчивости.

— Когти убери! Не впивайся в шею!

— Извини,— пробормотал он, и это был первый раз, когда он извинился передо мной. Небывалое дело! Я оглянулся, но Энджи не увидел. Наверное, ангел улетел вперед.

— Когда ты был здесь, все было так же?

— Я не был здесь. Полчаса назад мы миновали место, куда я доходил в прошлый раз.

— Что?! Так ты не был?! Почему же не пошел дальше?..

— Вот поэтому! — воскликнул он с неподдельной тревогой в голосе, показывая вверх.

Я поднял голову. Одна из дыр оживала. Из ее глубины медленно выползала черная бесформенная субстанция. Кусок ожившей тьмы. Шерсть у меня на загривке встала дыбом, а сердце ухнуло вниз. Тварь бесшумно поплыла, заслоняя собой столбы и серебристый туман.

— Может, не заметит,— прошептал колдун, но существо издало низкий звук и ринулось к нам.

— Ну давай, сделай что-нибудь! — крикнул я, отступая по дрожащей дороге.

— Не могу! Начну колдовать, погибнем все.

— Тогда давай назад!

— Нет! Мы пробьемся! В этот раз пробьемся!

Похоже, он окончательно свихнулся. Я повернулся, готовый броситься назад, но дороги не было. Мы стояли на крошечном красном обрывке магического моста. Я не мог двинуться ни назад, ни вперед.

— Да сделай ты что-нибудь!

— Я — не могу! Он сделает.

Навстречу черной твари вылетел Энджи. Меч в его руке ослепительно сиял.

— О нет! Только не это! Он не справится один!

— Справится! Должен справиться...

Ангел медленно приближался к бесформенной твари. Та замерла, словно сомневаясь, стоит ли связываться с незнакомым противником, излучающим белый свет. А может, просчитывала, куда лучше нанести удар.

— С ним возможно договориться? Чтобы оно пропустило нас? — спросил я колдуна, не отводя взгляда от приятеля и черного пятна, осторожно кружащих друг напротив друга.

— Не знаю... — Маг прошептал едва слышный приказ, и нас вместе с обрывком магической дороги отнесло в сторону, к одному из столбов. Мне показалось, что он соврал, как всегда. Все он знал.

— Энджи! — крикнул я, не обращая внимания на предостерегающее шипение полудемона и его когти, впивающиеся в плечи.— Уходи! Не трогай его!

Не знаю, услышал ли меня товарищ, но тварь услыхала точно. Она снова издала низкий гудящий звук, отзывающийся дрожью в грудной клетке, и бросилась. Из середины темной массы вылетело длинное тонкое щупальце, похожее на копье, и ударило в то место, где Энджи был секунду назад. Ангел увернулся и, рубанув по черному отростку, перерубил его. Тонкая извивающаяся плоть отделилась от тела врага, но тут же снова слилась с ним, и существо атаковало еще раз. И еще. И опять...

Энджи взлетал выше, уклонялся от ударов, падал вниз, складывая крылья, снова взмывал наверх. Его меч кромсал тварь на куски, сыпал белыми искрами, описывал сверкающие дуги и полумесяцы. Но, похоже, это не вредило чудовищу. Бесформенное тело срасталось после каждой раны.

— Мы можем пройти сейчас,— шепнул мне на ухо колдун.— Пока оно занято и не видит нас.

Я не сразу сообразил, что он предлагает мне, и даже не рассердился, продолжая следить за воздушными пируэтами ангела, сжимая и разжимая кулаки.

— Советуешь бросить его?

— Советую спастись, пока не поздно.

— Сиди и не рыпайся! А то сброшу к Дьяволу!

Он рыкнул что-то злобное и сполз с моих плеч.

Похоже, крылья нужны ангелам все-таки не только для красоты. Один взмах, и Энджи завис над тварью. Вонзил в нее меч. Отлетел в сторону. И опять ударил, теперь снизу. Только ведь все равно непонятно, где у нее верх, а где низ, и что с ней — может, она уже на последнем издыхании, а может, только начала входить во вкус драки.

— Ты не понимаешь? Если мы останемся, то погибнем!

— Заткнись.

Ангел пропустил один удар щупальца, черное «копье» задело его бедро... Нет, не задело, пролетело совсем рядом. Однако Энджи вдруг шарахнулся в сторону, схватился за ногу свободной рукой. Крови не было заметно, но, похоже, ему было очень больно и стало труднее уворачиваться.

— Надо сделать что-то! Мы не можем просто стоять и смотреть! Что мы можем сделать?

— Уйти отсюда! Сначала оно добьет его, а потом примется за нас!

— Что мы можем сделать?!

— Ничего! — завопил вукодлак пронзительно, брызгая слюной из волчьей пасти.— Здесь нельзя колдовать! Понимаешь ты?! Это место изуродовано Высшими демонами! Они пытаются строить свое пространство, но творить, как ангелы, не могут. Поэтому им приходится выдирать куски из Тонкого мира. Люди берут камень и глину для домов, а темные разрушают ткань пространства. Остаются пустоты, провалы, дыры. Если здесь произойдет всплеск энергии — все рухнет. Слишком тонкие связи в материи.

Он говорил что-то еще, но я уже не слушал его. Тварь поняла — ее враг слабеет. Она бросалась все стремительнее, Энджи едва успевал отбиваться.

— Помоги ему!

— Нет.

— Оно его убьет!

— Сначала его, а потом нас! Не будь дураком! Спасайся, пока есть возможность!

Спасаться? Единственное, что всегда беспокоит демона — это он сам. Его собственная шкура. Если продлить дорогу вон туда, к двум близко стоящим друг к другу колоннам и побежать, можно успеть. А бегать я умею очень быстро.

Тварь снова взвыла и ударила, но на этот раз не отростком. Это было похоже на черную воздушную волну, пульсирующую и закручивающуюся в воронку. Энджи не успел увернуться. Его бросило в сторону.

Швырнуло спиной на каменный столб. Мой инстинкт самосохранения взвыл, требуя немедленно убираться из опасного места, но я почему-то продолжал стоять, сжимая бесполезный меч.

— Давай! Беги! — завопил колдун, удлиняя «дорогу».— Вперед!!

Личинка у меня в спине зашевелилась. Ангел скользил вниз по колонне не находя опоры, пытался взмахнуть крыльями, но не мог. Еще один воздушный поток хлестнул его, выбив меч из руки, и тот, сверкнув, полетел в пустоту.

— Беги же!!

Я сделал шаг вперед. Крылья Энджи, прижатого к колонне ветром, бились и заламывались беспомощно. Он не звал на помощь, хотя, может, его голоса просто не было слышно. Спину резануло болью.

— Что ты делаешь?! — завопил колдун, пятясь от меня и трясясь от злобной беспомощности.— Ты убьешь всех! Хочешь сдохнуть — подыхай, но дай мне уйти!

Но я не стал дожидаться, когда он забьется в безопасный угол. Ударил темную тварь, вложив всю силу в заклинание разрушения. Невидимая стрела вонзилась в черное бесформенное тело, и, за мгновение до того, как мир разорвался на куски, я увидел, как Энджи взлетел вверх.

Черная пустота вокруг меня лопнула, раздираясь, как прогнившая тряпка. В образовавшиеся прорехи хлынул поток красного кипящего света. Каменные столбы, шатаясь, рушились в бездну. Оплывали, как свечи, касаясь багровых струй огня, захлестывающих тьму. Кольца тумана отрывались от каменных оснований и плыли, покачиваясь, словно хлопья пены на волнах. Пространство Тонкого мира закручивало и взбалтывало. Ветер свистел, грохотали камни...

Колдун исчез. Наверное, успел телепортироваться. Ангела тоже не было видно. Я падал. Медленно... Слишком медленно в этом клокочущем безумии. Мимо проносились черные скалы и светящиеся алебастровые пятна. Наверное, так можно было лететь целую вечность. Все ниже и ниже. Хотя здесь вроде нет ни верха, ни низа.

Шкура на моей спине лопалась от боли. В ушах стоял пронзительный визг, заглушающий вопли раздираемого на клочки мира. Наверное, я потерял сознание на какое-то время, потому что неожиданно понял — падение прекратилось. Вокруг расплывались багровые пятна. Меня тащили, крепко держа за плечо.

— Помоги мне,— услышал я неожиданно сиплый, как будто простуженный голос Энджи, но даже не успел обрадоваться, что он жив, не смог ответить, что не могу ему помочь — я услышал в своей собственной голове шепот. Сначала тонкий и визгливый, потом вдруг невообразимо красивый, музыкальный и чувственный, как у сирены, а затем снова срывающийся в пронзительный визг:

— Мне больно! Больно! Он убивает меня! Все горит! Жжет!

— Потерпи. Еще немного. Помоги мне, и я помогу тебе.

— Что сделать?

— Покажи дорогу в Хаос.

— Он уже здесь! Течет везде. Рвется.

— Мне нужны Зеркала времени.

— Вперед. Через провал.

Боль чуть отпустила, и я вдруг понял, с кем разговаривает ангел. С личинкой «гриэльского мрамора» в моей спине. Значит, всплеск энергии во время колдовства оживил ее. Дал сил.

— Энджи...

— Тише, Гэл. Мы почти добрались.

— Не уверен, что доберусь. Больно, сил нет. И не вижу ничего.

— Терпи. Ей тоже больно. Твоя демоническая кровь убивает ее хаотическую сущность и наоборот.

— Что у тебя с голосом?

— Вдохнул слишком много Хаоса,— ответил он с хриплым смешком.

— Где колдун?

— Не знаю.

— Что вокруг?

Ангел не ответил.

Голова кружилась, спину резало. Долгий стон существа, замурованного в моем теле, непрерывно звучал в голове. Полет Энджи стал неровным, его как будто бросало из стороны в сторону, швыряло ветром вверх-вниз. Один раз мою руку задело что-то твердое.

— Камень?..

— Туда! — зазвучало в ушах нежно-мелодичное.— Лети! Падай!

Я почувствовал, как Энджи сложил крылья, устремляясь вниз. Зрение вернулось не вовремя — мы неслись прямо на гранитную глыбу, плывущую в красном потоке. Еще мгновение — и врежемся. Кажется, я завопил, попытался вырваться, а потом зажмурился, сжался, ожидая удара, но так и не дождался его. Меня окатила прохладная волна, по коже под шерстью побежали мурашки, и я решился поднять веки.

Мы по-прежнему висели в пустоте. Далеко внизу кипел огненный водоворот. Из него выплескивались длинные кипящие струи, взлетали вверх и падали обратно. Справа расплывалась серая муть, в которой невозможно было ничего рассмотреть, а слева чернели каменные глыбы, отсвечивающие серебром.

— Туда,— хрипло сказал Энджи и кашлянул, прочищая горло.— Похоже, туда.

Я потер слезящиеся глаза и посмотрел на ангела. Что-то было не так с его лицом. На первый взгляд вроде все нормально: ни порезов, ни ссадин. Обычная утомленная физиономия, у меня после драк и не такая бывала. И все же он выглядел ненормально. Не так, как раньше.

— Помоги! — взвизгнуло вновь в голове испуганно.

— Сейчас,— отозвался Энджи, приземляясь на обломок скалы, кружащийся неподалеку от зеркал.

Значит, мы все-таки добрались до них. Я растянулся на камнях. Спину жгло, как будто по ней тек жидкий огонь.

— Слушай, Энджи, похоже, эта тварь рвется наружу.

— Я знаю.— Ангел снял меч с моего пояса, осмотрел лезвие и удовлетворенно кивнул.— Ей надо помочь.

Я не успел даже открыть рот, чтобы возмутиться, когда он одним махом рассек кожу у меня на хребте. Одним быстрым движением опытного мясника. Я взвыл, рванулся, чувствуя, как хлынула кровь, услышал треск собственной шкуры, перевернулся на бок и вдруг увидел... Нечто светящееся, переливающееся всеми оттенками красного, похожее на смятый кусок шелка. Черные струйки моей крови стекали с него, а оно медленно разворачивалось, повиснув в воздухе.

Существо было похоже на морского ската, только прозрачное, сияющее и волшебно-прекрасное. Я не мог разглядеть ни его тело, ни лицо, видел только два широких багровых крыла. Они росли, становясь огромными, как паруса. И каждый их взмах нагонял волну горячего воздуха.

Несколько мгновений невероятное создание висело над скалой, потом издало громкий, протяжный крик и неторопливо поплыло в сторону воронки, кипящей огнем.

Я следил за его полетом до тех пор, пока оно не нырнуло прямо в центр пламени. Потом закрыл глаза и прижался лбом к холодным камням.

— А в стадии личинки она выглядела омерзительно.— Энджи снова кашлянул, безуспешно стараясь вернуть голосу прежнюю ангельскую мелодичность, и принялся залечивать мою спину.

Боль прошла на удивление скоро. Голова перестала кружиться. Зрение прояснилось окончательно. Но, самое главное, теперь я снова мог колдовать! Последняя мысль оказалась поистине исцеляющей. Я оттолкнул руку компаньона. Вскочил. Потянулся и почесал чуть саднящие лопатки. Шерсть на них кое-где вылезла, остались широкие проплешины, но это ерунда.

Я прокрутил в голове длинное заклинание и неторопливо, с удовольствием развернул телепорт.

— Прошу, дорогой друг. Теперь мы вновь можем путешествовать с комфортом.

Энджи, сидящий на камнях, криво улыбнулся. Его руки по локоть были в моей крови, черные пятна расплывались по драной тунике и стекали с крыльев. Похоже, лекаря неплохо окатило, когда он вспорол мне спину.

— Не болит? — спросил он без прежнего сочувствия в голосе, почти равнодушно.

— Нет. Нормально. Спасибо.

— Хорошо.— Ангел встал, вытер грязные руки подолом туники.— Еще один раз я спасаю тебя, и мы квиты.

Он распахнул крылья и полетел к мрачным громадам зеркал. Я шагнул в телепорт.

Глава 6
ПУТЬ К ХАОСУ

Дорога была усеяна не огненными ловушками и не разрывами пространств, а трупами волков. Девятнадцать раз Эмил пытался пробиться к Хаосу и каждый — возвращался обратно, теряя всех, с кем шел.

Бьянка и Серый не выдержали холода зимнего мира. Пришлось делать остальных более устойчивыми к морозу. Рисла и Дьюну убили излучения Нижнего мира, и колдун несколько месяцев вливал в других зверей защиту от эманаций Домов мертвых. Дуна и Риту сжег огненный плющ. Ари взбесился, увидев картины Тонкого мира, и он убил его сам. Пуну задрал снежный медведь, когда она бросилась защищать Эмила. Мьюта распылил тетраим, которому вздумалось прогуляться по чужому пространству. И сколько их еще: убитых, замерзших, сожженных, не проснувшихся после сонного зелья.

«Они думают, мне все равно,— бормотал колдун, лежа на обломке скалы медленно плывущей по кипящему морю Хаоса.— Они ненавидят меня. Они ничего не знают». Кер сидел рядом, и его слепые глаза отсвечивали красным. Молчал. Черный силуэт стервятника с лицом старика.

«Я слишком устал. Надо отдохнуть...» Дряхлое тело Эмила не могло вместить в себе всю накопленную мощь, и ему казалось, что сосуды звенят от магической силы, текущей в крови. Рана на груди опять открылась и ныла, не переставая.

На лицо полудемона упала тень. Багровый силуэт либрестина заслонил свет. Живой парусник Хаоса, вечный странник никогда не останавливался и не садился на скалы. До самой смерти. Медленно взмахивая крыльями, величавое создание летело по одному ему известным тропам.

Эмил вспомнил, что личинку либрестина, «гриэльский мрамор», носил в себе оборотень. Или носит, если все еще жив. Колдун испытал мгновенную злость, вспомнив о бестолковом спутнике. Он нисколько не сожалел, что бросил оборотня с ангелом. Его не волновало, удалось ли им спастись. Главное они совершили — довели его до зеркал. Остальное не имело значения, он не собирался губить дело своей жизни из-за чужой глупости.

Полудемон поднялся. По-звериному принюхался.

Справа тек широкий поток огня. Сначала он струился по невидимому руслу. Потом, превращаясь в водопад, лился вниз, закручиваясь гигантской воронкой. И снова устремлялся наверх, вопреки всем известным Эмилу законам мироздания.

Впереди растекалась чернота, в которой время от времени мелькали белые вспышки. А чуть левее — возвышались нагромождения гигантских камней.

Колдун протянул руку и заставил свою скалу двигаться быстрее.

Издали казалось, будто обрывистые «склоны» скал облиты серебром, излучающим едва заметное сияние. Но когда черные глыбы приблизились, закрывая собой дрожащие огни Хаоса, стало видно, что они покрыты зеркальной сетью. Она слегка дрожала, словно под порывами ветра, и выгибалась.

Здесь было холодно. Не обычный зимний мороз — мертвенная стужа пронизывала не только тело, но и душу, сознание... Стряхивая оцепенение, Эмил потер уши, потряс головой: «Что делать дальше? Я не знаю... Подсказать некому, придется довериться чувствам».

Он начал медленно двигаться между зеркалами. Некоторые их ячейки были пусты. Другие серебрились едва заметно. Третьи оказались заполнены желеподобной массой, похожей на ртуть.

Возле одного из таких залитых провалов Эмил остановился и, повинуясь непреодолимому желанию прикоснуться к блестящей поверхности, протянул руку. Пальцы утонули в густой жиже. Колдуна потянуло вперед, и он послушно шагнул навстречу времени.

Непроглядная мгла окутала все вокруг... Но постепенно она рассеялась, впереди лениво потекли серебряные струи. А затем полудемон ощутил чужое присутствие. Оборотень был где-то рядом. И ангел маячил поблизости. Значит, тоже добрались.

Эмил усмехнулся. Эти двое не были вольны, в отличие от него. Они послушно шли за Ритуалом, и тот швырял их из будущего в прошлое. «А я свободен,— с удовлетворением кивнул себе колдун.— Я действую вопреки всему. Я сам хочу понять, что произошло».

Пространство перед ним кипело ртутным серебром. «Я хочу знать...» — прошептал Эмил и замолчал. Он находился рядом с источником, который мог поведать о любой тайне мироздания, и не знал, с чего начать. Что самое главное? За что схватиться в первую очередь?

Четкие конкретные вопросы, которые он держал в голове, вдруг рассеялись. Их заглушили бессмысленные чувства, ослепляющие логику: «Я не хочу жить шесть тысяч лет в зверином обличье! Я не хочу ползать на четвереньках, загибаясь от боли! Я устал от чувства вины, пожирающего душу... то, что от нее осталось. Я мечтаю напоить наконец ненависть, высушившую меня изнутри... Покажите мне... покажи мне все. Что я сделал не так?! Что привело к моей затянувшейся смерти? Нет, не предательство отца... Я сам знаю об этом. Что было раньше? С самого начала!»

Колдун ощущал — тело его продолжает висеть в коконе из сверкающей ртути, а сознание летит сквозь тьму. Все быстрее и быстрее. Разноцветные размытые образы замельтешили вокруг. И кружили, пока внезапно не сложились в четкую картину. Эмил почувствовал, что остановился. Замер, застыл... И медленно открыл глаза...

Он лежал не шевелясь, в углу, прижавшись животом к теплым доскам пола, опустив голову на вытянутые лапы, чутко прислушиваясь. И чувствовал себя в центре запахов и звуков.

Скрипели половицы, звучали тихие голоса. За стеной скреблась, попискивая, одинокая крыса, гудел ветер. Пахло деревом от пола, тянуло сыростью, мышами, жареным мясом, сеном.

Рядом раздались быстрые шаги. Прошелестел подол юбки. Головы коснулась теплая рука, погладила робко, готовая в любую минут отдернуться. Он поднял взгляд и увидел женщину в сером платье. Грудь, стянутая простым корсажем, вздымалась часто, взволнованно, как будто крестьянка с трудом душила в себе слезы.

— Эмил... — Голос нежный, дрожащий все теми же не пролитыми слезами.— Поешь, пожалуйста. Тебе надо поесть.

Перед носом оказалась глубокая глиняная миска. Из нее остро пахло мясом. Сочные куски плавали в густой подливке. Пасть наполнилась голодной слюной, но он отвернулся от угощения.

— Ты должен есть!

— Нельга, не надо,— послышался юношеский голос.

— Он ничего не ест уже третий день! Я не знаю, как заставить. Как уговорить!

Девушка замолчала, потому что Эмил поднялся. Вышел на середину комнаты. Осмотрелся. Закопченная печь, лавки, дверь. На стене — обломок мутного зеркала. Полудемон посмотрел себе в глаза и почувствовал, как раздваивается. Одна его половина висела, беспомощная, в Хаосе, другая стояла на дощатом полу в теле огромного косматого волка.

«Я должен это запомнить. Это важно».

Женщина со слезами на ресницах держала миску с едой. Волк знал ее. При виде этих золотистых длинных кос и натруженных рук сердце начинало колотиться и наваливалась такая тоска, что хотелось выть.

Колдун медленно повернулся. Надо было уходить. Немедленно. Он не знал, почему хочет уйти. Что-то гнало прочь.

Зверь пошел к выходу, но женщина подбежала к двери первой, загородила ее:

— Нет! Не уходи! Ты не можешь уйти! Я не пущу тебя!

Он посмотрел ей в лицо, и она, закусив губы, отошла.

Волк выпрыгнул в темноту и побежал. А вместе с ним Эмил. Пока он не мог осознать себя до конца зверем, полностью слиться с его памятью. Получалось только наблюдать. Следить издали и время от времени переживать чужие чувства. Он следовал за прошлым и ждал, когда все вспомнит.

Ночь пахла холодом. Черной зубчатой стеной стоял лес. Пожухшая трава никла к земле. Было тихо. Никто не шуршал, не шелестел, не пробегал мимо на мягких лапах. Пусто. Мыши забрались в норы, змеи уснули, свившись клубками, птицы улетели. Крупные звери ушли в глубь чащи.

Эмил бежал вперед, прислушиваясь к себе. Магических сил почти не было, лишь где-то в глубине тлела искорка, которая поддерживала человеческий разум в волчьем теле, не давая скатиться до звериной тупости.

«Надо найти источник. Любой. Надо вернуть силу» — это была первая связная мысль, которая четко прозвучала в голове. Остальные — невнятный, глухой шум...

Несколько ночей он шел лесными тропами, полагаясь только на звериное чутье и голод, разливающийся в душе. Обнюхивал черные валуны, лежащие под деревьями. И, узнавая знакомые запахи, вспоминал дорогу.

На пятые сутки впереди показались развалины. Гигантские камни валялись на развороченной земле. Под ними лежали сломанные в щепки деревья. Из горла волка вырвалось тихое рычание. Он подошел ближе. Принюхался. Раньше здесь был мощный источник темной силы, но он иссяк. Уничтожен. Ничего не осталось...

Эмил снова почувствовал тоску, сожаление, почти физическую боль. Скорее догадался, что это его дом, чем узнал его. Всю ночь он бродил по руинам. Обнюхивал камни, переворачивал некоторые из них. Но гранит и земля под ним были мертвыми.

А рано утром волк услышал крадущиеся шаги и человеческие голоса. Затаившись в кустах, зверь глядел сквозь ветви.

Два крестьянина, вооруженные вилами, поминутно оглядываясь, подбирались к его логову. Испуганно-любопытные лица, крепкие загривки, настороженно шарящие по сторонам взгляды.

— Слышь, зря мы сюда,— бормотал один, поминутно оглядываясь через плечо.— Вдруг он здесь где.

— Да нет его, говорят тебе,— отвечал второй, явно гордясь собственным мужеством.— Помер колдун.

— Не надо бы,— продолжал ныть боязливый.— Вдруг душа его еще тут бродит. Да и не осталось ничего. Одни камни.

— У него золота полные подвалы были. Может, чего высыпалось.— На туповатой физиономии храбреца появилось выражение неудержимой жадности.— Иди-пошевеливайся! Богатством разживемся, спасибо еще скажешь, что тебя привел.

Черная ярость зашевелилась в душе Эмила. Двое оборванцев собрались грабить его дом, копошась в поисках несуществующих сокровищ. Осквернять своим гнусным любопытством то немногое, что осталось от его прошлого... Грозный, низкий рык вырвался из его глотки. Крестьяне, цепенея от ужаса, медленно повернулись и увидели огромного зверя с оскаленной пастью.

Вилы выпали из ослабевшей руки храбреца. Он завопил и бросился бежать. А его приятель застыл на месте, глядя на зверя пустыми остекленевшими глазами.

Легкая добыча. Эмил опрокинул его на землю, вцепился в шею. Из разорванного горла брызнула кровь. Минуту тело дергалось и билось,

потом затихло. Волк облизнулся и бросился за вторым. Догнал на краю поляны. Этого не стал убивать быстро. Притащил визжащую и почти не сопротивляющуюся жертву к развалинам, бросил на камни.

Парень, увидев своего соседа, валяющегося в луже крови, не придумал ничего лучшего как грохнуться на колени перед полудемоном и заскулить:

— Господин колдун! Не убивайте! Больше никогда... Никогда больше...

Он пытался выговорить, что больше никогда не придет сюда. И Эмил верил — действительно не придет.

Демоны тянут силу из человеческой боли и ужаса. Он тоже был демон, пусть всего лишь наполовину. Тонкая ниточка тепла и жизни. Совсем немного, но лучше, чем ничего.

Спустя час Эмил сидел, осматривая себя. Уже не лапы, но еще и не руки. Шерсть. Волчья морда слегка изменилась, однако способность говорить по-прежнему была утеряна. Одной смерти, пусть и мучительной, мало. Он поднялся, равнодушно обошел то, что осталось от крестьянина, послужившего энергетическим источником, и побежал в лес.

За три дня колдун убил еще двоих — старуху, собиравшую травы, и оборванного пьяницу, храпящего под кустом.

На четвертый день блуждания в чаще Эмил наткнулся на поляну, по краю которой росли искривленные больные деревья с бледно-зелеными поганками у корней. В центре ее виднелась проплешина. Люди называли такие места ведьмиными кольцами и старались держаться от них подальше.

Колдун вышел в круг и принялся рыть землю. Затем лег в неглубокую яму, вжался в почву. Снизу сочилась слабенькая аура темной силы, и он терпеливо собирал ее капли, не двигаясь с места целые сутки...

Как он и ожидал, тело стало меняться. Однако вместе с изменениями пришла боль. Она выкручивала суставы. Сводила челюсти. Скручивала удлиняющиеся пальцы. Вонзалась в распрямляющийся позвоночник. Эмил катался по траве и стонал сквозь зубы уже совсем по-человечески.

Потом долго лежал, не в силах пошевелиться, сквозь усталость чувствуя сосущую боль в душе и сокрушающее чувство вины. Он хотел убивать, чтобы отгородиться от него. Но чем больше было смертей, тем сильнее становился «голод». После каждой новой жертвы смутное ощущение покоя возвращалось. И так же быстро проходило. Черная бездна, распахивающаяся в душе, требовала новых чужих мучений, новой силы, а желудок — новой крови.

На шестой день он поймал кролика. Волчье чутье подсказало, какое вкусное и теплое у него мясо, как приятно захрустят на зубах тонкие косточки. С голодным рычанием он разорвал маленькую тушку зверька, вгрызаясь в его бок, и вдруг услышал совсем рядом, у дерева, за которым сидел, тихий шорох, шаги, размеренное человеческое дыхание.

Колдун выпустил добычу и резко обернулся. У дуба стоял мальчишка-подросток, которого он уже видел в лачуге, где очнулся и откуда убежал. Лицо этого смертного отличалось от туповатых физиономий местных жителей. Кудрявые каштановые волосы были аккуратно причесаны, и пахло от него не навозом и потом, как от деревенских жителей, а лугом, земляникой...

Эмил заглянул в янтарно-карие глаза и вдруг на мгновение увидел себя со стороны. Полузверь, полудемон, жуткая сгорбленная тварь, покрытая клочьями шерсти, с оскаленной звериной пастью и черными когтями, испачканными свежей кровью. Любой, увидев такое в лесной чаще, бросился бы прочь, вопя от ужаса.

Но мальчишка продолжал спокойно рассматривать его, не собираясь уходить. И почему-то не боялся. От него не веяло кисловатым запахом страха, который принуждал мгновенно броситься на дрожащую жертву. Голодное рычание заклокотало в горле волка, задние лапы напряглись, готовясь к прыжку. Зверь уже представлял, как вопьется в беззащитное человеческое горло, но подросток вдруг заговорил.

— Эмил,— произнес он тихо.— Ты меня не узнаешь?

Что-то смутное, раздражающе знакомое было в его голосе и взгляде. Рычание на мгновение стихло в глотке полудемона, он пристальнее вгляделся в человека. Но мутная ярость снова резанула изнутри, и волк опять оскалился.

— Я Мёдвик. — Тот медленно шагнул вперед, протягивая руку.— Я искал тебя. Ты меня совсем не помнишь?

Колдун попятился, не спуская взгляда с ладони, тянущейся к нему.

— Эмил,— прошептал мальчишка.— Я хочу помочь.

Его голос приводил волка в смятение, пробуждал в памяти какие-то давние, почти забытые чувства. Тревогу. Колдун понял, что не может убить странного подростка, не испытывающего страха. Лучше уйти, оставить его в покое.

Волк отступил на шаг. Отвернулся. И тут его головы, покрытой землей и засохшей кровью, коснулась легкая ладонь. Эмил замер, не зная, что делать — впиться в руку, посмевшую дотронуться до него, или стоять, не двигаясь, впитывая тепло, исходящее от нее.

— Пойдем со мной.— Мёдвик не просил, он приказывал, мягко, но настойчиво.— Идем...

Колдун снова зарычал, не зная, как поступить.

— Не надо,— тихо ответил мальчишка в ответ на его угрозу.— Тебе будет только больнее... Идем со мной, я помогу.

И вукодлак послушался. Он пытался передвигаться как прежде, на четырех лапах, но мальчик не позволил:

— Я знаю, что больно. Но ты человек. Помни о том, что ты — человек.

Идти прямо было трудно, однако он снова подчинился, завороженный тихим голосом.

Они медленно шли через чащу, продирались через кусты, перелезали через кучи бурелома. Один раз пересекли широкую лесную дорогу.

Совсем недавно здесь проехала телега, крепкий запах лошадиного пота все еще стоял в воздухе. Колдун шумно принюхался, но Мёдвик снова заговорил с ним, и мысль об охоте забылась.

Время от времени смутное беспокойство начинало шевелиться в душе колдуна, но его заглушал тихий голос человека.

Долгий путь через лес закончился на солнечном берегу круглого озера. Здесь у самой воды догорал маленький костерок. От него едко пахло горящим можжевельником и еще чем-то незнакомым. Едва этот запах коснулся ноздрей полудемона, как он почувствовал слабость. Она медленно разлилась по всему телу, наполнила голову тяжелым туманом. «Опасность!» — закричало во весь голос звериное чутье, но бежать было поздно.

Вукодлак вдруг понял, что не может стоять. Лапы подогнулись и мягко опустили его в траву. Тихое рычание вырвалось из пасти и тут же смолкло, сжавшееся горло больше не могло выдавить ни звука. Веки потяжелели, но прежде чем зрение погасло, Эмил увидел, как Мёдвик вытаскивает из костра длинный прут с раскаленным кругом на конце, таким обычно клеймят животных, и медленно приближается к нему...

Колдун проснулся от боли. Но теперь она жгла не изнутри, а снаружи. Болело солнечное сплетение, запястья, ступни, голова... Он понял, что лежит на спине, а над ним раскинулся купол ночного неба, куда летят красные искры. Едва слышно плескалась вода в озере. От земли тянуло прохладой.

Эмил попытался перевернуться на бок, и со второй попытки это удалось. Он увидел кромку берега, заросли пожухшего камыша, костер. Возле него сидел тот самый подросток, который привел сюда. Голова мальчишки клонилась на грудь, каштановые волосы завесили лицо. В руке Мёдвик держал все тот же длинный железный прут.

Колдун приподнялся. Он находился в круге, выложенном разноцветными камнями — белыми, розоватыми и черными. На внешней стороне каменной линии были нарисованы символы защиты и подчинения. Полудемон в недоумении протянул руку (она оказалась черной с длинными когтями, и это тоже слегка удивило его), чтобы дотронуться до ближайшего знака, но его вдруг отшвырнуло назад и обожгло. Боль, вспыхнувшая во всем теле, была такой сильной, что он зашипел. Схватился за ладонь и увидел на ней глубокий красный ожог в форме двух полумесяцев. Точно такие же раны оказались на груди и на ногах — их выжгли раскаленным железом.

Мёдвик вздрогнул, просыпаясь. Вскинул голову.

— Ты очнулся? — произнес он с улыбкой.

— Что... ты... сделал? — с трудом выговорил полудемон.

— Ну вот,— обрадовался тот.— Ты уже можешь говорить! Значит, я все делал правильно.

Подросток подошел ближе, и колдуну стало видно, какое у него утомленное лицо. Рука, все еще сжимающая прут, дрожала, а одежда местами была порвана и испачкана.

— Это ты сделал? — Эмил посмотрел на ладонь, где краснел глубокий ожог.

Мальчишка не стал отнекиваться и скромно кивнул. Полудемон взревел от ярости и бросился на него, но невидимая стена снова швырнула его на землю. Раны обожгло.

— Значит, еще недостаточно.— Подросток заботливо смотрел на колдуна, корчившегося в круге от боли.— Ты еще не совсем пришел в себя.

— Выпусти меня!

— Не могу. Ты вредишь себе.— Мёдвик вернулся к костру и опустился возле него на колени, раздувая угли.— Убиваешь людей и превращаешься в монстра.

— Разомкни круг! — Рыча от ненависти и злости, колдун вновь бросился на невидимый барьер. И снова был отброшен.

Каждая неудачная попытка пробиться сквозь магическую границу причиняла новые страдания и вызывала новую вспышку ярости. Вукодлаку хотелось добраться до человечишки и разорвать его в клочья, но тот оставался недосягаем.

Мёдвик, кусая губы, смотрел, как беснуется запертый колдун. Потом он вдруг решительно тряхнул каштановыми кудрями, поднял прут, помедлил секунду и сунул его в огонь. Сейчас же жуткая боль прошила все тело полудемона. Его жгло изнутри и снаружи, выкручивало и встряхивало. В какое-то мгновение мучение стало непереносимым, а потом земля, взрытая его когтями, вдруг оказалась у самого лица.

Эмил лежал, прижимаясь щекой к холодной глине, а сверху на его висок лилась ледяная вода. Повернув голову, он увидел все того же малолетнего мучителя с кувшином в руках.

— Что... изгонял из меня... демона? — прохрипел колдун, вставая на четвереньки и мотая головой так, что брызги полетели во все стороны.

— Изгонял.— Подросток сел рядом, поставил кувшин между коленями. Поправил несколько камешков, образующих круг.— И тебе уже лучше. Я видел, как ты оборачиваешься из человека в зверя, и повторил все в обратной последовательности. Наверное, убийства, которые ты совершил, чтобы вернуть силу, мешают мне полностью завершить твою трансформацию. Нужно больше времени...

— Что ты болтаешь?! — прорычал Эмил, растирая ноющую грудь.— Кто ты такой?

— Меня зовут Мёдвик,— терпеливо повторил мальчишка.— Я твой ученик. Помнишь? Ты привез меня в свой замок, потому что у меня есть дар... Я понимаю язык растений.

— Замок разрушен... — пробормотал колдун, снова падая на спину.— Я видел развалины.

— Я знаю,— печально подтвердил подросток. Но тут же повеселел: — Но теперь у нас есть новый дом. Далеко отсюда. И когда ты придешь в себя, мы сможем вернуться туда.

— Я уже в себе. Я хочу уйти отсюда. Я голоден.

— Собираешься есть сырых кроликов? — весело спросил мальчишка.

Полудемон не ответил. Мысль о сыром мясе, еще недавно казавшемся таким аппетитным, вызвала отвращение.

— Я хочу вернуться к прежней жизни.

— Тогда у тебя два пути,— очень серьезно сказал Мёдвик. Он поднял металлический прут, клеймо на конце которого все еще было раскалено. И Эмил невольно содрогнулся, вспоминая боль, которая вспыхивала в его теле, как только этот предмет погружали в огонь.— Ты можешь превратиться в чудовище, существующее от одного убийства до другого, питающееся крохами человеческой боли, и медленно терять разум... Или стать человеком. Жить нормальной жизнью, как все.

Эмила не удивила редкая осведомленность мальчишки, он задумался о другом.

— Мне нужно сохранить разум и вернуть магическую силу. Как можно больше.

Подросток помолчал, глядя в костер, потом произнес с явной неохотой:

— Это третий путь. Когда Хул пыталась убить тебя, Рубин Карашэхра оставил в тебе след. Его Огонь — мощный источник силы, и если бы ты открыл его в себе, смог бы черпать магию оттуда... Но я не знаю, как это сделать.

Эмил промолчал и снова вытянулся на земле.

Некоторое время он лежал на спине, прислушиваясь к сухому шелесту тростника и далекому волчьему вою. Потом поднял руку, поднес ее ближе к лицу. Она была уже вполне человеческой, но с длинными черными когтями и грубой серой кожей.

Колдун приподнялся, осматривая себя. Косматая шерсть на груди вылезла, но все еще густо покрывала живот, ноги и плечи. Звериные задние лапы стали больше похожи на нормальные ступни. Грудная клетка раздалась, позвоночник немного выпрямился, хотя Эмила все еще гнуло к земле. Уши остались прежними, остроконечными. Лоб был низким, а глаза глубоко запавшими в глазницы. Лицо на ощупь все еще напоминало волчью морду, но он снова мог говорить. Взгляд полудемона зацепился за ожог на ладони, и он показал его мальчишке:

— Что это за знак?

— Мантра,— объяснил тот охотно.— Успокаивает, оберегает от низменных страстей. Через какое-то время рана исчезнет, а защитная сила останется.

— Ты все продумал, как я погляжу,— усмехнулся колдун. В душе снова шевельнулась было злость, но возвращение приступа яростного безумия показалось таким утомительным, что он постарался заглушить ее.

Кажется, Мёдвик действительно пытался помочь ему.

— Почему ты возишься со мной?

— Потому что ты возился со мной прежде,— тихо сказал подросток, бросая в огонь несколько сухих веточек.— Потому что ты нам нужен. Мы скучаем по тебе.

Эмил глубоко вдохнул душистый аромат, примешавшийся к горькому запаху дыма.

— Кто это мы? — пробормотал он.— Я ничего не помню.

— Совсем ничего? — Голос Мёдвика чуть дрогнул.

— Не совсем.

Следующее воспоминание вызвало в душе бурный всплеск ярости. Женщина, изумительно красивое лицо которой сползает, словно маска, а под ним оказывается уродливая морда. В ее руке сияет жезл с красным корундом на конце. Она размахивается, и из камня хлещет пламя, вонзаясь Эмилу в грудь...

Колдун перевел дыхание:

— Чувствую ненависть... к Хул за то, что она сделала со мной. За то, что забрала оружие, принадлежащее мне... За... — Он не договорил. Горечь, которая скрывалась глубоко в душе, плеснула наружу. «Она убила Буллфера моими руками! Никчемное создание Верховного демона принесло ему гибель. Я убил его...»

Смириться с этим было невозможно. Эмил попытался загнать жгучее чувство утраты, вины, отвращения и ненависти к самому себе как можно глубже внутрь. Но оно рвалось на поверхность.

— Рубин забрал всю твою магию. Лишил прежнего облика,— прошептал Мёдвик, глядя в сторону.— Он не убил тебя физически, ведь Ключ был создан из твоей крови, но... мне кажется, от его огня пострадала твоя человеческая сущность. Та, что умела сочувствовать и любить. Поэтому ты так быстро скатился до звериного состояния. Поэтому испытываешь лишь ненависть.— Мальчик тяжело вздохнул, а потом попытался улыбнуться и сказал не слишком уверенно: — Я думаю, со временем это тоже пройдет, нужно только...

— Мне все равно,— резко перебил его Эмил.— Я хочу свернуть шею Хул. А что я буду при этом испытывать — злорадство или ярость, неважно. Но я не могу этого сделать! Я абсолютно беспомощен.

Мёдвик грустно покачал головой, похоже, у него были другие соображения. Но промолчал.

Полудемон сел и вдруг услышал вдалеке долгий тягучий рев, словно загудела сразу сотня рогов. В ночное небо с испуганным криком взметнулась стая ворон. Земля мягко вздрогнула. В лесу шумно упало несколько деревьев.

Эмил вскочил, громко втягивая носом холодный воздух. Пахло опасностью и пока еще едва различимым, едким запахом мокрой шерсти. Мальчишка, стоящий рядом, настороженно оглядывался.

— Гаси костер! — рыкнул колдун. И пока ученик заливал угли водой, хмуро пробормотал: — Я знаю, что это значит. Ее Могущество Хул объявляет себя Хозяйкой Срединных земель.

На землю быстро опускалась тьма, но волчьи глаза Эмила великолепно видели в сумраке. Он взглянул на оцепеневшего Мёдвика и приказал:

— Выпусти меня. Разбей круг.

— Я не могу... — Тот растерянно посмотрел на цепочку камней, излучающих едва заметное сияние.— Еще рано, ты не до конца...

— Слушай меня! — гневно рыкнул полудемон. Убедился, что подросток внимательно смотрит на него, и продолжил спокойнее: — Хул официально объявила себя Госпожой и теперь выпустит на поверхность слуг, чтобы накормить их и пополнить запас энергии. С этой поляны тянет магией на весь лес. Думаешь, куда они пойдут в первую очередь? Я уже чувствую, сюда приближается кто-то.

— Если я тебя выпущу,— воскликнул мальчишка с отчаянием,— трансформация не закончится, ты останешься калекой!

— Делай, что тебе говорят!

— Я не... — Он не договорил.

На поляну одним длинным прыжком выскочил огромный зверь. Эмил, ожидавший увидеть демона, на мгновение замер от удивления. Это была кошка — пума или пантера. Ее короткий серый мех переливался. Зеленые зрачки светились. А длинный хвост хлестал по гладким бокам.

Она была еще совсем молодой. Колдун понял это по пышному воротнику, обрамляющему длинную шею, кремовому горлу и выражению удивленного любопытства на усатой морде.

— Какая неожиданная добыча,— промурлыкала химера довольно внятно.— Мальчик... нет, уже почти юноша, и мужчина, почти волк.

— Я слышал, как открылся телепорт,— произнес Эмил, рассматривая ее так же внимательно, как и она его.— Но ты не демон...

Кошка оскалилась, прижимая уши к голове:

— Больше здесь не будет темных. Теперь все принадлежит нам. Как долго мы жили, питаясь крохами с их стола. Прятались и голодали. Теперь Хозяйка этого мира — одна из нас. Она открыла земли для своих сестер и братьев. А здесь так много дичи.

Кошка замурлыкала довольно. Мёдвик сделал маленький шажок ближе к цепочке разноцветных камней.

— Демоны не отдадут свои охотничьи угодья просто так,— ответил Эмил, стараясь как можно дольше занимать молодую любопытную химеру разговором. Будь на ее месте кто-нибудь постарше, он бы напал сразу, не теша свое самолюбие.

— Их никто не будет спрашивать! — фыркнула она, презрительно щурясь на беспомощного, заключенного в магический круг.— У Хул есть могущественное оружие, с которым все мы стали непобедимы.

— Темные создания не так слабы, как тебе кажется,— усмехнулся колдун, замечая краем глаза, как Мёдвик постепенно придвигается к нему.

— Ты слаб. Ты в ловушке. О какой силе ты говоришь?! Тебя смог поймать ребенок.— Кошке заметно надоело болтать, под ее великолепной шкурой напряглись мышцы. Выразительная морда загорелась охотничьим азартом.

— Не тебе судить,— пробормотал Эмил едва слышно.

В тот же самый миг химера бросилась на мальчишку. Колдуну показалось, что время остановилось. Он видел зверя, зависшего в воздухе в длинном прыжке, Мёдвика, разметавшего прутом цепь камней, белые искры, летящие с клейма. А потом вдруг все происходящее понеслось с огромной скоростью. Эмил рванулся вперед и, сцепившись с противницей, покатился по траве.

Ненависть полудемона наконец-то нашла выход. И он, не чувствуя боли, с дикой яростью вымещал ее на молодой химере, полосуя когтями прекрасную бархатную шкуру. Потом сжал волчьи челюсти, слушая хруст позвонков. Кошка дернулась последний раз, тело ее обмякло...

Эмил перевел дыхание и медленно поднялся, оттолкнув мертвого зверя. Бок болел, голова кружилась, но он, стараясь не обращать на это внимания, огляделся.

Мёдвик лежал на спине, штанина на его левой ноге намокала от крови.

— Все хорошо,— прошептал он, глядя на приближающегося полудемона. В его глазах не было страха, лишь напряженное ожидание.— Мне почти совсем не больно.

Эмил ничего не ответил, догадываясь, о чем думает бывший воспитанник. Не вернется ли «учитель» к прежнему безумному состоянию, и не вызовет ли вид беспомощного человеческого тела новую вспышку волчьего инстинкта. Колдун наклонился, с треском разорвал штанину и осмотрел царапины — те были глубокими, но не настолько, чтобы мальчик истек кровью прямо сейчас. Легко подняв ребенка, он взвалил его себе на спину. Буркнул:

— Держись крепче.

— Я мог бы и сам... — прошептал тот, но послушно уцепился за плечи.

Колдун в последний раз глянул на мертвую химеру и сначала пошел, а потом побежал в лес, прочь от озера.

— Хул делает большую глупость... — бормотал он по дороге.— Неужели она хочет запереть демонов в подземельях, а внешние земли отдать химерам?

— Она теперь Хозяйка,— ответил Мёдвик, прижимаясь щекой к его плечу.— Она делает, что желает. И у нее есть Рубин.

— Все равно глупо... Демоны не простят ей.— Эмил перелез через замшелый ствол ели, лежащий поперек дороги.— Мне кажется, или ты стал тяжелее?

Мальчишка промолчал.

Полудемон побежал быстрее. С каждой минутой дорога становилась все более знакомой. Густой ельник закончился. Появились высокие сосны. За пригорком негромко журчала вода.

Спустившись в овраг, Эмил перешел ручей. Насколько он знал, химерические кошки, преследуя врага, полагаются на чутье. Если они обнаружат труп своей сестры, убитой им, и бросятся в погоню, то потеряют след на берегу.

Волчье чутье подсказывало, как лучше запутать предполагаемых преследователей. Он долго брел по колено в воде, сожалея, что не может воспользоваться магией Рубина, часть которой, как утверждал Мёдвик, скрыта в нем. Мальчишка, висящий на спине, казался слишком горячим, и пахло от него нездоровым жаром и кровью — этот запах мог привлечь не одного хищника.

Один раз Эмил снова услышал гул открывающегося телепорта и заторопился сильнее, скользя на мокрых камнях. Будь он человеком— упал бы уже не один раз. Будь демоном — не выдержал и разорвал беспомощную жертву. Но он был тем и другим лишь наполовину, поэтому терпел, хотя его собственные раны болели, сердце колотилось все сильнее, а дыхание сбивалось с каждым шагом...

Когда впереди появились очертания крошечного домика с провалившейся крышей, он уже едва стоял на ногах. Это был та самая лачуга, о которой говорил Мёдвик. Эмил узнал ее по запаху гниющего дерева и дыма. Заброшенная сторожка стояла на крошечной полянке, вокруг которой буйно разрослись рябина и дикий шиповник. И это — вместо великолепного каменного замка. Отличная замена, ничего не скажешь. В другое время колдун посмеялся бы над удивительными превратностями судьбы, но сейчас ему было все равно.

Он удобнее перехватил Мёдвика, поднялся по покосившемуся крыльцу, дернул дверь, но она была заперта.

С той стороны прозвучали быстрые шаги, и встревоженный женский голос спросил:

— Кто там?

— Открывай быстрее,— отозвался полудемон.

В ответ раздалось громкое аханье, загремел засов, дверь распахнулась. На пороге стояла девушка в грубом сером платье. В одной руке она держала свечу. Робкий огонек осветил позднего гостя, и Эмил снова увидел себя со стороны, теперь ее глазами. Горбатое чудовище с оскаленной в тяжелом дыхании пастью. Крестьянка зажала ладонью рот, заглушая крик, и отступила на шаг.

— Это ты... неужели... — произнесла она невнятно, потом перевела взгляд на Мёдвика, и зрачки ее расширились.— Что ты...

— Я ему ничего не сделал,— насмешливо отозвался колдун и вошел в дом.— На нас напали.

— Сюда.— Голос ее стал спокойным и решительным, хотя в зрачках еще плескался прежний страх. Она подняла свечу выше, показывала Эмилу, куда идти.— Его надо перевязать.

Колдун опустил мальчишку на груду сена, покрытую старой попоной. Выпрямился, чувствуя, как разламывается от боли спина. Мельком оглядел жалкую комнатку. Несколько досок в полу провалилось, в окне нет рамы, и дыра затянута куском холстины. Печка почернела от копоти.

Полудемон фыркнул презрительно, повернулся спиной к суетящейся девушке и вышел на улицу.

— Эмил! — воскликнула она.— Куда ты?! Постой.

Но он лишь равнодушно дернул плечом.

Пожухшая от холода трава никла к земле. Из нее поднимались тонкие стволики рябин. Деревенские жители часто сажали это дерево возле домов, считая его защитником от всякой нечисти. «От меня то есть»,— с усмешкой подумал колдун, протянул руку, сорвал горсть красных ягод и сунул в пасть. Челюсти тут же свело от горьковато-кислого вкуса, пустой желудок скрутило от голодной боли. Но он продолжал жевать, мстя своему безобразному телу, которому снова захотелось сочного сырого мяса.

Пробравшись сквозь кусты шиповника к сараю, пристроенному к торцу дома, Эмил открыл дверь, висящую на одной петле, заполз на сухое сено и со стоном растянулся на нем. Сквозь прорехи в крыше было видно постепенно светлеющее небо и ветку, на которой сидел толстый снегирь, похожий на спелое яблоко...

Вокруг вукодлака плыла чернота, испещренная серебряными полосами. Эмил вынырнул из прошлого в реальность, которая оказалась крепко стиснутой временным зеркалом.

Некоторое время колдун переживал раздвоение сознания, одна часть которого никак не хотела расставаться с двумя людьми, оставшимися в старой сторожке несколько тысячелетий назад, а другая отчаянно искала ответ на вопрос: «Почему мне показали именно это?!»

«Быть может, через эти отрывочные воспоминания я смогу узнать нечто по-настоящему важное...» — подсказало что-то из глубин души. Эмил закрыл глаза, отогнал смятение, наполнившее душу после видения, и решил: «Я должен узнать, чем занят оборотень».

Это оказалось легко.

Еще одно мысленное усилие — и он смог различить, куда смотрят Гэл с ангелом. Оба оказались слишком привязаны к своему бывшему воспитаннику, аватаре Буллфера, и пытались найти его. Выяснить, что с ним стало.

Оба смотрели в настоящее...

«Примитивы! — презрительно оскалился Эмил.— Они не понимают! Получив драгоценный шанс прикоснуться к знаниям, не надо тратить его на любование пустыми картинками событий сего дня. Надо узнавать, что заставило мир стать таким, какой он есть! Истинная помощь не в том, чтоб вытаскивать из бед некоего Атэра. А в том, чтобы отсечь ошибки прошлого, приведшие к его бедам. Очень давнего прошлого... — Вукодлак рассмеялся мысленно, и на его морде проступило высокомерное самодовольство.— Они даже не догадались, что сам Атэр является такой ошибкой! Последствием моей оплошности. И больше я ее не допущу...»

Полудемон кивнул сам себе, а потом прильнул к зеркалу, в которое так заинтересованно смотрели Гэл и Энджи.

Глава 7
ВСТРЕЧА С НЕЛУНГАМИ

Высокие стены Рэйма скрылись за маревом горизонта день назад. Дышать сразу стало легче, хотя иногда все еще казалось, будто вой труб катится вниз с холмов и тугой воздушной волной толкает в спину.

Атэр ехал впереди один. Остальные цепочкой растянулись следом. Вокруг, куда ни кинь взгляд,— пологие холмы, поросшие сухой травой. Она моталась по ветру, разбрасывая острые булавки семян. Те цеплялись за одежду, хвосты лошадей, падали в мертвый песок. Небо слепило синевой. Воздух, наполненный горькими запахами, сушил горло. От жары тело покрывалось липким потом. Солнце светило в спину, и тени, ложащиеся на неровности дороги, наливались пунцовой краской.

— Говорят, эти земли называются дюнами и тянутся до самого моря... — сказал Октавий.

— Мы так и будем торчать посреди дороги?! — Атэр сердито оглянулся на хмурого Гая.— Нас заметно со всех сторон, как плевок на лысине!

Критобул, что-то невнятно бормочущий, размеренно покачиваясь в седле, громко хмыкнул. Видно, выкрик эллана помешал важному разговору с погибшим братом, пепел которого преторианец продолжал носить в мешочке, висящем на шее. Все никак не мог найти достойного места для захоронения. Но ответил он вполне добродушно:

— Ты давай с лошади не свались. А по сторонам я смотрю.

— Друзья мои, а может быть, мы все-таки остановимся? — воодушевленно предложил Октавий.

До этого несостоявшийся жрец мученически-отрешенно смотрел вдаль, не забывая время от времени громкими вздохами напоминать всем о недавней ране. Периодически он начинал ерзать в седле и охать, изображая невыносимые страдания. Но на эти гримасы и стоны уже никто не обращал внимания. Надоел.

— Я, конечно, понимаю,— продолжил нервный рэймлянин.— Наша цель — как можно быстрее удалиться от столицы. Возможно, по нашим следам уже...

Атэр громко кашлянул, перебив спутника. И, набрав побольше воздуха, продолжил, копируя его занудноватые напевные интонации:

— ...спешат враги, которые, несомненно, торопятся вернуть нас в ненавистный город, дабы отдать под суд, мстя за побег государственной преступницы Арэлл, уничтожившей прислужников Некроса и теперь пребывающей в состоянии вечного гонения...

Сзади, не дослушав высокопарного монолога и убивая весь трагизм высказывания, рассмеялась Гермия. Октавий метнул в насмешника ненавидящий взгляд и оскорбленно поджал тонкие губы, снова мученически стекленея взором.

— Здесь никто не ездит,— сухо заметил Гай.— Караванные пути лежат восточнее.

— Странно, что наш всезнаец Атэр об этом не слышал,— съехидничал Марк, поглядывая на Гермию.

Было заметно — рэймлянину приглянулась бывшая рабыня. За вчерашний день получше разглядев сероглазую красотку элланку, для конспирации переодетую юношей, он приободрился. Старался принимать мужественные позы, остроумно шутить по поводу и без. Девушка, в свою очередь, не забывала улыбаться Марку, а сама с большим интересом поглядывала на Юлия.

Атэр начал подозревать, что ее слабость — светловолосые юноши. Нервические и тонко чувствующие. У него чесался язык съязвить по поводу жалких ухаживаний Марка. Но пару раз ненароком отметив чрезмерно пристальное внимание добродушно-улыбчивого Критобула, демоноборец усмирил желание острить. Связываться с психом преторианцем, по мнению эллана окончательно свихнувшимся после гибели брата, не хотелось.

— Неприветливое место.— Гермия поправила башлык, прикрывающий нижнюю половину лица.

— Пятьдесят лет назад здесь было сражение между рэймским легионом и ордой нумидийцев.— Гай привстал в седле, глядя на запад.— За теми холмами до сих пор лежат курганы из обломков колесниц и человеческих костей.

— У рэймлян все, что не легион — то орда,— хмыкнул Атэр, оглядываясь на Арэлл.

Элланка ехала молча. Не отрываясь, смотрела на холмы, но, казалось, видела нечто иное. Вокруг ее синих глаз появились морщинки от яркого солнца, в кожу тонких рук, крепко сжимающих поводья, въелась грязь. Лицо уродовали синяки и ссадины, белая кожа покраснела от загара. Длинная пыльная накидка скрывала стройные ноги, но Атэр и так знал— они тоже изранены. Смотреть на нее было тяжело. Нищая оборванка, а не дочь эллидского басилая и невеста сына императора Рэйма. Но, похоже, саму девушку не волновало, как она выглядит.

— Эй, Критобул,— негромко позвал Атэр, оглядываясь через плечо.— Не хочешь похоронить Аристида где-нибудь тут? Места просторные, раздолье.

Атлет добродушно глянул на эллана, похлопал по мешочку с прахом брата и заявил:

— Нет. Говорит, плохо. Песок да камни. А он любит, чтоб вода рядом журчала.

— Корабль до Эллиды идет шесть дней,— сказал Юлий, несмотря на жару, зябко кутающийся в гиматий.— Если мы благополучно доберемся до Балтиса, то через неделю можем попасть в Септонис.

Арэлл рассеянно кивнула, и Атэр присмотрелся к ней внимательнее. Элланку что-то мучило. Воспоминания?.. А может, наоборот, пыталась вспомнить и не могла...

«Меня тоже терзают видения прошлого»,— подумал Атэр, искренне сочувствуя девушке.

Ему по-прежнему снились кошмары. Потоки лавы, огненные озера... Прошлой ночью эллан опять проснулся с бешено колотящимся сердцем и ноющей челюстью из-за стиснутых во сне зубов. Опять видел жидкое красное пламя, ползущее по телу, и задыхался в нем. В детстве эти видения пугали. Теперь было ясно, откуда они — оборотень-Гэл постарался, рассказал воспитаннику о прошлой жизни, с радостью заявив, что тот был Высшим демоном.

Эллан не знал, как относиться к себе «темному». Раньше намеки приятелей на излишнюю злобность казались ему смешными, теперь приходилось задумываться над каждым ерундовым поступком: «Сделал я так потому, что ленив и равнодушен сам по себе, или это настоящие проявления демонского начала?» Спросить было не у кого. Не с Арэлл же об этом беседовать. Хотя к ней хотелось держаться поближе. И вовсе не из-за любовных порывов, как чудилось ревнивому преторианцу.

Атэр усмехнулся. Гай, словно прочитав его мысли, сверкнул глазами из-под шлема и приблизился, заставив коня ехать бок о бок с лошадью эллана:

— Ты уверен, что твое убежище в Эллиде достаточно надежное?

Преторианец смотрел строго и требовательно. В седле держался твердо. Военная трабея сидела на нем как влитая. Властный голос, уверенные движения. Иногда Атэру хотелось отвесить ему подзатыльник, чтобы прекратил командовать.

— Конечно, я уверен! Сколько раз можно повторять. Мы доберемся до старого храма Трисмеса. Под ним есть катакомбы, где можно укрыться. Я сам жил там довольно долго. И не я один.

— Ладно. Тогда сейчас главное — добраться до Эллиды.

Критобул, выехавший вперед, вдруг привстал в стременах, прищурился и сказал негромко:

— Вижу всадников. Шестеро. Двое нелунгов.

Все тут же, не сговариваясь, натянули поводья и принялись всматриваться в сторону предполагаемой опасности. Шесть конных стремительно приближались. Гай сжал рукоять спаты. Гермия судорожно вздохнула.

— Может, не заметят? — пробормотал Марк.

— Как же, не заметят,— ответил Атэр, чувствуя себя посреди холмистой пустоши, как на блюде, готовом к завтраку.— Едут сюда.

— Друзья мои... — пролепетал Октавий.— Понимаю, сейчас не время, но кто такие нелунги? Я что-то не вижу их, в глазах потемнело...

— Очень сильные полудемонические существа,— быстро ответил Юлий.— Выносливые, переносящие любую жару. Некрос использует их для патрулирования отдаленных земель. Говорят, у каждого нелунга общая душа с его конем. А еще...

Он вдруг замолчал и тревожно покосился на Атэра, будто опасаясь, что сказал лишнее, и эллан обвинит его в этом. Но тот смотрел в сторону всадников:

— Я говорил, давайте свернем. Так нет! «Здесь никто не ездит»,— передразнил он Гая.— Нахлебаемся теперь!

— А может... — Взгляд Октавия забегал по сторонам в поисках спасения.— Может нам бежать, пока они еще не слишком близко...

— Все успокоились! — рявкнул Гай.— Бежать нельзя. Вызовут подмогу, догонят и убьют точно. Критобул, убери меч! Арэлл, Гермия, не забывайте, сейчас вы не девушки, а юноши. Атэр, закрой рот, вякнешь лишнее, и я сам тебя заколю. Октавий, помнишь, что говорить?

— Да, помню. Конечно, помню. Но нам вообще не надо было брать с собой рабыню. Я так и знал, из-за нее мы попадем в беду,— заныл Октавий, с ужасом глядя на приближающихся патрульных и почему-то обвиняя во всем Гермию.

Девушка презрительно глянула на него, высокомерно вздернула подбородок и произнесла своим мелодичным, нежным голоском:

— Зря я надеялась, что твоя трусость имеет границы.

Несостоявшийся жрец побагровел. Марк одобрительно хохотнул, но тут же помрачнел.

— Всем молчать! — в последний раз предупредил Гай.— Говорить буду я.

Патрульный отряд приближался очень быстро. Впереди скакали двое нелунгов. Если издали их «коней» можно было принять за обычных, то чем ближе, тем заметнее делался красный оттенок их шкур. Отчетливо стали видны свирепые клыкастые морды и узкие глаза с продольными щелями зрачков. Мощные ноги заканчивались не копытами, а когтистыми лапами, под кожей бугрились мышцы. Подойди к такой лошадке — и она легко откусит тебе голову.

Судорожно сглотнув, Атэр перевел взгляд на седоков. Эти тоже были хороши. Кожа медного цвета, две щели вместо носа, узкие кофейные губы, красные радужки. Волосы, похожие на длинные жгуты черной соломы. Одежды на нелунгах не наблюдалось. Их мускулистые тела от пояса и ниже покрывали длинные красные лоскуты, похожие на ободранную и хорошо выдубленную кожу. Она же висела вдоль ребер «коней», скрывая ноги наездников до ступней с длинными загнутыми когтями на коротких пальцах.

Люди выглядели попроще. Распаренные, красные от жары солдаты из рэймской гвардии, одетые в кожаные лорики и вооруженные балтусами. Похоже, они слегка опасались своих демонических сослуживцев и сторонились их.

Отряд окружил беглецов, нелунги остановились поодаль.

— Кто такие? — устало спросил гвардеец со значком декуриона[1], вытирая пот рукой.— Откуда?

— Едем из Рэйма,— ответил Гай спокойно и неторопливо.— Везем господина,— почтительно-сдержанный полупоклон в сторону Октавия,—

[1] Декурион — командир десятки воинов.

в Балтис. Там ему приготовлено место младшего жреца в храме Его Могущества Некроса.

«Жрец» немедленно приосанился и снисходительно кивнул:

— Да, любезные, так и есть.

— Почему едете не по общей дороге? — Настороженность исчезла из глаз солдата. Похоже, ему до смерти надоело мотаться по жаре в сопровождении злобных темных тварей и хотелось как можно быстрее избавиться от необходимости допрашивать мирных путешественников.

— На то была моя воля,— охотно пояснил Октавий.— Центральная дорога слишком шумна и многолюдна. Мне нужно отрешиться от всего земного и погрузиться в размышления о своем служении Великому.

Декурион равнодушно наклонил голову. Было видно — он не собирается вдаваться в подробности тонких чувств будущего служителя.

— Когда вам следует прибыть на место?

Гай не успел ответить. Один из нелунгов приблизился. Его конь громко принюхивался и скалился, показывая длинные белые клыки. Лошади обоих отрядов заволновались, лихорадочно переступая по песку. Хищные сородичи пугали их.

Атэр украдкой огляделся. Критобул положил руку на пояс рядом с рукоятью меча. Марк с беспокойством поглядывал на Гермию: та нервно кусала губы — казалось, еще немного, и она разрыдается или закричит. Еще бы, во время последней встречи с демонами девушке пришлось пережить не самые приятные минуты в жизни. Взор Юлия стал стеклянным, над чем эллан тут же мысленно ухмыльнулся: «То ли думает, как спастись, то ли, следуя примеру Октавия, уже отрешился от всего земного». Арэлл разглядывала нелунгов невозмутимо, словно те были всего лишь занятными зверушками.

— Где Разрешение? — Голос нелунга звучал придушенно, как будто его горло с трудом выдавливало человеческие звуки.

— К-какое разрешение? — Октавий беспомощно оглянулся на Гая.

— Печать Владыки... — просипел второй, приближаясь, и Атэр с отвращением разглядел, что это женщина.

— Я... я надеялся получить его сразу, на месте,— выкрутился жрец.

Гвардейцы переглянулись, и на их лицах постепенно стало появляться выражение унылой покорности судьбе. Декурион положил ладонь на рукоять меча, засопел сердито, покосился на нелунга.

— Госпожа Нга-схи, вы уверены, что эти люди...

Та оскалилась не хуже собственной кобылы и прорычала:

— Молчи, смертный! У меня приказ Господина.

Солдат поспешил заткнуться, его лицо стало угрюмым и злым. Демоница внимательно оглядела путешественников и продолжила:

— Два преторианца. Мертвец,— взгляд в сторону Юлия.— Эллан. И две женщины. Странная охрана для служителя храма.

Подбородок Октавия задрожал.

— Я волен сам выбирать слуг! — визгливо воскликнул он.— Вы не можете нас задерживать!

— Не тебе, смертный, говорить, что я могу, а чего нет,— заявила она, высокомерно скривившись, и облизала красным языком черные губы.— Вы никуда не поедете до тех пор, пока я не поговорю с Господином.

Именно этого Атэр и опасался. Он оглянулся на замерших в тревоге спутников и сделал единственное, что пришло в голову. Изо всей силы стукнул лошадь пятками в бока, посылая ее вперед. Оказавшись рядом с Нга-схи, выпустил поводья. Одной рукой выхватил меч, в другую стянул часть накопленной силы и полоснул демонскую кобылу балтусом по крупу, а потом швырнул комок огня в ее приятеля. Меч скользнул по красной шкуре, не оставив даже царапины, зато магическое пламя угодило прямо в лицо мужчине-нелунгу. Тот закричал, его скакун взвился на дыбы с гневным рыком, но подробностей Атэр уже не видел. Он гнал свою испуганную лошадку, несущуюся во весь опор.

«Главное,— думал эллан,— увести темных подальше. Критобул с Гаем справятся с гвардейцами, но нелунги разорвут их на куски». Оглядываясь через плечо, Атэр видел несущихся следом всадников. Женщина впереди, мужчина — чуть отставая. Хорошо, что они не обладали магией и могли пользоваться только обычным человеческим оружием.

Демоница на ходу опустила руку в складки кожи, свисающие с боков, доставая тэм — короткую железную палицу с лезвием в виде широкого листа. Самое страшное оружие нитских воинов. Ее кобыла прижимала уши и свирепо рычала.

— Собираешься зарубить меня и скормить своей твари?! — яростно крикнул Атэр, натягивая поводья.— Ладно! Сейчас я приготовлю тебе закуску!

Он развернулся и одним «глотком» вытянул жизнь из всего, до чего смог дотянуться. Трава на двадцать статий вокруг почернела, рассыпаясь сухими хлопьями. Тварь Нга-схи, ступившая на мертвую землю, взвилась на дыбы, взвыла, и эллан тут же напал на нее, целясь в глаза — самое слабое место нелунгов.

Вложив в магический удар всю свою ненависть, он пробил энергетическую оболочку. Хлебнул горячей силы, но осушить до дна не смог. Клыкастая кобыла, воющая от боли, оказалась рядом. Щелкнула челюстями, метя в колено человеку, но промахнулась и впилась хищной пастью в шею его лошади. Вырвав кусок мяса, боднула бедное животное, заваливая на бок. Эллан едва успел спрыгнуть на землю и увернуться от лезвия тэма. Откатившись в сторону, он метнул в демоницу свой меч. Нга-схи вскрикнула совсем по-человечески, хватаясь за рукоять балтуса, разворотившего левую глазницу. Черная кровь хлынула на руки темной, а вместе с ней потекла густая жизненная сила.

Атэр почувствовал, как перехватило дыхание и заколотилось сердце. Выпить все было невозможно. Он понял, что сейчас захлебнется, однако не отрывался от издыхающей твари. Ждал до тех пор, пока ее сородич не приблизился...

Вырываясь из Нга-схи, мощный поток убийственной энергии хлынул на жеребца нелунга. Эллану казалось, словно сквозь его вены течет

кипящее масло, но он терпел, сжав зубы. Хищный «конь» захрипел, мотая головой. Рухнул на колени. Всадник свалился с его спины, упал на землю и остался лежать неподвижно.

Атэр перевел дыхание. Поднял руку вытереть лицо и увидел, что вся она в черной липкой жиже. На секунду ему показалось, будто это его кровь, но он с ужасом отбросил эту мысль. Он — не демон, и кровь у него красная.

Эллан огляделся. Его лошадь с разорванной шеей была мертва. Рядом растянулась безжизненная Нга-схи. Подняв с земли тэм, он подошел к демонической кобыле. Та лежала на боку без единой раны на теле, чуть шевелила когтистыми лапами и постанывала. Дернулась, увидев подошедшего человека, зашипела, оскалила зубы и сдохла.

— Значит, у них и правда одна душа на двоих,— пробормотал Атэр и направился ко второму поверженному врагу.

Здесь все было наоборот. Жеребец валялся без движения, а его хозяин еще шевелился. Лицо и тело нелунга оказались покрыты спекшейся коркой сплошных ожогов. Вместо глаз были две выжженные дыры. Дыхание вырывалось с хрипом. Держа тэм наготове, Атэр шагнул ближе. Нелунг услышал, дернулся, зашарил черной от крови рукой по земле, но эллан ногой оттолкнул его оружие подальше.

— Я слышу... шум крыльев,— просипел умирающий.— Мой кер приближается.

— Предсмертная речь? — со злостью спросил эллан.— Сейчас заплачу от умиления. Я убил тебя! Я тебя убил, мразь! Расскажи своему керу, что тебя и твою подружку уничтожил смертный!

Он размахнулся, с наслаждением вонзил тэм в грудь нелунга, налег всем весом, вгоняя оружие глубже. Демон захрипел, схватился за древко и прошептал:

— Ты... умрешь тоже... скоро.

Когтистая лапа разжалась и упала на грудь.

Атэр выпрямился, шатаясь отошел. Сел на почерневшую, мертвую траву и понял, что уже не поднимется.

Он так и сидел, тупо глядя прямо перед собой, когда послышался топот конских копыт и зычный голос Гая:

— Атэр!! Атэр, ты жив?!.. Ранен!.. Ты смог уничтожить их? Обоих?!

Преторианец спрыгнул с коня и принялся тормошить эллана, повторяя эти раздражающие победителя вопросы.

— Гратх, я очень устал. Дай мне посидеть.

— На, выпей. Станет легче.

К губам эллана прижалось горлышко бутыли, и ему пришлось через силу сделать глоток. Горькое пойло обожгло горло, вспыхнуло в желудке огнем, из глаз хлынули слезы. Проморгавшись и откашлявшись, Атэр оттолкнул руку Гая:

— Хватит... спасибо.

Преторианец снова оглянулся на мертвых нелунгов:

— Ты убил их сам?

— Нет. Они передрались, решая, кому достанусь я, а кому — моя лошадь. А потом госпожа Нга-схи воткнула себе в глаз мой меч. Наверное, от огорчения, что я выпал на долю ее дружку. А тот случайно поджарил сам себя. Вот досада, правда?

— Дурацкая шутка,— усмехнулся Гай.

— Дурацкий вопрос,— парировал Атэр.— Их тела надо сжечь, чтобы не осталось следов.

— Не только их,— мрачно сказал преторианец.

— Кто? — спросил эллан коротко.

Гратх отрицательно покачал головой:

— Сам увидишь.

— Арэлл... жива?

— Да.

Это было самое главное. С трудом выдернув меч из черепа нелунга, Атэр с сожалением посмотрел на тэмы, однако подбирать их не стал. Ни к чему рисковать, привлекая к себе внимание. Листовидные нитские клинки всегда были редкостью.

Забравшись за спину Гая на его гнедого жеребца, эллан швырнул на трупы несколько огненных шаров, и тела тут же вспыхнули ровным синим пламенем...

Доехав до места, где на беглецов наткнулся патруль, Атэр спрыгнул на землю первым, лихорадочно осматривая группу друзей.

Из Рэйма выехало восемь.

Арэлл вытирала меч пучком травы.

Октавий перевязывал плечо Юлию, который морщился от боли.

Гермия стояла, держа в поводу двух жеребцов, принадлежавших гвардейцам, и негромко всхлипывала.

Критобул потихоньку говорил что-то мешку на груди.

Гай хмурился, спустившись с коня.

А на земле, неподалеку от четверых убитых патрульных, лежал Марк, и песок вокруг него был бурым.

Атэр медленно подошел к рэймлянину. Лезвие меча вошло в грудь между пластинами лорики, точно в сердце. Он, наверное, умер сразу. Хотя, говорят, иногда люди еще несколько минут живут с такими страшными ранами, успевая совершить невероятные подвиги. Убивают богов или душат гидр голыми руками. Но вряд ли Марк был способен на такое. Вот лурия Поппия, его тетка, расстроится. Она очень любила племянника.

— Как это произошло? — спросил эллан, и сам не узнал своего голоса.

Гермия завсхлипывала громче, все остальные молчали, и наконец Гай медленно заговорил:

— Он был ближе всех, когда...

Но Атэр не стал его слушать. Бешеная злость и отчаяние наполнили голову звенящим туманом.

— Придурки! Какие же вы придурки!! Я увел от вас демонов! Я! Увел! Демонов! Осталось четверо солдат! Четверо людей на вас шестерых!

— Среди них оказалось двое мастеров меча. Мы еле справились с ними,— устало ответил Гай, опускаясь на песок.

Только теперь Атэр заметил, что его трабея тоже пропитана кровью. Значит, и его зацепил один из «мастеров». Но сейчас эллану было плевать на это.

— К тому же с нами две женщины. Я должен был защищать их...— закончил Гратх.

— Арэлл отлично умеет защищаться сама!.. Их было всего четверо. Смертных, не обладающих магией. Слабых, вооруженных только мечами!

— Слабых! Ну-ну! — негромко хмыкнул в стороне Критобул и, понятное дело, принялся жаловаться пеплу покойного.— Слыхал, Аристид? Слабых! Видал бы он таких слабых...

Но Атэр не обратил внимания на очередной абсурд. От бессилия у него свело челюсть и выступили злые слезы. Он стоял над Марком, сжимал кулаки и боролся с желанием размахнуться и пнуть мертвое тело.

— Как ты мог умереть?! Зачем полез на меч?!!

— Он защищал меня,— невнятно прорыдала в гриву лошади Гермия.— Он х-хотел меня защитить. Это я в-виновата! Это из-за меня-а!

Ее причитания перекрыл чистый, звучный голос Арэлл:

— Прекратите!

Элланка вогнала меч в ножны, подошла к взбешенному Атэру. Крепко взяла его за плечо.

— Ты ничего не изменишь. Криком и обвинениями его не воскресить. Он не виноват, и не виноват никто из нас. Мы не стремимся к смерти. Все хотят жить и ценят жизнь не меньше тебя.

От ее прикосновения Атэру всегда становилось душно. Хотелось вырваться.

— Успокойся, пожалуйста.

Эллан сделал огромное усилие. Глубоко вдохнул, громко выдохнул:

— Я... спокоен.

Несколько мгновений Арэлл смотрела пристально, потом убрала руку:

— Нам нужно похоронить его.

Глядя в ее синие глаза, Атэр невесело усмехнулся:

— Скоро я стану почетным могильщиком.

Прежде чем сжечь тела гвардейцев, он осмотрел их мечи. Забрал два самых лучших и выгреб содержимое кошельков, не обращая внимания на брезгливые гримасы Октавия.

— Вы можете мне возразить,— затянул привычную тягомотину рэймлянин,— но я считаю, нет, твердо уверен, что обирать мертвых, пусть даже врагов, недостойно.

— Можешь отвернуться и не смотреть,— огрызнулся эллан.— Нам будут нужны деньги и хорошее оружие. Гермия, возьми этот.

— Я... я не могу,— залепетала девушка, отступая и с ужасом глядя на тускло поблескивающее лезвие.— Он же... — Она опасливо кивнула на труп.— Говорят, нельзя забирать оружие убитого, иначе он вернется и...

— Чушь! — воскликнула Арэлл.— У меня балтус Аристида. Но он не являлся ко мне ни разу!

— Это потому что его прах со мной.— Критобул, широко ухмыляясь, подмигнул бывшей невесте наследника.— И я уговорил его не трогать тебя...

Юлий рассмеялся, но тут же поморщился, схватившись за плечо. Гай улыбнулся. Октавий демонстративно возвел очи к небу, а Арэлл покраснела. И надо признаться, румянец почти вернул ее прежнюю красоту.

— Ладно, бери, не бойся. Пригодится.— Атэр лично затянул на тонкой талии Гермии пояс с ножнами.— Это просто меч.

— Но я не умею... — сказала она с тревогой.

— Будет очень надо — сможешь. Не сомневаюсь в этом...

Прах Марка высыпали в безымянный приток Лигиса.

До глубокой речушки с быстрым течением беглецы добрались вечером. Кони потянулись к воде. Люди подождали, пока они напьются, и встали на берегу.

— Ты хотела что-то произнести, Гермия.— Гай держал сверток с пеплом.

Та отрицательно покачала головой:

— Я не могу...

— Октавий, может, ты?

Жрец растерянно посмотрел на преторианца:

— Я бы с радостью проводил нашего дорогого друга, но я знаю только демонические ритуалы, а они для такого случая не подходят.

— Идиоты,— пробормотал Атэр, на этот раз имея в виду не только товарищей, но и себя.— Человек погиб, а мы даже сказать ничего путного о нем не можем.

— А что тут говорить!? — буркнул Критобул.— Умер и все. Ясно, ему там лучше, чем нам тут! Вот и Аристид считает...

— Я скажу,— неожиданно вмешался Юлий. Помолчал, глядя на темную воду, и заговорил медленно:

— Он любил Рэйм... У него не было ничего, кроме этого прекрасного, проклятого города.— Юлий повысил голос: — И умер Марк за Рэйм. Потому что хотел, чтобы родина освободилась от тьмы... Эта вода течет из Лигиса. Реки, струящейся по его городу.

Всхлипывания Гермии зазвучали громче, она закрыла рот обеими руками и ткнулась головой в плечо Арэлл. Лицо элланки стало растерянным, потом губы задрожали, искривились жалостливо, и она обняла плачущую девушку.

Гай развязал плащ, и пепел посыпался в воду.

— Его могилой будет Лигис. А памятником — Рэйм.— Юлий опустил голову.

— Марк говорил,— Гермия подняла мокрое лицо от плеча Арэлл,— что когда все закончится, возьмет меня с собой. Домой.

— Лурия Поппия, его тетка, погнала бы тебя навозной метлой,— сказал Атэр, отворачиваясь и незаметно вытирая рукавом мокрые веки.— Она-то наверняка уже присмотрела своему любимому племянничку богатую рэймскую невесту.

— Атэр! — воскликнул побледневший от возмущения Гай.— Помолчи, а!

Но бывшая рабыня не оскорбилась, улыбнулась почему-то и прошептала:

— Да, наверное.

Критобул тоже хотел сказать в адрес эллана что-то резкое, но тот опередил его:

— А ты? Не хочешь похоронить здесь своего братца? Юлий умеет произносить отличные надгробные речи! И стал Рэйм его могилой на веки веков... Ну? Что Атэр? Что Атэр?! А идите вы все!

Он с размаху пнул комок глины и побрел, сам не зная куда, снова задыхаясь от злости и безысходности. Наверное, его хотели остановить, потому что сзади послышался глубокий, невыносимо чувственный голос Арэлл:

— Оставьте его. Не надо, Гай, пусть идет. Ему надо побыть одному.

Дрожащий огненный закат растекался над рекой. Низкое облако, похожее на корабль — огромный, многопалубный «Гиерон» — отражалось в воде. И сквозь его призрачные паруса били красные лучи заходящего солнца.

Глава 8
ТОНКОСТИ ДЕМОНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Надсадно гудели трубы всех шести храмов. Казалось, тугая воздушная волна катится вниз с холма, на котором стоит город, стремясь утопить любого, кого накроет.

По центральной улице тянулась цепочка огней длинной похоронной процессии. Над головами лошадей покачивались султаны из черных траурных перьев.

Первым вышагивал сам Транквил. Для того чтобы император выглядел как можно естественнее, пришлось в самые краткие сроки найти мима, сходство лица и телосложения которого с почившим правителем Рэйма было бы неоспоримо. И теперь артист важно выступал в одеждах покойного, копируя его походку и жесты и, как обычно, посверкивая золотыми листьями на венке.

Следом за мнимым императором величественно двигалась процессия «предков». Еще одна группа мимов, представляющих умерших знатных родственников.

Затем несли грамоты с перечислением всех побед и подвигов повелителя, почетные венки, изображения городов, завоеванных им. За ними выступали актеры, с завываниями декламирующие выборочные места из трагедии, написанной за день до похорон. Потом — флейтисты и трубачи. Завершали весь этот хоровод плакальщики, певшие хвалебную песнь и старающиеся перекричать визгливые голоса флейт.

Правитель Великого Рэйма отправился в свое последнее путешествие. Он лежал в открытой квадриге, усыпанный розами. А душа его тихо стояла на берегу темного подземного Лигиса. Ждала, когда перевозчик позволит подняться на борт лодки вместе с такими же безмолвными тенями. Смертные верили, что после жизни их ждет покой. Некрос не разубеждал людей. Должна же у них быть хоть какая-то надежда.

Демонический Повелитель Рэймской империи находился на балконе своего земного храма. Ему было о чем поразмыслить. Еще один император умер. Надо назначать следующего. И кандидатура уже есть — Клавдий, сын скончавшегося. В меру трусливый, преданный, властолюбивый. Но все это не то. Не то... Слабые, серые, пустые души. Жалкие.

Истинный человеческий правитель должен быть проводником воли Верховного демона. В прямом смысле. Он должен стать открытым каналом для сбора энергии с подданных — карающим мечом в руках темного Господина и его верной тенью.

И такой был. Некрос нашел его среди сотен чахлых душонок. Теперь настала пора предложить ему помощь, силу, трон Претикапия и всей империи. Все, чего может желать человек.

«Не согласится»,— настойчиво утверждал здравый смысл.

У молодого глупца оказались свои малопонятные и дурацкие идеалы. Он, видите ли, ненавидел демонов. Какой бред! А кто их любит?!! Но для верного служения Высшему необходимо искреннее желание. Свобода воли. Собственный выбор. И невозможно ни приказать, ни заставить.

Как обидно. Некрос в раздражении прикусил ноготь на большом пальце, мрачно глядя на траурную толпу.

У каждого есть слабое место. Император Веспосиан хотел власти над северо-западными землями, долгой жизни и легкой смерти. В его правление в состав империи вошли Анкона и Иринея. Он прожил семьдесят пять лет, совсем неплохо для человека, и умер мгновенно, упав с любимого коня и ударившись затылком о мраморный пол. Императрица Агриппина желала молодости и до кончины выглядела юной девушкой. Император Троян мечтал, чтобы его почитали как бога, и Рэйм застроили храмами в его честь... Что нужно этому?

Некрос закрыл глаза, с шумом втянул воздух, потянулся мысленно к далекому, помаргивающему огоньку. Представил. Увидел. Стремительно развернулся и бросил часть своего сознания в марево телепорта.

...Неглубокая, узкая речушка с приятным журчанием текла между густыми кудрявыми ивами. Длинные зеленые ветви, изгибаясь, плыли по течению. Солнце уже село, и в прохладном густеющем сумраке чувствовался приятный аромат тростника.

Картина задержалась перед мысленным взором демона на мгновение, а потом поплыла. Как всегда при таком общении, мир затянула серая мгла. Лишь знакомая фигура виделась четко.

— Здравствуй, Юлий.

Юноша резко поднялся, почти вскочил. По лицу текла вода — до появления неожиданного визитера он умывался.

— Что ты здесь делаешь?! Я же просил никогда больше не приходить! Ты поклялся не следить за мной.

— Спокойнее. Я не собираюсь долго утомлять тебя своим обществом и не могу за тобой «следить». Я не вижу ничего вокруг, пока ты не позволишь этого.

Юлий немного успокоился. Оглянулся на что-то за своей спиной. Снова посмотрел на демона, вытер ладонью мокрое лицо. Некрос с удовлетворением отметил, что красные рубцы на его запястьях так и не зажили.

— Ты лжешь,— устало заметил юноша.— Как всегда. Чего тебе еще надо от меня?

— Император умер. Тело его сожгут сегодня. Завтра в столице должен быть новый.

— Ты пришел только затем, чтобы сказать мне это?

Человек дерзил, но, удивительное дело, его резкий тон никогда не раздражал Высшего.

— Я пришел предложить тебе трон Рэймской империи.

Несколько мгновений Юлий стоял с открытым ртом. Потом его бледные скулы порозовели:

— Не смешная шутка.

— Я не шучу. Транквил умер мучительно и жалко, потому что был глуп, беспомощен и труслив. В нем остался один страх. Я постоянно чувствовал кислый запах его ужаса. Человеческая сущность со всеми чувствами, желаниями, мыслями и страданиями похожа на вино. Так же пьянит. Аура прежнего императора давно выродилась в уксус... И его сын — такое же ничтожество.

Некросу было приятно. Юлий слушал его внимательно.

Юноша нахмурился, чуть наклонил голову и не отводил взгляда. Редко кто решался смотреть в глаза Повелителю, даже верховный жрец Не'лктаур предпочитал стоять перед ним, подобострастно склонившись.

— Юлий, в тебе есть сила, уверенность. И, самое главное, ты — проводник. Истинный правитель не тот, кто, сидя на троне, приносит массовые жертвы своему хозяину. Конечно, я получаю энергию от смер-

тей, но это капли по сравнению с тем, что может мне дать настоящий император. Ты будешь чувствовать людей, окружающих тебя, их желания, страхи, боль. Мощь жертвенников во всех шести храмах сосредоточится в тебе одном.

— То есть через меня ты сможешь получать жизненную силу... — медленно произнес Юлий, машинально потирая шрамы на запястье.

— Да. Совершенно безболезненно для твоих подданных. Без смертей и мучений. Я буду получать их энергию и посылать свою обратно, чтобы ты мог покарать любого, кто мешает тебе. Это станет возможно, если ты согласишься стать моим проводником. Пожелаешь искренне. Пока ты — всего лишь способный, тонко чувствующий юноша. Но как только пройдешь обряд посвящения, твое могущество возрастет в сотни раз.

Некрос понял — несмотря на внешнее равнодушие, Юлий потрясен невероятным предложением. Демон очень надеялся, что человеческое тщеславие должно закопошиться у него в груди. Из не слишком состоятельной рэймской семьи попасть в Претикапий! Стать не рабом, не слугой, а едва ли не другом Высшего — безраздельным владельцем империи!

Но именно последнее оказалось Юлию не по вкусу.

— Я не хочу поддерживать темных,— сказал он, еще сильнее хмуря брови.— Я не хочу поддерживать тебя.

— Но тебе нравится, когда я тебя поддерживаю.

— Не нравится. В катакомбах мне была нужна помощь не для себя.

— Я понимаю,— произнес Некрос вкрадчиво, уже зная, на какой слабости собеседника можно сыграть.— В жизни бывают ситуации, требующие магической помощи. Послушай, я предельно откровенен с тобой. Не спрашиваю ни о твоих друзьях, ни о ваших планах. Меня не интересует, где они находятся. Мне нужен ты. Не ничтожный Клавдий, который станет убивать направо и налево, чтобы угодить. Тебе ведь не нравится то, что происходит в Рэйме. Так ты можешь все изменить! Сократи количество жертв. Мне будет достаточно силы, идущей через тебя. Без убийств. Снизь налоги. Верни земли, отнятые у арендаторов. Расширь оросительную систему. Хочешь, раздай половину казны Претикапия. Мне все равно, что ты будешь делать со своей землей и со своими людьми. Уверяю, и при демоническом режиме можно неплохо жить.

Ноздри Юлия гневно раздулись, на бледном лбу выступила вена:

— Значит, все дело в императоре? Это он был плохим? А ты — гуманный и благородный Правитель?

— Я не настолько лицемерен, чтобы утверждать это. А ты не настолько наивен, чтобы верить.— Некрос рассмеялся, но тут же оборвал легкомысленный смех.— Мне не нравится, когда по моему государству мечется кучка ненормальных, называющих себя демоноборцами... Не дергайся. Неужели ты думал, я не знаю о вашем смехотворном заговоре против устоявшегося порядка? Юлий, ты умный человек и понимаешь, что вы

не сможете уничтожить нас. Никогда.— Высший помедлил, наслаждаясь изумлением юноши. Удивлен, но не испуган. Это хорошо.— Я предлагаю тебе реальный выход без жертв и крови. Согласись стать императором и переделай этот мир.

Рэймлянин медленно покачал головой:

— Я ничего не смогу изменить. Система управления — монолит, глыба. Она все равно подомнет меня под себя и раздавит. Проводники были и раньше, тот же император Север. Но мир не стал лучше.

— Может быть, у них были иные цели? Жажда власти, денег, поклонения. А ты другой. Знаю, ты не можешь простить мне боль, которую пережил в храме. Но именно она сделала тебя проводником. Содрала с твоей души огрубевшие пласты человеческой суетности и мелочности. Очистила ее. Подумай. У тебя есть немного времени. И передай привет Арэлл.

Улыбаясь, Некрос кивнул на прощание и оставил юношу в смятении.

Он был доволен — теперь Юлий будет мучиться и сомневаться. Как же, по-приятельски общается с ненавистным Верховным демоном! Подвергает опасности благородных единомышленников своим пребыванием среди них. Но есть такой блистательный выход — спасти друзей и весь мир. Уменьшить зло. Как можно отказаться?!

Темный Правитель Рэйма появился на балконе храма, когда траурная процессия с воющими плакальщицами и кривляющимися мимами уже давно удалилась за город. К месту сожжения. Смолкли трубы.

«Интересно, где именно сейчас находится Юлий? Далеко уехать беглецы не могли, но там у них ранний вечер, а здесь уже почти темно. Впрочем, возможно, магическая завеса над городом глушит солнечные лучи...» — Демон шумно вдохнул витающий в воздухе дымок, пропитанный ароматными маслами. Развернулся и пошел в глубь храма, где верховный жрец уже два часа ждал его аудиенции.

Гранитный зал был освещен несколькими факелами. Их красный свет играл на черном полированном камне стен и не мог рассеять густые тени, шевелящиеся за колоннами. Не'лкутар сидел на низком табурете перед троном Повелителя, низко опустив бритую голову. То ли спит, то ли умер. С тонких желтоватых пальцев свисают длинные четки — золотые фигурки людей нанизаны на шнурок. Багровое одеяние широкими складками лежит на худом теле. На затылке виден длинный красный шрам.

Едва Высший вошел, жрец вскочил, склонился в глубоком поклоне и не разгибался до тех пор, пока тот не опустился на свое место.

— Ну? — недовольно осведомился Некрос, небрежным жестом позволяя Не'лкутару сесть.— Что там у тебя?

— Господин, тело императора готово к сожжению. Вы не возложите на него свой магический огонь?

Время от времени Некрос осчастливливал правящую семью — лично сжигал мертвых родственников. Выглядело это весьма эффектно. С

ночного неба падало красное пламя, накрывало деревянный настил и груду поленьев, на которых лежал покойник. В пляске багровых огней угадывались лица, фигуры, здания, тайные знаки и символы. Ходили слухи, что по ним можно читать будущее.

— Не возложу,— буркнул демон.

Жрец в затруднении пошевелил четками и решился напомнить:

— Но, Повелитель, тогда...

— Тогда народ решит, что император не был отмечен моей милостью. И будет прав.

Не'лктаур деликатно помолчал, опасаясь раздражать темного, но все же осторожно произнес:

— Господин, Клавдий ждет, когда вы официально объявите его императором.

— Я не собираюсь объявлять его императором. У меня есть другая кандидатура...

Жрец удивился, но не показал этого. Привык к непостоянству правителя.

— Кто, позвольте узнать? Лурия Лолла, сестра наследника?

— Лурия Лолла — глупая собачонка! — рявкнул Некрос, стукнув кулаком по подлокотнику.— Но она пригодится... чуть позже. Все. Убирайся!

Низко кланяясь и пятясь задом, служитель поспешил удалиться из тронного зала.

Высший был готов подождать. Недолго. Щедро посеянные семена сомнения, страха за друзей и желания власти в хорошем смысле этого слова вот-вот должны были дать всходы. Или он ничего не понимает в людях.

«Но если я все же ошибся, и Юлий предпочтет безвестность и жалкое прозябание императорскому венцу — я сделаю правителем Клавдия. И тогда люди взвоют. Все смерти последних Больших сенполий покажутся им невинной игрой по сравнению с тем, что я устрою...»

Пустого ожидания Некрос не выносил. И вынужденное бездействие предпочитал заполнять хоть какими-то делами. К примеру — можно вызвать верховного турвона и излить на него дурное настроение.

Что демон незамедлительно и сделал.

Инквизитор появился на удивление быстро. Обычно призывать главного хранителя идеологического спокойствия приходилось по несколько раз, и тот являлся с недовольным видом, изо всех сил показывая, что его оторвали от чрезвычайно важных дел. Но сегодня турвон был благодушен и спокоен. Он пребывал в своем любимом человеческом образе. Впрочем, это искупалось аккуратностью одежды. Длинный черный плащ чист, тога пламенеет благородным оттенком свежепролитой крови. Удосужился наконец проявить минимальное уважение к правящему собрату.

— Ну? — по инерции осведомился Некрос. Но привычное обращение к подчиненным в данном случае не прошло.

Инквизитор иронично приподнял каштановую бровь, сотворил кресло с удобными подлокотниками, уселся и повторил, копируя интонации:

— Ну?

— Ладно! Рассказывай!

Турвон усмехнулся, но больше заострять внимание на ошибке родственника не стал.

— Твоя беглая осквернительница жертвенников, Арэлл, сейчас приближается к Балтису.

— Меня это больше не интересует,— высокомерно заявил Некрос, испытывая легкое злорадство от того, что заставил сородича побегать, а все его усилия оказались напрасными.

— Неужели? — саркастически осведомился собеседник.— С чего бы это? Не ты ли требовал у меня ее голову?

— Пусть теперь о ее голове болит голова у Друзлта,— скаламбурил правитель, и сам рассмеялся над своей шуткой.— Она же на родину собирается? Вот и отлично. Мне она больше не интересна. Я нашел проводника. Настоящего. Такого еще не было никогда. И он станет императором. Транквил как раз очень вовремя отдал концы.

Некрос не сдержался — похвалился. Хотя Юлий еще не дал согласие, удержать приятное известие оказалось невозможно. Инквизитор прищурился, рассматривая довольного Хозяина:

— Это хорошая новость. Если она правдивая.

— Можешь не сомневаться.

— Тогда я рад за тебя. Твоя мощь возрастет в несколько раз.

«Как же, рад,— ехидно думал Некрос.— Зависть ты испытываешь, а не радость. Как любой нормальный демон при виде удачи другого».

— А куда денешь Клавдия? Сынок покойного из кожи лезет, чтобы получить трон.

Некрос задумался на мгновение. Поморщился:

— Сошлю куда-нибудь. Или убью. А может, возьму себе в жрецы. Там видно будет.

— Твое дело,— согласился инквизитор.— Я так понимаю, участь ангела и оборотня тебя тоже теперь не интересует?

— Ну что там с ними? — вяло поинтересовался Правитель. Родич начал утомлять его своей въедливостью и чрезмерной ответственностью.

— Покинули пределы Рэймской империи,— сухо сказал турвон.

— Вот видишь, я же говорил, долго он тут не продержится. Нечего было паниковать.

— Вижу, ты целиком погружен в мысли о своем проводнике и больше тебя ничто не волнует. Приду, когда станешь более адекватен. Всего хорошего.

Инквизитор поднялся, щелчком пальцев уничтожил кресло и удалился сам.

Некрос едва не рассмеялся от удовольствия. Обидчивый какой стал!

Но Повелитель ошибся. Великий турвон Рэймской империи, Нита, Гаэты, Иллинеи и прочего никогда не обижался. Он зверел от тупости и ограниченности своих правящих собратьев. Как сегодня. Поговорив с очередным Хозяином, Буллферу хотелось взвыть, а еще лучше — придушить высокомерную тварь, которая выпускает из когтей очевидную возможность получить новые знания и силу, упрочить свое могущество. Исключительно из-за лени.

Ну и Дьявол с ними всеми.

Из столицы инквизитор переместился в тихое, приятное местечко одного из нижних миров. Сел на краю утеса, нависающего над пропастью. Вокруг, насколько хватало взгляда, тянулись черные горные хребты, выгибающиеся под низкими клубящимися облаками. Сплошной голый камень. Всю растительность содрали ветры и вымородила стужа...

Надо было подумать. Отдельные кусочки логической мозаики постепенно начали складываться в его голове. И получались удивительные картины.

Пока расстановка сил среди Правителей была такова. Самый влиятельный — Некрос, Повелитель Рэймской империи. За ним идет Евгран — владелец Северных земель. Затем Каракалл — господин Илкасты. Потом Золтон — Нит, Савр — Гаэта и Друзлт — Эллида.

Проводник — соломинка, через которую можно постоянно тянуть силу из всего более-менее живого. А хороший проводник — все равно что знаменитый рэймский водопровод. Пей, пока не захлебнешься.

Если Некрос действительно заполучил хорошего, то его сила резко возрастет. И, естественно, он захочет ею воспользоваться. Попытается отхватить побольше земель у других владельцев, а возможно, и уничтожить кое-кого из родственников. Чем это может грозить? Войной между Хозяевами. Новым переделом мира.

Турвон довольно потянулся и сыто прищурился. Пора готовить удочки. Самое время для рыбалки в мутной воде. Арэлл появилась очень кстати, чтобы затеять антидемоническое восстание. А сам он весьма удачно помог ей. Можно сказать, спас. Это является содействием врагу существующей власти и делается для того, чтобы самому захватить шатающийся трон.

Скоро можно будет забросить крючок, а в качестве наживки использовать свежую, жирную сплетню. Осталось решить — кому ее преподнести.

Буллфер задумчиво потянул себя за мочку уха, рассеянно посмотрел на небо, подумал немного и удовлетворенно улыбнулся. Подходящая кандидатура нашлась.

Подземелья Каракалла напоминали паучье логово. И паук, сплетший их, являлся большим эстетом. Между рядов высоких серых колонн были натянуты тонкие нити из белого серебристого металла. Ажурные «занавеси» спускались до самого пола, образуя полупрозрачные кори-

доры, неожиданно заканчивающиеся тупиками или выводящие в новые залы.

С каждой стены глазели изображения тарантулов, птицеедов, каракуртов... Мохнатые, лысые, с проплешинами, пятнистые и в крапинку, они выглядывали из норок, вставали на задние лапы, атакуя, дрались и спускались с потолка на длинных тонких нитях.

Пол, сплетенный из тысяч белесых волокон, упруго пружинил под ногами, словно в норке Черной вдовы[1]. Даже бесы, бегающие по хозяйственным делам, были полосатыми, словно тигровые пауки.

Кое-где на колоннах застыли серебряные фигурки с подобранными мощными лапами. Однажды Буллфер неосторожно задел одно из неподвижных украшений, и то вдруг подпрыгнуло, плюясь в нарушителя спокойствия белой, мгновенно застывшей на плаще паутиной. Где Каракалл набрал таких уродов — оставалось лишь догадываться.

Впрочем, в принадлежащих ему землях срединного мира, среди опутанных паутиной лесов, встречались и не такие экземпляры. Как люди умудрялись там выживать, турвону было решительно непонятно.

Сам владелец паучьего имущества оказался в спальне.

Господин Илкасты валялся на широкой кровати под пологом, напоминающим серые клочья паутины, в обществе очередного питомца. Пребывая в человеческом образе черноволосого, миловидного юноши, он был одет в красный, расшитый золотом халат и находился в глубокой меланхолии. Положив под голову согнутую руку, лежал и смотрел в потолок. На груди демона устроился черный мохнатый паук размером с кошку, и Хозяин рассеянно поглаживал его. Тварь довольно хрюкала.

Увидев Буллфера, Каракалл оживился.

— А, турвон! Приветствую! — Он сделал попытку привстать. Домашний любимец, не удержавшись, шлепнулся. Задрыгал ногами, переворачиваясь, и, злобно шипя, зарылся под одеяла.

Высший, заинтригованный визитом, не обратил на него внимания:

— Садись. Возьми подушку.

Подушки у Каракалла тоже были в форме пауков. Из бархатной круглой середины торчали восемь коротких обрубочков — ножек.

— Спасибо. Обойдусь.— Буллфер сотворил стул. Подхватил его в воздухе и поставил только после того, как внимательно осмотрел пол. В прошлый раз он случайно отдавил лапку любимой паучихе родича. То-то было воплей.

— Какие новости? — жадно спросил Хозяин. — Что новенького? А то я как-то отстал от жизни.

Он провел белыми тонкими пальцами по черным волосам и вздохнул.

«Врет, естественно»,— усмехнулся про себя инквизитор. Каракалл, как и любой другой Правитель, знал много. Почти все, происходящее

[1] Черная вдова — ядовитый паук.

в срединном мире, было ему известно. Но брат Некроса любил слушать занимательные истории, которыми турвон потчевал его во время визитов.

Особенно ценились рассказы о неудачах и ошибках остальных Повелителей. Причем, хотя оба — и слушатель и рассказчик — знали, что девяносто процентов информации лишь пустые слухи, ни одного из них это не смущало.

И вот наконец любовь Каракалла к сплетням пригодилась Буллферу.

— Ничего особого, как всегда,— лениво протянул турвон, машинально посматривая на бугор, шевелящийся под одеялом в том месте, где скрылся паук.— Золтон занят расширением гарема. Просил посодействовать в приобретении нескольких привлекательных нумидиек.

— Ну да,— с издевательской иронией протянул господин Илкасты.— Наслышан. Причем гаремов у него два. Один в срединном мире, из людей. Другой «дома» — кунсткамера из всевозможных тварей обоего пола. Жуть!

Высший скривился, изображая величайшее отвращение.

— Друзлт интригует потихоньку. Савр строит храмы... — продолжил Буллфер.— Все как обычно. Впрочем, говорят, будто у Некроса появился проводник.

Каракалл, размякший от отсутствия тревожных новостей, насторожился. Но произнес прежним насмешливо-презрительным тоном:

— У моего братца и раньше проводники были. Только он, тупица, пользоваться ими не умеет. Сжигает одного за другим. Я бы на его месте... — Демон замолчал, закусив тонкую губу, и взгляд его стал пустым.

«Соображает, как бы сам обращался с такими ценными людьми,— подумал турвон и не удержался от мысленного издевательства: — Естественно, обмотал паутиной и подвесил среди своих пауков».

— Говорят, этот — особенный,— небрежно заметил он.— Очень мощный. Такого никогда раньше не существовало.

Глаза Каракалла вспыхнули желтым. Под гладкой кожей человеческого лица пробежала волна. Казалось, еще мгновение — и наружу прорвется его истинный паучий лик. Но Высший успокоился так же быстро, как и разозлился. Процедил сквозь зубы:

— Богата магией рэймская земля.

— Скажи,— Буллфер изобразил глубокую задумчивость,— Некрос намного превосходит тебя?

— Превосходит?! — Властелин Илкасты вскочил с кровати, пинком отбросил валяющуюся под ногами подушку.— Да! Он превосходит меня... в лени, тупости, убожестве!!

Демон с размаху опустился на постель, угодив точно на копошащегося под покрывалами питомца. Тот придушенно пискнул. Каракалл скривился. Перекатился на бок, запустил руку под одеяло, вытащил за лапу помятую зверушку и небрежно швырнул в сторону. Паук обиженно

хрюкнул и медленно поковылял в дальний угол комнаты. Подальше от непостоянного хозяина.

Каракалл снова вздохнул, на этот раз печально, и признался:

— Я — третий после Некроса и Евграна.

— Почему так получилось? Ведь вы с правителем Рэйма братья.

Сородич снова запустил пальцы в волосы. Медленно вытер губы ладонью и посмотрел на инквизитора внимательнее:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Не откажусь.

Хозяин щелкнул пальцами, и перед гостем появился низкий столик с двумя чашами и запотевшим кувшином.

— Будь добр, налей мне тоже... Это неплохое вино. Кислит слегка, но в нем есть своя прелесть... О чем ты спрашивал? Почему Некрос — мой брат? А скажи мне, уважаемый турвон, ты помнишь, как появился на этот свет?

От неожиданного вопроса Буллфер замер, не донеся чашу до рта. Но справился с удивлением:

— Тебя действительно это интересует?

— Да.

— Обычно этот вопрос не поднимают в приличном обществе.

Каракалл растянул губы в улыбке, обнажая острые мелкие зубы:

— Я знаю. И все же. Как?

— Не помню.— Инквизитор нахмурился, чувствуя нарастающее раздражение. И, что удивительно, чувство беспомощности, возникающее всегда, когда он пытался вернуться мысленно к тем далеким временам.

— Совсем?

Была боль, огонь, текущий по всему телу. Красная пелена, ощущение чудовищного одиночества, тоски и отчаяния. Последнее чувство было настолько сильным, что душа пыталась съежиться в крошечный комок, чтобы отгородиться от невыносимой тягости.

— Совсем.

Каракалл понимающе улыбнулся:

— Единственное, что я запомнил в мгновение перехода из состояния небытия — это голод. Я был обессилен. Вокруг плескалась грубая, тяжелая энергия. Я знал, она поддержит меня, не даст умереть — и стал пить. С каждым глотком ее требовалось все больше. Но рядом копошился кто-то еще, такой же голодный, как я. Он выхватывал у меня лучшие куски силы и пожирал их сам. Тогда я испытал второе сильное чувство — ненависть. Вора, барахтающегося рядом, надо было уничтожить. Но я не мог добраться до него. Он оказался сильнее, совсем ненамного, но это немного... — Каракалл одним глотком осушил содержимое чаши и закончил хрипло: — Оно непреодолимо. Всегда. Потом, когда появилось зрение, я увидел его — мерзкую тварь с хищной мордой. Вместо носа — две дырки, лысая голова, остроконечные уши, косо прорезанная пасть с кривыми зубами, синюшнее тело со впалой грудью, выпирающие

ребра, ободранные крылья и торчащие наружу обломки костей. А он увидел меня.

— Гигантского черного паука с ядовитыми челюстями... — пробормотал турвон.

— Нет. Это всего лишь один из наиболее эффектных образов... Не знаю, как я выглядел тогда.— Собеседник легкомысленно рассмеялся.— Вокруг были черные горы, камни, озера жидкой красной грязи и бордовое небо наверху. В его глазах горело отражение моей ненависти и этого неба. Мы бросились друг на друга. Вцепились. Рвали зубами, раздирали когтями... До сих пор помню вкус его мяса. Он был сильнее, хотя и я неплохо потрепал его. Потом мы расползлись в разные стороны, поливая землю кровью. Мир оказался большим... И пока нам хватало в нем места.

Буллфер без стука поставил чашу на стол. После рассказа Каракалла осталось странное беспокойство. Но что именно его вызвало, понять было трудно.

Господин Илкасты поднялся, вытащил из угла упирающегося паука. Сел, посадив его к себе на колени. Стал поглаживать по круглой спине. Питомец расслабился, вытянул щетинистые лапы, снова захрюкал довольно.

— Пока нам хватало в нем места... — повторил Каракалл задумчиво. На его лбу появилась глубокая складка.— Слушай, мы с тобой мило посидели, а теперь извини. У меня дела.

— Ладно.— Инквизитор поднялся.— Еще увидимся.

Глава 9
ЮЛИЙ

Родовое проклятие Гратхов — дурная кровь, красным бешенством наполняющая голову при сильном волнении, заглушающая голос разума и осторожность. Заставляющая в одиночку бросаться на десяток врагов и побеждать или гибнуть...

Кто бы мог подумать, что смирять ярость Гая научит мальчишка, семнадцатилетний сопляк-эллан, способный любого довести до злобного исступления одним лишь словом.

Преторианцу приходилось терпеть, молчать, успокаиваться. Он не мог позволить себе роскошь пререкаться с наглым щенком и злиться на его выходки. Он отвечал за жизни всех восьми... нет, теперь семи человек. И в том числе за жизнь самого малолетнего наглеца.

Критобул нашел отличное место для ночлега — крошечную поляну рядом с водой, закрытую со всех сторон густыми зарослями ветлы. Здесь можно было передохнуть, не оглядываясь через плечо каждую минуту. Огонь не будет виден с равнины, и патрули нелунгов не заявятся, привлеченные светом.

Когда телохранитель вернулся с охапкой сухих ветвей, Атэр уже сидел у костра и грел руки. «Решил посетить наше скромное убежище, прервав гордое уединение? — хмыкнул Гратх про себя.— Значит, успокоился. Или проголодался.— Преторианец ничуть не удивился, отметив, что эллан не сказал ни слова извинения за недавние несправедливые оскорбления. Так было всегда.— Ничего нового,— сделал вывод рэймлянин.— Безмерная самоуверенность и безграничное себялюбие».

— Кстати,— неожиданно подал голос Октавий.— Куда пропал Юлий? Я не вижу его уже давно. Причин для беспокойства, конечно, нет, но все-таки...

Гай резко бросил хворост на землю и свирепо глянул на ни в чем не повинного жреца. Тот сжался, захлопал ресницами:

— Нет, я не имел в виду ничего такого. Я говорил ему, опасно уходить далеко, но он сказал, что должен побыть в одиночестве, и удалился вверх по реке.

«Когда-нибудь я его убью»,— обреченно понял Гай, впрочем, сам не зная, кого именно: Октавия, думающего только об угрожающей лично ему опасности, или Юлия, не нашедшего лучшего времени для поисков уединения.

— Я пойду, поищу его,— сказал спутникам преторианец.— Арэлл, пожалуйста, проследи, чтобы никто больше никуда не «удалялся».

— А по причине острой необходимости можно? — съязвил Атэр.

— Потерпишь,— бросил воин через плечо и направился вверх по реке.

...Ночной холод выполз из-под земли. Под ноги то и дело попадались мокрые камни, покрытые скользкой зеленью. Ветви ив цеплялись за спату. Раненый бок побаливал, но Гай старался не обращать на это внимания.

Юлий нашелся не быстро. Он стоял возле замшелого бревна, упавшего в реку, и смотрел на воду, с веселым журчанием обтекающую запруду. Гратх облегченно выдохнул. Слава Фортуне, хоть с этим ничего не успело случиться.

— Эй! Почему ты здесь?

Друг вздрогнул и оглянулся.

Выглядел он странно. Еще бледнее, чем обычно, движения дерганые, как у пьяного, глаза болезненно сверкают. На повязке, стягивающей предплечье, проступила кровь.

— Мне нужно поговорить с тобой!

Преторианец в недоумении пожал плечами:

— Говори. Но для этого можно было остаться в лагере. Ты же понимаешь, здесь лучше не ходить в одиночку...

Юлий мотнул головой, не желая слушать, на его лице появилось выражение отчаяния:

— Я уезжаю, Гай.

— Что?

— Уезжаю. Возвращаюсь в Рэйм. Здесь я подвергаю вас опасности.

«Только этого не хватало! — с досадой подумал Гратх.— Сезонного обострения чувства вины».

— Юлий, мы в любом случае в опасности. С тобой или без. С чего вдруг тебя потянуло в столицу?

— Транквил умер, я должен занять его место... Хоть я и не хочу, похоже, мне на роду написано быть правителем империи,— грустно улыбнулся Юлий.

«Нет...— догадался преторианец,— все значительно хуже. Он сошел с ума. После возвращения из храма Некроса стал со странностями, а теперь окончательно обезумел».

Гратх решил не перечить повредившемуся в уме, очень надеясь, что затмение может пройти. Но Юлий, как ни странно, не только заметил его маневр, но и правильно понял.

— Я не тронулся умом, Гай. Около часа назад с этим предложением ко мне приходил Некрос. Я обладаю способностью, которая ему нужна. Идеальный проводник — так он назвал меня.

— Юлий, что ты несешь?!

Тот снова горько усмехнулся:

— Ты не знаешь... Никто не знает. Он до сих пор говорит со мной мысленно. Иногда приходит. Даже помог однажды. Тогда, с тхаорой. Если бы я не призвал его, Атэр бы погиб, не выходя из Рэйма.

Преторианец помолчал. Чудовищность слов Юлия постепенно начала доходить до него. Друг действительно безумен, но не в том смысле, как Гратх подумал сначала.

— Тогда почему темный не убил всех нас?

— Вы ему не нужны... Не смотри на меня так. Знаю, о чем ты думаешь, но я не предавал вас. Он все про нас знает. Про демоноборцев, про Арэлл, что она здесь с нами... про наши мечты о жизни без демонов. Некросу это безразлично. Он уверен — перед его мощью мы лишь жалкие беспомощные букашки. Но ему нужен наместник на земле. Живой алтарь. Я.

— Послушай,— Гай понял, что смотрит на бледного, болезненного юношу так, словно видит его впервые,— но ты не можешь стать императором.

— Он сказал, могу.

— Юлий, он же чуть не убил тебя в храме. Ты ненавидишь темных! Мы все их ненавидим!

Друг дернул головой, отвел взгляд в сторону:

— Ненавижу, ну и что? Что им моя ненависть? Комариный писк в бурю. Несколько жалких смертных собрались и грезят об уничтожении демонического порядка, который длится тысячелетия.

— Но ты сам говорил...

— Я ошибался. Как и ты. И все остальные. Не хотел чувствовать себя ничтожеством... Но хватит мечтать, Гай! Мы славно поиграли в интересную, опасную игру и слегка заигрались. Пора возвратиться в реальную жизнь. Понять, что происходит здесь и сейчас. Демоноборцы...

Тайные сборища... Медальоны эти дурацкие! — Юлий запустил руку за шиворот, вытащил круглый амулет, сорвал его с шеи и швырнул в воду.— Мы так и будем умирать один за другим. Пока никого не останется.

— Но Атэр...

— Атэру повезло. Нелунги не обладают магией. С ними можно справиться. А когда он наткнется на сильного демона — его везение закончится.

— Он убил тхаору!

— Это *я* убил тхаору! Говорю тебе, я призвал Некроса, и тот через меня ударил ее своей силой. Понимаешь?! Один темный убил другого! А сами мы — ничто!

— Я не знаю, чего Некрос наобещал тебе. Но все императоры — все, всегда, были марионетками Высших. И ты — станешь тем же самым!

Юлий не слушал:

— Я смогу отменить жертвоприношения. Вернуть луга в пойме Лигиса арендаторам. Я отдам...

— Очнись! Ты ничего не сделаешь! Сенат не поддержит тебя. Он питается крохами с демонского стола. И это очень жирные крошки. Патриции никогда не позволят тебе отогнать себя от кормушки.

— Сенат рядом с Некросом — стадо свиней. Мы для него всего лишь фигурки на доске. И он переставляет нас, как хочет. Откуда ты знаешь, что ему не надоело играть в незыблемую Великую Рэймскую империю с человеческим правителем-самодуром? Может, он хочет слегка изменить правила? Поставить во главе государства реформатора и посмотреть, что из этого получится? А пока он желает забавляться с новой игрушкой, я могу сделать хоть что-нибудь... Если я откажусь, все останется по-прежнему бессмысленно. Мы будем продолжать гоняться за глупой мечтой и погибать.

«Нет,— осознал Гратх.— Друг не хочет власти. Он приносит себя в жертву, искренне желая переделать мир». На какое-то мгновение Гаю показалось, будто он прав. Может оказаться прав.

— Юлий, я не знаю. Может, и так. Но нельзя верить демону.

— Я ему нужен. И пока он во мне нуждается — я буду пользоваться этим.

— Ты уверен?

Юноша посмотрел на свои шрамы, помолчал и сказал уверенно:

— Да. Если хочешь, идем со мной. Ты поможешь мне остановиться, если увидишь, что я меняюсь.

— Я даже сейчас не могу тебя остановить,— развел руками Гай.— Подумай еще раз. Не спеши!

— В нынешнем положении мы абсолютно беспомощны. Мухи, бунтующие против горы... Я все решил.

— Подожди. Поговори с Арэлл.

— Я поговорил с тобой. Этого достаточно. Прощай, Гай. Надеюсь, ты поймешь и не будешь меня осуждать. Объясни остальным. Так

будет лучше. Правда.— На лице Юлия промелькнуло выражение мучительного сомнения, но оно тут же стало спокойным и отрешенным.— Думаю, мы скоро увидимся,— произнес он тихо, запрокинул голову и крикнул в темнеющее небо: — Некрос, призываю тебя!

Плеск воды и шорох листьев заглушило низкое гудение. За спиной Юлия со свистом распахнулась бешено крутящаяся черная воронка. Друг поднял руку, прощаясь молча. Бледный силуэт втянула тьма. Растворила без остатка, и магическая дверь захлопнулась.

«Вот и все. Погиб еще один...»

Обратно Гай возвращался медленно. Тщательно выбирал место, куда поставить ногу, прислушивался, старясь уловить подозрительные звуки, посматривал на небо... Но эта неторопливость была вызвана не тьмой. Он знал, что сейчас будет. Два взбешенных эллана на него одного.

Огонь весело потрескивал. Пахло едой. Стоя на коленях у костра, Гермия ловко выкладывала на широкие листья большие куски жареной рыбы. Ее лицо, все еще припухшее от недавних слез, было сосредоточенным. Испачканный сажей лоб нахмурен. Октавий, держа плавник двумя пальцами, деликатно обсасывал его. Критобул негромко беседовал с Арэлл и, судя по мучительно сосредоточенному лицу, у него не хватало слов выразить все, что он думает. Элланка сдержанно улыбалась. Атэр бесцельно строгал деревяшку, у его ступней валялась уже целая горка стружек.

Он первым услышал шаги преторианца, глянул мельком, но тут же спросил требовательно:

— Где Юлий?!

Теперь на Гратха смотрели все. Удивленно и настороженно. Гай сел на свое место, пересчитал спутников. Осталось пятеро.

— Ушел.

— Куда? — изумленно приподняла брови Арэлл.

— Вернулся в Рэйм.

Телохранитель помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказывать...

Какое-то время все безмолвствовали, пришибленные новостью. Наконец, Октавий пошевелился и медленно, неуверенно начал:

— Может быть... я ошибаюсь, но... ввиду сложившихся... обстоятельств, если... задуматься, в чем-то Юлий прав... — Жрец увидел, что его не перебивают, требуя заткнуться, и закончил уже смелее: — Это редкая удача, друзья мои! Можно сказать, нам повезло. Теперь в Претикапии у нас есть союзник.

Арэлл уперлась локтями в колени, прижала переплетенные пальцы ко рту. Атэр с размаху швырнул недоструганную деревяшку в костер так, что во все стороны полетели искры. Затем вцепился в края валуна, на котором сидел, и принялся покачиваться взад-вперед. Лицо его стало непроницаемым. Как всегда перед вспышкой бешенства.

— Атэр, послушай.— Гай старался не смотреть на каменную физиономию эллана, чтобы не разозлиться самому.— Не кипятись. Надо все обдумать. И ты, Арэлл, тоже.

— Я абсолютно спокойна,— произнесла элланка тихим, невыразительным голосом.

Эллан издал звук, напоминающий смешок и кашель одновременно, и отвернулся.

— Юлий говорил дельные вещи,— продолжил Гай, пытаясь сохранить хладнокровие, хотя это было нелегко.— Нам действительно пора оценить свои силы и прекратить гоняться за химерами. Мы хотели, чтобы ты заняла место Транквила. Но вышло ничуть не хуже. Юлий, да еще и с покровительством Некроса...

Атэр фыркнул, хмыкнул, оттолкнулся от земли подошвой сандалии, но от комментариев воздержался.

— Надо с чего-то начинать,— продолжил преторианец.— А это пусть маленький, но все же шажок вперед. Юлий знает, что делать. Он справится.

— Гратх — ты идиот,— душевно поведал Атэр, выходя из роли молчаливого слушателя.— Лучше бы ты надел свой красивый полибийский шлем на гнилую тыкву и приставил на место собственной головы. В ней все равно больше мозгов, чем у тебя.

— Слушай, ты!..— Терпение Гая мгновенно закончилось. Больше он не собирался выносить выходки элланского щенка.— Мы хотели, чтобы она стала императрицей! — Он ткнул пальцем в сторону Арэлл.— Теперь императором станет Юлий. Не вижу разницы!!

— Не вижу разницы... — голосом тупоумного невежды повторил эллан, передразнивая, и Гратх почувствовал, как кровь начинает пульсировать в висках.

— У нее есть воля, ум и ненависть! — Повторив жест преторианца, Атэр показал на девушку.— А ты позволил Некросу заполучить проводника. Теперь Высший начнет скачивать массы энергии со всей империи. Зальется ею. Он станет сильнее в сотни раз! Пойми это наконец своей тупой башкой!!!

— Юлий выбрал порочный путь,— произнесла Арэлл, движением руки останавливая эллана, готового снова заорать от бешенства.— Он думает, будто поможет всем, а на самом деле — лишь погубит себя.

— Он знал, на что идет,— возразил Гратх уже менее уверенно. Преторианец начинал чувствовать тяжесть вины, но все еще сопротивлялся.

— Нет. Он ошибся. Темный никогда не сделает человека равным себе. Некрос будет использовать Юлия до тех пор, пока не высосет до конца. Я знаю, что обещал ему Хозяин. Власть и полную свободу выбора. Но настоящая свобода не та, которую навязывают обманом.

— Короче,— нахально перебил ее Атэр.— Если кто-то устал, надеется на милость Некроса или не устраиваю я лично... — персональный издевательский поклон в сторону Гая,— тот может отправляться домой

и ждать, когда на него польется демонская благодать. Никто вас не держит!

Октавий заерзал, вздохнул, умоляюще глядя на Гратха, но не издал ни звука. Ему хотелось домой, однако он боялся в этом признаться.

— Я никуда не поеду... — с дрожью в голосе заявила Гермия.— Я останусь с лурией Арэлл. Я не хочу обратно в Претикапий...

— Никто никуда не поедет! — гаркнул Критобул.

Арэлл стремительно повернулась к Гаю, на ее щеках выступил лихорадочный румянец.

— Прислушайся к себе. Что говорит твоя совесть? Ты рад, что твой друг стал заложником демона? Обманом, не по собственной воле. Юлий уверен, что сам решил стать императором, но на самом деле к этому решению его подтолкнул Некрос. Рассказал о нашей беспомощности и нарисовал великолепную картину спасения рэймлян. Это — ложь! Юлий никого не спасет. Только втянет нас в еще большую тьму.— Она обвела взглядом друзей.— Нельзя поддаваться искушению идти дорогой, которая кажется более легкой. Поверьте мне.

— Мы не против тебя, Арэлл,— тихо произнес Гратх.— Мы с тобой. Ты же знаешь...

Глава 10
ИМПЕРАТОР

Вызов пришел неожиданно. Отчаянный призыв зазвенел в ушах с такой силой, что Некрос едва не захлебнулся кофе. Рука дрогнула, горячий напиток выплеснулся на тогу и ошпарил колено.

— Дьявол! — с притворной яростью выругался властелин Рэйма, замирая от радостного предвкушения. Щелкнул пальцами, открывая телепорт, и одновременно уничтожил столик с посудой, стоящий рядом.

Спустя мгновение из крутящейся воронки в тронный зал вышел Юлий. Огляделся, каменея лицом. Узнал внутреннее убранство храма, где пережил три не самых приятных в своей жизни ночи. Медленно повернулся к демону, по-прежнему неподвижно сидящему на троне.

— Я пришел.

— Вижу, что пришел,— неторопливо произнес тот.

— Я согласен,— сказал будущий император неуверенно и добавил тверже: — Что надо подписать?

— Ничего. Достаточно одного твоего желания. И слова. Ты уверен, что *желаешь?*

— Да.

Некоторое время Высший молча рассматривал мрачного, ожесточенного юношу. Потом решительно поднялся. Поманил его:

— Иди сюда. Садись. Да-да, на мой трон. Садись, не бойся. Он не отравлен, через него не идет темная энергия Дна. Я просто хочу, чтобы ты сел... Вот так, отлично. Я хочу, чтобы ты почувствовал свободу. Не

страх, не отчаяние. *Настоящую* свободу. Ты всегда был лишен ее. Думал о ней или мечтал. Но на самом деле ты обретаешь ее лишь сейчас. Осознай это.

«В нем еще много неуверенности,— с удовлетворением подумал демон.— Много сомнений, глупого человеческого отчаяния и жертвенности. Но это пройдет...»

— Юлий, ты можешь продолжать ненавидеть меня. Но, уверяю, таким, как ты, ненависть не дает сил — лишь ослабляет.

— Почему?

Высший усмехнулся. Раз человек начал проявлять любопытство, значит, выходит из состояния отчаянной тоски. Сейчас можно подлить каплю лести.

— Потому что ты умен, Юлий. Ты умеешь разумно извлекать выгоду из любой ситуации, трезво оцениваешь свои возможности и делаешь правильный выбор. Тебе не нужно ненавидеть, чтобы быть сильным. А теперь идем — я проведу тебя в твой дворец...

В этот утренний час Претикапий был молчалив. Лишь тихо шуршал драпировками, потрескивал огнем жертвенников и шелестел осторожными шагами рабов.

Затаились. Ждут, покрываясь испариной от нетерпения, когда явится Великий Господин, чтобы объявить о новом императоре.

Некрос чувствовал, как нервно расхаживает в своих покоях бледный от бессонницы, пропахший дымом погребального костра Клавдий. Грызет ногти и с мольбой глядит в окно, на черный монолит Храма. Как Лолла ерзает на подушках, и ее глупенькое личико, сведенное выражением безутешной скорби, которую она послушно изображала на похоронах, расцветает вдруг от предвкушения грядущей власти. Как подремывают рассевшиеся на длинных скамьях сенаторы, обмениваются ленивыми репликами, скрывая зевки, обмахиваются пальмовыми ветвями, разгоняя запахи пота и благовоний.

Никто не ожидает сюрприза, который подготовил Высший.

Некрос едва сдерживался, чтобы не рассмеяться от удовольствия, представляя, какие станут у всех физиономии при виде кандидата на роль нового императора.

— Юлий, не отставай. Потом насмотришься на статуи. Они все твои. Сможешь любоваться, сколько влезет.

Демона не удивлял ошеломленный вид смертного. Естественно, мальчишка никогда не жил в подобной роскоши. Он из небедной семьи, но такого не мог и представить. Сад с ручьями. Поворачивающиеся залы. Огромный пруд. Стены сплошь из золота и перламутра. Гигантские статуи древних богов и не менее древних императоров. Хрустальные лестницы, которые обожала императрица Августа — ведь стоящие под ними могли без помех любоваться ее стройными ногами и прочими прелестями, когда она неторопливо шла по прозрачным ступеням. Мраморные конюшни, построенные императором Севером...

Не дворец, а шкатулка с секретом. Некрос сам не помнил все потайные ходы и комнаты и периодически удивлялся, натыкаясь на что-нибудь новенькое. Чего же говорить о юноше, только что выбравшемся из диких лесов? Сквозь маску печальной отрешенности на лице Юлия все ярче пробивался интерес и восхищение окружающим богатством и красотой.

Высший довольно кивнул: «Ему здесь нравится. Это хорошо».

— Подожди тут. Появишься, когда позову.— Некрос указал на скамью за колоннами тронного зала. И пинком открыл дверь в покои наследника.

Как он и предполагал, Клавдий нервно топтался возле окна, а Лолла валялась на подушках, тиская котенка с бантом на шее. Увидев демона, сын покойного императора споткнулся о край ковра, с трудом восстановил равновесие и замер, жадно глядя на Повелителя. Лолла сжалась в комок, стараясь быть как можно менее заметной, и ее мордашка под слоем пудры стала покрываться красными пятнами. Котенок зашипел и юркнул под ложе.

— Господин,— забормотал Клавдий, машинально вытирая сухое лицо платком.— Я... мы все ждали, надеялись... услышать вашу волю...

— Настало время назначить нового правителя Рэйма, не так ли? — холодно поинтересовался Высший.

— Да. Да. Мы ждем с нетерпением.

— Тогда спустимся к сенаторам. Полагаю, они тоже заждались...

Сенаторы повскакали со скамей с разной степенью прыти, зависящей от тучности каждого. Почтительно склонились и не разгибались до тех пор, пока Некрос не сел на императорский трон. Клавдий и Лолла замерли в центре зала, не спуская глаз с Хозяина. Девице здесь было абсолютно нечего делать, но, похоже, она решила, что с минуты на минуту станет императрицей вместе с братом, и не хотела пропустить этого радостного события. Дурочка.

Демон расправил складки черной тоги, полюбовался своим перстнем с рубином, наслаждаясь звенящей тишиной в зале. Кажется, Не'лктаур уже пообещал Клавдию трон, и тот искренне верил в свое исключительное положение во дворце. Тем больнее будет разочарование.

Чувствуя, как его распирает от злорадного удовольствия, Высший медленно начал:

— Что ж, уважаемые лурии, пришло время моего решения о преемнике почившего императора Помпея Транквила. Вы все терпеливо ждали этого мгновения. И будете, без сомнения, вознаграждены.

Клавдий слизнул капли пота с верхней губы. Лолла радостно затрепетала. Государственные мужи вежливо слушали, ожидая, когда можно будет присягнуть на верность новому руководителю и разойтись по домам.

— Позвольте представить.— Некрос выдержал эффектную паузу и провозгласил так, что его голос гулким рокочущим эхом прокатился

по залу, по всему дворцу и хлынул за пределы Претикапия: — Император Рэйма, Нумидии, Эскарны, Эбиссинии, Иринеи, Северной и Южной Анконы.— Юлий Констанций Юстиниан!

Да, только ради того, чтобы посмотреть на их лица, стоило затеять этот фарс. У отцов города, готовых услышать совсем другое имя, отвисли челюсти. Они запереглядывались, пытаясь сообразить, не ослышались ли. Залопотали тихо: «Кто? Что? Какой Юлий? Что он сказал?» Клавдий побледнел, потом покраснел. Он выглядел оглушенным и явно не понимал, что происходит. На его лице вдруг появилась жалкая растерянная улыбка. Он все еще надеялся, что Некрос пошутил, ошибся. Но чуда не происходило, а из другого конца зала к трону уже шел невысокий бледный юноша.

— Ваш новый император,— произнес демон, уступая ему место.

И тут Лолла, маленькая глупенькая толстушка, завизжала, прижав ладони к щекам, а потом бросилась к ногам темного, обхватила его колени, прижалась горячим, вздрагивающим телом. Ее пронзительный голос заметался между колоннами.

— Господин! Повелитель! Как же так?! Как же так может быть?! Вы же говорили! Вы обещали! Как же мой брат?! Он должен был стать императором! Он! Он столько сделал! Он так мечтал! Пожалуйста! Пожалуйста!!

Она рыдала горько и безудержно, как ребенок по отнятой игрушке. Кричала так отчаянно, надеясь умолить, уговорить, выпросить.

Некрос успокаивающе похлопал ее по мокрой щеке:

— Ну-ну, детка. Успокойся. Ты все равно станешь императрицей. Юлий возьмет тебя в жены, чтобы породниться со славным родом Транквилов.

Но столь выгодное предложение не обрадовало ее. Девица взвыла, размазывая по щекам косметику:

— Нет! Нет!! Я не хочу!! Нет!

— Уберите ее отсюда,— негромко приказал Некрос, начиная испытывать раздражение.

В зал тут же метнулись две рабыни, подхватили под руки раскисшую от слез и отчаяния госпожу и потащили на женскую половину. Приглушенные безутешные рыдания какое-то время доносились из-за колонн, потом стихли.

— У кого-то еще есть возражения? — угрожающе выговорил Хозяин, и его глаза полыхнули.

Возражений не было. Сенаторы наперегонки поспешили припасть к руке нового императора. Они задевали и толкали Клавдия, но тот, будто не замечая этого, продолжал стоять посреди зала с отрешенным выражением на белом лице, и слабая улыбка все еще кривила его губы.

Некрос видел много смертей. Физических и духовных. Одна из последних произошла сейчас. Бывший наследник дышал, по его виску стекала капля пота, желудок сводило от голода, колотилось сердце, но

он был уже мертв. Демону казалось, что его чуткие ноздри улавливают запах разложения, исходящий от Клавдия.

Убит, уничтожен, больше не существует.

Глава 11
НОВЫЙ ПОРЯДОК

Через несколько часов Не'лктаур возложил на голову Юлия, умытого и одетого в белоснежную тогу, золотой лавровый венок... Потом Некрос стоял рядом с новым правителем на балконе Претикапия. Внизу, под их ногами, колыхалось и бурлило море из тысяч запрокинутых голов и жадных, любопытных лиц.

— Народ ждет чуда, император. Если ты явишь его, он будет счастлив,— тихо произнес демон.— Подними руку.

Стянув в комок небольшую порцию энергии, Высший бросил ее в Юлия, заставил пройти сквозь тело юноши и вырваться из раскрытой ладони. На фоне темного неба над замершей толпой вспыхнул алый купол света и медленно осыпался пылающими звездами. Безобидно и очень красиво. Люди издали дружный восхищенный вздох, загомонили. Магия, которой не было на похоронах Транквила, наконец свершилась.

— Чернь обожает эффектные зрелища,— зевнув, сказал Некрос.— Теперь они поверят в твое высшее происхождение и мое покровительство новому императору.

Юлий ничего не ответил. Он выглядел слегка оглушенным. Впрочем, так и должно было быть. Слишком много роскоши и поклонения за один день...

Потом был большой, всеобщий праздничный пир. Половина города перепилась за счет императорской казны. Но демон этого уже не видел. Довольный собой, сытый и благодушный, он отправился домой, на Дно, чувствуя, как через человеческого проводника к нему льется непрерывный поток силы. Свежей, чистой, яркой.

Можно было предположить, что сначала молодой император с головой погрузится в развлечения и приятный отдых, но уже на следующий день Некрос застал его за работой.

Юлий сидел в ажурной беседке, продуваемой ветром. Вокруг покачивали душистыми ветками цветущие гибискусы, шелестели веерами листьев карликовые пальмы. Неподалеку мелодично журчал ручеек.

Напряженно хмурясь, юноша читал толстый свиток и грыз кончик стило. Мраморный стол был завален документами. В отдалении почтительно стояли два раба – один держал чернильницу, другой был нагружен листами чистого пергамента.

Хозяин улыбнулся тонкими губами. Приятно посмотреть на бывшего заговорщика, сосредоточенно вникающего в государственные дела.

— Приветствую императора,— весело сказал демон.

Тот рассеянно кивнул. Рабы склонились в глубоком поклоне.

— Ну и какова у нас политическая обстановка на сегодняшний день?— Высший присел на край стола, небрежно взглянул в одну из бумаг, исписанных почерком Юлия. Заинтересовался, развернул верхний край и принялся читать. Новый человеческий правитель Рэйма хмуро наблюдал за ним некоторое время. Потом не выдержал:

— Что скажешь?

— Да ничего,— усмехнулся тот.— Хочешь затеять гражданскую войну? Я не против. Выброс энергии будет огромным. Но к чему переводить человеческий материал, а потом еще лет пять восстанавливать экономику?

Юлия передернуло от презрительного определения «человеческий материал». Но он тут же насторожился, вникнув в смысл фразы. Поднял озадаченное лицо:

— При чем здесь война? Я написал приказ о выведении войск из Эскарны. Здесь несколько докладов о положении в провинции, которое сложилось из-за...

— Ты думаешь сердцем.— Высший постучал когтем по левой половине груди императора.— Выключи его. И включи логику.

Шумно вздохнув, демон провел ладонью по лбу: «Молод, наивен до жути новый император. И, похоже, ничего не смыслит в правлении». Движением руки он велел рабам удалиться, и те, не переставая кланяться, поспешили выполнить приказ. Только кусты прошуршали.

— Карта есть? А, ладно. Смотри.

По белому мрамору пола с тихим шипением побежала жирная черная черта, рисуя неровные контуры империи. Линии потоньше отметили границы между провинциями. Прожилка на камне очень удачно попала на место Лигиса.

— Это — Эскарна.

Кусок карты на западе вспыхнул красным.

— Одна половина ее населения — гаэты, другая — рэймляне, луэсы и севры. Если ты выведешь войска, первые тут же бросится резать вторых и третьих.

— Почему?

— Древняя национальная грызня за земли. Видишь зеленый кусок? Луэсы, а уж тем более рэймляне, считаются захватчиками. Наши гарнизоны сдерживают резню. Уберешь их оттуда — получишь бойню.

— Но исконное население...

— ...немытые кочевники, которых Рэйм слегка цивилизовал за несколько сотен лет? Их нужно держать вот здесь.— Некрос сжал кулак перед самым носом императора.— Для их же блага, иначе они пожгут все вокруг и уничтожат всех, кто движется. Заметь, сейчас мы говорим не о демонах. Только о людях. О том, что будет, если ты примешь одно неправильное решение. Кстати, исконный правитель Эскарны мгно-

венно переметнется на сторону гаэтского эмира и соответственно Савра. А мы потеряем кусок вот этой территории.

Пятно на карте вспыхнуло оранжевым.

— Но это же твоя земля! — воскликнул Юлий с безмерным удивлением.— Как ты можешь позволить забрать ее, пусть даже человеческий правитель захочет перейти под контроль другого Хозяина?

— *Моя* земля там.— Некрос указал пальцем в пол.— Внизу. В другом мире. И она действительно моя, до последнего источника лавы. Здесь — поле игры, где каждый день что-то меняется. Одни фишки исчезают, другие появляются. Ставки падают и растут. Например, приходит какая-нибудь очаровательная Арэлл с верными соратниками, которым ударяет в голову переделать мир. А как это можно сделать? Только поменяв одного Правителя на другого. Меня на Друзлта, в частности. Поверив его обещаниям облегчить жизнь людей.

— Как я — поверил тебе,— мрачно пробормотал Юлий.

— Ты сомневаешься? — Некрос слез со стола, встал в центре светящейся карты, раскинул руки, словно пытаясь захватить землю под своими ногами.— Давай, дерзай. Я отдаю это все тебе! Меняй, переделывай.

Уже не такой самоуверенный, как раньше, юноша вскочил, уронив несколько свитков на пол:

— Мне нужно время, чтобы разобраться!

— Разбирайся. Но предупреждаю сразу — если ты чувствуешь, что ответственность за Рэйм тебе не по силам, я могу оградить тебя от тягот управления страной. Отдыхай, наслаждайся жизнью, читай, путешествуй. Сенат все сделает, тебе останется лишь подписывать документы.

— Нет! Я не хочу быть тупым ходячим жертвенником.

— Тогда учись мыслить, как политик, а не торговец из рыбной лавки.— Щелчком пальцев Некрос уничтожил карту на полу. Подумал, сотворил стул рядом с креслом Юлия, сел.— Давай, показывай, что ты там наприказывал сегодня.

Молодой император подвинул гору свитков. Демон обеими руками потер щеки, развернул сразу два документа, пробежал их взглядом, поморщился, отшвырнул в сторону.

— Это лирика. Прежде всего, ты должен издать указ о запрете приносить в жертву Его Могуществу Некросу, то есть мне, солдат из преторианской гвардии. Это сразу возвысит тебя в глазах военных. Вызови Адриана Мария — военного префекта преторианцев. Лично сообщи ему о своем решении. Пообещай выплатить компенсацию семьям уже убитых, остальным увеличь жалованье. Через полчаса этот боров будет тебе руки целовать. Второе,— Правитель в задумчивости почесал когтем бровь,— также увеличь жалованье солдатам городской когорты. И побеседуй с их префектом. Ясно? Дальше... ну что ты на меня так смотришь?

— Ты говоришь правильные вещи. Я и сам хотел...

Демон саркастически рассмеялся:

— А ты считал меня полным идиотом? Это мои земли, и я прекрасно знаю, что и как на них происходит. Ладно, теперь дальше по порядку. Что у тебя с Эллидой? Естественно — мирный договор! Разочарую вас, император, вы не можете заключить мир.

— Почему?!

— Возвращаемся к карте. Хозяин Эллиды — Друзлт.

— Я знаю.— Юлий нетерпеливо дернул плечом.

— Не перебивай. Кроме земли, твердой земли,— для наглядности Некрос топнул по мраморному полу,— он владеет и водой. Морем, на несколько сотен статий вокруг. Что это значит?

— Что?

— Границы земных владений Высших,— темный обвел в воздухе воображаемый контур страны,— соответствуют границам владений в нашем, демонском, мире. Это отражение. Практически полное.

Бледно-голубые глаза императора расширились — он представил невероятный, недоступный подземный мир.

— Значит, у него там тоже вода?

— Да. Тотем Друзлта — гидра. И это полностью соответствует его внутренней сути. Он не такой, как я и остальные Хозяева. Говоря вашим языком, он — водный зверь. Суша ему нужна только для того, чтобы раз в день выбраться на нее и часок погреться на камешках. Он слабее меня, поэтому я все время держу его в напряжении. Население Эллиды, источник его силы, частично находится под моим контролем. Так я не позволяю Друзлту расслабиться и начать копить силу.

— Но...

— Если мы выпустим остров, мой земноводный родственник начнет топить рэймские корабли и терроризировать все побережье. Представь себе последствия.

Юлий кивнул:

— А ты можешь уничтожить Друзлта?

Некрос фыркнул от смеха:

— Если я рискну напасть на него, остальные Хозяева объединятся, чтобы уничтожить меня. Пока каждый из нас сидит смирно, другие чувствуют себя в безопасности. Зашевелится один — остальные тоже полезут из нор. У меня и так слишком много земли, захочу захватить Эллиду — Правители взвоют от жадности.

— Я понял.

— Хорошо. Тогда дальше...

Следующие несколько часов они вместе просматривали документы. Демонический господин Рэйма и человеческий, сидя плечом к плечу, читали свитки и беседовали, как лучшие друзья. Полная идиллия. Нереальная гармония. Еще день назад никто не мог бы подумать, что демоноборец станет смотреть в рот своему врагу, ловя каждое слово, и писать под диктовку указы. Нет, естественно, он упрямился, возмущался. Но в конце концов затихал перед логикой и переставал дергать

лапками, словно жук, пронзенный булавкой железных доводов Некроса. Бормотал уныло: «Да-да, ты прав, но... я подумаю».

Наконец Хозяин, устало отдуваясь, отодвинул от себя документы:

— На сегодня хватит. Вижу, ты не испытываешь заслуженного удовлетворения от проделанной работы. Есть еще какие-то сложности?

Юлий хмуро кивнул:

— Лолла меня ненавидит.

Высший рассмеялся:

— А за что ей тебя любить? Девчонка рассчитывала, что обожаемый брат станет владельцем всего, а она — дорогая сестрица — усядется на троне рядом. Но появился ты, и Клавдий остался не у дел. Довольно унизительно — чувствовать себя всего лишь ступенькой для твоего восхождения к власти.

— Я занял место Клавдия,— тихо произнес император, рассеянно вороша свитки.

Этот унылый тон мог взбесить кого угодно, что уж говорить о темном, не отягощенном особым терпением. Некрос рассвирепел:

— Ты занял *свое* место! Это сынок слабоумного Транквила намеревался рассесться на твоем! Я не желаю слышать нытья по поводу твоей беспомощности. Если Лолла докучает тебе — приструни ее! Надоела кислая рожа Клавдия — отруби ему голову или сошли подальше! Хватит сомневаться и пытаться понравиться каждому! Ты — император! Ты — новый порядок! И тебя будут ненавидеть! Привыкай к этому!

Юлий опустил голову, словно нерадивый ученик перед строгим учителем. Но тут же вскинул ее, сверкнув золотым лавровым венком. Из-за кустов послышались торопливые шаги, к беседке выбежал запыхавшийся гонец, с размаху бухнулся на колени перед двумя господами. Протянул свиток, перетянутый красным шнурком:

— Император, вести из Эллиды.

Некрос откинулся на спинку кресла, наблюдая, как его молодой проводник, хмурясь, читает документ.

— В Смирте восстание против рэймского наместника,— сказал он наконец голосом, лишенным всякого выражения. Посмотрел на Хозяина вопросительно, требовательно, укоряюще.

— Ваше решение, император,— жестко потребовал Некрос.— Положение в Эллиде вам известно.

На секунду губы Юлия по-детски надулись, от жалости, видимо. И тут же сжались в линию. Отчаяние в глазах сменилось жесткой решимостью:

— Отправить в Эллиду легион. Восстание подавить.

Демон удовлетворенно кивнул. Проводник оказался толковый. Но одобрений человек слушать не пожелал:

— Я хочу остаться один!

Повелитель Рэйма бесшумно поднялся и так же неслышно исчез, чтобы появиться в своем храме.

Улыбнулся довольно.

Бывают минуты, когда людям приходится выбирать между совестью и страхом. И последний всегда убийственен для их слабых душ. Совесть Юлия протестовала против любого насилия. Но страх за друзей, себя самого, за Рэйм, который мог быть уничтожен Друзлтом, велел послать в Эллиду войска. Пока ему еще больно идти против совести. Потом с каждым разом станет все легче.

Глава 12
БАЛТИС

Демоноборцы добрались до Балтиса рано утром.

Огромный портовый город был расположен в дельте Лигиса. Сюда приходили корабли из Гаэты, Нита и Эллиды. Они провозили в Рэйм груды мехов, пряности, узкогорлые амфоры с маслом и вином, черное дерево и рабов. Чуть реже по реке поднимались зловещие черные ладьи, груженные золотом и благовониями.

В нижней части Балтиса, рядом с портом и верфями, дома строили в несколько этажей. Лепили один к другому, прижимали крышу к крыше, стену к стене. Из окон выглядывали тощие кошки, чумазые дети и горластые матроны. Внизу, по щиколотку в грязи, по узким улицам бродили пестрые толпы — торговцы, нищие, бродяги и матросы. Пахло здесь амброй, прогорклым маслом, дегтем, смолой и потом. Бриз, долетающий с моря, был не в силах развеять смрад, висящий над городом. Кабаки и таверны не закрывались круглые сутки. Матросы кочевали из одного в другую, щедро оставляя золотые рэймские сестерции, нитские драхмы и гаэтские карны, а чуть что — хватались за ножи и горланили не хуже павианов. На каждом углу стояли размалеванные девицы и попрошайки. Над отбросами, рядом с вороньем, кружили чайки.

И над всей этой суетой монолитной черной глыбой возвышался гигантский храм, посвященный Некросу. Еще один оплот безграничной демонской власти.

Спутники с опаской поглядывали по сторонам, ошеломленные шумом и суетой, но Атэру эта жизнь была знакома очень хорошо и влекла почти так же сильно, как и вызывала отвращение. Он спрыгнул с лошади, сунул поводья Критобулу.

— Схожу на базар, куплю чего-нибудь для этого.— Он кивнул на бледного, мужественно-молчаливого Гая. Рана на боку продолжала причинять тому боль. Однако преторианец из гордости был готов умереть в седле, так и не признавшись в мучениях.

— Да-да,— буркнул Критобул, наматывая на руку повод.— По чужим карманам пошарить неймется и сплетни послушать? Проваливай. Мы вон в том доме будем. Вроде там конюшня.

Эллан, ничуть не обидевшись, пожал плечами и, не снизойдя до ответа, скрылся в толпе.

Гвалт на базаре не смолкал ни на минуту. В нем смешались вопли нищих, ржание, окрики городской стражи, гнусные крики павлинов и лай бродячих собак. Рядом с дорогими тканями Атэр увидел лоток тухлой рыбы. Тут же торговали ушастыми эбиссинскими кошками породы сфинкс. Каждая лежала на своей шелковой подушечке, пристегнутая цепочкой к золотому ошейнику, и злобно шипела, выпуская когти. Неподалеку продавали нумидийских рабынь, не уступающих в гибкости и изяществе дорогим заморским зверям. В этом году цены на красавиц упали, и любая стоила в два раза дешевле, чем котенок сфинкса.

Эллан бродил по рынку, присматривался, приценивался, вступал в разговоры. Потолкался возле нитских купцов. Срезал кошелек с пояса зазевавшегося рэймлянина, порадовался, что еще не потерял воровской навык. Купил сушеных фиников и сахарных трубочек у толстого эбиссинца. У опрятной старушки нашел целебные травы для Гая. И не забывал прислушиваться.

Кроме пустой трепотни удалось узнать кое-что забавное.

«...в Рэйме объявился ворожей. Белый, как призрак, ходит по ночам, и если на кого посмотрит, у того из тела вылетает болезнь. А за ним бредет его верный раб, весь черный, страшный — собирает хвори в особую шкатулку. Как только та наполнится доверху, недуги вылетят наружу, разлетятся во все стороны, и наступит конец света...»

Атэр скептически усмехнулся. Похоже, про Энджи с Гэлом сочинили пророчество. Белый призрак и его черный раб? Жаль, не удастся увидеть физиономию оборотня, услышавшего эту сплетню.

«...зеркало в Каракаллском храме плакало золотыми слезами и предвещало скорую засуху. И ссохнется,— говорило,— плоть человеческая и рассыплется по всем землям...»

Атэр хмыкнул насмешливо. Интересно, хватило у кого-нибудь ума насобирать золотых слезок?

«...и тогда почтенный сказал: «Возьми все мои табуны, и наложниц, и халат с моего плеча, только построй гробницу из халцедона, в которой обрету я вторую жизнь. Ибо соседу моему и недругу Абу Рашиду ты, Зодчий, строил и многое другое, еще более удивительное». А он, собака, отвечает: «Не спеши. Халат тебе пригодится. Похоронят тебя в нем, в нем и сгниешь. Гробницы ты не заслуживаешь, убийца!»

Эллан пожал плечами. Ясно, два соседа что-то не поделили.

«...Вода в реке покраснела, и снизу всплыли все жертвы его Могущества Золтона. Клянусь, Хавром, не вру. Так и плыли за кораблем, пока я одному веслом по башке не съездил. Тогда отстали».

Атэр с трудом сдержал смех. Это, понятно, бред. Почудилось по пьяни — принял крокодила за утопленника.

А вот это уже интересно. Эллан едва не подавился финиковой косточкой, когда услышал разговор двух рэймлян, неторопливо шествующих вдоль рядов с шелками.

— Слышал? Народного трибуна Тиберия Гратха все-таки убили. Закололи в собственной спальне.

— Удивительно, что это не произошло раньше. Сколько можно было искушать судьбу. Все считал себя неуязвимым...

Атэр прислонился к стене рядом с эбиссинским писцом, который сидел на линялом вытертом ковре и заунывно предлагал окружающим каллиграфические услуги. Значит, Тиберий мертв... Как сказать Гаю, что его брат погиб? И стоит ли говорить? Эллан вспомнил, как народный трибун с понимающей усмешкой выпустил его из терм, где с демоном-оборотнем они обыграли доверчивых рэймских граждан на три тысячи сестерциев. А ведь мог и зарубить двоих мошенников. Или позвать стражу. Жаль. Действительно жаль.

— Эй, мальчик! Мальчик! Да, ты! Ты! — Атэр глянул в сторону, откуда доносились призывы, произнесенные дребезжащим голосом с сильным эбиссинским акцентом. Старикан-писец, недовольно морщась, махал на него, отгоняя, словно курицу.— Иди отсюда! Ничего писать не хочешь, да? Тогда иди, своими делами занимайся.

— Пошел ты! — злобно огрызнулся эллан и, не слушая возмущенного кудахтанья деда, направился к открытой харчевне под раскидистым платаном. Там, вокруг длинных столов, обдуваемые ветерком, сидели на стульях и возлежали на скамьях почтенные купцы. Они неторопливо беседовали, попивая вино и травяные настои. Обсуждали цены на пшеницу, уровень подъема воды в Лигисе, заключали сделки. Атэр взял себе большую тарелку тушеного мяса, кувшин холодного нитского пива и уселся неподалеку от трех смуглых, черноволосых, носатых мужчин. Говорили они на гаэтском, но эллан неплохо понимал их — на свое умение запоминать чужие языки он никогда не жаловался. А беседа была интересная.

— Почтенный Занум, слышал я, ваш корабль не дошел до Эллиды? — спрашивал один, тряся тонкой бородкой, выкрашенной хной.

— Слава Гасуру, моя «Заима» все еще стоит в гавани. Но каждый день задержки опустошает мой кошелек на тысячу дихремов,— ответил толстяк с круглым лоснящимся лицом и прищуренными глазками. И принялся загибать пальцы, унизанные перстнями с сапфирами.— Надсмотрщикам — плати, рабов — корми, вчера мои люди убили одного нумидийца — опять плати... Уважаемый Кадым уже ходил к главному в порту, говорил: «Пусти корабли. Три дня стоим. Товар портится, матросы разбегаются. Сколько надо заплатим. Тебе. Помощникам твоим. Жене твоей столу из берсов дадим. Открой порт ненадолго, а потом опять закрой. Никто не узнает».

— И что он ответил?

Толстяк Занум огорченно крякнул и махнул пухлой рукой:

— Ответил — приказ! Никого не выпускать.

Атэр, уже пару минут от нетерпения ерзавший на скамье, не выдержал и влез в разговор:

— Прошу прощения, почтенные, что прерываю вашу беседу, но я случайно услышал, что корабли в Эллиду не идут, и хотел спросить...

Все трое одинаково нахмурились. Рыжебородый оглядел его с ног до головы и заблеял по-рэймски:

— Пач-чему ты смеешь вмешиваешься в разговор старших людей со своими пустыми вопросами? Ты сидел, кушал, вот и кушай, пока тебя не выкинули из этого почтенного заведения.

— Ладно-ладно, понял,— пробормотал Атэр, чувствуя, как злобный жар заливает щеки. Отвернулся и сказал своей наполовину опустошенной тарелке: — Пердуны старые.

Не чувствуя вкуса, он доел мясо. Выбрался из-за стола и, мысленно пожелав чванливым гаэтам, а заодно и эбиссинцам, всех мыслимых и немыслимых «благ», вышел вон. Бродить по базару дольше не имело смысла. Действительно ли корабли до Эллиды стоят — узнавать надо было в гавани. Эллан не исключал, что от национального пристрастия к сказкам деды насочиняли небылиц.

Но сначала он решил зайти к друзьям. В наемный дом, о котором говорил Критобул.

Комнаты были на верхнем этаже. Под самой крышей. Они оказались со скрипучими полами, обшарпанной мебелью, тараканами и мышами. О наличии последних возвестил громкий визг Гермии.

Когда Атэр нашел товарищей, здоровяк-преторианец как раз разбирался со страшным зверем, а бывшая рабыня сидела, поджав ноги, на кровати. Она с ужасом наблюдала, как атлет тащит за хвост отчаянно пищащую добычу.

Эллан расхохотался и несколько раз громко хлопнул в ладоши:

— Молодец! Хвалю. Ужин ты уже добыл.

Критобул протянул свободную руку, намереваясь схватить насмешника и сунуть мышь ему за шиворот, но тот ловко увернулся и проскользнул в соседнюю комнату.

Гай полулежал на кровати. Морщась, рассматривал раненый бок. Октавий сидел рядом, подбадривая больного тяжкими сочувственными вздохами. На взгляд Атэра, царапина выглядела скверно.

— Октавий, держи.— Эллан бросил на кровать мешочек с травами.— Это должно помочь. Где Арэлл?

— Сейчас придет с хозяйкой,— отозвался Гай, наблюдая, как воодушевленный жрец перебирает корешки, одобрительно причмокивая.

Толстая и неопрятная тетка появилась через несколько минут. Равнодушно проследив за извилистым путем таракана по стене, она заявила:

— Уезжать вздумаете, девок своих с собой забирайте. Я с ними валандаться не буду. А то были тут трое, шлюху притащили и зарезали. Сами смылись, а мертвую под кровать сунули. Мне с нижнего этажа неделю жаловались, что запах и с потолка капает... А я мертвых страсть как боюсь,— подумав, добавила она кокетливо.

На протяжении этого монолога Гермия бледнела. На щеках Арэлл появились два красных пятна — оскорбилась из-за того, что ее приняли за уличную девицу. Октавий принялся затравленно озираться, словно

ожидал, что покойница вот-вот выглянет из-под кровати. А Гай с Критобулом, который все еще держал в кулаке несчастную мышь, ухмыляясь, украдкой переглянулись.

Когда хозяйка удалилась, шаркая остроносыми гаэтскими туфлями, Гермия заявила с дрожью в голосе:

— Я тут не останусь!

— Друзья мои, думаю, нам действительно не стоит здесь задерживаться,— забормотал жрец, с опаской поглядывая по сторонам.— Здесь не очень чисто и... насекомые.

— Да-а,— по-прежнему ухмыляясь, протянул Критобул.— Это не папочкин особнячок. С подтиркой за тобой никто ползать не будет. Как говорит Аристид... — И он выдал фразу, которая, несомненно, пользовалась бы большим успехом в казармах преторианской гвардии, но в обществе двух девушек ее произносить не стоило. Арэлл свирепо сверкнула глазами, и доблестный императорский воин побагровел, вспомнив, что рядом с ним не девка из борделя, а невеста наследника Рэйма. Пусть и бывшая. Смущенно кашлянув, он пробормотал: — Ну это я так, к слову.

— Зато здесь никому нет до нас дела,— сказал Гай, осторожно, чтобы не потревожить рану, меняя положение на кровати.— Пришли-ушли, никому это не интересно. Атэр, ну а ты что скажешь?

— Отсюда видно море... — задумчиво ответил эллан, глядя в окно.

Море действительно было рядом. Его свежее дыхание пробивалось сквозь вонь помоек. Запах соли и водорослей, казалось, впитался в гнилые доски. Мерный рокот волн слышался за каждым звуком. Крошечные комнатушки казались шире только потому, что рядом чувствовался безграничный простор, наполненный светом и ветром.

— Я пойду, узнаю насчет корабля до Эллиды. Ждите меня.— И, не дожидаясь ответа, Атэр выскочил за дверь.

У лестницы его догнала Арэлл.

— Я с тобой.

— Ну давай,— делано равнодушно ответил эллан.— Как это Гай не потащился следом?

Девушка пожала плечами и улыбнулась. Безобразный синяк на ее лице стал почти незаметен, царапины затянулись. Волосы лежали вокруг головы золотым венцом. Смотреть на нее было приятно, а еще приятнее — знать, что несколько часов она проведет рядом.

Они вышли на улицу. Солнце заглядывало в узкую щель между крышами домов, весело играло в глубокой луже, на берегу которой копошились два голопузых мальчишки. Атэр негромко свистнул, привлекая их внимание, и поманил к себе. Тот, что постарше, неторопливо поднялся. Младший сунул грязный палец в нос, с любопытством уставившись на иноземцев.

— Эй, малек, как в порт пройти?

Ребенок презрительно оглядел темноволосого юношу в серой военной трабее и сандалиях с высокой шнуровкой, а потом заявил солидно:

— Мальки у нас даже в лужах не водятся. Дашь сестерций — скажу.

Эллан присвистнул снова, на этот раз — поражаясь наглости щенка, и повернулся к Арэлл, предлагая разделить свое возмущение. Но девушка даже не взглянула на него. С ее лицом что-то было не так. Губы искривились на мгновение, мелькнуло мучительно-жалостливое выражение.

— Дай ему денег,— попросила она Атэра, и тот не смог ослушаться. Со вздохом сунул руку за пояс, вытащил из потайного кармашка монету, бросил попрошайке:

— На. Хватит с тебя дупония.

Тот ловко поймал денежку, рассмотрел со всех сторон и, счастливо улыбаясь, сунул за щеку.

— Ну?!

— Езли в зам порт,— заговорил мальчишка невнятно, мешала монетка,— нада значала прямо, потом у дома старой Эмпусты наизкозок и снова прямо. А езели корабль нузен, то идите зразу в харщевню Патруза, у него завзегда корабельщики зидят. Значала прямо, потом наизкозок и прямо.

— Ну спасибо,— улыбнулся эллан.

— Только езли вы в Елиду, так туда корабли не идут,— заявил вдруг пройдошистый малец, почесывая лохматую голову.— В Мумедию или езчо куда — позалуста. А туда нет.

— Откуда ты знаешь? — спросила Арэлл, и ее лицо стало хмурым.

— Так все знают,— ответил тот, вытащив из-за щеки монету, полюбовался и сунул обратно.— Шторма, говорят.

Он отвернулся, потеряв интерес к элланам, и степенно отправился обратно к луже.

— Ладно. Пошли.— Атэр кивнул девушке.— Как он там сказал? Прямо и наискосок?

— В это время года не бывает штормов,— задумчиво отозвалась она, перешагивая через лужи и поминутно скользя в грязи.

— Это ты мне говоришь?! — саркастически осведомился он, пинком отгоняя с дороги невесть как забредшую на улицу здоровую пятнистую свинью.— Я уже слышал это на базаре. Но не слишком поверил.

— Что могло случи... — Они едва успели прижаться к стене, спасаясь от потока помоев, выплеснутых из окна верхнего этажа.

— Узнаем... Эй, почтенный! — окликнул эллан замызганного местного жителя, нетвердой походкой пробирающегося вниз по улице.— Где харчевня Патруса? Та, с дверью? Да они все с дверями, глаза протри!.. Хотя тебе это вряд ли поможет,— пробормотал он, провожая пьяного взглядом. Потом с досадой повернулся к тихо посмеивающейся девушке:

— Ну? Что?! В следующий раз сама узнавай дорогу.

— Я думаю, нам стоит попробовать зайти вон туда. Видишь, на стене нарисован якорь.— Арэлл указала на третий дом от угла.

— Может быть,— неохотно согласился Атэр.— Ладно. Подожди меня здесь.

— Я с тобой.

— Думаю, там не место для такой девушки, как ты...

— Может, телохранителя мне наймешь? — неожиданно съязвила она.

— У тебя уже есть один. Но я не заметил, чтобы это кому-то помогло...— машинально ответил на ехидство колкостью эллан.

Арэлл пожала плечами и промолчала.

Внутри харчевни было полутемно. Свет пытался пробиться сквозь крошечное окошко под потолком. Просачивался через щели между досками. Но широкой полосой лежал лишь перед открытой дверью.

Спутники увидели сумрачного дядьку, до самых глаз заросшего густой кудрявой бородой. Он потягивал вино из объемной амфоры и смахивал на почитаемого в Эллиде древнего бога — хозяина морей и сотрясателя земли.

— Хайре,— тихо сказал Атэр земляку, мгновенно переходя с рэймского на элланский.— Нам нужен корабль. Ты можешь помочь?

«Сотрясатель» обмакнул в вино кусок хлеба, отправил его в круглое отверстие, показавшееся в бороде. Прожевал и изрек глубоким басом:

— Ну?

— Чем раньше, тем лучше. Нас двое и еще четверо. Можем заплатить сразу.

Тот вытер руки о край гиматия. Отрицательно покачал головой:

— Нет кораблей.

— Неправда. Гавань забита.

— Гавань забита,— согласился моряк.— А кораблей нет.

Атэр почувствовал, что начинает закипать, и шумно выдохнул.

— Мы слышали, суда не пускают в Эллиду из-за шторма,— произнесла Арэлл своим певучим голосом.

Дядька посмотрел на девушку с большим вниманием, чем на ее спутника, и ответил охотнее:

— Правильно слышала, красавица.

— Но погода портится только зимой.

Бородатый эллан перегнулся через стол, чтобы быть к ней ближе, и произнес доверительно:

— А мне проверять неохота, красавица.

— Мы хотим вернуться домой! — прошептала она в ответ.

— Знамо дело.

— Тогда почему не хотите помочь?! — вмешался Атэр.

— Хотеть-то хочу, но одного хотения мало.— Моряк задумчиво пригладил бороду, ласково поглядывая на Арэлл ярко-голубыми глазами в лучиках глубоких морщин.— Некрос запретил выпускать эллидские корабли из порта. Ослушникам велено пенять на себя. А самых прытких, кому неймется проверить, друзлтовские «гидры» жгут в открытом море, а команду пускают на корм рыбам.

— Но можно, наверное, как-то... — пробормотала девушка.

— Можно,— согласился корабельщик.— Могу тебя до первого маяка прокатить. А зайду дальше — всплывет из-под кормы Морской охотник.

Видел небось.— Он глянул на Атэра.— Башка с бочонок, пасть как у нитского бегемота. И рог на лбу. Днище пробьет и ждет, пока корабль на дно пойдет. Мимо не проскочишь, сквозь воду эти твари людей чуют.

— Ясно,— сказал Атэр.— Спасибо. Идем, Арэлл.

— Арэлл? — заинтересованно переспросил корабельщик, и эллан тут же мысленно обругал себя за длинный язык.

Девушка улыбнулась, украдкой метнув на болтливого приятеля убийственный взгляд:

— Спасибо.

— И тебе спасибо, красавица,— отозвался моряк.— Удачи в пути.

Когда они вышли на улицу, элланка глубоко вздохнула.

— Ладно-ладно! — перебил Атэр еще до того, как она что-либо сказала.— Знаю. Извини. Я не должен был называть тебя по имени. Но не думаю, что он в курсе, как зовут невесту наследника.

Девушка отвернулась и молча устремилась в сторону гавани. Эллан поплелся следом, мучаясь угрызениями совести.

К счастью, или наоборот, продолжались они недолго. Улочка вильнула и неожиданно закончилась тупиком. Здесь были в беспорядке свалены сломанные повозки, из которых торчали гнутые ребра бочек и зазубренные доски. Рядом благоухали кучи гнилья. Сформулировать свое мнение по поводу пейзажа демоноборцам не удалось. Сзади послышался негромкий развязный голос:

— А неужели почтенные граждане заблудились?

Атэр стремительно обернулся и тут же замер перед острием короткого рэймского клинка. Его держал тот самый пьяный, что не сумел показать дорогу до харчевни. Только на этот раз он стоял на ногах твердо. Глаза на молодом худом и грязном лице блестели весело и зло.

— Эй, малец,— лениво велел уличный грабитель.— Давай сюда деньги и можешь топать дальше. Да, девку свою тоже оставь, мал ты еще для нее.

Атэр не успел разозлиться, услышав за спиной шепот Арэлл:

— Трое сзади.

Глянув через плечо, он увидел оборванцев, ловко спрыгнувших с низких крыш.

— Впереди еще двое.— Он заприметил еще один силуэт за выступом дома.— Вот чего мне сейчас не хватает, так это хорошей драки.

Эллан выхватил меч, спрятанный в одежде. Сзади послышался хорошо знакомый хищный шелест стали, извлекаемой из ножен,— элланка сделала то же самое.

Схватка был короткой, но яростной. Атэр, довольный тем, что может безнаказанно сорвать злость, сразу кинулся на грабителя и сильно поранил его. Тот отскочил в сторону, зажимая окровавленную кисть. Следующий враг получил удар локтем в солнечное сплетение и отлетел на несколько шагов. Третий, сообразив, что мальчишка не такой слабак, как показалось, стал осторожно обходить его.

Эллан успел заметить, что у Арэлл все шло хорошо — два оборванца отступали под мощными неженскими ударами ее меча. Он хотел крикнуть ей что-нибудь одобрительное, но осторожничавший противник вдруг резко ринулся вперед. Эллан поймал своим мечом клинок грабителя. Они столкнулись лицом к лицу и замерли.

— Валерий?!

— Дейм!!

В следующую секунду враги уже душили друг друга в объятиях.

— Ты откуда?!

— Ты как?..

— Ты же был в Смирте!

— Я думал, тебя убили!

Все остальные участники побоища, включая Арэлл, открыв рты, глазели на безудержную радость двух недавних врагов.

В последний раз хлопнув Атэра ладонью по спине, Дейм махнул остальным:

— Это Валерий, мой земляк. А это... сестра его. Давно не виделись.

— Какие новости из Смирты? — нетерпеливо перебил эллан.— Что там наши?

Густые брови Дэйма удивленно поползли вверх:

— Так ты ничего не знаешь?

— Не знаю о чем?

Приятель разочарованно покачал головой:

— Нет больше наших.

— Что значит «нет»?

— Всех положили, когда новый император отправил легион для усмирения восстания против рэймского наместника.

Атэр прислонился спиной к стене, тупо глядя прямо перед собой:

— Не может быть... Всех наших? Новый император?

— Да. Что тебя удивляет? Юлий Константий Юстиниан собственноручно подписал приказ. Все было кончено быстро. Некрос открыл телепорт и...

— Так вот почему корабли не идут в Эллиду. Война.

— Мне повезло, я успел уехать раньше. И не поверишь — зачем! Драгоценный учитель Форкий отправил меня искать тебя, дорогой друг, чтобы передать послание.

— Послание?

— Этот старый гриб, прямой ему дороги в подземный мир, велел поклясться, что я ни на минуту с ним не расстанусь и отдам тебе, когда встречу. На, бери.— Дейм вытащил из-за пазухи замызганный продолговатый сверток.— Как будто знал, что мы столкнемся случайно.

Соотечественник говорил что-то еще, но эллан уже не слушал его. Он смотрел на свиток, завернутый в грязную тряпку, и тот почему-то начал расплываться перед глазами. И только последние слова Дейма заставили очнуться:

— ...затем что я больше в эти игры не играю. Хватит! Помнишь, ты мне читал в катакомбах под храмом Трисмеса? Ну откровения какого-то древнего? «...Тьма уйдет, наступит свет. Три знака появятся и возвестят начало нового...» Так вот я тебе сейчас назову имена этих знаков — голод, страх и смерть. И ничего нового не будет. Мы все сдохнем, а демоны будут жрать наши трупы и наши души. Вот и все, что я могу сказать тебе, друг.

— А ты поумнел со времен нашей последней встречи, друг,— задумчиво произнес Атэр, чувствуя, как нечто злобно-отчаянное ворочается в солнечном сплетении.— Раньше не излагал столь гладко и не резал путников в подворотнях.

— Пришлось поумнеть. Жизнь заставила. И тебе могу дать совет. Форкий очень хорошо умел болтать о свободе. А где он сейчас? Удобряет собой поля, чтобы ячмень рос гуще. Ладно, рад, что ты жив. Надумаешь присоединиться к моей компании, милости прошу.

Дейм кивнул бывшему соратнику, махнул рукой остальным. И грабители исчезли так же быстро, как и появились.

Атэр сидел за обшарпанным столом, сколоченным из плохо обструганных досок, и смотрел в чашу с неразбавленным кислым вином. Отупение постепенно проходило. На глаза набегали злые слезы, и он, не стесняясь, вытирал их тыльной стороной ладони. Пил вино и морщился от гадкого вкуса.

Погиб Аристид. Марк. Юлий, считай, тоже умер. Как сказать Гаю, что больше нет его брата?.. «Они уходят, а я не могу их удержать,— приплыла издалека печальная, обреченная мысль.— Все уйдут... и я останусь один!»

— Послушай.— Теплая рука Арэлл легла на его плечо. Сжала тихонько.— Мы все знаем, на что идем.

— Нет. В том-то и дело, что нет.— Атэр скорбно усмехнулся.— Вряд ли кто-нибудь из нас предполагал, что погибнет так быстро и бесславно. Дейм прав — они проиграли потому, что нет и не было ни малейшего шанса одержать верх. И не будет.

— Сомнение в победе — это наполовину проигранная битва.— Скулы Арэлл заострились на осунувшемся лице. Глаза сузились, и выражение их стало почти жестоким.— Во всем, что ты делаешь, надо идти до конца. Отец учил меня этому с детства. И я не отступлюсь, что бы тебе ни сказал твой бывший приятель. В чем бы сейчас не убеждал меня ты.

— Ты упрямая.— Эллан улыбнулся, и глаза его посветлели.— Это хорошо. Я тоже упорный. Мне неважно, чем все закончится, но пока жив — буду делать по-своему.

Девушка наклонила голову, на ее волосы лег тонкий солнечный луч.

— Меня учили, что в первую очередь следует соблюдать интересы других людей.

— Ну да. Тех, которыми вы правите.— Атэр отодвинул наполовину пустую чашу, наблюдая, как золотые искорки прыгают по волнистым локонам элланки.— Ты же из династии царей... Я слышал, вас учат вести себя по-особому. Но у тебя не получается.

— С чего ты взял?

— С того, что ты свой личный интерес поставила выше интереса государства. Всей Эллиды.

— Личный интерес?

— Ну да. Твою собственную ненависть к темным.

— Демоны — это общее зло.

Атэр рассмеялся:

— Мне нравится, как у тебя получается лгать себе. Значит, вот в чем суть умения править — выдавать собственные желания за необходимость для большинства.

— Это не мое желание. Все люди, окружавшие меня с детства, считали так же.

— Ага, так наш басилай — тоже мятежник... Ладно, Арэлл, я постараюсь не думать о том, что нас ждет. Ничего не исправишь. В Рэйм мы вернуться не можем. В Эллиду нас не пускают... Пойдем, попрощаемся с морем.

— Пойдем,— легко согласилась она.

За приземистыми полуслепыми рыбачьими домиками начиналась узкая полоска каменистого берега. Теплая, нежная, словно шелк, волна набегала на гальку и с тихим шелестом скользила обратно. Легкие облака скрыли солнце, горизонт тонул в бледно-опаловой дымке.

Атэр подошел к самой кромке прибоя, встал на колени, опустил руки в воду.

— Невозможно придумать ничего прекраснее моря.— Он оглянулся на Арэлл через плечо, и девушка снова удивила его. Выражение ее лица было мучительно-напряженным, словно она пыталась вспомнить что-то. Даже рот приоткрыла.

— Мне показалось... я уже видела это...

— Море?

— Нет. Другое. И твои слова знакомы. Как ты сказал?.. Невозможно создать ничего прекраснее моря?..

Эллан молча пожал плечами, опустился на камни, сунул руку за пазуху и вытащил свиток. Размотал тряпку, развернул папирус. Неровные строчки поплыли перед глазами.

— На, хочешь, прочти сама.

Арэлл разгладила сворачивающийся в трубку лист ладонью. «Валерий, мой дорогой мальчик,— вполголоса начала она.— Тебе не удастся

вернуться домой. Поезжай в Мен-Нофер. Столицу Нита. Разыщи Зодчего...»

— Стой! Подожди! — Атэр схватил свиток и потянул его к себе, едва не порвав.— Дай мне.— «...Он поможет тебе и тем, кто захочет к тебе присоединиться. Укажет путь, который мы все ищем...»

— Слушай, Арэлл, я вспомнил! — Эллан отбросил свиток и уставился на спутницу.— Перед тем как я уехал в Рэйм, Форкий уже говорил мне про Зодчего. Советовал искать его, если дорога назад будет закрыта. Но он часто изъяснялся странно, и я тогда очень волновался... перед встречей с тобой. В общем, не слишком внимательно слушал.

— Зодчий... — прошептала элланка и закусила нижнюю губу.— Никогда не слышала.

— А я слышал. Сегодня на базаре два нитских купца болтали о том, что он может делать удивительные вещи.

— Значит, нам надо ехать в Нит.— Арэлл подняла взгляд, и ее синие глаза наполнились отражением морского сияния.— Обратно...

Когда эту радостную новость сообщили остальным, сообщники возроптали.

— Как на запад?! Почему на запад?! — вопил Октавий, воздевая руки над головой. От возмущения он даже забыл о своем обычном пустом славословии.— Что мы там забыли? Мы только что вернулись оттуда! Что нам делать в Ните?!

— Мне пришло известие из Эллиды,— терпеливо объяснял Атэр, глядя на хмурого Гая, лежащего на кровати с широкой повязкой на боку.— Мы должны найти Зодчего. Он нам поможет.

— Чем? — лаконично поинтересовался Критобул, заглядывая в кратэр, внутри которого, громко грызя сухарь, сидела все та же утренняя мышь.

— Нам нужно убежище, единомышленники и оружие... Да оставь ты в покое эту тварь!

— Не, она Аристиду нравится. Пусть сидит.

— Сборище недоумков! Чего ты в нее вцепился?! У нас нет дома, нет будущего! Мы должны найти таких же, как мы сами, чтобы выжить в мире с демонами или изменить его! Короче, мы с Арэлл едем в Нит. А вы, как хотите.

— Мы все поедем,— твердо заявил Гай.

— Мы вас не оставим,— подтвердила Гермия.— Мы с вами.

Октавий обреченно кивнул. Критобул хмыкнул что-то нечленораздельное.

Эллан улыбнулся саркастически:

— Ну-ну. Давайте. И, смотрите, про мышь не запамятуйте.

Глава 13
ПЕСЧАНАЯ ОРХИДЕЯ

Земля вокруг была красной.

В первые мгновения друзьям казалось, что это восходящее солнце окрасило пески, уходящие к горизонту, в алый цвет. Воздух струился и дрожал, поднимаясь над долиной. Волны барханов и чахлые кустарники размывались в нем. Густое марево рябило перед глазами и вдалеке, на линии горизонта, виднелись очертания гор.

Красная земля звенела под копытами коней. Выжженная солнцем и иссушенная ветрами она походила на киренийскую керамику — грубую и шершавую на ощупь, но прочную, словно куски медного камня. Все знали, что изделия из Кирении славятся не за красоту, а за долговечность. Эта земля была так же тверда, выбивая искры при соприкосновении с металлом...

Проклятая пыль была везде — в волосах, на одежде, под одеждой. Забивалась в уши, скрипела на зубах. Бурнусы почти не спасали от нее. Вяленое мясо и хлеб тоже оказывались присыпаны крошечными песчинками, словно сухари сахарной пудрой.

Все вокруг выглядело сухим, мертвым, выжженным. До самого горизонта — песок и камни. Синее небо слепило до рези в веках. Ветер, летящий из пустыни, приносил с собой жар, от которого тело покрывалось липким потом. Солнце светило в спину, и тени, цепляющиеся за неровности дороги, наливались пунцовой краской.

Спутники хранили молчание.

Арэлл уже сутки пребывала в дурном настроении, и говорить с ней стало опасно для собственного душевного спокойствия. Гая терзали хозяйственные проблемы — мясо закончилось, вода тоже была на исходе. Октавий время от времени начинал засыпать в седле. Тогда Атэр пинал его, жрец пробуждался, бессмысленно моргал белесыми выгоревшими ресницами, бормотал что-то благодарственное, но через некоторое время снова начинал клевать носом. Гермия ехала на своей серой лошадке, глядя вперед пустыми, погасшими глазами, и не сразу откликалась, когда ее звали по имени. Критобул переносил тяготы пути стойко, его красная обгоревшая на солнце физиономия излучала спокойствие.

Эллану было легче всех. Любая живность, встреченная на пути, подвергалась мгновенному беспощадному высасыванию жизненной силы. Ящерицы, змеи и чахлые ростки бессмертника рассыпались черными хлопьями, когда он проезжал мимо. Это хорошо поддерживало силы юноши — не хотелось ни есть, ни пить. Не кружилась голова и не ощущалась усталость. Атэр усмехнулся про себя — Юлий был бы против. Он говорил, это путь, ведущий во тьму. Нельзя убивать, чтобы жить самому... «А я буду! — мстительно отвечал эллан невидимому собеседнику.— Я выживу. Ты сам пошел во тьму, император Юлий Констанций Юстиниан... Так что проваливай со своим дутым гуманизмом!»

Гай оказался рядом неожиданно, и задумавшийся спорщик вздрогнул, услышав его голос.

— Вода сегодня закончится,— хрипло сказал преторианец, вытирая ладонью потный лоб.— Здесь нет колодцев, нет рек, и дождь тоже вряд ли будет.

Атэр пожал плечами:

— Я слышал, некоторые во время путешествия по пустыне пьют лошадиную кровь. Надрезают кожу и сразу сосут из раны, чтобы не остыла, потом закрывают порез и едут дальше. Так долго не протянешь, но...

— Я понимаю, тебе плевать на всех,— прервал хмурый Гай.— Но мы уже три дня блуждаем, и я не уверен... — Тут он доверительно понизил голос, посмотрев на Арэлл.— ...Не уверен, что ты или она — знаете дорогу.

Эллан снова дернул плечом:

— Гратх, естественно, никто *не знает* дорогу. Никто из нас не проезжал этим путем, а то, что написано в картах, может оказаться ошибкой.

Прямо между передними копытами коня преторианца проскочила серая ящерица и, смешно растопырив лапы, помчалась прятаться среди камней. Атэр привычно «зацепил» зверушку, вытягивая всю жизненную силу. Что с ней стало, разглядеть не успел, но и так знал — та рассыпалась черной трухой, как все, кем он питался последнее время. Отдельное спасибо Гэлу — научил работать с энергиями, называется, превратил в упыря.

Солнечный жар пек людей сверху. Снизу — жар от камней. На небе не было ни облачка, воздух струился и плыл, поэтому то, что друзья увидели впереди, показалось им миражом.

Из земли поднимались три каменные пирамиды. Издали они были похожи на холмы, перед которыми стояли. Два красных слева, один — справа. Дорога между ними уводила в полумрак. Так, во всяком случае, казалось с пустынной равнины.

Строения были невероятно древними.

Песок давно занес тяжелые основания. Раскаленный дневной ветер и ночной холод по очереди разрушили величественные сооружения, и сейчас монолитная кладка казалась оплывшей, изъеденной, словно кусок сахара, вынутый из горячей воды.

Атэр резко натянул поводья. Арэлл сделала то же самое.

— Я знаю эти места! — воскликнул Октавий, проснувшись и забыв, что изображает смертельно больного.— Я читал! Пирамиды на страже сумрака! За ними — двери тьмы.

— Сумрак — это не тьма,— спокойно возразила Арэлл и пристально посмотрела на Атэра.— Те существа, которые здесь обитают, не всегда несут чистое зло, как демоны. Я слышала, что под защитой этих скал живут древние боги. Правда, сейчас они слишком слабы и не могут противостоять Высшим.

— Демонам нет, зато людям — да,— возразил Октавий.— Горы и пустошь за ними считаются проклятыми.

— Только потому, что никто не возвращался обратно, пройдя этой дорогой,— вмешался Атэр.— Но и мы не собираемся назад! Скажу вам так — если мы сумеем проехать ущелье насквозь, можете считать, что сумеречная граница осталась позади. Мне известно, что на демонских картах земля за холмами обозначена как белое пятно — «ничья» территория.

— Так ты еще и личный картограф темных,— скептически хмыкнул Критобул.

Эллан высокомерно взглянул на него, но не нашел смысла пререкаться с рэймским невеждой.

— Что значит «если»? — тихо спросила Гермия, с опаской посматривая на пирамиды. И, не дожидаясь ответа на вопрос, задала следующий: — Может быть, лучше объехать это место?

— Не меньше двух недель в одну сторону и трех в другую. По пустыне, без воды... — Атэр с сомнением покачал головой.

Критобул угрожающе засопел, поглаживая рукоять меча:

— Тогда зачем ты завел нас сюда?

— Я?!

— Ты!

Гай, стоявший рядом с атлетом, протянул руку, заставляя того убрать вытащенное из ножен оружие:

— Пусть решит Арэлл...

Элланка утвердительно наклонила голову:

— Нам вперед.

— Мы самоубийцы...— Октавий произнес это тихо, но так, чтобы его слышали все.— Сколько раз уже рисковали своими жизнями. И вновь бросаемся в очередное безумие...

— Заткнись, Октавий,— машинально сказал Атэр.— Я поеду впереди.

Оспаривать столь благородное предложение никто не стал.

Копыта животных вязли в песке. Горячий воздух по-прежнему дрожал и струился. Пирамиды приблизились нереально быстро.

Вот они уже закрыли полнеба. Вот надвинулся, заслоняя собой весь мир, свод, уходящий в гору. Ворота в тишину и темноту огромных залов, где факелы, с трудом разгоняя мрак, бросают красные отсветы на лики Древних.

На ступенях старинных белых святилищ Эллиды человек чувствовал себя почти равным богам. Нынешние демонские храмы — подавляли и превращали в ничтожество. Пирамиды — были непонятными и опасными. Построенными не людьми и не для людей.

Атэр оглянулся на спутников. Друзья выглядели встревоженными. Все, кроме Арэлл. Широко распахнутыми глазами та смотрела вперед. Дышала часто, но не от страха или волнения. Казалось, девушка предчувствовала или видела нечто, недоступное остальным.

Наконец, лошади ступили в тень, застучали подковами по камням. Эллан вдруг почувствовал странное оцепенение. Расхотелось двигаться,

говорить, думать... Ступенчатые стены древних сооружений медленно проплывали мимо.

— Смотрите! — послышался сбоку звонкий голос Гермии.— Что это?

С трудом сбрасывая сонную одурь, Атэр повернул голову. Девушка указывала на раскинутый среди песка изящный цветник.

— Песчаные орхидеи,— негромко отозвался юноша.

— Орхидеи? Здесь? — Бывшая рабыня смотрела изумленно.

— Это не цветы,— с трудом пояснил эллан.— Камни. Ветер дует, ну и... получаются такие фигуры.

Он видел подобные в доме одного рэймлянина во время своего короткого рабства. Целая коллекция диковин из Нита. Каждая под стеклянным колпаком.

Гай сверкнул в сторону Арэлл страстным взглядом, потом с сожалением посмотрел вниз. Хотел потрясти воображение элланки каменным букетом, но слезать с лошади, чтобы собрать его, не стал. «Хватило ума отложить ухаживания»,— скептически подумал Атэр и оглянулся через плечо:

— Эй, Критобул. Не хочешь похоронить Аристида здесь? Место древнее. Целых три памятника рядом. Опять же, цветы на могиле всегда будут.

Атлет добродушно глянул на эллана, похлопал по мешочку с прахом брата:

— Нет. Говорит, ему не нравится. Песок да камни, а ему надо, чтобы вода журчала.

Орхидей стало больше. Лошади аккуратно опускали копыта на землю, стараясь не наступить на них. Атэр чувствовал, что ему тоже не нравятся цветы. Хищными они не были, как не были и живыми — он проверил, оранжерея целиком состояла лишь из мертвого спрессованного песка. Но по необъяснимой причине хотелось оказаться как можно дальше от этого «сада».

Когда склоны пирамид остались позади, дышать стало легче. Тягостная одурь прошла. Голова снова стала ясной. Пустыня, пытаясь пробраться дальше в долину, еще какое-то время ползла вперед длинными песчаными наносами и дышала в спину горячим ветром. Но вскоре обессилела.

Арэлл стянула бурнус и глубоко вздохнула. В ее вздохе послышалось облегчение.

— Проклятые земли... — пробормотал Октавий, опасливо поглядывая по сторонам.

— Относительно проклятые,— ответил эллан, испытывая неожиданную потребность поделиться с окружающими соображениями по поводу предстоящей поездки.— Смотря с чем сравнивать. На самом деле никто не знает, почему люди не возвращаются отсюда. Может, жить под покровительством богов им нравится больше, чем поклоняться демонам?

Губы Гая дрогнули раздраженно:

— Ты сам не веришь в то, о чем говоришь.

Атэр презрительно промолчал...

Скоро дорога пошла под уклон. Лошади прибавили шагу, зафыркали.

— Воду чуют,— пробормотал Критобул и засопел, принюхиваясь не хуже собственного жеребца.

Действительно, потянуло влагой. Между камнями пробились пучки ярко-зеленой травы. Появились заросли кустарника. Путешественники выехали на берег небольшой речки.

Пока преторианцы выбирали место для ночлега, собирали хворост и разжигали костер, эллан незаметно улизнул вверх по течению, куда несколько минут назад отправилась Арэлл.

Девушка сидела на берегу небольшого озерца и, опустив голову, на ощупь пыталась расстегнуть фибулу, скрепляющую тунику на шее. Атэр молча подошел. Отвел в сторону волну ее золотистых волос, пахнущих пылью и солнцем, отстегнул пряжку. Потом стянул с себя заскорузлую от пота одежду, не глядя, швырнул на землю и с наслаждением бросился в воду.

Несколько мгновений Арэлл смотрела на него с легкой улыбкой, потом поднялась. Скинула тунику. Гладкое бело-золотое тело отразилось в прозрачной поверхности озера, и юноша подумал, что элланка похожа на статую богини победы. Такая же легкая, стремительная, совершенная... Но не стал говорить этого.

Она нырнула. Атэр увидел, как мимо него под водой промелькнуло белое тело. Набрал в грудь побольше воздуха и сам погрузился в зеленоватую прохладу озера.

Следующие полчаса они плавали, словно две выдры. Эллан заметил, что впервые за долгое время лицо девушки стало счастливым и безмятежным.

— Мне нравится, когда ты улыбаешься,— сказал он, выбираясь на мелководье, чтобы отдышаться.

— Ты хорошо держишься на воде.

— Я из Смирты. У нас говорят, невежда тот, кто не умеет читать, писать и плавать.

Арэлл рассмеялась и поплыла к берегу. Когда Атэр выбрался из озера, она уже сидела на камне, распустив мокрые после купания волосы.

Растянувшись под кустом, сквозь переплетение ветвей эллан смотрел на медленно садящееся солнце. Прекрасно. Безмятежно... Он бесшумно перевернулся на бок, закрыл глаза, но продолжал видеть женский силуэт в окружении красноватых закатных лучей.

«Интересно, Гратх видел, как мы купаемся рядом? Если да — приступ ревности, который испытает бывший телохранитель, должен быть страшным...»— Атэр довольно прищурился.

— Извини, Арэлл...

Приятной сонной расслабленности эллана как не бывало. Осталось только раздражение. Преторианец действительно притащился!

Гратх полез за пазуху, доставая что-то. Атэр приподнялся, пытаясь разглядеть, что именно собирается преподнести девушке поклонник.

— Это тебе...

Она протянула руку, и эллан вскочил, увидев. На ладони соотечественницы оказалась песчаная орхидея. «Гратх все-таки сорвал одну! Идиот! Когда только успел?!»

Услышав треск кустарника, оба резко обернулись. Гай, схватившийся было за спату, тут же выпустил рукоять, но облегчение на его лице сменилось свирепой яростью:

— Ты что здесь делаешь?!

— А ты что?!! — заорал Атэр, продираясь сквозь заросли.— Совсем свихнулся?! Их нельзя брать! К ним нельзя прикасаться!!

— Хватит орать,— сквозь зубы произнес побагровевший преторианец.— Это простой камень!

— Ты идиот, Гратх! Ты не знаешь, что это такое!!

Арэлл удивленно ахнула. «Цветок» в ее руке начал медленно оплывать. Посыпался между пальцами. Желтые струйки непрерывным потоком текли на землю, засыпая траву. Около ног девушки была уже целая горка, а «орхидея» продолжала таять...

Атэр очнулся первым. Он прыгнул вперед, толкнул элланку в сторону и сбросил камень с ее руки. Тот шлепнулся в песок, растворяясь, а песчаная куча вдруг зашевелилась и стала ползти во все стороны, разрастаясь.

— Уходим! Быстро! — крикнула Арэлл.

Но они не успели.

В лица повеяло сухим жаром, и из песчаного кольца медленно поднялась текучая фигура. Верхняя часть ее туловища напоминала гигантского ящера, нижняя, бесформенная, постоянно менялась. Безглазая морда варана повернулась к людям, из пасти высунулся раздвоенный язык.

Атэр резко выдохнул. Гай, стоящий рядом, лишь громко сглотнул.

— Я — Вентиго,— прошипела тварь.— Бог пустыни и огненной смерти. Ты потревожил мой покой, смертный!

Клиновидная голова, вылепленная из песка, нависла над Гратхом. «Сейчас сожрет дурака,— отрешенно подумал эллан, наблюдая за подрагиванием длинного языка древней рептилии.— А нас, может, не тронет. Главное, не вмешиваться и помалкивать». Он нашел ладонь Арэлл, крепко сжал ее и сказал неожиданно для себя самого:

— Он дал тебе возможность пройти. Сам ты не мог преодолеть гряду холмов.

Вентиго мягко перетек ближе к человеку, посмевшему заговорить с ним.

— Эти твои «цветы» — приманка для слишком любопытных смертных, не так ли? — продолжал Атэр, понимая, что давно пора заткнуться.

— Так...— прошипел бог, и на его каменной морде, поблескивающей песчинками слюды, появилось подобие улыбки.— Каждый из них — мое сердце. В каждом заключена часть меня. Часть пустыни...

— Чего ты хочешь от нас? — Голос Арэлл был спокойным, хотя ее пальцы в руке Атэра чуть повлажнели.

— Вы — жизнь, вечное движение, суета. То, что нарушает порядок и гармонию моего мира.

— То, что ты успокаиваешь, засыпая песком,— прошептала элланка.— Это не гармония. Это смерть.

Он неторопливо приблизился к ней.

— Вы мешаете мне. Всегда мешали. Демоны, люди... До вас в мире был покой. Бесшумное течение времени. Спасибо, что помогли. Прими благодарность за освобождение.

Широко разинутая пасть, в которой дрожало марево горячего воздуха вечной пустыни, распахнулась над Арэлл. Она вскрикнула совершенно не мужественно, вскинула руки, чтобы защититься, и Атэр шагнул вперед, заслоняя ее.

Сверху обрушился поток раскаленного песка. В глазах эллана потемнело, внутренности скрутило от ужаса. Он рванулся, и за мгновение до того, как потерял сознание, понял, что его физическая оболочка рассыпается, словно горка пыли...

Глава 14,
в которой время играет со мной очередную шутку

Я бежал по лесу, заросшему черными ветвистыми кристаллами. Их отростки топорщились во все стороны тонкими колючками. Впивались в мою шкуру, царапая ее. Из порезов сочилась кровь, падая вниз. Но, не долетая до земли, обращалась тонкими струйками темного дыма. Они текли назад и вливались в призрака-двойника, идущего следом за мной.

Однажды я уже видел это. Но тогда не чувствовал саднящей боли от порезов и выматывающего страха перед черной фигурой, плывущей за спиной. И хотя разумом я понимал, что тело мое сейчас висит в Зеркале памяти, в Хаосе, рядом с Энджи,— ощущения говорили совсем другое.

Я не знал, как попал сюда. Минуту назад вместе с ангелом наблюдал за Атэром и вдруг оказался в гуще корявых зарослей. Израненный и уставший.

Глаза слепил свет, отражающийся от острых граней кристаллов, под ногами хрустели тонкие обломки. Ноги тряслись от усталости, сердце колотилось о ребра, горло пересохло. Я никак не мог скрыться от тени, преследующей меня. И колдовать, чтобы вступить с ней в бой, тоже не мог.

Наконец в чаще колючек показался просвет. Я поспешил броситься в него и, едва не падая, выбежал на круглую поляну.

Ее поверхность была покрыта сплавленным серым песком с черными разводами, а в центре поднимался столб, вылитый из жидкого серебра. Из глубины металла всплывали неясные образы, но тут же смывались волнами, бегущими по столбу снизу вверх.

Тяжело дыша, я оглянулся и с огромным облегчением увидел, что мой двойник остановился в тени кристаллических деревьев. Похоже, он не решался выйти на открытое пространство. Значит, можно перевести дух.

Хромая, я придвинулся к центру. Но, едва на меня упала тень, от белого серебра столба отделилась тонкая пленка, похожая на паутину. Она развернулась радужным листом, и по его гладкой поверхности поплыли картины.

Я увидел себя лежащим на решетке, охваченной красным пламенем. Энджи, обнимающего невообразимо прекрасную женщину. Атэра, из глаз которого текла беспросветная чернота. Буллфера с белой алебардой. И снова себя, по пояс погруженного в багровую грязь, полузасыпанного песком, отбивающегося от клыкастой крылатой твари...

— Довольно? Или еще? — прозвучал вдруг резкий металлический голос.

Я вскинул голову — звук шел сверху. На столбе проступило серебряное лицо. Оно казалось бы похожим на человеческое, если бы не огромные фасетчатые глаза насекомого. Каждая их ячейка отражала меня по-разному. Израненным, истекающим кровью. Окруженным магическим огнем. Тощим и облезлым, словно запаршивевший пес. Черной тенью. Полным сил, с длинными кожистыми крыльями за плечами...

— Если бы на меня смотрел человек,— продолжило странное существо, едва заметно шевеля тонкими губами,— он увидел бы в них всю свою жизнь от рождения до смерти. Но ты демон, у тебя не может быть старости. И я не могу показать твой естественный конец.

— Вот уж нет ни малейшего желания видеть свою кончину,— буркнул я, с некоторой неприязнью глядя в сотни своих отражений.— Кто ты такой?

— Я храню память мира. Моими видениями заполнены Зеркала времени.— По столбу прошла волна, смыв лицо, но через минуту оно появилось вновь.

— По-моему, с памятью у тебя проблемы.— Я ткнул когтем в радужную пленку, и та лопнула, словно мыльный пузырь.— Что-то не припомню, чтобы меня поджаривали или топили в грязи.

Существо издало громкий скрипучий звук, похожий на стрекот насекомого.

— Откуда ты можешь знать, что с тобой происходило? Реальность изменчива. Ты даже не помнишь, как попал сюда. Быть может, во время твоего беспамятства прошла не одна жизнь.

Я знал только одно. Время — это нечто необъяснимое и безумное. Понять его невозможно, так что лучше и не пытаться. Поэтому я кивнул на своего темного двойника, по-прежнему неподвижно стоящего в зарослях, и спросил:

— А кто это?

— Джива,— после секундной паузы ответил хранитель.— Твоя вечная душа.

Если так, прямо скажем — душа у меня не слишком презентабельная. Тощая, черная.

— И зачем она тащится следом?

— В месте, где времена сливаются, все видят свою внутреннюю суть.— Лицо поднялось выше по столбу, и мне пришлось задрать голову, чтобы видеть его.— Если бы ты прошел дальше, то встретил бы целый рой своих призраков. Некоторые путники, одержимые любопытством, теряют среди них подлинную душу, подменив ее иллюзорной.

— Поверю на слово.— Наверное, я произнес это чрезмерно скептически, потому что по серебряному лику прошла густая тень. Впрочем, мне было плевать, что там почувствовал столб.— Но пока все мое при мне, было бы неплохо выбраться отсюда!

— Ты хочешь уйти? Сотни существ отдали бы жизнь, чтобы заглянуть в глубины прошлого, которое я храню. Тебе посчастливилось попасть в сердце времени, а ты хочешь уйти?! — Голос физиономии загрохотал, словно град по листу железа.

От этих оглушительных звуков шерсть у меня на загривке встала дыбом, земля под ногами дрогнула, а с кристаллических деревьев посыпались мелкие веточки.

Да уж. Энджи наверняка не ушел бы. Ангела одолевали сотни вопросов, которыми он уже несколько тысячелетий донимал меня и всячески пытался заставить решать мировые проблемы вместе. Но мне чаще всего они были совершенно безразличны.

Так какого Дьявола сюда попал я, а не он?! Или не тот же самый Эмил, представляющий себя мировым злом? Ему, уверен, тоже есть о чем спросить.

Я с неприязнью посмотрел на лицо, искажаемое серебряными волнами. И призадумался. А ведь действительно, пожалуй, глупо тащиться в Хаос, подвергать себя опасности, едва не погибнуть... Но так ничего и не узнать.

— Атэр... движется... в прошлое... — Слова Энджи всплывали у меня в памяти с трудом, но я честно пытался как можно точнее воспроизвести их.— И мы вместе с ним. Зачем?

Лик хранителя окаменел. Да и весь столб застыл, а потом вдруг пошел трещинами. Я едва успел отскочить, когда он лопнул и посыпался вниз сотней тонких обломков. Зависнув в воздухе, они окружили меня плотным кольцом, и в каждом появилась картина.

— Выбирай. Ответ здесь,— прозвучал над ухом металлический голос.

Я наугад ткнул в одно из зеркалец, мельком подумав о том, в какую ярость пришел бы Эмил, узнав, что презираемый им оборотень обошел его. Добрался до такого места, куда полукровка попасть не сумел.

Гладкая поверхность серебра подернулась рябью, превращаясь в глубокий узкий провал. Заглянув в него, я увидел кусочек невиданного прежде мира и почувствовал отголосок чужих чувств...

Одинокий платан цеплялся корнями за край обрыва. Его ветви висели в пустоте, за которой ревел водопад. Гигантская черная скала разрезала реку на два рукава. Один из них был мутным, почти черным. Другой — белым от пены бушующего потока кристально чистой воды.

На вершине скалы, посреди бешеной реки, сидел рыжеволосый ангел. Его гладкие крылья были опущены, по ним непрерывно текли капли воды. Мелкая водяная пыль висела в воздухе, стремительное течение неслось под подошвами плетеных сандалий, но светлый не двигался с места, даже не шевелился.

Картину, которую он созерцал, невозможно было назвать красивой. Но она завораживала и отзывалась в душе тревожным волнением. Желанием создать нечто подобное, наполненное такой же мощью и волей к жизни.

Достав из пустоты жезл, увенчанный огромным красным рубином, ангел задумчиво провел в воздухе несколько линий, словно делая набросок рисунка водопада, бурлящего рядом. Пространство, на которое наложилась картина, грозно загудело, вода взъярилась еще сильнее, а скала вздрогнула. Светлого едва не смыло поднявшейся волной, но он лишь рассмеялся, продолжая копировать кусок реальности, который так заинтересовал его...

Картинка смазалась. Я вынырнул из нее в некотором обалдении — открывшийся чужой мир был мне абсолютно непонятен.

Что это? Ответ на мой вопрос? Так ведь чушь полная!

Пожав плечами, я сделал шаг назад, но над ухом тут же прозвучал хриплый, до отвращения знакомый голос:

— Не двигайся!! Смотри дальше!

Я резко развернулся. Однако свихнувшегося полукровки — обладателя сиплого тенора — рядом не было.

— Не отходи!!! Ты должен смотреть!

Вот разорался.

— Я что тебе, бесплатная театральная труппа? — огрызнулся я, озираясь, неприятно пораженный появлением вукодлака.— Шпионишь за мной?

— Наблюдаю. Иногда. Издали. Ты оказался на редкость полезным компаньоном...

Эмил отвечал на удивление любезно — верный признак того, что меня используют.

— Я предполагал, что только тебе удастся пробиться к Стержню времени.

Те годы, когда меня можно было подкупить грубой лестью, прошли давным-давно. Я даже перестал получать от нее удовольствие.

— Энергия, которой ты пользуешься, черпается отсюда,— задумчиво продолжил колдун.— Поэтому многие пути откроются лишь тебе. Ты смог проникнуть в самый центр, в ядро Хаоса. Это хорошо, потому что...

— Чего тебе надо? — грубо оборвал я его разглагольствования.

— Замолчи и слушай. Без меня ты не справишься.— Из голоса Эмила исчезла любезность, и он заговорил в своей обычной слегка пренебрежительной манере.— Пока не сложишь все обломки зеркала — не сможешь выйти отсюда.

— Что за бред?..— Я посмотрел на осколки, хотел отодвинуть их с дороги, но они как будто прилипли к воздуху, окружая меня монолитным щитом.— Я что, должен торчать здесь до тех пор, пока не увижу все, что в них скрыто?!

— Некоторые оставались здесь на века... — злорадно усмехнулся полукровка.— Видишь черные пятна на земле? Это останки несчастных, что задавали слишком сложные вопросы и не могли понять ответ. Время поглотило их.

— Ты... гад! — От ярости я забыл все ругательства и не смог подобрать эпитет, подходящий к уроду, заманившему нас с Энджи в Хаос.— Ты знал, что рано или поздно я провалюсь сюда. Сидел и выжидал, а теперь...

— А теперь, мой недалекий демонический друг, ты должен слушаться меня. Иначе сдохнешь здесь, решая головоломку, которая слишком трудна для твоих мозгов.

Мучительным усилием воли я загнал бешенство внутрь. Оно, подобно водопаду, понравившемуся тому неизвестному ангелу, готово было выплеснуться наружу. Ничего! Мне бы выбраться отсюда, а отомстить я сумею.

Кое-как успокоив себя этим решением, я уставился в ближайшее зеркало и потребовал:

— Говори, что делать!

— Смотреть и размышлять,— медленно произнес Эмил и добавил с нахальной ухмылкой: — Смотреть будешь ты, а я — думать.

— Скажи сначала, что это был за светлый?

— Архангел,— после секундной паузы отозвался полукровка.— Тот, кто умеет создавать пространства. Тонкие светлые миры.

— Что он делал?

— Рисовал эскиз нового мира. Но сомневаюсь, что ты поймешь.

Сомневался он напрасно. Я все отлично понял.

Следующая картина, которую показал мне осколок, была еще более невероятной.

Я увидел темноту, в центре которой пульсировало желтое ядро. Из пустоты к нему тянулись нити разной толщины. Время от времени во тьме вспыхивал красный луч, который резал пространство — и оно тонкими лепестками ложилось поверх янтарного центра.

— Срединный мир,— прошептал Эмил.— Самое начало.

Я не успел ответить. Обзор заслонила колоссальная тень. В ее руке сияла огненная сфера, которая отсекла кусок янтарного ядра, и несколько тонких волокон, лопнув с печальным долгим звоном, повисли, словно оборванные струны. Перед моими глазами поплыло видение — поля, лес, река с ветвистыми деревьями по берегам. Они вдруг стали таять, потекли в пустоту и растворились в ней. Исчезли.

Мне стало жутко, когда гигантское существо с легкостью стало кромсать пространство. Какой же мощью оно должно обладать?! На мгновение я почувствовал себя ничтожеством, а весь мой тысячелетний магический опыт показался пустой погремушкой рядом с этим...

— Смотри! Смотри дальше! — прохрипел над ухом Эмил.

...Из черной земли поднялись горы. Их вершины взрезали небо, и оно обрушилось стенами дождей. Реки неслись безудержными потоками, пробивая русла в камне, чтобы влиться в бурлящие моря. Золотой свет кипел в грудах облаков. Раскаленное солнце медленно опускалось в океан и гасло. Потоки ледяного воздуха тащили длинные ленты снежной крупы, роняя их на голые поля. Жар поднимался над барханами пустынь и рождал дрожащие миражи.

— Безумно красиво,— прошептал колдун.

Я был готов согласиться с ним. Только не знал, чего больше в мире, за созданием которого наблюдаю,— красоты или безумия. Творец оставался в тени, я чувствовал лишь его взгляд. Сосредоточенный, внимательный, временами вспыхивающий вдохновением и восторгом...

Картина потускнела, но перед моими глазами продолжал стоять мир, в котором мне пришлось прожить пять тысяч лет. В голове, слегка одуревшей от обилия информации, прозвучал резкий, судорожный вздох Эмила. Трудно поверить, что срединный мир создали. Что он не существовал всегда...

Глава 15,
в которой я становлюсь свидетелем первого дня творения

Я бы давно придушил колдуна, если бы он находился рядом. Но полукровка оставался недосягаем. Более того, перестал откликаться на призывы и не требовал глядеть остальные картины. Похоже, подлец решил отправиться по своим делам.

Энджи тоже не отзывался. Я остался в окружении осколков, которые не собирались выпускать меня, в полнейшем одиночестве.

Как там вякал этот полоумный? «Некоторые оставались здесь на века?.. Не могли понять ответ на слишком сложные вопросы...»

Я стиснул зубы и дотронулся до следующего фрагмента.

В этом обломке я снова увидел того же ангела с водопада. На этот раз он направлялся к гигантскому дереву, вершина которого терялась в облаках, а мощные корни вгрызались в почву, бугря и разрывая ее.

Светлый шел по степи, и высокая трава, казалось, сама никла к земле, чтобы дать ему дорогу. Длинная золотая тога ослепительно сверкала.

Рядом, стараясь примериться к широким шагам, спешил человек в грубом плаще под цвет выжженной солнцем травы. Он был едва ли не на две головы ниже ангела, широкое одеяние полностью скрывало его фигуру, на лицо был надвинут капюшон.

— Я хотел спросить, что мне делать теперь? — нетерпеливо говорил он, заслоняясь ладонью от слепящего света.

— А что ты можешь делать? — Ангел пожал широкими плечами: — Жить. Я дал тебе основные законы. Они будут поддерживать эту реальность...

Из-под капюшона донеслось насмешливое фырканье:

— Твои законы, Лучезарный, сложны для понимания.

Спутники вошли под сень дерева. Взгляд человека скользнул по стволу, останавливаясь на нижней ветке, где среди листвы виднелось гнездо. И сейчас же из травы подняла голову огромная безобразная ящерица. Словно повинуясь мысленному приказу, она шустро полезла наверх, высунув длинный раздвоенный язык и явно нацелившись на птенцов. Длинные когти оставляли на коре кривые царапины.

— В чем их сложность? — Тот, кто был назван Лучезарным, едва взглянул на дерево, и рептилия тут же шлепнулась вниз.

— Их слишком много.— Человек повернул голову. Мне стало видно, что вместо глаз на его лице чернеют два глубоких провала, в которых поблескивают белые искры.— Две сотни миров, слитых в один. В каждом свои порядки. Каждый пытается захватить другой. Люди, виверны, химеры, апфии, респы, алконты... Ты сам не знаешь, какое варево замешал и что из него выплеснется.

Хищная тварь, громко шипя, перевернулась на живот, потрясла бородавчатой башкой и опять начала карабкаться вверх.

— У тебя есть Симплигаты. Равновесие.— В голосе ангела звучало безграничное терпение, словно он говорил с ребенком.— Они поддерживают весь мир.

— Почему тогда Южный материк до сих пор трясет? — Существо наклонило голову, прислушиваясь.— Вот и сейчас тоже.

— Потерпи. Скоро все успокоится.— Светлый поднял руку, и ящер, который уже затащил тяжелое тело на ветку, опять сорвался.

— Да. Как же.— Собеседник усмехнулся и скривился презрительно.— Ты сам-то веришь в это вранье?

— Нельзя ли немного повежливее? — с искренним интересом осведомился ангел.

— Не забывай, я — дух этого мира. Сейчас одну часть меня колотит внутренняя дрожь.— Бездонные глаза сверкнули.— Другая придавлена льдами. Третья — покрывается трещинами от жары. А ты, создатель, говоришь о вежливости? Я не могу быть спокоен, когда меня лихорадят землетрясения и душат ураганы, а создания, живущие на мне, не знают, кому молиться, чтобы обрести покой. Тебе? Ты запрещаешь поклонение. Химерам? Или твоим материализованным законам: Вентиго, Трисмесу, Фортуне?

— Я дал тебе жизнь. А им — свободу. Свободу выбора.

Существо совсем по-человечески закусило нижнюю губу, нахмурило брови над черными провалами глаз.

— Я твое первое творение, не так ли?

— Ты вообще первое творение.— Ангел задумчиво смотрел на гнездо, к которому подлетела мухоловка.— Таких, как ты, еще не было.

— В следующий раз, когда будешь создавать что-либо, подобное мне, призови на помощь целителя. Он знает, что делать с душами тех, кому ты даешь жизнь.— Дух срединного мира резко отвернулся, помолчал и произнес: — Не думай, что я не благодарен тебе. Я хочу жить.

— Ты и будешь... — Лучезарный успокаивающим жестом протянул руку, но его собеседник резко дернул плечом, отвергая поддержку:

— Почему ты не говоришь мне, что твои старшие братья хотят уничтожить меня?! Считают ничтожеством! Убожеством, недостойным существования!

Сияние, окружающее ангела, померкло, как будто позолоту смыло с его одежды.

— Никто не хочет прервать твое существование.

— Я несовершенен, нестабилен, бываю излишне жесток или равнодушен.— Дух посмотрел на свои руки. Они были такого же цвета, как кора дерева, такие же шершавые и грубые.— Я не похож на идеальные ангельские миры.

— Именно поэтому ты так ценен.— Светлый все-таки взял собеседника за плечо. Развернул к себе, улыбнулся успокаивающе.— Не бойся. Я не позволю уничтожить тебя.

— Я хочу жить.— Это прозвучало почти умоляюще.— Я буду держаться за твое равновесие и пытаться установить гармонию. Если ты поможешь.

— Помогу.

Золотое одеяние ангела засияло, и он исчез в ослепительной вспышке. Дух срединного мира некоторое время стоял под деревом. Потом растаял в воздухе.

Глава 16,
где моей скромной персоне все же удается добиться некоторых своих целей

Когда видение в осколке зеркала погасло, я обнаружил, что сижу на камнях, в полном обалдении качая головой. Никогда не думал, что срединный мир одушевлен! По-моему, даже Энджи не знал этого. Хотя, может, и знал, но, как всегда, не удосужился рассказать мне.

Я прислушался... Показалось, будто вдалеке прозвучал голос ангела и тут же смолк.

Следующий фрагмент зеркала висел перед моим носом, настойчиво предлагая погрузиться в чужие воспоминания. Осталось лишь протянуть руку. Но я медлил.

Да, я помнил. Я должен услышать ответы на вопросы. Однако почему, хотелось бы знать, никто не удосужился спросить — что интересно лично мне?

— Эй, ты, Хранитель, я хочу сделать небольшой перерыв. Остальные подождут. Мне нужно знать, что случилось с Хул! Что произошло в будущем? В моем будущем!

Сверху донесся тонкий звон, который я решил принять за согласие. А затем одна из зеркальных пластин, кружащих вокруг, повернулась ребром. Льющийся из нее белый свет окрасился красным, и на меня выплеснулось яркое видение.

Я увидел Хул. Испытал мгновенную вспышку ненависти, которая тут же сменилась злорадством.

Прежняя красотка очень подурнела. Ее лицо стало нервным и злым. Розовые щеки выцвели, словно многодневная усталость сожрала яркие краски. Кожа стала серой, волосы утратили шелковистый блеск и торчали из-под рубинового венца буйными космами. Все прежние приятные округлости на теле исчезли, вместо них появились натянутые, словно перед прыжком, мышцы. Похоже, кошке пришлось много побегать. Я чувствовал исходящее от нее напряжение голодного зверя. Опасного и настороженного.

Хозяйка Срединных земель сидела за столом, перекинув через подлокотник кресла подол длинного платья, и читала бумаги. Между ее бровями пролегла глубокая морщина, губы раздраженно кривились.

Гулкий удар, треск и громкий вопль, прозвучавшие неподалеку, отвлекли демоницу от изучения документов. Она подняла голову, и напряженное лицо исказилось.

— Ну что там еще?! — Хул поднялась из-за стола, машинально сжимая в руках последнее донесение, и в тот же самый момент в кабинет ввалился демон-охранник.

Его шерсть дымилась, одна лапа была заметно короче другой, на морде виднелся глубокий кровоточащий шрам, а узкие глаза светились

ужасом. Зверь повалился на пол к ногам Хозяйки, распространяя вонь паленой шерсти и горящей плоти.

— В чем дело? — Не сдерживая отвращения, она попыталась отпихнуть его.— Как ты смеешь отвлекать меня от государственных дел бессмысленными воплями?!

— Госпожа, не гневайтесь! — Охранник схватился за край ее черно-золотого облачения и заныл, прижимая к груди укороченную лапу.— Этот ваш... напарника моего с куском стены начисто срезал, а меня вот, глядите... Руки половины нет, шерсть горит...

— Пошел вон! — Хул наконец отпихнула покалеченного слугу и добавила нехотя: — Я разберусь.

Слуга уполз, подобострастно кланяясь, а демоница с тоской обвела взглядом роскошный кабинет, выдержанный в серых тонах под цвет статуи Великой кошки, расположившейся у стены. Машинально посмотрела на себя в зеркало. Провела ладонями по злобно-сосредоточенному лицу, видимо, пытаясь придать ему хотя бы видимость привлекательности. Потом вздохнула и вышла в коридор.

Там еще сильнее пахло паленым. В воздухе висело гнетущее напряжение. Казалось, от каждой стены исходит ощущение материальной угрозы. Раньше так не бывало никогда.

Подойдя к спальне, Хул остановилась перед закрытой дверью. Здесь веяло огромной силой. Казалось, тонкие струйки магии просачиваются через доски железного дерева и жгут любого приблизившегося. Хозяйка помедлила несколько секунд, собираясь с духом, и решительно ступила под арку.

Я едва узнал бывшую опочивальню Буллфера. Раньше она была выдержана в благородных черно-багровых тонах, теперь все вокруг было мерзко-зеленого цвета.

Нежно-салатовый полог спускался на ложе глубокими складками. Ядовито-болотные ковры закрывали стены. Гранит пола был заменен малахитовыми плитами.

Верхняя губа Хул дернулась от отвращения. Видно, ей тоже было не по нраву новое убранство. Но демоница промолчала.

Сдерживая раздражение, она приблизилась к кровати, на которой лежало, вытянув ноги, человекоподобное существо. Что это не смертный, я понял сразу — по его длинным волосам, напоминающим цветом пепел, пробегали искорки, словно по тлеющим углям. Когда же незнакомец повернул голову, я увидел темно-красные глаза, в которых, освещая худое лицо с высокими скулами, горело пламя.

В руке, свешенной с кровати, дымилась сигарета. Вонь от нее, судя по гримасе Хул, должна была постоянно раздражать чуткое обоняние кошки. А ярко-алые одежды незнакомца в сочетании с зеленью комнаты вызывали даже у меня глухое озлобление.

— Зачем ты убиваешь моих слуг, Рубин? — спросила она, и медово-ласковые интонации не смогли скрыть ее злости и отчаяния.

Я насторожился.

Рубин?! Вот этот «человек» — та самая игрушка, которая принесла нам столько неприятностей? Но постойте! Тот вроде был чем-то типа жезла с камешком на конце. Я мысленно ужаснулся. Неужели у Хул настолько не хватает мозгов,— что она оживила его?!

Правда, непонятно, каким образом...

Или это другой Рубин?

Чтобы подтвердить или опровергнуть свою догадку, я стал слушать внимательнее.

Раскинувшийся среди шелковых изумрудных подушек мужчина поднес сигарету ко рту, глубоко затянулся и выдохнул вместе с облаком дыма:

— Скучно...

— Тебе скучно?! — Голос Хул взвился до крика. Но она тут же закусила губу, поймав короткий выразительный взгляд собеседника, и продолжила уже спокойнее: — Что же еще мне нужно сделать, чтобы развеять твою скуку? Снова разрушить несколько городов? Создать новый материк? Осушить море? Что, Рубин?

Он продолжал смотреть на нее, чуть прищурившись, и в его глазах отражалось глубочайшее равнодушие:

— Меня зовут Руб. Пора бы уже запомнить. Или у тебя не хватает сообразительности даже на это? Не знаю, что тебе сделать. Придумай.

Хул задохнулась от возмущения. Я — от изумления. Все же от таких вещей испытываешь легкий шок, даже если предполагал нечто подобное. Значит, Рубин Карашэхра тоже живой! Красный корунд может превращаться в человекоподобное существо...

Хозяйка взмахнула в воздухе листом бумаги:

— Я не успеваю подсчитывать убытки. Ты перекроил всю восточную часть моей территории. Жить там теперь невозможно. Сплошная каменная пустыня. Русла трех рек переместились, затоплена плодородная почва, леса... Послушай... — Она присела рядом с огненным существом.— Последнее время я занимаюсь только тем, что развлекаю тебя. В образе камня ты нравился мне гораздо больше.

Мужчина рассмеялся:

— Да. Тогда ты могла таскать меня с собой, словно дорогую безделушку.— Он отвернулся от Хул, затушил сигарету об изголовье кровати, потом уставился в потолок и произнес с бесконечной тоской: — Как же я скучаю по своему хозяину! Кто мог знать, что я окажусь в руках бесполезной, бесталанной кошки!

Хул вскочила, гневно шипя:

— У тебя не было Хозяина! У тебя не было никакого Хозяина! Ты торчал в Храме Огня никому не нужный, пока я не вынесла тебя оттуда! И, если бы не я, ты до сих пор болтался бы там!

— Я спал... и видел сны,— пробормотал Рубин, и я понял, что он погружается в состояние глубокой хандры.

— Ты совершенно бесполезен в нормальной жизни! Теперь я понимаю! Прежние владельцы бросили тебя в храме, потому что поняли

это! Даже удовольствие с тобой получить невозможно! — Сжав зубы от бешенства, демоница оглядела человеческое тело в красных одеждах.

— Да... Физические удовольствия могли бы отвлечь тебя от того, что твои земли рушатся,— хмуро произнес Карашэхр, подставляя руку под черные обугленные лепестки, падающие с букета пионов. Цветы, стоявшие на низком нефритовом столике у изголовья кровати, не выносили убийственных излучений Дна. Но Рубин требовал живых растений, и его прихоть исполнялась.

— Сначала это было даже забавно.— Не слушая и не вдумываясь в его слова, Хул принялась нервно ходить по комнате, еще сильнее напоминая загнанного в клетку зверя.— Сперва ты пытался общаться мысленно. Несколько фраз в день, несколько полезных советов. Я выслушивала и делала то, что ты просил. Потом тебе понадобилось превращаться в светящуюся сферу, приводящую в ужас моих слуг. Но и с этим можно было смириться. А вот когда ты преобразовался в живое существо... — Она остановилась, посмотрела на собеседника с ненавистью.— Твоя мощь увеличивается, а вместе с ней растет и тоска. Я не знаю, что мне делать с тобой! Несколько лет назад ты одним движением руки уничтожил Велиагра и еще дюжину Высших, недовольных моим правлением. А через пару месяцев после этого залил лавой всю южную часть пещер. Возвел гряду неприступных скал на севере. Увел под землю одну из самых крупных рек. Теперь тебя вообще ничто не интересует! Ничего, кроме создания и разрушения пространств! Древние артефакты не должны оживать!! Демоны трясутся, не зная, что ждет их завтра — извержение вулкана или потоп. Люди умирают. А ты развлекаешься!!!

— Что ж... Ты оказалась в плену у собственных амбиций.— Рубин лежал, опираясь на локоть, и смотрел на кошку с насмешкой и жалостью.— Вне зависимости от твоего желания, я — живой. И мне мало этого подземелья. Мне тесно здесь! Я создан для того, чтобы творить миры, а не валяться в постели демонической девки!!

Хул проглотила еще один приступ злости, от которого свело челюсть.

— Но ты можешь создавать, что хочешь.

Рубин протянул руку. Дернул кошку к себе. Пальцы, пахнущие едким дымом, впились в шею несчастной Хозяйки, и серые спутанные волосы упали ей на лицо.

— Резец не режет сам. Ему нужна рука скульптора.— Обжигающий шепот, в котором чувствовался запах расплавленного металла, коснулся ее щеки.— Мне нужен мастер, который направит меня. Ты не в состоянии этого сделать!

— Но послушай... — взмолилась Хул. Однако парень вдруг резко мотнул головой, приложил палец к ее губам и прислушался.

— Меня зовут... — Его глаза почернели от расширившихся зрачков и погасили пламя в них. Ноздри тонкого носа дрогнули.— Он зовет меня.

— Кто?!

— Тот, чья кровь во мне.

— Эмил?! — Демоница хотела вскочить.— Тварь!! Я думала, он уже давно помер. Сдох в какой-нибудь вонючей норе. Пусти! Я хочу убить его!

Хул жаждала сейчас только одного — броситься в человеческий мир, найти, уничтожить недобитого полукровку. Но Рубин держал крепко. Хозяйка билась в его худых жилистых руках, пытаясь вырваться и представляя, как сорвет злость на бывшем сообщнике.

— Если ты убьешь его,— произнес над ухом смеющийся голос,— я расплавлю стены твоего подземелья и впущу сюда все подземные воды.

Кошка притихла, не веря в услышанное.

— Я разнесу эти земли в клочья. От твоих владений останется лишь горсть островов в океане.

— Что ты несешь?! — Взвизгнула она в ужасе.— Ты говорил, что не обладаешь свободой воли! Что не можешь сам принимать решения. Почему теперь защищаешь его?!

— Тот, кого ты зовешь Эмилом, дал мне кровь, в которой достаточно силы и воли для того, чтобы желать. И я хочу, чтобы он остался жив.

— Ты не можешь! Ты принадлежишь мне! Ты должен делать то, что *я* хочу!

— Он зовет меня... Мне нужно на него посмотреть.

Рубин оттолкнул демоницу, поднялся и, растворяясь, шагнул в пустоту. Кусая губы, Хул осталась лежать одна на отвратительно-зеленых подушках.

Я видел, как Карашэхр идет на зов, летящий из срединного мира.

Он не *переносился*, как ангелы, и не *телепортировался*, как демоны. Просто шагал и вот оказался в лесу, среди высоких деревьев.

Между неохватными стволами лежали огромные валуны, поросшие мхом. Из высокой травы выглядывали желтые головки цветов. Мне показалось знакомым это место.

Видимо, мысленный голос звучал из-под земли, потому что Рубин внимательно огляделся, увидел широкую нору у подножия одного из валунов и, согнувшись, пролез в нее. Прошел по узкому коридору и оказался в маленькой пещерке.

Здесь было холодно и сыро. На подстилке из листьев, скрючившись, спал то ли человек, то ли зверь. В нем я сразу узнал Эмила — тот выглядел почти так же, как сейчас. Хищная морда, клочковатая шерсть по всему телу, изуродованные ступни, длинные когти на руках.

Рубин сел на корточки рядом, тронул его за руку:

— Зачем ты звал меня?

Эмил дернулся, просыпаясь. Посмотрел на гостя. Резко сел и, судя по выражению глаз, понял, кто пришел к нему... почувствовал. Но не удивился.

— Мне нужна твоя сила.

— Зачем?

— Уничтожить Хул. Отомстить. Вернуть отца.

— Ты называешь его отцом?..— Карашэхр надолго задумался, наблюдая за мокрицей, лениво ползущей по сырой стене.— Да, пожалуй, ты прав. А мстить не имеет смысла.

Он обвел взглядом пещерку и произнес медленно:

— Мир и так скоро рухнет. Не останется ни Хул, ни демонов, ни людей, ни тебя. Никого.

Не понимая, колдун угрюмо смотрел на гостя и постоянно тер грудь, словно его обжигало изнутри.

Мокрица пересекла невидимую черту, отделяющую ее от Рубина. Замерла. И вспыхнула, падая на пол съежившимся черным комочком.

— Огня во мне стало слишком много,— пояснил Рубин в ответ на озадаченный взгляд полукровки.— Я не в состоянии сдерживать силу. А того, кто мог бы управлять мной, больше не существует... Когда-то давно одна умная сущность укрыла меня в Храме Огня, где я был в безопасности сам и никому не мог причинить вреда. Зря ты вынес меня оттуда.

— Мне все равно.— Эмил снова улегся на подстилку, и я вдруг понял, чем он отличается от того злобного вукодлака, которого мне пришлось тащить на своих закорках в Хаос. Выражением глаз. В них застыла человеческая тоска.— Теперь все равно.

— Нет. Не все.— Рубин достал из кармана просторного одеяния сигарету, подул на ее конец, и тот затлел.— Ты говорил, что хочешь вернуть отца.

Полукровка напрягся, его когти снова проскребли по груди:

— Хочу.

— У тебя есть еще что-нибудь ценное?

— Все, кто мне дорог, мертвы.— Колдун горько усмехнулся.— Они были людьми, а к людям слишком быстро приходит старость и смерть...

— Тогда тебе надо вернуться в прошлое.

— Ты смеешься?! — Полудемон оскалился.

— Иди назад во времени.

— Это невозможно.

— Я открою дорогу.— Рубин взглянул на потолок, по которому побежала тонкая трещина. Стряхнул с серых волос песок.— Ты же знаешь, моя мощь безгранична.

— Но какой смысл идти назад?

— У этого мира нет будущего. Какой смысл двигаться вперед?

Эмил посмотрел в пустоту мимо собеседника. Казалось, будто он пытается представить минувшие времена:

— Но тогда незачем отправляться и к началу этого мира. Какой смысл? Наблюдать за самим собой со стороны? За своими ошибками? Попытаться исправить их и допустить еще большие просчеты... Что я могу? Убить Хул до того, как она завладеет тобой? Попытаться самостоятельно добраться до Храма Огня? Уничтожить Энджи? Жить человеческой жизнью?

Рубин глубоко вздохнул и сказал, обращаясь к своей сигарете:

— И после этого они не понимают, почему не могут управлять мной.

— Что?! — Звериные зрачки Эмила сверкнули в сумраке пещеры.— Что я сказал не так?

— Все.— Рубин склонился совсем близко к получеловеку.— Вы слишком мелко мыслите. Никогда не видите целого. Только жалкие кусочки. Чтобы менять чужие жизни, ты не должен быть рабом собственной. Иди в Хаос. Там, в Зеркалах памяти, хранятся знания, собранные от начала времен. Они помогут тебе стать создателем. Творцом. Тем, кто имеет право и может менять реальность. Тогда сделаешь мир таким, как *ты* хочешь.

Колдун криво усмехнулся в ответ:

— Хочешь, чтобы я стал богом?.. Почему ты помогаешь мне, а не Хул? Она же твоя Хозяйка.

Рубин растер сигарету между ладонями. Сдул на пол пепел.

— Она не в состоянии ни воплотить, ни сдержать мои возможности. Долго я не смогу подавлять огонь, рвущийся изнутри. Этому пространству осталось совсем немного времени. Но, быть может, тебе удастся изменить срединный мир так, что в нем появится кто-то, способный *создавать*. Кому я буду нужен.

Он поднял руку. Несколькими небрежными штрихами начертил в воздухе контур двери, и тот тут же загорелся.

— Иди, пока я не передумал.

Эмил медленно поднялся. Посмотрел на одушевленное оружие пронзительным взглядом. Хотел спросить о чем-то, но раздумал. Задевая головой низкий потолок, повернулся к магическому ходу, шагнул в него и исчез в пламени.

Рубин долго смотрел ему вслед. Потом растянулся на полу, движением руки снес половину свода и стал любоваться открывшимся небом в окружении зеленых деревьев. А от его тела, наполненного разрушительным огнем, по земле во все стороны бежали тонкие трещины...

Вот и конец. Я прикрыл на мгновение глаза, представляя. Мне больше не нужно ничего спрашивать про будущее. Его действительно не было. Как там говорил Энджи? Пустота. Темнота. Безмолвие...

— И этого ты хотела, Хул?! Ты этого добивалась?! Хозяйка! — заорал я на давно умершую, а в этом времени даже еще не родившуюся подземную кошку.— Ты стала владелицей, но чего?! Рушащегося мира?! Стоило ради этого так напрягаться?!! Столько убивать, стольких предать...

На какое-то мгновение я почувствовал... нет, не жалость. Сожаление. Неплохой был мирок. Уютный. Я привык к нему, а глупая, безродная демоница все разрушила и погибла сама.

Как жаль, что Буллфер никогда не увидит этого. Он был бы отомщен.

Глава 17
КАРАЮЩЕЕ ПЛАМЯ

Энджи видел то же, что и Гэл. Будущего не существовало. В этом колдун не солгал.

«Рубин нельзя приносить на землю,— думал ангел, чувствуя, как дрожит вокруг него Зеркало времени.— Я должен найти его первым. Прежде, чем он попадет в срединный мир. И уничтожить».

— Гэл! — позвал он.— Слышишь меня?

Оборотень не откликался. Был погружен в видения и собственные переживания слишком глубоко.

Энджи попытался шевельнуться, но плотная серебряная субстанция держала крепко. Тогда он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, погружая сознание в другой мир — личное, закрытое пространство каждого ангела, которое всегда рядом и откуда можно попасть в любую вселенную...

...Он стоял на поляне, освещенной солнцем. Густая зеленая трава доставала до колен, между сочными стеблями виднелись цветы луговых васильков. Из рощи доносилось пение малиновки.

Ровное гудение пчел. Запах земляники. Покой. Как всегда во время посещения своего мира, Энджи испытал страстное желание остаться здесь навсегда. Не возвращаться к безумию реальности.

Но, в который уже раз, поборол это чувство.

Медленно повернувшись в сторону запада, он прищурился. Там, на горизонте, клубились багровые тучи. В их клубах сверкали молнии. Мир ангела всегда отражает то, что происходит в его душе. И эта гроза началась уже давно.

Энджи отвернулся. Раскрыв крылья, полетел вверх, сквозь синеву летнего неба. Он знал, кого разыскивать, и был уверен, что сумеет почувствовать даже самый слабый отголосок огня Рубина. Пространство, где тот обитает, должно быть скрытым, чтобы сила Карашэхра не могла выплеснуться и уничтожить все, чего коснется.

...Он искал долго... Летел из одного пространства в другое. Из слоя, где время несется с бешеной скоростью, туда, где оно застывает. Перелистывал похожие реальности, словно страницы книги. Продирался через тяжелые эманации нижних пределов. Шагал сквозь тонкие светлые нити, пронизывающие сферы, населенные самыми разными существами...

В этом мире шел холодный дождь, и резкий ветер бросал на мокрую землю желтые резные листья. Значит, осень...

Энджи остановился, привыкая к новой реальности. Она была не похожа ни на одну из тех, что он видел прежде. Прошло несколько минут, прежде чем все вокруг перестало казаться ангелу диким, и он принял его так же, как многое иное. Счастливая особенность высшего светлого существа — мгновенно познавать любой вторичный мир, в который оно попадает.

Дорога здесь была абсолютно гладкой, с твердой серой поверхностью. Обрамляя ее, по обочинам стояли гладкие бледные столбы. От одного столба к другому бежали ручейки света. Ангел прислушался к себе, выбирая правильное направление пути, и пошел вдоль ровной, уводящей вдаль ленты.

Энджи позволил этому пространству полностью завладеть своим сознанием, и одежда на нем стала меняться. С каждым шагом рэймский гиматий становился все короче, пока, наконец, не превратился в кожаную куртку, напоминающую ту, что носил Гэл. Туника сменилась плотными брюками и рубашкой. Сандалии — тяжелой закрытой обувью на толстой подошве.

Холодные капли дождя оставляли на куртке бесцветные кляксы. В мокром полотне дороги отражались световые дорожки. Из темноты впереди вырос город, и ангел оказался на просторной улице.

Огненные колеса светящихся букв чертили длинные следы на фоне ночного неба. Во многих окнах ярко горел свет — теплые квадратные пятна золотились на черных прямоугольниках высоких домов. Никто не обращал внимания на одинокого пешехода. Для людей, живущих здесь, он, ведущий себя по правилам этого мира, стал одним из них.

«Интересно,— спросил себя Энджи,— кто придумал эти правила? Кто сделал все вокруг таким унылым, холодным, безрадостным?» Ангел поежился. Не от холода. От серых человеческих чувств. В горожанах, спешащих по проспекту, он чувствовал только равнодушие и усталость. Даже красочные пятна оживления лишь прикрывали все то же уныние.

Шагая по улице, он пытался уловить в сутолоке чужих эмоций единственный нужный след. Знал, что это должно быть нечто яркое, острое, обжигающее. Может быть, даже агрессивное...

Затаившееся. Ждущее.

Утомленное от долгого ожидания...

Он почувствовал и одновременно увидел то, что искал. Над одним из приземистых пятиэтажных зданий, сжатым другими домами, в небо бил алый столб пламени. Люди не видели его. Их органы чувств не воспринимали эманации Огненного мира. Они даже представить не могли, что рядом может существовать такое...

«Ночной клуб»,— прочитал ангел. Несколько мгновений смотрел на пылающую колонну, а потом решительно толкнул дверь, подсвеченную разноцветными лампочками.

Внутри оказалась маленькая прихожая, а за ней — просторное помещение, наполненное музыкой, мерцающим светом и сигаретным дымом. Где-то здесь, среди людей, был тот, кого он искал... И, похоже, объект поисков уже понял, что его разыскивают. Ауру Огня не затушить, но Энджи почему то вдруг перестал чувствовать ее.

За ярко освещенной стойкой, отражаясь сразу в нескольких зеркалах, стоял бармен, меланхолично протирая бокалы. Ангел подошел к нему, встретился с профессионально вопросительным взглядом и сказал:

— Я ищу одного... человека. Не знаю, как его зовут. Но если вы его видели, даже мельком, то наверняка запомнили. Он очень... необычен. Возможно, бывает здесь часто... и сейчас тоже здесь.

Только светлое существо может подойти к занятому, усталому мужчине, задать бессмысленный вопрос, ждать ответа и добиться полной искренности.

Бармен даже не улыбнулся, рассматривая любопытного посетителя.

— Есть здесь один такой. Необычный. Приходит каждый вечер и сидит до закрытия. Не псих, но со странностями, носит красные контактные линзы и всегда при деньгах. Подходит?

— Может быть.

— Эй, Руби. Тебя спрашивают! — крикнул бармен зычным голосом, перекрывая шум голосов и музыку.

Энджи стремительно обернулся.

Он сидел за третьим столиком слева, и на его коленях удобно устроилась девушка.

Человек. Молодой. В черной кожаной куртке. Серебряная, в палец толщиной, цепь на шее, кожаный браслет на запястье. Из-под прядей взлохмаченных, немытых серых волос смотрят глаза цвета очень темного рубина. Глядят внимательно. Настороженно. Выжидающе...

Ангел подошел ближе... Тонкие губы, чуть искривленный нос, как будто сломанный в драке, широкие скулы, острый подбородок. Странное лицо. Холодное, умное, лишенное всякого выражения. И даже взгляд скрывает чувства.

С девушкой проще. Лиловое платье на тонких бретельках. Красиво раскрашенная симпатичная мордашка с капризными губами, прическа, напоминающая полураскрывшуюся хризантему.

Энджи сел напротив странной парочки. Отодвинул подальше от себя пепельницу, полную окурков.

— Я ищу Рубин Карашэхра.

Парень щелчком сбил пепел с сигареты и ответил хрипловатым, низким голосом:

— Что дальше?

Девица у него на коленях неожиданно захохотала и, едва не потеряв равновесие, ухватилась за плечо приятеля:

— Чего?! Как он сказал?! Кар... кто?

— Ошибочка, малыш,— ответил тот, не обращая внимания на подружку.— Руб ин Ка-р'а-Шэхр. Для друзей — просто Руби. Если хочешь общаться со мной, научись произносить это имя правильно.

— Это что?..— снова влезла девица, хлопая накрашенными ресницами и хихикая.— Твое настоящее имя, это вот... ну, то, что ты сказал?

— Нет. Прозвище. Ка-р'а-Шэхр — означает «карающее пламя».

Девчонка снова прыснула, парень улыбнулся сквозь сигаретный дым.

— Ты выглядишь как человек,— сказал Энджи.

— Ты тоже.

Ангел оценил шутку, хотя и не подал вида.

— Мне нужна твоя помощь.

— Всем нужна моя помощь. Иначе я не сидел бы здесь.

Руб затушил окурок сигареты в пепельнице и зажег новую. Девушка недовольно надула губы:

— Вы оба ведете себя, как идиоты. И ты и твой дружок. Мне скучно.

Парень вытащил из кармана денежную купюру и засунул ее в вырез лилового платья.

— Иди, детка, поиграй.

Она слезла с колен, вынула деньги и недовольно повела плечами:

— На это много не наиграешь.

Одернула платье и, чуть покачиваясь на длинных тонких каблуках, отправилась к бару. Энджи проводил ее взглядом, потом снова повернулся к Рубину. Именно так его стоило называть, с большой буквы.

— Как ты нашел меня? — В низком хрипловатом голосе прозвучало жадное любопытство. Пальцы нервно крутили зажигалку.— Как тебе удалось найти меня?!

— Хочешь, чтобы я рассказал?

— Нет! — Рубин поспешно отодвинулся вместе со стулом. Но тут же усмехнулся, смягчая резкий ответ.— Пожалуй, не стоит говорить мне об этом.

— Почему?

— Чтобы я случайно не выбрался в большой мир. Ладно, все равно не поймешь... Ловко ты нашел сюда дорогу. За это полагается приз. Чего хочешь?.. Нет, погоди. Пойдем ко мне, там поговорим.

Он поднялся, бросил на стол несколько смятых банкнот и направился к выходу. У дверей оглянулся. Девушка сидела на высоком табурете у стойки. Поймав его взгляд, она помахала рукой.

На улице было по-прежнему холодно. Дождь пошел сильнее. Руб поднял воротник куртки, огляделся по сторонам, выбросил сигарету. Ярким огоньком та улетела в темноту и погасла. Энджи больше не видел сияющей ауры. «Рубин держал ее зажженной,— подумал он,— надеясь, что кто-нибудь придет на свет. А теперь незачем тратить силы на такой мощный маяк. Я уже здесь...».

Ангел вошел следом за хозяином в маленькую квартирку, которая находилась на втором этаже в том же доме, где бар. С любопытством огляделся.

В кухонной мойке свалены грязные чашки и стаканы. На низком столике — гора журналов, наполовину пустая бутылка, пепельница, полная окурков. По полу раскиданы затертые диванные подушки. Пышный букет красных георгинов в большой хрустальной вазе...

Пахло здесь подгоревшим кофе, табачным перегаром и сладкими, приторными духами.

— Извини. Не успел убрать после вчерашнего.

Рубин прошел к окну, расшвыривая по дороге попадающиеся под ноги подушки. Распахнул створки. Холодный воздух, смешанный с дождевой пылью, тонкой струйкой потек в комнату.

— Ну давай поговорим... Садись. Нет, лучше сюда.

Он разгреб для Энджи место на тахте. Плюхнулся рядом, потянулся за бутылкой:

— Пить будешь?

— Спасибо. Нет.

— Тогда начнем. Ты знаешь, кто я?

— Одно из порождений Огненного мира.

— Я — совершенное оружие. Неповторимое, уникальное, единственное в своем роде. Я — абсолют!

— Почему ты живешь в таком... странном месте?

Рубин нахмурил брови:

— Ну должен ведь я где-то жить.

— Почему здесь?

— А чем плох этот мир? — Парень раскинул руки, предлагая полюбоваться своим жилищем.

— Его создал ты?

— Нет.

Рубин плеснул из бутылки в стакан. Сразу же запахло горько и свежо, как будто полынь смешали с мятой.

— Не я создавал это место. Хотя мог бы... Но этот мир ничего не значит! — Красные глаза собеседника угрожающе сверкнули.— Существую только я! И только пока я верю в него — он реален. Кстати, мне даже не известно, ты сам — настоящий или очередная моя фантазия... Впрочем, это можно проверить.

Пространство вокруг внезапно стало трескаться. Стол, стулья, подушки на полу, открытое окно... осыпались, раскалываясь на куски. Падали в пустоту, открывая истинную канву этого мира.

Энджи со всех сторон окружило звездное небо, а под ногами оказалась скала, поднимающаяся из черноты. Но вот и она, задрожав, развалилась. Чтобы не упасть в пропасть, пришлось «сорвать» с себя облик человека. Сильно взмахнув крыльями, ангел взлетел и опустился на устойчивые камни рядом с Рубином.

— Значит, светлый... — Тот аккуратно поставил на землю бутылку, прихваченную из прежнего мира.— Кто бы мог подумать. К сожалению, я лишен способности узнавать подлинную сущность за придуманным образом.

— Почему?

— Это лишнее. Оружие не должно знать, кому оно будет принадлежать. Это его не касается.

— Руб, скажи мне, кто ты на самом деле?

Парень подошел к самому краю скалы. Нереальная человеческая фигура застыла на фоне миллиардов звезд.

— Давно. Очень давно. Когда мир был юн и беспомощен, меня сотворили для того, чтобы создавать пространства.

Карашэхр посмотрел на свою раскрытую ладонь, словно изучая линии судьбы на ней.

— Сила Огненного мира, заключенная во мне, позволяет резать, плавить, уничтожать материю. Но это самое легкое. Труднее создавать, скрепляя одну с другой крохотные частички. Лепить из них вселенные. Для этого нужно богатое воображение. Такое как у тебя, ангел. Но ваши «миры» слишком тонкие, доступные лишь для совершенных существ. Моя задача — творить более грубую реальность. Я лишен свободы выбора, свободы воли. Я буду тем, кем пожелает мой хозяин. Орудием... или оружием.

— Почему же сейчас ты...

— ...никому не нужен? Раньше мир был юн. Теперь он старится. Но ты нашел меня. Для того, чтобы... — Он стремительно обернулся: — Для чего ты нашел меня?!

Энджи почувствовал — Карашэхр хочет вернуться. Хочет жить, создавать, чувствовать свою силу...

— Мое терпение безгранично, так же как и мощь Огня во мне. Но эта странная штука — интеллект, которым меня наградили, не дает покоя. Требует действия, движения. Приводит доказательства бессмысленности моего теперешнего существования... Послушай, ангел, хочешь создать свой собственный мир? Не то порождение тебя самого — идеальный и прекрасный. Хочешь *реальный* мир? С живыми людьми, с законами, которые ты придумаешь для них. С храмами, морями, реками, озерами. Великолепный. Настоящий. Для тебя одного. Хочешь?

Энджи показалось, что черный силуэт Рубина начинает пылать багровым, и колоссальная мощь огня готова выплеснуться, чтобы созидать и разрушать, выполняя желания нового господина.

— Нет! Нет... Я пришел не за этим.

Карашэхр опустил голову, сияние его померкло.

— Значит, опять ждать... Сколько еще нужно прождать, пока обо мне вспомнят?

— Не знаю,— ответил Энджи честно.— Не я буду твоим владельцем. Я здесь лишь для того, чтобы вывести тебя.

— К месту нового ожидания? — Рубин усмехнулся невесело и нагнулся за бутылкой.

— К месту, где ты найдешь покой. Сможешь отдохнуть от чувства вечного ожидания.

— Меня невозможно уничтожить,— пробормотал собеседник, рассматривая содержимое своего стакана.— Поэтому я и заперт здесь. Совершенное оружие, которое опасно приносить в реальный мир... Впрочем, хоть какое-то разнообразие... Я пойду с тобой, ангел. Я хочу пойти с тобой...

Тонкий мост, висящий в пустоте между звездами, уводил в бесконечность. Одинокая черная скала осталась далеко позади. Ангел предпочел бы лететь, но спутник не признавал такого способа передвижения.

«Когда мир был юн...» — снова и снова повторял про себя Энджи. Когда это было? Сколько тысячелетий существу, которое идет рядом?

— Скажи, это ты создавал срединный мир?

— Я не помню,— отозвался Рубин беспечно.

Он шагал по мосту, возникающему под ногами, глубоко засунув руки в карманы. Не спрашивал, куда его ведут, не смотрел по сторонам. Хотя посмотреть было на что. Тонкий мир расцветал вокруг прозрачными арками и колоннадами. Потоки воздуха приносили тонкие ароматы цветов, горячей земли и металла. Сиреневое мерцание расплывалось над головами идущих, застывая картинами изумительной красоты. Но когда Энджи поворачивался, чтобы разглядеть их подробнее, они таяли. И лишь одно, вспыхнув впереди, осталось реальным.

В темноте возникло белое свечение. Сначала похожее на яркую звезду — с каждым шагом оно все шире растекалось в стороны горячими волнами. Казалось, пространство, которого они касаются, начинает дрожать, словно воздух в пустыне, и рождать собственные миражи. Деревья с кронами из пламени, стаи фениксов, водопады... От них веяло жаром и мощью Огня.

Светящийся тоннель закончился титаническими вратами. В две стороны от них тянулись пылающие стены.

Это и был Храм. Преддверие Огненного мира. Огромный сверкающий дворец, из сводчатых окон которого вырывалось белое пламя. Энджи шагал по плитам, лежащим на полу, чувствуя, как его тело дрожит от высокочастотных вибраций. Колонны, сплетенные из тонких пульсирующих струек огня, и живые барельефы на сияющих стенах переливались расплавленным золотом. Огненные картины на стенах из огня...

Тело Рубина стало меняться. Человеческий образ растворился, исчез. Теперь перед ангелом двигался пылающий силуэт.

Впереди показалась высокая арка, открывающая выход в самый высший слой пространства. За ней, в ослепительно-белом сиянии двигались белоснежные тени... Путь сюда был доступен лишь существам, порожденным Огненным миром.

— Оставь его здесь,— услышал вдруг Энджи тихий голос. От горящей стены отделилось высокое создание, сплошь состоящее из света.— Откажись от своих помыслов.

— Я хотел, чтобы он ушел в мир, из которого был создан,— сказал ангел.— Чтобы никто не мог воспользоваться его разрушительной силой...

Тетраим поднял руку:

— Он должен остаться в преддверии Храма. Его заберут. Когда придет время.

Энджи знал, что высшим творениям даровано не просто видеть будущее. Для них вообще не существует времени.

— Если он останется здесь, срединный мир погибнет,— возразил ангел.

— Это орудие должно ждать своего владельца здесь! — Тетраим обратил пылающий взгляд на младшего брата: — Замкни круг. Не сомневайся. Тем, что сделаешь, ты спасешь свой мир.

Энджи должен был испытать сомнение... И не испытал его. Он почувствовал — огненное сознание видит гораздо дальше, чем дано представить целителю. Быть может, сейчас перед сверкающими глазами проносятся картины всех мыслимых грядущих событий...

— Останься здесь,— мысленно произнес ангел, обращаясь к Рубину.— За тобой придут.

— Ты уверен? — тревожно прозвучало в ответ.

— Да. Я знаю...

Когда Энджи уходил, у подножия статуи тетраима пульсировала огненная сфера. Руб ин Ка-р'а-Шэхр принял свой истинный облик.

Часть II
НЕСУЩИЙ СВЕТ

Глава 1
СИМПЛИГАТЫ

Гай хмуро сидел у костра, бросая хворост в весело потрескивающий огонь. Ощущение вины камнем давило на плечи. Словно вечная ноша мраморного атланта, подпирающего собой небо. Не сбросить, не сдвинуть, даже — он горько усмехнулся, с треском ломая о колено очередную палку,— львиную шкуру не подложить.

— Ты не виноват.— Арэлл сурово сжала губы.

Гратх опустил голову ниже. Еще одна несгибаемая кариатида с гранитным хребтом. Постоянно пытается все взвалить на себя. Лучше бы она плакала. Тогда, в Претикапии, невеста лудия прижалась бы щекой к его нагрудному доспеху, зажмурилась и позволила себе быть слабой, беспомощной. Позволила себя утешить. А сейчас она — холоднее и тверже спаты.

— Это я должна была подумать об опасности.

Рядом, за кустом, безостановочно всхлипывала Гермия. Вот кто не стыдился ни слез, ни причитаний.

— Как же так?! Как же так?!.. Лурий Атэр, почему?!.. Что я теперь лурию Энджи скажу?! Такой молодой, такой сильный!.. Ну почему?! Почему?!.. Что же теперь делать?!

Она произносила вслух то, что думал каждый. Эллан пережил рэймское рабство, две ночи Больших сенполий, нападение демона, путешествие по катакомбам, бой с нелунгами. Он казался неуязвимым... Никто до сих пор не мог поверить, что нахальный, ловкий, обладающий магией Атэр погибнет вот так — глупо и нелепо. Проявив ту самую самоотверженность, которую всегда едко высмеивал.

У преторианца до сих пор стояла перед глазами древняя тварь, ее разинутая пасть и текущее серое тело, падающее сверху. Так рыба, выпрыгнувшая из воды, хватает жука, беспомощно дергающего лапками, и снова ныряет в волну, оставив после себя широко расходящиеся круги. Вентиго сгинул вместе с элланом, на земле осталась лишь мелкая песчаная лужа.

Гратху оставалось только укорять себя: «...Если бы я не взял этот цветок... Если бы смог преодолеть соблазн...»

— Даже хоронить нечего,— пробормотал подошедший Критобул. Свалил у костра новую охапку прутьев, сочувственно хлопнул товарища по плечу. Потом покосился на Арэлл.

— А вы знаете, друзья мои,— осторожно начал Октавий, пытаясь привести в порядок трабею, которая всегда сидела на нем, как тога на гусе.— Атэр понимал, на что идет, пожалуй, даже лучше, чем мы все. Да-да, он знал, какие опасности подстерегают нас. Думаю, наш погибший друг ушел благородно, с чистой совестью. Можно сказать, он искупил свою вину...

Лицо у несостоявшегося жреца стало вдохновенным, а косоватые в этот миг глаза сверкнули откровенным злорадством.

— Искупил вину? — переспросил Критобул.— Перед тобой, что ли?

— А хотя бы и передо мной! — окрысился Октавий.— Не меня ли он хотел скормить тхаоре, чтобы вы могли пройти по катакомбам?! Все уже забыли об этом?

— Ну не скормил же,— спокойно возразил атлет. Снова взглянул на Арэлл, засопел, поднял гиматий, валяющийся на траве, бросил его голоногой девушке и сказал ворчливо: — На, прикройся. И обуйся. Наколешь ступню, будем потом тут с тобой...

Та не ответила.

— Девка в армии все равно что чирей на заднице,— тихо пробубнил Критобул, поглядывая на элланку, натягивающую плащ, и крикнул зычным голосом: — Гермия, хватит выть! Иди сюда!

— Не трогай ее,— тихо сказал Гай, подбрасывая сухие ветки в костер.

— Может быть, пора подумать об ужине? — Октавий поудобнее устроился на поваленном дереве, вытянув тощие голени к теплу. Сам приготовлением еды он явно заняться не собирался.— Событие, постигшее нас, бесспорно, печально, но не стоит забывать о том, что мы живы и наша миссия не закончена. Полагаю, Атэр не хотел бы, чтобы мы предавались преступному унынию. Напротив...

— Ну пошел трындеть! — Атлет презрительно плюнул на землю, вытащил из-за пояса нож, большим пальцем проверил остроту заточки и вперевалку направился к ручью. Через минуту из-за кустов послышалось: — Гермия, хватит киселиться! Гляди, опухла вся! Поднимайся, пошли рыбу чистить.

— Р-ры-бы н-нет,— отозвался гнусавый, прерывающийся от рыданий голос бывшей рабыни.

— Понятно — нет. Сейчас наловлю. На — высморкайся. Может, он еще жив. Твой эллан все равно что пиявка, без мыла в игольное ушко влезет.

Голос Критобула стих. Арэлл подняла голову и пристально посмотрела на Гая:

— А ведь он прав. Атэр, может быть, жив.

Октавий саркастически рассмеялся:

— Выжить в объятиях разгневанного Древнего представляется мне маловероятным. Попросту невозможным.

Девушка нахмурилась, прикусила подушечку большого пальца и произнесла невнятно:

— Он обладает магией.

— Арэлл, я все понимаю,— тихо сказал преторианец.— Но это действительно вряд ли возможно.

— Мы должны попытаться найти его.

— Как?.. Где?

— Быть может, с помощью этих каменных орхидей...

— Нет! — Гай швырнул в костер еще одну палку, едва не задев Октавия.— Мы не будем рисковать. Ни один из нас не сумеет справиться с Вентиго. По моей вине больше никто не погибнет. Хватит.

Арэлл отвернулась. На ее веках блеснули слезы.

Утро встретило друзей хмурой сыростью.

Спутники ехали по узкой дороге в глубине каньона, не глядя друг на друга. Из тяжелых туч сыпался мелкий дождь. Критобул тихо беседовал с прахом брата, и его монотонное бормотание теперь все время сопровождало маленький отряд. Гермия зябко ежилась под накидкой, украдкой вытирая мокрые щеки. Октавий упорно молчал, глядя прямо перед собой. Гай был хмур. Арэлл тосковала.

Исчезновение Атэра подкосило всех. Нахальный, язвительный, дерзкий... Как же его не хватало теперь!

— Стойте! — негромко сказал Критобул таким тоном, что все тут же поспешно натянули поводья.— Аристид говорит, впереди опасность. Уже совсем близко. Рядом.— На лбу преторианца выступила испарина, лицо стало каменно-напряженным, словно он действительно мучительно прислушивался к едва слышному шепоту мертвого.

В этот раз все почему-то поверили ему. Гермия, ехавшая рядом, прижала ладонь ко рту и заозиралась по сторонам. Остальные, вытащив оружие, напряженно оглядывались, готовые в любое мгновение отразить нападение. Но вокруг никого не было. Все те же камни, красные склоны, неподвижная бурая ящерица на обломке валуна.

Время шло. Однако ничего не происходило.

— Лошади спокойны,— наконец не выдержал Гай.— А они бы первыми почувствовали опасность.

— Друзья мои,— произнес Октавий впервые после многих часов молчания.— Вы, конечно, можете со мной не согласиться, но, мне думается, нашему дорогому Критобулу могло показаться. Послышалось.

— Это трясогузам вроде тебя все слышится и кажется! — недовольно проворчал тот.— Говорю, Аристид ясно сказал — опасность.

— Почему же тогда никто... никто... — Октавий запнулся, несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, побледнел и с трудом выдавил: — Мне... мне как-то нехорошо. У меня как будто...

— Живот от страха подвело? — участливо поинтересовался атлет.

— Я... у меня... — Лицо жреца побагровело, он схватился за горло и стал медленно сползать с седла.

— Он задыхается! — Гай сунул спату в ножны, спрыгнул с коня и бросился на помощь. Арэлл сделала то же самое.

Вдвоем они стащили вниз хрипящего Октавия. Как только тот оказался на земле, тело его обмякло, будто не осталось ни одной кости. Руки, рвущие трабею на груди, безвольно упали, дыхание стало медленным и сиплым. Багровое лицо стремительно бледнело.

— Что это такое? — прошептала Арэлл, почему-то чувствуя непреодолимое желание оказаться как можно дальше от спутника. Она никогда не испытывала к нему особой любви, но сейчас человек, вытянувшийся на камнях, вызывал у нее просто непреодолимое отвращение.

— Я же говорил — опасность,— лишенным всяких интонаций голосом произнес Критобул. Элланка обернулась. Преторианец сидел в седле прямо, как деревянный, его лицо казалось синеватым, застывшим, а широко раскрытые глаза стали бельмами без зрачков.

Гермия, превратившаяся в такую же слепую куклу, тоже неподвижно замерла на своей лошади.

Громкое ругательство Гая заставило Арэлл выхватить меч, и, едва прикоснувшись к нему, она почувствовала привычное спокойствие. Гратх стоял на коленях подле тела Октавия, обеими руками сжимая голову. Рядом валялась бесполезная спата.

— Арэлл... — прохрипел он.

Элланка подскочила к нему, схватила за руку, впиваясь пальцами в запястье.

— В голове... серая муть... вой.

— Гай, борись! Не поддавайся!

— Проклятые земли,— прошептал он побелевшими губами. И упал, чтобы через мгновение открыть мертвые белесые глаза.

Арэлл вскочила, острие ее меча металось из стороны в сторону, в поисках врагов, но карать было некого. Четверо друзей, пораженные неизвестным проклятием, не отвечали на вопросы и не видели ее.

— Кто это сделал?! Отзовись! Я хочу поговорить с тобой! Где ты?!

Рядом зашевелился, пытаясь подняться, Октавий. Его скрюченные пальцы заскребли землю, закатившиеся глазные яблоки дергались под веками, а лицо искажали гримасы — одна половина пыталась ухмыльнуться, другая скалилась от ярости. Словно кто-то примерял на себя человеческую маску, но у него это не получалось. Наконец, жрец медленно сел, открыл рот и сказал с глумливой насмешкой:

— Здесь, я. Здесь. Не ори.

— Октавий? — тихо позвала элланка и тут же поняла, что это уже не трусоватый нервный рэймлянин.— Кто ты? Что тебе надо?

— А ведь вас предупреждали.— Синеватые губы существа дергались не в такт произносимым словам. Веки были по-прежнему опущены.— Опасность. Не ходите. Не послушались... Никогда не слушаются.

Словно повинуясь беззвучному приказу, Гай медленно подошел к своему коню, неуклюже забрался в седло и подъехал к Критобулу и Гермии.

— Что ты сделал с ними?! Кто ты такой?! Что тебе надо?..

— Кто я такой? — Лже-Октавий стал медленно подниматься, скалясь на элланку.— Я охотник, а вы добыча. Пища. И я сожру всех вас. Изнутри. Часть меня в каждом из них и уже начинает медленно высасывать жизнь из их тел. Но я не понимаю, почему ты сопротивляешься до сих пор.

Он поднял руку, и девушка почувствовала, как вокруг ее головы что-то вьется с назойливым звоном, словно стая мошкары. У лица заклубилась густая сизая пелена. Арэлл крепко зажмурилась на мгновение, а потом взмахнула перед собой балтусом, представляя, как разрезает невидимую вязкую паутину. Сознание тут же прояснилось, муть и звон рассеялись.

— Понимаю,— прошипело существо и протянуло к ней трясущуюся руку.— Меч. Он придает тебе сил. Отдай его! Отдай его мне!

Арэлл ощутила, как невидимая сила пытается вырвать у нее оружие, но только крепче стиснула рукоять. Несколько мгновений борьбы, и чужая воля ослабла.

— Отдай!

Арэлл взмахнула балтусом, отсекая силу, льющуюся из бывшего спутника. Она почти ощутила, как перерубила невидимую, жадно тянущуюся серую нить.

— Я все равно убью их,— зарычала тварь, брызгая слюной.— А начну с нее, самой слабой.

— Сочувствую.— Арэлл ощутила, как кровь начинает бешено стучать в висках.— Сегодня ты останешься без обеда. Отпусти их.

— Ты можешь причинить мне вред, только убив своего друга.

— Я переживу его потерю.

Элланка сделала выпад, и если бы «Октавий» не отскочил, меч вонзился бы в его грудь. Было непонятно, как он видит.

— Его потерю переживешь? А остальных?

Существо снова отпрыгнуло, отбежало в сторону, с невероятной ловкостью вскарабкалось на вершину гигантского валуна, лежащего неподалеку, и крикнуло оттуда:

— Посмотрим, как ты справишься с остальными!

Гермия осталась неподвижной, но Критобул с Гаем медленно спустились на землю, вытащили мечи и направились к элланке.

— Ты можешь убить их,— раскачиваясь на краю камня, забормотала тварь.— Они могут убить тебя. Итог один. Кто-нибудь умрет. Оставь оружие, и все останутся живы.

— Пока ты не сожрешь нас?! — Арэлл медленно отступала перед клинками друзей.

— Ты этого не увидишь. Даже не почувствуешь! — Существо свесилось со своего насеста и приказало: — Сокрушить ее!

— Гай! Это я! Это же я! — закричала элланка, отбивая первый удар спаты.— Ты меня слышишь?!

— Не видит, не слышит, не понимает,— захихикал Лже-Октавий.— Ты еще можешь сдаться.

— Нет.

— Ладно, побарахтайся немного.— Он удобнее устроился на камне.— Хоть развлекусь.

Трудно драться со своими друзьями, которые уже не подчиняются себе и всерьез хотят твоей смерти. Арэлл переживала странное чувство. Больше не было покоя и счастья, теплая рукоять меча не вливала в ладонь ровную силу. Стараясь не зацепить демоноборцев, она уклонялась от ударов, отступала, парировала, ускользала.

— Опомнитесь! Я не могу убить вас!!

Элланка закричала в отчаянии, лезвие скользнуло под подбородком атлета, разрезав шнурок. Мешочек с прахом Аристида, упав на землю, раскрылся. Девушка отбила очередной удар, прыгнула в сторону, зачерпнула горсть пепла и швырнула его в глаза Критобула.

Преторианец вдруг уронил меч, схватился за лицо, стал тереть его. Потом выпрямился и с удивлением уставился на Арэлл, отбивающую удары Гая, на «Октавия», визжащего на валуне, и Гермию, безучастно глядящую в пустоту. Выругавшись, он спросил вполне членораздельно:

— Что за хрень здесь творится?

Гай резко обернулся, Критобул едва успел увернуться от его спаты и больше вопросов не задавал.

— Его надо остановить! — крикнула Арэлл, снова отвлекая Гратха на себя.

— Надо... — пробормотал неожиданно спасенный атлет, поднял небольшой камень, прицелился и швырнул точно в затылок преторианцу. Тот пошатнулся, неуверенно шагнул вперед и рухнул на землю.

— Спасибо.— Арэлл остановилась, дыша тяжело и часто.— Ты его не убил?

— Слегка оглушил.

— Вы все умрете... — зашипело с вершины валуна существо, исходя злобой.— Вы все равно умрете!

— Октавий! — воскликнул изумленно Критобул.— Мартышка... ты чего туда залез?

— Это не Октавий,— тихо сказала Арэлл.— Что-то вселилось в него.

— Осталась одна! — завопил «жрец».— У меня осталась еще одна!

Он спрыгнул с камня, метнулся к лошади с Гермией, ловко вскочил в седло за ее спиной и ударил пятками.

— За ним! Быстрее, пока не ушел! — Арэлл тоже бросилась к коню.

— А с этим что делать? — преторианец показал на Гая, лежащего на земле.— Здесь оставлять нельзя.... И где Аристид? Ах, ты просыпался... ну ничего, сейчас мы тебя осторожненько. Это ты в меня им, что ли, кинула?

Элланка едва не взвыла от нетерпения и злости:

— Он уходит!.. А! Я сама! Догонишь!

Вскочив в седло, она поспешила следом за беглецом.

Конь несся по дороге, громко стуча копытами по камням, кровь стучала в висках, перехватывало дыхание, и от встречного ветра сле-

зились глаза. Но впереди было пусто. Тварь, вселившаяся в Гермию, словно сквозь землю провалилась.

«Он не мог уйти далеко...— Арэлл настороженно озиралась.— Куда же делся?!»

Черный провал в земле распахнулся впереди неожиданно. Девушка изо всех сил натянула поводья. Послушное животное остановилась у самого края пропасти. Попятилось назад, испуганно мотая головой. Из-под копыт вниз посыпался песок и мелкие камешки.

Элланка слезла на землю и медленно подошла к трещине. Там, на дне, логово напавшего существа? Лже-Октавий спустился вниз?

Значит, где-то должны быть ступени.

Арэлл двинулась вдоль провала, заглядывая через край каждые десять шагов. За этим занятием ее и застал Критобул. Он ехал, посадив перед собой в седло все еще бесчувственного Гая, и вел в поводу его коня.

— Ну что тут?

— Он как-то спустился вниз.

— Надо было паскуду Октавия сразу зарезать, не валандаться с ним. А вот Гермию жалко. Хорошая девка... Гратх вроде ничего с виду. Может, он его про запас оставил?

— Может...

— А меня, значит, Аристид спас...— Критобул довольно погладил мешок с прахом, снова висящий на груди.— Мы всегда друг другу помогали.

Элланка опасалась, что сейчас начнется привычный долгий монолог о взаимовыручке и крепкой братской любви двух преторианцев. Но ошиблась.

— А ты-то как вывернулась? Почему он тебя не схватил?

— Не знаю...

Гай вдруг резко дернулся, схватился за горло и выговорил между приступами кашля:

— Он меня... отпустил.

Дотронувшись до затылка, поморщился.

— Это я,— доверительно сообщил Критобул.

— Помню. Все, как сквозь сон. Что случилось потом?

— Октавий сиганул на лошадь и ускакал вместе с Гермией. Арэлл говорит, он слез прямо к низу.

Гай снова ощупал затылок:

— Тут ступени! — воскликнула элланка.

— Не скажу, что мне охота лезть.— Критобул слез с коня и подошел, чтобы лично осмотреть лестницу.— Но Аристид говорит...

— Слушай, хватит! — раздраженно сказал Гай, тоже спешившись.— Заездил своим Аристидом. Не может он ничего говорить! Он умер!

Арэлл, машинально прислушиваясь к беседе, еще раз заглянула в черный провал.

— Всегда знал, что ты, Гратх, жлоб. В гвардию тебя кто сунул? Братец нежно любящий, и бесплатно. А моему отцу пришлось всю

землю продать, чтобы нас с Аристидом пристроить. Тебя в Рэйме что ждет? Особнячок с садом? А нас — дырка от кренделя. Валялся там мешком, а мне тебя тащи. Эй, Арэлл, ты что делаешь?!

— Можете продолжать.— Девушка стояла на первой ступени бесконечной лестницы, ведущей в пропасть.— Я спускаюсь.

— А если подумать головой? — с безграничным интересом спросил атлет.

Элланка едва сдержалась, чтобы не поинтересоваться, чем обычно думает он.

— Послушай, Арэлл. Гермию, конечно, жалко. Да и Октавия вроде... — В последних словах Критобула прозвучало явное сомнение, но, поразмыслив мгновение, он повторил более уверенно: — Ладно, его тоже. Ну спустимся мы, ну найдем их. И что? Как ты собираешься их спасать? А если там, у себя в логове, он окажется гораздо сильнее и сумеет схватить всех?

— Ты прав. Оставайтесь.— Арэлл шагнула на следующую ступень.— Я пойду одна.

— Да я не о том... — Глянув на Гая в поиске поддержки, преторианец громко засопел. Но Гратх молчал, внимательно рассматривая оплетку на рукояти спаты, и Критобулу пришлось выкручиваться самому.— Стоит ли рисковать? Их, может, уже нет в живых. Ты не злись. Просто подумай.

— Ни Гермию, ни Октавия я не оставлю. Как не оставила бы ни тебя, ни его.— Арэлл кивнула на Гая, сосредоточенно перевязывающего наруч.

Атлет шумно выдохнул, почесал макушку, пригладил волосы.

— Ладно, тогда скажи, как ты собираешься изгонять из них это... Я, конечно, могу треснуть каждого по башке разок. Но не уверен, что поможет. И вообще, этот демон...

— Это не демон,— подал голос Гай.— Атэр говорил, темные не могут находиться в Проклятых землях.

— Какая разница! — отмахнулся Критобул.— Может, Октавия придется убить, чтоб эта тварь из него вылезла.

Арэлл почувствовала, что у нее начинает ломить виски. Дыхание на секунду перехватило, сердце замерло и часто забилось. А потом она вдруг услышала шепот: «..Вззз... взз... взз...» Настойчивый. Едва слышный. То приближающийся. То отдаленный...

Но болтовня преторианцев заглушала его.

— Тихо. Помолчите минуту.— Элланка сказала это вроде бы негромко, но оба мужчины, вздрогнув, замолчали, запнувшись на полуслове, и удивленно уставились на нее.

«Вниз... иди вниз... — наконец разобрала она,— спустись... не молчи...»

— Я не молчу,— ответила она.

— Ну да,— буркнул Критобул.— Не молчишь. Орешь, как наш префект на плацу.

Арэлл сердито поморщилась и прижала палец к губам, призывая к безмолвию.

— Я слышу тебя. Где ты?

«Внизу и наверху. Везде... — прошелестело, как ветер в сухих листьях.— Слишком долго без пищи. Ослаб. Помоги».

— Кто ты?

«Тебе ничего не скажет имя».

— Ты невидим?

«Нет... — Несколько мгновений тишины, а затем.— Да».

— Это ты захватил моих друзей?

«Нет!»

— Арэлл, что происходит? — встревожился Гай.— С кем ты говоришь?

Она отрицательно покачала головой и закрыла глаза, чтобы не видеть напряженных лиц преторианцев.

— Но ты знаешь, кто это сделал?

«Да».

— Кто он? Зачем хотел убить нас?

«Он не хотел убивать. Он пытается помочь. Но равновесия нет».

— Не понимаю.

«Ты думаешь — злоба. Нет. Отчаяние. Мы оба — две части одного. Твое сознание чисто. Впусти меня. Я не займу много места. Не буду мешать. Ты не почувствуешь. Отнеси меня вниз. Не бойся. Вреда не причиню. Клянусь. Спустись вниз и все поймешь. Твои друзья там. Живы».

— Я...

«Твое тело мне не нужно. Я не смогу в нем жить, твой разум слишком слаб. Отнеси меня вниз».

— Я видела, что произошло с моими друзьями.

«Если бы хотел причинить зло... не просил бы».

Арэлл задумалась. Попыталась оценить величину риска. Но мысли перескакивали с одного на другое, и она не могла сосредоточиться.

«Решай...»

— Хорошо. Я помогу тебе.

Ничего не произошло.

Не было ни боли, ни головокружения, ни ощущения чужой сущности внутри. Арэлл потерла виски, посмотрела на друзей и увидела, как на их лицах появилось одинаковое изумленное выражение. Но оно быстро сменилось злобной решительностью. Оба подняли мечи и весьма недвусмысленно направили их на девушку.

— Эй! — воскликнула она.— Что вы делаете?

— А теперь,— мрачно сказал Гай,— докажи нам, что ты — это Арэлл.

— Это я,— ответила она удивленно.— А что не так?

Элланка шагнула к ним, и преторианцы отступили, не опуская оружия. Теперь она рассердилась:

— Хватит валять дурака! Я не собираюсь стоять здесь весь день и приводить вам доказательства, что я — это я. Можете стукнуться друг

о друга головами, чтобы у вас прояснились мозги, и вы увидели наконец очевидные вещи. Или пусть Критобул побеседует с Аристидом. Это ему всегда помогало.

Суровое выражение постепенно пропало с физиономии атлета.

—Похоже, все-таки она. Хотя и...

— Хотя что?

— Посмотри на себя,— посоветовал Гай.— Достань меч.

Арэлл вынула балтус из ножен. Повернула. Глянула в гладкую отполированную поверхность и вскрикнула. Ее глаза, лишенные зрачков, стали цвета электрона. Сплошной ровный янтарь...

— Что произошло? — Гратха явно успокоила ее реакция.

— Нам надо вниз. Я расскажу по дороге. Идемте...

Друзья шли по узким выщербленным ступеням, постоянно держась за шероховатую стену, потому что с другой стороны лестница обрывалась в пропасть.

Преторианцы молча выслушали рассказ Арэлл о беседе с таинственным существом. Хмуро переглянулись, но назад не повернули. Спуск оказался долгим. Тонкая полоска неба над головой полностью исчезла. Спутников со всех сторон окружила абсолютная чернота.

— Посмотрите,— тихо сказал Гай.

Арэлл повернула голову направо и увидела прозрачные столбы цвета хризолита. Заглянула вниз — их основания тонули в бледно-зеленом тумане...

— Стойте, где стоите,— велел Критобул, стуча огнивом.— Сейчас.

Факел загорелся, и элланка непроизвольно сделала шаг назад. Лестница впереди была обрушена, а с двух сторон от нее, на круглых платформах, висящих в пустоте, замерли два чудовища.

Веки одного из монстров были зажмурены. Широкая пасть оскалена. Мышцы на косматой груди напряжены. Мощные полураскрытые крылья застряли в густой тени. Казалось, зверь изо всех сил рвется на свободу, но тьма крепко держит его.

Другое чудище сидело в луче света, сложив крылья, и смотрело прямо перед собой яркими янтарными глазами. Уголки его широкого рта были приподняты в улыбке. Оно выражало полное спокойствие.

Прошло несколько минут, прежде чем друзья поняли, что это статуи. Должно быть, изваяния находились здесь много тысячелетий. Время совсем не коснулось первого из них — каменная поверхность сохранилась идеально, гигант выглядел абсолютно живым. Однако в камне, из которого был вырезан второй зверь, виднелись трещины. Кусок его уха откололся, на груди чернела широкая борозда, а у лап, среди истлевших костей, лежали две бесчувственные человеческие фигурки — Октавий и Гермия.

— Посмотрите, на чем они сидят! — воскликнула Арэлл, вытягивая руку вперед.— Это же весы. Две чаши весов.

— Точно,— пробормотал Критобул.

«Равновесие...» — прошептало существо в сознании элланки.

Она снова не почувствовала ничего, но камень, из которого был выточен сидящий зверь, вдруг начал срастаться. Трещины и сколы медленно затянулись.

— Мы были созданы, чтобы удерживать равновесие,— зазвучал в тишине низкий, звучный голос.— Каждый из нас — часть целого. Поэтому один слеп, другой — видит. Один — движется, другой пребывает в покое. Один свободен, второй связан. Но случилось так, что нас разъединили. Мое сознание вырвали из тела, а брата оставили томиться в вечном одиночестве. Ты помогла нам соединиться. Спасибо.

— Кто ты?

— Когда-то нас называли близнецы-Симплигаты. Хранители основ... Того, на чем держится этот мир.

Зверь, стоящий в тени, вдруг шевельнулся и медленно повернул морду к людям. Его глаза были закрыты, но Арэлл почувствовала взгляд.

— Он — движение, ярость, вечный порыв,— продолжил говоривший.— Он стремится вперед, но всегда останется прикованным к месту. Он видит лишь тьму и во тьме, поскольку она — часть его. Я же — покой и созерцание. Я свободен и зряч. Но не сдвинусь с места, так как мое предназначение — постигать мир, наблюдая со стороны. Он — символ внешнего устремления и покоя духа. Я — внешний покой и внутреннее устремление.

Симплигат прищурился, но через мгновение его зрачки снова вспыхнули янтарным огнем.

— Когда темные существа пришли в этот мир,— продолжил он,— они почувствовали угрозу, исходящую от нас, но не поняли нашу суть. Увидели всего лишь свет и тьму. Тьма была им ближе, поэтому они попытались уничтожить меня, оставив в живых брата. Однако это невозможно. Также как невозможно остановить движение мысли, которое я олицетворяю. Я продолжал жить, оторванный от своего тела, выброшенный на поверхность срединного мира. Продолжал охранять его маленькую частичку — эти земли, которые демоны назвали Проклятыми. Брат пытался поддержать меня жизнями других.— Существо посмотрело на тела, лежащие у лап.— Он не знал другого способа спасти меня и не мог помочь вернуться обратно. Это сделала ты.

Зверь, стоящий в тени, шевельнул крыльями, и тьма вокруг них заклубилась.

— Значит, теперь равновесие восстановлено? — спросила Арэлл, глядя на светлого близнеца.

— Демоны не могут уничтожить нас полностью — иначе этот мир рухнет. Но сейчас он живет по другим законам. Нужно много времени, чтобы восстановить прежний, изначальный мир... Мы признательны тебе за помощь. И хотим отблагодарить. Если ты мечтаешь о чем-то, скажи. Моему брату доступно воплощение мыслей в реальность.

Элланка взглянула на слепого зверя, беспокойно мечущегося по постаменту. Казалось, тот в любую секунду может сорваться с камня, чтобы помчаться вперед, в пустоту.

— Я могу подумать?

— Проси сразу. Проси, пока он испытывает чувство благодарности... он даст тебе все, что угодно. Но только *теперь*. Не потом.

Арэлл нахмурилась. Что можно попросить? Немедленную победу над темными? Силу, равную могуществу Хозяев? Армию? Оружие невиданной мощи? Неуязвимость?

— Не требуй силы,— неожиданно сказал второй Симплигат. Его голос напоминал пронзительный звук трубы.— Большего твое слабое человеческое тело не выдержит. И нет смысла тратить мою мощь на безрезультатный бой с демонами. Остерегайся последствий своих желаний...

Спиной элланка ощущала присутствие друзей. Не глядя на них, чувствовала, что оба удивлены, озадачены, потрясены встречей с созданиями, жившими с самого начала времен. Думают, чего бы хотели они.

— Слушай... — обжигая ухо горячим дыханием, зашептал сзади Критобул,— ты можешь пожелать...

— Я хочу, чтобы вернулся Атэр,— громко произнесла она, зная, что это единственное возможное, верное желание.— Если он мертв, оживи его. Если жив — приведи к нам.

Слепой Симплигат шагнул назад, в тень. Полностью скрылся в ней, потом вынырнул и произнес:

— Выполнено. Теперь уходи.

— Нет, постой! — Арэлл вскинула руку, пытаясь удержать древнее существо.— Где Атэр? Ты сказал...

Выполняющий желания зверь припал на передние лапы и оскалился:

— Иди прочь.

— Прощай,— сказал его брат.

Октавий и Гермия медленно встали. Невидимая сила подняла их в воздух и перенесла на лестницу. Радужки обоих все еще были белыми — друзья по-прежнему находились во власти Симплигата. Они побежали вверх по ступеням, и остальным пришлось последовать за ними.

Арэлл поднималась последней, поминутно оглядываясь. Оба зверя сидели на чашах каменных весов, с каждым ее шагом становясь все меньше. Один погруженный во тьму, другой — в свет. Два символа. Две основы.

Когда до выхода оставалось совсем немного, лестница задрожала. Снизу послышался раскатистый грохот.

— Быстрее! — крикнул Гай.

Ступени под ногами элланки начали осыпаться. Каждый шаг давался с трудом. Почти на поверхности, чувствуя, что теряет шаткую основу под ногами, Арэлл прыгнула вперед. Не удержавшись, упала на камни и обернулась. Земля беззвучно сомкнулась за ней. Разорванные края соединились. Только облако пыли, висящее в воздухе, указывало на место, где недавно был путь вниз.

— Друзья мои,— послышался знакомый дрожащий голос.— Не могли бы вы мне сказать, что произошло?

— Очухался,— проворчал Критобул, неодобрительно глядя на жреца.

— Как ты, Гермия? — спросил Гай.

— Хорошо,— ответила она.— Все хорошо. Только рука болит.

— А почему никто не поинтересуется, как себя чувствую я? — неодобрительно произнес Октавий.— Я почему-то не могу припомнить ничего из того, что произошло. Но, несомненно, мне досталось не меньше, чем ей.

— Ну опять затянул...

Машинально прислушиваясь к разговору, Арэлл напряженно оглядывалась по сторонам. Ждала, что вот-вот из-за камней появится Атэр. Веселый, насмешливый, решительный. Живой.

Но время шло, а его не было.

Глава 2
УБЕЖИЩЕ НА ГРАНИ МИРА

Буллфер покинул паучий притон, испытывая одновременно облегчение, злорадство и досаду. Похоже, Каракалл заглотил наживку. Теперь будет думать, ненавидеть Некроса и решать, с кем из Правителей лучше объединиться против нарастившего могущество брата...

Воронка телепорта открылась в главном зале. Здесь все было предельно просто. Черный гладкий камень стен. Высокие своды потолка. Гранитный пол, тяжелая, грубая мебель. Единственное украшение — огонь в медных светильниках и огромном камине. Красное пламя шелестело и билось о решетки, а за окнами висела серая пустота без верха и низа. Иногда рядом проплывали каменные острова — куски бесформенной материи. Замок стоял на одном из таких монолитов, на границе Тонкого мира — бесконечного пространства между сферами высокочастотных энергий, убийственных для демонов, и Хаосом с его Дном, откуда пришел сам турвон.

Убежище было почти достроено. Бесы доделывали крышу, ползали по стропилам, словно летучие мыши. Пищали от ужаса, скаля мелкие острые зубы. Обменивались злобными комментариями по поводу самоуправства турвона, утащившего небольшое количество рабочей силы у нескольких демонических владык. «Ничего,— Буллфер медленно шел по залам, осматриваясь,— скоро я сам стану Хозяином. Тогда слуг красть не придется, заведу собственных».

Он сел на пол перед одним из каминов, протянул руки к теплу. Краем глаза заметил движение слева, оглянулся и увидел свое отражение в отполированной до гладкости зеркальной стене. Мощная человекоподобная фигура покрыта короткой рыжей шерстью. Лицо тоже напоминает человеческое, только кажется грубее, уродливее. Круглые копыта, когти, клыки... Если ангелов создавал высочайший мастер, используя самые тонкие инструменты, людей тесали с помощью зубила и молотка, то демонов вырубали топором, совсем не заботясь об изяществе черт.

Широкие плоские звенья золотой цепи на шее турвона отразили пламя. На них были выбиты изображения тотемных животных Хозяев: паук Каракалла, летучая мышь Некроса, гиена Савра, крокодил Золтона, гидра Друзлта, сумеречный волк Евграна. Инквизитор нахмурился, вспоминая недавний разговор.

«Ты помнишь, как появился на свет?..»

Он помнил боль, огонь, текущий по телу, одиночество...

Новорожденный демон лежал, уткнувшись лицом в грязь. Та пахла кровью и разложением, обжигала, покрывая тело липкой массой. Когда зрение прояснилось, Буллфер увидел далеко впереди пятно красного света, а вокруг, на расстоянии вытянутой руки, сплошной камень. Оплавленный черный гранит. Он лежал в длинном узком лазе, норе, в которой не подняться даже на колени...

Потом он полз вперед, чувствуя, как задыхается от жара и мысли, что гора сомкнется и раздавит его, или погаснет свет впереди, или не хватит сил.

На поверхности демон увидел красное небо. Расползались, сворачиваясь в спирали, багровые тучи, в их глубине сверкали молнии. Из обугленной земли били струи пламени, ровные, как колонны, с закрученными спиралями черного дыма наверху.

Небесный свод притягивал неудержимо.

Буллфер поднялся, расправил крылья и взлетел в огненные небеса... Он долго блуждал, пока не встретил таких же, как сам. Злобных, одиноких, одержимых жаждой власти и могущества. Тех, кто всегда голоден — Высших демонов. Его приняли, как равного, хотя он оказался самым молодым. А через некоторое время турвон с удивлением понял, что из всей компании темных он — самый умный, дальновидный и деятельный. Осознавать это было приятно, но приходилось скрывать...

Инквизитор отвернулся от своего отражения и, шумно вздохнув, обвел зал невидящим взглядом.

В сложной логической мозаике, которую он выстраивал уже несколько недель, не хватало важных фрагментов. Оборотень, по кличке Гэл, исчез. «Гриэльский мрамор» у него под шкурой должен был показывать местоположение мерзавца, но только в случае, если тот начнет колдовать. Однако подлец не использовал магию. До сих пор — ни разу. Сидит, забившись в нору, и выжидает? Неужели бережет ангела?

Буллфер великолепно разбирался в демонах. Высших, низших, а также во всех возможных полукровках. Казалось, что может быть проще — выполнив приказ, освободиться от твари, пожирающей магические эманации, и получить благодарность самого турвона? Но он не сделал этого. Почему? Светлый так нужен ему? Настолько ценен? Гэл тревожится о нем больше, чем о собственном благополучии? Но у темных так не бывает. Ни у Высших, ни у низших, ни у каких! Они всегда думают только о себе, блюдут лишь свои интересы, берегут свою жизнь. Эгоизм на первом месте. Всегда. Откуда взялся *этот?!*

«Почему ему известно мое имя?.. Почему *я* не знаю его? Демонические оборотни — большая редкость. Если бы я встречал его раньше — запомнил бы. Я ошибся, нельзя было отпускать его... И почему он назвал меня Хозяином? ...Сплошные вопросы...»

Вестей об Арэлл тоже пока не было. Турвон был уверен, что неукротимая ангельская сущность элланки будет толкать ее на безумные, отчаянные поступки. Он ждал, когда она затеет бунт против устоявшегося порядка. Буллфер немедленно узнал бы об этом и даже немного помог ей потрепать слуг Правителей, чтобы ослабить Хозяев. Но девчонка, похоже, сгинула где-то... Или человеческого в ней оказалось намного больше, чем ангельского...

Иногда неожиданные ходы, интересные мысли, образы и подсказки, которые можно использовать в игре, приходили турвону в голову во сне. Поэтому он растянулся на полу и заставил себя задремать.

Демон не слышал, как мимо шныряли бесы, наводя порядок в залах. Не чувствовал постоянного движения Тонкого мира. Однако в любое мгновение был готов отреагировать на зов, летящий из срединного пространства или со Дна.

Его не призывали долго. Дрова в камине успели прогореть и рассыпаться углями, а здесь на это требовалось достаточно много времени. Но наконец громкий голос требовательно прозвучал в его голове.

Буллфер открыл глаза и произнес, старательно скрывая неудовольствие:

— Слышу тебя, Савр.

В воздухе развернулось окно, отсвечивающее зеленым. В нем появилась раздутая морда повелителя Гаэты.

«И почему его тотем — гиена? — мельком подумал Буллфер.— Сам он больше смахивает на дохлую жабу».

Изо всех Хозяев инквизитору меньше всего хотелось иметь дело с этим. Но выбирать не приходилось.

Савр разинул широкую пасть с кучей мелких зубов и проквакал:

— Я согласен принять твое предложение.

До чего же он мерзок рожей! Чтобы не показать антипатию, турвону приходилось быть очень вежливым. Чрезмерно для этой твари.

— Польщен, Савр. Но не припомню, что делал тебе предложение.

— Не надо юлить... — Хозяин сощурил свои и без того узенькие глазки, теряющиеся в глубине одутловатых щек.— Каракалл передал мне то, что ты рассказал ему. Этот дурачок думал, ты просто поделился любопытной сплетней. Сболтнул спроста. Но я-то знаю, ты ничего не делаешь просто так. Ты хотел предупредить. Я понимаю, твоя должность турвона обязывает к невмешательству в политические игры Хозяев. Но мне-то ясно, теперь ты не можешь остаться в стороне.

На протяжении этого монолога, сопровождающегося одышливым сопением и сипением, Буллфер внимательно смотрел на Савра, не делая попытки опровергнуть или подтвердить его догадки, а про себя думал: «Эта толстая жаба всегда была удивительно смышлена...»

— Пришло время прижать Некроса,— продолжал разглагольствовать Хозяин, помаргивая тусклыми желтыми глазками.— Надо сделать это, пока он не раздавил нас всех. Если мы не объединимся, он уничтожит нас по одному. Ты тоже понимаешь это, не так ли?

Турвон снова промолчал, и лягушачья морда властелина Гаэты стала покрываться фиолетовыми пятнами.

— Думаешь остаться в стороне? Думаешь, он пощадит тебя, когда разделается с нами? Друзлт бьется в истерике — Некрос затеял войну в Эллиде. Значит, хочет потихоньку захватить его храмы. Он уже начал давить нас. Думаешь, ты в безопасности?

— Нет,— после секундной паузы ответил Буллфер.

Он действительно так не считал. Он прекрасно знал демонскую природу, вечно стремящуюся ухватить кусок гораздо больший, чем в состоянии проглотить.

— Вот и я уверен, что ты не настолько неумен.— Савр довольно ухмыльнулся и сложил на необъятном брюхе короткие лапки.— Все остальные не понимают твоего участия в этом деле. Они даже не берут тебя в расчет. Привыкли считать молодым слабым дураком. Но я-то знаю, ты не глуп. И чуешь опасность получше многих из них... Я хочу предложить тебе сотрудничество, турвон. Если хочешь остаться жить, присоединяйся ко мне.

— А что говорят остальные?

Савр задумчиво погладил себя по толстому бледному пузу.

— Друзлт боится, но с нашей поддержкой готов выступить против Некроса в любую минуту. Каракалл так ненавидит брата, что согласен задушить его собственными руками, без всякой посторонней помощи. Золтон колеблется, но когда придет время, будет на нашей стороне. Я уверен.

— А Евгран?

— До Евграна не достучаться. Сидит за своей ледяной стеной и не отвечает на призывы. Впрочем, меня это не удивляет. Он никогда не хотел иметь с нами дела. Но это его проблемы.

— Когда вы хотите выступить?

— Чем быстрее, тем лучше, пока летучая мышь не успела накопить силу. Подумай над моим предложением. Но не слишком долго. А то можешь опоздать.

Инквизитор кивнул, подождал, пока Савр «удалится», и вскочил. Потирая ладони, принялся ходить по замку. Зашевелились. Испугались. Даже эта жирная жаба всполошилась. Боятся потерять власть. Боятся быть раздавленными возрастающей мощью Некроса. Это хорошо. Очень хорошо.

Теперь нужно окончательно решить, к кому примкнуть. Земли Великой Рэймской империи — очень жирный и привлекательный кусок. Буллфер не хотел бы остаться в стороне, когда его начнут делить.

Демон прошел в свой любимый зал с особенно большим камином и замер, чувствуя, как шерсть на загривке встает дыбом. На краю массивного дубового стола, освещенный желтым пламенем, сидел вукодлак.

Он щурился, нервно облизывал красным языком звериную пасть и тяжело дышал. Ребра, обтянутые серой кожей с клочьями шерсти, ходили ходуном.

Несколько секунд существо смотрело на турвона, потом хрипло произнесло, скаля волчьи зубы:

— Приветствую тебя, Хозяин.

В первое мгновение турвон испытал острое желание испепелить наглую тварь, забравшуюся в его дом. Потом мелькнуло безграничное удивление — этот стал вторым, после оборотня, кто приписал ему должность Правителя. И наконец Буллфер понял, что будет великой ошибкой уничтожить существо, сумевшее проникнуть в тайное убежище, о котором не знал никто.

— Я не Хозяин,— отозвался он, машинально сминая в кулаке заклинание распыления, уже начавшее принимать материальную форму.

— Но ты хочешь им стать. Не так ли? — Визитер фамильярно свесил со стола ноги, и Буллфер отметил, что его лапы похожи на изуродованные человеческие ступни.

— Ты кто такой?

— Меня зовут Эмил,— с громким хрипом отозвался непрошеный гость. Увидел в руке демона черный сгусток материи и с легкой ухмылкой покачал головой.— Ты не сможешь меня уничтожить. Помню, это желание уже возникало в одну из наших встреч... Только, боюсь, и на сей раз тебя ждет неудача.

Буллфер великолепно помнил всех, с кем общался. Среди них не было полукровки с волчьей мордой.

— Этот замок — закрытая территория. Как ты проник сюда?

Визитер помотал головой так, словно его одолевали мухи:

— Ты сам показал мне дорогу. Покажешь. Через много лет. В будущем.

— В будущем. Вот как...

Турвон сотворил кресло, поняв, что разговор будет долгим. Придвинул его ближе к камину. Сел. Поднял голову, готовый слушать, и только тогда заметил, как странно смотрит на него гость. В раскосых волчьих глазах светились едва заметная усталость и безграничное удовлетворение. Как у собаки, приползшей домой, чтобы сдохнуть у родного порога. Словно он получил наконец то, о чем мечтал всю жизнь. На демона еще никто так не смотрел. Но, как ни странно, он не испытал от этого радости.

— Если бы ты знал, как я счастлив вернуться в этот замок,— продолжил полукровка, подтверждая своими словами догадку Буллфера.— Как будто ничего не произошло. Как будто все осталось по-прежнему...

«Осталось только набраться терпения,— подумал турвон,— и вычленить из потока твоих бессмысленных фраз подобие смысла».

— Я живу слишком долго,— бормотал между тем вукодлак, раскачиваясь на столе взад-вперед.— Гораздо дольше, чем мы с тобой могли рассчитывать. Я узнал очень много такого, что поможет тебе.

— Ты пришел помочь мне?

Эмил не заметил издевки, прозвучавшей в голосе Высшего.

— После убийства Некроса, его владения поделят Друзлт, Каракалл и Савр,— быстро заговорил он, гневно раздувая ноздри.— Десяток веков пройдет в относительном покое, пока в очередной стычке не разорвут Золтона. А ты будешь по-прежнему оставаться на жалкой должности турвона. И минует очень много времени, прежде чем у тебя появится шанс реально захватить власть.

Буллфер постукивал когтями по ручке кресла, глядя на вукодлака исподлобья, и Эмилу было непонятно, о чем турвон думает на самом деле. Колдун никак не мог отделаться от нереального ощущения, что прошлое и будущее вдруг стали единым целым, наложились одно на другое.

Так же горел камин. За окном плыл Тонкий мир. Рыжий демон сидел в своем любимом кресле. И все беды рассеялись. Даже лучше — никогда не происходили. И не произойдут. Он позаботится об этом. «Я могу начать все с начала!» — думал Эмил, но его измотанные чувства не отзывались на эту мысль положенным восторгом. Он испытывал лишь огромное облегчение, понимая, что добился наконец того, о чем мечтал все эти тысячи лет... Вернулся. И хотя тело его висело в Хаосе, а на столе перед турвоном сидела всего лишь энергетическая проекция, этого было достаточно.

— Я хочу помочь тебе уничтожить всех Хозяев и стать единоличным Правителем. Сразу.

Буллфер наклонился, взял кочергу и разворошил угли в камине. По его рыжей шкуре пробежал отблеск красного пламени.

— Даже если я наберусь сумасшествия,— сказал он в конце концов со своей обычной ухмылкой,— и поверю, что ты *действительно* хочешь, чтобы я стал Хозяином...

— Если ты не веришь, загляни в мои мысли! — Вукодлак слез со стола, приближаясь.

Демон наклонился вперед, чуть прищурился, погружаясь в эмоции и размышления гостя. Там царил хаос. Бездна, заполненная болью, бессмысленными образами, тоской, красным огнем, обрывками сложнейших заклинаний, сплетенных самым невероятным образом, черными провалами. Жгучим желанием быть рядом. Помогать, подсказывать, делиться силой и, самое главное, уберечь от будущей... гибели?

Турвон отшатнулся от существа, в теле которого помещалось столько безумия. Содрогнулся, вновь переживая полет сквозь душу Эмила.

— Теперь ты видишь? Я искренне хочу служить тебе. Я знаю тебя очень хорошо. Лучше, чем ты можешь предположить. Ты хочешь владеть всем. Ты *должен* владеть всем!

Буллфер стиснул кулак, гневно раздул широкие ноздри, и его глаза полыхнули. Но он снова сдержал вспышку бешенства.

— Что ты можешь знать об этом?! — процедил турвон сквозь зубы.

— Могу... — Эмил подполз еще ближе.— Я был в Зеркалах времени. Мое тело все еще там. Я видел очень многое.

Демон отвернулся, глядя в камин. На его бычьей шее вздулась жила.

— Я хочу помочь тебе. Я знаю, как стравить Хозяев.

— Я и сам знаю, как их стравить,— медленно произнес Буллфер, и пламя в камине, повинуясь его взгляду, обвилось вокруг решетки, подобно огненному плющу.

— Но ты не уверен, что справишься один. Я могу попасть на территорию любого из них. Более того, проникнуть в их мысли. Зеркала позволяют и это. Предупредить, если кто-то начнет подозревать тебя. Рассказать о планах каждого.

Буллфер думал. Эмил чувствовал — турвон не верит ему. Продолжает сомневаться.

— Я принесу тебе кусок Зеркала памяти. Кристалл, который поможет узнавать планы врагов и союзников. Он сумеет запомнить твою собственную жизнь и покажет любые ее фрагменты, чтобы ты мог осмыслить свои поступки. В твоих руках окажется само время.

Высший поднялся, показывая, что разговор окончен. Глянул на вукодлака сверху вниз. Произнес, размышляя вслух:

— Я слышал об этих зеркалах. Добраться до них можно только через Нижние миры. И это единственное место, где ты мог узнать... про меня... Хорошо, принеси кристалл, и, быть может, я поверю.

Эмил поднялся, снова обвел взглядом зал, на черных стенах которого плясали красные отсветы пламени, и перенес себя обратно в Хаос.

А Буллфер постоял еще немного, размышляя о деталях плана, кивнул сам себе и переместился в Рэйм. Прямо в Претикапий.

Глава 3
СЕВЕРНЫЙ ВЛАДЫКА

Появление турвона во дворце не сопровождалось ни свистом телепорта, ни затемнением пространства. Демон бесшумно возник в тени, за одной из колонн в самой дальней части дворца, снял с плеча нитку паутины и неторопливо направился к покоям бывшего наследника.

Клавдий полулежал за столом, тупо глядя в свиток, но по его остановившемуся взгляду становилось понятно, что экс-лудий не может прочесть ни строчки. Холеное, всегда гладко выбритое лицо человека было помятым, опухшим, заросшим черной щетиной. Тога измята, на белой ткани расплывались грязные пятна. На столе стояла амфора и несколько чаш. В дальнем конце комнаты, на полу, сидел мальчишка-эллан, делая вид, будто играет в полис, а сам украдкой поглядывал на задумавшегося господина. Он же первым заметил демона, испуганно

распахнул глаза, вскочил, но повинуясь жесту инквизитора, сел на прежнее место.

— Доброе утро, Клавдий.

Наследник дернулся. Обернулся, роняя свиток на пол. Стремительно поднялся.

— Великий турвон, вы... вы здесь... вы здесь для того, чтобы...

Он не договорил. Но и так было понятно — боится, что инквизитор прибыл огласить смертный приговор, или немедленно принести в жертву, или совершить еще что-нибудь, не менее мучительное.

— Сядь, Клавдий. Я пришел поговорить с тобой.

— Да, да, конечно,— засуетился тот.— Ионт, оставь нас.

Мальчишка, испуганно оглядываясь на важного гостя, поспешно выбежал из покоев.

Демон придвинул кресло ближе к столу. Сел. Брезгливо отодвинул липкую от вина чашу.

— Лурий турвон, я весь внимание.— Рэймлянин опустился на стул напротив, ухватившись за подлокотники так, что побелели суставы пальцев. Он нервничал и боялся.

Некоторое время Высший разглядывал человека молча, потом сказал задумчиво:

— Хорошо, что ты жив, Клавдий.

— Жив,— отозвался тот тихо, и голос его дрогнул от ненависти.— Милостью императора Юлия.

— Да, он милостив,— согласился Буллфер.— Пока. Но это ненадолго. Поэтому добротой надо пользоваться быстро.

— Я... не понимаю... — пробормотал бывший наследник, глядя на гостя тоскливыми глазами побитого пса.

— У тебя есть поддержка во дворце? Хоть кто-то, верный тебе?

— Нет! — воскликнул Клавдий, сжав кулаки.— Никого! Совсем никого... Я сижу здесь и каждый день, каждый час жду, когда за мной придут. Когда император решит избавиться от меня... Не могу есть, в каждой тарелке чувствую привкус яда. Не могу спать, все время слышится шорох шагов убийцы. Турвон, помогите мне! Я сделаю все! Все! Прошу вас!

Экс-лудий вскочил, грохнулся на колени перед демоном и уцепился за край его тоги. Несколько мгновений Буллфер смотрел на смертного, валяющегося в ногах.

— Значит, действовать ты готов? Хорошо. Сейчас пойдешь к императору и попросишь его отправить тебя в Эллиду.

— Но там война... Наша армия добивает повстанцев.

Инквизитор наклонился, сгреб Клавдия за тогу на груди, поднял рывком и зашипел прямо в растерянное лицо:

— Ты пойдешь к Юлию и попросишь, чтобы он разрешил тебе отправиться в Эллиду. В один из рэймских легионов.— Оттолкнув человека, он продолжил спокойнее: — Скажи, что ты хороший солдат, хочешь послужить Рэйму и своему императору, а здесь тебе нет места. Ты же

умеешь произносить такие пафосные монологи. На Юлия это должно оказать нужное впечатление. Он поймет тебя, пожалеет и выполнит просьбу. Простым легионером тебя не оставят — все же сын императора. Ты должен показать себя храбрым бойцом и мудрым военачальником. Надеюсь, ты не забыл, чему тебя учили?

— Зачем? — Клавдий наморщил лоб в напряженном умственном усилии.

— Преторианцы и городская когорта подчиняются Юлию. Он быстро сумел переманить на свою сторону их префектов. Никто из них не пойдет за тобой. А в Эллиде у тебя будут развязаны руки. Никому не нужен бывший лудий, из милости императора сидящий в Претикапии. Но хороший командир, плечом к плечу сражающийся рядом с простыми воинами, вызывает уважение. Заручись поддержкой эллидских легионов.

— Значит, у меня есть шанс вернуть трон? — дрожащим от радостного нетерпения голосом прошептал Клавдий.

— Трона у тебя никогда не было. Поэтому возвращать нечего. Но попытаться завоевать его ты можешь.

— У Юлия поддержка Некроса. Если тот догадается о моих планах...

— Что, тебя убьют? Тебя и так убьют, если ты останешься здесь. Не сегодня, так завтра. Поэтому рисковать есть смысл. И еще. Поговори с Лоллой. Пусть будет помягче с императором. Поласковей. Ему одиноко в Претикапии, а она умеет быть нежной и внимательной. Пусть попросит у него прощения за свои прежние выходки. Поулыбается, посочувствует. Бурной страсти у Юлия твоя сестра не вызовет, но, если постарается, сумеет стать ему хорошей собеседницей. А с приятными собеседниками обычно делятся своими мыслями, советуются, принимая решения. Ты понимаешь меня?

Клавдий закивал, из его глаз стало медленно пропадать запуганное выражение.

— Да-да! Конечно! Благодарю вас, турвон.

— Благодарить не за что. У тебя по-прежнему ничего нет. И в Эллиде тебя могут убить.

— Вы дали мне надежду.— Последнее прозвучало на удивление искренне. Клавдий действительно был очень признателен.

В ответ Буллфер фыркнул презрительно:

— Делай, что я сказал. Я найду время навестить тебя в Эллиде.

Демон поднялся и, не прощаясь, переместился в другую часть дворца. Должность турвона предполагала неучастие в отношениях Хозяев. Но вмешиваться в человеческую политику ему никто не запрещал.

Юлий был в просторном павильоне, предназначенном для выезда лошадей. Высший появился как раз в тот момент, когда император на белом жеребце несся по дорожке, усыпанной опилками. Почуяв темного гостя, возникшего из пустоты, конь остановился на полном скаку, и наездник едва не вылетел из седла. Жеребец взвился на дыбы, но Бул-

лфер тут же оказался рядом, схватил его под уздцы и рывком опустил на все четыре ноги.

— Осторожнее, лурий Юлий,— душевно произнес инквизитор, глядя на бледного от гнева юношу.— Император Веспосиан погиб во время конной прогулки. Не повторите его ошибку.

— Надеюсь, не повторю,— ответил тот, тяжело дыша,— если кто-нибудь не кинется под копыта.

Буллфлер усмехнулся, выпустил нервно всхрапывающего жеребца и продолжил нравоучение:

— А император Север был резок с незнакомцами, полагая, что его божественность позволяет ему быть неучтивым. Он тоже закончил очень плохо.

Человеческий повелитель Рэйма спешился, успокаивающе погладил коня по шее и сказал, не глядя на темного:

— Прошу прощения. Я не хотел оскорбить вас.

К Юлию подбежал один из рабов, с почтительным поклоном забрал повод из рук.

— Что привело вас ко мне, лурий турвон?

— Ты знаешь, кто я такой? Похвально.

Буллфер внимательно рассматривал императора.

Молодой. Очень молодой. Бледный, худой, болезненный и до краев наполненный кипучей энергией. Некрос прав, он действительно отличный проводник. Бездонный колодец. Можно черпать каждый день понемногу, можно захватить сразу все, не боясь осушить, потому что мгновенно наполнится снова. Живой жертвенник.

— Сочувствую тебе,— тихо сказал демон.

Юлий вопросительно посмотрел на него и нахмурился.

— Во-первых, потому что ты — истинный проводник.— Турвон многозначительно помолчал.— Во-вторых... не понимаю, как Некросу удалось уговорить тебя предать друзей?

Император вспыхнул, на его бледных щеках выступили красные пятна.

— Я никого не предавал,— процедил он сквозь зубы, глядя на визитера ненавидящим взглядом.

— Ты всего лишь выбрал из двух зол меньшее? — «догадался» Буллфер и улыбнулся презрительно.— Жертвуя собой, спас близких. Надеешься облагодетельствовать всех смертных? Глупец. Ты теперь как кость, которую треплет один голодный пес. А остальная свора сидит и облизывается, дожидаясь, когда можно будет выхватить ее из пасти соплеменника. И, будь уверен, они не оставят тебя в покое, пока не сдерут последний клочок мяса.

Юлий уставился в пол, покрытый слоем опилок, похлопал себя по ноге коротким хлыстом.

— Лурий турвон, к чему этот разговор? Чего *вы* хотите от меня?

— Ничего.— Буллфер улыбнулся приветливо.— От тебя ничего. Передай Некросу, если уж вы с ним такие друзья, пусть будет осторожнее и не слишком расслабляется. Вокруг него начинают клубиться тени.

— Почему бы вам самому не сказать ему это? — Юлий изо всех сил старался сдерживать неприязнь, но она так и хлестала, слышась в каждом слове. Демону было очень забавно чувствовать это.

— Сам — не могу. Некрос знает почему. А теперь позвольте проститься с вами, император. Приятно было познакомиться.

Инквизитор исчез, оставив озадаченного юношу в одиночестве. Он не сомневался, что Юлий расскажет Хозяину о странных намеках турвона. Опишет все в деталях. Люди так привязчивы. Им нужен хоть кто-то, кто бы выслушивал, помогал и советовал. А уж между проводником и Правителем всегда устанавливается очень крепкая связь.

«Пусть Некрос думает, что я на его стороне. И чем сильнее он будет в этом уверен, тем лучше»,— решил Высший, перемещаясь в свой замок в Тонком мире. Там он снова сел на пол перед прогоревшим камином, мимоходом пнул беса, попавшегося под ноги. Протянул руку, выгреб пригоршню золы, рассыпал ее по каменным плитам и когтем написал несколько имен, человеческих и демонских.

Потом задумчиво почесал бровь, стер несколько надписей, подчеркнул «Евгран» и тяжело вздохнул. Надо было посетить Северного Хозяина. Убедиться, что тот по-прежнему «сидит за ледяной стеной».

Он разровнял слой пепла. Поднялся. Представил белую непроницаемую плоскость, поставленную на ребро — магический щит, окружающий владения Евграна. И шагнул в пустоту.

«Хорошо, что поменял облик.— Буллфер довольно прищурился, разглядывая подземные владения высшего родственника.— Дивное местечко...»

С одной стороны простиралась бескрайняя пустыня, продуваемая всеми ветрами. С другой — бесконечная стена изо льда, уходящая в черное, беззвездное небо... Если бы инквизитор заявился сюда в человеческом обличье — стужа за мгновение сожгла бы тонкую кожу, метель завалила, вихрь оглушил. А теперь лишь поднялась шерсть на спине, да копыта увязли в снегу.

«Евгран!!» позвал турвон мысленно.

Его услышали, он это почувствовал. Но не отзывались долго, видно, обдумывая, пускать ли гостя. Наконец, из ледовой кладки вырвалась оскаленная белая морда, напоминающая волчью. Пасть клацнула острыми зубами, уши на вытянутой голове прижались, шерсть из полупрозрачного снега поднялась дыбом.

— Кто хочет видеть Владыку?! — рявкнул Страж, выпячивая на посетителя алебастровые бельма глаз.

— Верховный турвон,— ответил демон нехотя.

Волк глухо зарычал. Буллфер знал, что это всего лишь нечто вроде магического дверного замка — кое-кого пустит, остальных, неугодных

Хозяину, попытается уничтожить. На всякий случай он приготовился ударить огнем по гигантской пасти. Но стена неожиданно стала полностью прозрачной. Его пропускали.

Инквизитор сделал шаг вперед. В его животе на мгновение возникло ощущение сосущей пустоты, как при падении, в глазах потемнело. А потом вспыхнул яркий свет, и демон очутился в просторном зале. Его стены, потолок, колонны и барельефы были выточены из снега и льда. Все искрилось, переливалось и сочилось холодом.

По полу текла вода. Над ней поднимался тонкий парок, и казалось, будто трон в конце зала парит в пустоте, окруженный жемчужным туманом.

Буллфер пошел вперед, ощущая, как ледяной поток омывает копыта, а пар оседает на шкуре кристаллами льда. Стылый мертвый холод проник даже под его шерсть, и дыхание тоже смерзалось.

Когда турвон оказался в середине зала, на льдисто-прозрачном троне возникла фигура, закутанная в белые меха. Евгран, Хозяин Севера. Вернее... Хозяйка.

Никто из темных Повелителей не знал, что Властелин Иллинеи — Высшая демоница. Она скрывала это. Буллфер случайно узнал тайну, но верно хранил ее, за что Евгран как будто была ему признательна.

— Здравствуй,— произнесла она мелодичным, негромким голосом, кутаясь в белоснежную шубу. Лилейное, как снег, красивое, неподвижное лицо, с прозрачными ледяными глазами без зрачков и радужки было окутано молочной опушкой капюшона. И Буллфер никак не мог решить— одежда это или собственная шерсть? Защита от холода или королевская мантия? Алебастровые руки, обнаженные по локти, лежали на подлокотниках трона, ноги также скрывал мех.

— Приветствую, госпожа.— Турвон приблизился и сдержанно поклонился.

— Ты — единственный, кто осмеливается приходить ко мне,— произнесла она, почти не разжимая губ.

— Вас это удивляет? — Буллфер сотворил кресло, поставил его в воду и присел.— Друзлт и часа не проживет, оторванный от своего океана. Каракалл, как все пауки, боится мороза. Впрочем, летучие мыши и крокодилы любят его не больше. А Савр примерзнет жирным брюхом к этому полу.

— Ну а ты? — Она улыбнулась едва заметно.

— У меня густая шерсть и каменные копыта. Хотя и меня пробирает до костей в твоем царстве, Ледяная королева.

Она чуть шевельнула рукой, и поток, текущий по полу, отступил от кресла, разбегаясь на ручьи.

— Зачем ты пришел на этот раз?

— Некрос вызвал неудовольствие Хозяев, они хотят выступить против него, пока он не набрался сил, чтобы уничтожить их. И я хотел...

— Меня это не интересует.— Она с истинно королевским достоинством повела головой.— И не интересовало никогда. Мелкие игры ничтожных меня не влекут.

— Не такие уж и мелкие.— Буллфер попытался передвинуть стул, но понял, что тот примерз к полу.— Скоро начнется война...

— Пусть воюют. Пусть суетятся. Я буду наблюдать со стороны. Моя стихия — покой и созерцание. Белая смерть.

— Будут освобождаться земли,— осторожно начал турвон, внимательно наблюдая за Евгран.— Неужели ты не хочешь?

— Те земли мне не нужны. Жаркие, гнилые, населенные суетливыми людьми. Я двигаюсь в другую сторону. К полюсу. В страны вечного снега над корой льда. И если ты хочешь оскорбить меня предложением вступить в борьбу за жалкие куски полуразложившейся материи...

— Нет, Великая,— поспешил отступить Буллфер.— У меня и в мыслях этого не было.

— Было.— Она улыбнулась бескровным ртом.— Но, к твоему счастью, ты быстро одумался. Если хочешь забрать те земли себе... Забирай, мне все равно.

— Нет, госпожа.— Турвон, стряхнул иней со шкуры.— Я не могу их забрать, для этого я недостаточно силен.

— Неужели? — Она медленно поднялась. Меховая опушка соскользнула, сложившись за спиной в длинные пушистые крылья. Открывшееся тело было совершенным и стылым. Буллферу показалось, что он видит, как она мчится над северной страной, раскинув свои «меха» на полнеба, сея вниз ледяную порошу, покой и смерть. Глаза демоницы засияли, как звезды, а Высший вдруг почувствовал, что холод начинает пробираться в самое его сердце, и то замедляет свое биение. По всему телу разлилась лень, усталость затуманила голову. Тяжесть оцепенения легла на плечи...

Усилием воли турвон прогнал наваждение и вскочил. Евгран рассмеялась тихо, снова укрылась мантией и повторила:

— Неужели?..

Она резко взмахнула крылом, и Буллфер понял, что каким-то невероятным образом вновь очутился напротив стены. Его замело снегом до пояса, шерсть смерзлась сосульками, пальцы на руках скрючило от холода.

Действительно ли он видел Евгран? Или ему приснилось? Или проклятая демоница «влезла» в его голову, наслав видение? Но теперь было понятно одно — она (или все же он, Дьявол разберет Северного Владыку) действительно не будет вмешиваться в игру.

Движется к полюсу? Отлично, значит, ее интерес лежит в другой стороне от интересов Буллфера.

Турвон звучно чихнул, поежился, встряхнулся всем телом и снова переместился в замок. Отогреваться и думать дальше.

Глава 4
ВЕСТНИК

Кони ступали по каменистой земле, и Арэлл не могла поверить, что под их копытами, где-то в глубине, парят в пустоте два Симплигата— хранители равновесия. Радостное нетерпение постепенно утихло. Она больше не оглядывалась на каждый звук, надеясь увидеть эллана.

Сзади слышался голос Критобула. Он уже успел описать Гермии и Октавию их счастливое спасение и теперь благодушно разглагольствовал:

— Я бы, конечно, другого пожелал. Но, вообще, если этот монстер не наврал, неплохо будет, если Атэр воротится.

— Ждешь? — тихо спросил Гай, подъехав к девушке.

Она утвердительно наклонила голову.

— Как думаешь, почему он не появился до сих пор?

Арэлл кинула взор на крутой каменистый склон, освещенный солнцем:

— Симплигат говорил, нужно время.

— А другой сказал, бойся последствий своих желаний,— с непонятной горечью в голосе произнес Гай.

Элланка внимательно посмотрела на мрачного преторианца:

— Ты не хочешь, чтобы он вернулся?

— Я не хочу, чтобы ты надеялась впустую.— Он стегнул жеребца и поехал вперед.

Арэлл тяжело вздохнула. Гай и раньше вел себя странно. То мрачнел без причины — то пытался выглядеть беспечным и веселым. То старался держаться к ней как можно ближе — то избегал со злобным упорством, и тогда Арэлл чувствовала на себе его тяжелый взгляд, а когда оборачивалась, телохранитель уже смотрел в другую сторону...

Дорога сузилась. Теперь кони шли, растянувшись цепочкой по тропе, петляющей среди огромных валунов самых причудливых форм. Некоторые были похожи на медведей, другие напоминали круглые человеческие головы с оттопыренными ушами и длинными носами, врастающими в землю. Встречались жабы, совы и гигантские жуки. Несколько раз попадались ровные прямоугольные блоки, над которым явно потрудились люди... или боги.

Ветер выдувал в дырах между камнями заунывные мелодии. Шелестел песком, тяжко вздыхал, теребил волосы и конские гривы. Солнце еще не склонилось к горизонту, но тени уже стали длиннее, а небо по-вечернему прозрачнее. Пора было искать ночлег.

Постепенно странные «скульптуры» сменились одинаковыми каменными шарами. Словно кто-то прикатил сюда все валуны одной формы или вырезал их на месте. На боку каждой сферы был выбит семиконечный знак солнца.

Гай оглянулся и указал на ближайший шар:

— Похоже, здесь жили огнепоклонники.

— Нет,— ответила Арэлл,— здесь они молились. А жили — там.

Элланка показала вперед, на арку, вырубленную в скале.

Друзья добрались до нее примерно через полчаса. Вход оказался открыт — ни ворот, ни решетки.

— Заходи, кто хочешь, значит,— прокомментировал Критобул.— Поедем или как?

— А что по этому поводу говорит наш уважаемый Аристид? — поинтересовался Октавий, многозначительно поглядывая на Арэлл.

— А уважаемый Аристид говорит, что чувство юмора у тебя дурное,— отозвался Критобул спокойно.— Все равно ничего путного сказать не можешь, так лучше не тужься зря.

Гермия насмешливо фыркнула. Октавий надулся.

— Другой дороги нет. Придется ехать.— Арэлл направила лошадь к высокому каменному своду, и спутники последовали за ней.

Они оказались в длинном тоннеле под горой. Очень далеко, в самом его конце, виднелся смутный отблеск — словно заходящее солнце отражалось от полированной поверхности и разбрасывало во все стороны яркие блики. Коридор был широк настолько, что в нем могли свободно разъехаться три квадриги. На потолке через каждые десять шагов виднелись большие круглые отверстия, сквозь которые падал рассеянный свет. В стенах скрывались боковые проходы, узкие или такие же просторные, как центральный.

Друзья настороженно поглядывали по сторонам и прислушивались, в любую минуту готовые отразить нападение. Но все было тихо, лишь, не умолкая ни на секунду, шуршал ветер.

— Похоже, здесь никого нет,— негромко сказал Гай Арэлл, не убирая пальцев с рукояти спаты.— Хотя, может, жители прячутся. Ты слышала когда-нибудь о местах, где поклоняются солнцу? Не древнему богу, не огненному демону, а просто солнцу?

— Нет...

В бесконечном тоннеле не было ни колонн, ни барельефов, ни статуй, лишь постоянно повторяющиеся семиконечные символы, столбы света, падающие сквозь дыры в потолке, и ощущение пустоты.

— Интересно, куда все делись? — Октавий повертел головой.

— Ушли, умерли от болезней, перебиты воинственными соседями... — Гай похлопал по шее жеребца, грызущего удила.— Мало ли.

— Это точно,— подтвердил Критобул, заглянув в один из узких коридоров, мимо которых они проезжали.

— Я не понимаю вот чего... — Гай протянул ладонь, мазнул пальцами по стене, потом внимательно осмотрел их.— Здесь нет ни песка, ни грязи, хотя через дыры в потолке должен сыпаться мусор и затекать дождь.

Критобул пошарил за поясом, вытащил мелкую монетку, прицелился и бросил вверх, метя в круглое отверстие. Дупоний блеснул в луче света, но, ко всеобщему удивлению, не вылетел через дыру наружу и

не упал обратно, наткнувшись на прозрачную преграду, а исчез. Растворился в воздухе.

— И никаких уборок,— глубокомысленно заявил атлет.— Кстати, и от покойников, если что, избавляться легко. Подбросил к потолку, и...

— Избавь нас, Фортуна... — суеверно проговорила Гермия.

Наконец друзья выехали на круглую площадь. В своде горы над ней было широкое отверстие, через которое виднелся большой кусок открытого неба.

В центре возвышался постамент. Затаив дыхание, демоноборцы рассматривали статую мраморного юноши в военной одежде. Его грудь защищал чешуйчатый панцирь, надетый поверх туники. В поясные ножны был вложен меч. На голове — шлем с высоким гребнем. На ногах — шнурованные до колен сандалии. А за плечами распахнулись крылья, выложенные тонкими золотыми пластинками — это они сияли под солнечными лучами. Обеими руками юноша держал сверкающий золотой шар, размером с лошадиную голову.

— Это, наверное, и есть бог солнца, которому поклонялись жители,— сказал Гай.

— Это не бог! — неожиданно возразила Гермия. И в ее голосе послышалось волнение.

— А кто? — Критобул глянул на девушку с таким же удивлением, как и на скульптуру.

— Вестник. Высшее существо, несущее добро и свет.

— Друзья мои, но ведь это всего лишь легенды.— Октавий снисходительно посмотрел на бывшую рабыню и принялся терпеливо объяснять: — В древних элланских сказаниях говорится о том, что где-то там, наверху, в небесах, живут существа — благородные, прекрасные, добрые и могущественные. Полная противоположность демонам. Но никто никогда их не видел, потому что они не приходят на землю. А соответственно ничто не доказывает их существования.

Гермия сердито покраснела, хотела возразить, но сдержалась. Октавий повернулся к Арэлл:

— Ты должна была слышать эти легенды.

— Да. Я слышала.

— Но если бы вестники не приходили на землю *никогда*, зачем бы тогда *этому* поставили здесь памятник? — спросила Гермия, с вызовом глядя на морщившегося жреца.— Зачем бы стали поклоняться ему?

Гай нагнулся, пытаясь разобрать надпись на круглом мраморном основании:

— На каком это языке?

— Древнерэймский,— ответила Арэлл.— Я могу прочесть несколько слов. «Айон дигитус...» Айон — время, дигитус — победивший, то есть победитель...

— Лучезарный. Пространство и время победивший Зажигатель душ,— с неохотой, но бегло прочитал Октавий.

Критобул удивленно уставился на него и хлопнул по плечу так, что тот согнулся под тяжестью дружеской руки:

— Вот это ты молодец! Так прямо и понимаешь всю эту древноту?

Рэймлянин улыбнулся, довольный похвалой, и заявил небрежно:

— Там, у него за спиной, на стене тоже какие-то символы. Могу прочесть.

Над широким ходом, ведущим в глубь горы действительно виднелись надписи. Спутники направили лошадей к ним.

Чувствуя смутную тревогу, Арэлл оглядывалась на вестника, с загадочной улыбкой обнявшего золотой шар, изображающий солнце, и не могла понять, что ее тревожит.

— «Он пришел сквозь времена и сферы пространств,— продекламировал Октавий, ведя пальцами с обломанными ногтями по округлым значкам, выбитым под первым изображением. Оно было настолько мастерским, что казалось будто вестник, стоящий в пустоте, на мгновение замер перед тем, как шагнуть вперед. Ветер трепал подол его туники и сильно дул в лицо, заставляя щуриться. В одной руке Зажигатель по-прежнему держал шар, в другой — длинный меч».

— Сквозь сферы пространств,— повторил жрец и продолжил уже не так уверенно,— гонимый жаждой знания.

На следующем барельефе юноша держал сферу в вытянутой руке. Перед ним стояли человеческие фигурки, достающие крылатому существу до колена, и в молитвенном восторге тянулись к сияющему шару. Свечение было изображено семью прямыми лучами, и те люди, которых оно касалось, оказывались разбиты на несколько кусков, как хрупкие глиняные статуэтки. Художник старательно очертил руки, ноги и головы, висящие отдельно от туловищ.

— «Были слова его подобны пламени. Ужас и восторг несли они...» — перевел Октавий и подошел к следующему изображению.

Здесь вестник вытянул руку. Из его ладони тянулись длинные нити. Они переплетались, перекручивались и ложились под ноги бога запутанным лабиринтом улиц. Лицо его было серьезным и сосредоточенным. Как у человека, решающего сложную задачу.

— «В скале основал он город,— прочитал Октавий, хмурясь от мыслительных усилий.— Расплавил гранит огнем своим и проложил пути, осветив их стены негасимым светом. И не мог приблизиться к граду никто — ни зверь, ни человек. Лишь немногим дозволялось ступать в него, единожды в месяц, при свете полуденного солнца, чтобы прикоснуться к сфере огня негасимого».

Критобул повернул мрачно-сосредоточенное лицо к следующему барельефу и ткнул пальцем в шар с семью лучами:

— Это она — сфера огня?

Жрец рассеянно посмотрел на рисунок и продолжил перевод:

— «Зажигатель душ ушел из солнечного града. Но тот стоял еще много столетий, пока народ вестника не услышал призыв. Повинуясь ему, люди пришли и... растворились в свете...»

— Растворились в свете? — озадаченно переспросил Критобул.— И что это значит?

— Не знаю.— Октавий поморщился, то ли от чрезмерного любопытства спутника, то ли от собственной беспомощности.— Не могу понять. Дальше сказано, что на улицах воцарились тишина и запустение... — Жрец провел пальцами по надписи и повторил: — Тишина и запустение...

Некоторое время друзья молча стояли перед последним барельефом. Здесь человеческие тела попадали под лучи загадочной сферы так же, как на втором изображении. Только теперь они не разламывались на части, а дробились на мелкие кусочки, превращаясь в пыль.

— Это какое-то оружие.— Гай внимательно изучал шар на барельефе.— Похоже, оно уничтожает все, к чему прикасаются лучи.

— Это может быть просто фигура речи,— усиленно моргая после напряженного изучения текстов и массируя переносицу, возразил Октавий.— Автор мог подразумевать все что угодно. Свет знания, например. И для наглядности изобразил его в виде шара. Чтобы читающие лучше представляли. А эти лучи... во всех древних свитках огнем иносказательно называется разум, мудрость, а огненным лучом — мысль. Можете мне поверить, во время обучения я прочитал их множество. А эти разбитые фигурки показывают, как может быть разрушителен огонь знания для невежественных людей.

— Что же тогда, по-твоему, означает «растворились в свете»? — скептически поинтересовался Гай.

— Поумнели настолько, что не выдержали своего ума и рассыпались,— хохотнул Критобул.

— Нет. Здесь все не так просто.— Гратх покачал головой, продолжая упорно разглядывать шар с исходящими лучами.— Похоже, на землю спустилось могущественное существо. Оно принесло с собой оружие или нечто, похожее на оружие. И люди на барельефах выглядят так, словно их разрезали.

— Но вестники не убивают людей! — воскликнула Гермия.— Никогда.

Гай посмотрел на элланку:

— А ты, Арэлл, что скажешь?

Та молчала.

Она ничего не могла произнести. Шар висел перед ее мысленным взором. Не каменный, грубо выбитый на стене, а настоящий, пульсирующий светом. Теплый и одновременно обжигающий, едва светящийся и слепящий. Маленькое солнце...

Ей казалось, она видела его. Раньше. Давно... Не оружие, но нечто, способное убивать. Арэлл предпочла бы не вспоминать прошлое. Или хотя бы не вспоминать его несвязанными друг с другом кусками — пусть откроется все сразу, чтобы она могла ответить на вопросы, свои и чужие. Если бы она попросила у Симплигатов вернуть память...

Гратх, не дождавшись ответа, кивнул на небо.

— Нам придется остаться здесь,— сказал он.— Скоро стемнеет. Завтра поедем дальше.

— А тут не опасно? — Гермия постаралась не выдать тревогу, но в ее голосе зазвучали нотки волнения.

— Кажется, это ты говорила, будто вестники не убивают людей? — добродушно усмехаясь, поинтересовался Критобул, вытаскивая сверток с провизией из седельной сумки.

Бывшая рабыня тяжело вздохнула в ответ, ничего не сказала и стала помогать преторианцу.

Небо погасло быстро, но сумрак висел над городом недолго. Словно по волшебству, на стенах зажглись все символы солнца, и сразу стало понятно, почему их так много. Каждый излучал теплое желтое сияние, и вместе небольшие «светлячки» заливали центральный тоннель ярким золотистым светом. Сквозь дыру в потолке виднелся черный купол ночи. Шелест ветра стих.

...Арэлл сидела, прислонившись спиной к стене. С ее места была хорошо видна статуя вестника. Крылья и шар по-прежнему сияли. Красивое мраморное лицо не вызывало никаких воспоминаний — неизвестный мастер постарался сделать его совершенным, но оно вышло пустым и равнодушным.

Айон дигитус — время победивший. Зачем он приходил на землю? Почему никто никогда не слышал о нем? Куда исчезли люди, поклонявшиеся ему? Растворились в свете? Но как такое возможно?

«Может быть, хорошо, что я не помню всего,— подумала элланка.— Я знаю основное. Свой долг и свою цель. Мне нужно добраться до Нита и найти Зодчего».

Она оглянулась на давно уснувших друзей. Бесшумно поднялась и подошла к статуе. Приподнялась на цыпочки, опустила руку на золотой шар. Сфера была едва теплой. Гладкой, как стекло. Лучезарный с легкой улыбкой смотрел на девушку из-под высокого шлема, но его мраморные глаза казались слепыми.

Шар под пальцами Арэлл вдруг резко погорячел. Она поспешно отдернула руку, с удивлением посмотрела на обожженные кончики пальцев. Потом медленно перевела взгляд на статую... Вокруг той клубилось золотистое свечение, похожее на туман.

Элланка попятилась, чувствуя все более сильный жар, исходящий от сферы. Потом ей показалось, что за спиной раздался тихий шорох. Арэлл замерла и обернулась. У выхода с центральной площади стоял, прислонившись плечом к стене, человек. Высокий. Худой. В серой, под цвет стен, одежде с орнаментом солнечных символов на груди. С черными провалами на месте глаз. Но, присмотревшись внимательнее, девушка поняла — там никого нет, всего лишь причудливая игра света и тени.

Некоторое время она напряженно вглядывалась в коридор, затем глубоко вздохнула, повернулась... И едва не столкнулась с незнакомцем, каким-то невероятным образом снова оказавшимся у нее за спиной. Арэлл отпрыгнула в сторону. Выдернула меч из ножен и только теперь почувствовала — сердце ее, как бешеное, колотится о ребра.

— Ты кто?! — крикнула она хрипло.

Человек молчал, неподвижно стоя на длинной полосе тени от выступа стены. Зрение не подвело элланку в первый раз. Он действительно был невообразимо худым и изможденным. Скелет, обтянутый кожей. Длинная блеклая туника, разрисованная символами солнца, висела, как на жерди. Присмотревшись, девушка поняла, что вместо глаз у него на самом деле два размытых темных пятна.

— Кто ты? — повторила она, не опуская меч.

Незнакомец медленно повернул лысую голову. Взглянул на сияющего мраморного вестника и выдохнул долгий шипящий звук, похожий на шелест ветра. Элланка почувствовала, как по спине бежит холодок, но не успела ничего сказать. Существо исчезло. И вместе с ним пропала тень, лежащая на полу. Втянулась в стену.

— Зря вы сюда пришли,— услышала девушка позади себя. Стремительно обернулась и успела увидеть серую фигуру за мгновение до того, как та растворилась в воздухе.

— Отсюда нет выхода.

Арэлл снова повернулась, но заметила лишь край серой одежды.

— Кто ты?!

Больше существо не дало себя увидеть.

— Тень,— прозвучало за спиной.

Элланка почувствовала, как повлажнела ее ладонь, сжимающая рукоять меча. И сейчас же на стене, за светящейся статуей Лучезарного, появился огромный черный силуэт. Он угрожающе склонился над вестником, казалось, желая поглотить его.

— У всего есть тень, эхо, отголосок. У каждой вещи, существа, поступка, мысли, прихоти. Чем они сильнее, мощнее, материальнее — тем громче эхо, гуще тень.

Арэлл впилась взглядом в темный силуэт и слушала шипящий голос:

— Чем больше камень, брошенный в воду, тем выше волна. Свет Зажигателя был настолько ярок, деяния значимы, а мысли детальны, что они приобрели реальное воплощение. Мое. Каждый его шаг, каждое размышление — это я.

— Значит, ты должен помнить! — воскликнула элланка и стала задавать вопросы один за другим, торопясь, боясь, что тень исчезнет так же внезапно, как и появилась.— Зачем вестник приходил в срединный мир? Что произошло в этом городе? Что такое огненная сфера?

— Я не помню...— По силуэту прошла рябь.— Тень не должна постигать дел своего хозяина. Эхо не понимает значения слов, которые повторяет. Оно просто существует. И все.

— Так ты не можешь ответить на мои вопросы...

— Не на эти.

Арэлл вздохнула:

— Скажи хотя бы, почему ты стоишь у меня за спиной?

— Я могу существовать только за пределами взгляда. За частью твоего сознания, всегда обращенного во тьму. Это удел всех теней. Мир

перед тобой ясен, потому что освещен твоим взором, мир за тобой загадочен и страшен, потому что всегда скрыт темнотой.

— Ты говорил, мы не сможем выйти отсюда...

— Здесь есть и другие тени, кроме меня. Один голос может вызвать шепчущее эхо, легкий ветерок. Другой — лавину.

Элланка оглянулась, снова увидела мелькнувшие одежды. Силуэт на стене переместился.

— Ты хочешь сказать, какие-то дела вестника были не слишком... светлыми? Разве такое возможно?

— Намерения его всегда были светлыми, а последствия дел... Уходите отсюда,— неожиданно зашептало существо прямо на ухо Арэлл, а его фантом скорчился, сжимаясь,— уходите скорее! Пока ураган не проснулся.

— Куда идти? — спросила она так же тихо.

— Прямо по главному коридору. Сквозь арку. Быстрее.

Голос стих. Черная фигура стекла вниз и уползла под основание светящейся статуи.

«Голос, который может вызвать лавину...» — повторила элланка беззвучно и бросилась к спутникам.

— Гермия! Гай, Критобул! Вставайте! Октавий! Просыпайтесь!

Преторианцы пробудились сразу и, не сообразив в чем дело, схватились за мечи. Бывшая рабыня тоже еще не забыла, как надо вскакивать и бежать выполнять приказ госпожи или господина в любое время дня и ночи. Октавия же пришлось хорошенько потрясти за плечи, прежде чем он подскочил и начал выпутываться из гиматия, дико озираясь по сторонам:

— Что происходит?! Что случилось?!

— В чем дело, Арэлл? — тихо спросил Гай.

— Нам надо немедленно уходить,— ответила она, торопливо седлая свою лошадь.— Здесь стало опасно.

— Мне неохота проснуться в животе какой-нибудь твари.— Критобул рыкнул на жеребца, который пытался надуть живот, чтобы ослабить ремень.

— По центральному коридору,— сказала элланка Гаю.— Поезжайте, я за вами.

— Чего опасаться? — серьезно спросил Критобул, уже сидя в седле.

— Теней...

Друзья ехали, стараясь не шуметь, и настороженно оглядывались. Теней было слишком много. Они сами отбрасывали на стены огромные черные силуэты, и Арэлл казалось, что каждый может ожить в любое мгновение.

Боковых ходов стало больше. Темные провалы выглядели пугающе и враждебно — в любом из них могла таиться спящая лавина... Коридор вдруг резко вильнул, выводя беглецов на площадь. Точно такую же, как и прежняя. Со статуей Зажигателя в центре.

— Он не похож на первого,— прошептала Гермия.— Посмотрите.

Бывшая рабыня оказалась права. Этот вестник держал меч обеими руками. Голова его была чуть наклонена, взгляд исподлобья. Брови нахмурены так, что на лбу образовалась глубокая складка. Губы сжаты в тонкую линию. Мускулы ног напряглись. Казалось, он готов в любую минуту спрыгнуть с постамента. Золотая сфера валялась у его ступней, брошенная, как надоевшая игрушка.

Арэлл хотелось бы задержаться здесь, чтобы лучше рассмотреть скульптуру, но она сама поторопила спутников. Ей вдруг послышался тихий свист далекого ветра, и этот звук вызвал ужас.

— Вперед! — крикнула она, подгоняя лошадь.

— Здесь тоже барельефы! — Октавий свесился с седла, пытаясь по дороге прочесть запутанные надписи. Критобул ухватил его за шиворот:

— Не задерживай! Начитаешься еще.

— Скорее!

Далекое завывание ветра теперь слышали все.

— Вижу выход! — Гай приподнялся в стременах.— Впереди арка.

И, словно в подтверждение его слов, повеяло ночной свежестью. Вдали циркнула одинокая цикада. Демоноборцы выехали на очередную площадь. Оставалось лишь пересечь ее, чтобы добраться до высокой арки, за которой виднелось черное ночное небо. Но лошади вдруг испуганно завсхрапывали, косясь по сторонам.

— Быстрее!! — крикнула элланка, борясь со своей всегда спокойной лошадкой, которая настойчиво пятилась назад, не желая подходить к арке. Девушка заметила серую тунику, мелькнувшую неподалеку от выхода, и тут же увидела ее прямо напротив себя.

— Тень?..

Существо медленно наклонило голову, подняло тонкую высохшую руку, и Арэлл почувствовала, как сзади что-то схватило ее поперек туловища. Потом рывком выдернуло из седла и швырнуло на землю.

Девушка покатилась по полу, вскочила, не чувствуя боли, выхватила меч. На нее надвигался огромный угольно-черный силуэт.

— Смехотворное оружие...

Он протянул руку с длинными, скрюченными пальцами. Элланка ударила по ней мечом, но лезвие не нашло на своем пути никакой преграды. Это было все равно что резать воздух.

— Меня нельзя убить,— прошелестел за спиной тихий голос. Хриплое дыхание Арэлл почти заглушало его.

Она стремительно обернулась. Успела заметить серую фигуру и тут же получила сильный удар по спине, снова бросивший на камни.

— Почему ты напал на меня?! — Арэлл ожидала увидеть чудовище, а на нее бросилось то же самое существо.

— Держись! — раздался возглас Гая. Но преторианец не смог подбежать на помощь. Черная сущность отбросила его в сторону, как щенка, и снова повернулась к противнице.

— Уходите! — крикнула она, уворачиваясь от очередного взмаха длинной руки.— Бегите!

Элланка никак не могла поймать взглядом противника, стоящего за спиной. Каждый раз тень исчезала и наносила новый удар. Пока не сильно. Казалось, она играет, забавляясь тем, как девушка крутится на одном месте, мечется из стороны в сторону.

«Кто из них более опасен? — мучительно размышляла Арэлл, уклоняясь и отпрыгивая.— Серая тварь или ее гигантский черный двойник?»

Мимо промчалась Гермия верхом на своей гнедой, ведя в поводу лошадь с пустым седлом. За ней следовал Октавий. Арэлл показалось, что друзья успели проскочить через арку... Критобул с Гаем пытались пробиться к элланке, но у них ничего не получалось.

«Если он меня убьет, все будет впустую»,— мелькнула в голове паническая мысль, и тут же в памяти на мгновение возникло видение светящейся статуи вестника с мечом в руках.

Арэлл проскользнула между руками тени и побежала. Существо в серых одеждах, не торопясь, последовало за ней, и его черный двойник замелькал по стенам. Задыхаясь, элланка вылетела на площадь, где стояло изваяние вестника, запрыгнула на постамент.

— Он тебя не защитит,— прошелестел неподалеку знакомый голос.— Он больше никого не может защитить. Даже себя.

— Почему ты напал на меня? — Она смотрела на черный фантом, выползающий из-за угла.— Почему не выпускаешь из города? Зачем сначала предупредил об опасности?

— Я эхо, отголосок... Всего. Разума и безумия, жалости и ненависти.

— Чего ты хочешь?

— Ничего. Отражение не желает. Оно просто существует. Я уже говорил тебе.

«Как убить тень?..— Арэлл наклонилась, касаясь сферы, и через мгновение та засветилась, как на первой статуе.— Можно зажечь такой яркий свет, что в нем растворятся любые тени...»

Ладоням стало горячо, но девушка не убирала их. Золотое сияние просочилось между пальцами. Сжав зубы, элланка потянула шар на себя: «Можно уничтожить то, что эту тень отбрасывает...».

Застонав от тяжести сферы, Арэлл все же подняла ее: «Можно разбить источник света». Она бросила сияющий шар на пол, и тот гулко упал на камни, разбив одну из плит.

«Или... чтобы уничтожить тень, надо самой стать тенью!»

Девушка спрыгнула с постамента, вытащила меч и встала, повернувшись к сфере спиной. Сейчас же рядом с черной тварью на стене возник ее силуэт. Угольный. Чёткий. С оружием в руке.

Серое существо издало долгий свистящий звук, и длинная конечность его двойника вытянулась, превращаясь в копье. Обеими ладонями Арэлл обхватила рукоять балтуса, сжала изо всех сил. Ее отражение взмахнуло клинком, отбивая удар копья.

Это было безумное сражение. Элланка чувствовала, как пот струится по спине и дрожат все мышцы. Словно она действительно дерется с сильным, опасным противником. Она представляла каждый удар, про-

водя его мысленно. Но при этом не двигалась с места, и существо за ее левым плечом тоже не шевелилось. Однако их тени продолжали атаковать — кружили, примеряясь, отступали и бросались друг на друга.

Когда наконечник копья задел руку отражения Арэлл, девушка почувствовала реальную боль. По ее предплечью потекла теплая струйка крови. Значит, ее могут убить. Но и враг тоже был уязвим.

Она услышала, как существо зашипело от боли, когда балтус рассек его грудь. И тут же в висках Арэлл заколoло, кровь прилила к щекам, а ладони похолодели. Сердце замерло на несколько мгновений, и в короткий промежуток между двумя его ударами элланка проскользнула под длинными руками врага, оказалась за спиной, взмахнула мечом и разрубила тень пополам... Представила, как разрубила. Тварь за плечом взвыла, черный двойник задрожал на стене, пошел рябью и... рассеялся.

Арэлл знала, что это ненадолго. Отражение невозможно убить, только развеять на время.

Она убрала меч и, зажимая рукой кровоточащее плечо, поспешила обратно. Но не успела сделать даже несколько шагов, как увидела преторианцев, бегущих навстречу.

— Жива! — воскликнул Критобул, отдуваясь с облегчением.— А мне Аристид сказал, что ты уже все. Того...

— Нет. Мне удалось вернуться из царства теней.

— Мы не могли к тебе пробиться. Все коридоры были затянуты мглой.— Гай оторвал кусок ткани от своего плаща и наскоро перетянул ее рану. А потом вдруг крепко обнял, прижал к груди, но тут же отпустил. Сказал, не глядя не девушку:

— Надо идти...

— Да. Как можно скорее...

Арэлл не запомнила дорогу обратно. Ее сознание дрожало и периодически падало во тьму. Она пришла в себя лишь на улице, под звездным небом. Попыталась среди друзей отыскать взглядом эллана. И не нашла его.

Глава 5
ВЕНТИГО

...Атэр стремительно падал. Тело его, будто точильным бруском, царапали сотни крошечных песчинок, горло сушил поток горячего воздуха.

Потом падение замедлилось. Вокруг шелестел и шуршал песок, словно в часах, которые переворачивают, заставляя содержимое пересыпаться из одной колбы в другую по тонкой перемычке.

Когда звук бесконечно текущего времени прервался, эллан понял, что лежит на раскаленной земле. Кожа его покрылась каплями пота. Губы потрескались. Под закрытыми веками плыли красные пятна. Он открыл глаза, и тут же зажмурился. Хватило мгновения, чтобы увидеть

невыносимо яркое небо, слепящее солнце и разноцветные пески, тянущиеся во все стороны.

Это была бескрайняя пустыня. Мир Вентиго.

Сжав зубы, чтобы не заорать от ужаса, неудавшийся богоборец во второй раз приподнял веки и медленно оглянулся. Тишина. Только шелестит песком ветер...

Никаких следов гигантского ящера не было. Не расцветали каменные орхидеи, никто не нападал, и у Атэра возникло нехорошее ощущение, что вокруг, на тысячи статий, нет ни единого существа. Ни людей, ни демонов, ни Древних. Полная гармония и порядок.

Юноша поднялся, все еще чувствуя, как дрожат колени. Впереди, у самого горизонта, тянулась изломанная черная полоса. Горы.

Или мираж...

Осмотр личного имущества оказался малоутешительным. Туника, сандалии, пояс с пустыми ножнами. Меч остался на берегу ручья, там же валялись лорика, пенула, бурдюк с водой... «О воде лучше не думать,— решил Атэр.— И надеяться на то, что кто-нибудь поможет, тоже не стоит. Куда идти — понятно, это хорошо... Нет, хорошо, что Вентиго не сожрал меня сразу».

Эллан брел вперед уже больше часа. Солнечные лучи как будто обрели материальность и давили на голову каменными глыбами. Песок забивался в открытые сандалии. Кожа на лице и плечах горела. А проклятые холмы по-прежнему маячили вдали, словно издеваясь, и не приближались ни на статию.

«Ничего,— бормотал он, чувствуя как одежда липнет к зудящему телу,— если я умру... даже если умру, Энджи не оставит меня. Он обещал. Найдет, когда опять появлюсь на свет. Он дал слово...»

Порыв ветра бросил в лицо горсть песка. Проморгавшись, Атэр увидел быстро приближающийся силуэт... Юноша замер. Он не ожидал ничего хорошего от мира Вентиго, поэтому на всякий случай стянул к ладони всю доступную магическую силу.

Через несколько минут ожидания к нему подъехал кочевник. Нижняя половина смуглого лица была закрыта темным платком, на поясе висел короткий кривой меч. Незнакомец натянул поводья и, словно не замечая угрожающего огня в пальцах эллана, наклонился.

— Руку! Быстро! — раздался напряженный властный голос.

— Ты кто?!

— Живей! Он сейчас будет здесь!

Серый жеребец нетерпеливо приплясывал на месте, грыз удила и ронял на землю хлопья пены.

— Вентиго?!

Вместо ответа тот махнул эллану за спину. Атэр оглянулся. По пустыне катила туча песка. Серые бесформенные клубы наваливались один на другой, глотая солнечные лучи, и гасили небо. Конец света в личном царстве Древнего. Похоже, как только живых в его «доме»

становилось многовато, бог устраивал небольшую уборку. Сметал все лишнее. Потом выравнивал «полы», снова зажигал на «потолке» солнце и любовался безупречной чистотой.

— Скорей! — Всадник настойчиво тянул руку в черной перчатке.

Атэр подал свою и едва успел забраться на круп коня, как тот скакнул вперед и понесся галопом.

— К тем скалам?! — Эллан постарался перекричать свист ветра в ушах.

Кочевник кивнул:

— Должны успеть!

Жеребец, разбрызгивая песок, промчался мимо скелета, лежащего ничком между двумя барханами. На его костлявых запястьях покоились массивные золотые браслеты, широкий обод сжимал череп, поблескивая красными камнями. Когда Атэр оглянулся, кости неудачника уже накрыло тучей. Номад издал резкий гортанный крик. Его конь понесся вперед еще быстрее, и эллан крепче вцепился в буйволовый пояс неожиданного спасителя, молясь, чтобы обезумевший скакун не упал.

Горы были совсем близко, когда в воздухе, нагоняя беглецов, закружились песчинки. Земля «потекла», превращаясь в непрерывный поток. Обнажились камни. Взвыл ветер.

Незнакомец спешился. Жестом велел Атэру оставаться на месте, сорвал плащ, накинул на морду животного, взял коня под уздцы и потянул за собой. Чувствуя, что задыхается и слепнет в горячем пыльном потоке, эллан зажмурился, вцепившись в лошадиную гриву. Другой рукой прижал к лицу подол туники. Тысячи мелких камешков царапали и кололи кожу, застревали в волосах и складках одежды, дождем сыпались на спину...

И вдруг наступила тишина. Это было настолько неожиданно, что несколько мгновений Атэр сидел неподвижно, напряженно прислушиваясь. Потом осторожно выпрямился. Вокруг были гладкие черные стены, наклонно уходящие вверх, к невидимому потолку. В одной из них чернела узкая трещина, а мир по ту сторону входа тонул в серой мгле.

Кочевник осторожно снял плащ с морды жеребца и поглаживал его по шее. Тот дрожал всем телом, нервно переступая с ноги на ногу.

— Здесь можно переждать.— Спаситель доброжелательно взглянул на эллана.

Сразу слезть с коня Атэру не удалось. Кряхтя от боли, он сполз на землю.

— Ты похож на высушенный солнцем финик,— заявил незнакомец, разматывая бурнус.

Под ним обнаружилось загорелое лицо, покрытое светлой щетиной. Левую скулу пересекала белая ниточка давно зажившего шрама. Он крыльев носа к углам волевого рта тянулись заметные морщины. Светло-серые глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, смотрели внимательно, изучающе. Выдержав этот пристальный взгляд, Атэр подумал, что человеку с таким лицом должно быть не меньше тридцати.

Кроме того, спутник оказался похож на черноволосого смуглого номада не сильнее, чем сам эллан — на нумидийца.

— Где мы? Что это за место? — Вопрос прозвучал невнятно, горло оказалось сухим, как наждак.

— Полагаю, в преддверии святилища Вентиго,— ответил новый знакомый, стряхивая песок с одежды и светло-русых волос.

У него был хороший голос. Глубокий, ровный, наполненный удивительным спокойствием. С едва уловимым акцентом. Казалось, в каждом произнесенном слове заключена какая-то непонятная сила. Однажды Атэр слышал об анконце, который так проникновенно говорил на своем родном языке, что его понимали все иноземцы. Наверное, этот человек мог бы обладать такой же способностью.

— Здесь безопасно?

— Да. Это единственное место, где можно укрыться...

— А вода... — Атэр облизнул потрескавшиеся губы.— Есть?

— Нет. Но вот, возьми.— Мужчина вытащил из пояса круглый лист с выпуклыми ярко-красными прожилками.— Они хорошо утоляют жажду.

Эллан осторожно взял листок, положил на язык, и рот тут же наполнился такой горечью, что свело челюсти.

— Не надо плевать. Прожуй,— велел «номад», увидев его перекошенную физиономию. Развязав кожаный мешок, достал глиняный сосуд, бережно завернутый в ткань, и деревянные дощечки.— Сними все, стряхни песок и намажься. Станет легче.

Раздеться так, чтобы ткань не касалась ободранной кожи, оказалось невозможно. Втирание мази стало не менее мучительным.

Мужчина внимательно посмотрел на медный медальон, который эллан обычно носил под одеждой, но ни о чем не спросил. Зато Атэр не посчитал нескромным поинтересоваться:

— Откуда ты?

— Родился в Иллинее.

— А-а, владения Евграна?

Собеседник нахмурился. Сердитая гримаса на его невозмутимом лице смотрелась странно, словно он нацепил чужую маску.

— Нет. Просто Иллинея.

Если Атэр правильно понял, это следовало понимать как «демоны сами по себе, а я — сам по себе. Неважно, кем считает себя Евгран. Я лучше знаю, кому принадлежит моя страна на самом деле».

— Не любишь темных?

— Я не придаю значения их существованию.

Эллан рассмеялся. Ничего себе заявление! Это кем надо себя считать, чтобы не замечать демонов? Интересно, как ему удалось дожить до зрелого возраста с такими воззрениями.

— И как же у тебя это получается? Может, научишь?

Не обращая внимания на скептический тон эллана, иллинеец сел на пол у ног своего коня.

— Не подчиняйся их правилам. Не верь их ценностям. Не бойся их.

— Да уж, проще некуда.— Атэр критически осмотрел свои покрасневшие руки и выложил остатки мази на предплечья.— Ты что, бродячий философ?

— Нет. Просто странник.

— Это как?

Тот насмешливо окинул взглядом нахально-любопытного юношу:

— Послушай, отчего такая несправедливость — ты задаешь столько вопросов, а я не успел ни одного? Ты бы хоть имя свое назвал.

— Атэр,— ничуть не обиженный намеком на излишнюю болтливость, представился эллан.

— Рамир,— следуя законам вежливости, отозвался собеседник.

— И давно ты тут сидишь?

— ...какое-то время,— прозвучал уклончивый ответ.

— Как здесь оказался? Тебя тоже сожрал Вентиго?

Рамир молча приподнял выгоревшие на солнце брови. Ответ не требовался — больше попасть в эту мертвую пустыню было нельзя никак.

— Зачем спас меня? Так рисковал...

— В одиночку отсюда не выбраться.— Иллинеец бережно поднял мешок с целебными зельями и убрал на прежнее место.— Рад, что ты обладаешь магией, я видел огонь в твоей руке.

Он снял перчатки, вытащил еще один листок, утоляющий жажду, и скормил жеребцу. Атэр неодобрительно скривился в ответ на подобную расточительность, но ничего не сказал. Его занимало другое.

— Значит, отсюда можно выбраться?

— Можно.

— Откуда ты знаешь?

Рамир показал в противоположный край пещеры:

— Внизу святилище Вентиго, и если спуститься...

— Ты забрался в святилище древнего бога, и тот тебя не убил?!

— Как видишь.

— Хм... Ладно. Значит, мы спустимся вниз, и?..

— Там древний портал. Думаю, это выход в мир людей.

Атэр в очередной раз скептически хмыкнул:

— Думаешь... А не думаешь ли ты, что можешь ошибаться?

— Все когда-то ошибаются,— спокойно заметил иллинеец, по-прежнему не раздражаясь на въедливую настойчивость эллана.— Но выбора нет.

— Ладно, на месте разберемся... Говоришь, в одиночку не пройти? Почему?

— Увидишь. Нужен кто-нибудь... живой. Я выезжал в пустыню, посчитав, что однажды Вентиго проглотит путника вроде меня. И вот дождался.— Рамир улыбнулся, глядя на потрясенную физиономию Атэра.— Не смотри так, знаю, что нам обоим повезло.

— Ясно.— Эллан сделал вид, будто его не удивляет отчаянность и упорство иллинейца.— Но как тебе удалось найти это убежище?

Тот пожал плечами:

— Когда Вентиго затянул меня и Грома,— собеседник похлопал жеребца по шее,— мы оказались недалеко от этих скал и успели укрыться в пещере. А сюда Древний почему-то не входит...

Атэр покрутил головой, не зная, восхищает его удачливость товарища по несчастью или настораживает.

— Если ты хочешь выбраться, нам придется доверять друг другу,— усмехнувшись, сказал тот.

Каменная дорожка медленно шла под уклон. Рамир двигался впереди, неся небольшой факел, в свете которого можно было разглядеть черные лоснящиеся стены и неровный пол.

Из глубины горы тянуло горячим воздухом. Временами все звуки начинали тонуть в нем, становясь тягучими и долгими. В гладких агатовых стенах появились россыпи крупных бордовых камней. Они зловеще сверкали, словно глаза голодных ящеров, следящих за каждым шагом путников. Казалось, еще немного — и гранит вспучится костяными гребнями рептилий, лезущих на свободу. Пойдет трещинами оскалившихся пастей...

— Долго спускаться? — Собственный голос показался эллану дрожащим, испуганным.

— Не очень.

Похоже, иллинейца не страшили подземные глубины. Правда, Атэр знал и другое объяснение: причиной мужества Рамира могло быть то, что он не чувствовал скрытой здесь угрозы. Древней чужой силы.

Наконец впереди показался свет. На стену коридора упал красный отблеск. Спутники оказались на широких ступенях, ведущих в огромный зал. Его стены щетинились острыми гранями корундов, а полукруглый потолок — мощными ребрами свода. Впереди поблескивало кольцо воды.

Атэр непроизвольно сглотнул, но, присмотревшись, понял, что гигантский каменный бассейн наполнен темной маслянистой жидкостью. В центре черного озера торчал круглый остров. Над ним возвышалась громадная статуя Вентиго. Ящер как будто только что выполз из расщелины в полу — верхняя часть его тела, с широко расставленными передними лапами и оскаленной пастью, тянулась к тонкому каменному мостику, нижняя была скрыта в толще скалы.

Рамир указал на изваяние:

— Портал.

Когда они спустились по лестнице, Древний исчез из виду так же, как и мост, ведущий на остров. Свет погас. Лишь две цепочки драгоценных камней блестели, окаймляя дорожку к высокой арке из красного гранита.

— Впечатляет?

Иллинеец оглянулся. Его лицо, в этом свечении исчерченное глубокими тенями, выглядело жутковато.

— Не то слово! Куда все делось?

— Какой-то магический мираж. Пока стоишь на ступенях, кажется, что все близко, а на самом деле... Сейчас увидишь.

Атэр чувствовал, как под ногами похрустывает песок, ноги в открытых сандалиях обдувает поток горячего, словно из печи, воздуха. Спина взмокла, по носу потекла капля пота. Он поднял руку и хотел вытереться, но так и замер. Арка вдруг оказалась рядом, и эллан увидел тело женщины, подвешенное между колоннами на цепях. Ее лицо скрывали длинные черные волосы, а красный хитон ниспадал до земли.

— Кто это?! — воскликнул он.— Она жива?

— Не уверен,— отозвался Рамир.— Это жрица Вентиго. Я говорил с ней, и...

— Как же ты мог говорить с нею, если она мертва?

Иллинеец качнул лохматой головой, отказываясь объяснять.

В то же самое мгновение по телу скованной прошла судорога, голова дернулась и медленно поднялась. Сквозь черные пряди стало видно белое лицо с чешуйками змеиной кожи на скулах и щеках. Желтые глаза посмотрели сквозь потрясенного демоноборца. Между тонкими алыми губами скользнул раздвоенный язык.

Жрица сжала и разжала костлявые пальцы. Металлические звенья цепей негромко звякнули. Атэр узнал камень в виде цветка песчаной орхидеи на ее груди.

— Ее не обойдешь,— вполголоса сказал Рамир, словно прочитав мысли эллана.— Я пробовал.

Но врожденная потребность убеждаться во всем самому заставила Атэра приблизиться.

«Орхидея» вспыхнула, не успел он сделать и нескольких шагов. Невидимая сила отшвырнула человека. Иллинеец выразительно усмехнулся, глядя на оглушенного товарища сверху вниз. Протянул руку, помогая подняться.

— Проверил?

Тот встряхнул звенящей головой и с ненавистью глянул на женщину. Легкое сочувствие, которое он почувствовал к ней сначала, полностью растворилось в злобном негодовании.

— Что вам нужно? — шипящим голосом спросила прикованная, и ее узкие зрачки сверкнули.

— Пройти к порталу,— ответил Рамир, бросая на спутника внимательный взгляд. Словно проверял, не теряет ли тот душевного равновесия.

— Один пройдет, если другой займет мое место.— Жрица скользнула языком по собственным щекам.— Пока один будет ждать, я проведу другого.

— Почему мы не можем идти вместе? — упрямо возразил Атэр.

Женщина безмолвствовала, и, похоже, ответа от нее можно было дожидаться не одну вечность.

— Эта арка — что-то вроде жертвенника святилища Вентиго,— сказал Рамир.— На нем всегда должно находиться живое существо.

— Это она тебе рассказала? — Эллан с глубоким сомнением посмотрел на подол длинного красного хитона, висящий прямо у него перед глазами, но препираться дальше не стал. Они были не в том положении, чтобы диктовать свои условия.— Ишь, чего хочет. Занять ее место... У меня нет желания болтаться здесь на цепях.

— У меня, знаешь ли, тоже,— отозвался иллинеец.

— Ну и кто тогда останется?

— Кто-то из нас двоих — это очевидно.

— Может, кинем жребий?

Рамир, у которого всегда на все был готов ответ, на этот раз промолчал. Потом вытащил из-за пояса монетку.

— Он останется! — раздался вдруг сверху голос.— Пойдешь — ты.

Спорщики одновременно подняли головы. Атэр увидел, что прислужница Вентиго пристально смотрит на него, и переспросил:

— Я? Пойду я?

Она утвердительно опустила тяжелые веки, погасив желтый огонь в зрачках. На тонких губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Похоже, ты ей понравился,— насмешливо шепнул Рамир, разматывая веревку с пояса и, прежде чем Атэр успел возразить, сунул ее конец в руку спутника.— Привяжешь к чему-нибудь на той стороне. А я закреплю на этой. На всякий случай.

На мгновение эллана одолели сомнения.

— Мы оба одинаково рискуем, не так ли? — Проницательный иллинеец невесело улыбнулся, обвязывая веревку вокруг одной из колонн.— Но ты обладаешь магией.

— Ладно. Пойду, попробую.

Жрица трепыхнулась в оковах, как рыба, запутавшаяся в сети:

— Наклони рычаг.

Атэр быстро огляделся. Увидел торчащий из основания колонны черный каменный брусок. Потянул на себя. С лязгом и скрежетом цепи медленно опустились. Едва служительница коснулась ногами пола, блестящие браслеты упали с ее запястий. Она выпрямилась во весь рост, откинула за спину волосы, изогнулась всем телом, словно змея, пробуждающаяся после долгой спячки, и царственно посмотрела на эллана. Тот оглянулся на Рамира. Иллинеец громко вдохнул, встряхнул кистями, словно уже ощутив на них прикосновение браслетов. Решительно шагнул под арку, с видимым усилием поднял цепи, и они тут же обвились вокруг его запястий, мгновенно вздергивая в воздух.

— Ты как там? — Атэр увидел, что лицо мужчины побелело.

— Нормально,— выдохнул Рамир, судорожно сглатывая.— Иди...

— Я постараюсь вернуться быстро,— пообещал эллан и вдруг с содроганием почувствовал прикосновение к своему предплечью.

Жрица стояла, почти прижимаясь к нему. Вблизи она оказалась еще более уродливой. Белая змеиная кожа, обтягивающая человеческий череп, была словно смазана жиром. В желтых глазах рептилии светился плотоядный голод, а раздвоенный язык ежесекундно показывался между тонкими губами. И пахло от нее змеей. Атэр деликатно высвободил руку из суставчатых пальцев и глянул на Рамира. Тот криво усмехнулся, кивнул одобрительно, но его лицо тут же исказилось от боли.

— Идем,— велела женщина и пошла вперед, под арку.

Атэр признал, что двигается она очень грациозно. В каждом шаге виделось безупречное изящество плывущей змеи. Длинный красный хитон, как хвост, волочился по камням, и эллан очень старался не наступить на него. Жрица перекинула смоляную гриву волос на грудь, открыв голую спину с выступающими позвонками. Чуть ниже белой поясницы виднелась татуировка в виде цепочки багровых песчаных орхидей...

Юноша оглянулся назад. Человеческое тело, висящее в оковах, выглядело жалким, абсолютно беспомощным. Темнота, клубящаяся вокруг, была готова поглотить его. Атэр еще раз обмотал веревку вокруг кисти и двинулся к мосту. «Интересно,— мелькнула в его голове не слишком приятная мысль,— а не призовет ли эта красотка Вентиго, чтобы скормить ему неугодного гостя?»

— Не бойся,— неожиданно произнесла служительница, чуть повернув голову.— Когда-то я тоже была человеком.

«Весьма утешительно»,— решил эллан, усилием воли заставив себя прекратить тупо пялиться на обнаженную спину. Он перевел взгляд на черную жидкость, мерно вздымающуюся под мостом, и почувствовал, как перехватывает дыхание. Это была не вода и не масло, а нечто живое.

— Что здесь? — спросил он, не слишком надеясь на ответ, но спутница повернула желтоглазое лицо и улыбнулась, показав человеческие зубы:

— Источник вечной жизни. Кровь Вентиго. Тот из смертных, кто удостаивается высочайшего внимания бога, может погрузиться в нее и получить бессмертие. Как я.

Атэр резко остановился, когда она замерла и круто обернулась:

— Хочешь стать бессмертным?

— Нет, спасибо,— ответил он, содрогаясь внутренне.— Мне и так неплохо.

— Глупый мальчик.— Жрица рассмеялась шипящим, придушенным смехом, поигрывая завитком волос.— Ты мог бы прикоснуться к мощи Вентиго. Получить часть его силы...

— Мне достаточно того, что у меня есть,— перебил эллан, начиная терять терпение.

Она гневно сверкнула глазами и снова быстро направилась вперед, чуть касаясь перил высохшей рукой. Атэр плелся следом, брезгливо поглядывая на кровь Вентиго и думая о том, что только полный идиот пожелает стать слугой издыхающего Древнего. Может быть, раньше,

несколько тысячелетий назад, когда боги были полны жизни,— имело смысл получить немного могущества. Но не теперь.

От источника бессмертия, разгоняя окружающую тьму, поднималось золотистое сияние и красивыми волнами ложилось на черный камень моста.

— За что тебя подвесили на цепях? — спросил эллан и заметил, как белые плечи женщины чуть дрогнули, словно обожженные потоком ледяного воздуха.

— Так было угодно великому,— произнесла жрица высокомерно.— Я проводила жертвы сквозь портал. Выбирала послушников для служения богу. Дарила избранным священную кровь. Потом стала хранительницей одного из его сердец.— Она показала на орхидею, висящую на шее.

— А потом пришли демоны... — задумчиво продолжил Атэр, глядя на статую Вентиго, медленно встающую над мостом.— И не стало ни жертв, ни послушников. Ни избранных.

Служительница ничего не ответила и молчала до тех пор, пока не ступила на остров. Там она распростерлась ниц перед скульптурой своего бога, шепча что-то невнятное.

Эллан прошелся по берегу. Багровые валуны, установленные по краям островка, излучали неровный мерцающий свет, словно в них был заключен живой огонь. Тени и отсветы метались по морде Древнего, и казалось, что он ухмыляется, покачивая безглазой мордой. Прямо перед пастью рептилии стоял жертвенник — низкая обрубленная колонна, в центре которой небольшой родник лениво выплескивал красную влагу. Та стекала на пол тягучими струями и уходила в песок.

В мерной пульсации густой жижи было нечто завораживающее. Атэр не мог оторвать от нее взгляда, испытывая желание залезть в тихо булькающий источник по самые локти. Она была похожа на тяжелое, жидкое пламя. Убийственное и дающее силу. Сердце эллана заколотилось, по вискам потек пот. Ему казалось, он видит всполохи огня, реки из лавы, смутные образы... Воздух начал застревать в горле, вдохнуть полной грудью стало невозможно. Пальцы уже почти коснулись огненной жидкости, как вдруг жгучая боль опалила их, и эллан поспешно отдернул руку. Вентиго никогда не сможет вернуться на землю. Никогда не получит прежнее могущество. Его святилище поругано, уничтожено, отравлено демоническим огнем. Древний живет лишь одним — хватает случайных путников, идущих через земли, принадлежащие ему раньше, и пьет их силы. Но он все равно уже почти мертв.

Потрясенный, Атэр смотрел на жертвенник и машинально тер ладонь. Теперь понятно, почему это место — самое безопасное во всей пустыне. Бог ни за что не сунется в свое осквернённое жилище. Если только не захочет сам себя уничтожить.

Эллан снова повернулся к статуе.

Портал был мертв.

Не закрыт на время, не усыплен. Превратился в камень. Не веря своим глазам и чувствам, Атэр подошел ближе, коснулся его и ощутил лишь грубый шершавый песчаник.

— Отлично,— произнес он и не узнал своего голоса.— Просто великолепно. Ты можешь открыть его?

Эллан оглянулся на жрицу. Та сидела на камнях, злорадно улыбалась и облизывалась мерзким раздвоенным языком.

— Нет.

— А другой выход есть?

— Нет.— Женщина грациозно поднялась и, покачивая бедрами, подошла к начинающему злиться Атэру.— Но ты можешь стать бессмертным. Получить мощь Вентиго. Наслаждаться вечной жизнью...

— Ага, превратиться в такого же урода, как ты. И висеть рядышком с тобой на цепях, ожидая, что еще взбредет в голову твоему полоумному владельцу? — едко ответил он. Сняв веревку, накинул ее на гребень каменного Вентиго и затянул узел.

Наверное, не стоило разговаривать так с жрицей древнего бога. Но эллан был слишком расстроен внезапно открывшейся перспективой — остаться в подземелье навечно. Служительница вдруг издала оглушительный вопль ярости, оскалив змеиные клыки, внезапно выросшие среди ее нормальных зубов.

— Господин мой, слышишь ли ты, как оскорбляют тебя в твоем же доме?!! Ты за это поплатишься, смертный! — прошипела она и бросилась к озеру.

Великолепный длинный прыжок, всплеск... Белое тело погрузилось в источник бессмертия.

«Решила утопиться с досады?» — подумал ошарашенный Атэр и невольно рассмеялся. Но смех застрял у него в горле. Черная жидкость забурлила, вспенилась — и над поверхностью медленно поднялась голова гигантской рептилии. С тупоносой морды стекали вязкие черные струи, слипшаяся грива облепила мощную шею. Только больное воображение могло узнать в этой твари грациозную жрицу Вентиго, но Атэр узнал.

Эллану показалось, что остров зашатался, когда лапа пресмыкающегося опустилась на камни. Он медленно попятился перед надвигающейся тушей, отчаянно ища способ спастись. Попытаться сбежать по мосту? Грохот камней и плеск за спиной подсказали, что того больше нет. Ударить магией? Огненный шар отскочил от чешуйчатой шкуры, рассыпавшись безболезненными искрами. Вытянуть силу тоже не получалось. Бессмертие окутывало зверя плотным кольцом, сквозь которое не удавалось пробиться.

— Тебе предлагали вечную жизнь,— прорычала тварь, выволакивая на остров переднюю часть тела.— Тебе давали шанс прикоснуться к мощи бога. Я не настолько мертв, как ты думаешь, смертный червяк!

«Похоже, через нее говорит сам Вентиго,— ощущая легкую панику, понял Атэр.— И, видимо, вторую встречу с ним мне пережить не удастся».

Длинный, похожий на раздвоенную плеть язык хлестнул по земле. Эллан едва успел увернуться, отпрыгнул в сторону. И со всего размаха налетел спиной на демонический жертвенник. Резкая боль бросила его на землю, но юноша тут же приподнялся, ища взглядом ящера, опускающего лапу в последнем ударе. Однако тот не спешил нападать. Шипел от ярости, хлестал себя по бокам зазубренным хвостом, царапал когтями камни на расстоянии в несколько статий, но подползти ближе, кажется, не решался.

«Жертвенник! — вспыхнуло озарение в гудящей голове демонобор-ца.— Он боится осквернённого огня!»

Эллан рассмеялся от облегчения, медленно поднимаясь на ноги.

— Все равно умрешь! — выплюнула рептилия с ненавистью, тряся мокрой гривой. Взревела, поднялась на задние лапы и снова рухнула на передние.

Вот теперь остров действительно содрогнулся. Атэра опять швырнуло на камни, с невидимого потолка полился раскаленный песок. Обжигающие струи посыпались на голову эллана, потекли по спине, мгновенно образовав вокруг большую песчаную лужу. Юноша яростно пытался выбраться из нее, но его, полуослепшего и оглушенного, тянуло вниз.

Потом сквозь шуршание и шелест песчинок раздался громкий рев. А затем чья-то рука вдруг крепко схватила Атэра за запястье и потащила наверх, вон из удушающего потока.

— Надо повалить жертвенник! — прокричал над ухом знакомый голос, перекрывая гневные вопли рептилии.

— Рамир... — пробормотал эллан, отплевываясь и тряся головой.— Как ты здесь... мост рухнул...

— Перебрался по веревке. Ну давай, толкай!

— А как же арка?! Сердце пещеры? Все рухнет...

— Все и так рушится!

Оба навалились на камень, в котором кипел демонический огонь, стараясь перевернуть его.

Островок заходил ходуном. Портал шатался, готовый упасть и раздавить обоих осквернителей. Ящер метался, издавая жуткие крики.

Опрокинуть жертвенник не удавалось. Атэру казалось, еще немного — и его сухожилия лопнут. Глаза, засыпанные песком, резало от боли. Эллан не верил, что они с иллинейцем смогут перевернуть обломок колонны, вбитой в камни, возможно, очень глубоко. Однако продолжал налегать на каменный столб из чистого упрямства...

Он почти перестал чувствовать свои руки, когда основание колонны громко хрустнуло, и она начала медленно заваливаться на бок. Огненная жидкость хлынула на камни, ища дорогу вниз, к источнику бессмертия. Рептилия взревела, потом зашипела, послышался громкий свист, отвратительные булькающие звуки, и наконец все стихло.

Эллан с трудом разлепил веки. Остров был завален плотной массой песка. Струи, текшие с потолка, замерли, превратившись в серые колонны разной толщины. А источник бессмертия застывал и трескался мутными обломками. Ящер, успевший погрузиться в озеро до половины, вяло копошился среди них, от его тела откалывались куски костенеющей плоти.

— Святилище потеряло последнюю жрицу,— поднимаясь, произнес Рамир устало.

— А я думал, это сам Вентиго,— отозвался Атэр, массируя онемевшую шею.

— В ней была лишь его часть.

Эллан тоже встал и подозрительно посмотрел на спутника:

— Может, и в тебе скрыта его часть? Как тебе удалось выбраться из цепей?

— Они разбились, когда арка рухнула,— ответил иллинеец.

— А где твой конь?

— Потолок обвалился,— коротко ответил Рамир.— Его засыпало.

— Жаль,— только и нашел что сказать Атэр.

— Мне тоже.— Иллинеец смотрел, как рептилия, издав последний стон, замерла и спустя минуту рассыпалась грудой камней.— А что с порталом?

Атэр с отвращением оглянулся на статую:

— Закрыт.

— Значит, надо открыть его.

— Ты не понял, иллинеец. Он мертв.

Рамир пожал плечами:

— Попробуй пропустить через него свою силу.

— Извини, приятель, есть одно ма-аленькое уточнение,— не сдержался Атэр от язвительного комментария.— Я не могу «пропустить» энергию. Я умею только стягивать ее с других. А еще выбрасывать. Тогда она стекает с пальцев, как огненный шар, и рушит все, с чем соприкасается. Я могу только разнести вдребезги это изваяние.

— Все равно попробовать придется.

В раздражении эллан отвернулся. Увязая в песке, подошел ближе к порталу. Постоял немного, собираясь с силами. Поднял руку. Представил, как от пальцев отделяется тонкая струйка силы и медленно тянется...

С ладони сорвался пылающий шар. Со свистом пролетел над полом. Врезался в голову ящера.

Посыпалась мелкая каменная крошка.

— Ого! — воскликнул Рамир. Он уже сидел на полу, скрестив ноги, и смотрел на мага скорее удивленно, чем осуждающе.

Снова вспышка света. Свист. В песок полетели осколки рубинов и кусок гребня с головы рептилии.

— Видишь, я могу только разрушать!

— Постой. Попробуй по-другому.— Светло-серые глаза иллинейца вспыхнули азартом, на скулах появилась тень румянца. Похоже, процесс «оживления» захватил его.— Ты перестаешь контролировать силу, как только она соскальзывает с твоих пальцев. Представь, что портал — часть тебя. Между вами нет расстояния, вы слиты вместе. Тогда энергия плавно продвинется по тебе и сразу попадет в него.

— Как у тебя все просто,— скривился Атэр.— Странно, что сам до сих пор не выбрался отсюда. Оседлал бы Вентиго да поехал!

Эллан попытался представить: «...Пусть камень будет продолжением меня... я погружаю в него ладонь... Гай — скотина! — вдруг вспомнил он с раздражением.— Это из-за него я застрял в мире Древнего и, неизвестно, выживу ли! Идиот. Захотел поухаживать, тупая преторианская образина! Эх, не догадался я вовремя. Надо было его отправить на корм ящеру!!»

Остров дрогнул, сверху посыпались мелкие камешки. Рядом вдруг запульсировала красная воронка, и из нее потекла почти реально ощутимая мощь демонического жертвенника. А по широкому рукаву черно-красного тоннеля, теряющегося где-то глубоко внизу, в безднах, поднималось что-то... кто-то огромный, пока еще бесформенный. Он с трудом протискивался и тянул за собой длинный огненный шлейф.

Атэр хотел крикнуть, но слова застряли в горле. Стены подземелья затряслись от пронзительного воя.

— Что это? Вентиго?! — Рамир вскочил на ноги.

— Нет! Смотри!

Лезущий из преисподней почти пробился к поверхности. Возле мертвого телепорта сгустилась тьма. Но внезапно вверх взметнулась груда песка, и в ней появился огромный крылатый зверь. Он крутил головой, принюхивался, нетерпеливо переступая с лапы на лапу. Наконец, заметил двух людей, наклонил круглую голову, и его низкий рык заполнил пещеру. По потолку и стенам поползли, змеясь, белые молнии. Они сталкивались, сыпали искрами и вонзались в статую.

— Уходи,— прорычал зверь, наклоняясь к эллану.

Атэр взглянул на Рамира, тот ответил таким же потрясенным взглядом.

— Похоже, он открывает для нас выход.

Рубины в белом свете молний казались тусклыми стекляшками. Осквернённый, сотрясающийся от мощных ударов снизу, алтарь — окровавленным месивом. По серому песку бежали мелкие волны, а в центре святилища бился, выдираясь из трещины в полу, гигантский ящер. Его лапы царапали камень, зубастая пасть открылась в громком, разъяренном шипении.

В лицо людям подул горячий пыльный ветер...

— Уходи! — повторил зверь. Разбил тьму вздымающимися крыльями. И исчез.

Остолбеневший Атэр очнулся. Спотыкаясь, бросился к выдирающейся из земли статуе. Оглянулся на бегу:

— Портал открылся! Рамир, быстрее!!

Когда эллан оказался прямо под мордой Вентиго, тварь бросилась, падая сверху горой песка... Он зажмурился, обрывая энергетическую связь с телепортом, закрыл голову руками, услышал сзади кровожадный демонский рев, и в то же самое мгновение пышущая жаром пасть сомкнулась.

Глава 6
БОЛОТНИЦА

Горячая разноцветная пыль вилась, складываясь в причудливые узоры. Тело Атэра стало невесомым, словно плывущее в воде... А потом резкое падение сменилось острой болью.

— Жив? — услышал он словно издалека осипший голос Рамира.

Эллан сел. Вытянул край плаща из-под кучи каменного мусора, насыпавшегося из телепорта:

— Вроде.

Он огляделся по сторонам и увидел развалины древнего храма. От величественного некогда сооружения остались лишь две колонны и несколько потрескавшихся плит на полу.

Похоже, солнце поднялось из-за горизонта недавно. На земле разлеглись длинные прохладные тени. Под деревьями было свежо и тенисто, щебетали птицы. Среди камней шныряли ящерицы. Ничего общего с мертвым миром Вентиго.

— Где мы?

— Не знаю...— Рамир рухнул в зеленую траву, прижался щекой к прохладной земле.— Выход из портала мог находиться в каких угодно землях.

Атэру вдруг вспомнилась демоническая тварь, рвущаяся на поверхность из черного колодца, и лениво-болезненная расслабленность исчезла, как не бывало:

— Надеюсь, он с той стороны закрыт! Как считаешь, его можно активировать снова?

Иллинеец пожал плечами и потер щеки, заросшие светлой щетиной.

— Когда мы уходили, к жертвеннику снизу лез темный! Он не может вырваться за нами?

Рамир пристально посмотрел на товарища:

— Я могу предположить, что демонская сила должна уничтожить врата Древнего так же, как его алтарь. Если нас до сих пор не сожрали, то...

Атэр не стал дослушивать:

— Думаю, ты прав. Знаешь, пока мы сидели в подземелье, я не был уверен, что ты человек. Сомневался, вдруг Вентиго дурит меня, приняв облик смертного.

— Я заметил, как подозрительно ты присматриваешься ко мне,— с ироничной улыбкой заметил Рамир.

— Но ты пережил разрушение святилища, демонический огонь и прошел через портал. Древний не перенес бы этого. И, раз ты человек, у меня есть к тебе одно предложение.

— Ну спасибо за доверие.— Иллинеец улегся удобнее, с интересом глядя на эллана.

— Ты всячески пытался показать, что не любишь демонов...

Рамир с преувеличенным удивлением поднял брови. Но Атэр решил не обращать внимания на эту гримасу:

— Так вот, ты не один такой.— Он снял с шеи медальон.— Это амулет демоноборцев. Его носят люди, которым надоело пресмыкаться перед темными. Надоело жить в страхе и ждать смерти. Я и мои друзья едем в столицу Нита, чтобы объединиться с другими недовольными демонским режимом и свергнуть его. И ты, если хочешь, можешь присоединиться к нам.

— Я согласен.

Эллан просиял.

...В высоком ельнике пахло грибами и прелыми иглами. Деревья поскрипывали. Настил глушил звук шагов. Один раз неподалеку шумно и тяжело пролетел глухарь. Проводив его взглядом, эллан подумал, что зверски хочет есть.

Отвлечься от голодного урчания в животе можно было лишь беседой. Но едва он открыл рот, как впереди раздалось бормотание и сдавленный кашель. Иллинеец тут же положил руку на пояс, поближе к метательным ножам. Атэр тоже на всякий случай сбросил к ладони тугой комок силы.

Бормотание зазвучало громче. Стал различим скрипучий старческий голос:

— Этот жирный, хороший, беленький. Сейчас мы его...

Приглушенный хлопок, тихое причмокивание.

Звуки доносились из оврага, который темнел среди деревьев. Спутники медленно приблизились к краю глубокой ямы и увидели, как по пологому склону бойко карабкается скрюченная старушонка. Время от времени она наклонялась, выдергивала что-то из земли, ловко засовывала в мешок, висящий на животе, и приговаривала:

— А вот еще один славный. И еще...

— Это кто такая? — шепотом спросил Атэр.

— Та, кто нам нужен,— отозвался Рамир и громко поздоровался: — Мир вам, почтенная!

— Фу ты, орясина белоглазая! — выругалась бабка, вскидывая голову.— Напугал!

У нее было круглое лицо, бледное, как плохо пропеченная лепешка. Глаза, словно две изюмины, утонувшие в рыхлом тесте. Длинный кривоватый нос и маленький беззубый рот. Из-под широкой засаленной

повязки выбивались седые лохмы. Потасканная одежда лоснилась от многомесячного слоя грязи. Сморщенные руки, похожие на сухие куриные лапки, крепко сжимали истрепанную мешковину.

— Чего вам?

— Укажите путь. Мы заблудились,— лучезарно улыбаясь, объяснил иллинеец.

— Долго ж ты тут блудил,— сердито, но непонятно отозвалась старуха и вылезла наверх.— Куда надо?

— А какие здесь ближайшие города? — вмешался Атэр.

— Какие?.. Я откуда ж знаю? — удивилась бабка.

— Чего тогда спрашивать?! — возмутился эллан, но Рамир аккуратно отодвинул его плечом в сторону и снова вежливо улыбнулся:

— Нам нужно к Мен-Ноферу. Не откажите в помощи.

Карга пожевала губами, почесала нос и заявила глубокомысленно:

— До самого не смогу. Ребятки совсем плохонькие стали.— Она потрясла мешком.— Выродились. Но до границы, пожалуй, дотянут...

И, переваливаясь с боку на бок, засеменила по дороге. Атэр ткнул Рамира в бок:

— Кто такая? И что за чушь несет?

— Болотная я,— отозвалась старуха, которой в ее возрасте можно было слышать и похуже.— Пути ведаю.

— Болотница — страж земных путей. Я встретил одну из них в лесах Северной Анконы,— пояснил иллинеец.— Раньше таких, как она, было много. И весь срединный мир был открыт для странников.

— Во время оно так было,— снова вмешалась словоохотливая бабка, с симпатией поглядывая на Рамира.— А теперь вот повывелись все, полопались да перегнили. Сейчас же все как ходят? Мотанут воронку эту проклятую, аж земля вся вспучится — и понесся. А они тоненькие, ломкие...— Она снова погладила свой мешок.— Чуть что, и покорежит.

Атэр потряс головой:

— То есть она утверждает, что есть еще одна разновидность магии?

— Да-а, уж она-то твердит все время...— как эхо, отозвалась старуха.

Хотя небо оставалось прозрачным, под кустами поползли густые сумерки. Болотница нырнула в них, и какое-то время путники пробирались сквозь заросли. Приземистое темное сооружение, заросшее древесным мхом, открылось среди ветвей неожиданно — только что не было, и вот уже стоит в нескольких шагах.

На покосившейся крыше торчали три тонкие молодые осинки. В двух кривоватых окнах стояла чернота. От жутковатого домика попахивало гнильем.

— Давайте, давайте. Пошевеливайтесь! — неожиданно властным тоном заявила старуха.— Что застыли? Или передумали?

— С чего это вдруг? — недовольно спросил эллан, косясь на странную бабку.

— В Иллинею не провести.— Болотница копошилась в грязном мешке.— Проклятой ледяной стеной все пути перерезало, а те, что остались, от холода полопались. И в Эллиду не могу, затопило все, и в Нумидию...

Она пустилась в долгие перечисления мест, куда не в силах донести земные пути, и эллана вдруг одолели сомнения.

— Рамир, слышишь? Она говорит, все вроде как поперепортилось. Ты уверен, что нас не «покорежит» при перемещении?

— Рискнем, пожалуй.— Иллинеец первым шагнул в полуразвалившийся дом. — Иначе будем добираться до Нита еще не один месяц.

— Ну-ну,— неопределенно произнес Атэр, делая шаг следом за самоуверенным товарищем.

Переступив через порог, эллан едва не шарахнулся обратно. Воняло здесь омерзительно — гнилью и сырой землей. Длинная узкая горница была залита мертвенно-зеленоватым свечением. Стены, пол и потолок оказались земляными, с лезущими отовсюду толстыми черными корнями. По ним лениво ползали жуки, сороконожки, мокрицы и прочая дрянь. Под ногами растекались лужи болотной воды. В них тоже кто-то копошился. А в центре этой норы с потолка спускались белесые, непрерывно шевелящиеся, неописуемо гадкие волокна. Они очень напоминали паразита из канализации Рэйма, которого Атэр лично уничтожил во время ухода из столицы.

От позорного бегства из жуткого домика эллана удержала только невозмутимость Рамира. Стараясь не дышать носом, он тихо спросил у иллинейца:

— Вон та белая гнусь и есть земные пути? Они нас не сожрут по дороге?

— Думаю, нет.— Тот хладнокровно смахнул с плеча гигантскую мокрицу, упавшую сверху.

— Слушай, я ценю тебя за спасение и все такое, но... Ты уверен, что все здесь должно быть именно так. Думаешь, раньше было так же?

— Я слышал рассказы, что когда-то пути вели через просторные залы, наполненные горным воздухом и ароматом цветов, а сами нити светились золотом и были похожи на мерцающий занавес... Но это только легенды. Все могло быть иначе. Тебе легче от моих слов?

— Не уверен.— Атэр еще раз с омерзением огляделся.

Старуха, уже давно перебравшаяся через высокий порог и теперь подозрительно копошившаяся в углу, тихо захихикала, как будто он сказал нечто невообразимо смешное. Потом, развязав мешок, вытряхнула содержимое на пол.

Это оказался клубок жирно блестящих белых нитей, которые тут же зашевелились, расползаясь в разные стороны. Одни резво шмыгнули к выходу — обалдевший Атэр едва успел отскочить, освобождая им дорогу. Другие втекли в землю. А некоторые, подпрыгнув вверх, слились с волокнами, свисающими с потолка.

— Ну. Вот...— Болотница довольно потерла морщинистые руки.— Готовось. Давайте-ка. Давайте, пока они бодрые.

— Да уж, слишком бодрые! — хмыкнул эллан.— И что делать?

— Просто шагни вперед. Не бойся, они сами перенесут тебя,— подсказал Рамир.

— Шагать и не бояться? Отлично. Просто великолепно. Что? Я первый? Ну ладно.

Атэру потребовалось приложить большое усилие, чтобы заставить себя подойти к колышущейся кисее. Борясь с непроходящим отвращением, он подался вперед. Прохладные, влажные струи упали на голову и плечи, защекотали по ногам, а потом одним хищным движением сжали в живые тиски и рванули вверх.

Несколько секунд головокружения, а потом вдруг, сразу, без перехода, к эллану пришло ощущение покоя, расслабленности и тепла. Рискнув приоткрыть глаза, он увидел вокруг белоснежные, мягко светящиеся, тесно прижатые друг к другу гибкие стволы. Они трепетали, переливаясь жемчужным светом. Смотреть на это было очень приятно, потому что биение сердца совпадало с пульсацией белых стеблей. На какое-то краткое мгновение Атэр почувствовал себя частью этой сложной конструкции, наполненной светом и жизнью. И тут же услышал тихий мелодичный голос: «Когда-то мы пронизывали весь срединный мир. Перекачивали большую мощь, выплескивались на поверхность озерами силы. Питали деревья, животных и людей. Демоны отняли наш мир. Сожгли его магию, заполнив своей — враждебной и разрушительной. Связь оборвалась, и земля стала умирать. Мы, к сожалению, последние, кто остался...»

Полет длился долго. Как во сне, без страха упасть и разбиться. Наслаждаясь скольжением по теплым земным путям, Атэр закрыл глаза... а потом парение оборвалось. Пространство сомкнулось. Сжалось. Эллана вышвырнуло из волшебной дороги на землю. Он упал, прокатился по камням, не видя ничего вокруг. Попытался встать. И рухнул снова, на этот раз от удара по голове. Сверху прозвучал злобный голос:

— Грязная собака! Как смеешь ты валяться в тени великого храма Нефтеруфа?!

Еще один удар.

«Добро пожаловать в Нит», — подумал демоноборец, теряя сознание.

Глава 7
ЗОЛТОН

«Доперемещался! Телепорты, видишь ли, разрушают исконную земную магию! Экспериментаторы! Печенка гиппопотамья...» — Последнее недавно услышанное нитское ругательство пришлось очень кстати.

Над головой свистнул бич, сплетенный из бычьих жил, и Атэр привычно уклонился от жгучего прикосновения. Тело само находило положение, в котором колодки меньше натирают шею и руки, не слишком давят на плечи. Ноги передвигались машинально, приноравливаясь к шагам Рамира — напарника в связке... Сказывался опыт рэймского рабства. А эллан-то надеялся, что это позорное время никогда не повторится.

Сорок невольников, скованных попарно, вели по раскаленной пыльной дороге в сторону шестивратного, знойного, каменного Мен-Нофера, подобного сияющей жемчужине в золотой оправе пустыни. В основном это были нумидийцы, но Атэр разглядел нескольких своих соотечественников и эбиссинцев. Мрачные, истомленные, тупые лица, сбитые ноги, грязные оборванные одежды. Вонь от давно немытых тел. Назойливые мухи, лезущие в рот.

Вдоль дороги тянулись унылые серые пустоши, заваленные камнями и битым щебнем. На пригорке лежал дохлый вол с раздутым пузом. Возле него, совершенно не стесняясь присутствия людей, грызлись за добычу несколько собак. В бездонно-сизом небе кружили стервятники. Лишь у самого горизонта единственным ярким пятном зеленел большой оазис.

Шесть работорговцев гарцевали вокруг вереницы пленников на сытых лошадях, лениво переговариваясь пронзительными гортанными голосами. А впереди маячил закрытый паланкин, из которого тянуло мощной демонической силой. Хорошего самочувствия присутствующим, понятно, это не добавляло.

Иногда колонну обгоняли телеги, запряженные быками. В них сидели тощие нитские крестьяне. Одни везли щебень для строительства. Другие— сухие лепешки навоза, смешанного с соломой, груды стеблей папируса или собственные семьи, чумазых детей и сморщенных от загара и тяжелой работы жен.

Атэру хотелось взвыть от отчаяния, а еще лучше — собрать всю имеющуюся магическую силу и ударить по погонщикам. Но руками, закованными в колодки, колдовать было почти невозможно. Да и близость тяжелых темных эманаций призывала к осторожности...

Как оказалось через несколько мгновений, эллан таился не зря. Рабов остановили. Торговцы засуетились и загомонили, ударами плетей равняя строй. Белая ткань паланкина отодвинулась в сторону, верблюд опустился на колени, и на землю медленно спустилась девушка... Демоница.

Украшений на ней было явно больше, чем одежды. Два золотых диска, соединенных цепочкой, едва прикрывали смуглую грудь. С широкого пояса, инкрустированного рубинами, опускались два куска тон-

кой алой ткани, оставляющей открытыми гладкие бедра. На голове, опутанной тонкой золотой сеткой, висели длинные нити с ароматическими шариками. Из них, увлажняя густые черные волосы, сочилось душистое масло. Волнистые пряди жирно блестели на солнце и были похожи на сонных, ленивых змей.

— Не нравится мне это,— пробормотал Атэр, выпрямляясь рядом с иллинейцем.

Рамир неопределенно хмыкнул, поглядывая на приближающуюся красавицу.

— Прошу вас, госпожа,— льстиво стелился перед ней глава погонщиков.— Эй вы, ленивые, грязные гиппопотамы! Стоять ровно, глядеть прямо, чтобы владычица могла осмотреть вас.

«Интересно. Зачем ей люди? — Стараясь не показать тревогу, Атэр внимательно наблюдал за темной.— Проголодалась и решила выбрать самого упитанного, чтобы закусить? Или заскучала, видя один и тот же унылый пейзаж, а теперь ищет симпатичное развлечение?»

Красотка равнодушно прошла мимо нумидийцев и остановилась возле двух эллан. Изогнула стан, опираясь рукой о бедро, подумала и томно произнесла:

— Я заберу этих.

Голос у нее был низкий, звучный, с чувственной хрипотцой.

Направившись дальше, демоница выбрала еще одного русоволосого юношу. И наконец звеня браслетами, приблизилась к Рамиру. Осмотрела с ног до головы. Улыбнулась одобрительно:

— Этого тоже.

«Не повезло иллинейцу...» — Атэр ощутил на себе тяжелый взгляд и понял, что сейчас совершит очередную бессмыслицу. Как тогда с тхаорой, как с Вентиго. Как всегда.

Он выпрямился, насколько позволяли колодки. Заглянул глубоко в миндалевидные темные глаза, жирно подведенные черной краской. Посмотрел пристально, нагло, многозначительно. Потом устремил взор на губы, намазанные красной помадой. Затем на смуглые полушария груди, прикрытые золотыми дисками. На гладкие бедра. И снова в глаза.

Красавица удивленно приподняла черные брови. Рассмеялась. Она не ожидала такой прыти от раба, тащившегося по пустыне пешком, под ударами плети. Приятное разнообразие после тупых испуганных физиономий остальных. Живость, яркость, нахальность, молодое сильное тело...

— Этого я тоже беру,— заявила она. Развернулась, сверкая рубинами, и направилась к паланкину.

С рабов тут же сняли колодки. Подвели к новой хозяйке, и та щелчком пальцев открыла телепорт.

— Вперед, по одному,— приказала темная и вальяжно добавила: — Надеюсь, никому из вас не пришла в голову мысль о побеге?

Атэр раздраженно покосился на бледных до синевы рабов, топчущихся возле крутящейся воронки, и решительно направился вперед.

Ворота перенесли его в просторный светлый зал с круглым бассейном в центре. За высокими окнами росли пальмы. Между их стройными стволами виднелся кусок все той же пустыни. Значит, владение располагалось в срединном мире и, похоже, как раз в оазисе, замеченном элланом раньше.

Телепорт снова открылся. Из него вышел Рамир, молча огляделся и уселся на пол. Потом, один за другим, появились еще трое «гостей». Они были испуганы.

Ворота закрылись, но демоница так и не явилась. Вместо нее в зал вошел толстый потный нитянин в белоснежном складчатом переднике и косо сидящем черном парике.

— Меня зовут уважаемый Пенту,— заговорил он брюзгливым, одышливым голосом.— Сейчас вас вымоют, накормят и оденут. Будете делать все, что велят, и, даст великий Нефтеруф, ничего плохого с вами не случится.

— Как зовут ту, что привела нас сюда? — подал голос Рамир.

Толстяк презрительно скривился:

— Не думаешь ли ты, наглая свинья, что госпожа станет называть свое имя каждому любопытному рылу.

— Что с нами сделают? — дрожащим голосом спросил самый молодой из рабов, подросток младше Атэра года на четыре.

Необъятный живот уважаемого Пенту заколыхался, глазки сощурились, утонув в складках кожи, а лоснящиеся губы растянулись в глумливой улыбке:

— Каждого употребят сообразно вашему назначению.

Мальчишка побледнел, это было заметно даже под грязью, покрывающей его лицо. Слово «употребят» сразило его.

— Что, уже представил себя лежащим на большом блюде, украшенном укропом и маслинами? — ехидно поинтересовался Атэр.

— Все идите за мной,— приказал толстяк, убедившись, что у невольников пропала охота задавать вопросы.

Следующую пару часов эллан не думал ни о темных, ни о своей грядущей судьбе. Его действительно долго тщательно мыли, потом одели в традиционный нитский передник со множеством тонких складок, и только сидя в просторном обеденном зале за столом, накрытым человек на двадцать, Атэр тихо спросил у задумчиво жующего Рамира:

— Зачем ты спрашивал ее имя?

— Хотел развеять свои сомнения.

— И как?

— Не уверен.

— А ты ее встречал когда-нибудь? Слышал о ней?

— Не уверен, что о ней...

Эллан, наевшись, откинулся на спинку стула и принялся разглядывать соседей. Те, жадно накинувшись на еду с вином, похоже, не обременяли себя поисками путей для спасения. Захмелев, юноши громко болтали и нервно смеялись:

— Глядишь, нас не убьют. Зачем ей убивать нас...

— Красивая женщина, пусть и демоница...

— В любом случае, лучше умереть здесь, чем горбатиться в шахтах.

Атэр поморщился: «Бараны на травке...»

Дверь в зал распахнулась. На пороге, оглядывая всех присутствующих прищуренными глазками и высокомерно поджав губы, стоял уважаемый Пенту. Кудлатый парик на его голове снова съехал. Атэру невыносимо захотелось проткнуть толстое колыхающееся брюхо уважаемого, которое выражало явное нетерпение. Но делать этого было нельзя.

Нитянин указал на эллана жирным пальцем:

— Ты! Следуй за мной...

Юношу провели по открытой галерее, в которой буйно цвели белые олеандры. Потом через несколько залов с зеркальными полами, где отражались глядящие со стен лики богов, похожие на погребальные маски.

Пенту остановился возле низкой резной двери. Открыл ее и кивком велел заходить внутрь. Нагнувшись, эллан попал в небольшую душную комнату, где не было ни одного окна.

Кругом горели светильники. Белые стены украшала фреска — тростник, очень похожий на настоящий. Он рос в нарисованной воде, но казалось, та плещется, прямо у каменного пола. Из зарослей летела белоснежная цапля, а за ней пристально следил крокодил, прижавшийся к земле.

В углу комнаты стоял жертвенник. Над тонким треножником вился пахучий дымок. А на широком бордовом ложе, зашвырянном подушками, возлежала демоническая госпожа.

— Иди сюда, не бойся,— промурлыкала она, рассматривая Атэра, и облизала красные губы.— Сейчас у меня нет желания убивать... Впрочем, испуганным ты не выглядишь. Приятное разнообразие. Мне наскучили трепещущие мальчишки. Их так легко ломать. Хочется кого-нибудь покрепче.

Эллан послушно приблизился, чувствуя непреодолимое желание зевнуть — приторные ароматы благовоний нагоняли сонливость. «Как это знакомо,— подумал он.— Неужели все демоны такие тупые, предсказуемые и...»

— Не все!

Эллан вздрогнул. Неожиданный ответ был произнесен низким рычащим голосом, который никак не мог издать чувственный изящный рот девушки, полулежащей на кровати. Красавица лениво потянулась,

а потом вдруг вскочила на четвереньки, явно готовясь к прыжку. Атэр, мгновенно очнувшись от расслабляющей дурноты, шарахнулся в сторону и шлепнулся на пол.

Гладкая кожа на лице девушки вспучилась, поползла вниз, словно горячая глина, и собралась складками. Глаза сузились, западая под тяжелые костяные веки. Оскалилась пасть, провалился нос, превращаясь в две вертикальные щели...

— Не все-э-э,— провыло мерзкое существо с кровати.— Некоторые обожают убивать. Их мучает постоянный, неутолимый голод, который не заглушить даже самой свежей и сладкой плотью!

Демон бросился вперед, но его когтистые пальцы схватили лишь воздух.

Так и не успев испугаться, Атэр перекатился по полу, вскочил, поднял первую попавшуюся вазу и швырнул в озверевшую тварь.

Тяжелая глиняная посудина врезалась в широкую спину зверя, но тот лишь встряхнул жирными черными волосами. Развернулся, скрипнув когтями по камню, и припал к полу для следующего прыжка.

— Сначала я проломлю твою голову и съем мозг, в котором посмели появиться такие наглые, высокомерные мысли. Потом высосу твои бесстыжие глаза, которые осмелились глядеть на меня...

Ударом ноги эллан опрокинул жертвенник, рассыпая по полу раскаленные угли. Выдернул из гнезда одну из трех изогнутых ножек, перехватил удобнее и направил острие на врага.

— Ты действительно не боишься... — пробормотала тварь, бывшая красоткой.— Смелый человечек.

Атэр крепче сжал оружие, понятия не имея, сможет ли справиться. Демон прыгнул, но на середине полета вдруг изогнулся, как будто налетел на невидимую стену. Неловко приземлился на пол и снова стал меняться. Его и без того безобразная рожа вытянулась еще больше. Волосы деформировались в серые хитиновые пластины, плотно прилегающие к голове. Лапы стали короткими, кривоватыми, и на них стремительно вырос мощный мужской торс. Через несколько мгновений ошеломленный эллан увидел крокодила с туловищем человека.

Пальцы Атэра разжались, кусок треножника со звоном упал на пол. Он понял, что видит владыку Нита, Его Могущество Золтона, собственной персоной.

— Ну-ну. Значит, тебе не по вкусу красавицы? — произнес тот низким, утробным голосом и растянул пасть в ехидной ухмылке.

Эллан, жадно глотающий душный, воняющий благовониями воздух комнаты, не успел придумать, что ответить. По телу Хозяина прошла новая волна. На месте крокодильей морды выросла уже знакомая голодная пасть, истекающая слюной, и завизжала:

— Я хочу сожрать его!

Демон с видимым усилием поднял руку, покрытую чешуей, провел по лицу длинными когтями, словно пытаясь содрать приклеившуюся

к коже маску, вернул прежнюю личину аллигатора и произнес низким голосом:

— Никто никого не сожрет! По крайней мере, сейчас!

Но кровожадный зверь опять пробился наружу и взвыл:

— Но мой голод слишком силен!

— Я сказал — нет!

— Отдай мне мальчишку! Я хочу есть!

— Нет!!

Открыв рот от изумления, Атэр следил за борьбой двух существ в одном теле и не мог понять, кто сошел с ума — он сам или Золтон. В конце концов, Высший грозно зарычал, и скулящая голодная тварь «исчезла».

— Да-а... — машинально повторил вслух свою мысль все еще ошарашенный Атэр.— Вот это раздвоение личности. С кем-то бывает...

— Ни с кем не бывает! — оглушительно рявкнул Хозяин. Огляделся. Слегка успокоился и сел в кресло, которое скрипнуло под тяжестью его тела.— Ни с кем больше не бывает такого. Я соединяю в себе сразу три сложнейших сущности. И тебе удалось одновременно познакомиться сразу со всеми. Это небывалое достижение... Сядь.

Колени эллана сами подогнулись, и он плюхнулся на край ложа. Золтон запустил когти под широкий золотой обруч, впивающийся в мощную чешуйчатую шею, разогнул его края и швырнул в сторону. Проделал то же самое с браслетами, украшавшими черноволосую «госпожу», бесследно исчезнувшую в теле демона. Раздраженно дернул углом пасти и спросил угрюмо:

— Кто ты такой?

— Меня зовут...

— Меня не интересует, как тебя зовут! — рявкнул Золтон, сдирая с предплечья очередной браслет.

— Я эллан.

— Эллида... — с отвращением повторил демон.— Друзлт совсем распустил своих рабов! Скоро они ему на шею сядут. Иди сюда! Почеши мне спину. Хоть на это ты, надеюсь, пригоден?

— Как? — озадаченно спросил Атэр, начиная постепенно приходить в себя.

— Возьми прут, которым так лихо тут махал. Подойди ближе. Ну! Не бойся! Кокетничать с демоническими красотками у тебя хватало смелости.

От Хозяина остро пахло мускусом. Шкура на его хребте оказалась покрыта толстыми иглами длиной в половину руки. Они свисали густой гривой до самой поясницы, и когда эллан осторожно сунул в них ножку от жертвенника, загремели, словно связка сухих костей.

— Давай-давай, сильнее,— командовал Высший, сопя от удовольствия и держась обеими руками за подлокотники кресла.— Выше... левее... Любопытство лезет из тебя как пена от пива из тыквенной бутылки. Спрашивай, если неймется. Может, я и отвечу.

Стараясь не глядеть на мощный загривок демона, покрытый хитином, Атэр заговорил, вспоминая свой недавний образ недалекого, молодого дурачка, которого не воспринимают всерьез и с удовольствием поучают.

— Я слышал... сплетни о том, что в Ните есть человек, которого все называют Зодчим. Будто бы он строит какие-то удивительные... — Он запнулся, не договорив, потому что Золтон медленно повернул крокодилью морду, и его желтые выпуклые глаза стали наливаться кровью.

— Где ты об этом слышал?!

— В Балтисе,— растерянно ответил Атэр, чувствуя, что сейчас, похоже, допустил самую большую ошибку в своей жизни.

Повелитель Нита протянул руку, схватил его за горло, стремительно поднялся и потащил за собой, словно мешок с тряпьем. Полузадушенный, Атэр вцепился в холодные скользкие пальцы. Сознание отметило размытую картину черного зала, красные пятна факелов, ровный огонь в чаше треножника. «Мы в демонском мире... Сейчас он убьет меня... принесет в жертву самому себе...»

— Много чести,— прорычал Хозяин.

Не выпуская пленника, свободной рукой он бросил на угли горсть травы, громко произнес фразу на гортанном наречии, неизвестном эллану. В зале повеяло холодом, и теряющий сознание юноша услышал новый голос, говорящий на нормальном срединном диалекте, едином для Нита, Рэйма и Эллиды.

— Приветствую, Золтон... Какие-то проблемы?

— Это ты мне сейчас скажешь, турвон! Что это такое?! Что такое, я тебя спрашиваю?!!

Атэру казалось, голова его сейчас лопнет.

— Человек. Эллан, кажется. Это ты хотел мне показать? Если перестанешь трясти его, как собака кость, я смогу рассмотреть лучше.

Хозяин зарычал и швырнул Атэра на пол.

Несколько следующих минут выпали для того из реальности. Кашель раздирал глотку, перед глазами плавала серая муть, тело наполнила отвратительная до тошноты слабость. Но наконец ему удалось приподнять голову... Рядом с Правителем Нита эллан увидел высокого человека с высокомерно-равнодушным, неприятным, породистым лицом патриция. На нем был длинный, до пола, гематий, черная тога и черные закрытые сандалии.

Сначала эллан тупо смотрел на него, а потом вдруг почувствовал безмерное омерзение и гадливость, будто увидел гнездо земляных змей-поедателей падали, и они полезли наружу, извиваясь белесыми, липкими телами. Такого чувства он не испытывал ни к Некросу, ни к крокодилоподобному Золтону, ни к Вентиго.

Турвон прищурился, и по его лицу тоже пробежала волна отвращения — отражение гримасы Атэра. Похоже, и демон не пришел в восторг от нового знакомства.

— Кто это? — отрывисто спросил темный.

— Он выведывал у меня про Зодчего! — рявкнул Хозяин.— Откуда эллан знает про него? Кто распускает слухи?!

Высший с видимым трудом оторвал взгляд от человека.

— Люди всегда отличались тем, что распространяли сплетни.

— Их нужно заставить замолчать! — Золтон приоткрыл пасть, словно собираясь откусить инквизитору голову.

— Заставить молчать всех — невозможно,— спокойно возразил тот.— К тому же, дорогой Золтон, ты сам пользовался его услугами. Кажется, именно он строил подвесные сады для твоего дворца? И ты был доволен.

Костяные иглы на загривке Хозяина затряслись. Он поднял руку, и в сжатом кулаке появился длинный посох с красным шаром на конце. Владыка Нита стукнул им по полу, и факелы вспыхнули ярче.

— Он был жрецом в храме Семнехкера,— произнес Золтон нехотя.— Бога мудрости. До того, как я разрушил святилище. Поднахватался там знаний. Библиотека у Древнего была, я тебе скажу, огромная.

— Ты уничтожил ее? — хмуро спросил турвон.

— Конечно, уничтожил! — Эллану, сидящему на полу тихо, как мышка, показалось, что «патриций» не слишком доволен этим заявлением. Но Золтон лишь пренебрежительно махнул рукой.— Я переделал святилища под себя. И, сам понимаешь, мне не слишком приятно вспоминать, что я всего столетие назад смог уничтожить этого бога.

— Куда исчез бывший жрец после постройки садов?

— Много лет назад замурован в подземелье. Ни к чему смертному иметь столь длинный язык и болтать про демонский порядок лишнее. Но я не желаю, чтобы слухи про него распространялись по всем землям.

— Повторю еще раз. Люди будут говорить. Ты не заставишь умолкнуть все языки.

— Заставлю,— грозно оскалился Хозяин.— А начну — с этого.

Он медленно повернулся к Атэру, и тот съежился на полу под взглядами двух Высших демонов.

— Хочешь увидеться с Зодчим? — глумливо-любезным голосом осведомился властелин Нита.— Твое желание исполнится. Я предоставлю тебе такую возможность. С удовольствием. Прямо сейчас!

Глава 8
ТОПИ НИТА

До границы с Нитом демоноборцы добрались через два дня. Проклятые земли остались позади. Узкая тропа, петляющая среди ярко-зеленой травы, уводила в бесконечные заросли высокого камыша. Тонкие стебли лениво качались на ветру, издавая непрерывный ровный шелест, по блестящим на солнце паутинкам, натянутым между ними, ползали крошечные паучки.

После свежести гор дышалось труднее. Одежда липла к телу во влажном воздухе. Жидкая грязь доходила лошадям до колен. Иногда

земля уходила из-под ног, и друзьям приходилось вплавь пересекать глубокие каналы, окруженные целыми полями водяных цветов.

— А что вы хотели? — гордо заявил Октавий после очередного купания.— В этой части Нита лежат священные болота. Обиталище великого каймана.

— Какого каймана? — оглушительно сморкаясь, поинтересовался Критобул.

— Великого,— сухо отозвался жрец.— Зверя, посвященного Золтону. Кровожадная тварь выползает на охоту по ночам и, говорят, может проглотить целого вола.

Атлет лишь скептически пожал плечами.

Наконец, впереди показалась широкая полоса воды.

— Нит,— произнес Гай и оглянулся на Арэлл.

Река медленно катилась между низкими берегами, заросших тростником. Мелкие мутные волны лениво покачивали камыш у берега, отражая солнечные блики на сочных зеленых стеблях. Трудно было поверить, что выше по течению поток бурлит и клокочет на перекатах.

Спутники затаились в зарослях, стоя по колено в воде. Вниз по течению медленно плыла черная ладья. При взгляде на нее у любого человека по спине пробегала дрожь — этот корабль был построен не людьми и не для людей.

За ладьей следовала целая флотилия судов поменьше. На них друзья разглядели нитских воинов в полном вооружении.

— Плывут к границе? — прошептала Арэлл, крепко сжимая повод.

— На флагмане — демон, а люди — войска человеческого правителя,— отозвался Гай.

— Да,— подтвердил Критобул.— Я вижу даже рисунок на щитах. Змея обвивает желтый диск. «Пожирающие солнце». А вон те, с высокими гребнями на шлемах,— «Аллигаторы». Элитные войска. Неужто Золтон собирается напасть на Рэйм?

— Даже если так,— Гратх отступил глубже, жестом велев остальным сделать то же самое,— нам надо идти...

Камыш стал гуще и выше. Толстые черные гадюки, копошащиеся в иле, поспешно убирались с дороги маленького отряда. Впрочем, Критобул не удержался и разрубил парочку не слишком быстро освободивших ему дорогу. Он испытывал непреодолимую неприязнь к любым ползучим гадам.

— Похоже, скоро мы выйдем на сухое место,— отчего-то решил Октавий, о чем всем и поспешил незамедлительно сообщить.— Это очень кстати, друзья мои, потому что...

Его последние слова заглушил громкий всплеск. Жеребец атлета оступился и, ломая тростник, рухнул в воду вместе со всадником. Когда их вытащили, конь и человек оказались покрыты слоем черного ила. Остальные тоже не могли похвастаться чистотой, но эти двое были похожи на выходцев с того света. Преторианец, ругаясь сквозь зубы, кое-как протер лицо от грязи и снова занял место во главе отряда.

Спутники вышли к небольшой круглой заводи, когда солнце перевалило далеко за середину неба. По поверхности воды шла мелкая рябь и разбивалась об основание приземистой черной пирамиды.

— Это храм Золтона? — шепотом спросила Гермия, зябко передернув плечами, хотя воздух был душным.

От сооружения исходило почти материальное зло. Густое и тяжелое, пригибающее к земле.

— Вот что,— тихо сказал Критобул, сам похожий на демона, поворачивая чумазое лицо.— Сваливаем отсюда, пока нас не заметили.

Но последовать разумному совету не удалось. Черные ворота распахнулись. Из провала выплыл долгий звук — удар гонга. А затем появились жрецы. Вооруженные тэмами, они поднимались по широким ступеням.

Слуги Высшего были одеты в одинаковые чешуйчатые передники. Их головы скрывали шлемы в виде крокодильих черепов, и казалось, будто из-под земли выходит целый отряд злобных рептилий, не имеющих с людьми ничего общего, несмотря на человеческие тела.

Они вывели из недр храма жертву — светловолосого мужчину в оборванной одежде. Тот с ненавистью оглядел служителей, а потом повернул голову к зарослям, за которыми скрывались рэймские беглецы, и... посмотрел прямо на элланку.

На его грязном, упрямом, измученном лице сияли светлые глаза, и от их взгляда у Арэлл внутри, где-то у сердца, начал медленно подниматься холод. Ей показалось, что она, запрокинув голову, смотрит в сумрачное, бледно-серое небо севера. И в этом небе, как иней по траве, морозным узором медленно разворачивают свои лучи звезды из ледяных кристаллов.

Знакомые глаза.

Знакомое чувство.

Арэлл сжала рукоять своего меча:

— Это надо остановить.

— Я знал, что ты так скажешь,— отозвался преторианец и обменялся с Критобулом невеселой, понимающей усмешкой.

В воротах пирамиды появился верховный жрец. Его голову украшал золотой крокодилий череп, туловище покрывала длинная кожаная накидка. Элланка почувствовала, как ярость, заклокотавшая в груди, сменилась ледяным спокойствием, и бесшумно вытянула балтус из ножен.

— Погоди,— произнес Критобул.— Надо все обмозговать. Нельзя бросаться сгоряча.

— Вы с ума сошли?! — возмущенно зашипел Октавий.— Что вы задумали?!

— Сначала — убить главного,— быстро произнес Гратх.— Он обладает правом вызова Хозяина. Остальных отрезать от входа.

— Я — справа, ты — слева,— буркнул Критобул.— Гермия, держи лошадей и не высовывайся.

Оба преторианца бесшумно исчезли в зарослях.

— А мне что делать? — прошептал Октавий, и в его голосе послышались панические нотки.

— Не бойся,— не глядя на спутника, Арэлл протянула руку и крепко сжала его предплечье.— Нельзя бояться вечно.

От ее ладони вниз по руке Октавия потекло тепло. И страх, всю жизнь грызущий его внутренности, вдруг отступил, потускнел, больше не заслоняя свет. Сколько рэймлянин себя помнил, он всегда подчинялся страху. Большему или меньшему. Уступал одному в пользу другого и никогда не мог стряхнуть с плеч призраки боли, смерти, унижения, преследовавшие его каждую минуту. Сейчас Октавию казалось, что узкая девичья ладонь выжимает из него сомнения и трепет. И когда Арэлл сказала: «Пора», он не почувствовал привычного, оглушающего ужаса. Душа не съежилась в жалкий комок, он просто выхватил меч и бросился вперед.

Служители демона были ошеломлены наглостью напавших. За всю историю культа смертные не нападали на них никогда. А эти были либо безрассудны, либо... Золотоголовый верховный хранитель сокровищницы Золтона не успел додумать — балтус светловолосой женщины столкнулся с его тэмом, нанося удар с неженской силой. В ее взгляде горело священное безумие, а рука была точна и безжалостна.

Через несколько секунд боя жрец понял, что не совладает с сумасшедшей. Послушники не спешили на помощь, за спиной звучали их крики и звон оружия. Оставалось единственное средство... «Господин мой, призываю тебя...» — начал он произносить мысленно. Но элланка дико сверкнула глазами.

— Этого не будет!! — закричала она.

Захлебнувшись словами призыва, слуга демона упал.

Преторианцы расправлялись с послушниками, словно на учениях, методично и спокойно. Те защищались яростно, но явно с трудом противостояли силе и умению воинов.

— Это тебе не рабов резать! — гаркнул Критобул, подрубая ноги одному из приспешников Золтона. Младшего жреца, подскочившего сбоку, ударил локтем в лицо и заорал: — Гай, сзади!

Гратх, только что уложивший очередного противника на ступенях храма, быстро оглянулся. Из полумрака святилища на него бросился здоровый, как бык, служка. Глаза его были налиты кровью, на губах пузырилась пена. «Только что принял наркотик»,— понял бывший телохранитель. Отбил первый удар тэма, годного для разделки волов, уклонился от лезвия, просвистевшего вдоль виска и легко задел «мясника» по груди, чем разъярил того еще сильнее.

Пленник откатился в сторону, под ноги Октавия, вскочил неловко и крикнул:

— Режь веревку! Быстрее!

Тот неловко взмахнул мечом, но, к своему изумлению, выполнил требуемое. Мужчина стряхнул с кистей обрывки, схватил тэм, выпавший из руки убитого послушника и бросился на подмогу Гратху. Рэймлянин

побежал за ним, чувствуя, как странная звенящая пустота наполняет голову.

Один из врагов помчался прочь. Решив, что он может привести подмогу собратьям, вслед за беглецом метнулась Арэлл. Послушник ломился сквозь тростник так быстро, что она едва успевала уклоняться от острых листьев камыша, норовящих хлестнуть по лицу. Потом вдруг чавканье грязи под ногами врага смолкло. Послышался сдавленный крик.

Элланка выскочила на промятую лошадьми проплешину и увидела бледную Гермию с окровавленным мечом в руках. У ее ног лежало тело.

— Я не... знаю, как это получилось,— запинаясь, проговорила бывшая рабыня, с ужасом глядя на убитого.— Он... бросился на меня, а я...

— Молодец.— Арэлл ободряюще кивнула девушке и поспешила обратно...

Шум боя стих. Все было закончено. Трупы жрецов валялись на мелководье, их шлемы торчали над водой, словно слепые крокодильи морды. Арэлл мазнула невидящим взглядом по лицам спутников и побежала вниз по ступеням, в храм.

— Стой! Куда?! — завопил Критобул.

Но элланка уже спускалась по лестнице. Узкий ход вывел ее в квадратный зал, освещенный факелами, где в центре стоял жертвенник с подтеками крови. Девушка замерла в полушаге от него, подняла меч и обрушила на камень.

Арэлл была человеком, она не могла колдовать. Но Гаю и Критобулу, замершим у входа, показалось, что из лезвия балтуса вниз ударила молния. Алтарь дрогнул. Гулкий звук, словно удар гонга, прокатился по подземелью.

— Дождемся, что сюда заявится Золтон,— буркнул Критобул.

Элланка вздрогнула, приходя в себя, отшатнулась. Провела ладонью по лбу и пошла прочь от алтаря. Преторианцы молча расступились перед ней.

Крошечный пятачок сухой земли был окружен водой и густыми зарослями. Вечернее солнце медленно опускалось в тростник. Нагретые за день стебли начали пахнуть остро и свежо. Время от времени слышалось кряканье уток и свист их крыльев.

Критобул, смывая кровь и грязь с физиономии, шумно восхищался мужеством Гермии:

— Как она его! Видал, Аристид?! Чирк и «Хайрэ, Ямэл!». Как поросенка. А то все «боюсь» да «не умею»!

Октавий также раздувался от гордости, но его, в отличие от атлета, радовала собственная храбрость.

— Если вы заметили, тот воин, на которого я напал...

— Да-да,— преторианец хлопнул его по плечу,— ты нас всех поразил.

— Спасибо, что выручили.— Освобожденный пленник сидел, наклонив голову, и терпеливо ждал, когда Гермия закончит промывать рану на его затылке.— Не думал, что кто-то отважится напасть на личных слуг Золтона.

— Для нас это не впервой.— Октавий уселся рядом. Было видно, ему не терпится завязать беседу.

Гай подал Арэлл бурдюк. Девушка выглядела очень уставшей, и ему страшно хотелось добавить в воду несколько капель эликсира, вывезенного из Рэйма. Но телохранитель не рисковал сделать это, зная о ненависти спутницы ко всему демонскому. Гратх перехватил пристальный взгляд нового знакомого, обращенный на элланку, и ему отчего-то захотелось загородить собой девушку, защищая от навязчивого внимания.

— Нет ничего прекраснее вкуса свободы,— торжественно заявил Октавий.— Не правда ли, друзья мои?

К вискам незнакомца потянулись тонкие морщинки улыбки. Заметив это, Критобул добродушно заметил:

— Ты небось думал, уже все.

— Я умею ждать,— отозвался тот.

— Хм... — Атлет озадаченно нахмурился.— При чем тут ожидание?

— Когда становится так скверно, что терпеть дальше невозможно — значит, скоро перемены. Я всегда надеюсь, что они приведут к лучшему.

Преторианец наморщил лоб в тяжелом мысленном усилии:

— Тебя, парень, похоже, и впрямь хорошо по голове приложили.

Октавий фыркнул:

— Наш новый друг хотел сказать — что ни делается, все к лучшему. Его не только не принесли в жертву, он еще и познакомился с такими замечательными, самоотверженными людьми, как мы.

Собеседник сдержанно улыбнулся.

— Быть может, я допускаю ошибку, но сдается мне, ты чужестранец в этих землях... — продолжил рассуждать бывший жрец.

— Я иллинеец,— обернулся тот к рэймлянину.

Гратх заметил, как резко Арэлл вскинула голову, внимательно приглядываясь к мужчине. Наклонился к ней, спросил шепотом:

— Что происходит?

— Мне кажется, я его уже видела,— ответила она тихо.

— Где?

— Не помню... Расскажи о себе! — попросила элланка громко.

— Мое имя Рамир. С пятнадцати лет я странствую по свету.

— Как тебе удалось попасть в Нит из северных земель? — перебил Гай.— Насколько нам известно, владения Евграна ограждены от остальных земель неприступными горами. Я не знаю ни одного человека, который сумел перебраться через них.

— Да,— важно подтвердил Октавий.

— Через любые горы есть тропы,— ответил Рамир спокойно. Похоже, его не смутило недоверие преторианца.— Я прошел перевал Рудных. Спустился в долину Южной Анконы. Путешествовал по Иринее. Потом некоторое время жил в Илкасте. Через горы Виверн попал в Гаэту, пересек ее — хотел увидеть Южные земли.

— Ты был в Южных землях? — жадно спросил Октавий.— И что там?

— К сожалению, не дошел.— Иллинеец усмехнулся, увидев разочарование на физиономии жреца.— Меня остановило землетрясение. Едва я вышел к берегу Иль-Рияра, огромный пласт земли провалился в бездну, и море хлынуло в разлом.

— Ужас,— прошептала Гермия, с восторженным любопытством глядя на путешественника.

— Да-а,— глубокомысленно заявил Критобул.— Помотало тебя по свету. Небось диковин всяких насмотрелся... Что самое чудное встретил?

— Вас,— невозмутимо отозвался Рамир и улыбнулся, заметив выражения лиц спутников.— Люди, которые решились бросить вызов демонам — самое удивительное из всего, что я видел.

Атлет довольно хмыкнул, явно польщенный подобным отзывом. Гай не мог упрекнуть Рамира в неискренности, но продолжал внимательно присматриваться к нему. Что-то в этом человеке настораживало его. Быть может, легкость, с которой он всего за несколько минут вызвал симпатию у спутников. Арэлл так вообще, лишь увидев незнакомца, помчалась спасать. И слишком безмятежно он рассуждает о демонах и свободе... Гай недовольно нахмурился. Иллинеец сделал вид, что не замечает этого:

— Слухи бегут по миру быстрее людей.

— Какие слухи? — грубее, чем хотел, спросил преторианец.

— О вас,— невозмутимо ответил мужчина.— Ты — Гай Гратх, брат народного трибуна Тиберия. Рядом — преторианец Критобул... Сложно не узнать Арэлл — невесту наследника рэймского трона.

Критобул вытаращил глаза так, словно перед ним внезапно появился прорицатель. Октавий разинул рот. Гермия ахнула. Элланка исподлобья смотрела на Рамира, ожидая объяснений, и Гай чувствовал, как она напряглась. Сам он сжал рукоять меча.

Иллинеец окинул взглядом изумленных, встревоженных демоноборцев:

— Извините, друзья, я не хотел вызывать беспокойство... О вас мне рассказал один эллан.

Мужчина видел, как посмотрели друг на друга спутники. «Мало ли на свете элланов»,— прочитала Арэлл во взгляде Гая, но спросила, чувствуя, что голос дрогнул от надежды и тревоги:

— Как его имя?

— Атэр.

Гермия изумленно вскрикнула. Арэлл вскочила, чувствуя, что заколотилось сердце и кровь хлынула к щекам.

— Ты видел его?! Он жив?!
— Я ж говорил, он как пиявка!
— Где ты его встретил?!
— Когда?!
— Мы были уверены, что Вентиго убил его!
— Вот тебе и Симплигаты...

Несколько оглушенный бурными выражениями чувств, мужчина подождал, пока все угомонятся:

— Мы вместе выбрались из подземелья Древнего, но тут же попали в число рабов Золтона... — Он замолчал, мрачнея.

— Если уж Атэр Древнего обманул,— удовлетворенно заявил Критобул,— то и с темным справится.

«Бойся последствий своих желаний,— вспомнила Арэлл и посмотрела на восток. В той стороне остались хранители равновесия, выполнившие ее желание.— Что, если я, спасая его от Вентиго, отправила на смерть еще более страшную».

— Он стремился в Мен-Нофер,— продолжил новый знакомый.— Говорил, там его ждут друзья, чтобы вместе бороться с демонами. Рассказывал о вас. Предлагал мне присоединиться к вам, и, если вы не против его желания, я с радостью сделаю это.

— Мы тоже будем рады,— сказала элланка.

— А что, больше он ни о ком не говорил? — как бы невзначай осведомился Октавий. И только теперь все заметили его надутую физиономию.

Атлет хохотнул:

— Как же! Тебя представил в числе первых. Примерно так думаю.— Критобул попытался изобразить обычную насмешливую гримасу Атэра и заговорил, копируя его язвительные интонации.— Один из моих спутников — несравненный лурий Октавий. Несостоявшийся служитель Некроса и страшная зануда... но неплохой парень.

— А еще Аристид — брат нашего дорогого Критобула,— парировал уязвленный жрец.— Не видишь его? И никто не видит. Хотя наш великолепный атлет регулярно беседует с ним, таская прах на шее.

— Атэр много говорил о помощи Гермии,— сказал Рамир, не обращая внимания на спорщиков.

Девушка покраснела.

Арэлл прерывисто вздохнула, глядя на тусклую полосу на западе. И Гай, искоса наблюдающий за ней, понял, о чем она думает. Хочет быстрее попасть в Мен-Нофер, но понимает — ночью ехать по болотам неразумно. Надеется, что эллану каким-то невероятным образом опять удалось спастись, и теперь он ждет ее в столице.

На какое-то мгновение Гратху захотелось, чтобы юноша погиб уже окончательно и элланка больше не думала о нем. Но преторианец тут же грубо одернул себя. Желать этого было недостойно.

Глава 9
ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Атэр сидел на каменном полу, не решаясь двинуться с места. Темнота вокруг была настолько густой, что он не мог разглядеть даже собственную руку.

Золтон не убил его. Так же, как и много лет назад великого архитектора, демон сунул юношу в катакомбы под дворцом. Эллан невесело хмыкнул про себя: «Какая ирония судьбы! Искать Зодчего и найти такую же гибель, как он».

Владыка Нита оказался мастером причинять изощренные душевные мучения. Он знал, что для любого человека проще умереть быстро, чем ждать, когда из мрака выползет невидимая смерть.

Крепко зажмурившись, Атэр начал медленно считать до десяти, стараясь дышать ровно и размеренно. Парализующий ужас отступил, и эллан попытался мыслить спокойно.

«Прежде всего,— решил он,— нужно осмотреться».

Встать в полный рост юноша не решился и начал медленно продвигаться вперед на четвереньках, ощупывая пол вокруг себя. Сначала под пальцами были только холодные, неровные плиты, потом ладони натолкнулись на нечто вроде груды сухого тряпья. Недолго думая демоноборец бросил на него клубок магического пламени. Когда огонь разгорелся, он разглядел, что использовал вместо дров чьи-то высохшие и разбитые останки, но не смутился. Вытащив из кучи кость поцелее, намотал на нее тряпку, поджег и огляделся.

Синее пламя осветило круглую камеру, в которую выходило шесть узких ходов. Один из них был закрыт решеткой. Пять других — гостеприимно «распахнуты». В потолке виднелась круглая дыра. Через нее пленника сбросили внутрь.

Атэр поднялся. Медленно обошел камеру. Потом по очереди заглянул в каждый лаз.

В первом, вцепившись в решетку с той стороны, полулежал человеческий скелет. Мучительным усилием воли юноша сдержал печально-циничное приветствие: «А, вот и ты, Зодчий...»

Подойдя к следующему, разглядел, что ход обрывается пропастью.

Остальные четыре тянулись вдаль одинаковыми тоннелями.

Атэр понимал, что каждый из путей — особая ловушка, устроенная специально для дураков смертных. Но делать было нечего. Лучше идти куда-то, чем оставаться на месте, чтобы сдохнуть от голода и страха.

«Может, и получится,— решил он, напряженно вглядываясь в темноту правого коридора и старясь не поддаваться унынию.— Все-таки я обладаю магией...»

На стенах тоннеля выступали жирные подтеки белой плесени, затхлый воздух висел неподвижно. Брезгливо посматривая на них, эллан неожиданно заметил, что на одном из фрагментов стены слизь счищена

и на камне выцарапана буква элланского алфавита. Перевернутая Альфа. Смерть.

Озадаченный, юноша остановился напротив рисунка, соображая, что тот может значить. Предупреждение? — «Не ходи дальше, иначе умрешь»? Насмешка? — «Все равно умрешь, куда бы ни пошел»? Возможно, предостережение — милая шутка Золтона. Выход здесь, а человек остановится и повернет назад, побоявшись сделать шаг в коридор, помеченный «смертью».

Постояв немного, Атэр решительно направился вперед.

Плесени на стенах и потолке стало больше. Она излучала зеленоватый свет, сползала на пол и чавкала под подошвами сандалий. Это было противно, но не убийственно.

Через какое-то время блеклая поросль заколосилась густыми, пушистыми усиками. В воздухе появился мерзкий запах тухлятины. Теперь пол был густо укрыт мягким белесым ковром. Под ногой Атэра что-то хрустнуло. Опустив взгляд, он увидел обломок кости, высунувшийся из-под толстого слоя. И сейчас же дрянь вокруг лениво зашевелилась, наползая на расколотый фрагмент скелета, поглотила его.

Эллан резко выдохнул. По шее пополз холодок, а сердце заколотилось быстрее. Он сделал шаг назад и вдруг почувствовал, что тонкие усики ощупывают его ноги. Пушистый «ковер» слегка колыхнулся, явно собираясь схватить новую жертву.

Подпрыгнув так, что едва не задел макушкой свод потолка, Атэр швырнул вниз клубок пламени и бросился назад. Удушающая вонь гари плыла следом, а сама прожорливая тварь трепыхалась, пытаясь схватить беглеца. Но тут же опадала, охваченная пламенем.

Задыхаясь от быстрого бега, эллан выскочил в круглую камеру. Плюхнулся на пол и некоторое время сидел, тупо глядя в стену: «Вот тебе и перевернутая Альфа! Таинственный доброжелатель не соврал. Правильно отметил коридор. Стоило послушаться умного совета...»

Отдуваясь, Атэр поднялся и принялся по порядку осматривать остальные пять выходов.

Еще два знака смерти обнаружились на стенах тоннелей. Третий был нацарапан на потолке. Четвертый пришлось искать долго. Он обнаружился, лишь когда юноша догадался приподнять по очереди все камни на полу, показавшиеся неустойчивыми...

Пятый чернел на черепе того самого безымянного бедолаги, умершего в подземелье. И это была перевернутая Омега. Символ жизни. Вернее, возрождения. Чувство юмора у неизвестного доброжелателя определенно было.

Теперь стало понятно, куда идти.

Но как?

Эллан потряс холодное железо решетки. Осмотрел всю конструкцию и решил, что ее можно поднять. Следующие полчаса, кряхтя и обливаясь потом, он силился открыть ход. Прутья уходили наверх медленно, скрежеща по камням, норовя вырваться из рук и ободрать кожу. Когда

внизу открылся узкий лаз, достаточный, чтобы протиснуться, демоноборец осторожно выпустил решетку и быстро пролез в дыру, пихнув скелет в сторону.

Он едва успел прошмыгнуть. Прутья рухнули обратно, раздробив кости истлевшего в одиночестве узника. Одна заостренная пика проткнула череп со спасительной надписью. На секунду представив себя на месте несчастного, Атэр осторожно двинулся дальше. Тоннель был пуст, прохладен, без плесени и прочих прелестей подземной жизни. Где-то далеко журчала вода. Облизав пересохшие губы, юноша прибавил шагу, не забывая поглядывать по сторонам.

Несмотря на ободряющую надпись, расслабляться не стоило...

Длинный коридор оказался бесконечным.

Атэр шел настолько долго, что наконец устал. Он уже решил присесть отдохнуть, как вдруг пол пошатнулся, плита резко ушла из-под ног и, опрокинувшись на спину, эллан стремительно заскользил по наклонной гладкой поверхности, словно по ледяной горе.

Сухой воздух бил в лицо, дыхание перехватывало. По плечам, ногам и голове хлестало нечто невидимое, похожее на длинные куски ткани. Сумев ухватиться за один из них, юноша на мгновение приостановил падение. Но «ткань» вдруг выскользнула из пальцев, словно смазанная жиром, а кожу на ладонях обожгло. Больше он не рисковал и мечтал лишь о том, чтобы ничто не схватило его.

Чувствуя, что едет все быстрее, Атэр понял — если впереди вдруг окажется стена, его размажет по камням. Однако замедлить стремительное скольжение не удавалось. Ни подошвам сандалий, ни ладоням не за что было уцепиться на идеально гладкой поверхности.

Наконец, его подбросило в воздух, швырнув вперед... Пролетев несколько статий, демоноборец упал плашмя, а спустя мгновение, в щеку ткнулось что-то холодное, мокрое. Раздался тихий скулеж.

Резко приподнявшись, эллан увидел, что сидит на прозрачных плитах, под которыми горит огонь, а рядом копошится молочно-белый щенок. Кутенок повис, смешно болтая лапами в воздухе, когда демоноборец приподнял его за шкирку, с изумлением рассматривая забавную мордочку. Черные глаза-бусины, круглый коричневый нос, уши, словно две бархатные тряпочки... Щенок тоже внимательно изучал нежданного гостя, потом высунул розовый язык и попытался лизнуть его в нос. Атэр рассмеялся, но смех тут же застрял в горле.

У стены напротив он увидел статую огромного пса. Желтые блики огня омывали его мощные лапы, играя в глазах, сделанных из граненого гагата. Пасть была приоткрыта, в ней тоже горело пламя — красные струи вырывались наружу, и казалось, будто пес дышит огнем, непрерывно облизываясь десятком острых языков.

Эллан вдруг почувствовал легкое беспокойство и внимательнее посмотрел на кутенка, уютно устроившегося на ладони. Тот протяжно

зевнул, показывая розовое небо. Потом чихнул. Из его ноздрей вылетели две струйки дыма.

Стараясь не делать резких движений, юноша медленно, осторожно опустил зверька на пол и быстро отступил в сторону. «Славная собачка,— пробормотал он скептически, оглядываясь в поисках выхода.— Я очень надеюсь, что твоя мамочка не заявится...»

Но ему не повезло. Послышалось постукивание когтей по камню. Из круглой дыры в стене на пол грохнулось бесформенное черное тело, а следом за ним изящно спрыгнула поджарая белая сука. Щенок, увидев мать, радостно пискнул и бросился к ней. Но она уже обнаружила человека. Оскалилась, прижимая уши к голове.

— Я его не трогал! — Атэр отступил, заметив, как между клыками твари вырываются струи огня.

Собака зарычала громче. В ее глазах полыхнула свирепая ненависть.

— Я к нему даже не подходил!

Вряд ли псина понимала по-рэймски. Она продолжала надвигаться, свирепо ворча. Шерсть на ее загривке поднялась. Тогда Атэр сбросил к пальцам комок пламени и поднял руку. Собака остановилась. Эллану показалось, что на ее морде появилось удивленное выражение.

— Вмажу так, что мало не покажется,— пообещал он.

Сука заворчала уже менее уверенно, а щенок резво потрусил к гостю, подпрыгнул, ухватил за ремень сандалии и принялся самозабвенно грызть.

Грозное ворчание стихло в глотке собаки. Она отступила на шаг. Коротко гавкнула, и сынок бросился к добыче, валяющейся на полу.

Юноша внимательнее глянул на черную тушу и не поверил собственным глазам. У стены лежал мертвый демон. Низший, с клочковатой серой шерстью, залитой черной кровью. Алебастровый щенок жадно грыз его.

Первое изумление еще не успело пройти, как эллан уже ощутил прилив нового — собака повернула к нему морду и произнесла довольно внятно:

— Кто ты такой?

Он не нашелся, что ответить, но от неожиданности погасил пламя в пальцах.

— Вижу, что не демон.— Собака села на пол и облизнулась огненным языком.— Иначе не говорила бы с тобой.

Атэр снова посмотрел на труп, который щенок рвал на куски.

— Ты... можешь убивать их?!

— Низших. Не наделенных магией.— Она лизнула подбежавшего отпрыска в морду и разлеглась на теплом полу.— Нас называют адскими псами. Мы — такое же порождение Дна, как и демоны.

Эллан опустился напротив:

— Золтон знает, что вы здесь живете?

Она дернула ухом:

— Нет. Враги не чувствуют нас.

В голове Атэра, который никогда не слышал о подобных тварях, пронесся десяток способов, как можно использовать существ, равных по силе низшим темным. Но он сказал о другом:

— Я тоже враг демонам. Помоги. Мне нужно выбраться отсюда.

На секунду она задумалась, глядя на сытого детеныша, прыгающего по теплому полу.

— Тебе, человек, не понравится мой путь.

— Неважно.

Адская псина легко поднялась на ноги. Должно быть, это означало согласие. Она рыкнула что-то щенку, прошла мимо обглоданного тела, лежащего в луже черной крови, и оглянулась на эллана.

«Теперь я похож на Древнего,— подумал тот, идя вслед.— Бога смерти Ямэла тоже сопровождает пес. Только чёрный. Наверное, он из ее сородичей...»

Белая сука подошла к глухой стене и ткнулась в нее мордой. В то же мгновение камень пошел красными трещинами, стекая вниз потоком огня. Атэр, следуя за алебастровым силуэтом, шагнул вперед...

Гигантский зал был заполнен колоннами, словно лес деревьями. Их основания казались раскаленными добела, середины были красными, потерявшими часть жара, а вершины, теряющиеся в темноте над головой,— угольно-черными. Холодными. Пол, как и в прежнем помещении, оказался прозрачным. Под плитами кружили тысячи желтых искр, густо клубясь вокруг центра.

— Что это? — Эллан приблизился к одной из колонн, разглядев внутри нее такие же искры, как в нижнем зале.

— Корни,— отозвалась четвероногая спутница равнодушно.

— Корни чего? — Атэр спешил следом, стараясь не отстать и одновременно пытаясь разглядеть сквозь пол, что за дерево находится с той стороны.

Собака не ответила. Она петляла между колоннами, опустив голову. Словно пыталась найти потерянный след. Отблески огня оседали на ее шкуре причудливым узором.

В глубине зала «корни» начали сплетаться. Пробираться между ними стало труднее. Случайно коснувшись одного из них, эллан обжегся.

— Послушай,— спросил он, дуя на покрасневшую ладонь,— как же Хозяева позволяют вам охотиться на своих слуг?

— Мы не спрашиваем разрешения,— отозвалась она, не поднимая головы.

— А вас много?

— Не знаю. Мы никогда не сбиваемся в стаи. Всегда охотимся поодиночке. Зачем ты спрашиваешь? — В голосе собаки послышались недовольные нотки, и эллан поспешил объяснить причину своего повышенного интереса к ее племени.

— Демоны заняли нашу землю. Срединный мир. Я не знал, что есть кто-то, равный им по силе. Если бы вы могли помочь нам...

На морде собаки появилось выражение откровенной скуки. Она остановилась, широко зевнула, показывая огненную пасть, окаймленную рядом белых зубов:

— Всё правильно. Демоны охотятся на людей. Мы — на демонов. Каждый должен что-то есть.

— А кто охотится на вас?

Собака глянула на него свирепо, оскалилась, но ничего не ответила.

Постепенно «лес» начал редеть. Плиты на полу покрылись трещинами, вспучились, будто их поднимал жар, идущий изнутри. Дорога пошла под уклон, и в воздухе появился стойкий запах раскаленного железа.

— Где мы сейчас? — Эллан перешагнул через трещину в полу.

— Над землями гарудов.— Собака, принюхиваясь, сунула нос в дыру между двумя разошедшимися плитами.

Атэр слышал о гарудах. Эти гигантские птицы, вечные враги змееподобных нагов, обитали в одном из Нижних миров.

— Значит, это их деревья выпускают корни с этой стороны? Так мы не под срединным миром? — Юноша снова уставился себе под ноги, в надежде увидеть одно из крылатых существ. Но разглядел лишь все то же бесконечное кружение золотых искр.

Собака подняла голову и громко фыркнула. С ее носа полетели огненные капли.

— Все миры соприкасаются... если знаешь пути.

Двигаться стало тяжелее. Прозрачный пол сменился черным базальтом. Воздух загустел и наполнился жаром. Светящиеся корни исчезли. Стало темно.

Спутница бежала впереди, оставляя на камнях огненные отпечатки лап, и эллан, спотыкаясь, брел по этой неровной светящейся дорожке. Под ноги стали попадаться острые камни. Их сколы едва заметно поблескивали тонкими нитями слюдяных вкраплений. Впереди, высоко над головой, загорелось красное пятно. Оно то наливалось багровым светом, то вспыхивало горстью углей, на которые дует ветер.

— Что там? — Человек остановился, переводя дыхание.

— Череда вулканов.— Адская псина оглянулась, ее огненная пасть светилась в темноте маленьким кратером.

Земля мягко вздрогнула. Из яркого пятна на горе вверх взметнулся столб пламени. Он врезался в сизые облака, закрученные спиралью, и растекся по небу багровым куполом. Казалось, сам воздух запульсировал от мощи, выплеснувшейся на поверхность.

— Туда мы не пойдем. Они жгут все движущееся.— Собака дышала часто, пасть ее широко открылась. Похоже, ей тоже было тяжело.

Эллан кивнул, чувствуя, как на лбу выступает испарина:

— Куда теперь?

— Снова вниз...

За грядой вулканов началась мертвая земля. Атэр так и не понял, как они попали сюда. Он просто сделал шаг — и оказался по щиколотку

в пыли, на унылой равнине цвета охры, под тусклым лимонным небом. Сердце колотилось. Казалось, легкие не помещаются в груди, и юноша никак не мог надышаться.

Адская собака подняла морду к бесцветному небу. Долгий вой прокатился по равнине и вернулся отголоском тоскливых, голодных голосов. Их было не меньше десятка.

Эллан почувствовал, как от нехорошего предчувствия похолодело в животе:

— Что ты делаешь?!

— Ты спрашивал, кто на нас охотится? — Она замерла, глядя на горизонт и жадно принюхиваясь.— Мы боимся безумия... Собственный огонь пожирает нас изнутри. Дает силы для убийства демонов и уничтожает.

Пыль вокруг Атэра закружилась, ветер принес еще одну волну разноголосого вытья.

— Куда ты меня завела?! — Демоноборец зажег в каждой руке по клубку пламени. Собака отскочила в сторону, уворачиваясь. Она скалилась, но нападать не собиралась.

Атэр замахнулся снова, но вихрь сорвал с его руки огонь, разметал по земле, а потом опрокинул в пыль самого мага. Ему показалось, что к лицу прижали плотную горячую ткань, сквозь которую невозможно дышать. Из воздуха соткался контур тонкого лица — ни женского ни мужского, ни красивого ни уродливого. В Эллиде так рисовали бесплотных духов.

— Се-мнех-ке-р! — пролаяла собака. Ветер ерошил ее шерсть, пытался прижать к земле, но она твердо стояла на широко расставленных лапах и алчно смотрела на бесплотный лик.— Новая жертва. Сильная. Молодая.

Лицо приблизилось к Атэру, и тому показалось, что сквозь его виски прошел раскаленный солнечный луч. Осветил всю голову изнутри, выхватывая обрывки воспоминаний, фантазий, желаний... Это оказалось очень больно, словно из него выдирали мысли, ставшие материальными.

— Дай мне то, что обещал! — провыла собака.

Дух перевел на нее неуловимый взгляд. В воздухе сверкнула молния и пронзила белую суку.

Она упала на передние лапы, ткнулась мордой в пыль, но тут же вскочила и бросилась бежать. Промчалась мимо Атэра, лежащего на земле, и он успел заметить, что в ее пасти зажат белый камень. А спустя мгновение на эллана навалилась тьма, в которой ощущалось нечто невообразимо мерзкое, пытающееся сожрать его мысли.

Оно вытаскивало из головы человека воспоминания и просматривало их в самой невероятной последовательности. Заставляло переживать боль и удовольствие, радость и ненависть одновременно.

Эллану казалось, что его мозг вывернули наизнанку, а душу разделывают, словно вареную рыбину, отделяя мясо от костей. «Еще немного, и я сойду с ума. Или умру...»

Последняя мысль принесла даже некоторое облегчение, а среди образов, проносящихся в памяти, тут же мелькнуло лицо Форкия. Атэр успел понять, что после гибели учителя ему было отпущено совсем немного жизни... И сейчас же мерзкое существо, поселившееся в его мыслях, исчезло.

Боль ушла.

Глава 10
ВОЛЯ ВЫСШЕГО

Турвон появился в палатке нового военного легата[1] шестого рэймского легиона поздно вечером.

До этого демон успел побывать у Каракалла, Друзлта, а также провел долгий и утомительный ритуал вызова бога смерти Ямэла. Последний находился не в столь плачевном состоянии, как сгинувший Трисмес, но тоже страдал от недостатка силы.

Смуглокожий юноша в красных одеждах явился в замок инквизитора в потоке ледяного воздуха и сопровождении черного пса. Буллфера передернуло — после недавнего посещения Евграна он с трудом выносил холод.

Ямэл молча сел на пол и обратил на демона ничего не выражающий взгляд черных миндалевидных глаз.

— Я хочу заключить с тобой договор,— прямо заявил Высший.

Бог промолчал, хотя Буллфер ожидал обычной в таких случаях банальщины, типа: «Я не заключаю соглашений с темными тварями!..» Смерть, как с удовлетворением успел убедиться турвон, всегда отличалась лояльностью по отношению к сделкам различного рода.

Ямэл внимательно выслушал предложение. Посмотрел на лежащего рядом пса так, словно вступил с ним в мысленный разговор. И только после этого спросил:

— Что в результате получим мы?

— Всю силу от смертей. Возможность удовлетворить ненависть. А также — мою защиту.

По мнению Буллфера это было роскошное предложение, но Древний, похоже, так не считал. Он положил руку на голову пса и заявил:

— Этого недостаточно. Нам с Дитхом нужна земля.

Демона покоробило — за это наглое заявление бог заслуживал если и не мгновенного уничтожения, то мучительного магического наказания. Но турвон, как всегда, сдержался. Общение с родственниками научило его терпению.

— У меня нет земли, и ты это знаешь,— ответил инквизитор медленно.

[1] Легат — командующий легионом, назначенный императором.

— Но она будет.— Ямэл провел ладонью по рукояти удавки, которую всегда носил с собой, и ее петля хищно изогнулась.— Если ты поклянешься отдать мне Южный материк — я исполню свою часть договора.

Турвон задумался. Южные земли не принадлежали никому. Они отличались редкой нестабильностью. Там шли непрестанные извержения вулканов, землетрясения и Дьявол знает что еще. Находиться там — означало подвергать себя постоянной опасности.

— Зачем тебе этот котел с лавой? — искренне удивился он.

— Это прекрасное место, чтобы быть подальше от демонов,— поджав губы, произнес Древний.— Никому из вас пока не по зубам этот континент. Евгран, как самая сильная, смогла захватить весь север. Остальные Хозяева — в состоянии контролировать лишь небольшие территории. Один Некрос сумел взять себе больше. Но когда магическую мощь накопишь ты, я хочу быть уверен, что ты не придешь перекраивать Южные земли. Я в ответ обещаю, что мы с Дитхом никогда не станем претендовать на твои владения.

— Что ж, хорошо,— согласился турвон, начиная получать удовольствие от сделки, по итогам которой обещает отдать то, чего у него нет, а если и появится, мгновенно станет ненужным, поскольку для жизни людей непригодно...

Таким образом, с делами в высших сферах было покончено, и сейчас Буллфер с интересом наблюдал за бывшим лудием.

Клавдий, сидя на складном стуле около перевернутого ящика, грыз сухарь, макая его в вино. Масляный фитиль коптил, бросая неровный круг света на карты, разложенные на раскладном столе. В маленькой деревянной клетке, подвешенной к шесту, ворковали два сизых голубя. С улицы доносились гогот и брань солдатни.

Легат был черен от усталости, но запавшие щеки гладко выбриты. Прежнего, опухшего от пьянства, страха и жалости к себе наследника не осталось. Инквизитор удовлетворенно кивнул сам себе.

Услышав шорох за спиной, Клавдий недовольно буркнул:

— Где шлялся так долго? За водой что, к нумидийцам бегал? — Потом обернулся и вскочил, едва не опрокинув стол: — Лурий турвон?!

— Сядь.— Демон небрежно махнул рукой.— Я знал, что военная служба пойдет тебе на пользу. Ты сделал все, о чем я просил?

Человек утвердительно наклонил голову:

— Все, что мог, турвон. Легион полностью доверяет мне.

— Хорошо.— Буллфер придвинул к себе карты, внимательно рассмотрел и поставил поверх пометок Клавдия жирные черные значки собственным стило.

— Это,— пояснил он,— жертвенники Некроса на побережье. Твоя цель — уничтожить их.

— Простите?..— Собеседник потряс головой так, словно ему казалось, будто он ослышался.— Разрушить жертвенники?

— Ты оглох, Клавдий? Да! Разрушить! И перевести их на Друзлта.

— Но... я не могу этого сделать.

Демон, будто не замечая замешательства, положил на стол меч в черных ножнах:

— Обычным оружием их не сокрушить. Но вот с этим клинком ты справишься.

Клавдий машинально вытащил балтус из агатовых ножен. По темному лезвию бежали черные искры, рукоять была ледяной.

— Лурий турвон,— он с трудом оторвал взгляд от опасного «подарка»,— никто из моих солдат близко не подойдет к жертвенникам Некроса. Ни за какие деньги.

— Тебе придется их убедить.

— Это невозможно. И потом, храмы охраняются не только жрецами, но и демоническими тварями. Людям с ними не справиться.

— На этих территориях нет никаких тварей,— фыркнул Буллфер.— Это не основные святилища.

— Некрос уничтожит нас...

— Не волнуйся, он будет слишком занят, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Несколько мгновений инквизитор внимательно смотрел на мрачно молчащего Клавдия. Тот не слишком верил последним словам темного. И по-прежнему не мог понять, какой мотив сможет заставить легионеров громить храмы Высшего. Но возражать не решался.

— Ты хочешь вернуть трон? — спросил Буллфер вкрадчиво.— Снова увидеть сестру? Отомстить Юлию за унижение?

— Да.— ответил Клавдий твердо.

Жестом турвон заставил его наклониться ниже:

— Тогда слушай меня...

Солнце еще не взошло, когда солдаты были подняты по тревожному пению труб. Быстро собравшись в центре лагеря, они увидели легата с красными от бессонницы глазами, физиономией, заросшей черной щетиной, и перекошенным ртом. В руке тот держал клочок бумаги.

— В Рэйме чума! — Голос Клавдия разнесся по всему лагерю.— Нижний город сожжен. Но зараза добралась уже до Среднего.

Клавдий помолчал, давая людям возможность осознать услышанное. Офицеры за его спиной потрясенно переглядывались, не веря своим ушам и не понимая, почему командир не поставил их в известность первыми.

— Я получил эти сведения сегодня,— продолжил тот.— Голубь принес записку от моей сестры лурии Лоллы. Она пишет, что император обезумел, а Некрос выпустил смерть на улицы города. Люди умирают прямо у своих дверей, но никто не оказывает им помощи. Преторианцы убивают любого, кто приближается к дворцу. Император сидит, закрывшись в Претикапии, и ждет, когда Рэйм вымрет. А мы останемся здесь. Без домов и без родины.

Ответом ему был сначала тихий шепот, потом все более громкий ропот, и наконец грозный гул. Почти у всех в Рэйме и окрестностях были семьи. Никто не хотел умирать на чужой земле.

— Его Могущество Друзлт поможет нам! — Клавдий повысил голос, поднимая вверх кулак с зажатым в нем листком.— Он согласился оказать нам помощь, если мы уничтожим храмы Некроса, стоящие на его земле. Он остановит чуму.

Буллфер под покровом заклинания «Плаща тени» стоял за спиной бывшего наследника и морщился, слушая бред, который тот нес. Однако это не мешало ему напускать на людей морок боевого безумия, в котором они, слыша призывы командира, готовы были штурмовать хоть подземную твердыню Хозяина.

Турвон предпочел подстраховаться, не слишком надеясь на силу эмоций смертных, хотя Клавдий говорил с чувством и жаром отчаяния истинного сына Рэйма. Экс-наследник перечислял все обиды, нанесенные повелителем империи, и рисовал Юлия чудовищем почище гидры Друзлта. Кровожадным, жестоким и мстительным.

К концу пламенной речи, законченной словами «Храмы забиты золотом!», солдаты ревели и колотили мечами о щиты.

— Но если вам мало моего слова,— продолжал надрываться Клавдий, стараясь перекричать гвалт,— Друзлт сам даст знак своего покровительства нам!

Легат запрокинул голову к небесам, словно ожидая, что с них на него польется благодать. И вид у него был вдохновенный до безумия. Буллфер усмехнулся и опустил на человека обещанный «знак».

Это было всего лишь темное облако. Оно осело на лорике и шлеме Клавдия, придав им благородный вороненый оттенок. Никакой пользы, кроме эстетического удовольствия, от этого не было, но солдаты завопили от восторга, видя маленькое чудо.

«Как дети. Готовы бежать за красивой игрушкой, куда прикажут,— снисходительно подумал турвон и выпустил еще одну порцию «тумана», вычернившую рукояти мечей офицеров и простых солдат. Пусть ощутят и собственную причастность к магии Высшего, а также чувствуют постоянную подпитку боевым безумием, исходящим от оружия.

Турвон был уверен, что его магия рано или поздно сведет с ума большинство легионеров, но это его не интересовало.

— Вперед! — приказал Клавдий, указывая мечом на вершину ближайшего холма.

Первый жертвенник пал сразу. Воины ворвались, едва не снеся двери с петель. С воплями ярости зарубили жрецов. Те пытались защищаться, но озверевшая толпа, почувствовав запах первой смерти, располосовала их не хуже жертвенных рабов, вымещая многовековую ненависть к демонам и их человеческим слугам.

Дорожки для стока крови были полны, красная жидкость бурлила и шипела на горячих плитах вокруг алтаря, в воздухе повис густой,

сладкий запах. Буллфер проглотил голодную слюну, и отвернулся от умирающего молодого послушника с распоротым животом. Сегодня все смерти — для Его Могущества Друзлта.

Клавдий, медленно перешагивая через тела и лужи крови, подошел к алтарю. В черных доспехах, освещенный красными факелами, он выглядел устрашающе. Легат вынул черный меч из ножен и вонзил его в центральный камень. Лезвие вошло в гранит легко, словно в комок сырой глины. В разные стороны от клинка черными молниями побежали трещины.

— Друзлт, тебе передаю силу и власть над этим местом,— хрипло произнес Клавдий.

Из трещин на поверхность плеснулась черная вода. Потекла вниз, окатила ноги человека до колен. Камень зашатался, и его обломки, освобождая меч, провалились — утонули в круглом водоеме, новом жертвеннике нового владельца.

По-прежнему невидимый, Буллфер покинул обновленный храм и встал неподалеку, наблюдая, как легионеры растаскивают из бывшего владения Некроса утварь. Золотую посуду, украшенную рубинами. Драгоценные жреческие облачения. Ритуальные кинжалы... Клавдий вышел последним. Он выглядел так, будто обкурился галлюциногенных трав. Черные глаза сверкали на бледном лице, дыхание было затруднено, кожа на ногах и руках, там, где их лизнула вода Друзлта, казалась обожженной. Турвон «забыл» предупредить его, что прикосновение священной влаги алтаря повелителя Эллиды может быть весьма болезненно.

— Хватит! — рявкнул легат на солдат, готовых сцепиться из-за поживы.— Кому мало золота — пусть идут за мной. Мы возьмем еще.

До вечера пало еще два храма, а Некрос так и не появился, чтобы наказать наглых захватчиков, действующих именем Друзлта.

Инквизитор не лгал, когда говорил, что у него и без того слишком много дел.

Глава 11
ЧУМА

Юлий, смертный повелитель Рэйма, уже час в оцепенении сидел в своей любимой беседке, освещенной десятком светильников. Сладко пахли цветущие магнолии. В сумраке казалось, что их белые цветы плывут над головой императора. Он просматривал донесения и чувствовал, как по спине медленно стекают холодные капли пота.

— Некрос,— позвал юноша негромко. Не дождался ответа и повысил голос: — Некрос!!

Демон появился через несколько минут. Человеческая личина сидела на нем криво, из-под нее проглядывало истинное, перекошенное от бешенства «лицо». Черная тога была измята.

Юлия не шокировал вид Хозяина. За свое не слишком долгое правление он успел сделать много такого, рядом с чем искаженная физиономия и помятая одежда — незаметный пустяк. Из ночи в ночь ему снились рэймляне, с которых он тянет силу для темного Господина. Они представлялись не живыми людьми, а едва движущимися тенями. Пустыми скорлупками, в которых слабо тлеет огонек жизни. Не раз и не два на заседаниях сената или на пирах император начинал видеть оскаленные черепа вместо человеческих лиц. Его окружала смерть. Он сам был ее источником. И с этим приходилось смиряться.

— Что?! — рявкнул Высший вместо обычного приветствия.— Ты отвлекаешь меня от важных дел!

— Это я хотел спросить «что?!»! — не менее свирепо отозвался Юлий, бросая свиток на стол.— Что происходит?! В Нижнем городе чума! Люди умирают один за другим! Ты хочешь извести весь Рэйм?!

— Чума? — переспросил Некрос удивленно и присел на стул.— Когда это началось?

— Ты спрашиваешь *меня* об этом? Второй день... И уже сотни умерших.

Хозяин запустил когти в черные кудри, усиленно соображая.

— Второй день? Но я не получаю энергию от смертей. Меня должно было залить силой. А я ничего не чувствую!

Он снова начал звереть, но Юлий не обращал на это внимания:

— Значит, ее получает кто-то другой! Я приказал закрыть ворота в Нижний город, однако зараза все равно распространяется. Люди просят у меня помощи, но врачей не хватает и...

— Стоп.— Высший ладонью припечатал донесения к столу.— Ты больше ничего не будешь делать. Я сам пойду туда. Посмотрю, что происходит.

Он поднялся и одним шагом переместился из Претикапия прямо на улицы трущоб.

Здесь воняло смертью, в прямом и переносном смысле. Тут и там горели жалкие дома бедноты. Красные языки огня мотались над крышами и лениво ползли по черным головешкам. Под ногами шныряли крысы. Наглые, жирные, едва ли не ухмыляющиеся Некросу в лицо. Они рылись в отбросах, валяющихся на каждом углу, копошились под заборами.

На улочках лежали трупы. Люди падали в том месте, где их застала болезнь. Почерневшие лица, скрюченные тела, рты, разинутые в вечном крике. Зеленые мухи с гудением вились над ними.

«Кто занес сюда заразу? Почему она распространяется так быстро?»— Демон зарычал сквозь сжатые клыки и быстро пошел вниз, к реке.

Перед ним, держась за стену, ковыляла какая-то оборванка. Почуяв в незнакомце темного, она сдавленно вскрикнула и быстро шмыгнула к дыре в заборе. Но Некросу было плевать на нее. Под ноги Хозяина из кабака, залитого светом, вывалился обезумевший от пьянства и ужаса человек. Он сделал несколько шагов к Высшему. Потом упал на землю.

Повелитель чувствовал — смертный не умер, хотя было ясно, что за этим дело не станет, к утру его подберет чума или крысы.

У берега дома горели особенно ярко. Некрос ускорил шаги и вдруг ощутил, как ему навстречу движется что-то огромное, неудержимое. Господин Рэйма почти выбежал на перекресток, завернул за угол и увидел гигантский силуэт в ореоле огня. Огромный черный бык, наклонив голову с изогнутыми рогами, несся по неровной брусчатке, высекая копытами искры и выдыхая пламя. На его спине сидел юноша в алой набедренной повязке. В одной руке он держал короткое копье, в другой — хлыст с петлей на конце.

Перед быком, в ужасе закрывая головы руками, металась группа людей. Один из них споткнулся, упал на колени, обернулся... И в это же самое мгновение юноша легко, словно играя, свесился со спины быка, пронзил смертного копьем и взмахнул хлыстом. Тонкая струйка жизненной силы забилась в петле удавки, выдернутая из тела. Уже мертвый, человек распластался на земле, и тяжелое копыто опустилось на его спину.

Голос бога загремел, эхом разносясь по несчастному кварталу:

— Предатели!! Вы забыли своих истинных повелителей! Поклоняетесь демонам?! Но Древние боги вернутся! И каждый заплатит за измену!!!

Он мчался дальше, петлей выдергивая души из тел обреченных, а рядом с черным быком бежала огромная собака, неизменный спутник Смерти, и лениво лизала кровь, пролитую на камни.

— Ямэл!!! — взревел Некрос, чувствуя, как его начинает трясти от бешенства.— Ты что, тварь, делаешь?! Это моя земля! Это мои люди!

Древний рассмеялся и убил еще одного, втянув в себя жизненную силу умирающего прямо перед разъяренным Хозяином.

— А! Вот и темный Повелитель. Я ждал, когда же ты появишься,— сказал он, насмешливо глядя на демона сверху вниз. Бык нетерпеливо мотал головой и рыл рогом землю.— Хотел поприветствовать лично.

Теперь юноша глянул исподлобья, в его миндалевидных глазах загорелось пламя:

— Эти люди больше не твоя забота. И город не твой. Если бы ты знал, как я мечтал сказать тебе это.

— Убирайся!! — заорал Некрос, чувствуя, как черная ярость заполняет голову.— Вон отсюда!!!

Он замахнулся и швырнул в Древнего заклинание, которое должно было распылить того. Но небывалое дело! Энергетическая стрела, не причинив никакого вреда наглому вору, стекла на землю по черному щиту, окружившему Ямэла прочным кольцом. На боге была мощная демоническая защита.

В бешенстве Хозяин хлестал молниями. Но ни одна не могла пробиться сквозь стену, стоящую вокруг Древнего.

— Кто это сделал?! Кто защищает тебя, мразь?! Кто посмел?! — задыхаясь от ярости, кричал Некрос. Но ответом был лишь издевательский смех.

Впервые Высший понял, что не всесилен. Как ни велик был его гнев, он заставил себя опустить руку, поднятую для очередного удара. Одной слепой силой победить сейчас было невозможно. Почему это произошло, надо подумать. Он заставил себя посмотреть в глаза Ямэлу и спросил:

— Чего ты хочешь?

— Ничего! — выкрикнул тот, и его лицо перекосило от ненависти.— Мне ничего от тебя не надо, кроме мести. Я сожгу твой Рэйм, а ты будешь смотреть и подыхать от беспомощности. Как все мои братья, которых вы задушили своей гнилой силой. Побудь в моей шкуре, Хозяин.

Бык поднял рогатую голову, за его спиной развернулись мощные крылья. Тварь взмахнула ими, поднимая юношу в воздух. Черный силуэт на мгновение заслонил ночное небо, а потом Некрос увидел, как бог смерти размахнулся и швырнул копье в сторону Среднего города. Оно пролетело в темноте, разбрызгивая красные искры, и погасло среди домов зажиточных граждан столицы. Вместе с ним исчез Древний.

Завтра чума придет туда.

Мимо Хозяина пробежал, облизываясь, черный пес. Оглянулся через плечо и прошел сквозь огонь...

Император по-прежнему был в беседке. Он дремал, опустив голову на руку, но, увидев Некроса, встрепенулся.

Демон молча сел на стул, схватил кувшин и стал пить, проливая вино на одежду. От него несло гарью.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Юлий, дождавшись, когда Высший напьется.

— Я сжег Нижний город,— ответил тот, отдышавшись.— Но завтра эпидемия начнется в Среднем. И пока ее не остановить.

— Почему?

— Почему?! — Хозяин ударил по столу кувшином так, что тот разлетелся на куски.— Потому, что кто-то из моих родственников натравил на мои владения бога смерти. И дал ему защиту от моей магии!

Он смахнул черепки с тоги и прикусил коготь на большом пальце.

— Турвон предупреждал меня. Он намекал уже давно... Надо поговорить с рыжей скотиной. Вытрясти все, что он знает.

— Но что делать мне?! — воскликнул Юлий.— Люди будут продолжать умирать! Они будут просить помощи! Что я им скажу?!

— Плевать на людей.— Некрос поднялся.— Из города никого не выпускай. Сиди тихо. Не высовывайся из Претикапия. Ничего не предпринимай. Ты все равно никому не поможешь. Да еще и сам ненароком сдохнешь.

Высказав таким образом заботу об императоре, Хозяин исчез.

Дорожки сада были пусты, однако Юлию вдруг почудилось чье-то навязчивое присутствие. Преторианцы неподвижно, как статуи, стояли в коридорах, охраняя смертного повелителя Рэйма от постороннего вторжения. Но от болезни не мог защитить никто.

Император дошел до слабо освещенного факелами зала с гигантскими статуями. От мрамора стен и изваяний, стоящих между колоннами, тянуло холодом. Восхищение первых дней давно прошло, и великолепные произведения искусства, которыми был забит дворец, больше не впечатляли Юлия. Теперь они подавляли своим каменным величием. Он чувствовал себя букашкой, ползающей у ног застывших древних богов, которые в любое мгновение могут очнуться и прихлопнуть назойливое насекомое.

Юноша прошел через открытую галерею. Поднялся вверх по прозрачной лестнице. И перед самой дверью в свои покои столкнулся с Лоллой.

— Юлий... — произнесла она, не глядя на него.— Я тебя искала...

После последнего скандала это были первые слова, которые она произнесла. Император привычно заглушил раздражение, вспыхнувшее в груди при виде надменной, капризной жены. Сегодня оно было смешано с чувством вины.

Он старался быть учтивым с ней. Она тоже пыталась делать вид, что Юлий не слишком ей отвратителен. Но взаимная неприязнь оказалась неудержимой. Одного бесил каждый жест, взгляд, полная фигура, круглое глупое личико, пухлые ручки с мягкими ладошками, манера капризно тянуть слова, увешивать себя драгоценностями и щедро раздавать пощечины рабыням. Другая в ответ от души презирала самозванца, занявшего место ее брата.

Но оба были вынуждены мириться друг с другом.

— Ты не пригласишь меня войти? — спросила Лолла, нетерпеливо постукивая по полу ножкой, обутой в изящную сандалию.

— Входи,— нехотя отозвался он.

Императрица тут же уселась на скамью, заваленную подушками, сама похожая на думку, богато расшитую золотом.

— Ты намеревалась говорить?

— В городе чума,— произнесла Лолла ничего не выражающим голосом.

— Знаю! — Он ответил резче, чем хотел.

— Что ты будешь делать?

— Ничего.

— Совсем ничего? — Тонкая бровь иронично приподнялась.

— Ты пришла для того, чтобы задавать дурацкие вопросы? Или хочешь предложить что-то конкретное?

— Нет! Не хочу.— Под тонким слоем белил на лице императрицы проступили багровые пятна.— Ты же император. Проводник, наделенный высочайшей властью и могуществом. Что тебе какая-то чума?!

— Что тебе надо, Лолла?

— Я хочу уехать из города, пока озверевший народ не пошел штурмовать дворец. А этим все закончится, если ты будешь сидеть, сложа руки.

Юлий только досадливо поморщился. Разговаривать с ней и объяснять что бы то ни было не имело смысла.

— Уехать? Хотел бы я посмотреть, как это у тебя получится. Верхний город закрыт. Я не открою ворот.

Лолла вскочила и заверещала пронзительно:

— Ты не смеешь удерживать меня здесь! Я не хочу умереть, как какая-нибудь нищенка под забором! Император Юлий?! Ничтожество!! Как могли предпочесть тебя — Клавдию?!

Юлий стремительно поднялся, чувствуя, что горло сжимает ярость, а Лолла неожиданно замолчала и плюхнулась на скамью, с ужасом глядя на него снизу вверх.

— Ты забываешься! — произнес он, с трудом сдерживая бешенство.— Мне надоело терпеть твой визг по любому поводу и постоянные капризы. Если ты еще раз повысишь на меня голос, я...

Лолла вдруг всхлипнула, уткнулась лицом в ладони и запричитала:

— Не смотри на меня! Не надо на меня так смотреть!! Ты не можешь! Я твоя жена!!!

Юлий отвернулся раздраженно, не понимая, что на нее нашло. И вдруг увидел свое отражение в отполированной до зеркального блеска стене. Никогда у него не было такого отвратительно злого и высокомерного лица. И глаза казались на нем чужими — в них горело отражение демонического огня Некроса. Той самой силы, которая постоянно текла от проводника к Повелителю и могла выплеснуться обратно убийственным огнем на любого, оказавшегося рядом.

— Прости,— прошептал он, ужасаясь сам себе. Присел рядом с Лоллой.— Я не... я ничего не сделаю тебе...

— Я не виновата... — задыхаясь, пролепетала она.— Я не виновата, что ты меня ненавидишь.

— Никто не виноват в том, что мы не любим друг друга,— отозвался Юлий, проводя по лицу обеими руками, словно пытаясь смыть с него чужую маску.— Но мы связаны волей Высшего и ничего не можем противопоставить ей.

Глава 12
ВОПЛОЩЕНИЕ ПЛАНА

Некрос снова и снова, раз за разом, продолжал призывать турвона. Но именно теперь, когда тот был так нужен, инквизитор не отзывался.

Повелитель Рэйма сидел на троне в огромном зале своего подземного дворца и каждой клеточкой тела чувствовал опасность, ползущую со всех сторон.

Нет, *здесь* пока было спокойно. Ровно горели факелы, освещая просторное помещение с высоким полукруглым потолком. Золотые колонны подпирали свод. Багровые портьеры свисали со стен и плавно перетекали на пол, широкими полосами сходясь у подножия престола. Они были похожи на потоки крови, бесконечно льющиеся на землю.

Три беса, стараясь лишний раз не попадаться на глаза Хозяину, меняли обугленное полотнище. Некрос швырнул в него клубок пламени, чтобы хоть как-то выместить клокочущий в груди гнев.

Турвон не отвечал.

«Не слышит?.. Не хочет приходить?.. Занят?..— Некрос был в ярости.— Чем он может быть занят сейчас, когда в мире происходит форменное безумие?! Кто мог натравить Ямэла? Кто посмел дать ему магическую защиту?!»

В дверь осторожно поскреблись. В зал опасливо заглянул Ивхисал. Убедился, что Господин пока не собирается испепелять его, и вошел смелее.

Хозяин мрачно посмотрел на командира демонических воинов. Его клыкастая морда выражала полное почтение, но это вызвало только раздражение.

— Чего тебе? — сердито осведомился он.

— Прошу прощения за беспокойство, господин.— Демон поклонился.— Ходят слухи, скоро будет война. Гвардейцы волнуются. Они, конечно же, за. Только бы знать, против кого и когда?

— Кто распускает слухи?!

Ответить Ивхисал не успел.

Турвон появился внезапно. Возник из пустоты у подножия трона. Стряхнул грязь с плаща прямо на багровую ткань. В другое время Некрос возмутился бы подобной наглости, но сейчас ему было все равно, запачканы ли его великолепные портьеры. Он сам был готов взреветь от бешенства и начать громить красно-золотой зал.

— Ивхисал, пошел вон!

Воздух вокруг Хозяина стал сгущаться, стягиваясь над головой грозовой тучей — еще немного, и из нее полетят молнии... Испуганные бесы, выронив ткань, бросились прочь. Гвардеец попятился и тоже поспешил скрыться от разгневанного господина.

— Что происходит? — негромко спросил Некрос.— На мою землю нагло вперся Древний и убивает.

Турвон оставил в покое плащ, обляпанный глиной. Поднял усталый взгляд:

— Судя по твоим словам, ты не смог остановить его?

— Не смог,— признался демон нехотя, слишком унизительно это звучало.— На нем мощнейшая защита. В соединении с собственной силой бога смерти она несокрушима. И если ты узнаешь, кто та мразь, что прикрывает его, я буду тебе весьма признателен.

Инквизитор хотел что-то ответить, но, поразмыслив мгновение, передумал и заявил:

— Не хочу огорчать тебя, но, боюсь, это не все плохие новости на сегодня.

— Что?..

— А сам ты еще не понял?

Некрос хотел рявкнуть, заставив турвона выражаться яснее, как вдруг почувствовал... очень слабо... где-то очень далеко... как будто захлопнулась дверь, отсекая гроздь ярких огоньков. Несколько энергетических нитей из клубка, который постоянно держал в руках Высший, ежесекундно подпитываясь человеческой энергией, лопнули.

— Жертвенники... — прошептал он, крепко сжимая подлокотник кресла.— Несколько жертвенников рухнули. Потеряны. Перешли к другому.

— Хорошо иметь столько силы, что не ощущаешь, когда часть ее утекает в другое русло. Твои храмы в Эллиде теперь принадлежат Друзлту. Легион Клавдия переметнулся под его защиту, убивает жрецов и громит источники твоей силы.

— А ведь я говорил,— неожиданно спокойно произнес Некрос.— Я предупреждал Юлия, что эту крысу нельзя выпускать в Эллиду. Так нет... «он сделал свой выбор, это выбор достойного человека!» — передразнил Хозяин, подражая взволнованному голосу императора.

— Ты мог остановить его.

— Но не остановил! — Демон царапнул когтями по камню подлокотника.— Не верил, что это ничтожество способно на бунт... Скажи мне одно — ты знал?

Турвон посмотрел сородичу в лицо глазами, которые становились иногда очень похожими на человеческие, и произнес твердо:

— Нет. Иначе сказал бы раньше. Ты ведь знаешь, Хозяева не раскрывают мне свои намерения относительно соседей. Иначе никто не пустил бы меня на свою территорию.

— Ясно.

Некрос поднялся, встал на одну ступень с инквизитором.

— Никуда не уходи. Я скоро вернусь.

— Куда собрался?

— Навещу одного земноводного родственника.

— Некрос...

— Не останавливай меня! Иначе я разорву тебя вместо него!

Контур его тела задрожал, размылся, и через несколько секунд Повелитель Рэйма исчез.

«Отправился карать мятежного владельца Эллиды».— Буллфер рассмеялся негромко, а потом по-хозяйски осмотрел пустой зал. Если бы владельцем здесь был он — то сорвал бы со стен эти красные притирки, содрал с колонн вульгарное золото и оставил один благородный гранит.

Но его мнением обычно интересуются слишком поздно. Когда уже ничего нельзя изменить.

«Следующий ход делать еще рано. Значит — опять ждать».

Некросу почти не пришлось тратить сил, чтобы пробиться сквозь защиту, установленную в подземных владениях Друзлта. Надо признать, та оказалась не слишком мощной. Если у властелина Рэймской империи это была монолитная стена, то здесь больше напоминала тугие струи водопада.

«Слабак,— злорадно подумал Высший, стряхивая с себя ошметки разорванной завесы.— Удивительно, как он вообще осмелился посягать на имущество другого Хозяина, обладая столь жалким магическим потенциалом».

Друзлт не ждал гостей. Он нежился в мелком бассейне, наполненном кипящей грязью, в обществе земноводной красотки, внешне напоминающей ящерицу, жабу и водяную нимфу одновременно. Зеленоватыми руками с перепонками между пальцами та массировала бородавчатые плечи демона. Из широкого лягушачьего рта вырывались щебечущие, не лишенные приятности звуки. Вдоль спины струились длинные серые волосы, не прячущие острый плавник на хребте. Нижняя часть тела красавицы была скрыта под водой, затопившей весь пол.

«Впрочем,— отвлеченно подумал Некрос,— возможно, здесь вообще нет пола. Грязевой бассейн Друзлта, поддерживаясь магией, может висеть посреди океана, где плавают его ленивые слуги с рыбьей кровью — кракены и гидры».

Сам Хозяин Эллиды пребывал в образе полутритона-получеловека. Похоже, он настолько разомлел под умелыми руками массажистки, что не почувствовал чужого присутствия. Сильные крылья держали Некроса в воздухе, не давая коснуться пола, когти, способные рвать железо, чесались от желания немедленно впиться в шкуру Друзлта. Изначальный крылатый образ как нельзя лучше подходил для расправы с мятежным родственником.

— Отдыхаешь? — ехидно осведомился демон сверху.

Его голос прозвучал хрипло и сдавленно. Пасть с мощными челюстями больше подходила для откусывания голов, чем для бесед.

Русалка и ее господин обернулись одновременно. Морская дева издала пронзительный звук, ударивший по ушам, и бросилась в воду, подняв тучу брызг. Только хвост мелькнул. Друзлт гневно зашипел, вцепился когтистыми лапами в край бассейна, готовясь выпрыгнуть. Но не успел. Некрос бросился на него. Вцепился когтями в спину, выволок из грязи и переместился наверх, в человеческий мир.

Оба рухнули на пол в главном храме повелителя Эллиды. Служители, лившие в алтарь тонкие струйки жертвенной крови, шарахнулись в стороны и бросились бежать, спотыкаясь и падая на скользких плитах, чтобы не попасть под руку рычащим от ярости Высшим.

Вечная ненависть застилала глаза противников, клокотала в глотках, вырываясь свирепым рыком. Вырываясь, тритон разорвал бок Некроса, но тот, не чувствуя боли, отшвырнул земноводного и взлетел, стягивая всю доступную силу. Он не видел, как в далеком Рэйме Юлий со стоном упал на колени, едва перенося поток энергии, который хлынул к темному господину через его тело. Не заметил, что турвон с жадным нетерпением наблюдает за схваткой через магическое окно, и заклинание вызова дрожит в его крепко сжатом кулаке.

Вокруг Друзлта закипела вода, взметнулась стеной, превратилась в пар, столкнувшись с огненным смерчем, выпущенным Некросом. Стены зашатались, и потолок рухнул, придавив тритона. Владыка Рэймской империи издал вопль торжества, но его соперник легко обтек камни черным бурлящим потоком. Тогда гигантская летучая мышь спланировала, погрузила когти, налившиеся огнем, в жидкое тело врага, и тот снова с ревом воплотился. Теперь в свой тотем — гидру.

Демоны били друг друга заклинаниями высшей магии, от которых камень раскалился и крошился. Но этого было мало. Каждому хотелось раздирать противника голыми руками, впиться в горло, душить и рвать.

Некрос не хотел убивать родственника. Сначала думал устроить небольшую взбучку за украденные храмы, добиться полного подчинения и насладиться унижением вора. Но теперь уже не мог остановиться. Яростное сопротивление Друзлта и вкус его крови довели Повелителя Рэйма до безумия. Тысячелетняя ненависть наконец-то нашла выход, и заткнуть ее ревущий поток было невозможно.

Владыка Эллиды оказался сильнее, чем думали остальные Хозяева. Но все же намного слабее Некроса, и у него не было проводника — постоянного источника энергии.

Он уже готов был сдаться и взмолиться о пощаде, когда черная волна удушающей силы, текущей из ладоней противника, пронзила его тело и скрутила мышцы, разрывая их.

— Ты украл мои храмы!!! — рявкнула крылатая тварь, и ее красные глаза полыхнули безумием.

Друзлт захрипел, дернулся последний раз и затих.

Турвон, наблюдавший за дракой, удовлетворенно улыбнулся: «С одним кончено». Потом повысил голос, так, чтобы его слышал упоенный победой Хозяин:

— Некрос, возвращайся! — воскликнул он, активируя вызов.— Возвращайся немедленно!

— Теперь вся Эллида моя... — отозвался тот, перешагивая через труп соперника, уже начинающий расползаться в смоляную жижу.

— Пока ты развлекаешься на стороне, кто-то другой может захватить твой собственный дом!

Господин Рэйма медленно повел зубастой пастью и распахнул крылья:

— Кто?!

— Возвращайся,— отозвался Буллфер и замолчал.

Через несколько секунд в красно-золотой тронный зал свалилось залитое черной кровью, воняющее смертью и ненавистью крылатое чудовище.

— Кто-о?!! — повторило оно, клацнув кривыми зубами.

Человеческое лицо турвона выглядело встревоженным, движения были нервными, когда он торопливо заговорил:

— Все остальные. Каракалл, Савр, Золтон. Ты убил Друзлта. Теперь они придут к тебе. Они боятся тебя. Уверены, что на его смерти ты не остановишься. Поэтому решили объединиться. Сейчас они будут здесь.

Некрос взмахнул крыльями и бросился на турвона. Сжал горло когтистыми лапами.

— Как ты узнал? — проревел он, готовый разорвать сородича в любую секунду, если убедится, что тот участвует в сговоре.

— Каракалл проболтался,— прохрипел тот, не делая попыток вырваться.— Хотел заручиться моей поддержкой.

В глазах инквизитора не было страха, только нетерпение. Он хотел, чтобы Хозяин поверил. И в мыслях его не было паники.

— Зачем ты мне рассказал?

— Ты сильнее их всех. А я всегда выбираю силу.

Некрос чуть разжал пальцы на рыжей шее, и Буллфер продолжил:

— К тому же мне нравится Рэйм таким, какой он есть. Каракалл превратит его в паучье гнездо, Савр сделает помойку, а Золтон — болото. Поверь, я на твоей стороне.

«Похоже, он действительно не врет. И не закрывает мысли».— Некрос прочитал яркую ненависть к паукам, гиенам и крокодилам, ярость от того, что «тупой рэймский Хозяин не хочет признать очевидных вещей и требует доказательств верности, хотя те уже принесены...»

Высший медленно выпустил сородича:

— Если ты поможешь мне, земли Золтона будут твоими.

Турвон рассмеялся, растирая горло:

— Они мне не нужны. Я не в состоянии ими пользоваться, потому что не могу тянуть силу с людей. Поэтому я держусь за свою должность и не тягаюсь с Владельцами земель. И поэтому я не смогу помочь тебе в поединке с Хозяевами — моих сил не хватит. Ты разделаешься с ними сам. Но у меня есть небольшой запас энергии, и я смогу защищать твоего проводника. Кто-нибудь наверняка захочет уничтожить его, чтобы отрезать тебя от источника силы.

— Ты говоришь разумные вещи,— отозвался Некрос, слегка удивленный признанием турвона. Никто не предполагал, что тот столь ловко скрывает свою полную магическую недееспособность.— Иди в Претикапий. А я подготовлюсь к приходу гостей.

Инквизитор кивнул и исчез.

Глава 13
ХОЗЯИН

Юлий полулежал на ложе. Вокруг него суетилось несколько рабов, а Лолла вытирала лоб надушенным платочком.

— Ничего,— лепетала она.— Это скоро закончится.

— Отойдите от него! — рявкнул турвон, появляясь в покоях императорской четы.— Убирайтесь!

Невольники немедленно сбежали, побросав чаши с лекарствами, флакончики с ароматическими маслами и полотенца. Лолла испуганно забилась в угол ложа.

— Вон! Ты тоже! — Демон за руку стащил с кровати перепуганную жену императора, вышвырнул из комнаты и захлопнул дверь.

— Что случилось? — Юлий пытался приподняться, но слабость роняла его обратно на подушки.

— Ничего особенного. Твоего господина идут убивать три других Высших. Так что тебе придется поработать еще. Ему будет нужна вся сила, которую ты сможешь стянуть.— Буллфер открыл магическое окно в подземелья Некроса.— А я здесь для того, чтобы защищать тебя.

Он глубоко вдохнул. Не слушая тревожных вопросов юноши, щелчком пальцев распахнул три других «окна» и сказал громко:

— Пора!

Три демонские фигуры ринулись в подземелье Некроса одновременно. Буллфер, на мгновение повернувшись к Юлию, стряхнул на него мерцающую пленку магической защиты. Потом взял кресло и подтащил ближе к экрану.

— Не каждый день удается наблюдать, как четыре Хозяина рвут друг друга на куски. Наслаждайся небывалым зрелищем, император.

Но Юлий ничего не видел. Его тело превратилось в открытый канал, через который хлынула обжигающая сила. Он оглох, ослеп и онемел.

Буллфер сочувственно щелкнул языком, наблюдая, как человека скручивает от боли и дикого напряжения. Пот тек по лицу проводника, глаза закатились. Пространство вокруг дрожало. Жизненная сила тысяч людей перемалывалась, плавилась в живой воронке для того, чтобы поддержать жизнь Верховного демона.

Турвон отвернулся от Юлия, корчившегося на кровати, и снова взглянул в «окно». Три уродливые фигуры стояли напротив четвертой.

— Пришло время нового передела мира, Некрос! — крикнул Каракалл. Его мощный, человекоподобный торс, покрытый черной броней, вырастал из тела паука. Восемь щетинистых ног царапали пол загнутыми когтями, оставляя зеленые полосы яда. В обеих руках поблескивало нечто, похожее на серебряные клубки.

— Ты убил Друзлта, и мы не хотим дожидаться своей очереди.— Крокодилоподобный Золтон поигрывал тэмом чудовищного размера, по лезвию которого змеились черные молнии.

Савр, сменивший облик жабы-переростка на хищную тварь, соединившую в себе гигантскую гиену и пустынного скорпиона, щелкнул по гранитной плите длинным хвостом с жалом на конце.

Крылатый Некрос рядом с ними выглядел едва ли ни красавцем.

Буллфер презрительно фыркнул и наколдовал рядом с креслом поднос, заставленный напитками. Но это было скорее жестом пренебрежения к Хозяевам, чем острой необходимостью. Турвон понял, что сейчас не сможет пить и вряд ли удержит чашу в руках. Его трясло от энергии, пульсирующей в теле, не хуже, чем проводника Некроса. И он не мог унять эту дрожь.

— Глупцы! — проревел властелин Рэйма.— Я убью вас так же, как Друзлта! Я разорвал эту тварь в его собственном храме, а ваши останки разбросаю по своим владениям!

Из пасти Савра вырвалось хриплое рычание, и его Некрос ударил первым. Черная спираль, вонзившись в тело Хозяина Гаэты, швырнула того на землю.

— «Копье тьмы»,— машинально произнес Буллфер название заклинания, не замечая, как из-под его когтей, терзающих подлокотники кресла, на пол упало несколько стружек.

Каракалл выпустил серое облако, острые края которого тлели зеленью.

— «Лезвие бездны»,— шепнул турвон.

В руках властелина Рэйма оказался огромный огненный щит, отбивший заклинание. Потом Некрос взлетел, а пол под ногами Хозяев вспыхнул, закипев жидким огнем. Красные занавеси загорелись, и золотые пластины на колоннах, плавясь, потекли вниз тонкими ручейками.

Юлий застонал, едва выдерживая поток силы, текущий через него к господину. Буллфер с беспокойством оглянулся и добавил мощности в щит вокруг человека. Только бы не умер от напряжения. Еще не время.

Император затих, дыша часто и неровно.

Бой продолжился. Красные вспышки молний сорвались с тэма Золтона. Свист, грохот, рев пламени... Буллфер едва успевал замечать все, что происходит. Черная петля дыма сорвалась с пальцев Некроса, обвиваясь вокруг Савра. Тот захрипел, пытаясь содрать удавку, повалился на пол. На спину поверженного демона взобрался огонь, но тот стряхнул его, швырнул в противника ответное заклятие и прожег крыло Хозяина Рэйма.

— Его надо отрезать от источника! — услышал Буллфер рык Золтона.

— Не могу! — прокричал в ответ Савр, выплевывая кровь.— Уже пытался. Тот под защитой. Каракалл, убей проводника. Мы справимся без тебя, он начал уставать.

— Отлично,— прошептал турвон. Он вскочил, оттолкнул кресло, схватил Юлия за шиворот и стащил с кровати.— К нам гости, император.

Прежде чем Каракалл перенесся в Претикапий, турвон успел заметить, как обезглавленный Савр падает в огонь.

— Еще один,— сказал инквизитор бесчувственному юноше и, держа его перед собой, как щит, повернулся к Хозяину Илкасты, появившемуся в покоях. Высший был весь в крови. Одна из восьми ног оказалась отсечена, из обрубка сочилась зеленоватая жидкость, черный панцирь на груди покрывали вмятины. Увидев Буллфера, Каракалл удивленно выпучил паучьи глаза, диковато смотрящиеся на человеческом лице.

— Ты?! Что ты здесь забыл?

— Приветствую тебя,— усмехаясь, произнес турвон и потряс Юлия, словно куклу.— Ты ведь за этим пришел, не так ли? Хочешь убить его? Но я предлагаю поступить проще.

Демон на мгновение снял с человека защиту и одним магическим ударом перерубил поток силы, текущий к его темному господину. В то же мгновение тэм Золтона вошел в тело Некроса, челюсти Повелителя Рэйма сомкнулись на шее врага, и оба рухнули в огонь.

— Вот, похоже, и все. Нас осталось двое.— Буллфер швырнул Юлия на ложе, а потом стремительно обернулся и кинул в слишком медленно соображающего Каракалла мощное заклинание. Повелитель Илкасты взвыл, пытаясь выдрать из груди клубок желтых искр.

— Энергия Хаоса,— доброжелательно пояснил турвон, меняя облик.

Его новое воплощение совмещало все лучшие черты боевых личин Хозяев. Крылья Некроса, броня Каракалла, пасть и когти Золтона. Чтобы достичь совершенства, пришлось долго экспериментировать.

— Ты никогда не сталкивался ни с чем подобным. Никто из вас, жирующих на человеческих трупах, не позаботился искать другую силу. Тупые. Жадные. Ничтожества.

Каждое свое слово турвон подтверждал ударом разъедающего пламени. Каракалл пытался защищаться, но, измотанный боем с Некросом и огнем Хаоса, жгущим его тело, не смог собрать достаточно силы, чтобы ответить достойно. Единственное, что ему оставалось — бежать.

Высший телепортировался, но Буллфер несся за ним по горячему следу магической воронки, цепляя острыми когтями крыльев за стенки светящегося тоннеля. Материя рвалась, захлестывая Каракалла зазубренными краями ползущих во все стороны трещин. Но кроме боли господин Илкасты чувствовал, как его душа дрожит и сжимается от странного чувства. Он боялся. Пожалуй, впервые в жизни он испытывал ужас. И перед кем?! Перед турвоном, которого привык считать намного слабее себя. Самым слабым из всех, недостойным внимания и уважения.

Хозяин Илкасты выпал в реальный мир на краю своих владений. Это были холодные, пустые подземелья, наполненные густой тьмой. Она, словно живой туман, выползала из расщелины. Каракалл устремился к ней, чтобы скрыться в черных испарениях, но не успел. Сверху на его паучье тело свалился Буллфер.

Демоны сцепились на самом краю бездны.

От разъедающего огня заклинаний турвона у Каракалла не было защиты, но дрался он отчаянно. Страх придал сил. Ядовитые когти разорвали броню на груди инквизитора, петля паутины захлестнула

крыло. Но в руке врага появилась секира. Каракалл метнулся в сторону, однако на этот раз паучья прыть подвела его. Широкое лезвие рассекло панцирь на спине. Почти ничего не видя от боли и ярости, Хозяин бросился на турвона, сбил его с ног, но сейчас же получил удар едким пламенем в живот. Демону показалось, что его внутренности вспыхнули, а потом невидимая рука схватила его, сжала, словно комок глины, и швырнула вниз. Каракалл полетел в трещину, на дно пропасти...

Турвон поднялся, выдрал из груди застрявший между пластинами панциря коготь врага и обрушил в бездну поток камней. Потом подумал и воздвиг на краю невидимую стену, замешав ее основу на своей магии и огне Хаоса. Если бывший Хозяин Илкасты выживет, то не сможет пробраться обратно.

Буллфер еще раз глянул по сторонам, запоминая это место, и перенесся обратно, в земли Некроса, туда, где недавно шел бой. Принял прежний облик рыжего демона, постоял на пороге зала, когда-то бывшего красно-золотым. Аккуратно ставя копыта на обугленный пол, обошел мертвого Савра, наклонился над Золтоном и стащил его воняющее тухлой рыбой тело с Некроса.

Властелин Рэйма был жив.

Его крылья оказались поломаны, из груди торчало лезвие тэма, ноздри истекали кровью, клыки были выдраны.

— Я убил Каракалла,— сказал инквизитор.— Загнал в такую дыру, из которой нашему пауку не выбраться.

В затухающих глазах Хозяина мелькнула радость, тут же сменившаяся болью.

— Турвон... — прохрипел Высший.— Помоги...

— Знаешь,— ответил тот, задумчиво рассматривая когти на левой руке.— Я никогда никому не говорил, как меня зовут.

— Помоги.— Некрос закашлялся, и на его безгубом рту запузырилась кровь.— Я отдам тебе половину земель.

Инквизитор рассмеялся, наклоняясь над поверженным родственником:

— Мне не нужна половина. Я заберу все! Буллфер, Хозяин Срединных земель — неплохо звучит, правда?

— Предатель... — Некрос дернулся, пытаясь дотянуться до него.— Ты предал всех...

Тот рассмеялся:

— Я разыграл блестящую партию, но вы были слишком тупы, чтобы понять ее.

Он вырвал из груди сородича секиру и стряхнул с лезвия черные капли:

— Пожалуй, мне будет не хватать наших бесед, но, думаю, я смогу смириться с этой потерей.

Демон размахнулся и вонзил клинок в солнечное сплетение противника. Тот оскалился, пальцы на его мокрой от крови руке свело, огонь в глазах потух, тело содрогнулось в последний раз и застыло.

Владыка Великой Рэймской империи умер быстро и почти без мучений.

Инквизитор снял с шеи золотую цепь турвона, швырнул ее на труп врага. Потом оттолкнул от себя мертвое тело и огляделся. Пожалуй, он сам до конца не верил в то, что произошло. Если бы Хозяева не были столь единодушны в своей ненависти и недоверии друг к другу, если бы они хоть однажды поговорили, его план был бы неосуществим. Один-единственный раз они попытались объединиться, но, к счастью, не против того, кто угрожал им реально.

Буллфлер равнодушно посмотрел на останки врагов. Многое сделано, но еще больше предстоит сделать.

— Ивхисал! — громко призвал он, выходя в коридор.

Демон появился через несколько минут, недоверчиво глядя исподлобья. Буркнул недовольно:

— Что угодно турвону?

— Как ты разговариваешь, тварь?! — Командир гвардейцев стукнулся затылком о стену, получив по морде выпущенными когтями.— Перед тобой твой новый Хозяин.

— Господин! — взвыл тот, таращась испуганно.— Простите! Я не думал...

— Тебе и не надо думать. Проследи, чтобы из моего тронного зала убрали всю падаль! Покажи, где кабинет Некроса, и сгони туда демонов, достойных моего внимания...

Резиденция бывшего Хозяина навевала тоску вычурной роскошью и бестолково расставленной мебелью. Но наводить порядок было некогда.

Буллфер сел в кресло на возвышении, за длинный стол, покрытый красным бархатом. В раздражении смахнул на пол статуэтку летучей мыши с непропорционально длинными клыками и стал ждать...

В дверь постучали. На красный ковер ступили пять темных.

Все они были Высшими, но, естественно, гораздо более низкого ранга, чем новый Хозяин. Это позволяло им, в отличие от туповатых низших, стоять, не опуская глаз перед Господином, высказывать свое мнение и занимать довольно значимые должности в иерархии Дна.

Выглядели они озадаченными. Уже знали — во владениях Правителя происходит нечто необычное. Мощные всплески энергии должны были докатиться до самых дальних уголков подземелий. Демонам было неизвестно, что случилось на самом деле, и уж точно еще утром никто из них не ожидал, что в полдень придется кланяться новому Повелителю. Похоже, все пятеро пребывали в некотором затруднении.

Они были в человеческих личинах — четверо молодых мужчин в тогах рэймских патрициев и одна женщина в полупрозрачной элланской тунике, с тяжелым узлом неестественно белых волос на затылке. Значит, «бывший» предпочитал блондинок...

Подчиненные Некроса в недоумении уставились на рыжего Высшего, сидящего в кресле господина.

— Где Некрос?! — Женщина заговорила прежде, чем позволил Хозяин, и Буллфер на первый раз решил простить выскочку, уж очень встревоженной та выглядела. Хотя обычно один демон не беспокоится о благополучии другого.

— Некроса больше нет! — ответил он.— Теперь я ваш Повелитель.

Не обращая внимания на предостерегающие взгляды собратьев, блондинка сжала кулаки, с ненавистью глядя на победителя.

— Хочешь сказать, что убил его?! — Она оттолкнула руку одного из «патрициев», дергающего ее за рукав.— Но это невозможно! Демоны его ранга неуничтожимы!

Буллфер медленно поднялся из-за стола. Положил руки с выпущенными когтями на столешницу, пристально глядя на бунтарку. Остальные, видя опасные огоньки, поблескивающие в его глазах, благоразумно попятились, оставив родственницу в одиночку стоять перед гневом могущественного темного.

— Да. Я убил Некроса,— произнес он.— А также Каракалла, Друзлта, Савра и Золтона. Теперь мне принадлежат Рэйм, Нит, Гаэта, Илкаста и Эллида.

Высшие переглянулись, морды их красноречиво вытянулись.

— Нет! — крикнула безумная, потому что надо быть действительно безумной, чтобы перечить такому Хозяину.

Буллфер небрежно щелкнул пальцами, и она рухнула на пол, задыхаясь и хрипя. Лицо ее исказилось.

— Повелитель... — поспешно произнес один из демонов, кудрявый черноволосый юноша с эффектной седой прядью на виске.— В это нелегко поверить, но мы готовы выразить свою полную преданность новому Властелину Срединных земель...

Высшие медленно опустились на колени перед новым Правителем, могущество которого оказалось неизмеримо. Убить в одиночку пятерых Хозяев!

— Встаньте,— приказал турвон, отчего-то испытывая досаду от их поклонения. А должен был наслаждаться властью.

Демоница продолжала хрипеть, царапая когтями ковер.

— Не обращайте на нее внимания, господин,— сказал патриций с волосами красными, также как ногти и зубы, в тон алой полосе на черной тоге.— Она не совсем... — он в затруднении повел рукой, подыскивая нужные слова,— не совсем наша в прямом понимании этого слова.

— Она виверн,— вмешался темный, сквозь человеческий облик которого, в отличие от остальных, очень ярко просвечивала демонская сущность. Словно черная одежда палача сквозь тонкий праздничный гиматий.

Это меняло дело. Буллфер с большим интересом посмотрел на существо, корчившееся на полу, и отменил удушающее заклинание.

Блондинка закашлялась, хватая воздух широко открытым ртом. С трудом приподнялась, растирая горло.

— Я присягала на верность Некросу. И только ему. Я не буду служить его убийце.

Она говорила правду. Странные крылатые создания, живущие в горах Эбиссинии, признав одного господина, подчинялись только ему. Древний кодекс чести не позволял им предавать интересы сюзерена. Ни при каких обстоятельствах, под страхом проклятия всего рода. Но добиться их неудержимой преданности было непросто.

Турвон запустил когти в ладони: «Значит, что-то я пропустил... Интересно, как это удалось Некросу?»

— Ты можешь убить меня.— Женщина-виверн поднялась, сверкнула свирепым янтарным взглядом.— Но я не буду служить тебе!

Буллфер помолчал. Ему было жаль терять такого ценного союзника, но ничего не поделаешь. Впрочем, если виверна останется жива и вернется в родные горы, другим драконам не за что будет ненавидеть нового Правителя. И тогда можно попытаться привлечь на службу тех, кто не клялся Некросу.

— Я не буду тебя убивать и не стану задерживать. Уходи.

Виверна высокомерно отвернулась и пошла прочь, не удостоив ни одним словом остальных демонов. Тело ее замерцало, готовясь к трансформации.

— Только здесь не превращайся! — с отвращением воскликнул красноволосый, ближе всех стоящий к двери, и отшатнулся в сторону, давая дорогу бывшей соратнице. Но сам же первым выглянул в коридор, чтобы посмотреть, как она удаляется.

— Унеслась,— сказал он, закрывая дверь.— Жуткая тварь. Говорят, они не умеют телепортироваться и летят в срединный мир через Хаос. Хорошо, что вы избавились от них, господин, а то...

Он запнулся, встретившись с тяжелым взором Буллфера. Пробормотал: «Простите, Повелитель», и замолчал, сообразив, что новый Хозяин не любит болтунов.

— Садитесь,— приказал тот, выдержав короткую паузу.

Подчиненные, создав себе стул, кресло или скамью, что соответствовало вкусу каждого, уселись, готовые внимать.

— Прежде всего я хочу знать, почему вас так мало? Четыре Высших, пять с Ивхисалом, на всю Рэймскую империю, не находите, что этого недостаточно?

— Ивхисал нам не ровня,— высокомерно возразил демон-юноша, стряхивая несуществующую пыль с красной тоги.— Так, недоросток. А мало нас потому, что Его Могущество Некрос не любил конкуренцию. Он уничтожил почти всех.

— Сколько у него было солдат?

— Человеческих или демонских? — поинтересовался темный, поблескивая седой прядью.

— Демонских.— Присмотревшись, Буллфер разглядел, что в волосах у того не сивый завиток, а, скорее, изогнутая костяная пластина.— Сколько людей, я знаю сам.

— Пол-легиона Ивхисала,— начал перечислять сородич.— Пятнадцать моих лучников...

— Всего пятнадцать?

— Вы не видели, какие это лучники,— усмехнулся красноволосый,— и чем они стреляют. Нокс, покажи.

Дотронувшись до костяной пластины, Нокс вытянул из нее тонкую длинную змею. Та извивалась вокруг его пальцев и шипела, показывая зубы. Буллфер поморщился, он никогда не любил аспидов.

— Мои воины — лапифы, змееносцы,— довольный произведенным эффектом пояснил Высший.— Да, нас мало. Но устоять против нас очень трудно.

«Ну и зверинец развел здесь Некрос,— подумал турвон.— Виверны, лапифы... Кто еще?»

— Колесницы.— Не произнесший ни слова за все время разговора сумрачный демон наконец подал голос. Оливковая кожа возничего лоснилась, длинные волосы отсвечивали синевой. Буллфер внимательнее присмотрелся к нему, соображая, не было ли у того в роду маргулов[1].

— Поясни, Сумган,— снова вмешался красноволосый.

— Несколько сотен колесниц. Запряжены силистийскими гарпами.

Этих хищных тварей, похожих на богомолов, Хозяину видеть приходилось, и стало очень интересно посмотреть, как склочные, непримиримые чудовища смотрятся в упряжке.

— Что у тебя?..— Хозяин посмотрел на демона, напоминающего палача.

— Голт,— коротко представился тот и добавил: — Гоплиты.

— Нелунги,— скромно отозвался красноволосый, поерзал в кресле и спросил, не сдержавшись: — Простите за любопытство, господин, вы интересуетесь составом войск, чтобы представлять общую картину или... — Он замолчал, вопросительно подняв алые брови.

Буллфер не удостоил его ответом.

— Теперь под моим контролем большая территория. Нужно навести порядок в Ните, Гаэте, Илкасте и Эллиде. Прежде всего — убрать половину жертвенников. Они торчат на каждом углу и только дробят энергию. Мне нужно по три храма в каждой провинции. На точках выхода силы из-под земли. Я покажу, где именно. В Рэйме останется один.

— Хозяин,— полулежащий на скамье предводитель лапифов беспокойно шевельнулся.— Поправьте, если я понял неправильно. Вы собираетесь перейти на другие источники силы? Перестанете брать ее с людей?

---

[1] Маргулы — древний, вымерший род демонов.

— Да, Нокс. У меня, в отличие от вас, иные способы получения энергии.

Демоны переглянулись еще раз, не зная, что сулит это нововведение — лишние хлопоты или прямую выгоду.

— Я бы передавил всех прихлебателей Друзлта,— сказал Голт.— Эти безмозглые твари начнут топить корабли по всему побережью.

Буллфер кивнул одобрительно:

— Нокс, поднимись в Рэйм. Оповести жителей, что у них теперь новый Правитель, и займись храмами. Ах да... у них же там чума. Ладно, с Ямэлом позже. Голт и предводитель нелунгов, со мной. Сумган, отправляйся в Эллиду, найди легион Клавдия, он там громит алтари Некроса, передай мое повеление уничтожать и храмы Друзлта тоже. Помоги с перемещением.

— Господин, а что делать с жрецами? — поинтересовался возничий.

— Что хочешь. Мне все равно...

Дел было много. И новый Хозяин Срединных земель чувствовал, что спать не придется долго.

Глава 14
МЕН-НОФЕР

Стены Мен-Нофера приближались.

Башни из желтого песчаника теперь были отчетливо видны. Они возвышались над городом, медленно всплывающим навстречу на фоне ярко-синего неба и оранжево-золотой пустыни.

Столица Нита лежала в окружении оазисов, где под высокими пальмами, растрепанными горячим ветром пустыни, прятались глинобитные хижины местных жителей. Сейчас демоноборцы подъехали к одной из таких. У крайнего дома надрывалась лаем собака. Где-то мычала корова. Тревожно шелестел ветер, поднимая пыль на дороге. Но человеческих голосов не было слышно, хотя прохладный ранний час — самое время для работы.

— Странно.— Рамир приподнялся в седле, оглядываясь.— Сейчас лучшая пора, чтобы идти к каменоломням. Здешние жители обычно не изменяют своим привычкам.

— Может, уже ушли? — предположил Критобул.

— Может,— не слишком охотно согласился иллинеец.— Но где тогда женщины, дети?

Подъехав к первому дому, он внимательно рассмотрел жалкую хибарку с плоской крышей и дырами вместо окон, а потом, указав на деревянную дверь, сказал негромко:

— Скобы замотаны травой. Знак, что в доме кто-то умер.

На следующем жилище тоже был «замок» из сухих стеблей. И на третьем.

— Если они все умерли,— пробормотал Критобул,— то кто завязывал их двери? Соседи?

— А двери соседей? — тихо спросила Гермия.

Впереди показалась утоптанная площадка, посреди которой возвышался камень, покрытый бурыми подтеками. А вокруг бродили, стояли, лежали жители деревни. Все они еле шевелились, медленно, без цели, двигаясь вокруг жертвенника. Натыкались друг на друга, тупо смотрели в пустоту, и казалось, не понимали, что происходит.

— Что с ними? — прошептала Гермия, оглядываясь.

Гай слез с лошади, подошел к старику, лежащему на земле без движения.

— Мертв,— хмуро сказал он.

Критобул тоже спешился, поймал за руку проходящую мимо женщину с безмолвно лежащим в наплечной корзине младенцем. Та послушно остановилась.

— Эй! — Преторианец помахал у нее перед лицом ладонью.— Что здесь случилось?

Нитянка продолжала смотреть сквозь него, зрачки ее были подернуты белесой пленкой.

— Она тебя не слышит.— Рамир пристально вглядывался в лицо юноши, клубком свернувшегося в пыли. В одной руке тот держал зубило, видно, собирал инструменты, чтобы идти на работу.

— Люди становятся такими после мощного забора энергии,— прошептал Октавий и поежился, почувствовав на себе взгляды спутников.— Нет, не думайте, я ни в чем таком не участвовал! Просто читал... Когда правящему демону нужно много силы сразу, он вытягивает ее из людей, живущих на его территории. И те превращаются в... вот таких.

— И когда они очнутся? — Критобул хмуро осматривал толпу полуживых.

— Никогда.

Рамир резко отвернулся от каменщика и произнес, старясь не смотреть на друзей:

— Нам лучше уехать отсюда. Мы ничем не можем помочь.

До полудня они проехали еще две «разоренные» деревни. В каждой жители были мертвы. Казалось, смерть поразила людей внезапно, за привычными делами.

Иллинеец скрипел зубами от злости, глядя на женщину, упавшую возле колодца, на девушку, перетиравшую зерно — ее руки все еще сжимали рукоятку на верхнем жернове, а тело сползло на землю... Эта несла шкуры, та только что подоила корову...

На дороге к Мен-Ноферу лежали мужчины, направлявшиеся в каменоломни. Стояли повозки, запряженные тревожно мычащими волами, а рядом тоже застыли неподвижные тела. У самых стен города валялись опрокинутые носилки, с которых свешивалась тонкая смуглая рука,

украшенная тяжелым золотым браслетом. Рабы, несшие их, упали мертвыми рядом с хозяйкой.

В небе кружили стервятники. Не боясь всадников, они опускались на повозки, рвали мертвое мясо, лениво отпрыгивали, когда спутники проезжали слишком близко, и за их спинами снова опускались на добычу.

Ненависть тугим комком сворачивалась в животе Гая и обжигала внутренности.

— Зачем Золтону понадобилось столько силы? — спросил он сквозь зубы.

Арэлл, не оборачиваясь, тряхнула головой, ударила лошадь пятками в бока, и та поскакала вперед, все быстрей и быстрей.

На каменные улицы Мен-Нофера элланка влетела первой. И тут же осадила гнедую.

Всё было безжизненным. Люди бродили по площадям, натыкаясь на трупы, ничего не видя, превращенные в безмозглых, безвольных кукол волей темного господина.

— Здесь то же самое,— сказал догнавший ее Гай.— Целый город...

Друзья медленно ехали по безмолвным узким улицам, слыша лишь стук подков да шелест ног полумертвых жителей. И только в самом центре города, у порога гигантской черной пирамиды, увидели единственного не мертвого человека.

— Это Зодчий.— Уверенно сказал Рамир.

На нижней ступени сидел старик в светлой тоге. Мимо, как безмолвные тени Гадэса, брели безликие силуэты живых еще недавно людей, а он задумчиво ел финики (у ног собралась уже целая горка косточек) и смотрел на спутников. Серо-голубые глаза незнакомца были прозрачными, похожими на две льдинки на морщинистом смуглом лице. Арэлл вздрогнула, встретившись с ним взглядом, и подъехала ближе.

Старик вгляделся в нее внимательнее и промолвил негромко:

— Долго же вы ехали, Арэлл... Некрос убит. Они все убиты. Остался один.

— Кто?

— Турвон. Хозяин Срединных земель. Так он себя назвал.

В синих глазах девушки вспыхнула ненависть, и Зодчий печально улыбнулся, увидев эти яростные огоньки.

— Я убью его! Я обещала Трисмесу и себе самой, что убью его! Раньше у меня не было на это сил, но теперь я готова.

— Тогда идем.— Старик поднялся.— Я покажу вам Никополис. Нам всем будет нужна ваша помощь.

— Подожди.— Арэлл жестом остановила его.— С нами был еще один человек. Это он указал, где тебя искать, но сам попал в плен к Золтону.

— Если он угодил в лапы Хозяина, то, вероятно, еще жив.— Зодчий посмотрел на вершину пирамиды.— Великий кайман предпочитал обрекать людей на долгую, мучительную смерть и часто сбрасывал неугодных в катакомбы под своим дворцом.

Элланка взволнованно заглянула в ясные молодые глаза на старом лице:

— Значит, теперь, когда демон мертв, у нас есть шанс вытащить Атэра оттуда. Если нам укажут дорогу...

— Нет,— твердо сказал Зодчий.— Ты не сможешь найти его в подземельях. Я сделаю это сам. Идемте.

Старик провел их через площадь. Затем вверх, по широким пологим ступеням. Потом по каменным плитам...

Впереди поднимались широкие врата, вырубленные в скале. Вход в них охраняли два гигантских колосса в царских одеждах. Статуи — мужчина и женщина — пристально смотрели на приближающихся странников и едва заметно улыбались. Два ряда высоких пальм по сторонам дороги казались карликами рядом с изваяниями. От плит поднимался жар, и над землей плыл горячий воздух. В полной тишине слышался лишь стук подков и взволнованное дыхание рэймлян, впервые увидевших величественный памятник Нита.

— Это Северные ворота,— сказал Зодчий.— Здесь начинается караванный путь, ведущий в Эбиссинию. В Мен-Нофер со стороны гор можно попасть лишь через них.

Мощные створки, окованные железом, были распахнуты. Их гигантские петли и скобы затворов вызывали воспоминания о древних титанах. Только те могли выковать нечто подобное. Выход светлел далеко впереди. Казалось, до него не менее пяти сотен статий.

Зодчий подошел к арке первым. Арэлл заметила, что он снял с шеи амулет, очень напоминающий те, что носили остальные демоноборцы, покрутил одну из его сторон вокруг своей оси и шепнул несколько слов. Потом обернулся:

— Это самый короткий путь. Идите прямо, не останавливаясь.

Внутри, после яркого солнца, было очень сумрачно, а потом вдруг снова вспыхнул дневной свет.

Спутники оказались на холме.

Дорога, сложенная из бледно-зеленых плит, обводила круг размером чуть меньше Мен-Нофера, замыкаясь в кольцо. Внутри него белели дома, серебрились нити каналов и зеленели клочки полей. Туда-сюда непрерывно сновали люди.

Толпа была пестрой: нитяне, элланы, рэймляне, эбиссинцы... Многие — в военной одежде и при оружии. Рядом с реальными пирамидами виднелись их туманные двойники и несколько пальм, похожих на расплывающийся мираж. Присмотревшись, друзья заметили в толпе странные тени — полупрозрачные человеческие силуэты, сквозь которые можно было видеть песок и зеленые плиты.

— Что это? — спросил Критобул у Зодчего, с ошалелым видом оглядываясь по сторонам.

— Настоящий срединный мир просвечивает сквозь созданную мной реальность.

— А где храм? — пискнула Гермия.

— Остался в демоническом Мен-Нофере,— ответил великий архитектор, с улыбкой глядя на изумленных друзей.

— В демоническом? — переспросил Рамир, которого, похоже, больше удивило не волшебное перемещение, а слова Зодчего.— То есть ты хочешь сказать, что темных здесь нет?

— Они не могут сюда проникнуть. Эта земля закрыта для них, они ее не чувствуют. Здесь мы можем жить в безопасности.

— Невероятно! — Рамир, еще раз окинул взглядом огромный полис.— Я никогда не смогу понять, как ты это сделал. Спрятал от демонов целый город. Ты действительно величайший архитектор.

— Сколько же лет тебе на это понадобилось? — Гай шагнул в сторону, наблюдая, как мимо него проходит прозрачная нитская женщина.

— Шестнадцать десятилетий с помощью Духа срединного мира...

Глава 15
ЗОДЧИЙ

По меркам срединного мира, Зодчий был очень стар. Во всех остальных — считалось бы, что не прожил и десятой части отпущенного времени.

Он держал в своей памяти восемнадцать десятков лет. День за днем. И помнил очень многое...

Боль первого вдоха, резкий белый свет, красный шар заходящего солнца, зацепившийся за переплет крошечного окна. Лицо матери... Лицо матери он не помнил. Ее как будто и не было. Ни она, ни отец, не смогли принять и понять своего сына. Странного ребенка с недетским, пронизывающим взглядом. Он остался для них чужим. Как и они для него. Просто хорошие люди, приютившие на короткие шестнадцать лет одинокого скитальца...

Но еще задолго до шестнадцатилетия Форкий осознал, что он слеп и глух и намертво привязан к земле, на которой родился. От былой силы ничего не осталось. Он стал беспомощен, так же, как и остальные смертные, толкущиеся на жалком клочке мира. Не знающие законов, не понимающие их и даже не пытающиеся понять — они не могли услышать...

В тот день юный эллан сидел, прислонившись спиной к теплому стволу оливы, и смотрел на алую закатную полосу в небе. Земля молчала. Всего лишь четверть часа полной тишины, когда кузнечики уже перестали стрекотать, а цикады еще не начали. Дневные птицы уснули, а ночные еще не вылетели на охоту.

Не день, не ночь. Не утро, не вечер... Короткое мгновение перехода от одного состояния к другому, когда границы мира раздвигаются.

Воздух стал прозрачным. Повеяло прохладой. Тишина достигла апогея... И тут подросток заметил человека, выходящего из легкой сумеречной дымки. Высокая фигура была закутана в длинный серый плащ.

Капюшон низко опущен, руки спрятаны в рукавах. Бесшумно ступая по траве, незнакомец приблизился. Юный эллан поднял голову и разглядел, что на лице его, скрытом в тени, вместо глаз поблескивают две искры.

Человек остановился, некоторое время молча рассматривал полудетскую фигурку у своих ног. Потом произнес тихо:

— Беспомощный... маленький, слабый... Что ты сможешь сделать?

Казалось, низкий голос идет откуда-то издалека, но временами в нем звучали неожиданно гулкие звуки, наполненные вибрирующей силой.

— Кто ты? — без страха спросил эллан в ответ.

— Уже несколько тысячелетий я зову. Голос мой ослабел, силы уходят. Надежды почти не осталось. И вот наконец я получил ответ на свой зов — насмешку, ребенка. Человека, который зависит от моей прихоти. Тебя может сжечь солнце, разорвать зверь, задушить мороз. Что ты можешь, Форкий?

Подросток смотрел на торжественную фигуру, заслоняющую холодеющее небо, и чувствовал волны густых запахов, исходящих от плаща. Горячая земля... трава после дождя... морской ветер... сырые листья... дым...

— Меня услышала лишь она. Женщина. Архэл. Только потому, что была ближе всех к моему создателю.— Голос незнакомца то падал до едва слышного шелеста, то начинал рокотать, словно прибой.— Но она ничего не помнит. Помнишь — ты. Поэтому я пришел к тебе, хоть ты и хотел уничтожить меня.

Острая боль пронзила голову мальчика. Так было всегда, когда воспоминания прошлого рвались в слабую человеческую память.

— Я не хотел никого уничтожать,— выговорил он наконец.— Я никогда никого не хотел уничтожить.

— Ты считал меня опасным уродливым калекой, недостойным существовать. Но я живу. Я хочу жить!

Он наклонился над мальчиком, морщившимся от боли, и тот увидел совсем близко холодные яркие звезды в черноте под капюшоном.

— Кто ты? — повторил Форкий. Хотя уже и так понял.

— Несовершенное творение,— ответил тот с человеческой горечью в нечеловеческом голосе.— Срединный мир.

Он вскинул руку, открывая лицо, и подросток отшатнулся. В нем были слиты сотни ликов — детских, мужских, женских. Они перемешивались, вытекали один из другого, сменялись звериными мордами, птичьими клювами, челюстями насекомых. Страшное, странное, прекрасное, больное, искаженное, холодное. Бесконечно меняющееся. Но в каждой маске была как будто трещина. Искривление, откуда смотрела глухая пустота. Она вдруг хлынула наружу, и Форкию показалось, что его окунули в бесконечную тьму. Та затопила все вокруг: низенький домик родителей, сад, оливковые деревья, небо...

Остался один лишь голос этого мира.

— Я умираю,— произнес он почти беззвучно.— Меня убивают. Рвут на части. Вгрызаются в материю, из которой я создан. Выхватывают из нее куски. Пожирают заживо.

В сознании человека вдруг ярко вспыхнула картина — красная бездна, пышущая жаром, в которой копошатся безобразные твари. Они впивались в землю, драли ее длинными когтями, и вверх взлетали длинные полотнища белого огня.

«Демоны»,— подумал Форкий.

— Я хотел, чтобы вы смели их с меня,— отозвался призрачный голос.— Ты пришел, значит, хочешь помочь. Но почему ты не появился здесь со всей своей силой? Не уничтожил их всех сразу? Что можно суметь в этом жалком теле?

— Я не знаю принципов, по которым ты построен. Моя сила, перенесенная в эту реальность, могла бы уничтожить не только демонов, но и тебя самого.

— Но что ты можешь?!..— простонал он, гася картину огненной бездны, и вокруг Форкия засияли чистые звезды.

— Мыслить,— ответил тот с улыбкой.— А если ты будешь помогать мне, еще и строить. И, быть может, научу людей бороться.

Он занимался строительством сто двадцать лет.

Это была грубая работа. Он не создавал ничего нового, не ткал тонкую материю, а латал дыры, пробитые в старой. Игрушка, созданная когда-то в безрассудном порыве, прежде яркая и нарядная, лежала перед ним сейчас покореженная, побитая, жалкая. А он — архитектор, больше всех огорченный ее появлением, теперь отчаянно пытался починить то, что от нее осталось.

Его дворцы, гробницы и висячие сады, построенные по прихоти земных владык, на самом деле были заплатками, которыми Зодчий пытался скрепить рвущуюся ткань срединного мира. И тот, в свою очередь, делился с мастером своей силой, давал здоровье и долголетие, выводил на поверхность нужные минералы и скрывал от демонов...

А еще архитектор искал Лучезарного. Но нашел лишь один след, оставленный Денницей — город Солнца в горах. Больше не было ничего. Как будто ученик покинул срединный мир...

Чтобы построить Никополис, понадобилось несколько десятков лет. Дух этой земли показал Форкию удивительный минерал, ограждающий от темных. Он же вывел камень на поверхность, потеряв при этом еще немного сил. Единственное, чего не хватало Зодчему — свободы перемещения. Его жилище было завалено чертежами телепорта, макетами орудий, кусками папируса с обрывками формул перехода. И долгие годы экспериментов дали результат. Он построил магические ворота. Далекие от совершенства. Грубые и примитивные. Но работающие.

За мгновение переместившись из Нита в Эллиду, архитектор стоял на высоком утесе, испытывая иллюзию, что прежняя сила вернулась к нему.

Теперь он мог легко приводить жаждущих свободы людей в поселение, надежно огражденное невидимыми стенами. Мог создать величайшее в срединном мире войско. Зодчий был уверен, что рано или поздно жажда власти и вечный голод заставят Хозяев забыть о нейтралитете и начать войну за территорию и человеческие ресурсы. Он был терпелив, год за годом собирая собственную армию из тех, кто сумел преодолеть в себе страх перед демонами. Из тех, кто не видел в жизни смысла под демонским ярмом. Из тех — у кого демоны отняли смысл жизни.

Теперь он знал о себе все. Точно. Без искажений. И как сейчас помнил все, что произошло с ним задолго до рождения...

— Сними Завесу.— Эрнолтинаор стоял перед тетраимом и смотрел в лицо, окруженное пламенем.— Я хочу спуститься в срединный мир.

Ответ пришел не сразу.

— Зачем тебе это нужно? — долетела до архангела полумысль-полуобраз из зыбкого пространства Огненного мира.— Ты сам видел, та реальность нестабильна. Она может разрушиться в любое мгновение. Я заслонил ее от остального пространства, чтобы она не уничтожила никого вместе с собой.

— Я хочу вернуть Лучезарного.

— Ты думаешь, он там?

— Я знаю.

— А как же свобода? Он сам сделал выбор. Остался со своим созданием. Он защищал его от вас. От меня. Он готов был убивать ради него.

Эрнолтинаор опустил голову, чувствуя, как его начинает пригибать к земле мощь огненного создания. Произнес тихо:

— Помнишь ли ты, как я создал свой первый материальный мир? Как упивался им? Как осознавал себя Создателем, не понимая, что порождаю смерть и страдание...

Лицо в пламени осталось неподвижно, но Архитектору показалось, что тетраим улыбается. Обжигающая волна, идущая от него, стала еще жарче.

— И что стало с твоим миром?

— Я уничтожил его... — Даже сейчас, после многих сотен веков, вспоминать об этом было тяжело.— Расщепил на куски и вернул обратно в Хаос, откуда поднял. Ты говорил, что мы, архангелы, создаем жизнь. Но прежде чем научимся это делать — творим смерть. И сами погружаемся в нее. Это закон. Так было всегда. И будет. Наш горячо любимый, созданный в порыве вдохновения материальный мир будет страдать и умирать вместе с нами... Сними Завесу, я хочу помочь своему ученику вернуться. И всем, кто пошел за ним.

Гигантская огненная сфера тела тетраима пришла в движение. По ней прошла волна белого пламени.

— Почему ты просишь за него? Он пройдет весь круг до конца и возвратится сам.

— Я не могу оставить его без помощи.

— Ты неразумен так же, как и он.

— Знаю.

— Завесу я не сниму. В любое мгновение его мир может расколоться, и тогда он откроет Хаосу дорогу ко всем мирам. Хочешь идти на землю— иди, как человек.

Эрнолтинаор молча склонил голову, принимая решение высшего существа. Тетраим обдал его еще одной волной жара и растворился в Огне своего мира...

Мысли Зодчего вернулись из прошлого. Он сидел в просторной рабочей комнате, за столом, заваленным свитками. У стен возвышались стеллажи, все ячейки которых были заняты измерительными приборами и бумагами.

Час назад архитектор вернулся из подземелий Золтона. Знаки на стенах, которые начертил для него срединный мир, все еще оставались видны. То, что спасло старого эллана несколько десятилетий назад, спасло и молодого сегодня.

Затем след уходил в глубины нижних миров.

Форкий отыскал Атэра на бесконечной равнине, где нашел приют Семнехкер — олицетворение познающего разума, спокойствия и знаний. Как и остальным Древним, ему не хватало сил. Он питался мыслями и воспоминаниями случайных жертв — несчастных, забредших в его владения. Или тех, кого приводил адский пес в надежде получить искру покоя — защиту от собственного демонического безумия.

Девяносто лет назад Форкий был жрецом в храме Семнехкера, и бог хорошо помнил своего служителя. Только это спасло Атэра...

Зодчий рассеянно скользнул взглядом по своему жилищу, расположенному на вершине пирамиды, и подумал, что скоро покинет его. Быть может, навсегда.

Наступило время, к которому он готовился так долго. Монолит демонического порядка наконец дал трещину. Высшие не выдержали многотысячелетней конкуренции друг с другом. Теперь, пока земли нового Хозяина лежат в руинах, а сам он не успел получить всю верховную власть и силу, можно нанести по нему удар. Попытаться отвоевать часть земель.

С помощью срединного мира Зодчий давно знал приблизительное число слуг каждого из Хозяев. И сейчас у людей появился шанс противостоять им.

Архитектор поднял голову чуть раньше, чем раздался резкий стук в дверь. В комнату ступил рэймский консул Корнелий Лонг. За ним вошел элланский стратег Ориан Мильтиад. По приказу императора Транквила первого лишили земель и титулов, а всю семью последовательно принесли в жертву Некросу. После смерти младшего сына яро-

стный защитник рэймского государства превратился в его страстного врага. Второй — едва пережил нитское рабство. Раньше оба были недругами, теперь их объединила ненависть к демонам.

Коротко поприветствовав Зодчего, Корнелий направился к креслу из слоновой кости — символу верховной власти рэймского консула, неторопливо сел, положил на стол шлем с высоким плюмажем. Его алый плащ бросал на чешуйчатую лорику красные отсветы, черные волосы были коротко острижены, сухое желтоватое лицо с крючковатым носом не выражало ничего, кроме решительной сосредоточенности. Цепкий взгляд карих глаз быстро обежал комнату и задержался на чертежах, лежащих перед архитектором.

— И где же, позволь узнать, твои друзья, Зодчий? — осведомился он неодобрительно.— Мы не можем задерживаться из-за них.

— Сейчас будут,— отозвался тот.

— И все же объясни, почему ты ждал пять человек так, словно это целый легион.— Консул требовательно уставился на Зодчего, продолжая хмуриться.

— Они очень важны для меня. И для срединного мира тоже.

Лонг недовольно скривился, но больше не стал задавать вопросов. Смирился с тем, что человеку, собравшему двадцатитысячную армию, можно простить некоторые странности.

Ориан, обладающий более скромными привычками, сел на скамью. Провел ладонью по бороде, крупными кольцами лежащей на кожаном панцире. Усмехнулся:

— Корнелию не терпится обсудить с тобой новую тактику боя.

Консул гневно покосился на соратника:

— Мне пришлось потратить массу времени на переустройство этой армии. Я бы не хотел потерять обретенное преимущество. И, если учитывать, что половина из солдат элланы — строптивые и упрямые, я не уверен, что они через несколько часов не «забудут», чему их научили,— язвительно произнес он.

— Кстати, если говорить об армии Великого Рэйма,— с добродушной улыбкой заметил Ориан, и Зодчий понял, что сейчас станет свидетелем привычного спора.— Помнится, при битве у Требии, вы проиграли бой нумидийцам лишь потому, что два ваших консула не смогли договориться между собой, какой тактики держаться.

Корнелий вспыхнул, вспомнив подробности постыдного поражения, но в долгу не остался:

— А вы из-за своего твердолобого упрямства потеряли весь флот при битве у Эгиспотамах меньше, чем за час.

— А вас разбили у мыса Эгном. Потопили половину ваших неповоротливых лоханок.

— А вас разгромили при Хиронее.

— А половина вашей армии попала в плен в пятьдесят пятом году...

— Приятно слушать беседу эллана с рэймлянином,— негромко сказал Зодчий, глядя на перекошенное отражение консула в его шлеме.— Узнаешь так много новых исторических фактов.

Лонг и Мильтиад замолчали. Смерили друг друга взглядами. Затем Ориан рассмеялся, а на бледных щеках Корнелия появились два красных пятна. Оба знали, что вспоминать о прежних битвах не имеет смысла. Их вели для демонов и ради них же. Люди в той игре были мелкими разменными фигурами. И только сейчас наступило время для реальной войны.

Глава 16
ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Ворота пирамиды были распахнуты.

Проходя под аркой, Гай запрокинул голову, чтобы лучше рассмотреть сужающиеся кверху створки — из черного дерева, без единого украшения.

Изнутри строение опоясывала концентрическими кругами просторная галерея. Сверху падал широкий луч солнца. Он казался твердым, будто выточенным из теплого сияющего электрона... Арэлл перегнулась через перила, чтобы посмотреть вниз — глубина оказалась головокружительной. Словно элланка стояла на вершине горы и заглядывала в пропасть.

Когда друзья поднялись на самую макушку здания, в рабочую мастерскую архитектора, их уже ждали, и первый, кто произнес слова приветствия, был Зодчий.

— Что с Атэром? — тут же спросил у него Рамир.— Ты нашел его?

— Спит,— ответил тот с улыбкой.— Слишком устал. А у нас нет времени ждать его пробуждения.

Во втором человеке Гай с удивлением узнал консула Корнелия Лонга, которого уже десять лет считали мертвым. Рядом с третьим сидела счастливая Гермия.

— Это мой дядя! Ориан,— сообщила она удивленным преторианцам.— Мы думали, он погиб на нитских галерах.

— Скорее, нитская галера, на которой я плавал, не пережила моего рабства,— добродушно хмыкнул эллан и похлопал девчонку по руке.

Октавий с высшей степенью недоумения на лице сел у двери — он никак не ожидал застать здесь Гермию. Критобул принялся ходить из угла в угол. Арэлл прислонилась плечом к стеллажам со свитками. Рамир развернул стул спинкой к себе и уселся на него верхом.

— Пора дать бой темным тварям! — громко заявил Корнелий Лонг.— Сегодня ночью я хочу переместить армию к Рэйму.

— А письмо с объявлением войны уже отправлено? — пошутил Критобул, но, увидев сурово сведенные брови Арэлл, хмыкнул и замолчал.

— Я много времени посвятил изучению противника,— сказал Зодчий, правильно поняв смысл недоверчивых взглядов, которыми обменялись преторианцы.— Демоны всегда голодны. Им никогда не хватает своих земель, власти и человеческих жизней. Мы долго ждали момента, когда нейтралитет между ними будет нарушен и они потратят большую часть сил на драку друг с другом. Мне кажется, сейчас у людей появился шанс. Если мы не воспользуемся им...

— Ты всерьез рассчитываешь на победу над Хозяином? — перебил его Гай резче, чем хотел.

Октавий энергично закивал:

— Полагаю, никто из нас не думал, что сразу придется вступать в открытый бой. Мы даже не успели подготовиться...

— Я готова выступить хоть сегодня,— возразила элланка.

Консул поднял руку, призывая к вниманию:

— Никто не говорит о полной победе. Здесь нет идиотов, которые полагают, будто перебьют всех темных четырьмя человеческими легионами. Но они должны увидеть, что не могут так просто уничтожить нас. Что обломают зубы, если не отступят. Нам нужно перемирие. Договор на наших условиях. Территория, на которую демоны не будут претендовать.

— Перемирие? — Критобул растянул рот в скептической ухмылке и выразительно покосился на Гая.— Четыре легиона против демонской орды?

— Зодчий, ты сам говорил, они никогда не отдадут принадлежащего им,— сказал Гратх.— Хозяина надо держать за горло, чтобы заставить пожертвовать хотя бы крошечной толикой своих земель. К тому же у тебя есть территория. Этот город. Сюда темные и так не могут попасть.

— Никополис не может вместить всех желающих,— проворчал Орианн.— Нас здесь и так стало слишком много. Двадцать тысяч — только воинов. А Зодчий не волшебник, чтобы творить еду из воздуха. Нам нужна реальная земля. Насчет же того, чтобы взять Хозяина за горло...

— У нас есть оружие, которое может уничтожать демонов! — прервал его Лонг.

— И Высших? — уточнила Арэлл, пристально глядя на Зодчего.

— Всех,— ответил тот. Жестом попросил Рамира, сидящего рядом с нужной полкой, достать свиток и развернул на столе папирус.— Это чертеж одного из моих орудий.

— Походит на гаэтскую морфу,— заметил иллинеец, внимательно изучив изображение машины, похожей на катапульту, но с длинной трубой вместо ковша.— Они выплевывают струи огня?

— Я брал морфы за основу.— Зодчий придавил скручивающийся угол рисунка тонкой пластинкой железа.— Но эти будут стрелять кусками минерала, который использован при строительстве Никополиса. Его свойства полностью противоположны энергии демонов.

Зодчий протянул руку, взял с полки серо-зеленый камень, подал его Арэлл и произнес задумчиво:

— По легенде, творец нашей земли, заложил в нее часть своей магии. Этот минерал — нечто вроде цемента, который скрепляет фрагменты срединного мира. А так как создатель был светлым существом, то и глубинная основа его творения — «светлая» материя. И, значит, враждебная демонам. Я потратил довольно много времени, чтобы научиться использовать ее.

— Темные знают об этом? — Гай взял камень, который протянула ему Арэлл, взвесил на ладони, передал Критобулу.

— Думаю, нет. Иначе постарались бы его уничтожить.

— Так же, как Симплигатов,— кивнула элланка.

— Ну не знаю.— Критобул попытался рассмотреть кусок минерала на свет.— И что в нем такого магического? Проверить-то нельзя.

— Думаю, доказательством служит то, что все мы здесь,— возразил Рамир и для наглядности похлопал ладонью по спинке стула.

— Значит, у нас всего четыре легиона солдат,— как ни в чем не бывало продолжил Критобул.— Но есть орудия, которые могут уничтожать темных...

— И виверны,— добавил Зодчий.— Они пришли ко мне несколько дней назад с предложением заключить союз.

— Виверны?! Разве они существуют? — впервые за весь разговор подала голос Гермия и покраснела, когда все посмотрели на нее.— Я слышала, они давно вымерли.

— Утром они казались мне вполне живыми,— улыбнулся Зодчий.

— Я был в горах Виверн, в Эбиссинии.— Рамир задумчиво потер шрам на скуле.— Видел этих существ издалека. Один из молодых драконов схватил огромного быка, поднял в воздух и унес в скалы с такой легкостью, словно тот был кроликом.

— Демоны не бычки,— пробормотал Октавий, но так тихо, что слышал его только Гай.

Корнелий указал стилом на карту:

— Мы выйдем у города. Здесь.

— На расстоянии около тысячи статий от Северных ворот,— уточнил Гай, придвигая к себе широкий лист папируса, исчерченный стрелками.

— Да, на холмах.— Консул взял еще одну карту и положил поверх прежней.— Колесницам турвона будет трудновато.

— У него есть колесницы? — испуганно спросил Октавий.

Лонг невозмутимо заглянул в свои записи:

— А также отряд нелунгов, гоплиты, легкая пехота. Тактика боя демонов проста.— Консул высокомерно повел бровью.— У них нет тактики. Все это время за них воевали люди. Темные прут вперед с одной целью — смять силой и задавить числом.

— Откуда это известно? — скептически осведомился Критобул.

— Виверна на хвосте принесла.— Ориан усмехнулся в бороду.

— Однако мы не должны недооценивать нового Хозяина,— продолжил Лонг.— По моему мнению, ему лучше не идти на открытое столкновение, а заставить нас штурмовать город. Стены Рэйма неприступны.

Осаду он может выдерживать годами. Лично я сделал бы именно так. И, хотя Зодчий утверждает, что Правитель не пойдет на это, с моей точки зрения, надо быть готовыми к такому повороту событий.

— Правитель — демон,— возразил архитектор.— Его военачальники — тоже. Они не будут сидеть в городе, отражая наши атаки. Они не считают нас достойным противником, от которого надо скрываться за стенами. Им хочется покрасоваться. Проехаться перед нами на колесницах. Развернуть свои войска. Обрушить на людей всю доступную мощь... Для них это будет показательная казнь мятежников, Корнелий. Развлечение.

Лонг молча выслушал, чуть склонив голову, но было непонятно, принимает он доводы или остается при своем мнении. Затем взял чистый лист и разрисовал его условными обозначениями неровной местности.

— Враг не знает всей нашей силы... Мы займем три холма, с которых хорошо просматривается город. На правом, Скальном, встанут орудия. С высоты они будут отлично простреливать открытое пространство. Два других, Тисовый и Красный — более пологие, покрыты лесом и кустарником. На первом, под прикрытием леса, будет моя конница. На центральном — виверны. Склоны займут лучники-гимнеты[1], три отряда по семьсот человек. Под защитой орудий разместим обоз. Для пехоты,— Корнелий принялся чертить квадраты предполагаемого войска,— я предлагаю аленсийское построение. Оно даст нам большую маневренность и позволит хорошо простреливать территорию.

Он поднял голову убедиться, что все присутствующие поняли, о чем речь. Заметил несколько удивленных взглядов и принялся объяснять заново:

— Протяженность фронта нашей армии — около тысячи статий. Воины будут стоять лицом к Рэйму, в три линии, в шахматном порядке. По тридцать две манипулы в каждом ряду. Надеюсь, что такое манипула, разъяснять не надо? — Корнелий с презрительной жалостью глянул на преторианцев.

— В отряде из двухсот воинов воевать приходилось,— отозвался Критобул, оскорбленный тем, что его заподозрили в невежестве.

— Великолепно,— скептически отозвался консул и вернулся к своим записям: — Первый ряд займут сариссофоры[2] с тяжелыми копьями и полным защитным вооружением. Второй — гастаты[3] с мечами и дротиками. Третий — триарии. Самые опытные воины. Зачастую именно они решают исход битвы.

---

[1] Гимнеты — легкая пехота, имеющая на вооружении пращи, дротики, луки, кинжалы и палицы. Защищенная только щитом и сражающаяся в задних шеренгах.

[2] Сариссофоры, сариссы — тяжелая пехота, вооруженная длинными, до шести статий, копьями.

[3] Гастаты — пехота, занимающая промежуточное положение между тяжелой и легкой. Вооружение — дротики, короткий меч, легкий кожаный щит.

На мгновение Гаю почудилось, что он слышит Тиберия. Брат рассказывал о боевых построениях и войнах почти теми же словами, с такой же верой в непоколебимость рэймских легионов.

— У каждого в оружии будет кусок того же минерала, что и снаряды,— добавил Зодчий.— Наконечники стрел и копий, клинки.

Присутствующие молчали, обдумывая услышанное, потом в полной тишине прозвучал голос Рамира:

— Хорошо. Но вот вопрос. Почему вы думаете, что новый Хозяин не начнет бить по армии магией? Не вступая в бой?

Зодчий неторопливо свернул карту, кивнул, принимая серьезность высказывания:

— Ему нужно накормить слуг. Ты видел мертвый Мен-Нофер? Жизненная сила этих людей больше не поступает к демонам. А во время боя воины будут умирать — и энергия человеческих жизней забьет фонтаном.

— Пусть так. Он накормит слуг. И тогда применит магию.

— Уничтожить Высшего очень сложно. Только если застать его врасплох... — Арэлл, сосредоточенно хмуря брови, смотрела на кусок минерала, лежащий на столе.— Значит, наша цель — убить Хозяина до того, как он успеет понять, что уничтожить нас сложнее, чем ему казалось? Если мы сможем завлечь его в ловушку...

Черные глаза Критобула воодушевлено блеснули:

— Заманить, ударить изо всех орудий и разнести в клочья.

— Теперь осталось придумать, как его заманить,— скептически хмыкнул Корнелий.

— Это могу сделать я,— уверенно предложила элланка.

— Нет! — резко возразил Гратх, стремительно поднимаясь со стула.

— Гай, послушай...

— Даже не думай!

— Тише, друг,— подал голос Ориан.— В словах девочки есть смысл. Если бы она и не встречалась с демоном лично, увидев ее, он не упустил бы такой красивый военный трофей.

На щеках Гая выступили красные пятна. Он смерил стратега свирепым взглядом, а тот невозмутимо закончил:

— Но это не значит, что все тяготы должны лечь на хрупкие девичьи плечи.

Преторианец снова опустился на стул, и Ориан продолжил:

— Цель наших войск — убить как можно больше демонов. По нашим с Корнелием расчетам, самый большой ущерб им будут причинять снаряды Зодчего. Рано или поздно Хозяин поймет, что его слуги не могут противостоять разрушительной силе орудий, и либо отступит, либо появится лично, чтобы разбить их.— Ориан неспешно огладил бороду.— Если он отступит, это хорошо — мы добьемся, чего хотели, получим земли. Но если Высший заупрямится и вступит в прямой бой — для нас это будет просто удачей. Чтобы уничтожить «морфы», ему придется приблизиться к Скальному холму. Действие магии демонов не покрывает

все поле боя, Зодчий специально рассчитал это. И, с какой бы стороны темный ни зашел, как только он окажется в пределах досягаемости — мы сосредоточим огонь на нем. А ты, Арэлл... — Стратег повернулся к внимательно слушающей девушке.— Если сможешь попасть на глаза демону и привести его за собой на линию огня быстрее — никто возражать не станет...

— Арэлл не сможет нести на себе вооружение сариссов,— заметил Критобул.— Оно ее раздавит. Это дело для нас с Аристидом.

— Никто и не говорил, что она должна быть в первом ряду.— Гай почувствовал внезапное раздражение по отношению к атлету. Тот мог бы и помолчать, не наводя воинственную элланку на мысль, что ей непременно нужно быть впереди.

— Я хочу быть в центре битвы,— возразила Арэлл, и на ее щеках появился яркий румянец.

Корнелий смерил девушку оценивающим взглядом и решил:

— Будешь среди гастатов.

— А я, если не возражаете, хотел бы занять место у орудий.— Октавий вопросительно взглянул на Зодчего. Архитектор утвердительно наклонил голову, и жрец повеселел.

— А где будет Атэр? — спросил Гай, не глядя на элланку.

— Говорят, он обладает магией.— Корнелий задумчиво оглядел карту.— Его силу я бы приберег. Оставил в резерве. В кавалерии.

Иллинеец выпрямился на стуле, собираясь что-то сказать, но Зодчий опередил его:

— И тебя, Рамир, я попрошу занять место в коннице.— Архитектор заметил недоумение на лице мужчины и добавил: — Поверь, ты должен быть именно там.

— Лучше не спорь,— добродушно посоветовал Ориан.— Зодчий всегда прав.

Гай подтянул к себе лист с расстановкой сил:

— Если бы мы точно знали численность войск Хозяина...

— Мы знаем приблизительно.— Корнелий выудил из стопки на краю стола лист папируса.

— Приблизительно — не то слово, которое внушает уверенность,— возразил Гратх.

В этот момент дверь за его спиной открылась бесшумно, повеяло горячим, словно из печи, ветром. Плеча преторианца коснулась легкая рука, и грудной, бархатный голос произнес:

— Две тысячи пехоты...

Гратх обернулся и увидел золотые глаза. Только спустя несколько мгновений он разглядел лицо удивительной красоты, пушистые белые волосы, шею без единого украшения...

— Это Вьюлап,— произнес Зодчий в тот момент, когда преторианец уже скользил взором по стройному силуэту в длинном химатионе.— Наш главный союзник.

Виверна улыбнулась Гаю, равнодушно оглядела остальных, потрясенных ее появлением, и заглянула в пергамент.

— Я обещала сегодня дать точные сведения. Пиши. Две тысячи низших демонов. Из них триста — гоплитов Голта,— эти хорошо обучены и дисциплинированы. Сто тридцать колесниц, запряженных силистийскими гарпами.

Услышав тревожное восклицание Октавия, виверна пренебрежительно пожала плечами:

— В это время года они неактивны...

Жрец заерзал в кресле, сердито насупившись, а Вьюлап продолжила:

— Пять ил нелунгов.

— В одной иле — шестьдесят, нет, шестьдесят четыре всадника...— послышались бормотания рэймлянина, явно пытающегося снова привлечь к себе внимание виверны.

Вьюлап чуть повернула голову в его сторону:

— Всего триста двадцать. Поверь, они не стоят такого беспокойства. Однако это не все.— Она выдержала паузу и произнесла значительно: — Пятнадцать лапифов.

— Но пятнадцать это же не так много, я думаю,— осторожно заметил Октавий, с восхищением поглядывая на златоглазую девушку.

— Они очень сильны.— Виверна присела на ручку кресла Гая, продолжая смотреть в записи.— Очень выносливы и живучи. Кроме того, выпускают по стреле в четыре мгновения. И не просто стреле. Лапифы бьют костяными змеями.

— Двести двадцать пять гадин в минуту,— прошептал потрясенный жрец и непроизвольно сглотнул.

— Поэтому проследите, чтобы у людей была тяжелая закрытая обувь. Даже не задев противника и упав на землю, «стрелы» лапифов продолжают бой.

— Это очень ценные сведения,— воодушевленно заявил Октавий, продолжая коситься на Вьюлап.

— Один из вас в этой битве должен лететь со мной.— Она повернулась к Гаю: — Я хочу, чтобы это был ты.

Жрец сердито насупился.

Вьюлап вытянула шею, склоняясь к свитку, на котором Лонг начертил квадраты манипул. Рассмотрела их, щуря золотые глаза. И одобрительно кивнула:

— Поторопитесь.

Легко поднялась, сделала полшага к выходу и, неожиданно пригнувшись к уху Гратха, шепнула: «На улице... Жду тебя».

— Солдаты полны уверенности в победе,— негромко произнес Ориан, задумчиво поглаживая бороду, когда за ней закрылась дверь.

— И я разделяю их веру.— Корнелий выпрямился и, казалось, стал выше ростом.— Такого огромного войска не было за историю всех империй! Кроме того, сегодня мы точно знаем, что численность нашей армии в восемь раз превосходит демонскую.

— Да-а,— протянул Критобул, впечатленный цифрами и насмешливо покосился на Гая: — А ты все «орда-орда»!

Гратх хотел напомнить атлету, что тот сам всего полчаса назад выражал сомнения по любому поводу. Но тут заговорил Зодчий:

— Не стоит забывать, кто наши противники. Сила одного низшего равна силе пяти человек. Кроме того, от их вида люди испытывают неконтролируемый ужас.

— Все мы помним об этом,— сухо заметил Корнелий.— Но моих воинов, как ты уже слышал, больше не в пять, а в восемь раз. Я уверен в победе. И считаю, совет завершен.

Консул встал. Остальные тоже стали подниматься. Заскрипели ножки скамей и кресел.

— Арэлл, Рамир, прошу вас, останьтесь.— Голос Зодчего перекрыл шум. Юноша с девушкой вновь опустились на свои места.

— ...Вы помните свое прошлое? — задал вопрос архитектор, когда комната опустела.

— Смотря что ты называешь прошлым.— Иллинеец с улыбкой взглянул на Арэлл. Но та, напротив, сосредоточенно нахмурила брови.

— Почти ничего,— ответила она, наконец.— Трисмес провел надо мной ритуал Миркары и попытался показать минувшее. Но иногда я сама не верю в то, что видела.

— Быть может, ты скажешь, что именно мы должны знать? — спросил Рамир.

Архитектор повел рукой в сторону, словно приглашая кого-то войти. Послышался тихий шорох.

Иллинеец и элланка оглянулись. У полок со свитками стоял человек, закутанный в длинный плащ цвета высохшей земли. Никто не заметил, как он появился в комнате.

Незнакомец сделал шаг в сторону удивленной Арэлл и поклонился ей.

— Благодарю тебя,— услышала она шелест из-под капюшона.— Ты услышала меня и пришла. И привела их.

Девушка взглянула на Зодчего, ожидая объяснений.

— Это срединный мир,— произнес тот, с печалью глядя на скорбную фигуру.— Дух срединного мира.

— То, что от него осталось,— с грустным смешком уточнил загадочный гость, выпрямляясь. И снова устремил взгляд невидимых глаз на элланку.— Когда демоны начали уничтожать меня, я стал звать тех, кто мог бы оказать мне помощь. Высших светлых существ, подобных моему создателю. Но голос мой оказался слишком слаб, а вы слишком далеки. Только ты услышала меня... Я пытался помочь тебе на этой земле. Мои дети... материальные законы этого пространства должны были помочь. Трисмес, Фортуна... Вентиго, к сожалению, уже безумен. Он не смог выдержать темной силы демонов. Я каюсь за него...

Потрясенная, Арэлл посмотрела на архитектора.

— Я пытался помочь,— продолжал твердить Дух.— Но ты не чувствовала меня. Ты слишком человек. Так же, как и он.

Иллинеец наклонил голову, принимая упрек.

— В моем мире память о прошлом осталась лишь у одного из вас — Зодчего.— Существо, сложило на груди руки, больше напоминающие высохшие корни.— Опираясь на нее, он получил великие возможности. И я, по мере своих скромных сил, в чем мог, оказал ему поддержку. Теперь я постараюсь помочь в бою всем вам. Если сумею...

Он еще раз поклонился девушке и растаял в воздухе.

— Высшие светлые существа... — произнес Рамир после продолжительной паузы.— Вряд ли я чувствую себя чем-то подобным.

— Это не имеет значения.— Арэлл смотрела в пустоту мимо Зодчего, словно пытаясь увидеть в ней минувшее.— Я тоже лишь смутно ощущаю нечто подобное. Но мы пришли. Значит, должны сделать то, для чего предназначены. Я чувствую, что должна принять на себя первый удар.

— Срединный мир как-то говорил мне, что даже осколки прежней памяти могут выпустить великую мощь,— произнес Зодчий.— Загораясь, дух дает мощь, которая во много раз превосходит обычную силу человека.

Арэлл вскинула голову:

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Когда на меня находят вспышки безумия, как называют это мои друзья,— я могу драться наравне с воинами. Но ты ожидаешь, что во время боя моя сила намного превзойдет человеческую?

— Хотел бы надеяться... Однако опасность для нас в том, что этого может и не случиться. Никто не способен вызвать в себе подобную одержимость по собственной воле.

— Арэлл — воин.— Рамир подобрал обломок минерала и крепко сжал его в кулаке.— Ты, Зодчий — строитель, архитектор. Быть может, и я во время битвы узнаю свое предназначение.

— Думаю, да. Однако уже сейчас я отвечу на часть твоего вопроса. У тебя, как у меня и у Арэлл, есть еще одно, общее, предназначение.— Архитектор развернул лист с расположением войск. Достал стило. Поставил три алые точки. По одной на двух холмах и одну впереди, посреди первого ряда манипул.— Демоны вызывают у людей ужас, и те не могут сопротивляться страху не потому, что трусливы или слабовольны. Энергия темных разрушительна для них так же, как и для всего этого мира.

Зодчий соединил точки в равнобедренный треугольник:

— Они не могут. Но не мы. Более того, мы можем нейтрализовать вражескую энергию для всего человеческого войска.— Зодчий написал имя над каждой из точек.— Если я встану на Скальном, ты — на Тисовом, и Арэлл во второй шеренге — получится пирамида. Все люди, которые окажутся «внутри» нее, перестанут испытывать страх. Своей волей мы закроем их, ограждая от убийственной силы демонов.

Глава 17
ВИВЕРНА

Рядом с пирамидой, на площадке из зеленого камня, Гай увидел небольшую группу молодых людей, одетых в праздничные хитоны. Они переговаривались, весело смеялись и со снисходительным любопытством посматривали вокруг. Юная девушка в небесно-голубом хитоне зажимала ладошкой рот, чтобы не захохотать во весь голос.

Гратх с удивлением заметил Вьюлап посреди этой развеселой компании. Та беседовала с высоким статным мужчиной в черной тоге и, едва увидев преторианца, указала на него собеседнику. Незнакомец повернулся, внимательно посмотрел на воина желтыми светящимися глазами и спустя мгновение учтиво наклонил голову. Впрочем, в жесте явственно проскользнула легкая насмешка.

«Это виверны»,— понял Гай.

Вьюлап сказала еще что-то, и остальные ее сородичи рассмеялись, оборачиваясь. Теперь все они разглядывали Гратха, сверкая разноцветными взглядами: желтыми, зелеными, красными...

Преторианец недовольно нахмурился, но не успел по-настоящему рассердиться. Вьюлап уже шла к нему легкой, летящий походкой. Приблизилась, посмотрела снизу вверх. И у Гратха в душе осталось только одно чувство — изумление оттого, что ее макушка едва достает ему до плеча.

— Вижу, ты догадался,— улыбнулась она.— Мои братья и сестры готовы к бою.

— Сколько вас? — спросил Гай, стараясь не глядеть на громко веселящихся вивернов.

— В бою будет тридцать семь.— Вьюлап щурила золотые глаза, и казалось, между ее веками скользят яркие искорки.

— Что их так рассмешило?

— Ты, конечно,— улыбнулась она.

Гай почувствовал, как скулы начинает сводить от внутреннего жара, а голову медленно заполняет горячая красная пелена. Какими бы ценными ни были союзники, он не собирался позволить им потешаться над собой дальше.

— Тогда попроси их...

Он не договорил. Девушка взяла его за запястье и развернула к себе, так, чтобы пестрая толпа оказалась за его спиной.

Лицо ее стало серьезным:

— Через несколько часов мы будем умирать за вас. Почему бы тебе не дать нам посмеяться над тем, что кажется нам смешным?

Гай не нашел слов, чтобы возразить ей. Гневная пелена в голове рассеялась, а Вьюлап уже снова улыбалась:

— В бою ты полетишь со мной. Но сейчас должен понять — сможешь ли пережить мой полет.

— Хорошо... — ответил он, несколько обескураженный.

Виверна отошла в сторону. Глубоко вдохнула, расправляя плечи. Тело ее задрожало и... вспыхнуло. На мгновение Гай ослеп, а когда зрение прояснилось, увидел существо, не имеющее ничего общего с человеком. Оно было молочно-белым, с густой, жесткой, поблескивающей на солнце шерстью. Более всего эта новая Вьюлап походила на дракона, но казалась намного изящнее. Гибкая шея, небольшая голова с белоснежной гривой, мощные лапы, когти, два крыла, хвост, похожий на змеиный. И только золотые удлиненные глаза остались прежними...

Стараясь быть как можно осторожнее, Гай забрался ей на спину.

Виверна издала долгий клекочущий звук. Припала к земле. Оттолкнулась задними лапами. Подпрыгнула на месте, словно кошка. И взлетела.

Гратх увидел, как площадка наклоняется, проваливаясь вниз. Обеими руками вцепился в горячую шею, чтобы не скатиться с гладкого хребта, и почувствовал свист ветра, выжигающий слезы.

Справа и слева ровно вздымались два мощных крыла. Гай наконец нашел опору, уперев ступни в их основание. Виверна не возражала против такой вольности. Она лишь чуть изогнула шею, чтобы ему было удобнее держаться.

Теперь преторианец мог оглядеться.

Они летели над полисом, и с высоты Гратх по-настоящему оценил его размеры. Гигантские пирамиды образовывали кольцо. В центре, на площади, блеснуло на солнце идеально круглое озеро. От него, расходясь во все стороны, тянулись каналы разной ширины. Пересекаясь, они обводили постройки, образуя сложный орнамент.

За пирамидами начинались поля. На них копошились человеческие фигурки. Многие прервали работу, чтобы посмотреть на летящую виверну.

Чуть дальше шевелила на ветру взъерошенными листьями плантация пальм. Между длинными рядами лежали полосы солнечного света. За деревьями, на открытом пространстве, стояло несколько мельниц и прямоугольники хозяйственных построек. Потом потянулись луга. По ним испуганно заметались коровы, когда на них упала крылатая тень. Из высокой травы вскочил пастух и, возмущенно подпрыгивая, побежал к стаду. Гай рассмеялся, глядя на крошечную фигурку, угрожающе размахивающую кнутом. Вьюлап, издав тихий клекот, повернула на юг.

Теперь они летели над военным лагерем. Гратх увидел форум для собраний, конюшни, ряды мишеней, пустой плац. Палатки командования: для центурионов[1] — получше, для декурионов — попроще. В центре алел преторий, личные апартаменты консула. Вся эта территория была окружена впечатляющим земляным валом, утыканным заостренными

[1] Центурион — командир сотни солдат.

кольями. Гай уважительно покачал головой. — Корнелий Лонг действительно серьезно относился к своему делу.

На широкой дороге, уходящей к северу, преторианец заметил оживленное движение. По ровным каменным плитам медленно двигались машины. Те самые, с чертежа Зодчего. Их тянули крепкие лошади-тяжеловозы, запряженные попарно. Рядом маршировали бесконечные ряды легионов. Глядя сверху на гигантскую армию, Гай почувствовал уверенность, которой утром не ощущал. Такая сила могла противостоять демонам.

Преторианец приподнялся, чтобы видеть, куда они направляются, и разглядел впереди пологий спуск, ведущий под землю. «Видимо, внизу телепорт»,— догадался Гратх.

Внезапно Вьюлап резко повернула и понеслась на запад, поднимаясь все выше. Город закончился, и теперь под ними стремительно проносились холмы, заросли, деревья с плоскими кронами.

Гиматий за плечами Гратха надувался парусом и хлопал по плечам, а сердце бешено колотилось. Когда виверна складывала крылья и падала вниз, а земля неслась им навстречу — Гай был готов орать от восторга и ужаса, как в детстве, когда скатывался на куске шкуры в воду с крутого обрыва. А потом Вьюлап взмывала вверх, и в лицо снова били солнечные лучи, и облака оказывались совсем близко...

Преторианец вспомнил, что уже переживал это безграничное ощущение счастья и полной свободы во сне. Но никогда не думал, что сумеет испытать то же самое в реальности...

Наконец, виверна опустилась на поляне, под редкой пятнистой тенью тика. В нескольких статиях от него зеленела широкая полоса магического минерала, защищающая этот кусок земли от демонов.

Гратх скатился с крылатой спины, сделал несколько шагов на негнущихся ногах и присел на камень, с трудом переводя дыхание.

Вьюлап приняла человеческий образ и, улыбаясь, смотрела на него сверху вниз:

— Тебе понравилось.

Это прозвучало как утверждение, и оставалось лишь кивнуть в ответ.

— Но ты не сможешь держаться долго и, тем более, биться. Думаю, будут необходимы кожаные ремни.

Девушка села рядом, не говоря больше ничего, и долго смотрела на солнце, не моргая. Казалось, его раскаленный диск совершенно не слепит ее.

И неожиданно предстоящая битва, сомнения, недобрые предчувствия — оставили Гратха. Все отступило, остался лишь восторг от полета, ожидание нового и любопытство:

— Почему ты выбрала меня, Вьюлап? Не Критобула, не Октавия...

— На тебе наш знак.— Виверна указала на лорику Гая, где темнел, уже едва различимый, значок когорты драконов.— Раньше этим символом доблести награждали самых умелых и сильных воинов. Смертные верили в защиту виверна, изображенного на доспехе. Знали, что могут

призвать крылатого союзника, и тот придет на помощь. Теперь мир изменился. Но мы чтим прежние законы. Видим, в ком из людей дух воина не угас. В ком воля и разум слиты в единое целое.

— И все же я не понимаю. Зачем я нужен тебе во время боя? Вы сражаетесь гораздо лучше людей.

Виверна снова посмотрела на солнце и произнесла тихо:

— Мы вырождаемся. Превращаемся в зверей. Каждое последующее поколение теряет что-то. Забывает человеческую речь и свой собственный язык, утрачивает способность к изменению облика. Они стали свирепыми, неуправляемыми, им не нужны знания. Им ничего не нужно. Те, кого ты видел, жалкая горстка помнящих, как было раньше.

Ее руки, лежащие на коленях, задрожали, словно она собиралась перевоплотиться в крылатое существо, и Гай неожиданно для себя самого сжал ее ладонь. Пальцы виверны крепко вцепились в него, но лицо осталось по-прежнему холодным, бесстрастным.

— Я постаралась привести всех... — продолжила Вьюлап.— Мы сильны, но среди нас не много тех, кто может воевать. Молодые — не воины. Они не в состоянии понять стратегию боя. Могут нападать и защищаться, но их разума не хватает, чтобы вести битву. Я хотела, чтобы человеческие воители, такие, как ты, помогли им. Направляли во время сражения. Но... — Она замолчала, впрочем, продолжения не требовалось. Гай догадался сам:

— Они не согласились?

Виверна медленно покачала головой:

— Нет. Сказали — мы свободное племя. Мы поможем людям, но не пойдем под седлом.

Вьюлап печально улыбнулась:

— Раньше мы не только учили людей, но и сами учились у них. Вместе сражались. Нашу силу и проворность дополняли ваши сообразительность и оружие. Самые могучие воины, герои древности, рождались от союзов вивернов и человеческих существ. Самые мудрые из нас жили в семьях ваших правителей. Наш прежний предводитель, Ихол, обитал в Эллиде, во дворце басилая. Я была в Северных землях и сидела возле очага великого Крома.

Заметив потрясенно-недоверчивое выражение на лице Гая, она едва заметно улыбнулась и грустно покачала головой:

— Да. Это было очень давно. Я сама уже почти не помню... Наш мир рушится! — Вьюлап вскинула голову, и в ее золотых соколиных глазах на мгновение вспыхнула тысячелетняя гордость.— И мы хотим с честью уйти из него. Сразиться в последний раз рядом со своими человеческими братьями. Я не хочу видеть, как мои дети с бессмысленными звериными воплями носятся между скалами, воруют скот у пастухов и рушат жалкие деревенские лачуги.

Она отвернулась. Гай увидел, как часто бьется жилка на ее напряженной шее.

— Быть может, теперь все изменится? — Преторианец снова крепко стиснул ее горячие пальцы.— Теперь...

— Нет,— ответила она тихо.— Ничего изменить нельзя. Да мы и не хотим. Сил осталось — лишь на последний рывок.

Гай промолчал, следя за пестрой тенью, разбрызганной по камням. Над лугом струился горячий воздух и порхали две нектарницы, изредка погружая длинные хоботки в чашечки цветков.

— Послушай.— Гратх с трудом сбросил сонное оцепенение, навеянное тишиной и жарой.— Если мы убьем Хозяина, его войска будут деморализованы. Они отступят. Быть может, демоны станут бояться нас и перестанут приходить на землю.

Вьюлап прогнула спину, словно устав сидеть неподвижно. Это драконье движение показалось преторианцу очень грациозным.

— Быть может... — задумчиво сказала она, посмотрев на него долгим взглядом. Потом резко повернула голову на запад, глубоко втянула горячий воздух и поднялась: — Пора вернуться, Гай. Нас ждут.

И, прежде чем он успел что-то сказать, сменила облик.

Глава 18
РАДУЙСЯ, ИМПЕРАТОР...

На улицах Рэйма было тихо. Ветер, дующий из Нижнего города, приносил с собой стойкий запах гари и смерти. Оседал на белых статуях и стенах домов черной копотью.

Никто не осмеливался подходить к трущобам близко. Жители, чьи дома стояли неподалеку, слышали из-за городской стены жуткие крики, мольбы о помощи и раскаты громового хохота, от которого останавливалось сердце и пресекалось дыхание.

В ужасе перед чумой, люди не выходили из жилищ, молясь всем известным богам и темным хранителям. Они просили перевести смерть на соседей, приносили щедрые жертвы, закалывая на домашних алтарях ягнят, а кто побогаче — рабов. Но смерть не обходила дома с заполненными жертвенниками.

Городская гвардия глухо роптала, отказываясь патрулировать улицы...

Лурия Лолла приказала заколоть двадцать рабынь и теперь ползала на коленях перед жертвенником, все еще дымящимся от крови. В голове ее стояли гул и грохот, словно где-то рядом били в стену тяжелым цепом. Слова молитвы не вспоминались. Лицо императрицы сморщилось в жалобной гримасе — может быть, она уже больна, может, совсем скоро умрет...

Невольники испуганным шепотом передавали друг другу слухи о том, как в Нижний город въехал верхом на быке, выдыхающем пламя, грозный бог и начал убивать всех на своем пути. Он кричал о наказании за то, что люди забыли Древних.

Лолла помотала головой, пытаясь отогнать едкие мысли. Все требовали почитания: демоны, боги, императоры... О своей значимости вспомнили вдруг даже сенаторы и пытались попрекнуть ее то одним, то другим: «Вы позволили развязать войну в Эллиде! Вы допустили в город чуму!» Как будто это она во всем виновата! «Императора не интересуют люди, он целиком погружен в высшую демоническую политику. Он слишком далек от этого мира. Императрица должна влиять на него. Она отвечает перед подданными!»

Лолла взмолилась без слов, вкладывая все свое отчаяние и страх в одно-единственное желание: «Путь все будет, как прежде. Пусть все снова станет хорошо! Пусть вернется Клавдий, и уйдет чума, и меня не будут больше заставлять принимать решения, в которых я ничего не понимаю...»

Юлий уже сутки лежал в беспамятстве, брат сгинул где-то в Эллиде. Претикапий казался пустым и холодным, как склеп.

— Помогите мне,— шептала она, макая черную свечу в кровь.— Помогите, пожалуйста...

Жуткий грохот заставил ее вскочить, забыв о мольбе. Несколько секунд императрица стояла, прижимая ладонь к груди и чувствуя, как колотится сердце. Потом метнулась к окну, выглянула на улицу и закричала от ужаса.

Громадный монолит Каракалтского храма медленно оседал. Не было ни пыли, ни камней, катящихся во все стороны. Гигантская черная глыба просто уходила под землю. Ее словно втягивала внутрь какая-то невероятная сила. Стала видна платановая аллея, уродливое здание базилики и много-много неба, по которому неслась стая ошалевших ворон.

— Что это? — прошептала императрица, до боли в пальцах стискивая подоконник.— Что это такое?!

— Это рушится старый порядок, девочка,— послышался за спиной знакомый низкий голос.

Она обернулась и увидела префекта преторианцев — звероподобного Адриана Мария. Он стоял, заложив руки за спину, и с видом задумчивого кабана смотрел в окно.

— Что? — повторила она, тупо глядя на него.

— У нас сменился Повелитель.— Марий покачал головой с ежиком коротких волос надо лбом.

Лолла снова перевела взгляд на улицу. Храм «стек» под землю. После него посреди города осталась гигантская ложбина. Изрытая, серая, мертвая земля. На такой ничего не вырастет.

— Что же теперь делать? — спросила императрица тихо.

Префект пожал широченными плечами:

— Жить. Как прежде. Идем, сенат ждет.

Лолла забыла, что собрание назначено на сегодня. От нее опять будут требовать решений, просить денег, запутывать длинными речами и насмехаться. Юлия они боялись. Он пользовался поддержкой прежнего

Хозяина и делал, что хотел. Теперь, когда Некроса не стало, Лолле казалось, император стал абсолютно беспомощен. Так же, как и она.

— Я не пойду.— Она еще крепче вцепилась в подоконник.— Я не хочу. Мне нечего им сказать.

Марий усмехнулся понимающе:

— Не бойся, тебя не зарежут на ступенях сената, как искупительную жертву новому Правителю.

В просторном белом зале было холодно и пахло гарью. Аромат курительниц не мог перебить этот всепроникающий запах.

Лоллу приветствовали машинально, почти небрежно. А она, скользнув взглядом по знакомым лицам, села на свое место. На мраморе пола краснело свежее кровавое пятно. Значит, жертва все же была. Сенаторы переговаривались шепотом. Небывалое зрелище. Обычно они не стеснялись повышать голос и всласть орать друг на друга.

Порций Ферст, тряся жирными щеками, почти беззвучно спорил со старым желчным Теренцием Кувром. Полибий Катиллин, глубоко погруженный в собственные мысли, смотрел прямо перед собой, ничего не видя. Устроитель увеселений Серторий Квинт, который всегда так стремился угодить Лолле, упорно делал вид, что не замечает ее. Цензор Трэмул Марций наклонился вперед и, выпучив глаза, нашептывал что-то сидящему впереди бородатому мужчине, чье имя императрица не смогла вспомнить. Тот величественно покачивал благородной седой головой и гнусно усмехался.

Место Тиберия Гратха было пустым. После его смерти должность народного трибуна хотели упразднить, но Юлий не позволил, хотя до сих пор не нашел достойного кандидата. И теперь вряд ли найдет...

Дверь в зал распахнулась. Императрица едва не подпрыгнула, увидев входящих. Это были жрецы всех шести храмов Некроса. Не глядя ни на кого и не обращая внимания на ропот государственных мужей, они прошли к свободным местам в первом ряду. Красные одежды яркими пятнами запламенели на фоне мраморных стен и белых тог.

Чувствуя, как по спине бежит дрожь, Лолла поерзала в кресле. Нехорошее предчувствие сжало сердце.

По залу поплыл долгий удар гонга. Головы сидящих на мгновение сжала боль. Сенат замолчал. Императрица судорожно сжала руки, чтобы не показать, как они дрожат. Из красного пятна в центре пола медленно появился демон. Поднялся, как по лестнице, ведущей из-под земли. Таких, как он, Лолла еще не видела. Человеческий торс плавно перетекал в длинное змеиное тело, отсвечивающее перламутром. На смуглой коже груди и предплечий поблескивали белые чешуйки. Вокруг привлекательного лица вились тугие кольца черных, блестящих волос. Одна из прядок была белой.

Демон до конца выполз из крови, обвел всех присутствующих равнодушными желтыми глазами змеи и сказал высокомерным, ледяным тоном:

— Мое имя Ноксис. Я здесь, дабы сообщить вам, смертные, о порядке, который с этого дня установлен в империи. У вас новый Повелитель, его воле вы теперь подчинены. С этого дня все просьбы, мольбы и жертвоприношения следует направлять к Его Могуществу Буллферу, повелителю Рэймской империи, Нита, Гаэты, Илкасты и Эллиды.

Он сделал паузу, пережидая, пока люди потрясенно прошепчут названия стран, раньше принадлежавших другим демонам. Затем плавно перетек в сторону, оставляя на камне пола извилистый кровавый след, и продолжил скучающим тоном:

— Чумы больше нет. Хозяин избавил вас от заразы. Можете открыть рынок, ворота в Нижний город и смело ходить по улицам.

Всеобщий вздох облегчения заглушил его последние слова. Лолла тоже перевела дыхание. Хотя от обилия новостей в голове у нее все перемешалось.

— Его Могуществу Буллферу не нужно такое количество храмов. Часть их будет... — Ноксис прислушался к чему-то и, удовлетворенно кивнув, закончил,— уничтожена. Следовательно, отпадает необходимость в таком количестве жрецов.

Демон выразительно посмотрел на посеревшего Не'лктаура, провел рукой по волосам, а потом сделал неуловимое движение кистью — и остальные пять служителей с хрипом повалились на пол. Вокруг их шей обвились тонкие белые змеи.

Лолла сдавленно вскрикнула, но тут же зажала рот обеими руками. Ноксис мельком глянул на нее, щелкнул пальцами, и белесые гадины соскользнули с задушенных жертв, спеша к хозяину. Вползли на его туловище, широкими кольцами лежащее на полу, и исчезли. Не'лктаур позволил себе лишь скосить глаза на лежащего рядом жреца и снова обратил напряженное внимание на демона.

— На месте Скаврского храма будет возведен замок,— продолжил Ноксис, не обращая внимания на оцепеневших сенаторов.— Резиденция Высшего и его помощников, которые будут наблюдать за городом. Чтобы ваши просьбы и жертвы доходили до Хозяина без опозданий.— Демон снова поднес руку к голове, вызвав трепет среди людей, выудил из волос змею и, рассеянно поглаживая ее, продолжил: — Новый Господин приказывает всем военным префектам проверить боевую готовность войск.

Человек-змей повернул голову, заметив, что Марий, до этого неподвижно стоящий у двери, пошевелился.

— С кем собирается воевать Его Могущество?

Темный погладил змейку по плоской голове и сказал, глядя ей в глаза:

— Это он тебе сообщит лично. Когда придет время.

— Но мы должны...

— Вы должны служить Хозяину и выполнять его приказы.— Он взмахнул рукой, и змея, вьющаяся между его пальцами, превратилась

в струйку белого дыма. Ноксис безучастно глянул на трупы, сверкнул белесой чешуей и также растворился.

Минуту сенат сидел в молчании, а потом все заговорили одновременно:

— Демоны будут жить в нашем мире?!

— Я правильно понял: Хозяин Гаэты, Нита, Илкасты? Всех земель вообще?

— Вы правильно поняли, дорогой Катиллин. Он Хозяин *всего*.

— Но как? Как такое может быть?!

— Уничтожить храмы — это правильно. От их вони было не продохнуть!

— Но с кем мы будем воевать, если все земли и так его?

— Надо ожидать Самого. Это был посланник. Сам скажет, что происходит.

— Но чумы-то больше нет. Слава богам, я уже собрался вывозить имущество.

Лолла поднялась. На нее никто не обращал внимания. Девушка подошла к насупленному Марию, и когда тот глянул на нее из-под густых бровей своими неправдоподобно ясными голубыми глазами, попросила:

— Проводи меня, пожалуйста... — И сама не узнала своего жалобного голоса.

Юлий очнулся только вечером. Приподнялся на подушках, обвел мутным взглядом полутемную комнату, увидел императрицу, с ногами сидящую в кресле и нервно грызущую засахаренные орехи. Снова упав на постель, спросил глухо:

— Что произошло?

— У нас новый Правитель,— ответила та сухо, хотя была рада, что он наконец пришел в себя.

— Кто? — Юлий смотрел в потолок, а рука его шарила по столику у кровати — искала воду.

— Не знаю! — всхлипнула она и вскочила. Блюдо с орехами со звоном упало на пол. Император поморщился.— Никто не знает!!!

Лолла подошла к мужу, с раздражением оттолкнула его руку, сама налила воды в расписной килик и подала.

— Сегодня в сенате, на котором должен был быть ты, а не я,— она снова всхлипнула, вспоминая утренний ужас и одиночество,— приходил какой-то демон. Швырялся змеями и запугивал всех. Говорил, что чумы больше нет, но скоро начнется война. Хозяина мы не видели. Но, Юлий!— Забыв о неприязни, Лолла схватила его руку липкими от сладостей пальцами.— Какая война? С кем нам воевать?

Он поставил пустую чашу на стол и потребовал:

— Помоги мне подняться.

— Зачем?

Глаза юноши загорелись нездоровым блеском, на щеках выступили красные пятна.

— Я все еще император. И у меня есть право вызова Хозяина. Он обязан появиться.

— Кто «он»?! Ты же не знаешь, кто он такой!!

Юлий сморщился, словно от зубной боли. На его бледном лбу выступила испарина.

— Услышь, откликнись,— забормотал он, полуприкрыв веки.— Приди. Твой смертный слуга взывает к тебе.

Ноздри его задрожали, гневно раздуваясь, лицо исказилось.

— Ты должен прийти! — крикнул он хрипло, сильно стискивая запястье жены.— Ты должен ответить!!

— Не тебе болтать, что я должен,— прозвучал вдруг негромкий, насмешливый голос.

Пламя в лампе вспыхнуло ярче. Сами собой загорелись остальные светильники. И в комнате появился тот, кого призывали.

Лолла облегчено выдохнула, увидев, что демон выглядит вполне... нормально. У него не оказалось ни хвоста, ни когтей, ни рогов. Только копыта вместо ступней, да короткая рыжая шерсть по всему вполне человеческому телу.

Хотя императрица не отличалась особой сообразительностью, сейчас она поняла сразу — это новый Хозяин. Следовало поклониться, чтобы выразить смирение, но она неподвижно сидела на краю кровати рядом с Юлием, тупо хлопала ресницами и не могла сдвинуться с места. Наверное, потому, что муж с вызовом спросил демона, даже не поприветствовав его:

— Ты убил Некроса?

Тот ухмыльнулся, обнажив длинные клыки. Щелчком пальцев создал из воздуха кресло с высокой спинкой, опустился в него и сказал:

— Некроса, Друзлта, Золтона, Савра, Каракалла. Радуйся, император, границы твоих земель расширились.

Радоваться Юлий не мог. Он опустил голову, чувствуя, как его прежняя тяжелая ответственность стала неподъемной.

— Меня не оставят в покое, пока не сдерут последний клочок мяса? — произнес он тихо.

Хозяин рассмеялся:

— Приятно, что ты помнишь мои слова. Но теперь все изменилось. Своры псов, готовых разодрать тебя, не осталось. Ты целиком перешел в мое пользование. И не волнуйся, в отличие от своего предшественника, я буду обращаться с тобой аккуратно.

Юлий гневно мотнул головой, а демон снова рассмеялся, с интересом наблюдая за человеком. Потом неожиданно стал серьезным, положил ногу на ногу, и император заметил, что его круглые копыта окованы черным металлом.

— В любой день может начаться война,— сурово произнес Хозяин.— Я хочу, чтобы ты был готов к этому.

— С кем нам воевать? — спросил Юлий, чувствуя, как голова снова начинает кружиться, словно от недостатка воздуха.

Высший подался вперед, и металлический панцирь на его груди сверкнул вороным бликом.

— С твоей подругой и единомышленницей. Арэлл.

— Я... — Юлий глотнул воздуха, который вдруг стал шершавым, будто наждак, и обдирал горло.— Я не могу воевать с ней.— Голос наконец вернулся к императору.— Даже если бы захотел, в городе только преторианцы и городские когорты. Их мало и...

— Не волнуйся. Я подниму свое войско.

Юлий кусал губы, чувствуя, что загнал себя в ловушку:

— Я не стану убивать своих друзей.

Хозяин неторопливо поднялся, сгреб императора за тунику на груди. Лолла мгновенно спрыгнула с кровати и шмыгнула в самый дальний угол, подальше от темного Господина.

— Послушай меня, император Юлий Констанций Юстиниан.— Голос Высшего был спокоен, даже доброжелателен, но в зрачках зажглись угрожающие красные огни.— У тебя нет выбора. Ты посвящен демонам с той самой минуты, как решился принять помощь Некроса. Нельзя быть предателем наполовину. Нельзя побывать во тьме и не запачкаться. Ты начал войну в Эллиде. По твоему приказу вырезали половину населения Голкапия. Ты не остановил чуму, и треть населения Рэйма погибла. Ты запретил торговать с Гаэтой, и столица осталась без хлеба, а торгаши тут же подняли цену на зерно.

— На все были причины! — Юлий пытался вырваться из рук Хозяина, но тот лишь скалился, продолжая насмехаться:

— Да, конечно. Ты хотел, как лучше. Мечтал всех облагодетельствовать. Только наделал слишком много ошибок. И теперь поздно их исправлять. Арэлл идет сюда, чтобы уничтожить Рэйм и тебя вместе с ним. Потому что теперь ты — такой же источник зла для нее, как и демоны.

Он брезгливо оттолкнул императора и поднялся:

— Ты принадлежишь мне. Я захватил власть, и с ней получил этот дворец, всю эту рухлядь.— Высший презрительно пнул кресло.— Вместе с тобой.

Он перекинул через руку край плаща, повернулся, собираясь уходить, и бросил через плечо:

— Я вижу тебя насквозь и слышу каждую твою мысль. Если вздумаешь плести интриги, узнаю об этом первым.

Оставив поникшего императора, демон вышел в пустой коридор, ведущий в покои бывшего наследника. Как же быстро люди выдыхаются. Почти как вино. Откупорил сосуд и поспеши выпить, иначе прокиснет.

В тени, между статуй, выставленных в ряд, Хозяин заметил движение. И сейчас же, словно поняв, что его заметили, на свет вышел Клавдий. Его лорика блестела, лицо, слабо освещенное дрожащим огнем светильников, казалось белым, а глазницы на нем — пустыми провалами.

— Вы не убили его? — произнес он, сжимая рукоять меча. Того самого — разрушающего жертвенники. Легат уже ни на минуту не мог расстаться с ним. Сначала тот давал ощущение огромной силы, вседозволенности и могущества, потом без него стало невозможно обходиться. Демонический балтус требовал крови. Казалось, он раскаляется и с каждой минутой все сильнее передает жар владельцу.

— Нет. Я не убил Юлия,— ответил Хозяин твердо.— Проводник мне еще нужен. А ты получишь свой трон сразу после победы.

Буллфер опустил руку на плечо человека, сжал его, царапая когтями по металлу лорики.

— На преторианцев и городскую гвардию я не рассчитываю. Я надеюсь только на твой легион. Ты помнишь, что делать?

— Да.— В глубине глаз Клавдия блеснули два крошечных огонька.— Но скажите, почему вы не переведете сюда армии Золтона или Савра? За несколько минут, через телепорт, как проводили нас. Войск было бы больше.

Буллфер выпустил бывшего наследника, задумчиво посмотрел на статую унылого мраморного воина, опирающегося на могильную стелу.

— Когда мы дрались, Хозяевам понадобилась вся сила, которую могли дать люди. Они выкачали все, до чего дотянулись. Я был там. Я видел. В Ните крокодилы обожрались трупами, плывущими по рекам, а стервятники не могут летать. В Гаэте ветер переносит сухой черный прах. В столице Илкасты тела лежат там, где их настиг Черный зов. Так они его называли. Умерли сотни, тысячи людей, отдав силы своему Хозяину для того, чтобы он не угас во время поединка. Нет, конечно, кто-то выжил. Но мне придется очень потрудиться, чтобы восстановить все так, как было раньше.— Буллфер гневно раздул широкие ноздри.— Я полагаю, рэймляне тоже бы все передохли, если б я вовремя не перекрыл канал проводника, через который их жизни шли к Некросу... Пусть твой легион остается в Нижнем городе. После визита Ямэла туда долго никто не сунется.

— Почему мы не можем выйти из чумного района? У многих в городе семьи...

Хозяин насмешливо фыркнул. Люди не понимают очевидного, пока их не ткнешь носом.

— Посмотри на себя, Клавдий. Ни у тебя, ни у твоих солдат больше не может быть семей. Разрушение демонских жертвенников не дается даром.— Он равнодушно отвернулся от слуги и исчез.

Едва Хозяин скрылся, как Лолла, выбежавшая из-за угла, с восторженным вскриком повисла на шее у брата:

— Я услышала твой голос. Сначала не поверила, а теперь вижу, что это правда ты. Когда ты вернулся? Почему сразу не пришел ко мне?! Почему тебя не было так долго?

Клавдий, занятый своими мыслями, с раздражением отцепил от себя сестру. Взял за подбородок, внимательно рассматривая:

— Лолла? Ты побледнела, подурнела. Видно, твой муж плохо заботится о тебе.

Она часто захлопала ресницами, смаргивая набежавшие слезы, прошептала обиженно:

— Клавдий, что с тобой? Что ты говоришь? В Рэйме была чума, мы все едва не умерли.

— Да-да,— пробормотал он рассеянно и выпустил ее, глядя в сторону.— Чума, война, смерть. Знаю...

Она дотронулась до лица, на котором все еще чувствовала прикосновение его ледяных пальцев.

— Почему ты перестал посылать мне письма? Что случилось? Почему ты говоришь со мной так странно? Ты даже мне не рад?

— Разрушение демонских жертвенников не дается даром,— повторил легат слова Хозяина и с раздражением взглянул на сестру.— Оставь меня в покое. Мне сейчас не до тебя.

Мужчина развернулся и пошел прочь. А Лолла, глотая слезы, смотрела ему вслед, не понимая, отчего брат стал таким холодным, враждебным и равнодушным. Она медленно брела в свои покои, когда услышала во дворе Претикапия долгий, настойчивый рев трубы.

Глава 19
ЛУЧЕЗАРНЫЙ

Солнце село. Арэлл стояла возле телепорта, наблюдая, как магические врата выпускают метательные машины. Покачиваясь на неровностях земли, орудия медленно выплывали из крутящейся воронки, и тут же несколько вивернов подхватывали их, чтобы перенести на вершину холма.

Потом стали выводить лошадей. Многие из всадников уже знали элланку и радостно приветствовали, отпуская шуточки по поводу ее не женской одежды и оружия. Девушка улыбалась в ответ, машинально отвечала на вопросы, а сама напряженно вглядывалась в лица воинов. Атэр должен был прибыть с конницей.

— Хайре, Арэлл! — раздался вдруг из рядов кавалерии знакомый насмешливый голос.

Она стремительно повернулась на звук и увидела улыбающегося эллана. Миновав территорию воронки, он подъехал ближе и спрыгнул с коня. Арэлл удивилась — юноша стал как будто выше за то время, что они не виделись. Раздался в плечах.

— Хайре, Атэр...

Наверное, что-то не так было у нее с голосом, потому что он вдруг перестал улыбаться, шагнул вперед и обнял ее.

— Ты жив.

— А ты сомневалась?

— Не знаю...

— Критобул рассказал мне о Симплигатах. Ты спасла меня... — Эллан хотел сказать еще что-то, но из темноты послышался голос Рамира:

— Атэр, тебя ищет Ориан. Говорит, срочно.

Юноша с досадой оглянулся, потом крепко сжал ладони Арэлл:

— Я сейчас вернусь. Дождись меня, хорошо? — Отпустил ее с видимой неохотой и, несколько раз оглянувшись, ушел.

Арэлл улыбнулась, глядя ему вслед. Впервые за очень долгое время она почувствовала, что на сердце у нее легко. Одиночество, которое давно преследовало, отступило. «...У тебя нет будущего»,— вспомнила она неожиданно предсказание демоницы-пророчицы, к которой ходила давным-давно вместе с Лоллой. И поняла вдруг, что это неправда. Сейчас ее будущее было совсем рядом, крепко связанное с Атэром...

Элланка задумалась так глубоко, что вздрогнула, услышав сухой кашель. На земле у ее ног сидело дряхлое существо, похожее на волка, и смотрело раскосыми красными глазами.

— Ну здравствуй...

Говорило оно с трудом. Голос был глухим, хриплым. В свете костров перекошенная, тощая фигура, замотанная в обгорелую тряпку наподобие тоги, казалась нелепым подобием человеческой.

— Кто ты?

Вукодлак ухмыльнулся зубастой пастью:

— Раньше меня звали Эмил. Но тебе ничего не скажет это имя.— Он по-звериному принюхался, зыркнул по сторонам и снова уставился на девушку.— Я пришел показать тебе кое-что. То, что ты всегда хотела узнать. Прошлое... Очень давнее прошлое.

— Кто ты?

— Заодно узнаешь... Разве не знания и справедливость — то, к чему ты стремишься? Разве не знания — самая могущественная сила в этом мире? — Он сверкнул зрачками из-под косматой шерсти на низком лбу. Наклонил голову, и в хриплом голосе послышались угрожающие, рычащие нотки.— Я шел за ними через Тонкий мир. Преодолел Хаос! А ты спрашиваешь — зачем?!

— Я спросила не это,— возразила она.

Шумно выдохнув, он раздраженно продолжил:

— Ты должна увидеть то, что я вынес из Зеркал памяти! Ты должна знать... Я без особой радости общаюсь с тобой. Но, видишь ли, когда-то давно отец создал меня. И то, что я собираюсь показать тебе, важно для моего создателя. Вижу, заинтриговал тебя. Присядь. Может быть, я дам тебе оружие против него...

— Я не понимаю о чем ты!

— Не бойся. Сядь. Я не причиню тебе вреда. Я даже не существую здесь.— Вукодлак взмахнул рукой, и та прошла сквозь камень.— Видишь? Мое тело до сих пор торчит в Хаосе. Сейчас перед тобой всего лишь слепок. Энергетическое отражение...

Арэлл опустилась на землю напротив странного гостя, все еще не понимая, что ему нужно.

— Я переполнен знаниями,— бормотал тот себе под нос.— Скоро лопну, как старый бурдюк, и они хлынут из меня... Смотри в мои глаза.

Элланка взглянула на существо и вдруг почувствовала, как начинает терять зрение. Свет костров вокруг «поплыл»... Мир крутанулся вокруг своей оси, и спустя мгновение ночной лагерь исчез. Она стояла в великолепном зале, освещенном светом тысяч рубинов, вплавленных в камень стен.

Здесь не было окон — казалось, гигантское помещение находится глубоко под землей. Арэлл глубоко вздохнула, обернулась... И с головой провалилась в яркие воспоминания.

...Волны, похожие на шелк, мягко касались песка. Ветер пах солью. На вершине обрыва золотились сосны с шершавыми стволами. Бесконечное море сверкало сотнями солнечных бликов.

Из воды, поднимая тучи брызг, выпрыгнул молодой архангел и, словно бело-рыжий дельфин, с плеском упал обратно.

— Нет ничего прекраснее моря!

Юноша вылез на мелководье и лег животом на дно, позволяя волнам перекатывать через свою спину. Рыжие волосы, словно водоросли, плыли по воде. Изменчивые, как океан, глаза смеялись. Он нагреб полные горсти мелких ракушек и пристально рассматривал перламутр на их гладких створках.

— Как бы я хотел, чтобы ты так же сильно любила его, Архэл.

— Вместо крыльев тебе надо было отрастить плавники и хвост,— улыбнувшись, сказала девушка, сидя на берегу.— Твое море, конечно, очень красиво, но...

— Но? У тебя есть сомнения? Впрочем, ты же не видела всего! — Ангел выразительно изогнул бровь, схватил ее за запястье мокрой рукой и потянул за собой.

— Нет! Денница! Я не хочу. Ну хватит, перестань! — Она уперлась ногами в землю, но берег вдруг ушел из-под ее ног. И, как была в одежде и сандалиях, Архэл полетела в воду. Плюхнулась в волну, накатившую сверху. Погрузилась с головой в зеленоватую глубину, пронзенную столбами рассеянного света.

Не выпуская ее руки и довольно улыбаясь, архангел указал вниз, под ноги.

Там мягко колыхались изумрудные заросли морской травы. Поднимались причудливые арки из розовых и красных кораллов. Стаи разноцветных рыб выпархивали и снова скрывались, а на дне волнами лежал белый песок.

Архэл открыла было рот, чтобы заговорить, но с ее губ лишь сорвался пузырек воздуха и полетел вверх. Денница усмехнулся, выразительно постучав себя пальцем по виску.

«Говори мысленно, глупая,— услышала она его смеющийся голос.— Мы же под водой».

Фыркнув, девушка слегка толкнула его согнутым коленом в грудь, оттолкнулась и поплыла над зеленым полем.

Это было похоже на медленный полет. Вода сама несла ее тело, ставшее вдруг абсолютно невесомым. Маленькие желтые рыбы стаями закружились вокруг. Стоило сделать резкое движение, как они тут же разлетались в разные стороны, чтобы через минуту приплыть снова. Напуганный ее приближением, со дна стремительно поднялся скат и потянул за собой шлейф песка, под которым прятался.

По обнаженному телу Денницы скользили солнечные полосы — отражения волн, а крылья рассекали воду действительно как два плавника.

«Ты похож на дельфина»,— мысленно произнесла Архэл.

Он улыбнулся и показал вперед. Там, в густых зарослях, стояли белые мраморные колонны, поддерживающие легкий свод. Вокруг них тоже носились рыбы, поблескивая разноцветной чешуей.

«Это прекрасно... — «прошептала» девушка.— Здесь все такое... завораживающее. Не думаю, что я могла бы жить под водой, но вернуться сюда будет хотеться снова и снова...»

Денница взял Архэл за плечи, резко притянул к себе, сжал ее голову обеими руками, крепко поцеловал в сомкнутые губы, а потом также внезапно отпустил. И когда она, озадаченно моргая, посмотрела на него, улыбнулся:

«Мне нравится, когда ты ценишь то, что я создаю».

«Я всегда ценю...»

Она замолчала, заметив длинную тень, проплывающую мимо. Движения огромной серой рыбы с острыми плавниками и мощным хвостом казались медлительными, но были наполнены скрытой угрозой. Тело, готовое атаковать в любую минуту, изгибалось плавно и лениво. Юркие рыбки, шныряющие в водорослях, мгновенно исчезли. Морское дно словно вымерло.

На Архэл глянул желтый глаз с вертикальным зрачком, и она почувствовала странное стеснение в груди и легкое сожаление оттого, что меч остался наверху. Девушку словно окатило ледяным течением, в котором без остатка растворилось ощущение безграничного счастья, бывшего с нею весь день.

«Что это?» — спросила она архангела, внимательно наблюдающего за ее реакцией.

«Величественное создание, не правда ли?» — Он перевел взгляд на рыбу, и та, словно повинуясь приказу, медленно поплыла прочь.

«Но она... хищник».

«Ну и что?»

Длинный силуэт растаял в синей бездне моря. Архэл вздохнула свободнее, но находиться на дне больше не хотелось.

«Давай поднимемся».

Он кивнул и едва заметно нахмурился в мысленном усилии.

Вода вокруг закипела и спустя мгновение обоих выплеснуло на поверхность, прямо на берег солнечного острова. Этот, в отличие от

прежнего, был усыпан розовым песком и зарос деревьями с листьями, похожими на веера. Белая дорожка вела к беседке, виднеющейся среди зелени.

Выжимая на ходу подол туники, Архэл направилась к дому. Крылатая тень друга, идущего следом, падала на нее, заслоняя солнце.

— Что тебя беспокоит? — спросил он, наконец.— Это была всего лишь рыба.

Она молча поднялась по ступенькам. В портике, на низком столике стояли хрустальный кувшин с водой, ваза с персиками, широкое блюдо с сотами. Мед таял под жаркими солнечными лучами.

Роняя на пол капли с длинных мокрых волос, ангел небрежно махнул рукой, и густой плющ мгновенно обвил колонны, защищая внутреннее пространство от яркого света.

Архэл опустилась на скамью, пытаясь разглядеть море сквозь резные листья, и сказала:

— Странно, что в твоем мире появились хищники.

Денница сел напротив, провел рукой по волосам, и они в одно мгновение высохли. Движением плеча создал на теле тунику, отсвечивающую желтым металлом, убрал с лица насмешливое выражение и стал готов к серьезному разговору. Но произнес совсем не то, что она ожидала:

— А кто живет в твоем мире, Архэл?

— Н-не знаю... Птицы, они поют по утрам. Бабочки... Я как-то не обращала внимания.

— Да. Ты не обращала внимания.— Он взял из воздуха кусок хлеба и стал крошить его на пол. Сейчас же из кустов возле беседки вылетел черный дрозд и, весело подскакивая на мраморных плитах, принялся клевать крошки.— Ты не замечала, потому что твой мир — это часть тебя. Ты не думаешь о нем, ничего не творишь специально, он просто живет вместе с тобой. О твоих птицах-бабочках не надо заботиться, они тоже часть тебя... если тебя не будет, они исчезнут. А я создаю реальные вещи.

— Да, ты Архитектор, поэтому...

— Поэтому мне неинтересно жить в иллюзорном мире.— Он отряхнул руки, притянул блюдо ближе к себе, взял маленький кусочек сот и показал его Архэл.— Это настоящий мед. Его собрали настоящие пчелы с настоящих цветов. И он по-настоящему сладкий. Хочешь попробовать?

Прозрачно-золотые капли текли по его пальцам, а глаза снова насмешливо прищурились. На мгновение Архэл захотелось забыть о тяжелом предчувствии, которое кружило вокруг нее, словно тень морского хищника. Захотелось снова вернуть ощущение бесконечного счастья. Но она отрицательно мотнула головой:

— Ты можешь создавать все, что угодно. Все, что можешь представить. И это не будет частью тебя. И твои создания смогут жить сами по себе. Но они... неужели они *убивают* друг друга?! А ты сидишь здесь, ешь мед и наблюдаешь за этим?

Он уронил кусок сот обратно в блюдо, задумчиво облизал пальцы и ответил:

— Нет. Не убивают. Здесь они просто существуют. Это все-таки мой внутренний мир.

— Но если это твой мир, Лучезарный,— взволнованно продолжила Архэл,— то как он мог породить хищника?

Архангел вдруг резко поднялся, спугнув дрозда, все еще прыгающего по полу.

— Идем. Я хочу показать тебе кое-что. Ничего подобного ты никогда не видела! Это самое лучшее, самое удивительное из того, что я создавал.

Быстрым движением руки он открыл прямо в воздухе узкую сияющую «дверь» и жестом попросил собеседницу следовать за собой. Она пошла за ним, вместе с любопытством ощущая все то же тяжелое предчувствие...

За гранью вновь оказалось море.

Темное. С яростью бросающееся на высокий гранитный берег. Иссеченное длинными струями дождя. На его волнах покачивались грязно-белые льдины. Над головой с надрывным криком носились чайки — ледяной ветер сносил их в бушующую стихию, но они продолжали упорно возвращаться к скалам.

— Шторм! — крикнул Денница на ухо оглушенной и ошеломленной Архэл.

Потом схватил за руку и потащил следом за собой вверх, в воздух. Они летели над землей, и под ними проносились леса, блестящие озера и реки, морские заливы, горы, пустоши, засыпанные снегом или песком. Низкие облака проливали дождь или расступались, пропуская жаркие солнечные лучи.

— Смотри! — Ангел крепко сжимал ее ладонь, указывая на серебристые рощи олив, на степи, поросшие ковылем, на заснеженные скалы. Глаза его горели восторгом.

Она видела все сразу и каждую мельчайшую деталь в отдельности. Лесные пожары, приливы, подводные течения, землетрясения, смерчи, теплые ветры и дожди. Пятнистого ягуара, следящего голодным взглядом за тапиром, идущим к ручью. Зимородка, стряхивающего с синих крылышек капли росы. Фиалки в тени водопада. Жука, раздавленного камнем. Крылатых существ, похожих на ящеров, с разумом в огненных глазах — с выпущенными когтями они бросались на змей в ожерельях из перьев, а те шипели и скалили длинные зубы. Люди с синей краской на смуглых телах подносили корзины с окровавленными кусками мяса огромной серой кошке, глядящей на них с благожелательным выражением на усатой морде. Дымящиеся хижины, вытоптанные поля, светящиеся пирамиды, заснеженные равнины. Юноша верхом на быке потрясал окровавленным копьем...

В какое-то мгновение она поняла, что не может выдержать больше, и закричала:

— Нет! Нет! Стой! Остановись! Хватит! Не надо больше!

Полет замедлился. Они заскользили вниз и оказались на берегу медлительной полноводной реки. Едва ноги Архэл коснулись земли, она выдернула ладонь из пальцев Денницы, отступила от него на шаг.

— Что это такое? — прошептала девушка, задыхаясь.— Я видела виверн, пернатых змей, химер... Они не живут в одном мире. Не могут жить... Я видела снег и пустыни, горы и болота. Все вместе, сразу. Что это за мир? Как он мог возникнуть?!

— Ты права, он не мог возникнуть сам по себе,— спокойно подтвердил Лучезарный, глядя на нее без привычной нежной улыбки.— Я его создал.

— Как?! Ты не мог...

— Он реален. Он настоящий.— Ангел наклонился, зачерпнул горсть песка и просыпал его обратно на землю.— Он создан из «живой», плотной материи. Снег, пустыня, степи, джунгли, все вместе, сразу. Все, что только может быть, и все настоящее. Оно живет по своим законам. Творит само себя уже без моего участия. Представь, этот мир уже не зависит от меня, он живет собственной жизнью.

В его глазах горело счастье и одержимость творца, а Архэл снова почувствовала стеснение в груди, глядя на юношу.

— Как ты это сделал?

— Ничто не возникает из ничего.— Денница сел на плоский камень, сорвал травинку и принялся острым ее концом рисовать на земле сложные схемы. Разобраться в них мог лишь ангел-архитектор, но Архэл внимательно слушала, пытаясь понять.— Я брал матрицы... копии уже существующих тонких миров вместе с их природой — растениями, минералами, обитателями. Кое-что вырезал из пространства и соединял...— Лучезарный посмотрел на подругу упоенно, он наслаждался и гордился своим творением и ждал, что она тоже придет в восхищение.

— Эта земля идеальна. Она способна меняться и порождать новых существ.

— Но как ты это сделал?

Демиург улыбнулся с гордостью, протянул руку, и на его ладони загорелся красный шар, внутри которого переливалось и струилось живое пламя.

— Вот этим. Я соединил в нем часть собственной души, несколько элементов из Огненного мира, взял принцип действия твоего меча. Это орудие может плавить грубую и тонкую материю. И собирать ее по-новому.

Архэл опустилась на колени, сжала его запястья, заставляя поднять взгляд от сферы, горящей в пальцах, и посмотреть на себя. Теперь она знала, как называется новое чувство, ледяным ознобом пробегающее по спине и заставляющее сердце колотиться. Это был ужас.

— Послушай меня,— прошептала девушка, глядя в его прекрасное вдохновенное лицо.— Ты создал мир, которого еще никто не создавал. А вместе с ним — смерть, боль, страх. Эти существа не могут жить вместе, эти земли не могут быть рядом. Они станут убивать друг друга,

все время, без конца. Каждый день. Из-за пищи, воды, места, потому что разные, чужие...

Огненная сфера исчезла из рук Архитектора, он нахмурился:

— Ты не понимаешь...

— Понимаю. То, что ты создал — ужасно. Эрнолтинаор знает?

— Нет.— Денница нахмурился, упрямо выдвинул подбородок.— Ты первая, кому я показал.

— Я не представляю, что он скажет. Но он должен видеть это.

Белый дворец старейшего архиангела освещало яркое солнце. Каждый зал звучал по-своему.

Один шелестел влажной листвой.

Другой наполняло журчание весенних ручьев.

В третьем сонно гудели пчелы и стрекотали кузнечики — стоило закрыть глаза, как тут же представлялась солнечная поляна, на которую опустился полуденный зной.

В четвертом было тихо. Только шелестели иногда одежды молчащих на скамьях вдоль стен, и время от времени Архэл задевала ножнами о край низкого мраморного стола. На нем, одна за другой, сменялись картины созданного Лучезарным мира. Степи, горы, цепи озер...

Сам творец сидел, глядя в пол, и машинально воплощал на своей ладони туманные полупрозрачные фигурки — животных, людей, растений. Они медленно перетекали одна в другую, приобретая порой вычурные, нереальные формы. За спиной Денницы стояли еще шестеро ангелов и, судя по их напряженным лицам, с нетерпением ждали решения.

Эрнолтинаор молчал, внимательно, сосредоточенно глядя на крошечный срединный мир. Рядом с Архитектором расположилось существо, чье лицо Архэл никак не могла рассмотреть — оно расплывалось сияющим пятном, как и все его тело. Виднелся лишь неясный контур.

Эласеор, брат Архэлл, сидящий чуть в стороне, встретился с ней взглядом и подмигнул едва заметно. Улыбнулся и снова посмотрел на стол. Девушка чувствовала — все присутствующие, не отвлекаясь ни на мгновение, внимают ярким картинам нового мира, и каждый ощущает что-то свое. Но, похоже, ужас, который пережила она, не испытал никто.

Наконец, Эрнолтинаор пошевелился. По залу поплыл обрывок робкой мелодии и тут же смолк.

Денница вскинул голову. С надеждой посмотрел на учителя.

— Ты нарушил все законы, которым я учил тебя,— сказал тот спокойно.— Ты знал, что не имеешь права создавать плотный физический мир.

— Но...

Наставник чуть повысил голос, не давая себя перебить:

— Ты не знаешь законы пространств, из которых сплавил свой мир, потому что не ты создавал их изначально. По этой причине твоя реальность не может быть гармоничной. Не спорю, ты виртуозно собрал

все эти разрозненные куски. Придал им подобие согласованной системы. Но они не смогут существовать вместе. Если хотя бы одна составляющая поведет себя не так, как ты рассчитывал, его разорвет на куски. И уничтожит все, что находится рядом.

— Эрнол, послушай,— подал голос Рафаэл, самый молодой ангел, выходя из-за спины Денницы.— Я видел эти земли. Я был там. Они действительно выглядят непривычно, но это удивительное место. Завораживающее. В нем столько неразгаданного. Оно само порождает вокруг себя все новые и новые пласты, как распускающийся цветок. Их можно исследовать бесконечно.

Ангел оглянулся на друзей, и те ответили понимающими взглядами. Всех шестерых очаровал новый мир, все хотели знать о нем больше.

— Он наполнен смертью,— резко сказала Архэл.— Разные расы, разные существа, разные законы. Хаос.

— Да, но это всего лишь первая попытка.— Рафаэл посмотрел на нее пепельными глазами, в которых светились синие звезды.— Все можно исправить...

— Как?! — воскликнула Архэл, вскакивая.— Как ты исправишь? Будешь карать провинившихся? Учить? Наказывать? Превратишься в грозную силу? Добьешься того, что тебе будут поклоняться? Существа, более могущественные, чем остальные, уже объявили себя на этой земле богами и черпают силу из жертвоприношений и молитв. Да, этот мир развивается сам по себе и с каждым шагом все глубже погружается в грязь, смерть и кровь.

Она замолчала, встретившись взглядом с Лучезарным, потому что на его лице отразилась боль, которую он испытал за свое детище.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

— Я не знаю... Его надо попытаться вернуть в прежнее состояние. Разобрать по кусочкам. Вернуть все назад.

— Ты предлагаешь его уничтожить! — Лучезарный вскочил и выбросил руку в сторону Архэл обвиняющим жестом.— Ты сама несешь смерть!!

Эласеор, целитель, подался вперед, крепко переплетая пальцы. Кисти его рук засветились золотым светом. Как никто в зале, он чувствовал, что атмосфера становится все более напряженной, и пытался разрядить ее на свой лад.

— Это мой мир,— произнес Денница глухо, и фигурка раскидистого дерева с человеческим лицом растаяла дымом на его ладони.— Мое создание. Ты не знаешь, сколько любви, силы и самого себя я вложил в него. Как ты, никогда не создававшая жизнь, можешь говорить об уничтожении живого творения?!

Архэл почувствовала, что ее горло сжимает горечь, и произнесла тихо:

— Да. Я никогда ничего не создавала. И не создам. Я не умею творить миры. Могу лишь защищать. От боли. От оплошностей. От прямой

угрозы. Когда Хаос рвался в наш мир из-за того, что рубеж, ограждающий его от остального пространства: стал слишком проницаемым — я была на границе. Я стояла и держала щитом разрушительную силу, льющуюся в нашу сферу, пока Эрнолтинаор не закрыл прорыв. На моем тетраморфе до сих пор остались следы. Тогда мы узнали, что такое смерть. Узнали, что способны умирать в муках и отчаянии. Этот новый мир, который ты создал, раздирает на части. Он может взорваться в любое мгновение...— Она запнулась, а потом повысила голос, и он зазвенел в тишине зала: — Прошу вас! Не допустите этого снова! Не позволяйте нарушить равновесие!

Денница медленно опустился на прежнее место.

— Простите меня, братья.— Он опустил голову, и солнечный луч заиграл на его рыжих волосах.— Вы старше. Мудрее. Опытнее меня... И все-таки вы не правы.

— Ты хотел использовать всю силу, данную тебе,— тихо ответил Эрнолтинаор.— Но ты не подумал о том, как это может навредить другим.

— Я не позволю уничтожить мой мир,— чуть слышно, но твердо ответил юный Архитектор.— Да, он очень молод, несдержан. Он кипит от скрытых сил. Но в нем бездна любви и красоты. Он невообразимо разный и единый. Он прекрасен и совершенен. Вы все живете в своих приглаженных, иллюзорных, слащавых мирках! Что вы можете знать о безграничной темноте леса, о звездах, которые отражаются в глубине моря? О мощи штормов, о красоте раскаленного солнечного диска, погружающегося в океан? О расплавленном золоте облаков, кипящих на западе, и холодном глубоком небе на востоке?! — Голос его оборвался. Лучезарный замолчал, дыша часто и тяжело.

Архэл посмотрела на друзей, сидящих с ним рядом. На их взволнованных лицах отразилось понимание, доверие, поддержка. Они думали, чувствовали так же, как и он. Они были согласны с ним — ярким, мятежным создателем. А не с ней — осторожной и разумной. И только в глазах Эласеора Архэл увидела понимание и печаль.

— Что вы можете знать об этом... — прошептал Денница.

— Я знаю,— неожиданно произнес безликий светящийся ангел, сидящий рядом с Эрнолтинаором. Звук его голоса был похож на глубокий, мягкий удар колокола.— Я видел и чувствовал все, о чем ты говорил. Я переживал радость и отчаяние создателя. Но послушай меня.— Он наклонился вперед, и все увидели лицо, проступающее из ослепительного ореола. Невероятной красоты, оно принадлежало уже другому миру — Огненному. Более совершенному, чем их тонкие сферы. Пламя кипело в его зрачках, рвалось наружу через ангельскую оболочку. И Денница невольно отступил назад, не в силах выдержать взгляд высшего создания — огненного тетраима.

— Послушай меня, Лучезарный... Мы создаем жизнь. Не игрушку для великих. Не арену битвы между мирами. Не доказательство своей власти над пространствами. Только жизнь. Как бы ни была велика твоя

любовь к своему созданию, если она будет причиной многовековых смертей, боли и отчаяния — ты должен отказаться от него. Признай, что оно ущербно.

Тетраим замолчал, и его нереально прекрасные черты снова растворились в облаке света. Лицо Денницы исказилось от внутренней борьбы с самим собой.

— В нем боль моей души,— прошептал он, и губы его искривились мучительно.— Счастье. Восторг от каждой удачно подобранной краски и звука. Боль неудач. А вы хотите уничтожить все то, что дышит вместе со мной, плачет и радуется?! Смысл жизни моей? — Его голос наполнился звенящей силой, гневом и отчаянием.— Я не позволю. Никому. Никогда!

В его руке возник алый шар, истекающий пламенем. Дворец содрогнулся от выплеснувшейся из орудия силы. Ангелы вскочили с тревожными восклицаниями. Тетраим медленно поднялся, светясь еще сильнее. Остался сидеть лишь Эрнолтинаор, на которого был направлен луч огненной сферы.

Архэл шагнула вперед и заслонила собой архангела, готовая делать то, для чего была создана. Защищать. Хотя сердце ее сжималось от боли и страшного предчувствия.

Друзья Лучезарного встали за его спиной.

— Ты ослеплен отчаянием,— спокойно сказал Эрнолтинаор.

— Нет, это вы слепы! — закричал Денница в ответ.— Вы отягощены вашими древними знаниями! Да, я создаю жизнь! Настоящую, а не ее подобие!

Сфера в его руке засияла сильнее, и пол пошел мелкими трещинами.

— Остановись! — Архэл выхватила меч из ножен и направила острие клинка в грудь отчаявшегося бунтаря.— То, что ты защищаешь, не стоит этого.

— Не стоит чего? — произнес он сквозь зубы, глядя ей в глаза.— Того, чтобы ты подняла на меня меч?

Шар в его руке превратился в длинный жезл с пылающим граненым камнем на конце. И в тоже самое мгновение Эрнолтинаор поднял руку. Поток света ударил Денницу в грудь, окружая сияющим облаком, а контур тела тетраима запылал, растворяясь в ослепительном сиянии. Оно свернулось огненным колесом и накрыло юного Архитектора, вынося сквозь стены белого дворца, прочь от тонкого мира архангела. Вниз.

— Не-ет!! — закричал Рафаэл и бросился следом за другом. Остальные пятеро, не раздумывая, последовали за ним.

Архэл уронила клинок на потрескавшийся пол. Опустилась на искореженные плиты. К ней медленно подошел Эласеор. Сел рядом.

— Он верил, что защищает жизнь. Он хотел остаться со своим творением. И останется. Разделит его судьбу.

— Знаю,— прошептала она, глотая слезы.

— Они просто передвинут его мир как можно ниже от обитаемых пространств. Чтобы тот не мог повредить...

— Знаю! Я все знаю, брат. Не говори ничего...

Глава 20
МЕСТЬ ПОЛУКРОВКИ

Видение закончилось. Черная ночь перестала быть непроглядно-черной, далеко на горизонте забрезжила светлая полоса приближающегося рассвета...

Арэлл сидела на земле, чувствуя, как бешено колотится сердце. Вокруг ходили, тихо переговариваясь, люди, но казалось, они не замечают девушку и ее странного собеседника.

— Ну что, теперь вспомнила? — насмешливо осведомился Эмил.

— Да,— тихо ответила Арэлл, ощущая, как глухая тоска вытесняет из ее сердца недавнее счастье.— Я помню все это...

— А теперь я покажу тебе то, чего ты не можешь помнить.— Вукодлак оглянулся на светлеющее небо и нервно повел ушами.— Посмотри, что с ним стало...

Арэлл увидела гигантский зал глубоко под землей. Стены, пол и потолок здесь были выложены драгоценными камнями. Вокруг сверкали корунды и алмазы, образуя изображения животных, людей, прекрасных крылатых существ. Орнамент из аметистов обвивал колонны.

Всю центральную стену занимала огромная картина...

Рафаэл стоял перед своим последним творением — фреской с изображением ангела, объятого пламенем. Волосы его были — языки огня. Доспехи — кольца дыма, обвивающие тело. Концы крыльев тлели рассыпающимися углями. Лицо отражало скорбь и усталость. От грозной фигуры веяло безнадежностью. Тоской. Жутью...

— А ведь когда-то мои картины и статуи вызывали радость. Покой и умиротворение.— Создатель полотна понуро ссутулил плечи.— Это было еще не так давно. Или давно? Скажи, Лучезарный. Сколько времени прошло?..

Денница бесшумно подошел. Встал рядом. Стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, сказал:

— Тебе ведь известно, для нас не существует времени. И ты не прав — это прекрасная фреска.

Друг медленно повернулся. В глазах его оказалось отражение все той же не проходящей тоски, что и на картине. Тоски и страха.

— Нет. Отвратительная. Это конец. Больше я ничего не смогу создать.

Он размахнулся и швырнул в картину клубок огня. Нарисованный ангел утонул в настоящем пламени.

— Стой! — запоздало воскликнул Денница.— Не надо было...

— Хватит утешать меня,— тихо промолвил художник, вытирая ладони краем белой туники.— Хватит обманывать нас и себя самого. Это конец. Неужели ты не видишь? Оглянись.

Он махнул рукой на великолепно-мрачный зал, сверкающий огнями тысяч драгоценностей.

— Ты говорил, что мы сможем жить здесь. В этом мире. Что мы выживем. Но мы не можем. Он убивает нас. Слишком тяжелые, грубые энергии. Мы захлебываемся в них. Они меняют нас.

Архиангел схватил друга за плечо, крепко сжал и повторил то, что говорил всегда:

— Нельзя бояться. Нельзя забывать, кто ты. Нельзя позволить жалости к себе стать сильнее силы воли.

— Хватит! — крикнул Рафаэл, вырываясь. И его крик эхом разнесся по подземелью.— Хватит. Ты сам видишь. Они уходят. Один за другим. Твои великолепные залы пустеют. Ни у кого больше нет сил.

Он отвернулся, а через минуту произнес едва слышно:

— Ева ушла вчера. Я пытался удерживать ее, сколько мог. Но у меня не хватило сил на нас двоих... Нет. Это ложь. Я мог бы спасти ее. Отдать свою энергию. Но не сделал этого. Знаешь, почему? Я испугался. Подумал — она уже безумна, ну проживет еще недолго, а потом все равно... Я хотел жить сам. Я! Хотел! Жить! Сам!.. Понимаешь?! Мы стали думать только о себе. Хотим существования только для себя и... начинаем ненавидеть. В каких же тварей мы превращаемся!

— Это не мы... — прошептал Денница.— Это чудовищное место превращает нас.

— Я не знаю, что произошло с ними всеми. Куда они идут. Бросаются в бездну, просто исчезают навсегда или еще есть шанс на перерождение? Я не хочу этого знать. Я устал. Прости. Я не могу больше бороться. Смысла нет.

— Нет! — яростно прошептал Денница, глядя на Рафаэла, медленно бредущего прочь из зала. На его опущенные плечи, поникшие крылья.— *Я* не сдамся. Я выживу. У *меня* хватит сил!»

...Гигантские залы опустели. Друзья, братья ушли. Исчезли... *Умерли*. Вот как это звучало на самом деле. Они умерли!

«Это я привел их на смерть... — думал Лучезарный.— Но ведь они знали, куда шли! Они должны были бороться! С собой. Со своей слабостью и страхом. Здесь можно жить, не теряя себя прежнего. Я докажу!»

Каждый день, каждый час он заставлял себя жить.

Старался не замечать, что материя перестала подчиняться.

Он больше не мог *творить*, поэтому приходилось брать уже существующие гранит, песок, металлы и драгоценные камни. Архитектор строил, вырезал, шлифовал, возводил тонкие арки, перебрасывал мосты через пропасти, выкладывал узоры из изумрудов и топазов. Лишь бы не думать. Не задумываться.

Он постоянно размышлял о том, что, если бы Архэл пошла с ним — было бы легче. Но она предпочла любви к нему любовь к истине. И

она права. Тысячу раз права! Она не могла по-другому. Тот, кто создан видеть только белое и черное, никогда не различит оттенков.

– Но почему ты не пошла со мной? – шептал он, обламывая каменные глыбы.– Почему?! Как ты могла предать меня?! Как ты могла... Я не хотел... не хочу, чтобы ты умирала здесь вместе со всеми остальными. Вместе со мной. Я бы никогда не позволил тебе пойти со мной!.. Но почему ты сама не пошла?!

Он остался один. Бродил по пустым гранитным галереям, чувствуя, как начинает терять разум. Погружается в темноту.

Впереди не было ничего – вечность в одиночестве. Стоило ли жить ради этого?

Лучезарный медленно шел, почти ничего не видя перед собой, и земля горела под его ногами. Она вздрагивала и проседала, извергая из себя клубы дыма и струи огня. Лава текла по ступням, но он не чувствовал боли, только усталость, тоску и удушающее чувство вины, которое ничем невозможно было заглушить. А потом внезапно мир стал рушиться. Почва обламывалась огромными кусками и падала во тьму. Крылья уже не могли держать его, и он тоже полетел вниз. В пустоту.

Мир померк...

Тьма оказалась бесконечной. Но через бессчетное количество времени появилась боль. Потом – огонь, текущий по телу. А затем – ощущение одиночества...

Он лежал, уткнувшись лицом в грязь. Та пахла кровью и разложением. Обжигала. Покрывала тело липкой массой. Впереди колыхалась мутная пелена.

Он знал, что уже перестал быть собой, но это не огорчало. Тело корчилось от боли, а душа выла от ярости. Он все помнил. Память не угасла милосердно, оставив его в неведении. Каждое воспоминание вызывало вспышку ненависти, скручивающей внутренности. А еще была легкая печаль, которая быстро рассеялась, уничтоженная новыми вспышками гнева.

Теперь у него были копыта, рыжая шерсть по всему телу, когти и клыки. И эта земля вокруг больше не казалась враждебной. Это был новый дом.

Он поднялся, расправил крылья и взлетел в огненное небо...

«Ты! Ты!! Только ты виновата в этом!!» – раздался злобный шепот.

Арэлл открыла глаза, глядя перед собой остановившимся взглядом. Лицо ее было мокрым от слез, но она не чувствовала этого. Горе и ужас так тесно переплелись в душе, что стало больно дышать.

Теперь она знала все до конца. Поняла, ради кого пришла сюда. Кто звал ее. Вспомнила, как лежала на лугу в своем далеком светлом мире и холодела от чужой боли. Черная, изломанная фигура на дне огненного колодца. «Из глубин... взываю... к тебе...»

Он звал ее. Ждал, что она придет.

«Я говорила с ним, но даже предположить не могла, кто он на самом деле... Видела его статую в солнечном городе, барельефы. Но лицо, вырезанное из камня, оставалось чужим...»

— Что же мы сделали! — прошептала Арэлл.— Мы сделали это сами...

— Дошло? — поинтересовался Эмил насмешливо.— Столько времени утекло, а ты все-таки узнала его...

— Я никогда не забывала,— произнесла элланка низким от слез голосом.— Я всегда его помнила.

— Он переродился. Вы изгнали его и тех, кто остался с ним. Вышвырнули за пределы своего мира. Сбросили на Дно. Из-за вас они превратились в чудовищ!

Арэлл медленно покачала головой:

— Я не знала этого...— Дыхание перехватывало, и она говорила с трудом, почти так же хрипло, как собеседник.— Никто из нас не знал, что он... что они переродились в демонов.

— Конечно, ты не знала! — В голосе Эмила зазвучала злоба.— Никто из вас не ведал!.. Что вы вообще знаете?! Что можете разглядеть из своих небесных дворцов?!

Она резко поднялась:

— А он? Он помнит об этом? О том, что произошло с ними?

— Да.

— Теперь я понимаю, почему он так ненавидит нас. Пережить все, что он пережил... Я пойду к нему... Я должна пойти к нему и поговорить. Остановить это безумие.

Эмил рассмеялся, и его смех был больше похож на лающий кашель.

— Ты что, так и не поняла?! Он больше не тот Лучезарный, которого ты любила. Ведь ты любила его? — Вукодлак снова затрясся от смеха.— Это самое забавное. Ты любила его, но не пошла с ним. И теперь он — демон. В нем есть только ненависть и желание захватить как можно больше власти, земли, жизней. И ты не забыла, что уже сегодня вы собираетесь убить его еще раз?

— Я пойду к нему,— повторила Арэлл, ладонями стерев слезы со щек и поднимаясь с валуна.— Я должна его увидеть. Должна предотвратить битву.

— Побежишь исправлять ошибки? — Эмил смотрел на нее с насмешливым любопытством, даже пасть приоткрыл.— Думаешь, можно что-то исправить? Нет, я не собираюсь тебя останавливать. Просто хотелось бы знать, что ты собираешься ему сказать. Что ты можешь сказать ему теперь?

Он поднялся и заковылял следом за Арэлл, идущей по тропинке. Ужас от внезапно открывшейся правды колючим комком стоял в ее горле. Если бы она просто услышала об этом, то вряд ли смогла бы поверить. Но теперь, увидев, почувствовав, пережив боль, тоску и отчаяние, ощущала, что страх снова и снова возвращается к ней, сплетаясь с горем. Каждую минуту она переживала вновь, как Лучезарный умирает. Один. Совершенно один...

«Почему я не последовала за ним?! Я была в ужасе от того, что он сделал. Я не могла смириться с тем, что он принес в этот мир смерть. Но я должна была пойти с ним...»

— Я могу провести тебя в Рэйм,— прохрипел Эмил сзади.— Проберемся так, что никто не заметит. Он сейчас во дворце.

— Почему ты помогаешь мне? — снова спросила она, не очень-то интересуясь ответом.

— Я помогаю не тебе, а ему,— ответил полудемон, тяжело дыша.— Я всегда ему помогал.

Высокие заросли полыни серебрились под звездами. Тени акаций густыми полосами лежали на земле, тропинка петляла между ними. Серые стены города закрыли полнеба.

«Вот я и вернулась,— устало подумала Арэлл.— И опять крадусь с черного хода».

Она как будто оцепенела внутренне, боясь заглядывать себе в душу, ожидая, что боль, застывшая там, может в любое мгновение вырваться наружу, и тогда отчаяние затопит с головой.

— Сюда...

Она не заметила, как Эмил выбрался вперед и теперь указывал на калитку в зарослях шиповника.

— Мы пройдем через Нижний город. Его больше не охраняют.

— Почему?

Вукодлак оглянулся через плечо, блеснув клыками в полуоткрытой пасти, и ответил равнодушно:

— Чума.

Кварталы бедноты были пустыми, черными, выжженными. Ветер лениво перегонял золу с места на место.

Обугленные стропила. Груды битого кирпича на месте зданий. Деревья, похожие на обглоданные скелеты. Могильная тишина, запах смерти, пепел, скрипящий на зубах.

— Чума...— повторила Арэлл, глядя на кладбище из домов.

Мимо прошмыгнула черная тень. Остановилась возле остатков каменной стены, покрытой слоем копоти, и стало понятно, что это огромная собака. Она открыла красную пасть и тихо, угрожающе зарычала. Потом отбежала на несколько шагов, зарычала еще раз и исчезла, растворившись в ночной мгле. Арэлл почувствовала, как между лопатками скатилась капля пота, и поняла, что все это время стояла не дыша.

Эмил пожал плечами в ответ на ее вопросительно-тревожный взгляд:

— Это Дитх. Пес Ямэла. Бога смерти, слышала о таком?

— Да.

— Он неплохо повеселился тут. Все улицы были усеяны трупами... — Полудемон насторожил волчьи уши, принюхался и заторопился: — Идем! Быстрее, пока не заявилась сама Смерть. Ты хоть и ангел, но в человеческом облике.

Они прошли мимо разрушенных складов. Огонь едва коснулся зданий, от старых досок тянуло запахом тухлой рыбы. Эмил снова дернул острым ухом, а потом и Арэлл услышала приглушенные человеческие голоса. В темноте блеснул отсвет костра.

— Идем-идем, не останавливайся,— приказал спутник.— Теперь в этом городе полно призраков, живых мертвецов и прочей дряни.

— Мертвецы не жгут костров,— прошептала элланка, но не ослушалась.

Эмил вел ее по запутанным улочкам, на которых остались лишь фундаменты. На одной из них, между камнями струился ручеек из разрушенного водопровода. В черной воде отразилась яркая звезда, сверкающая на конце копья Возничего.

Еще несколько переулков, и у самой стены, окружающей Нижний город, левый висок Арэлл вдруг нестерпимо заломило. Она положила ладонь на рукоять меча, оглянулась и тут же увидела, как из-за груды камней выбирается серый демон. Его пасть была окровавлена, шерсть в грязи. Похоже, рылся в куче мусора, выискивая что-нибудь съедобное.

— Свежее мясо! — прорычал он, выпрямляясь во весь рост.

Элланка вытащила балтус, чувствуя одновременно отвращение и отчаяние. «Это тоже дело наших рук!» — мелькнула ужасающая мысль. Эмил же лишь презрительно глянул, скривился и небрежно махнул рукой. Над демоном сверкнула молния, и тот, не успев издать ни звука, рухнул на землю. Только голова стукнулась о камень.

— Знала бы ты, как смешна с этой железкой в руках,— произнес вукодлак высокомерно.

— Как ты мог?..

— Как я мог убить его с такой легкостью? — Спутник брел вдоль стены, принюхиваясь.— Мой предок был демоном. Высшим, естественно. От него я получил некоторые способности к колдовству. А потом отец усовершенствовал меня.

— Отец?

Полукровка ухмыльнулся и сделал вид, что собирается распороть себе горло.

— Буллфер разрезал меня и влил свою силу... Теперь направо, здесь была дыра.

Они пролезли через узкую щель у самой земли и оказались в Среднем городе. Машинально отряхивая грязь с одежды, Арэлл сделала шаг за Эмилом и вдруг остановилась, едва не споткнувшись. Гигантский храм, стоявший на площади, исчез.

— Отцу не нужно столько жертвенников,— сказал вукодлак, проследив за ее взглядом.— Большую их часть он уничтожил.

Элланка молча кивнула. Все это было неважно. Храмы, бог смерти, призраки... Она не хотела думать о них, но все равно думала, лишь бы заглушить воспоминания о подземельях Дна, где сходили с ума и погибали ее братья.

Претикапий возвышался над городом неприступной скалой. Ни одно окно не светилось. Платаны в саду шумели густыми кронами. В траве робко горели светлячки, но их мерцающий свет не рассеивал тьму. Напротив, казалось, здесь она еще гуще.

На открытой поляне росло несколько плодовых деревьев. Спелые абрикосы падали на голую землю с глухим стуком. Крупные яблоки белели круглыми боками. Над кронами с долгим мяукающим криком проплыла сова...

Парк под открытым небом постепенно превратился в закрытый сад Претикапия. Арэлл даже не заметила, как они оказались под прозрачным куполом, накрывающим заросли цветущих гибискусов, папируса, растущего у маленького искусственного пруда, и прочих редких растений, привезенных со всех концов света.

Стараясь не хрустеть гравием, элланка шла за вукодлаком по узкой дорожке. Длинные ветви ив свисали почти до самой земли по обе стороны тропки. В конце аллеи стояла мраморная скамейка. На ней сидел человек в белой тоге с широкой багровой полосой по краю.

— Не обращай на него внимания,— зашипел Эмил, громко фыркая.— Не задерживайся. Это мертвец.

Но Арэлл ступила на мягкую траву и медленно подошла к скамье. У сидящего было изможденное, бледное лицо. Тонкая, как вытертый пергамент, кожа обтягивала череп. Белые волосы, висящие вдоль запавших щек, казались бесцветными, словно паутина. Бескровные губы, глаза, обведенными черными кругами.

Лежащие на коленях руки с выступающими узлами вен чуть дрогнули — он почувствовал чужое присутствие и медленно поднял голову.

— Юлий... — прошептала элланка, чувствуя, как горло сводит от подступающих слез.

— Арэлл,— тихо откликнулся он.

Она присела напротив, взяла в свои руки его ледяные ладони.

— Что с тобой случилось?

— То, что было должно.— Он смотрел мимо нее на тропинку, ведущую к выходу.— Я ошибся... Трудно быть пищей Высшего демона. Война в Эллиде. Чума...

— Дождись меня.— Она крепче сжала его пальцы.— Я вернусь и помогу тебе уйти отсюда.

С неожиданной силой он оттолкнул ее. Голос его окреп:

— Ты не понимаешь! Я не могу уйти! Завтра, во время боя, мне придется давать силу демонам. Прости, но меня уже почти нет. Меня выжгло изнутри...

Арэлл поднялась и сказала твердо:

— Я обязательно вернусь за тобой.

Она возвратилась на дорожку, и Эмил, стоящий в зарослях бамбука, зашелся своим кашляющим смехом:

— Пытаешься и это исправить? Уверяю тебя, все бессмысленно.

— Идем,— резко велела она.— Отведи меня к нему.

— Как прикажешь! — Вукодлак издевательски поклонился, с неожиданной ненавистью посмотрел на нее и заковылял дальше.

Претикапий был совершенно пуст. Все жертвенники горели ярким красным огнем и сыпали искрами. От них исходила тяжелая волна зловещей силы. Голова элланки раскалывалась от боли, когда она шла мимо. Казалось, тела мраморных статуй, освещенные багровым пламенем, корчатся от боли. По полу скользили угольные тени, свиваясь клубками, словно змеи.

Вода в морском павильоне кипела. На поверхности лопались огромные пузыри, распространяя едкую вонь. На полу в вестибюле лежала статуя императора Светония. Она рухнула со своего постамента, проломив пол. Остался лишь пьедестал, на котором, словно насмешка над поверженным гигантом, вилась надпись: «Время победивший...».

Девушка почувствовала, что задыхается. Она словно брела сквозь тягучий жидкий кисель и не могла вздохнуть полной грудью. Очертания предметов плыли перед глазами. Проходя мимо одной из комнат, Арэлл услышала доносящийся оттуда женский плач. Но не задержалась и ни о чем не спросила.

Наконец Эмил остановился, взглянул на элланку с мрачным торжеством и открыл перед ней дверь в покои.

Сердце Арэлл заколотилось с такой силой, что в груди стало больно. Почти не видя, куда ступает, она вошла и услышала за спиной стук закрывающихся створок.

Кабинет правителя Рэйма был освещен желтым пламенем светильников. Несколько барельефов на стенах изображали фрагменты древней истории. В чаше треножника тлели угли, распространяя незнакомый горький запах.

Хозяин Рэймской империи сидел в кресле за столом и внимательно изучал длинный свиток.

Все было почти так же, как когда Арэлл привели на суд. Только теперь не было цепей, и пришла она сама. Чувствуя болезненные толчки сердца, элланка смотрела на бывшего турвона, пытаясь увидеть в демоне хоть что-то от того, прежнего... Он медленно поднял голову и уперся в нее тяжелым ничего не выражающим взглядом.

Раньше у него были рыжие волосы, яркие, как солнце. Казалось, вокруг головы вьются солнечные лучи. Глаза меняли цвет, словно море— то стальное, то серое, то изумрудное, то лазурное. Он всегда любил стихию воды. Его мир был бескрайним океаном с зелеными островами, разбросанными среди волн.

Арэлл почувствовала, как слезы застилают зрение, и сквозь них фигура демона кажется плывущей.

— Я пришла.

— Долго же ты шла,— произнес он глухо.— Слишком долго.

— Лучезарный...

— Нет! — рявкнул он, сжимая когтистую лапу в кулак. На одном из рыжих пальцев блеснул перстень с изумрудом.— Я — Буллфер! Хозяин Рэймской империи, Гаэты, Иллинеи, Эскарны и Нита. Демон!

— Я пришла, чтобы спасти тебя.

— Поздно. Денницу еще можно было спасти. Он ждал тебя. *Мне* не нужна твоя помощь. Я ненавижу тебя.

Он произнес это спокойно, почти равнодушно, и элланке на мгновение стало страшно. Ей показалось, что он говорит правду, и все, что она делает, бессмысленно.

— Это неправильно! Невозможно! Мы можем все исправить! Послушай меня! Только послушай! Я искала тебя. Я была во всех твоих мирах...

— А на дно Бездны заглянуть не догадалась? — Он усмехнулся, глядя на нее через стол.— Впрочем, теперь уже все равно. Лучезарный ждал тебя. Если бы ты знала, как он тебя ждал. Каждый день, каждую минуту...

Ему нравилось причинять ей боль. Он получал удовольствие, глядя на ее отчаяние. Быть может, даже читал мысли. Пересилив себя, девушка подошла ближе. Теперь их разделяло несколько шагов. Она могла видеть тонкую червленую вязь на панцире, закрывающем мощную грудь Высшего, широкий пояс, набранный из золотых пластинок с вставленными в них рубинами.

Арэлл молчала, пытаясь увидеть в рыжем свирепом лице хотя бы тень прежнего. Не мог же он измениться настолько чудовищно, что не осталось совсем ничего.

— Поздно... Архэл.— Она вздрогнула, услышав свое истинное имя, и посмотрела ему в глаза. В их глубине поблескивали красные огоньки, такие же, как в багровых драгоценных камнях.— Я не испытываю тех чувств, которые, как тебе кажется, должен испытывать. Вы сами... ты сама превратила меня в то, что я есть. Я могу только ненавидеть.

— Я не верю,— сказала элланка твердо.— Ты звал меня. Я слышала твой голос.

— Неужели? — Он уцепился обеими руками за крышку стола, и брови его взметнулись вверх. Когти скрипнули по дереву.— И чего ты ожидаешь теперь? Я должен упасть на колени и залиться слезами умиления? Подставить шею для веревки, на которой ты уведешь меня в небесные сады? А если не сделаю этого, ты опять попытаешься убить меня?!

— Я не могу убить тебя... Мы совершили ужасную ошибку. Чудовищную.— Она продолжала говорить, не обращая внимания на его злобно-насмешливое фырканье.— Но нет ничего, что нельзя исправить... Да пойми ты! — закричала она в отчаянии.— Я не могу оставить тебя! Я не могу позволить тебе остаться таким!

Демон грохнул кулаком по столу, и рев его метнулся под своды дворца:

— Замолчи!!!

Потом поднялся во весь рост, и на элланку хлынула жгучая, черная волна ненависти и бешенства, желания разорвать на части, отомстить за пережитые мучения. Страшная, кипящая, удушающая беспросветная воронка, в которую она рухнула с головой. Наверное, Арэлл закричала от боли и ужаса, но не услышала своего крика. Лишь спустя минуты мрак вокруг рассеялся, и девушка поняла, что едва стоит, а колени ее дрожат.

— Вот все, что я чувствую,— прозвучал над головой низкий глухой голос.— Ко всем вам и к тебе. Я не хочу ничего исправлять. Я добился того, чего желал. Срединные земли — мои. А ты... надеюсь, ты понимаешь, что зря пришла сюда. Я не выпущу тебя обратно.

Арэлл подняла голову, посмотрела в лицо, на котором играли отсветы пламени, и выпрямилась. Из пальцев демона вылетело копье. Черный наконечник пробил грудь элланки и швырнул ее на пол.

Боли почему-то не было. Арэлл словно со стороны смотрела, как кровь струится по древку и капает на пол. А потом на нее опустилась теплая, бархатная чернота, и золотистый огонек ее духа стремительно полетел прочь.

Буллфер подошел к мертвому телу, перевернул его копытом, посмотрел в широко распахнутые глаза.

— Тебе стало легче? — тихо спросил Эмил, выходя из темного угла.— Одну ты убил.

— Нет. Не стало,— глухо ответил Буллфер, глядя на красную кровь, яркими пятнами растекающуюся по белому полу.— Остались еще двое.

Глава 21,
в которой Энджи совершает очередное благородное... теперь безумство

— Он убил Архэл! — услышал я голос Энджи. В нем прозвучало столько отчаяния и потрясения, что шерсть на моем загривке приподнялась, а по шкуре побежали мурашки.

— Да... — произнес я.

А что еще можно сказать... Убил. Это я видел.

Как только лицо Лучезарного превратилось в рыжую физиономию Булфа — меня вышвырнуло обратно, в Зеркала времени. Я снова оказался рядом с Энджи и мог видеть, что происходит в реальном мире.

— Я, признаться, испытываю шок от другого,— проворчал я.— От прыти колдуна. Посмотри, как лихо он вмешивается в историю.

— Он пытается помочь Буллферу...

Эта мысль крутилась и у меня в голове, произнесенная на разные лады, разными голосами.

— И у него, к несчастью, это получается. Эмил хочет все изменить... Он уже все изменил! Архэл не будет участвовать в битве. А без нее все бессмысленно. Люди не смогут противостоять демонам... — Ангел

говорил тихо, но мне казалось, что его сорванный голос почти оглушает.— Их просто сметут, они не сумеют подняться над своим страхом.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что я знаю. Светлые должны образовать «треугольник силы» на поле боя. Только он остановит удар тяжелой демонской энергии, заставляющей любого человека в ужасе оцепенеть.

— Понятно.— Я хмыкнул, про себя даже немного завидуя количеству знаний и расчетливости полукровки.— Значит, он хорошо понимал, что делает.

— Теперь победа невозможна. Не будет Благодатного края. И территории, через которую ангелы смогут приходить в срединный мир, тоже не станет.— Голос Энджи стал ожесточенным.— Но я не допущу этого.

— Чего именно?

Он не ответил, я лишь почувствовал резкое движение рядом.

— Ты можешь открыть телепорт?

— Нет, конечно! Что ты задумал?

— Я займу ее место.

— Что?!

— Место Архэл займу я.

— С ума сошел?! Ты же сам говорил, нам нельзя вмешиваться!

— Поздно.— Энджи вряд ли заметил, что повторяет слова Буллфера.— Один уже вмешался. И я не буду больше молчать и ждать. Не стану терпеть и смиряться.

На нормальном языке это значило: «Пришла пора срубить кому-нибудь башку». Похоже, пять тысяч лет в мире демонов — достаточный срок для того, чтобы самый милосердный ангел озверел.

А я-то думал, что мы с ним устроимся поудобнее и будем наслаждаться зрелищем легендарной Великой битвы в реальном времени. Я бы авторитетно объяснял Энджи подробности боя и уточнял, какие орудия стоят на каком холме. Но теперь мне грозит перспектива влезть в войну лично.

— Ну и как ты собираешься ее заменить? Может, платье нацепишь для большего сходства? — Я не сдержал раздраженного ехидства.— Авось люди действительно примут тебя за нее.

В ответ я услышал звук, похожий на треск рвущейся материи. Компаньон выдирался из зеркала, но оно крепко держало его тело.

— Подожди.— Теперь я попытался удержать нетерпеливого приятеля.— Так ты не выберешься. Успокойся.

Не думал, что когда-нибудь буду повторять его собственные слова. Однако приключение возле стержня Времени дало мне кое-какой опыт, которого не было у Энджи.

— Не дергайся. Оно само выпустит тебя, как только ты искренне пожелаешь этого.

— Я хочу принять участие в битве,— громко произнес друг, видимо, собирая всю свою волю.

— Слушай, не так быстро,— снова вмешался я.— Надо все...

— Ты со мной?

— Да погоди ты.

— Ты со мной?!

— Да. Да!! Чтоб тебя...

Это надо было! Вернуться в прошлое. Пережить все, что случалось с нами, начиная от Атэра и заканчивая полоумным вукодлаком.... И все только для того, чтобы теперь бесславно, героически погибнуть во время Великой бойни?!

Нет, я, конечно, оценивал свои шансы выжить довольно высоко. Все-таки пять тысяч лет опыта житейского и военного со счета не скинешь. Но все же вот так бросаться на рожон...

Зеркало стало прозрачным. Я увидел Энджи, стоящего на узком каменном уступе, и наконец смог разглядеть свои собственные руки и ноги. В последний раз окинул взглядом Хаос.

Внизу текла багровая река, подернутая черным «льдом». Тонкую корку время от времени взламывали алые волны, и тогда над кипящей поверхностью взлетали языки огня. Над нашими головами медленно вращалась воронка, в которой кружили обрывки облаков и длинные ожерелья из камней. За спиной возвышались гранитные монолиты зеркал, заполненные ртутным мерцанием. Со всех сторон доносился мерный гул.

— Эмил и в этот раз совершил ошибку.— Усмехнувшись недобро, Энджи глянул на красную реку.— Ему надо было сначала убить меня. Это было бы не так сложно, но об этом он не подумал. Он всегда недооценивал ангелов. Считал, что добро слишком жалко и беспомощно.

Я предпочел помалкивать и сделать вид, будто занят плетением заклинания. Да и слушать, не говоря ни слова, было гораздо занимательнее — в такой яростный раж его светлость до сего дня не входил ни разу.

— Но это не слабость,— продолжил он.— Умение ценить чужую жизнь — не слабость! Да, добро не безгрешно. Оно тоже ошибается. Но не для того, чтобы причинить страдания. Мы не можем знать всего. И все же, поняв свою вину, стремимся исправить зло, которое причинили. Любой ценой.

— В том числе слишком высокой,— хмыкнул я.— Ценой своей жизни.

Энджи помолчал, пошевелился неловко. Из-под его ног сорвались несколько камешков и полетели вниз, в огненную реку:

— Это Архэл и хотела сказать Буллферу. Пыталась сказать...

— Ладно. Тогда еще момент. Ты собираешься убивать демонов. В битве примет участие и Булф. Если представится возможность, его — тоже?

— Нет,— ответил ангел после короткого размышления.— Уничтожение Буллфера может привести к гибели Атэра.

— Знаешь что? — сказал я со злостью.— Надо было не возиться с Атэром, а убивать его в каждой из новых жизней. Чтоб не мучился

зря. Знал бы раньше, что все бесполезно, так бы и делал... Ладно. Давай. Указывай направление.

— Рэйм,— громко произнес Энджи, и мне на секунду показалось, что его голосу вернулась былая звучность.— Лагерь Зодчего.

Прозрачные зеркала вокруг тонко зазвенели и... лопнули. Меня, окруженного осколками и клочками серебристого дыма, куда-то потащило, швырнуло в красную пустоту... А через мгновение твердая земля со всего маху саданула по ногам.

Мешком свалившись к подножию пологого холма, я нашел в себе силы поднять голову и оглядеться. Вокруг серебрилась трава, покрытая росой. Небо на востоке светлело. На его фоне виделись каменные стены Рэйма.

— А ведь могли перенестись куда угодно,— пробормотал я, растирая ноющие лодыжки.— На любой курорт.

Энджи, закопошившийся рядом, мрачно промолчал.

Странно было смотреть по сторонам. После того, что я видел у Стержня, этот мир стал казаться мне не слишком надежным. Все вокруг было создано моим бывшим Хозяином. И создано по слишком новым, совсем не проверенным технологиям. Уж если милосердненькие ангелы попытались отделаться от сего творения и пихнуть его куда подальше— значит, находиться в нем и вправду опасно...

Я чувствовал вокруг движение. Сумрак на много миль вокруг дышал, шевелился. Неподалеку от места нашего появления стояли лошади. Они тихо пофыркивали, переступая копытами по твердой земле. Послышались встревоженные человеческие голоса. Звякнула упряжь. Скрипнули колеса. За соседним холмом дрогнула сфера магического излучения.

Совершенно неожиданно рядом с нами оказалась невысокая девушка в светлом хитоне. Тонкая и миловидная, но ее голос прозвучал свирепым рычанием:

— Я слышала свист телепорта. Кто вы такие?!

— Виверн,— обернулся ко мне Энджи, хотя я в пояснениях не нуждался. И так видел хищную звериную сущность, просвечивающую сквозь беззащитный образ. Очень умно. Магический патруль. Эти существа чувствуют энергетические всплески, и если бы кто-то из демонов вздумал заявиться исподтишка — они сразу заметили бы его.

— Проводи нас к Зодчему,— велел ангел тоном, не терпящим возражений.— Мы хотим принять участие в битве.

Она недоверчиво оглядела нас. Повела плечом, а потом издала тихий мелодичный звук — нечто среднее между птичьим щебетанием и свистом.

Из темноты тут же вышли еще двое молодых людей в одинаковых зеленых одеждах. Тоже драконы. Полагаю, если бы они ощутили во мне демона — разорвали на месте, не вдаваясь в детали. Но моя фальшивая человеческая сущность была наведена виртуозно. Даже Высшие не могли почувствовать, кто я на самом деле, куда уж этим. Парни

разглядывали нас некоторое время, и, на их взгляд, выглядели мы не слишком представительно. Как два грязных оборванца.

Обменявшись парой мелодичных фраз, патрульные жестами велели нам двигаться вперед. Мимо костров, возле которых сидели вооруженные люди, мимо пары машин, похожих на хищных насекомых, затаившихся в черной тени холмов.

Я чувствовал себя неуютно. Все вокруг казалось ненастоящим. Все, что я слышал и читал про Великую битву, сейчас оживало, приобретая материальную форму. И это было похоже на бред.

Нас под конвоем довели до большой палатки, освещенной изнутри тусклым светом. По стенам шатра ползали размытые тени, на острой вершине темной тряпкой болтался флаг. Ветер чуть колыхнул его, полотнище развернулось, и я разглядел рисунок: меч, чаша и пирамида.

Один из зеленых вивернов вошел внутрь. Несколько минут мы ждали. Я глазел по сторонам, Энджи смотрел прямо перед собой и напряженно размышлял о чем-то.

Наконец нам было позволено войти.

Внутри сидели несколько человек и двое тех самых... легендарных. Я с интересом смотрел на ангелов, явившихся в срединный мир в человеческих телах. Ничего особенного. Обычные люди. Один совсем старик — архитектор Зодчий. Он примостился на складном стуле, и светильник над его головой освещал волевое морщинистое лицо, обрамленное длинными седыми волосами. Другой был помоложе и покрепче. Небритая морда иллинейца выражала полное спокойствие и хладнокровие.

Энджи шагнул вперед, глядя на старика. Похоже, мой друг волновался, но это замечал только я.

— Арэлл не придет,— произнес он негромко.— Буллфер убил ее, заманив в ловушку.

Иллинеец поднялся, едва не сбив светильник макушкой. Вопросительно глянул на Зодчего, но тот никак не отреагировал на ошеломляющую новость, продолжая пристально рассматривать Энджи.

Хмурый, пожилой эллан, сидящий в углу палатки, громко кашлянул. Похоже, ему была не чужда любовь к искусству — медный панцирь богатыря радовал эстетические чувства насечкой, изображающей битву древних титанов с богами. Надо лбом дядьки курчавилась шапка жестких волос, лицо заросло кудрявой бородой до самых глаз. При такой растительности шлем ему, пожалуй, будет не нужен.

— А ты откуда знаешь? — довольно недружелюбно спросил он. Голос у воина оказался низкий, рокочущий, словно он говорил, сидя на дне глубокой бочки.

— Я видел это в Зеркалах времени.— Энджи обращался только к архитектору.— Без третьего ангела люди не выдержат удар темных. И все будет бессмысленно.

— А сам ты кто такой? И зачем явился наводить панику? — раздраженно поинтересовался элегантный рэймлянин в щегольских, поблес-

кивающих золотыми накладками доспехах. За его плечами висел пурпурный плащ, на пальце красовалось железное кольцо всадника.

Мой друг посмотрел на него, а потом медленно сменил образ. Человеческая сущность растворилась в ангельском облике. На мой взгляд, он выглядел не столь сияющим, как всегда. Путешествие по Тонкому миру и Хаосу слегка потрепало партнера. Но людям и этого оказалось достаточно, чтобы испытать мгновенный экстаз. Бородатый эллан негромко выругался. Видимо, от полноты чувств. Рэймлянин застыл с открытым ртом.

— Как это возможно? — Иллинеец пристально вглядывался в Энджи.

— Как ты смог преодолеть Завесу в реальном теле? — спросил Зодчий, вставая и делая шаг вперед.

— Я не преодолевал ее. Я живу в этом мире уже несколько тысяч лет.— Ангел посмотрел на старика и произнес на колханском диалекте:— После того, как провел ритуал Миркары.

Зодчий нахмурился и спустя мгновение задал на том же языке высших светлых существ единственно правильный, с моей точки зрения, вопрос:

— Над кем ты провел его?

Я даже испытал что-то типа удовлетворения — старикан ударил в яблочко. И я хотел бы поглядеть, как он отреагирует на ответ Энджи. Мой друг помолчал. Потом без особого желания признался:

— Над Буллфером. Хозяином Срединных земель. В будущем. Пять тысяч лет вперед.

Иллинеец невесело усмехнулся:

— Жестокая шутка.

— Это не было шуткой,— сухо отозвался Энджи.— Тогда я не знал, к чему это приведет. И он сам не знал.

— Его воплощение здесь? — Зодчий мельком глянул на меня.

— Здесь... Атэр.

Оба светлых медленно опустились на прежние места. Старик на мгновение прикрыл глаза ладонью. Рамир запустил пальцы в растрепанные русые волосы. Они хорошо знали эллана. Одному он стал учеником, второму — другом.

Потом архитектор поймал взгляд Энджи и несколько долгих мгновений смотрел ему в глаза.

— Мне нужно оружие,— сказал мой друг тихо.— Я пришел занять место Арэлл.

Зодчий взглянул на расфуфыренного рэймлянина:

— Корнелий, дай им то, что он просит.

Консул молча развернулся и стремительно вышел. Энджи поменял облик на прежний, человеческий. Пару секунд молча постоял на месте и тоже направился к выходу. Я выбрался из палатки следом за ним.

Неподалеку разговаривали о чем-то несколько вивернов и человек, в котором я узнал Гая. Увидев меня, преторианец задумчиво нахмурился. Но, видно, не вспомнил, кто я такой, и снова отвернулся к собеседникам.

— Эй, погоди! — Из шатра выскочил бородатый дядька, удержал меня, взяв за локоть.— Слушай, кто такой твой друг?

— Он вестник, приятель. Запомни. Высшее светлое существо. Он пришел сюда, чтобы защитить людей от демонов и научить вас бороться с ними.

Таким образом удостоверив легенду, я дружески хлопнул озадаченного эллана по плечу и направился к ближайшему костру. Но не успел сделать и шага, как на меня с визгом налетела светловолосая девица.

— Лурий Гэл?! Лурий Гэл! Это вы?!

— Гермия? Вот так встреча!

Она схватила меня за руку и с неподдельной тревогой заглянула в лицо. Серые глаза неуемной девчонки казались почти черными из-за расширившихся зрачков, симпатичная мордашка осунулась и была заметно грязной.

— Скажите, лурий Гэл, Энджи... он с вами? Он здесь? С ним ничего не...

Мой ответ она уже не слушала. Увидела ангела, который в сопровождении Критобула вышел из сумрака. Я сразу узнал преторианца — успел насмотреться на него в зеркалах. Гермия замерла, жадно рассматривая Энджи, словно не могла поверить. А потом бросилась к нему. Повисла на шее, лепеча какой-то восторженный бред.

— Я думала, что больше не увижу тебя! Я так боялась, что больше тебя не увижу! Ты не забыл меня? Ведь ты не забыл меня?

Сначала на лице ангела появилось безграничное удивление, такое же, как на физиономии Критобула. Затем — выражение полной покорности судьбе. И наконец безграничная нежность. Он крепко обнял девушку, прижимая к своей груди.

Критобул выглядел так, словно ему очень хочется как следует врезать кому-нибудь и он сдерживается изо всех сил.

— Крепись, приятель,— посоветовал я.— Все самое лучшее достается победителям. Поэтому после боя у тебя, может, будет шанс.

Он угрюмо посмотрел на меня:

— А твоя рожа мне знакома. Где служил?

— Городская гвардия.

Преторианец хотел сказать что-то, но его слова заглушил громкий повелительный голос:

— Гэл?!

Я оглянулся. К нам шел Атэр. Освещенный неровным светом многочисленных костров, он казался гораздо старше, чем в начале своего путешествия из Рэйма. Да и военная одежда смотрелась на нем вполне уместно. Эллан мельком кивнул Критобулу, дождался, пока тот отойдет, и уставился на меня.

— Что случилось?! Если вы с Энджи здесь — значит, что-то случилось!

И это вместо приветствия.

— Буллфер убил Арэлл,— ответил я.— Ангел пришел занять ее место.

Атэр стиснул зубы, резко вздохнул, словно его ударили в солнечное сплетение. Скулы его побелели. Я ожидал чего угодно — крика, проклятий. Но он лишь спросил едва слышно:

— Когда? Как?

— Несколько часов назад. В Претикапии.

Эллан помолчал, потом произнес тихо:

— Я знал. Почувствовал. Понял вдруг, что ее нет. Но не поверил себе...

— Это не все.— Я понял, что зря собираюсь рассказать ему правду, но уже не мог остановиться:

— Помнишь, я говорил, что ты был демоном в одной из прошлых жизней?

— Да.— Атэр смотрел себе под ноги. В его голосе не было ни злости, ни огорчения. Похоже, ему стало все равно, что было раньше.

— Но я не сказал, кем именно.

Он поднял голову и взглянул вопросительно.

— Буллфер — это ты.

И я принялся пересказывать давнюю историю о том, как мой Хозяин нашел в древней книге описание ритуала, дающего невообразимое могущество. О том, как глупо он погиб, и был затянут в цепочку преображений, рождаясь человеком. О том, как все глубже погружался в прошлое, а мы с Энджи следовали за ним...

Когда я закончил, эллан долго молчал. Потом горько усмехнулся:

— Значит, это я убил ее.

— Нет. Ее убил демон, а ты человек.

— Тем более,— непонятно ответил он.— Она была единственным, ради чего... впрочем, тебе этого не понять.

Он резко развернулся и пошел прочь. А я стоял, глядя ему вслед, и не знал, правильно ли поступил со своим рассказом. Впрочем, он сам всегда требовал истины. Вот она, истина! И пусть не жалуется...

Глава 22
«НАСЛЕДНИК»

Буллфер сидел в кабинете императора и смотрел на документы, разложенные на столе. Это были отчеты о событиях, происходящих в его новых обширных владениях. И все они оказались неутешительными.

Кое с чем Хозяин уже успел разобраться. Например, жестоко подавил мятеж демонов в бывших землях Каракалла. Осушил подземелья Друзлта, и теперь они были залиты топкой, медленно подсыхающей грязью, в которой издыхали морские слуги «водоплавающего» господина. Соединил пещеры Савра с тоннелями Золтона...

Но сделать надо еще так много... А вместо этого он, бывший турвон, а ныне по праву владыка почти всего срединного мира, сидел, глядя невидящим взглядом в бумаги, и не двигался.

В камине горели поленья, пропитанные ароматическими маслами. У решетки, освещенный багровым пламенем, скорчился Эмил — странный безумец, пришедший из будущего. В углу, в густой тени, стоял Клавдий. Человек не шевелился, даже, кажется, почти не дышал. Тяжелая демоническая сила с каждым часом оказывала на него все более разрушительное действие, превращая в послушную машину для убийства. Труп Арэлл по-прежнему лежал на полу. Хозяин не дал никаких приказов, а самовольно убирать тело слуги побоялись.

В мертвых глазах элланки отражались отсветы огня. Неподвижный взгляд из-под опущенных век остановился на демоне. Лицо застыло, как маска... Буллфер опустил веки, и багровые отсветы, застилающие зрение, погасли. Он убил одного из ангелов, но не чувствовал удовлетворения. Наверное, это произошло слишком быстро. Он не успел насладиться своей властью над глупой девчонкой, прибежавшей просить прощения за ошибку тысячелетней давности.

Она хотела все исправить... хотела помочь. Как будто теперь ему нужна помощь!

Хозяин откинулся на спинку кресла, стараясь не обращать внимания на монотонное бормотание Эмила. Смутные, размазанные воспоминания настойчиво поднимались из глубин памяти. Проклятая ангелица! Пришла и вытащила на поверхность то, что он давным-давно похоронил. И сейчас это, так тщательно спрятанное от себя, мелькало перед внутренним взором, вызывая приступы ярости и тоски...

Демон сгреб документы, скомкал и швырнул в камин поверх головы Эмила.

— Что, больно вспоминать? — спросил вукодлак, не поворачиваясь.

— Завтра я убью оставшихся,— ответил Хозяин, глядя на застывшую Арэлл.— Раздавлю все это нелепое восстание. Теперь, когда у них нет третьей, они абсолютно беспомощны.

Эмил рассмеялся своим кашляющим смехом, повернул полузвериную морду и глянул на Буллфера.

— Это огорчит тебя, Хозяин, но у них есть третий ангел. Тот самый, что бродил по Рэйму, досаждая Некросу. Вы ведь не сумели поймать его?

— Какой идиот! — пробормотал демон, вспоминая прежнего господина Рэймской империи.

— Но ты все равно победишь,— успокоил его колдун, протягивая корявые руки к огню.

— Правдивый голос будущего,— хмыкнул Хозяин. У него не было причин не доверять полукровке. Простая логика говорила то же самое. Правда, кое-что его смущало...

Эмил как будто почувствовал сомнения господина. Обернулся:

— Что-то беспокоит тебя, отец?

— Я не могу засечь их. Целая армия как будто сгинула. Я понятия не имею, когда и где они появятся.

— Обычные ангельские штучки,— пренебрежительно отозвался колдун.— Тебе ли не знать. Битва состоится утром, двадцать пятого дня этого месяца, у стен города, и ты ее выиграешь.

— Ты мог бы рассказать обо всем подробнее.— Буллфер с неприязнью посмотрел на скорчившегося у камина союзника.

— Я не знаю подробностей,— отозвался тот с подозрительным легкомыслием.— Я живу из будущего в прошлое. И про Великую битву читал лишь в книгах. А там, знаешь ли, не слишком много деталей. Все-таки несколько тысячелетий минуло... Кстати, зачем ты вообще затеваешь это сражение?

Буллфер посмотрел на мертвую Арэлл и процедил сквозь зубы:

— Это не я затеваю. Они жаждут моей крови.

Полудемон растянул пасть в понимающей усмешке и снова отвернулся к камину.

— Повелитель,— Клавдий, неподвижно стоявший у стены, неожиданно пошевелился,— позвольте убрать тело?

Высший, который совсем забыл о человеке, удивленно посмотрел на воина:

— Ну убери.

Бывший наследник вышел из тени, и в свете огня стала заметна бледность его лица и пересохшие губы. Кисти рук человека были черными, потрескавшимися, словно на них надели перчатки из грубой кожи.

Клавдий медленно наклонился над девушкой, легко подхватил ее на руки и вышел из комнаты, провожаемый недоуменным взглядом Хозяина.

— Зря ты вернулась,— тихо говорил легат, спускаясь по лестнице.— Зря...

Претикапий был наполнен черными шевелящимися тенями. Новый Правитель выбрал дворец своей резиденцией, и теперь демоны свободно расхаживали по залам, хватая все, что попадалось в их лапы — еду, рабов, золото. В одном из коридоров, из-за угла, на бывшего наследника выскочил серый зверь с острой мордой и оскаленными мелкими зубами. Он зашипел и потянул к тяжелой ноше на руках человека когтистые лапы, похожие на крысиные.

— Пошел прочь! — рыкнул Клавдий, узнав в лохматом существе рабочего беса, слугу Хозяина. А когда зверь грозно заворчал — выдернул из ножен черный меч, подарок Буллфера.

Бес испуганно фыркнул и тут же исчез.

Легат убрал оружие и снова пошел вперед. Бессмысленно было защищать тело женщины, которая его никогда не любила. Но память о ней почему-то поддерживала угасающие чувства.

Преторианцев несколько дней назад вывели из дворца. Впрочем, теперь им было некого охранять. Юлий, по слухам, лежал при смерти. Клавдию занять его место никто пока не предлагал, а сам он не напоминал об этом новому Хозяину, испытывая странное равнодушие при воспоминании о своей мечте стать императором. Это было слишком давно.

Боковая дверь распахнулась, ударив по стене витой ручкой, и на пол упала полоса яркого желтого света. Из комнаты послышался громкий хохот, испуганный женский вопль, а затем в коридор вышел, слегка покачиваясь, Высший в человеческом образе. Его волосы, ногти и зубы были красными. В одной руке демон держал чашу, вино из которой плескалось на черную тогу, другой схватился за косяк, словно боясь упасть, и Клавдий понял, что тот пьян.

— Эй, ты! — Темный сыто усмехнулся и показал на тело Арэлл в руках легата.— Нашел себе подружку? Только, похоже, она мертва. Ты не заметил?

Он рассмеялся довольно и пролил на тогу еще немного вина.

— Что там, Елг? — послышалось из комнаты.

— Господин легат со своей вновь обретенной невестой,— отозвался командир нелунгов.— Трогательная картина, я вам скажу.

— Так пригласи их войти,— весело отозвался другой голос, более молодой.— Не будь невежливым.

Елг улыбнулся, продемонстрировав красные клыки, схватил Клавдия за плечо и втащил в комнату.

Если бы все чувства бывшего наследника не притупились, его бы замутило, едва он перешагнул порог просторного помещения. Оно было залито светом сотни светильников, расставленных на полу, и кровью. Красные лужи растекались по каменным плитам, капали с мрамора стен... В центре зала, на столе, покоился гигантский кратер, наполненный вином. А на скамьях вокруг полулежали трое Высших в человеческих обликах, с чашами в руках.

Раньше, при Некросе, демонам не разрешалось появляться в Претикапии без особого дозволения Господина, но нынешний Хозяин, похоже, был более либерален.

У стены сидела девушка в разорванном голубом хитоне, с глубокими царапинами на руках, и тупо смотрела в пустоту перед собой. Похоже, она не понимала, где находится и что с ней происходит. Чуть дальше лежали несколько безжизненных женских тел, похожих на сломанных кукол. В них легат узнал рабынь своей сестры Лоллы.

Демон с белым костяным завитком на виске, склонив темноволосую голову, сосредоточенно рассматривал лежащие перед ним на столе трофеи.

— Еще одна изящная женская кисть для твоей коллекции, Нокс.— Елг двумя пальцами взял руку Арэлл за запястье и показал собрату.

Клавдий машинально взглянул на женские тела у стены и понял, чего у них не хватает.

— Такая у меня уже есть,— мельком глянув на тело элланки, отозвался лапиф.

— Ладно, как хочешь.— Нелунг выпустил руку и равнодушно пожал плечами.

— Погодите. У меня есть идея получше.— Темный с оливковой кожей и длинными прямыми волосами поднялся, неловко поставив чашу на стол. Вино выплеснулось через край и потекло по столешнице.

Он подошел к стене, содрал с нее белую занавесь, расстелил на полу. Потом бесцеремонно вырвал из рук Клавдия тело Арэлл, завернул его в ткань и отнес в дальний угол. Повернулся к остальным:

— Эту не трогать. Устрою сюрприз для войска недоумков.— Он взял легата за шею сзади и толкнул к столу.— Садись, союзничек.

Красноволосый рассмеялся, погружая чашу в кратер, и подал ее человеку:

— Хорошо, что Буллфер решил устроить небольшую войну. Мои нелунги уже порядком засиделись. Как представлю всю эту гору мяса, которая сама идет к нам на убой... — Он помотал головой и прищурился в предвкушении сытного обеда.

— Да. Это была хорошая идея,— подтвердил Нокс, не отрываясь от созерцания экземпляров коллекции.— Похоже, новый Хозяин, в отличие от Некроса, ценит желания своих слуг.

— За Буллфера! — Темнокожий Голт поднял чашу.

— За Буллфера! — с готовностью поддержали остальные.— За лучшего Хозяина срединного мира.

Клавдий машинально отпил из своего килика. Вино было со странным горьковатым привкусом, и от него сразу же зашумело в ушах.

— Не понимаю,— разглагольствовал между тем Елг, потряхивая красными волосами, которые время от времени начинали слипаться и шевелиться, словно черви.— Те, кто ведет людей действительно вестники в человеческих телах?

— Какая разница.— Нокс пожал плечами, критически рассматривая одну из кистей.— Все равно... мы их всех... убьем.— Лапиф скривился и презрительно отбросил трофей, бормотнув: «Нет, не подойдет...»

Отвергнутый экземпляр упал на стол перед Клавдием. И тот внезапно узнал эти пухлые пальцы... витое колечко с изумрудом на безымянном.

Левый висок легата заныл привычно, когда он почувствовал на себе любопытно-насмешливое внимание гостей нового Господина. Челюсть свело так, что он не мог сглотнуть, только смотрел и смотрел на отрубленную руку сестры.

Потом медленно поднялся, опрокинув чашу, и пристальнее всмотрелся в груду тел на полу. Лолла лежала среди своих рабынь, такая же изуродованная, окровавленная, с выражением ужаса на белом лице.

Нокс усмехнулся, обменявшись с Сумганом понимающим взглядом.

— Сядь,— приказал человеку длинноволосый возница.— И пей. У слуг Хозяина нет семьи.

Горячая удушающая волна медленно поднялась в груди Клавдия, кровь запульсировала в голове. Ему показалось, что под ногами открывается бездна. Накатило чудовищное отчаяние. Вспомнилось все сразу— годы унижений, страха, беспомощности, боли, стыда, желания власти... Он пытался походить на темных хозяев этой земли и совсем забыл, что всего лишь человек.

Кипящая ненависть залила его сердце, но не лишила способности мыслить здраво. Легат не выхватил черный меч, предназначенный для разрушения демонических жертвенников, чтобы вонзить в нагло ухмыляющегося Нокса. Он тяжело опустился на прежнее место, задавив ворочающуюся в душе ярость. Надо было вести себя как прежде, чтобы не вызвать подозрений...

И скоро демоны забыли о его присутствии. Ни один из них не удосужился заглянуть в мысли скорчившегося на скамье человека, все еще машинально сжимающего чашу. Слишком привыкли к этому жалкому зрелищу. И когда его наконец отпустили, бывший наследник престола сначала быстро пошел, а потом побежал по коридору, ведущему к выходу из Претикапия.

Каждый шаг отдавался в мозгу гулом. Сердце колотилось все сильнее. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Жажда мести сжимала горло. А в голове билась одна-единственная мысль: «Пожалуй, я еще успею умереть человеком...»

Через час с небольшим в палатку Зодчего в сопровождении двух вивернов вошел незнакомец в черной лорике. Его лицо было серым и равнодушным. Рука, держащая шлем с высоким гребнем, казалась обожженной.

— Меня зовут Веспосиан Клавдий,— сказал он звучным, хорошо поставленным голосом, твердо глядя в глаза архитектора.— Я привел эллидский легион. Мы будем сражаться вместе с вами. Мы хотим отомстить...

— Как ты узнал, где нас искать? — спросил Рамир.

— Мои воины патрулируют территорию вокруг Рэйма,— ответил бывший лудий.— На них, в отличие от демонов, не действует ваша сила. Один из декурионов заметил подозрительное движение у холмов и доложил об этом мне. Я не успел сообщить Хозяину... — Клавдий запнулся, крепко сжал рукоять меча, и процедил сквозь сжатые зубы: — Он убил Лоллу.

Первая вспышка гнева Буллфера обрушилась на лапифа, и теперь Нокс принявший истинный облик, корчился от боли на полу, обеими руками зажимая глубокую рану в животе. Его волосы скручивались змеиными кольцами и хлестали по мраморным плитам, оставляя выбоины на камне. Остальные виновные в том, что Клавдий перешел на сторону врага, переминались возле стола. Им было явно не по себе.

Все трое с опаской поглядывали на взбешенного Господина и не решались ничего сказать в свое оправдание.

— Идиоты!! — рычал демон, опрокидывая со стола кратер. Тот упал на пол и раскололся, разлив содержимое.— Тупые недоноски! Как вы могли это допустить?! Мне был нужен этот человек!! Мне был нужен его легион!!! Почему их никто не остановил?! — Хозяин метался по залу, и осколки чаш хрустели под его копытами.— Целый легион!! Ушел у вас из-под носа!!!

— Они были в Нижнем городе, а там нет патрулей. Они *сами* являлись патрулем. Да никому в голову не могло прийти, что он сбежит... — пробормотал командир нелунгов и тут же рухнул на колени, получив магический удар. С красных волос на пол закапала кровь.

— Тупицы,— процедил Буллфер, гневно раздувая ноздри.— Вы зарезали его сестру. Это было последнее, что он любил в этом мире. Ему стало нечего терять.

Он презрительно посмотрел на недоуменно переглядывающихся демонов:

— Хотя вам этого не понять!

— Господин... простите... — прохрипел Нокс. Между его пальцами, вместе со струйками крови, на пол соскальзывали тонкие змеи.

Хозяин глянул на него с величайшей брезгливостью:

— Мразь! Развели свинарник! Вместо того чтобы готовиться к бою, развлекаетесь с девками!

Правитель схватил Сумгана за волосы, подтащил к длинному окровавленному свертку, лежащему у стены, и ткнул в него лицом.

— Это что?! Что это — я спрашиваю?!!

— Т-труп,— выговорил тот, кривясь от боли.

— Почему он здесь?!

— Хотел привязать к своей колеснице... чтобы эти...

— Недоумок! — Буллфер выпустил демона, выпрямился и желчно рассмеялся: — Вы хотели привязать труп элланки к колеснице, чтобы поглумиться над людьми... Тупицы!! — Он пнул возничего.— Да они будут драться в сто раз отчаяннее, когда увидят ее мертвое тело! Это вызовет не страх, а ненависть.

Хозяин вернулся к столу, перешагнув через истекающего кровью Нокса.

— Чтобы порталы немедленно были активизированы. Готовьте войска... И уберите этот хлев!

Он развернулся и пошел к выходу. У самой двери оглянулся, поморщился с досадой, глянув на истекающего кровью лапифа, небрежно махнул рукой, и рана у того на торсе начала медленно затягиваться.

— Благодарю, господин...— произнес демон, с явным облегчением переводя дыхание.

— Если бы ты не был нужен мне, оставил бы подыхать,— бросил Буллфер через плечо и вышел.

Глава 23,
в которой мы идем на бой

Похолодало... Небо на востоке медленно светлело. Город вдали казался бесформенным куском мертвого камня.

Энджи подошел, когда я навешивал на себя тяжелые доспехи сариссофора. В руках он держал то же вооружение, что и у меня. Металлический панцирь, тяжелый шлем и длинное копье — сарис, которым следует останавливать вражескую конницу.

— Это тебе зачем?

— Я буду в первой шеренге, рядом с тобой.

Скептически окинув взглядом его стройную фигуру, я хотел сказать что-нибудь язвительное, но меня вдруг словно молнией шибануло. Я понял...

— Что это ты? — поинтересовался Энджи, разбирая вооружение.— Такой вид, будто ты шест проглотил.

— Слушай. Скажи мне вот что. В той битве. В прошлой Великой битве. Все ангелы погибли?

Он ничего не ответил, только выразительно приподнял брови, словно не понимая, почему я вспомнил об этом именно сейчас.

— Да. Все.— Новая догадка ужаснула меня еще сильней.— Но здесь они были людьми. Умерли как люди. А их души вернулись обратно в ангельский мир. В прежние тела. Если вдруг погибнешь ты, куда денется твоя душа? Ты что, исчезнешь совсем?!

Энджи поднял голову и улыбнулся:

— Гэл, ты имеешь неплохой шанс проверить это. Если я исчезну, тебя больше никто не будет раздражать дурацкими разговорами...

Я швырнул копье на землю и сгреб его за тунику на груди. Рявкнул злобно, глядя в смеющиеся светлые глаза:

— Даже в шутку не смей говорить так! Только попробуй сдохнуть. Найду на том свете, все крылья поотрываю!

Его светлость расхохотался, хлопнул меня по шлему и сказал примирительно:

— Ладно. Постараемся не рисковать.

Пришлось выпустить его.

— Да уж... Постараемся...

Когда из-за горизонта показался краешек солнца, мы стояли среди воинов и напряженно вглядывались в огромное поле, расстилающееся впереди. Едва наступит рассвет, Буллфер должен увидеть, как на равнине из пустоты появятся ровные ряды нашей армии.

От Энджи расходилась в стороны мощная волна ангельской силы и соединялась с двумя другими источниками света. Один находился на Тисовом холме, там был Рамир с конницей. Другой — на Скальном,

где выстроились орудия Зодчего. Гигантский белый треугольник накрыл всю человеческую армию.

Наверное, люди не понимали, почему им сейчас так спокойно. Почему они так уверены в своих силах. А я старался не думать, что мой друг перетягивает на себя судьбу и участь одного из ангелов.

— Почему так долго? — пробормотал я, переступая с ноги на ногу.

Стоящий рядом здоровый дядька с перебитым носом покровительственно взглянул на меня:

— Не боись. Умереть всегда успеешь.

— Они уже обнаружили нас? — Я посмотрел на Энджи, и тот утвердительно наклонил голову.

Мимо пронесся белый виверн, его клекот зазвенел у меня в ушах. Над полем поплыл долгий гул, вдали расплылась полоса зеленого тумана. Люди вокруг вытягивали шеи, глядя поверх щитов и пытаясь понять, что происходит. Я почувствовал, как меня начинает колотить от нетерпения.

— Приближаются.— Энджи крепче уперся ногами в землю и удобнее перехватил копье.

Земля задрожала. Послышался рокот. Из тумана выдвинулся передний ряд колесниц. Солнце засверкало на спицах их колес и высоких бортах. Сариссы дрогнули, когда увидели, кто в них впряжен.

Двухметровые силистийские гарпы казались гораздо больше из-за бугров и наростов, покрывающих серые тела. Шесть пар суставчатых ног несли их вперед со скоростью хорошей скаковой лошади. Две лапы, похожие на передние конечности богомола, были высоко подняты. Их цель — протыкать и удерживать добычу. А клешни, торчащие с обеих сторон от бронированной груди, замечательно справляются с задачей откусывать куски подходящего размера. На спине каждого гарпа топорщился шипастый гребень. Между глубоко посаженными глазками выдавался вперед внушительный клюв, отливающий сталью. Еще одно дополнительное оружие, предназначенное рвать мясо.

Воины с ужасом смотрели на приближающийся живой кошмар:

— Т-твою мать!

— Ахр-н-туй!!

— Кто там?! Кто?! Что видно?!

— Ща узнаете! — отозвался дядька рядом со мной.

— Дер-жать строй! — послышался рык Ориана, и его повторили все центурионы.

— Держа-а-ать! Стоя-а-ать!

Гарпы издавали мерзкие скрежещущие звуки, из-под их лап летели комья земли. Демоны торчали в повозках по двое: возница и копьеносец. Взгляд одного из последних, скользнув по ряду людей, остановился на мне. Я быстро собрал заклинание уничтожения, но Энджи вдруг гневно крикнул:

— Прекрати! Ты мне мешаешь!

— И что, мне теперь голыми руками их давить? — огрызнулся я, хотя сеть уничтожения послушно разорвал.

— Придется. Причем одному. Если пробьешь брешь в моей силе — люди побегут.

Колесницы стремительно приближались. Они покрыли примерно треть расстояния, когда сзади послышался вибрирующий высокий звук, и прямо в середину вражеского строя ударил белый шар. Потом еще один. И еще. Я увидел, как несколько гарпов перевернулось, а одну тварь разорвало в клочья.

С холма ударили орудия. Их убийственное пение сариссы приветствовали восторженными воплями.

— Получили, гады! — завопил парень с пикой, стоящий у меня за спиной.

— Они умирают... — пробормотал кто-то рядом.

Похоже, раньше люди не до конца верили в смертность темных существ, рабами которых были так долго.

Белые сферы, размером не больше дыни, падали отвесно и разлетались тонкими молниями. Грохот, визг подыхающих тварей и вопли демонов слились в один долгий звук. Следующий залп, и новые колесницы смялись, перевернулись... Обезумевшие от боли гарпы шарахались в стороны, таща их за собой и внося сумятицу в ряды наступающих.

В воздух взвилась туча стрел. Смертоносные для демонов наконечники ослепительно засверкали. Два отряда гимнетов, стоящих на холмах, легко выбивали низших. Я видел, как один из возничих перевалился через борт с пробитой грудью, другой схватился за живот, выпуская вожжи. Но часть уцелевших колесниц стремительно приближалась к нам.

Я снова почувствовал легкую дрожь, пробежавшую по шеренгам людей.

— Держа-ать стро-ой!! — закричал Энджи, и звук его сорванного голоса вдруг наполнился такой силой, что у меня волосы на затылке встали дыбом.

И человеческий страх исчез, растворился в волне ангельской силы.

— Стоя-а-ать!!

— Стоя-а-а-а-а-ать!

Гимнеты больше не стреляли, опасаясь попасть в своих...

Столкновение было жутким.

Одна из повозок рассекла косой, укрепленной на колесе, дядьку с перебитым носом. Я увидел совсем близко разинутый клюв гарпа, поднятые клешни, а над ними — оскаленную морду демона. В одной руке тот держал вожжи, в другой — кривой меч. Когда моя пика вошла в суставчатое тело твари, послышался хруст панциря, и на землю ливанула черная слизь. Гарп застрекотал, щелкая клешнями, но дотянуться до

меня не смог. Энджи поднял на свой сарис вопящего возницу и швырнул его под ноги. Мое копье разлетелось в щепки, когда следующий гарп ударил по нему клешней. Но в повозку вскочил один из солдат и воткнул меч в бок возницы. Тот развернулся, рыча от бешенства, получил новый удар в лицо и свалился на землю с раскроенной головой.

Монолитный строй воинов расступался перед колесницами. И те, хлынув в образовавшиеся бреши, увязли. Натыкаясь на пики, не могли ни подать назад, ни развернуться. Свирепая ярость, чем-то отдаленно напоминающая ангельское безумие, охватила людей. Похоже, они забыли, что смертны, и бросались на врагов, мстя за века мучений.

Атака колесниц выдохлась, хотя ряды сариссофоров значительно поредели. За криками умирающих людей и демонов, протяжным писком издыхающих гарпов и свистом орудий я не мог разобрать, что кричит мне Энджи. Но спустя мгновение понял сам. Земля мягко колыхнулась. По ушам ударил пронзительный визг. Впереди открылись два телепорта, и я своей шкурой ощутил их пульсацию.

На поле хлынули волны пехоты Ивхисала. А я вдруг понял, что мне не нужно открывать магическое окно, чтобы лицезреть происходящее в долине битвы. Каким-то внутренним зрением я и так видел все. Похоже, после Зеркал мой магический потенциал возрос.

Серая масса демонов перла вперед плотной фалангой, готовая задавить противника числом. В наших рядах произошло поспешное перестроение. Оставшиеся в живых сариссофоры меняли копья на мечи, плотнее смыкая ряды. Сзади подтягивались манипулы гастатов. Гимнеты снова подняли луки. Новые сверкающие жала понеслись по воздуху, вонзаясь в серые тела.

Орудия молчали, хотя сейчас, на мой взгляд, огневая поддержка не помешала бы. Демонов было слишком много. Лучники упорно выбивали их, но не могли уничтожить всю злобную, голодную орду.

Когда темные приблизились на расстояние десяти шагов, гастаты бросили дротики. Копья втыкались в косматые тела так же легко, как зубочистки в сыр, и враги валились, поливая землю черной кровью. Я видел недоумение на тупых мордах. Они чувствовали боль, но не могли поверить, что ее причиняют люди.

Энджи шагнул вперед, поднимая два меча и одновременно меняя облик. Серые твари в передних рядах попятились, когда на них бросилось существо, излучающее ослепительный белый свет. Но сзади уже напирали следующие.

Люди и демоны столкнулись. Два строя врезались друг в друга и перемешались.

Я привычно резал, колол, уклонялся от ударов, стараясь не упускать из виду Энджи. Посмотреть на него было приятно. Компаньон двигался легко и стремительно, не останавливаясь ни на секунду, и мертвые демоны валились ему под ноги, словно гнилые снопы.

Теперь я понимал, для чего он избавился от человеческого облика. Вот один из низших завалился на землю, когда удар белоснежного крыла снес ему половину черепа. Другой попытался зайти сзади и рухнул, зажимая распоротое горло. Неплохо. Один взмах — один труп.

Если бы серые твари, которых я когда-то считал родственниками, были чуть умнее — они бы старались держаться подальше от нас с ангелом. Но бестолковые лезли напролом, напарываясь на наши клинки. Наверное, сейчас над полем кружился не один десяток падальщиков-керов, желающих поживиться демонской мертвечиной.

Неподалеку от меня бился молодой парень. Взгляд его, горящий восторгом, периодически цеплял Энджи, и вид грозного сияющего существа, похоже, придавал легионеру сил. Этот парнишка упал с пробитой шеей первым. Перепрыгнув через него, я успел заметить, что в крови извивается длинная змея, а потом послышался непрерывный тонкий свист, и с неба на нас посыпались костяные стрелы, на лету превращающиеся в белых шипящих гадин. Они с легкостью пронзали щиты и впивались в людей.

Земля под ногами зашевелилась от тонких извивающихся тел.

— Лапифы! — заметался по полю человеческий вопль.

— Назад! Назад!

— Змеи!!

— Отступаем! — заглушил паническую волну голос Ориана.

Серые демоны, получив подмогу, бросились вперед яростнее. Лишь присутствие Энджи останавливало паническое бегство людей. Он держал солдат силой своей воли, не давая обезуметь от страха.

Я попытался определить, откуда бьют. Получалось, лапифы стоят почти у стен Рэйма, за фалангами пехоты. Тощие гиганты с блеклой, словно у белесых гадин, кожей и непомерно длинными руками и ногами были виртуознейшими стрелками. Они выстроились в шахматном порядке, в два ряда. Огромные луки, длиной со взрослого человека спокойно покрывали четыреста статий. Я видел, как развеваются длинные черные волосы лапифов и блестят желтые глаза.

В центре отряда возвышался Нокс. Его оружие украшал золотой орнамент в виде человеческих черепов с рубиновыми зубами. Время от времени демон поглядывал в магическое окно, висящее у плеча, и отдавал короткие приказы своим солдатам.

Я с интересом разглядывал посох, который висел у него за спиной. Тяжеленный костыль был увит изображением жирной змеи, а на обоих его концах укреплены лезвия в виде полумесяцев. Получалось, что палка эта длиной побольше двух метров... Но тут сверху шлепнулась одна из гадин. Скользнула вниз по шлему и вцепилась мне в скулу. Я на время забыл про Нокса. Полоснув мечом по врагу, оказавшемуся передо мной, отодрал от себя змею, и с огромным удовлетворением услышал, как ее костяное тело хрустнуло под пальцами. Человек на

моем месте уже давно валялся бы парализованным, а мне пришлось только залечить ранку и стереть кровь.

Энджи бросил на землю несколько клубков белого света, и живые стрелы, корчась, стали сгорать в нем. Но уничтожить всех ангел не мог.

Мы отходили, сдвигаясь под защиту орудий, снова начавших плеваться белым огнем. Но до лапифов ядра не долетали. И тогда вперед устремился легион Клавдия.

От его войска осталась всего полторы тысячи человек. Солдаты, отравленные демонической силой, не чувствовали боли. Змеи не жалили их, но стрелы поражали так же, как остальных людей. Они спустились с третьего холма. Не ввязываясь в свалку, обогнули поле с правого фланга и стали стремительно приближаться к лучникам.

Мне показалось, что я вижу лудия в одной из передних шеренг, когда из правого отряда демонов отделились примерно две сотни и бросились наперерез легиону.

Враги столкнулись, не доходя до змееносцев. Черные мечи проклятых солдат разили куда лучше оружия моих серых родственников. И им не была нужна ангельская поддержка.

Я видел, как рэймские пехотинцы прокладывают широкий коридор в рядах врагов, пробиваясь к лапифам, а за ними остаются одни трупы.

— Смертники... — послышался голос Ориана сквозь звон мечей, хриплые крики, брань и вопли умирающих.

Я глянул в сторону Энджи. По доспехам и крыльям ангела текла черная кровь. Мечи сверкали, словно две молнии. Раньше, пять тысяч лет назад, он бросился бы лечить раненых и утешать умирающих. Сейчас ему было не до этого. Разметав белой огненной волной ближайших демонов, он наскоро сотворил магическое окно.

Я увидел Клавдия совсем близко. Белое, будто обмороженное лицо наследника империи перекосило от ярости. На черных доспехах виднелись глубокие царапины. Он потерял шлем, из глубокого пореза над бровью текла кровь. Сверху на легионеров сыпались стрелы. Лапифы сосредоточили огонь только на них.

За четыре минуты от полутора тысяч воинов осталось меньше половины. Но эллидский легион подошел к змееносцам вплотную, и те вынуждены были вступить в рукопашную схватку. Демоны взялись за посохи, и, надо признать, орудовали они ими очень умело. Лезвия страшных костылей с легкостью разрубали людей пополам.

Упал, захлебываясь своей кровью, один человек, второй, десятый... Но все новые и новые безумцы с яростью бросались на гигантов. Словно озверевшие муравьи на жуков-секачей. Я видел, как белесые тела лапифов покрываются черными кровоточащими ранами. Ярость от многочисленных «укусов» ослепляла их.

Наконец один из лучников оступился, поскользнувшись в крови, опустил на мгновение посох, и Клавдий тут же вонзил меч в грудь

гиганта. Выдернул клинок из падающего тела, стряхнул извивающихся змей. Обернулся к своим солдатам, проорал что-то, и воины ответили ему яростными воплями...

Мне пришлось отвлечься от захватывающей бойни, отмахиваясь от очередных особо настырных пехотинцев Ивхисала. Ряды гастатов вокруг меня стремительно таяли. Похоже, совсем немного — и в бой придется вступать триариям.

Энджи уничтожил еще нескольких темных, снова оглянулся на «окно». Ему явно хотелось быть там. Но мой друг оставался на месте до тех пор, пока лудий не споткнулся и не пропустил удар.

Тогда ангел распахнул крылья и унесся вперед, предоставив мне сомнительное удовольствие сдерживать атаку демонов вместо себя.

Я прекрасно видел, что произошло дальше... Лапиф взмахнул посохом, чтобы разрубить пополам поверженного предателя, и за мгновение до того, как его собственная голова покатилась по земле, успел увидеть лишь взмах обжигающе-белых крыльев.

Клавдий попытался приподняться, но снова упал, и тогда из красного марева, затуманившего взгляд, выплыло лицо светловолосого юноши. Того самого, вернувшего потерянную рабыню. Только теперь у него за спиной были сияющие крылья, а в глазах вместо равнодушия — понимание и благодарность.

— Нокс убил Лоллу,— прошептал Клавдий.— Не успею отомстить.

— Я отомщу,— ответил тот.

И лудий опустил веки, поверив ему.

Командир змееносцев был в ярости. Хозяин только что пообещал содрать с него кожу, если эллидский легион немедленно не будет уничтожен.

Лапифы дрались, как бешеные, но, похоже, людьми двигало нечто большее, чем простая ненависть. Демоны, прежде считавшиеся неуязвимыми, гибли один за другим. Забирали с собой десятки людей, но все равно умирали. Нокс сам взялся за посох. Еще совсем немного — и он рассеял бы то, что осталось от воинов экс-лудия. Но на пути Высшего неожиданно возникло крылатое существо, излучающее ослепительный свет. Два коротких меча в его руках сыпали искрами, словно молнии.

— Какого Дявола?! — заорал лапиф, отступая под мощным натиском этих клинков.

— Что? Страшно? — сквозь зубы произнес светлый воин, и Нокс едва успел уклониться от стремительного выпада. Но не от белого крыла. Оно хлестнуло по глазам, змееносец взвыл от жгучей боли, наугад махнул посохом, услышал тихий смех, а затем почувствовал, как его пронзает ледяной меч...

В воздухе повисла желтая пыль, поднятая тысячами ног. Она закрывала обзор, хотя у меня больше и не было времени смотреть по сторонам.

Казалось, демоны бесконечны. Я давно сбился со счета, скольких убил. Наша манипула почти растворилась. От прежних тысяч осталось не более трехсот. Если ангел сейчас не вернется, они побегут.

Сбоку мелькнуло знакомое лицо. Я узнал Критобула.

— Не зевай, гвардия! — крикнул преторианец, бодро махнув мечом, и я понял, что он только что спас меня, зарубив темного, оказавшегося за моей спиной.

Я не ответил, заметив в небе стремительно приближающийся белый силуэт. Не опускаясь на землю, Энджи завис в воздухе. Изумленные воины увидели, что он держит за волосы голову Высшего демона.

— Это Нокс! — крикнул ангел, поднимая трофей выше.— Их осталось всего трое!

Ответом ему был дружный восторженный рев.

Глава 24
ЧЕРНАЯ КОЛЕСНИЦА

Восемьсот конных стояли на вершине холма, укрытые в большой роще. Прислушивались к грохоту боя и уже сами были готовы грызть от нетерпения удила.

Однако Лонг, неподвижно застывший на самом краю обрыва, словно памятник самому себе, не спешил отдавать приказ. Скрестив на груди руки, он обозревал поле битвы. Перед консулом был разложен небольшой походный столик, где помещались бумаги для записи, кувшин с вином, чаша с водой и блюдо с легкой закуской. «В общем, все для успешного руководства сражением»,— со злостью подумал Атэр, глянув в его сторону.

Возле Корнелия нетерпеливо переминался с ноги на ногу один из военных трибунов, но не решался отвлечь командующего от размышлений.

Неподалеку, у корней высокой березы, устроилась виверна в бледно-зеленом хитоне. Она внимательно наблюдала за тем, что происходит у подножия.

— Почему он не дает команду наступать?! — Эллан снова оглянулся на Корнелия, который теперь сосредоточенно писал что-то в свитке, поданном помощником.

— Не время,— отозвался Рамир. Он сидел у ног гнедого коня, а тот, громко фыркая, пытался вытащить из-за пояса иллинейца кусок хлеба.

— И когда же настанет «время»?! — нетерпеливо спросил Атэр.

Ответом ему было молчание.

— Отбили атаку колесниц! — услышали люди звонкий крик виверны, взявшей на себя обязанности гонца, и короткое оживление снова сменилось напряженным ожиданием. Атэр сжал амулет, висящий поверх лорики, так, что его края впились в пальцы.

— Думаешь, тебе никого не достанется? — поинтересовался у него Рамир.

— Ничего не думаю.

С поля боя долетел долгий вибрирующий звук.

— Открыли второй телепорт,— сказал один из всадников, стоявший рядом.

Эллан спрыгнул с лошади и сунул поводья иллинейцу:

— Пойду, поинтересуюсь — долго нам еще тут торчать!

Консул ополаскивал руки в глубокой чаше. Раздраженно мотнув головой на предостерегающий жест военного трибуна, Атэр подошел вплотную.

— Не пора ли выпустить конницу? — спросил он, стараясь говорить вежливо, чтобы не сорваться на крик.

— Не пора.— Лонг взял полотенце.— Мы дождемся, когда демоны прочно увязнут в центре, и ударим им в бок.

— Эта стратегия может не сработать,— нахмурился юноша.— Не стоит забывать, что это не ополчение крестьян и не веками изученные человеческие войска соседнего Хозяина. Они — демоны.

— Мы будем воевать так, как воевали всегда.— Корнелий небрежно бросил ткань на стол.— Не спорю, Зодчий мудр, а остальные безрассудно храбры. Но реально руковожу войсками я. Кавалерия будет оставаться на месте до тех пор, пока я посчитаю нужным. Хозяин не появился? — спросил он виверну.

Та отрицательно мотнула головой.

— Жаль, что мы лишились Арэлл,— произнес Лонг, глядя в карту.— Ее план был хорош. Но теперь, когда у нас есть вестник, нужда в прежней стратегии отпадает. Кроме того, темный не знает, что к нам присоединились крылатые рептилии. Когда он выведет нелунгов...

Атэр резко развернулся и пошел прочь. Плюхнулся на землю рядом с Рамиром. Буркнул сквозь зубы:

— Ждем дальше.

Иллинеец молча кивнул. Похоже, его не тревожило ожидание.

Виверна, сидевшая у дерева, вдруг вскочила, пристально вглядываясь в происходящее на поле.

— Ангел убил Нокса?..— произнесла она тихо, а потом закричала пронзительно: — Ангел убил Нокса!!!

Ее восторженный крик подхватили всадники. И когда ликование утихло, над поляной тут же раздался крик Корнелия:

— По коням!

Эллан мгновенно взлетел в седло.

— Лонг что, тоже собрался драться?! — стараясь перекричать шум, обратился он к Рамиру, увидев, что к консулу подвели белого жеребца.

— Думаешь, оставит всех демонов тебе? — ответил иллинеец с усмешкой.

Корнелий подъехал к строю. Меч в его руке сверкнул.

— Вперед! — крикнул он.— За Рэйм!

Атэр стиснул зубы. Он не хотел идти в атаку за ненавистный город.

— За Арэлл,— сказал он тихо.

Конница хлынула вниз с холма, вылетела на открытое пространство и врезалась в правый фланг.

— За Марка! — закричал Атэр, на полном скаку рассекая первого низшего. Кипящая ненависть хлестнула через край. Испытывая свирепую радость от убийств, он все глубже погружался в кипящую вокруг злобную серую орду.

— За Аристида,— бормотал эллан, полосуя мечом по мордам демонов, с двух сторон бросившихся к его жеребцу.

Но чтобы отомстить за элланку — всех этих тварей не могло хватить...

Орудия били одно за другим. Зодчий чувствовал, как дрожит земля. Каменные шары, вылетая из узких жерл, отвесно падали на поле, и казалось, внизу вспыхивают десятки солнечных бликов, а их острые лучи рассекают серые тела.

— Сфера огня... Похоже на сферу огня... барельеф... — услышал архитектор тихое бормотание Октавия, подтаскивающего снаряды к машине.

— Ты там по сторонам не глазей! — прикрикнул на него здоровенный механик по кличке Крон.— Шевелись быстрее!

— Да-да,— поспешно отозвался жрец, торопливо отворачиваясь от поля боя.— Уже... спешу.

— Третье орудие сместить на полградуса,— сказал Зодчий.

— Главк! Сестерий! — заорал Крон, перекрывая громовым голосом грохотание орудий.— Дуло выровняйте! Окосели оба?! Куда стреляете?!

Среди людей, суетящихся у катапульт, мелькнул силуэт в длинном плаще цвета серой рэймской земли. Как всегда, Дух срединного мира оставался невидим для всех, кроме Зодчего. И, как всегда, лицо его закрывал низкий капюшон.

— Он попытается зайти с тыла,— послышался над ухом архитектора знакомый голос.— Захочет ударить прямо сюда. Я помогу тебе сдержать его. Но ненадолго. Мои силы на исходе.

— Первую десятку орудий развернуть! — приказал Зодчий.— Быстро!

— Но нелунги... — попытался возразить Октавий, вытирая грязный лоб.

— С нелунгами справится конница. А у нас скоро будут гости. Поворот на сто восемьдесят градусов.

— Первая десятка! Вращай! Сто восемьдесят! — заорал Крон.— Живей! Живей!

Люди налегли на опорные оси. Скрипя колесами, машины медленно повернулись.

— Заряжай!

Боковым зрением Зодчий увидел на валуне высокую фигуру. Серый плащ развевался.

Под землей послышался отдаленный рокот. Механики, продолжая разворачивать и заряжать орудия, тревожно поглядывали по сторонам. А спустя несколько мгновений прямо у подножия Скального холма открылся телепорт, из которого хлынули гоплиты Голта.

Дух срединного мира медленно поднял руку. Повинуясь ему, камни под ногами нападающих пошли мелкими волнами, превращаясь в зыбучие пески, и потянули пехотинцев вниз.

— Хотели получить мою землю?! — услышал архитектор крик погружающего в раскаленную почву все новых и новых темных.— Подавитесь ею!!

— Огонь! — скомандовал Зодчий, и рой белых шаров устремился на демонов...

Виверны мчались к Рэйму.

Гратх удобнее устроил на сгибе локтя скорострел, который Вьюлап принесла ему перед самым боем.

— Ты метко бьешь? — спросила она, хмуря брови. Мощное оружие казалось слишком тяжелым для ее тонких рук.

— Смотря по кому,— мрачно ответил преторианец.

Стрелять его учил Тиберий. Воспоминание о брате было запретом, который Гай наложил на себя сам. Он не мог думать о том, что тот мертв... так же, как и Арэлл.

— Раньше мы хранили оружие разных эпох,— произнесла Вьюлап с легкой грустью.— Собирали его с такой же страстью, как махары копят драгоценности. Но потом разучились обращаться с ним и потеряли интерес. Многое пропало. Многое пришло в негодность. Многое просто рассыпалось от времени. Это — одно из того, что осталось. Возьми.— Она отдала скорострел преторианцу.— Мы сделали для тебя болты с наконечниками из магического камня. Они гораздо мощнее обычных стрел. Но их немного. Поэтому стреляй точно.

Гратх кивнул, с невольным восхищением рассматривая древнее оружие. Оно было похоже на маленький лук, прикрепленный плашмя на прямоугольное деревянное основание. Для коротких болтов был прорезан паз. Требовалось лишь легкое прикосновение к спусковому рычагу, чтобы стрела сорвалась с тетивы...

Сейчас, крепко обхватив ложе скорострела, Гай смотрел вниз, выбирая цель. Пышущая пламенем широкая дыра в земле выплевывала демонских всадников. Хищные лошади скалились, а их седоки выхватили тэмы, отсвечивающие багровым. Черно-красная лавина нелунгов неслась вперед, по земле, усеянной трупами, вопя от яростного азарта.

Поле было похоже на изодранное одеяло. Красный полумесяц нелунгов быстро приближался к его правому краю, где бурлил коричневый эллипс конницы Лонга, теснившей пеших демонов. Светлые квадраты человеческих манипул медленно отходили к холмам. Израсходовав все стрелы, гимнеты взялись за балтусы. Сариссофоры были перебиты. От гастатов осталась треть, и вперед выдвинулись триарии — самые опытные воины. В центре, в самой гуще грязно-серого демонического котла сверкал белый огонь. Там сражался ангел.

Виверны упали сверху, когда нелунги опрокинули передние ряды кавалерии. Выпустив когти, разноцветные крылатые создания хватали вражеских всадников, поднимали вместе с лошадьми и швыряли на землю. Или, играя, перебрасывали друг другу, разрывая на куски.

Но они тоже умирали.

Гай видел, как зеленому виверну вцепилась в горло хищная демонская тварь. Гратх выстрелил в темного и убил еще до того, как Вьюлап подлетела ближе, спеша на помощь. Однако ее крылатый сородич больше не смог взлететь.

Еще одно яркое создание рухнуло вниз, когда, на подлете к земле брошенный нелунгом тэм перебил ему крыло. Обоих драконов, сверху похожих на переливающиеся лоскутки изумрудной и алой парчи, тут же накрыла мутная серо-красная орда и, как трясина, смачно чавкнув, поглотила.

— Вьюлап, ниже! — крикнул Гай.

Виверна сложила крылья, устремляясь к земле. Гратх прицелился. Толстый болт сорвался со скорострела и воткнулся в грудь нелунгу-коню, откусившему голову человеку. Гай снова зарядил оружие и, прежде чем Вьюлап взмыла вверх, убил еще одного.

Когда они развернулись и вновь стали пикировать, Гратх увидел демона, одним взмахом секиры убившего сразу троих всадников. На нелунга бросился синий виверн, но тот ловко отпрыгнул в сторону, встал на дыбы и перерубил дракону шею.

— Стреляй! — закричала Вьюлап, поворачивая к Гаю голову.— Убей его! Это Елг!

Преторианец тщательно прицелился и плавно нажал на спусковой рычаг. Высший резко повернулся, словно предчувствуя нападение. Но не успел. Болт вошел под его ключицу. Выронив тэм, нелунг схватился за наконечник, торчащий из тела, но не смог вырвать. Черный виверн, пронесшийся мимо, выдернул Елга из седла и перекусил пополам.

Вьюлап издала долгий победный клекот и заложила крутой вираж. В полете Гай неожиданно увидел Атэра. Тот отсалютовал преторианцу мечом и тут же вонзил его в шею хищной кобылы, а потом швырнул клубок огня в нелунга, замахнувшегося на Рамира.

Больше половины темных всадников было перебито.

Буллфер наблюдал за боем со стороны.

Он сидел в кресле перед рядом магических зеркал — рыжее лицо непроницаемо, руки на подлокотниках — и эта расслабленная поза могла обмануть кого угодно, только не Эмила.

Колдун, расположившийся на ковре у ног покровителя, видел,— Хозяин взбешен. Высший не ожидал, что мятежники окажутся настолько сильны. Никто не ожидал. Кроме вукодлака.

Колесницы Силгара разнесли в щепки. Полудохлые гарпы ползали по земле, слепо тычась клешнями в изрытую землю. Сам возница был прибит копьем к передку своей боевой повозки. «Какая ирония,— думал колдун, глядя, как черная кровь катится по синим волосам мертвого демона.— А ведь это место он готовил для Арэлл».

— Трудно сражаться, если сама земля, на которой бьешься, не держит тебя... — сказал полукровка, переведя взгляд в «окно», где славные воины Голта вязли в песке, а им на головы сыпались раскаленные ядра.— Жалкое зрелище.

— Ты как будто рад этому,— процедил Буллфер сквозь зубы.

Вукодлак протяжно зевнул:

— Нет. Просто жду, когда тебе надоест отправлять слуг на убой. Может, пора вмешаться?

— Три ничтожных ангела против демонских легионов.— Правитель как будто не слышал вопроса, пристально глядя в соседний магический экран, где человеческая конница кромсала его солдат.— Двое из них в человеческих телах. Старик и мальчишка.

— Ничтожными их не назовешь,— отозвался Эмил. Как раз именно сейчас «мальчишка», светловолосый иллинеец, свесившись с седла, рассек одного из низших от ключицы до бедра.— Особенно последнего. Настоящего.

— У тебя была великолепная возможность убить его. И мне сложно понять, почему ты не сделал этого.— Буллфер переместил «окно», ста-

раясь разглядеть в гуще сражения белый крылатый силуэт. Но не увидел его. Энджи был неуловим для демонского взгляда.

— Он помог мне добраться до Хаоса и встретиться с тобой.— Колдун равнодушно пожал плечами, заметил тихое бешенство, начинающее проступать на физиономии господина, и поспешил добавить: — Не волнуйся. Его силы заканчиваются. Он разрушает себя, чтобы колдовать. Еще немного, и...

— Еще немного, и у меня не останется воинов! — рыкнул Высший.

— Я помогу тебе.— Эмил поднял голову, глядя на Хозяина снизу вверх.— Только скажи когда.

Буллфер наклонился к третьему экрану. На нем вилась в воздухе стая разноцветных крылатых созданий.

— Виверны... — бесстрастно прокомментировал Хозяин.— Я должен был догадаться...

Он еще раз глянул в магическое «окно» и задумчиво постучал когтями по подлокотнику:

— Ты прав. Пора вмешаться...

Воздух был тяжелым от пыли, и она медленно оседала на трупы людей и демонов. Черная колесница Буллфера неторопливо катилась по полю, и змеи — живые стрелы уничтоженных лапифов — поспешно уползали из-под ее колес. Держа поводья, Хозяин осматривался. Запряженные в повозку хагры[1] хищно скалились и шумно принюхивались к запаху крови. Когда колеса наезжали на мертвецов, квадригу слегка встряхивало. Среди груды тел демон увидел обезглавленного Нокса и равнодушно скользнул по нему взглядом.

От Эмила, скорчившегося сзади, все сильнее тянуло разрушительной магией Хаоса. Полукровка собирал силы.

— Долго мне ждать еще? — спросил Буллфер, не оборачиваясь.

— Минуту...— прохрипел колдун.

«Арэлл я убил легко,— подумал Высший.— Она пришла одна. Она была слишком открыта, потому что ослаблена чувством вины и любви.— Он усмехнулся и хлестнул лошадей, затеявших грызню из-за человеческого трупа.— Но остальные пока недоступны...»

— Все,— выдохнул Эмил.

Он стоял, привалившись к высокому борту, и трясся от разрушительной хаотической мощи. Сквозь телесную оболочку полукровки рвалось красное пламя. Казалось, еще немного, и оно выплеснется наружу. И хотя тело вукодлака по-прежнему было в Зеркалах времени — в колеснице теперь находился мощнейший сгусток энергии.

[1] Хагры — плотоядные кони.

— Начнем с орудий,— сказал Буллфер, которого уже давно раздражали белые ядра.

Повозка скользнула в крутящуюся воронку телепорта и вынырнула у высокого обрывистого холма. Земля впереди оказалась взрыта, залита черной кровью, завалена осколками снарядов и фрагментами демонских тел. Отряд Голта полег тут целиком. Если бы удалось провести солдат ближе, все было бы иначе, но проклятые ангелы создали непреодолимые помехи.

Вершина холма ярко светилась. Прищурившись, Хозяин разглядел множество человеческих фигурок, суетящихся вокруг массивных сооружений. Часть их все еще была развернута в сторону от поля боя.

Колесницу заметили. Пара орудий полыхнули белым огнем. Песок под ногами мягко колыхнулся, щеку Буллфера обдало огнем. Но ядра не долетели.

— Давай,— приказал он Эмилу.

Полукровка шагнул вперед. Вырвавшись из его груди, вверх по холму понеслась огненная сфера. Она растекалась широкой волной, в которой трескалась земля и таяли камни.

Хозяин стоял, намотав вожжи на кулак, и смотрел, как разрушительная энергия Хаоса пожирает кусок земного пространства. Хорошо, что Эмил мог удержать лишь крохотную его часть, иначе вал поглотил бы и Рэйм и все прилегающие территории.

Когда волна добралась до вершины, орудия рассыпались, словно сделанные из песка, а вместе с ними люди... Спустя еще несколько минут от Скалистого осталась лишь груда дымящихся камней.

— Больше ядра не помешают! — триумфально прохрипел вукодлак, и его звериная морда исказилась от усталости и мрачного торжества.— Теперь надо убить третьего. Настоящего.

Глава 25,
на которой все заканчивается

Наша когорта... то, что осталось от нашей когорты, продолжала держаться. Мне все время приходило на ум дурацкое сравнение с островом, вокруг которого кипит прибой. «Волны» приносили с собой оскаленных пехотинцев Ивхисала, которых я с особым удовольствием кромсал на куски. Нелунгов, явно отбившихся от основного стада. А также прочую крупную и мелкую дрянь.

Рядом с нами с яростным отчаянием бились триарии. Я слышал бодрое хэканье Кристобула, периодически громогласно взывающего к умершему брату. Сбоку, за спиной раздавалось тяжелое человеческое

дыхание. Как люди не уставали драться наравне со мной и ангелом — оставалось загадкой.

— Отходим! — крикнул Ориан.— Пробиваемся к коннице.

Мой друг услышал и стал смещаться влево. За нами, как за основной ударной силой, отступали остальные. Смешанный с пылью запах человеческой и демонской крови обдирал мне глотку. Перед глазами мелькали одни и те же оскаленные хари, косматые приземистые тела. Они падали под ударами моего меча, но на их месте тут же возникали новые. Казалось, этому не будет конца — видно, Хранитель Зеркал что-то напутал со временем, и теперь мы навечно застряли на этом поле в окружении озверевшей толпы.

Рядом со мной упал молодой воин с рассеченной грудью. Другой споткнулся о его тело и сам напоролся бы на меч врага, если б я не успел убить того раньше.

— В сторону! — крикнул вдруг Энджи. Ангел прыгнул вперед и взлетел на метр. Его широко распахнутые крылья отшвырнули Ориана и нескольких воинов, дравшихся рядом с элланским стратегом. На то место, где они только что стояли, рухнул мертвый виверн, придавив десятка полтора демонов.

Упавшие ратники поспешно вскакивали. Лица у них были слегка очумелые. Видно, с ангельских крыльев пролилось слишком много светлой благодати, потому что они снова схватились за мечи и с удвоенной силой бросились в бой.

А я вдруг почувствовал, как по земле потянуло холодом. Разом исчезли все запахи. Ледяной воздух обжег ноздри. Чуя неладное, я оглянулся и заметил вдали странную колесницу, окруженную зыбким черным маревом. Она медленно направлялась в нашу сторону.

Прошло несколько мгновений, прежде чем до меня дошло, что на ней в полный рост стоит сам новый Хозяин Срединных земель. Его Могущество Буллфер. За спиной Высшего с неожиданным приступом жгучей ненависти я разглядел Эмила. Колдун неторопливо осматривался, явно кого-то ища...

На минуту пришлось потерять их из виду, разбираясь с очередным демоном, а когда тот свалился мертвым, я, оглянувшись, в нескольких метрах от себя увидел Энджи. Ангел спокойно, методично прорежал серую злобную серую толпу.

И вдруг остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Я бросился к нему, заклинанием отшвырнув врагов, готовых разорвать защитника, опустившего мечи. Но добежать не успел. Энджи пошатнулся и стал медленно падать. На груди его темнела глубокая рана.

Подбежав, я приподнял друга, и мне на руки хлынула ярко-алая кровь.

— Ничего, приятель,— пробормотал я, рассматривая ранение.— Это не смертельно.

Ангел хотел что-то ответить, но не смог. Лишь вцепился в мое запястье мокрой от крови рукой.

Я думал, люди бросятся бежать, увидев своего светлого героя поверженным. Но они лишь плотнее сдвинулись, не позволяя демонам подойти к нам. Критобул громогласно вопрошал, кому им с Аристидом надо снести башку, Ориан хрипло отдавал приказы сомкнуть ряд и держаться. Колесница с Буллфером исчезла.

Наверху послышался шум огромных крыльев. На поле рядом с нами упала белая виверна. С ее спины спрыгнул Гай.

— Я видел сверху.— Он подбежал к нам, наклонился над раненым, и лицо преторианца окаменело.

— Унеси его отсюда! — Я швырнул заклинание, помогая Вьюлап разгонять атакующих темных.— В обоз. Там есть...

— Ничего там больше нет,— резко отозвался он, выпуская стрелу из арбалета в демона, опрокинувшего на спину кого-то из триариев.— Обоз уничтожен. Орудия разбиты...

— Что с Зодчим? — спросил я, мельком оглянувшись по сторонам и с удовлетворением отметив, как лихо Вьюлап расправляется с врагами. Все они, видно не слишком проворные, оказывались у нее в пасти или на острие длинного хвоста. Люди, тоже заметив это, старались держаться ближе к крылатому существу.

— Те, кто был на холме, мертвы.

— Что Рамир? — Я оглянулся, услышав за спиной странный звук, но оказалось, это Ориан насаживает на свой меч очередного противника.

— Жив. Конница отбивает атаку нелунгов.

— Атэр?

— Тоже.— Гай выстрелил еще раз поверх крыла виверны.

— Унеси его куда угодно,— велел я, заметив, как стремительно тускнеют крылья Энджи,— только подальше.

— Гэл.— Ангел снова вцепился в мою руку.— Пожалуйста... не оставляй... они должны видеть...

— Ладно. Знаю,— отозвался я, помогая Гратху усадить его на спину дракона.

Дождался, когда они поднимутся в воздух и, с превеликим отвращением, поменял облик.

Образ, созданный мной, был не столь сиятелен, как у настоящего ангела. И крылья оказались темноваты. Но сейчас не до соблюдения эстетических тонкостей. Главное — люди видели, что впереди них снова

сражается светлый защитник. И им не было дела до того, что с его белых крыльев течет черная кровь.

Вьюлап быстро летела вперед. Я прекрасно видел ее серебристое тело внутренним взором, который неожиданно открылся у меня в этой битве. Внизу, под виверной, мелькало красно-черное, бурлящее месиво. Люди, демоны... И последних было гораздо больше. От ровных квадратов человеческих войск остались лишь разорванные клочки. Отступать им было некуда.

Судя по виду Гратха, он не чувствовал ни горечи, ни ужаса от того, что видит. И я прекрасно понимал его. Преторианцу наконец-то открылось то, что я должен был предположить еще до начала битвы. Нельзя ждать победы. Безрассудное решение горстки безумцев сразиться со слугами Хозяина — пустая затея. Быть может, когда-то, в глубоком прошлом, когда ход истории еще не нарушил проклятый колдун,— у смертных был шанс. Но не теперь. Единственным козырем людей были орудия Зодчего, но Эмил уничтожил их. Мои темные предки оказались чудовищно сильны. Каждый из них стоил десятка-другого людей. А такие, как лапифы, и целой сотни... Я мог бы испытать чувство гордости. Но его почему-то не было...

Энджи, сидящий впереди, едва дышал. Его крылья потускнели еще сильнее, голова клонилась на грудь. С земли сверкнула черная молния. Виверну швырнуло в сторону, правое крыло заломилось. На мгновение мне показалось, будто я мысленно ослеп, а когда «зрение» вернулось, Вьюлап, издав долгий протяжный стон, стремительно падала вниз.

— Держись! — крикнул преторианец.

Ангел склонился к шее виверны, его крылья распахнулись, хотя теперь не могли удержать в воздухе даже его самого.

На правой половине поля все еще кипела схватка между конницей Лонга и нелунгами. Вьюлап рухнула прямо в гущу сражения, разметав демонов Елга и людей. Спрыгнув с ее спины, Гратх едва успел выхватить спату, чтобы отбить удар тэма. Энджи швырнул в темного комком белого света, и нелунг вместе с лошадью распластался в пыли. Ангел, похоже, потратил последние силы и тоже осел на землю.

Через поверженного нелунга перепрыгнул серый жеребец. С него соскочил Атэр. Лицо эллана казалось совершенно безумным, с ладоней сыпали искры, меч был залит черной кровью.

— Что происходит? Мы ни черта здесь не видим! Кто побеждает? Что с Энджи?

— Битва почти проиграна. Хозяин убил Зодчего. Вестник тяжело ранен,— сказал Гай.

Атэр издал звук, напоминающий рычание, и я мог поклясться, что его сузившиеся глаза на мгновение полыхнули красным огнем. Но ответить эллан не успел — рядом оказался очередной всадник.

Атэр едва успел поднять руку, а демоническую лошадь уже полоснул по морде широкий меч. Эллан обернулся и столкнулся с Критобулом — физиономия атлета покраснела от напряжения, по лбу тек пот, смешиваясь с полосами крови на щеке. На доспехах виднелись вмятины.

— Жив! — крикнул преторианец, узнав товарища.— Мы с Аристидом к вам еле пробились.

— Привет Аристиду,— отозвался Атэр с усмешкой, ударом черного клубка силы размозжив сразу двух темных. Но врагов было слишком много. Уцелевшие нелунги, пехота. Все смешалось, и, похоже, эллан уже сам не понимал, кого убивает в следующее мгновение.

«Вот так и становятся демонами»,— мельком подумал я, глядя на него.

Конь Рамира рухнул на передние ноги, когда хищная лошадь вцепилась ему в бок. Иллинеец успел спрыгнуть, вонзил меч в шею клыкастой кобыле, и Атэр, оказавшись рядом, добил всадника.

И в ту же секунду они увидели... меня.

Ангельский образ, который я нацепил, выглядел страшно.

— Все! На правом фланге никого не осталось.

Они никак не отреагировали на мой крик, продолжая размеренно махать мечами...

Последний отряд людей был окружен со всех сторон. Крошечный островок, вокруг которого кипели валы темных.

Ориан оступился, но, падая, увлек за собой демона, пытавшегося вцепиться ему в горло. Вонзил меч ему в бок по самую рукоять. Спихнул с себя мертвую тварь, вскочил и успел оттолкнуть Атэра, на которого несся нелунг. Эллан швырнул пламенем, но промазал, и стратег принял на себя удар листовидного клинка. Отлетел в сторону, упал и больше не смог подняться.

— Не надо мне помогать! — заорал Атэр, убивая всадника.— Не помогайте мне!

На земле билась белая виверна. Рядом с ней стоял Гай, не позволяя демонам подойти к Вьюлап ближе длины его спаты. Он расстрелял все болты и бесполезный самострел валялся на земле.

Корнелий Лонг сражался пешим. Его лицо, залитое кровью, было спокойным и отрешенным. Меч Критобула сломался, и атлет вытащил кинжал. Крылья Энджи погасли, лицо застыло, и только жилка, бьющаяся на виске, показывала, что он еще жив. Вокруг тела Рамира начал светиться белый контур, и брызги крови демонов, не могли затемнить его...

Неподалеку развернулась воронка телепорта. Низшие, которых она задела, бросились в стороны. Из магических врат появилась колесница. На ней в полный рост стоял Хозяин. Некоторое время он наблюдал, как сражаются и умирают люди. Потом взгляд его, скользнув по отряду оставшихся в живых мятежников, остановился на иллинейце. Демон удобнее перехватил копье из густого смолистого дыма, неторопливо поднял его...

Черная молния пробила Рамира насквозь, отшвырнула в сторону на несколько шагов. Земля под ним мягко колыхнулась, и рядом возникла высокая худощавая фигура в сером плаще.

— Почему ты не предупредил нас? — беззвучно прошептал иллинеец.— Почему ты не предупредил, что они настолько сильны... Что все бессмысленно... ты отправил нас на смерть.

Капюшон, надвинутый на лицо, склонился над ним, и Дух прошелестел:

— Я хотел, чтобы хоть кто-то вмешался... все равно — кто. Мне было слишком больно, чтобы думать о вашей участи. Иной силы, способной противостоять демонам, не было. Я гибну... и люди все равно погибнут вместе со мной. Раньше или позже...

Мне показалось, что шум боя погас. Атэр медленно повернулся, к Хозяину. Увидел рыжее хищное, высокомерное лицо, червленые доспехи, широкий рубиновый пояс. Почувствовал, как ненависть красным туманом заполняет голову, и рванулся вперед.

— Стой! — завопил я.

Но эллан уже запрыгнул в повозку, занося меч. Буллфер стремительно обернулся, зажег в пальцах клубок пламени и вогнал его в грудь нашего с ангелом ученика...

В этот же миг истекающий кровью Рамир опустил ладони на землю. Из-под его рук хлынула белая волна, расходясь кругами звенящей воронки. Иллинеец упал на камни и больше не двигался, а от его тела во все стороны лился свет, в котором растворялись серые, корчащиеся от боли тела демонов...

ЭПИЛОГ

Я не понял, что произошло.

Только что Атэр запрыгнул в колесницу, потом меня ослепила белая вспышка. И я тут же оказался в темноте.

— Эй, есть тут кто-нибудь?! — Попробовав пошевелиться, я ощутил под ногами твердую поверхность.

— Не двигайся,— прозвучал рядом голос Энджи, и вокруг сразу как будто зажегся свет.

Я увидел, что стою на крошечном куске земли, поросшем зеленой травой. Здесь помещалась пара оливковых деревьев, лужа воды и обломок белого камня, на котором сидел ангел. А вокруг, за пределами этого островка, разливалась чернота.

Вглядевшись в нее, я увидел еще один такой фрагмент почвы, чуть меньше. На нем цвели маки. А дальше еще один — размером со стол.

— Где это мы?

— В моем мире,— отозвался Энджи.

— Почему тут так странно?

— Я разрушал свой мир, чтобы колдовать, и его почти не осталось.

Я повернулся к ангелу, собираясь выразить недоумение по поводу столь глупейшего обращения с собственностью. Но вдруг сообразил — кое-что удивило меня сильнее!

— Слушай, Энджи. Ты больше не выглядишь умирающим.

— Меткое замечание,— криво усмехнулся он.

Я сделал шаг и сел рядом с ним.

— Что произошло? Как мы тут оказались?

— Я перенес тебя сюда.— Компаньон посмотрел на меня, и на его покрытом грязью и кровью лице появилось странное выражение.— Гэл, ты знаешь, чем закончилась Великая битва в нашем с тобой времени?

— Пять тысяч лет назад? Ну... — Я почесал шею.— Это всем известно. Люди победили. Правда, уж не знаю как. Видно, без участия в битве проклятого полукровки их дела шли лучше. Потом как-то заключили мирный договор. Подозреваю, что им помогли светлые. Выбили для себя часть территории. И стали на ней хорошо жить.

Энджи грустно улыбнулся:

— Нет. Все было не так... Люди проиграли. Демоническому Хозяину, не Буллферу, а тому, кто был до него, точно так же удалось убить всех троих вестников. Души двух, Арэлл и Зодчего, вернулись домой. А последний, умирая, притянул одно к другому два пространства — соединил свой мир со срединным миром. Ангел гибнет по-настоящему, до конца, только тогда, когда его личная реальность оказывается полностью разрушена. Так вот, Рамир сделал это. Он уничтожил себя, чтобы гибель сотен людей не была бессмысленна. Чтобы хотя бы маленький кусочек земли стал свободен от темных. Территория, равная по размеру его внутреннему миру.

— Благодатный край...— прошептал я, потрясенный.— Вот почему демоны не могли попасть туда.

Энджи кивнул.

В моей голове, как обычно, началась круговерть, в которой я совершенно перестал соображать, что происходит на самом деле.

— Погоди. Но сейчас все по-другому. Битва закончилась или нет? Я видел, как умирает Рамир. Ты лежал на земле почти мертвый. Атэр бросился на Буллфера. Кто из них погиб?!

— Не знаю.— Энджи прислонился затылком к камню и закрыл глаза.

— Значит, надо узнать!

Несколько раздраженный его равнодушием, я открыл магическое зеркало, направил его на поле битвы и обомлел. Там не было ни трупов демонов, ни людей, ни вивернов, ни обломков колесниц. Ничего.

Высокая трава колыхалась под порывами ветра. Серебрился на солнце Лигис. Над высокими холмами кружил одинокий ястреб.

— Что за ерунда! — пробормотал я, лихорадочно дергая «окно». Рэйма тоже не было. На его месте рос ковыль.— Куда все делось? Не мог здоровенный каменный город взять и полностью исчезнуть! Никаких следов не осталось...

— Он не исчез,— отозвался Энджи.— Его просто нет.

— Что значит, нет?! А ну, договаривай!! — Я рванулся к улыбающемуся компаньону.

— Не построили,— произнес тот доверительно.— Нет ни Рэйма, ни Балтиса, ни Септониса, ни Нумидии, ни Гаэты. И демонов тоже нет. Неужели ты не понял? Мы в самом начале.

— Мы снова попали в прошлое! Он только что создал все это! — воскликнул я, хлопнув по колену ладонью.— Значит, Атэр погиб? Или Буллфер. Или они оба...

— Это уже неважно.— Энджи поднялся.— Теперь ты знаешь, зачем мы двигались в прошлое. Открой мне телепорт.

— Зачем? — озадаченно переспросил я.

— Если не вмешаться сейчас, они сбросят Лучезарного вместе со срединным миром вниз. В бездну. А нам придется снова идти за ним, но теперь из прошлого в будущее.

О том, кто такие «они», я не стал спрашивать. Это было понятно и так.

Как только Энджи исчез, я тут же направил «экран» следом.

Вверх, куда не мог попасть сам.

Мне снова открылся вид на белый зал, в котором метался рыжеволосый ангел с искаженным от отчаяния лицом и огненной сферой в руке — он был готов до последнего защищать созданный мир. Архитектор взирал на это печально и мудро. Фигура тетраима светилась.

— Остановись! — Архэл выхватила меч из ножен и направила острие клинка в грудь отчаявшегося бунтаря.— То, что ты защищаешь, не стоит этого.

— Не стоит чего? — произнес тот сквозь зубы, глядя ей в глаза.— Того, чтобы ты подняла на меня меч?

Сфера в его руке превратилась в длинный жезл с граненым камнем на вершине. Стены покачнулись, по полу побежали трещины. Эрнолтинаор поднялся...

И тут посреди зала вспыхнул белый обод телепорта. Воронка открылась с громким свистом — и из бушующего красного пламени на белые плиты ступил Энджи. Его волосы были обожжены, лицо покрыто копотью, тусклые доспехи покорежены. Шрам на располосованном кры-

ле кровоточил, суровое жесткое лицо казалось бесконечно усталым. Припадая на правую ногу, ангел медленно прошел мимо изумленного Эласеора, мельком взглянул на Архэл, и та, вздрогнув, опустила меч. Никогда она не видела такого опустошенного и вместе с тем сосредоточенного взгляда. Он нес в себе что-то страшное, чему она не знала названия.

Энджи подошел к Лучезарному, опустил руку с треснувшим наручем ему на плечо и сказал хриплым сорванным голосом:

— Ты защищаешь смерть.

Молодой Архитектор дрогнул, но не отстранился.

— То, что ты защищаешь сейчас — это смерть для всех нас,— повторил ангел.— Я устал сражаться. Я устал видеть, как умирают мои друзья. Если ты не остановишься сейчас — мир снова пойдет по этому порочному кругу. Посмотри в мои глаза и узнаешь свое будущее.

Несколько долгих мгновений Лучезарный смотрел на Энджи, а потом вдруг отшатнулся, выронил жезл, и тот жидким красным огнем расплескался по полу. Денница сел на скамью, опустил голову, запустил дрожащие пальцы в рыжие волосы. А Энджи повернулся к остальным, прошел к столу, на котором все еще мелькали яркие картины срединного мира.

— Его творение прекрасно. Мне пришлось прожить в нем пять тысяч человеческих лет. Если сейчас вы сбросите на Дно своих братьев — мы все будем погибать вместе с ними, мучительно и медленно. Моя память открыта. Смотрите.

И они смотрели...

Я видел, как с ужасом отвернулся Рафаэл, как Ева обеими руками зажала рот, чтобы не вскрикнуть, как Эрнол медленно отошел к окну, зацепив плечом за колонну. Сумрачная тень легла на лицо Эласеора, который должен был погибнуть... погиб так страшно, навсегда оставшись в чужом мире.

— Решайте,— сказал ангел.— Заслуживают ли ваши братья такого наказания?

Он отвернулся, прошел к телепорту и скрылся в нем.

Архэл шагнула к Лучезарному, но не решилась прикоснуться к нему. Отчаянно замотала головой:

— Нет!..

Мы с Энджи сидели на берегу реки в новеньком, только что созданном срединном мире. Смотрели на облака, отражающиеся в воде, и молчали. Слишком долго мы знали друг друга, так что уже научились обходиться без слов.

Если Денница позволит уничтожить эту землю — нам придется искать новый дом. Если продолжит защищать, как прежде, его снова бросят на Дно, и все начнется сначала. Что лучше — я уже и сам не знал.

Неожиданно справа засветилась золотистая дымка. Из нее появился ангел. Тот самый — Лучезарный. Он огляделся, заметил нас. Подошел. Остановился рядом, глядя сверху вниз.

— Это мир не будет уничтожен,— сказал он, обращаясь к Энджи.

— Я счастлив,— отозвался мой друг, и даже мне было непонятно, чего в его голосе больше — удовлетворения от хорошей новости или сарказма.

— Я немного изменю его,— продолжил Денница, глядя теперь на меня.— Усовершенствую.

Я тихо хмыкнул, в очередной раз искренне недоумевая, как этот ангел мог превратиться в моего Хозяина. В них не было ничего общего. Кроме рыжего цвета.

— Ему не хватает равновесия.

— Я не Архитектор,— сказал Энджи, срывая травинку и прикусывая ее конец.— Мне непонятны ваши принципы построения миров.

— Ты не Архитектор,— подтвердил Лучезарный.— Но и не воин. И не целитель.

— Что ты хочешь этим сказать? — вмешался я.— Мы что-то плохо понимаем твои намеки, а вообще...

— Равновесие,— перебил Энджи, посмотрев на меня исподлобья.— Помнишь, что говорил колдун? Мы стали выше нелепых предрассудков: ангелы — добро, демоны — зло. Ты узнал, что такое сострадание, привязанность, чувство долга, преданность и боль. Я узнал отчаяние, сожаление, предательство, ненависть, равнодушие.

— Ну и что? — резко спросил я. Любое воспоминание о полукровке вызывало у меня приступ бешенства.

— Свет и тьма,— улыбаясь, продолжил Энджи,— движение и покой, ярость и умиротворение. Мы с тобой настоящие Симплигаты. Хочешь стать богом, Гэл? Хозяином этой земли?

Я фыркнул насмешливо и промолчал. По-моему, ответ не требовался.

— Значит, вы согласны остаться здесь? — спросил Лучезарный.

Энджи пристально посмотрел на него, а потом требовательно протянул руку. Денница помедлил мгновение и вложил в ладонь ангела рубиновый жезл...

— Ну и что теперь? — спросил я, когда создатель срединного мира исчез.

— Ничего,— ответил компаньон, внимательно рассматривая легендарное орудие.— Не будет Буллфера. Никогда не родится полудемон Эмил. И «Белые щиты» тоже не появятся на свет. Гермия проживет долгую счастливую жизнь. Никогда не построят Рэйм. И мы не встретим Атэра.

— Да-а,— произнес я глубокомысленно, глядя на блеск Рубина, который принес столько неприятностей моему хозяину.— Слушай, Энджи, этот ритуал... ну тот, что ты провел над Буллфером. Ты его еще помнишь?

— Конечно.

— Тогда вот что.— Я сотворил из воздуха кусок пергамента и сунул свиток ангелу.— Давай, опиши его подробно. Со всеми этими «Путь приведет тебя к совершенству... Бесценная Награда ждет!» Ну и так далее.

Друг посмотрел на меня с веселым недоумением:

— Зачем тебе это надо?

— Отнесу на Дно. Оставлю в какой-нибудь из пещер. На всякий случай.

Энджи рассмеялся и склонил золотоволосую голову над пергаментом. Я смотрел, как он пишет, и думал о том, что если Лучезарному все же суждено перевоплотиться в демона и вернуться домой, там его будет ждать точная инструкция по достижению совершенства. А найти ангела, который поможет ему провести ритуал Миркары, и оборотня, который позаботится о его новом воплощении, будет не сложно.

Ведь мы всегда рядом.

Москва — Кито,
2005 — 2006

Авторы благодарят: Алексея Пехова — за то, что эта книга увидела свет, Инну Бычкову — без которой многое было бы написано совсем не так, Николая Турчанинова — за многолетнюю поддержку, Владимира Бондаря — за иллюстрации и творческое единомыслие; а также Анатолия Морозова, Владимира Маршавина, Андрея Ширяева, Петра Тюленева, Николая Пегасова, Александра Бычкова, Ольгу и Глеба Елисеевых, Дмитрия Володихина, Людмилу Кустову, Сергея Алексеева, Станислава Галкина и Анатолия Хлыстова — за помощь и добрые советы.

НАЧНИТЕ КНИГУ С НАЧАЛА

В свое время я очень не любил преподавателей, которые на экзаменах по литературе требовали от нас, студентов, знания первоисточника. Пусть ты и лекции усердно конспектировал, и учебник три раза прочитал, и на семинарах выступал больше всех, и часами способен беседовать по теме — все равно изволь отправляться в библиотеку. Прочитай толстенный том, а потом уже приходи на пересдачу. Но сейчас придется побыть таким цербером самому — уверен, что среди тысяч читателей этой книги найдется хотя бы сотня тех, кто заглянул сюда, в конец тома, раньше, чем в начало.

Напрасно они это сделали: из всех страниц книги эти — наименее ценные. Но прежде чем отправлять читателей к началу, немного расскажу, что ждет их в трилогии Елены Бычковой и Натальи Турчаниновой.

Первая книга «Рубин Карашэхра»— бодренькое и даже кое-где забавное фэнтези-приключение почти в духе «Рыжего демона» Шекли с Желязны. Это наживка, и вы ее наверняка проглотите: кому же не интересно узнать, что случится дальше?

Предупреждаю сразу — не узнаете. Буквально со второй части романа вы, вполне вероятно, начнете испытывать чувство недоумения. Почему все настолько резко изменилось?! Куда делась яростная динамика, приятно не свойственная «женской» прозе, прямой сюжет, а главное, герои первой части?! К чему все эти мистико-философские рассуждения? Откровенно говоря, при первом прочтении разобраться в этом не так просто. Но, поверьте, многое, очень многое из второй части первой книги понадобится нам в дальнейшем.

Авторам удалось соединить в этой доле текста дух Средневековой Европы и символику индийской философии агни-йоги — высшей ступени йоги. Уже проверено, эти страницы у многих читателей вызывают восторг и самоценны для них, однако некоторым — надо мужественно их преодолеть, постаравшись запомнить хотя бы имена персонажей.

В «Заложниках света» наконец-то поднимется занавес, и вы увидите основное место действия трилогии. Все, чего не хватало нам во второй половине «Рубина», вроде бы возвращается, но вот что

за смысл был в столь разительной перемене декораций? На деле первый и второй романы связаны друг с другом куда сильнее, чем можно предположить с первого взгляда, — но поймем мы это только в «Лучезарном». А пока — читатель получает мощный удар под дых в середине «Заложников» и ближе к концу романа начинает подозревать, что сюжет вышел на столбовую дорожку...

Вот тут надо вспомнить об одной интересной детали. Романы «Рубин Карашэхра» и «Заложники света» увидели свет один за другим почти три года назад. Причем первая книга к концу 2004 года получила уже несколько наград: денежную премию «Иван Калита», второе место на российском конвенте «Басткон», премию «Меч Без Имени» от «Издательства АЛЬФА-КНИГА» за лучший дебютный роман года и «Серебряный кадуцей» на международном фестивале фантастики «Звездный мост».

Третья книга трилогии, «Лучезарный», далась создателям, по их словам, нелегко. Она была закончена только зимой 2006-го. За время работы над финальным романом соавторы успели выпустить роман «Киндрэт», два раза пересечь Атлантику и стать лауреатами престижного петербургского конгресса фантастов России «Странник» как авторы лучшей книги в жанре городского фэнтези начала нового тысячелетия (2000 — 2005 гг.).

Два года, по современным меркам, для писателя-фантаста — немалый срок. Многие из вас наверняка успели, прочитав первые книги, составить свое впечатление о творчестве дуэта. Однако мнение это может разительно перемениться именно теперь. Трилогия, которую вы держите в руках, — одна из немногих мне известных, где заключительная часть настолько важна. Как без центрального камня рушится свод, так и без «Лучезарного» теряется львиная доля достоинств «Рубина» и «Заложников». Третий роман станет страницами неожиданных откровений и удивительных открытий. Самые смелые предположения померкнут в свете распахнутой перед вами действительности. Вы непременно поразитесь мастерству соавторов, сумевших создать настолько объемную и крепко спаянную вселенную. А уже потом, если будет желание, — сможете вернуться к этим строкам.

СВОБОДА И ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В 1977 году британская рок-группа Pink Floyd выпустила альбом под названием Animals («Животные»), идейное содержание которого во многом было навеяно книгой Джорджа Оруэлла «Скотный двор».

Тогдашний лидер «Пинков» Роджер Уотерс считал, что все люди делятся на жестоких хищников-собак, изворотливых и лицемерных свиней и бесправных эксплуатируемых овец. Это разделение можно примерить и на вселенную трилогии «Рубин Карашэхра».

Демоны — это, разумеется, собаки. Они грызутся между собой, всегда готовы вонзить нож в спину, бесконечно одиноки и считают всех прочих лишь инструментами для достижения личного благополучия. «В борьбе за власть нет никаких правил», — замечает Буллфер.

Сравнение ангелов со свиньями не настолько очевидно. Но если отрешиться от того, что крылатые вестники традиционно олицетворяют абстрактное добро, становится ясно: у этих двух образов много общего. Ангелы мало интересуются происходящим в срединных землях и закоснели в собственных стереотипах и предрассудках. Не нуждаясь во внешних источниках силы, они медленно, но верно скатываются к самовлюбленности. А наиболее совершенные из ангелов, тетраимы, могут походя испепелить пару небольших миров — и даже не заметить этого. Наиболее ярко «свинская» сущность ангелов проявляется в сцене изгнания Лучезарного и его товарищей. И даже генерал «Белых щитов» выговаривает Энджи: «Вам нет до нас никакого дела, вы не желаете правосудия, вы заняты собой».

Ну а людям достается незавидная роль овец. Следуя за вожаком, они могут переметнуться от одних хозяев к другим (как это случилось с воинами Белого Города), но в любом случае их рано или поздно ждет стальная погибель.

Не согласны с такой примитивной и упрощенной моделью?! Правильно делаете. Если бы авторы хотели донести до нас столь нехитрую мысль, их книга вышла бы совсем другой. Ведь в центре внимания Бычковой и Турчаниновой — те, кто не желает вписываться в общие рамки. Нарушители законов и сотрясатели основ. Читать — да и писать — о таких куда как интереснее, чем в очередной раз наведываться на «Скотный двор».

Главными героями трилогии движет постоянное стремление измениться, стать кем-то — или чем-то — новым. И вовсе не обязательно это движение к лучшему, ведь «лучше» или «хуже» зависит от точки отсчета. А она у каждого персонажа и у каждого читателя — своя.

Эмил никогда не поймет Арэлл и наоборот, несмотря на всю похожесть этих двух действующих лиц. Подземной кошке Хул ни за что не постичь, в чем благо для того, с чем (кем?) она связала жизнь — легендарного разумного оружия, Карашэхра; и это стано-

вится причиной ее краха. Демон Буллфер не может себе представить, в чем ценность истинного совершенства, и не подозревает о перевоплощении. И даже Гэллинджер с Энджи — те, кто меняться не особенно-то хотели, — не могут оставаться прежними.

Книга на разные лады моделирует ситуации, логическим итогом которых становится вывод — тот, кто не умеет встать на точку зрения другого существа, не может ни выиграть у него, ни с ним сосуществовать, ни помочь ему.

Слои, из которых состоит роман, можно снимать один за другим долго. Вот, например, иллюстрация, как горько приходится расплачиваться тем, кто делает вид, что исправил ошибку — просто убрав ее из поля своего зрения. Или построение ситуации, которая приводит читателя к выводу, что зло заключается не только в откровенной жестокости, но и в страхе. За себя, за других, даже за целые миры — неважно: страх не позволяет совершить правильный поступок.

Кстати, именно в отношении к страху ангелы сами делятся на два, как минимум, лагеря. Тех, для кого основа мироощущения — чувство сострадания. И тех, кто находится настолько далеко от представления об этических нормах, естественных для людей, что судит обо всем совершенно по другому критерию. По порочному, с нашей точки зрения, то есть живого страдающего существа, мерилу — концу, который всегда предопределен.

И здесь авторы вновь дают читателям возможность самостоятельно определить, какой из двух «лагерей» более прав.

Тетраимы, существа Огненного мира, обладают предвидением, поскольку для них все времена слиты в единое. В их системе мира нет настоящего, прошлого и будущего. Они знают одновременно все, что было, есть и будет. Они становятся настолько строгими судьями именно потому, что видят, в какую «бабочку» вылупится гусеница. Но от этого всезнания рождается то, что мы, люди, называем равнодушием. Бесконечность чужих мучений является для тетраимов лишь секундой в существовании.

Остальные ангелы, напротив, не видят грядущего. Они пытаются сделать то, что считают максимально правильным, но — поскольку находятся в неведении — не всегда могут отвечать за последствия.

Постоянная неоднозначность, показ с разных сторон одного и того же понятия — еще одна изюминка книги. Нет, мир не встанет с ног на голову. Зло не смешается с добром и не поменяется местами. Но результат попытки показать, по какую сторону от «блага» и

«лиха» может оказаться несведущий в своем стремлении выйти за грань возможного, — в какой-то момент заворожит вас.

Центральные персонажи трилогии проходят в своем развитии все возможные ступени. Но в каждой своей ипостаси они не в состоянии остановиться на достигнутом. Буллфер затевает ритуал Бесценной награды, рассчитывая получить недоступное даже Высшему демону могущество. Атэр, «сколько себя помнил, всегда хотел получить больше, чем было возможно», — на протяжении второй и третьей книг юношу кидает из одной крайности в другую. То же стремление и в других героях. Вот Эмил, трагически желающий стать «демоном среди людей», перерасти себя самого. И пусть для этого имеются все основания в виде толики демонской крови — ученик Буллфера получает куда больше одиночества, нежели могущества. Вот Арэлл, остро, до безумия одержимая ощущением своей ангельской сути. Да, в конце концов она достигнет желаемого — но потерпит фиаско как человек. Эти персонажи не вписываются в общество, принося окружающим куда больше горя, чем радости. Сверхъестественное разрывает смертную оболочку, в тяжелых муках рождается надчеловеческое.

Если хочешь стать чем-то большим, придется убить в себе то, чем ты был. Это необходимое условие, но не обязательно достаточное— в чем не раз приходится убедиться героям трилогии.

Тема судьбы, предназначения, свободного выбора на первый взгляд далеко не центральная в книге. Однако нельзя забывать, что перед нами не просто фэнтези, а фэнтези с путешествиями во времени, открывающее простор для всякого рода хронопарадоксов.

Как зависит будущее от наших действий в прошлом? — это главный вопрос классической хроноопперы, от «И грянул гром» Рэя Брэдбери до «Хронокосмоса» Алана Стила. По большому счету, подобная дилемма не стоит перед путешественниками во времени трилогии— Гэлом и Энджи. Ведь они так и не возвращаются в свое настоящее, подобно контрамотам из романа братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», проживая несколько последовательно углубляющихся в прошлое временных отрезков. Но подстраховаться все равно не мешает. И пусть исход известен заранее — устроить все так, чтобы исход этот оказался именно таким, какой должен, не менее интересно, чем пытаться предугадать развитие событий, отталкиваясь от изначального состояния. Осознав, что провалились в прошлое, ангел и демон тщательно настраивают его так, чтобы в будущем все пошло «как надо».

Отдали авторы дань и концепции «ветвящейся» действительности: каждый наш выбор открывает новую вероятностную линию, и в громадном временном континууме одномоментно существуют все возможные варианты действительности. «Я свободна. Я сама выбираю, как жить», — понимает Арэлл. «Время — это нечто необъяснимое и безумное, — подытоживает Гэлинджер. — Понять его невозможно, так что лучше и не пытаться». Но последний вывод не мешает героям жить во времени и даже оказывать немалое влияние на казалось бы предустановленный ход событий.

БЕЗГРАНИЧНОСТЬ ВСЕЛЕННОЙ

Личностный рост невозможен, если не знаешь, куда расти. Иначе окажешься в положении, в котором очутились многие основные персонажи трилогии: есть сила, есть возможность что-то сделать — но что именно?! «Мир куда обширнее и сложнее, чем мы привыкли считать» — так говорит Эмил своей демонической возлюбленной Хул. Почти то же самое объясняет верховный турвон демону-правителю Некросу. И это не пустые слова — вселенная «Рубина Карашэхра» в самом деле непредставимо велика.

Логика построения текста безупречна и оригинальна. Однако понять всю необычность замысла до конца суждено лишь тем, кто дочитает книгу. Только в последний момент мир раскроет весь свой объем и заиграет неизмеримым количеством граней.

Хороша книга и еще одним качеством. Являясь ярко приключенческой, она не требует «зарываться» в глубину и что-то особое осмысливать. Сюжет ведет за собой, не требуя дополнительных усилий. Правда, предупрежу заранее — такие читатели получат удовольствие, но лишь проскользят по поверхности. Те, кому нравится думать и разгадывать головоломки, могут найти в тексте и второе, и третье «дно». Жить в этой вселенной можно непрерывно, и интеллектуальная игра вероятностного развития событий будет беспредельна.

Не стану скрывать: далеко не каждый описанный авторами элемент мира уложится в конце концов в сюжетную мозаику, далеко не каждое повешенное на стенку ружье в итоге выстрелит. Псы, охотящиеся на демонов, болотница, наги, птицы-гаруды, разномастные древние боги, кайманы... Конечно, рассказ обо всем этом можно счесть проходными эпизодами, списать на сильно растянутое во времени создание трилогии. Но вместе с тем именно эти детали создают масштабную картину бесконечно разнообразного мира. Все-

ленной, созданной Лучезарным из множества несоединимых реальностей. Каждый из исходных «кирпичиков» строен и гармоничен сам по себе, но именно синтез несовместимого дает миру главное его достоинство — независимость от демиурга, возможность развиваться по новым законам. В этом — еще одно проявление темы качественного роста, изменения, только уже в глобальном масштабе.

Лучезарный становится демиургом мира, какой еще никто никогда не создавал, и фактически претендует на роль бога. Не такого, как Ямэл или Вентиго, — а бога-творца, способного подарить свободную волю своему созданию. И — величайшая ирония судьбы! — после того, как создан обладающий свободной волей мир, ему больше не нужен творец. Попытка Лучезарного и его соратников вписаться в сотворенную реальность приводит к катастрофическим последствиям — появлению демонов, раздирающих ткань срединного мира. И мне почему-то кажется, что авторы книг — любой, не только этой,— оказываются по отношению к своему детищу в точно такой же ситуации. Законченное произведение отделяется от творца и начинает собственную жизнь. Всякий обитатель новорожденного мира привносит в него свое понимание, подобно тому как каждый читатель отыскивает в книге нечто личное, далеко не всегда именно то, что стремился выразить автор. Я увидел в «Рубине Карашэхра» одно, вы — разглядите что-то совсем другое. Ведь главное свойство хорошей литературы — затрагивать в душе читателя именно то, что действительно важно для него здесь и сейчас.

Одну из таких книг вы и держите в руках.

ТИМОФЕЙ ПЕТРОВ

СОДЕРЖАНИЕ

РУБИН КАРАШЭХРА 7
ЗАЛОЖНИКИ СВЕТА 331
ЛУЧЕЗАРНЫЙ 655
Тимофей Петров. За пределами возможного 983

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
http://www.armada.ru

Литературно-художественное издание

Елена Александровна Бычкова,
Наталья Владимировна Турчанинова
РУБИН КАРАШЭХРА
Трилогия

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Т. А. Стельмах

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Ершова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожиной

Подписано в печать 18.01.12. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 62,00. Доп. тираж 4000 экз.
Изд. № 6358. Заказ №4205009

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в филиале «НИЖПОЛИГРАФ»,
ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г.Нижний Новгород, ГСП -123, ул. Варварская, 32.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Алексей ПЕХОВ,
Елена БЫЧКОВА,
Наталья ТУРЧАНИНОВА

ШАНС

Что бывает, когда в горах видишь белого тигра, а охотник за головами выходит за порог в самую длинную ночь в году? Почему танцуют скелеты на кладбищах и чем грозит гнев духов во время праздника? Стоит ли любовь жизни русалки? Надо ли общаться с незваным гостем из другого мира, поселившимся в твоей квартире? Почему горит синее пламя и как не упустить свой шанс?

Ищите ответы на эти вопросы в сборнике рассказов «Шанс», где авторы знакомят читателей с новыми историями по полюбившимся вселенным Киндрэт и Мантикоры, а также приоткрывают дверь в совершенно иные миры.

КАРТА ДЕМОНИЧЕСКИХ
МОРЕ ЕВГРАН
ШТОРМОВОЕ МОРЕ
ИЛКАСТА (Каракалл)
р. Рир
ЭСКАРНА
НУМИДИЯ
о. Эарон
ГАЭТА (Савр)
ЭБИССИНИЯ
горы Виверн
НИТ (Золтон)
р. Нит
Барс
Мен-Нофер
МОРЕ ЭЛЬ-РИЯР
горы Мергарэлл
ПЛАТО ЮЖНОЕ
ОГНЕННОЕ МОРЕ

мперий
о.Рохт
ТУМАННЫЙ ПРОЛИВ
Иллинея
(Евгран)
ПЛАТО СЕВЕРНОЕ
Рудные горы
ная анкона
р. Лигис
горы Элк
р. Северная
оз. Анфии
р. Эа
Балтис
ЗЕМЛЯ
БЕЗВОДЬЯ
мперия
ос)
Рэйм
Септонис
ЭЛЛИДА
(Друзлт)
мирта
МОРЕ
ГИДР

Такие, как я, рождаются раз в тысячелетие.

Поэтому неудивительно, что Хозяин сделал меня первым доверенным лицом, секретарем и нянькой в придачу. Знать бы, чем это закончится, — сидел бы я в самой глухой дыре Хаоса не высовываясь. Но, к несчастью, видеть будущее — не в числе моих достоинств. Так что все удары судьбы пришлось ощутить на собственной шкуре...

Роман «Рубин Карашэхра» получил четыре литературные премии и стал одним из фантастических открытий 2004 года.

ISBN 978-5-9922-0124-6